

**НЮРНБЕРГСКИЙ
ПРОЦЕСС**

ИЗВЕЩАНИЕ

О РАБОТАХ

НА 1911 ГОД

В

УЧЕБНО-НАУЧНОМ

ЗАВЕДЕНИИ

ИЗДАНИЕ

ВТОРОЕ

С ПЕРЕРАБОТКОЙ

И ДОПОЛНЕНИЯМИ

ПО РАБОТАМ

НА 1912 ГОД

В

УЧЕБНО-НАУЧНОМ

ЗАВЕДЕНИИ

ИЗДАНИЕ

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

НАД ГЛАВНЫМИ
НЕМЕЦКИМИ
ВОЕННЫМИ
ПРЕСТУПНИКАМИ

Сборник материалов

В СЕМИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Р.А. РУДЕНКО

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1960

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ
V

ДОПРОСЫ ПОДСУДИМЫХ
И
РЕЧИ АДВОКАТОВ

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1960

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Т о м V

Составители

*Г. Н. Александров, А. Ф. Волчков,
Д. С. Карев, М. Ю. Рагинский*

Редакторы

И. Т. Никитченко, А. И. Полторац

Редакторы издательства *Г. К. Большакова, Е. Я. Лялина*
Художник-оформитель *Ю. М. Сигов*
Художественный редактор *Ю. В. Алексеев*
Технический редактор *А. Н. Макарова*
Корректоры *Н. Н. Прокофьева, Л. И. Ушанова*

Сдано в набор 19/IX 1959 г. Подписано в печать 13/1 1960 г. Формат бумаги 60×92^{1/16}
Объем: физ. печ. л. 55,88 (в том числе вклейки), условн. печ. л. 55,88, учетно-изд. л. 58,72.
Тираж 46 000. А-00708. Цена 14 р. Заказ № 756

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем V томе Сборника «Нюрнбергский процесс» публикуются стенограммы допросов подсудимых и речей их защитников¹.

В соответствии с положениями Устава Международного Военного Трибунала суд предоставил подсудимым широкую возможность осуществлять право на защиту лично и при помощи адвокатов, давать объяснения по поводу выдвинутых против них обвинений, представлять суду документы и другие доказательства, ходатайствовать о вызове свидетелей и участвовать в допросе их, обращаться к суду с последним словом.

На вопрос суда о виновности в предъявленных обвинениях все подсудимые ответили отрицательно.

В ходе процесса, не решаясь открыто защищать фашистскую чело­веконена­вистническую идеологию, подсудимые трусливо отри­кались от совершенных ими злодеяний. Они и их защитники пытались голословно отрицать очевидные и бесспорные факты, а когда под тяжестью неоспоримых доказательств вынуждены были признавать их, пытались переложить ответственность за совершенные преступления на отсутствовавших на скамье подсудимых Гитлера, Гимmlера, Геббельса, Бормана и других.

Защитники, среди которых имелись и фашиствующие псевдо­ученые, полностью солидаризировались с позицией своих под­защитных, пытались выгородить подсудимых и отвести от них меч правосудия, прибегая при этом ко всякого рода ухищре­ниям, извращению фактов.

Основная линия защиты сводилась к тому, чтобы поставить под сомнение юрисдикцию Международного Военного Трибу­нала, то есть его право судить и наказывать главных немецких военных преступников, развязавших агрессивные войны и

¹ Стенограммы допросов подсудимых и речей адвокатов, с учетом объема настоящего сборника и во избежание повторений, публикуются в сокращенном виде.

Подсудимые Гесс и Фрик от дачи показаний на суде отказались. — Составители.

истребивших миллионы и миллионы ни в чем не повинных людей.

Право Трибунала судить главных немецких военных преступников вытекало из акта безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии перед союзными державами антигитлеровской коалиции, которые, осуществляя верховную власть на оккупированной ими территории, несомненно, вправе были создавать специальные трибуналы для рассмотрения дел о военных преступниках.

Ссылки адвокатов на то, что ни одно из довоенных международных соглашений не предусматривало учреждение судов и не устанавливало санкций за нарушение этих соглашений или совершение иных преступлений, расходятся с истиной.

Так, Версальский договор предусматривал создание специального трибунала, состоящего из представителей пяти союзных и присоединившихся к ним держав для суда над бывшим императором Германии за грубейшие нарушения международных договоров. Германское правительство в то время признало право союзных держав судить и наказывать обвиняемых в совершении этих преступлений.

Защитники пытались оспаривать правомерность Устава Трибунала, особенно в той его части, где говорится о преступности агрессивной войны, пытались доказать, что нельзя возлагать ответственность за подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны на отдельных лиц.

Адвокаты утверждали, что Устав Трибунала якобы игнорирует известный правовой принцип «Nullum crimen sine Lege»¹, что принявшие Устав державы отступили от общепризнанного правового принципа, создали закон, придав ему обратную силу.

Международный Военный Трибунал решительно отверг эти доводы адвокатов и отметил, что подсудимые, занимая руководящие посты в гитлеровской Германии, должны были знать, что в договорах, подписанных Германией, война как средство урегулирования международных споров объявлялась вне закона. В Парижском договоре (пакт Бриана-Келлога), подписанном 27 августа 1928 г., в том числе и Германией, говорилось об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Участники пакта, связавшего к 1939 году обязательствами 63 страны, от имени своих народов торжественно объявляли, что они «осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и отказываются от нее как инструмента национальной политики в своих отношениях друг с другом» и договариваются о том, что «урегулирование или разрешение всех споров

или конфликтов, какого бы характера или происхождения они ни были, которые могут возникнуть между ними, должны осуществляться только мирными средствами».

Трибунал признал, что торжественный отказ от войны как инструмента национальной политики с необходимостью предполагает, что в соответствии с международным правом агрессивная война является незаконной и те, кто планируют и подготавливают ее, совершают преступление.

Такое толкование Трибуналом пакта Бриана—Келлога подкрепляется всей историей предшествовавших этому пакту международных отношений.

Еще в 1923 году третья Ассамблея Лиги Наций единодушно одобрила проект договора о взаимопомощи, подписанный представителями 29 государств. «Высокие договаривающиеся стороны, — гласит статья 1 договора, — торжественно объявляют, что агрессивная война является международным преступлением».

Женевский протокол о мирном урегулировании международных споров от 2 октября 1924 г., одобренный пятой Ассамблеей Лиги Наций, признает, что «агрессивная война... является международным преступлением». В тексте протокола указывается, что он отразил твердое мнение большинства наций мира о преступности войны. Было высказано пожелание «об обеспечении проведения борьбы с совершением международных преступлений». Этот протокол был подписан представителями большинства государств мира.

24 сентября 1927 г. восьмая Ассамблея Лиги Наций при участии Германии приняла декларацию, в которой содержится торжественное отречение от агрессивной войны и выражается уверенность в том, что «агрессивная война никогда не может служить методом урегулирования споров между государствами» и вследствие этого она является международным преступлением.

В единогласно принятой 18 февраля 1928 г. на 6-й Гаванской конференции представителей 21 американской страны резолюции заявлялось, что «агрессивная война является международным преступлением против рода человеческого» и «всякая агрессия считается незаконной и как таковая запрещается».

Необходимо также подчеркнуть, что в ходе второй мировой войны союзные державы антигитлеровской коалиции неоднократно предупреждали страны гитлеровского блока об ответственности их руководителей за агрессию и военные преступления.

Наконец, серьезные предупреждения правительству гитлеровской Германии и командованию германской армии были

¹ Нет преступления, не указанного в законе. — Составители.

сделаны в Московской декларации «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», опубликованной 2 ноября 1943 г.

В свете изложенного утверждения защитников о том, что агрессия никогда не рассматривалась в международном праве как преступление и что Устав Трибунала объявил преступными действия, которые до того не признавались таковыми, могли появиться лишь в результате недобросовестного обращения адвокатов с фактами.

В ряде случаев защитники подсудимых не отрицали определенного значения довоенных соглашений и деклараций о борьбе с агрессией, но вместе с тем заявляли, что эти соглашения якобы устарели, утратили свою силу. При этом они ссылались на тот факт, что, несмотря на существование пакта Бриана—Келлога, агрессивные войны продолжали иметь место, что, по их мнению, якобы свело к нулю его юридическое значение. Нет необходимости доказывать всю несостоятельность подобной аргументации. Ясно, что никакое нарушение закона не может служить свидетельством утраты силы этого закона. Никто, вероятно, не будет сомневаться в огромном значении положений Устава ООН о борьбе с агрессией лишь на том основании, что эти положения нарушаются.

В течение многих десятилетий заинтересованные в укреплении мира народы выдвигали и поддерживали идею борьбы с агрессивной войной, являющейся тягчайшим международным преступлением. Требования народов нашли свое выражение в ряде актов и документов, официально признающих агрессию незаконной и квалифицирующих ее как международное преступление.

Давно провозглашенный принцип уголовной ответственности за агрессию нашел четкое правовое воплощение в Уставе Международного Военного Трибунала.

Попытки защитников подсудимых оспорить признание агрессии международным преступлением оказались безуспешными. Трибунал осудил гитлеровских военных преступников и одновременно признал, что «развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что оно содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных».

Важнейшим свидетельством того, что правовые принципы Нюрнбергского приговора об ответственности за агрессию выражают интересы народов, является подтверждение их 11 декабря 1946 г. Организацией Объединенных Наций, кото-

рая признала кодификацию этих принципов первостепенной задачей.

Некоторые адвокаты, ссылаясь на так называемую «доктрину государственного акта», заявляли, что международное право запрещает одному государству возлагать индивидуальную ответственность на гражданина другого государства за действия, совершенные им в порядке осуществления государственного акта, хотя бы эти действия противоречили международному праву и являлись явно преступными. По существу подобные рассуждения адвокатов сводились к тому, что нельзя судить физических лиц ни за агрессию, ни за военные преступления, что можно судить только государство, но так как государство посадить на скамью подсудимых невозможно, то вообще судить некого.

Трибунал решительно отверг эту «доктрину» безответственности представителей государства за совершенные ими преступления, превращающую международное право в мертвую букву, указав, что международное право налагает обязанность и ответственность не только на государство, но и на физических лиц, действующих от имени государства. В этом отношении и Устав, и приговор Международного Военного Трибунала, осуществив принцип индивидуальной ответственности представителей государства за совершенные ими преступления против мира и нарушения законов и обычаев войны, внесли ценный вклад в международное право.

Защита подсудимых затратила немало усилий, пытаясь доказать, что если действие, хотя бы и преступное, совершено по распоряжению правительства или по приказу начальника, то это освобождает исполнителя от ответственности за него. При этом умалчивалось об общепризнанном положении о том, что подстрекательство к убийству или совершение убийства в нарушение международного права и правил ведения войны никогда не оправдывались.

В качестве примера можно привести рассматривавшееся немецким судом в Лейпциге в июне 1926 года дело одного из военных преступников первой мировой войны офицера Дитмара, торпедировавшего по приказу командира подводной лодки английское госпитальное судно и стрелявшего по спасательным шлюпкам. Суд признал, что приказ начальника не освобождает подчиненного от уголовной ответственности за совершенное преступление.

В германский военно-уголовный кодекс 1872 года была внесена 15 октября 1940 г. поправка (§ 71), которая установила, что как лицо, отдавшее приказ, так и лицо, выполнившее его, несут уголовную ответственность, если приказ предписывает

совершение «гражданского или военного преступления, или нарушение закона».

Многочисленные приказы гитлеровского правительства и военных властей предписывали совершение таких действий, которые явно и несомненно для всех и каждого являлись величайшими преступлениями и вопиющим нарушением международного права.

Гитлеровцы, разрушавшие и поджигавшие мирные города и селения, расстреливавшие мирных граждан, загонявшие женщин, стариков и детей в газовые камеры, печи крематориев и пылающие дома, не могли не знать, что они делают бесчеловечное и преступное дело, грубо попирают элементарные нормы международного права, правила и обычаи ведения войны.

Вопреки положениям Гаагской Конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, адвокаты пытались доказать, что будто бы существуют юридические основания, оправдывающие применение рабского труда на оккупированной территории и угон населения с оккупированных территорий в Германию.

Массовые убийства советских военнопленных и издевательства над ними адвокаты пытались объяснить тем, что правовые принципы Женевских Конвенций якобы не распространяются на советских военнопленных, поскольку Советский Союз не присоединился к ним. Однако защита умышленно умалчивала о том, что 25 августа 1931 г. СССР присоединился к Женевской Конвенции 1929 года «Об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях» и установил уголовную ответственность за нарушение положений данной Конвенции.

27 апреля 1942 г. в циркулярной ноте Народного комиссариата иностранных дел содержалось заявление о том, что «немецкие фашисты совершают чудовищные преступления и игнорируют все законы и обычаи войны в отношении советских военнопленных. Несмотря на все это, Советское правительство, верное принципам гуманности и уважения к своим международным обязательствам, не намерено даже в данных обстоятельствах применять репрессивные меры в отношении германских военнопленных и по-прежнему придерживается обязательств, принятых на себя Советским Союзом по вопросу о режиме военнопленных по Гаагской Конвенции 1907 года, подписанной также, но столь вероломно нарушаемой во всех пунктах Германией».

Некоторые адвокаты, игнорируя доказательства, пытались голословно утверждать, что Германия якобы вела против Советского Союза «превентивную войну».

Представленные Трибуналу доказательства — план нападения на Советский Союз, известный под условным обозначением «Барбаросса» (начатый разработкой еще в июле 1940 года

и утвержденный Гитлером 18 декабря 1940 г.), показания ряда свидетелей: бывшего фельдмаршала германской армии Паулюса, бывшего начальника оперативного отдела штаба верховного главнокомандования генерала Варлимонта, генерал-лейтенанта германской армии Мюллера и других — с несомненностью устанавливают, что еще задолго до 22 июня 1941 г. гитлеровское правительство и верховное командование вооруженных сил планировали нападение на Советский Союз с целью захвата и колонизации его территорий.

Голословная и лживая версия адвокатов о «превентивной войне» также была отвергнута Трибуналом. «Невозможно поверить, — говорится в приговоре, — что эта точка зрения когда-либо являлась искренним убеждением». Трибунал установил, что в нарушение пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР в 1939 году, фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз «без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия».

Тщательно рассмотрев и проверив представленные обвинения и защитой доказательства, подробно допросив подсудимых и свидетелей, заслушав речи обвинителей, а также защитников, Суд решительно отверг все попытки адвокатов поколебать правовые основы Трибунала и провозглашенные Уставом принципы международного правосудия и вынес военным преступникам приговор, с удовлетворением воспринятый всем прогрессивным человечеством.

ДОПРОСЫ ПОДСУДИМЫХ

ДОПРОС ГЕРИНГА

[Стенограмма заседаний Международного Военного
Трибунала от 18, 21 и 22 марта 1946 г.]

*Джексон*¹: Возможно, вы осознаете то, что вы единственный оставшийся в живых человек, который может полностью рассказать нам о действительных целях нацистской партии и о работе руководства внутри партии?

Геринг: Да, я это ясно сознаю.

Джексон: Вы с самого начала вместе с теми, которые сотрудничали с вами, намеревались свергнуть и затем действительно свергли Веймарскую республику?

Геринг: Что касается лично меня, то это было моим твердым решением.

Джексон: А придя к власти, вы немедленно уничтожили парламентарное правительство в Германии?

Геринг: Оно больше нам не нужно было.

Джексон: После того как вы пришли к власти, вы, для того чтобы удержать власть, запретили все оппозиционные партии?

Геринг: Мы считали необходимым не допускать в дальнейшем существования оппозиций.

Джексон: Вы также проповедовали теорию о том, что вам следует уничтожать всех лиц, оппозиционно настроенных по отношению к нацистской партии, чтобы они не могли создать оппозиционной партии?

Геринг: Поскольку оппозиция в какой-либо форме серьезно препятствовала нашей работе, само собой разумеется, оппозиционность этих лиц не могла быть терпима.

Джексон: Вы сказали нам о том, как вы и другие сотрудничали для того, чтобы сосредоточить всю власть в германском государстве в руках фюрера, не так ли?

Геринг: Я говорил только о своей работе в этом направлении.

¹ Роберт Х. Джексон — Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе. — Составители.

Джексон: Имеется ли здесь на скамье подсудимых кто-нибудь, кто бы не сотрудничал с вами для достижения этой цели, по мере возможности?

Геринг: Ясно, что никто из сидящих здесь подсудимых вначале не мог быть в оппозиции к фюреру. Но я хотел бы сказать, что всегда нужно различать определенные периоды. Те вопросы, которые мне ставят, имеют весьма общий характер и касаются целого периода, который охватывает 24—25 лет.

Джексон: Я хочу обратить внимание на плоды этой системы. Насколько я вас понял, в 1940 году вы были информированы о том, что германская армия готовится напасть на Советскую Россию?

Геринг: Да, я говорил об этом.

Джексон: Вы считали, что в таком пападении нет необходимости, что оно будет неразумным с точки зрения Германии?

Геринг: В тот момент я считал необходимым отложить его с тем, чтобы выполнить задачи более важные, с моей точки зрения.

Джексон: Как известно, германский народ был втянут в войну против Советского Союза. Вы были за этот шаг?

Геринг: Германский народ узнал об объявлении войны с Россией только тогда, когда война началась. Германский народ не имеет ничего общего со всем этим делом. Его не спрашивали ни о чем. Он только узнал о фактическом положении вещей и о той необходимости, которая привела к этому.

Джексон: Когда вы поняли, что война, с точки зрения той цели, которую вы преследовали, была проиграна?

Геринг: На это чрезвычайно трудно ответить. Во всяком случае, по моему убеждению, относительно поздно, то есть я имею в виду, что убеждение, что война проиграна, создалось у меня значительно позже. До этого я все еще думал и надеялся, что война кончится вничью.

Джексон: Далее, описывая приход партии к власти, вы опустили некоторые вещи, в частности пожар рейхстага 27 февраля 1933 г. После этого пожара — не так ли? — была большая чистка, во время которой многие были арестованы и многие — убиты.

Геринг: Мне не известно ни одного случая, чтобы хоть один человек был убит из-за пожара в здании рейхстага, кроме осужденного имперским судом действительного поджигателя ван дер Люббе. Двое других подсудимых были оправданы. По ошибке, как мы думаем, был привлечен к суду не г-н Тельман, а депутат от коммунистов Торглер. Его оправдали, так же как и болгарина Димитрова.

В связи с пожаром рейхстага арестов было произведено относительно мало. Аресты, которые вы относите за счет по-

жара рейхстага, в действительности были направлены против коммунистических деятелей. Я часто об этом говорил и подчеркиваю еще раз, что аресты производились совершенно независимо от этого пожара. Пожар только ускорил их арест, сорвал так тщательно подготавливавшееся мероприятие, благодаря чему ряду функционеров удалось вовремя скрыться.

Джексон: Другими словами, у вас уже до пожара рейхстага были готовы списки коммунистов для последующих арестов, не так ли?

Геринг: У нас были списки коммунистических деятелей, подлежащих аресту. Эти списки были составлены совершенно независимо от пожара германского рейхстага.

Джексон: Вы и фюрер встретились во время пожара, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: И здесь же на месте вы решили арестовать всех коммунистов, которые значились в составленных списках?

Геринг: Я еще раз подчеркиваю, что решение об этих арестах было принято задолго до этого. Однако распоряжение о выполнении этого решения и о немедленном аресте последовало в эту ночь. Мне было бы выгодней подождать несколько дней, как было предусмотрено, и тогда от меня не ускользнули бы несколько важных партийных руководителей.

Джексон: На следующее утро президенту фон Гинденбургу был представлен проект закона об изменениях конституции, о которых мы говорили здесь, не так ли?

Геринг: Думаю, что да.

Джексон: Кто был Карл Эрнст?

Геринг: Я не знаю, было ли его имя Карл, но знаю, что Эрнст был руководителем СА в Берлине.

Джексон: Кто такой Хелльдорф?

Геринг: Хелльдорф позднее стал руководителем СА в Берлине.

Джексон: А кто такой Хейнес?

Геринг: Хейнес был в это время начальником СА в Силезии.

Джексон: Вам известно — не так ли? — что Эрнст сделал заявление, признавшись, что указанные лица втроем подожгли рейхстаг и что вы и Геббельс планировали этот поджог и предоставили им воспламеняющиеся вещества — жидкий фосфор и керосин, — которые положили для них в подземный ход, ведущий из вашего дома в здание рейхстага. Вам известно о таком заявлении, не так ли?

Геринг: Я не знаю ни о каком заявлении руководителя СА Эрнста, но я знаю роман шофера господина Рема, вышедший

вскоре после этого и опубликованный в иностранной прессе после 1934 года.

Джексон: Но из вашего дома в рейхстаг вел специальный ход. Не правда ли?

Геринг: С одной стороны улицы стоит здание рейхстага, напротив — дворец имперского президента. Между обоими зданиями имеется ход, по которому доставлялся кокс для центрального отопления.

Джексон: Вы когда-нибудь хвастались тем, что подожгли здание рейхстага, хотя бы в шутку?

Геринг: Нет. Я употребил только одну шутку, если вы подразумеваете именно это, сказав однажды, что я конкурирую с императором Нероном...

Джексон: Значит, вы никогда не заявляли, что подожгли здание рейхстага?

Геринг: Нет. Я знаю, что господин Раушнинг в своей книге, которая здесь неоднократно цитировалась, писал, что будто бы я беседовал с ним об этом. Я господина Раушнинга видел в своей жизни два раза, и то мимоходом. Если бы я поджег рейхстаг, я бы признался в этом только в очень узком кругу лиц, если бы я вообще собирался кому-нибудь говорить об этом. Однако человеку, которого я совершенно не знал и даже не могу сказать, как он выглядит, я не мог бы этого сказать.

Джексон: Вы помните завтрак в день рождения Гитлера в 1942 году? Это было в ставке фюрера в Восточной Пруссии, в офицерском клубе. Это был офицерский завтрак?

Геринг: Нет.

Джексон: Вы не помните этого? Я попрошу, чтобы вам показали письменное показание генерала Франца Гальдера. Я обращаю ваше внимание на его заявление, которое может освежит вашу память. Я читаю:

«За общим завтраком в день рождения фюрера в 1942 году люди кругом разговаривали относительно здания рейхстага и его художественной ценности. Я слышал собственными ушами, как Геринг вмешался в разговор и крикнул: «Единственный человек, который действительно знает рейхстаг, — это я, потому что я поджег его!». Сказав это, он похлопал себя по ляжке».

Геринг: Этого разговора вообще не было. И я попрошу очной ставки с Гальдером...

Джексон: Вы знаете, кто такой Гальдер?

Геринг: Да, достаточно хорошо.

Джексон: Можете вы нам сказать, какой пост он занимал в германской армии?

Геринг: Он был начальником штаба сухопутных войск. Когда началась война, я постоянно указывал фюреру, что он

должен взять себе такого начальника штаба, который что-то понимает в военных делах.

Джексон: Спрашивали ли вас и давали ли вы такой ответ американскому следователю в октябре 1945 года относительно Шахта: «Он предложил мне стать уполномоченным по вопросам иностранной валюты и военных материалов. Он полагал, что на таком посту я смогу оказать необходимую поддержку министру экономики и рейхсбанку». Давали ли вы ответ и правильна ли эта информация?

Геринг: Повторите, пожалуйста, еще раз.

Джексон: В протоколе говорится, что относительно Шахта вы сказали: он сделал предложение о том, чтобы я стал уполномоченным по вопросам военных материалов и иностранной валюты. Он полагал, что таким образом я смогу оказать министру экономики, а также президенту рейхсбанка необходимую поддержку.

Геринг: Это абсолютно верно.

Джексон (читает): «Больше того, он был очень откровенен по поводу предложения, сделанного им и Бломбергом, о том, чтобы я был назначен уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана. Однако Шахт считал, что я недостаточно сведущ в области экономики и что он сможет с легкостью прятаться за моей спиной».

Геринг: Об этом недавно я совершенно четко говорил.

Джексон: С того времени и впредь вы и Шахт сотрудничали в течение некоторого периода, подготавливая программу перевооружения? Разве это не так?

Геринг: Я работал с этого времени в области экономики вместе с господином Шахтом над проблемой структуры всей германской экономики, в частности над вопросами военной промышленности, которая, само собой разумеется, была предпосылкой начавшегося укрепления германской армии и ее военной мощи.

Джексон: Между вами и им не было разногласий о том, должна ли была проводиться программа перевооружения? Вы спорили лишь о том, как ее провести?

Геринг: Я полагаю, что Шахт... был готов приложить все усилия к вооружению Германии и тем самым к ее укреплению. Расхождения с ним имелись только в отношении методов...

Джексон: После того как он перестал работать над программой вооружения, он остался в кабинете как министр без портфеля и в течение некоторого времени заседал в рейхстаге, не так ли?

Геринг: Это правильно. Фюрер хотел, чтобы это выглядело как его признательность господину Шахту.

...Джексон: Я хочу, чтобы вам показали документ ПС-3700. Я спрашиваю вас, получали вы от Шахта письмо, копией которого, написанной через копировальную бумагу, является этот документ?

(Геринг знакомится с документом).

Геринг: Да, это письмо я получал. К сожалению, здесь, в копии, не указана дата этого письма...

Джексон: Вы ответили на это письмо?

Геринг: Мне трудно ответить на этот вопрос сегодня. Может быть, да.

Джексон: Дайте, пожалуйста, если возможно, более точный ответ. Не сообщали ли вы в письме к Шахту от 18 декабря 1936 г., что вы считаете своей задачей, по вашим собственным словам, в течение четырех лет привести всю экономику в состояние готовности к войне?

Сказали вы это или нет?

Геринг: Само собой разумеется, что я это говорил.

Джексон: Так. Вспоминаете вы отчет Бломберга в 1937 году, в котором (если вы хотите, вы можете посмотреть соответствующий документ С-175) он говорил:

«Общее политическое положение вызывает предположение, что Германии не следует бояться нападения ни с какой стороны...»

Геринг: Для того момента это было вполне вероятным...

Джексон: Через месяц после этого вы создали концерн «Герман Геринг»?

Геринг: Правильно.

Джексон: Ваши заводы занимались тем, что приводили Германию в состояние готовности к войне? Не правда ли?

Геринг: Это неправильно. Предприятия «Герман Геринг» занимались исключительно разработкой германских железных руд в районе Зальцгиттер в Верхнем Пфальце и после аншлюсса — разработкой железных руд в Австрии. Предприятия «Герман Геринг» первоначально занимались созданием различных сооружений и предприятий по добыче руды и подготовке горных предприятий по обработке железной руды. Только значительно позднее появились сталелитейные и вальцовочные заводы, то есть промышленность.

Джексон: Предприятия «Герман Геринг» входили как составная часть в четырехлетний план? Не так ли?

Геринг: Правильно.

Джексон: Вы уже сказали, что четырехлетний план имел своей целью подготовить экономику Германии к войне, а заводы «Герман Геринг» были организованы для того, чтобы разрабатывать рудные запасы и запасы железа и доводить этот

процесс разработки до подготовки готовых орудий и танков? Не так ли?

Геринг: Нет, это неправильно. Концерн «Герман Геринг» вначале не имел своих предприятий вооружения, он занимался, как я уже подчеркивал, добычей сырья и производством стали.

Руденко¹: Правильно ли я понял вас, подсудимый Геринг, что все основные решения в области внешнеполитической, военнoстратегической в окончательном их виде принимались Гитлером самостоятельно?

Геринг: Да, правильно. Для этого он и был фюрером.

Руденко: Следует ли понимать это так, что Гитлер принимал решения без заслушивания мнения специалистов, без изучения вопроса, без анализа различных материалов, которые могли представить эти специалисты?

Геринг: Это происходило различным образом. В отдельных случаях он, естественно, распоряжался о предоставлении ему соответствующих материалов, но эксперты не могли точно угадывать, для чего это делается. В других случаях он говорил экспертам, что он намеревается совершить. В этих случаях он получал от них соответствующие материалы и заключения. Но решал как высший руководитель он сам.

Руденко: В этом случае, правильно ли я понимаю вас, что при решении серьезных вопросов Гитлер в той или иной степени опирался на материалы или анализы, представляемые ему его ближайшими сотрудниками, работавшими и консультировавшими его в соответствующих областях?

Геринг: Частично это были близкие его сотрудники. При представлении информации это были менее близкие сотрудники из соответствующих ведомств.

Руденко: Не скажете ли тогда вы, кто являлся таким ближайшим сотрудником Гитлера в области военно-воздушного флота?

Геринг: Само собой разумеется, я.

Руденко: В вопросах экономики?

Геринг: По вопросам экономики — это также был я.

Руденко: По внешнеполитическим вопросам?

Геринг: Здесь обстояло по-разному. Это зависело от того вопроса, который решался, и от того, насколько фюрер намеревался привлечь кого-либо к обсуждению этого вопроса или его разъяснению.

Руденко: Кого вы можете назвать из таких ближайших сотрудников персонально?

¹ Р. А. Руденко — Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. — Составители.

Геринг: Ближайшим сотрудником фюрера был, как я уже сказал, в первую очередь я. Затем ближайшим сотрудником, это слово не совсем правильно, был доктор Геббельс; Гитлер просто больше говорил с ним, чем с другими. Вы также должны различать то время, к которому это относилось, потому что на протяжении двадцати лет картина менялась. На последнем этапе больше всего к нему был приближен Борман. В 1933—1934 гг. и почти до самого конца — Гиммлер, но только по определенным вопросам. Если фюрер стоял перед разрешением каких-либо специальных вопросов, которые касались какого-нибудь ведомства, то, само собой разумеется, он привлекал того, кто лучше всего разбирался в этих вопросах, как принято и в других правительствах. От них он и требовал соответствующие материалы.

Руденко: Назовите, кто в области внешней политики являлся ближайшим сотрудником Гитлера?

Геринг: Что касается внешней политики, то о близком сотрудничестве с фюрером можно говорить только тогда, когда подразумевается техническая сторона вопроса. Самые же важные и значительные решения в области внешней политики он обычно обдумывал сам, после чего он сообщал о результатах этих размышлений своим ближайшим сотрудникам и доверенным лицам из его окружения. Только в редких случаях он разрешал обсуждать те или иные вопросы. Так, например, это имело место со мной. Но техническое выполнение его решений по вопросам внешней политики, которые находили свое выражение в нотах или в чем-либо другом, поручалось министерству иностранных дел и министру иностранных дел.

Руденко: Подсудимому Риббентропу?

Геринг: Конечно, он был именно этим министром. Однако он не делал внешней политики.

Руденко: По военностратегическим вопросам кто консультировал Гитлера?

Геринг: Это был ряд лиц. На основании чисто ведомственного порядка к обсуждению стратегических вопросов привлекались три главнокомандующих частями вооруженных сил и их начальники штабов. Частично — также штаб оперативного руководства, который находился в непосредственном подчинении фюрера.

Руденко: Кто из подсудимых может быть вами назван в качестве таких консультантов?

Геринг: В том случае, когда фюрер запрашивал, советником по вопросам стратегического порядка был генерал-полковник Йодль, начальник штаба оперативного руководства, по военно-организационным вопросам — три главнокомандующих, в числе которых были я и адмирал Редер, а впослед-

ствии адмирал Дениц. Последние два — по морским вопросам.

Руденко: Все эти советники не могли быть в стороне, они оказывали свое влияние своими советами и консультациями на решения Гитлера?

Геринг: Они не находились в стороне, но влияние они имели лишь в той степени, в какой их точка зрения совпадала с точкой зрения фюрера.

Руденко: Ясно. Перейдем к следующей группе вопросов.

Когда именно вы начали разработку плана действий германской авиации против Советского Союза в связи с вариантом «Барбаросса»?

Геринг: План стратегического сосредоточения и развертывания военно-воздушных сил в связи с вариантом «Барбаросса» был разработан моим генеральным штабом после первого указания фюрера относительно возможного возникновения конфликта, то есть после ноябрьского указания.

Руденко: 1940 года?

Геринг: В 1940 году. Но я в своей области уже до этого времени продумал мероприятия на случай возможного конфликта со всеми теми государствами, которые не находились с нами в состоянии войны, в том числе и мероприятия против России. В своей области я продумывал это, будучи совершенно независимым.

Руденко: Таким образом, еще в ноябре 1940 года, то есть более чем за полгода до нападения Германии на Советский Союз, был разработан план этого нападения при вашем участии?

Геринг: Я недавно очень подробно говорил о том, что к этому времени уже был разработан план на случай возможного изменения политического положения.

Руденко: Я прошу ответить коротко на этот вопрос: «да» или «нет». Я еще раз повторяю: в ноябре 1940 года, более чем за полгода до нападения на Советский Союз, был разработан план этого нападения при вашем участии? Вы можете коротко ответить на этот вопрос?

Геринг: Да, но не в том смысле, в каком вы это хотите представить.

Руденко: Мне кажется, я вам совершенно ясно поставил вопрос, и никакого двойного смысла в нем нет. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг: О какой области вы говорите: области авиации, флота или сухопутных сил?

Руденко: Если вы осведомлены по всем областям: и авиации, и флота, и сухопутных войск, — я желал бы, чтобы вы ответили по всем областям.

Геринг: В общем и целом я могу сказать о ВВС, где дело шло относительно быстро.

Руденко: Пожалуйста. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг: Я не могу назвать точной даты оформления каких-либо материалов, но в ВВС план стратегического сосредоточения и развертывания был разработан относительно быстро. В области сухопутных войск это заняло, очевидно, большее количество времени.

Руденко: Таким образом, вы признаете, что нападение на Советский Союз было предрешено за несколько месяцев до его осуществления и что вы как командующий германской авиацией и рейхсмаршал принимали непосредственное участие в подготовке этого нападения.

Геринг: Я позволю себе разделить то обилие вопросов, которые вы мне задали. Во-первых, не за несколько месяцев...

Руденко: Здесь нет обилия вопросов. Здесь один вопрос. Вы признали, что в ноябре вы разработали вариант «Барбаросса» по ВВС. В связи с этим я ставлю вам вопрос: вы признаете тот факт, что это нападение было предрешено за несколько месяцев до осуществления?

Геринг: Это правильно.

Руденко: На первую часть вопроса вы ответили. Теперь последняя часть вопроса. Вы признаете, что как командующий ВВС и рейхсмаршал принимали участие в подготовке нападения на Советский Союз?

Геринг: Я еще раз подчеркиваю — я провел приготовления... Я хотел бы подчеркнуть, что мое положение как рейхсмаршала не играет в данном случае никакой роли. Это ведь лишь титул, ранг.

Руденко: Вы не отрицаете, что этот план был разработан еще в ноябре 1940 года?

Геринг: Да.

Руденко: Признаете ли вы, что целями войны против Советского Союза был захват советских территорий до Урала, присоединение к империи Прибалтики, Крыма, Кавказа, Волжских районов, подчинение Германии Украины, Белоруссии и других областей? Признаете вы это?

Геринг: Я этого ни в какой степени не признаю.

Руденко: Разве вы не помните, что на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., на котором присутствовали вы, Борман, Кейтель, Розенберг и другие, Гитлер именно так определил цели войны против СССР, как я изложил в предыдущем вопросе? Этот документ был предъявлен Трибуналу, он достаточно известен, и вы, очевидно, его помните. Вы помните это совещание?

Геринг: Я точно помню этот документ и примерно помню это совещание. Я сразу же сказал, что этот документ, составленный господином Борманом, мне кажется бесконечно преувеличенным в отношении указанных в нем требований. Во всяком случае, в начале войны и еще раньше этот вопрос не обсуждался.

Руденко: Но вы признаете, что такая протокольная запись существует?

Геринг: Это я признаю, так как я видел ее. Этот документ был составлен Борманом.

Руденко: Вы признаете, что согласно этой протокольной записи вы также были участником этого совещания?

Геринг: Я присутствовал на этом совещании, и по этой причине я сомневаюсь в правильности этой записи.

Руденко: Вы помните, что в протокольной записи совещания формулировались задачи, которые были поставлены в связи со сложившейся обстановкой? Я напому вам некоторые места из этого протокола.

Геринг: Можно ли мне получить копию этого протокола.

Руденко: Пожалуйста. На второй странице этого документа, второй абзац, пункт 2 относительно Крыма говорится:

«Крым должен быть освобожден от всех чужаков и населен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью Германской империи».

Вы находите это место?

Геринг: Да.

Руденко: Далее я обращаю ваше внимание на конец этого протокола, последнюю его часть.

«Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать областью империи. Точно так же должен стать областью империи Крым с прилегающими районами, вернее, области Крыма. Этим прилегающих районов должно быть как можно больше».

Далее сказано в отношении проживающих там украинцев. Через один абзац говорится:

«Фюрер подчеркивает, что и Волжские районы должны стать областью империи, точно так же, как и Бакинская область должна стать немецкой концессией, военной колонией».

Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии. Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве союзного государства. На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам».

Вы нашли это место?

Геринг: Да.

Руденко: Это запись совещания, на котором вы присутствовали 16 июля 1941 г., через три недели после нападения Германии на Советский Союз. Вы не отрицаете, что такая запись существует? Правильно, что такое совещание было?

Геринг: Это правильно. Я все время это подчеркивал. Но протокол неправильный.

Руденко: А кем этот протокол был записан?

Геринг: Борманом.

Руденко: А какой же смысл Борману было вести неправильную запись этого совещания?

Геринг: Борман преувеличил кое-что в протоколе.

Руденко: Много?

Геринг: Например, об областях Волги вообще нигде не было речи. Что касается Крыма, то правильно, что фюрер... хотел иметь Крым.

Руденко: Раз фюрер хотел...

Геринг: Но это было поставлено целью еще до войны.

Руденко: Все же я хочу уточнить. Вы заявляете, что в отношении Крыма действительно шла речь о том, чтобы Крым сделать областью империи?

Геринг: Да, на этом совещании об этом говорилось.

Руденко: В отношении Прибалтики тоже речь шла об этом?

Геринг: Да, также, но никогда не говорилось о том, что Кавказ должен был стать немецким. В этой связи говорилось только о том, чтобы осуществить сильное экономическое влияние со стороны Германии.

Руденко: То есть, чтобы Кавказ стал германской концессией?

Геринг: В какой мере — это можно было бы определить только после победоносного заключения мира. Можно увидеть из протокола, что безумием является говорить о таких вещах спустя несколько дней после начала войны. О таких вещах, которые излагает здесь Борман, вообще нельзя говорить, так как ведь еще неизвестно, каков будет исход войны, каковы перспективы.

Руденко: Итак, преувеличение сводится к тому, что о Волжских колониях не шла речь, не так ли?

Геринг: Преувеличение заключается в том, что в тот момент обсуждались вещи, о которых практически вообще нельзя было говорить. В лучшем случае, можно было говорить о тех областях, которые были заняты, а также об их управлении.

Руденко: Мы сейчас устанавливаем факт, что об этих вещах шел разговор, эти вопросы ставились на совещании, причем ставились как задача, и это вы не отрицаете?

Геринг: Частично они обсуждались, но не так, как это здесь описано.

Руденко: Я только хочу сделать один вывод, что это совещание подтверждает основной план захвата территорий Советского Союза Германией, правильно это?

Геринг: Это правильно. Но я должен еще раз подчеркнуть, разрешите мне это сделать, что я, как отмечено в протоколе, не разделял эти безграничные предположения. Дословно здесь сказано следующее: «В ответ на это, то есть в ответ на длительное обсуждение этих вопросов, рейхсмаршал подчеркнул важнейшие моменты, которые в настоящий момент могли быть для нас определяющими, а именно — обеспечение продовольствием в той мере, в какой это необходимо для экономики, а также обеспечение безопасности путей сообщения». Я хотел свести все эти речи к действительно практическим вещам.

Руденко: Вы, собственно, правильно говорите, что вы возражали, но по таким основаниям, что в первую очередь следует обеспечить себя продовольствием, а все остальное, как фиксируется, могло бы прийти гораздо позже. Так написано. Стало быть, вы не по существу возражали, а вопрос шел только о сроках; в первую очередь захватить продовольствие, а потом территорию.

Геринг: Нет, написано так, как я зачитывал. Дело не в сроках. Относительно этого никаких секретов нет.

Руденко: Прошу вас повторить, как вы зачитывали. В чем расхождения нашего перевода?

Геринг: «В ответ на длительное обсуждение относительно отдельных лиц и этих вопросов, то есть вопроса о присоединении, рейхсмаршал подчеркнул важнейшие моменты, которые могут быть для нас решающими факторами: обеспечение продовольствием, обеспечение в нужной степени хозяйства, а также обеспечение безопасности дорог и других путей сообщения». Я тогда говорил как раз о железных дорогах и т. д.; это значит, что я хотел свести эту безмерную дискуссию, имевшую место в первое время опьянения победой, к чисто практическим вопросам, которые должны были быть разрешены. Все это объясняется воздействием первых побед.

Руденко: Очевидно, воздействие здесь имело место, и огромное место, но, во всяком случае, из ваших объяснений совершенно не следует, что вы возражали против присоединения Крыма к империи. Это так?

Геринг: Если бы вы владели немецким языком, то вы поняли бы весь смысл этого выступления из предложения: «В ответ на это рейхсмаршал подчеркнул...», — это значит, что я тогда не сказал, что я протестую против аннексии Крыма или против аннексии Прибалтийских стран. Я не имел никаких оснований для этого. Если бы мы победили...

Руденко: То вы бы это осуществили?

Геринг: ...то после окончания войны это бы последовало так или иначе, независимо от того, использовали мы бы аннексию или нет. Но в тот момент мы еще не кончили войны и еще не победили. Вследствие этого я лично ограничился лишь практическими вещами.

Руденко: Вы признаете, что в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану вы непосредственно руководили подготовкой и разработкой планов экономической эксплуатации всех оккупированных территорий, а также реализацией этих планов?

Геринг: Я уже признал, заявив, что я несу ответственность за экономику в оккупированных странах согласно тем директивам, которые я давал по использованию этих стран и по управлению ими.

Руденко: Вы не можете сказать, сколько миллионов тонн зерна и других продуктов было вывезено из Советского Союза в Германию за время войны?

Геринг: Я не могу вам назвать общее количество.

Руденко: На совещании 6 августа 1942 г. всех рейхскомиссаров оккупированных областей и представителей военного командования вы выступали. Я хотел бы напомнить вам некоторые места из этих выступлений.

Геринг: Дайте мне, пожалуйста, протокол.

Руденко: Пожалуйста. Прошу обратить внимание на страницу 111 стенограммы. Вы говорили следующее:

«Господа, фюрер предоставил мне генеральные полномочия в таком объеме, в каком он еще не предоставлял до сего времени в четырехлетнем плане...

Он дал мне дополнительные полномочия, которые касаются любой хозяйственной области нашей структуры, безразлично, внутри ли государства, партии или вооруженных сил...»

Я заканчиваю этим цитату. Я спрашиваю, действительно вам были предоставлены такие исключительные полномочия в этих вопросах?

Геринг: После разработки четырехлетнего плана мне были предоставлены чрезвычайные полномочия. Впервые в области экономики были предоставлены неограниченные полномочия давать директивы и указания всем высшим имперским инстанциям, всем партийным инстанциям, вооруженным силам. Эти полномочия после начала войны были распространены также на экономическую структуру оккупированных областей; они были не расширены, но распространены.

Руденко: Значит, правильно я цитировал ваше выступление?

Геринг: Совершенно правильно, хотя это было неправильно переведено с немецкого языка.

Руденко: Следующее в связи с этим. Учитывая ваши особые полномочия, которыми вы были облечены, ваши указания, инструкции и требования являлись обязательными для участников совещания, на котором вы выступали?

Геринг: Да.

Руденко: Следовательно, если в ваших выступлениях встречаются такие выражения, как «выжать» и «вытряхнуть» с оккупированных территорий все, что только можно, то это была обязательная директива?

Геринг: Эти директивы были, конечно, приведены в соответствующую форму. В данном случае речь идет о высказывании в прямой речи, в устном выступлении. Конечно, эти слова не отличаются особенной салонной изысканностью, но позднее...

Руденко: Правильно, прямое высказывание — я с этим согласен.

Геринг: Вы имеете в виду то место (я позволю себе повторить), где говорится следующее: «Вы посланы сюда не за тем, чтобы работать на благо вверенных вам народов, а для того, чтобы...»?

Руденко: Правильно.

Я обращаю ваше внимание на следующую цитату. Вот, на странице 113, там так фиксируется ваше указание:

«Я сделаю одно — я заставлю выполнить поставки, которые я на вас возлагаю, и, если вы этого не сможете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при всех обстоятельствах вытрясут это у вас, независимо от того, нравятся вам это или нет». Правильно это? Есть такое место в вашем выступлении?

Геринг: Это место переведено переводчиком не так, как это сказано в подлиннике. Переводчик, который переводит ваши слова на немецкий язык, употребляет некоторые превосходные степени, которых здесь нет.

Руденко: Разве у вас имелись основания не доверять рейхскомиссарам оккупированных территорий, которым вы угрожали специальными органами?

Геринг: Там присутствовали имперские комиссары не только восточных областей, но вообще всех областей. Речь шла о регулировании поставок продовольствия из отдельных областей, о регулировании всего продовольственного вопроса в занятых нами областях Европы. Незадолго до совещания мне было сказано, что, само собой разумеется, каждый старается удерживать запасы продовольствия у себя для того, чтобы заставить другого увеличить поставки. Чтобы быть кратким, я заявляю: я не хотел давать себя обманывать этим господам. И после того, как я узнал, что они предлагали мне лишь половину, я потребовал 100 процентов, чтобы согласиться на половине.

Руденко: Я спрашиваю вас об установках, которые вы дали участникам совещания, не являлись ли эти установки требованием беспощадно грабить оккупированные территории?

Геринг: Нет. В первую очередь на этом совещании речь шла о том, что необходимо иметь больше продовольствия.

Руденко: Я говорю о грабеже. Грабёж может заключаться и в том, чтобы грабить продовольствие на оккупированных территориях.

Геринг: Я только что сказал, что я был ответствен за снабжение продовольствием почти всех областей. Одна область имела слишком много продовольствия, другая — не имела его в достаточном количестве. Нужно было установить равновесие. Об этом шла речь в основном (на 90 процентов) на этом совещании; нужно было установить поставки, которые должен был давать тот или иной имперский комиссар. Я вовсе не оспариваю, что я при этих требованиях, выступая на совещании очень живо и темпераментно, был очень резок в своих выражениях. Впоследствии были установлены соответствующие количества того, что должно быть поставлено. Это явилось результатом данного совещания.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на страницу 118 этой же стенограммы. Вы нашли это место?

Геринг: Да.

Руденко: Там говорится: «Раньше мне все же казалось дело сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле отнимать то, что завоевано. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить и грабить эффективно». Вы нашли эту цитату?

Геринг: Да, я нашел. Я точно так говорил на этом совещании, я еще раз это подчеркиваю.

Руденко: Я как раз хотел установить, что именно это вы говорили на совещании.

Я обращаю ваше внимание на страницу 118. Обращаясь к участникам совещания и развивая мысль, высказанную ранее, вы сказали: «Вы должны быть как легавые собаки. Там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ, это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда». Вы нашли это место?

Геринг: Да, я нашел.

Руденко: Это вы сказали?

Геринг: Я могу предположить, что я это сказал.

Руденко: Значит, вы не отрицаете, что приведенные выше цитаты из выступления 6 августа 1942 г. принадлежат именно вам?

Геринг: Я этого не отрицаю ни в коей мере.

Руденко: Перейдем к следующему вопросу. Вы признаете, что, как уполномоченный по четырехлетнему плану, вы руководили насильственным угоном в рабство многих миллионов граждан оккупированных стран и что подсудимый Заукель был в своей деятельности непосредственно подчинен вам?

Геринг: Формально он подчинялся мне, фактически он подчинялся непосредственно фюреру. Но я уже говорил, что несу ответственность за это в такой степени, в какой я был осведомлен в этой области.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на ваше выступление на этом же совещании. Это страница 141 и продолжение на странице 142.

Вы нашли это место?

Геринг: Я нашел.

Руденко: Там говорится следующее: «Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля — в этом он не нуждается, но то, что он сделал за этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, — это является единственным в своем роде достижением».

Далее вы говорите по адресу Коха:

«Кох, это все же не только украинцы. Ваши 500 тысяч просто смешны. Сколько он доставил? Почти два миллиона».

Вы нашли это место?

Геринг: Да. Но здесь не совсем так написано.

Руденко: Пожалуйста, уточните.

Геринг: Смысл заключается в том, что Кох собирался утверждать, что он сам дал всех этих людей Заукелю. На это я ему возразил, что вся программа Заукеля охватывала два миллиона рабочих и что он может делать такие утверждения только в отношении 500 тысяч. Кох хотел представить дело таким образом, будто всех этих рабочих достал он.

Руденко: А вы считали, что 500 тысяч из Украины — это мало?

Геринг: Нет, это не так. Я уже пояснил сейчас, что из этих двух миллионов, которые в целом были поставлены Заукелем в течение прошедшего времени, на долю Украины падало всего 500 тысяч. Утверждение Коха, что он сам поставил всех этих рабочих, неправильно. В этом — смысл данной цитаты.

Руденко: Но вы не отрицаете и другого основного смысла, что речь идет о миллионах насильственно угнанных в Германию на рабский труд?

Геринг: Я не оспариваю, что здесь речь шла о двух миллионах рабочих. Но я сейчас не могу сказать, были ли все они доставлены в Германию. Во всяком случае, они были использованы в интересах германской экономики.

Руденко: Вы не отрицаете, что это было рабство?

Геринг: Рабство я отрицаю. Принудительный труд, само собой разумеется, частично использовался.

Руденко: Вы слышали, подсудимый Геринг, — здесь был оглашен ряд немецких документов, из которых явствует, что граждане оккупированных территорий отправлялись в Германию насильственно. Их собирали путем облав на улицах, в кино, их отправляли в эшелонах под военной охраной. За отказ ехать в Германию, попытку уклониться от этой мобилизации мирное население расстреливалось и подвергалось всяким изъятиям. Вы слышали эти документы, которые оглашались здесь, в Суде?

Геринг: Да, но я прошу, чтобы мне дали посмотреть на эти документы. Они показывают, что распоряжений о наборе не было, что учет для принудительного труда регулировался не с помощью распоряжений, а иным образом. Если бы мне могли дать абсолютную гарантию, в частности, на Востоке, что все эти люди совершенно мирные и не будут осуществлять никаких актов саботажа, то я использовал бы большую часть их на работах на местах. Это были интересы безопасности, которые как на Востоке, так и на Западе заставляли нас отправлять этих рабочих в Германию, в особенности же молодые контингенты бывших военнообязанных.

Руденко: Только в интересах безопасности они были увезены?

Геринг: Тут было две причины. Я недавно подробно говорил о них. Во-первых, по причине безопасности и, во-вторых, по причине нужды в рабочей силе.

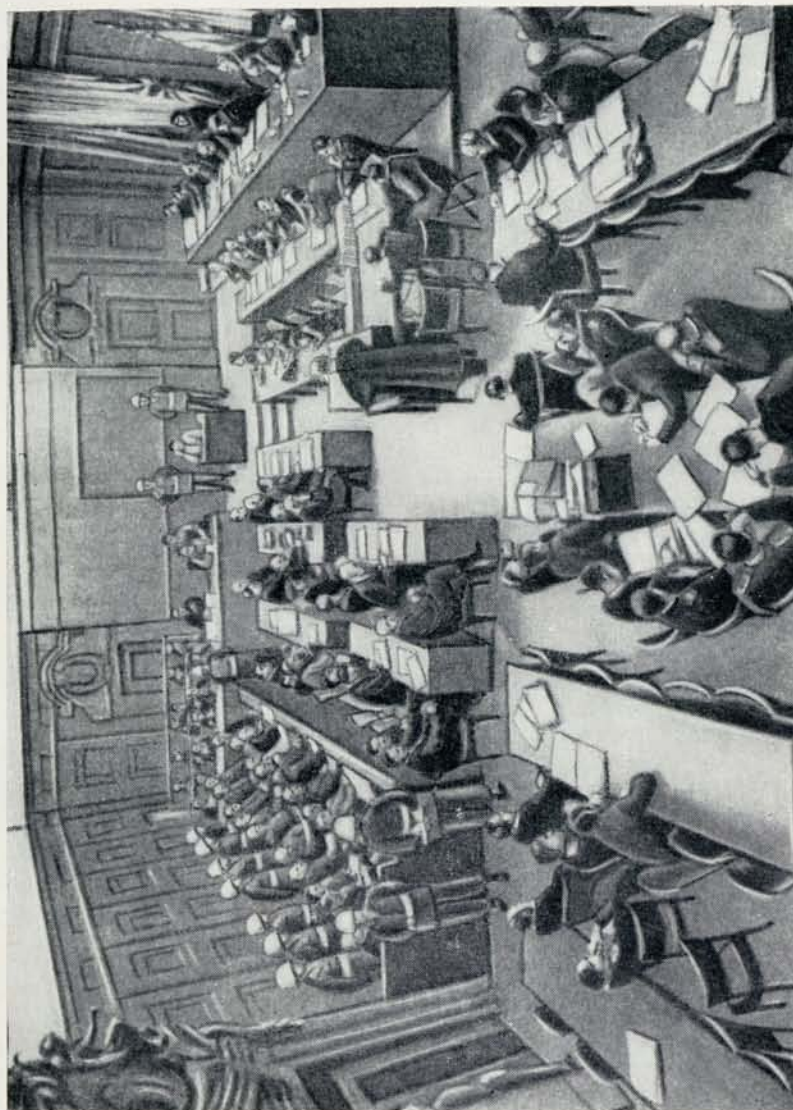
Руденко: И по этой причине... допустим, возьмем вторую причину — по причине необходимости насильственно угонялись люди из своих стран в Германию на рабский труд, правильно?

Геринг: Не в рабство, а для работы привозили их в Германию.

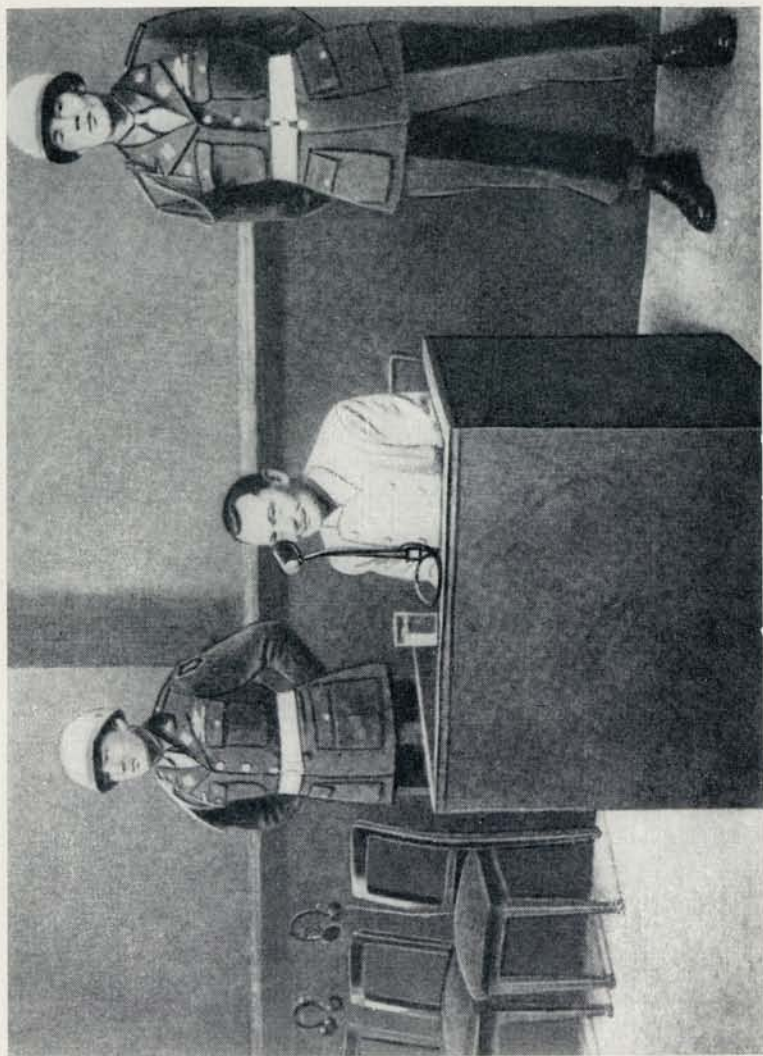
Руденко: ...В 1941 году ОКВ был разработан ряд директив и приказов о поведении войск на Востоке и об обращении с советским населением, в частности, директива о военной подсудности в районе «Барбаросса», которая предоставляла немецким офицерам право без суда и следствия расстреливать любое лицо, подозреваемое в неприязненном отношении к немцам. Эта директива объявляла безнаказанность немецкого солдата за преступления, совершенные против местного населения. Такого рода директива должна была вам докладываться?

Обратите внимание на дату — 13 мая 1941 г.

Геринг: Этот документ не был непосредственно послан мне. В распоряжении говорится: «Штаб оперативного руководства военно-воздушных сил, главный квартирмейстер». Я своим

Зал Суда

Геринг во время допроса

войскам давал очень строгие указания в отношении поведения солдат. По этой причине я ходатайствовал о вызове в качестве свидетеля главного судьи военно-воздушных сил и послал ему опросный лист относительно этого.

Руденко: Вы это распоряжение знали?

Геринг: Я увидел: это распоряжение здесь, после чего я ходатайствовал о вызове данного лица в качестве свидетеля, так как этот приказ был направлен не непосредственно главнокомандующему, а служебным инстанциям, о которых я здесь упомянул. Если эти инстанции действовали таким образом, то есть в соответствии с этим распоряжением, то я несу, конечно, формально ответственность за эти действия. В данном случае мы имеем дело с приказом фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами, с приказом, который войска не могли обсуждать.

Руденко: Но вы согласны с тем, что по своему положению вы должны были знать этот документ?

Геринг: Нет, ибо в противном случае этот приказ был бы послан непосредственно мне, главнокомандующему, а не штабу оперативного руководства ВВС и генерал-квартирмейстеру. От этих инстанций зависело, считают ли они этот документ столь важным, что они должны по поводу этого документа получить еще от меня личные приказы и директивы. Но в данном случае этого не произошло, так как этот документ не касался нас в такой степени, как сухопутных войск.

Руденко: Но в аппарат ВВС этот документ был направлен?

Геринг: Я только что говорил об этом — он был направлен двум инстанциям.

Руденко: Вам должны были доложить об этом документе?

Геринг: Нет, мне не должны были докладывать о нем. Я уже говорил, что если бы мне докладывали о каждом приказе и каждой директиве, которые проходили по отдельным инстанциям и не требовали моего вмешательства, то я бы потонул в этом море бумаг. Поэтому мне сообщали и докладывали только о самых важных вещах. Я сейчас не могу сказать под присягой, был этот документ упомянут в устной форме, во время доклада, или нет. Это возможно. Формально я и здесь несу ответственность за действия моих служебных инстанций.

Руденко: Я хотел бы это уточнить. Вы говорите, вам должны были докладываться самые важные вещи? Правильно?

Геринг: Это правильно.

Руденко: Я прошу обратить внимание — документ перед вами — на пункты 3 и 4 этого приказа или этого распоряжения. В пункте 3 говорится: «Всеякие иные нападения враждебных гражданских лиц на вооруженные силы, входящих в их состав

лиц и обслуживающий войска персонал также должны подавляться войсками на месте с применением самых крайних мер для уничтожения нападающих».

Геринг: Затем следует параграф 4. Если я вас правильно понял, то там говорится: «Там, где меры такого рода не были приняты или не могли быть приняты, заподозренные лица должны быть немедленно доставлены к какому-либо офицеру. Последний решает, следует их расстрелять или нет». Вы это имели в виду?

Руденко: Я именно это имел в виду. Как вы считаете, это важный документ с точки зрения того, что он должен был быть вам доложен вашими служебными инстанциями?

Геринг: Сам по себе это важный документ, но о нем не должны были обязательно докладывать, так как он уже достаточно ясно был сформулирован фюрером в приказе, так что помощник фюрера, даже главнокомандующий отдельной частью вооруженных сил, не может ничего изменить в этом столь ясном и точном приказе.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на дату этого документа: В нем говорится: «Главная квартира фюрера, 13 мая 1941 г.».

Геринг: Да.

Руденко: Это, стало быть, больше чем за месяц до нападения Германии на Советский Союз? Уже тогда было разработано распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса», и вы не знали об этом документе?

Геринг: Когда составляется план мобилизации, нужно определить, если к этому имеются особые основания, что следует предпринять. На основании опыта фюрер считал, что особая угроза возникнет тотчас же на Востоке. Поэтому здесь предписываются те меры, которые должны быть приняты, если будет оказываться сопротивление или если будет иметь место нападение с тыла. Речь идет о предварительном приказе на случай, если такие события наступят.

Руденко: И офицеру предоставлено право без суда и следствия расстреливать?

Геринг: Он мог созвать особый суд (штандгерихт) на месте. На основании этого параграфа он мог также, если он считал нужным и имел все доказательства того, что преступник участвовал в нападении с тыла, расстрелять такого человека.

Руденко: Вы считаете, что офицер мог создать суд на месте?

Геринг: В военных условиях предусмотрено, что офицер, имеющий отдельную самостоятельную войсковую часть, может в любое время создать особый суд (штандгерихт).

Руденко: Но вы согласны с тем, что здесь ни о каком суде не говорится, что здесь говорится о том, что офицер единолично решает вопрос?

Геринг: Он мог решить сам при помощи этого суда на месте. Он должен был призвать еще двух человек и за двенадцать минут мог принять решение о составе преступления.

Руденко: За пять или две минуты расстрелять?

Геринг: Если я поймаю на месте преступления человека, который стрелял из дома в спину моим войскам, то особый суд (штандгерихт) может установить состав преступления в самый кратчайший срок.

Руденко: Следующий документ, который я хотел бы представить здесь и о котором хотел спросить вас по существу, — это документ от 16 сентября 1941 г.

Здесь указывается, что «за жизнь немецкого солдата, как правило, подлежат смертной казни пятьдесят — сто коммунистов. Способ казни должен увеличивать степень устрашающего воздействия». Об этом документе вы тоже не знали?

Геринг: Этот документ не нравился мне. Этот документ был направлен в какую-то служебную инстанцию. ВВС вообще мало имели дела с подобного рода вещами.

Руденко: И служебная инстанция не докладывала вам о такого рода документе?

Геринг: Я знаю об этом мероприятии, имевшем своей целью возмездие, лишь в общих чертах, но я не осведомлен о нем в такой степени. Об этом я узнал позднее, но еще во время войны, то есть до процесса. Я знал, что в этом приказе первоначально было указано пять — десять человек. Фюрер же лично сделал из этого количества пятьдесят — сто человек.

Руденко: Я вас спрашиваю: вам служебная инстанция об этом документе докладывала?

Геринг: Нет. Но я позднее слышал об этом документе.

Руденко: Когда позднее?

Геринг: Я сейчас не могу этого сказать. Во время войны я слышал о нем в связи с тем фактом, что лично фюрером было изменено число, первоначально означавшее пять — десять человек, на пятьдесят — сто человек. Об этом факте я слышал.

Руденко: За одного немца?

Геринг: Сначала там стояло пять — десять человек, а потом фюрер сам изменил это число путем прибавления нуля. Этот факт обсуждался, и в то время я узнал об этом документе.

Руденко: Известно ли вам о директивах ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными»?

Геринг: Я должен был бы сначала просмотреть их.

Руденко: Пожалуйста. (Документ передается Герингу.) Обратите внимание на пункт «А», параграф 3, где указывается основное положение о том, что применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается правоммерным и освобождает караульных от всяких обязанностей разбираться в формальностях.

Я еще хочу напомнить вам одно место. Это из распоряжения об обращении с советскими военнопленными. Здесь говорится: «По совершающим побег военнопленным следует стрелять без предупредительного оклика». Это излагается и в памятке об охране советских военнопленных.

Геринг: Здесь указывается на трудности, которые заключаются в незнании и непонимании языка. Поэтому охрана должна немедленно применять оружие при попытках к бегству. Вот в чем приблизительно заключается смысл. Ясно, что при этом могут возникнуть недоразумения.

Руденко: Я спрашиваю: вы знали об этом документе?

Геринг: Здесь речь идет о документе, касающемся обращения с военнопленными. Он направлялся непосредственно моим инстанциям. Я не знал об этом документе.

Руденко: Вы не знали об этом документе? Хорошо. Еще один документ. Я имею в виду документ ПС-854, который уже предъявлен, о безусловном уничтожении политруков и других политических работников.

Геринг: Я хотел бы подчеркнуть для разъяснения, что ВВС не имели никаких лагерей, в которых содержались бы советские военнопленные. Они имели только шесть лагерей, в которых содержались военнопленные других держав. Лагерь для советских военнопленных ВВС не имели.

Руденко: Я поставил этот вопрос и предъявил эти документы, потому что вы, по своему положению второго человека в Германии, не могли не знать таких принципиальных указаний.

Геринг: Как раз потому, что мое положение было таким высоким, я мало занимался приказами об обращении с военнопленными, которые были приказами чисто ведомственного порядка и не имели важнейшего политического или военного значения.

Руденко: Обратите внимание на дату этого документа: «Главная ставка фюрера, 12 мая 1941 г.».

Геринг: Да.

Руденко: Обратите внимание на параграф 3 этого документа:

«Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться, самое позднее, в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются». Вы знали об этой директиве?

Геринг: Я позволю себе обратить ваше внимание на то, что в данном случае перед нами не какое-то указание, а «запись для доклада», подписанная Варлимонтотом. В списке адресатов для рассылки документа не указывается никакая другая служебная инстанция, кроме отдела обороны страны. Таким образом, этот документ представляет собой запись для доклада.

Руденко: Значит, вы не знали об этом документе?

Геринг: Эта запись для доклада является записью штаба оперативного руководства ОКВ. Это не директива и не приказ. Это — лишь запись для доклада.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Знали ли вы об этой директиве или нет?

Геринг: Нет, я не знал о ней.

Руденко: Дальше. Директивы об обращении с советскими военнопленными должны были выполняться в частях авиации?

Геринг: Если они исходили от фюрера, то да. Если они исходили от меня, тогда тоже да.

Руденко: Вы припоминаете свои директивы по вопросу об обращении с советскими военнопленными?

Геринг: Нет.

Руденко: Большинство этих преступных приказов и директив ОКВ было издано еще до начала войны против Советского Союза, в порядке подготовки войны с Советским Союзом. Не доказывает ли это, что германское правительство и ОКВ имели заранее обдуманый план уничтожения советского населения?

Геринг: Нет, это ни в коем случае не доказывает этого. Этим доказывается только то, что мы рассматривали борьбу с Советским Союзом как чрезвычайно жестокую борьбу и что эта борьба велась на основании других принципов, так как не существовало никаких конвенций по этому поводу.

Руденко: Скажите, вам известно об установке Гимmlера, которую он дал в 1941 году об уничтожении 30 миллионов славян? Вы об этом слышали также здесь, на Суде, от свидетеля Бах-Зелевского. Вы помните эти показания?

Геринг: Да, но это был не приказ, а всего лишь речь.

Руденко: Скажите, ведь в германском тоталитарном государстве имелся единый руководящий центр — Гитлер и его ближайшее окружение, в том числе и вы как его заместитель?

Одни и те же установки должны были быть для Гимmlера и для Кейтеля. Мог ли Гимmlер от себя давать установки об уничтожении 30 миллионов славян, не имея по этому вопросу указаний Гитлера или ваших?

Геринг: Гимmlер не издавал никакого приказа в отношении истребления 30 миллионов славян. Гимmlер произнес речь

в том духе, что 30 миллионов славян должны быть истреблены. Если бы Гиммлер действительно издал приказ подобного рода, то он должен был бы, если он придерживался постановлений, спросить об этом фюрера, но не меня.

Руденко: Я не сказал о приказе, я сказал об установках Гиммлера. И вы допускаете, что эти установки Гиммлер мог давать без согласования с Гитлером?

Геринг: Мне ничего неизвестно о таком указании или распоряжении.

Руденко: Я еще раз повторяю вопрос: не являются ли аналогичными приказы и директивы ОКВ об обращении с населением и военнопленными на оккупированных советских территориях и о реализации общей директивы об истреблении славян?

Геринг: Никогда не существовало директивы, которая была бы дана фюрером или какой-нибудь другой известной инстанцией в отношении истребления славян.

Руденко: Вы должны были знать о массовом уничтожении советских граждан на оккупированной советской территории с помощью эйнзатцгрупп полиции безопасности и СД. Не являлась ли деятельность эйнзатцгрупп результатом реализации заранее разработанного плана уничтожения евреев, славян и других мирных граждан?

Геринг: Нет, деятельность эйнзатцгрупп была совершенно секретной.

Руденко: Подсудимый Геринг, в своих показаниях вы сообщали, что нападение на Польшу было осуществлено после кровавых событий в городе Быдгощ?

Геринг: Я показал, что срок выступления был ускорен вследствие тех кровавых событий, среди которых следует отметить также и кровавое воскресенье в Быдгоще.

Руденко: Вы знаете, что эти события произошли 3 сентября 1939 г.?

Геринг: Я, возможно, ошибся в отношении даты событий в Быдгоще — у меня нет соответствующих материалов.

Руденко: Понятно. Нападение было осуществлено 1 сентября, а события в Быдгоще, о которых вы заявили Трибуналу, произошли 3 сентября 1939 г. Я представляю Трибуналу документ-свидетельство, исходящее из Главной комиссии по расследованию немецких злодеяний в Польше, соответствующим образом удостоверенное в порядке статьи 21 Устава.

Председатель: Генерал Руденко, не огласите ли вы сейчас этот документ?

Руденко: Да, пожалуйста.

«Свидетельство. На основании исследования, произведенного польскими судебными властями, Главная комиссия для рассле-

дования немецких злодеяний в Польше удостоверяет, что так называемое кровавое воскресенье в городе Быдгощ имело место 3 сентября 1939 г., то есть через три дня после того, как Польша подверглась немецкому нападению. 3 сентября 1939 г. в 10 ч. 15 м. утра немецкие диверсанты напали на отступающие от города Быдгощ польские войска. Во время оборонительного боя отступающих польских отрядов погибло 238 польских солдат и 23 человека немецкой «пятой колонны». В связи с этим происшествием после вступления немецких войск в город Быдгощ начались массовые экзекуции, аресты и ссылки в концентрационные лагеря польских жителей, которые производились немецкими властями, ...СС и гестапо, вследствие чего 10 500 было убито и 13 000 уничтожено в лагере. Это удостоверение является официальным документом Польского правительства, предложенным Международному Военному Трибуналу, согласно статье 21 Устава от 8 августа 1945 г.»

Я хотел этим документом удостоверить то обстоятельство, что события, о которых свидетельствовал здесь подсудимый Геринг, произошли после нападения Германии на Польшу.

Геринг: Я не знаю, говорим ли мы с вами сейчас об одних и тех же событиях.

Руденко: Я говорю о событиях в Быдгоще. Вы тоже говорили о них.

Я перехожу к следующему вопросу. Известен ли вам приказ ОКВ о клеймении советских военнопленных?

Геринг: Этот приказ мне неизвестен. Как я вижу из документов, на этом совещании не присутствовало ни одного представителя от ВВС.

Руденко: Я интересуюсь фактом, известен ли вам этот приказ?

Геринг: Нет.

Руденко: Известно ли вам, что германское командование предписывало использовать советских военнопленных и гражданских лиц на работах по разминированию и переноске незорвавшихся снарядов и т. п.? Известно ли вам это?

Геринг: Мне известно то, что пленные русские саперы использовались для расчистки минных полей. В какой степени для этого использовалось гражданское население, я не знаю, но возможно, что это так и было.

Руденко: Известен ли вам приказ об уничтожении Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза?

Геринг: В моем присутствии об уничтожении Ленинграда говорилось лишь в упоминавшемся документе, причем в том смысле, что если финны получат Ленинград, то они не будут

нуждаться в таком большом городе. Об уничтожении Москвы я ничего не знаю.

Руденко: Вы помните протокол совещания? Вам предъявляли документ — протокольную запись от 16 июля 1941 г. На этом совещании вы присутствовали.

Геринг: Я не получал приказа об уничтожении Москвы.

Руденко: Вам докладывали только «важные вещи». А об уничтожении городов, убийстве миллионов людей вам не докладывали, все это проходило по так называемым «служебным инстанциям»?

Геринг: Если бы какой-либо город должен был быть уничтожен в результате налетов бомбардировщиков, такой приказ был бы непосредственно отдан мною.

Руденко: 8 марта здесь, в судебном заседании, ваш свидетель Боденшатц заявил, что вы сказали ему в марте 1945 года, что много евреев убито и что за это придется дорого заплатить. Вы помните это показание вашего свидетеля?

Геринг: Свидетель Боденшатц так не говорил.

Руденко: А как говорил свидетель Боденшатц, вы помните?

Геринг: Он говорил, что если война будет проиграна, это обойдется нам очень дорого.

Руденко: Почему? За убийства, которые вы совершали?

Геринг: Нет, вообще. И мы это сами увидели.

Руденко: Я имею к вам несколько заключительных вопросов. Прежде всего о так называемой теории «высшей» расы. В этой связи я ставлю только один вопрос перед вами и прошу прямо на него ответить. Согласны ли вы были с этой теорией «высшей» расы и воспитанием в ее духе немецкого народа или не согласны?

Геринг: Нет, я уже показывал, что никогда не использовал это выражение ни в своих статьях, ни в своих речах. Различия между расами я, безусловно, признаю.

Руденко: Но вы не согласны с этой теорией? Я так вас понимаю?

Геринг: Я никогда не заявлял, что ставлю одну расу в качестве расы господ выше другой. Я указывал только на различия между расами.

Руденко: Но вы можете мне ответить на вопрос: вы не согласны с этой теорией?

Геринг: Я лично не считаю ее правильной.

Руденко: Следующий вопрос. Вы заявили на Суде, что якобы расходились с Гитлером по вопросу о захвате Чехословакии, по еврейскому вопросу, по вопросу о войне с Советским Союзом, в оценке теории «высшей» расы, по вопросу о расстрелах английских военнопленных летчиков. Чем объяснить, что

при наличии столь серьезных расхождений вы считали возможным сотрудничать с Гитлером и проводить его политику?

Геринг: Здесь следует различать разные периоды времени. Во время наступления на Россию речь шла не о принципиальных расхождениях, а о расхождениях по вопросу о времени.

Руденко: Это вы уже говорили. Я прошу ответить на мой вопрос.

Геринг: Я могу расходиться в мнениях с моим верховным главнокомандующим, я могу ясно высказать ему свое мнение. Но если главнокомандующий будет настаивать на своем, а я ему дал присягу, — дискуссия тем самым будет окончена.

Руденко: Вы же не простой солдат, как вы говорили здесь, вы же представляли себя здесь и государственным деятелем?

Геринг: Я не только простой солдат и именно потому, что я не являюсь простым солдатом, а занимал такой крупный пост, я должен был показывать пример простым солдатам с точки зрения выполнения присяги.

Руденко: Иначе говоря, вы считали возможным при наличии этих разногласий сотрудничать с Гитлером?

Геринг: Я это подчеркнул и считаю это правильным.

Руденко: Если вы считали возможным для себя сотрудничать с Гитлером, считаете ли вы себя, как второго человека в Германии, ответственным за организованные в государственных масштабах убийства миллионов ни в чем не повинных людей, даже независимо от осведомленности об этих фактах? Ответьте коротко: «да» или «нет».

Геринг: Нет, так как я ничего не знал о них и не приказывал их проводить.

Руденко: Я еще раз подчеркиваю — даже независимо от осведомленности об этих фактах?

Геринг: Если я действительно не знаю о них, я не могу за них отвечать.

Руденко: Вы обязаны были знать эти факты?

Геринг: В каком смысле обязан: либо я знаю факты, либо я их не знаю. Вы можете меня в лучшем случае спросить, был ли я легкомысленным, так как не попытался что-нибудь узнать о них.

Руденко: Вам лучше знать себя. Миллионы немцев знали о творившихся преступлениях, а вы не знали.

Вы заявили на Суде, что гитлеровское правительство привело Германию к расцвету. Вы и сейчас уверены, что это так?

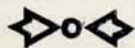
Геринг: Катастрофа наступила только после проигранной войны.

Руденко: В результате которой вы привели Германию к военному и политическому поражению. У меня больше нет вопросов.

Председатель: Желает ли французский обвинитель задать вопросы?

(К микрофону подходит представитель французского обвинения).

— Французское обвинение полагает, что ни в малейшей степени не поколеблены те бесспорные доказательства вины, которые были нами выдвинуты. Поэтому у меня нет новых вопросов к подсудимому Герингу.

ДОПРОС РИББЕНТРОПА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 1 и 2 апреля 1946 г.]

*Максуэлл-Файф*¹: Были вы знакомы с пактом Бриана — Келлога?

Риббентроп: Да, я его хорошо знаю.

Максуэлл-Файф: Были ли вы согласны с мнением, выказанным во вступительной части этого пакта, о том, что нужно отказаться от войны как орудия национальной политики?

Риббентроп: Да.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы рассказали, как вы это осуществляли.

Возьмем первый пример. Вы заявляете Трибуналу, что, насколько вам известно, никакого давления, никаких угроз в отношении Шушнига применено не было?

Риббентроп: Вы говорите о беседе с Гитлером в Оберзальцберге?

Максуэлл-Файф: Да, 12 февраля.

Риббентроп: Я думаю, что так, как вы это говорите, это неверно.

Максуэлл-Файф: Разве вы не помните, что вы показывали Шушнигу отпечатанный на машинке проект требований, которые предъявлялись Шушнигу?

Риббентроп: Это вполне вероятно. Гитлер сам продиктовал требования, и возможно, что я передал именно эти требования Шушнигу. Подробностей этого я сейчас не помню.

Максуэлл-Файф: Какова была тема этого меморандума?

Риббентроп: Я не знаю этого, и для того, чтобы подтвердить то, что я действительно был в неведении во время этой первой беседы, я хотел бы еще сказать, что Гитлер сам решал эту австрийскую проблему, а я лишь несколько дней был на посту министра иностранных дел.

¹ Д. Максвелл-Файф — заместитель Главного обвинителя от Великобритании. — Составители.

Максуэлл-Файф: Если вы передаете кому-то меморандум, выработанный, как вы говорите, на историческом собрании, вы, по-видимому, можете рассказать Трибуналу о содержании этого меморандума хотя бы в общих чертах. Каковы были пункты этого меморандума?

Риббентрон: Нет, может быть, это странно, но я действительно не знаю подробностей. Встреча эта была встречей фюрера с Шушником, и все то, что там было достигнуто и сделано, либо было продиктовано самим фюрером, либо было предложено не нами, а другой стороной. Я не знаю деталей. Я знаю только, что тогда речь шла прежде всего о том, чтобы добиться умиротворения в отношениях между Германией и Австрией, так как в то время в Австрии было арестовано много национал-социалистов. Поэтому отношения между этими двумя государствами обострились.

Максуэлл-Файф: Если я напому вам, вы, может быть, восстановите это в памяти. Это были следующие три пункта: 1. Реорганизация австрийского кабинета с назначением подсудимого Зейсс-Инкварта на пост министра безопасности. 2. Общая политическая амнистия осужденным за преступления нацистам и 3. Провозглашение равноправия австрийских национал-социалистов и принятие их в «Отечественный фронт». Это те самые пункты, которые вы представили Шушнику?

Риббентрон: Точно этого я сейчас не помню, но примерно это было так. Это соответствовало тому, что мне тогда было известно относительно Австрии.

Максуэлл-Файф: Говорили ли вы Шушнику, что Гитлер сообщил вам, что эти требования, которые вы ему предъявили, были окончательными требованиями фюрера, и что Гитлер не собирался обсуждать их?

Риббентрон: Я не помню, как это было, но вполне вероятно, что я что-либо подобное сказал Шушнику.

Максуэлл-Файф: Сказали ли вы ему такую фразу: «Вы должны эти требования в целом принять»?

Риббентрон: Нет, я не думаю, что я так сказал ему, и с моей стороны не было оказано никакого давления на Шушника.

Максуэлл-Файф: Но я хочу навести вас на следующую мысль: во время того разговора вы пытались заставить Шушника подписать документ, содержащий эти требования. Помните ли вы, как Шушник, обращаясь к подсудимому Папену, сказал: «Вы мне говорили, что если я поеду в Берхтесгаден, то мне не будут предъявлены никакие требования»? А Папен начал извиняться и сказал: «Это действительно так, я не знал, что вам предъявят эти требования». Вы этого не помните?

Риббентрон: Этого я не помню.

Максуэлл-Файф: Вы помните, что Шушника снова вызвали к Гитлеру, а Гвидо Шмидт тогда остался с вами, и вы стали вносить некоторые изменения в представленный вами документ?

Риббентрон: Да, возможно, что мы вносили некоторые изменения, но я не помню сейчас подробностей.

Максуэлл-Файф: Слышали ли вы о том, что во время этого разговора Гитлер сказал Шушнику, что он должен дать свое согласие на эти требования в течение трех дней?

Риббентрон: Этого я не знал.

Максуэлл-Файф: Вы уверены в том, что не слышали, как Гитлер сказал Шушнику, что он должен дать свое согласие в течение трех дней, иначе Гитлер даст распоряжение о вступлении войск в Австрию?

Риббентрон: Я считаю, что такая возможность совершенно исключена.

Максуэлл-Файф: Если он действительно так сказал, то вы должны согласиться с тем, что это было бы самым сильным военным и политическим нажимом. Более сильного нажима, чем угроза вступить в Австрию, и не могло быть, не правда ли?

Риббентрон: Учитывая то, что отношения между этими двумя странами были крайне напряженными, это, конечно, было давлением.

Максуэлл-Файф: Вернемся к той встрече, о которой я вам снова напоминаю и которая имела место 12 февраля. Разве вы не знаете, что Шушник сказал: «Я всего только канцлер. Я должен обратиться к президенту Микласу, а я сам могу только подписать протокол в зависимости от решения президента Микласа».

Риббентрон: Нет, этого я сейчас не помню.

Максуэлл-Файф: Разве вы не помните, как Гитлер открыл дверь и позвал Кейтеля?

Риббентрон: Нет, я узнал об этом только здесь.

Максуэлл-Файф: Вы не помните, что Кейтель был вызван к Гитлеру для беседы с ним?

Риббентрон: Я уже сказал, что я ничего не слышал об этом.

Максуэлл-Файф: Вы знали, что Шушник подписал этот документ при условии, что эти требования будут выполнены в течение трех дней, иначе германские войска вступят в Австрию?

Риббентрон: Нет, этого я не знал.

Максуэлл-Файф: Посмотрите прежде всего на дневник подсудимого Иодля, запись от 13 февраля. Там сделана следующая запись:

«Вечером генерал К.» — это Кейтель — «попросил адмирала К.» — это адмирал Канарис — «и меня самого прийти на его квартиру. Он сказал нам, что в приказе фюрера говорится, что военный нажим следует продолжать видимостью военных действий до 15-го числа. Предложения об этих демонстрационных маневрах намечены и переданы фюреру по телефону для утверждения».

Вы говорили, что до подсудимого Иодля дошли какие-то слухи, ходившие в Бергхофе, что эти слухи явились результатом определенного приказа Кейтеля, это так?

Риббентроп: Я вообще ничего не знаю ни о каких военных мероприятиях, так что я не могу судить о значении этой записи. Фюрер не информировал меня о каких-либо военных мероприятиях в Австрии.

Максуэлл-Файф: Вы хотите сказать Трибуналу, что хотя вы были там, принимали участие в выработке документа, Гитлер ни разу не сказал вам ни слова о том, о чем он договаривался с подсудимым Кейтелем, который также там присутствовал?

Риббентроп: Да, это правильно.

Максуэлл-Файф: Тогда посмотрите на следующую записку от 14 февраля:

«В 2 ч. 40 м. было получено согласие фюрера... Канарис отправился в Мюнхен, в отдел иностранной контрразведки, и принял необходимые меры. Результат был быстрым и эффективным. В Австрии создается впечатление, что Германия проводит серьезные военные приготовления».

Вы хотите сказать Трибуналу, что вы ничего не знали ни об этих военных мероприятиях, ни о влиянии их на Австрию?

Риббентроп: Относительно военных мероприятий я ничего не знаю, но я считаю вполне возможным, что фюрер для того, чтобы придать большее значение своим пожеланиям, отдал какие-либо распоряжения.

Максуэлл-Файф: Именно поэтому я и говорю, что это способствовало решению вопроса, но ведь, несомненно, вы как министр иностранных дел империи, располагая всеми доступными вам как министру иностранных дел каналами информации, кое-что знали о результатах этого в Австрии, о которых Иодль говорил, что они были быстрыми и эффективными и что создалось впечатление, будто Германия ведет серьезную подготовку к войне. Вы хотите сказать Трибуналу под присягой, что вы ничего не знали о результатах этого в Австрии?

Риббентроп: Я хочу еще раз подчеркнуть, что ничего не знал о военных мероприятиях. Перед встречей Гитлера с Шушником и после этой встречи я до такой степени был занят тем, что принимал дела в министерстве иностранных дел, что я во-

обще ознакомился с австрийской проблемой только в общих чертах.

Максуэлл-Файф: И вы хотите, чтобы мы приняли вашу версию за истину, а не считали ее ложью, когда вы рассказываете о том, что, будучи министром иностранных дел, ничего не знали о результатах мероприятий в Австрии, предпринятых Кейтелем по приказу фюрера? Это ваш окончательный ответ?

Риббентроп: Я могу точно ответить на этот вопрос. Я слышал от фюрера, когда я несколько позже поехал в Лондон, что события в Австрии проходят примерно так, как об этом было договорено в Берхтесгадене. И это вообще первое упоминание об австрийском вопросе, которое осталось у меня в памяти. Каких-либо особых наблюдений в эти дни я не делал. Возможно, что сегодня я не помню некоторых подробностей, так как прошло уже много лет.

Максуэлл-Файф: Посмотрите на две следующие записки в дневнике Иодля. «15 февраля. Вечером опубликовано официальное коммюнике о положительных результатах конференции в Оберзальцберге. 16 февраля. Изменения в австрийском правительстве и общая политическая амнистия». Вы помните, я говорил вам, что Шушник подписал документ и что было поставлено условие о том, чтобы разрешить эти вопросы в течение трех дней. В течение трех дней действительно было созвано совещание о результатах мероприятий и было объявлено об изменениях в Австрии в соответствии с вашим письмом Шушнику. Вы видите, что это ясно, не правда ли?

Риббентроп: Как я вам сказал, о трех днях мне ничего неизвестно, но то, что эта встреча будет иметь умиротворяющие последствия, это было совершенно ясно.

Максуэлл-Файф: Вы называете это «умиротворением»? Вы хотите, чтобы Трибунал принял ваше утверждение, предполагая, что подсудимый Иодль говорит правду, или предполагая, что подсудимый Кейтель сказал ему, как утверждает Иодль, что эта подготовка к военным действиям должна быть реализована, что все это не представляет собой наиболее сильного политического и военного нажима, какой мог быть сделан на канцлера иностранного государства?

Риббентроп: Если рассматривать эту проблему с моей точки зрения, то это не так. Здесь речь идет о проблеме, которая при определенных условиях могла бы привести к войне в Европе, и я считал и говорил в Лондоне Галифаксу, что эта проблема должна быть разрешена и это будет лучше, чем если в Европе будет существовать такой назревший нарыв.

Максуэлл-Файф: Я не хочу подсказывать вам. Подразумеваете ли вы под вашим последним ответом, что лучше всего было оказывать политическое и военное давление на Шушника

до тех пор, пока эта проблема не будет разрешена? Эта ваша точка зрения?

Риббентрон: Если бы таким путем мог быть предотвращен конфликт, то есть война, я считаю, что этот путь был бы наилучшим.

Максуэлл-Файф: Скажите мне, почему вы и ваши друзья держали Шушнига в тюрьме в течение семи лет?

Риббентрон: Этого я не знаю. Мне кажется, что тогда Шушниг, очевидно, сделал что-либо такое, что нарушало интересы государства. Подробностей этого дела я не знаю. Но если вы говорите о тюрьме, то я должен сказать, что помню, как фюрер часто говорил и особо подчеркивал, что с Шушнигом следует обращаться особенно хорошо и вежливо и что он находится не в тюрьме, а в обыкновенном доме, что даже его жена находится вместе с ним и т. д. Больше я ничего не могу сказать.

Максуэлл-Файф: Вы не хотите сказать «в тюрьме»? Я заменяю это слово словами «Бухенвальд» и «Дахау». Он был и в Бухенвальде, и в Дахау. Вы думаете, что он наслаждался пребыванием там?

Риббентрон: О том, что Шушниг находился в одном из концентрационных лагерей, я впервые услышал здесь,— раньше я об этом не знал.

Максуэлл-Файф: Сейчас переходим к другой теме. Я намереваюсь задать вам несколько вопросов относительно вашего участия в делах Чехословакии.

Согласитесь ли вы со мной в том, что в марте 1938 года министерство иностранных дел, то есть вы, через вашего посла в Праге взяли под свой контроль деятельность партии судетских немцев, возглавляемой Конрадом Генлейном?

Риббентрон: Это неправильно.

Максуэлл-Файф: Слушайте, я буду зачитывать выдержки из письма к вам от вашего посла. Я хотел бы сослаться на первый абзац. «Линия германской иностранной политики, как она проводится германской миссией, исключительно решительна в отношении политики и тактики партии судетских немцев. Мои директивы», то есть вашего посла, «должны неуклонно выполняться». Параграф 2: «Публичные выступления и пресса также должны быть согласованы со мной. Состав издательства «Цейт» должен быть усилен». Параграф 3: «Партийное руководство должно проводить свою непримиримую линию, что в конечном итоге может привести к политическим осложнениям и к принятию линии постепенного продвижения интересов судетских немцев. Я должен принимать участие в решении всех поставленных вопросов, и они также не могут разрешаться без дипломатических мероприятий с моей стороны»...

После того как мы прочли это, согласны ли вы с тем, что деятельность партии судетских немцев должна была проводиться в соответствии с вашими директивами?

Риббентрон: Нет.

Максуэлл-Файф: Почему?

Риббентрон: Между партией судетских немцев и многими учреждениями империи существовала связь. И это вполне естественно, так как среди судетских немцев было сильное движение, направленное к установлению более тесных связей с империей, особенно после того, как Гитлер пришел к власти. Эти устремления начали оказывать отрицательное влияние на отношения между Германией и Чехословакией. И это письмо как раз является доказательством того, что я стремился эти бесконтрольные связи между судетскими немцами и империей постепенно каким-то образом взять в свои руки.

Максуэлл-Файф: Это не то, о чем я вас спросил. Я спрашиваю вас совершенно ясно, показывает ли это письмо, что партия судетских немцев с того времени действовала согласно вашим директивам? Вы еще отрицаете это?

Риббентрон: Да, я отрицаю это.

Максуэлл-Файф: Если вы отрицаете то, что я вам говорю, то что же значит письмо вашего посла, который пишет министерству иностранных дел, что линия германской политики, как передает германское посольство, имеет решающее значение для политики и тактики партии судетских немцев? Что же это значит, если не то, что вы сказали,— что партия вела свою работу под вашим руководством? Что же это может быть, если это не так?

Риббентрон: Это как раз и означает то, что я сейчас сказал. Посольство хотело упорядочить руководство судетскими немцами так, чтобы эта их подпольная работа не вызывала бы затруднений в отношениях между Германией и Чехословакией. Вот каков был смысл этих переговоров с посольством в Праге.

Максуэлл-Файф. Давайте посмотрим, в чем заключалась эта «разумная программа», которую вы предлагали.

На следующий день, 17 марта, Конрад Генлейн написал вам и предложил встретиться лично. Если вы посмотрите на страницу 26, вы найдете записи беседы, которую вы имели в министерстве иностранных дел 29 марта с Генлейном, Карлом Германом Франком и еще с двумя лицами.

Я хочу, чтобы вы посмотрели на четыре фразы.

«Имперский министр начал с того, что подчеркнул необходимость провести намечаемое совещание в полной тайне», а затем вы ссылаетесь на совещание фюрера с Конрадом Генлейном, которое имело место накануне днем.

«Очень важно предложить максимальную программу, конечной целью которой будет полная свобода для судетских немцев. Но опасно преждевременно удовлетвориться согласием Чешского правительства; это, с одной стороны, создаст впечатление за границей, что найдено решение этого вопроса, и, с другой стороны, это лишь частично удовлетворит судетских немцев»...

Если вы посмотрите на следующую фразу, то там говорится:

«Целью этих переговоров партии судетских немцев с Чехословацким правительством, в конце концов, является следующее: избежать вхождения в правительство», — обратите внимание на следующие слова: «расширением и постепенной конкретизацией требований».

А затем вы вносите ясность в позицию имперского кабинета: «Имперский кабинет сам должен воздерживаться от выступлений перед правительством Праги или перед Лондоном и Парижем в качестве защитника». Обратите внимание на следующие слова: «или умиротворителя в отношении требований судетских немцев».

Политика, о которой я вам сейчас говорю, заключалась в руководстве деятельностью судетских немцев. Последние должны были избежать соглашения с Чехословацким правительством, избежать участия в Чехословацком правительстве, а имперский кабинет, в свою очередь, должен был избегать положения, при котором он бы действовал как умиротворитель. Другими словами, благодаря вашему влиянию на судетских немцев вы предпринимали всяческие меры и делали все, что было в ваших силах, для того, чтобы никакое соглашение не было достигнуто ни в отношении этих трудностей, ни в отношении проблемы меньшинства. Разве это не так? Разве это не то, о чем вы говорили во время этой беседы?

Риббентрон: Нет, это не соответствует действительности.

Максуэлл-Файф: Дайте свое объяснение. Что же, по вашему, значили эти слова?

Риббентрон: Я пригласил Конрада Генлейна для того, чтобы сказать, что проблема судетских немцев должна назреть постепенно и без эксцессов. Требования судетских немцев уже тогда были большими. Они хотели присоединиться к империи. Это оставалось невысказанным или в некоторых случаях открыто высказывалось. Такое разрешение вопроса казалось мне опасным, и мне казалось, что надо это как-то взять в свои руки, ибо иначе это могло привести к войне.

Максуэлл-Файф: Это было 29 марта, и вы говорили Трибуналу несколько минут назад о своем стремлении к миру. Вы узнали через очень короткое время о том, что нечего было рассчитывать на мероприятия мирного порядка, не правда ли?

Вы помните об этом? Вы помните, когда Гитлер раскрыл вам, что он ведет военную подготовку к захвату Чехословакии той осенью?

Риббентрон: Гитлер очень мало говорил со мной о военных делах. Такого сообщения я не помню, но мне, конечно, было известно о том, что фюрер принял решение в определенные сроки решить эту проблему, и по опыту, полученному Германией в прошлом, ему было ясно, что может быть придется прибегнуть к каким-либо военным мероприятиям для того, чтобы подкрепить свои требования.

Максуэлл-Файф: Обратитесь к странице 31 вашей документальной книги. Это цитата из речи Гитлера в январе 1939 года. Он говорил: «В связи с этой нетерпимой провокацией, которая приняла еще более определенные формы в истине позорных преследованиях и терроре в отношении наших немцев, проживающих там, я пришел к решению окончательно и радикально разрешить судетскую проблему. 28 мая я дал приказ, это был первый приказ о подготовке военных мероприятий против этого государства — то есть Чехословакии, которые должны были быть закончены ко 2 октября. Я приказал решительно и быстро завершить подготовку нашего фронта обороны на Западе».

Я хочу вам напомнить об этом, так как 28 мая состоялось совещание, и об этом есть собственное замечание Гитлера. Он сказал: «Моим непреклонным желанием является стереть Чехословакию с карты мира». Вы теперь, быть может, вспомнили об этом совещании 28 мая?

Риббентрон: Мне кажется, что здесь я видел документ, относящийся к этому совещанию, но я не припоминаю этой встречи.

Максуэлл-Файф: Кажется, капитан Фриц Видеманн был еще адъютантом фюрера в то время; это было до его отъезда за границу. Он говорил, что вы были там. Вы отрицаете это?

Риббентрон: Я видел это, но считаю, что это ошибка Видеманна.

Максуэлл-Файф: Итак, вы думаете, что вы там не были?

Риббентрон: Я предполагаю, что это ошибка. Я не помню этой встречи. Точно я не могу сейчас сказать. Вообще меня Гитлер не привлекал к решению военных вопросов. Но я знал, что поговаривали о том, будто фюрер в течение 1938 года принял решение, как он сам говорил, отстоять права судетских немцев, и о том, что он именно с этой целью проводил военную подготовку. Это мне было известно, но в какой форме и в каком объеме это проводилось, — этого я не знаю.

Максуэлл-Файф: Другими словами, ваша точка зрения такова: вы знали, что военные приготовления производились, но вы не знали деталей того, что нам сейчас известно под названием «плана Грюн».

Риббентроп: Нет, подробности мне были неизвестны.

Максуэлл-Файф: Во всяком случае, вы знали достаточно для того, чтобы обсуждать с представителями иностранных держав возможный ход развития возможной войны. Посмотрите на страницу 34 — это заметка о беседе с итальянским послом. Я не знаю, кто из ваших официальных лиц принимал участие в этой беседе, но я хочу, чтобы вы взглянули на этот документ. Это запись от руки с грифом: «Для рейхсминистра, лично»: «Аттолико затем заметил, что мы действительно с предельной ясностью показали итальянцам наши намерения в отношении чехов».

Если вы взглянете на дату, то увидите, что это было 18 июля. Затем вы увидите, месяцем позднее, заметку, подписанную, кажется, лично вами 27 августа: «Аттолико нанес мне визит. Он получил новые письменные директивы от Муссолини с просьбой, чтобы Германия своевременно сообщила возможную дату нападения на Чехословакию. Муссолини просил о таком уведомлении, как уверил меня Аттолико, для того, чтобы иметь возможность своевременно принять необходимые меры на французской границе. Я ответил послу Аттолико, так же как это было однажды в прошлом, что я не могу назвать ему какую-либо дату, но что, во всяком случае, Муссолини будет первым, кого информируют о любом решении».

Так что вполне ясно — не правда ли? — что вам было известно о том, что общая подготовка Германии к нападению на Чехословакию началась, но дата конкретно еще не была указана, имелось лишь общее указание Гитлера о завершении подготовки к началу октября. Таково было положение в июле и августе, не правда ли?

Риббентроп: В августе в отношениях между Германией и Чехословакией в связи с этой проблемой уже возник кризис, и было ясно, что в это время уже задумывались над последствием этого кризиса и этот документ свидетельствует о том, что я говорил итальянскому послу, что в случае, если этот кризис перерастет в военную операцию, безусловно, об этом заранее будет сообщено Муссолини.

Максуэлл-Файф: И Муссолини должен был быть готов продемонстрировать на французской границе свою готовность помочь в осуществлении ваших военных планов. Это так?

Риббентроп: Это написано в документе. Об этом я ничего не знаю. Может быть, это сказал Аттолико. Если здесь это записано, — значит, он это сказал.

Максуэлл-Файф: Теперь обратитесь примерно к тому же самому времени (страницы 36—38). Это отчет о вашем совещании с венгерскими министрами Имреди и Канья, и мне хотелось бы в интересах экономии времени, чтобы вы попытались ответить на этот общий вопрос. Пытались ли вы во время этой беседы с Имреди и Канья обеспечить готовность венгров к нападению на Чехословакию в случае, если война разразится?

Риббентроп: Я не помню точного содержания документа. Разрешите мне еще раз прочитать его. Может быть, я смогу ответить по памяти. Я не знаю точно, что написано в документе, но я помню, что тогда кризис уже начался, и вполне естественно, что ввиду возможности военного конфликта в связи с судетской проблемой Германия и устанавливала бы в какой-либо форме связь с пограничными государствами. Это само собой разумеется.

Максуэлл-Файф: Но вы зашли несколько дальше установления связи с ними, не правда ли? Документ гласит в конце шестого абзаца: «Фон Риббентроп повторил, что все, стремящиеся к пересмотру данного вопроса, должны использовать удобный случай и принять в нем участие».

Риббентроп: Да, это как раз совпадает с тем, что сказал я. Я не знаю только, был ли таков ответ. Но совершенно очевидно, что в тот момент, когда я беседовал с этими господами, такая возможность конфликта была налицо. Это я помню. Совершенно очевидно также и то, что в таком случае было необходимо согласовать наши интересы. Я хотел бы упомянуть еще один момент, а именно, что Венгрия всегда самым тягостным для себя пунктом из условий мирного договора считала отторжение территорий на севере и была в них, конечно, очень заинтересована.

Максуэлл-Файф: Вы были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы предложить пересмотр вопроса? Взгляните на два последних абзаца. Они озаглавлены: «29-го числа». В вашем документе — это страница 38. Они начинаются так: «В отношении военной готовности Венгрии в случае германско-чешского столкновения Канья упомянул несколько дней назад, что его стране потребуется один-два года для того, чтобы развить соответствующим образом военную мощь Венгрии. Во время сегодняшнего разговора Канья внес поправку в это замечание и сказал, что военное положение Венгрии значительно улучшилось и что в отношении вооружения его страна будет готова принять участие в столкновении к 1 октября текущего года». Понятно? Я хочу сказать вам, что ваша позиция была совершенно ясна. Прежде всего вы подчинили судетских немцев своему контролю. Затем вы узнали от Гитлера, что велись военные приготовления, затем вы привлекли к этому итальянцев,

затем венгров. Вы привлекли всех, кто был готов к наступлению на Чехословакию. Вот о чем я сейчас вам говорю. Я хочу, чтоб вам это было совершенно ясно.

Риббентроп: Разрешите мне ответить на этот вопрос. Я уже говорил, что партия судетских немцев не находилась под моим контролем. А в общем я стоял и стою на той точке зрения, что судетские немцы на основании провозглашенного в 1919 году права народов на самоопределение пользовались основным правом решить, к кому они хотят присоединиться. Когда Гитлер пришел к власти, это стремление присоединиться к империи стало очень сильным, и Гитлер хотел разрешить эту проблему либо дипломатическим, либо иным путем. Это было совершенно ясно. Я лично принял все меры к тому, чтобы эта проблема была разрешена дипломатическим путем, но, с другой стороны, я делал все для того, чтобы создать такую ситуацию, которая позднее и привела к Мюнхену.

Максуэлл-Файф: Вы прекрасно знали о «плане Грюн», че правда ли? О том, что военные планы Гитлера охватывали покорение всей Чехословакии, не правда ли?

Риббентроп: Нет, этого я не знал, и что касается германо-судетской проблемы, то нужно сказать, что королевское Британское правительство само заключило в Мюнхене это соглашение, и эта проблема была разрешена так, как я этого хотел с точки зрения немецкой дипломатии.

Максуэлл-Файф: Я напоминаю вам о том, что «план Грюн» и гитлеровские планы в этом вопросе стали известны правительству Его Величества лишь только по окончании войны, после того, как этот документ был захвачен нами в качестве трофейного материала. Но я вас спрашиваю о следующем: вы говорите, что, будучи министром иностранных дел империи, вы не знали об этих военных планах, о том, что предполагался захват всей Чехословакии? Вы это утверждаете? И вы хотите, чтобы Трибунал вам поверил?

Риббентроп: Я еще раз повторяю, что само название «план Грюн» (зеленый) я прочел впервые здесь, в документах, и этого термина до сих пор я не знал. Конечно, позднее мне стало ясно, что в ходе событий после создания протектората Богемии и Моравии фюрер хотел решить эту проблему на более широкой основе.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы посмотрели на последний акт подготовки, которую вы проводили, и я предлагаю назвать это явной агрессией; если вы посмотрите на страницу 45 книги, лежащей перед вами, то увидите следующее письмо министерства иностранных дел посольству в Праге: «Пожалуйста, уведомите заместителя Кундта о требовании Конрада Генлейна немедленно связаться со словаками, побудить их начать

завтра выступление за свои требования автономии». Такова была дальнейшая деятельность вашего министерства, не правда ли? Затруднить положение правительства в Праге? Вы старались, чтобы ваши друзья побудили — употребляю ваши собственные слова — словаков начать выступление за автономию, это так? Этим занималось ваше министерство?

Риббентроп: Эта телеграмма действительно была послана министерством иностранных дел.

Максуэлл-Файф: Вы понимаете, что я говорю о том, что ваше министерство сделало тогда один из своих последних шагов, так как это было в середине кризиса, 19 сентября, пытаясь ослабить Чехословацкое правительство подстрекательством словаков к требованию автономии. Вы сказали, что вы лишь передавали желания Генлейна. Если вы настаиваете на такой формулировке, я не стану вас больше утруждать.

Я перехожу сейчас к тому, что произошло весной. Я задам вам один или два вопроса по этому поводу. Весной, следуя желаниям Гитлера, вы должны были добиться присоединения Богемии и Моравии к империи и заставить Словакию отделиться от Богемии и Моравии. Теперь взгляните на страницу 65 книги документов, лежащую перед вами. Это секретная зашифрованная телеграмма от министерства иностранных дел, то есть от вас, посольству в Праге.

«В отношении инструкций, переданных сегодня кодом по телефону: в случае, если вы получите какие-либо письменные сообщения от президента Гаха, пожалуйста, не предпринимайте никаких шагов и не делайте никаких, ни письменных, ни устных замечаний, а передавайте их сюда шифрованной телеграммой. Более того, я должен просить вас и других членов посольства, чтобы правительство Гаха, если оно захочет связаться с вами, не смогло вас застать в течение нескольких ближайших дней».

Почему вы были так заинтересованы в том, чтобы ваш посол не выполнял своих обычных функций и не устанавливал связи с Чешским правительством?

Риббентроп: Это произошло следующим образом. Я это хорошо помню. Чехословацкий министр иностранных дел Хвалковский в один из этих дней — это, очевидно, было в тот же день — пришел к послу в Праге и заявил, что чехословацкий президент Гаха хочет иметь аудиенцию у фюрера. Я об этом сообщил фюреру, и фюрер заявил, что он согласен дать аудиенцию чехословацкому премьер-министру или президенту. Фюрер вместе с тем заявил, что он сам хочет вести эти переговоры и не хочет, чтобы кто-либо из посольства в этом принял участие. Это было основанием для указанной телеграммы, и послана она была для того, чтобы в Праге ничего не предпринимали, так как принять решение должен был фюрер. Предварительно

я должен заметить, что в отношениях между нами и Прагой уже появились признаки кризиса.

Этим и следует объяснить посещение президента Гаха или, вернее, желание президента Гаха посетить фюрера.

Максуэлл-Файф: Хорошо, теперь я хотел бы вам напомнить, что вы и фюрер делали в течение того дня. Вы это увидите, если посмотрите на страницу 66. У вас и фюрера было совещание с Мейснером и подсудимым Кейтелем, а также с Дитрихом и Кепплером, и у вас было совещание со словами, с Тиссо. Вы помните об этом совещании?

Риббентрон: Да, я хорошо помню это совещание.

Максуэлл-Файф: Хорошо, тогда я задам вам общий вопрос и, пожалуй, без деталей. На этом совещании Гитлер и вы говорили словакам следующее:

«Если вы не объявите свою независимость, мы оставим вас на милость Венгрии». В одной этой фразе содержится неплохое резюме того, что говорили Гитлер и вы на этом совещании. Не правда ли?

Риббентрон: Это правильно только в некоторой степени.

Максуэлл-Файф: Вы можете увидеть, как словаки стремились к независимости и что предпринимали Гитлер и вы сами, чтобы добиться ее, если вы попытаетесь найти на странице 67 следующее:

«Теперь он разрешил министру Тиссо приехать сюда...». И несколько ниже, в середине абзаца, говорится о том, что Гитлер сказал, что он не потерпит этого неустойчивого положения внутри страны и поэтому разрешил Тиссо приехать и выслушать его решение. Это был вопрос не дней, а часов. И он тогда констатировал следующее: если Словакия хочет стать независимой, он будет поддерживать эту попытку и даже гарантировать ее осуществление; он будет держать свое слово до тех пор, пока Словакия будет явно стоять за независимость. Если же она начнет колебаться или выражать нежелание порвать связь с Прагой, он оставит Словакию на волю судеб и снимет с себя ответственность за нее.

Затем он спрашивает вас, не хотели ли вы что-нибудь сказать и вы, как указывается там, ответили:

«Министр иностранных дел империи также подчеркнул, со своей стороны, точку зрения о том, что в данном случае решение было вопросом часов, а не дней. Он показал Гитлеру донесение, которое он получил, о том, что венгерские войска двигались к словацкой границе. Фюрер прочел этот доклад и упомянул о нем Тиссо».

Отрицаете ли вы, что Гитлер и вы сами оказывали сильнейшее давление, какое вы только могли оказать на словаков с тем, чтобы они порвали отношения с Прагой и таким образом

оставили чехов одних встретить тот нажим, который должен был быть осуществлен через пару дней?

Риббентрон: Нет, это неправильно. Никакого сильного давления не было оказано.

Максуэлл-Файф: Еще вопрос, затем я перейду к беседе с Гаха. Помните ли вы, что за два дня до того Варкель и другой австрийский национал-социалист, подсудимый Зейсс-Инкварт, и несколько немецких офицеров около 10 часов вечера в субботу 11 марта отправились на заседание кабинета в Братиславу и заявили так называемому Словацкому правительству, что оно должно объявить независимость Словакии. Вы этого разве не знаете?

Риббентрон: Я не помню подробностей, однако мне кажется, что что-то в этом духе произошло, но подробностей я не помню.

Максуэлл-Файф: Вы присутствовали во время беседы президента Гаха и Гитлера 15 марта 1939 г.?

Риббентрон: Да, я присутствовал.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы, что во время этой беседы Гитлер сказал, что он отдал приказ германским войскам вступить в Чехословакию и что в 6 часов утра германская армия вторгнется в Чехословакию вдоль всей границы?

Риббентрон: Я уже не помню точно текста этого приказа, но я знаю, что Гитлер сказал Гаха, что он займет Богемию и Моравию.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы, что он сказал то, о чем я вас спрашивал, что он отдал приказ германским войскам вступить в Чехословакию?

Риббентрон: Да, это как раз то, что я сейчас сказал.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы, что подсудимый Геринг, как он сам сказал Трибуналу, сообщил президенту Гаха, что он отдаст германским военно-воздушным силам приказ бомбить Прагу?

Риббентрон: Нет, этого я не знаю, при этом я не присутствовал.

Максуэлл-Файф: Вы присутствовали все время при этой беседе, не правда ли?

Риббентрон: Нет, я не присутствовал, и если представитель британского обвинения даст мне возможность, то я расскажу, как обстояло дело.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы сейчас ответили на вопрос. Вы говорите, что вы не помните об этом. Во всяком случае, если подсудимый Геринг сам заявил, что он это сказал, согласитесь ли вы с тем, что это имело место?

Риббентрон: Если Геринг это сказал, то это действительно было так. Я только заявил, что я не присутствовал на

этом совещании между президентом Гаха и рейхсмаршалом Герингом.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы, как Гитлер заявил, что в течение двух дней чешская армия прекратит свое существование?

Риббентрон: В деталях я не помню этого; это была очень длинная беседа.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы, что Гитлер заявил, что в 6 часов войска вступят в пределы страны? Ему было даже стыдно говорить, что на каждый чешский батальон приходится чуть ли не германская дивизия.

Риббентрон: Очень возможно, что нечто подобное было сказано, но деталей я не помню.

Максуэлл-Файф: Если это действительно было сказано, тогда согласитесь ли вы со мной, что на президента Гаха оказывалось самое недопустимое давление?

Риббентрон: Несомненно, Гитлер говорил очень ясно. Но я должен сказать, что президент Гаха со своей стороны прибыл в Берлин для того, чтобы найти решение вместе с Гитлером. Он был ошеломлен тем, что должно начаться вступление германских войск в Чехословакию. Я точно это помню. Но затем он заявил о своей согласии и связался со своим правительством и начальником генерального штаба для того, чтобы германским войскам не оказывалось сопротивления, а затем подписал с Гитлером и министром иностранных дел Чехословакии составленное мной соглашение.

Максуэлл-Файф: Согласитесь ли со мной, что этого соглашения вы добились с помощью угрозы агрессивными действиями германской армии и военно-воздушных сил?

Риббентрон: Верно то, что фюрер сказал президенту Гаха, что германская армия вступит в Чехословакию и что этот документ был подписан под впечатлением этого заявления.

Максуэлл-Файф: Не думаете ли вы, что вы можете ответить прямо хотя бы на один из моих вопросов? Я вас снова спрашиваю, согласны ли вы со мной, что этого документа добились при помощи самого недопустимого давления и под угрозой агрессии? Это простой вопрос. Согласны ли вы?

Риббентрон: В такой формулировке — нет.

Максуэлл-Файф: Какой же еще больший нажим можно было оказать на руководителя страны, если не тот, что ваша армия должна была вступить в его страну, имея большое превосходство сил, и что ваши военно-воздушные силы должны были бомбить его столицу?

Риббентрон: Например, война. (Смех в зале.)

Максуэлл-Файф: А что же это, если это не война? Вы не считаете войной такое положение, при котором армия всту-

пает в пределы другого государства с соотношением сил: дивизия против батальона — и при котором военно-воздушные силы должны бомбить Прагу?

Риббентрон: Президент Гаха заявил фюреру, что он вручает судьбу своей страны в руки фюрера.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Мой вопрос совершенно простой, и я хочу, чтобы вы/на него ответили. Вы заявили нам, что этого соглашения добились после того, как были высказаны эти угрозы?

Риббентрон: Нет, этого я не сказал.

Максуэлл-Файф: Вы это сказали несколько минут назад.

Риббентрон: Нет.

Максуэлл-Файф: Я говорю вам, что этого соглашения добились при помощи угрозы войны. Разве это не так?

Риббентрон: Я думаю, что эта угроза была несравненно меньшей, чем те угрозы, под влиянием которых Германия в течение десятка лет находилась из-за Версальского договора и его санкций.

Максуэлл-Файф: Оставьте сравнения в стороне и ответьте теперь на мой вопрос. Вы согласны с тем, что это соглашение было достигнуто под угрозой войны?

Риббентрон: Оно было заключено под давлением, то есть под угрозой вступления войск в Прагу. Это не подлежит сомнению. Но решающим во всем этом деле было то, что фюрер объяснил президенту Гаха причины того, почему он должен это сделать, и Гаха, в конце концов, заявил о своей согласии, после того как он связался со своим правительством и со своим генеральным штабом и узнал их точку зрения. Правда, совершенно верным является то, что фюрер решил при всех условиях разрешить этот вопрос. Причиной было то, что фюрер считал, что здесь, в оставшейся части Чехии, составляет заговор против германской империи. Итак, фюрер это сделал потому, что он думал, что он должен сделать это ради высших интересов и ради защиты Германии. Разрешите привести здесь сравнение: президент Рузвельт, например, заявил о своей сфере интересов в западном полушарии, Англия распространила свои интересы на весь земной шар. Я думаю, что эта заинтересованность в пространстве, сама по себе проявленная фюрером в отношении Чехословакии, не является чем-то порочащим великую державу, — о методах можно говорить, что угодно. Во всяком случае, верно одно, а именно то, что эти страны были заняты без пролития хотя бы одной капли крови.

Максуэлл-Файф: Их заняли абсолютно без кровопролития, потому что вы угрожали ввести большое количество войск, бомбить Прагу, если они не согласятся. Так это или нет?

Риббентрон: Нет, не потому, что мы угрожали силой, а потому, что ранее было заключено соглашение о том, что германские войска беспрепятственно вступят в страну.

Максуэлл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы сейчас сообщили нам ваши взгляды на один-два общих вопроса в отношении Великобритании. Верно ли то, что, когда вы направились в Лондон в качестве германского посла, вы считали, что возможности достигнуть соглашения — минимальны, что фактически в пользу взаимного понимания с Англией существует один шанс против ста?

Риббентрон: Да, шансов было мало.

Максуэлл-Файф: Это были ваши собственные слова, не правда ли? Что шансы выражались пропорцией один на сто? Вы помните, что вы это сказали?

Риббентрон: Сто к одному? Я не помню, чтобы я так сказал, но я хотел бы кое-что добавить к этому. Я сказал Гитлеру, что шансы невелики, и я также сказал Гитлеру, что я сделаю все, чтобы добиться, несмотря ни на что, взаимопонимания между Англией и Германией.

Максуэлл-Файф: Итак, когда вы покидали Англию, считали ли вы, что война неизбежна? Когда вы выехали из Англии, когда вы перестали быть послом, вы считали, что война неизбежна?

Риббентрон: Нет, я не думал, что война неизбежна, но я был убежден в том, что существовала возможность возникновения войны при том положении, которое имело место в Англии.

Максуэлл-Файф: Когда вы выехали из Англии, сказали ли вы, что вы не считаете, что война неизбежна?

Риббентрон: Я не могу сказать, была ли война неизбежна или ее можно было избежать; во всяком случае, мне было ясно, что при таком развитии политики Англии по отношению к Германии могли иметь место военные эксцессы.

Максуэлл-Файф: Теперь взгляните на страницу 170, второй абзац. В нем сказано следующее: «Он, германский министр иностранных дел, был больше чем скептически настроен при приезде в Лондон и считал, что шансы против соглашения были сто против одного. В Англии преобладает мнение подстрекателей войны, — сказал он, когда он, имперский министр иностранных дел, покидал Англию, — и война неизбежна». Вы сказали это послу Осима?

Риббентрон: Я не помню, сказал ли я действительно так. Но это дипломатический язык, и очень возможно, что мы тогда, исходя из общего положения, считали целесообразным говорить так с послом Японии... Я не думаю, что это является каким-либо доказательством. Может быть, я хотел втянуть его в войну с Англией и поэтому так резко говорил.

Максуэлл-Файф: Вы, вероятно, сказали ему неправду?

Риббентрон: Я не знаю. Я также не знаю, было ли это точно записано.

Максуэлл-Файф: Это ваш собственный протокол совещания, имеющийся в захваченном немецком документе.

Риббентрон: Вполне возможно. Но многие вещи говорятся по дипломатическим причинам, и не каждое слово взвешивается. Во всяком случае, справедливо то, что, когда я покидал Лондон, война не казалась неизбежной, но, несомненно, я, покидая Лондон, был настроен скептически, я не знал, куда все это приведет в будущем, и это прежде всего потому, что английская военная партия была очень сильной.

Максуэлл-Файф: Когда вы покинули Англию, не считали ли вы, что германская политика должна внешне выражаться в дружбе с Англией, а на самом деле — проводиться по линии создания коалиции, направленной против нее?

Риббентрон: Это неверно. Мне было ясно, когда я стал министром иностранных дел, что осуществление германских устремлений в Европе было очень трудным делом и что прежде всего Англия мешала осуществлению этих желаний. В течение многих лет я, по поручению фюрера, пытался путем дружественных взаимоотношений с Англией осуществить эти планы.

Максуэлл-Файф: Теперь я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос: говорили ли вы фюреру, что правильной политикой было внешне поддерживать дружеские отношения с Англией, а в действительности создавать коалицию против нее? Говорили вы это или нет?

Риббентрон: Нет, в такой формулировке это неверно.

Максуэлл-Файф: Раз вы сказали «нет», взгляните на документ ТС-75, ВБ-28, а также на ваши выводы. Это внизу, параграф 5, конец страницы 3.

«Поэтому следует сделать такой вывод: внешне изображать дружбу и взаимопонимание с Англией, защищая интересы наших друзей, а более тайно, но неуклонно создавать коалицию против Англии, то есть на практике укреплять нашу дружбу с Италией и Японией, а также перетянуть на свою сторону страны, чьи интересы прямо или косвенно совпадают с нашими, — по дипломатической линии осуществлять сотрудничество трех великих держав для достижения этой цели».

И последняя фраза: «Независимо от того, какие политические шаги будут приняты для сближения с нами, — каждый день, когда наши политические решения не основываются главным образом на мысли о том, что Англия является нашим самым опасным противником, пойдет на пользу нашим врагам». Почему же вы минуту назад сказали Трибуналу, что вы не советовали фюреру поддерживать видимость дружеских

отношений с Англией, а на самом деле создавать коалицию против нее?

Риббентрон: Я вообще не знаю, что это за документ. Можно мне взглянуть на него?

Максуэлл-Файф: Этот документ подписан вами 2 января 1938 г. Это ваш собственный отчет фюреру.

Риббентрон: Да. Это верно само по себе. Это действительно является решающим. Только таким путем мы в один прекрасный день могли прийти к соглашению с Англией или к конфликту. Ситуация в то время была совершенно ясна: Англия выступала против желания Германии произвести ревизию. Это пожелание фюрер называл мирным, и мне казалось возможным лишь с помощью сильного дипломатического давления побудить Англию к тому, чтобы дипломатическим, а не военным путем она в конце концов дала на это свое согласие. Таково было, без сомнения, положение в то время.

Максуэлл-Файф: Я хочу знать, почему пять минут назад вы сказали Трибуналу, будто не давали Гитлеру советов, содержащихся в выдержке, которую я зачитал вам?

Риббентрон: Какой совет, простите, я не понял?

Максуэлл-Файф: Внешне изображать взаимопонимание с Англией, а втайне создавать коалицию против нее. Я два раза задавал вам этот вопрос, а вы отрицали. Я хочу знать: почему вы отрицали?

Риббентрон: Я совершенно ясно сказал, что Англия выступала против германских устремлений и что поэтому Германии, если она хотела отстоять свои требования, ничего не оставалось, как только искать себе друзей и с помощью этих друзей побудить Англию начать дипломатические переговоры, в результате которых Англия согласилась бы на выполнение пожеланий Германии, причем все это нужно было достичь дипломатическим путем. Вот в чем заключалась моя задача.

Максуэлл-Файф: Теперь я хочу, чтобы вы коснулись вопроса об отношениях с Польшей. Согласны ли вы с тем, что до момента заключения Мюнхенского соглашения в речах всех германских государственных деятелей очень много говорилось о любви и уважении к Польше? Вы согласны с этим?

Риббентрон: Да.

Максуэлл-Файф: Какова была цель того, что отражено в меморандуме министерства иностранных дел от 26 августа 1938 г.? Я вам назову номер страницы. Страница 107 вашей книги документов. Я хотел бы, чтобы вы взглянули на четвертый абзац, начинающийся со слов: «Этот метод подхода к вопросу о Чехословакии рекомендуется ввиду наших отношений с Польшей. Тот факт, что Германия переместила свои интересы с юго-восточной границы на восточную и северо-восточную

границы, неизбежно заставит поляков серьезно призадуматься. После ликвидации чешского вопроса общее мнение будет таково, что наступила очередь Польши, но чем позднее мировая общественность это поймет, тем лучше».

Это правильно отражает намерения германской внешней политики в то время?

Риббентрон: Без сомнения, нет, ибо, во-первых, я даже не знаю, о каком документе идет речь. Как кажется, этот документ был составлен каким-нибудь референтом министерства иностранных дел, где иногда писались такие теоретические работы. Поэтому я не помню, чтобы я его читал. Попал ли он ко мне, я также сейчас не помню, но возможно, что такие идеи обуревали некоторых из наших сотрудников. Это возможно.

Максуэлл-Файф: Понятно. Итак, если вы не согласны, то взгляните на страницу 110, где вы найдете выдержку из речи Гитлера, произнесенной во дворце спорта 26 сентября 1938 г. В конце этой выдержки говорится, что фюрер высказался в отношении Польши после того, как воздал должное Пилсудскому. «Мы все уверены в том, что это соглашение приведет к длительному умиротворению. Мы понимаем, что здесь речь идет о двух народах, которые должны существовать вместе, и ни один из них не должен покидать другого. Народ из 33 миллионов всегда будет стремиться найти выход к морю. Поэтому необходимо было найти путь к взаимопониманию. Этот путь найден, и он все время будет расширяться. Конечно, в этом отношении были трудности. Национальные меньшинства и национальные группы часто ссорились между собой. Но основное — это то, что оба правительства и все благоразумные и дальновидные люди этих двух стран обладают крепкой волей и решимостью улучшить свои взаимные отношения. Это действительно является более ценными усилиями для достижения мира, чем вся болтовня во дворце Лиги наций в Женеве».

Как вы думаете, это было честное высказывание?

Риббентрон: Да, думаю, что таково было личное мнение фюрера в то время.

Максуэлл-Файф: Таким образом, в то время все вопросы об обращении с меньшинствами в Польше считались несущественными вопросами. Не так ли?

Риббентрон: Нет, они не были несущественными. Это был очень трудный пункт отношений между нами и Польшей, который постоянно существовал, и фюрер такими высказываниями пытался преодолеть это противоречие.

Максуэлл-Файф: Во всяком случае, вы согласитесь со мной, что речи того времени были полны похвал и дружеских высказываний по отношению к Польше?

Риббентрон: Да, мы надеялись на то, что мы сумеем удовлетворительно и разумно решить таким образом вопрос о немецком национальном меньшинстве в Польше. Это было нашей политикой начиная с 1934 года.

Максуэлл-Файф: И немедленно после Мюнхена вы впервые поставили вопрос о Данциге в беседе с Липским в октябре?

Риббентрон: Да, правильно, 28 октября.

Максуэлл-Файф: А поляки дали ответ 31-го числа через Липского. Вы, вероятно, получили этот ответ днем позже. В нем содержалось предложение о двустороннем соглашении между Германией и Польшей, но указывалось, что возвращение Данцига Германии приведет к конфликту.

Я изложил вам этот вопрос в общих чертах. Я только хотел напомнить вам об общем содержании ответа. Вы помните?

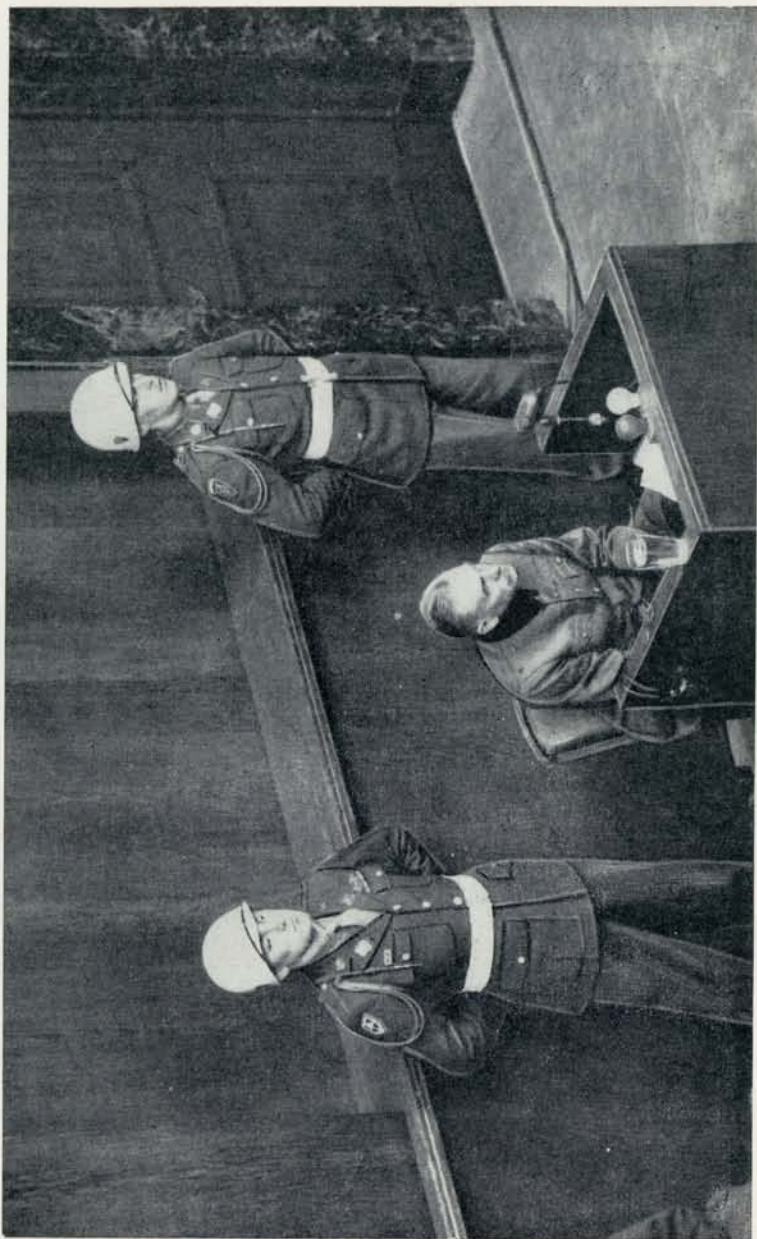
Риббентрон: Насколько я помню, это было не совсем так. Фюрер поручил мне — это было как раз 28 октября — вызвать посла Липского в Берхтесгаден. Это поручение было дано, так как фюрер, по-видимому, продолжая придерживаться, может быть, этой своей речи во дворце спорта, — сейчас я уже не помню точно, желал теперь выяснить отношения со всеми своими соседями. И именно с Польшей. Поэтому он поручил мне, чтобы я переговорил с Липским по вопросу о Данциге и по вопросу о воссоединении с Восточной Пруссией. Я пригласил к себе посла Липского и в очень дружественной атмосфере представил ему эти положения. Посол Липский отнесся к ним очень сдержанно, сказав, что Данциг, во всяком случае, не является простой проблемой, но что он запросит об этом свое правительство. Я просил его это сделать в ближайшее время и сообщить мне об этом. Это было началом переговоров с Польшей.

Максуэлл-Файф: Хорошо, а теперь перейдите, пожалуйста, к странице 114: там имеется запись беседы Бека с Гитлером 5 января. Я хочу обратить ваше внимание лишь на последний абзац, в котором речь идет о том, что после того, как Бек сказал, что вопрос о Данциге очень сложный, «канцлер заявил в ответ на это, что для того, чтобы разрешить этот вопрос, будет необходимо найти что-то совершенно новое, новую форму, которая, с одной стороны, обеспечила бы интересы германского населения, а, с другой стороны, — польские интересы. В дополнение канцлер заявил, что министр может быть совершенно спокоен: он не будет поставлен перед свершившимся фактом в отношении Данцига, и ничего не будет сделано для того, чтобы усложнить положение Польского правительства». Скажите, прочли ли вы это, а затем я задам вам вопрос.

Риббентрон: Да, я читал это.

Риббентрон во время допроса

Кейтель во время допроса

Максуэлл-Файф: Теперь взгляните на краткое изложение вашей беседы с Бекком на следующий день. Это страница 115, в начале второго абзаца вы прочтете, что после того, как господин Бек упомянул о Данциге, вы сказали: «В» ответ Риббентроп вновь подчеркнул, что Германия не ищет никакого решения путем применения силы». Вот почти дословно то, что сказал Гитлер за день до этого. Вы видите это?

Риббентроп: Да.

Максуэлл-Файф: Теперь возвратимся к странице 113. Это — распоряжения подсудимого Кейтеля, точнее, передача Кейтелем приказа фюрера о Данциге, датированного 24 ноября, изданного за шесть недель до этого. Он является дополнением к приказу от 21 октября. Там сказано:

«Помимо трех вариантов, упомянутых в инструкции от 21 октября, следует также проводить подготовку, которая дала бы возможность врасплох оккупировать немецкими войсками свободный город Данциг. Оккупация Данцига. Подготовка будет проведена на следующей основе. Условия оккупации следующие: революционный порядок оккупации Данцига, использование политически благоприятной обстановки, но не война против Польши». Вам было известно об этих инструкциях?

Риббентроп: Нет, мне это было неизвестно. Этот приказ или что-то подобное я вижу в первый раз.

Максуэлл-Файф: Гитлер должен был знать об этом приказе, не правда ли? Ведь это приказ фюрера?

Риббентроп: Безусловно, и я поэтому полагаю, и как раз хотел это добавить для того, чтобы представителям британского обвинения было ясно, что политика и военные дела — здесь две совершенно разные вещи. Нет сомнения в том, что фюрер, учитывая трудности, которые постоянно возникали в связи с Данцигом и Коридором, отдавал какие-то военные приказы на всякий случай, и я полагаю, что здесь речь идет об одном из таких приказов. Я вижу его сегодня впервые.

Максуэлл-Файф: Допустим, что вам было известно об этих приказах, и вы тем не менее утверждали бы 5 января, что Германия не стремится поставить поляков перед свершившимся фактом или перед решением, навязанным силой. Если бы вы знали об этом приказе, вы тем не менее, сказали бы это?

Риббентроп: Если бы я знал об этом приказе и рассматривал бы его так, как я и должен был его рассматривать, а именно как приказ генерального штаба, рассчитанный на возможные осложнения, то я бы все равно остался при своем мнении, так как я считаю, что задачей генеральных штабов является принципиальная подготовка к решению всех проблем, которые могут возникнуть. К политике это, в конце концов, не имеет никакого отношения.

Максуэлл-Файф: К политике не имеет отношения тот факт, что имеется совершенно определенный план, предусматривающий, каким образом свободный город Данциг должен быть занят германскими войсками врасплох? Никакого отношения к политике не имеет то, что вы говорите полякам, что они не будут поставлены перед свершившимся фактом? По-видимому, так вы представляете себе, как надо вести дела? В таком случае, я оставляю этот вопрос.

Риббентрон: Нет, я должен добавить то, что я знаю, а именно то, что фюрер долгое время был озабочен, особенно в 1939 году, тем, что Польша может внезапно напасть на Данциг, так что хотя я человек и не военный, однако мне кажется естественным то, что решение таких проблем как-то подготавливается. О деталях этого приказа я, конечно, не могу судить.

Максуэлл-Файф: Итак, когда вы узнали о том, что Гитлер решил напасть на Польшу?

Риббентрон: То, что Гитлер рассчитывал и на военные действия в Польше, я услышал в первый раз, насколько я помню, в августе 1939 года. То, что он уже до этого, безусловно, принял некоторые подготовительные меры какого-либо рода на всякий случай, — явствует из самого этого приказа в отношении Данцига. Но об этом приказе я, собственно, не узнал ничего, и я не помню, чтобы я в то время получал какие-либо сведения военного порядка. Я помню, что я ничего не знал об этом.

Максуэлл-Файф: Утверждаете ли вы перед Трибуналом, что вам не было известно в мае, что истинные взгляды Гитлера заключались в том, что не Данциг является основным спорным вопросом, а основной целью являлся захват жизненного пространства на Востоке?

Риббентрон: Нет, в этом смысле я не знал об этом. Фюрер, правда, говорил иногда о жизненном пространстве, это верно, но я не знал, что он намеревается напасть на Польшу.

Максуэлл-Файф: Хорошо, тогда взгляните на страницу 117 вашей папки. Там имеется запись совещания от 23 мая 1939 г. в новой имперской канцелярии. Она начинается: «Данциг вовсе не является предметом спора. Вопрос заключается в том, чтобы расширить наше жизненное пространство на Востоке, обеспечить наши продовольственные ресурсы и решить проблему Балтики. Продовольственные ресурсы можно получить только в таких редко населенных районах, которые настолько плодородны, что после того, как Германия использует их, их плодородие все же сильно увеличится. Другой возможности в Европе нет».

Вы хотите сказать Трибуналу, что Гитлер никогда не высказывал вам подобной точки зрения?

Риббентрон: Может быть, это покажется странным, но я хотел бы прежде всего сказать, что я, очевидно, не был на этом совещании. Это военное совещание, а фюрер всегда проводил совещания по военным вопросам отдельно от политических совещаний. Правда, иногда фюрер в общих чертах говорил о том, что мы должны иметь жизненное пространство, но о намерении напасть на Польшу в то время, то есть в мае 1939 года, я ничего не знал, и об этом он мне ничего не говорил.

Максуэлл-Файф: Вы хотите сказать, что Гитлер сознательно держал вас в неведении о своих истинных намерениях, о том, что Данциг не являлся предметом спора, и с тем, что он в действительности желал добиться жизненного пространства. Это вы хотите сказать?

Риббентрон: Да, я полагаю, что он делал это сознательно...

Максуэлл-Файф: Тогда взгляните еще на один, очень краткий абзац, немного дальше. Гитлер говорит: «О том, чтобы пощадить Польшу, не может быть и речи, и перед нами нет другого выбора чем при первой возможности напасть на нее. Мы не можем ожидать повторения чешских событий. Война будет. Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу».

Вы хотите сказать Трибуналу, что он вам как министру иностранных дел никогда не говорил об этом?

Риббентрон: Нет, в то время он этого не говорил. Насколько я помню, — лишь значительно позже, летом 1939 года, он говорил о том, что решил разрешить эту проблему — как он сам выразился — тем или иным путем.

Максуэлл-Файф: И вы утверждаете, что вам не было известно в мае о том, что Гитлер хотел войны?

Риббентрон: Нет, в этом я вовсе не был уверен.

Максуэлл-Файф: Из этого документа явствует, что он хотел войны, не так ли?

Риббентрон: Этот документ, без сомнения, говорит о том, что существовало намерение напасть на Польшу...

Максуэлл-Файф: Теперь я хочу, чтобы вы имели в виду то, что, по словам Чиано, вы сказали ему, кажется, 11 или 12 августа, я полагаю, в Зальцбурге; там были вы и Гитлер. Помните, что согласно дневнику Чиано он спросил вас: «Что вы хотите — Польский коридор или Данциг»? А вы взглянули на него и сказали: «Нет, мы этого больше не хотим. Мы хотим войны». Вы помните это?

Риббентрон: Я тогда сказал Чиано: «Фюрер решил так или иначе разрешить польскую проблему». Вот установка, которую я получил от фюрера.

Максуэлл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы взглянули на запись более поздней беседы, которую вы имели с Муссолини и Чиано немного спустя, 10 марта 1940 г., то есть примерно через девять месяцев. Взгляните на документ ПС-2835 — беседа между вами, Муссолини и Чиано 10 марта 1940 г. Она начинается следующими словами:

«Германский министр иностранных дел напомнил, что в Зальцбурге он действительно сказал графу Чиано о том, что он не думает, что Англия и Франция помогут Польше, но что тем не менее надо всегда иметь в виду возможность вмешательства западных держав. Теперь он доволен ходом событий, так как ему всегда было ясно, что рано или поздно должны были возникнуть разногласия, поскольку они неизбежны».

Далее вы говорите, что хорошо было бы поскорее закончить с конфликтом, пока жив фюрер.

Риббентрон: Да, это было после того, как началась война, не правда ли?

Максуэлл-Файф: Да. Я обращаю ваше внимание на следующие слова: «Теперь он доволен ходом событий, так как ему всегда было ясно, что рано или поздно должны были возникнуть разногласия, они неизбежны», а если вы посмотрите, где он говорил «во-вторых»...

Риббентрон: Разрешите мне ответить на это?

Максуэлл-Файф: Да, но я заявляю вам, что это совершенно очевидно показывает, что Чиано прав и что вы были очень довольны, что дело дошло до войны, так как вы считали, что это своевременно.

Риббентрон: Я не могу найти это место. Напротив, здесь также сказано, что мы всегда считались с возможностью вмешательства западных держав. Это же здесь ясно сказано.

Максуэлл-Файф: Но я обращаю ваше внимание на вторую часть. Я не говорю о вмешательстве англичан. Я говорю: «Теперь он доволен ходом событий», и если вы посмотрите далее, во втором абзаце говорится: «Во-вторых, тогда, когда Англия ввела всеобщую воинскую повинность, стало ясно, что отношения между державами, в конце концов, не могли разрешиться благоприятно для Германии и Италии». Перед тем как вы ответите на мой вопрос, взгляните на следующую фразу: «Это, так же как и другое, имело исключительное влияние на решение фюрера разрешить польский вопрос, даже несмотря на угрозу вмешательства западных держав. Однако решающим фактором является то, что великая держава не могла примириться с некоторыми существовавшими положениями».

Риббентрон: Это кажется мне правильным.

Максуэлл-Файф: И такова была тогда ваша точка зрения и точка зрения, которую вы позже признали своей, — что

вы были полны решимости разрешить польский вопрос, даже если это означало бы войну? Чиано был прав, когда сказал, что вы хотели войны. Вот что я утверждаю по поводу вас.

Риббентрон: Нет, это неверно. Я тогда сказал Чиано в Берхтесгадене, что фюрер решил разрешить эту проблему тем или иным путем. Это высказывание было нужно уже и потому, что фюрер был убежден, что, как и всегда, то, что становится известно в Риме, немедленно передается в Париж, Лондон и другие города. Поэтому он хотел, чтобы мы говорили ясно, чтобы Италия в дипломатическом отношении стояла на нашей стороне.

Максуэлл-Файф: Вы не присутствовали на совещании фюрера со своими генералами 22 августа, но вы, наверное, неоднократно на этом процессе слышали содержание протокола этого совещания. Вы помните, что, согласно протоколу, фюрер заявил: «Для того чтобы объяснить начало войны, я дам повод пропагандистского характера; неважно, — правдоподобен ли этот повод; победителя потом не будут спрашивать, сказал ли он правду. При развязывании войны имеет значение не право, а победа».

Вот что было сказано в Оберзальцберге. Говорил ли вам Гитлер когда-нибудь что-либо подобное?

Риббентрон: На совещании 22 августа я не присутствовал.

Максуэлл-Файф: Правильно ли я вас понял, что вам не было известно о контакте между Квислингом и подсудимым Розенбергом весной и летом 1939 года? Это было задолго до войны.

Риббентрон: Да. Это верно, я знал, что Розенберг имел друзей в Норвегии, и, конечно, при этом упоминался и Квислинг, но для меня эта фамилия в то время ничего не означала. По желанию фюрера я предоставил Розенбергу определенные суммы денег для его друзей в Норвегии, для газет, пропаганды и тому подобных вещей.

Максуэлл-Файф: Насколько я понял ваши показания, вам не было известно, что некоторые люди Квислинга обучались в тренировочной школе в Германии в августе 1939 года, до войны?

Риббентрон: Я не помню этого. Я узнал об этом здесь, из одного документа. Но, насколько я помню, в то время я ничего не знал об этом, а если бы и знал, то не в подробностях.

Максуэлл-Файф: Было ли вам известно, что немцы, проживающие в Норвегии, были использованы для того, чтобы расширить штат различных германских официальных органов, посольств и консульств вскоре после начала войны?

Риббентрон: Нет, сейчас я этого вообще не помню. Я в то время ничего конкретного не знал об этом, если это и было так.

Максуэлл-Файф: В то время, в декабре 1939 года, было ли вам известно, что Квислинг два раза беседовал с Гитлером — 16 и 18 декабря?

Риббентрон: Нет, этого я тоже не знал.

Максуэлл-Файф: Вспоминаете ли вы об одном письме Кейтеля, в котором он писал: «Военная оккупация Дании и Норвегии в течение долгого времени подготовлялась по приказу фюрера верховным командованием вооруженных сил. Поэтому у верховного командования вооруженных сил было много времени для того чтобы заниматься всеми вопросами, связанными с осуществлением этой операции».

Риббентрон: Я хочу лишь коротко пояснить следующее. Я не знаю почему, но я получил это письмо также несколькими днями позднее. Первое сообщение о намерении занять Норвегию ввиду предстоявшей там высадки англичан я получил от фюрера за тридцать шесть часов до выполнения этого плана. Следовательно, это письмо где-то задержалось. Я его увидел позднее.

Максуэлл-Файф: Тогда перейдем к вопросу о Голландии.

Вы слышали, как я и, видимо, другие, неоднократно оглашали заявление Гитлера от 22 августа 1939 г., а именно:

«Другая возможность — это нарушение голландского, бельгийского и швейцарского нейтралитета. У меня нет сомнения в том, что все эти государства, а также Скандинавия, будут защищать свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция не нарушат нейтралитета этих стран». Это сказал Гитлер 22 августа. Вас там не было, и я вновь вас спрашиваю: высказал ли он вам такое же мнение?

Риббентрон: Нет, он этого не сделал.

Максуэлл-Файф: Но было ли вам известно, что 7 октября 1939 г. был издан приказ по армейской группе о том, что армейская группа «В» должна провести полную подготовку для немедленного вторжения на голландскую и бельгийскую территории, если политическое положение этого потребует. Вам было известно об этом приказе от 7 октября?

Риббентрон: Нет, я думаю, что я только здесь его увидел. Я ранее не знал о существовании такого приказа.

Максуэлл-Файф: А было ли вам известно о том, что 9 октября Гитлер издал следующую директиву: «Продолжительный период ожидания не только может быть благоприятен для западных держав, Бельгии и, может быть, также для нейтралитета Голландии, но и укрепит в большой степени военную мощь наших врагов, уменьшит веру нейтральных стран в окон-

чательную победу Германии. Следует проводить подготовку к нападению на северный фланг Западного фронта через территорию Люксембурга, Бельгию и Голландию. Это нападение должно быть совершено как можно скорее и с применением большой силы». Вам было известно, что Гитлер издал эту директиву 9 октября?

Риббентрон: Нет, я ничего не знал об этом.

Максуэлл-Файф: Таким образом, что касается вас, то, как вы утверждаете здесь, на Суде, Гитлер делал многочисленные заверения в августе и октябре, не сообщив своему министру иностранных дел о том, что 7 и 9 октября он отдал директиву о нападении на Голландию и Бельгию? Вы говорите, что он не сказал вам об этом приказе или директиве о нападении на Голландию? Вы уверены в этом?

Риббентрон: Да, я почти что уверен в этом, так как я бы помнил это. Я знаю одно, а именно то, что после окончания войны с Польшей поговаривали о наступлении на Запад. Но я ничего не слышал о каких-либо приказах.

Максуэлл-Файф: Понятно. Если вы так говорите, тогда перейдем к вопросам, в отношении которых вы были немного лучше осведомлены. Помните ли вы встречу, которую Гитлер и вы имели с Чиано в Оберзальцберге 12 августа 1939 г.?

Риббентрон: Да, я видел здесь этот документ.

Максуэлл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы взглянули на этот документ. Это на странице 181. Я хочу, чтобы вы следили в то время, как я оглашу выдержку, которая начинается со следующего: «В общем и целом лучше будет ликвидировать псевдонейтралов одного за другим. Это можно довольно легко сделать, если один партнер оси будет прикрывать тыл другого, в то время как этот приканчивает одного из таких ненадежных нейтралов».

Во время посещения принца-регента Павла он, Гитлер, высказал пожелание, особенно имея в виду Италию, чтобы принц Павел каким-нибудь действием сделал ясной свою позицию в отношении оси. Он имел в виду более тесную связь с осью и то, чтобы Югославия вышла из Лиги наций. Принц Павел согласился на последнем. И недавно принц-регент посетил Лондон и стремился получить поддержку у западных держав... Произошло то же самое, что и в отношении Гафенку, который также вел себя очень понимающе, когда находился в Германии, и отрицал всякую заинтересованность в целях, преследуемых западными демократами».

Такова была формулировка гитлеровской политики, и, как я понимаю, вы содействовали этой политике — ликвидировать псевдонейтралов одного за другим и включить Югославию в число этих нейтралов?

Риббентрон: Нет, это нельзя так понимать. Я должен по этому поводу сказать следующее: ситуация в то время была такова, что Гитлер хотел во что бы то ни стало держать Италию в повиновении. Италия всегда была неустойчивым партнером. Поэтому фюрер в то время и говорил в такой форме для того, чтобы сказать Италии, что в случае, если с Югославией возникнут трудности, он окажет Италии помощь. Это можно понять, только учитывая создавшееся положение, а положение было таково. Германия с помощью Италии уже добилась некоторых изменений в Европе мирным путем. Это касается Данцига и Коридора, причем Муссолини помогал Гитлеру. Я помню, какова была ситуация.

Максуэлл-Файф: Вы отрицаете, что такова была ваша политика — ликвидировать неустойчивых нейтралов?

Риббентрон: Нет, дело обстояло иначе, это нельзя понимать дословно. В дипломатических разговорах часто называют вещи не своими именами.

Максуэлл-Файф: Такова была постоянная точка зрения Муссолини, что на Балканы надо напасть при первой возможности?

Риббентрон: Этого я не знаю.

Максуэлл-Файф: Взгляните на документ ПС-2818 — это дополнительный секретный протокол к союзному договору о дружбе между Германией и Италией, заключенному 22 мая 1939 г. Здесь имеются некоторые комментарии Муссолини от 30 мая 1939 г. Вы видите?

Риббентрон: Да, я нашел их.

Максуэлл-Файф: В параграфе 1 говорится: «Война между плутократическими и поэтому консервативными и эгоистичными нациями и густонаселенными и бедными нациями — неминуема. Нужно быть готовым к такому положению». В седьмом абзаце: «Муссолини надеется, что войну можно отложить, но он говорит о том, что должно произойти, если наступит война. Он говорит, что война, которую подготавливают великие демократические державы, — это война на истощение. Поэтому нужно строить план, исходя из наилучших возможностей. Страны оси ничего не получают от остальной части мира. В этом предположении речь идет о трудной ситуации, но стратегическая позиция, достигнутая державами оси, в значительной мере уменьшает трудности и угрозу войны на истощение. С этой целью в первые часы войны надо захватить весь район Дуная и Балкан. Нельзя удовлетворяться декларациями о нейтралитете, а необходимо захватить территории и использовать их для обеспечения необходимого продовольствия и военных поставок промышленности». Вы видите это?

Риббентрон: Да.

Максуэлл-Файф: Не согласны ли вы с тем, что Муссолини считал, что на Балканы надо напасть при первой возможности?

Риббентрон: Эти высказывания Муссолини я слышу здесь впервые. До сих пор они мне не были известны.

Максуэлл-Файф: Теперь перейдем к замечаниям Гитлера, которые вы видели неоднократно. Вспоминаете ли вы, что после переворота Симовича 26 марта состоялось совещание у Гитлера, где он объявил о своей политике. «Фюрер полон решимости, не ожидая возможной декларации о лояльности нового правительства, подготовить все для того, чтобы уничтожить Югославию в военном отношении, а также уничтожить ее как национальную единицу. Никакие дипломатические запросы не будут сделаны, ультиматумы не будут представлены. Заверения Югославского правительства, которым никак нельзя верить, в будущем будут игнорироваться. Нападение начнется, как только будут готовы необходимые средства и войска».

Вы помните, что Гитлер сказал это 27 марта?

Риббентрон: Я этого не помню.

Максуэлл-Файф: Вы помните, что смысл был таков. Я прочел его слова. Такова была политика?

Риббентрон: Нет, дело обстояло совершенно иначе.

Максуэлл-Файф: Почему вы решили или почему Гитлер с вашей помощью решил напасть на Югославию без каких-либо дипломатических запросов и не дал возможности новому правительству дать заверения. Почему вы это сделали?

Риббентрон: Потому что новое правительство было образовано в первую очередь Англией, как это в ходе переговоров признал один из видных английских представителей. Поэтому, когда был проведен путч Симовича, фюреру было совершенно ясно, что за правительством Симовича стоят враги Германии и что они мобилизовали армию для того, чтобы напасть с тыла на итальянские войска. Это была не моя политика; напротив, я даже думаю, что на это совещание, о котором вы только что говорили, я был вызван позднее. Гитлер тогда совершенно ясно заявил о том, какова его позиция, и никто не возражал ему.

Максуэлл-Файф: Вы считали правильным напасть на страну без принятия каких-либо дипломатических мер — говоря словами Гитлера, «с беспощадной жестокостью» — и уничтожить столицу налетами бомбардировочных самолетов? Вы считаете, что это правильный порядок действий? Я задаю вам простой вопрос: вы считали правильным так поступать?

Риббентрон: Я не могу ответить на этот вопрос так, как вы этого хотите, я не могу сказать ни «да», ни «нет», не дав необходимого разъяснения.

Максуэлл-Файф: Тогда не стоит отвечать. Если вы не можете ответить «да» или «нет», тогда лучше совсем не отвечайте. Теперь перейдем к следующему пункту — к вопросу о России.

Вам известно, что подсудимый Йодль говорил, что даже во время кампаний на Западе, то есть в мае—июне 1940 года, Гитлер сказал ему, что он принял основное решение принять меры против Советского Союза, «как только наше военное положение сделает это возможным». Вам это было известно?

Риббентрон: Я об этом услышал только сейчас, в Нюрнберге.

Максуэлл-Файф: Это документ под номером Л-172, США-34, лекция Йодля.

Известно ли вам, что 14 августа 1940 г. генерал Томас был уведомлен во время беседы с Герингом о том, что фюрер желает, чтобы поставки в срок русским проводились только до весны 1941 года, что после этого «нас больше не будет интересовать полное удовлетворение требований русских». Вы знали об этом?

Риббентрон: Нет, я не знал.

Максуэлл-Файф: А было ли вам известно, что в ноябре 1940 года генерал Томас и статс-секретари Кернер, Нейман, Бакке и генерал фон Ханнекен были уведомлены Герингом о действиях, намечавшихся на Востоке?

Вы знали об этом?

Риббентрон: Нет, я и об этом ничего не знал.

Максуэлл-Файф: Даже 18 декабря, когда Гитлер издал директиву № 21 о плане «Барбаросса», он вам тоже ничего не сказал?

Риббентрон: Да, именно в декабре, как я случайно сейчас припомнил, я еще раз долго беседовал с фюрером, чтобы убедить его в том, что следует включить в пакт трех держав Советский Союз как союзника и сделать из пакта трех держав пакт четырех держав. Гитлер не совсем был согласен с этим, и я это заметил, но он сказал мне: «Мы вместе создали пакт, может быть, мы сделаем и это». Это были его слова.

Максуэлл-Файф: Вы понимаете, что вы говорите? Вы говорите, что после того, как подсудимый Геринг сообщил об этом генералу Томасу и статс-секретарям, после того, как была издана директива «Барбаросса», Гитлер позволил вам попробовать втянуть Советский Союз в пакт трех держав, даже не сказав вам, что у него уже были приказы о нападении на Советский Союз? Неужели вы думаете, что кто-нибудь вам поверит?

Риббентрон: Да, это было именно так. Я еще раз сделал ему это предложение в декабре и получил разрешение вести

дальнейшие переговоры. Я ничего не знал в декабре о подготовке агрессивной войны против России.

Максуэлл-Файф: Что касается вашего министерства, то было совершенно очевидно, что вы получали самые благожелательные отчеты о Советском Союзе и о том — что было маловероятно, — что Советский Союз предпринимал какие-то действия политического характера, направленные против Германии. Правильно ли это, если судить по сообщениям от вашего собственного посла и от ваших людей из России?

Риббентрон: Сообщения такого рода поступали из посольства в Москве; я их неоднократно, вернее говоря, всегда представлял фюреру, но фюрер считал, что дипломаты и военные атташе в Москве — вообще хуже всех информированные люди. Таков был его ответ...

Максуэлл-Файф: Во всяком случае, весной 1941 года ваше министерство присоединилось к подготовке нападения на Советский Союз, не так ли?

Риббентрон: Я не знаю точно, когда это было, но весной положение очень обострилось и, очевидно, имели место совещания, на которых обсуждался вопрос о возможности конфликта с Советским Союзом, но подробно я этого сейчас не помню.

Максуэлл-Файф: Но ведь правильно то, что в апреле 1941 года вы сотрудничали с ведомством Розенберга в подготовке захвата восточных территорий и что 18 мая вы издали меморандум относительно подготовки к морской кампании?

Риббентрон: Что касается подготовки с Розенбергом, то это ошибка. Насколько я помню, я не говорил в то время с Розенбергом на эту тему, я говорил с ним об этом уже после того, как началась война.

Что же касается этого меморандума ВМФ, то я могу сказать, что увидел этот документ только здесь, до сего времени я не знал о существовании этого документа. Мне кажется, что это экспертное заключение по вопросам, связанным с международным правом, то есть по вопросам, которые могли бы возникнуть в связи с военными действиями в Балтийском море. Такое экспертное заключение, несомненно, было представлено.

Максуэлл-Файф: Здесь сказано: «Министерство иностранных дел подготовило к использованию при проведении плана «Барбаросса» прилагаемый проект относительно зоны операций». Об этом вы что-нибудь помните?

Риббентрон: Нет, я думаю, что я и тогда не получил этого проекта. Решение принималось другой инстанцией. Конечно, я ответствен за все то, что происходило в моем министерстве.

Максуэлл-Файф: А посол Риттер не осуществлял ли связь между вашим ведомством и германскими вооруженными силами?

Риббентрон: Да, это правильно.

Максуэлл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы также помогли мне разобраться в некоторых других вопросах. Вы сказали нам, что вели переговоры относительно антикоминтерновского пакта в 1936 году. И, конечно, в то время — кажется вы сами это сказали — антикоминтерновский пакт был направлен против Советского Союза. Так это?

Риббентрон: Да. Это был, конечно, пакт, построенный на противоположном мировоззрении и содержащий в себе некоторые политические моменты. Это правильно.

Максуэлл-Файф: Он был расширен трехсторонним пактом 27 сентября 1940 г. Этот второй пакт был продолжением первого?

Риббентрон: Этот второй пакт сам по себе не имел никакого отношения к первому пакту. Этот второй пакт был чисто политическим и военно-экономическим союзом.

Максуэлл-Файф: Это факт, что вы настаивали на том, чтобы Япония вступила в войну через довольно короткий срок, еще в марте 1941 года, не правда ли?

Риббентрон: Да. Это, очевидно, правильно.

Максуэлл-Файф: Я остановлюсь на этом вопросе очень коротко, так как вы сказали, что воевали с Англией и поэтому имели право считать Японию союзником. Вы так считали, не правда ли?

Риббентрон: Я думаю, что я сделал то же самое, что пытались сделать и другие дипломаты.

Максуэлл-Файф: Но вы довольно скоро поняли, что если Япония вступит в войну, то вскоре после этого Соединенные Штаты также можно будет включить в войну? И в апреле 1941 года вы договорились о том, что, если вступление Японии в войну приведет к конфликту между Японией и Соединенными Штатами, — вы готовы воевать также и с Соединенными Штатами. Не так ли?

Риббентрон: Нет, это неверно. Напротив, я думаю, что я делал все до самого последнего дня, до Пирл-Харбора, для того, чтобы Америка не вступала в войну.

Максуэлл-Файф: Раз вы это сказали, я хотел бы, чтобы вы взглянули на документ 352 вашей книги.

Риббентрон: Да. Мне знаком этот документ. Я уже читал его здесь.

Максуэлл-Файф: Так. Это было за неделю до событий в Пирл-Харборе, 29 ноября, и, по словам японского посла, вы сказали ему следующее: «Важно, чтобы Япония установила но-

вый порядок в Восточной Азии, не пропустив этой возможности. Не было и, вероятно, никогда не будет такого момента, когда так важно более тесное сотрудничество держав при тройственном пакте. Если Япония будет колебаться в настоящий момент, а Германия будет продвигаться и устанавливать новый порядок в Европе, тогда вся мощь Британии и Соединенных Штатов будет направлена против Японии. Как сказал фюрер сегодня: «Между самим правом на существование Японии и Германии и Соединенных Штатов имеется существенная разница».

«Мы получили сведения о том, что фактически нет надежды на то, что переговоры между Японией и Соединенными Штатами могут закончиться успешно, так как Соединенные Штаты заняли твердую позицию. Если действительно так и если Япония примет решение воевать с Великобританией и Соединенными Штатами, то я уверен, что это не только будет в обоюдных интересах Японии и Германии, но и приведет к благоприятным результатам для самой Японии».

Принимая во внимание этот документ и это заявление, которое вы сделали японскому послу, вы еще утверждаете, что пытались предотвратить войну с Соединенными Штатами? Я считаю, что вы делали все, чтобы толкнуть Японию к войне против Соединенных Штатов.

Риббентрон: Это неверно, и я должен возразить вам. Я не знаю этого документа и не знаю также, откуда он. Во всяком случае, я никогда не говорил так, и я сожалею о том, что все документы, которые доказывают, что я все время стремился к тому, чтобы США не вступили в войну, не были здесь еще оглашены. Я все время думал, каким образом попал сюда именно этот документ. Все остальные документы, имеющиеся здесь, а их, я думаю, дюжина или полторы, доказывают, что я все время старался добиться того, чтобы Америка не вступала в войну. И я могу доказать, что я в течение многих лет старался во всех областях ничего не предпринимать против США, несмотря на то, что они занимали непримиримую позицию. Я могу себе объяснить это только следующим образом. Очевидно, японский посол хотел, чтобы его страна что-нибудь сделала, и я знаю, что он от своего имени посылал бесчисленное множество телеграмм в Токио, для того чтобы склонить Японию к войне, в первую очередь за Сингапур, и т. д. Я могу лишь предположить, что это, может быть, является неверной интерпретацией этого разговора.

Максуэлл-Файф: Это официальный доклад японского посла своему правительству. Вы говорите, что он ошибается, когда передает ваши точные слова о том, что вы были уверены, что это не только происходит в интересах Германии, но и приведет к благоприятным результатам для самой Японии. Если вы

отрицаете этот документ, то взгляните на следующий документ, на странице 356. Это еще один доклад японского посла. В нем говорится: «Через день после нападения на Пирл-Харбор, в час дня, я посетил министра иностранных дел Риббентропа и сказал ему, что мы желаем, чтобы Германия и Италия официально и немедленно объявили войну Соединенным Штатам.

Риббентроп ответил, что Гитлер в данное время проводит совещание в главной ставке о том, как официально осуществить объявление войны, для того чтобы создать благоприятное впечатление у германского народа, что он передаст ваше пожелание тотчас же и что он делает все возможное для оформления всего должным образом».

Теперь посмотрите на последние слова:

«В то время Риббентроп сообщил мне, что утром 8-го числа Гитлер издал приказы по всему германскому флоту нападать на американские суда, где и когда бы их ни встретили».

Это было за три дня до объявления войны. Вы говорите, что этот доклад японского посла тоже неправилен?

Риббентроп: Я думаю, что это ошибка.

Максуэлл-Файф: Что здесь неправильно?

Риббентроп: Я думаю, что это ошибка. Это было после нападения на Пирл-Харбор?

Максуэлл-Файф: Правильно. Это было после нападения на Пирл-Харбор.

Риббентроп: Это был приказ Гитлера начать наступление на Америку, которая, как известно, уже в течение нескольких месяцев атаковала наши корабли.

Максуэлл-Файф: Когда вы говорите о нападении на германские суда, вы имеете в виду защиту от германских подводных лодок?

Риббентроп: Нет, насколько мне известно, за несколько месяцев до Пирл-Харбора, точную дату я сейчас не помню, мы направили официальный протест США и указывали в этом протесте на то, что два судна — «Крир» и «Керне» — преследовали немецкие подводные лодки и сбрасывали на них глубинные бомбы. Мне кажется, что министр военно-морского флота Нокс на пресс-конференции открыто признал это. Я здесь вчера упомянул о том, что Гитлер в своей речи в Мюнхене сказал, что он не давал распоряжения стрелять по американским судам и нападать на них, но отдал приказ отвечать на залпы американских судов.

Максуэлл-Файф: Я хочу у вас узнать следующее: вы одобряли политику, которая заключалась в том, чтобы за три дня до начала войны было приказано всему германскому военно-морскому флоту нападать на американские суда, когда бы и где бы их ни встретили? Вы одобряли это?

Риббентроп: Я не могу сейчас высказать свою точку зрения по этому вопросу, так как я не помню этого сейчас.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы, что в июне 1944 года состоялось совещание, показания о котором мы слышали, совещание по вопросу о расстреле так называемых «летчиков-террористов».

Послушайте мой вопрос и постарайтесь на него прямо ответить. Верно ли то, как это указано в докладе, что в категорию летчиков-террористов вы хотели включить летчиков, которые участвовали во всяких устрашающих налетах на германское гражданское население, то есть летчиков, которые бомбили города?

Правильно ли, что вы хотели включить летчиков, которые бомбили германские города, в категорию летчиков-террористов?

Риббентроп: Нет, это не соответствует действительности.

Максуэлл-Файф: Тогда взгляните на страницу 391. Это доклад, подписанный генералом Варлимонтом, о совещании, состоявшемся 6 июня. Я его зачитаю.

«Обергруппенфюрер Кальтенбруннер сообщил заместителю начальника штаба в Клоссхельме днем 6-го числа о том, что незадолго до этого состоялось совещание по этому вопросу, на котором присутствовали Геринг, Риббентроп и Гиммлер. Вопреки первоначальному предложению Риббентропа, который хотел включить в эту категорию любое нападение на германское гражданское население, то есть также бомбардировку городов, на этом совещании было решено, что лишь нападение с применением пушечно-пулеметного вооружения должно быть включено в эту категорию».

Вы говорите, что Кальтенбруннер был неправ, когда говорил, что вы хотели включить в эту категорию все виды нападения?

Риббентроп: Я уже говорил об этом.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Вы говорите, что Кальтенбруннер был неправ, когда он сказал на этом совещании, что вы хотели включить в эту категорию тех летчиков, которые бомбили города?

Риббентроп: Это не соответствует действительности.

Максуэлл-Файф: Теперь ответьте на следующий вопрос. Были ли вы согласны с тем, что тех, кого вы называли «летчиками-террористами», следовало оставить населению для линчевания или передать в СС?

Риббентроп: Нет, такого мнения я не придерживался.

Максуэлл-Файф: Теперь взгляните на страницу 393. Это, как вам известно, меморандум министерства иностранных дел. На странице 396 говорится: «Генерал Варлимонт сообщил, что посол Риттер передал нам по телефону о том, что министр

иностранных дел одобрил этот проект». Проект касается двух мероприятий. В первом параграфе о линчевании говорится следующее: «Германские власти не несут прямой ответственности, так как смерть происходит до вмешательства германских чиновников».

Вы согласны с этой точкой зрения? Такова ваша точка зрения на линчевание летчиков?

Риббентрон: Нет, это не моя точка зрения. Это экспертное заключение министерства иностранных дел. Я не помню сейчас, почему был составлен этот документ, по моему ли приказу или по ходатайству военных лиц. Я никогда не утверждал этого экспертного заключения, как это сказано здесь.

Максуэлл-Файф: Таким образом, принимая во внимание тот факт, что Варлимонт говорит, что посол Риттер 29 июня сообщил германским вооруженным силам о том, что вы одобрили этот проект, значит, или Варлимонт, или Риттер говорит неправду?

Риббентрон: Во всяком случае, это не соответствует действительности.

Максуэлл-Файф: Раз вы ссылаетесь на точку зрения фюрера, тогда посмотрим, в чем она заключалась, взгляните на документ ПС-3780. Это запись беседы, на которой присутствовали вы, Гитлер и Осима 27 мая 1944 г.

Это страница 11. Вы помните, что в вашем присутствии Гитлер советовал Осиме, чтобы японцы вешали, а не расстреливали каждого американского летчика-террориста, и тогда американцы призадумаются прежде, чем совершать такие нападения. С этой точкой зрения вы были согласны?

Риббентрон: Нет, я не был согласен с этим, и если это здесь написано, то это не моя точка зрения, не моя установка.

Максуэлл-Файф: Теперь я хочу, чтобы вы сказали нам о своем отношении к СС. Вы на данной стадии процесса хотите утверждать, что были почетным членом СС. Ваш защитник утверждает на основании какого-то, видимо, недоразумения, что вы были лишь почетным членом СС. Это не соответствует действительности?

Риббентрон: Это не недоразумение, это действительно так и было. Я получил от Гитлера форму СС; я никогда никаких функций в организации СС не выполнял, но как посол и затем министр иностранных дел я, как это было принято, должен был получить определенный чин СС, я и получил чин фюрера СС.

Максуэлл-Файф: Я утверждаю, что это совершенно неверно. Вы просили, чтобы вас приняли в СС еще до того, как вы стали чрезвычайным послом в мае 1933 года. Это правильно?

Риббентрон: Да, это мне известно, я всегда принадлежал к организации СС.

Максуэлл-Файф: Вы только что сказали, что принадлежность к СС имела почетный характер, потому что Гитлер хотел, чтобы вы имели форму? Я вас спрашиваю: в мае 1933 года вы подали заявление о том, чтобы вас включили в ряды СС обычным путем? Не правда ли?

Риббентрон: Конечно, надо было подать заявление. Но дело обстояло так. Я несколько раз появлялся в своем сером пальто, и после этого Гитлер сказал, что мне следует иметь форму. Когда это было, я сейчас не помню. Я думаю, что это было в 1933 году. Я и получил как посол соответствующий чин, а затем — как министр иностранных дел — я получил еще более высокий чин.

Максуэлл-Файф: И в мае 1933 года, подав ходатайство, вы вступили в СС и получили не очень высокий ранг. Штан-дартенфюрера. Не так ли?

Риббентрон: Да, это правильно.

Максуэлл-Файф: А оберфюрером вы стали лишь 20 апреля 1935 г., бригаденфюрером вы стали 14 июня 1935 г.; группенфюрером — 13 сентября 1936 г., обергруппенфюрером — 20 апреля 1940 г. До того как вы стали послом, вы состояли в СС в течение трех лет и получали повышение обычным путем, не правда ли?

Риббентрон: Да, но я никогда ничего не делал в СС и не выполнял никаких работ.

Максуэлл-Файф: Вы просили, чтобы вас приняли в дивизию «Тотенкопф» — «Мертвая голова» СС?

Риббентрон: Нет, это неправильно.

Максуэлл-Файф: Разве вы не помните, что получили от Гимmlера особое кольцо и кинжал дивизии «Мертвая голова»? Разве вы не помните этого?

Риббентрон: Нет, я не помню. Я никогда не принадлежал к дивизии «Мертвая голова».

Максуэлл-Файф: Вы постоянно интересовались СС, начиная с 1933 года и во время войны, не правда ли? Кажется, ваша переписка с Гимmlером продолжалась, по крайней мере, до 1941 или до 1942 года.

Риббентрон: Да, это вполне возможно. Конечно, мы часто сталкивались с СС в самых различных областях. Это совершенно ясно.

Максуэлл-Файф: И в особенности в области концентрационных лагерей, не правда ли? Вы хотите сказать, что вы не знали о том, что концентрационные лагеря использовались в огромных масштабах?

Риббентрон: Я ничего об этом не знал.

Максуэлл-Файф: Обернитесь. (Показывает на висящую за спиной подсудимого карту.) Это увеличение той карты, которая была представлена французским обвинением. Красные пятна — это концентрационные лагеря. Я бы хотел, чтобы вы взглянули на нее. Теперь посмотрим, какое имеет значение различное местонахождение ваших резиденций. Одна резиденция, к северу от Берлина, — Зонненбург. Вы видите, где это приблизительно находится на карте?

Риббентроп: Да, из Берлина в Зонненбург на машине надо ехать примерно час.

Максуэлл-Файф: К северу от Берлина?

Риббентроп: Нет, к востоку от Берлина.

Максуэлл-Файф: Возьмем другую резиденцию. Вы сами недалеко от нее находитесь. Это ваш замок в Фушле. Это недалеко от границы и очень близко от группы лагерей, которые находились вокруг Маутхаузена. Смотрите вправо, вы видите группу лагерей Маутхаузена?

Риббентроп: Я под присягой утверждаю, что я впервые услышал о лагере Маутхаузен здесь, в Нюрнберге.

Максуэлл-Файф: Теперь возьмем еще одно поместье. Вы говорите, что не часто там бывали, но обычно...

Риббентроп: Я могу ускорить дело, заявив вам, что я вообще слышал лишь о двух, нет, о трех концентрационных лагерях до того, как попал сюда. Это — Дахау, Ораниенбург и Терезиенштадт. Все другие названия я услышал здесь впервые. Терезиенштадт был лагерем, мне кажется, приятном для престарелых евреев, и представители Красного Креста несколько раз посещали этот лагерь. Другие названия лагерей я услышал здесь впервые, и это я хочу здесь совершенно точно установить.

Максуэлл-Файф: Знаете ли вы, что вблизи Маутхаузена было тридцать три лагеря в различных местах, в сравнительно небольшом радиусе, и приблизительно сорок пять других лагерей, названий которых сам комендант не мог привести, потому что их было слишком много? И в этих тридцати трех лагерях было более чем 100 тысяч заключенных? И вы хотите сказать Трибуналу, что в течение всех ваших поездок в Фушле вы никогда не слышали об этих лагерях в Маутхаузене, где было заключено 100 тысяч человек?

Риббентроп: Это мне совершенно неизвестно.

Максуэлл-Файф: Вы вновь посмотрите на эту карту. Вы были ответственным министром правительства этой страны с 4 февраля 1938 г. до поражения Германии в мае 1945 года — в течение семи с четвертью лет. И вы утверждаете перед этим Трибуналом, что министр этой страны, где существовали сотни концентрационных лагерей, мог знать только о двух лагерях?

Риббентроп: Это, может быть, удивительно, но это правда.

Максуэлл-Файф: Я говорю, что это не только удивительно, но что это совершенно невероятно, а, следовательно, неверно. Как могли вы не знать об этих лагерях? Вы с Гиммлером никогда не встречались?

Риббентроп: Нет, я никогда не разговаривал с ним о таких вещах. Все это держалось в строгом секрете, и мы только здесь услышали, что происходило там. Ни один человек не знал ничего об этом.

Максуэлл-Файф: В своем письменном показании под присягой один германский чиновник из лагеря Освенцим показал, что в этом лагере было убито 4 миллиона человек. Вы хотите сказать Трибуналу, что вы об этом ничего не знали?

Риббентроп: Мне об этом ничего не было известно.

Максуэлл-Файф: Вы согласны с тем, что вы выступали за самое жестокое обращение с населением оккупированных стран?

Риббентроп: Я неправильно понял этот вопрос. Пожалуйста, повторите его. Я не помню, говорил ли я когда-нибудь что-либо об обращении с партизанами. Во всяком случае, я был против этого.

Максуэлл-Файф: Тогда взгляните на документ Д-735. Это беседа между вами и Чиано в присутствии фельдмаршала Кейтеля и маршала Кавальеро в ставке фюрера после завтрака 19 декабря 1942 г. Если вы посмотрите на вторую страницу, то увидите место, где фельдмаршал Кейтель говорит итальянцу, что «район Хорватии должен быть очищен совместно действующими германскими и итальянскими войсками еще зимой ввиду сильного английского влияния в этом районе. Фюрер заявил, что сербские заговорщики должны быть выжжены и что при совершении этого будут приняты жестокие меры. Фельдмаршал Кейтель после этого добавил, что все деревни, в которых будут обнаружены партизаны, должны быть сожжены. После этого министр иностранных дел заявил, что Роатта не должен покидать третьей зоны, но, наоборот, должен продвигаться, действуя в самом тесном сотрудничестве с германскими войсками. В этой связи фельдмаршал Кейтель попросил итальянца не считать использование хорватских войск в этой операции благоприятным для хорватов. Рейхсминистр иностранных дел заявил в связи с этим, что хорватский фюрер, с которым он побеседовал очень недвусмысленно, на 100 процентов готов договориться с Италией».

Такова была ваша точка зрения на то, что сербских повстанцев следовало выжечь?

Риббентроп: Я не понимаю вашего выражения «выжечь». Во всяком случае, их следовало держать под замком.

Максуэлл-Файф: Это значит, что дотла надо сжечь их деревни.

Риббентроп: Где я это говорил? Я думаю, что я этого не говорил.

Максуэлл-Файф: Это было точкой зрения фюрера. А было это также и вашей точкой зрения?

Риббентроп: Фюрер был очень строг в подобных делах, и я знаю, что время от времени соответствующие инстанции, так же и военные инстанции, должны были издавать относительно этого строгие военные приказы. Борьба велась не на жизнь, а на смерть. Этого не следует забывать. Это ведь была война.

Максуэлл-Файф: Вы говорите, что это не было вашей точкой зрения? Вы считали, что так не было, что так не следовало обращаться с партизанами? Тогда посмотрите на этот документ, если вы отрицаете, что так обращались с женщинами и детьми. Это беседа с итальянским послом Альфиери 21 февраля 1943 г. В последнем абзаце говорится:

«Продолжая, министр иностранных дел Германии подчеркнул, что то, к чему привела политика Роатта в Хорватии, очень волнует фюрера. Со стороны Германии оценен тот факт, что Роатта хотел сберечь итальянскую кровь, что он этой политикой как бы старался изгнать темные силы сатаны. Следовало уничтожить банды, включая мужчин, женщин, детей, чье существование угрожает жизням немцев и итальянцев — мужчинам, женщинам и детям».

И вы все еще утверждаете, что не хотели, чтобы с женщинами и детьми жестоко обращались?

Риббентроп: Если я это и сказал, то я сказал это, будучи, может быть, крайне взволнован.

Максуэлл-Файф: Я покажу вам еще один документ. Это запись беседы германского министра иностранных дел со статс-секретарем Вастианини в присутствии послов фон Макензена и Альфиери 8 апреля 1943 г. в замке Клейсхейм. Взгляните на начало этого документа. Вы сказали: «Предположения германского министра иностранных дел о том, что эта забастовка была организована британскими агентами, были энергично опровергнуты Вастианини. Это были итальянские коммунисты. Имперский министр иностранных дел ответил, что в этом случае только самые безжалостные методы принесут хороший результат».

Далее говорится: «Он хотел говорить не об Италии, а предпочтительно об оккупированных территориях, где, как было показано, мягкими методами ничего нельзя было добиться при по-

пытке достичь соглашения. Тогда германский министр иностранных дел развил свою мысль, сравнив события в Дании и Норвегии. В Норвегии были приняты жестокие меры, которые вызвали, в особенности в Швеции, энергичные протесты. В Греции также нужно будет принять жестокие меры, если греки будут сопротивляться. Он придерживается такого мнения, что демобилизованные греческие войска должны быть немедленно вывезены из Греции и что грекам нужно показать с железной энергией, кто хозяин в стране. Жестокие меры такого рода необходимы, если ведешь войну против Сталина. Это не война джентльменов, а жестокая война на уничтожение».

Далее о Франции. После небольшого высказывания о французах вы говорите: «Возвратившись снова к вопросу о Греции, министр иностранных дел еще раз подчеркнул необходимость жестоких мер».

На третьей строчке следующего абзаца говорится: «Фюрер должен будет принять радикальные меры на оккупированных территориях, чтобы мобилизовать местные ресурсы рабочей силы для того, чтобы противодействовать потенциальной мощи американского вооружения равными силами».

Вы согласны? Это правильно отражает вашу точку зрения, в соответствии с которой вы требовали самых строгих мер на оккупированных территориях для того, чтобы мобилизовать рабочую силу и увеличить военный потенциал Германии?

Риббентроп: Я могу сказать по поводу этого документа только следующее...

Максуэлл-Файф: Хорошо, вы можете это сказать, но сначала ответьте на мой вопрос. Отражают ли эти взгляды вашу точку зрения?

Риббентроп: Нет, не отражают.

Максуэлл-Файф: Почему же вы тогда это сказали?

Риббентроп: Потому что я в то время по поручению фюрера должен был держать итальянцев в повиновении, так как во многих областях был полнейший хаос, и итальянцы все время пытались изменить положение дел и, таким образом, создавали неразбериху в немецкой армии. Поэтому я должен был говорить с итальянцами очень строго. Я очень хорошо помню это. В то время велась борьба... Итальянцы объединились с четниками и частично вели борьбу против германских войск. Там царил полнейший хаос. Поэтому я должен был часто несколько строже говорить с дипломатами и, может быть, все преувеличивал.

Максуэлл-Файф: Но ведь это не было преувеличением ни в Норвегии, ни в Греции? Вы принимали самые жестокие меры на оккупированных территориях?

Риббентроп: Это неверно. Мы в Норвегии вообще не имели права голоса, мы только пытались изменить положение

дел. А в Дании мы также делали все для того, чтобы предотвратить и смягчить эти жестокие мероприятия, хотя отчасти они были и необходимыми, потому что было очень много парашютистов, и т. д. Думаю, что на основании многих документов можно доказать, что я и министерство иностранных дел делали все возможное в различных оккупированных областях, чтобы урегулировать отношения.

*Фор*¹: Подсудимый, в качестве министра иностранных дел вы руководили всеми дипломатическими работниками?

Риббентроп: Да.

Фор: И они руководствовались вашими инструкциями?

Риббентроп: Да.

Фор: Вчера вы заявили, что вы ответственны за действия, совершенные вашими подчиненными?

Риббентроп: Да, это так.

Фор: Можете ли вы мне сказать, Бест, полномочный представитель в Дании, также находился в вашем подчинении?

Риббентроп: Да.

Фор: Бест сообщил вам, что Гитлер отдал приказ убивать датчан в тех случаях, когда имели место акты саботажа?

Согласно документам, которые были предъявлены Трибуналу, Бест виделся с вами 30 декабря 1943 г. и сообщил вам, что Гитлер отдал приказ убивать датчан в случае, если в Дании будут производиться акты саботажа. Так ли это?

Риббентроп: Да, против тех, кто участвовал в саботаже, нужно было принимать такие меры. Гитлер действительно издал такой приказ.

Фор: Разве заявление Беста «казнить без суда лиц, являющихся террористами или не являющихся таковыми», не должно рассматриваться как призыв к убийству?

Риббентроп: Да, это так. Гитлер хотел этого. Отдельных деталей я не знаю.

Фор: Я вас не спрашиваю о деталях.

Риббентроп: Какие распоряжения последовали за этим, я не знаю. Насколько мне известно, они проходили через другие инстанции.

Фор: Я отмечаю, что вы были полностью в курсе этого приказа Гитлера, который был отдан в тот день относительно совершения этих убийств. Таким образом, вы считали нормальным входить в правительство, главой которого был убийца?

Риббентроп: Нет, здесь имели место обстоятельства совершенно противоположного характера. Фюрер был сам очень недоволен Бестом и приказал другой инстанции заниматься рассмотрением этого вопроса, так как Бест, как и я, был против.

¹ Э. Фор — представитель обвинения от Франции. — Составители.

Фор: Теперь о Дании. Здесь были осуществлены мероприятия в отношении депортации евреев из страны. Вы занимались этим?

Риббентроп: О том, что было с евреями в Дании, я ничего не знаю.

Фор: Вы об этом никогда не слышали?

Риббентроп: Я помню, что я как-то говорил с Бестом об этом. Бест сказал мне, что еврейский вопрос не имеет никакого значения в Дании. Поэтому он не хотел предпринимать ничего особенного в отношении евреев в Дании. Я согласился с ним в этом.

Фор: Я попрошу, чтобы вам дали документ ПС-2375. Я хотел бы огласить второй абзац этого документа. Документ является письменным показанием под присягой Мильднера, который был полковником полиции в Дании.

«В качестве командующего я являлся подчиненным Беста. Будучи против преследования евреев из соображений практического и морального порядка, я запросил у Беста объяснения причин проведения этих мероприятий.

Бест заявил мне, что министру иностранных дел империи, безусловно, было известно о намерении Гитлера уничтожить евреев в Европе. Он представил Гитлеру доклад по еврейскому вопросу в Дании и ходатайствовал перед Гитлером о высылке евреев из Дании.

Бест также заявил мне, что Риббентроп выразил опасение, что он не сможет нести ответственность в том случае, если евреи останутся в Дании. Таким образом, Бест сам будет вынужден проводить в жизнь меры, предложенные Риббентропом Гитлеру. О своей беседе с Бестом я могу в заключение сказать, что он поддерживал с Риббентропом непосредственный контакт лично или по телефону».

Вы прочли это, не так ли?

Риббентроп: Все, что здесь написано, — неправильно.

Фор: Хорошо. Тогда я попрошу, чтобы вам передали документ ПС-3688. Это — нота от 24 сентября 1942 г., подписанная Люттером, который был вашим сотрудником. Я хотел бы зачитать вам два первых абзаца этого документа:

«Господин министр иностранных дел отдал мне сегодня по телефону приказ по мере возможности ускорить эвакуацию евреев из различных стран Европы в связи с тем, что повсюду евреи настроены против нас и должны рассматриваться как ответственные за акты саботажа и за покушения.

После общего доклада по вопросу об истреблении евреев, которое производится в настоящее время в Словакии, Хорватии, Румынии и на оккупированных территориях, министр иностранных дел отдал приказ провести теперь эвакуацию евреев из

Болгарии, Венгрии и Дании и в связи с этим вступить в переговоры с Датским, Болгарским и Венгерским правительствами».

Я считаю, что этот второй документ подтверждает указания первого о вашем участии в угоне евреев из Дании. Согласны ли вы с этим?

Риббентрон: Это правильно, фюрер тогда намеревался эвакуировать евреев из Европы в Северную Африку и на Мадагаскар. Он дал мне приказ обратиться к некоторым правительствам Европы и обсудить с ними вопрос об эвакуации евреев из Европы. Он также поручил мне вести с ними переговоры об удалении евреев с военных и правительственных должностей. Такие указания действительно были даны мною министерству иностранных дел. О них было также сообщено некоторым правительствам. Речь, как известно, шла об эвакуации евреев в одну из частей Северной Африки. Это правильно.

Фор: Таким образом, вы признаете, что документ, подписанный Лютгером, полностью соответствует действительности и что вы отдали приказ начать эвакуацию евреев из Дании? Ведь в письме говорится именно об этом.

Риббентрон: Нет, это неправильно. Я не знаю этого документа Люттера.

Фор: Отвечайте прямо на мои вопросы, чтобы не тратить много времени. Вы придерживаетесь мнения, что оба эти документа не соответствуют действительности?

Риббентрон: Нет, этого я не сказал. Это не так. Я сказал, что я не знаю этого документа. Правильно то, что Гитлер дал мне указание сообщить министерству иностранных дел, чтобы оно обратилось к отдельным правительствам с предложением разрешить еврейский вопрос следующим образом: удалить евреев из важных правительственных учреждений и получить согласие на эвакуацию евреев из Европы.

Фор: Германское посольство в Париже находилось в вашем подчинении, не так ли?

Риббентрон: Германское посольство в Париже — вы говорите о германском посольстве при правительстве Виши — получало, конечно, указания от меня.

Фор: Перед Трибуналом уже был оглашен документ французского обвинения 1061, в котором вы определили задачи, возлагаемые на посла Абеца. Я напомню вам, что вы поручили Абецу взять под охрану все произведения искусства — государственные или частные, например, те, которые принадлежали евреям, в соответствии с особыми инструкциями, которые излагаются в этом документе. Абец выполнил эту миссию, разграбив произведения искусства во Франции.

Риббентрон: Нет, это неправильно.

Фор: Тогда я попрошу, чтобы вам передали документ ПС-3766. Я хотел бы вместе с вами ознакомиться с несколькими строками из этого документа. Это — доклад военной администрации, который был распространен в семистах экземплярах. Он озаглавлен: «Доклад по вопросу об изъятии французских произведений искусства германским посольством и штабом Розенберга во Франции». Если вы обратитесь к странице 3, то увидите, что пометка на полях представляется весьма показательной: «Германское посольство — попытка изъять картины из Лувра».

«Посол Абец, нарушая, таким образом, запрещение военного руководства, предпринял меры для того, чтобы вывезти произведения искусства из Лувра, которые были взяты на сохранение». Вы были в курсе этого?

Риббентрон: Нет, я утверждаю, что это не так и что посол Абец не изъясил ни одного предмета искусства из Лувра. Я хотел бы здесь упомянуть, что однажды Французское правительство хотело подарить мне одну картину Буше, которая находилась в Лувре. Эта картина была послана ко мне в Берлин, но я отослал эту картину.

Вот все то, что мне известно о тех картинах и других предметах искусства, которые находились в Лувре. Я никогда не изымал ни одной картины из Лувра, так же как и министерство иностранных дел.

Фор: Вы утверждаете, что этот доклад не соответствует действительности?

Риббентрон: У Абеца не было никаких полномочий на это.

Фор: Не правильно ли то, что в октябре 1940 года Абец связался с вами, чтобы решить вопрос о положении евреев германского и австрийского происхождения, которые находились во Франции?

Риббентрон: Этого я не знаю.

Фор: Я хочу показать вам документ ЕС-265. Это — телеграмма Абеца, датированная 1 октября 1940 г. Я хочу огласить для вас только первую и последнюю фразы:

«Решение еврейского вопроса на оккупированных территориях Франции требует, помимо прочих различных мер, как можно более скорого вынесения решения в отношении евреев германского происхождения, которые жили в империи перед началом войны».

Последняя фраза:

«Предложенные меры должны рассматриваться лишь как первый шаг к решению всего этого вопроса. Я оставляю за собой право делать дальнейшие предложения. Прошу сообщить ваше согласие по телефону».

Риббентрон: Если я не ошибаюсь, в этой телеграмме речь идет о том, чтобы австрийские и немецкие евреи были отправлены из Франции в Германию и Австрию. Я с этой телеграммой не был знаком. Я вижу ее здесь впервые и поэтому не могу дать никаких разъяснений.

Фор: Если вы посмотрите на левую часть телеграммы, то увидите список лиц, кому она предназначалась. Всего там указано девятнадцать адресатов, среди которых есть и вы сами. Не так ли? Ваша фамилия — на втором месте.

Риббентрон: Я позволю себе заметить, что каждый день около четырехсот, пятисот, шестисот, восьмисот таких телеграмм и писем прибывало в мое бюро, но лишь два процента из этого числа представлялось мне. Во всяком случае, эта телеграмма не была мне представлена.

Фор: Помимо вопроса о евреях германского и австрийского происхождения ваши сотрудники и подчиненные в посольстве занимались также и французскими евреями. До того как я вам задам вопрос, я хотел бы огласить вам две фразы из документа, который был предъявлен Трибуналу как французский документ 1207. Это — отчет Даннекера, который был уполномоченным по еврейскому вопросу во Франции. Вот что сообщает Даннекер в заключительной части отчета:

«В этом смысле я не могу говорить по этому вопросу, не упомянув о той, действительно дружественной поддержке, которая была нам оказана в нашей работе со стороны посла Абеца и его заместителя атташе Шлейера, а также со стороны штурмбанфюрера, советника посольства Цейтшеля. Я хочу уточнить, что германское посольство в Париже охотно пошло навстречу и предоставило значительную денежную сумму для финансирования антиеврейского института и будет продолжать направлять сюда свои вклады».

Из этого документа явствует достаточно четко, что Абец, Шлейер и Цейтшель оказывали достаточную помощь.

Риббентрон: На этот вопрос я должен ответить: «Само собой разумеется». Они, конечно, занимались во Франции еврейским вопросом, это совершенно ясно. Но я могу здесь также сказать, что французское обвинение, конечно, осведомлено о том, что посол Абец получал указания от меня, но что он также действовал и по собственной инициативе. Само собой разумеется, что посольство также участвовало во всем этом в какой-то степени, за что я и беру на себя ответственность. Но я хотел бы еще раз повторить, что деятельность посла Абеца протекала вразрез с моими указаниями. Если учесть антисемитскую позицию и политику германского правительства, то станет совершенно ясно, что это отражалось на деятельности всех германских учреждений и что каждое из них в какой-то степени зани-

малось этим вопросом. Задачей министерства иностранных дел было действовать в духе регулирования всех возникающих трудностей, после того как в министерство поступали соответствующие документы.

Мы часто должны были проводить мероприятия в духе антисемитской политики, но мы также часто пытались решать эти вопросы в компромиссном духе. Таким образом, за проведенные во Франции мероприятия против евреев германское посольство фактически не ответственно.

Фор: Я хотел бы обратиться к другому документу — 1210, который является вторым докладом Даннекера от 22 февраля 1942 г.

Риббентрон: Я хотел бы сказать, что я не знаю, кто такой Даннекер.

Фор: Я вам сказал, что Даннекер был уполномоченным по еврейскому вопросу во Франции.

Итак, на странице 3 этого документа имеется выдержка под заголовком: «Мероприятия», из которой я оглашаю лишь одну фразу: «До настоящего времени были проведены три крупных мероприятия, направленных против парижских евреев».

Если вы обратитесь к последней странице документа, предпоследний абзац, там найдете следующее: «Начиная с половины 1941 года каждую неделю по вторникам собирались совещания, в которых принимали участие следующие отделы: 1, 2 и 3 — это военное командование, 4 — германское посольство в Париже, 5 — специальный штаб рейхслейтера Розенберга».

В результате этих совещаний, учитывая, разумеется, некоторые, очень редкие исключения в отдельных случаях, была получена возможность осуществлять единую политику в отношении евреев на оккупированных территориях».

Из этого документа со всей очевидностью явствует, что ваши сотрудники были согласны с политикой по еврейскому вопросу, проводимой на оккупированной территории, а эта политика заключалась в аресте евреев. Не так ли?

Риббентрон: Насколько мне известно, они выполняли те задания, которые получало германское посольство. И вполне понятно, что они включались в общую политику.

Фор: Я хочу далее представить французский документ 1220 — это письмо из германского посольства от 27 мая 1942 г., адресованное начальнику полиции безопасности и СД во Франции. Прежде чем задать вам вопрос, я оглашаю два первых абзаца из этого письма:

«Как следствие моей беседы с гауптштурмфюрером Даннекером от 27 июня, в ходе которой последний указал, что ему необходимо в возможно более короткий срок изолировать 50 тысяч евреев из неоккупированной зоны для отправки на восток

и что, с другой стороны, нужно было поддержать мероприятие Даркье де Пельпуа, генерального уполномоченного по еврейскому вопросу, я тут же об этом деле сообщил послу Абецу и советнику Рану.

Советник Ран должен после полудня встретиться с президентом Лавалем. Он (Ран) обещал мне, что тут же переговорит с ним об отправке 50 тысяч евреев, а также о предоставлении специальных полномочий Даркье де Пельпуа, в соответствии с уже изданными законами о немедленном предоставлении ему обещанного полномочия».

Были ли вам известны этот демарш относительно 50 тысяч евреев?

Риббентрон: Нет, я об этом ничего не знал.

Фор: Если ваши сотрудники Абец, Ран и Шлейер предпринимали подобные шаги, не информируя вас о них, то не объясняется ли это тем, что они считали, что действуют в духе ваших общих инструкций?

Риббентрон: Они в Париже действовали весьма самостоятельно. Но я еще раз заявляю: за все то, что они сделали, я беру на себя полную ответственность.

Фор: Во время допроса вашего свидетеля Штейнграхта представитель английского обвинения предъявил документ ПС-3319. Я обращаюсь к этому документу в связи с таким вопросом.

В этом документе имеется протокол заседания или совещания, на котором присутствовали все лица, связанные с решением еврейского вопроса, находившиеся в различных дипломатических миссиях в Европе. Это совещание состоялось 3—4 апреля 1944 г. в Крумухюбеле. Это совещание было созвано Шлейером. Об этом уже говорилось здесь. Я полагаю, вы знали об этом совещании?

Риббентрон: Я об этом слышу в первый раз.

Фор: Вы показали, что вам не было известно об этом совещании, на котором присутствовал тридцать один человек, причем почти все они принадлежали к дипломатическому корпусу. Я вам указываю, что в ходе этого совещания советник посольства фон Тадден сделал заявление, которое было записано в следующей форме:

«Оратор изложил, почему нужно отказаться от решения еврейского вопроса в связи с Палестиной и от других подобных решений и почему следует осуществить депортацию евреев на восточные территории».

Я утверждаю, что это заявление, которое было сделано советником посольства перед тридцатью одним человеком, которые находились в вашем министерстве, полностью освещает ваше отношение к этому вопросу.

Риббентрон: Я еще раз указываю на то, что я ничего не знаю о совещании, которое якобы состоялось по этому вопросу.

Фор: Было ли доведено до вашего сведения то, что итальянские власти во Франции оказывали поддержку евреям в связи с преследованиями со стороны немцев?

Риббентрон: Да, я помню, что там действительно что-то такое было, но точно сейчас я сказать не могу.

Фор: Предприняли ли вы какие-либо шаги, обратившись к Итальянскому правительству в связи с этим?

Риббентрон: Я помню, что я как-то раз говорил с Муссолини или с Чиано о том, что во Франции в последнее время имели место акты саботажа. Тогда же мы затронули еврейский вопрос.

Фор: Я прошу, чтобы вам показали документ Д-734, который озаглавлен: «Отчет о беседе между имперским министром иностранных дел и дуче в присутствии фон Макензена, Альфери и Вастианини 25 февраля 1943 г.». Я хочу огласить второй абзац этого документа:

«Кроме того, министр иностранных дел высказался по еврейскому вопросу следующим образом: «Дуче знает, что в отношении обращения с евреями Германия заняла радикальную позицию. Это стало еще более наглядно вследствие размаха, который приняла война с Россией.

Германия вывезла с немецких территорий и с территорий, оккупированных немцами, всех евреев в резервации на Востоке. Он, министр иностранных дел, знает, что эти меры рассматриваются как жестокие, и именно так они рассматриваются противником. Тем не менее их необходимо предпринимать для того, чтобы успешно вести войну».

Я оглашу теперь следующий, четвертый абзац:

«Франция также предприняла в отношении евреев исключительно полезные меры. Они носят временный характер. Окончательное решение вопроса будет заключаться в депортации евреев на Восток. Он, министр иностранных дел, знает, что в рядах итальянской армии, так же как иногда и среди немецких военных, еврейский вопрос не всегда бывает понят во всей его значимости. Только таким образом следует объяснить приказ высшего командования, в соответствии с которым меры, принятые французскими властями, побуждаемыми к этому немцами, в отношении евреев и направленные против них, не должны были проводиться в жизнь в итальянской зоне Франции.

Дуче возразил, что эти сведения не являются достоверными, и заявил, что это лишь особая тактика французов, которые стремятся вызвать разногласия между Германией и Италией».

Теперь я хочу вас спросить о следующем. Только что вы нам сказали, что вы хотели вывезти всех евреев на Мадагаскар. Что,

разве Мадагаскар является резервацией на Востоке, о которой говорится в этом документе?

Риббентрон: Это был план фюрера.

Фор: Вы сказали также, что вы и с Хорти беседовали по еврейскому вопросу.

Риббентрон: Да, я должен был несколько раз говорить с Венгерским правительством по этому вопросу, чтобы оно предприняло какие-либо меры против евреев. Фюрер настаивал на этом. Я часто говорил по этому вопросу с венгерским посланником. В этих беседах мы обсуждали следующее. Я предлагал ему сконцентрировать все еврейское население в одной части Будапешта, мне кажется, даже за Будапештом. Второй вопрос, который мы обсуждали, был следующий. Я просил его освободить с видных правительственных должностей евреев, поскольку последние использовали свое влияние для заключения сепаратного мира.

Фор: Здесь уже был предъявлен документ, касающийся этих переговоров, которые вы вели с Хорти. Это было 17 апреля 1943 г. Это документ Д-736.

Во время допроса вашего свидетеля Шмидта представитель английского обвинения спросил его, признает ли он, что он сам составлял этот протокол. Это было подтверждено Шмидтом. Здесь имеется следующее указание в конце первого абзаца.

«Министр иностранных дел заявил, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концентрационный лагерь. Другого решения быть не может».

Вы действительно это сказали?

Риббентрон: Нет, в такой форме я этого не говорил. Эти записи были сделаны посланником Шмидтом несколько дней спустя после беседы Гитлера с Хорти. У меня действительно тогда было поручение поговорить с Венгерским правительством относительно разрешения еврейского вопроса. Во время визита Хорти к фюреру Гитлер начал беседу на эту тему, причем в очень откровенных тонах. После этой беседы я разговаривал с посланником Шмидтом и сказал ему, что я не совсем понял фюрера. Таким образом, я не делал тогда высказываний в такой форме. Очевидно, Хорти сказал, что не может же он убить всех евреев. Возможно, что после этого я пытался воздействовать на Хорти в том направлении, чтобы он что-нибудь сделал с будапештскими евреями, чтобы он сконцентрировал, наконец, евреев в одной части Будапешта, о чем фюрер так давно мечтал. Может быть, в этот момент и я высказал свои возражения, сделал какое-нибудь замечание.

Фор: Помимо еврейского вопроса, вы также занимались арестами французов, не так ли?

Риббентрон: Очень возможно, что это было именно так.

Фор: Можете ли вы дать дополнительные объяснения?

Риббентрон: Нет. Я сейчас не могу припомнить никаких деталей, но я помню, что производились аресты французов. В какой степени это исходило от нас, я не знаю. В 1944 году, незадолго до вторжения союзников, фюрер издал приказ арестовать большое число авторитетных лиц, участников движения Сопротивления. Он знал, что мы также приняли участие в этих арестах. Но сейчас я не помню более подробных деталей этих событий.

Фор: Я хочу, чтобы вам показали сейчас документ под номером 1506. Это письменные показания доктора Кнохена.

(Документ предъявляется Риббентрону.)

Я оглашу вам несколько выдержек из этого документа. «В конце 1943 года, должно быть, в декабре, в министерстве иностранных дел состоялось совещание по вопросу о том, какие мероприятия должны быть проведены во Франции. Так как я находился в Берлине, мне предложили участвовать в этом совещании. На совещании присутствовали: министр иностранных дел фон Риббентрон, государственный секретарь Штейнграхт, посол Абец, другой сотрудник министерства иностранных дел, фамилию которого я забыл, начальник ЗИПО и СД, по-видимому, Кальтенбруннер, представитель военного командования полковник Косман, если я правильно помню. Министр сообщил следующее:

«Фюрер указывает, что отныне Франции следует уделять больше внимания: надо, чтобы силы противника не увеличивались, поэтому все германские службы должны выполнять свои задачи более эффективно.

Он видит, что в случае вторжения возрастает угроза со стороны французских кругов, которые не хотят сотрудничать с немцами и ведут нелегальную борьбу с Германией. Эти круги могут представлять серьезную опасность для войск — такие опасные элементы должны быть обнаружены в сфере экономики, научной сфере, в политической и в военной сферах, а также во всех общественных кругах, с которыми они могут поддерживать связь. Если надо приводить цифры, то можно было бы арестовать 2 тысячи человек или более. В момент, когда речь идет о защите Европы от врага, нет оснований пугаться проведения таких превентивных мер даже во Франции».

На вопрос о том, как надо действовать на практике, министр заявил, что посол Абец возьмет на себя лично эту задачу немедленно и соответственно со всеми требованиями, которые встают в связи с обстановкой».

На этом я прекращаю оглашение документа. Признаете ли вы, что он соответствует действительности?

Риббентрон: Да, я совершенно точно помню об этом документе. Это был приказ фюрера, в котором говорилось о том, что необходимо принять меры для устранения всех опасных элементов, которые могли бы оказывать сопротивление в тылу германской армии. После получения данного приказа было созвано это совещание. Фюрер хотел, чтобы были произведены аресты большого числа лиц.

Руденко: Подсудимый Риббентрон, в течение последних заседаний Трибунала вы в пространной форме изложили основы внешней политики Германии. Я задам вам несколько итоговых вопросов.

Считаете ли вы захват Чехословакии германской агрессией?

Риббентрон: Нет. Я рассматриваю это, как мне об этом говорил фюрер, и я считаю, что это правильно, что это необходимо, которая проистекала из географического положения Германии.

Руденко: Считаете ли вы нападение на Польшу германской агрессией?

Риббентрон: Нет. Я считаю, что нападение на Польшу было вызвано позицией других держав.

Руденко: Считаете ли вы нападение на Данию германской агрессией?

Риббентрон: Нет. Нападение на Данию, как это здесь определяется, означает всего лишь вмешательство в дела Дании, и это, после того что говорил фюрер в отношении этой меры, означает всего лишь превентивную меру по отношению к той высадке английских войск, которая готовилась в то время.

Руденко: А захват Норвегии вы также не считаете агрессией?

Риббентрон: Сейчас мы говорили о Норвегии и Дании. Это было совместное мероприятие, которое касалось и Дании, и Норвегии.

Руденко: Считаете ли вы нападение на Бельгию, Голландию и Люксембург германской агрессией?

Риббентрон: Это тот же вопрос. Я должен опять ответить: «нет».

Руденко: Считаете ли вы нападение на Грецию германской агрессией?

Риббентрон: Я считаю, что нет.

Руденко: Считаете ли вы нападение на Советский Союз германской агрессией?

Риббентрон: Нет. В буквальном смысле этого слова это не была агрессия.

Руденко: Вы говорите, что в буквальном смысле слова это не была агрессия, а в каком смысле слова это была агрессия?

Риббентрон: Разрешите мне сделать пояснение по этому вопросу. Агрессия — это очень сложное понятие. Речь идет о превентивной войне, ибо то, что мы напали, действительно нельзя оспаривать.

Руденко: В своих показаниях вы неоднократно делали заявление о том, что, преследуя мирные цели, вы считали необходимым ряд спорных вопросов решить дипломатическим путем. По-видимому, эти показания являются лицемерием?

Риббентрон: Нет. Я никогда не говорил, что вообще не идет речь ни о какой агрессии.

Руденко: Теперь я вас попрошу ответить вот на какой вопрос. Вы представили Трибуналу документ под номером 311. Это характеристика Гитлера, озаглавленная: «Личность фюрера». На странице 5 этого документа вы, характеризуя Гитлера, сообщаете о следующем: «После победы над Польшей вследствие влияния, которое, по моему мнению, следует приписать Гиммлеру, пошли дальше, то есть в направлении установления гегемонии Германии в Европе». Вы помните такое место из этого документа, подсудимый Риббентрон? Этот документ написан вами?

Риббентрон: Да.

Руденко: Кем, кроме Гитлера, был подписан указ о Судетской области от 21 ноября 1938 г.? Вы можете припомнить?

Риббентрон: Я не знаю, какой указ вы имеете в виду. Разрешите мне прочесть его.

(*Риббентрону передают документ.*)

Руденко: Вы припоминаете, что вы действительно подписывали этот закон?

Риббентрон: Да, безусловно. Если здесь есть моя подпись, то, очевидно, это было так. Однако в деталях я не помню об этом.

Руденко: Кем, кроме Гитлера, был подписан указ о протекторате Богемии и Моравии от 16 марта 1939 г., которым, по существу, был ликвидирован всякий намек на государственный суверенитет Чехословацкой республики?

Риббентрон: Мне кажется, что я также подписал этот указ.

Руденко: Вы также подписали указ от 12 октября 1939 г. об управлении оккупированными польскими областями. Вы помните это?

Риббентрон: 12 октября 1939 г.? Нет, не помню. Я подписал очень много документов в эти годы. Подробностей я уже не помню.

Руденко: Также значится ваша подпись под указом от 18 мая 1940 г. о присоединении к Германии бельгийских

областей Эйпен и Мальмеди. Я поставил эти вопросы для того, чтобы закончить следующим вопросом. Правильно ли будет констатировать, что всякий раз, когда гитлеровское правительство пыталось указом создать видимость обоснования своих территориальных захватов, под таким указом появлялась подпись рейхсминистра Риббентропа?

Риббентроп: Мне кажется, что это не так. Если принимались какие-либо территориальные изменения, то в этом отношении указы издавал фюрер, и, как видно из этих документов, министры, которых в какой-либо степени касались эти вопросы, также подписывали эти документы. Само собой разумеется, что я тоже подписывал большинство этих документов.

Руденко: Я вас просил бы ознакомиться с документом, который уже представлен Трибуналу в качестве доказательства под номером СССР-120. Это — ваше соглашение с Гиммлером об организации разведывательной работы. Это — пространный документ, и я просил бы вас ознакомиться с пунктом 6 этого документа. В нем говорится:

«Министерство иностранных дел оказывает секретной разведывательной службе всякую возможную помощь. Имперский министр иностранных дел будет, поскольку это будет терпимо во внешнеполитическом отношении, включать определенных сотрудников разведывательной службы в состав заграничных представительств». Я опускаю еще один длинный абзац и читаю заключительный: «Ответственный сотрудник разведывательной службы регулярно информирует главу миссии о всех существенных вопросах деятельности секретной разведывательной службы в данной стране». Вы подписали такое соглашение, не правда ли?

Риббентроп: Да.

Руденко: Таким образом, следует констатировать, что заграничный аппарат министерства иностранных дел Германии занимался шпионажем.

Риббентроп: Нет, в этом отношении этого нельзя утверждать и, собственно, по следующим причинам. Между Гиммлером и мной имелись противоречия в отношении разведывательной службы за границей. Затем благодаря усилиям Кальтенбруннера удалось подписать это соглашение. При этом предусматривалось сотрудничество, и я ни в коем случае не отрицаю, что при этом имелось намерение также использовать людей, которые относились к разведывательной службе, в нашем аппарате.

Руденко: Вспоминаете ли вы письмо подсудимого Кальтенбруннера, в котором он просит у вас миллион туманов для покупок в Иране?

Риббентроп: Да, так точно, я вспоминаю об этом. Мне кажется, что тогда для этого была выделена известная сумма.

Руденко: Деньги были предоставлены в распоряжение Кальтенбруннера?

Риббентроп: Я не помню точно. Но мне кажется, что я дал распоряжение министерству иностранных дел, чтобы была оказана финансовая помощь. Это верно.

Руденко: Вы показали, что уже в августе — сентябре 1940 года в замке Фушле вы встретились с подсудимым Кейтелем для обсуждения меморандума о возможном выступлении Германии против Советского Союза. Следовательно, почти за год до нападения на Советский Союз вы были осведомлены об этом нападении?

Риббентроп: Нет, это неправильно. Подсудимый Кейтель тогда действительно был у меня в Фушле, говорил со мной о том, что фюрер имеет некоторые сомнения в отношении России, что имеется возможность военного конфликта, что это нельзя оставить без внимания. Он, со своей стороны, написал меморандум и хотел переговорить об этом с фюрером. У него были опасения в отношении возможности конфликта на Востоке, и он просил меня подействовать в этом отношении на фюрера. Я обещал ему это.

Однако о каком-либо нападении или о планах нападения речи не было. Это было скорее, я бы сказал, совещание, носившее характер совещания в генеральном штабе. О конкретных вещах он ничего не говорил.

Руденко: Вы ответили Кейтелю во время этой беседы, что вы выскажете свои мнения по поводу войны с СССР Гитлеру. Вы об этом сейчас тоже заявили. Вы имели на эту тему беседу с Гитлером?

Риббентроп: Я несколько раз говорил с Гитлером на эту тему, и в этом случае я ему говорил об опасности превентивной войны. Гитлер высказал мне свои сомнения, о которых я уже говорил.

Руденко: Вам было известно, что так называемая «Зеленая папка» подсудимого Геринга, содержащая указания об ограблении и эксплуатации временно оккупированных областей Советского Союза, была подготовлена задолго до нападения на Советский Союз?

Риббентроп: Нет, я этого не знал. Название «Зеленая папка» я услышал в первый раз только здесь.

Руденко: Вам известно, что до войны были разработаны директивы об истреблении мирного советского населения?

Риббентроп: Нет. Об этом я также не знал.

Руденко: А когда вы узнали об этом?

Риббентроп: О таких планах я вообще ничего не знал.

Руденко: А о директивах о подсудности в районе «Барбаросса» вы, очевидно, знали?

Риббентроп: В отношении чего? Я не понял последнего вопроса.

Руденко: О подсудности в районе «Барбаросса». Это — приложение к плану «Барбаросса».

Риббентроп: Я должен сказать, что этой темой я лично никогда не занимался. Возможно, что какой-либо орган моего министерства и занимался этим, но я, насколько помню, не занимался вопросами подсудности, так как с момента начала военных действий с Советским Союзом министерство иностранных дел не занималось вопросами, связанными с этой областью.

Руденко: Я просил бы вас ознакомиться с телеграммой от 10 июля 1941 г., в 14 ч. 51 м., германскому послу в Токио. Мы предъявляем этот документ под номером СССР-446. Вы должны помнить эту телеграмму. Я оглашаю ее: «Я прошу вас всеми находящимися в вашем распоряжении средствами повлиять на Мацуока, чтобы как можно быстрее Япония вступила в войну с Россией. Чем быстрее произойдет это, тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руки на Сибирской железной дороге. С крахом России позиции держав оси во всем мире будут настолько гигантскими, что вопрос краха Англии или полного уничтожения английских островов будет являться только вопросом времени».

Риббентроп: Да, я нашел это место.

Руденко: Это что, одно из ваших усилий по локализации войны?

Риббентроп: Война с Россией уже началась, и я тогда пытался — фюрер был того же мнения — втянуть Японию в войну против России, для того чтобы по возможности быстрее закончить войну с Россией. Таково было содержание телеграммы.

Руденко: Это не только позиция фюрера, но и ваша позиция, как министра иностранных дел в то время?

Риббентроп: Да.

Руденко: Вы подтверждаете, что никогда ничего не слышали о жестокостях, творившихся в концентрационных лагерях?

Риббентроп: Да, это правильно.

Руденко: Во время войны вы как министр иностранных дел знакомились с иностранной печатью, с иностранными газетами. Известно ли было вам, что сообщалось в заграничной прессе?

Риббентроп: Нет, это только в некоторой степени правильно.

Руденко: Известны ли вам были ноты Министра иностранных дел Советского Союза о злодеяниях немецких фашистов на временно оккупированных территориях Советского Союза, об угоне в рабство советских людей, об ограблении?

Риббентроп: Эта нота, мне кажется, дошла до меня по дипломатическим каналам. Я уже не помню точно, но возможно, что это было мне передано через телеграфные агентства. Во всяком случае, я вспоминаю, что тогда (мне кажется, речь шла даже о нескольких нотах, а одну из них я очень хорошо помню) я показал ее фюреру.

Руденко: Меня прежде всего интересовал один основной факт — установить, что вы были осведомлены о нотах Министерства иностранных дел Советского Союза.

Скажите, вам известно, что миллионы граждан угонялись в рабство в Германию?

Риббентроп: Нет, об этом я не знаю.

Руденко: А что в Германии эти граждане находились и использовались как рабы — это вам было известно?

Риббентроп: Нет.

Руденко: Я вас прошу ознакомиться с показаниями Нормана Пауля Ферстера. Этот документ представляется под номером СССР-445. Обратите внимание на страницу 3 показаний Ферстера. Там говорится:

«В августе 1941 года я прибыл по указанному адресу в город Берлин и узнал, что я назначен в зондеркоманду СС министерства иностранных дел. Прежде в команде было 80—100 человек, а потом 300—400 человек личного состава. Позднее зондеркоманда была переименована в батальон особого назначения министерства иностранных дел. Бароном фон Кюнстбергом я был принят в помещении, принадлежащем министерству иностранных дел, где была размещена зондеркоманда. Он мне разъяснил, что зондеркоманда создана по указанию министра иностранных дел Германии фон Риббентропа. По указанию фон Риббентропа, — говорил Кюнстберг, — наша зондеркоманда должна следовать на оккупированные территории с передовыми частями с таким расчетом, чтобы сохранить культурные ценности (музеи, библиотеки, научно-исследовательские институты, картинные галереи и т. д.) от разгрома и уничтожения немецких солдат с тем, чтобы затем все эти ценности реквизируют и вывезти в Германию...

...5 августа 1941 г. вечером в присутствии Ницше, Паульзена, Либера, Кралена, Рёша... и других фон Кюнстберг показал личный приказ фон Риббентропа основательно прочесывать в России все научные учреждения, институты, библиотеки,

дворцы, перетрясти архивы, забирать все, что имеет определенную ценность»...

Вы нашли это место в показаниях?

Риббентроп: Да.

Руденко: Вы знаете, что существовал такой батальон министерства иностранных дел и что по вашему указанию он занимался, как говорилось здесь, в документе, «сохранением культурных ценностей»?

Риббентроп: Так, как написано в этом документе, — это неправильно. Правильным является следующее:

Фон Кюнстберг являлся человеком, который вместе с некоторыми сотрудниками уже задолго до русской кампании получил поручение (речь шла тогда о Франции) собирать важные документы, которые могут иметь значение для нас, реквизировать их. Я одновременно хотел бы сказать, что у него было поручение заботиться о том, чтобы при этом не производилось ненужных разрушений памятников искусства и т. д. Но от меня он не получал задания направлять эти вещи в Германию или грабить их. Я не знаю, каким образом были даны эти показания, во всяком случае, они не соответствуют действительности.

Руденко: Я обращаюсь к документу — это письмо подсудимого Геринга на имя подсудимого Розенберга, — представленному уже Трибуналу под номером ПС-1985. Я оглашу это письмо подсудимого Геринга, адресованное подсудимому Розенбергу. Он пишет:

«После долгих поисков я особенно приветствовал, когда, наконец, было избрано место для коллекций, хотя я должен указать, что и другие инстанции также ссылаются на полномочия фюрера. Так, в первую очередь это относится к имперскому министру иностранных дел, направившему уже несколько месяцев назад циркуляр во все инстанции, которым он, между прочим, говорит, что ему переданы полномочия на сохранение культурных ценностей в оккупированных областях».

Вы не помните этого письма?

Риббентроп: Я не знаю, при каких обстоятельствах было написано это письмо Герингом. Этого я не знаю. Во всяком случае, если там говорилось о каких-либо полномочиях или о чем-либо другом, то речь могла идти только о том, чтобы эти произведения искусства сохранялись.

Руденко: Вы были министром иностранных дел фашистской Германии с 4 февраля 1938 г. Ваш приход на этот пост совпал с началом периода, когда Гитлер предпринял ряд внешнеполитических акций, приведших в конечном счете к мировой войне. Возникает вопрос, почему Гитлер назначил вас министром иностранных дел как раз перед началом осуществле-

ния широкой программы агрессии? Не находите ли вы, что он считал вас самым подходящим человеком для этого, с которым у него не может возникнуть разногласий?

Риббентроп: О мыслях Гитлера я ничего не могу сказать. Он ничего мне не рассказывал об этом. Он знал, что я был его верным сотрудником, и он знал, что я придерживался того же мнения, как и он, что необходимо создать сильную Германию. Больше я ничего не могу сказать.

ДОПРОС КЕЙТЕЛЯ

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 5, 6 и 8 апреля 1946 г.]

Руденко: Подсудимый Кейтель, уточните, когда вы получили первый офицерский чин?

Кейтель: 18 августа 1902 г.

Руденко: Какое вы получили военное образование?

Кейтель: Я вступил в армию в качестве кандидата в офицеры, служил сначала в качестве простого солдата и, пройдя затем все последующие чины — ефрейтора, унтер-офицера — стал лейтенантом.

Руденко: Я спросил вас о вашем военном образовании.

Кейтель: Я был армейским офицером до 1909 года, затем около шести лет полковым адъютантом, во время первой мировой войны я был командиром батареи, а с весны 1915 года находился на службе в генеральном штабе.

Руденко: Вы окончили военную или другую академию?

Кейтель: Я никогда не учился в военной академии. Два раза я в качестве полкового адъютанта принимал участие в так называемых больших командировках генерального штаба, летом 1914 года был откомандирован в генеральный штаб и в начале войны 1914 года возвратился в свой полк.

Руденко: Какую военную подготовку и военный чин имел Гитлер?

Кейтель: Лишь немного лет назад я узнал от самого Гитлера, что он после окончания первой мировой войны якобы был лейтенантом в одном из баварских пехотных полков. Во время войны он был простым солдатом, затем он получил чин ефрейтора, очень может быть, что в последнее время он получил чин унтер-офицера.

Руденко: Не следует ли сделать вывод, что вы, обладая солидной военной подготовкой и большим опытом, имели возможность оказывать существенное влияние на Гитлера при решении военно-стратегических и других вопросов, касающихся вооруженных сил? Вы не станете отрицать, что в силу своего

опыта и военной подготовки вы являлись советником Гитлера в ряде важнейших вопросов?

Кейтель: Я относился к его ближайшему военному окружению.

Руденко: С какого времени, вы считаете, началось ваше сотрудничество с Гитлером?

Кейтель: С 4 февраля 1938 г. как раз в тот день, когда я был призван для работы в ОКВ.

Руденко: Итак, вы работали в контакте с Гитлером весь период подготовки и осуществления агрессивных войн?

Кейтель: Да, мне кажется, что я уже дал все нужные разъяснения относительно того, как для меня, оказавшегося в этой ситуации, развивались события, уготовившие мне много неожиданностей.

Руденко: Кто, кроме вас, из руководящих военных работников ОКВ и ОКХ был приравнен к рангу министра рейха?

Кейтель: Ранг имперского министра имели три главнокомандующих составными частями вооруженных сил, причем главнокомандующий военно-воздушным флотом рейхсмаршал Геринг был, кроме того, имперским министром авиации, точно так же и я, как я уже показал вчера, приравнивался по рангу к рейхсминистру, но я не имел полномочий министра и не назывался министром.

Руденко: Какой орган начиная с февраля 1938 года выполнял функции военного министерства?

Кейтель: До последних дней января или первых дней февраля — тогдашний имперский военный министр фон Бломберг. После 4 февраля, как известно, не существовало больше ни военного министерства, ни военного министра.

Руденко: Зная, что этого министерства не было? Я поэтому вас и спрашиваю, какой орган заменял и выполнял функции военного министерства?

Кейтель: Я вместе с управлением вооруженных сил, тогдашним штабом военного министерства, во главе которого я стоял, вел дела дальше, распределив их, как я указал, то есть передав все высшие полномочия главнокомандующим составными частями вооруженных сил. Но это был не мой приказ, а приказ Гитлера.

Руденко: Из представленной вами Суду схемы видно, что ОКВ являлось центральным объединяющим и высшим военным звеном в рейхе, непосредственно подчиненным Гитлеру. Правильен такой вывод?

Кейтель: Да. Это был штаб, военный штаб Гитлера.

Руденко: Кто непосредственно в ОКВ руководил разработкой военностратегических планов? Я имею в виду планы

нападения на Австрию, Чехословакию, Польшу, Бельгию, Голландию, Францию, Норвегию, Югославию и Советский Союз.

Кейтель: Все оперативные, стратегические планы разрабатывались по поручению Гитлера главнокомандующими составных частей вооруженных сил; например, в сухопутных войсках — ОКХ и генеральным штабом сухопутных сил, после чего об этих планах докладывалось Гитлеру и затем принимались соответствующие решения.

Руденко: Я хочу вас спросить в связи с Югославией о следующем. Признаете ли вы, что изданная за вашей подписью директива о предварительном разделении Югославии является документом большого политического и международного значения, которым предусмотрено фактическое уничтожение Югославии как государства?

Кейтель: Я не сделал ничего, помимо оформления письменного распоряжения Гитлера, и препроводил его в инстанции, которые это интересовало и которых это касалось. Я не мог оказать ни личного, ни политического влияния на решение этого вопроса.

Руденко: Согласны ли вы, что при прямом участии ОКВ организовывались провокационные акции для создания повода к германской агрессии и для оправдания этой агрессии в глазах общественного мнения?

Кейтель: Я не принимал участия в подготовке каких-либо инцидентов, и военные инстанции по желанию Гитлера никогда не принимали участия в обсуждении, подготовке, разработке или проведении такого рода инцидентов. Под инцидентом подразумевается провокация.

Руденко: Какое участие принимало ОКВ в обеспечении вооружения «фрайкора» в Судетах?

Кейтель: Я не осведомлен о том, что какая-либо военная инстанция, если можно так выразиться, поставляла или направляла туда тайным образом оружие. Я об этом не знаю.

Руденко: Кто и почему издал приказ об оккупации Моравской Остравы и Витковици германскими военными частями 14 марта 1939 г., после полудня, когда президент Гаха еще находился в пути в Берлин с целью переговоров с Гитлером?

Кейтель: Под конец фюрер решил издать этот приказ. Были сделаны приготовления с тем, чтобы внезапно, до планировавшегося ранее вступления в Чехословакию, занять этот район, где находился известный крупный современный сталелитейный завод, расположенный в Моравской Остраве, я не могу сейчас вспомнить, как он называется.

Гитлер мне сказал, что причина такого решения заключается в том, чтобы воспрепятствовать внезапному нападению поляков с севера и чтобы, кроме того, на всякий случай завладеть наи-

более модернизированным прокатным заводом. Все это он привел мне в качестве причины операции.

Руденко: Но в это же время президент Гаха ехал в Берлин, чтобы вести переговоры с Гитлером?

Кейтель: Да, это правильно.

Руденко: Это вероломство!

Кейтель: Мне не кажется, что я должен давать свою оценку этим событиям. Правильно то, что эта оккупация состоялась в указанный вечер. Причем я уже указал, что президент Гаха узнал об этом лишь тогда, когда он приехал в Берлин.

Руденко: Я имею к вам несколько вопросов в связи с агрессией против Советского Союза. Вы вчера давали уже Трибуналу по этому поводу показания. Вы изложили свою позицию по поводу нападения на Советский Союз. Но вы заявили Трибуналу, что распоряжение о подготовке варианта «Барбаросса» последовало в начале декабря 1940 года?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы точно это припоминаете и утверждаете?

Кейтель: Я не знаю, как точнее сказать, я не вспоминаю о каком-то определенном приказе главного командования вооруженных сил, которое издало бы соответствующие распоряжения о плане, названном просто «Барбаросса». Правда, в сентябре было издано указание, в котором говорилось о транспорте и железных дорогах и тому подобных вещах. Подписал ли я такое указание — я сейчас не помню. Тогда действительно было издано такое подготовительное указание, которое ставило своей целью улучшение средств сообщения между Западом и Востоком.

Руденко: Впервые вы узнали о замыслах Гитлера о нападении на Советский Союз летом 1940 года?

Кейтель: Нет. Записанный в дневнике Иодля разговор относится к лету 1940 года. Вы, очевидно, имеете сейчас в виду тот разговор, который записан в дневнике Иодля, но я не присутствовал на этой, очевидно, очень краткой и беглой беседе. Размышления, которые у меня были в то время, подтверждают то обстоятельство, что я не слышал этого разговора, потому что я в то время постоянно находился в разъездах, летал на самолете и не присутствовал на совещаниях, где обсуждалось военное положение.

Руденко: А когда у вас происходила беседа с Риббентропом?

Кейтель: Это было, очевидно, в последние дни августа или в начале сентября. Точной даты я, однако, сообщить не могу. Я восстанавливаю этот период в моей памяти, исходя из того, что приблизительно 10 августа я вновь прибыл

в Берхтесгаден и в последующее время составил тот меморандум, о котором я говорил.

Руденко: Итак, вы утверждаете, что впервые о замыслах Гитлера напасть на Советский Союз вы узнали из беседы с Риббентропом?

Кейтель: Нет, дело в том, что после того, как я 14 дней отсутствовал в Берхтесгадене, находясь частично в отпуску, частично при исполнении служебных обязанностей в Берлине, я возвратился в главную ставку и затем в один из следующих за моим прибытием дней, приблизительно в середине августа, я услышал впервые об этих планах Гитлера. После этого мной был составлен меморандум.

Руденко: Таким образом, правильно я вам ставлю вопрос, что вы летом 1940 года узнали о замыслах Гитлера?

Кейтель: Да.

Руденко: Я хотел бы напомнить вам показания свидетеля Паулюса, которые он дал здесь, перед Трибуналом 11 февраля сего года. Паулюс, как вы припоминаете, сообщил Трибуналу, что при поступлении на службу в ОКХ 3 сентября 1940 г. он среди прочих планировок застал там еще незаконченный предварительный оперативный план нападения на Советский Союз, известный под названием «Барбаросса». Вы припоминаете это свидетельство Паулюса?

Кейтель: Я помню лишь то, что он сказал, что там имелся план проведения маневров, что, когда он был переведен на должность в ОКХ в генеральный штаб, он обнаружил там соответствующий документ. Этот документ мне неизвестен и не мог быть известен, так как документы и материалы генерального штаба никогда не находились в моем распоряжении, и я никогда не видел их.

Руденко: Стало быть, я хочу установить одно обстоятельство: вы отрицаете, что в сентябре 1940 года в ОКХ уже велась разработка в связи с вариантом «Барбаросса»?

Кейтель: Если имеется свидетельство генерал-фельдмаршала Паулюса, то я не могу сказать, что оно неправильно, потому что я не могу знать, было ли это так в действительности. Я не могу этого ни оспаривать, ни утверждать.

Руденко: Вы заявили Трибуналу, что вы были противником войны с Советским Союзом?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы заявили, что вы специально входили с предложением к Гитлеру, чтобы он изменил свои замыслы в отношении Советского Союза?

Кейтель: Да, не только изменить этот план, но и вообще отказаться от этого плана и не вести войны против Советского Союза. В этом заключался смысл моего меморандума.

Руденко: Сейчас я хочу вас спросить об известном вам, очевидно, совещании, которое произошло через три недели после нападения Германии на Советский Союз, о совещании 16 июля 1941 г. Вы припоминаете это совещание, которое было посвящено вопросу о задачах войны против Советского Союза?

Кейтель: Нет, я сейчас не помню.

Руденко: Я не намерен вам сейчас предъявлять этот документ. Если вспоминаете, я его предъявлял подсудимому Герингу, когда речь шла о расчленении Советского Союза, вспоминаете?

Кейтель: Да, этот документ я знаю. Я уже здесь, во время моего допроса охарактеризовал этот документ как запись рейхслейтера Бормана.

Руденко: Правильно.

Кейтель: Я тогда также показал, что меня пригласили участвовать лишь во второй половине этого совещания, я не присутствовал на первой половине совещания. Я также показал, что этот документ является не протоколом, а свободной продиктованной записью рейхслейтера Бормана.

Руденко: Но вы припоминаете, что уже тогда — 16 июля ставился вопрос о присоединении к Германии Крыма, Прибалтики, Волжских районов, Украины, Белоруссии и других территорий.

Кейтель: Нет, мне кажется, что об этом говорилось на первой половине совещания. Я помню о той части совещания, когда обсуждался вопрос о кадрах, об определенных лицах, которые должны были быть назначены. Это я припоминаю. Эту запись я увидел только здесь, раньше я не знал о ней, на первой половине этого совещания я не присутствовал.

Руденко: Тогда позвольте спросить вас иначе. Какие конечные цели ставил Гитлер и его окружение в войне против Советского Союза?

Кейтель: Я считал, основываясь на тех заявлениях, которые мне сделал Гитлер, что более глубокие причины этой войны заключались в том, что он был убежден, что в течение ближайших лет между великой славянской коммунистической империей и великой германской империей национал-социализма так или иначе вспыхнет война и если столкновение между этими двумя народами неизбежно, то гораздо лучше, чтобы оно произошло сейчас, а не позже. Вот, как я могу приблизительно все это сформулировать.

Руденко: И вы утверждаете под присягой, что вам было неизвестно о гитлеровских планах захватить территории Советского Союза и колонизировать их?

Кейтель: Нет, в такой форме это не говорилось. Я, конечно, сознавал, что предполагалось сделать прибалтийские

провинции зависимыми от Германии, установить между Украиной и Германией тесные экономические отношения в области снабжения продуктами питания, но мне не были известны конкретные объекты, которые должны были быть завоеваны, и если эти вопросы когда-нибудь и затрагивались, то я к ним не относился серьезно.

Руденко: Известно ли вам было, что на этом совещании 16 июля Гитлер заявил о необходимости стереть с лица земли Ленинград?

Кейтель: Я действительно знаю документ, изданный военно-морскими силами. Мне также известен второй документ, который содержал краткую директиву относительно Ленинграда. Меня уже допрашивали по этим двум документам. Я могу по этому поводу лишь констатировать, что ни действия германской авиации, ни обстрел осадной артиллерией не произвели тех разрушений, какие имели место позже в других местах. До этого дело не дошло, этого в действительности не было. Насколько мне известно, систематического обстрела Ленинграда не было. Поэтому можно констатировать лишь то, что я сказал тогда под присягой представителям советской делегации.

Руденко: Вы утверждаете, что Ленинград никогда не обстреливался?

Кейтель: Конечно, артиллерия действовала в районе Ленинграда. Но обстрел не ставил своей целью разрушение города, до этого дело не дошло.

Руденко: Вам известно, что в приказе за подписью подсудимого Иодля говорится также о разрушении города Москвы?

Кейтель: Сейчас я этого точно не знаю, так как тогда, как я сам видел, речь шла только о Ленинграде. Если это имеется в протоколе, то я не хочу оспаривать.

Руденко: Я вас спрашиваю: приказы по линии ОКВ издаются для того, чтобы их исполняли?

Кейтель: Во-первых, директива или указание, изданное военно-морскими силами, не является приказом, исходящим от ОКВ, и его происхождение мне неизвестно, а короткий приказ Иодля, исходящий от ОКВ, был составлен, когда я отсутствовал, как я уже говорил. Если бы я в тот момент находился там, то я, вероятно, подписал бы его, но меня тогда не было и я не знаю предпосылок и обсуждений, обусловивших это указание.

Руденко: Вы не ответили на мой вопрос. Я спрашиваю: приказы издаются для того, чтобы их исполняли?

Кейтель: То, о чем мы сейчас говорим, указание, а не приказ. Приказ может быть издан только руководящей на данном участке инстанцией сухопутных сил. Это была директива, где излагались цель и намерение.

Руденко: А указания, исходящие из ОКВ, подлежат исполнению?

Кейтель: Конечно, они должны выполняться.

Руденко: Что касается вашего заявления по поводу того, что никто не обстреливал Ленинград, то оно не нуждается в опровержении, ибо разрушения Ленинграда — общеизвестный факт.

Кейтель: Я разрешу себе заметить, что я не издавал этого приказа. Поэтому я и не знаю этого.

Руденко: Вам известно, что до начала войны с Советским Союзом подсудимым Герингом была издана так называемая «Зеленая папка», содержащая директивы по руководству экономикой подвластных оккупации районов СССР?

Кейтель: Да, это мне известно.

Руденко: Вы подтверждаете, что своим распоряжением от 16 июня 1941 г. вы дали указание всем германским вооруженным силам о неуклонном выполнении этих директив?

Кейтель: Да, имелось указание, которое доводило до сведения всех войсковых частей, какие организации использовались для осуществления больших задач и какого рода ответственность при этом существовала. Далее говорилось, что все военные инстанции сухопутных сил должны действовать в полном соответствии с указанием. Я препроводил это указание всем соответствующим инстанциям, не издал его, а препроводил другим инстанциям.

Руденко: Это было ваше указание или вы только исполняли указание фюрера?

Кейтель: Я лишь передавал данные мне фюрером поручения. Я вообще не мог давать приказов рейхсмаршалу Герингу в этом направлении.

Руденко: Вы дали приказ не рейхсмаршалу Герингу, а приказ вооруженным силам.

Кейтель: Я не мог давать им приказов, я мог лишь повеление фюрера довести до сведения главнокомандующего сухопутными силами, который в свою очередь должен был сообщить о нем дальше своим войскам.

Руденко: Вы не расходились с этим желанием фюрера?

Кейтель: Я не возражал, поскольку здесь речь шла о задачах ОКВ.

Руденко: Вы подтверждаете, что в этом распоряжении вами была поставлена задача немедленной и полной эксплуатации оккупированных областей Советского Союза в интересах военной экономики Германии?

Кейтель: Такого рода приказ, где говорилось о целях и задачах, которые должны были осуществляться экономической организацией «Ольденбург», я не издавал. Я передал лишь

основное содержание «Зеленой папки» ОКХ, чтобы потом были даны дальнейшие распоряжения.

Руденко: Вы признаете, что директивы, содержащиеся в «Зеленой папке» Геринга, были направлены на разграбление материальных ценностей Советского Союза и имущества его граждан?

Кейтель: Нет, по моему мнению, о разграблении в «Зеленой папке» ничего не говорилось. Вместо разграбления следует сказать использование лишних продуктов, главным образом в области питания, а сырье должно было использоваться для военной экономики Германии, а не уничтожаться.

Руденко: Это вы не считаете грабежом?

Кейтель: Слова: военные трофеи, использование запасов, обнаруженных во время военных действий, грабеж и тому подобное, являются понятиями, которые, как мне кажется, не должны здесь дефинироваться.

Руденко: Хорошо, не будем спорить.

Я имею к вам последний вопрос в связи с нападением на Советский Союз. Согласны ли вы с тем, что способы ведения германской армией войны на Востоке самым резким образом расходились с элементарным представлением о воинской чести армии и с понятием военной необходимости и целесообразности?

Кейтель: Нет, я не могу признать этого в такой форме.

Руденко: Какие задачи ставились немецким верховным главнокомандованием перед германскими вооруженными силами в случае успешного для Германии окончания войны против Советского Союза?

Вы, очевидно, знакомы с документом «Руководство морской войной», который был уже запроектирован 8 августа 1941 г. по вопросу о задачах дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании. Речь идет о разработке планов вторжения в Иран, Сирию, Египет. Вы знаете этот документ?

Кейтель: Этот документ я вижу в первый раз здесь на процессе. Он начинается предложением: «У штаба военно-морских сил имеется проект директивы относительно дальнейших планов после окончания восточной кампании». Этого указания или этого приказа военно-морских сил я никогда не видел и не мог его видеть. Этот проект директивы должен был, очевидно, исходить из ОКВ, в штабе оперативного руководства имелись офицеры армии, флота и авиации. Очень может быть, что здесь в форме проекта директивы изложены мысли, которые в свое время были доведены до сведения офицеров штаба оперативного руководства. Я сейчас не помню такой директивы штаба оперативного руководства. Может быть, Йодль даст сведения об этом.

Руденко: Но вы видели, что этот документ планирует захват Гибралтара при активном участии Испании, он планирует

нападение на Сирию, Палестину в направлении на Египет и т. д. Вы говорите, что об этом документе вы не имеете представления?

Кейтель: Я охотно дам объяснение по этому поводу, а именно: захват Гибралтара, который является входом в Средиземное море, был запланирован на предыдущую зиму 1939/40 года, но этот план не был реализован... Но остальное, о чем упоминалось в проекте, было лишь выражением идей, которые возникали в связи с той обстановкой, которая создавалась в ходе операции севернее Кавказа. Я отнюдь не собираюсь утверждать, что это были идеи, которые не занимали умы. Но я просто этого не помню, я не читал всех документов и бумажек, которые исходили из оперативного штаба в виде проектов.

Руденко: Если такие документы, как вопрос о захвате стран, считаются бумажками, тогда что же у вас считается важными документами?

Кейтель: Я могу сказать лишь следующее, что является вполне искренним и соответствует действительности. Во время войны составляются некоторые планы, обдумываются различные возможности, которые не реализуются в суровой действительности, да и подчас не могут быть реализованы, и поэтому уже потом с исторической точки зрения нельзя рассматривать эти бумажки как выражение воли всего оперативного и стратегического военного командования.

Руденко: Согласен, что с исторической точки зрения этот документ сейчас значения не имеет. Но в плане германского генерального штаба, который полагал, что он победит Советский Союз, этот документ тогда приобретал другое значение.

Перехожу к вопросам зверств и вашего отношения к этим преступлениям. Ваш защитник Нельте предъявил вам основные документы обвинения по вопросам злодеяний. Поэтому я не намерен их предъявлять и подробно останавливаться на них. Я только спрошу об основных документах, которые были представлены во время допроса вашим защитником.

Прежде всего, я обращаюсь к документу: «Распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». Вы помните этот документ? Он был составлен 13 мая 1941 г. Это больше чем за месяц до начала войны с Советским Союзом. Вы помните, в этом документе, составленном до начала войны, указывалось, что заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру, и последний решает вопрос, должны ли они быть расстреляны. Вы помните это положение? Вы подписывали этот документ?

Кейтель: Да. Я никогда не оспаривал этого.

Руденко: Вы заявляете сейчас, что право офицера расстреливать людей без суда и следствия недопустимо?

Кейтель: В германской армии уже издавна как для своих солдат, так и для солдат противника имелись военно-полевые суды (штандгерихте), состоявшие всегда из одного офицера и одного-двух солдат, которые втроем выступали в качестве судей. Это мы называем военно-полевым судом (штандгерихт). В этом суде должен всегда присутствовать в качестве старшего офицера.

Руденко: Но этим документом устранялось судебное разбирательство дел в отношении заподозренных лиц и право расстрела предоставлялось офицеру германской армии? Правильно это?

Кейтель: Да. В случае, если были заподозрены германские солдаты, это было так и это допускалось. Имеется военный суд, который состоит из судейских чиновников и имеется военно-полевой суд, который состоит из солдат. Последние имеют право в результате слушания дела в военно-полевом суде выносить приговор в отношении любого солдата германской армии и приводить его в исполнение.

Председатель: Вы не отвечаете на вопрос. Вопрос был задан: какое право дает этот документ, а не каковы вообще приказы в германской армии.

Руденко: Вы можете ответить мне на этот вопрос? Этот документ устранял судебное разбирательство и предоставлял право расстреливать заподозренных, как здесь говорится, офицеру германской армии?

Кейтель: Это был приказ, который был дан мне Гитлером. Гитлер отдал этот приказ мне, и я поставил свою подпись.

Руденко: Вы, фельдмаршал, считали этот приказ неправильным и все же подписали его?

Кейтель: Я не могу вам сказать больше того, что я подписал этот приказ и что тем самым я взял на себя определенную долю ответственности.

Руденко: Этот приказ датирован 13 мая 1941 г., то есть издан больше чем за месяц до начала войны. Таким образом, вами заранее планировалось убийство людей?

Кейтель: Правильно то, что этот приказ действительно был издан за четыре недели до начала похода по плану «Барбаросса» и что за четыре недели до этого о нем сообщили генералам. Они знали об этом уже за несколько недель до начала войны.

Руденко: Этим распоряжением фактически устанавливалась обстановка безнаказанности для германских солдат и офицеров за произвол и беззакония?

Кейтель: В определенных границах, а граница устанавливалась в устных приказах, предназначенных для генералов и

требовавших от своих собственных частей самой строгой дисциплины.

Руденко: Я думаю, вы подсудимый Кейтель, эти «определенные границы» видели из представленных документов здесь на Суде и из кинодокументов. Я ставлю следующий вопрос. 12 мая 1941 г. был разработан вопрос об обращении с пленными русскими политическими и военными работниками. Вы помните этот документ?

Кейтель: Я в настоящий момент не могу знать, какой документ вы имеете в виду.

Руденко: Я имею в виду документ от 12 мая 1941 г., которым устанавливалось, чтобы политических руководителей Красной Армии не признавать военнопленными, а уничтожать.

Кейтель: Я видел лишь предварительные замечания по этому поводу. Я не помню сейчас документа. Обстоятельства дела мне неизвестны. О содержании документа я не могу в данный момент вспомнить.

Руденко: Это документ от 12 мая 1941 г. Он озаглавлен «По вопросу обращения с пленными русскими политическими и военными работниками».

Кейтель: Это не приказ. Это — просто докладная записка из отдела обороны страны с замечанием о том, что не достает еще соответствующих решений фюрера. Докладная записка основана на предложении, сделанном в одном приказе. Я сейчас вспоминаю об этом. Я тогда видел эту докладную записку, но результаты доклада не зафиксированы, здесь только говорится о предложении относительно урегулирования данного вопроса в духе упомянутого предложения, о чем сообщили затем сухопутным силам, когда фюрер одобрил его или, обсудив с главнокомандующим сухопутными силами, разрешил этот вопрос.

Руденко: Значит, вы не отрицаете, что еще в мае, более чем за месяц до войны, уже был запроектирован документ об уничтожении русских политических и военных работников? Вы не отрицаете этого?

Кейтель: Нет, я не отрицаю этого, это было результатом тех распоряжений, которые были доведены до сведения и письменно разработаны генералами в данном документе.

Руденко: Подсудимый Кейтель, я вас спрашиваю о приказе, изданном для подавления освободительного движения в оккупированных областях. Это приказ от 16 сентября 1941 г. (номер СССР-98). Вам вчера ваш защитник показал этот приказ. Я вам напомню одно место из этого приказа. Там говорится:

«Чтобы в корне задуть недовольство, необходимо по первому поводу, незамедлительно принять наиболее жесткие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей и предотвра-

тить дальнейшее распространение...» И дальше: «При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

Вы помните это положение, основное положение приказа, что «человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит». Помните вы эту фразу?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы подписывали этот приказ с этим утверждением?

Кейтель: Да... Эти слова в приказе не стоят, но фактом является то, что на юго-востоке и частично на территориях советских областей человеческая жизнь не принималась в расчет в том объеме, в котором это следовало. Это мнение было известно из фактов, которые относятся ко многим годам.

Руденко: Вы говорите, что эти слова не стоят в приказе?

Кейтель: Насколько я знаю, там так не написано. Там написано, что «человеческая жизнь мало стоит». Это по моим воспоминаниям.

Руденко: Я вам напомню. Когда вас допрашивал генерал Александров 9 января 1946 г., на вопрос по существу этой фразы вы ответили: «эту фразу я должен признать подлинной, но ее фюрер сам лично сюда включил». Теперь вы вспомнили? Вы так ответили?

Кейтель: Это соответствует действительности.

Я вчера не прочитал всех пунктов этого приказа, я признал только то, что он действительно существовал.

Руденко: Господин председатель, я сейчас предъявлю подсудимому этот приказ.

Подсудимый Кейтель, вы ознакомились?

Кейтель: Да, текст на немецком языке следующий:

«В соответствующих странах человеческая жизнь часто ничего не стоит».

Руденко: И дальше.

Кейтель: Так точно, сейчас. «И устрашающие действия могут быть достигнуты путем необычайной жестокости как искупление за жизнь немецких солдат».

Руденко: Ясно. В этом же приказе в пункте «Б» говорится: «Искуплением за жизнь немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна служить смертная казнь 50—100 коммунистов. Способ казни должен увеличивать степень устрашающего воздействия». Правильно?

Кейтель: Немецкий текст несколько другой. «В этих случаях необходимо вообще устанавливать смертную казнь для 50—100 человек». Это — немецкий текст.

Руденко: За одного немецкого солдата?

Кейтель: Это я знаю, и это я видел здесь.

Руденко: Я вас спрашиваю: подписывая этот приказ, вы этим самым высказали и свое мнение об этих жестоких мероприятиях, то есть были согласны с Гитлером?

Кейтель: Я этот приказ подписал, однако те числа, которые там указаны, являются личными изменениями в приказе, именно личными изменениями Гитлера.

Руденко: А какие числа вы представили Гитлеру?

Кейтель: Пять — десять человек. Это — та цифра, которую я указал в оригинале.

Руденко: Значит у вас расхождение с Гитлером было только в числах, а не по существу?

Кейтель: Смысл был таков, что для достижения устрашающего воздействия за жизнь одного немецкого солдата необходимо было потребовать несколько человеческих жизней.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вопрос был таков: действительно ли расхождение между вами и Гитлером при составлении этого документа заключалось в цифрах, и на этот вопрос вполне можно ответить «да» или «нет». Действительно ли вы расходились во взглядах только по вопросу о цифрах?

Кейтель: Тогда я должен сказать, что существовало принципиальное разногласие, которое, однако, в последнем счете не может быть оправдано, так как я подписал этот приказ, этого требовала занимаемая мною должность. Имелась принципиальная разница в отношении решения всего вопроса.

Руденко: Я хочу напомнить еще об одном приказе. Это приказ от 16 декабря 1942 г. Документ предъявлен Суду под номером СССР-16. Я также не буду подробно вас спрашивать об этом приказе. Этот приказ вам вчера предъявлялся вашей защитой.

Кейтель: Я не помню этого документа. Я не помню о том, что он был предъявлен вчера.

Руденко: Хорошо. Я предъявлю этот документ, чтобы освежить вашу память.

Я буду вас спрашивать, подсудимый Кейтель, по одному только вопросу в связи с этим приказом. В пункте первом этого приказа (третий абзац) обратите внимание на следующую фразу:

«Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

Вы нашли это место?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы нашли место, в котором дается указание применять любые средства без ограничения против женщин и детей?

Кейтель: «Без ограничения по отношению к женщинам и детям применять любые средства, если это необходимо». Я нашёл это место.

Руденко: Я именно об этом и спрашиваю вас. Я спрашиваю вас, подсудимый Кейтель, фельдмаршал бывшей германской армии, вы считаете правильным этот приказ — применять любые средства в отношении женщин и детей?

Кейтель: Мероприятия применялись постольку, поскольку нужно было женщин и детей удалить из района боевых действий или района действий партизанских банд, однако никогда не имелись в виду жестокости или убийства женщин и детей. Никогда.

Руденко: Устранить (термин германский) — это значит убить?

Кейтель: Нет. Мне кажется, что никогда не было необходимости говорить немецким солдатам, чтобы они не убивали женщин и детей.

Руденко: Вы не ответили на мой вопрос. Вы считаете правильным этот приказ в отношении мер против женщин и детей или неправильным? Вы ответьте — да или нет? Правильно или неправильно?

Кейтель: Я считал правильными эти мероприятия и признаю, что они проводились, но это ни в коей степени не были мероприятия по убийству людей. Это было бы преступлением.

Руденко: Любые средства включают убийство?

Кейтель: Да, но не по отношению к женщинам и детям.

Руденко: Но в приказе сказано: любые средства в отношении женщин и детей?

Кейтель: Нет, там написано «...не останавливаться перед мероприятиями против женщин и детей». Никогда немецкому солдату и немецкому офицеру не могла прийти в голову мысль убивать женщин и детей.

Руденко: А в действительности?

Кейтель: Я не могу в каждом отдельном случае подтвердить это, так как я этого не знаю и так как я не мог быть во всех местах и не получал донесений об этом.

Руденко: Но таких случаев были миллионы.

Кейтель: Это мне неизвестно, и я не верю, что это происходило в миллионах случаев.

Руденко: Сейчас я хочу обратиться к вопросу об обращении с советскими военнопленными. Я не намерен вас допрашивать по вопросу о клеймении советских военнопленных и других фактах, они достаточно известны Трибуналу. Я вас хочу спросить по поводу одного документа — доклада Канариса от 15 сентября 1941 г. Он зарегистрирован под номером ЕС-338. Как вы помните, даже германский офицер обратил внимание на исклю-

чительный произвол и незаконные, допускаемые в отношении советских военнопленных. В этом докладе Канарис указывал на массовые убийства советских военнопленных и говорил о необходимости решительного устранения этого произвола.

Вы были согласны с положениями, которые выдвинул Канарис в своем докладе на ваше имя?

Кейтель: Я вчера уже ответил моему защитнику...

Руденко: Вы можете ответить кратко на мой вопрос — вы были согласны?

Кейтель: Я коротко отвечаю, что по получении этого письма я немедленно доложил о нем фюреру, в особенности в связи с двумя нотами народного комиссара по иностранным делам от начала июля, и просил снова принять решение по этому вопросу. Я разделял в общем сомнения Канариса...

Руденко: Разделяли? Очень хорошо. Я вам предъявляю сейчас подлинник доклада Канариса, на котором есть ваша резолюция.

Господин председатель, я сейчас предъявляю подсудимому документ с его резолюцией.

Председатель: У вас имеется оригинал этого документа?

Руденко: Да, я дал его подсудимому. Итак, следите, подсудимый Кейтель.

Кейтель: Я знаю этот документ с пометками на полях.

Руденко: Вы следите за резолюцией. Этот документ Канариса, который вы считаете правильным. Ваша резолюция следующего содержания: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель».

Кейтель: Да, это я написал в качестве решения после доклада фюреру... Я это написал.

Руденко: Там не написано, что это фюрер так сказал, там написано: «я... покрываю... Кейтель». Стало быть...

Кейтель: Это я признаю здесь под присягой, и я уже ранее говорил это, до того, когда я это прочел.

Руденко: Значит, вы признаете эту резолюцию? Еще на одно место в этом документе я обращаю внимание, на страницу 2. В докладе Канариса говорится:

«Выявление гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных, а равно принятие решения об их судьбе производится оперативными командами полиции безопасности и СД, согласно инструкциям, которые незнакомы органам вооруженных сил и исполнение которых они не в состоянии проверить».

Это пишет Канарис, а на полях документа против этого текста ваша, подсудимый Кейтель, резолюция: «Вполне целесообразно». Правильно? Вы нашли эту резолюцию?

Кейтель: Да, именно это «целесообразно» относится к тому, что части вооруженных сил не имеют ничего общего с оперативными командами и ничего не знают о них. Там указано, что они им незнакомы.

Руденко: И к тому, что полиция безопасности и СД расправляются с этими гражданскими лицами и военнопленными? Вы считаете это целесообразным?

Кейтель: Нет, я считал целесообразным то, чтобы части вооруженных сил не знали ничего о деятельности этих команд. Это я хотел сказать этой пометкой. В тексте я подчеркнул слово «неизвестно».

Руденко: Я спрашиваю вас, в связи с этой резолюцией, вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь, перед Трибуналом, называвший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийство безоружных солдат, попавших к вам в плен? Это правильно?

Кейтель: Я подписал оба приказа и тем самым несу ответственность в связи с занимаемой мною должностью. Я беру на себя эту ответственность.

Руденко: Вы здесь неоднократно говорили о солдатском долге. Я хочу вас спросить, совместимо ли с понятиями «солдатский долг» и «честь офицера» издание таких приказов о репрессиях в отношении военнопленных и мирных граждан?

Кейтель: В той степени, в которой это касается репрессий в августе и сентябре.

Руденко: Подсудимый Кейтель, мы же вчера установили, что еще в мае 1941 года, до начала войны, вы подписали директиву о расстреле политических и военных работников Красной Армии.

Кейтель: Да, эти приказы перед началом войны я подписал, но в них не содержится слово «убийство».

Руденко: Я не намерен спорить, так как это значит спорить против документов, а документы говорят сами за себя. Я имею к вам несколько последних вопросов. Вы заявили Трибуналу, что генералы германской армии только слепо выполняли приказы Гитлера?

Кейтель: Я заявил, что не знаю, какие генералы и заявляли ли генералы вообще протесты. Насколько я помню, это не происходило в моем присутствии, когда Гитлер прокламировал основные положения о борьбе мировоззрений.

Руденко: А известно ли вам, чтобы генералы по своей инициативе издавали приказы о зверствах, о нарушениях законов и обычаев войны и эти приказы одобрялись Гитлером?

Кейтель: О том, что высшие инстанции армии, например, в связи с вопросом о подсудности издали в марте приказ и про-

водили другие мероприятия, а также издавали приказы, смягчающие и отменяющие эти мероприятия, я знаю, так как они обосновались со мной.

Руденко: Вы делаете вид, что меня не поняли, и хотите уклониться от ответа. Я спрашивал, издавали ли генералы приказы о нарушениях законов и обычаев ведения войны по своей инициативе?

Кейтель: Это мне неизвестно. Я не знаю, о каких приказах идет речь, господин генерал.

Руденко: Это вам неизвестно?

Кейтель: Я не знаю, о каких приказах вы говорите, господин генерал. Но возможно, что это было так.

Руденко: Я только сошлюсь на один приказ. Я имею в виду приказ генерал-фельдмаршала фон Рейхенау о поведении войск на Востоке. Этот документ, господин председатель, предъявлен советским обвинением под номером СССР-12. Из этого приказа я оглашу только одну цитату: «Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

Кейтель: Я знаю этот приказ. Он был мне предъявлен во время предварительного следствия.

Руденко: Этот приказ издан по инициативе Рейхенау, одобрен Гитлером и как образцовый разослан всем командующим фронтам?

Кейтель: Это я узнал только здесь. Этот приказ я, по моему, ранее не читал.

Руденко: Конечно, такие приказы у вас, очевидно, считались малозначимыми, ибо разве могла интересоваться начальника ОКВ судьба советских военнопленных или советских граждан? Жизнь их ничего не стоила?

Кейтель: Я не имел никакого соприкосновения по служебным вопросам с командующими на фронте. С ними имел дело только командующий сухопутными силами.

Руденко: Вы здесь, давая показания Трибуналу, очень часто, а до вас это делали ваши сообщники, подсудимые Геринг и Риббентроп, говорили о Версальском договоре. Я вас спрашиваю: разве Вена, Прага, Белград, Крым до Версальского договора принадлежали Германии?

Кейтель: Нет.

Руденко: Вы заявили здесь, что в 1944 году, после изменения закона, вы получили предложение вступить в члены нацистской партии. Вы приняли это предложение, передали личные данные руководству партии, внесли вступительный взнос. Скажите, не следует ли рассматривать принятое вами предложение вступить в нацистскую партию как ваше согласие с программой партии, с ее целями и методами?

Кейтель: Я считал требование прислать мои личные данные после того, как я три с половиной года носил золотой значок партии, только формальной регистрацией и выполнил требование уплатить партийные взносы. Я сделал то и другое.

Руденко: То есть до этого формального предложения, по существу, вы себя считали нацистом?

Кейтель: Я всегда смотрел на себя как на солдата, а не как на политического деятеля.

Руденко: Не следует ли заключить после всего того, что здесь сказано, что вы были гитлеровским генералом не по долгу, а по убеждению?

Кейтель: Я здесь уже показал, что я был лояльным, верным и покорным солдатом своего фюрера...

Додд¹: У меня есть только один вопрос.

Утром 3 апреля, когда вы были подвергнуты прямому допросу, мы поняли из ваших слов, что вы считаете, что должны принять на себя ответственность за приказы, издававшиеся от вашего имени, — за приказы, которые вы издавали, но которые исходили от Гитлера. Когда вас допрашивали, вы сказали, как мы поняли вас, что вы, как старый профессиональный солдат, конечно, понимали традиции и даже принципы этой профессии, которые обязывают солдата не проводить в жизнь любой приказ, который как он считает, носит преступный характер.

Правильно ли мы вас поняли?

Кейтель: Да.

Додд: Итак, будет справедливым признать, что согласно обязательствам, возложенным на вас присягой, вы признаете, что вы проводили в жизнь преступные приказы?

Кейтель: В такой форме этого нельзя сказать. Надо сказать, что государственная форма и полномочия главы государства, которыми он обладал тогда, объединяли в себе законодательные полномочия, которые придавали исполнительным органам сознание того, что эти действия не являются противозаконными, если их проводила инстанция, которая обладала такими полномочиями. Я, конечно, сознавал, что совершались и такие действия, которые нельзя было согласовать с правовыми понятиями.

Додд: Итак, я понял вас, что вы, зная об этом, проводили в жизнь и издавали преступные или противозаконные приказы. Это правильно?

Кейтель: Разрешите сказать, что у меня не было внутреннего убеждения, что эти приказы были преступными, так как глава правительства сам объединял в себе функции законода-

теля, и вследствие этого я сам не был убежден, что совершал преступные действия.

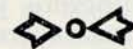
Додд: Я не хочу более тратить время на ваш допрос, но я считаю необходимым заметить, что ваш ответ не является ответом на мой вопрос.

Вы сказали нам, что некоторые из этих приказов являлись нарушением существующего международного права. Приказ, изданный в такой форме и на такой основе, является преступным приказом, противозаконным приказом, не так ли?

Кейтель: Да, это правильно.

Додд: Итак, когда вы проводили эти приказы в жизнь, вы проводили в жизнь преступные приказы, вне зависимости от того, кем они издавались?

Кейтель: Да, это правильно.

¹ Помощник Главного обвинителя от США. — Составители.

ДОПРОС КАЛЬТЕНБРУННЕРА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 12 и 13 апреля 1946 г.]

*Эймен*¹: Подсудимый, для того чтобы в максимальной степени сократить перекрестный допрос, я хочу быть уверенным в том, что мы друг друга понимаем.

Во-первых, я хочу спросить, признаете ли вы, что вы были начальником главного имперского управления безопасности и начальником полиции безопасности и СД с конца января 1943 года до конца войны? Это правильно?

Кальтенбруннер: Да, это верно с теми ограничениями, которые я указал вчера относительно моего права давать приказы государственной и уголовной полиции.

Эймен: И когда вы говорите об этих ограничениях, вы ссылаетесь на договоренность, которая якобы существовала между вами и Гиммлером?

Кальтенбруннер: Это не было мнимым соглашением с Гиммлером, это было фактом, существовавшим с первого дня. Было предусмотрено, что мне будет поручено создание аппарата центральной информационной службы, а он удержит в своих руках власть в других секторах.

Эймен: Во всяком случае вы признаете, что вы занимали такой пост, но вы отрицаете, что пользовались некоторыми полномочиями?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Этот пост, который вы занимали, был тем же, который занимал Гейдрих, умерший 4 июня 1942 г.?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: В названии поста изменений не произошло?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: И вы показали, что вы берете ответственность за все акты, которые были совершены вами лично или о которых вы узнали? Это правильно, не так ли?

¹ Полковник Эймен — представитель обвинения от США. — Составитель.

Кальтенбруннер: Да. Разрешите мне дополнить. Мое звание было несколько изменено 14 февраля 1944 г., когда военный отдел информации в виде отдела разведки и контрразведки ОКВ был передан Гитлером Гиммлеру. Тогда наименование моей должности — начальник имперской центральной службы информации — было несколько изменено...

Эймен: Подсудимый, попытайтесь ограничиться ответами на мои вопросы и по возможности отвечайте «да» или «нет».

Кальтенбруннер: Хорошо.

Эймен: Было ли вам лично известно или имели ли вы какое-либо личное отношение к каким-либо зверствам, совершенным в концлагерях во время войны?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Таким образом, вы не берете на себя никакой ответственности за такие зверства. Правильно это?

Кальтенбруннер: Да, в этом отношении я не беру на себя никакой ответственности.

Эймен: И в этой связи те показания, которые были даны Хельригелем, например, относительно того, что вы присутствовали при казнях в Маутхаузене, вы тоже отрицаете, да?

Кальтенбруннер: Вчера меня обвиняли в том, что сказал Хельригель. Я считаю неверным утверждение о том, что я когда-либо видел газовые камеры в действии или в иное время.

Эймен: Очень хорошо. Лично вам не было известно и вы лично не участвовали в проведении программы уничтожения евреев? Это правильно? То есть вы только выступали против них?

Кальтенбруннер: Да, за исключением того, что я был против нее; в тот момент, когда я узнал об этом факте и убедился в достоверности его, я заявил свой протест по этому поводу Гитлеру и Гиммлеру, и в конечном результате эти действия были прекращены.

Эймен: Таким образом, вы не берете на себя ответственность за действия, совершенные в связи с программой по уничтожению евреев, верно это?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И то же самое относится к плану принудительного использования рабочей силы?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И то же самое относится к уничтожению Варшавского гетто?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И то же самое относится к казни пятидесяти летчиков в лагере № 3?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И то же самое относится к различным приказам об убийстве союзных летчиков, правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Во время предварительного допроса вы тоже отрицали все это?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И вы придерживаетесь этого сегодня?

Кальтенбруннер: Так точно, но относительно допросов разрешите мне еще раз высказаться перед Судом в ходе перекрестного допроса.

Эймен: Когда мы дойдем до соответствующего места, вы будете иметь возможность высказаться.

Действительно ли гестапо — IV отдел главного имперского управления безопасности — составляло доклады о концлагерях, которые представлялись вам на подпись, а потом передавались вами Гиммлеру?

Кальтенбруннер: Нет, я не могу вспомнить подобных докладов. Обычно Мюллер непосредственно докладывал Гиммлеру...

Эймен: Вы также отрицаете, что Мюллер в качестве начальника IV управления всегда совещался с вами по всем важным документам?

Кальтенбруннер: Не только я отрицаю это, но и факты говорят против этого; он имел непосредственные полномочия от Гиммлера и не имел никакого повода заранее обсуждать какие-либо вопросы со мной.

Эймен: Прошу показать подсудимому документ Л-50, который представляется под номером США-793.

Председатель: Разве этот документ еще не представлялся?

Эймен: Нет, милорд. Между прочим, знакомы ли вы были с Куртом Линдов, который дал это письменное показание 2 августа 1945 г.?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Несмотря на то, что он был чиновником главного имперского управления безопасности до 1944 года?

Давайте вместе с вами прочитаем абзацы второй и четвертый. Только эти два абзаца, я не хочу тратить время Трибунала на чтение первого и третьего абзацев. Второй абзац, как вы видите, гласит:

«На основании общего опыта, а также осведомленности об отдельных случаях я могу подтвердить, что IV отдел (гестапо) составлял доклады относительно действий административных властей в концентрационных лагерях и что эти доклады передавались начальником IV отдела начальнику главного имперского

управления безопасности на подпись, а потом передавались рейхсфюреру Гиммлеру».

Кальтенбруннер: Разрешите мне сейчас же сказать по этому поводу. Может быть, было бы важно зачитать и первый пункт.

Эймен: Только кратко, пожалуйста, отвечайте как можно более кратко.

Кальтенбруннер: Пункт первый важен в том отношении, что из этого пункта я заключаю, что свидетель Линдов с 1938 по 1940 год находился в том отделе, в котором составлялись эти доклады. В 1940—1941 гг. он был в отделе по борьбе со шпионажем. В 1942—1943 гг. — в отделе по борьбе с коммунизмом, затем в отделе по информации. Мне кажется, что его показания в пункте втором, когда он говорит об обычаях в отделе государственной тайной полиции, о том, что передавались донесения о событиях в концентрационных лагерях Гиммлеру через начальника IV отдела и начальника главного имперского управления безопасности, относятся только к периоду 1938—1940 гг. В более поздний период, по его собственным словам, у него не было никаких сведений.

Эймен: Другими словами, он говорит правду? Во всяком случае в отношении того периода, когда вы действовали в главном имперском управлении безопасности, правильно?

Кальтенбруннер: Об этом я еще ничего не читал.

Эймен: Я лишь обращаю ваше внимание на два абзаца. Второй абзац мы уже прочли, читаем четвертый:

«Насколько я знаю, ни один из начальников или чиновников главного имперского управления безопасности не имел права подписывать документы, имевшие большое политическое значение, без согласия начальника полиции безопасности, даже в период его временного отсутствия. На основании собственного опыта я могу заявить, что, в частности, начальник IV отдела Мюллер был очень осторожен при подписании документов, имевших общий характер, и особенно в случаях особой важности; он откладывал подписание этих документов до возвращения начальника полиции безопасности, хотя из-за этого пропало много времени». Подписано: «Курт Линдов».

Кальтенбруннер: По этому поводу следует сделать два замечания. Во-первых, это показание противоречит показаниям различных свидетелей, устанавливающих необычайные полномочия и самостоятельность Мюллера. Во-вторых, это описание Линдова относится к тому времени, когда действовал Гейдрих, то есть, когда Линдов мог собирать сведения, в период 1938—1940 гг. Это не относится к тому времени, когда Гиммлер оставил за собой право отдавать приказы прямо Мюл-

леру, так как мои обязанности были настолько велики, что одному человеку почти невозможно было с ними справляться.

Эймен: Я не хочу тратить слишком много времени, подсудимый. Но абзацы, которые я прочел вам, соответствуют показаниям Олендорфа на этом Суде, не правда ли?

Кальтенбруннер: Показания Олендорфа по этому поводу были мне представлены вчера моим защитником. Но из показаний Олендорфа, я думаю, ясно, что право отдавать всякий оперативный приказ, то есть и приказ о превентивном заключении, который, как он сказал, касается «последней прачки», находилось в непосредственном ведении Гиммлера, который мог передать это право только Мюллеру.

Во всяком случае Олендорф добавил, что не знает, имелись ли такие ограничения моих полномочий и имел ли я такие права. Но он не мог сказать этого точно, и его остальные показания говорят против того, что я имел такие полномочия.

Эймен: Все мы знаем, что показал Олендорф. Я лишь хочу спросить вас, считаете ли вы показания Олендорфа правильными?

В ходе предварительного допроса вы сказали, что имели самую тесную связь с Олендорфом и вы можете надеяться, что он скорее чем кто-либо другой из ваших коллег скажет правду. Правильно это?

Кальтенбруннер: Это последнее замечание я не помню. Первое утверждение, что он был одним из моих основных сотрудников, оправдывается и доказывается уже тем, что он был начальником управления внутригерманской информационной службы, которое составляло часть моего информационного аппарата, то есть все сведения внутривосточного характера, и сведения о всех германских жизненных областях я получал большей частью именно из этого 3-го управления, исключая те сведения, которые я получал из своего, лично мною созданного, дополнительного аппарата.

Эймен: Вскоре после пасхи 1934 года вы находились под арестом в лагере Кайзерштейнбрух?

Кальтенбруннер: Повторите, пожалуйста, в каком году?

Эймен: В 1934 году.

Кальтенбруннер: Да, с 14 января до начала мая.

Эймен: Совместно с другими чиновниками СС вы когда-либо обследовали концентрационный лагерь Маутхаузен?

Кальтенбруннер: С другими чиновниками СС? Нет. Насколько я помню, я поехал туда один и должен был явиться к Гиммлеру, который, как я уже рассказал вчера, находился в этот момент в поездке по Южной Германии.

Эймен: И вы осмотрели только каменоломню?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы знакомы были с Карвинским, статс-секретарем в кабинетах Дольфуса и Шушнига с сентября 1933 года по октябрь 1935 года?

Кальтенбруннер: Я видел однажды Карвинского. Я думаю, что он посетил нас во время нашей голодной забастовки в лагере Кайзерштейнбрух. Больше я его никогда не видел. Возможно, что это был один из его представителей. Этого я не помню.

Эймен: Попрошу показать подсудимому документ ПС-3843, который представляется под номером США-794. Я хотел бы сказать членам Трибунала, что в этом документе довольно неприличный язык. Но мне кажется, что в силу обвинений, выдвинутых против подсудимого, следует все же огласить его.

Обратите внимание, подсудимый.

Кальтенбруннер: Разрешите мне сначала прочесть весь документ?

Эймен: Нет, это займет слишком много времени, подсудимый. Меня интересует только абзац, начиная со слов: «Вскоре после пасхи...» Нашли это место?

Кальтенбруннер: Да, нашел.

Эймен: «Вскоре после пасхи 1934 года мне было сообщено, что заключенные в лагере Кайзерштейнбрух объявили голодовку. Поэтому я сам туда отправился, чтобы узнать, каково положение дел. В то время, как в большинстве бараков поддерживалась дисциплина, в одном бараке был большой беспорядок. Я заметил, что высокий человек был зачинщиком всего этого беспорядка. Это был Кальтенбруннер, который был в то время кандидатом в адвокаты и который был арестован за его противозаконную деятельность в Австрии. В то время как все остальные заключенные отказались от голодовки после того, как я побеседовал с ними, бараки, в которых командовал Кальтенбруннер, продолжали голодовку.

Я вновь увиделся с Кальтенбруннером в лагере Маутхаузен, когда я был очень серьезно болен и лежал на гнилой соломе совместно с сотнями других, тяжело больными, умиравшими заключенными. Заключенные, больные самыми серьезными желудочными болезнями, страдали от истощения и находились в неотапливаемых бараках в самый разгар зимы. Им не оказывалось никакой, даже самой элементарной санитарной помощи. В течение многих месяцев нельзя было пользоваться ни умывальником, ни уборной, которая была испорчена. Тяжело больные вынуждены были опариваться в маленькие ведра из-под мармелада. Загаженная солома в течение многих недель не менялась, так что образовалась зловонная жидкость, в которой ползали черви и насекомые. Не было никакой медицинской

помощи, лекарств. Положение было таково, что от 10 до 20 человек умирали каждый вечер.

Кальтенбруннер прошел через барак со свитой блестящих чиновников СС, видел все — должен был видеть все. Нам показалось, что эти нечеловеческие условия теперь будут изменены. Но, по-видимому, Кальтенбруннер согласился с ними, так как ничего после этого не изменилось».

Это правда? Или это неправда, подсудимый?

Кальтенбруннер: Этот документ, который, по-видимому, предъявлен мне с целью заставить меня врасплох, может быть мною полностью опровергнут...

Эймен: Одну минуточку. Я спросил вас правда или неправда, что там написано?

Кальтенбруннер: Это не соответствует действительности и может быть полностью опровергнуто мною во всех деталях.

Эймен: Одну минуту. Подсудимый, может быть, вы подождете, пока я прочту два других документа по этому же вопросу и, может быть, потом вы дадите объяснения сразу по трем документам. Это вас удовлетворит?

Кальтенбруннер: Как Вы желаете.

Эймен: Прошу показать подсудимому документ ПС-3845, который представляется под номером США-795. Вы заявили, что вы отрицаете посещение и обследование вами крематория в Маутхаузене?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы знакомы с Альбертом Тифенбахером?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: У нас есть документ. Тифенбахер был заключен в концлагере Маутхаузен с 1938 года по 11 мая 1945 года. Он работал в крематории в Маутхаузене в течение трех лет, он переносил трупы. Вы видите это?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: В конце первой страницы имеется вопрос:

«Вопрос: Вы помните Айгрубера?»

Ответ: Айгрубер и Кальтенбруннер были из города Линца.

Вопрос: Вы когда-либо видели их в Маутхаузене?

Ответ: Я очень часто видел Кальтенбруннера.

Вопрос: Сколько раз?

Ответ: Он время от времени приезжал и осматривал крематорий.

Вопрос: Сколько раз?

Ответ: Три или четыре раза.

Вопрос: Когда он приезжал, вы слышали, что он говорил что-нибудь кому-нибудь?

Ответ: Когда приезжал Кальтенбруннер, большинство заключенных должно было исчезнуть и только некоторые лица были представлены ему».

Это правильно или нет?

Кальтенбруннер: Это абсолютно неверно.

Эймен: Теперь покажем вам третий документ, а потом вы вкратце дадите объяснения. Прошу показать подсудимому документ ПС-3845, который представляется под номером США-796. Между прочим, вы когда-либо видели исполнение трех различных видов казней в Маутхаузене одновременно? Три различных вида казней?

Кальтенбруннер: Нет, это неправда.

Эймен: Вы знали Иоганна Кандута, который писал эти показания?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Из его показаний вы увидите, что он жил в Линце. Он был заключен в концлагерь Маутхаузен с 21 марта 1939 г. по 5 мая 1945 г. и работал на кухне; кроме того, он работал истопником крематорской печи.

«Вопрос: Вы когда-либо видели Кальтенбруннера в Маутхаузене.

Ответ: Да.

Вопрос: Помните, когда это было?

Ответ: В 1942—1943 гг.

Вопрос: Можете более точно определить?

Ответ: Я не помню даты.

Вопрос: Вы помните только это одно посещение в 1942 или 1943 гг.?

Ответ: Я видел Кальтенбруннера три раза.

Вопрос: В каком году?

Ответ: В 1942 и 1943 гг.

Вопрос: Скажите нам вкратце, что вы думали об этих посещениях Кальтенбруннера, то есть, что вы видели, что вы делали и когда вы увидели, что он присутствовал при казнях?

Ответ: С Кальтенбруннером приехали Айгрубер, Шульц, Зейрейс, Штрейтвизер, Бахмейер и некоторые другие лица. Кальтенбруннер вошел со смехом в газовую камеру. Затем людей привезли из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни: повешение, расстрел в затылок и отравление газом. После того, как улеглась пыль, мы должны были оттащить трупы.

Вопрос: Когда вы видели эти различные виды казней, это было демонстрация способов казни или обычные казни?

Ответ: Я не знаю, были ли это обычные казни или же демонстрация. Во время этих казней присутствовали, помимо Кальтенбруннера, начальники барачков и гауптшарфюрер, Зей-

дель и Дюлен также присутствовали, последний повел заключенных вниз.

Вопрос: Известно ли вам, были ли казни назначены на этот день или же это был показ для приехавших?

Ответ: Да, эти казни были назначены на этот день.

Вопрос: Откуда вам было известно, что эти казни были назначены на этот день? Кто-нибудь сообщил вам о том, что казни назначены?

Ответ: Мне сказал об этом начальник крематория гаупт-шарфюрер Роот, он всегда меня звал к себе в комнату и говорил мне: «Кальтенбруннер сегодня придет, и нужно все подготовить для казни в его присутствии». Затем нам нужно было затопить и прочистить печь.

Кальтенбруннер: Могу я отвечать?

Эймен: Это правда или неправда, подсудимый?

Кальтенбруннер: Ссылаясь на данную мною присягу, я торжественно заявляю, что ни единое слово из этого утверждения не является правдой. Разрешите мне начать с первого документа?

Эймен: Да, пожалуйста.

Кальтенбруннер: Свидетель Карвинский заявляет, что он видел меня в 1934 году в связи с голодовкой в лагере Кайзерштейнбрух... Я был арестован не за националь-социалистскую деятельность, а в документе об аресте, который был представлен в письменной форме и о котором Карвинский должен был знать как бывший начальник службы безопасности в Австрии было написано дословно: «В целях предотвращения национал-социалистской деятельности», то есть в тот период не было никакой запрещенной деятельности, которая могла бы быть мне инкриминирована.

Далее, когда Карвинский прибыл туда, то голодовка продолжалась девятый день. Мы...

Эймен: Разрешите мне прервать вас, подсудимый. Я вполне буду удовлетворен, если вы заявите, что это показание не соответствует действительности. Если для вас этого достаточно, то для меня также достаточно.

Кальтенбруннер: Господин представитель обвинения, я не могу довольствоваться этим. Если вы зачитываете Высокому Суду и всей мировой общественности целые страницы показаний, о которых вы утверждаете, что они достоверны, и которые выдвигают против меня чудовищное обвинение, то мне должна быть предоставлена возможность отвечать больше, чем «да» или «нет». Я не могу просто, как какой-либо тупой преступник...

Председатель: Полковник Эймен, пожалуй лучше дать ему возможность объяснить. Мы не хотим по этому поводу спорить.

Продолжайте, продолжайте ваши объяснения по этому документу.

Кальтенбруннер: Карвинский прибыл, когда голодовка продолжалась уже восьмой день. Не он пришел в наш барак, а мы были на носилках перенесены в административный барак этого австрийского лагеря. Из нас тогда никто уже не мог ходить... В этом административном бараке Карвинский говорил с нами и заявил, что если голодовка будет прекращена, то правительство приступит к обсуждению вопроса об освобождении всех заключенных. При этом посещении мы заявили Карвинскому, что просим письменно заверение от его имени или от имени самого канцлера, чтобы мы в конце-концов могли этому поверить. В таком случае мы готовы согласиться прекратить голодовку. Он отказался. Голодовка продолжалась, и мы были отправлены в венскую больницу...

Председатель: Когда я сказал, что вы можете продолжать объяснения, я не имел в виду, что вы будете излагать подробности голодовки. Это совершенно не относится к делу.

Кальтенбруннер: Ваша честь... я неоднократно говорил с двоюродным братом этого Карвинского, он был руководителем отдела по делам инвалидов в Линце, и он сказал мне, что его двоюродный брат (этот свидетель) никогда не был в Маутхаузене, а, начиная с первого дня своего ареста, был в Дахау... Я знаю, что он был в Дахау потому, что был арестован в Инсбруке при попытке совершить побег в Швейцарию, о чем сообщил мне его двоюродный брат, который просил меня заступиться за него, но я не мог ничего сделать, так как он непосредственно из Инсбрука через Миттенвальд был отвезен в Дахау и тем самым был изъят из ведения австрийских властей. Я не мог вмешаться в это дело как статс-секретарь по вопросам безопасности при Австрийском правительстве.

Этот документ не был мне показан во время предварительного следствия, а если бы он мне был тогда предъявлен, я немедленно подал бы ходатайство о вызове двоюродного брата этого свидетеля Карвинского, начальника управления по делам инвалидов в Линце, носящего ту же фамилию...

Председатель: Ваш защитник может ходатайствовать о вызове любого свидетеля, которого вы захотите, для дачи опровергающих показаний. Он может ходатайствовать об этом.

Кальтенбруннер: Хорошо, господин председатель. Что касается остальных двух документов, то я хотел бы сказать следующее: все их содержание совершенно не соответствует действительности, они мне не были предъявлены во время предварительного следствия. Если бы они мне были предъявлены, то я, как и во всех других случаях, тотчас же просил бы вызвать сюда свидетеля Цуттера и Цирайса...

Председатель: Я уже сказал вам, что ваш защитник может ходатайствовать о вызове любых свидетелей, которых вы захотите, для дачи опровергающих показаний.

Кальтенбруннер: Тогда я буду просить своего защитника ходатайствовать о вызове этих обоих свидетелей в зал Суда.

Эймен: Подсудимый, кто является ответственным за приказ об убийстве всех заключенных в концентрационном лагере Маутхаузен незадолго перед концом войны?

Вы поняли вопрос, подсудимый?

Кальтенбруннер: Да. Вы меня спросили, кто издал приказ об убийстве заключенных в Маутхаузене в конце войны. На это я отвечаю, что мне о существовании этого приказа неизвестно. Я издал один единственный приказ, по которому весь лагерь со всеми заключенными следовало передать противнику, причем дурное обращение с заключенными не должно было иметь место. Этот приказ был мной продиктован в присутствии доктора Геттля и затем был послан с офицером связи в Маутхаузен. Я хочу обратить Ваше внимание на показания доктора Геттля, который подтверждает этот факт.

Эймен: Я не об этом приказе спрашивал вас. Я спросил вас о приказе убить всех заключенных в концентрационном лагере в Маутхаузене незадолго до конца войны. Кто является ответственным за этот приказ? Вы?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Вы знакомы с человеком, который рассказал об этом — с Цирайсом?

Кальтенбруннер: Да, я был знаком с Цирайсом.

Эймен: Имеется ваша фотография, на которой вы сняты с ним и с Гиммлером; вы припоминаете это?

Кальтенбруннер: Я не видел этой фотографии.

Эймен: Хорошо. Тогда оставим эту фотографию. Я прошу, чтобы подсудимому показали документ за номером ПС-3870, который представляется в качестве доказательства США-797.

Господа судьи! Это довольно длинный документ, который я не намереваюсь зачитывать здесь полностью, но это один из очень важных документов по делу и я надеюсь, что Трибунал прочитает его полностью. Поэтому сегодня в интересах экономии времени я не буду оглашать его.

Председатель: Это новый документ?

Эймен: Да, это новый документ, милорд.

Председатель: Он на немецком языке?

Эймен: Да. Подсудимый, здесь речь идет о предсмертной исповеди Цирайса в том виде, как о ней рассказали лицу, давшему это письменное показание. Я прежде всего обращаю ваше внимание на два последних абзаца:

«Один член СС приходился на каждые десять заключенных. Самое большое количество заключенных составляло около 17 тысяч, не считая тех, которые находились в филиалах лагеря. Самое большое количество заключенных в лагере Маутхаузен, включая филиалы лагеря, составляло около 95 тысяч человек. Общее количество заключенных, которые умерли, достигло 65 тысяч. Штат лагеря входил в состав дивизий «Мертвая голова». Всего было 5 тысяч человек, включая охрану и командный состав».

И затем в середине следующей страницы абзац начинается:

«Согласно приказу Гиммлера, я должен был ликвидировать всех заключенных по указанию обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера. Заключенных должны были ввести в туннели фабрики Бергкристал в Гузене и только один выход должен был быть оставлен открытым.

Затем этот выход я должен был взорвать при помощи каких-то взрывчатых веществ, что, таким образом, привело бы к смерти заключенных. Я отказался выполнить этот приказ. Это означало истребление заключенных так называемого основного лагеря Маутхаузен, а также лагерей Гузен-1 и Гузен-2. Подробности этого дела известны господину Вольфраму и оберштурмфюреру СС Эккерману.

Газовая камера, замаскированная под баню, была построена в концлагере Маутхаузен по приказу бывшего гарнизонного врача Кребсбахера. Заключенных умерщвляли газом в этой камере, замаскированной под баню. Кроме того, имелся специально сконструированный автомобиль, совершавший рейсы между Маутхаузеном и Гузеном, в котором заключенных умерщвляли газом во время пути. Мысль о создании такого автомобиля принадлежит доктору Вазики — унтерштурмфюреру СС и фармацевту. Я сам никогда не включал газ в этом автомобиле, я только вел его, но я знал, что заключенных там умерщвляли газом. Умерщвление заключенных газом проводилось по требованию гауптштурмфюрера СС доктора Кребсбахера.

Все, что мы выполняли, производилось по приказу Гиммлера или Гейдриха (главного имперского управления безопасности), а также обергруппенфюрера СС Мюллера или доктора Кальтенбруннера; последний являлся начальником полиции безопасности».

Затем далее: «Ранним летом 1943 года обергруппенфюрер СС доктор Кальтенбруннер посетил концентрационный лагерь Маутхаузен. Комендант лагеря Цирайс, гаулейтер Айгрубер, начальник лагеря превентивного заключения Бахмейер и несколько других лиц сопровождали доктора Кальтенбруннера. Я видел доктора Кальтенбруннера и сопровождавших его лиц своими собственными глазами. Согласно показаниям тогдашних

«носильщиков трупов» — бывших заключенных Альберта Тифенбахера (чье письменное показание зачитывалось и который сейчас находится в Зальцбурге) и Иоганна Польстера (который сейчас находится в Поттендорфе вблизи Винер Нейштадт в Австрии) около 15 заключенных из категории имевших взыскания были отобраны унтершарфюрером Винклером для того, чтобы показать доктору Кальтенбруннеру три метода умерщвления: выстрелом в затылок, через повешение и умерщвление газом. Среди предназначенных к экзекуции были женщины; им отрезали волосы и убили выстрелом в затылок. Вышепоименованные «носильщики трупов» присутствовали при казни и должны были отнести тела в крематорий. После казни доктор Кальтенбруннер отправился в крематорий, а позднее — в каменоломню.

Бальдур фон Ширах посетил лагерь осенью 1944 года. Он так же был в карцере и в крематории».

Вы все еще говорите, что вы не имели никакого отношения к приказу, на который здесь имеется ссылка, или к вопросам, изложенным в письменном показании под присягой.

Кальтенбруннер: Я утверждаю это со всей решительностью и хотел бы прежде всего указать, что Вы, господин обвинитель, заявили, что эти показания были даны умирающим Цирайсом, но не сказали, что то, что Вы зачитали на седьмой и восьмой страницах, сказано не Цирайсом, а Гансом Марсалеком. Этого Ганса Марсалека я, разумеется, никогда в жизни не знал; он, как и оба вышеназванных свидетеля, был заключенным в лагере Маутхаузен...

Эймен: Подсудимый, Марсалека является лишь лицом, которое приняло предсмертную исповедь от Цирайса, вы понимаете это?

Кальтенбруннер: Нет, я этого не понимаю.

Эймен: Вы утверждаете, что все изложенное в зачитанном вам письменном показании является ложью. Это правильно?

Кальтенбруннер: Да, это ложь. Я никогда не издавал приказа о лагере Маутхаузен, за исключением уже упомянутого мной приказа, на издание которого я имел особые полномочия и относительно содержания которого я представил исчерпывающие свидетельские показания. Маутхаузен никогда не был в моем подчинении. Таких приказов я издавать не мог. Обвинение прекрасно знает из десятков свидетельских показаний, что я никогда не мог отдавать приказов по этому лагерю.

Председатель: Подсудимый, очевидно, вы не поняли, что представляет собой этот документ. Это — письменное показание Ганса Марсалека, данное под присягой; во втором абзаце говорится, что он допрашивал Цирайса, который был при смерти, в присутствии командира бронетанковой дивизии; затем он излагает то, что сказал Цирайс, и далее дополнительно излагает

то, что содержится в третьем абзаце. Трибуналу совершенно очевидно, что то, что говорится в третьем абзаце — это не слова Цирайса, а слова Марсалека, лица, которое составляло письменное показание под присягой.

Кальтенбруннер: Милорд, я могу сказать здесь следующее. Будучи заключенным этого лагеря, Марсалека не мог знать того, что Цирайс никогда не находился у меня в подчинении...

Председатель: Да, я знаю, это только вопрос, подлежащий обсуждению. Я лишь обращаю ваше внимание на тот факт, что совершенно очевидно из самого документа, что то, что зачитал полковник Эймен, было заявлением Марсалека, а не Цирайса в противоположность выдвинутому вами положению.

Эймен: Подсудимый, припоминаете ли вы, что вы приказали коменданту концентрационного лагеря Маутхаузен 27 апреля 1945 г., чтобы по крайней мере тысяча человек умерщвлялись в Маутхаузене каждый день? Это правда или ложь?

Кальтенбруннер: Я никогда не издавал такого приказа. Вы знаете, что я...

Эймен: Были ли вы знакомы с полковником СС Цирайсом, о котором мы только что сейчас говорили?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: А были ли вы знакомы с Куртом Бехером, или Беккером, бывшим полковником СС?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Я прошу, чтобы подсудимому показали документ ПС-3762, который представляется в качестве доказательства США-798.

Кальтенбруннер: Господин обвинитель! Вы спросили у меня, знал ли я полковника СС Беккера. Я ответил, что нет. Этого человека звали Курт Бехер.

Эймен: Тем лучше. Итак вы знаете его, не так ли?

Кальтенбруннер: Да, я знал его.

Эймен: Очень хорошо. Сейчас, подсудимый, мы вместе с вами зачитаем его показания.

«Я, Курт Бехер, бывший полковник СС, родившийся 12 сентября 1909 г. в Гамбурге, заявляю под присягой следующее:

«Между серединой сентября и серединой октября 1944 года по моей просьбе рейхсфюрер СС Гиммлер издал следующий приказ, который я получил в двух подлинных экземплярах и одной копии: подлинники для генералов СС Кальтенбруннера и Поля и копию под копирку для себя.

В этом приказе, который подлежал немедленному исполнению, запрещалась ликвидация евреев и, наоборот, предлагалось оказывать медицинскую помощь слабым и больным. Кальтенбруннер и Поль предупреждались, что они лично

ответственны за строгое соблюдение этого приказа нижестоящими инстанциями.

Я лично передал Полю предназначенный для него экземпляр в его бюро в Берлине и оставил экземпляр для Кальтенбруннера в его бюро в Берлине.

По моему мнению, после этого дня Кальтенбруннер и Поль несут полную ответственность за какие-либо дальнейшие убийства заключенных евреев.

Во время моего посещения концентрационного лагеря в Маутхаузене 27 апреля 1945 г. в 9 часов утра комендант лагеря полковник СС Цирайс сообщил мне под строжайшим секретом, что Кальтенбруннер отдал ему приказ, чтобы по крайней мере тысяча человек умерщвлялась в Маутхаузене каждый день.

Вышеупомянутые факты являются правдой. Это заявление сделано мною добровольно и без принуждения. Я прочитал свои показания, подписал их и подтвердил под присягой».

Это правда или ложь, подсудимый?

Кальтенбруннер: Частично это правильно, а частично неправильно. Я буду говорить относительно каждой отдельной фразы.

Эймен: Скажите нам просто, что вы считаете ложью, поскольку мы должны с этим закончить.

Кальтенбруннер: Я понимаю, что Вы хотите сэкономить время. Но здесь речь идет о том, виновен я или нет. Поэтому я должен во всех деталях высказать свое мнение по этому вопросу, иначе ни вы, ни Суд не сможете узнать, как в действительности обстояло дело. Я очень рад, что найден этот свидетель Бехер и что у меня находится в руках его показание. Оно доказывает, во-первых, что Гиммлер в сентябре или октябре 1944 года был вынужден издать такой приказ, тот самый Гиммлер, относительно которого установлено, что он с 1939 или с 1940 года в широких масштабах занимался преступными убийствами евреев... Во-вторых, мне ясно, что Гиммлер адресовал этот приказ Полю, который был ответствен за те лагеря, где содержались евреи. В-третьих, Гиммлер мне сообщает об этом приказе, как своему противнику. Что же касается самого Бехера, то я могу сказать следующее: Гиммлер делал через Бехера самые ужасные вещи, о которых здесь говорилось. Он через Бехера и Ханнекена в Венгрии и Швейцарии освобождал евреев за поставку предметов вооружения, а позднее — за сырье и девизы... Этим приказом он хотел лишь замаскировать все дело, вывернуться из создавшегося неприятного положения и переложить всю ответственность на Поля или Кальтенбруннера... Согласно этому документу ответственным в данном случае является Гиммлер и Поль. Кальтенбруннер же должен был

получить об этом документе сведения, чтобы оказаться причастным ко всему делу, а то иначе он непрестанно жаловался бы на все Гитлеру. Вот в чем смысл этого документа...

Но в этом документе содержится еще одно обвинение против меня, а именно, будто бы я дал 27 апреля строго секретный приказ Цирайсу уничтожать каждый день тысячу евреев. Я прошу Вас немедленно вызвать сюда свидетеля Геттля и спросить его, какого числа я продиктовал приказ относительно передачи лагеря со всеми заключенными противнику и отослал приказ с офицером связи в Маутхаузен. Свидетель подтвердит, что этот приказ был издан за несколько дней до 27 апреля и что, таким образом, я не мог издать 27 апреля приказа противоположного содержания.

Эймен: Подсудимый, вы слышали на этом процессе показания, связанные со значением выражения «особое обращение», не так ли? Вы слышали такие показания в этом зале Суда?

Кальтенбруннер: Да, выражение «особое обращение» упоминалось по несколько раз в день в моем присутствии и во время предварительного следствия.

Эймен: Вы знаете, что оно означает?

Кальтенбруннер: Следует предположить, что это значило смертный приговор, который не выносился судом, а определялся приказом Гиммлера, я понимаю это только в таком смысле.

Эймен: Подсудимый Кейтель показал о том, что это было общеизвестно. Не было ли вам всегда известно, что означало это выражение «особое обращение»? Ответьте пожалуйста «да» или «нет».

Кальтенбруннер: Да, я вам уже говорил об этом. Был приказ Гиммлера — могу указать также на приказ Гитлера, изданный в 1941 году — казнить без судебного разбирательства.

Эймен: Обсуждали ли вы когда-нибудь с группенфюрером Мюллером, начальником четвертого отдела, ходатайства о применении «особого обращения» к некоторым людям? Ответьте пожалуйста «да» или «нет».

Кальтенбруннер: Нет, я не знаю, что утверждает по этому поводу свидетель Шелленберг...

Эймен: Я прошу, чтобы подсудимому показали документ ПС-3839, который становится доказательством США-799. Между прочим, были ли вы знакомы с Джозефом Шпасилем?

Председатель: Отвечайте на вопрос.

Эймен: Были ли вы знакомы с Джозефом Шпасилем?

Кальтенбруннер: Шпасиля я не знал.

Эймен: Это лицо, которое дало письменные показания, находящиеся сейчас перед вами.

Кальтенбруннер: Фамилия, которая здесь написана — Иозеф Шпациль. Его я знаю.

Эймен: Может быть, вы взглянете на абзац, который начинается: «В отношении «особого обращения»...» Вы нашли это место?

Кальтенбруннер: Чтобы охватить содержание этого документа, я должен прочитать его полностью...

Эймен: Но, подсудимый, у вашего защитника есть копии всех этих документов, и я уверен, что, если что-нибудь нужно будет заявить от вашего имени, то ваш защитник позаботится о том, чтобы в соответствующее время об этом было заявлено; это будет после того, как я задам вам вопросы. Это вас удовлетворяет?

Кальтенбруннер: Нет, мне этого недостаточно. Я, во всяком случае, должен знать, о чем говорится в этом документе, раз я должен немедленно отвечать Вам.

Эймен: Хорошо, в таком случае читайте дальше.

Председатель: Подсудимый, о ваших интересах будет заботиться не только ваш защитник, но и Трибунал, который не допустит нарушения их, а сейчас вы должны отвечать на вопросы.

Кальтенбруннер: Хорошо.

Эймен: Сейчас обратимся к середине страницы и будем читать, начиная со слов:

«В отношении «особого обращения» мне известно следующее:

Во время совещаний начальников секторов группенфюрер Мюллер часто советовался с Кальтенбруннером о том, следует ли применить по тому или другому делу «особое обращение» или следует вопрос об «особом обращении» обсудить. Вот пример такого разговора: «*Мюллер:* Скажите, пожалуйста, по делу «А» следует применить «особое обращение» или нет?

Кальтенбруннер отвечал «да» или предлагал представить вопрос на решение рейхсфюреру.

Или:

Мюллер: Обергруппенфюрер, от рейхсфюрера СС не поступило никакого ответа в отношении применения «особого обращения» по делу «А».

Кальтенбруннер в этом случае отвечал: «Запросить ответ». Бывало и так, что Мюллер вручал Кальтенбруннеру документ и просил его инструкций, как это было описано выше.

Когда подобная беседа происходила между Мюллером и Кальтенбруннером, упоминались только инициалы, так что лица, присутствовавшие на совещаниях, никогда не знали, о ком шла речь».

И затем два последних абзаца:

«Когда некоторые дела разбирались в моем присутствии, как Мюллер, так и Кальтенбруннер предлагали применить «особое обращение» или передать рейхсфюреру СС для получения его санкции на применение «особого обращения». По моей оценке, приблизительно в 50 процентах из этих случаев было дано одобрение на применение «особого обращения».

Является ли содержание этого письменного показания под присягой правдой или ложью, подсудимый?

Кальтенбруннер: Содержание этого документа нельзя назвать правильным в вашем толковании, господин обвинитель... В этой связи я хочу сказать следующее: возможно, что Мюллер говорил со мной об этом, поскольку это меня очень интересовало с точки зрения внешней политики и информации.

Эймен: Часто ли у вас были совещания с вашими начальниками отделов, включая Мюллера, как это указывается в этом документе?

Кальтенбруннер: Господин обвинитель, вчера и сегодня я заявлял вам, что я, само собой разумеется, разговаривал с Мюллером, когда мы вместе обедали...

Эймен: Подсудимый, давали ли вы Мюллеру как начальнику подчиненного вам четвертого отдела инструкции, согласно которым некоторые лица, находившиеся в заключении в Берлине, должны были быть перевезены в Южную Германию или расстреляны. Для того чтобы помочь вам, я напомним, что это было в феврале 1945 года, когда русские армии стремились окружить Берлин. Отвечайте «да» или «нет», если можете.

Кальтенбруннер: Нет, русская армия была довольно далеко от Берлина в феврале 1945 года. Военные могут дать здесь точные сведения относительно того, где тогда проходил фронт; мне кажется, что в тот момент не было необходимости в эвакуации на юг.

Эймен: Были ли вы знакомы с Мартином Зандбергером, начальником группы VI-A главного имперского управления безопасности?

Кальтенбруннер: Это был ближайший сотрудник так часто упоминавшегося здесь Шелленберга, через него осуществлялась связь между Шелленбергом и Гиммлером.

Эймен: Я прошу, чтобы подсудимому показали документ ПС-3838, который становится доказательством США-800.

(Обращаясь к подсудимому.)

Я обращаю ваше внимание только на два первых абзаца этого письменного показания, данного под присягой.

«В бытность мою начальником группы VI-A в РСХА мне стало известно следующее:

В феврале 1945 года начальник группы штандартенфюрер СС Штейнле сказал мне, что он должен был представлять

Шелленберга на ежедневных совещаниях начальников отделов. На одном из таких совещаний Мюллер — начальник IV отдела — представил Кальтенбруннеру список лиц, которые находились в заключении вблизи Берлина или в самом Берлине, и Кальтенбруннер должен был решить, должны ли они были быть перевезены в Южную Германию или расстреляны, поскольку русские армии приближались к Берлину. Штейнле не знал, что это были за люди. Кальтенбруннер вынес решение чрезвычайной поспешно и поверхностно, и Штейнле выразил мне свое негодование по поводу легкомысленного характера этой процедуры. Я предположил, что Кальтенбруннер приказал провести ряд расстрелов, поскольку, если бы было приказано провести эвакуацию, не было бы разговоров о легкомысленном характере этой процедуры».

Является ли это письменное показание под присягой правдой или ложью?

Кальтенбруннер: Нет, это показание неправильно... Здесь, во втором параграфе говорится: «Во время моего пребывания в лагере интернированных в Англии на одной из прогулок я узнал от Шелленберга...» Важно установить, знал ли Зандербергер об этом уже в феврале 1945 года от Штейнле или он узнал об этом через Шелленберга во время совместного пребывания в заключении в Лондоне. Это может быть установлено только при непосредственном опросе Зандербергера моим защитником. А пока это не установлено, я отрицаю правильность этого заявления.

Эймен: Хорошо. Подсудимый, знакомы ли вам какие-либо из приказов, называемых «приказами о пуле», которые направлялись в концентрационный лагерь Маутхаузен?

Кальтенбруннер: Я уже высказал вчера свою точку зрения по вопросу об этих «приказах о пуле». Я сказал, что ничего не знал относительно этих приказов.

Эймен: Издавали ли вы сами какой-либо устный приказ в дополнение к так называемому «приказу Кугель»? Издавали ли вы когда-нибудь такой приказ?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Я прошу, чтобы подсудимому показали документ РС-3844, который становится доказательством США-801.

(Обращаясь к подсудимому.)

Были ли вы знакомы с Иозефом Нидермейером, подсудимый? С Иозефом Нидермейером?

Кальтенбруннер: Нет, не помню, чтобы я его знал.

Эймен: Хорошо. Тогда, возможно, этот документ восстановит вашу память.

Абзац первый:

«С осени 1942 года и до мая 1945 года так называемые тюремные бараки в концентрационном лагере в Маутхаузене были под моим надзором».

Абзац второй:

«В начале декабря 1944 года так называемые «приказы о пуле» были показаны мне в политическом отделе концентрационного лагеря в Маутхаузене. Это были два приказа, и под каждым из них стояла подпись Кальтенбруннера. Я видел сам обе эти подписи. В одном из этих приказов говорилось, что иностранные рабочие — гражданские лица, которые неоднократно бежали из рабочих лагерей, должны быть поимке посланы в концентрационный лагерь в Маутхаузен для того, чтобы быть подвергнутыми действию согласно «приказу о пуле».

Во втором приказе говорилось, что тому же самому действию должны быть подвергнуты военнопленные офицеры и унтер-офицеры, за исключением англичан и американцев, в случае, если они неоднократно бежали из лагерей для военнопленных. Эти военнопленные также должны быть доставлены в концентрационный лагерь в Маутхаузен».

Абзац третий:

«В силу этого «приказа о пуле» и сопровождающих его устных инструкций Кальтенбруннера в концентрационный лагерь в Маутхаузене было доставлено 1500 иностранных рабочих: гражданских лиц, офицеров и унтер-офицеров. Там их разместили в бараке № 20 и кормили согласно приказам так плохо, что им пришлось сильно голодать. 800 из них умерли от голода и болезней. Плохая пища и отсутствие медицинской помощи явились результатом устных приказов, отданных лично Кальтенбруннером».

Является это заявление правдой или ложью, подсудимый?

Кальтенбруннер: Нет, это неправда...

Эймен: Подсудимый, я прежде всего интересуюсь вторым абзацем, где говорится о том факте, что лицо, которое дало письменные показания под присягой, видело эти «приказы о пуле» с вашей подписью. Является ли это, насколько вам известно, правдой или ложью?

Кальтенбруннер: Я вчера об этом заявил и повторяю это сегодня еще раз под присягой, что эти «приказы о пуле» мне неизвестны...

Эймен: Я хочу обратить ваше внимание на показание Вислицени в отношении вашего участия в проведении программы принудительного труда на оборонительных работах под Веной. Знакомо ли вам то, что он показал этому Суду?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Хорошо. Я вам зачитаю это показание, оно очень коротко:

«Вопрос: Что случилось с евреями, оставшимися в Будапеште?»

Ответ: В октябре — ноябре 1944 года около 30 тысяч, может быть, несколькими тысячами больше, было вывезено и доставлено в Германию. Они должны были использоваться на оборонительных работах в Вене. Большинство из них были женщины. Небольшая часть этих людей была помещена в рабочие лагеря на Нижнем Дунае, и они умерли от истощения. Меньшая в процентном отношении часть, возможно 12 тысяч, была вывезена в Вену, в пограничную часть на западе и около 3 тысяч было взято в Берген и Бельзен, а затем в Швейцарию. Это были евреи, которые были вывезены из Германии».

Теперь, подсудимый, припоминаете ли вы о том, что у вас была переписка с бургомистром города Вены в связи с использованием принудительного труда в городе Вене.

Кальтенбруннер: Я не помню бургомистра Вены и не помню, чтобы у меня с ним была переписка. Я хочу сказать, что пограничные укрепления, о которых здесь, очевидно, идет речь находились в ведении не города Вены, а Нижне-Дунайского гау, так как, насколько мне известно, у Вены нет общей границы с Венгрией.

Эймен: Хорошо, вы уже дали показание о том, что вы не имели никакого отношения к участию в этой программе принудительного труда. Это правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Хорошо. Я прошу, чтобы подсудимому показали документ ПС-3803, доказательство США-802.

(Документ вручается подсудимому.)

Я обращаю ваше внимание на первые три абзаца. Вы заметите, что письмо исходит от вас и гласит: «Бургомистру города Вены, бригаденфюреру СС Блашке в Вене. Тема: Использование принудительного труда на работах военного значения в городе Вене.

Касательно Вашего письма от 7 июня 1944 года...

Дорогой Блашке, согласно особым причинам, на которые вы сослались, я в настоящее время отдал приказ доставить несколько транспортов с эвакуированными в Вену — Штрассгоф. Доктор Далльбрюге, между прочим, уже написал мне по этому же вопросу.

В настоящее время четыре транспорта, составляющие примерно 12 тысяч евреев, находятся в пути. Они должны прибыть в Вену в течение ближайших нескольких дней.

Согласно предыдущему опыту считаю, что 30 процентов из этого количества будет состоять из евреев, которые способны к работе, приблизительно 3600 человек в данном случае, кото-

рые могут быть использованы для предполагаемых работ. Само собой разумеется, что вы можете освободиться от них в любое время. Совершенно очевидно, что может быть использовано только хорошо охраняемое и огороженное место работы и надежные, типа лагерных, бараки. Это является абсолютно необходимым условием для использования этих евреев.

Женщины и дети, находящиеся среди неспособных к работе евреев, содержатся в готовности для применения к ним «особого обращения», и поэтому на днях они будут снова вывезены. В течение дня они также должны оставаться в охраняемом лагере.

Пожалуйста, обсудите дальнейшие детали с полицейским управлением в Вене, оберштурмбаннфюрером СС доктором Эбнером и с оберштурмбаннфюрером Круменом (от управления по применению «особого обращения» в Венгрии), который в настоящее время находится в Вене.

Я надеюсь, что эти транспорты помогут вам в проведении той неотложной работы, которая возложена на вас. Хайль Гитлер!

Ваш Кальтенбруннер».

Вы припоминаете эту переписку?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Вы отрицаете, что вы писали это письмо?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Я думаю, подсудимый, что на этот раз ваша подпись имеется на подлиннике этого письма. У вас имеется подлинник?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Это не ваша подпись?

Кальтенбруннер: Нет, это не моя подпись: здесь стоит действительно какая-то подпись чернилами или факсимиле, но эта подпись не моя.

Эймен: Подсудимый, я хочу вам показать образцы вашей подписи, которую вы ставили в течение ваших допросов, и я прошу вас сказать мне, являются ли эти образцы вашими подписями?

Кальтенбруннер: Да, я сотни раз ставил такие подписи и уверен, что они — подлинные. Вот этот документ, подписанный карандашом, — мой.

Эймен: Может быть, вы сейчас как-нибудь отметите, какие подписи, как вы сами говорите, принадлежат вам, для того, чтобы Трибунал посмотрел и сравнил с вашей подписью на документе ПС-3803, доказательство США-802?

Кальтенбруннер: Вот эти, сделанные карандашом, подписи поставлены мной.

Эймен: Все?

Кальтенбруннер: Все три.

Эймен: Хорошо.

Кальтенбруннер: Но не те, которые сделаны чернилами.

Эймен: Очень хорошо.

(Документы передаются Трибуналу.)

Могу я продолжать, милорд?

Председатель: Одну минуту... Пожалуйста, продолжайте, полковник Эймен.

Эймен: Скажите, подсудимый, вы имеете оригинал этого документа перед собой?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Взгляните на вашу подпись и скажите, не видите ли вы над подписью написанные от руки буквы «Д», «Е», «И», «Н»?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Не думаете ли вы, что было бы нелепо и неразумно предполагать, что факсимиле может воспроизводить подпись и одновременно слово «твой» над подписью?

Кальтенбруннер: Это было бы нелепо, я это признаю, но я не говорил, что это непременно факсимиле. Я сказал, что это не моя подпись, что это или факсимиле или подпись кого-то другого...

Эймен: Хорошо, подсудимый, но теперь вы, по крайней мере, согласитесь, что эта подпись не была воспроизведена при помощи факсимиле?

Кальтенбруннер: Трудно представить себе факсимиле со словом — «твой», это невозможно. Так что чиновник сам подделал эту подпись; все знали, что мы с Блашке на «ты», поэтому он поставил там «твой», раз уже он ставил мою подпись.

Эймен: Подсудимый! Разве не будет в равной степени абсурдом полагать, что какое-то лицо или ваш служащий, как вы его назвали, подписывая подобное письмо от вашего имени, попытается подделать вашу подпись?

Кальтенбруннер: Нет, господин обвинитель, но невозможно было на письмо к обербургомистру Вены и человеку, с которым я был на «ты», напечатать мою подпись на машинке; вдобавок письмо это было личного характера. Это было невозможно. Но если меня не было в Берлине, у него были только две возможности: либо напечатать на машинке, либо написать от руки, так, как будто это писал сам Кальтенбруннер.

Эймен: В действительности же, подсудимый, сейчас вы просто лжете относительно вашей подписи на этом письме так же, как вы лгали относительно всех вопросов, по которым вы давали показания. Разве это неправильно?

Кальтенбруннер: Господин обвинитель! Это обращение для меня сейчас не ново, но я должен заявить, что я в данном случае не буду говорить неправду, так как я хочу, чтобы в более важных вещах Трибунал мне доверял.

Эймен: Но я предполагаю, подсудимый, что если ваши показания совершенно противоречат показаниям других 20 или 30 свидетелей и огромному количеству документов, то мало вероятно тот факт, чтобы вы говорили правду, а показания всех других свидетелей и все другие документы говорили бы неправду. Вы согласны с таким предположением?

Кальтенбруннер: Нет, с этим я не могу согласиться... Я предоставляю себя в распоряжение обвинения.

Эймен: Хорошо, подсудимый. Теперь перейдем к вопросу о Варшавском гетто, вспоминаете ли вы доказательства, представленные Трибуналу, согласно которым 400 тысяч евреев были вначале согнаны в гетто, а затем войска СС замучили 56 тысяч, из которых более 14 тысяч были убиты. Припоминаете ли вы эти доказательства?

Кальтенбруннер: Я не помню в деталях этих доказательств, а то, что мне известно об этом, я уже сегодня рассказал.

Эймен: Было ли вам известно о том, что почти все из этих 400 тысяч евреев были истреблены в лагере смерти в Треблинке? Вы знали об этом?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Какое отношение вы имели к уничтожению евреев в Варшавском гетто? Никакого, разумеется, как вы обычно отвечаете?

Кальтенбруннер: Я уже заявлял, что я не имел к этому никакого отношения.

Эймен: Я прошу, чтобы подсудимому предъявили документ ПС-3840, который я представляю за номером США-803.

(Документ предъявляется Кальтенбруннеру.)

Вы были знакомы с Карлом Калеске?

Кальтенбруннер: Нет, этого имени я не знаю.

Эймен: Сможете ли вы восстановить его фамилию в памяти, если я вам напомню, что он был адъютантом генерала Штропа?

Кальтенбруннер: Я не знаю адъютанта генерала Штропа. Я не знаю имени, которое вы мне сейчас назвали — Калеске.

Эймен: Перейдем к письменному показанию, данному им под присягой. Оно имеется у вас?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: «Моя фамилия и имя Карл Калеске. Я был адъютантом доктора фон Заммерн-Франкенега с ноября 1942

по апрель 1943 года в то время, когда он был начальником СС и полицайфюрером в Варшаве. Затем я стал адъютантом Штропа начальника СС и полиции до августа 1943 года. План действий в Варшавском гетто был составлен в то время, когда Заммерн-Франкенегг был начальником СС и полицайфюрером. Генерал Штроп принял на себя командование в тот день, когда начались эти действия. Функции полиции безопасности во время действий против Варшавского гетто заключались в том, чтобы сопровождать войска СС. Некоторые эсэсовские части получили задание очистить определенные улицы. С каждой эсэсовской группой были 4—6 полицейских из полиции безопасности, потому что они хорошо знали гетто. Эти полицейские подчинялись доктору Ханну — начальнику полиции безопасности города Варшавы. Ханн получил свое приказание не от начальника СС и полицайфюрера Варшавы, а непосредственно от Кальтенбруннера из Берлина. Подобным образом поступали приказания не только в отношении действий против гетто, но и в отношении всех других вопросов. Часто доктор Ханн приходил к нам в управление и сообщал СС и полицайфюреру о том, что он получил такой-то и такой-то приказ от Кальтенбруннера, о содержании которого он хотел бы информировать начальника СС и полицайфюрера. Но он поступал так только в отношении некоторых приказов, а не всех, которые он получал.

Я помню один случай, когда 300 иностранцев-евреев были собраны полицией безопасности в польском отеле. Когда подходили к концу действия, направленные против гетто, Кальтенбруннер приказал полиции безопасности вывести этих людей. Во время моего пребывания в Варшаве полиция безопасности занималась вопросами, касающимися подпольного движения. Полиция безопасности в этих вопросах действовала независимо от СС и полицайфюрера и получала приказы Кальтенбруннера из Берлина. Когда руководитель подпольного движения в Варшаве был захвачен в июне или июле 1943 года, его самолетом отправили непосредственно к Кальтенбруннеру в Берлин».

Подсудимый, считаете ли вы эти показания соответствующими действительности или нет?

Кальтенбруннер: Эти показания совершенно не соответствуют действительности. Я должен сказать обвинению...

Эймен: Точно так же, как и все другие показания, данные другими лицами и сегодня оглашавшиеся для вас? Это правильно?

Кальтенбруннер: Это заявление не соответствует действительности, и оно может быть опровергнуто.

Эймен: Вы то же самое говорили в отношении всех других показаний, которые я вам оглашал сегодня? Разве это не так?

Кальтенбруннер: Господин обвинитель, я должен...

Эймен: Я спрашиваю вас: так это или не так?

Кальтенбруннер: ...Я не могу соглашаться со всем тем, что мне ошибочно инкриминирует обвинение, хотя ответственность за это и ложится на Гиммлера.

Эймен: Хорошо, продолжайте. Вы можете говорить все, что желаете.

Кальтенбруннер: Я прошу сегодня вспомнить то, что я уже говорил относительно подчинения высших начальников СС и полиции и об их полномочиях в оккупированных областях. Все они непосредственно подчинялись Гиммлеру. Высшим начальникам СС и полиции подчинялись чиновники СС и полиции в маленьких областях; последним подчинялись такие ответвления, как полиция порядка и безопасности.

Весь полицейский аппарат в оккупированных областях не подчинялся центральному имперскому управлению безопасности. Здесь есть люди, которые должны подтвердить мои показания. Здесь был допрошен Бах-Зелевский, который все время находился в оккупированных областях и знает это. Здесь есть подсудимый Франк, который работал с одним таким высшим начальником СС и полиции, который позднее стал его статс-секретарем.

Эймен: Хорошо, ваш защитник может вызвать всех этих людей. Я вас спрашиваю только о том, соответствует ли данный документ действительности или нет. А затем я попрошу вас дать краткие объяснения, которые вы считаете необходимыми.

Кальтенбруннер: Этот документ неверен.

Эймен: А сейчас перейдем к генералу Штропу. Знал ли он что-либо об этом распоряжении ликвидировать Варшавское гетто?

Кальтенбруннер: Да, раз он был руководителем СС и полиции безопасности в Варшаве и вы мне представили его дневник и доклад. Штроп подчинялся тамошнему высшему начальнику СС и полиции и провел эту акцию по приказу Гиммлера, полученному через высшего начальника СС и полиции.

Эймен: Штроп был очень хорошим вашим другом, не так ли?

Кальтенбруннер: Я видел Штропа, может быть, два или три раза в своей жизни у рейхсфюрера Гиммлера.

Эймен: Если бы здесь был Штроп, он, по-видимому, мог бы сказать правду относительно всего, что касается Варшавского гетто. Не так ли?

Кальтенбруннер: Он должен был бы по крайней мере подтвердить, что он подчинялся высшему начальнику СС и полиции в генерал-губернаторстве, а не мне. Я был бы рад, если бы он сейчас подтвердил это. Из Ваших слов я должен предположить, что этот человек находится здесь.

Эймен: Он сейчас не находится здесь, но, к счастью, у нас имеется его письменное показание, данное им под присягой, касающееся тех же самых вопросов, по которым я вас допрашиваю. Я попрошу передать подсудимому документ ПС-3841, который представляется за номером США-804.

Сейчас мы узнаем, подтверждает ли Штроп то, что вы пытаетесь сейчас доказать Трибуналу. Вы согласитесь с тем, что подтверждает Штроп, не так ли?

Кальтенбруннер: Я еще не читал этого документа.

Эймен: Хорошо, я сейчас зачитаю эти показания. «Мое имя — Юрген Штроп. Я был начальником СС и полицайфюрером района Варшавы с 17—18 апреля 1943 г. и до конца августа 1943 года. План действий против Варшавского гетто был составлен моим предшественником оберфюрером доктором фон Заммерн-Франкенегом. В день начала этих действий я принял на себя командование, и фон Заммерн-Франкенег пояснил мне, что следовало делать в этом направлении. Он имел у себя приказ от Гиммлера, и, кроме того, я получил телеграмму от Гиммлера, в которой он мне приказал очистить Варшавское гетто и сравнять его с землей. Для того чтобы выполнить это, я имел в своем распоряжении два батальона войск СС, 100 вооруженных людей из частей регулярной полиции и 75—100 полицейских из полиции безопасности. Полиция безопасности была активна в проведении действий против Варшавского гетто. При этом они должны были сопровождать эсэсовские части группой в 6—8 человек, как проводники или люди, знакомые со всеми вопросами, касающимися гетто. Оберштурмбаннфюрер доктор Ханн был начальником полиции безопасности Варшавы в то время. Ханн передал полиции безопасности приказы относительно ее задач во время этих действий. Эти приказы не были переданы Ханну мною, они поступили от Кальтенбруннера из Берлина. Как начальник СС и полицайфюрер Варшавы, я не отдавал никаких приказаний полиции безопасности. Все приказы Ханн получал от Кальтенбруннера из Берлина. Например, в июне или в июле того же года я вместе с Ханном посетил управление Кальтенбруннера, и Кальтенбруннер сообщил мне, что хотя мы и должны работать совместно, но все основные приказы для полиции безопасности должны поступать от него из Берлина. После того как примерно 50—60 тысяч человек были захвачены из гетто, их привезли на железнодорожную станцию. Полиция безопасности должна была осуществлять надзор за этими людьми и отвечать за перевозку их в Люблин. Немедленно после того как были закончены действия против гетто, примерно 300 иностранных евреев были собраны в польский отель. Эти лица частично находились здесь до начала действий против гетто, а частично были переведены во время осу-

ществления этих действий. Кальтенбруннер приказал Ханну вывезти этих лиц. Сам Ханн сказал мне, что он получил этот приказ от Кальтенбруннера. Все смертные казни проводились согласно приказам из главного имперского управления безопасности, а именно — от Кальтенбруннера.

Я прочел эти показания и полностью подтверждаю их. Я дал эти показания без принуждения, по собственной воле.

Считаете ли вы эти показания Штропа правильными или нет?

Кальтенбруннер: Это — ложные показания. Я прошу доставить сюда Штропа.

Эймен: Вы видите, что эти письменные показания совершенно опровергают ваши показания и подтверждают в основном каждую деталь показания, данного Калеске, который в то время был адъютантом Штропа. Разве это не так?

Кальтенбруннер: Это неправильно уже потому, что Штроп приближается к моему утверждению, указывая на первой же странице, что приказ относительно Варшавского гетто он получил от Гиммлера, чего свидетель Калеске нигде не говорит.

Эймен: С этим я могу согласиться.

Кальтенбруннер: При допросе генерала Штропа должно было бы выясниться, что Ханн, само собой разумеется, получал от гестапо в Берлине приказы; получал ли он их по этому делу, я не знаю, но, несомненно, органы полиции безопасности должны были в некоторых случаях, в частности по вопросам судопроизводства, подчиняться IV отделу главного имперского управления безопасности.

Эймен: А теперь, подсудимый, я хотел бы обратить ваше внимание на документ ПС-3819, ВВ-306, который уже был представлен в качестве доказательства. Это — протокол совещания в рейхсканцелярии от 11 июля 1944 г. за подписью Ламмерса, который на днях давал свои показания Трибуналу по этому же вопросу. Я думаю, что вы помните о том, что вы присутствовали на этом совещании.

Кальтенбруннер: Я этого еще не знаю. Я не знаю, что обсуждалось на этом совещании.

Эймен: Вы нашли это место, подсудимый?

Кальтенбруннер: Да, нашел.

Эймен: Хорошо, я читаю:

«Начальник полиции безопасности доктор Кальтенбруннер изъявил свое согласие, когда его запросил уполномоченный по использованию рабочей силы, передать полицию безопасности в его¹ распоряжение для выполнения этой задачи. Но он

¹ Уполномоченного по использованию рабочей силы. — Составители.

указал, что численность полиции была недостаточна, и поэтому полиция не представляла собой большой силы. Во всей Франции он имел только 2400 человек. И поэтому вопрос о том, могут ли быть все возрастные группы захвачены такой слабой полицией, был сомнительным. По его мнению, министерство иностранных дел должно оказывать более сильное влияние на иностранные правительства».

Подсудимый, действительно ли этот документ отражает то, что имело место на этом совещании?

Кальтенбруннер: Я сейчас не могу утверждать этого на основании данного текста, но должен сказать по этому поводу следующее... Нужно было бы установить, был ли там я по поручению имперского министерства внутренних дел и начальника германской полиции Гиммлера... То, что я был там по поручению Гиммлера, показывает цифра, которая здесь названа, а именно то, что только 2400 человек находятся у нас в распоряжении. Такого числа никогда не было ни у полиции безопасности, ни у СД, ни у обеих вместе; сюда была причислена и полиция порядка и другие мелкие организации, которые были подчинены Гиммлери.

Во всяком случае, в этом документе нет одного — того, что Кальтенбруннер только передавал здесь мнение Гиммлера по поручению последнего.

Эймен: Хорошо, подсудимый. Вспомните ли вы о показаниях, которые представлялись Трибуналу относительно того, как Германия пыталась спровоцировать словаков на восстание против Чехословакии и как Гитлер использовал это восстание словаков для того, чтобы оккупировать Чехословакию в марте 1939 года?

Кальтенбруннер: Я не знаю, кто давал такие показания.

Эймен: Хорошо, но во всяком случае, вы с 1938 года по 1939 год были статс-секретарем полиции безопасности в Австрии. Не так ли?

Кальтенбруннер: Нет, я тогда не был статс-секретарем полиции безопасности. Я был статс-секретарем по вопросам безопасности в Австрийском правительстве в Вене. Это важно, так как полиция безопасности в Австрии была создана из Берлина и управлялась Берлином.

Эймен: Хорошо... Разве в действительности вы лично не руководили деятельностью словацких заговорщиков и не оказывали им помощь тем, что снабжали их оружием и взрывчатыми веществами? Отвечайте, пожалуйста, «да» или «нет»?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Не припоминаете ли вы, что вы присутствовали на каком-либо совещании, где разрабатывался план относи-

тельно того, как спровоцировать это восстание в Словакии? вы отрицаете это?

Кальтенбруннер: Это неверно. Я никогда не участвовал в таком подстрекательстве к восстанию в Словакии. Я участвовал лишь на первом заседании правительства Словакии в качестве уполномоченного германской империи.

Эймен: Помогал ли вам ваш друг Шпациль осуществлять ваши планы?

Кальтенбруннер: Я не помню. Во всяком случае это не были немецкие планы; если вы рассмотрите политическую обстановку в Словакии в тот момент, вы убедитесь, что империи совершенно не нужно было подстрекать Словакию. Само движение Глинки, которым тогда руководил, по-моему, доктор Тука, а также доктор Тисо, пришло к такому решению.

Эймен: Были ли вы знакомы с оберштурмбаннфюрером Фрицем Мундхенке?

Кальтенбруннер: Я не понимаю...

Эймен: Вы это увидите из документа ПС-3842, который я попрошу передать вам, я представляю его за номером США-805.

Подсудимый, это довольно пространственный документ и я не хочу подробно останавливаться на нем. Я хочу обратить ваше внимание прежде всего на первые строчки.

«Что касается оккупации Чехословакии, то были предприняты два различных действия.

1. Оккупация Судетской области и пограничных районов, населенных немецкими согражданами.

2. Оккупация самой Чехословакии».

И затем идут следующие строки:

«За некоторое время до проведения второго действия офицеры из «Глинка Гарде» (подпольной, нелегальной полуэсэсовской организации в словацкой части бывшей Чехословацкой республики) стали посещать управление СС в Донау (которое первоначально называлось «Управление СС Австрии»)».

Затем подробно излагается план того, как спровоцировать это восстание. И в конце первого параграфа вы найдете следующее:

«В секретном заседании я не принимал участия. Я чувствовал, что мне не полностью доверяли. Я видел каких-то людей в приемной Кальтенбруннера и затем, насколько я помню, в столовой. Мне ничего не говорили об обсуждавшейся теме, которая, без сомнения, имела отношение к выработке плана действий».

Затем вы найдете следующее:

«Один Кальтенбруннер несет ответственность за эти действия...»

Подсудимый, я спрашиваю вас, соответствует ли действительности содержание данного документа в том виде, как я его предъявил вам или нет?

Кальтенбруннер: Нельзя сказать, что это правда, и нельзя сказать, что это неправда; это ясно только тому, кто хорошо знает всю ситуацию...

Я должен сказать, что в этом документе правильно одно. Это то, что я совещался с членами гвардии Глинки в Вене, Парк-Ринг, № 8; речь шла о том, чтобы немецкое национальное меньшинство в Словакии и гвардия Глинки совместно выставили кандидатов в Словацкое правительство. Именно об этом свидетельствуют документы и события в Прессбурге. Все это может быть подтверждено любым человеком, в том числе и Мундхенке, который был руководителем национального меньшинства. Но ввиду того, что оккупации Словакии вообще не было, мне и не следует оправдываться по этому поводу.

Эймен: Подсудимый, во время этого процесса в качестве доказательства был представлен приказ Гимmlера о том, что гражданское население не должно наказываться за линчевание союзных летчиков, и вы слышали показания, данные под присягой Шелленбергом и Гердезом относительно того, что вы, как начальник СД и полиции безопасности, дали соответствующие указания вашим подчиненным. Отрицаете ли вы правильность этих показаний? Говорите, пожалуйста, «да» или «нет»?

Кальтенбруннер: Я не хочу отрицать правильность их, но отрицаю, что я делал когда-либо такое заявление... Я заявил, например, в присутствии Гитлера, что я никогда не буду выполнять подобный приказ. Правда, это было позднее, но это было моим глубоким личным убеждением. Впрочем, я уже говорил вчера по этому вопросу со своим защитником.

Эймен: Ну, хорошо, подсудимый. Сейчас перейдем к документу ПС-3855, который представляется в качестве доказательства под номером США-806. Вы увидите, что в конце этого документа имеется ваша фамилия. Вы сами должны определить, является ли это вашей подписью, факсимиле или еще чем-нибудь другим. Вы имеете этот документ перед собой?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы видите, что этот документ исходит от начальника полиции безопасности и СД, и, кроме того, согласно пометкам в левом верхнем углу, он был передан вам на подпись четвертым отделом А-2-Б.

Кальтенбруннер: Эта первая и очень крупная ошибка, господин обвинитель.

Эймен: Хорошо... Адресовано:

а) Всем начальникам и инспекторам полиции безопасности и СД (для устной информации всех подчиненных управлений).

б) Отделам IV-A и IV-B

подотделам IV A1

IV A 3

IV A 4—IV A 6

IV B 1—IV B 4

с) 5-му управлению имперской уголовной полиции.

К сведению старших начальников СС и полицейфюреров, а также начальников полиции охраны порядка.

д) Начальникам отделов I—III и VI главного имперского управления безопасности...

Содержание: Обращение с вражескими летчиками, которые были выброшены на парашютах.

Целый ряд вопросов относительно обращения со сбитыми вражескими летчиками нуждается в разъяснении. В принципе: всех захваченных вражеских летчиков следует заковывать в кандалы.

Эта мера необходима, и она должна выполняться с полного согласия начальника штаба верховного командования вооруженными силами —

1) с целью предотвратить частые побеги и

2) из-за недостатка персонала на сборных пунктах. Команды вражеских летчиков: а) которые оказывают сопротивление при их захвате в плен или д) которые носят гражданскую одежду под военной формой должны расстреливаться немедленно.

Вражеские летчики, особенно из состава англо-американских воздушных сил, в большинстве случаев носят при себе особые мешки, в которых имеются кинжалы, различные карты, купоны на паек, инструменты и все необходимое для совершения побега. Все эти мешки, которые приготовлены на случай побега, должны отбираться полицейскими агентами, ибо эти мешки облегчают побег. Их следует передавать командованию военно-воздушных сил. Приказ рейхсфюрера СС от 10 августа 1943 г. (о котором, согласно вашим показаниям, насколько я помню, вам ничего неизвестно) полностью не выполняется, так как, по-видимому, этот приказ не был в устной форме доведен до сведения всех подчиненных полицейских управлений, как это было приказано. Поэтому вторично приказывается:

«Полиция не должна вмешиваться в конфликт между германским населением и спустившимися на парашютах англо-американскими летчиками-террористами.

Около тела одного из сбитых английских летчиков были найдены нарукавная повязка с надписью «немецкие военно-вооруженные силы» и кокарда. Эту нарукавную повязку носил только личный состав действующих войск; она дает право доступа каждому лицу, имеющему ее, на все важнейшие военные и стратегические пункты в различных зонах действий. Вражеские

агенты, сброшенные с самолетов, вероятно, будут применять этот новый вид маскировки...

6) В течение последних месяцев отдельные случаи показали, что германское население арестовывает вражеских летчиков, однако до передачи их полиции или вооруженным силам оно слишком мягко обращается с ними. Строгие меры, принятые по отношению к этим гражданам со стороны государственной полиции, удержат их от ареста вражеских летчиков, ибо подобные случаи не следует смешивать с преступными действиями по оказанию содействия скрывающимся вражеским летчикам. Рейхсфюрер СС приказал применять следующие меры в отношении тех граждан, которые обращаются с вражескими летчиками подобным образом либо умышленно, либо проявляя ненужную жалость к ним:

1. В особенно серьезных случаях нарушения этого приказа направлять таких лиц в концлагеря; помещать в местных газетах объявления.

2. В менее серьезных случаях следует применять превентивное заключение в управлениях государственной полиции длительностью не менее 14 дней. Следует также использовать таких лиц для расчистки районов, подвергшихся бомбардировке.

Если же таких разрушенных районов нет на той территории, которая находится под юрисдикцией управления гестапо, то следует применять кратковременное превентивное заключение в одном из ближайших управлений гестапо.

Рейхсфюрер СС установил контакт с рейхслейтером Борманом относительно данного вопроса и указал, что задача партийных официальных лиц заключается в том, чтобы инструктировать население о неуместном проявлении сдержанности по отношению к вражеским летчикам».

Я приказываю начальникам и инспекторам полиции безопасности и СД в письменной форме информировать подчиненные им управления и секции 5 и 6 о вышеизложенном приказе. Подписано: «Доктор Кальтенбруннер. Верно: Розен...»

Отрицаете ли вы тот факт, что вы имеете какое-то отношение к изданию этого приказа, и то, что вы подписали его?

Кальтенбруннер: Я никогда не получал этого приказа. Я ссылаюсь здесь на свои вчерашние показания относительно системы подчинения отдела IV-A, который является составителем этого письма, как это видно из пометки наверху; в этих вопросах отдел подчинялся непосредственно Гиммлеру.

Эймен: Таким образом, вы отрицаете, что эта подпись ваша, и утверждаете, что вы ничего не знаете о данном документе, на котором имеется ваша подпись. Это правильно?

Кальтенбруннер: Господин обвинитель...

Эймен: Подсудимый, ответьте, пожалуйста, на этот вопрос. Вы что же — отрицаете, что этот документ исходил от вас, так же как вы отрицали все другие документы, которые были вам представлены сегодня. Это правильно?

Кальтенбруннер: Я заявил вчера и здесь и моему защитнику, что я не получал этих документов. Я должен был бы знать это. Конечно, я частично виноват в том, что не обращал внимания, не даются ли от моего имени такие приказы. Я вчера совершенно не отрицал эту свою вину. Но какова была моя точка зрения по этому вопросу, явствует из показаний Келлера.

Председатель: Я не понимаю, либо вы говорите, что это не ваша подпись на документе, либо, что подписали этот документ, не глядя на содержание? Что именно вы утверждаете?

Кальтенбруннер: Господа! Я никогда не получал этого документа, этого приказа. Я не мог подписать его, так как это противоречило бы моим убеждениям. А каковы были мои убеждения видно из показаний свидетеля Келлера.

Председатель: Я не спрашиваю о ваших внутренних убеждениях, я спрашиваю только о том, подписывали вы этот документ или нет?

Кальтенбруннер: Нет.

Смирнов¹: Господин председатель, мы имеем несколько вопросов к подсудимому.

Председатель: Полковник Смирнов, сообщите, пожалуйста, Трибуналу, по каким пунктам Вы хотели бы подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

Смирнов: Вчера подсудимый, давая ответы полковнику Эймену и отрицая свое участие в уничтожении евреев в Варшавском гетто, выдвинул версию о том, что полицайфюрер оккупированной Польши Крюгер якобы подчинялся непосредственно Гиммлеру и никакого отношения к Кальтенбруннеру не имел. В польских документах, которые только что доставлены мне, это опровергается, в связи с чем советская делегация и изменила порядок, которого она намерена придерживаться в дальнейшем...

Второй пункт касается одного документа, предъявленного ранее советской делегацией, который не был охвачен предыдущим вопросом, но представляет интерес с точки зрения предъявленных ранее документов. По этим двум вопросам я и хотел допросить подсудимого.

Председатель: Очень хорошо.

Смирнов: Подсудимый, вчера полковник Эймен предъявил Суду документ, изобличающий ваше активное участие в ликви-

¹ Л. Н. Смирнов — помощник Главного обвинителя от СССР — Составители.

дании Варшавского гетто. Опровергая это, вы пытались утверждать, что начальники полиции в оккупированных областях подчинялись рейхсфюреру СС Гиммлеру и к вам отношения не имели. Вы подтверждаете это заявление?

Кальтенбруннер: Да, но оно нуждается в дополнении, ибо я вчера уже сказал, что в подчинении Гиммлера находился начальник СС и полиции генерал-губернаторства и что последнему подчинялись начальники СС и полиции областей.

Начальнику СС и полиции генерал-губернаторства были подчинены начальники полиции охраны порядка, полиции безопасности и войск СС; начальникам СС и полиции областей — командиры соответствующих частей полиции по области.

Смирнов: Может быть, вы скажете, кому подчинялись полицейские чиновники?

Может быть, вы помните и второе заявление, где говорили, что вы были против крайних мер Крюгера в отношении польских евреев и старались удержать его от этого?

Кальтенбруннер: Я заявил, что я выступал за устранение Крюгера от занимаемой им должности в генерал-губернаторстве.

Смирнов: Я прошу передать подсудимому дневник Франка. Пусть он обратит внимание сначала на страницу 13, где выступает Крюгер, а потом на страницу 15. Я оглашу три абзаца из этого места на странице 15. Читайте и следите, правильно ли это переведено:

«Нет сомнения, — говорит Крюгер, — что устранение евреев повлияло на успокоение...»

Кальтенбруннер: Это место мне не передано. У меня в руках страница 13 документа.

Смирнов: Я снова начну: «Нет сомнения, что устранение евреев повлияло на успокоение. Полиции пришлось выполнить самую трудную и неприятную задачу, но она выполняла ее по приказу фюрера ради защиты интересов Европы. Мы вынуждены устранить евреев также из военной промышленности».

Я пропускаю один абзац, прошу вас тоже пропустить его. Читайте дальше:

«Мы вынуждены устранить евреев также и из военной промышленности и с заводов, имевших военно-хозяйственное значение, если их использование не вызывалось исключительно важными соображениями военного характера. Евреи в этих случаях будут сосредоточены в больших лагерях и оттуда в дневное время будут отправляться на работу на военные заводы. Рейхсфюрер СС, однако, желает, чтобы и эти евреи были устранены с заводов. По этому поводу он, Крюгер, вел разговоры с РСХА и предполагает, что это желание рейхсфюрера

не может быть выполнено в полном объеме. Среди рабочих-евреев имеются специалисты, механики по точным работам и прочие квалифицированные рабочие, которых нельзя сегодня без всяких последствий заменить поляками».

Я обращаю ваше внимание особенно на следующую фразу: «Поэтому он просит доктора Кальтенбруннера доложить об этом рейхсфюреру СС и просить его, чтобы он отказался от устранения этих рабочих-евреев. На заводах остались наиболее выносливые в физическом отношении евреи, так называемые маккавеи, которые отлично работают. Кроме них, работают также женщины, в отношении которых установлено, что они сильнее евреев. К такому же заключению мы, впрочем, пришли и во время ликвидации Варшавского гетто. Выполнение этой задачи было сопряжено с большими трудностями».

Я опускаю одну фразу и привожу следующую: «Есть сведения, что в этом случае евреи также защищались до последнего с оружием в руках от СС и полиции».

Не свидетельствует ли это место о том, что Крюгер расценивал вас как своего начальника и тогда, когда большинство евреев в Польше уже было умерщвлено и осталось очень небольшое количество хороших специалистов, умерщвление которых могло причинить большой ущерб промышленности. Крюгер обратился через вас, как своего начальника, к Гиммлеру с тем, чтобы сохранить жизнь евреев, оставшихся в живых. Не свидетельствует ли это о том, что Крюгер расценивал вас как своего начальника и действовал через вас?

Кальтенбруннер: Нет, господин обвинитель, этот документ доказывает нечто совсем иное. Во-первых, автор его сам говорит здесь, что эвакуация Варшавского гетто уже была произведена к этому моменту. Во-вторых, он говорит, что он просил меня пойти к Гиммлеру и сделать представление. О чем я говорил с Гиммлером, здесь, однако, не сказано. О том, что я тогда в первый раз мог ясно заявить Гиммлеру: «Теперь я знаю, что происходит», и о том, как я выступил против происходящего, об этом тоже ничего не сказано в документе. Сейчас мне должна быть предоставлена возможность дать объяснения и доказать, что я выступал против проводимых мер; если вы при допросе Франка или свидетелей...

Смирнов: Минутку, вы уже говорили об этом, подсудимый.

Кальтенбруннер: Я еще не кончил... Вы не можете ведь, с одной стороны, обвинять меня в том, что я знал об этих вещах, а с другой стороны, — не дать мне возможности сказать, как я на это реагировал. Лишь в последние два года войны я был в состоянии знакомиться с происходящим в империи, а позже, к концу войны, и в генерал-губернаторстве...

Смирнов: Минуточку. Но почему все-таки Крюгер действовал через вас?

Кальтенбруннер: И затем в этом документе совсем не указано, в качестве кого я там был. Он ни одним словом не говорит о том, что я был там в качестве его начальника по линии полиции. Он знает лишь одно, что я в качестве начальника службы информации часто, как само собой разумеется, приходил к Гиммлеру с докладом, и он просит меня доложить и по этому вопросу. Но Крюгер был, как действительно написано в этом документе, статс-секретарем безопасности в генерал-губернаторстве, как таковой он подчинялся генерал-губернатору и...

Председатель: Вы говорите слишком быстро и произносите речи, не отвечая на вопросы.

Кальтенбруннер: Как статс-секретарь по линии полиции в генерал-губернаторстве он подчинялся непосредственно Гиммлеру.

Смирнов: Я вас прошу ответить коротко: просил ли вас Крюгер представить отчет Гиммлеру по данному вопросу или нет? Это все, о чем я вас спрашиваю.

Кальтенбруннер: Насколько я знаю, на этом совещании присутствовало много чиновников администрации и каждого, кто был близок к фюреру или Гиммлеру, кто-нибудь о чем-нибудь просил...

Смирнов: Я вас прошу ответить на вопрос, «да» или «нет». Просил он вас доложить или нет?

Кальтенбруннер: Этого я не знаю.

Смирнов: Не знаете? Тогда я вам задам второй вопрос...

Председатель: (обращаясь к подсудимому): Что вы ответили на последний вопрос? Я вас (обращаясь к обвинителю) попрошу повторить последний вопрос.

Смирнов: Просил ли Крюгер Кальтенбруннера доложить об этом Гиммлеру. Я спрашивал подсудимого об этом.

Председатель: Я хотел бы, чтобы подсудимый ответил на ваш вопрос. Скажите ему, чтобы он вам ответил. Не задавайте ему два вопроса, Вы слышите, что я говорю?

Смирнов: Да, господин председатель.

Председатель: Задайте ему один вопрос и добейтесь, чтобы он на него ответил.

Смирнов: (обращаясь к подсудимому): Просил ли Крюгер доложить Гиммлеру о невозможности уничтожения всех квалифицированных рабочих-евреев и как тот отнесся к этому?

Кальтенбруннер: Возможно, что он просил меня, но ни в коем случае не как начальника, вы должны уяснить себе,

какое количество людей там собралось. Это явствует также из дневника. Я был там не как начальник полиции безопасности или начальник Крюгера. Крюгер, как и энное количество людей...

Смирнов: Если вы, подсудимый, занимались только информационной работой, как вы говорите, и, кроме информации, ничем больше не занимались, то считаете ли вы подкуп выборов в Иране и получение на эти цели от Риббентропа миллиона туманов для посылки агентам относящимся к чисто информационной работе?

Кальтенбруннер: Я не имел никакого отношения к оплате выборов в Иране, но я признаю, что, само собой разумеется, агенты службы информации, которой я руководил, работали в Иране.

Смирнов: Вы у Риббентропа не просили одного миллиона туманов на подкуп?

Кальтенбруннер: Нет. У меня было достаточно средств, чтобы самому оплачивать своих агентов.

Смирнов: Это письмо за подписью Кальтенбруннера было передано Суду при допросе Риббентропа как документ под номером СССР-178. В нем говорилось об ассигновании одного миллиона туманов. Подсудимый опровергает показания Риббентропа, который признал это.

Кальтенбруннер: Я думаю, что я не требовал никаких денег от Риббентропа, так как у меня самого было достаточно денег. Покажите мне это письмо. Может быть, так оно и было.

Смирнов: Подлинник этого письма был передан Суду при допросе Риббентропа, у нас имеется только копия, но подлинник сейчас может быть принесен из комнаты для документов.

Тут сказано, что для того чтобы оказать решающее влияние на выборы, для подкупа в Тегеране необходимо 400 тысяч туманов, а для всего остального Ирана — по крайней мере 600 тысяч туманов. Письмо заканчивалось так: «Прошу вас сообщить мне, возможно ли получение одного миллиона туманов от министерства иностранных дел. Переслать эти деньги можно будет с людьми, отправляемыми туда самолетом. Хайль Гитлер! Преданный вам Кальтенбруннер, обергруппенфюрер».

Это письмо определенного содержания. Риббентроп признал его. Вы отрицаете показания Риббентропа?

Кальтенбруннер: Нет, я не думаю делать этого, но относительно этого документа я хотел бы сказать следующее. Я не могу сразу вспомнить это письмо, так как оно было составлено в VI отделе. Я подписывал его совершенно определенно уже потому, что оно направлялось имперскому министру

и я должен был подписать его сам, хотя бы из чувства такта.

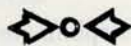
Смирнов (Предъявляет документ Кальтенбруннеру): Это ваша подпись?

Кальтенбруннер: Да.

Смирнов: Я не имею больше вопросов к подсудимому.

Председатель: Какой это был документ, который вы ему предъявили?

Смирнов: Это письмо Кальтенбруннера на имя министра иностранных дел фон Риббентропа, датированное 27 июня 1943 г.

ДОПРОС РОЗЕНБЕРГА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 17 апреля 1946 г.]

Руденко: Подсудимый Розенберг, с какого времени вы начали лично и непосредственно участвовать в подготовке нападения на Советский Союз?

Розенберг: Вообще никогда не начинал.

Руденко: Разве ваше назначение 20 апреля 1941 г. уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями, не находилось в непосредственной связи с подготовкой нападения Германии на Советский Союз?

Розенберг: Это не было планированием, в котором я принимал участие. Это было лишь последствием уже принятого решения, о котором со мной никто не советовался. Мне было лишь сообщено об этом решении и о том, что отданы соответствующие военные приказы. Так как я должен отвечать только «да» или «нет», я ответил на ваш вопрос «нет».

Руденко: Но вы не отрицаете того факта, что это назначение имело место в апреле 1941 года?

Розенберг: Известно, что я получил это задание в апреле.

Руденко: При этом назначении Гитлер предоставил вам широкие полномочия. Вы осуществляли сотрудничество с высшими имперскими властями, получали от них информацию и созывали представителей имперских властей на совещания, в частности, осуществляли сотрудничество с Герингом, с министром экономики и Кейтелем? Вы это подтверждаете? Ответьте коротко.

Розенберг: Вы одновременно задали мне три вопроса. Первый вопрос: получил ли я широкие полномочия? Я вообще никаких полномочий не получал. Таким образом, я отвечаю на этот вопрос — нет. Второй вопрос: были ли у меня совещания? Я отвечаю — да, само собой разумеется, что я проводил совещания со всеми вышестоящими имперскими властями, занимавшимися Востоком. Я должен был это делать в соответствии с возложенным на меня заданием.

Руденко: Вы ответьте коротко на следующий вопрос: сразу после назначения 20 апреля 1941 г. у вас состоялось совещание с начальником ОКВ?

Розенберг: Да, я посетил фельдмаршала Кейтеля.

Руденко: Вы имели беседу с Браухичем и Редером в связи с вашим назначением?

Розенберг: Насколько я помню, с Браухичем я не говорил и с адмиралом Редером, насколько я помню, я тогда также не имел никаких бесед.

Руденко: Вы совещались с подсудимым Функом? Он в качестве своего постоянного представителя назначил доктора Шлотерера?

Розенберг: Тогдашний имперский министр Функ, конечно, знал о моем новом назначении и назначил доктора Шлотерера посредником между мной и своим министерством.

Руденко: У вас были беседы с генералом Томасом, статс-секретарем Рикке и статс-секретарем Бакке по вопросам экономической эксплуатации восточных областей?

Розенберг: Мне кажется, что я не говорил с Томасом. С другими господами, которых вы сейчас упоминали, я познакомился позже. Рикке я взял позже в свое министерство для связи с экономическим штабом Востока. Бакке я, само собой разумеется, встречал также в последующее время. Что касается генерала Томаса, то я даже не помню, был ли я с ним лично знаком. Во всяком случае, наше знакомство было весьма поверхностным.

Руденко: Вы вели переговоры с министром иностранных дел, в результате которых подсудимый Риббентроп назначил Гросскопфа для постоянной связи с вашим аппаратом, а представителем политического отдела выделил доктора Бройтигама. Это правильно?

Розенберг: Это правильно. Имперский министр иностранных дел был проинформирован обо всем этом и назначил своим представителем тогдашнего генерального консула Гросскопфа.

Руденко: Вы принимали ответственных представителей Фриче, Шмидта, Глазмана и других?

Розенберг: Да, очень может быть, что это было так. С большей частью этих господ я познакомился тогда впервые. Само собой разумеется, что я должен был ознакомиться с теми, с кем мне надо было сотрудничать при выполнении полученного задания.

Руденко: Вы вели переговоры с начальником штаба СА о выделении в ваше распоряжение самых опытных руководителей СА?

Розенберг: Разумеется, я говорил с начальником штаба СА о предоставлении мне подходящих сотрудников на случай занятия восточных областей.

Руденко: Итак, вы не станете отрицать, что имелся координирующий центр по подготовке мероприятий, связанных с нападением на СССР?

Розенберг: В такой форме, как вы говорите, — нет, так как все задачи, которые вытекали из предполагавшейся войны с Советским Союзом, были распределены по военным органам. Экономические мероприятия разрабатывались Герингом. Как выяснилось позднее, большие задачи были возложены на полицию. Я руководил лишь осуществлявшим связь политическим ведомством, которое должно было разрешать политические проблемы Востока, информировать и обсуждать с соответствующими инстанциями все могущие возникнуть вопросы политического и административного порядка и информировать их о политической линии. В основном я осуществлял все это так, как о том говорится в моей речи от 20 июня.

Руденко: Очень хорошо.

За полтора месяца до вероломного нападения Германии на Советский Союз вы разработали инструкцию для всех рейхско-миссаров оккупированных восточных областей. Вы не отрицаете этого?

Розенберг: Вчера я уже говорил об этом. В соответствии с нашим долгом я и мои сотрудники сейчас же разработали предварительные проекты. Эти проекты в такой форме, в какой они имеются здесь и в какой они мне предъявлялись, в действительности не вышли в свет.

Руденко: К этому вопросу я еще вернусь. В своем отчете, который вы представили Гитлеру 28 июня 1941 г. «О подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы», вы указали, что с адмиралом Канарисом у вас состоялась беседа, во время которой вы просили Канариса в интересах контрразведки выделить людей, которые, работая контрразведчиками, в то же время смогут выступать как политические работники. Вы подтверждаете это?

Розенберг: Нет, это неправильно. Я слышал, что адмирал Канарис создал группу для проведения актов саботажа или иной работы. Он был у меня однажды, я просил его не вмешиваться в подготовительные работы политического характера, что он мне и обещал.

Руденко: Вы не отрицаете встречу с Канарисом?

Розенберг: Встречу — нет.

Руденко: А беседу, во время которой вы просили Канариса в интересах разведки выделить людей для помощи вам, вы это отрицаете?

Розенберг: Да, это я отрицаю. Но я не отрицаю того, что, разумеется, если бы у Канариса были какие-либо интересные важные политические новости, ему следовало бы мне об этом сообщить. Но у меня не было никакой шпионской организации. В те годы я вообще...

Руденко: Не распространяйтесь, я вам покажу документ, в интересах ускорения допроса, и оглашу это место. (Дайте подсудимому документ.) Я имею в виду, господи судьи, документ ПС-1039.

Речь идет о вашем отчете «О подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы». Я зачитываю: «С адмиралом Канарисом состоялась беседа, во время которой договорились о том, что люди моего аппарата при имеющихся условиях ни в коем случае не вступят ни в какие сношения с какими-либо группами, называющими себя представителями народов Восточной Европы. Я попросил его в интересах контрразведки выделить людей, которые, работая контрразведчиками, в то же время смогут выступать как политические работники с тем, чтобы определить их дальнейшее использование. Адмирал Канарис сказал, что, само собой разумеется, он учтет мое желание не признавать никаких политических групп среди эмигрантов и что он намерен действовать в духе моих высказываний».

Розенберг: Это соответствует тому, что я сказал.

Руденко: Я вас спрашиваю, вы подтверждаете эту цитату?

Розенберг: Да, я подтверждаю ее...

Руденко: Иначе говоря, вы были связаны с контрразведкой?

Розенберг: Нет, я лишь принял адмирала Канариса и сказал ему, чтобы он по своему долгу службы по возможности не занимался политическими переговорами и планами, так как это теперь должен делать я.

Руденко: Я задам вам несколько вопросов о целях войны против Советского Союза.

Признаете ли вы, что, подготовив и совершив нападение на Советский Союз, нацистская Германия преследовала цели экономического разграбления богатств Советского Союза, истребления советских людей, порабощения народов Советского Союза и расчленения Советского Союза. Ответьте кратко — признаете вы это или нет?

Розенберг: Здесь опять поставлено пять вопросов...

Руденко: Я прошу ответить кратко — признаете вы цели этого нападения или нет? Потом сможете дать объяснения.

Председатель: Вы можете ответить на этот вопрос словами «да» или «нет».

Розенберг: На четыре вопроса я должен ответить — нет.

Руденко: Нет? В таком случае обратимся к некоторым документам. Я имею в виду документ ПС-2718. Это ваш меморандум от 2 мая 1941 г. Вы следите за текстом. В этом документе говорится следующее: «Война может продолжаться в случае, если все вооруженные силы на третьем году войны будут снабжаться продовольствием из России. Нет никакого сомнения в том, что в результате многомиллионное население погибнет голодной смертью, если мы возьмем в стране то, что нам необходимо». Я спрашиваю: вы это писали?

Розенберг: Я этого не писал и не участвовал в этом совещании. Я также не могу установить, знал ли вообще кто-либо из моих сотрудников об этом совещании. Здесь написано: «Секретный документ для начальников высших штабов. Два экземпляра: 1-й экземпляр — в делах отдела IА, 2-й экземпляр — генералу Лимберту». Таким образом, об этом знали только два человека в вооруженных силах.

Руденко: Не распространяйтесь, подсудимый. Вы не знаете об этом?

Розенберг: Здесь два раза зачитывали этот документ.

Руденко: Следующий документ, определяющий цели войны. В инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии вы указывали следующее. Я имею в виду документ ПС-1029, там отмечено место, которое я буду цитировать.

«Целью имперского уполномоченного для Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии должно являться создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Вы припоминаете эту инструкцию? Ответьте сначала.

Розенберг: Да, этот документ мне знаком. Я уже вчера говорил, что вначале в моем бюро разрабатывались разного рода проекты, которые я не одобрял.

Руденко: Я вас спросил совершенно ясно — вам знакома эта инструкция?

Розенберг: Я опять слышал неправильный перевод.

Руденко: Итак, вы вносите исправление в перевод. В остальном — германизация, колонизация. Это правильно по-немецки звучит?

(Пауза.)

Отвечайте: правильно или неправильно?

Розенберг: Это тоже не совсем правильно переведено. Здесь сказано: «колонизация германских народов», а вы пере-

водите «германизация и колонизация». Это — два существительных, которые придают соответственно другой смысл. Я должен сказать, что это проект, составленный одним из моих сотрудников; проект этот вообще не вышел в свет, и он ни в какой степени не является инструкцией.

Руденко: Я вас не спрашиваю, вышел ли он в свет. Я спрашиваю вас, был такой проект? Вы этого не отрицаете?

Розенберг: Я не отрицаю, что такой проект был составлен в моем ведомстве.

Руденко: Очень хорошо. Перейдем дальше. В инструкции (это все касается целей войны) для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных областей от 8 мая 1941 г. (это документ ПС-1030) говорится (*подсудимому передается документ*):

«Эта грядущая борьба явится борьбой за снабжение Германии и всей Европы сырьем и продовольствием».

Розенберг: Да. Этот документ был составлен в качестве проекта в моем ведомстве. Это верно, я этого не оспариваю.

Руденко: Не распространяйтесь. Я еще раз напоминаю вам: отвечайте коротко на мои вопросы.

Это ваши высказывания до нападения на Советский Союз. Теперь я напомню вам, не предъявляя документа, ибо этот документ уже неоднократно предъявлялся, запись совещания у Гитлера 16 июля 1941 г. Я имею в виду, господин председатель, документ Л-221 (*обращаясь к подсудимому*). На этом совещании вы присутствовали?

Розенберг: Да.

Руденко: Там Гитлер говорил тогда, что «вся Прибалтика должна стать областью империи точно так же, как должен стать областью империи Крым с прилегающими районами; Волжские районы должны стать областью империи точно так же, как Бакинская область». Вы припоминаете эти высказывания Гитлера?

Розенберг: Я впервые увидел этот документ здесь. Это запись Бормана. Фюрер говорил тогда очень долго и пылко. Я не делал себе точных заметок, но он действительно говорил о Крыме и о том, что ввиду необычайной силы Советского Союза там не должно быть потом ни одного вооруженного лица...

Руденко: Я вас спрашиваю, говорил он это?

(Пауза.)

Вы согласны были с установками Гитлера по вопросу захвата этих территорий?

Розенберг: Из документа, а также из моей речи видно, как я представлял себе право восточных народов на самоопределение в рамках новой государственной структуры, и, как это видно здесь, я полемизировал с фюрером.

Руденко: Я спрашиваю сейчас: вы были согласны с предложениями Гитлера или возражали против них?

Розенберг: Да, я возражал, и это указано даже в протоколе...

Председатель: Вопрос заключается в том, согласны ли вы с этим. Мне кажется, на это вы можете ответить. Скажите, были вы согласны с этим или нет?

Розенберг: Со многими пунктами я согласился, а с некоторыми — нет. Но всего там было, по меньшей мере от 10 до 15 пунктов.

Председатель: Это уже ответ.

Руденко: Хорошо, к этому вопросу мы еще вернемся через несколько минут. Я сейчас обращаюсь к вашим директивам, которые вы издавали в качестве министра оккупированных восточных областей. Прежде всего я имею один вопрос к вам: что это за «коричневая папка»?

Розенберг: «Коричневая папка» была составлена административным отделом министерства по делам Востока в соответствии с пожеланиями экономического отдела, политического отдела, отдела снабжения, технического отдела и других отделов; она была составлена для чиновников в Остланде и на Украине, то есть это была первая попытка сведения воедино всех вопросов.

Руденко: Это, своего рода, — «зеленая папка», такая же программа ограбления восточных территорий и их эксплуатации. Понятно.

Обратимся к вашим директивам (документ ЕС-347). Сейчас вам дадут этот документ. Обратите внимание, там подчеркнуто место на странице 39 документа. Я вам зачитываю этот абзац:

«Первой задачей гражданского управления в оккупированных восточных областях является проведение мероприятий в интересах империи». Далее там сказано:

«Положения Гагской Конвенции о правилах ведения сухопутной войны, которыми предусматривается управление страной, оккупированной иностранной державой, не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным».

И дальше: «Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными для проведения этой обширной задачи».

Вы согласны, что это выдает ваши тайные замыслы, хотя вы несколько и поторопились объявить Советский Союз уничтоженным?

Розенберг: Я в русском переводе слышал слово «разграбление». Слово «разграбление» в немецком тексте не встречалось.

Руденко: В русском тексте, который я огласил, нет слова «разграбление», вы здесь измышляете или до вас не то дошло.

Розенберг: Можно мне сказать несколько слов?

Руденко: Я вас спрашиваю, это вы писали?

Розенберг: Хотя я этого не писал, но это появилось в циркуляре министерства по делам Востока, и я несу служебную ответственность за «коричневую папку»...

Руденко: Я вас спрашивал в отношении Крыма. Вы сказали, что Гитлер предлагал присоединить Крым к Германии. Припоминаете ли, что вы не только разделяли эти планы, но и даже придумали новые названия городов: Симферополь вы решили переименовать в Оттенбург, а Севастополь — в Теодорихгафен. Припоминаете вы это?

Розенберг: Да, это правильно. Фюрер сказал, чтобы я переименовал эти города. Мы говорили о переименовании еще многих других городов.

Руденко: Итак, вы признаете, что занимались переименованием Симферополя и Севастополя. Вы также занимались преобразованием Кавказа и имели в своем ведении специальный штаб. Я прошу ответить так или нет?

Розенберг: Так.

Руденко: Вы даже подобрали в качестве грузинского престолонаследника проходимца из эмигрантов князя Багратиона Мухранского. Это правильно, ответьте кратко?

Розенберг: Да, это верно. Мы говорили о нем...

Руденко: О преобразовании Кавказа вы 27 июля 1942 г. составили специальный доклад. Это правда?

Розенберг: Возможно, что был такой доклад. Да, да, конечно, это довольно длинный доклад, вот он.

Руденко: Мы предъявим вам этот доклад, чтобы обратить ваше внимание на одну небольшую цитату. Я имею в виду, господин председатель, документ, представленный уже Суду под номером СССР-58. Подсудимый Розенберг, обратите внимание на страницу 7. Там говорится:

«Германская империя должна взять в свои руки всю нефть. Относительно нашего участия в использовании других богатств можно будет договориться впоследствии».

Вы нашли это место?

Розенберг: Я нашел это на странице 7 текста.

Руденко: Вы подтверждаете, что эти слова принадлежат вам?

Розенберг: Этот документ является меморандумом моего ведомства, и я подтверждаю, что он правилен.

Руденко: Теперь обратите внимание на страницу 14 этого же доклада. Это в конце. Вы так определяли задачи.

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные границы Германии. Задача Украины состоит в том,

чтобы обеспечивать продуктами питания Германию и Европу, а континент — сырьем. Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Вы прочли это место?

Розенберг: Да.

Руденко: Вы не отрицаете, что действительно был такой план?

Розенберг: Я подтверждаю, что это верно...

Руденко: После этого документа, достоверность которого вы не отрицаете, признаете ли вы агрессивный, грабительский характер войны Германии против Советского Союза и свою личную ответственность за подготовку и осуществление агрессии? Ответьте кратко: признаете или нет.

Розенберг: Нет.

Руденко: Я имею еще несколько вопросов относительно германской политики в восточных областях. Кто являлся ответственным лицом германской администрации в имперском комиссариате?

Розенберг: Административную и законодательную власть осуществлял министр по делам восточных областей, а функции местного правительства осуществлял рейхскомиссар.

Руденко: Мог ли имперский комиссар своей властью издавать распоряжения об аресте и расстреле заложников?

Розенберг: В данный момент я не помню, имел ли он по закону такое право или это относилось к компетенции полиции. Я не могу определенно ответить на этот вопрос, так как не помню, существовал ли такой декрет, но это возможно. Я не знаю.

Руденко: Возможно? Я должен вам напомнить, что в вашей директиве было предусмотрено право комиссара расстреливать своей властью заложников.

Здесь очень много говорилось по поводу германской политики в оккупированных областях. Я поставлю вам только несколько вопросов и прежде всего в отношении Украины. Вы здесь изображали положение так, что во всем был повинен Кох. Вы же якобы протестовали и были «благодетелем» украинского народа.

Розенберг: Нет, это неверно.

Я никогда не говорил, что я — благодетель.

Руденко: В вашем документе, который представлен вашим защитником под номером РО-19, Рике писал: «В письме к имперским руководителям прессы в ноябре 1942 года Кох заявил: «Украина является для нас лишь объектом эксплуатации, она должна оплатить войну, и население должно быть

в известной степени как второсортный народ использовано при решении военных задач, даже если его надо ловить с помощью лассо». Это — политика Коха на Украине. Это документ, представленный вашим защитником. Я сейчас вам поставлю вопрос: вы писали Коху 14 декабря?

Розенберг: Можно мне ответить на вопрос? У меня нет сейчас текста этого документа. Я знаю только, что это — письмо Рике ко мне с жалобой. Он просто несколько резко выразился, и мы вместе старались продолжать работу.

Руденко: Вы неоднократно заявляли вчера в своих объяснениях Трибуналу в отношении зверств и истребления советского населения, что вы об этом не были осведомлены, что это были полицейские меры. Так я вас понял?

Розенберг: Нет, это не совсем верно. Я, как уже было сказано, получал донесения о многочисленных столкновениях с партизанами и о расстрелах, а также о том, что партизаны нападали на немецких руководителей сельского хозяйства, полицейских и чиновников и тысячами их убивали.

Руденко: Нам известно о том, как вы расправлялись с партизанами, борющимися с врагами своей родины. Я вас спрашиваю об истреблении мирного населения — стариков, женщин и детей. Об этом вы знали?

Розенберг: Мы стремились к тому, чтобы в этой борьбе крестьяне и прочие мирные жители были безопасными. Когда мы узнавали о слишком строгих мерах полиции, мы решительно требовали, чтобы, несмотря на всю тяжесть борьбы, эти соображения учитывались. Полиция отвечала нам, что, сидя за письменным столом, очень легко это требовать, но когда в Белоруссии партизаны сожгли 500 бургомистров вместе с их семьями в их собственных домах и стреляли в спину полицейским, естественно, происходили ужасные расправы.

Руденко: Я напому вам вашу директиву по вопросу организации администрации и о первоочередных задачах этой администрации. Вы лично запланировали своей первой задачей полицейские меры. Я вас спрашиваю, вы этого не станете отрицать?

Розенберг: Если это документ ПС-1056, то я там поставил семь первоочередных задач. Я не помню, какая из них первая. Я прошу представить мне этот документ.

Руденко: Хорошо. Я прошу показать подсудимому только один пункт. На первом месте поставлена задача «Полицейские меры».

Розенберг: Совершенно очевидно, что в оккупированной области в ходе такой войны полиция должна проводить полицейские меры.

Руденко: У меня есть к вам еще несколько вопросов.

Прежде всего должен вас спросить об истории в районе Цуман. Документ здесь уже был предъявлен, в нем шла речь о массовом расстреле советских граждан только потому, что потребовалось место для охоты. Вы помните этот документ?

Розенберг: Да, я вчера уже дал исчерпывающие разъяснения по этому вопросу.

Руденко: Подсудимый Розенберг, вы 2 апреля 1943 г. адресовали письмо Гиммлеру об этом случае, о расстреле сотен советских граждан в районе Цуман, так как это место требовалось для охоты. Такое письмо вы адресовали Гиммлеру. Вы до июня 1943 года интересовались, какие же наступили последствия этого письма?

Розенберг: Я прежде всего сделал сообщение ответственному начальнику немецкой полиции и должен был подождать сначала, что предпримет он, как ответственный за проведение мероприятий по безопасности на Украине. Не получив более подробных разъяснений, я подал жалобу об этом случае лично фюреру.

Руденко: Когда вы доложили Гитлеру?

Розенберг: Эта жалоба фюреру рассматривалась в середине мая 1943 года. Она была довольно объемистой, так что, разумеется, до этого пролежала несколько недель у фюрера. С 2 апреля до середины или до конца мая прошло пять-шесть недель, так что дело шло очень быстро; сначала жалобу должны были довольно подробно разобрать Ламмерс и Борман. Затем фюрер должен был принять решение и дать указания, а тогда уже пригласили меня.

Руденко: Когда в последний раз решалась эта жалоба?

Розенберг: В мае, между серединой и концом мая 1943 года.

Руденко: В присутствии Коха решалась эта жалоба?

Розенберг: Да.

Руденко: Вы вчера сообщили Трибуналу, что якобы Кох представил Гитлеру справку управления лесничества, главного лесного управления?

Розенберг: Да.

Руденко: И якобы эта справка подтверждала, что это была борьба с партизанами?

Розенберг: Это не совсем так. Там было сказано, что этот лесной район должен быть обязательно использован для поставки леса военному ведомству или администрации и что в этом лесном районе очень много партизан и банд, представляющих большую опасность для рабочих в этих лесах; что дело доходило до перестрелок с партизанами и бандами, и, так как нельзя было за всеми следить, было произведено переселение некоторых групп населения в лесные области,

расположенные южнее. К этому Кох добавил, что переселенцы были даже благодарны, так как им была дана лучшая земля. Вот разъяснения, которые дал Кох по этому вопросу.

Руденко: Они были благодарны за то, что в одну декабрьскую ночь их выбросили из их жилищ за сотни километров, а сотни из них были расстреляны. Они были благодарны за это? Я хочу вас спросить, 29 апреля 1943 г. на имя Гитлера вы приложили также справку главного лесного управления, и в этой справке лесного управления указывалось... Я прочту этот пункт. Вы должны помнить этот случай, это страшный случай расстрела граждан из-за охоты. В справке лесного управления говорилось: «Несомненно, что прежде всего исходя из интересов охоты была произведена эвакуация многих деревень, расположенных в лесном массиве Цуман». Так написано в справке лесного управления?

Розенберг: Я хочу отметить, что здесь речь идет о сотруднике лесного управления в Берлине, который это написал на основе своих материалов, а то, что сказал Кох, было сказано начальником лесного управления на самой Украине.

Руденко: Последний вопрос по этому поводу. Вы верили Коху?

Розенберг: Это, если говорить по совести, трудно сказать, но в данном случае...

Руденко: Именно по совести, если вы хотите.

Розенберг: В данном случае это было сообщение лесного управления, и я не мог ничего возразить против этого сообщения, которое было обоснованно. Я должен был сказать себе, что ошибся, подавая эту жалобу.

Руденко: Не возражали, и это понятно. Вы вчера Трибуналу неоднократно заявляли, что хотели уйти в отставку. Вы даже сослались на свое письмо на имя Гитлера от 12 октября 1944 г., где вы просили указаний, как быть дальше. Мой коллега господин Додд напомнил вам, что уже к тому времени, к этой дате 12 октября 1944 г., имперский министр восточных областей оказался без областей. Но я вас о следующем спрошу: неужели вы могли просить об отставке, вы, мечтавший годами получить пост имперского министра и даже быть членом тайного совета? Даже больше того, вы просили у Гитлера, чтобы вам дали пост имперского министра. Вы это помните?

Розенберг: Во-первых, я никогда не был членом тайного совета. Это неверно.

Руденко: Вы добивались назначения членом тайного совета?

Розенберг: Да, это верно.

Руденко: И мечтали быть имперским министром? Это тоже верно?

Розенберг: Когда остро встал вопрос о моем назначении, много говорилось о его форме. Доктор Ламмерс как уполномоченный фюрера сказал мне, что он не намерен назначать имперского инспектора, так как оба рейхскомиссара...

Руденко: Чтобы нам не затягивать этот вопрос, я предъявлю сейчас Трибуналу документ. Это письмо Розенберга от 6 февраля 1938 г. на имя Гитлера, где он ходатайствует об этих должностях. Мы предъявляем этот документ под номером СССР-117. В этом письме вы высказали свою обиду в связи с назначением подсудимого Риббентропа министром иностранных дел. Правда это?

Розенберг: Да, да.

Руденко: Вы считали, что таким министром иностранных дел гитлеровского кабинета могли быть вы. Это правда?

Розенберг: Да. Я не считаю чем-либо порочащим меня то, что после стольких лет деятельности я выразил желание быть использованным на государственной службе в Германской империи.

Руденко: Вы в этом письме указываете на существование тайного совета. Правильно это?

Розенберг: Да, позвольте мне прочесть это письмо. Я не могу отвечать на такие отрывочные вопросы.

Руденко: Пожалуйста.

Розенберг: Да, я прочел письмо.

Руденко: Все то, что в нем изложено, — правильно?

Розенберг: Да.

Руденко: Это ваше письмо?

Розенберг: Да.

Руденко: Вы просили назначить вас в тайный совет?

Розенберг: Да.

Руденко: Просили пост имперского министра?

Розенберг: Я сообщил, что я говорил с товарищем по партии Герингом об этом назначении, так как фюрер поручил мне идеологическое воспитание партии. Существовал еще внешне-политический отдел партии; при тогдашних условиях создалось бы впечатление, что фюрер отклоняет мою кандидатуру. Поэтому я попросил фюрера дать мне этот пост. Я считаю вполне понятным свое желание побеседовать о важном для меня деле.

Руденко: Последний вопрос. Вы были ближайшим сподвижником Гитлера в выполнении всех его планов и замыслов?

Розенберг: Нет, это не так. Это совершенно неверно.

Руденко: Хорошо, будем считать это ответом на мой вопрос. Я закончил, господин председатель.

ДОПРОС ФРАНКА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 18 апреля 1946 г.]

Смирнов: Подсудимый Франк, мне хотелось бы несколько уточнить ваше правовое положение, место, которое вы занимали в системе фашистского государства. Ответьте мне, пожалуйста, когда вы были назначены на должность генерал-губернатора оккупированной Польши?

Франк: Это было 26 октября 1939 г. По крайней мере в этот день было издано распоряжение относительно учреждения должности генерал-губернатора.

Смирнов: Помните ли вы указ Гитлера о назначении вас на должность генерал-губернатора Польши? Этот указ датирован 12 октября 1939 г.

Франк: Это не имело никакого значения, поскольку распоряжение вступило в силу 26 октября 1939 г., так это указано в «Имперском сборнике законов». До этого я был начальником администрации при командующем генерале фон Рундштедте.

Смирнов: Этим указом Гитлера вы были подчинены непосредственно Гитлеру?

Франк: Что это за указ, я прошу показать его мне. Начальники администрации в оккупированных восточных областях подчинялись непосредственно фюреру.

Смирнов: Да, но что вы скажете по этому вопросу?

Франк: Для того чтобы пояснить это, я могу сказать, что в параграфе 3 говорится следующее: «Генерал-губернатор подчиняется непосредственно мне», но в параграфе 9 этого же указа написано: «Этот указ вступает в силу тогда и в том случае, если я отменю данный главнокомандующему сухопутных сил приказ об учреждении военной администрации». И эта отмена одного указа и, таким образом, вступление в силу данного указа имели место 26 октября.

Смирнов: По этому поводу имеется указание в книге, которое вы, очевидно, помните, это книга «В». Помните вы эту книгу генерал-губернаторства?

Франк: Это, очевидно, имеется и в распоряжении.

Смирнов: Так вот, тогда, когда этот указ вступил в действие, кому подчинялись непосредственно вы?

Франк: Имеется только одно принципиальное распоряжение относительно генерал-губернатора.

Смирнов: После 26 октября вы подчинялись как генерал-губернатор Гитлеру?

Франк: Да, так точно.

Смирнов: Так вот, может быть, вы припомните, кем и когда вы были назначены доверенным по проведению в оккупированной Польше четырехлетнего плана?

Франк: Герингом.

Смирнов: Следовательно, вы были доверенным Геринга по проведению четырехлетнего плана в Польше?

Франк: История этого назначения очень коротка: действия некоторых уполномоченных по четырехлетнему плану в генерал-губернаторстве заставляли меня беспокоиться... И поэтому я обратился к рейхсмаршалу и попросил его, чтобы он назначил меня уполномоченным по четырехлетнему плану в Польше.

Смирнов: И он назначил вас?

Франк: Да. Но это было позже, в январе, кажется.

Смирнов: Нет. Это было в декабре.

Франк: Да...

Смирнов: Значит, с декабря 1939 года вы были уполномоченным Геринга по четырехлетнему плану?

Франк: Геринга? Я был уполномоченным по четырехлетнему плану в Польше.

Смирнов: Может быть, вы припомните, что в октябре 1939 года было издано постановление об организации управления в генерал-губернаторстве?

Франк: Да. Это здесь имеется.

Смирнов: Может быть, вы припомните параграф 3 этого постановления?

Франк: Да.

Смирнов: Там было сказано: «Генерал-губернатору и его заместителю непосредственно подчинены начальник управления генерал-губернаторства». И та часть, которая меня интересует, идет дальше, а именно: «начальник полиции и СС».

Не следует ли из параграфа 3, что с первых дней пребывания в качестве генерал-губернатора вы приняли на себя руководство полицией и СС, а значит, и ответственность за их действия?

Франк: Нет. Я отвечаю на этот вопрос категорически «нет», и я хотел бы объяснить это... То, что я изложил здесь, было идеалом, к которому я стремился. Фюрер, который один мог принять решение по этому вопросу, не издавал такого распоряжения. А я не имел силы и власти для того, чтобы это распо-

ражение, которое я составил на словах, было проведено в жизнь.

Смирнов: Значит, это заявление можно понять следующим образом: параграф 3 этого постановления был идеалом, к которому вы стремились и который вы декларировали, но достичь которого вы не могли?

Франк: Да. Это идеал, которого я не мог достигнуть. Это подтверждается тем, что позже был учрежден специальный государственный секретариат безопасности.

Смирнов: Может быть, вы припомните, что между вами и Гиммлером в апреле 1942 года происходили специальные переговоры?

Франк: Да, очевидно. Я не знаю, откуда вы берете эту дату. Я не могу по памяти установить дату.

Смирнов: Может быть, вы припомните, что в результате переговоров было достигнуто соглашение между вами и Гиммлером?

Франк: Да, соглашение было достигнуто.

Смирнов: Для того чтобы восстановить в памяти эти обстоятельства, я попрошу передать вам соответственный том дневника, чтобы вы имели перед глазами этот текст.

(Франку предъявляется документ.)

Франк: Да, пожалуйста.

Смирнов: Я прошу вас обратиться к одному параграфу этого соглашения, а именно к параграфу 2. Он очень короткий, я напому вам. Здесь сказано: «Высший фюрер СС и начальник полиции, статс-секретарь по делам безопасности подчиняются прямо и непосредственно генерал-губернатору, если же он отсутствует, то его заместителю». Не соответствует ли это тому, что Гиммлер согласился с вашим, так сказать, идеалом о подчинении вам полиции?

Франк: Да, очевидно. В этот день я был в некоторой степени удовлетворен. Но уже через несколько дней все это опять взлетело на воздух. Я по этому поводу могу лишь сказать, что эти мои попытки не прекращались, однако никогда, к сожалению, не удалось осуществить мои планы. Уже здесь, в параграфе 3, если вы прочтете дальше, указано, что рейхсфюрер СС в соответствии с предстоящим указом фюрера может непосредственно давать указания статс-секретарю. Таким образом, здесь опять Гиммлер оставил за собой право давать непосредственные указания Крюгеру.

Смирнов: Я просил бы вас обратиться к параграфу 3 указа Гитлера от 7 мая 1942 г. Там сказано: «Статс-секретарь безопасности находится в прямом подчинении генерал-губернатора». Является ли это подтверждением того, что полиция ге-

нерал-губернаторства все-таки подчинялась непосредственно вам?

Франк: Я хотел бы сказать, что дело обстояло не так. Полиция на основе этого указа не подчинялась мне. Мне подчинялся только статс-секретарь по вопросам безопасности. Здесь не сказано, что полиция подчиняется генерал-губернатору, только статс-секретарь по безопасности подчиняется ему.

Смирнов: Подсудимый, я напому вам параграф 4. В пункте 2 сказано: «Статс-секретарь — речь идет о Крюгере — получает согласие генерал-губернатора на исполнение указаний рейхсфюрера СС и германской полиции», а в параграфе 5 этого же указа Гитлера сказано: «В случае разногласия между генерал-губернатором и рейхсфюрером СС и германской полицией запрашивать мое решение через рейхсминистра и начальника имперской канцелярии». Не свидетельствует ли это о значительных правах, предоставленных вам в области руководства полицией и СС в генерал-губернаторстве, а значит, и о вашей ответственности за действия этих органов?

Франк: Текст указа подтверждает это. Однако действительный ход событий явно противоречит этому. Я утверждаю, что эта попытка получить возможность оказывать какое-либо влияние по крайней мере на полицию и на СС также не удалась.

Смирнов: Чья это была попытка? В данном случае это, очевидно, попытка Гитлера, потому что он подписал этот указ. Видимо, Крюгер, был сильнее Гитлера?

Франк: Мне не совсем понятен сам по себе вопрос. Вы считаете, что Крюгер нарушил приказ фюрера? Безусловно, он это сделал. Но это не имеет ничего общего с силой. Это рассматривалось как большая уступка мне со стороны Гиммлера.

Смирнов: Таким образом, в ваших руках концентрировалось руководство администрацией, национал-социалистской политической жизнью и полицией? Следовательно, вы несете ответственность за административную, полицейскую и политическую жизнь в генерал-губернаторстве?

Франк: Если вы хотите слышать от меня ответ, то я должен заявить, что протестую против ваших утверждений о том, что я руководил полицией.

Смирнов: Мне кажется, что только так можно понять указ Гитлера и другие документы, которые я вам уже огласил.

Франк: Да, конечно, если оставить без внимания то, что было в действительности.

Смирнов: Перейдем к другой группе вопросов. Скажите, вы узнали о существовании Майданека только в 1944 году?

Франк: Я услышал официально о Майданеке в 1944 году от руководителя прессы Машнера.

Смирнов: Я попрошу показать вам составленный вами и представленный вашей защитой документ. Это ваш рапорт на имя Гитлера. Я оглашу вам одно место из этого рапорта и напомним вам, что рапорт датирован 7 июня 1943 г. Начинаю цитату: «В качестве доказательства степени недоверия к германскому руководству я прилагаю характерную выдержку из донесения главного начальника полиции безопасности и СД в генерал-губернаторстве». Вы нашли это место?

Франк: Да, я нашел.

Смирнов: Я продолжаю цитату: «В качестве доказательства степени недоверия к германскому руководству я прилагаю характерную выдержку из донесения главного начальника полиции безопасности и СД в генерал-губернаторстве за период с 1 по 31 мая 1943 г., в котором освещаются вопросы...»

Франк: У меня этого нет. Я прошу вас показать, где это место. Того, что вы сейчас оглашаете, у меня в тексте нет.

Смирнов: Нет, это есть в вашем тексте, но несколько выше того места, на которое вы смотрите. Следите за текстом.

«Большая часть польской интеллигенции не поддается, однако, влиянию известий из Катыни и противопоставляет немцам подобные же злодеяния в Освенциме». Я опускаю следующую фразу и продолжаю цитирование вашего рапорта:

«В рабочих кругах, если они даже не настроены коммунистически, эти сообщения не оспариваются, но одновременно указывается на то, что отношение к полякам ничуть не лучше». Обратите внимание на следующую фразу: «Ведь имеются же концентрационные лагеря в Освенциме и Майданеке, где массовое убийство поляков производилось по конвейеру».

Как примирить с этой выдержкой из вашего же рапорта, где вы говорите об Освенциме и о Майданеке и об убийствах, совершающихся там по конвейеру, ваше заявление о том, что вы узнали о Майданеке только в конце 1944 года? Ведь ваш рапорт датирован июнем 1943 года, вы говорите там и об Освенциме, и о Майданеке?

Франк: В связи с Майданеком мы говорили об уничтожении поляков. Об уничтожении евреев в Майданеке я узнал только летом 1944 года. Насколько я помню, до этого времени вопрос о Майданеке поднимался только в связи с вопросом об уничтожении евреев.

Смирнов: Следовательно, вас можно понять следующим образом: в мае 1943 года вы знали о массовом убийстве поляков, а в 1944 году узнали о массовом убийстве евреев?

Франк: Да, ко мне поступили официальные сведения относительно уничтожения евреев в 1944 году, сведения поступали к нам из заграничной прессы.

Смирнов: А о массовых убийствах поляков вы знали в 1943 году?

Франк: Об этом как раз говорится в моем меморандуме. Против этого я как раз протестовал и обращался по этому вопросу к фюреру.

Смирнов: Я прошу сейчас передать вам еще один документ.

(Подсудимому передают документ, с которым он знакомится.)

Вы знаете этот документ, вам он знаком?

Франк: Это распоряжение от 2 октября 1943 г.

Смирнов: Вы были президентом имперской академии права. Как с точки зрения элементарных норм права вы можете расценить этот закон, подписанный вами?

Франк: Это общий статут «штандгерихте» (полевых судов). В нем предусматривается, что каждый процесс должен проводиться одним судьей, что о ходе судебного разбирательства составляется протокол и затем ведется стенограмма заседаний. Кроме того, я имел право на помилование. И поэтому каждый вынесенный приговор представлялся мне.

Смирнов: Кто входил в состав этого суда? Обратите внимание на параграф 3, пункт 1.

Франк: Полиция безопасности.

Смирнов: Вы говорите о ваших плохих взаимоотношениях с полицией, почему же именно полиции безопасности вы предоставили право расправы с населением Польши?

Франк: Потому, что это был единственно возможный путь для оказания влияния на вынесение приговоров. Если бы я не издал этого распоряжения, то полиция действовала бы просто сама, по собственной инициативе, а у нас не было бы никаких возможностей для контроля.

Смирнов: Вы говорили о праве помилования, предоставленном вам. Обратите внимание на параграф 6 этого закона.

Я напомним вам его: «Приговоры военно-полевых судов полиции безопасности подлежат немедленному исполнению».

Я напоминаю вам, что был только один вариант приговора — смерть. Что вы могли изменить, если сразу после приговора осужденный был расстрелян или повешен?

Франк: Несмотря на это, приговор все же должен был представляться мне на утверждение.

Смирнов: Да, но приговоры подлежали немедленному исполнению?

Франк: Это распоряжение общего порядка, которое я издал в связи с тем, что мне было предоставлено право помилования. Комитет по вопросам помилования работал непрерывно. Мы получали дела...

Смирнов: Если вы заговорили о праве помилования, я дам вам еще один вопрос. Вы помните, что представляла собой акция «АБ»?

Франк: Да.

Смирнов: Вы помните, что эта акция обозначала казнь многих тысяч польских интеллигентов?

Франк: Нет.

Смирнов: А что же она представляла в таком случае?

Франк: Она была задумана в рамках общих мероприятий по умиротворению. Моей целью было восстановить порядок, чтобы исключить всякую возможность произвольных действий полиции. В этом и заключался смысл этой акции.

Смирнов: Мне мало понятна ваша формулировка. Как поступали с лицами, которые были подвергнуты акции «АБ», что с ними делали?

Франк: Вначале на этом заседании речь шла только об аресте.

Смирнов: Я спрашиваю вас, что с ними делали?

Франк: Их арестовывали и помещали в места заключения.

Смирнов: А потом?

Франк: Затем, в соответствии с установленным порядком, производилось разбирательство их дела. Во всяком случае, так-то были мои намерения.

Смирнов: Или дело передавалось исключительно полиции?

Франк: Всем этим руководила полиция.

Смирнов: Иначе говоря, полиция руководила уничтожением этих людей после того, как они арестовывались?

Франк: Да.

Смирнов: Так. Скажите, пожалуйста, почему при применении этой бесчеловечной акции вы отказались от применения права помилования, предоставленного вам?

Франк: Я применял это право.

Смирнов: Я попрошу предъявить вам ваши же высказывания от 30 мая 1940 г. Вы, очевидно, вспомните это заседание с полицией 30 мая 1940 г. Вы инструктировали полицию?

Франк: Нет.

Смирнов: Там вы заявили, что «всякую попытку вмешательства судебных учреждений в предпринятую с помощью полиции операцию «АБ» надо было бы считать изменой государству, немецким интересам». Вы помните эти слова?

Франк: Я не помню, но вы должны еще раз рассмотреть всю обстановку в течение нескольких недель и обратить внимание на все, что было связано с этим вопросом. Кроме того, вы не должны выхватывать отдельные предложения из текста, а исходить из общего контекста. Общий контекст излагает развитие событий в течение недель, месяцев, так как между этими

отрезками времени произошло основание комитета помилования, в то же время я выступил со своим протестом против произвольных мер. В то же время для проведения всех процессов были привлечены судебные органы. По моему мнению, эти события длились много недель, и их нельзя полностью охватить и выразить в одном предложении.

Смирнов: Я говорю о словах, которые, как мне кажется, для юристов не допускают двойного толкования. Вы пишете: «Состоящей при мне комиссии по помилованию эти дела не касаются. Операции «АБ» проводятся исключительно начальником СС и полиции Крюгером и его органами. Это чисто внутренняя необходимая карательная операция, выходящая за рамки нормального процесса». Значит, вы отказались от права помилования?

Франк: В этом особом случае. Если вы проследите дальнейшее развитие этой акции «АБ» в последующие недели, то увидите, что она не проводилась в жизнь. Существовало однажды такое намерение, дурное намерение, от которого, я, слава богу, вовремя отказался. Может быть, мой защитник скажет еще кое-что об этом.

Смирнов: Меня интересует единственный вопрос — отказались вы от права помилования или нет?

Франк: Нет.

Смирнов: Как тогда иначе понять ваши слова. Вот одна фраза: «Состоящей при мне комиссии по помилованию эти дела не касаются». Как иначе толковать эту фразу?

Франк: Это не указ, это не распоряжение, это также не окончательное урегулирование всего вопроса. Это было просто брошенное в тот момент замечание, которое и обсуждалось затем в последующие дни. Нужно рассматривать окончательную картину того или иного развития событий, а не различные моменты самого процесса развития.

Смирнов: Я понимаю вас, подсудимый. И я спрашиваю вас о том, было ли это произнесено на заседании с полицией и инструктировали ли вы полицию?

Франк: Нет, на этом заседании нет. Я предполагаю, что это имело место в другой связи. Здесь мы обсуждали только эти мероприятия. Я должен был говорить также еще и со статс-секретарем Бюлером.

Смирнов: Обсуждая с полицией акцию «АБ», вы заявили полиции, что результаты этой акции не будут касаться комиссии по помилованию, состоящей при вас. Это правильно?

Франк: Это предложение имеется в дневнике. Но оно не является результатом, а только лишь промежуточной стадией.

Смирнов: Может быть, мне стоит напомнить вам еще одну фразу, чтобы судить о результатах этой акции. Я прошу пока-

зять вам это место, чтобы вы его вспомнили. Вы говорили следующее: «Нам не нужно сажать эти элементы в германские концентрационные лагеря, потому что тогда у нас начались бы хлопоты и ненужная переписка с их семьями. Мы ликвидируем их в самой стране, сделаем мы это в самой простой форме».

О чем шла речь? О «ликвидации в самой простой форме», не так ли?

Франк: Это ужасное слово. Но, слава богу, это в данной форме не было претворено в действительность.

Смирнов: Да, но эти люди были казнены. Как же это не было претворено в действительность? Значит, очевидно, это было претворено в действительность, так как эти люди были уничтожены?

Франк: Да, если они были осуждены, их казнили, если не было применено право помилования.

Смирнов: Причем осуждены без всякого применения права помилования?

Франк: Я не думаю, чтобы это было действительно так.

Смирнов: Я напому вам еще одно место, связанное с акцией «АВ». Если вы не были согласны с полицией по поводу различных полицейских акций, то как объяснять устроенное вами торжественное чествование бригаденфюрера СС Штрекенбахера, когда он уезжал в Берлин? Не служит ли это, по меньшей мере, выражением приятельских отношений с полицией?

Франк: Видите ли, очень часто в политике говорятся многие вещи, которые не соответствуют действительности.

Смирнов: Подсудимый, я напому вам лишь одно место из вашей речи в связи с отъездом бригаденфюрера Штрекенбахера. Вы говорили тогда:

«То, что вы, бригаденфюрер Штрекенбахер, и вы (полиция) сделали в генерал-губернаторстве, — не должно быть забыто, и вам совершенно нечего стыдиться».

Не свидетельствовали ли эти ваши слова, по меньшей мере, о положительном отношении к Штрекенбахеру и к его подчиненным. Ведь вы говорили о том, что то, что сделали Штрекенбахер и полиция в генерал-губернаторстве, не должно быть забыто.

Франк: Это и не было забыто.

Смирнов: Я не имею больше вопросов.

ЗАЯВЛЕНИЕ АДВОКАТА ОТТО ПАННЕНБЕКЕРА ОБ ОТКАЗЕ ОТ ДОПРОСА ЕГО ПОДЗАЩИТНОГО ПОДСУДИМОГО ФРИКА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 24 апреля 1946 г.]

Панненбекер: Приводя доказательства по делу подсудимого Фрика, я отказываюсь от допроса самого подсудимого. В тех вопросах, которые нуждаются в разъяснениях, речь идет о проблемах формальных полномочий и действительной ответственности. Частично это было уже выяснено в процессе допроса доктора Ламмерса, а другая часть неразрешенных вопросов выяснится путем представления документов. Особую часть вопросов нельзя в достаточной степени разрешить представлением документов, это вопросы о действительных полномочиях полиции. Но по этому специальному вопросу должен дать показания свидетель доктор Гизевиус, он является единственным свидетелем, которого защита считает необходимым заслушать по делу подсудимого Фрика, то есть, другими словами, я отказываюсь от других свидетелей.

ДОПРОС ШТРЕЙХЕРА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 29 апреля 1946 г.]

*Гриффит-Джонс:*¹ Господа судьи, разрешите приступить к допросу. Подсудимый Штрейхер, когда вы в 1932 году передали свою партию Гитлеру, знали ли вы о его политике и о том, какая политика должна была стать политикой нацистской партии?

Штрейхер: Я хотел бы вначале сказать «нет». Тогда нельзя было говорить о вещах, которые, собственно, даже не были возможны в мыслях. Политика тогда состояла в том, чтобы создать в немецком народе новую веру, в частности, такую веру, которая отрицает беспорядок, хаос и возвращает нас к порядку.

Гриффит-Джонс: Могу ли я считать, что через очень короткое время вы узнали об этой политике из партийной программы нацистской партии и из книги «Майн кампф»?

Штрейхер: Мне не нужно было никакой партийной программы. Я открыто сознаюсь, что я даже ее никогда не читал целиком. Тогда речь шла не о программе, а о массовых собраниях...

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вас спросили, получили ли вы вскоре после 1932 года представление о той политике, которая была провозглашена в программе нацистской партии и в книге «Майн кампф»?

Гриффит-Джонс: Вы, очевидно, знали, что эта политика включала аншлюсс Австрии? Можете ли вы ответить на этот вопрос словами «да» или «нет»?

Штрейхер: Нет. Об Австрии никогда ничего не говорилось. Я не помню, чтобы фюрер говорил о том, что нужно присоединить Австрию.

Гриффит-Джонс: Я только хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Я вас спрашиваю: знали ли вы о том, что политика

¹ Дж. Гриффит-Джонс — представитель обвинения от Великобритании. — Составители.

фюрера включала в себя присоединение Австрии к Германии? Насколько я понял, вы ответили «нет». Это правильно?

Штрейхер: Что он намеревался сделать? Нет, я этого не знал.

Гриффит-Джонс: Знали ли вы о том, что он намеревался присоединить Чехословакию или, по крайней мере, Судетскую область?

Штрейхер: Нет, не знал.

Гриффит-Джонс: Знали ли вы о том, что в книге «Майн кампф» проповедовался захват жизненного пространства?

Штрейхер: Что я читал в книге «Майн кампф», отмечнуто красным карандашом. Книга конфискована. Я читал только это. Я читал только то, что касается еврейского вопроса. О других вещах я не читал. Но что у нас была цель получить жизненное пространство для нашего народа, — это само собой разумеется. Я лично поставил себе целью помогать тому, чтобы каким-либо путем дать будущее лишним детям в Германии.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Могу ли я считать, что в течение 1932 и 1933 гг. как редактор газеты «Дер Штюрмер» вы делали все возможное для того, чтобы привести нацистскую партию к власти?

Штрейхер: Да, это само собой разумеется.

Гриффит-Джонс: А после 1933 года продолжали вы поддерживать пропаганду, проводившуюся нацистской партией?

Штрейхер: Да.

Гриффит-Джонс: И не только в отношении еврейского вопроса, но и в отношении внешней политики?

Штрейхер: Нет, это не верно. В газете «Дер Штюрмер» нет ни одной статьи, которая занималась бы внешней политикой. Я занимался исключительно...

Гриффит-Джонс: Этого совершенно достаточно. Я не намерен занимать много времени этим вопросом. Однако я прошу вас взглянуть на документ Д-802.

Милорд, это новое документальное доказательство.

Председатель: Это будет какой номер?

Гриффит-Джонс: Это ВБ-327. Милорд, я очень сожалею, но документа, очевидно, сейчас нет. Может быть, я могу огласить отрывок. Я хочу зачитать отрывок из статьи, которую вы написали в газете «Дер Штюрмер» в марте 1938 года, немедленно после аншлюсса Австрии. Я хочу, чтобы вы сказали мне, поддерживали ли вы политику нацистской партии в отношении Австрии. «Наш господь принимает меры для того, чтобы власть евреев не распространилась и на самое небо. То, что еще несколько дней тому назад было сном, сейчас стало действительностью. Братский австрийский народ возвращен своей родной Германиею».

Затем, через несколько строчек: «Мы приближаемся к замечательным временам, к великой Германии, в которой не будет евреев». И вы утверждаете, что вы в этой статье не проводили нацистскую пропаганду по вопросам внешней политики?

Штрейхер: Я не занимался пропагандой. Австрия была уже присоединена. Я приветствовал это и мне не нужно было проводить никакой пропаганды.

Гриффит-Джонс: Очень хорошо. Может быть, вы мне скажете, что вы хотели сказать словами «великая Германия», времена которой приближаются? Ко временам какой «великой Германии» вы приближались в марте 1938 года, «великой Германии», которая стала больше после аншлюсса Австрии?

Штрейхер: О великой Германии, о жизненном пространстве, где все могут жить вместе, все, говорящие на немецком языке и имеющие немецкую кровь.

Гриффит-Джонс: Правильно ли я понимаю, что вы поддерживали программу «жизненного пространства», которое еще не принадлежало Германии?

Штрейхер: Нет. Сперва речь шла об Австрии и Германии. Австрийцы — это немцы, и тем самым они причисляются к великой Германии.

Гриффит-Джонс: Я не буду с вами спорить. Я хочу только спросить вас еще раз: что вы хотели сказать, когда в марте 1938 года писали, что приближаетесь ко временам великой Германии.

Штрейхер: Я уже сказал: Германия, в которой могут жить и работать все, кто говорит по-немецки и имеет немецкую кровь.

Гриффит-Джонс: Может быть, вы посмотрите на документ Д-118, который становится документом ВВ-328. В ноябре 1938 года после Мюнхенского соглашения посылали вы лично телеграмму Генлейну, руководителю партии судетских немцев?

Штрейхер: Если это здесь написано, то это так. Я уже не помню.

Гриффит-Джонс: Разрешите мне напомнить вам то, что вы сказали: «Без вашей мужественной подготовительной работы великое дело не удалось бы совершить».

Не является ли это поддержкой нацистской внешней политики?

Штрейхер: Я прошу повторить вопрос.

Гриффит-Джонс: Я спрашиваю вас: не была ли эта телеграмма, которую вы послали Конраду Генлейну и которая была напечатана в вашей газете под фотографией этого человека, пропагандой, поддерживающей нацистскую внешнюю политику?

Штрейхер: Я должен повторить то, что я уже сказал: это поздравительная и благодарственная телеграмма. Мне не было

надобности вести пропаганду, так как Мюнхенское соглашение было уже заключено.

Гриффит-Джонс: Я оставлю этот вопрос — чтобы установить, что с 1933 года до 1944 или 1945 года вы фактически делали все, что могли, чтобы поддерживать политику нацистского правительства империи как по внутренним, так и внешним вопросам. Это верно?

Штрейхер: Насколько это позволял круг моей деятельности, да.

Гриффит-Джонс: Теперь я перейду к вопросу о евреях. Я хотел бы напомнить вам речь, которую вы произнесли 1 апреля 1933 г., то есть в день бойкота.

Милорд, эту речь можно найти в оригинале книги документов М-33. Этот документ еще не был представлен. Сейчас он представляется за номером ВВ-329.

Я передаю вам эту книгу документов, и, если вы захотите ознакомиться с оригиналом, то можете это всегда сделать. «В течение 14 лет мы повторяли немецкому народу: «Немецкий народ, научись узнавать своего настоящего врага», и 14 лет тому назад немецкие обыватели слушали и затем заявляли, что мы проповедуем ненависть между представителями различных вероисповеданий. Сегодня немецкий народ пробудился от сна; во всем мире сейчас говорят о «вечном жиде». С самого начала существования мира и с самого создания человека не было такого народа, который бы осмелился бороться против нации кровопийц и вымогателей, которая в течение тысячи лет распропагандалась по всему миру».

Теперь я перехожу к последней строчке следующего абзаца: «...Нашему движению выпало на долю разоблачить «вечного жид»».

Правильно ли, что в течение четырнадцати лет вы повторяли в Германии: «Немецкий народ, научись узнавать своих настоящих врагов»?

Штрейхер: Сперва я хочу констатировать, что зачитанное вами не имеет к этому никакого отношения. Вы изложили статью...

Председатель: Вам задали вопрос. Вас спросили, верно ли, что в течение 14 лет вы повторяли немецкому народу: «Научитесь узнавать своего действительного врага».

Штрейхер: Да.

Гриффит-Джонс: И верно ли, что, делая это, вы тем самым проповедовали вражду на религиозной почве?

Штрейхер: Нет.

Гриффит-Джонс: Взгляните на...

Штрейхер: Разрешите сделать мне замечание относительно этого ответа. В своем еженедельнике «Дер Штюмер»

я неоднократно заявлял о том, что для меня евреи не являются религиозной общиной, а расой, народом...

Гриффит-Джонс: Теперь вы можете называть их расой или нацией, как хотите, однако 1 апреля 1933 г. вы говорили, что евреи — это нация «кровопийц и вымогателей». Не считали ли вы, что это и есть проповедь вражды на национальной и религиозной почве?

Штрейхер: Нет, это не проповедь ненависти. Это констатация, выражение уверенности, которая может быть доказана на основании исторических фактов...

Гриффит-Джонс: Посмотрите дальше, через две страницы на тот же документ М-33, четвертый абзац от конца выдержки.

«Пока я стою во главе этой борьбы, она будет проводиться так добросовестно, что никто из евреев не обрадуется». Это вы писали?

Штрейхер: Да, это я писал, это верно.

Гриффит-Джонс: Вы были одним из тех людей, которые стояли и продолжали стоять во главе этой борьбы, не так ли?

Штрейхер: Стоял ли я во главе? Нет, я был слишком скромным тогда, но я действительно говорил ясно о своих убеждениях... просвещал людей по еврейскому вопросу...

Гриффит-Джонс: Под словом «просвещение» вы подразумеваете «преследование». Поэтому-то евреи и не должны были обрадоваться вашему «просвещению»?

Штрейхер: Под просвещением я понимаю передачу другому человеку того, чего он еще не знает.

Гриффит-Джонс: Вы знаете, что после бойкота, который вы объявили в 1933 году, евреи потеряли на целый ряд лет право голосовать. Они потеряли права занимать какие-либо общественные должности, заниматься какими-либо профессиями. В 1938 году против них проводились демонстрации. После этого их оштрафовали на миллиард марок. Их заставляли носить желтые звезды, им были отведены специальные места; дома и предприятия были у евреев отобраны, и вы это называете «просвещением».

Штрейхер: Это не имеет никакого отношения к тому, что я писал. Я ведь не отдавал этих приказов, я не составлял законов, и меня никогда никто не спрашивал, когда разрабатывались законы. К этим законам и приказам я не имею никакого отношения.

Гриффит-Джонс: Я сейчас хочу задать вам несколько вопросов относительно того участия, которое вы принимали в различных действиях, предпринятых против евреев между

1933 и 1939 годами. Обратитесь к документу М-6, который уже представлен под номером ВБ-170.

Я хотел бы сейчас сослаться на то, что вы говорили относительно Нюрнбергских декретов. Вы сказали нам сегодня утром, что, по вашему мнению, когда эти декреты были изданы, они явились окончательным разрешением еврейской проблемы. Не посмотрите ли вы на абзац, начинающийся в середине страницы словами: «Однако тем, которые считают».

«Однако тем, которые считают, что еврейская проблема окончательно разрешена, и, таким образом, для Германии вопрос этот решен путем Нюрнбергских декретов, мы должны сказать, что борьба еще продолжается. Евреи мира сами стремятся к этому, и мы только в том случае победоносно закончим эту борьбу, если каждый член германского народа будет понимать, что на карту поставлен вопрос о его существовании. Просветительная работа по этим вопросам сейчас необходима более, чем когда бы то ни было, хотя многие члены партии считают, что эти вопросы потеряли свое значение и актуальность».

Штрейхер: Да, я писал это...

Гриффит-Джонс: Теперь обратимся на некоторое время к разрушению синагоги в Нюрнберге, которое, как вы нам сообщили, имело место 10 августа 1938 г.

Мы слышали ваши объяснения о разрушении синагог. Газета «Фрэнкише тагесцейтунг» за 11 августа сообщала следующее:

«Синагога в Нюрнберге сносится.

Юлиус Штрейхер сам положил начало этой работы речью, которая длилась больше полутора часов...»

10 августа 1938 г. в течение полутора часов вы говорили жителям Нюрнберга относительно архитектурной ценности их города?

Штрейхер: Я не помню сейчас подробно того, о чем я говорил, но я ссылаюсь на то, что вы здесь упоминали и считаете важным. В Нюрнберге существовал филиал министерства пропаганды, и молодой правительственный советник каждый день устраивал пресс-конференции с редакторами. На одной из пресс-конференций он сказал редакторам, что поговорит со Штрейхером, что синагога будет снесена и что это дело надо дергать в секрете...

Гриффит-Джонс: На пресс-конференции, на которую вы ссылались, говорилось, что следует организовать показ этого события в большом масштабе, показ разрушения синагоги. Какова была цель снесения синагоги таким шумным демонстративным путем?

Штрейхер: Я был только оратором. То, о чем Вы здесь упомянули, было сделано представителями министерства про-

паганды, но я не имел бы ничего против, или, вернее говоря, я, конечно, был бы за большее торжество в связи с разрушением синагоги, если бы меня спросили об этом.

Гриффит-Джонс: Я хочу сейчас спросить вас о демонстрациях, которые последовали за этим в ноябре того же года. Насколько я понял, вы говорите, что вы были против демонстраций, которые имели место, и что они имели место без вашего ведома. Вы предварительно ничего не знали об этом. Это правильно? Отвечайте «да» или «нет».

Штрейхер: Да, это правильно.

Гриффит-Джонс: Я хочу напомнить вам, что вы сказали 10 ноября. Это отчет о том, что случилось. «В Нюрнберге и в Фюрте произошли массовые демонстрации против банды убийц. Они продолжались до раннего утра».

Я перехожу к концу абзаца: «После полуночи возбуждение народа достигло самой высшей точки: большие толпы собрались в синагогах в Нюрнберге и в Фюрте и сожгли эти два еврейских здания, там, где молились об убийстве немцев»...

Вот, что вы сами говорите. Свидетельствуют ли эти слова о том, что вы не сочувствовали демонстрации, которая произошла накануне?

Штрейхер: Я должен прежде всего отметить, что сообщение, которое вы сейчас частично огласили, было опубликовано в «Тагесцейтунг» и, следовательно, я не могу отвечать за него. И если там написано, что народ поднялся против своры убийц, то это соответствует тому приказу, который был получен из Берлина, из министерства пропаганды. С внешней стороны это мероприятие было стихийной народной демонстрацией...

Гриффит-Джонс: Посмотрите, пожалуйста, на новый документ, представленный в качестве доказательства Д-835, ВБ-330. Это — подлинник, представляющий собой список еврейских предприятий в Нюрнберге и Фюрте, которые подверглись ариезации. Вы видели этот список или что-нибудь в этом роде раньше?

Штрейхер: Нет.

Гриффит-Джонс: В таком случае вы можете мне поверить, что этот список содержит адреса примерно 800 предприятий в Нюрнберге и Фюрте, которые были отобраны у евреев и переданы арийцам. Согласитесь ли вы с тем, что по крайней мере 800 домов в вашем городе подверглись ариезации?

Штрейхер: Я этого не знаю в деталях. Но я должен сказать следующее. Я не знаю, государственный ли это документ. Я сегодня уже заявил, что мой товарищ по партии Гольц начал проводить ариезацию. Затем Берлин запретил проведение ариезации, а после этого вновь стали проводить ариезацию. Здесь я как же не мог оказывать влияния, следовательно, это было не

моим делом. Приказ об ариезации, а также и о конфискации у евреев их собственности пришел из Берлина...

Гриффит-Джонс: Я не буду более заниматься этим вопросом... С 1939 года и позднее вы подстрекали немецкий народ к убийствам и заставляли его принять как факт уничтожение еврейской расы. Это верно?

Штрейхер: Это неправда.

Гриффит-Джонс: Я не сомневался, что вы так ответите. Я хочу, чтобы вы посмотрели сейчас на кипу выдержек, которую вам дадут, из статей газеты «Дер Штюрмер». Вы можете ознакомиться с этими документами в подлиннике, который находится у Трибунала, но быстрее будет, если вы воспользуетесь лежащей перед вами книгой документов.

Председатель: Эти документы представлены в качестве доказательств?

Гриффит-Джонс: Нет. В настоящее время ни один из этих документов не представлен в качестве доказательства. Я думаю, что наиболее удобным будет представить все эти документы в качестве доказательств в конце допроса, так как Трибунал или подсудимый могут пожелать ознакомиться с копиями этих документов. По мере представления я буду давать им номера.

(Обращаясь к свидетелю.)

Посмотрите на документ Д-809, который предъявляется под номером ВБ-331.

«Еврейская проблема еще не разрешена. Она не будет разрешена и тогда, когда последний еврей покинет Германию. Только тогда, когда все евреи мира будут уничтожены, эта проблема будет разрешена».

Это то самое, над чем вы работали, когда говорили, что работаете над международным разрешением этой проблемы? Это уничтожение евреев во всем мире?

Штрейхер: Это зависит от того, как воспринимать слово «уничтожение». Эта статья была написана моим главным редактором, моим бывшим главным редактором.

Гриффит-Джонс: Там употреблено немецкое слово «фернихтен», не так ли? Посмотрите на вашу копию. «Фернихтен» означает «уничтожить»?

Штрейхер: Да. Сегодня, когда Вы оглядываетесь назад, это можно истолковать так, но в то время этого нельзя было сделать.

Гриффит-Джонс: Мы не будем сейчас терять время, так как у нас еще много документов, которые нужно просмотреть. Вы писали это в январе. А в апреле 1939 года появляется новая статья вашего редактора — документ Д-810, ВБ-332.

«Тогда возможно их могилы займут сами»... Что вы имели в виду, когда писали о могилах? Вы хотели сказать, что евреев нужно исключить из жизни?

Штрейхер: Я сегодня вижу эту статью впервые. Это мнение человека, который, игнорируя время и играя словами, заглядывает, может быть, в будущее. Но насколько я его знал и беседовал с ним о еврейском вопросе, мы никогда не говорили о каких-либо массовых убийствах и в то время не могли даже подумать об этом.

Гриффит-Джонс: Понятно. Переверните страницу, там выдержка из статьи от мая 1939 года (документ Д-811, ВБ-333). Цитирую последние шесть строчек: «Евреи в России должны быть убиты. Они должны быть совершенно уничтожены».

Штрейхер: Кто написал эту статью?

Гриффит-Джонс: Это было напечатано в вашем «Дер Штюрмер». Если это понадобится, мы можем выяснить, кто писал это. Это написано не вами, но напечатано в вашем «Дер Штюрмер», а вы заявили Трибуналу, что принимаете ответственность за все, что было написано в этой газете.

Штрейхер: Хорошо. Я беру на себя ответственность, но я заявляю, что это личное мнение человека, который в мае 1939 года не мог думать о том, что возможно наступление на Россию, так как в то время мы ничем не располагали, у нас не было солдат. Следовательно, это — теоретическое высказывание этого антисемита, причем сильно преувеличенное.

Гриффит-Джонс: Я вас хочу спросить, не является ли это выступление призывом к убийству евреев?

Штрейхер: Надо прочесть всю статью, чтобы увидеть, какие были причины, побудившие написать так.

Гриффит-Джонс: Мы не будем тратить время на это. Если вы желаете прочесть всю статью, то можете это сделать. Милорд, разрешите мне представить эти документы в качестве доказательств. Как ваша честь увидит, эта папка представляет собой ряд выдержек из газеты «Дер Штюрмер»... Как Трибунал увидит, статьи, выдержки из которых мною представлены, были написаны подсудимым самим или членами редакции его газеты между январем 1939 года и январем 1941 года.

(Обращаясь к подсудимому.)

Правильно ли я понял вас, что вы якобы не знали о том, что евреи тысячами и даже миллионами подвергались уничтожению на восточных территориях? Вы никогда не знали об этом?

Штрейхер: Нет.

Гриффит-Джонс: Насколько я понял ваши показания о газете «Израэлитше вохенблатт», сегодня утром вы сказали следующее:

«Иногда в газете проскальзывали намеки, что не все в порядке. Затем в 1943 году в газете появилась статья, в которой говорилось, что массы евреев исчезают, но в статье не приводилось никаких цифр и ничего не говорилось об убийстве».

Вы хотите сказать, что в тех экземплярах «Израэлитше вохенблатт», которые читали вы и ваши редакторы, ничего не содержалось, за исключением намеков на то, что евреи исчезают без упоминания о цифрах или убийстве? Вы это хотите сказать Трибуналу?

Штрейхер: Да, я остаюсь при своем мнении.

Гриффит-Джонс: Я хочу теперь, чтобы вы взяли эту папку и держали ее перед собой. Это — папка выдержек из газеты «Израэлитше вохенблатт» за июль 1939 года и до конца войны. Трибунал сможет увидеть, что подсудимый говорит неправду.

Милорд, эта статья от 11 июля 1941 г:

«Около 40 тысяч евреев умерли в Польше в течение последних лет. Госпитали переполнены».

Одну минуту, подсудимый, не переворачивайте страницу дальше. Мы довольно скоро перевернем ее. Случалось ли вам читать эту фразу в экземпляре от 11 июля 1941 г.?

Штрейхер: Нет.

Гриффит-Джонс: Обратитесь теперь к статье от ноября 1941 года:

«Очень плохие вести приходят с Украины. Тысячи почивших евреев оплакиваются, среди них немало евреев из Галиции, которые были изгнаны из Венгрии».

Вы читали это?

Штрейхер: Это возможно, но это еще не является доказательством того, что миллионы были уничтожены.

Гриффит-Джонс: Продолжим. 12 декабря 1941 г., то есть месяцем позже:

«Согласно известиям, которые поступили из нескольких источников, тысячи евреев, люди даже говорят о многих тысячах, были казнены в Одессе и т. п. Новости такого же рода приходят к нам из Киева и других русских городов».

Читали вы об этом?

Штрейхер: Этого я не знаю, но если бы я даже и читал это, это все равно ничего не изменило бы...

Гриффит-Джонс: Слышали ли вы когда-либо о декларации Объединенных Наций от 17 декабря 1942 г., которая была одновременно опубликована в Лондоне, Вашингтоне и Москве и была одобрена всеми союзными нациями и доминионами? Я прочитаю ее сейчас вам, чтобы вы могли вспомнить об этом.

«Внимание Бельгийского, Чехословацкого, Люксембургского, Норвежского, Польского, Советского, Британского, Американского».

ского и Югославского правительства, а также Французского национального комитета было привлечено многочисленными сообщениями из Европы, что зверства, совершаемые немцами, не ограничиваются тем, что лишают лиц еврейской национальности по всей территории, на которой распространяется их варварское господство, элементарнейших человеческих прав, но сейчас проводят в жизнь часто повторяемое Гитлером намерение уничтожить все еврейское население в Европе.

Из всех оккупированных стран евреи транспортируются в ужасных, потрясающих условиях в Восточную Европу. В Польше, которая превращена нацистами в бойню, гетто, созданные германскими оккупантами, систематически опустошаются от всех евреев, за исключением небольшого количества высококвалифицированных рабочих, которые требуются для нужд военной промышленности. Никто из тех, которые исчезают, никогда более не возвращается. Трудоспособные медленно изнуряются до смерти в трудовых лагерях. Неспособных к работе оставляют на произвол судьбы, предоставляя им умереть от голода, или же преднамеренно уничтожают их путем массовых казней.

Количество жертв этих кровавых жестокостей достигает многих сотен тысяч совершенно невинных мужчин, женщин и детей.

Вышеупомянутые правительства и Французский национальный комитет осуждают в наиболее сильных выражениях эту зверскую политику хладнокровного уничтожения. Они заявляют, что имевшие место события могут только укрепить решимость всех свободолюбивых народов к свержению варварской гитлеровской тирании. Они вновь повторяют свое твердое решение обеспечить то, что тот, кто ответствен за эти преступления, не избежит наказания, и упорно будут проводить в жизнь необходимые практические меры, чтобы подвергнуть их суровой каре».

Вы когда-либо слышали об этой декларации?

Штрейхер: Я не помню, но если я и слышал об этом, то должен сказать следующее. После того, как мы пришли к власти, в иностранной прессе появилось столько сообщений об ужасах, которые оказались не чем иным, как слухами. У меня не было никаких оснований верить этому. Здесь также ничего не говорится о том, что миллионы евреев были убиты.

Гриффит-Джонс: Однако нельзя сказать, что все эти сообщения не подтвердились. Видите ли, вы сказали, что у вас нет причин верить этому, но в газете «Израэлитше вохенблатт», подписчиком которой вы были, говорится то же самое.

Посмотрите. Декларация объединенных Наций датирована 17 декабря, а в газете от 18-го числа написано следующее:

«В это время Польское правительство в Лондоне привело цифру казненных евреев — 700 тысяч. Берлинское радио сообщило, что это сообщение неправильно, но признало, что евреев в Польше необходимо было казнить потому, что они проводят акты саботажа».

Цитирую дальше:

«Вплоть до конца сентября 1942 года, — пишет «Дейли телеграф», — 2 миллиона евреев было убито в Германии и в странах, оккупированных странами оси; имеется опасение, что количество жертв будет удвоено к концу этого года».

Вам приходилось читать эту статью?

Штрейхер: Я не помню, читал ли я это. Но я бы не поверил и этому.

Гриффит-Джонс: В этой газете имеется другая статья — от 23 декабря, выдержанная в тех же выражениях, затем от 30 декабря и третья — от 8 января. Обратимся к статье от 8 января:

«Польское правительство в Лондоне тем временем издало новую декларацию, в которой утверждается, что все полученные сведения сходятся на том, что убито 3 миллиона «лишних» евреев:

Вы читали это?

Штрейхер: Я не знаю, читал ли я это, но я должен повторить, что если бы и читал, все равно не поверил бы этому...

Гриффит-Джонс: Мы сейчас говорим об уничтожении и массовых убийствах евреев национал-социалистами. Цитирую выдержку из вашей газеты: «Когда Адольф Гитлер 20 лет тому назад предстал перед германским народом и объявил перед ним требования национал-социализма, которые относились к будущему, он также дал обещание, которое должно было иметь колоссальные результаты — освобождение мира от еврейских мучителей. Как замечательно осознавать, что этот великий человек и вождь за этим обещанием приступил к действию. Это величайшее событие в истории человечества».

И вы утверждаете, что вы не преследовали целей пропаганды политики массового уничтожения, которую проводило нацистское правительство?

Штрейхер: Писатели могли говорить о любом предсказывании, которое, возможно, позднее и исполнилось, они могли об этом писать. Так это делал и я...

ДОПРОС ФУНКА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 7 мая 1946 г.]

*Додд*¹: Вчера до перерыва я спросил вас, когда вы установили связи с СС, на что вы ответили, что с СС вы ничего общего не имели. Затем вы все-таки сказали и признали, что СС передавало вам некоторое имущество, некоторые вещи, ранее принадлежавшие заключенным концентрационных лагерей. Правильно ли я понял ваши показания?

Функ: Нет, я сказал, что Пуль однажды сообщил мне, что от СС получен золотой вклад, и он сказал далее несколько иронически, что лучше всего не устанавливать, что он собой представляет. Да, собственно, этого и нельзя было сделать. Ведь рейхсбанк не имел никакого права проверять, из чего состоит вклад. Лишь позже при другом докладе Пуля до моего сознания дошло, что выражение «вклад» было им неверно выбрано, что речь шла не о вкладе, а о сдаче золота. Я лично полагал, что речь все еще идет о золотом вкладе, что это золото состоит из золотых монет или иных девизов... Это были обычные золотые слитки, которые приняты в обращении между валютными банками. Мне кажется, что золотые слитки имеют вес в 20 килограммов, приблизительно, как я их оцениваю.

Додд: Ну, хорошо. Меня удовлетворяет ваш ответ. Когда вы посещали кладовые, вы никогда не видели ни одной из тех ценных вещей, которые я назвал: портсигары, оправы, ювелирные изделия, часы и т. д.?

Функ: Никогда, никогда. Я, может быть, в общем четыре-пять раз был в золотохранилищах и всегда лишь для того, чтобы показать посетителям это весьма интересное зрелище.

Додд: Только четыре-пять раз в период с 1941 года по 1945 год?

Функ: Я полагаю, что не больше. Я бывал там лишь с посетителями, обычно с посетителями из-за границы.

Додд: И вы хотите убедить Трибунал в том, что вы, будучи президентом рейхсбанка, никогда не проводили ревизий или инспекций так называемых кладовых и что вы сами лично не проверяли то, что там находилось? По-моему, каждый банкир обычно регулярно производит такие ревизии и инспектирует золотые запасы.

Функ: Нет, никогда. Делами рейхсбанка руководил не президент. Дела рейхсбанка вел директорат. Я никогда не занимался отдельными делами, также и отдельными операциями с золотом, в частности перемещением отдельных золотых запасов небольшого объема и т. д. Если поступало большое количество золота, то об этом сообщали в директорат. Директорат руководил делами, и мне кажется, что об отдельных операциях были информированы только ответственный директор, высший чиновник или референт директората.

Додд: Скажите, вы имели какое-нибудь отношение к ломбарду? Мне кажется, что в немецком языке есть слово «ломбард». Вам известно, что такое «ломбард», или ссудная касса?

Функ: Где что-нибудь закладывают?

Додд: Да. Поскольку вы не припоминаете, видели ли вы ценности, которые хранились в ваших складах, мы можем показать вам фильм о кладовых рейхсбанка, заснятый союзными войсками.

Я прошу Вас, господин председатель, разрешить подсудимому сесть в зале Суда для того, чтобы он мог лучше видеть этот фильм, который, возможно, освежит его память.

(Обращается к Функу.): Просмотрев этот фильм о всех ценностях, найденных в кладовых рейхсбанка год тому назад, вы теперь вспоминаете, что вы действительно имели в своем распоряжении такие ценности в течение трех с лишним лет?

Функ: Ничего подобного я никогда не видел. И у меня такое впечатление, что большая часть этих вещей, показанных в фильме, взята из вкладов, так как люди тысячами приносили шкатулки, опечатанные шкатулки, в которых они сохраняли свои украшения, свои драгоценности и т. д., как это здесь видели, может быть, частично скрытые ценности, то есть те, которые они должны были славать, например, иностранную валюту, девизы, золотые монеты и т. д. У нас, насколько я знаю, были тысячи запечатанных вкладов, которые рейхсбанк не мог просматривать. Таким образом, я никогда не видел ни одного предмета из тех, которые были показаны здесь в фильме, и не имею никакого представления о том, откуда взялись эти вещи, кому они принадлежали и для чего они использовались.

Додд: Да, но я спрашивал вас вчера и сейчас я вас вновь спрашиваю, было ли вам известно о том, что когда-либо какие-

¹ Т. Додд — представитель обвинения от США. — Составители.

нибудь лица помещали на хранение в рейхсбанк зубы, челюсти, коронки, мосты и т. д.?

Функ: (ответа нет).

Додд: Вы видели фильм, и вы видели золотые мосты, пластинки и другие предметы, относящиеся к искусственным зубам. Конечно, никто никогда не хранил такие вещи в банке. Так это или нет?

Функ: Что касается кадров о зубах, то это, конечно, особый случай. Откуда появились эти зубы, я не знаю, меня об этом не информировали, что делалось с этими зубами, я тоже не знаю. По моему убеждению, подобные вещи, если они были сданы в рейхсбанк, необходимо было передать имперскому управлению по благородным металлам, так как рейхсбанк не был мастерской по переработке золота. Я не знаю, имел ли рейхсбанк вообще технические мастерские, чтобы перерабатывать такие вещи. Мне это неизвестно.

Додд: Отдельные лица не только не передают на хранение свои зубы в рейхсбанк, но они также не передают на хранение свои оправы для очков, которые вы могли видеть в фильме.

Функ: Да, я ведь это и говорю. Эти вещи, конечно, не были обычными вкладами. Это разумеется само собой.

Додд: И вы видели, что некоторые предметы, очевидно, были переплавлены. Вы видели, что последний снимок представлял собою предмет, который выглядит так, как будто он прошел процесс переплавки. Скажите, вы видели это?

Функ: Я не могу сказать точно, должны ли были они сдаваться на переплавку. Я не имею ни малейшего представления об этих технических вопросах. Во всяком случае, мне теперь стало совершенно ясно, а до сих пор было неизвестно, что рейхсбанк сам осуществлял переплавку, то есть техническую переработку золотых вещей.

Додд: Хорошо, давайте посмотрим, что говорит по этому поводу ваш помощник — господин Пуль. Это именно тот человек, которого вы хотели вызвать в качестве свидетеля и который, как вы вчера сказали, заслуживает доверия. У меня имеются его письменные показания, данные под присягой:

«3 мая 1946 г., Баден-Баден, Германия. Я, Пуль, под присягой показываю следующее:

1) Я родился 28 августа 1889 г. в Берлине, в Германии. Я был назначен членом директората рейхсбанка в 1935 году и вице-президентом рейхсбанка — в 1939 году. Я занимал эти должности до капитуляции Германии.

2) Летом 1942 года Вальтер Функ, президент рейхсбанка, имперский министр по вопросам экономики беседовал со мной и позднее с господином Фридрихом Вильгельмом, который был также членом директората рейхсбанка.

Функ сказал мне, что он урегулировал вопрос с рейхсфюрером Гиммлером о том, чтобы рейхсбанк получал от СС в виде вкладов золото и драгоценности. Функ приказал мне провести необходимую подготовку вместе с Полем, который в качестве начальника экономической секции СС ведал администрацией и экономическим руководством концентрационных лагерей.

3) Я спросил Функа, из какого источника поступали это золото, драгоценности и другие предметы, которые мы должны были принимать от СС. Функ ответил, что это — собственность, конфискованная у населения восточных оккупированных территорий, и просил меня не задавать дальнейших вопросов. Я протестовал против того, чтобы рейхсбанк хранил подобные ценности. Функ заявил, что мы должны создать необходимые условия для хранения таких ценностей и что все это следует держать в строжайшей тайне.

4) Я вместе с одним из ответственных сотрудников, в ведении которого находилась касса и сейфы, провел необходимую подготовку для хранения этих ценностей. На следующем заседании я представил отчет по данному вопросу дирекции рейхсбанка. Поль, руководитель экономической секции СС, на другой день позвонил мне по телефону и спросил, сообщили ли мне что-нибудь по этому вопросу. Я сказал, что не могу говорить по этому вопросу по телефону. Он пришел ко мне и сообщил, что СС имеет некоторые ювелирные изделия и может передать их в рейхсбанк на хранение. Я урегулировал с ним вопрос о их доставке, и, начиная с августа 1942 года, мы время от времени получали такие ценности на протяжении нескольких последних лет.

5) В число вещей, которые передавались нам на хранение, входили драгоценности, часы, оправы для очков, золотые пломбы, золотые зубы и другие золотые предметы. В основном это было захвачено членами СС у евреев, у жертв концентрационных лагерей и других лиц. Это нам стало известно от членов СС, которые пытались превратить все эти ценности в звонкую монету и пользовались для этого содействием рейхсбанка с ведома и согласия Функа.

В дополнение к золоту и другим предметам организация СС также передавала в рейхсбанк банкноты, иностранную валюту и другие ценные бумаги с тем, чтобы они хранились в соответствии с установленным в отношении этих предметов порядком. В отношении драгоценностей и золота Функ мне сказал, что Гиммлер и фон Крозик, рейхсминистр финансов, достигли соглашения, согласно которому золото и другие золотые вещи должны храниться на счете империи, и что этот счет должен передаваться имперскому казначейству.

6) Время от времени при исполнении своих служебных обязанностей я посещал кладовые рейхсбанка и смотрел, что там хранилось. Функ также время от времени посещал кладовые и подвалы рейхсбанка.

7) Банк валютных расчетов по указанию Функа также создал кредитные фонды, которые, в конце концов, достигли 10—12 миллионов рейхсмарок. Они были предназначены для использования их экономической секцией СС для финансирования производств, находившихся в ведении СС, на которых применялся труд заключенных концентрационных лагерей.

Я хорошо знаю английский язык и подтверждаю, что все вышеизложенное, насколько мне известно, полностью соответствует действительности.

Эмиль Пуль.

(Обращаясь к подсудимому.)

После того как вы заслушали эти письменные показания, данные под присягой одним из ваших ближайших сотрудников и членов директората рейхсбанка, которого вы вчера назвали честным человеком, заслуживающим доверия, что вы скажете Трибуналу о том, что вам было известно о взаимоотношениях вашего банка и СС?

Функ: Я заявляю, что этот affidavit Пуля ложен. По всем этим делам о золотых вкладах я говорил с Пулем самое большее три раза, я даже думаю, — два раза. О драгоценных камнях и украшениях я Пулю никогда не сказал ни единого слова. Для меня это совершенно непостижимо, что человек, который, без сомнения, осуществлял в этом деле известные функции, вел переговоры с СС, с Полем, хочет переложить вину на меня... Я могу лишь повторить то, что сказал вначале, а именно, что Пуль однажды сообщил мне, что получен золотой вклад от СС и что позже — это верно — я по его инициативе, я теперь вспоминаю, говорил с рейхсфюрером СС о том, могут ли эти вклады использоваться рейхсбанком. Рейхсфюрер ответил утвердительно.

Додд: Хорошо, а что вы скажете относительно последней части письменных показаний, которой вы не коснулись в своем ответе и в которой говорится о том, что был создан кредитный фонд для СС, предназначенный для строительства предприятий близ концентрационных лагерей. Вы помните это? Я вам зачитаю. Пуль говорит: Рейхсбанк «по указанию Функа... создал кредитные фонды, которые, в конце концов, достигли 10—12 миллионов рейхсмарок. Они были предназначены для использования их экономической секцией СС для финансирования производств, находившихся в ведении СС, на которых применялся труд заключенных концентрационных лагерей». Вы признаете, что вы это делали?

Функ: Как раз об этом я только что упоминал. Пуль однажды, это было, кажется, уже в 1939—1940 гг., сообщил мне, что его посетили господа из хозяйственных предприятий СС и вели с ним переговоры о кредите, который до сих пор давал Дрезденский банк и который они хотели бы получить от рейхсбанка. Я тогда спросил Пуля: «Будут ли выплачены проценты по этому кредиту, обеспечен ли кредит?» «Конечно», — сказал он. Тогда я сказал: «Хорошо, дайте им этот кредит». Это все, что я знаю об этом деле.

Додд: Хорошо, вы также получали вознаграждение за хранение вещей, которые вы получали от СС, тех самых, которые вы видели в фильме, не так ли? Банк получил вознаграждение за свое участие в осуществлении этой программы?

Функ: Я не понял этого вопроса.

Додд: Я сказал, разве не являлось фактом, что СС платили вам в течение более чем трех лет за хранение вещей, которые они вам сдавали?

Функ: Этого я не знаю.

Додд: Да, но вы должны были знать как председатель рейхсбанка о том, платили вам за это или нет. Вы не могли не знать этого, не так ли?

Функ: Это были, наверное, настолько небольшие поступления, что меня об этом никто не информировал.

Додд: Но что вы ответите, если я вам скажу, что Пуль в своих показаниях указал на то, что банк в течение всех этих лет получал специальное вознаграждение и что в общей сложности 77 раз грузы с драгоценностями, которые вы видели сегодня утром на экране, передавались в рейхсбанк. Вы согласны с этим?

Функ: Возможно, что это и так, но меня не информировали об этих вещах, я ничего не знаю о них.

Додд: Разве возможно, чтобы вы, будучи президентом рейхсбанка, ничего не знали об этих 77 поставках и о том, что вы получали вознаграждение за хранение этих драгоценностей. Вы думаете, что это вполне правдоподобно?

Функ: Если директорат мне не сообщал об этом, то я мог ничего не знать.

Додд: Я хочу вам сообщить об одном обстоятельстве, которое, возможно, окажет вам некоторую помощь. Дело в том, что вы время от времени посылали меморандум ряду лиц относительно этих драгоценностей, — и, я думаю, вы знаете об этом, не так ли? Вы в этом меморандуме указывали, что именно у вас находится на хранении и кому вы направляете эти драгоценности. Известны ли вам такие меморандумы?

Функ: Нет.

Додд: В таком случае будет лучше, если вы посмотрите меморандум от 15 сентября 1942 г., адресованный, очевидно, на имя директора городского ломбарда, помещавшегося в Берлине. Я не собираюсь зачитывать вам весь меморандум, хотя это и очень интересный документ, но, как вы можете видеть, в меморандуме говорится: «Мы передаем вам следующие драгоценности и просим их использовать по возможности самым наилучшим образом». Далее дается перечень этих драгоценностей: 247 колец из платины и серебра, 154 золотых часов, 1601 золотая серьга, 13 брошек с драгоценными камнями. Я не буду читать все по порядку. Кое-что я пропускаю и читаю далее: «324 серебряных ручных часов, 12 серебряных подсвечников, бокалы, ложки, вилки, ножи и даже оправы для очков, вставные челюсти, пломбы, 187 жемчужин, 4 бриллианта». Здесь написано: «Гаупткасса имперского рейхсбанка».

Вы хотите убедить Трибунал в том, что сотрудники вашего рейхсбанка, направляя все эти драгоценности в городской ломбард, даже не ставили вас об этом в известность?

Функ: Я ничего не знаю об этих операциях, в рейхсбанк сдавались вещи, которые он не имел права принимать.

Додд: Я также хотел бы, чтобы вы взглянули на документ РС-3949, составленный несколькими днями позже, а именно — 19 сентября 1942 г. Я представляю этот документ в качестве доказательства за номером США-848; как вы видите, этот документ представляет собой меморандум относительно передачи банкнот, золота, серебра и драгоценностей имперскому министру финансов. В меморандуме также указывается, что дается лишь «частичный перечень» драгоценностей, полученных отделом драгоценных металлов. Я полагаю, нет надобности зачитывать весь меморандум полностью. В последних двух абзацах, следующих после той части меморандума, где говорится о том, из чего состояли все эти поставляемые драгоценности, говорится: «До того как мы передадим все эти доходы, исчисляющиеся суммой в 1 184 345,59 германских марок, в рейхсгаупткассу на счет имперского министра финансов, мы просили бы сообщить, под каким номером должны направляться эта и последующие суммы. Позднее, может быть, будет удобно обратить внимание ответственного сотрудника имперского министерства финансов на суммы, переведенные в министерство германским имперским банком». На документе имеется подпись: «Гаупткасса имперского рейхсбанка» и печать: «Оплачено по чеку, Берлин, 27 октября 1942 г., Гаупткасса».

Функ: Относительно этого документа я думаю, что могу дать объяснение и притом на основании показаний, которые

были здесь даны некоторыми свидетелями по вопросу о концентрационных лагерях. Свидетель Олендорф, насколько я знаю, а также еще один свидетель показали, что ценные предметы, которые отбирались у заключенных концентрационных лагерей, передавались имперскому министру финансов. Я полагаю, что техническая процедура была такова: эти вещи сначала ошибочно передавались рейхсбанку, но рейхсбанк ничего не мог сделать с этими украшениями, жемчугом, жемчужными ожерельями и всем, что здесь указано, и передавал эти вещи имперскому министру финансов. Таким образом, здесь со стороны рейхсбанка был осуществлен расчет за имперского министра финансов. Я думаю, что к такому заключению можно прийти на основании этого письма.

Додд: Вы, несомненно, слышали показания Олендорфа о том, что вся собственность, все драгоценности этих несчастных жертв, умерщвленных в концлагерях, передавались имперскому министру финансов; по-моему, он дал такие показания здесь, в Суде.

Функ: Об этом я услышал здесь. Для меня ново, что рейхсбанк в таком объеме занимался этими делами.

Додд: Вы утверждаете, что вы не знали, что сотрудники рейхсбанка занимались этим вопросом так подробно, или вы вообще не знали того, что сотрудники рейхсбанка занимались этим?

Функ: Я вообще не занимался этим делом.

Додд: Но вам было известно об этом?

Функ: Нет.

Додд: Вы никогда не слышали об этом?

Функ: Я не знал, что из концентрационных лагерей вообще сдавались в рейхсбанк украшения, часы, портсигары, кольца и так далее, это для меня ново.

Додд: Было ли вам известно о том, что поступало из концентрационных лагерей в рейхсбанк?

Функ: Да, конечно, — золото, я уже говорил об этом.

Додд: Золотые зубы?

Функ: Я уже сказал, что нет. Золото, о котором сообщил мне Пуль, и я полагал, что это были золотые монеты и вообще золото, которое необходимо было так или иначе сдать в рейхсбанк, которое рейхсбанк по закону мог использовать по своему усмотрению. О других предметах я ничего не знаю.

Додд: Скажите, что вам сказал Гиммлер и что вы ответили Гиммлеру, когда обсуждали с ним вопрос о получении золота от жертв из концентрационных лагерей? Я думаю, Трибуналу будет интересно узнать содержание этого разговора. Сообщите Трибуналу, когда состоялась беседа, что вам сказал Гиммлер и что вы ему сказали?

Функ: Где состоялась эта беседа, я уже не помню. Я ведь видел Гиммлера очень редко, может быть, раз или два. Я полагаю, что эта беседа имела место при одном из посещений мною Ламмерса в его полевой ставке, где находилась также и полевая ставка Гиммлера, наверное, это было тогда. При этом я лишь кратко, очень кратко говорил об этом.

Додд: Скажите нам, когда это было?

Функ: Это было, приблизительно, в 1943 или 1944 году, я не помню точно. Я не придавал никакого значения этому делу. Я, между прочим, спросил: «Ведь имеется специальный подвал в рейхсбанке, где хранится золото, которое принадлежит вам, СС. Господа из директората рейхсбанка спросили меня, может ли рейхсбанк использовать этот вклад для оборота». На это он ответил «да». Я ему ни одного слова не сказал об украшениях или о других подобных вещах или даже о золотых зубах и т. д. Весь разговор относился лишь к этому вопросу.

Додд: Таким образом, вы хотите сказать, что это соглашение было достигнуто совершенно независимо от вас и Гиммлера между каким-то лицом из вашего рейхсбанка и каким-то лицом из СС и что вы не являлись инициатором заключения этого соглашения?

Функ: Да, это был не я.

Додд: Кто из вашего банка заключал это соглашение?

Функ: По-видимому, Пуль или кто-либо другой из директората рейхсбанка с представителем от хозяйственных предприятий СС. А меня информировал об этом очень коротко Пуль.

Додд: Хорошо. Я хотел бы задать вам еще один или два вопроса по поводу двух очень небольших документов. Вы заявили Трибуналу, что не имели ничего общего с разграблением оккупированных территорий. Известно ли вам, что представляла собой корпорация «Роджес»?

Функ: Я знаю лишь, что это было общество, которое, как мне кажется, по официальному заданию производило закупки для многих имперских учреждений.

Додд: Эта корпорация «Роджес» производила закупки на черном рынке во Франции за счет излишков фонда оккупационных расходов, не так ли?

Функ: Я был против того, чтобы такие закупки производились на «черном рынке».

Додд: Я вас не спрашиваю о том, одобряли ли вы эту деятельность. Я просто вас спрашиваю, действительно ли они делали это или нет?

Функ: Этого я не знаю.

Додд: Хорошо. Взгляните в таком случае на документ, составленный одним из ваших помощников — доктором Ландфридом, которого вы также вызывали в качестве свидетеля и кото-

рому был направлен опросный лист. Это — письмо от 6 июня 1942 г., адресованное в административное управление ОКВ, в котором говорится: «В ответ на мое письмо от 25 апреля 1942 г. верховное командование вооруженных сил передало в мое распоряжение из фонда оккупационных расходов 100 миллионов рейхсмарок. Эта сумма, за исключением 10 миллионов рейхсмарок, уже была передана на хранение, так как торговая корпорация «Роджес», производившая закупки сырья и находившаяся в Берлине, предъявляла очень большие требования в отношении закупок сырья на «черном рынке» во Франции. В целях устранения всяких задержек по производству закупок, вызванных требованиями войны, необходимо выдать дополнительные суммы из фонда оккупационных расходов».

Согласно информации, полученной от корпорации «Роджес» и экономического бюро военного командования во Франции, для производства таких закупок каждые десять дней необходимо иметь приблизительно 30 миллионов рейхсмарок во французских франках. Согласно сообщению корпорации «Роджес» ожидается увеличение таких закупок, и поэтому будет недостаточно тех 100 миллионов рейхсмарок, которые имеются в наличии, как об этом говорится в моем письме от 25 апреля 1942 г., и, кроме того, будет необходима дополнительная сумма в 100 миллионов рейхсмарок».

Из этого письма, написанного вашим сотрудником Ландфридом, с очевидностью явствует, что корпорация «Роджес», созданная вашим министерством, совершала операции на «черном рынке» во Франции, используя деньги, которые выжимались из Франции путем чрезмерных оккупационных расходов, не так ли?

Функ: То, что «Роджес» делала подобные покупки, — это верно. Эти вопросы обсуждались уже раз здесь в связи с поручениями, с указаниями, которые были даны в соответствии с четырехлетним планом относительно этих закупок на «черном рынке». Но здесь речь идет о разрешенном и организованном государством импорте, а то, против чего мы постоянно боролись, были неограниченные закупки на «черном рынке».

Додд: Об этом вы сообщали нам вчера. Это было в 1943 году. Во Франции в тот период мало что оставалось для продажи на «черном рынке», на «белом рынке» или на каком-либо другом рынке, не так ли? Эта страна в то время уже была достаточно ограблена.

Функ: В 1943 году, мне кажется, из Франции поступало еще очень много. Во Франции еще работали предприятия, и продукция выпускалась в довольно значительных количествах. Из официальной французской статистики явствует, что еще и в 1943 году значительная часть общей продукции направлялась

в Германию, причем эта часть ни в коем случае не была меньше, чем в 1941—1942 гг.

Додд: Хорошо. В любом случае я желал бы кратко остановиться на вопросах, связанных с Россией, хотя, как я понял из сказанного вчера, вы не были в достаточной степени связаны с этим и что вашим представителем при Розенберге являлся некий Шлотерер.

Функ: С самого начала я предоставил в распоряжение Розенберга министра-директора Шлотерера для того, чтобы в России работали не два экономических бюро или два экономических отдела, а лишь один, а именно — управление имперского министра по делам восточных территорий.

Додд: Это все, что я хотел узнать. Он был назначен на этот пост и принимал участие в ограблении России (в вывозе машин, сырья и товаров), продолжавшемся в течение очень значительного периода, и вы были полностью осведомлены обо всем этом.

Функ: Нет, это неверно, это делал не этот человек; эти операции производились экономическим отделом «Ост», который был, как я полагаю, учреждением в системе четырехлетнего плана.

Додд: Вы сейчас говорите совершенно другое. Поэтому будет лучше, если я оглашу показания, которые вы дали во время предварительного допроса 19 октября 1945 г. в Нюрнберге. Вам был задан следующий вопрос: «Частью вашего плана являлся вывоз из России машин, сырья и других материалов и отправка их в Германию?»

Вы ответили: «Да, совершенно верно, но я не участвовал во всем этом».

«Вопрос: Однако все это действительно имело место. Но ведь вы лично и ваш представитель Шлотерер участвовали в обсуждении и разработке этого плана ограбления?»

Ответ: Но я сам лично не участвовал в этом.

Вопрос: Но ведь вы дали вашему представителю Шлотереру право действовать от вашего имени?

Ответ: Да, Шлотерер был моим представителем по экономическим вопросам в министерстве Розенберга.

Функ: Нет, это неверно. Эти показания полностью неверны, ибо Шлотерер был передан в министерство Розенберга, он стал в министерстве Розенберга руководителем хозяйственного отдела.

Додд: Вы хотите тем самым сказать, что вы не давали подобных ответов во время вашего допроса?

Функ: Нет, эти ответы неверны.

Додд: Это очень интересно. Вчера вы сказали нам, что ваши ответы на вопросы, которые вам задавал майор Ганз,

были неправильны. Вчера я вам зачитал показания, данные вами во время другого допроса, вы сказали, что они также неправильны. Теперь я оглашаю показания, которые вы дали третьему лицу, и вы заявляете, что они тоже неправильны.

Функ: Нет, я говорю, что неверно то, что я сказал.

Додд: Хорошо, я как раз об этом и говорю.

*Рагинский*¹: Подсудимый Функ, вы вчера говорили, что ваше министерство к моменту нападения на Советский Союз имело очень ограниченные функции и вы сами были, так сказать, неполноценным министром. В связи с этим я хочу задать вам несколько вопросов о структуре министерства экономики.

Скажите, вам известна книга Ганса Квекке под названием «Имперское министерство экономики»? Вы знаете о такой книге?

Функ: Нет.

Рагинский: Не знаете? Вам неизвестна фамилия Квекке?

Функ: Я знаю одного Квекке.

Рагинский: Это — советник министерства экономики?

Функ: Квекке был советником в министерстве экономики.

Рагинский: И он, конечно, знал структуру министерства и его функции, не так ли?

Функ: Да, конечно, он должен был это знать.

Рагинский: Я представляю Трибуналу как доказательство под номером СССР-451 эту книгу, а вам, подсудимый, передадут фотокопию раздела этой книги, чтобы вы могли следить за текстом. С разрешения Суда я процитирую несколько отрывков. Прошу открыть страницу 65 и взглянуть на последний абзац.

(Подсудимому передают документ.)

Вы нашли это место?

Функ: Да.

Рагинский: Это — структура министерства экономики на 1 июля 1941 г. Вашим постоянным заместителем был некий доктор Ландфрид. Это тот самый Ландфрид, показания которого представил ваш защитник?

Функ: Да.

Рагинский: Я прошу следить за текстом.

«Ландфриду был подчинен особый отдел, который ведал основными вопросами снабжения сырьем и основными вопросами военного хозяйства». Подсудимый Функ, я вас спрашиваю...

Функ: Простите, где это написано?

(Подсудимому показывают.)

Где это?

¹ М. Ю. Рагинский — помощник Главного обвинителя от СССР, — Составитель.

Рагинский: Это находится в разделе 2, отдел С. (Пауза.) Вы нашли теперь? (Пауза.)

Функ: «Военная экономика», я не вижу этого, я ничего не вижу о военной экономике.

Рагинский: Отдел С, раздел 2. (Пауза.)

Функ: Здесь нет ничего о военном хозяйстве, я не могу найти. Здесь идет особый отдел.

Рагинский: Да, особый отдел, а затем что?

Функ: Затем — основы снабжения сырьем, основы военного хозяйства...

Рагинский: Вот об этом, о военном хозяйстве, я и говорю. Читаю дальше: «Ему же подчинена основная политика рынков, хозяйственные вопросы в пограничных областях». Министерство состояло из пяти главных управлений, не так ли?

Функ: Да.

Рагинский: В третьем главном управлении у вас была специальная группа под названием «Освобождение хозяйства от евреев». Это было в 1941 году, так?

Функ: Да, да. В это время там обрабатывались эти вопросы, это верно. Там были разработаны рабочие постановления, о которых мы вчера долго говорили.

Рагинский: Я прошу следить за текстом.

«Четвертое главное управление возглавлял доктор Клуки. Это главное управление занималось банками, валютной политикой и построением финансов». Не так ли?

Функ: Да.

Рагинский: Я полагаю, что вы должны знать структуру своего министерства и должны знать, что пятое главное управление возглавлялось статс-секретарем фон Ягвицем. Это управление занималось особыми экономическими задачами в различных странах и экономическими колониальными вопросами. Пятый отдел этого управления занимался военно-экономическими вопросами внешней торговли. Так?

Функ: Да.

Рагинский: Это же управление занималось особыми иностранными платежами, а также конфискациями вкладов?

Функ: Я этого не понимаю. Здесь говорится об отделе внешней торговли, который занимался только техническими вопросами экспорта.

Рагинский: Возьмите отдел девизов. Вы нашли это место?

Функ: Да.

Рагинский: Вы нашли, что там говорится о конфискации вкладов? Вы имели отношение к взаимодействию вашего министерства с внешнеполитическим отделом НСДАП? Вам понятен вопрос?

Функ: Да.

Рагинский: И у вас в министерстве был специальный отдел, который этим занимался?

Функ: Это следует объяснить тем, что статс-секретарь фон Ягвиц, который был руководителем этого главного отдела, одновременно работал в заграничной организации и для себя лично создал в министерстве центр связи для того, чтобы обрабатывать в министерстве экономические вопросы, которые проходили через иностранную организацию. Это было лишь следствием того, что фон Ягвиц одновременно работал в заграничной организации и поэтому, попав в иностранный отдел, поддерживал с ней связь.

Рагинский: Следует, значит, понимать так, что внешнеполитический отдел НСДАП имел специальные экономические функции и взаимодействовал с вашим министерством в этом направлении?

Функ: Нет, это неверно.

Рагинский: Для чего же у вас существовал этот отдел?

Функ: Это не отдел. Статс-секретарь фон Ягвиц одновременно работал в заграничной организации. Я не знаю, какой пост он занимал там, но он работал в заграничной организации прежде, чем был переведен рейхсмаршалом в министерство. Потом он сам в своем отделе создал нечто вроде центра связи с заграничной организацией, из-за границы ведь часто приезжали в Берлин хозяйственники, принадлежавшие к заграничной организации НСДАП, и эти люди сообщали статс-секретарю фон Ягвицу о своих делах, о своем опыте за границей. Больше я ничего не знаю об этом.

Рагинский: Вы хотите уверить, что это была частная инициатива фон Ягвица и вы, как министр, ничего об этом не знали?

Функ: Да. Нет, я знал об этом, это происходило с моего ведома.

Рагинский: Я читаю последний абзац, где сказано: «Пятое главное управление подчинено внешнеполитическому отделу имперского министерства экономики. Он (этот самый отдел) обеспечивает взаимодействие между министерством и заграничными организациями НСДАП». Следовательно, речь идет не о личной инициативе фон Ягвица, как вы хотели заверить Трибунал, этот отдел являлся отделом вашего министерства. Вы нашли это место?

Функ: Да. Господин фон Ягвиц руководил этим центром связи для сотрудничества с заграничной организацией, во многих случаях это было вполне естественно. Я не знаю, что в этом можно увидеть преступного или необычного.

Рагинский: Вы вчера говорили, что были также неполноценным уполномоченным по хозяйству. По вашим словам,

настоящим уполномоченным был Шахт, а вы были второстепенным уполномоченным. Вы помните свою статью под названием «Хозяйственная и финансовая мобилизация»? Вы помните, что вы писали тогда? (*Пауза*). Ну не будем тратить времени, я вам напомню. Я представляю Трибуналу как доказательство под номером СССР-452 вашу статью, опубликованную в центральном ежемесячнике НСДАП и «Германского трудового фронта» за 1939 год под названием «Дер Шулунгсбриф». Вы писали тогда:

«Назначенный фюрером генеральным уполномоченным по хозяйству, я считаю своей обязанностью позаботиться о том, чтобы во время военных действий обеспечить также жизненную и боевую силу народа с хозяйственной точки зрения». Вы нашли это место?

Функ: Да, нашел.

Рагинский: Далее вы писали: «Использование хозяйства для больших политических целей фюрера требует не только твердого и единого руководства всеми хозяйственными и политическими мероприятиями, но и прежде всего тесной согласованности с соответствующими задачами партии, правительства и вооруженных сил. Индустрия, продовольствие, сельское хозяйство, лесоводство и лесной промысел, внешняя торговля, транспорт, использование рабочей силы, установление зарплаты и цен, финансы и кредиты — все это должно быть мобилизовано на то, чтобы весь хозяйственный потенциал поставить на службу обороны империи. Для проведения этой задачи мне как генеральному уполномоченному по хозяйству подчиняются соответственно высшие представители власти империи».

Вы подтверждаете, что так именно вы писали в 1939 году? (*Пауза*.) Вам неясен вопрос?

Председатель: Он сказал «да».

Функ: Нет, нет, мне совершенно ясно. Я сказал, что я это подтверждаю.

Рагинский: Вы знаете об издании в июне 1941 года так называемой «Зеленой папки» Геринга? Она оглашалась здесь, в Суде. Это так называемые директивы по руководству экономикой, а вернее директивы по разграблению оккупированных территорий СССР. Какое участие вы лично принимали в разработке этих директив?

Функ: Я не знаю сейчас, принимал я участие в этом или нет.

Рагинский: Вы не помните? Как же это могло быть, чтобы такие документы составлялись без вас — министра экономики, президента рейхсбанка и генерального уполномоченного по вопросам экономики?

Функ: Во-первых, тогда я уже не был генеральным уполномоченным по вопросам экономики. Уполномоченным по вопросам военной экономики я вообще никогда не был. Все полномочия и права уполномоченного по вопросам экономики вскоре после начала войны перешли к уполномоченному по четырехлетнему плану. Это здесь было уже неоднократно подтверждено и подчеркнуто. Что касается моего личного участия в руководстве экономикой в оккупированных областях, то оно было самым минимальным. Я даже не помню сейчас об этом, так как всем управлением экономики в оккупированных восточных областях занимался экономический штаб «Ост» и уполномоченный по четырехлетнему плану в полном сотрудничестве с министерством Розенберга, то есть министерством по делам оккупированных восточных областей. Я помню лишь о том, что министерство экономики поручало отдельным коммерсантам из Гамбурга и Кельна развивать в оккупированных восточных областях частное хозяйство.

Рагинский: Мы уже слышали, каким «развитием» они занимались. Вы грабеж называете развитием.

Вы помните свое выступление в Праге 17 декабря 1941 г. на заседании южноевропейского экономического общества, или вам следует напомнить о нем?

Функ: Не нужно. Во время предварительного расследования я обратил внимание генерала Александра на эту речь и сказал ему тогда, что это было неправильным газетным сообщением, которое спустя короткое время было исправлено, опровергнуто мною.

Рагинский: Подсудимый Функ, вы несколько предупреждаете события. Вы не знаете еще, о чем я вас хочу спросить. Вы послушайте, а потом будете отвечать. Вы заявляли Суду, что ни в каких совещаниях у Гитлера, на которых обсуждались политические и экономические цели нападения на Советский Союз, вы не принимали участия и что об установках, высказываниях и планах Гитлера о территориальном разделе Советского Союза вы не знаете, но ведь вы сами в своем выступлении говорили, что «Восток является будущей колонией Германии, колониальной областью Германии». Вы говорили о том, что Восток является будущей колониальной областью Германии?

Функ: Нет. Во время предварительного расследования я уже оспаривал этот факт. Когда мне был предъявлен этот документ, я сказал, что говорил о старых германских колониальных областях, и это может, я надеюсь, подтвердить генерал Александров. Он тогда допрашивал меня.

Рагинский: Я не собираюсь вызывать генерала Александра в качестве свидетеля. Я вас спрашиваю, вы это говорили?

Функ: Нет.

Рагинский: Вы сказали, что вам не нужно напоминать, а именно это написано в вашем выступлении, я вам дословно приведу эту цитату. «Широкие, неоткрытые еще для Европы сырьевые области в восточном европейском пространстве станут многообещающей колониальной страной Европы». А в декабре 1941 года о какой Европе и о каких старых германских областях шла речь? Я вас спрашиваю.

Функ: Я уже сказал, что я не говорил о колониальных областях, я говорил о старых германских колониальных пространствах.

Рагинский: Вы говорили, что являлись президентом компании «Континенталь Ойль». Эта компания была организована для эксплуатации нефтяных богатств на оккупированных территориях, в особенности грозненской и бакинской нефти. Ответьте мне: да или нет?

Функ: Компания действовала не только в оккупированных областях, она занималась разработкой нефтяных запасов на территории всей Европы.

Рагинский: Вы не ответили на мой вопрос. Я вас спрашивал, грозненская и бакинская нефть — эти источники, которые должны были явиться объектом эксплуатации этой компании? Нефтяные источники Кавказа были включены в основной капитал «Континенталь Ойль»?

Функ: Нет.

Рагинский: Вы помните, здесь, на Суде, оглашалась стенограмма совещания у Геринга от 6 августа 1942 г. с рейхскомиссарами оккупированных областей? Вы помните об этом совещании?

Функ: Да.

Рагинский: Вы принимали участие в этом совещании?

Функ: Я этого не знаю. Вы хотите сказать, что на этом совещании говорилось о нефтяных запасах Кавказа? Я этого не знаю.

Рагинский: Я вас спрашиваю: вы принимали участие в этом совещании?

Функ: Я этого сейчас уже не помню, может быть, и принимал.

Рагинский: Вы не помните? В таком случае вам покажут этот документ. Он был представлен Трибуналу, он оглашался здесь. Это — документ СССР-170.

Как установлено, на этом совещании намечались наиболее эффективные меры экономического разграбления оккупированных территорий СССР, Польши, Чехословакии, Югославии и других стран. На этом совещании подсудимый Геринг обращался к вам с репликой. Теперь вы вспомнили?

Функ: Да, я вспомнил, что был на этом совещании. Слова же Геринга, обращенные ко мне, относятся к следующему: после того как русские области были уже заняты, мы посылали коммерсантов, которые привозили туда интересующие население товары. Здесь как раз сказано: «Туда должны быть посланы коммерсанты. Вначале их следует послать в Венецию, чтобы они закупили там товары, которые должны быть ими затем распределены в оккупированных русских областях». Вот что мне тогда сказал Геринг.

Рагинский: Я не об этом сейчас вас спрашиваю, подсудимый Функ. Вы были на этом совещании или не были? Можете вы ответить на этот вопрос?

Функ: Конечно, если Геринг там говорил что-то мне, то я присутствовал на этом совещании 6 августа 1942 г.

Рагинский: Отвечая на вопросы господина Додда о пополнении золотого запаса рейхсбанка, вы, подсудимый Функ, говорили, что золотые запасы рейхсбанка пополняли только золотом Бельгийского банка. А разве вы не знали, что из национального Чехословацкого банка было украдено 23 тысячи килограммов золота и перевезено в рейхсбанк?

Функ: О том, что было украдено, мне неизвестно.

Рагинский: А что вам известно?

Функ: Я вчера здесь совершенно ясно говорил, что золотые запасы переместились главным образом потому, что было принято золото Бельгийского и Чехословацкого национального банков. О чешском национальном банке я вчера говорил особо.

Рагинский: Да, но я вас сейчас спрашиваю не о Бельгийском, а о Чехословацком банке.

Функ: Да, да. Я вчера уже упоминал о нем. Я говорил о нем.

Председатель: Да, он только что сказал, он говорил о Чехословакии и о золотых запасах Чехословакии.

Рагинский: Господин председатель! Вчера он о Чехословакии не сказал, и я этот вопрос сегодня ему поставил. Но если он отвечает утвердительно, то я больше его по этому поводу спрашивать не намерен.

Я перейду к следующему вопросу — о Югославии. 14 апреля 1941 г., то есть до полной оккупации Югославии, главнокомандующий германскими сухопутными войсками издал сообщение для оккупированных югославских территорий. Это — документ СССР-146/1078, он уже был представлен Трибуналу. Девятым пунктом этого сообщения определяется принудительный курс югославской валюты: за одну немецкую марку — 20 югославских динар, и в принудительном порядке наряду с югославскими динарами вводятся кредитные билеты германской имперской кредитной кассы — «рейхскредиткассеншайне». Эти валютные

операции позволили немецким захватчикам по дешевой цене вывозить из Югославии товары и разные ценности. Такие операции проводились во всех оккупированных областях. Я вас спрашиваю, вы признаете, что такие операции являлись одним из способов экономического разграбления оккупированных территорий?

Функ: Нет. Важно то, в каком соотношении устанавливаются курсы. В отдельных случаях, в частности это относится к Франции, я протестовал против занижения курса валюты в оккупированных областях.

Рагинский: Подсудимый Функ, о Франции вы уже говорили, и я бы не хотел отнимать лишнее время у Трибунала. Вам следует отвечать на мои вопросы.

Функ: Одну минуточку. Я не знаю сейчас, каково было тогда соотношение между динарами и марками. Вообще не устанавливал курсы. Это исходило от министра финансов и вооруженных сил. Что касается моего участия, то я всегда настаивал на том, чтобы курс валюты не удалялся слишком далеко от курса, который имелся в тот момент и который основывался на покупательной силе денег. Сейчас я уже не знаю, каков был в то время курс динар. Что касается кредитных билетов германской кредитной кассы («рейхскредиткассеншайне»), то они должны, конечно, были прийти вместе с германскими войсками.

Рагинский: Значит, вы хотите сказать, что вы были ни при чем, а все дело в министре финансов? Скажите, вам известны показания вашего заместителя Ландфрида, которые представил ваш защитник? Вы помните, что Ландфрид говорил и утверждал совсем другое. Он говорил, что ваше мнение было окончательным и решающим при определении валютных курсов в оккупированных странах. Вы не согласны с этим показанием?

Функ: При определении курса валюты, само собой разумеется, спрашивали мое мнение как президента рейхсбанка. Но я могу сказать, что я всегда старался, чтобы новые курсы назначались как можно более близкими к старому курсу и основывались на покупательной силе имевшего место курса, то есть чтобы занижение курса не имело места.

Рагинский: Следовательно, принудительный курс в оккупированных странах вводился с вашего ведома и по вашему указанию?

Функ: Нет, меня спрашивали, каково мое мнение. Я должен был просто дать мое согласие, то есть директор рейхсбанка должен был дать свое согласие. Моим мнением интересовались.

Рагинский: Я удовлетворен вашим ответом.

Перехожу к следующему вопросу. 29 мая 1941 г. германский

главнокомандующий в Сербии издал распоряжение, которое было уже представлено Трибуналу как документ СССР-135/180. Этим распоряжением был ликвидирован национальный банк Югославии, и все имущество югославского банка было разделено между Германией и ее сателлитами. Вместо Югославского национального банка был создан фиктивный так называемый Сербский банк, руководителей которого назначал германский генеральный уполномоченный по экономике Сербии. Скажите, вам известно, кто был этот уполномоченный по экономике в Сербии?

Функ: По-видимому, это был генеральный консул Ганс Нейгаузен, уполномоченный генерального уполномоченного по четырехлетнему плану.

Рагинский: Нейгаузен являлся сотрудником министерства экономики?

Функ: Нет.

Рагинский: Никогда в министерстве экономики не работал?

Функ: Нет, Нейгаузен в министерстве экономики никогда не работал.

Рагинский: Он был сотрудником Геринга?

Функ: Да. Он был сотрудником Геринга. Это правильно.

Рагинский: Вы признаете, что такая специфическая валютно-экономическая операция, в результате которой Югославское государство и его граждане были ограблены на несколько миллиардов динаров, не могла быть проведена без вашего участия и подведомственных вам учреждений?

Функ: Я не знаю точно тех положений, согласно которым были ликвидированы эти банки и основан новый Сербский национальный банк. Но само собой разумеется, что рейхсбанк в таких сделках принимал участие.

Рагинский: Таким образом, наряду с открытым грабёжом, выразившимся в конфискациях, реквизициях и т. п., которые немецкие захватчики проводили в оккупированных странах Восточной Европы, они использовали до предела все экономические силы этих стран и путем различных валютно-экономических мероприятий, таких, как обесценение валюты, захват банков, искусственное снижение цен и зарплаты, продолжали экономическое ограбление оккупированных территорий. Вы признаете, что именно такова была политика Германии в оккупированных странах Восточной Европы?

Функ: Нет.

Рагинский: Не признаете?

Функ: Ником образом.

Рагинский: Я передаю Трибуналу документ под номером СССР-453, Ю-119 — это новый документ, который представляет

собой заметки о совещании у имперского комиссара по установлению цен от 22—23 апреля 1943 г. На этом совещании участвовали референты по вопросам цен всех оккупированных областей. Я зачитаю несколько выдержек из этого документа. На второй странице указано, что «на 1 октября 1942 г. в Германии работали пять с половиной миллионов иностранных рабочих, из них полтора миллиона военнопленных и четыре миллиона из гражданского населения, в том числе — как говорится в этом документе — 1200 тысяч с Востока, 1 миллион из бывших польских областей, 200 тысяч из Чехословакии, 65 тысяч хорватов, 50 тысяч сербов и т. д.». Далее в этом документе говорится: «Уравнение цен должно быть произведено за счет страны-поставщицы...» На странице 14 указывается, что в оккупированных областях «главный интерес заключается не в пользе для населения, а в использовании экономических сил страны».

На странице 16 имеется такая запись: «Относительно оккупированных стран восточных областей: цены там гораздо ниже, чем немецкие цены, этим уже достигнуты большие выгоды в пользу кассы рейха». На странице 19 даны сведения о клиринговом долге Германии в сумме 9,3 миллиарда марок, причем клиринговое сальдо составляет для Чехословакии минус два миллиона, по Сербии — минус 219 миллионов, по Хорватии — минус 85 миллионов, Словакии — минус 301 миллион. И, наконец, на странице 22 документа говорится: «Цены в оккупированных восточных областях удерживаются на таком низком уровне, на каком это возможно. Уже сейчас достигаются выгоды, но они употребляются на покрытие долгов рейха, и высота заработной платы, вообще говоря, представляет одну треть немецкой».

Вы признаете, что такой планомерный грабеж, проводившийся немецкими захватчиками в гигантских размерах, не мог быть осуществлен без вашего активного участия как министра экономики, президента рейхсбанка и генерального уполномоченного по вопросам экономики?

Функ: Я опять вынужден подчеркнуть, что во время войны я не был уполномоченным по вопросам экономики. Но относительно этого документа я хотел бы сказать следующее. Здесь речь идет о доставленных в Германию рабочих из-за границы и оккупированных стран. Я сам подчеркивал, и это было доказано показаниями, что я в принципе был против доставки из оккупированных областей рабочих рук в большом объеме в Германию, так как это наносило ущерб экономическому положению этих областей. О насильственной доставке я уже не говорю. Против этого я, само собой разумеется, также выступал. Если здесь какой-то референт, которого я не знаю, сказал, что внешнеполитические соображения в отношении оккупирован-

ных областей не имеют значения, так как самое главное для нас — это использование экономических возможностей в этих областях, а не соблюдение интересов населения, то я должен возражать против этого, поскольку это не является моей точкой зрения. Это, очевидно, личное мнение того референта, которого, еще раз повторяю, я не знаю. Совершенно понятно, что если в оккупированной области не существует должного экономического порядка, то ни о каком производстве в этой области не может быть речи. Если цены там не установлены так, что люди могут существовать и социальная жизнь может держаться в порядке, то ни о какой продукции этих областей не может быть речи.

Что касается клиринговых долгов, то я уже вчера объяснил, что клиринговая система была обычной торговой системой для Германии и что я всегда признавал клиринговые долги настоящими долгами, которые после войны должны были быть оплачены валютой в соответствии с ее покупательной силой. Я в этом не усматриваю никакого разграбления.

Что касается всего остального, то я могу сказать, что экономика оккупированных областей не входила в мою компетенцию, что у меня не было полномочий издавать указания. Мое участие заключалось в том, что я посылал в отдельные учреждения чиновников, как и все другие инстанции, и что между этими учреждениями и инстанциями в самой Германии существовало сотрудничество. За руководство экономикой в оккупированных областях я на себя ответственность не беру. Здесь рейхсмаршал совершенно ясно заявил, что вся ответственность за решение экономических вопросов падает на него.

Рагинский: Я понимаю, сотрудничать — вы сотрудничали, а отвечать вы не хотите. А вы помните свои показания, которые дали 22 октября 1945 г. во время вашего допроса? Когда речь шла о насильственной мобилизации иностранных рабочих, вас спросили, знали ли вы об этом и возражали ли против этого? Не правда ли? Вы ответили: «Нет, почему именно я должен был возражать?...»

Функ: Нет, это неправильно. Я протестовал против насильственной мобилизации рабочих, против того, что такое громадное количество людей должно было покинуть свои области, так как экономика в данных оккупированных областях замирала вследствие этого.

Рагинский: У меня последний вопрос. Вы помните статью, опубликованную в газете «Дас Рейх» от 18 августа 1940 г. в связи с вашим пятидесятилетием? Эта статья называется «Вальтер Функ — пионер национал-социалистского мышления». Я ее представляю как документ под номером СССР-450 и зачитаю несколько отрывков из этой статьи.

«Начиная с 1931 года, Вальтер Функ как личный советник по экономическим вопросам и уполномоченный фюрера по экономике, неумолимо сочетавший работу в партии и хозяйстве, сделался человеком, прокладывающим путь для новой позиции немецких предпринимателей. Если при перевороте 1933 года более чем десять лет господствовавшие в немецкой официальной жизни противоречия между политикой и хозяйством, особенно противоречия между политикой и предпринимателями, постепенно стирались, если существовавшая преданность общему делу стала составной частью всех работ, то это является заслугой Функа, который проводил широкую разъяснительную работу в своих выступлениях и трудах, начиная с 1929 года».

И последний, заключительный абзац этой статьи: «Вальтер Функ остался себе верен потому, что он был, есть и будет национал-социалистом, борцом, посвящающим все свои работы победе идеалов фюрера».

Каковы так называемые идеалы вашего фюрера — знает теперь весь мир. Вы признаете правильность оценки вашей личности и деятельности, которая дана в этой статье?

Функ: В общем и целом — да.

Рагинский: У меня нет больше вопросов.

ДОПРОС ШАХТА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 2 и 3 мая 1946 г.]

Джексон: Подсудимый Шахт, в то время, когда нацисты захватили власть, у вас ведь были связи во всем мире и вы занимали высокое положение одного из первых банкиров не только Германии, но и всего мира, не так ли?

Шахт: Я не знаю, так ли это. Но если вы придерживаетесь такого мнения, то я не буду вам противоречить.

Джексон: Тем не менее, насколько нам известно, вы открыто выступали в Германии перед германским народом с поддержкой нацистского режима, причем в этих выступлениях вы шли бок о бок с такими лицами, как Штрейхер и Борман?

Шахт: Господин судья, я разрешу себе разъяснить здесь, что до июля 1932 года я никоим образом не выступал публично в пользу Гитлера или партии, что, напротив, например, в Америке я предостерегал от Гитлера.

Джексон: Я говорю о ваших открытых выступлениях вместе со Штрейхером и Борманом перед германским народом, целью которых была поддержка нацистской программы после захвата власти.

Шахт: Меня никогда не видели вместе с Борманом и Штрейхером. Во всяком случае, в то время. Возможно, что они были на том же партийном съезде, где был и я, что они сидели недалеко от меня и т. п., но, во всяком случае, в 1933 году меня в обществе не видели вместе ни с Борманом, ни со Штрейхером.

Джексон: Я попрошу, чтобы вам показали фотографию коллекции Гофмана № 10.

(Шахту предъявляют фотографию.)

Вы без труда узнаете себя на этой фотографии, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: По правую руку от вас сидит Борман?

Шахт: Да.

Джексон: Рядом с Борманом сидит министр труда?

Шахт: Да.

Джексон: По другую сторону от вас находится Гитлер?

Шахт: Да.

Джексон: А за ним Штрейхер?

Шахт: Я не узнаю его, я не знаю, Штрейхер ли это, может быть, и он.

Джексон: Возможно, вполне достаточно будет того факта, что вы их опознали.

Шахт: Господин судья, вы сказали, что в 1933 году я якобы появлялся публично как представитель национал-социалистской партии вместе со Штрейхером и Борманом. Я очень хотел бы знать, как была снята эта фотография и когда. Я не могу вспомнить этого.

Джексон: Вы отрицаете, Шахт, что эта фотография...

Шахт: Нет, нет, ни в коем случае. Я только спрашиваю, когда это было. Мне кажется, что эта фотография относится не к периоду 1933—1934 гг.

Джексон: Может быть, вы нам скажете, к какому периоду это относится?

Шахт: Я не знаю, я не могу этого установить.

Джексон: Я покажу вам другую фотографию. На фотографии вы маршируете вместе с Леем и рядом других лиц?

Шахт: Да.

Джексон: На другой фотографии вы входите в зал и отдаете нацистское приветствие?

Шахт: Да, да.

Джексон: Лей был тем человеком, который преследовал рабочие союзы в Германии?

Шахт: Да.

Джексон: И вы признаете аутентичность этих фотографий?

Шахт: Конечно.

Джексон: Вы показали здесь, что вы не стали членом партии по принципиальным соображениям, что членство в партии не соответствовало вашим принципам?

Шахт: Это верно.

Джексон: Вы также заявили, что с 1932 года по 30 января 1933 года, — я цитирую ваши слова — «В течение всего этого времени я не написал и не произнес публично ни одного слова в пользу Гитлера».

Шахт: Я думаю, что это верно, если вы делаете ударение на слове «публично».

Джексон: Я хочу задать вам следующий вопрос. Вы также сказали: «Я никогда и никоим образом не способствовал росту влияния Гитлера в своих разговорах с такими компетентными людьми, как Гинденбург, Мейснер и др. Я также

ни в коей мере не содействовал назначению Гитлера рейхсканцлером». Это правильно?

Шахт: Это правильно.

Джексон: Сейчас я хочу процитировать заявление фон Папена.

«Когда я был канцлером в Германии в 1932 году, ко мне зашел Шахт; это было в июле или в августе, я был дома. Он сказал мне: «Вот исключительно способный человек». Это было сказано в присутствии моей жены, и я никогда не мог забыть об этом. Он сказал мне: «Отдайте ему вашу должность. Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию».

Вы это говорили или нет?

Шахт: Я не помню, чтобы я сказал, что он — единственный человек, который может спасти Германию. Но я сказал ему, что Гитлер должен стать и станет канцлером. Это было в июле или августе после июльских выборов, но это не имеет никакого отношения к назначению Гитлера, о котором стали говорить лишь после отставки кабинета Шлейхера.

Джексон: В ответ на мой вопрос вы только что заявили, что вы не имели никакого отношения к его назначению на должность канцлера.

Шахт: Это правда.

Джексон: А здесь сказано, что вы просили фон Папена передать свой пост Гитлеру?

Шахт: Да.

Джексон: И вы утверждаете — я хочу, чтобы вы сообщили по этому поводу все, что хотите, — вы утверждаете, что вы не способствовали приходу Гитлера на пост канцлера?

Шахт: Я не знаю, было ли это помощью Гитлеру. Во время допроса в качестве свидетеля меня спросили, оказывал ли я какое-либо влияние на выборы Гитлера и на назначение его канцлером в январе 1933 года. Я назвал имена Гинденбурга, Мейснера, то есть тот круг, который существовал вокруг Гинденбурга. С начала ноября 1932 года Папен уже не был канцлером, то есть не оказывал на эти дела никакого влияния. И в эти недели я ни разу не говорил с ним. После выборов 1932 года я, напротив, сказал Папену, что человек, получивший столько голосов в рейхстаге, неизбежно должен взять на себя политическое руководство.

Джексон: Я хочу правильно понять вас. Когда вы увидели, что Гитлер должен победить, вы к нему присоединились?

Шахт: Нет.

Джексон: Я сейчас разъясню то, что вы только что сказали. Вы не помогали ему до тех пор, пока он не захватил

в рейхстаге большее количество голосов, чем какая-либо другая партия?

Шахт: Я присоединился к Гитлеру не тогда, когда я увидел, что он победит, а тогда, когда я констатировал, что он уже победил.

Джексон: Ну, хорошо, я принимаю эту поправку. Вы ссылались на ваше письмо к Гитлеру от 20 августа 1932 г...

Шахт: Да.

Джексон: ...в котором вы советовали ему не выдвигать никакой детализированной экономической программы?

Шахт: Да.

Джексон: Вы утверждали в этом письме, что нет такой экономической программы, с которой бы согласились 40 миллионов человек?

Шахт: Да.

Джексон: И вы сказали ему, что экономическая политика не может являться фактором при построении партии?

Шахт: Да.

Джексон: И вы добавили: «Вы всегда можете полагаться на меня как на заслуживающего доверия помощника». Вы так сказали?

Шахт: Да.

Джексон: Таким образом, это было уже после того, как он победил?

Шахт: Да.

Джексон: И затем 12...

Шахт: Ноября.

Джексон: Совершенно верно. Таким образом, 12 ноября 1932 г. вы написали ему письмо, в котором вы, помимо прочего, писали: «Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к назначению вас канцлером».

Шахт: Да.

Джексон: «По всей вероятности, наши попытки собрать для этой цели целый ряд подписей со стороны промышленных кругов не оказались бесплодными». Вы так писали?

Шахт: Да.

Джексон: Значит, вы собирали подписи для этой цели?

Шахт: Нет, не я, но я участвовал в этом.

Джексон: Значит, вы содействовали его назначению?

Шахт: Да.

Джексон: В ноябре 1932 года был подготовлен документ, который должно было подписать значительное число промышленников и в котором содержался призыв избрать Гитлера рейхсканцлером. Таково было основное содержание этого документа? Не так ли?

Шахт: Я уже не помню этого документа, но я полагаю, что это тот документ.

Джексон: И этот документ подписали такие люди, как Шахт, Шредер, Крупп и еще большое число промышленников, не так ли?

Шахт: Да, возможно.

Джексон: Этот документ был послан фон Гинденбургу?

Шахт: Я этого не знаю.

Джексон: Этот документ был составлен с целью содействовать назначению Гитлера на пост канцлера?

Шахт: Возможно.

Джексон: Этот документ адресован рейхспрезиденту, не так ли?

Шахт: Я не видел этого документа, но, наверное, это так.

Джексон: Таким образом, вы не отрицаете факта существования этого документа?

Шахт: Я полагаю, что это так, я его не видел, но я не сомневаюсь, что это так.

Джексон: Затем в ноябре 1932 года вы сообщили Гитлеру о результатах вашей кампании по созданию денежных фондов, не так ли?

Шахт: Об этом я ничего не знаю.

Джексон: Я сейчас напомним вам то, что вы говорили на вашем допросе. Прежде всего я приведу вам ваши показания, в которых вы говорили, что, по-видимому, вы не посылали запроса о денежных фондах, но что о них запрашивал Геринг. Я хочу спросить вас, давали ли вы следующие ответы на вопросы, которые были заданы вам во время допроса 9 октября 1945 г. Эти вопросы относились к событиям февраля 1933 года.

Шахт: Когда это было?

Джексон: События, имевшие место в феврале 1933 года. Возвратимся к 1933 году. Вам был задан следующий вопрос: «Вы припоминаете совещание в доме Геринга, происходившее до того времени, когда вы были назначены Гитлером на пост президента рейхсбанка?»

Ответ: Да. Это было совещание финансового характера. Меня уже несколько раз допрашивали по этому поводу.

Вопрос: Расскажите об этом.

Ответ: Хорошо, с удовольствием. Выборы Гитлера должны были состояться 5 марта, и для этой избирательной кампании он нуждался в деньгах. Он попросил меня обеспечить его деньгами, и я это сделал. Геринг созвал всех этих людей, и я произнес речь. Пожалуй, это нельзя назвать речью, так как Гитлер произнес речь. Я просил их сказать, на какие денежные суммы они могут подписываться, и произвести подписку в пользу вы-

боров. Они подписались на общую сумму в три миллиона и распределили ее между собой.

Вопрос: Скажите, кто были те люди, которые составили этот подписной лист?

Ответ: Мне кажется, что все это были банкиры и промышленники. Они представляли химическую, металлургическую и текстильную промышленность, фактически все отрасли промышленности.

Вопрос: Таким образом, там были представители всех отраслей промышленности?

Ответ: Да, представители всех видов промышленности, всех наиболее значительных видов промышленности.

Вопрос: Вы можете припомнить имена некоторых из этих людей?

Ответ: Да, конечно.

Вопрос: Там был Крупп?

Ответ: Старый Густав Крупп. Он поднялся со своего места, благодарил Гитлера и говорил тогда о нем с большим энтузиазмом. Затем там был Шницлер, мне кажется, это был именно он, а также Фоглер, из концерна сталелитейных заводов».

Вы давали эти показания?

Шахт: Конечно.

Джексон: Вы ссылались на протокол одного совещания. На этом совещании Геринг кратко изложил содержание этого протокола, не правда ли? «Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в том, что выборы 5 марта будут последними на протяжении следующих десяти лет и, может быть, даже на протяжении следующих ста лет».

Вы слышали, когда он говорил это, не правда ли?

Шахт: Да.

Джексон: Вчера или позавчера вас допрашивали по поводу той поддержки и тех почестей, которые вы оказали Геббельсу. Вы заявили Суду: «Если господин Геббельс совершил ошибку, то это не моя вина». Вы припоминаете эти слова?

Шахт: Да.

Джексон: Я спрашиваю вас, дали ли вы следующие показания следователю, представлявшему Соединенные Штаты, когда вас допрашивали о Геббельсе 17 октября 1945 г.?

«**Вопрос:** Когда вас заинтересовало сотрудничество с Гитлером?»

Ответ: Я бы сказал, с 1931, 1932 гг.

Вопрос: Именно тогда вы увидели, что он возглавляет массовое движение, которое может прийти к власти?

Ответ: Да. Это движение безостановочно росло.

Вопрос: И в те годы вы открыто заявляли о своей поддержке Гитлера?

Ответ: Кажется, в декабре 1930 года я по возвращении из Америки сделал заявление перед членами Баварской народной партии. Я тогда сказал, что любое будущее правительство должно будет выбрать, бороться ли ему против 25 процентов социалистов в составе правительства или против 20 процентов национал-социалистов.

Вопрос: Но я хотел спросить вас о том — я изложу это более кратким образом, — отдали ли вы ваш престиж и ваше имя, чтобы помочь Гитлеру прийти к власти?

Ответ: Я открыто заявлял, что я ожидал прихода Гитлера к власти. Насколько я помню, первый раз я сделал подобное заявление в ноябре 1932 года.

Вопрос: И вы знаете, а может быть, и не знаете, что Геббельс в своем дневнике с большой благодарностью вспоминал вас?

Ответ: Да.

Вопрос: О той помощи, которую вы ему оказали в то время?

Ответ: Да, я это знаю.

Вопрос: Это был ноябрь 1932 года?

Ответ: Вы говорите, эта книга называется «От дворца кайзера до имперской канцелярии».

Вопрос: Совершенно верно. Вы читали это?

Ответ: Да.

Вопрос: И вы не отрицаете, что Геббельс был прав?

Ответ: Я считаю, что в его представлении он в то время был прав».

Джексон: Вы давали эти показания?

Шахт: Я никогда не сомневался, что Геббельс находился под таким впечатлением...

...**Джексон:** И вы также заявили, что вам никогда не было известно о размерах перевооружения, о типах оружия, о той быстроте, с которой проводилось перевооружение. Вы припоминаете это заявление?

Шахт: Да.

Джексон: Однако, хотя вы не располагали подобными сведениями, вы говорили о том, что оно идет слишком интенсивно?

Шахт: Я чувствовал, что нужно действовать медленно.

Джексон: Разрешите мне напомнить вам об одном показании, данном генералом фон Бломбергом по поводу событий 1937 года.

«**Ответ:** В то время создание вермахта было почти закончено в соответствии с предусмотренным планом.

Вопрос: Когда? В 1937 году?

Ответ: Да, я думаю, что это было в 1937 году.

Вопрос: Это был именно тот план, который обсуждался с Шахтом, относительно его финансирования и по вопросу о том, каких размеров должен был достичь вермахт?

Ответ: Да, Шахт очень хорошо знал план формирования вермахта, так как мы ежегодно сообщали ему о создании новых соединений, на которые мы расходовали деньги. Я помню, что в 1937 году мы обсуждали вопрос о том, какие денежные суммы будут необходимы вермахту для текущих расходов после того, как на его создание будет истрачена весьма значительная сумма.

Вопрос: Это означает, что вы давали Шахту ясное представление о том, какие денежные суммы ежегодно уходили на создание новых боевых частей, новых сооружений и т. д., а также о том, сколько средств тратилось на покрытие текущих расходов вермахта?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: Когда вы говорите, что в 1937 году этот план был выполнен, вы имеете в виду, что он был выполнен в основных чертах?

Ответ: Да, в основных чертах.

Вопрос: Вы говорите о том, что Шахт был знаком с этими цифрами. Каким образом они доводились до его сведения?

Ответ: Запросы на представление необходимых денежных средств передавались Шахту в письменной форме.

Вопрос: Это означает, что в связи с теми средствами, которые Шахт выделял на проведение программы перевооружения, ему сообщалось о том, сколько дивизий, танков и прочих видов вооружения создавалось этим путем?

Ответ: Я не думаю, чтобы мы в отдельности указывали, какое количество средств необходимо для строительства танков и других видов вооружения, но мы обычно сообщали, каких средств требовало развитие отдельных отраслей вермахта, например, военно-морского флота или военно-воздушных сил, причем обычно отдельно указывалось, какие денежные суммы были необходимы для приведения этих отраслей в боевую готовность и какие шли на текущие расходы.

Таким образом, доктор Шахт мог ежегодно следить за тем, каким образом увеличивались размеры вооруженных сил на те денежные средства, которые он поставлял».

Я спрашиваю вас, отрицаете ли вы правильность показаний, данных фон Бломбергом в том виде, в каком я их сейчас огласил?

Шахт: Да, к сожалению, я должен сказать, что мне это совершенно неизвестно.

Джексон: Вы отрицаете, что фон Бломберг говорил

правду, когда заявил, что он в письменной форме докладывал вам об этих фактах?

Шахт: Да, к сожалению, я должен это отрицать. Очевидно, он не помнит этого.

Джексон: Хорошо. Вчера или позавчера вы дали показания по поводу того, что так называемый «новый план» не имел никакого отношения к программе вооружения, не так ли?

Шахт: Именно к вооружению никакого отношения.

Джексон: Значит, он не имел никакого отношения к этой программе?

Шахт: Конечно, нет.

Джексон: Я хочу спросить вас о следующем: разве вы не сказали о чудесах финансовой системы в вашей речи, произнесенной 29 ноября 1938 г., следующее — до этого вами был приведен целый ряд цифр: «Эти цифры показывают, насколько «новый план» способствует проведению в жизнь программы вооружения, а также свидетельствуют о том, насколько этот план гарантирует обеспечение нас продуктами питания». Говорили вы это или нет?

Шахт: Да, говорил.

Джексон: Насколько я вас понял, вы в ваших показаниях заявили, что не имели совершенно ничего общего с Гитлером и с другими нацистами с социальной точки зрения. Вы отклонили их приглашение на завтрак, который должен был состояться в имперской канцелярии, и сделали это главным образом потому, что все присутствующие слишком явно унижались в присутствии Гитлера. Вы говорили об этом?

Шахт: Да.

Джексон: Я хочу сейчас огласить вам выдержку из вашей речи; это была ваша торжественная речь по случаю дня рождения фюрера. Между прочим, эта речь ведь была произнесена перед широкой публикой, не правда ли?

Шахт: Я не знаю, я не помню.

Джексон: Вы произнесли речь по случаю дня рождения фюрера 21 апреля 1937 г., и она была напечатана в газетах?

Шахт: Может быть.

Джексон: «Мы здесь собрались для того, чтобы с любовью и уважением вспомнить того человека, которому германский народ более четырех лет тому назад вручил свою судьбу».

Затем после ряда других замечаний вы говорите: «С безграничной страстью сердца, горящего ярким пламенем, и с безошибочным инстинктом прирожденного государственного деятеля Гитлер в борьбе, которую он со спокойной логикой вел в течение четырнадцати лет, завоевал себе душу германского народа».

Это является выдержкой из вашей речи, которая была произнесена перед широкой аудиторией и опубликована в печати?

Шахт: Я полагаю, что вы цитируете совершенно правильно, и я не думаю, чтобы кто-либо в день рождения главы государства мог сказать что-нибудь другое.

Джексон: Вы сегодня цитировали письмо Гитлера от 19 января 1939 г., в котором он сообщал о том, что вы смещаетесь с поста президента рейхсбанка. Но вы не огласили заключительного предложения; насколько я помню, оно гласит: «Я счастлив, что буду пользоваться вашими услугами при разрешении тех новых задач, которые встанут перед вами на посту имперского министра». Эта цитата приведена правильно, не правда ли?

Шахт: Я ссылаюсь на показания свидетеля Гизевинуса, который сказал, что внешне Гитлер никогда не раскрывал тех разногласий, которые существовали у него с его бывшими сотрудниками, и что он, напротив, всегда старался показать миру иную картину, чем это было в действительности.

После января 1939 года Гитлер ни разу не интересовался моим мнением, деятельностью и т. д.

Джексон: Вас еще кто-нибудь спрашивал об этом?

Шахт: Нет, те случаи, когда меня спрашивали, я перечислил сегодня утром, то есть в отношении Бельгии, в отношении журнала «Дас Рейх», и это все, я думаю.

Джексон: И вы не выполняли никаких задач в связи с Бельгией?

Шахт: Нет.

Джексон: Сейчас я буду цитировать ваше письмо от 17 октября 1940 г., адресованное имперскому министру экономики. В то время вы уже перестали быть президентом рейхсбанка, не так ли?

Шахт: Да, я был лишь министром без портфеля.

Джексон: «С целью избежания параллельной деятельности германских банков в оккупированных восточных территориях, то есть деятельности, направленной друг против друга, вы поручили «Дейче банк» пробить дорогу к более тесному экономическому сотрудничеству с Голландией и доверили Дрезденскому банку ту же задачу в отношении Бельгии».

Далее вы описывали создавшееся положение и говорили:

«Для того чтобы устранить эти трудности, вы, господин имперский министр, согласились с запросами этих двух банкирских домов относительно объективного выражения точек зрения по этому вопросу. Я впоследствии обсудил этот вопрос как с тем, так и с другим банком, и в процессе этого обсуждения мы пришли к заключению, что со стороны датских и бельгийских финансовых учреждений не замечается тенденции входить в тесные связи с германскими предприятиями».

Вы припоминаете это высказывание?

Шахт: Да, после того как вы мне зачитали, я припоминаю.

Джексон: Цель вашего вмешательства заключалась в том, чтобы избежать на оккупированных территориях несправильного соотношения банковских интересов оккупированных территорий и германских банков, не так ли?

Шахт: Конечно, они должны были мирно сотрудничать.

Джексон: Да. Однако вы заявили данному Трибуналу, что вы принципиально возражали против того, чтобы немецкие банки вообще проникали в экономику оккупированных территорий, не так ли?

Шахт: Конечно. Но после того как они туда проникли, я призывал к миру.

Джексон: К вам обратился также Крупп фон Болен по поводу создания фонда, который был известен под названием «фонд расходов Гитлера», не так ли?

Шахт: Нет.

Джексон: И он к вам никогда не обращался по этому поводу?

Шахт: Никогда.

Джексон: Создавали ли вы в мае 1933 года вместе с Круппом фон Болен фонды в помощь организации займа — я говорю о фондах расходов Гитлера?

Шахт: Нет.

Джексон: Что вы ответили на письмо Круппа фон Болен, в котором последний просил вас помочь созданию этих фондов?

Шахт: Напомните мне, пожалуйста, что мне писал тогда господин Крупп фон Болен.

Джексон: У вас имеется письмо от 29 мая?

Шахт: Да, минуточку. Я прочту это письмо или просмотрю его. Можно ли мне ответить на это?

Джексон: Прежде всего скажите, получали ли вы это письмо?

Шахт: Да, я получил это письмо.

Джексон: Хорошо. Теперь расскажите, что тогда произошло.

Шахт: В этом письме господин Крупп фон Болен сообщал мне, что промышленники и другие представители экономики, например из области сельского хозяйства и т. д., намерены организовать общественный сбор пожертвований в фонд Гитлера. Вот об этом он и сообщал в этом письме, в котором он далее говорил, что необходимо создать наблюдательный совет по этому фонду Гитлера. Я подчеркиваю, что я никогда не присоединился к этому совету и никогда не работал в нем. Затем он сообщил о том, что представители банков, а именно доктор

Фишер и доктор Мослер установят со мной связь по этому вопросу и будут информировать меня о положении вещей. Это все, что написано в этом письме.

Джексон: Вы привели Трибуналу целый ряд доводов, которые, по вашим словам, носили принципиальный характер, по поводу того, почему вы не стали членом партии. Вы помните их?

Шахт: Да.

Джексон: Вы говорили об этом вчера на Суде, вы упоминаете?

Шахт: Да.

Джексон: Разве не соответствует действительности тот факт, что вы сообщили американским обвинителям о том, что вы спросили Гитлера, должны ли вы вступить в партию, и что, к вашему великому облегчению, Гитлер сказал, что вы можете не вступать?

Шахт: Да, прежде чем начать какое-либо сотрудничество с ним, я хотел установить, потребует ли он от меня, чтобы я стал членом партии. Он ответил отрицательно. Это меня успокоило.

Джексон: Таким образом, вы оставались вне рядов партии с согласия и одобрения Гитлера?

Шахт: Да, конечно. Мне кажется, что это лишнее доказательство того, что я никогда не был членом партии.

Джексон: Когда вы получили золотой значок партии с изображением свастики, вы говорили, что это величайшая честь, которая может быть оказана Третьей империей. Вы помните об этом?

Шахт: Да, я сказал это.

Джексон: Вы не носили этого значка ежедневно, по вашим собственным словам, вы одевали его в официальных случаях, не так ли?

Шахт: Да, это приносило большие удобства при поездках по железной дороге, при вызове автомобиля и т. п.

Джексон: С 1933 по 1942 год вы ежегодно вносили в фонд партии тысячу рейхсмарок?

Шахт: Нет, да, простите, с 1937 до 1942 года.

Джексон: Разве вы во время допроса не заявили, что речь шла о периоде с 1933 по 1942 год?

Шахт: Нет, это ошибка. С 1937 года, после того как я получил свастику.

Джексон: В течение более десяти или в период немногим менее десяти лет вы принимали на себя и выполняли обязанности самого различного характера, действуя в условиях этого режима, не так ли?

Шахт: С 17 марта 1933 г. по 21 января 1943 г.

Джексон: Насколько я вас понимаю, на протяжении всего этого времени или, по крайней мере, части этого времени Гитлер вас обманывал, и в течение всего этого времени вы обманывали Гитлера.

Шахт: О, нет, нет.

Джексон: Что касается программы перевооружения, то вы принимали в ней участие, работая в трех различных управлениях, не так ли?

Шахт: Я не знаю, что вы имеете в виду.

Джексон: Во-первых, вы были уполномоченным по военным вопросам?

Шахт: Да.

Джексон: В первое время эта должность носила секретный характер?

Шахт: Да.

Джексон: Вы были президентом рейхсбанка. Это было финансовое управление?

Шахт: Да.

Джексон: И, наконец, вы были министром экономики; занимая этот пост, вы имели контроль над всеми министерствами по вопросам общего экономического положения?

Шахт: Да, это слово «контроль» имеет слишком общее значение, я не хотел бы подчеркивать его, но я был министром хозяйства.

Джексон: Давайте прежде всего остановимся на вашей должности уполномоченного по военным вопросам. Вы показали здесь, что эта должность была создана с двойной целью: а) подготовки к войне, б) контроля над экономикой в случае войны. Это правильно?

Шахт: Это значит: разработка предварительных планов на случай войны и руководство экономикой на тот же случай. Это значит: настоящая подготовительная эра и будущая эра в случае возникновения войны.

Джексон: На вопрос относительно ваших обязанностей вы дали следующий ответ:

«Подобно тому, как начальник штаба обеспечивает мобилизацию с военной точки зрения, мы занимались теми же вопросами в экономической области».

Шахт: Да.

Джексон: Вы ответили — «конечно». Будучи уполномоченным по военным вопросам, вы занимали положение, равное положению военного министра, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И, таким образом, в случае войны ответственность в первую очередь возлагалась на военного министра и начальника генерального штаба вооруженных сил, и во вторую —

на равных основаниях она возлагалась на доктора Шахта как на уполномоченного по экономическим вопросам. Это правильно?

Шахт: Я полагаю, что правильно.

Джексон: В январе 1937 года вы писали следующее:

«Мне доверена подготовка военной экономики в соответствии с тем принципом, что наша военная экономика должна быть организована в мирное время таким образом, чтобы в случае необходимости она могла быть немедленно переведена с продукции мирного времени на военные нужды; с тем, чтобы не было необходимости создавать эту экономику в начале войны».

Шахт: Я думаю, что это правильно.

Джексон: Кто был вашим заместителем на этом посту? Вольтат?

Шахт: Я думаю, что Боденшатц Вольтат.

Джексон: Таким образом, мы говорили о ваших обязанностях как уполномоченного по вопросам военной экономики. Перейдем теперь к вашим обязанностям как президента имперского банка.

Вы заявили, что проведение программы вооружения было основной задачей германской политики в 1936 году, не так ли?

Шахт: Без сомнения.

Джексон: Нет сомнения в том, что вы добровольно приняли на себя ответственность за отыскание финансовых и экономических методов для осуществления этой задачи?

Шахт: Несомненно.

Джексон: И вы руководили развитием промышленности вооружения Германии, причем в вашем ведении находились финансовые и экономические вопросы?

Шахт: Нет.

Джексон: Вы этого не делали?

Шахт: Нет, никоим образом.

Джексон: Может быть, я вас неправильно понял?

Теперь в связи с настоящим развитием — я ссылаюсь на ваш допрос от 16 октября 1945 г. — «...вы взяли на себя ведение экономических и финансовых дел, связанных с этой промышленностью?».

Следующий вопрос гласит: «В этой связи вами были приняты самые различные меры. Может быть, вы будете достаточно любезны разъяснить нам, какие самые значительные меры были вами приняты с целью добиться перевооружения; в первую очередь, расскажите нам о мерах, проведенных внутри Германии, и, во-вторых, о мерах, принятых по отношению к иностранным государствам».

Ответ: Внутри страны я стремился собрать все возможные денежные средства для финансирования счетов «МЕФО». В отношении иностранных государств я стремился в возможно большей степени контролировать их коммерческие обороты».

Скажите, давали ли вы эти ответы и отвечают ли они действительности?

Шахт: Очевидно, вы правы.

Джексон: Вы стремились добиться контроля над торговыми оборотами иностранных государств с той целью, чтобы получить достаточное количество иностранной валюты, которое дало бы вам возможность импортировать сырьевые материалы, то есть материалы, не подвергавшиеся обработке, необходимые для проведения в жизнь программы перевооружения. Разве это неправильно?

Что вы сейчас ответите на это?

Шахт: Я отвечу сегодня, что это было не единственной целью.

Джексон: Хорошо. Что же представляли собой другие цели?

Шахт: Сохранить существование Германии, обеспечить производство в Германии, получить достаточно продовольствия для Германии.

Джексон: Что же являлось вашей доминирующей целью?

Шахт: Обеспечение Германии продовольствием и обеспечение ее промышленности, работающей на экспорт.

Джексон: Я хотел бы рассмотреть с вами один-два документа, касающихся ваших целей.

Один озаглавлен: «Финансирование вооружения».

«Следующие замечания основаны на утверждении о том, что осуществление программы вооружения в отношении быстроты ее проведения и ее масштабов является задачей германской политики; исходя из этого, все остальные задачи должны быть подчинены одной этой цели в той мере, в какой стремление к этой первостепенной цели не грозит пренебрежительным отношением к другим вопросам». Вы писали это?

Шахт: Я не только написал это, но и лично передал написанное Гитлеру.

Джексон: Таким образом, вы разрабатывали различные планы. План контроля над операциями с иностранной валютой, наложение запрета на вклады иностранных банков и векселя «МЕФО» являлись одним из ваших основных изобретений, при помощи которых вы обеспечивали финансирование, не так ли?

Шахт: Конечно.

Джексон: Меня не интересуют подробности операций с векселями «МЕФО», но я хочу задать вам следующий вопрос.

Отвечают ли действительности те показания, которые вы дали во время допроса 16 октября 1945 г.?

Вопрос: Разрешите мне задать вам вопрос, касающийся некоторых фактов. В то время, например, когда вы создали систему векселей «МЕФО», у вас не было под рукой других средств для финансирования системы перевооружения?

Ответ: Нет, не было.

Вопрос: Я имею в виду обычные бюджетные финансовые операции.

Ответ: Их было недостаточно.

Вопрос: Вы были также ограничены статутом рейхсбанка, который не давал вам возможности давать в кредит денежные суммы, необходимые для финансирования перевооружения?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: И вы нашли иной способ?

Ответ: Да.

Вопрос: Этот способ выражался в том, что вы изобрели средство, в результате которого рейхсбанк путем изворотливых операций выплачивал правительству денежные суммы, что при нормальных и законных операциях не могло бы иметь места?

Ответ: Совершенно верно».

Скажите, это отвечает действительности?

Шахт: Да, я ответил так.

Джексон: Вам тогда были заданы следующие вопросы: «Насколько я понял, все то, что в то время было создано в Германии, начиная с промышленности вооружения и прочной экономики внутри страны и кончая вермахтом, а также те усилия, которые вы приложили к достижению этого, начиная с 1934 и до весны 1938 года, когда прекратилась система векселей «МЕФО», являются в значительной степени причиной успеха всей программы?

Ответ: Я не знаю, что является причиной этого, но я в значительной степени содействовал достижению этого».

Шахт: Да.

Джексон: 17 октября 1945 г. вам был задан следующий вопрос: «Говоря другими словами, вы не придерживаетесь той точки зрения, что вы не несли значительной ответственности за перевооружение германской армии?»

Ответ: Нет, нет. Я никогда не говорил ничего подобного.

Вопрос: Вы всегда гордились этим фактом, не так ли?

Ответ: Я не сказал бы, что я горд этим, но я был этим удовлетворен».

Скажите, вы все еще стоите на этой точке зрения?

Шахт: Я хочу сказать об этом следующее: векселя «МЕФО» были, конечно, методом финансирования, который при нормальных условиях никогда бы не имел места. Но, с другой

стороны, я должен сказать, что этот вопрос был детально рассмотрен всеми юристами имперского банка и что благодаря этой «уловке», как вы сказали, был найден путь, не выходящий за рамки закона.

Джексон: Нет, я не говорил так. Это вы сами так говорите.

Шахт: Нет, нет, я имею в виду то, что вы только что цитировали в качестве моего ответа. Когда этот вопрос был исследован с юридической стороны, мы сказали себе: «Так пойдет». А вообще я и сегодня доволен тем, что я помог вооружению.

Джексон: В день вашего шестидесятилетия военный министр фон Бломберг заявил: «Без вашей помощи, мой дорогой господин Шахт, у нас не было бы вооружения». Говорил он так?

Шахт: Ну, это просто вежливые фразы, какими обмениваются обычно в таких случаях. Но в них содержится добрая толика правды. Этого я никогда не оспаривал.

Джексон: 24 декабря 1935 г. вы записали, употребляя следующие выражения: «Если сейчас от нас требуется больше вооружения, то я, безусловно, не намерен отрицать необходимость для нас иметь самое мощное вооружение, какое можно себе представить, или изменять свою точку зрения по этому поводу, точку зрения, которой я придерживался многие годы как до, так и после захвата власти. Однако я считаю своим долгом указать, насколько эта политика ограничена существующим положением».

Шахт: Это очень хорошо.

Джексон: И это правда?

Шахт: Конечно.

Джексон: Во время австрийского аншлюсса вам была известна точка зрения США по отношению к нацистскому режиму, высказанная президентом Рузвельтом?

Шахт: Да.

Джексон: И вам было известно его выступление, в котором он выдвинул предложение о том, что следует принять меры против распространения нацистской угрозы?

Шахт: Я не помню, но я, очевидно, читал, если оно было опубликовано в Германии. Во всяком случае, я так полагаю.

Джексон: В результате этого Геббельс начал кампанию нападок на президента, не правда ли?

Шахт: Я полагаю, что я читал об этом.

Джексон: Это факт, что вы присоединились к нападкам на иностранцев, критиковавших эти методы, не правда ли?

Шахт: Когда и где? Какие нападки?

Джексон: Хорошо. После аншлюсса Австрии, когда была применена сила, которую вы якобы не одобряли, вы немедленно

поехали в Австрию и взяли на себя руководство Австрийским национальным банком, не правда ли?

Шахт: Да, это был мой долг.

Джексон: И вы ликвидировали его в пользу империи?

Шахт: Я его не ликвидировал. Я осуществил его слияние.

Джексон: Произвели слияние. И вы приняли его служащих?

Шахт: Я все взял.

Джексон: Хорошо. И декрет об этом подписан вами?

Шахт: Конечно.

Джексон: И вы 21 марта 1938 г. собрали всех служащих?

Шахт: Да.

Джексон: И произнесли перед ними речь?

Шахт: Так точно.

Джексон: Говорили ли вы им среди прочего:

«Мне кажется, что будет целесообразно, если мы вспомним эти вещи для того, чтобы разоблачить все ханжеское лицемерие иностранной прессы. Но, слава богу, все это, в конце концов, никак не может помешать великому германскому народу, потому что Адольф Гитлер создал единство воли и мысли немцев; он скрепил все это новыми мощными вооруженными силами, и он, наконец, облек во внешнюю форму внутреннее единство между Германией и Австрией.

Я известен тем, что иногда высказываю оскорбительные мысли, и здесь я не хотел бы отклоняться от этой привычки».

Указано, что в этой части вашей речи раздался смех.

«Я знаю, что даже в этой стране есть некоторые лица, — я думаю, что их очень немного, — которые не одобряют событий последних дней. Однако я не думаю, чтобы кто-либо сомневался в цели, и надо сказать всем ворчунам, что всех сразу удовлетворить нельзя. Некоторые говорят, что они, быть может, сделали бы по-другому. Однако фактически никто этого не сделал» — здесь в скобках снова стоит слово «смех». Теперь продолжайте цитировать вашу речь:

«...Это сделал лишь наш Адольф Гитлер. А если и следует еще что-либо усовершенствовать, то пусть эти улучшения будут внесены этими ворчунами внутри германской империи и внутри германского общества, но нельзя, чтобы это было сделано извне».

Вы это говорили?

Шахт: Да.

Джексон: Другими словами, вы открыто высмеивали тех, кто жаловался на эти методы действия, не правда ли?

Шахт: Если вы это так воспринимаете, то пожалуйста.

Джексон: Затем, выступая перед служащими Австрийского национального банка, которых вы приняли, вы сказали следующее:

«Я считаю совершенно невозможным, чтобы хотя бы одно единственное лицо, которое не всем сердцем за Адольфа Гитлера, смогло в будущем сотрудничать с нами».

Продолжаю цитировать речь:

«Кто с этим не согласен, пусть лучше добровольно покинет нас».

Скажите, это так было?

Шахт: Да.

Джексон: В тот день, выступая перед служащими банка, вы сказали — не правда ли? — следующее:

«Рейхсбанк никогда не будет не чем иным, как национал-социалистским учреждением, или я перестану быть его руководителем».

Это так и было?

Шахт: Да, так точно.

Джексон: Я спрашиваю вас, сказали ли вы в качестве руководителя рейхсбанка служащим, которых вы взяли себе в Австрии, следующее. Я цитирую:

«Теперь я попрошу вас встать (присутствующие встают). Теперь мы присягаем в нашей преданности великой семье рейхсбанка, великому германскому обществу. Мы присягаем в верности нашей воспрянувшей, мощной, великой германской империи. И все эти сердечные чувства мы выражаем в преданности человеку, который осуществил все эти преобразования. Я прошу вас поднять руки и повторить вслед за мной:

«Я клянусь, что я буду преданным и буду повиноваться фюреру германской империи и германского народа Адольфу Гитлеру и буду выполнять свои обязанности добросовестно и самоотверженно».

(Присутствующие принимают присягу путем поднятия рук.)

Вы приняли эту присягу. Будь проклят тот, кто нарушит ее. Нашему фюреру трижды «Зиг, хайль!».

Это правильное описание того, что произошло?

Шахт: Эта присяга является предписанной для чиновников присягой. Все в ней полностью соответствует тому, что я вчера показывал здесь, в зале Суда, а именно, что мы присягали главе государства.

Джексон: Теперь мы переходим к Чехословакии. Скажите, вы одобряли политику присоединения Судетской области при помощи угрозы прибегнуть к оружию?

Шахт: Нет, вовсе нет.

Джексон: Я полагаю, что вы охарактеризовали метод присоединения Судетской области как неправильный и порицали его?

Шахт: Что-то я не помню, когда я это сделал. Я сказал, что союзники в результате своей политики подарили Гитлеру

Судетскую область, в то время как я все время ожидал, что судетским немцам будет предоставлена автономия.

Джексон: Тогда вы одобряли политику Гитлера в отношении Судетской области? Вы хотите, чтобы вас так поняли?

Шахт: Я никогда ничего не знал о том, что Гитлер требовал еще чего-то помимо автономии.

Джексон: Ваша единственная критика по вопросу Судетской области относилась только к союзникам, насколько я понимаю?

Шахт: Это значит, что она относилась также и к чехам и к самим немцам. Я не хочу играть здесь роль судьи, боже меня сохрани, но я имею в виду...

Джексон: Ну, хорошо. Я спрашиваю вас следующее: 16 октября 1945 г. дали вы следующие ответы на вопросы?

«Вопрос: Вернемся к выступлению против Чехословакии, за которым последовала «умиротворяющая» политика Мюнхена и передача Судетской области империи. Скажите, вы тогда одобряли политику приобретения Судетской области?»

Ответ: Нет.

Вопрос: Одобряли ли вы в то время политику угрозы Чехословакии оружием для того, чтобы присоединить Судетскую область?

Ответ: Нет, конечно, нет.

Вопрос: Тогда я вас спрашиваю, скажите, поразило ли вас в то время или дошло ли до вашего сознания то, что Гитлер угрожал Чехословакии именно вооруженными силами и военной промышленностью?

Ответ: Он не мог этого сделать без вооруженных сил».

Скажите, вы дали эти ответы?

Шахт: Так точно.

Джексон: Продолжаем дальше.

«Вопрос: Считали ли вы тот метод, который он применял к судетскому вопросу, неправильным или достойным порицания?»

Ответ: Да.

Вопрос: Скажите, вы действительно считали?

Ответ: Да, сэр.

Вопрос: Разве в то время вы не считали, на основании предшествовавших событий и вашего участия в них, что эта армия, которую он использовал в качестве угрозы по отношению к Чехословакии, была, по крайней мере, частично вашим собственным созданием?

Ответ: Я не могу этого отрицать».

Шахт: Конечно, нет.

Джексон: Но опять-таки вы стали помогать Гитлеру, когда действия Гитлера оказались успешными?

После того как он это сделал, вы явились и приняли на себя чешский банк, не правда ли?

Шахт: Конечно.

Джексон: Хорошо, вы производили расчистку в экономическом отношении захваченных Гитлером территорий, не правда ли?

Шахт: Но простите, пожалуйста. Ведь он же не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну.

Джексон: Ну, в этом отношении у нас имеются ваши показания о роли, которую в этом сыграли вооруженные силы, и о той роли, которую вы сыграли в создании вооруженных сил.

Шахт: Я этого никогда не отрицал.

Джексон: Далее, когда вы были министром без портфеля, согласно вашим показаниям, были начаты агрессивные войны — против Польши в сентябре 1939 года; против Дании и Норвегии — в апреле 1940 года; против Голландии и Бельгии — в мае 1940 года; в июне было перемирие с Францией и ее капитуляция; в сентябре 1940 года имел место тройственный пакт между Германией, Италией и Японией; в апреле 1941 года произошло нападение на Югославию и Грецию, которое, как вы говорите, было агрессивным; в июне 1941 года произошло вторжение в Советскую Россию, которое, как вы сказали, было агрессивным; 7 декабря 1941 г. японцы напали на Пирл-Харбор и после нападения объявили войну США, 8 декабря 1941 г. США объявили войну Японии, но не Германии; 11 декабря 1941 г. Германия и Италия объявили войну США. И все это произошло в области внешней политики, а вы продолжали оставаться на посту министра без портфеля гитлеровского правительства, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: Вы открыто не порвали с Гитлером, не ушли со своего поста и после того, как началось германское наступление на Россию, и до тех пор, пока германская армия не стала отступать, не правда ли?

Шахт: Письмо, благодаря которому мне удалось успешно добиться разрыва, датировано 30 ноября 1942 г.

Джексон: Таким образом, из вашего письма явствует, что вы считали, что корабль тонет, не правда ли? То есть, что война проиграна?

Шахт: Об этом свидетельствуют мои устные и письменные заявления.

ДОПРОС ДЕНИЦА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 9 и 10 мая 1946 г.]

Максуэлл-Файф: Подсудимый, я хочу, чтобы прежде всего вы ответили мне на несколько вопросов по поводу вашего назначения главнокомандующим военно-морским флотом 30 января 1943 г. Скажите, как главнокомандующий военно-морским флотом, вы имели ранг, который приравнивался к рангу имперского министра, разве это не так?

Дениц: Да, это верно.

Максуэлл-Файф: Вы также имели право принимать участие в заседаниях имперского кабинета, если такие заседания имели место?

Дениц: У меня имелись полномочия принимать участие в заседаниях в тех случаях, когда фюрер отдавал распоряжение о том, чтобы я присутствовал на том или ином заседании.

Максуэлл-Файф: С того времени как вы стали главнокомандующим военно-морским флотом, имперское правительство в известной степени было представлено в штабе Гитлера, не так ли?

Дениц: Правильно.

Максуэлл-Файф: Это была военная диктатура, когда диктатор выдвигал нужных ему людей в своих военных штабах. Так или нет?

Дениц: Нельзя сказать, что это была военная диктатура, это вообще не была диктатура.

Максуэлл-Файф: Понимаю. Вы видели его (Гитлера) 119 раз в течение двух лет. Вы согласны с этим?

Дениц: Да, причем следует сказать, что с 30 января 1943 г., то есть после того как я стал главнокомандующим военно-морским флотом, до конца января 1945 года, то есть приблизительно за два последних года, число моих посещений равнялось, кажется, 57. Это число было таким большим потому, что в последние месяцы войны я принимал участие в ежедневных

обсуждениях военной обстановки, которые имели место на Фоссештрассе, в Берлине.

Максуэлл-Файф: Я хочу спросить вас относительно некоторых из этих совещаний. На некоторых из них присутствовал подсудимый Шпеер, не так ли?

Дениц: Я не помню, чтобы он присутствовал на обсуждении военной обстановки. Министру Шпееру как лицу гражданскому, собственно, нечего было делать на обсуждении военной обстановки. Но, может быть, он и присутствовал время от времени, тогда, когда речь шла, например, о производстве танков, то есть о вещах, которые находились в непосредственной связи с какими-либо военными соображениями фюрера.

Максуэлл-Файф: Это как раз то, о чем я хотел вас спросить. Подсудимый Шпеер присутствовал на тех совещаниях, когда обсуждался вопрос о снабжении различных родов войск, включая вопрос о снабжении флота?

Дениц: Вопросы снабжения флота никогда не обсуждались на больших военных совещаниях. Эти вопросы, как я уже сказал, обсуждал только фюрер лично, обычно в присутствии Кейтеля и Йодля. Обычно я докладывал фюреру, заранее переговорив с министром Шпеером, которому я, когда я стал главнокомандующим военно-морским флотом, передоверил все снабжение военно-морских сил. Таково было положение в общих чертах.

Максуэлл-Файф: Занимая положение главнокомандующего флотом, вы, очевидно, должны были интересоваться вопросами очередности распределения материалов и использования рабочей силы. Вы хотели, очевидно, знать, как должна была распределяться рабочая сила на ближайший период. Не так ли?

Дениц: Я пытался добиться того, чтобы на основании решения фюрера министру Шпееру было поручено строить как можно больше, например, новых подводных лодок, которые были в то время для меня необходимы; однако существовали пределы производственной мощности, поскольку министр Шпеер должен был удовлетворять запросы всех частей вооруженных сил.

Максуэлл-Файф: И поэтому вы должны были быть очень заинтересованы в том, чтобы узнать данные о рабочей силе, необходимой для снабжения военно-морского флота и другого снабжения, с тем, чтобы убедиться, что вы получаете вашу справедливую долю?

Дениц: Я никогда не знал и не знаю до сих пор, какое количество рабочих Шпеер использовал на производстве вооружения для военно-морского флота. О том, какое количество их работало на военно-морской флот, я не имею ни малейшего представления.

Максуэлл-Файф: Вы помните, что вы говорили о Шпеере, как о человеке, который держал в своих руках производство Европы? Это было 17 декабря 1943 г. Несколько позже я вам покажу этот документ. Но вы помните, что вы о нем так говорили?

Дениц: Да, я это очень хорошо помню.

Максуэлл-Файф: Разве вы не знали о том, что Шпеер получал свою рабочую силу из числа иностранных рабочих, которые доставлялись в империю?

Дениц: Само собой разумеется, я знал, что в Германии были иностранные рабочие.

Максуэлл-Файф: Разве гаулейтер Заукель не рассказывал вам по поводу своей поездки, что он доставил 5 миллионов иностранных рабочих в империю, из которых лишь 200 тысяч прибыли добровольно?

Дениц: Я ни одного раза не имел переговоров с гаулейтером Заукелем. Я вообще ни с кем не говорил по вопросу о рабочей силе.

Максуэлл-Файф: И вы заявляете Трибуналу, что после совещания с Гитлером и Шпеером вы не знали, что рабочая сила доставлялась путем насильственного угона иностранных рабочих в империю?

Дениц: Во время моих совещаний с Гитлером и Шпеером методы набора рабочей силы вообще не обсуждались. Методы меня вообще не интересовали.

Максуэлл-Файф: Вы хотите сказать Трибуналу, что вы обсуждали эти вопросы со Шпеером и что он вам никогда не говорил, откуда он получал рабочую силу? Это ваш ответ на этот вопрос?

Дениц: Да, я это утверждаю.

Максуэлл-Файф: Я хочу задать еще один вопрос. Согласно тому, что заявил доктор Латернзер, 29 июня 1944 г., помимо подсудимых Кейтеля, Йодля и Геринга, на совещании также присутствовали фельдмаршалы фон Рундштедт и Роммель. Я хочу напомнить вам, что это было через три недели после того, как союзники начали вторжение в Западную Европу. Вам дана была полная возможность — не так ли? — ознакомиться со стратегическим положением после вторжения союзников в Нормандию. Разве это не так?

Дениц: Да, я тогда на основании этого получил представление о положении в Нормандии после высадки там противника и был в состоянии доложить фюреру, какие из моих небольших новых средств борьбы я могу использовать в этом районе.

Максуэлл-Файф: Теперь давайте рассмотрим деятельность другой части правительства в общих чертах. Рейхсфюрер

СС Гиммлер также присутствовал на ряде таких совещаний. Так это или нет?

Дениц: Да, когда там присутствовал рейхсфюрер СС Гиммлер, — насколько я помню, это было раз или два, — он представлял интересы своих войск СС.

Максуэлл-Файф: Гиммлер, согласно имеющимся данным, присутствовал, по крайней мере, на семи таких совещаниях, а его представитель в штабе фюрера — Фегелейн присутствовал по имеющимся данным, по крайней мере, на пяти таких совещаниях. Что Гиммлер говорил там о войсках СС, о подвигах дивизии «Мертвая голова»?

Дениц: Фегелейн присутствовал при обсуждении обстановки всегда, постоянно, так как он был постоянным представителем. Когда присутствовал рейхсфюрер СС, он говорил только о войсках СС, и притом только о тех дивизиях СС, которые использовались где-нибудь в составе сухопутных сил.

Максуэлл-Файф: Войска СС использовались в большом количестве в концентрационных лагерях, и вы говорите, что Гиммлер никогда не говорил об этом?

Дениц: О том, что дивизия «Мертвая голова» использовалась в концентрационных лагерях, я узнал лишь здесь, в Нюрнберге.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы рассказали Трибуналу о том, какой вопрос обсуждался на совещании, когда на нем присутствовали не только Кальтенбруннер, но и обергруппенфюрер СС Штайнер, ваш адъютант и генерал-лейтенант Винтер. Для чего эти господа присутствовали на этом совещании и что они вам сообщили?

Дениц: Этого я уже не помню, но я помню, что Штайнер получил приказ относительно использования армейской группы, которая в Померании должна была нанести удар с севера на юг, чтобы помочь Берлину. Я думаю, что, возможно, когда присутствовал Штайнер, обсуждался этот вопрос, который меня не касался.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы перешли к вопросу, который вам был хорошо известен, к вопросу относительно приказа о расстреле «командос», изданного фюрером 18 октября 1942 г. Вы сообщили нам, что узнали об этом приказе в период, когда были командующим подводным флотом. Помните ли вы документ, согласно которому штаб военно-морского флота распространял этот приказ? Вы помните, что там говорилось следующее: «Этот приказ не должен распространяться в письменном виде командующими флотилий, командующими соединениями или офицерами этого ранга. После распространения этого приказа в устной форме низшим инстанциям

вышеозначенные офицеры должны передать этот приказ высшим властям, которые несут ответственность за изъятие и уничтожение этого приказа».

Вы помните это?

Дениц: Да, я читал его здесь снова, когда видел этот приказ. На обратной странице, однако, также сказано, что об этом мероприятии было сообщено в приказе по вооруженным силам.

Максуэлл-Файф: Одобряли вы этот приказ или нет?

Дениц: Сегодня, после того как я узнал, что основания для этого приказа не были столь несомненными, я не согласен с этим приказом.

Максуэлл-Файф: Вы одобрили этот приказ, когда были главнокомандующим военно-морским флотом Германии в начале 1943 года? Вы одобрили этот приказ тогда?

Дениц: Я, будучи главнокомандующим военно-морским флотом, не занимался этим приказом. Как я отнесся к этому приказу, когда я был главнокомандующим подводным флотом, я уже объяснил. Я отнесся к этому приказу как к приказу возмездия... Я отрицательно отношусь к этому приказу сейчас, после того как узнал, что данные, которые привели к изданию этого приказа, не были обоснованными.

Максуэлл-Файф: Мы можем принять за факт то, что вам было известно о существовании концентрационных лагерей?

Дениц: Этого я никогда не отрицал.

Максуэлл-Файф: И я полагаю, что вы пошли еще дальше — не правда ли? — когда вас спросили об этом 28 сентября. Тогда вы сказали: «Я вообще знал о том, что у нас имелись концентрационные лагеря. Это ясно.

Вопрос: От кого вы узнали об этом?

Ответ: Весь немецкий народ знал об этом».

Вы помните, что вы именно так сказали?

Дениц: Да. Немецкий народ знал, что существовали концентрационные лагеря, но он ничего не знал о положении в них и применявшихся там методах.

Максуэлл-Файф: Я только хочу, чтобы вы мне ответили на следующее: после того как вы выдвинули предложение о том, чтобы вам предоставили 12 тысяч рабочих из концентрационных лагерей, получили вы их или нет?

Дениц: Я этого не знаю. Об этом я больше не беспокоился.

Максуэлл-Файф: Пожалуйста, придерживайтесь прямого ответа. Ответ ваш заключается в том, что вы не знаете, получили вы их или нет. Можно допустить, что вы их действительно получили.

Дениц: Я вообще не получал людей, поскольку я не имел никакого отношения к верфям. Поэтому я не знаю, каким образом лица, ответственные за работу на верфях, получали рабочую популяцию. Этого я не знаю.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, было ли вам известно, что в первый день войны командование военно-морского флота обратилось к министерству иностранных дел с заявлением о том, что максимальный ущерб Англии может быть нанесен, принимая во внимание наличие военно-морских сил, только в том случае, если подводным лодкам будет разрешено неограниченно использовать оружие без предупреждения против союзных и нейтральных судов на обширных водных пространствах? Знали ли вы о том, что с самого первого дня войны командование военно-морского флота заявило об этом германскому министерству иностранных дел?

Дениц: Я не думаю, что штаб ВМФ передал мне в свое время такой текст, даже если я так и сказал, чего я не помню.

Максуэлл-Файф: В таком случае, возможно, вам будет легче вспомнить об этом, если вы взглянете на это письмо.

Я буду останавливаться на отдельных частях этого документа, потому что вы, может быть, не знаете первой его части. Я вам ее читаю, и затем мы вместе обратимся к меморандуму.

«С почтением доводится до сведения государственного секретаря», то есть барона фон Вейцеккера, «с приложением меморандума.

Начальник оперативного отдела военно-морского командования капитан Фрике информировал меня по телефону о том, что фюрер уже рассматривал этот вопрос. Однако здесь создается такое впечатление, что надо вновь заняться этим вопросом, с политической точки зрения, и вновь представить его на рассмотрение фюреру. Капитан Фрике в связи с этим послал капитана второго ранга Нойбауэра в министерство иностранных дел для того, чтобы подвергнуть этот вопрос дальнейшему обсуждению». Это подписано: «Альбрехтан, 3 сентября 1939 г.».

Затем идет текст меморандума.

«Вопрос о неограниченной подводной войне против Англии обсуждается в прилагаемом документе, представленном высшим военно-морским командованием.

Командование военно-морского флота пришло к тому заключению, что максимальный ущерб Англии может быть нанесен, принимая во внимание наличие сил, только в том случае, если подводным лодкам разрешат неограниченное использование оружия без предупреждения против неприятельских и нейтральных судов в запретной зоне, указанной на прилагаемой карте.

Военно-морское командование при этом учитывает, что:

а) тем самым Германия открыто откажется от соглашения 1936 года относительно ведения экономической войны;

б) военные операции такого рода не смогут быть оправданы на основании общепринятых до настоящего времени принципов международного права».

И затем продолжается рассмотрение этого вопроса.

Заявляете ли вы данному Трибуналу, что подсудимый Редер никогда не консультировался с вами по этому вопросу и никогда не сообщал вам об этом до тех пор, пока эти документы не были переданы в министерство иностранных дел?

Дениц: Нет, этого он не делал.

Максуэлл-Файф: Скажите, было ли сделано какое-либо предупреждение перед потоплением «Атении»?

Дениц: Нет, я уже сказал, что в этом случае имела место ошибка...

Максуэлл-Файф: Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что случаи потопления торгового судна без предупреждения означали смерть или ужасные страдания для команды и моряков торгового флота?

Дениц: Само собой разумеется. Но если торговое судно потоплено законно, то ничего не поделаешь, война.

Максуэлл-Файф: Рассматриваете ли вы с гордостью тот факт, что 35 тысяч британских моряков торгового флота погибли в течение войны?

Дениц: Люди гибнут во время войны, и этим никто не гордится.

Максуэлл-Файф: Теперь скажите, знали ли вы о том, что судовой журнал подводной лодки, потопившей «Атению», был подделан после этого происшествия?

Дениц: Нет, он не был мошеннически подделан. Был издан совершенно четкий приказ о том, что случай с «Атенией» необходимо сохранить в тайне по политическим соображениям, и поэтому должны были быть изменены записи в судовых журналах.

Максуэлл-Файф: Понятно. Вам не нравится слово «подделан». Хорошо, я буду употреблять слово «изменен» для определения того, что одна страница журнала была вырезана и заменена фальшивой. Вы об этом знали?

Дениц: Сейчас я не могу сказать этого. Возможно, что капитан Лемм получил от меня или моего штаба указание: «Этот случай сохранить в тайне». И поэтому он или командир флотилии вел дневник военных действий, который направлялся в десять различных отделов военно-морского штаба, и изменил его.

Максуэлл-Файф: Я хочу знать, по вашему ли приказу и с вашего ли ведома был изменен корабельный журнал подводной лодки? Вы можете ответить?

Дениц: Да, это произошло либо по моему приказу, либо, если бы этого не было сделано, я должен был отдать такой приказ, так как существовало политическое указание: «Этот случай сохранять в тайне».

Максуэлл-Файф: Хорошо. Теперь остается еще один вопрос, который я хотел бы у вас выяснить, причем очень коротко. Вы были убежденным приверженцем идеологического воспитания ваших военнослужащих, не правда ли?

...И вы хотели, чтобы ваши командиры внедряли в военно-морской флот доктрины нацистской идеологии, не так ли?

...Взгляните на страницу 7 английской книги документов. Мне кажется, что там написано почти в точности то, что я спросил. Последнее предложение гласит: «Весь офицерский состав должен быть настолько пропитан доктринами, чтобы он чувствовал себя полностью ответственным за национал-социалистское государство в целом. Офицер является представителем государства; пустая болтовня о том, что офицер должен быть совершенно аполитичен, является полнейшим абсурдом». Ваша точка зрения такова, не правда ли?

Дениц: Я сказал это... Но следует прочитать с самого начала, где написано, что наша дисциплина и наша энергия сейчас неизмеримо выше, чем в 1918 году, и именно потому, что нас поддерживает единство народа. А если бы этого не было, то наши войска давно были бы разбиты. По этой причине я так и сказал.

Максуэлл-Файф: Теперь я хотел бы, чтобы вы обратили внимание на страницу 8 английской книги документов, где приводятся выдержки из вашего выступления в «день героев», 12 марта 1944 г. Вы сказали следующее:

«Что стало бы с нашей родиной, если бы фюрер не объединил нас под знаменем национал-социализма? Разбитые на различные партии, осаждаемые распространяющимся ядом еврейства и не имеющие никаких средств защиты, мы бы давно уже надломались под тяжестью этой войны и предали бы себя врагу, который бы нас безжалостно уничтожил».

Я спрашиваю вас, что вы имели в виду под «распространяющимся ядом еврейства»? Это ваша фраза, и вы объясните нам, что вы под ней подразумевали.

Дениц: Я могу представить себе, что населению городов очень трудно было бы выдержать последствия бомбардировок, если бы не оказывалось такое влияние. Это я и хотел сказать здесь.

Максуэлл-Файф: Подобное высказывание относительно «распространяющегося яда еврейства» создавало мировоззрение, которое привело к умерщвлению от 5 до 6 миллионов евреев за последние несколько лет. И вы хотите сказать, что ничего не знали относительно действий и намерений, направленных к тому, чтобы покончить с евреями и истребить их?

Дениц: Да, само собой разумеется, я утверждаю это. Я ровно ничего не знал об этом...

Покровский¹: У советского обвинения есть несколько вопросов к подсудимому Деницу.

Скажите, подсудимый Дениц, обращение к германскому народу и приказ войскам в связи со смертью Гитлера были составлены вами 30 апреля 1945 г., не так ли?

Дениц: Да.

Покровский: В этих документах вы сообщали, что премьерником Гитлера, которого он назначил сам, являетесь именно вы. Это правильно?

Дениц: Да.

Покровский: Задавали ли вы себе вопрос, почему именно на вас пал выбор Гитлера?

Дениц: Да. Этот вопрос я задал себе, когда получил эту телеграмму, и я пришел к заключению, что, после того как рейхсмаршал сошел со сцены, я был старшим солдатом самостоятельной части вооруженных сил и что это было причиной моего назначения.

Покровский: В обращении к армии и народу вы требовали продолжения военных действий и всех желавших прекратить сопротивление называли трусами и предателями. Не так ли?

Дениц: Да.

Покровский: 30 апреля, то есть в тот день, когда вы издали оба документа, о которых мы сейчас говорим, была абсолютно ясна бесперспективность и бесцельность дальнейшего сопротивления со стороны гитлеровской Германии. Вы поняли мой вопрос, согласны вы с этим?

Дениц: Да, я понял вопрос. Я могу сказать следующее: на Востоке я должен был продолжать бороться для того, чтобы спасти беженцев, двигавшихся на Запад...

Покровский: Вы не ответили на мой вопрос, подсудимый Дениц, хотя он был поставлен абсолютно ясно.

Согласны ли вы с тем, что уже 30 апреля была абсолютно ясна бесперспективность и бесцельность дальнейшего сопроти-

вления со стороны гитлеровской армии? Да или нет, ответьте мне на вопрос.

Дениц: Нет, нет, это не было ясно...

Покровский: Но будете ли вы отрицать, что ваш приказ продолжать войну привел к дополнительному кровопролитию?

Дениц: Очень незначительному в сравнении с одним-двумя миллионами, которые погибли бы в противном случае.

Покровский: Я хочу, чтобы вы окончательно уточнили вопрос о том, рассматриваете ли вы себя прежде всего как политика или как солдата, который только выполнял приказы своего высшего начальства без всякого анализа политического смысла и содержания этих приказов?

Дениц: Как глава государства после 1 мая я был политиком.

Покровский: А до этого?

Дениц: Только солдатом.

Покровский: 8 мая 1946 г. в этом зале вы сказали: «Как солдат я не имел в виду тех политических соображений, которые могли существовать». 10 мая, когда речь шла о подводной войне, вы сказали: «Я не как солдат занимался военными задачами». Это правильно?

Дениц: Совершенно правильно. Я и говорю, что до 1 мая 1945 г. я был только солдатом.

Покровский: Сэр Дэвид Максуэлл-Файф минут пятнадцать назад обращался к двум документам, в частности к документам ВВ-186 и Д-640. Он привел вам одну фразу, которая находится в очень резком противоречии с тем, что вы сказали сейчас. Вы помните эту фразу? «Пустая болтовня...»

Дениц: Да, я помню ее очень хорошо.

Покровский: Я прошу вас сказать, как можно примирить эти крайне противоречивые высказывания. Высказывания как о болтовне, что офицер — не политик, имели место 15 февраля 1944 г., тогда, когда вы не были еще главой государства. Правильно?

Дениц: Если солдат во время войны стоит за свою нацию и за свое правительство, то он тем самым не становится политиком. Так сказано в этой фразе, и это имелось в виду.

Покровский: ...Не считаете ли вы, что именно потому, что вы проявляли себя фанатичным последователем фашизма, фашистской идеологии, на вас как на своем преемнике и остановился Гитлер, которому вы были известны как его фанатический последователь, способный призывать армию к любому преступлению в духе гитлеровских заговорщиков и называть эти преступления чистым идеализмом? Вы поняли мой вопрос?

¹ Ю. В. Покровский — заместитель Главного обвинителя от СССР. — Составители.

Дениц: Да, на это я могу лишь ответить, что я этого не знаю. Я уже объяснил вам, что законным преемником был рейхсмаршал, но что в результате прискорбного недоразумения, возникшего за несколько дней до моего назначения, он был исключен из игры, и я после него был следующим старшим по чину солдатом из самостоятельной части вооруженных сил. Я думаю, что этот момент был решающим. То, что фюрер доверял мне, возможно, тоже играло при этом некоторую роль.

Покровский: У советского обвинения, господин председатель, больше нет вопросов к подсудимому.

ДОПРОС РЕДЕРА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 20 и 21 мая 1946 г.]

Максуэлл-Файф: Подсудимый, вы читали книгу капитана Шустера «Борьба военно-морского флота против условий Версаля» в то время, когда она была опубликована, не так ли?

Редер: Так точно.

Максуэлл-Файф: Эта книга распространялась среди старших офицеров военно-морского флота, не так ли?

Редер: Так точно.

Максуэлл-Файф: Обратитесь, пожалуйста, к странице 27 английской книги документов, где имеется предисловие. Как вы увидите, в конце первого абзаца говорится, что книга имеет своей целью дать достоверную картину борьбы военно-морского флота против невыносимых условий Версальского мирного договора.

Редер: Так точно.

Максуэлл-Файф: И в третьем абзаце говорится: «Этот меморандум должен также подчеркнуть заслуги тех людей, которые, не будучи известными в широких кругах, готовы были взять на себя ответственность и отдать все свои силы на борьбу против условий мирного договора».

Редер: Так точно.

Максуэлл-Файф: Согласитесь ли вы с тем, подсудимый, что это предисловие хотя и в общих выражениях, но довольно точно передает отношение военно-морского флота к нарушению условий Версальского договора?

Редер: Да, относительно обхода положений Версальского договора.

Максуэлл-Файф: С 1922 года по 1924 год вы были инспектором по боевой подготовке военно-морского флота в Киле, не так ли?

Редер: Я был инспектором боевой подготовки, то есть в мое ведение входили школы, курсы усовершенствования для кандидатов в офицеры, подготовка штабных офицеров, а также офицеров для штабов соединений и т. д.

Максуэлл-Файф: Заявляете ли вы Трибуналу, что, будучи инспектором боевой подготовки, вы не располагали полными данными о вооружении, которое было предоставлено вам в целях проведения этой подготовки?

Редер: Нет, здесь как раз речь шла не о доступных всеобщему обозрению огневых средствах, а, как я недавно сказал, об установке орудийных платформ, о переброске орудий с Северного моря на Балтику. Это делала специальная команда, работавшая под непосредственным руководством начальника штаба военно-морского флота.

Максуэлл-Файф: Обратимся к следующему периоду: 1923—1927 гг. С 1925 до 1928 гг. вы были начальником военно-морской базы на Балтийском море, не так ли?

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: Второй раздел, связанный с экономической стороной вооружения и составленный капитаном Шустером, озаглавлен: «Тяжелые условия для работы». Это относится к периоду с 1923 года по 1927 год, то есть до того, как вы стали главой военно-морского флота.

«У нас всегда было много трудностей внешнего характера, помимо трудностей, связанных с Тебегом, — трудности, связанные с маскировкой нашей задачи и работы, отдаленность отдельных помещений, где производилась работа, невозможность разрешения даже незначительных вопросов по телефону и необходимость избегать, по мере возможности, письменной корреспонденции или, во всяком случае, проводить ее под видом переписки личного характера, употребляя вымышленные имена и коды».

Разве вы не знали о применении этих методов при осуществлении вышеупомянутой программы?..

Прошу вас, далее, обратиться вновь к странице 126 — страница 28 английской книги документов — и просмотреть резюме капитана Шустера, относящееся к четвертому периоду. «Вооружение проводилось под руководством имперского кабинета в замаскированной форме. (Это период начиная с 1933 года и кончая 1935 годом, когда вновь была введена всеобщая воинская повинность.)».

Согласны ли вы с тем, что капитан Шустер дает правильное списание методов, применявшихся вами с 1933 года по 1935 год? Вы соглашаетесь с тем, что это правильная характеристика вашей деятельности в период с 1933 года по 1935 год?

Редер: Безусловно. Я делал это так, как мне приказывал глава государства, а глава государства был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы не допускать никаких перегибов, так как он не хотел, чтобы это помешало его намерениям достичь соглашения с Англией. Он считал, что не следует производить

впечатления, будто бы мы осуществляем вооружение в больших масштабах.

Максуэлл-Файф: Вы уже разъяснили это. Обратите внимание на следующее, подсудимый. Речь идет о той форме маскировки, которую вы применяли во время переговоров о военно-морском соглашении. Вы хотели, чтобы никто не знал о тех шагах, которые вы предпринимали в нарушение соглашения, и насколько далеко вы в этом зашли! Нет никакого сомнения в том, что вы хотели добиться морского соглашения, не разглашая того, что вы делали, не так ли?

Редер: Мы не хотели путем разглашения этих мероприятий без всякой нужды нарушать хорошие отношения с Англией.

Максуэлл-Файф: Я лишь хочу, прежде чем мы закончим с этими трудами по военно-морским вопросам, задать вам вопрос относительно другой книги. Вы знаете, что полковник Шерф предполагал написать книгу по истории германского военно-морского флота. Вы разрешили полковнику Шерфу иметь доступ к архивам военно-морского флота. Но, помимо этого, вам ничего неизвестно о его работе, не так ли?

Редер: Я не отдавал никаких приказов в этом направлении. Он получил приказ от фюрера, и поэтому я разрешил начальнику архивов морского флота помогать этому полковнику.

Максуэлл-Файф: Вам был задан вопрос об эсминцах, о вашем обзоре за сентябрь 1933 года. Это был длинный документ по вопросу о маскировке вспомогательных крейсеров под транспортные суда типа «О». Правильно ли резюмирую ваш ответ? Вы признали, что эти нарушения договоров действительно имели место, но в каждом случае вы заявляли, что эти нарушения были незначительные. Это правильно передает содержание вашего ответа, не так ли?

Редер: Нет.

Максуэлл-Файф: Вы помните, что в составленном вами документе был большой список?

Редер: Да, конечно.

Максуэлл-Файф: Быть может, я ошибаюсь, но, насколько я понял, вы признали, что все это имело место, однако вы сказали, что это были лишь «незначительные нарушения».

Редер: Да, конечно, это были маловажные действия.

Максуэлл-Файф: Я хочу спросить вас об одном вашем офицере — вице-адмирале Асмани. Вы доверяли этому офицеру?

Редер: Он был очень способным историографом.

Максуэлл-Файф: Может быть, вы ответите на мой вопрос. Являлся ли он офицером, к которому вы питали доверие?

Редер: Я доверял ему, полагая, что он будет правильно описывать исторические факты.

Максуэлл-Файф: Это все, что я хотел узнать.

Ваш офицер говорит: «Как уже указывалось, почти по всем отраслям вооружения, которые были связаны с военно-морским флотом, Версальский договор нарушался как по букве, так и в еще большей степени по своему духу еще задолго до 16 марта 1935 г., по крайней мере, в смысле подготовки к его нарушениям».

Таким образом, ваши адмиралы говорят неправду, делая подобные заявления? Вы это хотите сказать Трибуналу?

Редер: Нет, неправильно. Мы совсем не строили столько кораблей, сколько могли бы построить. Мы, я повторяю, должны были...

Максуэлл-Файф: Мы знаем, какое в действительности положение было у вас на судостроительных верфях.

Хорошо, этот вопрос будет рассмотрен Трибуналом. Перейдем теперь к заявлению адмирала Асмана. Оно гласит:

«Быть может, ни в одной сфере это не началось, с одной стороны, так рано, а с другой, — при таких особых обстоятельствах, как при строительстве нового подводного вооружения. Версальский договор находился в силе лишь в течение нескольких месяцев (начиная с 10 января 1920 г.), когда в этом пункте он был уже нарушен».

Вы согласны с адмиралом Асманом в этом вопросе?

Редер: Нет, он неправ, так как Версальский договор в этом отношении вообще не был нарушен.

Максуэлл-Файф: Хорошо, давайте посмотрим, в какой мере он был неправ.

«В 1922 году три германские судостроительные верфи основали германское бюро по строительству подводных лодок в Голландии, прикрывшись голландским назначением, со штатом около 30 инженеров и строителей. В 1925 году голландские верфи построили две подводные лодки для Турции, водоизмещением по 500 тонн, в соответствии с проектами этого бюро, которое пользовалось финансовой и личной поддержкой военно-морского командования. Капитан Леман также имел отношение к разрешению этого вопроса, причем он имел решающий голос». Это правильно?

Редер: Это мы признавали. Но все, что было сделано, не нарушало Версальского договора.

Максуэлл-Файф: Адмирал Асман прав в этом вопросе. Далее он говорит:

«Осенью 1927 года конструкторский отдел военно-морского флота был уполномочен начальником штаба военно-морского флота адмиралом Зенкером провести строительство кораблей в Испании. Адмирал Зенкер принял на себя ответственность, несмотря на все затруднения внутривосточного характера. Разработка проекта и составление конструкторских чертежей

производились в голландском бюро. После того как в 1931 году эти работы были закончены, подводная лодка под руководством немцев прошла несколько испытательных рейсов на участке от Кадикса до Картахены...»

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: «...с немецкой командой, состоявшей из офицеров, инженеров, студентов судостроительных институтов и мастеров». Это все правильно, не так ли?

Редер: Правильно.

Максуэлл-Файф: Обратитесь теперь к последнему предложению: «Это судно, которое теперь является турецкой подводной лодкой «Гуэр», стало прототипом подводных лодок «У-25», «У-26».

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: Обратимся теперь к подводным лодкам водоизмещением в 200 тонн, которые выпускались в Финляндии. Посмотрите на последнюю фразу в следующем абзаце.

«Строительство подводных лодок в Финляндии являлось частью первого плана строительства подводных лодок, который должен был разрабатываться в Германии и который был успешно проведен в жизнь. Голландское бюро было привлечено к этой работе исключительно для разработки деталей. Финская лодка водоизмещением в 250 тонн послужила прототипом для «У-1», «У-24». Это правильно?

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: Далее идет следующий абзац: «Строительство и испытание опытных экземпляров этого судна сделали возможным получить части для подводных лодок, начиная с «У-1» и кончая «У-24», в 1933—1935 гг., задолго до приказа о монтаже этих судов; этот приказ был подготовлен заранее, насколько это возможно было сделать, не нарушая секретности этого вопроса».

Редер: Так точно.

Максуэлл-Файф: Обратитесь теперь к странице 156. Вы видите, откуда взята следующая цитата:

«В начале 1935 года, то есть за шесть месяцев до заключения англо-германского соглашения, возможно, имелось шесть лодок водоизмещением в 250 тонн, готовых для монтажа, шесть 275-тонных и две 750-тонные лодки, работа по строительству которых была закончена. Потребовалось около четырех месяцев для монтажа небольших судов и около десяти — для монтажа крупных судов начиная с 1 февраля 1934 г. В отношении остальных вопросов положение было неопределенным».

Посмотрите теперь на следующие слова:

«Быть может, в этой области строительства подводных лодок Германия меньше всего придерживается ограничений англо-германского соглашения.

Принимая во внимание водоизмещение подводных лодок, приказ о строительстве которых был уже издан, до 1938 года могло быть построено около 55 подводных лодок. Фактически 118 лодок были уже готовы или должны были быть выпущены в соответствии с имеющимися приказами.

Подготовка нового подводного вооружения начала производиться так рано, так тщательно и так секретно, что уже через одиннадцать дней после заключения англо-германского морского соглашения, которое допускало строительство подводных лодок, 29 июня 1935 г., была сдана в эксплуатацию первая немецкая подводная лодка».

Возьмем теперь эту фразу, которая была написана адмиралом Асманом. На основании рассмотрения около ста документов мы уже видели, каково было ваше отношение к Асману.

Он писал: «Очевидно, именно в этой области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживается ограничений англо-германского соглашения».

Итак, в течение нескольких часов вашего допроса вы говорили настоящему Трибуналу, что это соглашение являлось результатом свободных переговоров, что вы им очень гордились и готовы были его поддерживать. Вы заявляете Трибуналу, что ваши адмиралы были неправы, утверждая, что в области строительства подводных лодок Германия менее всего придерживалась ограничений этого соглашения, заключенного в результате свободных переговоров.

Я спрашиваю вас сейчас о заявлении адмирала Асмана по поводу того, что вы в 1935 году не придерживались ограничений англо-германского соглашения. То, что вы делали в Финляндии в 20-х годах, не имеет к этому никакого отношения. Я закончил. Вы можете привести свои объяснения.

Редер: Это совершенно неверно. В отношении строительства подводных лодок мы были особенно умеренны. И в 1938 году мы не имели еще тех 45 процентов, которые мы могли бы иметь по этому соглашению. Поэтому-то мы тогда и поставили вопрос о разрешении выполнить программу строительства на 100 процентов, и это было согласовано и выполнено в соответствии с соглашением после дружественных переговоров с английским адмиралтейством в конце 1938 года. К началу войны мы и не предполагали этими 100 процентами. Мы всегда отставали по строительству подводных лодок.

Следовательно, это совершенно неверное представление адмирала Асмана, который, видимо, недостаточно внимательно изучил этот вопрос.

Максуэлл-Файф: Обратитесь теперь к следующему предложению:

«Принимая во внимание водоизмещение подводных лодок, приказ о строительстве которых был уже издан, до 1938 года могло быть построено около 55 подводных лодок».

Это было сказано до того, как был поднят вопрос о переходе от 45 к 100 процентам.

«Фактически 118 подводных лодок было уже готово или находилось в процессе производства».

Вы утверждаете, что адмирал Асман неправильно приводит эти цифры?

Редер: Совершенно определенно, он неправ, так как к началу войны в 1939 году мы имели, я не знаю точно, но примерно лишь сорок подводных лодок.

Максуэлл-Файф: Во всяком случае, подсудимый, вы должны согласиться с тем, что цифры, приведенные адмиралом Асманом, гораздо больше того, что вы сообщили Трибуналу в отношении количества подводных лодок, с которыми вы начали войну.

Перейдем сейчас к другому офицеру вашего штаба. Вы довольно много говорили нам о бюджете военно-морского флота. Помните ли вы интенданта флота Тиле из отдела «Е» ОКМ, бюджетного отдела германского адмиралтейства? Вы помните его?

Я хотел бы, чтобы вы обратились к документу Д-855, который предъявляется под номером ВВ-461. Это выдержка из лекции, прочитанной человеком, о котором я только что говорил, — господином Тиле, на курсах усовершенствования офицеров административной службы ВМФ в Праге 12 июля 1944 г.

Выдержка, которую я хочу сейчас огласить, озаглавлена: «План строительства судов». Вы видите абзац, который начинается словами: «Эра мощного развития военно-морского флота наступила поэтому с момента захвата власти. Уже в первый год после этого, в марте 1935 года, началось строительство линкоров водоизмещением в 27 тысяч тонн. Одно из таких судов было начато строительством. Таким образом, один из пунктов Версальского договора, которые были особенно важны для нас, был тотчас же нарушен в области военно-морского флота, причем в такой форме, что через некоторое время стало невозможно скрывать это нарушение».

Были ли прав интендант флота Тиле, говоря об этом в своей лекции?

Редер: Конечно, это было нарушением, но я уже говорил здесь довольно подробно о том, что здесь имеется в виду не строительство новых линейных кораблей, а ввод в действие обих «карманных» линкоров, на которые мы получили соответствующее разрешение, и что Гитлер в 1934 году дал мне

разрешение несколько увеличить мощность этих кораблей, несколько усилить их броню. Из этого я делаю вывод, что только в марте 1935 года, когда заключение соглашения стало совершенно очевидным, то есть была полная уверенность в том, что несколько месяцев спустя Англия разрешит нам строить такие корабли в соответствии с договором, фюрер утвердил планы строительства 26 500-тонных кораблей, и мы приступили к постройке судов, которые по новой программе должны были стать первыми линейными кораблями. Только в этот период мы начали снаряжение кораблей орудиями 328-миллиметрового калибра, то есть орудиями наступательного характера, на что он не давал своего согласия в 1934 году.

Максуэлл-Файф: Очевидно, этот человек в большей степени согласен с вами, чем другие. Он заявляет: «Подводные лодки строились по частям, поскольку факт их строительства ни в коем случае не должен был стать известным внешнему миру. Эти части до поры до времени хранились, и их оставалось лишь собрать после того, когда будет объявлена отмена военных условий Версальского договора».

Разве интендант флота Тиле неправ, говоря об этом?

Редер: Да, он был прав, мы это тоже признавали.

Мы строили части для подводных лодок за границей и получили их лишь в начале 1935 года. Мы приступили к строительству подводных лодок только в тот момент, когда с уверенностью знали, что добьемся морского соглашения с Англией.

Максуэлл-Файф: Хорошо. Вы говорите, что вы с уверенностью ожидали заключения договора. Посмотрите, пожалуйста, на то, что он говорит дальше: «Третий пункт Версальского договора из числа тех, которые были для нас наиболее неблагоприятны, касающийся ограничения личного состава 15 тысячами человек, был нарушен нами немедленно после захвата власти. Весь личный состав военно-морского флота уже в 1934 году равнялся 25 тысячам человек, а в 1935 — в год заключения Лондонского соглашения — достигал 34 тысяч человек».

Редер: Так точно.

Максуэлл-Файф: Разве интендант флота Тиле неправ? Что вы скажете?

Редер: Так точно. Конечно, мы должны были своевременно подготовить необходимое нам количество персонала для того, чтобы можно было увеличить военно-морской флот.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы сейчас на несколько минут обратились к документу, на который вы ссылались во время вашего прямого допроса. Это документ С-23 о тоннаже «Шарнхорста», «Гнейзенау», «Тирпица», «Бисмарка» и других судов.

Редер: Я знаком с этим документом. Этот документ датирован 18 февраля 1938 г. Германия не денонсировала англо-германского военно-морского договора до тех пор, пока Британия не дала Польше гарантий в апреле 1939 года, то есть на четырнадцать месяцев позже.

Максуэлл-Файф: Почему вы просто не послали уведомления Великобритании о том, что водоизмещение судов на 20 процентов превысило норму, установленную договором, в связи с оборонительным характером строительства? Почему вы не сделали этого?

Редер: Я теперь уже не могу этого сказать.

Максуэлл-Файф: «По мнению IV управления, было бы совершенно неправильным представить сведения о тоннаже, который будет превышать те данные о состоянии тоннажа, которые вскоре могут быть опубликованы Англией, Россией или Японией, с тем, чтобы нас не упрекали в том, что мы проводим лихорадочное вооружение». Разве не в этом заключается причина?

Редер: Так точно. Это было предусмотрено для будущего. Мы ни в коем случае не должны были создавать впечатление, что мы увеличиваем наступательную мощь наших судов.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, в течение двадцати лет, с 1918 года по 1938 год, вы и германский военно-морской флот были заняты всеобъемлющим хладнокровным и преднамеренным нарушением ваших обязательств, включенных в договоры. Не так ли?

Редер: Это не было каким-то хладнокровным мероприятием. Речь шла о разрешении строительства относительно малого количества судов, и мы поэтому по возможности стремились усилить нашу способность оказывать сопротивление, следовательно, усилить безопасность морских границ и боевые качества кораблей. Мы никогда чрезмерно не увеличивали свою наступательную мощь, а придерживались рамок допущенного.

Максуэлл-Файф: Я сейчас хочу указать вам на то, что эти нарушения договора и ваши военно-морские планы предусматривали сначала возможность, а впоследствии — вероятность войны. Меморандум датирован сентябрем 1938 года и является совершенно секретной рецензией на труд, посвященный вопросам морской стратегии. Как вы видите, в пункте «а» сказано: «Я полностью согласен с основными соображениями этого труда».

Обратитесь теперь к первому абзацу.

«Если согласно решению фюрера Германия должна достичь положения мировой державы, она нуждается не только в достаточном количестве колониальных владений, но также

и в безопасности военно-морских коммуникаций и в безопасном доступе к океану».

Вы согласны с этим, подсудимый?

Редер: Да, это так, я знаю весь этот документ.

Максуэлл-Файф: Обратитесь теперь к пункту «д».

«Оба эти требования идут вразрез с интересами Англии и Франции и в случае их удовлетворения ограничат положение этих стран как мировых держав. Мало вероятно, что это может быть достигнуто мирным путем. Поэтому решение превратить Германию в мировую державу накладывает на нас необходимость вести соответствующие приготовления к войне».

Вы согласны с этим?

Редер: Да, это все верно.

Максуэлл-Файф: Давайте обратимся теперь к пункту «h».

«Война против Англии означает в то же время войну против империи, против Франции и, возможно, против России, так же как и против большого количества стран за океаном, то есть фактически против половины или даже двух третей всего мира».

Мне нет необходимости спрашивать вас по этому поводу, так как факты подтвердили это.

Посмотрим дальше.

Начнем с того, поскольку вы выдвигаете это как первый пункт, что ваша общая политика заключалась в том, чтобы германские фирмы, производившие оружие, расширяли свою внешнюю торговлю с тем, чтобы они имели возможность выполнять повышенные требования германского военно-морского флота в как можно более сжатые сроки. Это правильно? Я верно передаю сущность вашей политики, или вы хотите, чтобы я повторил то, что сказал?

Редер: Да, но по этому поводу необходимо сказать — и я это говорил в двух местах, — что в тот период мы надеялись на ослабление условий Версальского договора, так как во время переговоров о разоружении для этого был самый благоприятный момент. Кроме того, у нас уже были тогда кабинеты Папена и Шлейхера, которые, хорошо понимая потребности вооруженных сил, боролись за наши интересы на конференции по разоружению. Ожидавшийся поворот в политике носил совершенно законный характер, и, с другой стороны, вся наша промышленность очень мало занималась производством вооружения. Поэтому ее нужно было развить.

Максуэлл-Файф: Вы утверждали, что германская промышленность вооружения должна немедленно расширить свои операции по экспорту, для того чтобы иметь возможность удовлетворять увеличивающиеся требования внутри страны, когда эти требования возникнут. Разве это неправильно?

Редер: Да, это правильно. Да, мы хотели добиться, чтобы наша промышленность могла конкурировать с промышленностью других стран, чтобы она имела преимущества и могла укрепиться. Это совершенно очевидно.

Максуэлл-Файф: Было ли это упомянуто в каком-нибудь из документов Веймарской республики? Я прошу вас обратиться к предпоследнему абзацу. Это на странице 74, на странице 21 английского документа. Это середина параграфа 3. «...Рейхсканцлер Адольф Гитлер предъявил совершенно ясные политические требования о необходимости построить в течение пяти лет, то есть к 1 апреля 1938 г., вооруженные силы, которые он «сможет бросать на весы как орудие своей политической власти». Правильно ли, что Гитлер предъявлял совершенно ясные политические требования?

Редер: Да, я припоминаю, что в 1933 году он потребовал составления какого-то пятилетнего плана и что здесь имело место просто случайное совпадение, так как в 1938 году также был составлен план строительства кораблей. Эту директиву он, очевидно, составил для всех вооруженных сил, так как в 1935 году уже вступило в действие морское соглашение, согласно которому в отношении военно-морского флота мы должны были проводить вооружение по соотношению 1:3, а не по каким-то особым планам.

Максуэлл-Файф: Вопрос, который я хочу у вас выяснить, заключается в следующем: говорил ли вам Гитлер, что он хочет бросить эти силы на весы как орудие своей политической власти? Говорил он вам об этом?

Редер: Сейчас я уже не могу припомнить, но мне кажется, что это чрезвычайно употребительное выражение. Обычно принято говорить, что вооруженные силы — это оружие, которое бросается на чашу весов во время политических переговоров, и мы нуждались в этом оружии, чтобы не быть больше мячом в руках других наций, каким мы были до сих пор. По-моему, — это выражение, не вызывающее никаких подозрений.

Максуэлл-Файф: То есть, если говорить прямо, Гитлер заявил вам: «В 1938 году я хочу располагать такими вооруженными силами, которые я сумею использовать во время войны в случае, если последняя станет необходимостью». Вот что это означало, не правда ли? И именно таким образом вы это тогда понимали, не так ли?

Редер: Нет, о войне вообще не было и речи.

Максуэлл-Файф: Если бы кто-нибудь попытался столкнуть вас с пути, вы вступили бы с ним в борьбу, не правда ли?

Редер: Совершенно верно.

Максуэлл-Файф: Давайте в качестве первого примера рассмотрим вопрос о том, когда, по вашему предположению,

должна была начаться борьба. Попрошу вас обратиться к директиве фельдмаршала фон Бломберга относительно ухода Германии с конференции по разоружению и выходе из Лиги Наций. И тут содержатся весьма полные общие директивы о том, какие военные меры вы должны были предпринять, если бы члены Лиги Наций применили против вас санкции. Другими словами, вы были полностью готовы...

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: ...к ведению войны, которая могла возникнуть в результате этой мирной политики. Ведь это так, не правда ли? Именно об этом говорится в директиве. Она содержит указание на все подготовительные меры для ведения борьбы.

Редер: Насколько мне помнится, эта подготовка была проведена одиннадцать дней спустя после нашего ухода из Лиги Наций, и поэтому совершенно ясно, что фюрер считал, что если в ответ на этот выход из Лиги Наций, являвшийся совершенно мирным актом, последуют мероприятия или санкции военного характера, то мы должны будем обороняться, а так как это нападение было возможно, мы должны были провести соответствующую подготовку.

Максуэлл-Файф: Таким образом, подсудимый, вы сознавали, что уже в октябре 1933 года внешняя политика Гитлера могла немедленно привести к войне, не так ли?

Редер: ...Мы считались с возможностью начала такой войны.

Максуэлл-Файф: Этого для меня совершенно достаточно. Теперь давайте снова обратимся к той же директиве.

В пунктах «а» и «б» параграфа 3 вы излагаете общие основы ваших мероприятий. Пункт «а» содержит основные положения для командующих по руководству операциями. Пункт «б» содержит ясную картину того, что может быть достигнуто военными средствами, которыми в данный момент располагает Германия. Он предназначен для политических руководителей.

Редер: Совершенно ясно, что такой план должен преследовать эту цель.

Максуэлл-Файф: Там также говорится, что политические руководители должны планировать свою деятельность в соответствии с тем, какими вооруженными силами будет располагать Германия на случай войны. Вы тогда предусматривали именно это, не правда ли?

Редер: Это же само собой разумеется. Я доложил фюреру, что в этом году я могу привести в боевую готовность определенное количество боевых единиц, и это необходимо было знать главе государства, так как он должен был знать, на что он может рассчитывать. Однако это не имеет никакого отноше-

ния к планам агрессивной войны. Это происходит во всех государствах. С другой стороны, я не могу говорить политическому руководителю о том, сколько мы должны иметь, я ему могу докладывать лишь о том, сколько я могу обеспечить. Я делаю только то, что необходимо и что делается в каждом государстве.

Максуэлл-Файф: Попрошу вас посмотреть на параграф 7.

Я не собираюсь спорить с вами по вопросу о том, строит ли государство свою внешнюю политику на каких-либо других основаниях, кроме войны, и не собираюсь подвергать это обсуждению. Попрошу вас обратиться к параграфу 7.

«Все теоретические и практические подготовительные мероприятия варианта «В» должны производиться таким образом, чтобы прежде всего имелась в виду готовность к войне без установления предварительного срока нападения». Это означало, что вы в той степени, в какой это касалось военно-морского флота, должны были быть готовы к немедленному переходу на военное положение, то есть суметь немедленно перевести военно-морской флот на военное положение. Разве это неправильно?

Редер: Нет. Здесь речь идет о той последовательности, в которой должны были проводиться эти дозволенные мероприятия. Этот план вооружения предусматривал все то, что было крайне необходимо для военно-морского флота, и надо было создать такое вооружение, которое можно было бы сейчас же применить, то есть нужно было создать такой флот, который был бы спущен на воду и все время находился бы в боевой готовности. Этот флот, эти боевые единицы должны были обеспечиваться в первую очередь, а затем можно было обсуждать вопрос о размещении и о том, что не имело непосредственного отношения к боевым операциям.

Максуэлл-Файф: Мне казалось, что именно это я вам и говорил, то есть что флот должен был быть готов, должен был находиться в состоянии готовности к войне. Однако вы изложили вашу точку зрения на этот вопрос.

Теперь я хочу поднять вопрос, которого вы касались во время вашего прямого допроса и постановку которого я должен оспаривать. Вы говорите во втором абзаце:

«Главкомандующий английским военно-морским флотом выражает мнение, что впоследствии» — я прошу вас обратить внимание на слово «впоследствии» — «флот начиная с 1936 года и впредь необходимо вооружать 350-миллиметровыми пушками».

Теперь вы заявляете Трибуналу, что слова «геген Энгланд» («против Англии») не употребляются в смысле «с враждебными намерениями» или в смысле «направлены против», или

«в борьбе против», а означают лишь «в сравнении с чем-то». Вы серьезно заявляете об этом, не так ли?

Редер: Я уже говорил здесь, что в отношении вооружения нашего флота мы должны были по кому-то равняться; до сих пор мы равнялись по французскому военно-морскому флоту, который был вооружен 330-миллиметровыми орудиями. Позднее Англия увеличила калибр своих орудий до 356 мм. Затем Франция вооружила свой флот орудиями калибром 380 мм. Тогда я сказал фюреру, что нашими 280-миллиметровыми орудиями, с которыми мы думали противостоять Франции, противостоять кораблям типа «Дюнкерк» мы не можем, мы должны взять на вооружение орудия следующего калибра, то есть 356-миллиметровые орудия, так как французы увеличили калибр своих орудий до 380 мм, и мы со своими кораблями типа «Бисмарк» едва успевали за Францией. Такие сравнения калибров и типов кораблей были обычным явлением в повседневной работе.

Максуэлл-Файф: Вы все это говорили нам прежде. Мой вопрос чрезвычайно прост. Этот документ является немецким подлинником, и слова «против Англии» означают совершенно то же, что они означают в вашей песне: «Вир фарен геген Энгланд» («Мы уходим в плавание против Англии»). Это значит «против», «с враждебными намерениями», «направлено против», а не «по сравнению с». Вот что я хочу вам сказать. Это очень короткая и ясная мысль.

Вы заявляете Трибуналу, что «геген Энгланд» («против Англии») значит: «по сравнению с Англией»?

Редер: Об этом я скажу, ведь там говорится: «планировать операции против Англии», но в тот момент мы еще не заключали морского соглашения, и я, конечно, не намеревался вести враждебную по отношению к Англии политику.

Максуэлл-Файф: Обратитесь к вашей беседе с Гитлером 2 ноября 1934 г., во время которой вы обсуждали вопрос об увеличении сметы военно-морского флота и о необходимости крупных денежных средств.

Записано так:

«Он считал жизненно необходимым, чтобы военно-морской флот был увеличен согласно предусмотренному плану» — теперь внимательно смотрите, — «поскольку никакая война не будет возможна, если военно-морской флот не будет в состоянии обеспечить наши коммуникации для безопасности транспортировки импортной руды из Скандинавии».

Вы все еще заявляете Трибуналу, что начиная с 1934 года вы не замыслили войны? Если это так, то почему Гитлер говорил таким образом? Ведь это являлось одним из самых важных моментов германской военно-морской стратегии.

Разве вы не замыслили войны уже в ноябре 1934 года? Разве это не так?

Редер: Гитлер сказал: «Военно-морской флот строится для того, чтобы в случае, если война будет необходима, если надо будет, этот военно-морской флот мог выступить со своим оружием». Он только для этого и строился, и эта идея была одним из общих оснований, которые оправдывали существование военно-морского флота в Германии.

Максуэлл-Файф: Вы заявили Трибуналу, что военно-морской флот имел перед собой исключительно оборонительные задачи, что ваши подготовительные мероприятия носили исключительно оборонительный характер. Я утверждаю, что Гитлер в данном высказывании замыслил войну и намечал задачи военно-морского флота во время этой войны за несколько месяцев до того, как он собирался денонсировать военные пункты Версальского договора.

Вы все были готовы к войне, если бы она явилась необходимостью, и вы это знали. Разве не таково было положение вещей?

Редер: Безусловно, в мирное время необходимо обдумывать всевозможные случаи, когда придется прибегать к вооруженным силам для того, чтобы обороняться, так как в то время никто не думал об агрессивных войнах. Несомненно, задачей военно-морского флота во время войны было обеспечение подвоза железной руды из Швеции и Норвегии. В соответствии с этим и следовало строить наш флот.

Максуэлл-Файф: Прошу вас посмотреть на следующую фразу во втором абзаце: «Затем я указал, что желательно будет закончить сборку шести подводных лодок к тому времени, когда возникнет критическая политическая ситуация в первом квартале 1935 года».

Таким образом, вы готовились к критической политической ситуации?

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: Давайте посмотрим, что вы делали в 1936 году. ...После первого абзаца, во втором абзаце вы говорите следующее:

«Военная и политическая ситуация настоятельно требуют, чтобы мы немедленно приступили к увеличению нашего подводного флота и закончили это мероприятие как можно скорее, затратив на его выполнение всю энергию, поскольку подводный флот является особенно ценной частью нашего вооружения на море и обладает специфическими возможностями как ударная сила».

Заявляете ли вы, что то, к чему вы тогда призывали, имело исключительно оборонительный характер и что у вас даже и

в мыслях не было использовать специфические возможности той ударной силы, которая могла потребоваться во время войны?

Редер: Насколько мне помнится, в то время из общей политической ситуации я делал вывод о необходимости поставить строительство подводного флота на первый план. Но я никогда не считался с возможностью того, что мы начнем войну по своей инициативе. Мне всегда об этом говорил Гитлер, но он проводил свои политические мероприятия, и, конечно, эти политические мероприятия могли привести к войне, если бы другие державы выступили против них. Между прочим, меня упрекали тогда в том, что я слишком медленно производил строительство подводных лодок и не ускорял его.

Максуэлл-Файф: Вы достаточно ясно подчеркиваете это здесь: в связи с «военной и политической ситуацией», не правда ли? Вас полностью информировали о политической ситуации, и вы соответствующим образом приспособляли свое военноморское вооружение. Разве это не так?

Редер: Я в то время не только ничего не знал о том, что случится позднее, но я узнал о том, что мы заняли Рейнскую область, только в год ее занятия. Тогда же я узнал также и о том, что Гитлер ввиду занятия Рейнской области видел на горизонте скопление черных туч, которые угрожали нам, и поэтому приказал нам проявлять чрезвычайную осторожность. Он заявил, что надо быть готовым к осложнениям. Поэтому-то в 1936 году и был издан специальный указ. Этими соображениями обуславливалась моя осторожность. Я считал своим долгом вести самое детальное наблюдение, и соответственно этому наблюдению и своим выводам я укреплял свой флот. Под этим углом зрения следует рассматривать данный документ, по которому вы мне не задали ни одного вопроса. Если я запрашивал разрешение на постройку шести подводных лодок на случай политических осложнений вначале 1935 года, когда еще не было заключено морское соглашение (оно было подписано в июне), то это тоже относилось к возможным осложнениям, а я уже знал тогда о готовившемся объявлении восстановления военного суверенитета в 1935 году.

Максуэлл-Файф: Вы заявили нам о том, что вам было известно в 1936 году. Давайте теперь перейдем к 1937 году. Я хочу точно знать, что вы говорите по этому поводу. Это, конечно, как вы помните, вернет нас к документу Госсбаха ПС-386...

Прежде всего я хочу спросить вас по поводу последнего предложения в третьем абзаце. Здесь приводится следующее заявление Гитлера:

«Будущее Германии зависит поэтому исключительно от решения вопроса о необходимости жизненного пространства...»

Единственным выходом из создавшегося положения, и даже этот выход может показаться мнимым, является обеспечение большего жизненного пространства».

Далее он говорит: «История всех времен показала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления».

Затем в отдельном параграфе записано, что он говорит:

«Вопрос для Германии заключается в том, где можно захватить наибольшие пространства при наименьших затратах».

Редер: Нет, в английской книге документов сказано «захватить», а в немецком документе этого нет. В немецком документе говорится:

«Нужно добиться наибольших результатов с наименьшей затратой сил». Здесь вообще нет речи о каких-либо захватах.

Максуэлл-Файф: Я готов согласиться с тем, что это следует за выдержкой, которую я только что привел вам весьма подробно, потому что я не хочу ничего вырывать из контекста. Оценили ли вы должным образом следующее заявление Гитлера: «Единственной возможностью для Германии является добыть для себя дополнительные жизненные пространства» и что этого необходимо было добиться за счет других наций? Он говорил это, не правда ли?

Редер: Да, он сказал так, и я уже недавно говорил здесь, как это следует понимать. Он говорил вообще об Австрии, Чехословакии и Судетской области. Мы считали, что он не намеревается менять свою политику, и действительно эта политика не была изменена, то есть мы не выступили с войной ни против Чехословакии, ни против Австрии. Мы были убеждены, что он сумеет разрешить эти вопросы, так же как и все другие сложные политические проблемы, мирным путем. Я подробно говорил об этом.

Максуэлл-Файф: Именно об этом я и собирался вас спросить. Вы сами перешли к рассмотрению второго вопроса, на котором я хотел остановиться. В остальной своей части этот документ касается операций против Австрии и Чехословакии.

Я полагаю, вы согласитесь со мной, что фельдмаршал фон Бломберг и генерал фон Фрич несколько охладили пыл Гитлера в отношении этих его планов. Разве я неправильно освещаю эти факты?

Редер: Да, правильно.

Максуэлл-Файф: Этим они, скорее, показали свое отрицательное отношение к этим планам?

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: Таким образом, это имело место в ноябре 1937 года?

Редер: Мы всегда говорили ему, что он ни в коем случае не должен доводить дело до войны с Англией и Францией, причем он всегда соглашался с нами. Однако я уже говорил, что, произнося эту речь, он преследовал определенные цели и поэтому во многих случаях допускал большие преувеличения; затем он сразу отказался от таких преувеличений, когда ему было указано на опасность войны с Францией и Англией.

Максуэлл-Файф: Именно об этом я и хотел спросить вас. Это было в ноябре. К январю фельдмаршал фон Бломберг уже вступил в свой неудачный брак, не так ли?

Редер: Пожалуй, это было в январе, однако я не могу этого утверждать точно.

Максуэлл-Файф: И вы придерживались той точки зрения (не так ли?), что подсудимый Геринг побуждал его поступить таким образом?

Редер: Нет, этого я никогда не говорил.

Максуэлл-Файф: Разве вы этого не говорили?

Редер: Нет, я не говорил, что знаю об этом; да я и не был в этом убежден.

Максуэлл-Файф: Вы помните, что вы по этому поводу сделали заявление в Москве? Разрешите, я зачитаю вам его.

«В 1938 году, в самом его начале, у меня были переживания личного характера, которые, несмотря на то что они не касались военно-морского флота, непосредственно вызвали у меня потерю доверия не только к Герингу, но и к искренности фюрера. Положение, в котором оказался фельдмаршал фон Бломберг в результате своего несчастного брака, сделало невозможным его дальнейшее пребывание на посту главнокомандующего вооруженными силами. Слишком поздно я пришел к заключению, что Геринг всеми силами стремился добиться поста главнокомандующего вооруженными силами вместо Бломберга.

Он поощрял этот брак, поскольку он делал Бломберга неподходящим человеком для занятия этой должности, в то время как Бломберг полагал и даже неоднократно высказывался в том смысле, что подобный брак возможен при существовавшей системе. Геринг еще ранее установил за ним слежку, о чем я узнал из более поздних высказываний».

Разве вы этого не говорили?

Редер: В Москве непосредственно после поражения я написал свои соображения о причинах этого поражения. Этот документ я писал в таких условиях — со мной обходились истинно по-рыцарски, — что я без всяких колебаний сообщил об этом высшему генералу комиссариата внутренних дел, когда меня об этом попросили.

Максуэлл-Файф: Я хочу только знать, правильно ли, что вы это заявили?

Редер: Да. Я сделал эту запись. И совершенно верно, что впоследствии мне пришла в голову мысль, что Геринг способствовал этой женитьбе. Мне кажется, что он сказал мне здесь об этом сам. Он помог Бломбергу, так как он, очевидно, не знал, насколько все это усложнит общую обстановку.

Максуэлл-Файф: Видите ли, в то время вы придерживались той точки зрения, что Геринг поощрял этот брак, понимая, что в результате его фон Бломберг будет вынужден как главнокомандующий сойти со сцены, и что он это делал потому, что он, Геринг, хотел занять этот пост. Этой ли точки зрения вы придерживались прошлым летом?

Редер: Да, прошлым летом я думал таким образом, и, несомненно, Геринг очень хотел стать главнокомандующим вооруженными силами, но фюрер сам расстроил его планы.

Максуэлл-Файф: Хорошо, все это касалось фон Бломберга. Нам известно, что с ним случилось. Вашим вторым кандидатом на этот пост после фон Бломберга, лучшим его преемником на посту главнокомандующего явился фон Фрич, не так ли?

Редер: Так точно.

Максуэлл-Файф: Вы говорили об этом Гитлеру? И...

Редер: Да, он спросил меня, и я сказал ему, что предложил бы барона фон Фрича, но фюрер сказал, что эта кандидатура неприемлема.

Максуэлл-Файф: Да, но против фон Фрича было выдвинуто обвинение в гомосексуализме. Разве это не так? Именно по этой причине он не мог быть назначен на этот пост?

Редер: Да, фюрер сказал, что он нарушал законы морали.

Максуэлл-Файф: Вы входили в состав суда, разбиравшего это обвинение, не правда ли? Геринг был председателем суда, а вы и фон Браухич — его членами?

Редер: Так точно.

Максуэлл-Файф: И вы пришли к выводу, что обвинение в гомосексуализме, выдвинутое против фон Фрича, является ложным и подстроено гестапо, не так ли? Вы понимаете, что я хочу сказать? Я боюсь, что слово «фреймап» (подстроить) довольно трудно перевести точно.

Редер: Да, такое впечатление у меня создалось.

Максуэлл-Файф: Все это объяснялось тем, что донос исходил от какой-то темной личности, которая, как вы считали, являлась одним из «прихвостней» гестапо. На суде были выявлены факты сотрудничества гестапо с обвинителем, не так ли? Это ведь правильно? Вы пришли к этому выводу в ходе судебного процесса?

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: И вы согласны с тем, что не произошло никакой путаницы и что виновным оказался капитан

кавалерии ротмистр фон Фрич, а совсем не этот генерал. Это ведь правильно, не так ли?

Редер: Да, я с этим согласен. Мы доказали невиновность фон Фрича и оправдали его, так что не осталось никаких подозрений в его честности.

Максуэлл-Файф: Вы оправдали его, однако он не был восстановлен в должности? За его оправданием не последовало его восстановления на занимаемом им военном посту?

Редер: Нет. Я пошел к нему, так как я был с ним в дружественных отношениях, и спросил его, согласится ли он на то, чтобы я пошел к Гитлеру и попросил его восстановить барона фон Фрича в должности. Однако фон Фрич ответил, что он считает это совершенно невозможным, так как авторитет его настолько поколебался, что ему не хотелось бы снова брать на себя должность и обязанности главнокомандующего. После этого, к сожалению, я ничего не мог поделать. Я доложил об этом фюреру, но это осталось без последствий. Фюрер со своей стороны на собрании генералов и адмиралов заявил о полной невиновности барона фон Фрича.

Максуэлл-Файф: Сделали ли вы следующее заявление в связи с инцидентом, который произошел с фон Фричем:

«Я был убежден, что Геринг приложил руку к этому хорошо построенному делу, поскольку для того, чтобы добиться своей цели, ему необходимо было устранить любого возможного приемника фон Бломберга?»

Вы помните, что вы говорили это?

Редер: Я не припоминаю этого, но, очевидно, это так.

Максуэлл-Файф: Через шесть недель после того как Бломберг был обесчещен и фон Фрич смещен с должности, произошел аншлюсс Австрии.

Заявляете ли вы Трибуналу, что вам были неизвестны демонстративно производившиеся подготовительные мероприятия военного характера к аншлюссу Австрии, мероприятия, которые описывал в своем дневнике генерал Иодль и о которых также говорил фельдмаршал Кейтель? Было ли вам известно, что Австрия будет угрожать военным нападением?

Редер: Мне кажется, что я никогда не участвовал в совещании по вопросу об аншлюссе Австрии, так как я действительно не имел к этому ни малейшего отношения. Но мне хотелось бы раз и навсегда разъяснить здесь, что о таких мероприятиях, как, например, аншлюсс Австрии, я узнавал значительно позже, только после того, как фюрер издавал соответствующий приказ и одна копия этого приказа, независимо от того, участвовал военно-морской флот в этих операциях или нет, направлялась мне, как главнокомандующему военно-морским флотом. Видимо, в этом случае я тоже получил копию такого

приказа, который я должен был принять к сведению. Я не могу точно указать даты, но я подтверждаю, что такой приказ доводился до моего сведения.

Максуэлл-Файф: Видите ли, я говорю о следующем, и я не хотел бы напрасно тратить на это время. Я говорю, что 5 ноября Гитлер заявил, что он собирается получить Австрию не позднее чем в 1943—1945 гг. или даже раньше, если представится благоприятная возможность. Через четыре месяца после этого, в марте 1938 года, он захватил Австрию после того, как избавился от людей, которые охлаждали тот пыл, с которым он проводил свои планы. Но если вам об этом неизвестно, мы не будем тратить на это время и обратимся к Чехословакии, потому что по этому поводу вами была получена директива.

Эта директива ссылается на другую директиву от 24 июня, и вы увидите, что в ней говорится о необходимости обеспечить ее проведение не позднее 1 октября 1938 г. Вам, как главнокомандующему военно-морским флотом, была направлена вторая копия этой директивы. Первая фраза первого абзаца, озаглавленного «Политические предпосылки», гласит:

«Моим непреклонным решением является в самом ближайшем будущем разбить Чехословакию путем проведения военных операций. Задачей политических руководителей является выбрать или подготовить для этого подходящий момент как с точки зрения политической, так и с точки зрения военной».

Это было 28 мая 1938 г., то есть примерно через шесть месяцев после совещания, на котором вы присутствовали и на котором Гитлер заявил, что он нападет на Чехословакию при первой же возможности, которая ему представится. Разве это не заставило вас думать, что речь Гитлера в ноябре не была попросту пустословием, а являлась изложением его планов?

Редер: 10 сентября началась концентрация войск, и в тот же день начались переговоры. 1 октября началось мирное вступление войск в Судетскую область, после того как другие державы в Мюнхене одобрили этот шаг. После Мюнхенских переговоров...

Максуэлл-Файф: Все мы знаем об этом. Вопрос совершенно ясен.

Редер: Разрешите мне закончить.

Максуэлл-Файф: В мае уже были составлены планы, и фюрер упоминал об этом в своих речах. Он говорил, что в конце мая принял решение разгромить Чехословакию путем проведения военных мероприятий. Заявляете ли вы Трибуналу, что, прочтя эту директиву, вы все еще придерживались той точки зрения, что Гитлер не имеет агрессивных намерений? Вот мой вопрос.

Редер: Да, в конце мая.

Максуэлл-Файф: Какие еще доказательства могли быть вам нужны, помимо высказанного им самим намерения разгромить Чехословакию? Какие еще более явные доказательства были вам нужны? 15 марта 1939 г. Гитлер вступил в Прагу. Не показалось ли вам тогда, что был какой-то смысл в том, что он говорил в своем интервью 5 ноября 1937 г., когда он оккупировал славянскую часть Богемии и Моравии и нарушил свое собственное правило: «Германия для немцев». Не пришло ли вам тогда в голову, что, может быть, в ноябре он не просто шутил и занимался пустословием? Не так ли?

Редер: Он издал директиву, в которой говорилось, что на текущий год следует предусмотреть:

1) вопрос о готовности Германии к обороне на случай нападения извне;

2) вопрос о ликвидации остальной части Чехословакии в случае, если она поведет враждебную Германии политику. Я знал, что он согласно этой директиве хочет выступить против Чехословакии в том случае, если сама Чехословакия встанет на путь враждебной по отношению к Германии политики; позже из пропаганды мы узнали, что это так и произошло. К вступлению войск в Чехословакию и Судетскую область я не имел никакого отношения, так как единственное, что мы могли выставить на этот случай, это была Дунайская флотилия, но и она для этой операции была подчинена командованию сухопутными силами, следовательно, я вообще не занимался этим вопросом. Никаких других военных приказов не было.

Максуэлл-Файф: Таким образом, ваш ответ сводится к тому, что, когда Гитлер вступил в Прагу 15 марта 1939 г., вы все еще продолжали думать, что у него не было агрессивных намерений? Вы хотите, чтобы Трибунал поверил именно этому заявлению с вашей стороны? Не так ли?

Редер: Да, я настаиваю на этом, так как я считаю, что Гитлер не хотел вести войну с Чехословакией. Путем своих политических переговоров с Гаха и проведенных вслед за тем мероприятий он действительно разрешил вопрос таким образом, что никакой войны вообще не было.

Максуэлл-Файф: Хорошо. Вы слышали, что подсудимый Геринг показал, что он заявил президенту Гаха о том, что его вооруженные силы будут бомбить Прагу, если Гаха не даст своего согласия. Если это не война, то, во всяком случае, нечто весьма близкое к войне, не так ли?

Редер: Да, это угроза.

Максуэлл-Файф: Хорошо, давайте рассмотрим следующий период протяжением в два месяца. Если вы в марте все еще не сознавали этого, ...23 мая, когда вы прибыли в имперскую канцелярию, там собралось шесть офицеров в высоких чи-

нах, включая вас. Гитлер сказал вам, что он собирается дать вам разъяснение по поводу политической обстановки. Это разъяснение заключалось в следующем: «Мы приняли решение напасть на Польшу при первой благоприятной возможности». Когда вы услышали от него это заявление 23 мая, вы все еще продолжали думать, что у него не было агрессивных намерений?

Редер: Я верил в это очень долгое время, точно так же как генерал-полковник Иодль, который заявил об этом: после того, как он — Гитлер — уладил чешский вопрос путем чисто политических мероприятий, следует надеяться, что и вопрос относительно Польши он разрешит без кровопролития. Я верил в это до последнего момента, до 22 августа.

Максуэлл-Файф: Трибунал об этом уже слышал. Я попрошу вас посмотреть на список присутствовавших там лиц.

Редер: Да, я помню, кто присутствовал.

Максуэлл-Файф: Давайте посмотрим. Подполковник Шмундт, впоследствии генерал, главный адъютант Гитлера, был убит 20 июля 1944 г. Это так? Затем подсудимый Геринг, главнокомандующий военно-воздушными силами; вы в качестве главнокомандующего военно-морского флота; генерал-полковник фон Браухич, главнокомандующий сухопутными силами; генерал Кейтель, начальник ОКВ; генерал Мильх, заместитель Геринга; Гальдер, начальник штаба; Шнивинд, начальник вашего штаба, и, наконец, Иешонек, который был, как мне кажется, начальником штаба или высшим...

Редер: Начальником штаба военно-воздушных сил.

Максуэлл-Файф: Да. Затем полковник Варлимонт, который был помощником генерала Иодля. Как вы думаете, для чего Гитлер собрал этих генералов, занимавших высшие командные посты, и заявил им: «Мы приняли решение напасть на Польшу при первой благоприятной возможности», если у него не было никаких агрессивных намерений? Зачем там собрались эти люди, если не для того, чтобы развязать войну?

Редер: Я уже разъяснил, что они собрались главным образом для того, чтобы сделать чисто академические доклады о ведении войны и на основании этих докладов создать штаб для изучения вопросов, связанных с ведением войны.

Максуэлл-Файф: Вы заявляете Трибуналу, что, когда он сказал: «Мы не можем ожидать, что дело обернется таким же образом, как в Чехословакии; дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без кровопролития», вы не обратили на это никакого внимания? Вы серьезно заявляете Трибуналу, что вы не обратили на это внимания?

Редер: Нет, я действительно не обратил на это внимания. Я постепенно все больше узнавал Гитлера, и мне была известна его привычка преувеличивать в речах все события.

Максуэлл-Файф: К этому времени вы уже получили директиву о неожиданном нападении на Данциг в ноябре 1938 года. Вы уже получили директиву от 3 апреля о проведении варианта «Вейс», и вы знали, что весь этот вариант уже готовился. Подсудимый, заявляете ли вы серьезно Трибуналу, что после 23 мая у вас оставались какие-либо сомнения в том, что Гитлер намеревался вести войну против Польши? Я хочу дать вам возможность ответить на это до объявления перерыва. Заявляете ли вы, что у вас были какие-либо сомнения в этой связи?

Редер: Когда 22 августа нам было сообщено о заключении договора с Россией, я был убежден, что и эта проблема может быть решена мирным путем.

Максуэлл-Файф: Как я понял, вы заявляете, что даже 22 августа вы не думали, что у Гитлера есть какие-нибудь агрессивные намерения. Вы действительно хотите это сказать?

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: ...Подсудимый, я хотел бы, чтобы вы взглянули на документ, который имеется на странице 261 книги документов 10-А и на страницах с 438 по 440 этой книги документов на немецком языке.

Это протокол совещания от 23 ноября 1939 г. с Гитлером, совещания, на котором было приказано присутствовать всем главнокомандующим.

Редер: Да, это совещание происходило 23 ноября 1939 г., когда война уже началась.

Максуэлл-Файф: Вы присутствовали на этом совещании?

Редер: Да, присутствовал.

Максуэлл-Файф: ...Теперь я хотел бы, чтобы вы взглянули на один абзац. Он начинается так:

«Через год началась кампания в Австрии. Этот шаг также считали рискованным».

Далее говорится:

«Это привело к значительному укреплению империи. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Но этот шаг было невозможно совершить за один раз. Прежде всего нужно было закончить западный вал. Это было только частичное разрешение вопроса. Одним прыжком невозможно было достичь цели. Мне с первого момента было ясно, что я не мог удовлетвориться Судетской областью. Это было лишь частичное разрешение вопроса. Было принято решение вступить в Богемию. Затем последовало создание протектората, и тем самым была положена основа для завоевания Польши. Но в то время я еще не был уверен, должен ли я сначала выступить против Востока, а затем против Запада или наоборот. В свое время Мольтке

задумывался над тем же самым. В силу необходимости первой произошла война с Польшей. Моя цель заключалась в том, чтобы создать логическое соотношение между численностью населения и пространством, которое это население занимает».

Что бы вы до того времени ни думали, вы тогда отдавали себе отчет в том, что Гитлер преследовал логическую и ясную цель, заключающуюся в агрессии. Это видно из всех материалов, которые я предъявил вам сегодня утром, не правда ли?

Редер: Да, но в тот период мы уже вели войну, и он делал своего рода обзор происшедших событий. Кроме того, он хотел доказать генералам, с которыми он в это время находился в конфликте, что его политические соображения всегда правильны. Поэтому он еще раз остановился на всех этих отдельных моментах.

Максуэлл-Файф: Далее абзац начинается следующим образом: «У нас имеется «Ахиллесова пята» — Рур. Англия не может жить без своего импорта. А мы можем пропитать себя сами. Систематическое минирование моря у английского побережья поставит Англию на колени».

Вы нашли это место?

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: Слушайте: «Однако это может быть достигнуто тогда, когда мы оккупируем Бельгию и Голландию... Мое решение неизменно. Я нападу на Францию и на Англию в самый благоприятный момент, в ближайшее время. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет нас спрашивать об этом, когда мы победим. Мы не будем обосновывать нарушения этого нейтралитета такими идиотскими причинами, какие были выставлены в 1914 году. Если не мы нарушим нейтралитет, тогда это сделают Англия и Франция. Не начав наступления, нельзя закончить войну победоносно».

Подсудимый, вы помните, что это было точно через три недели после того, как 10 ноября был издан план «Гельб», то есть план нападения на Голландию и Бельгию? Вы это помните?

Редер: Мне известно, что этот вопрос обсуждался. Я знаю также, что мы уже воевали с Англией, и поэтому не было необходимости обсуждать вопрос нападения на Англию и Францию...

Максуэлл-Файф: Вы ведь не были в состоянии войны с Голландией и Бельгией, не правда ли?

Редер: Здесь говорится: «...если французская армия вступит в Бельгию, чтобы напасть на нее, то для нас будет слишком поздно. Мы должны ее опередить». В тот период Гитлер заявил, что у него имеются точные сведения о том, что Бельгия не сохранит нейтралитета, что уже предприняты меры к принятию

французских и английских войск, и на этом основании он хотел опередить нападение на нас со стороны Бельгии. Впрочем, в речи от 22 августа 1939 г. он выразил диаметрально противоположную мысль, сказав, что Бельгия и Нидерланды никогда не нарушат своего нейтралитета.

Максуэлл-Файф: Вы были согласны с его заявлением: «Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет нас спрашивать об этом, когда мы победим»? Вы были согласны с этим?

Редер: Нет, я не совсем разделяю подобное мнение, но в тот момент у меня не было повода заявить о своем протесте против этих притязаний.

Максуэлл-Файф: Точка зрения командования военно-морского флота по вопросу о подводной войне была изложена ему месяц спустя. Вы помните, что 30 декабря у вас с Гитлером состоялась беседа, на которой присутствовали генерал-полковник Кейтель и капитан второго ранга Путкамер?

Редер: Да, 30 декабря я был у Гитлера.

Максуэлл-Файф: «Что касается формы и времени начала дальнейшего усиления войны на море, то решение высшего военного командования начать общее усиление войны наступлением на Западе имеет решающее значение.

Первая возможность.

Решение фюрера в пользу наступления на Западе, которое должно начаться в очень скором времени... путем нарушения нейтралитета других государств.

В данном случае усиление войны на море с политической точки зрения будет представлять лишь небольшую часть общего усиления войны. Постепенно переход к усилению форм ведения войны на море, имея в виду в конечном счете беспощадное применение всех средств ведения войны, предлагается поэтому вместе с началом наступления.

Немедленно предусматривать отдельные меры усиления войны на море не является необходимым, — оно может быть отложено до начала общего усиления войны. Благоприятно настроенные нейтральные страны: Италию, Испанию, Японию, так же как и Америку, следует, насколько возможно, шадить».

Правильно ли то, что вы рассчитывали нарушением Гитлером нейтралитета Нидерландов затмить благодаря своему большому значению то, что вы примете жесточайшие методы войны на море? Это так?

Редер: Гитлер хотел, чтобы с началом наступления на Западе мы проявили известную активность на море. Он потребовал, чтобы я применил более суровые средства ведения морской войны только в этот момент, хотя поведение английских вооруженных сил давало мне право применять эти радикальные

средства значительно раньше. Такие более жестокие методы борьбы были подробно изложены в докладной записке и начали последовательно применяться в ответ на различные мероприятия Англии.

Максуэлл-Файф: Вы не только одобрили нарушение нейтралитета Голландии и Бельгии, но со своей стороны, то есть со стороны военно-морского флота, вы были готовы помогать этому путем усиления подводной войны. Это правильно?

Редер: Я вообще не имел ничего общего с нарушением нейтралитета этих стран, так как военно-морской флот даже не входил в эти страны вместе с армией. Я был только заинтересован в том, чтобы постепенно усиливать подводную войну, чтобы ответить контрмерами на мероприятия англичан, которые также шли вразрез с нормами международного права.

Максуэлл-Файф: Я перейду к вопросу о подводной войне позже, а сейчас я постараюсь рассмотреть вопрос в последовательном порядке. Имеются еще только два пункта, касающиеся агрессивной войны. Я прошу вас помочь мне в одном или двух пунктах, касающихся Норвегии. Вас удовлетворяло то положение, что Норвегия оставалась нейтральной, не оккупированной до тех пор, пока у вас существовал защищенный путь вдоль норвежского побережья в нейтральных водах. Правильно это? Для вас было важно иметь свободный доступ в нейтральные воды, чтобы не только ваши суда, но также и ваши подводные лодки могли заходить в нейтральные воды и начинать оттуда свои операции. Правильно это?

Редер: Нет, вопрос о возникновении и проведении в жизнь плана кампании против Норвегии я подробно изложил в документах. В то время существовала опасность занятия Норвегии англичанами, о чем мы узнали из различных источников.

Максуэлл-Файф: Заявляете ли вы Трибуналу, будто военно-морское командование серьезно думало, что англичане намерены занять Норвегию?

Редер: Да, совершенно определенно, я думал именно так, потому что у меня было много сведений, и я не мог в этом сомневаться; позже это подтвердилось на деле.

Максуэлл-Файф: Вы помните, что 13 марта 1940 г. генерал Иодль в своем дневнике сделал запись относительно того, что фюрер все еще ищет повода для оправдания. Вы помните это, не правда ли?

Редер: Я уже говорил, что выражение «оправдание» неправильно, оно неверно переведено. Иодль написал «основание».

Максуэлл-Файф: Понимаю. Это смысл, который вы придали этой записи. Теперь взгляните на ваш собственный документ 81, который имеется в книге документов 5, страница 376..

В первом пункте этого документа речь идет о том, что англичане вторглись в норвежские территориальные воды. В нем говорится:

«В результате расследования вопроса о том, является ли массовое вторжение англичан в норвежские территориальные воды возможным в таком близком будущем, что оно может представлять собой угрозу для плавающих германских судов, в настоящее время создается мнение, что этого можно не ожидать. Транспорт руды можно продолжать ввиду того, что потерь еще не было».

Итак, у вас имелись сведения о том, что 22 марта не ожидалось массового вторжения в норвежские территориальные воды?

Редер: Нет. Я располагал такими точными сведениями, поступившими как раз в этот период от Квислинга и Хагелина, что не оставалось никаких сомнений в том, что англичане в скором времени поведут массированное наступление в этом районе.

Максуэлл-Файф: Вы говорите, что такоза была точка зрения адмирала Фрике, а вы на нее не обратили внимания.

Вы знаете, что адмирал Асман вел краткий дневник и на следующий день он записал о встрече между вами и Гитлером.

...Он коснулся вашего предложения об использовании подводных лодок близ Галифакса. Это было в тот же день 23 февраля. Он пишет, что вы сказали в тот день, что для того чтобы обеспечить доставку руды из Нарвика, было бы предпочтительно сохранять нейтралитет Норвегии.

Затем 26 марта адмирал Асман в своем отчете о встрече между вами и Гитлером записал ваши ответы таким образом:

«Высадка англичан в Норвегии не рассматривается как возможная в ближайшем будущем. Редер предлагает начать наши действия в следующем месяце, 7 апреля, и Гитлер с этим согласен».

Вы помните это?

Редер: Нет. Однако совершенно невероятно, чтобы я в тот момент не был полностью убежден в предстоящем десанте.

Как известно, адмирал Асман использовал для своих записей всевозможные журналы боевых действий и протоколы. Я совершенно определенно не высказывался таким образом, так как в тот период я неоднократно докладывал Гитлеру, что свои приготовления, начатые задолго до этого, мы закончим в последних числах января, и это и был тот момент, когда следовало провести десант по причинам, которые я всегда защищал. Совершенно ошибочно предполагать, как это делается здесь, что у меня к этому времени оставалось хоть малейшее сомнение в предстоящей операции. Впоследствии мои предположения подтвердились...

Максуэлл-Файф: Хорошо, но вторая часть, второе предложение является правильным, не правда ли? «Редер предлагает начать наши действия в следующем месяце, 7 апреля». Это правильно; вы действительно тогда начали вторжение. Тогда именно ваша армада вышла в море и прибыла на место 9 апреля, не так ли?

Редер: Конечно, я настаивал на высадке десанта в Норвегии в самое ближайшее время, то есть как только наступят благоприятные метеорологические условия. Так мы раньше решили, и так распорядился Гитлер. За это я принимаю на себя полную ответственность, и это было вполне обоснованно.

Максуэлл-Файф: Вы видите запись от 26 марта, где говорится:

«Высадка англичан в Норвегии не рассматривается как возможная в ближайшем будущем. Редер предлагает начать наши действия в следующем месяце, 7 апреля, и Гитлер с этим согласен». Затем следует обсуждение вопроса об установлении мин у Скапа перед вторжением немцев в Норвегию. Гитлер согласен с Редером и издает соответствующие инструкции?

Редер: Да. Угроза оккупации Норвегии англичанами стала непосредственной ко времени заключения русско-финского мира.

Именно эта русско-финская война заставила нас подумать о срочной высадке десанта, так как имелись опасения, что под предлогом оказания помощи финнам англичане предпримут оккупацию Норвегии. Следовательно, на вопрос о том, являлась ли в тот момент, то есть после заключения мира, высадка англичан актуальной проблемой, я ответил отрицательно...

Максуэлл-Файф: Прочтите запись от 26 марта.

Редер: «Угроза оккупации Норвегии англичанами стала непосредственной ко времени заключения русско-финского мира. Ввиду заключения мира они, видимо, отложили эту операцию. На вопрос фюрера о том, является ли в настоящий момент английский десант актуальной проблемой, главнокомандующий военно-морскими силами дает отрицательный ответ», — да, ситуация не изменилась настолько, чтобы мы были вынуждены немедленно выступить. «Главнокомандующий военно-морскими силами предлагает провести свою операцию в следующем месяце. Основания для нашей высадки остались прежними, только эта история с Финляндией не могла быть больше использована англичанами».

Максуэлл-Файф: Мирный договор и окончание войны с Финляндией имели место в середине марта. Это тогда не входило в планы?

Редер: Да, это не играло больше для нас никакой роли, но другие наши причины оставались теми же.

Максуэлл-Файф: Хорошо. Взгляните на отчет вашего дипломатического представителя в Норвегии от 29 марта, где в конце параграфа 1 вы увидите следующее:

«Англичане, очевидно, не хотели взять на себя ответственность за открытое нарушение неприкосновенности норвежской территории и норвежских территориальных вод без причин и за проведение там операций военного характера». Это цитата министра иностранных дел Норвегии. Затем ваш дипломатический представитель высказывается следующим образом:

«Твердое намерение Норвегии сохранить свой нейтралитет и обеспечить соблюдение правил норвежского нейтралитета можно принять как факт».

Вам сообщили, что ваш дипломатический представитель в Осло докладывал, что англичане не намеревались произвести высадку?

Редер: Да, доктор Бройер, посланник в Норвегии, стоял на совершенно неверной позиции, так как он верил этим заверениям министра иностранных дел Кота, о которых наш военный атташе неоднократно сообщал, что Кот пляшет под дудку англичан и что поэтому нельзя принимать эти заверения как достоверные. Одновременно мы получили известие от Хагелина, что хотя норвежцы и дают гарантии на бумаге, но сами сказали, что они делают это для видимости и будут продолжать сотрудничать с англичанами. Это имеется в представленных нами документах.

Максуэлл-Файф: Взгляните на другой документ, на документ Д-444. Это — то, что сообщал в то же время ваш дипломатический представитель в Швеции. Вы заметите, что он цитирует слова министра иностранных дел Швеции Гюнтера:

«Шведское правительство не имеет никаких оснований для того, чтобы поверить в то, что западные державы намереваются проводить в ближайшее время какие-то угрожающие меры против Скандинавии. Наоборот, на основании всех официальных отчетов и прочих сведений оно считает ситуацию за последнее время гораздо более спокойной. Затем он говорит, что нападения на шведскую руду не предполагается. Далее он касается Норвегии. Не будучи англофилом, Гюнтер также не думал, что Великобритания начнет военные действия против Норвегии, но он, конечно, не мог об этом говорить с такой же уверенностью, как в отношении Швеции. Во всяком случае, Норвежское правительство, с которым он был тесно связан, придерживалось того же мнения».

Затем, если вы взглянете двумя абзацами ниже, вы увидите, что здесь говорится следующее:

«В заключение Гюнтер попросил меня сообщить его заявления моему правительству и повторил, что Шведское правитель-

ство придает большое значение тому, чтобы у германского правительства не сложилось ложного впечатления о существовании обстоятельств, которые могли бы создать возможность — он совсем не употреблял слова «необходимость» — применения особых мероприятий со стороны Германии в отношении Скандинавии».

Затем он говорит в последнем абзаце, что шведский министр иностранных дел, возможно, слышал о подготовке Германии.

Взгляните теперь на документ Д-845. Это сообщение вашего дипломатического представителя из Стокгольма на следующий день.

«В шведских военных и правительственных кругах существует опасение касательно возможных германских военных превентивных мер в Скандинавии против объявленного усиления военных мероприятий западных держав. Шведские и норвежские военные и правительственные власти считают маловероятным, чтобы западные державы предприняли против Скандинавии меры военного характера». Вы были информированы об этих сообщениях из Стокгольма, да?

Редер: Допускаю, что фюрер сказал мне это. Но у нас не было повода полагаться на эти заверения, так как совершенно очевидно, что Швеция была сильно заинтересована в том, чтобы мы не выступили против Норвегии, потому что благодаря этому мы были бы в состоянии оказывать на Швецию некоторое давление. По полученным нами впоследствии сведениям, это было то, к чему так стремились англичане. Позднее выяснилось, что английский приказ о высадке в Норвегии, в Тронхейме, Ставангере и, кажется, в Христианзанде был отдан 5 апреля. Следовательно, не имеет смысла спорить по этому вопросу. 7 апреля, в ночь с 7 на 8 апреля, как сообщили англичане в ноте, переданной по радио, они произвели закладку мин в Норвегии, и 7 апреля войска были погружены на крейсера, названий которых я не могу припомнить. Итак, этот факт действительно имел место, и моя точка зрения была самой правильной, в то время как доктор Бройер в корне ошибался.

Максуэлл-Файф: Я не намереваюсь с вами спорить, хотя вы должны знать, — и я думаю, что вы это знаете, — что в Англии не существовало никакого приказа о вторжении. Был приказ о том, чтобы установить мины.

Вы помните, что вы сказали Трибуналу сегодня, что использование неприятельского флага на своих военных судах является разрешаемой «военной хитростью», если она прекращается до начала операции. Вы помните, что вы это говорили?

Редер: Конечно, я это помню. Одним из принципов ведения морской войны является правило поднятия своего флага в момент открытия огня.

Максуэлл-Файф: Вы заявляете Трибуналу, что в морской войне является признанным методом использования флага другой страны при нападении на нейтральную страну без предупреждения? Между вами и Норвегией войны не было, и поэтому не было причин прибегать к какой-либо хитрости. Вы были с Норвегией в состоянии мира. Что вы скажете?

Редер: Тогда было важно при встречах с англичанами спускать флаг, который был на судне, и вывешивать немецкий. Мы не хотели вести войны с норвежцами. Где-то говорится, что в первую очередь мы должны стремиться к мирной оккупации.

Максуэлл-Файф: Можете ли вы указать мне хотя бы один прецедент до этой операции, когда бы германский флот напал на нейтральную страну, с которой Британия находилась в состоянии мира, используя флаг противника? Скажите, разве вы это когда-нибудь применяли ранее?

Редер: Я не знаю, случалось ли это во время действий военно-морского флота других стран, я не хочу этого утверждать.

Максуэлл-Файф: Я даже не спрашиваю о флоте других стран. Ну, а вы когда-нибудь поступали так?

Редер: Нет. Мы этого не делали. 8 апреля мы отдали приказ по радио, чтобы этого не делали. Вам это известно из нашего журнала боевых действий. Таким образом, здесь совершенно бесполезно говорить о том, что должно было произойти, поскольку этого не произошло.

Максуэлл-Файф: Я хотел бы выяснить, что вы считали допустимым при ведении морской войны. Я хочу теперь перейти к другому пункту, и тогда я закончу с этой частью дела. Что касается нападения на Советский Союз, я не намереваюсь расспрашивать о всех ваших собственных взглядах и о том, что вы говорили Гитлеру.

«По предложению командования военно-морского флота (ОКМ) использование оружия против русских подводных лодок к югу от северной границы предупредительной Эйландской зоны... разрешается немедленно с целью беспощадного уничтожения.

Наступательные действия против подводных лодок к югу от линии Мемель до южного пункта Эйланда разрешаются, если по приближении германских военных судов подводные лодки не могут быть точно опознаны как шведские. Причиной, которую следует указать по поводу дня «В» (то есть «Барбаросса»), является то, что, как предполагается, наши военно-морские силы имеют дело с проникающими английскими подводными лодками».

Почему вы предложили напасть на советские подводные лодки за шесть дней до вашего вторжения, когда они не ожидали такого нападения и когда не было и речи о войне?

Редер: Как здесь уже говорилось, случилось так, что незадолго до 15 июня одна подводная лодка прорвалась в этот район, близ Борнхольма, на довольно большое расстояние в западном направлении, и при встрече с судами сторожевого охранения у Борнхольма был дан ложный опознавательный знак, что означало, что это была не германская, а какая-то чужая подводная лодка. В данном случае из курса этой лодки и места ее нахождения можно было сделать вывод, что это была русская лодка. Кроме того, уже в это время мы неоднократно обнаруживали русские подводные лодки вблизи германских портов, например, у Мемеля. Вследствие этого у нас создалось впечатление, что русские подводные лодки уже занимают позиции перед германскими портами либо для того, чтобы закладывать там мины, либо для того, чтобы подготовиться к атаке на торговые или военные корабли. Следовательно, я должен был сообщить об этом и ради предосторожности предложить немецким подводным лодкам проводить атаки в этом районе, то есть перед германскими портами. В тот же день мое предложение было одобрено и было сделано это добавление, которое, по-моему, не было необходимым, но которое предотвращало возможные конфликты.

Максуэлл-Файф: Считали ли вы правильным нападение и призыв к безжалостному уничтожению советских подводных лодок за шесть дней до вашего нападения на Советский Союз? Вы считаете это правильным? А затем взваливать вину на проникающие английские подводные лодки — это предложение Кейтеля. Таковы ваши взгляды на правильное ведение войны?

Редер: Итак, первое положение я считаю верным, так как главное — это опередить противника, и этого мы могли добиться при известных условиях. Второе же приказал фюрер.

Максуэлл-Файф: Оставим это на усмотрение Трибунала.

Таким образом, следует ли считать, что вы полностью одобряли нападение и безжалостное уничтожение советских подводных лодок за шесть дней до начала войны? Так Трибунал должен вас понять, не правда ли?

Редер: Если эти подводные лодки появились в наших территориальных водах для того, чтобы вести разведку, или для других военных действий, то я считаю, что это было правильным.

Максуэлл-Файф (оглашает документ): «Точка зрения, основанная на внешней политике, дает нам преимущество в использовании метода неограниченной подводной войны только в том случае, если мы сможем в свое оправдание сослаться на то, что метод ведения войны Англии вынудил нас отдать приказание о таком ведении войны в качестве репрессалии».

Таково ваше мнение? Таково было ваше мнение 3 сентября?

Редер: Да, это было моей точкой зрения.

Максуэлл-Файф: Если в документе сказано, что «командование военно-морского флота пришло к такому заключению», правильно ли, что командование военно-морского флота действительно пришло к такому заключению?

Редер: Да. Я уже однажды сказал, что международное право не должно было нарушаться, но оно должно было толковаться ограничительно и измененным, и это ведь проводилось также и другой стороной.

Максуэлл-Файф (цитирует меморандум Редера): «Поэтому в принципе всякие средства ведения войны, которые эффективны для того, чтобы сломить сопротивление противника, должны быть основаны на каком-либо правовом понятии, даже если это повлечет за собой создание нового кодекса ведения морской войны».

Высший военный совет, после того как он рассмотрит политические, военные и экономические последствия в рамках общего ведения войны, должен будет решить, какие мероприятия военного характера должны быть приняты и каково должно быть наше отношение к войне. Если будет решено вести экономическую войну самым беспощадным образом в соответствии с военными потребностями, то это решение должно выполняться при всех обстоятельствах. Если же оно будет принято, то это решение о самом беспощадном ведении экономической войны не должно быть отменено или же ослаблено под действием политического давления со стороны нейтральных государств, как это произошло в первую мировую войну, с ущербом для нас. Все протесты со стороны нейтральных государств должны быть отвергнуты. Даже угрозы со стороны других стран, например, Соединенных Штатов, вступить в войну — этого можно определенно ожидать, если война будет продолжаться, — не должны приводить к ослаблению характера экономической войны, раз уже она начата. Чем безжалостнее ведется экономическая война, тем скорее это приведет к необходимым результатам и тем скорее закончится война».

Редер: Да.

Максуэлл-Файф: Согласны ли вы теперь с таким утверждением и с мнением, выраженным в абзаце, который я вам только что огласил?

Редер: Здесь говорится о том, что из опыта мировой войны мы сделали вывод: как только после выхода в свет и объявления приказа о проведении радикальных мер нейтральные страны проявляли малейшее недовольство и заявляли свой протест против этого, такие мероприятия немедленно отменялись, в особенности если в протесте участвовали США. Здесь же я говорю,

что при любых обстоятельствах необходимо избегать немедленной отмены наших мероприятий, и я делаю предупреждение в том смысле, что до принятия мер надо тщательно обдумывать наши решения и согласовывать с министерством иностранных дел и т. д. во избежание их позднейшей отмены и, вследствие этого, потери престижа и эффективности наших мероприятий. Вот в чем причина. Англии также направлялся ряд протестов, и в большинстве случаев на них не поступало никакого ответа, например, категорическая нота протеста русских от 20 октября 1939 г. против применения Англией блокады во время войны.

Максуэлл-Файф: Правильно ли было поступать таким образом?

Редер: Я должен сделать заявление по этому вопросу. Я как раз говорю о резких выступлениях против английской блокады, которая нарушала нормы международного права... Следовательно, протесты заявлялись и в то время и были отклонены.

Максуэлл-Файф: Вы потребовали для себя права потопления без предупреждения всех кораблей нейтральных государств в зонах по выбору высшего командования.

Расскажите мне о приказе относительно «командос» от 18 октября 1942 г. Вы получили этот приказ Гитлера о «командос» и направили его в различные подразделения военно-морского флота, не правда ли?

Редер: Да, я это передал через командование военно-морского флота.

Максуэлл-Файф: Вы одобрили этот приказ?

Редер: Я не санкционировал его, я просто передал его по инстанции. Я должен в этой связи сделать разъяснение, если Вы хотите.

Максуэлл-Файф: Это не то, что я прошу вас сделать. Я вначале прошу ответить на мой вопрос: одобряли ли вы приказ о расстреле «командос» или же о том, что их следовало передать СД для расстрела? Одобряли вы этот приказ?

Редер: Я не санкционировал этого приказа. Я его передал в том виде, в каком его составил фюрер и в каком он попал в мои руки, в соответствии с этим приказом, на котором была пометка о передаче его по инстанции и о пути его возвращения. В этом отношении все указания дал сам Гитлер.

Максуэлл-Файф: Но все же ответьте на мой вопрос: одобряли ли вы этот приказ? Вы еще не ответили на вопрос. Одобряли вы этот приказ?

Редер: Я не видел повода для того, чтобы опротестовать перед фюрером приказ, который я считал вполне обоснованным.

Максуэлл-Файф: Знаете ли вы, что в то время, когда вы были генеральным инспектором, или адмиралом-инспектором германского военно-морского флота, были основаны «командо дер клайнкампффербанде» («малые соединения») под руководством вице-адмирала Гельмута Хеера, включавшие в свою систему торпеды и подводные лодки с экипажем из одного человека, моторные катеры с взрывчатыми веществами; кажется, численный состав этих соединений составлял от 5 тысяч до 16 тысяч человек? Вы знали, что были такие соединения в военно-морском флоте, «командо дер клайнкампффербанде»? Вам это было известно?

Редер: Я знал об этом, а также и о том, что такие соединения совершенно открыто действовали в районе побережья Франции, а затем в районе северного побережья.

Максуэлл-Файф: И вы отнеслись бы одобрительно, если бы союзники расстреляли кого-либо из нескольких тысяч членов этих соединений, которые составляли экипаж и в один-два человека? Вы одобрили бы, если бы мы просто расстреливали их?

Редер: Во-первых, я не могу сказать, что бы я сделал в определенном случае, когда мне вообще ничего не оставалось делать.

Максуэлл-Файф: Ну хорошо. Если вы не желаете отвечать, с меня этого достаточно. Я своевременно обращаю внимание Трибунала...

Редер: Вы снова прервали меня. Я ведь хотел остановиться на двух документах. Во-вторых, эти соединения действовали совершенно открыто в районе побережья. На борту у них не было никаких гражданских лиц и никаких средств для актов диверсий, это были совершенно такие же бойцы подводных лодок. Я знаю...

Максуэлл-Файф: Вот именно это я и утверждаю о наших «командос». Поэтому я не буду обсуждать этого вопроса.

Перехожу к другому. По вашему ли приказу был подделан судовой журнал в связи с потоплением «Атении»? Было ли это сделано по вашему непосредственному приказанию?

Редер: Нет, дело обстояло совершенно иначе. Я уже говорил, что мой приказ состоял в том, чтобы, во-первых, по приказу фюрера держать все это дело в тайне. Во-вторых, политическое рассмотрение этого вопроса и в дальнейшем остается за командованием военно-морского флота. В-третьих, я зачитаю этот пункт: «Я не подвергаю командира дисциплинарному взысканию, так как он действовал по заблуждению». Вот все, что я приказал. Другого приказа я не отдавал.

Максуэлл-Файф: Тогда знаете ли вы, по чьему приказу был подделан судовой журнал? Мне необходимо это узнать. Су-

довой журнал был подделан. Я спрашивал подсудимого Деница, но он не смог мне ответить. В одном письменном показании под присягой он написал, что этот вопрос должен был быть оставлен для вас. Теперь я вас спрашиваю, можете ли вы мне рассказать об этом. Мне кажется, что командир умер, насколько я помню, так что он рассказать мне об этом не может. Теперь вы утверждаете, что вы не можете сказать мне, по чьему приказу был подделан судовой журнал подводной лодки «У-30», которая потопила «Атению».

Редер: Я уже говорил, что я с этим делом ничего общего не имел, так как я вообще не занимался такими деталями. Я не давал распоряжений по поводу таких мелких событий. И затем, мне кажется, адмирал Вагнер уже подробно показал о том, кто это сделал. Думаю, что это произошло во флотилии.

Максуэлл-Файф: Скажите мне только следующее относительно «Атении». Вы показали на днях, что вы дали эти приказы и затем умыли руки? Почти месяц спустя...

Редер: Я уже сказал, что я не имел ничего общего с этим делом...

Максуэлл-Файф: Вы не имели ничего общего с этим... Почти месяц спустя кажется, вы сказали, что это было сделано по приказу Гитлера?

Теперь перейдем к другому вопросу относительно фон Бломберга и фон Фрича.

Вы ничего не сделали, когда узнали о том, что против фон Бломберга и фон Фрича, которые были вашими старыми друзьями и товарищами, нацистскими заговорщиками были выдвинуты обвинения. Вы ничего не сделали по этому поводу? Вы ничего не сделали для того, чтобы протестовать против обращения, которому были подвергнуты фон Бломберг и фон Фрич? Вы совершенно ничего не сделали, не правда ли?

Редер: Нет. Однако я в то время ничего не знал о тех закулисных причинах, о которых вы сами сообщили сегодня утром. Я ничего не знал об этих причинах. Позже, когда я узнал о деталях, у меня создалась определенная картина, но в то время я не мог предположить, что такие методы возможны.

Максуэлл-Файф: В марте 1945 года вы сняли золотой партийный значок, когда увидели следы пыток на руках вашего друга Гесслера. Это правильно?

Редер: Когда я получил это известие, первое, что я сделал, — я пошел с женой на озеро за своим домом и бросил в воду свой золотой партийный значок. Я сообщил об этом адмиралу Фоссу, но, к сожалению, я не мог уже сообщить этого фюреру.

Покровский: 18 мая на утреннем заседании Суда вы показали, что за время своей службы в качестве главнокомандующего

военно-морским флотом вы два раза подавали в отставку. В первый раз это было в ноябре 1938 года, когда речь шла о строительстве флота и Гитлер был недоволен этим планом. Второй раз — когда Гитлер без вашего ведома разрешил своему адъютанту, являвшемуся морским офицером, жениться на какой-то девушке. Не так ли?

Редер: Да, это так.

Покровский: В первом случае из этих двух Гитлер вас уговаривал не подавать в отставку?

Редер: Да.

Покровский: Во втором случае он уступил вам, но запомнил это навсегда?

Редер: Да, это так.

Покровский: Фактически в отставку вы ушли в январе 1943 года? Это правильно?

Редер: Фактически да.

Покровский: Утром 18 мая вы сказали здесь в Суде по поводу вашей отставки, что вам казалось, что Гитлер в тот момент хотел от вас отделаться. Это правильно?

Редер: В тот период у меня сложилось впечатление... В связи с тяжестью обвинения, которое он предъявлял мне и которое противоречило его прежним суждениям, у меня создалось впечатление, что он хочет освободиться от меня и что поэтому сейчас самый благоприятный момент уйти в отставку.

Покровский: Вопрос о преемниках был разрешен таким образом, что вы назвали Гитлеру несколько фамилий?

Редер: Да.

Покровский: И среди них был подсудимый Дениц? Вы назвали его фамилию?

Редер: Да, я назвал его фамилию в письменной форме. Я сообщил фюреру: во-первых, Карлс; во-вторых, — на тот случай, если он хочет перенести центр тяжести на подводную войну, — чтобы он назначил адмирала Деница, который пользовался в этой области наибольшим авторитетом.

Покровский: Не кажется ли вам после ваших ответов на мой вопрос, что тот ответ, который вы дали адвокату Латернеру 18 мая об абсолютной невозможности уйти в отставку из генерального штаба, не является верным? Ведь можно было выходить в отставку?

Редер: Да.

Покровский: Вы утверждали, что за время своей службы вы всегда стремились к нормализации отношений Германии и Советского Союза. Это правильно?

Редер: Да, я всегда выступал за политику Бисмарка, которая заключалась в том, чтобы мы шли в ногу с Россией.

Покровский: Если я правильно понял ваше показание позавчера и в пятницу, то вам было известно уже в 1940 году о том, что Гитлер хотел напасть на Советский Союз?

Редер: В сентябре 1940 года я в первый раз услышал лично от Гитлера несколько высказываний о том, что он при определенных предпосылках предполагает вести войну с Россией. Он еще в своих директивах говорил об условиях для этого. Тогда таким образом он не говорил мне о том, что он, безусловно, хочет вести войну, а указывал, что мы должны считаться с возможностью войны. Это стоит в первом абзаце, а именно, что мы должны были выступить с оружием в руках против России еще до поражения Англии, и уже в сентябре я начал делать ему представления по этому поводу.

Покровский: Не было ли такого случая, когда бы вы утверждали, что те объяснения, которые давали официальные германские органы о причинах нападения на Советский Союз, производили на вас и на других лиц впечатление целеустремленной пропаганды и действовали отталкивающе?

Редер: Да, вы, очевидно, имеете в виду то, что в начале войны было сообщено по радио от имени министерства иностранных дел? Да, это была пропаганда Гитлера для того, чтобы объяснить немецкому народу эту войну. Это правильно.

Покровский: Я хочу, чтобы вы взглянули на один документ. Этот документ написан вами, и я хочу, чтобы вы сказали, написано ли в этом документе то, о чем я сейчас вас спрашиваю.

Редер: Где это? «В начале войны» — это место? Разрешите прочитать? «Изданные в начале войны пропагандистские, политические и военные статьи министерства иностранных дел и командования вооруженных сил, которые должны были оправдать разрыв договора нарушениями со стороны Советского Союза, пользовались как в народе, так и в вооруженных силах очень небольшим доверием. Они носили слишком большой отпечаток определенно направленной пропаганды и производили отталкивающее впечатление».

Мне кажется, что в то время сам Гитлер вместе с Геббельсом составлял эти документы.

Покровский: Вместе с этим вопросом у меня к вам следующий вопрос. Следует ли вас понять таким образом, что ваши расхождения с Гитлером по вопросам внешней политики и в части агрессивной войны были менее остры, чем в вопросе, ну, скажем, о женитьбе морского офицера на какой-то девушке?

Редер: Нет. Все это проходило в совершенно другой плоскости. Это были военные вопросы, где, в конце концов, поли-

тическое решение принималось фюрером. Я очень резко выступал против его взглядов, когда речь шла о вопросах морали; так же резко я выступал и по поводу пакта.

Покровский: Вы говорите, что это вопросы морали. Не кажется ли вам, что нападение на страну, с которой Германия имела договор о ненападении, также связано с вопросами морали?

Редер: Да, само собой разумеется, я сказал, что и здесь главное внимание я обратил на моральную сторону вопроса.

Покровский: Переходим к следующему вопросу. 29 сентября 1941 г. ваш начальник штаба, адмирал Фрике...

Редер: Да, Фрике был начальником штаба командования военно-морских сил.

Покровский: Вот этот самый Фрике издал директиву о будущей судьбе Ленинграда. Вы знаете, о каком документе идет речь, или вам нужно его показать?

Редер: Нет, я знаю этот документ совершенно точно.

Покровский: Эта директива была издана с вашего согласия?

Редер: Я не отдавал об этом приказа... Я не помню, по какому поводу, но совершенно незадолго до того времени, о котором вы говорили, адмирал Фрике был в главной ставке и беседовал там с фюрером. Я не присутствовал при этой беседе. Фюрер изложил перед ним этот проект обстрела Петербурга с самолетов, причем в тех весьма преувеличенных выражениях, которые затем были включены в этот документ.

Покровский: У советского обвинения больше нет вопросов к подсудимому Редеру.

Зимерс¹: Сэр Дэвид² огласил вам на странице 158 следующее предложение, которое я хочу повторить, так как оно нуждается в объяснении.

«Возможно, что именно в области строительства подводных лодок Германия меньше всего придерживалась границ германо-английского договора. С учетом количества тех подводных лодок, строительство которых уже началось, на 1938 год можно было запланировать строительство примерно 55 подводных лодок. В действительности было построено и начато строительством 118 подводных лодок».

Я напоминаю вам о том, что в подлиннике — это примечание 6, записка начальника бюджетного отдела штаба военно-морского флота...

Редер: Да.

¹ Зимерс — защитник подсудимого Редера. — Составители.

² Имеется в виду представитель обвинения от Великобритании Дэвид Максвелл-Файф. — Составители.

Зимерс: ...относящаяся к 1942 году, в которой предположительно начальник бюджетного отдела ВМФ сообщил, насколько в течение года был увеличен подводный флот. Я думаю, что эти цифры требуют разъяснения.

По моим сведениям, эти 55 подводных лодок соответствуют условиям Лондонского соглашения, а именно соответствуют тем 45 процентам, которые были установлены по договору 1935 года.

Вы не можете по памяти назвать точные цифры, но приблизительно это правильно?

Редер: Да, это может быть правильным.

Зимерс: Число 118, по моим данным, также хорошо обосновано. Это число, соответствующее стопроцентному, по тоннажу, отношению подводных флотов. Если бы у нас было 118 подводных лодок, то наш подводный флот был бы таким же, каким располагала в то время Англия. Это правильно?

Редер: Да, это верно. И верно также то, что эти остальные подводные лодки мы включили в бюджет и начали постройкой после того, как 30 декабря в Берлине мы с адмиралом Кэннинхэмом и сопровождавшими его лицами достигли дружественного соглашения о том, что в соответствии с договором мы можем строить все 100 процентов.

Зимерс: Я хочу напомнить Высокому Трибуналу о том, что в морском соглашении 1935 года с самого начала было предусмотрено 100 процентов, и что Германия добровольно отказалась от этого, но получила право в любое время перейти к 100 процентам с обязательством известить об этом Англию.

Таким извещением явилось то, что вы нам сейчас описали — переговоры с адмиралом Кэннинхэмом. Правильно ли я вас понимаю?

Редер: Да, это было 30 декабря 1938 г., 30 или 31 декабря.

Председатель: Утверждает ли подсудимый, что было уведомление адмиралу Кэннинхэму 30 декабря 1938 г.? Вы это сказали? Утверждает ли он, что такое извещение было послано адмиралу Кэннинхэму 30 декабря?

Редер: Господин адмирал Кэннинхэм приехал в Берлин для этих дружественных переговоров, предусмотренных по договору, и 30 декабря мы с ним достигли соглашения о том, что отныне вместо 45 процентов можно будет строить 100 процентов.

Председатель: Это была устная или письменная договоренность?

Редер: Это были переговоры между начальником штаба военно-морского флота и адмиралом Кэннинхэмом и отдель-

ными лицами, я сейчас не могу их назвать. Я считаю, что, вероятно, был составлен протокол.

Председатель: Продолжайте.

Редер: Я могу добавить, что помимо этого вопроса о подводных лодках был также урегулирован вопрос о двух тяжелых крейсерах, от которых мы также временно отказались. Мы хотели в тот период построить только три и просили согласия на то, чтобы мы могли теперь построить и полагающиеся нам еще два крейсера. Об этом также было достигнуто соглашение в соответствии с договором.

ДОПРОС ШИРАХА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 24 и 27 мая 1946 г.]

Додд: Вы еще в довоенные дни опубликовали целый ряд песен для молодежи в песеннике?

Ширах: Было издано много песенников для молодежи.

Додд: У нас имеются некоторые выдержки из одного такого песенника, и я хочу сослаться только на одну из них. Помните ли вы песню «Вперед, вперед», которую вы написали сами?

Ширах: «Вперед, вперед» — это боевая песня молодежи.

Додд: Эта песня, несомненно, содержит сильно возбуждающие призывы, предназначенные для молодежи, в которых говорится о их воинском долге?

Ширах: Я этого не нахожу.

Додд: Слова, подобные таким, как: «Мы — будущие солдаты. Все, что против нас, упадет от наших кулаков. Фюрер, мы принадлежим вам» и т. д. Вы помните это?

Ширах: Здесь сказано, что — «Мы солдаты будущего».

Додд: Хорошо.

Ширах: «Солдаты будущего», «носители будущего».

Додд: Вы помните песню «Вы видите зарю на Востоке»?

Ширах: Это не моя песня.

Додд: Это одна из песен, которая была включена в сборник песен гитлеровской молодежи, не так ли?

Ширах: Это старая песня СА, которая пелась в 1923—1924 гг.

Додд: Это возможно. Я вас спрашиваю только, действительно ли эта песня была включена в ваш официальный песенник молодежи?

Ширах: Да.

Додд: В этой песне вы всячески поносили евреев, не правда ли?

Ширах: Это мне неизвестно, я хотел бы посмотреть эту песню.

Додд: Помните ли вы вторую строфу: «В течение многих лет люди были порабощены и направлялись по ложному пути, предатели и евреи господствовали над ними»? Помните ли вы следующие слова в этой песне: «Люди, к оружию!»

Ширах: Да, но я не знаю точно, было ли это напечатано в песеннике для молодежи.

Додд: Я могу вас заверить, что эта песня напечатана в песеннике. Он имеется у нас, и если вы хотите, то можете посмотреть.

Ширах: Это очень известная песня СА, которую пела молодежь. Потому она и помещена в сборнике песен для молодежи.

Додд: Этот песенник, имеющийся здесь у меня, издан в 1933 году.

Ширах: Я не думаю, что об организации молодежи, созданной мною, можно судить лишь по 1933 году.

Додд: Я также не думаю этого, но мы нашли его в 1945 году.

Ширах: Позднее мы издали другие песенники, с совершенно другими песнями.

Додд: Да, я собираюсь через минуту перейти к ним. В четвертой строфе, в последней строчке, говорится: «Германия, проснись! Смерть евреям! Народ, к оружию!»

Вы помните эту песню, не так ли? Вы не отрицаете того, что там говорится: «Смерть евреям!»

Ширах: Это ведь та песня, которая начинается словами: «Вы видите зарю на Востоке?»

Додд: Да, правильно. Помните ли вы песню о «Знамени, обогренном кровью» и о «Марше по всей земле»?

Это песня «Барабаны гремят по всей земле». И эту песню «Барабаны гремят по всей земле» вы написали сами, не так ли?

Ширах: «Барабаны гремят по стране», да, мне кажется, что я написал такую песню.

Додд: В те дни в 1938 году, вы, по крайней мере, думали о будущей военной службе для гитлеровской молодежи; об этом также думал и фельдмаршал фон Бломберг? Именно этот вопрос я желал бы выяснить.

Ширах: Разумеется, само собой, что мы как воспитатели заботились о физическом развитии молодежи для того, чтобы они могли быть хорошими солдатами.

Додд: В феврале 1938 года Гитлер, как об этом сообщалось в прессе, сказал, что 45 тысяч юношей было занято в военно-морском флоте. Считаете ли вы эту цифру слишком большой и неправильной?

Ширах: Нет, она верна.

Додд: Далее он сказал, что в моторизованных войсках насчитывалось 60 тысяч юношей — членов организации гитлеровской молодежи. Что вы можете сказать об этой цифре?

Ширах: Она правильна.

Додд: И далее он сказал, что для усиления авиации 55 тысяч членов организации «Юнгфольк» обучались планерному делу. Что вы скажете об этой цифре?

Ширах: 55 тысяч, да, это правильно.

Додд: Затем он говорит: «74 тысячи членов гитлеровской молодежи были включены в авиационные соединения». Что вы скажете об этой цифре? Правильна ли эта цифра — 74 тысячи?

Ширах: Возможно.

Додд: Наконец, он говорит: «Только в одном 1937 году 15 тысяч юношей сдали испытания по управлению планерами». Что вы скажете об этой цифре?

Ширах: Она, очевидно, также правильна.

Додд: Таким образом, у вас не было с Гитлером никаких расхождений по поводу этих цифр?

Ширах: Нет.

Додд: И, наконец, он говорит: «Сегодня 200 тысяч юношей из организации гитлеровской молодежи под руководством 7 тысяч инструкторов прошли регулярный курс обучения по стрельбе из мелкокалиберной винтовки». Имеется ли ошибка в этой цифре, и в чем она заключается?

Ширах: Возможно, она правильна.

Додд: Далее, в ежегоднике гитлеровской молодежи за 1939 год Штельрехт, ваш сотрудник, занимавшийся вопросами подготовки гитлеровской молодежи, употребил то же самое выражение. Вы помните это? «Обращение с винтовкой должно быть так же естественно для каждого, как для ученика обращение с пером».

Ширах: Если он уже раньше сказал так, то очень возможно, что он повторяется.

Додд: Далее, мы слышали о том соглашении, которое вы и подсудимый Кейтель заключили в 1939 году незадолго до того, как началась война с Польшей. Это было в августе 1939 года.

Ширах: Я не помню точно. То, что это соглашение не имеет никакого отношения к войне и не может иметь, показывает тот факт, что оно было заключено в августе 1939 года.

Додд: Вы говорите, что это соглашение не имело никакого отношения к войне, хотя оно и было заключено за три недели до нападения на Польшу?

Ширах: Если бы это соглашение имело какое-либо значение для войны, то его следовало бы заключить значительно раньше. Уже тот факт, что оно было заключено лишь в августе

1939 года, показывает, что мы не думали о войне. Если бы мы были заинтересованы в том, чтобы подготовить молодежь к войне, то мы заключили бы его уже в 1936—1937 гг.

Додд: Во всяком случае, согласитесь ли вы с тем, что это соглашение, заключенное между вами и Кейтелем, несомненно, имело отношение к обучению молодежи стрелковому делу и к армии?

Ширах: Это соглашение, насколько я помню, относилось к обучению на пересеченной местности.

Додд: Хорошо, в таком случае я лучше покажу вам этот документ и зачитаю из него отдельные выдержки, если вы не помните, что это соглашение имело определенное отношение к вопросу об обучении молодежи стрелковому делу.

Ширах: Я думаю, там сказано, что обучение на пересеченной местности должно в будущем достигнуть такого же объема в обучении молодежи, как и стрелковый спорт. Я не знаю, правильно ли я передаю содержание по памяти.

Додд: Я сейчас кратко изложу вам то, о чем там говорится. Там говорится, что вы уже имели 30 тысяч руководителей гитлеровской молодежи, проходивших ежегодное обучение в условиях полевой обстановки. Вся фраза в целом гласит следующее: «В школах для руководителей гитлеровской молодежи, в особенности в двух имперских школах, где проводилось обучение стрелковому делу и спортивная подготовка в условиях полевой обстановки, а также и в районных школах для руководящего состава 30 тысяч руководителей гитлеровской молодежи ежегодно проходят полевые учения». И это соглашение давало вам возможность приблизительно удвоить это число.

Ширах: Да.

Додд: И далее говорится о том, как вы должны расквартировать этих людей и т. д.

Ширах: Да.

Додд: Итак, это имеет какое-то отношение к вашей программе обучения стрелковому делу, не так ли?

Ширах: Я сказал, что обучение молодежи на пересеченной местности должно занять такое же место в программе, как и обучение стрельбе. Однако и здесь речь идет не о подготовке руководителей молодежи на офицерские посты, а об обучении на местности руководителей молодежи, которые после короткого обучения на курсах возвращались в свои отряды.

Додд: Конечно, вы не хотите сейчас нас уверить в том, что вы и Кейтель заключили в августе 1939 года соглашение о проведении спортивного бега по пересеченной местности, не так ли? Вы серьезно говорите это?

Ширах: Я совершенно серьезно сейчас утверждаю, что в то время я ничего не знал о войне, о будущей войне.

Додд: Взгляните на первый абзац, в котором говорится о цели этого соглашения. «Между верховным командованием вооруженными силами и руководством имперской молодежи было заключено соглашение, явившееся результатом тесного сотрудничества между начальником главного штаба вооруженных сил генералом Кейтелем и руководителем молодежи Германской империи фон Ширахом; это соглашение предусматривает сотрудничество с вооруженными силами в военном воспитании гитлеровской молодежи». Как вы видите, здесь ничего не говорится о проведении кросса или других занятиях спортом, не так ли?

Ширах: Я хотел бы разъяснить кое-что: то, что вы сейчас цитируете, не относится к тексту соглашения, а является комментарием редактора сборника «Дас Архив».

Додд: Я не собираюсь дальше читать, но я предоставляю Трибуналу право решать, имеет ли это отношение только к спорту или это связано с военным обучением молодежи. Когда вы впервые установили связь с Гитлером?

Ширах: В 1929 году, когда я однажды явился к партийному руководителю. Он был тогда руководителем пропаганды в партии; это было нашей первой встречей.

Додд: Я не хотел вас спрашивать об этом, хотя интересно знать, когда вы впервые с ним встретились. Меня, по существу, интересует вот что: когда вы и ваши молодежные группы впервые установили с ним деловые отношения? Под словами «деловые отношения» я имею в виду, например, такое мероприятие, как набор молодых людей в бригады СС «Мертвая голова».

Ширах: В соглашении, год заключения которого я не помню, условие о патрульной службе было, кажется, изложено одним из первых. В общем, это соглашение обеспечивало пополнение не только для соединения «Мертвая голова», но и для всех полицейских частей так называемых «военных соединений» полиции.

Додд: В течение какого времени вы продолжали направлять юношей из вашей организации молодежи в СС? Может быть, вы помните, до какого времени эта программа претворялась в жизнь?

Ширах: Я насильно не гнал молодых людей в СС, а я решил СС, как и всякой другой организации, вербовать членов среди молодежи.

Додд: Я вас не об этом спрашиваю. Я спросил, когда, по вашему мнению, вы фактически в последний раз оказывали помощь Гиммлеру в наборе юношей из молодежи Германии при помощи вашей молодежной организации? Мне не нужна точная дата. Вы можете сказать приблизительно.

Ширах: С 1940 года я постоянно стремился к тому, чтобы перевести молодежь в соединения СС. Войска СС производили среди молодежи очень значительную вербовку, которая продолжалась до последнего дня войны.

Додд: Вы, конечно, знали, для какой цели их использовали в конце и в середине войны?

Ширах: Я знал, что все юноши, которые были призваны или добровольно пошли на фронт, должны были сражаться.

Додд: Я говорю сейчас не о сражении, а кое о чем другом. Вы знали о том, что происходило на Востоке, и вы знали, из кого состояла охрана концентрационных лагерей, не так ли?

Ширах: Я знал о событиях на Востоке. О том, что молодежь, которая вступила в войска СС во время войны, использовали для охраны концентрационных лагерей, я не знал.

Додд: Вы не знали, из кого состояла охрана, хотя вы сами посетили два концентрационных лагеря?

Ширах: Это была охрана, которая не принадлежала к войскам СС.

Додд: Я знал лишь о том, что ваше соглашение с Гиммлером предусматривало главным образом набор молодежи в соединения СС «Мертвая голова».

Ширах: Когда я заключал это соглашение, я не знал, что Гиммлер осуществлял охрану концентрационных лагерей с помощью соединений «Мертвая голова». Кроме того, тогда я считал концентрационные лагеря чем-то вполне нормальным.

Додд: Вчера вы сообщили Трибуналу, что примерно только в 1944 году вы узнали об истреблении заключенных. Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Первый вопрос. Как вы об этом узнали? Вы фактически узнали об этом только от Колин-Росса?

Ширах: Я сказал, что об этом я узнал через Колин-Росса...

Додд: Хорошо.

Ширах: И что я, кроме того, задал много вопросов всем доступным мне лицам, чтобы узнать об этом что-либо конкретное.

Додд: Я вас спрашиваю, было ли вам известно об этом из каких-либо других источников, помимо Колин-Росса. Вы можете ответить довольно просто. Мы знаем, что вы узнали об этом от Росса. Можете ли вы назвать кого-нибудь другого, кто также сообщил вам об этом? Но в действительности вы же получали регулярные отчеты относительно истребления евреев, не правда ли?

Ширах: Эти отчеты, два из которых были представлены здесь, в зале Суда, направлялись имперскому комиссару обороны, одному из его референтов. Этот референт передавал экземпляры дальше, как мне кажется, инспектору или началь-

нику полиции охраны порядка. Я видел экземпляр, который был представлен по делу Кальтенбруннера, он ранее никогда не был у меня в руках.

Додд: Вы хотите сказать, что вам не было известно, что эти отчеты поступали в ваше управление?

Ширах: Я не видел этого экземпляра.

Додд: Хорошо.

Ширах: Мое бюро было центральным бюро, а не бюро имперского комиссара обороны. Дела имперского комиссара обороны вел его референт, который обрабатывал все ежедневно поступающие и отправлявшиеся материалы.

Додд: Вы были имперским уполномоченным по обороне в этой области, не правда ли?

Ширах: Да.

Додд: Это был совершенно секретный отчет СС, который не разглашали по всей Германии?

Ширах: Я не знаю, сколько экземпляров этого доклада было разослано.

Додд: Всего было 100 экземпляров. Вы получили 67-й экземпляр?

Ширах: И эти экземпляры, как я заключаю на основании подлинника, который я видел, были направлены не мне, а одному референту, некоему Фишеру.

Додд: А кто был этот Фишер?

Ширах: Я полагаю, что это был референт комиссара правительства, референт по делам обороны империи.

Додд: Ну, хорошо. Теперь я хочу вам показать некоторые документы из вашего же собственного архива.

...На странице 29 вы найдете здесь фамилии тех лиц, которые работали при имперском совете обороны; среди этих фамилий имеются фамилии Фишера, генерала Штюльпнагеля, генерал-майора Гауция, доктора Форстера. Вы нашли? Это был ваш собственный имперский совет, который вы время от времени посещали, довольно часто встречались с этими людьми.

Вы нашли фамилию Фишера в числе лиц, которые были рекомендованы для вашего совета обороны? Его фамилия, между прочим, стоит последней. Там имеется также его подпись. Именно он рекомендовал вам всех остальных.

Ширах: Я не могу при упоминании имени Фишера никого себе представить. Но я ясно вижу, что он был тем, кто принимал почту для комиссара по обороне империи, и, возможно, он также вел протокол. Какую-либо другую функцию он не мог осуществлять в этом кругу лиц уже из-за своего небольшого чина.

Додд: На странице 31 того же документа вы найдете другую ссылку на доктора Фишера, и на этот раз на этом

документе имеются ваши инициалы. Это список членов имперского совета обороны. В списке двадцать человек, и последней фамилией стоит фамилия Фишера. В конце документа есть ваши инициалы, которые, по-видимому, показывают, что вы одобрили этот список. Вы это видите?

Ширах: Да, я должен был поставить свои инициалы на этом списке.

Додд: И вы одобрили состав членов, не правда ли?

Ширах: Я вовсе не хочу утверждать, что я не узнал бы Фишера, если бы его указали мне. Он был чиновником, который вел протокол и при большом количестве людей, которое присутствовало на таких заседаниях, он ничем не бросился мне в глаза. К тому же таких заседаний по обороне империи было очень мало. Во всяком случае — и это мне кажется решающим — он не делал мне лично докладов, он делал доклады комиссару по делам имперской обороны.

Додд: Как же вы могли не встретиться с ним? Вы ведь в 1940 году регулярно посещали совещания имперского совета обороны. У нас имеются некоторые документы, и я хотел бы показать их вам. В этих документах точно отражается то, что вы заявили на заседании этого совета.

Ширах: Да, я и говорю, что он, наверное, вел протокол.

Додд: Да, конечно, и поэтому вы встречались с ним неоднократно в период между 1940 годом, то есть когда был составлен этот протокол, и 1942 годом, то есть до того времени, когда стали присылаться отчеты СС об истреблении. Он, вероятно, был знаком с вами в течение двух лет до того, как был получен первый имеющийся у нас отчет от 1942 года, и он был одним из двадцати членов вашего совета.

Ширах: Я думаю, что я должен описать, из кого состоял этот комитет по обороне империи. Там была группа генералов, руководящих генералов, занимавших командные посты в сухопутных и военно-воздушных силах, там были различные гаулейтеры, там были упомянутые здесь лица: уполномоченный министра боеприпасов Путт, руководитель экономического штаба и другие лица, которые здесь перечислены. В этом большом кругу людей находился также чиновник, ведущий протокол, который был одним из многих чиновников моего управления. Эти заседания — я думаю, что вы установили это, — имели место очень редко. Фишер не делал мне постоянно докладов, он также не представлял мне протоколов заседаний, а доклад делал мне комиссар по делам имперской обороны.

Додд: Не думаете ли вы, что Генрих Гиммлер или Рейнхард Гейдрих посылали эти отчеты об истреблении, происходившем на Востоке, лицам, не имеющим никакого значения в Германии?

Ширах: Эти отчеты, если бы они были предназначены для меня, пересылались бы прямо ко мне. Вообще, я сегодня уже сказал, что я вовсе не оспариваю того, что я узнал о расстрелах евреев на Востоке, правда, в очень позднее время. Я видел в этом связь с военными событиями. Сами отчеты мне не были представлены, и если бы они были мне представлены, то на них были бы определенные пометки, которые я немедленно бы узнал.

Додд: Хорошо, давайте посмотрим. Они, конечно, были адресованы вам и для сведения Фишеру.

Теперь я вам докажу, что вы получали еженедельные отчеты. Вы их видели? Что вы скажете на это?

Ширах: Еженедельные отчеты?

Додд: Да.

Ширах: Еженедельные отчеты я получал в огромных количествах из самых различных инстанций.

Додд: Нет, я говорю об одном определенном виде отчетов. Я говорю об отчетах, получавшихся вами от Гейдриха и Гиммлера.

Ширах: Я не знаю, что вы имеете в виду.

Додд: В таком случае взгляните сюда. У нас имеется 55 таких отчетов. Они все здесь идут в хронологическом порядке, и Фишер не имеет к ним никакого отношения. На отчетах имеется штамп вашей канцелярии, а также имеется пометка о том, когда они были получены. В них, кстати, говорится — посмотрите на них, — о том, какая участь постигла евреев на Востоке.

Ширах: Эти отчеты направлены от начальника полиции безопасности в бюро комиссара по делам имперской обороны. Они, я вижу это по первому документу, приняты не мной. Напротив, здесь имеется подпись комиссара по делам имперской обороны, я не получал этих докладов, иначе здесь стояла бы моя подпись.

Додд: Согласно примечанию, их получал Дальбрюгге, являвшийся вашим главным помощником. Кстати, мне кажется, что необходимо разъяснить Трибуналу, что оба ваших главных помощника являлись бригаденфюрерами СС, не так ли?

Ширах: Я уже упомянул и без этого, что Дальбрюгге был одним из доверенных лиц Гиммлера.

Додд: А он был вашим главным помощником. Именно это я хочу сказать. Другой ваш помощник тоже был бригаденфюрером СС.

Ширах: Но я думаю, что эта констатация доказывает как раз обратное тому, что вы хотите доказать по делу против меня.

Додд: Я продолжу обсуждение вопроса о еженедельных отчетах, но я хотел бы спросить у вас о следующем: между вами и Гейдрихом существовали довольно дружественные отношения?

Ширах: Я знал Гейдриха, когда он был имперским протектором в Праге и прислал мне приглашение как президенту юго-восточного европейского общества о созыве съезда, я сделал то, что он хотел. Но в тесных личных отношениях с Гейдрихом я не находился.

Додд: Считали ли вы его хорошим государственным деятелем в то время, когда он ввел в Чехословакии систему ужасного террора?

Ширах: У меня было такое впечатление, что Гейдрих, как он выразился во время моего пребывания в Праге, хотел проводить политику взаимопонимания, в первую очередь, по отношению к чешским рабочим. В нем я тогда, собственно, не видел представителя политики террора. Во всяком случае, у меня нет никаких практических сведений о событиях в Чехословакии.

Додд: Вы послали телеграмму «Дорогому Мартину Борману», когда был убит Гейдрих? Вы помните об этом? Вы послали эту телеграмму человеку, который, как я понимаю, не был у вас в 1942 году на хорошем счету? Вы помните, когда Гейдрих был убит в Праге чешскими патриотами?

Ширах: Да.

Додд: Вы помните, что вы сделали, когда вы об этом узнали?

Ширах: Уже не помню точно.

Додд: Может быть, если я оглашу вам эту телеграмму, то вы вспомните.

«Рейхслейтеру Борману. Берлин. Партийная канцелярия, очень срочно. Для немедленного ознакомления.

Дорогой Мартин Борман,
я прошу, чтобы о последующем доложили фюреру. Зная чешское население и его настроение как в Вене, так и в протекторате, я обращаю ваше внимание на следующее:

...Самым эффективным действием явился бы внезапный и сильный налет на какой-либо культурный центр Англии, а мир должен быть оповещен, что это не что иное, как «месть за смерть Гейдриха».

Вы помните, что вы послали эту телеграмму Борману?

Ширах: Да, эту телеграмму я посылал.

Додд: Сейчас я хотел бы задать вам два вопроса об этой телеграмме. Думали ли вы о конкретных культурных центрах в Англии, например, о Кембридже, Оксфорде, Стратфорде, Кентербэри?

Ширах: Нет, у меня с этим не связано никакого определенного представления. Я думал, что следовало взять один объект, аналогичный тем, которые английские самолеты бомбардировали в Германии.

Додд: Лишь бы это был культурный центр?

Ширах: В этом ответном ударе на третьем году войны следовало объединить ответ на покушение на Гейдриха с ответом на покушение на культурные центры в Германии.

Додд: В этой телеграмме вы не делали никаких ссылок на якобы имевшие место или предполагаемые бомбежки культурных центров в Германии. Нет?

Ширах: Об этом было сообщено в военной сводке.

Додд: Это не то, о чем я вас спрашиваю. Я спрашиваю вас о том, действительно ли вы не делали никаких ссылок в этой телеграмме на предполагаемые бомбежки культурных центров в Германии и не говорили о том, что бомбежка культурного центра в Англии вызвана предполагаемой бомбежкой культурного центра Германии? Вы очень ясно указали, что вы хотели бомбить культурные центры в Англии из-за того, что случилось с Гейдрихом?

Ширах: Мне не нужно было вовсе указывать на бомбардировки германских культурных центров, так как всей германской общественности был известен этот факт из сообщений о ежедневных налетах английских бомбардировщиков.

Додд: Я полагаю, что в то время вы очень хорошо знали репутацию Гейдриха, не правда ли?

Ширах: В этом случае я рассматривал Гейдриха как представителя нашей империи в Богемии и Моравии, а вовсе не как начальника гестапо.

Додд: Знали вы о его репутации в Германии, по крайней мере в то время?

Ширах: Я знал, что он был начальником гестапо, но я не знал, что он совершал те зверства, о которых стало известно позднее.

Додд: Вам не было известно о том, что его считали «террором гестапо»?

Ширах: Это выражение, которое использовала вражеская пропаганда по отношению к нему.

Додд: Вы все еще думаете, что это — «пропаганда»?

Ширах: Нет.

Додд: Значит, вы слышали только через вражескую пропаганду, что его называли «террором гестапо» до того, как он был убит в 1942 году?

Ширах: Нет, этого я не хочу сказать.

Додд: Как вы об этом узнали?

Ширах: Я хочу здесь констатировать только, что имперский протектор Гейдрих для меня был другим лицом на этом, третьем году войны, а не начальником гестапо. Здесь речь шла о политическом мероприятии.

Додд: Вы не ограничились этим предложением — бомбить Англию, не правда ли? Вы помните, что вы еще предлагали некоторое время спустя?

Ширах: Нет, этого я не помню.

Додд: Помните ли вы что-нибудь о том, что вы предлагали в порядке так называемой расплаты за убийство Гейдриха?

Ширах: Я не помню.

Додд: Вы предлагали эвакуацию всех чехов из Вены, не так ли?

Ширах: Это предложение не было сделано лично мною, оно относится к замечанию о Вене, сделанному фюрером в 1940 году, когда я докладывал ему в его главной ставке. Мне кажется, что я уже упоминал в своих показаниях, что он сказал: «Вена должна стать немецким городом, и евреи и чехи должны быть постепенно эвакуированы из Вены». Это я уже отмечал в своих показаниях.

Додд: Мой вопрос заключался в следующем: верно ли, что несколько дней спустя после убийства Гейдриха вы предложили эвакуацию всех чехов из Вены как репрессалии за убийство Гейдриха?

Ширах: Возможно, но я не помню этого; возможно, что я взволнованный этим событием, которое меня очень обеспокоило, и сказал что-либо подобное.

Додд: Хорошо, во всяком случае, я считаю, что все это совершенно ясно, и я вас спрашиваю, согласны ли вы с тем, что вы сделали, по крайней мере, два предложения: первое — о бомбардировке культурных английских центров и второе — об эвакуации всех чехов из Вены в связи с убийством этого человека — Гейдриха?

Ширах: Что я выразил такую мысль об эвакуации чехов из Вены, — это верно. Верно, что я сделал предложение подвергнуть бомбардировке британский культурный центр в качестве ответа на убийство Гейдриха.

Додд: Мне хочется спросить вас, является ли фактом то, что вы работали в тесной связи с Гиммлером и его СС почти с самого начала и почти до самых последних дней вашего режима в Вене? Я хочу, чтобы вы ответили на этот вопрос.

Ширах: На этот вопрос я охотно ответил бы очень подробно.

Додд: В данное время этот ответ не требует больших деталей. Но позднее, если вы считаете, что можете дать необходимое объяснение, я уверен, что вам будет предоставлена такая возможность. Прежде всего скажите Трибуналу, действительно ли вы тесно сотрудничали с Гиммлером и его СС начиная с самого начала вашей государственной службы и до самого ее конца?

Ширах: Тесного сотрудничества в том смысле, что Гиммлер якобы имел существенное влияние на воспитание молодежи, не существовало.

Додд: Не является ли фактом то, что Гиммлер назначил свой персонал СС в вашу молодежную организацию для подготовки молодежи?

Ширах: В целях обучения?

Додд: Да.

Ширах: Об этом мне ничего неизвестно. То, что действовали, может быть, офицеры связи, в этом нет ничего необычного, так как практически во всех министерствах и организациях имелись офицеры связи. Но я не помню ничего такого, что вы сейчас подразумеваете.

Додд: Я полагаю, что нам нужно это выяснить прежде всего. Посмотрите на документ ПС-3931.

Теперь, если вы посмотрите на этот документ, то увидите, что это письмо, которое вы послали «дорогому члену партии Борману» в августе 1941 года. Это очень длинное письмо. Я полагаю, что нет никакой необходимости зачитывать его полностью, но я хотел бы обратить ваше внимание на некоторые места из этого письма, это, возможно, освежит вашу память в отношении вопросов, связанных с СС. Предварительно один вопрос: СА предложили заняться в 1941 году некоторыми отраслями обучения молодежи, летом 1941 года?

Ширах: Я сказал еще раньше, мне кажется, что это было в 1939 году весной, СА предприняла попытку взять на себя допризывную подготовку молодежи. Такие попытки повторялись и в 1941 году.

Додд: Вы припоминаете теперь, уже только при взгляде на это письмо, — а вся суть письма в этом, — что вы жаловались на попытку СА непосредственно полностью руководить обучением некоторых групп молодежи в гитлеровской молодежной организации?

Прежде всего я хочу, чтобы вы нашли заявление о том, что «гитлеровская молодежь считала необходимым с самого начала сделать партию ответственной за руководство и организацию ее военной подготовки».

Вы это нашли? Затем взгляните ниже. Там написано заглавными буквами по-немецки то, на что я обращаю ваше внимание: «Я был бы счастлив, если бы СА предоставили в мое распоряжение персонал для осуществления этой цели, подобно тому, как это обычно делают СС и полиция в течение долгого времени».

Вы нашли эту фразу?

Ширах: Да, я нашел.

Додд: Вы там говорите, что вы были бы счастливы, если бы

СА предоставила в ваше распоряжение персонал для осуществления этой цели, как это делали СС и полиция уже в течение долгого времени, и вы ссылаетесь на подобную подготовку молодежи, которая уже проводилась. Вы говорите о гитлеровских школах и о подготовке гитлеровской молодежи. Теперь совершенно ясно, не так ли, что вы действительно пользовались помощью СС в соответствии с вашими собственными методами, помощью СС и полиции в течение долгого времени, прежде чем вы послали такое письмо?

Ширах: Во время войны — да. Ведь с 1939 года мы вели войну, и с начала войны у нас были лагеря допризывной подготовки, и для этих лагерей я искал руководителей; сухопутные силы не могли направить в мое распоряжение достаточного числа военных руководителей. СА также не могла этого сделать. СС могла предоставить в мое распоряжение несколько молодых офицеров. Это могла сделать и полиция.

Додд: Следовательно, только с начала войны у вас появились люди из СС и полиции для подготовки вашей молодежи, да?

Ширах: Я не думаю, чтобы мы использовали военных руководителей СС еще для чего-нибудь. Как я уже показал, у нас был корпус руководителей, созданный из самой молодежи.

Додд: Я снова вас спрашиваю, вы хотите, чтобы Трибунал вас понял так, что только с начала войны вы пользовались помощью персонала СС и полиции, который был назначен для подготовки молодежи?

Ширах: На этот вопрос я не могу ответить совершенно точно.

Додд: Вы можете сказать, что у вас не было персонала СС, назначенного для подготовки вашей молодежи? Я не говорю об отдельных инструкторах, например, лыжного спорта, я говорю о постоянной программе, согласно которой осуществлялась помощь со стороны СС в подготовке молодежи.

Ширах: В этом письме впервые была затребована помощь, которая была необходима в целях военного обучения. Больше я не знаю ни одного момента, где имело бы место сотрудничество.

Додд: Известен ли вам термин «Хеуакцион», то есть акция «Сено»?

Ширах: Хеуакцион? Я не могу этого вспомнить, я не понимаю, что вы под этим подразумеваете.

Додд: Но вы же каждый день сидите в Суде. Вы разве не помните, что обвинением было представлено доказательство в связи с делом Розенберга и действием, называемым акцией «Сено»?

Ширах: Нет, в настоящий момент я не могу этого сказать, я не помню этого.

Додд: Вы разве не помните о разговорах в Суде о том, как захватывали молодежь на Востоке и насильственно отправляли ее в Германию, 40 или 50 тысяч молодежи в возрасте от 10 до 14 лет? Вы помните это, не правда ли? Тогда говорилось о том, что одной из целей этого мероприятия было уничтожить биологическую потенциальную возможность этих людей. Вы не знаете, о чем я говорю?

Ширах: Это акция, о которой я вспоминаю только в связи с этим процессом. Но по служебной линии единственно что я могу сказать, это то, что Аксман во время войны (я не помню, в каком году) сообщил мне, что он направил на заводы Юнкера в Дессау большое количество русской молодежи в качестве подмастерьев и учеников в мастерские. До этого я не занимался этой акцией, но в начале своих показаний я заявил, что за то, что сделала молодежь во время войны, я беру на себя ответственность, и я не отказываюсь от этого. Я вспоминаю показания подсудимого Розенберга о том, что он выполнял запросы армии и военных соединений в данном деле.

Додд: У нас имеется документ, который уже представлен как доказательство США-871. Трибунал с ним ознакомился. Я хочу обратить ваше внимание на то, что здесь говорится: «Розенберг согласился с программой захвата от 40 до 50 тысяч молодежи в возрасте от 10 до 14 лет и перевоза их в империю»; там же говорится, что эта программа могла быть выполнена при помощи руководства гитлеровской молодежи через бюро министерства Розенберга. Здесь также говорится, что некоторые группы молодежи должны были быть переведены во вспомогательные части СС. Теперь я хочу спросить вас, что именно вы знаете об этой программе и какое участие принимала гитлеровская молодежь в осуществлении этой программы?

Ширах: Об этой программе я не могу сказать больше того, что я уже сказал.

Додд: Вы отвечали за использование в войне гитлеровской молодежи, не так ли?

Ширах: Использование немецкой молодежи в войне проводилось по приказам имперского руководителя молодежи. Из того, что я знаю, я могу дать лишь общую, но не детальную информацию.

Додд: Скажите, я снова вас спрашиваю, были ли вы назначены и выполняли ли вы обязанности лица, ответственного за использование в войне молодежи Германии? У меня есть документ, который показывает ваше назначение.

Ширах: Я вовсе не хочу этого оспаривать. В 1939 и 1940 гг., когда я был руководителем молодежи, я сам руководил этой работой.

Додд: Я говорю о назначении, которое имело место еще позднее, в 1939 или 1940 году. Вы были назначены фюрером в его ставке в марте 1942 года ответственным за использование в войне германской молодежи, не правда ли?

Ширах: Я прошу показать мне этот документ, я точно не помню, но считаю, что это возможно.

Додд: Вы говорите, что вы не знаете о том, что вы были назначены ответственным за использование в войне германской молодежи? Вам нужно показать документ?

Ширах: Нет. Я не могу лишь по памяти сказать дату. Я считаю, что я с 1939 года ведал вопросами использования молодежи в войне.

Додд: Хорошо. То, что я хотел установить, — факт, свидетельствующий, что вы были ответственны и продолжали быть ответственным за это до самого конца войны.

Я думаю, что нам достаточно ясно, что вы фактически были назначены на эту должность, как бы вам ни хотелось теперь «замять» эту ответственность. Когда вы впервые стали ответственны за использование молодежи в войне?

Ширах: Насколько я помню, с 1939 года, то есть с самого начала войны, я отвечал за это...

Додд: Я хочу, чтобы вы взглянули на документ США-869. Это сможет помочь вашей памяти; это телеграмма, которую подсудимый Розенберг послал доктору Ламмерсу — имперскому министру в ставку фюрера 20 июля 1944 г., и вы увидите, что в первом абзаце говорится следующее: «В связи с соглашением между рейхсмаршалом как главнокомандующим военно-воздушными силами, рейхсфюрером СС, руководителем молодежи Германской империи, и имперским министром оккупированных восточных территорий производится набор молодежи следующих национальностей: русской, украинской, белорусской и др. — на добровольных началах для работ в империи». Это и есть та самая программа, за которую вы несли в то время ответственность. Затем, идя дальше, я хочу обратить ваше внимание на третий абзац, который напоминает вам о том мероприятии «Хеуакцион», документ о котором уже представлен в качестве доказательства. Эта телеграмма гласит: «На базе предложений военных учреждений захват молодежи в возрасте от 10 до 14 лет и отправка ее на имперскую территорию (Хеуакцион) будут иметь место в части территории».

И затем дальше: «Целью этого мероприятия является дальнейшее использование молодежи включением ее в имперское молодежное движение и подготовкой подростков для германской экономики в форме, которая соответствует соглашению с генеральным уполномоченным по арбейтэйнзатц (использование молодежи), о белорусской молодежи, которое уже дает

свои результаты». Я обращаю ваше особое внимание на последнюю фразу: «которое уже дает свои результаты».

И в последнем предложении, в следующей фразе, говорится: «...Эта молодежь должна быть использована позднее в оккупированных восточных территориях как особенно надежная строительная сила». Вы можете видеть, что в последнем абзаце говорится следующее: «Акции, указанные в пунктах 1 и 3», которые я только что зачитывал, «известны фюреру». И здесь также есть кое-что о помощи СС в отношении этих акций.

На следующей странице документа имеется телеграмма рейхсфюреру СС, руководителю имперской молодежи, имперскому министру внутренних дел и в конце — бюро гаулейтеров, то есть тем, кому полагалось получить этот документ.

Что же вы знаете о захвате молодежи в возрасте от 10 до 14 лет и о передаче ее вашим молодежным организациям в Германии в годы войны и о том, как многие тысячи молодежи были похищены? Вы знаете об этом?

Ширах: Я уже ранее сказал, что не хочу ограничивать ответственность, которую я несу за это, но что я лишь позже узнал об этом. Имперским руководителем молодежи в том году был не я, а другое лицо, и оно заключало эти соглашения с рейхсфюрером СС и с командующим ВВС.

Додд: Вы также знаете, что даже в этот час союзники пытаются найти тысячи этих молодых людей и вернуть их на родину. Знаете ли вы, что в сегодняшних газетах указывается, что 10 тысяч молодых людей еще не обнаружены?

Ширах: Я не думаю, что речь идет о той молодежи, которая была размещена в домах для подмастерьев.

Додд: Сейчас я хочу показать вам другой документ, ПС-1137, который даст вам некоторое представление, если вы не помните, о том, что именно сделали с этой молодежью.

Вы увидите, что в последнем абзаце телеграммы Розенберга к Ламмерсу мы находим следующую фразу:

«Я узнал, что гаулейтер Заукель будет в ставке фюрера 21 июля 1944 г.; я прошу, чтобы это было согласовано с ним и затем представлено в форме доклада фюреру». Заукель также принимал участие в этом захвате молодежи от 10 до 14 лет, вы знаете об этом?

Ширах: Об этом я ничего не знаю и не могу дать никаких сведений.

Додд: Документ ПС-1137 начинается письмом генерала, датирован 27 октября 1944 г. и заканчивается отчетом бригадного генерала гитлеровской молодежи, носящего фамилию Никель. Кстати, вы знаете Никеля?

Ширах: Имя мне знакомо, возможно, что я знаю его лично, но в данный момент у меня нет никакого представления.

связанного с этим именем. Он был не бригадным генералом, а гауптбаннфюрером.

Додд: Хорошо. Кто бы он ни был, он был одним из руководителей вашей молодежной организации. Это все, что я стараюсь установить. Но, во всяком случае, если вы посмотрите на этот документ, то увидите, что Никель отчитывается в захвате этой молодежи на оккупированной восточной территории; это октябрь 1944 года. Этот документ начинается следующими словами: «5 марта 1944 г. я получил приказ открыть учреждение для набора молодежи с 15 до 20 лет из населения оккупированных восточных территорий для использования в военной промышленности империи». Далее он дает цифру и рассказывает, где он начал свою работу: в Литве, Эстонии, на восточном фронте, среднем секторе, южном секторе восточного фронта. Затем идет следующая страница, на которой говорится о том, как их распределили (тех, кого захватили): 1383 русских — в вспомогательные войска СС, 5953 украинца — в вспомогательные войска СС, 2354 белоруса — также в СС; 1012 литовцев — в СС; затем он переходит к военно-воздушному флоту: 3000 эстонцев — в вспомогательные войска военно-воздушных сил и т. п. Некоторых взяли во флот. Я не собираюсь зачитывать вам всего; но уже это дает вам представление о том, как распределялись эти юноши и девушки. Вы можете заметить, что значительное число было использовано в СС.

Ширах: Да, но гауптбаннфюрер Никель на этом письме поставил штамп, на котором написано: «Имперский министр по делам оккупированных восточных областей». Он действовал в этом случае не по поручению руководителя имперской молодежи, а по поручению министра по делам восточных оккупированных областей.

Додд: Я хочу попросить вас посмотреть на страницу 6. Вы найдете то место, где перечисляется то, что делал персонал Никеля для осуществления этой задачи. У него были члены гитлеровской молодежи, которые следующим образом выполняли свои функции: 5 общих руководителей, 70 руководителей немецкой молодежи, работающих переводчиками и помощниками инструкторов, 26 руководителей СС, 234 человека младшего командного состава войск, шоферы и переводчики СС. А из личного состава военно-морского флота у него было 37 офицеров, 221 человек младшего командного состава и т. д. Оказало ли напоминание об этой программе, в которой ваша молодежь принимала участие, какую-либо помощь вашей памяти? Вспоминаете ли вы сейчас несколько больше?

Ширах: Этот документ совершенно не помогает моей памяти. Я узнал из документа о деятельности министра по делам восточных оккупированных областей. Я не знаю, какие поруче-

ния руководитель гитлеровской молодежи имел в министерстве по делам восточных оккупированных областей. Я беру на себя ответственность за то, что было произведено по моим приказам, а за то, что было сделано по приказам других, должны отвечать другие.

Додд: На последней странице документа вы увидите, насколько широка была область, в которой развевывалась деятельность Никеля. Он действовал в согласии с молодежными организациями в Нидерландах, южно-гитлеровской ассоциацией молодежи в Словакии и Венгрии, особенно с нагелевскими лагерями беженцев в самой Германии, а затем, что довольно интересно, с полевыми штабами в Вене. Это то место, где вы тогда находились. Да? А вы говорите Трибуналу, что вы ничего не знали об этой программе и об участии в ней ваших руководителей гитлеровской молодежи.

Ширах: Мне Никель не делал докладов, и я не получал ни письменных, ни устных сообщений. Его доклад, как видно из этого письма, был представлен имперскому министру по делам восточных оккупированных областей.

В какой степени об этом информировали имперского руководителя гитлеровской молодежи, мне неизвестно. Я сам не знаю об этих событиях. То, что я об этом знаю, я точно изложил уже в своих показаниях. Это относится к заводам Юнкера, к профессиональному обучению, которое проходила эта молодежь в Германии. Больше я ничего об этом не знаю.

Додд: Обратите также внимание, что группы вашей гитлеровской молодежи были в Польше и даже в Северной Италии. А сейчас я снова спрашиваю вас, руководителя гитлеровской молодежи, руководителя, отвечавшего за использование молодежи в войне, гаулейтера Вены, принимая во внимание то, что часть этой программы осуществлялась в Вене, а вся эта программа проводилась в таких широких размерах, — вы все еще хотите, чтобы Трибунал вам поверил, что вы ничего об этом не знали?

Ширах: Я ничего не знаю об этом, но я беру на себя за это ответственность.

Додд: Сейчас я вам покажу документ СССР-172. Он был частично прочитан в Суде полковником Покровским. Обратите внимание на следующее. Там говорится, что 2 октября после обеда в кабинете фюрера началась беседа относительно положения в генерал-губернаторстве: «Обращение с поляками и объединение уже одобрено фюрером...» И дальше: «Беседа началась, когда рейхсминистр Франк информировал фюрера о том, что деятельность в генерал-губернаторстве проходит весьма успешно. Евреи Варшавы и других городов уже заперты в гетто, а Краков скоро будет очищен от них. Рейхслейтер

фон Ширах, который сидел рядом с фюрером, заметил, что у него все еще есть более 50 тысяч евреев в Вене, которых Франк должен будет взять у него. Член партии Франк сказал, что это невозможно. Тогда гаулейтер Кох указал, что у него тоже до сих пор имеются неперебазированные евреи и поляки из области Цихенау, но эти поляки и евреи, конечно, должны теперь быть приняты генерал-губернатором». И затем Франк также протестовал против этого; он сказал, что для этого нет жилищных условий. Вы теперь помните об этом совещании?

Ширах: Теперь я освежил это в своей памяти.

Додд: И вы полагали, что у вас имеется 50 тысяч евреев, которых вы должны перевезти на территорию Франка из Вены?

Ширах: В такой формулировке это неверно. Фюрер спросил меня, сколько евреев еще в Вене. Об этом я уже говорил в своих показаниях ранее. В документе записано, что тогда еще имелось 60 тысяч евреев в Вене. Во время этой беседы, когда обсуждался вопрос о поселении евреев в генерал-губернаторстве, я также сказал, что нужно еще перевезти из Вены 50 тысяч евреев в генерал-губернаторство. Я уже сказал Вам ранее, что вследствие событий в ноябре 1938 года я считал правильным этот план фюрера о переселении евреев в замкнутую область поселения.

Додд: Затем, позднее, как вы знаете сами, Ламмерс послал вам телеграмму в Вену о том, что Гитлер решил, получив один из докладов, подготовленных вами, что 50 тысяч евреев из Вены должны быть высланы в самый кратчайший срок, и это было ровно через два месяца после совещания, которое у вас было с Франком, Кохом и Гитлером, — не так ли?

Ширах: Да, фюрер ведь с 1937 года поддерживал мысль — я нахожу, что это видно из записей Госсбаха — о выселении еврейского населения. Мне об этом было сообщено в августе 1940 года, когда я явился к нему по случаю моего назначения гаулейтером Вены. Он у меня спросил, сколько евреев в Вене. Я ответил на этот вопрос. Он хотел переселить евреев в генерал-губернаторство, что действительно и имело место.

Додд: Сколько евреев вы фактически выселили из вашей области, пока вы были гаулейтером?

Ширах: Прежде всего проведение этой акции осуществлялось не мной, и я не знаю, сколько евреев из 60 тысяч, проживающих в Вене, было выселено оттуда.

Додд: Имеете ли вы какое-нибудь представление о том, куда они делись?

Ширах: Мне было сообщено, что старики направляются в Терезиенштадт, остальные — в Польшу. Я даже один раз, мне кажется, в связи с назначением меня имперским заместителем или по случаю доклада об эвакуации детей, спросил

Гитлера, чем должны заниматься эти евреи. Он мне ответил — в соответствии с их профессиями.

Додд: Хорошо, мы позднее перейдем к этому. Вы помните, не правда ли, что они были посланы, во всяком случае некоторые из них, в города Ригу и Минск, и вы были уведомлены об этом? Вы помните, что вы получили такие сведения?

Ширах: Нет.

Додд: Посмотрите на документ ПС-3921. Это сообщение об эвакуации евреев. Из него видно, что 50 тысяч евреев должны были быть высланы в области Минска и Риги, и вы как комиссар по обороне империи получили копию этого отчета. Если вы посмотрите на последнюю страницу, вы увидите инициалы вашего первого заместителя из СС Дальбрюгге, а также печать вашей канцелярии при получении документа.

Ширах: Я вижу лишь, что Дальбрюгге занес это событие в документы. На них имеется надпись «в досье».

Додд: И он вам не рассказал об этом отчете, касающемся евреев, хотя вы и говорили с Гитлером об этом, об их выселении из вашей области? По-видимому, ваш первый заместитель не удосужился сообщить вам об этом? Вы говорите, чтобы мы вас именно так поняли?

Ширах: Да.

Додд: Но тогда посмотрите на другой документ, который прольет свет на этот вопрос. Это документ США-308, который уже был представлен в качестве доказательства, где говорится о том, что произошло с евреями в Минске, в Риге, и который также поступил в вашу канцелярию, если вы это помните. Может быть, нет необходимости снова вам показывать этот документ? Вы помните этот документ — это один из ежемесячных отчетов от Гейдриха, где говорится, что в Риге было 29 тысяч евреев, но это число было доведено до 2500. Вообще же 33 210 евреев были расстреляны специальным подразделением — эйнзатцгруппой. Вы помните об этом?

Ширах: Во время прошедших двух дней я просмотрел эти месячные отчеты и относительно их должен сказать в принципе следующее: на первой странице имеются инициалы Д. Ф., это — инициалы Фишера, а сверху написано не мной, а моим чиновником от имени регирунгспрезидента «в дело».

Додд: Я не говорю о том, что ваши инициалы стоят на подобных документах, я говорю, что эти документы прибыли в ваше управление и поступили к одному из ваших главных помощников.

Ширах: Если бы они мне были представлены, там была бы пометка: «представлено имперскому руководителю», — и ниже была бы пометка референта. Если бы я принял их к сведению, то там стояли бы мои инициалы.

Додд: Я хочу напомнить вам дату отчета — это февраль 1942 года. Я хочу напомнить, что также и здесь Гейдрих сообщал, сколько евреев они убили в Минске.

Затем однажды вы произнесли речь в Польше о польской или восточной политике Германии. Вы помните об этом?

Ширах: В Польше?

Додд: Да, в Польше.

Ширах: В Польше в 1939 году я был некоторое время проездом, а позже, мне кажется, не бывал там.

Додд: Сегодня утром у вас что-то исключительно плохая память. Вы не помните свою речь в Катовицах 20 января 1942 г.?

Ширах: В Верхней Силезии?

Додд: Да, в Верхней Силезии, вы помните эту речь?

Ширах: Да, я припоминаю, в Катовицах я произнес речь.

Додд: Говорили ли вы о гитлеровской политике на восточных территориях?

Ширах: Я не помню, что я тогда сказал. Я произносил много речей.

Додд: Вы обращались тогда к партийным руководителям и к руководителям германской молодежи?

Ширах: Да.

Додд: В седьмом абзаце говорится о задачах германской молодежи на Востоке. Гитлеровская молодежь должна была проводить политическое обучение согласно принципам восточной политики фюрера, и вы говорили о том, что чрезвычайно благодарны фюреру за то, что он заставил германский народ повернуться лицом к Востоку, потому что Восток был судьбой ваших людей. Что вы тогда понимали под восточной политикой фюрера и вообще хорошо ли вы ее понимали в то время?

Ширах: Речь была произнесена в Верхней Силезии в благодарность за то, что мы получили обратно эту область.

Додд: Я спрашивал вас, понимали ли вы тогда достаточно хорошо «восточную политику» фюрера, когда вы произносили эту речь?

Ширах: Тогда, я, естественно, под впечатлением нашей победы над Польшей и возвращения германской земли относился положительно к политике на Востоке.

Додд: Вы не только ее поддерживали, я хочу знать, действительно ли вы ее понимали?

Ширах: Я не знаю, как я могу ответить на этот вопрос. По-видимому, Гитлер понимал под политикой на Востоке нечто совершенно иное, чем я.

Додд: Но суть моего вопроса заключается в том, что он говорил с вами об этом, не правда ли, до того, как вы произнесли свою речь? Вы лучше снова взгляните на документ

СССР-172, который находится у вас в руках. Вы обнаружите, что после того, как вы, Франк, Кох и Гитлер закончили разговор о выселении евреев из Вены, фюрер сказал вам, что он намеревается сделать с поляками. Это не очень красивая история, но вы все-таки посмотрите на этот документ.

Ширах: Гитлер говорит здесь: «Идеальная картина такова: поляк имеет право иметь лишь небольшие участки земли, которые в известной степени обеспечивают питание только ему и его семье. Все остальные средства, которые ему нужны на одежду, дополнительное питание и т. д., он должен заработать в Германии. Генерал-губернаторство — это главная контора по найму неквалифицированных рабочих, в особенности сельскохозяйственных рабочих; существование этих рабочих обеспечивалось бы, так как их всегда можно использовать как дешевую рабочую силу.

О сельскохозяйственных рабочих для Польши больше не будет речи».

Додд: Разрешите мне прочесть вам те места, которые, мне кажется, вы пропустили:

«Фюрер затем подчеркнул, что поляки, в отличие от германских рабочих, рождены для тяжелого труда...» и т. д. «Жизненный уровень в Польше должен быть чрезвычайно низким».

И затем на следующей странице: «Мы, немцы, с одной стороны, имеем перенаселенные промышленные районы и, с другой стороны, мы нуждаемся в рабочей силе в сельском хозяйстве. Там мы можем использовать поляков. Для достижения этой цели имеются достаточные ресурсы в генерал-губернаторстве, так что каждый год мы можем фактически получать оттуда рабочую силу. Следует помнить, что не должно быть никаких польских земельных собственников. Как бы это ни звучало жестоко, там где они есть, они должны быть уничтожены. Насколько я понимаю, нельзя также допускать смешения крови с поляками».

Далее, он еще раз подчеркнул, что «над поляками должен быть один господин — это немцы. Два хозяина не могут существовать одновременно. Все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни».

Вы, как вы заявили Трибуналу, — представитель культуры. Можете ли вы сейчас сказать, какое впечатление на вас произвела политика фюрера, изложенная им в такой форме?

Ширах: С этим намерением фюрера я никогда не был согласен, я разговаривал с ним относительно политики на Украине в 1943 году. В 1942 году я говорил в Катовицах перед немецким населением, но я не подозревал об этой жестокой польской политике Гитлера.

Додд: Но вы знали об этом, когда вы произносили вашу речь, не так ли?

Ширах: После двух лет я уже не помнил об этом, и я не имел этого в виду, когда произносил свою речь.

Додд: Вы забыли, что Гитлер сказал вам, что он должен уничтожить польскую интеллигенцию, что вы должны были быть господами этих людей, что они должны продолжать жить на очень низком уровне? Это все так легко исчезло из вашей памяти?

Ширах: В этой речи в Катовицах, о которой я хорошо помню, я говорил о совершенно других вещах, и я полагаю, что обвинение имеет стенограмму этой речи. Ее и надо было предъявить здесь. Здесь же только небольшие выдержки из нее.

Додд: Но видите ли, дело в том, что, зная, в чем заключалась восточная политика, я хотел бы, чтобы вы сказали Трибуналу, как вы могли пропагандировать и восхвалять эту политику среди групп молодежи во время своего выступления в Катовицах?

Ширах: Политика, которую я рекомендовал в своей речи руководителям молодежи, это не была та политика, о которой говорил Гитлер.

Додд: Вы сказали в своей речи, что это была политика фюрера и вы знали, какова она была, но я не буду больше настаивать, если вы отвечаете таким образом.

Ширах: Об этом я уже говорил. Может быть, я очень часто следовал политике Гитлера в силу ошибочной преданности ему. Я знаю, что это было неверно.

Додд: Это то, что я хочу знать. Вы действовали, не правда ли, в порыве преданности фюреру? Сейчас вы признаете, что это было ошибочным, это все, о чем я вас спрашиваю; и если вы скажете это Трибуналу, я буду вполне удовлетворен.

Ширах: Да, я готов признать это.

Додд: Не должны ли вы сказать Трибуналу, что все эти вопросы, касавшиеся еврейского народа, которые вы ставили перед молодежью, и это медленное, но верное стимулирование расовой ненависти к евреям, сотрудничество с СС, ваше обращение с евреями в Вене — все это то, за что вы несете ответственность?

Ширах: Нет.

Додд: Наконец, я хочу представить, господин председатель, как доказательство несколько отрывков из еженедельных отчетов СС, о которых я кратко говорил. Они должны быть представлены Трибуналу. Их всего 55, и следуют они неделя за неделей. На всех имеется штамп учреждения подсудимого, поскольку он их получал.

Затем имеются ежемесячные отчеты, начиная с того времени, как они стали выходить; они поступали ежемесячно.

Из этих отчетов мы выбрали некоторые примеры для того, чтобы проиллюстрировать характер этих еженедельных отчетов. Я хотел бы их представить: начиная с 1 мая 1942 г. — отчет № 1, отчет № 4, отчеты № 6, 7, 9, 38, 41, 49. Сейчас я хочу разъяснить вам этот вопрос. Кроме заявлений, касавшихся того, что произошло с евреями, вы найдете в этих еженедельных отчетах ряд обзоров о действиях партизан на Востоке. Эти отрывки преимущественно связаны с тем, что происходило с евреями; у нас мало отчетов, относящихся к деятельности партизан. Однако все же у нас имеются отчеты о действиях партизан, а не евреев, так что мы хотим, чтобы не было никаких сомнений в том, как мы используем эти еженедельные отчеты.

Я хочу только спросить вас (*обращается к подсудимому*) в отношении этих еженедельных отчетов: признаете вы сегодня, что вы получали их каждую неделю в вашем учреждении?

Ширах: Это ведь не мое учреждение. У меня было центральное бюро. Референт этого бюро, которым руководил регирунгспрезидент, переписывал, как это следует из заметок и что сможет подтвердить всякий сведущий немецкий чиновник, переписывал документ, бюро представляло его регирунгспрезиденту, а тот писал на нем: «в дело» — и ставил на нем свои инициалы. Так что я мог совсем не знать этих документов.

Додд: Вы были имперским уполномоченным по обороне этих территорий? Не правда ли?

Ширах: Да.

Додд: И это ваша печать на этих еженедельных отчетах, да?

Ширах: Да.

Додд: Так что же вы тогда говорите, что это не ваше учреждение?

Ширах: Корреспонденция, которую я получал, подобно тому, как она поступает в бюро министра, попадала ко мне в центральное бюро. Если она была получена, там должны иметься соответствующие отметки. Теперь я понимаю, что регирунгспрезидент, учитывая мою загруженность работой, вообще не представлял мне дела, которые не имели никакого отношения к Вене и к моей деятельности и носили лишь информационный характер и касались событий в России — на 90 процентов они касались борьбы с партизанами в России.

Додд: Я снова вас спрашиваю, как я уже много раз делал во время этого допроса, был ли Дальбрюгге, который ставил свои инициалы на этих отчетах, вашим главным заместителем? Да или нет?

Ширах: Да. Он был одним из моих трех заместителей.

Додд: И он был также членом СС?

Ширах: Дальбрюгге был одним из высших командиров СС, он был особо доверенным лицом рейсхфюрера СС.

*Александров*¹: Вы признаете, что «гитлерюгенд» ставила своей задачей внедрение своей идеологии немецкой молодежи и детям начиная с девятилетнего возраста?

Ширах: Я понял вопрос в таком смысле: признаю ли я, что я прививал гитлеровской молодежи в возрасте от 10 до 14 лет фашистские идеи? Как я уже говорил в своих показаниях дня два тому назад, я считал своим долгом и своей обязанностью воспитать немецкую молодежь гражданами национал-социалистского государства.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вам совершенно не нужно повторять то, что вы говорили уже во время предыдущих допросов. Отвечайте только на вопрос: вы признаете, что вы прививали гитлеровской молодежи идеи Гитлера? Да или нет?

Ширах: Я не могу ответить на это «да», потому что между фашизмом и национал-социализмом есть большая разница. Поэтому я не могу ответить «да». Я воспитывал немецкую молодежь в национал-социалистском духе. На это я отвечаю: «Да».

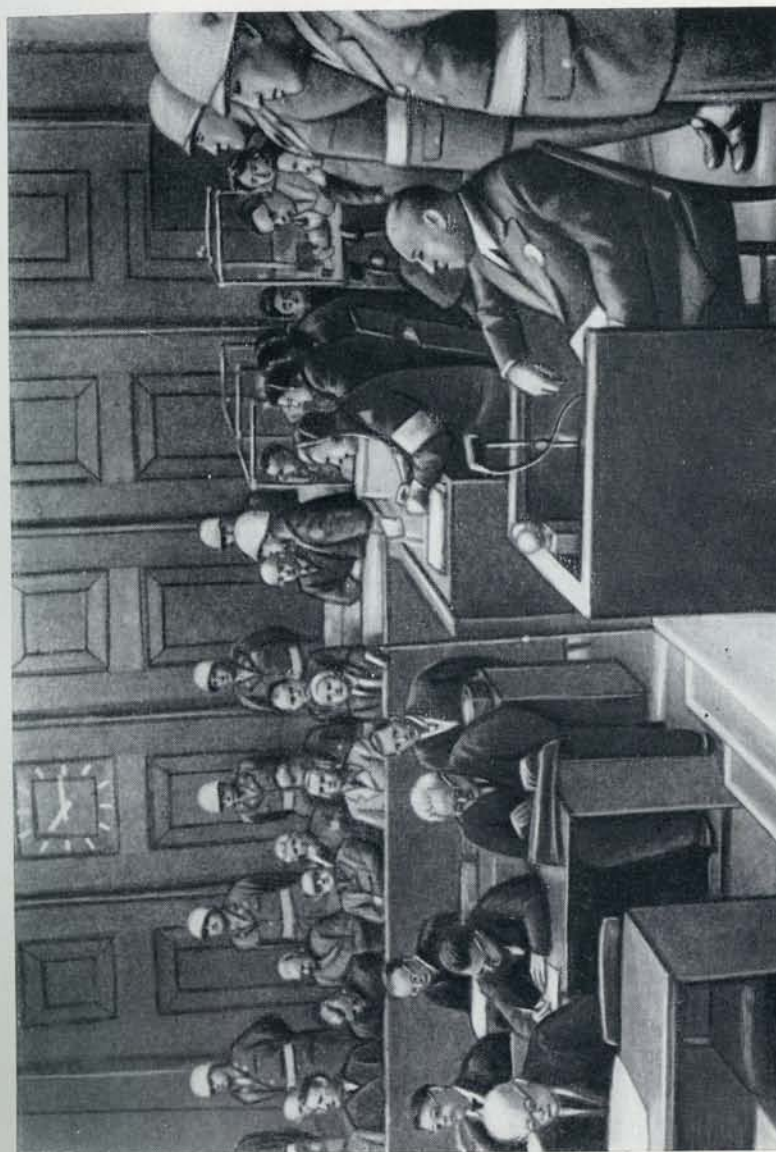
Александров: Я хочу теперь, чтобы вы повторили показания, которые вы дали на допросе 16 ноября 1945 г. Вы тогда сами следующим образом определили свое личное отношение к Гитлеру (цитирую ваши показания): «Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился ко всему тому, что он говорил и писал, как к откровению». Вы подтверждаете эти показания?

Ширах: Я никогда не говорил о Гитлере как о божестве. Вы меня тогда спросили, был ли я восторженным приверженцем Гитлера. Я ответил утвердительно на этот вопрос. Я имел в виду время, когда я впервые стал участником этого движения. Я никогда не приводил этого сравнения, которое сейчас здесь приводится, никогда не говорил о том, что я верил в Гитлера как в божество.

Александров: Вы меня неправильно поняли. Здесь о божестве не говорится. В ваших показаниях записано (я повторяю): «Я являлся восторженным приверженцем Гитлера и относился ко всему тому, что он говорил и писал, как к откровению».

Вы в своей книге «Гитлерюгенд» писали на странице 17: «Книга Гитлера «Майн кампф» была нашей библией». Вы это подтверждаете? Вы это писали?

¹ Г. Н. Александров — представитель обвинения от СССР. — Составители.

Функ во время допроса

Заукель во время допроса

Ширах: Но я кое-что прибавил в своей книге.

Александров: Я хотел, чтобы вы ответили, написана эта фраза в вашей книге или нет?

Ширах: Я только что подтвердил это, но к этому подтверждению я должен дать разъяснение, которое я и хочу сейчас сделать. Я говорил в моей книге, которую я писал в 1933 году и которая была опубликована в 1934 году, следующее: «Мы не могли еще в подробностях обосновать наше мировоззрение. Мы просто верили. И, когда появилась книга Гитлера «Майн кампф», эта книга стала библией, которую мы учили почти наизусть, чтобы суметь ответить на вопросы сомневающихся и располагающих большим материалом критиков». Да, я тогда так писал. Это правильно.

Александров: Теперь я хочу задать вам следующий вопрос. Вы признаете, что «гитлерюгенд» была политической организацией, которая под руководством НСДАП проводила политику этой партии в отношении немецкой молодежи?

Ширах: Организация «гитлеровская молодежь» была больше воспитательной организацией на политической основе.

Александров: Я напомню вам теперь, какие задачи ставил Гитлер в деле воспитания немецкой молодежи. Об этом говорится в книге Раушнинга. Эта книга была уже представлена Трибуналу в качестве документального доказательства под номером СССР-378. Я цитирую со страницы 252 этой книги: «Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя».

И вы воспитали немецкую молодежь в соответствии с этими требованиями Гитлера, вы это признаете?

Ширах: Я не признаю того, что пишет господин Раушнинг. Я совершенно случайно был свидетелем одного разговора между Гитлером и Раушнингом и должен сказать: то, что он пишет в своей книге, является неправильной передачей высказываний Гитлера. Случайно я был лично свидетелем такого разговора. По вопросу о воспитании Гитлер мне не давал таких директив, которые господин Раушнинг трактует как задачи гитлеровской молодежи, поставленные передо мной Гитлером.

Александров: От вас не требуется таких пространных объяснений. Вы здесь утверждали, что «гитлерюгенд» не воспитывала в немецкой молодежи духа милитаризма и не подготавливала ее к будущим агрессивным войнам. Я напомню вам некоторые ваши высказывания из той же вашей книги «Гитлерюгенд». На странице 83 этой книги, говоря о младшем

поколении «юнгфольк», вы писали: «Они носители нацистского стиля. Торговцы игрушками волнуются, что этим детям не нужно более игрушек. Их интересуют походные палатки, копьё для метания, компас и карта. Это особенность нашей молодежи. Все, что против нашего единства, должно быть предано огню, кострам».

Не руководствовались ли этими вашими директивами воспитанные «гитлерюгенд» солдаты немецкой армии, поджигая дома мирных жителей на оккупированных территориях? В вашей книге написано то, что я сейчас прочитал?

Ширах: То, что здесь лежит передо мной, написано в моей книге, а того, что мне перевели, в ней нет.

Александров: Внесите свои поправки.

Ширах: Для этого я должен просить разрешения огласить подлинник этого текста: «Торговцы игрушками жаловались мне, что эти мальчики, — речь идет о молодом поколении, — не хотят более иметь дело с игрушками; их интересуют географические карты, компасы, плащ-палатки и копьё для метания. Я не могу помочь этим торговцам игрушками, потому что время, когда дети играли только игрушками, давно прошло. Не только торговцы детскими игрушками жалуются теперь, но и фабриканты, производящие детские шапочки. Кто сейчас носит школьную фуражку? Кто теперешние школьники, мальчики или девочки? В некоторых городах мальчики собрались вместе и публично сожгли школьные фуражки. Фактически, сжигание — это специальность новой молодежи. Границы малых государств империи также были превращены в пепел огнем молодежи.

Это простая, но героическая философия; все, что против нашего единства, должно быть брошено в пламя».

Александров: Философия сводится, по вашему мнению, к тому, что дети должны бросить играть в игрушки. Так я вас понял? Я не вижу существенной разницы между тем, что я сказал, и тем, что вы прочитали.

Перейдем к следующему вопросу. Вы уже говорили о специально созданной организации гитлеровской молодежи — «гитлерюгенд». Вы утверждали, что эта организация преследовала только спортивные цели. Так вы говорили?

Ширах: В связи с обучением моторизованных отрядов гитлеровской молодежи я говорил о занятиях спортом и езде по пересеченной местности. Я сказал также, что я признаю, что моторизованные отряды гитлеровской молодежи обучаются в духе допризывной подготовки. Я ничего в этом не оспаривал.

Александров: Вам было известно, что в 1938 году организация моторизованных отрядов гитлеровской молодежи состояла из 92 подразделений, численностью в 100 тысяч юношей?

Ширах: Состояла ли она из 92 отрядов, я сейчас на память не могу сказать. Я в своих показаниях своему защитнику или господину Додду говорил об общей численности моторизованных отрядов «гитлерюгенд» и приводил самые точные данные, относящиеся к 1938 году.

Александров: Я говорю о 1938 году и называю цифру 100 тысяч юношей, которые состояли в моторизованных и спортивных отрядах молодежи. Вам известно об этом?

Ширах: Я не могу на память сказать, объединяли ли в 1938 году моторизованные отряды гитлеровской молодежи 100 тысяч юношей или нет. Может быть, их было 60 тысяч, а может быть, и 120 тысяч. Я не знаю этого, у меня нет данных об этом.

Александров: Вами было издано наставление о национальной подготовке членов «гитлерюгенд», так называемая «Гитлерюгенд им динст». В этом наставлении были предусмотрены такие занятия с молодежью: теория оружия, теория стрельбы, упражнения по прицеливанию, учебная стрельба, строевая подготовка, топографическая подготовка, прикладная топография, упражнения на местности. Кроме того, в приложении даны: памятка для пользования походным компасом и памятка для пользования угломером. Вам известно это наставление? По вашему мнению, оно также не преследовало цели боевой подготовки немецкой молодежи.

Ширах: По вопросу о воспитании гитлеровской молодежи я говорил уже здесь очень подробно и, в частности, о подготовке по стрельбе, которая в моей книге занимает сорок страниц; в связи с этим заметил, что это обучение стрельбе проводилось по правилам, установленным для международной спортивной стрельбы из мелкокалиберных винтовок, и что всем бой-скаутам эта книга и эти правила рекомендовались. Для этих целей я издал эту книгу, которая служила для воспитания гитлеровской молодежи.

Александров: Вы отрицали здесь, что «гитлерюгенд» играла немаловажную роль в создании «пятой колонны» на территории Польши. Подобные же методы применялись и на территории Югославии. Правительство Югославии предоставило в распоряжение советского обвинения документы, устанавливающие участие немецкой организации молодежи под руководством «гитлерюгенд» в создании «пятой колонны» на территории Югославии. Вам об этом известно что-нибудь? Вы знаете что-нибудь по этому поводу?

Ширах: Гитлеровская молодежь никогда не участвовала в деятельности «пятой колонны» ни в Югославии, ни где-либо в другом месте.

Александров: Я привожу выдержки из официального доклада Югославского правительства. Этот документ был

уже представлен Трибуналу, я цитирую страницу 3 русского текста этого документа:

«Правительство рейха и гитлеровская партия тайным образом организовали немецкое меньшинство. С 1920 года они имели свою массовую организацию, «Союз культуры». Уже в 1932 году доктор Якоб Абендер стоял на точке зрения фашизации «Союза культуры», и в 1935 году он становится во главе активной молодежи, которая вскоре после этого стала называться «обновленцами». Вам известно что-нибудь по этому поводу?»

Ширах: Относительно тех сведений, о которых вы сейчас упоминали, я ничего не могу сказать. Я понял только то, что Боле имел там некоторых руководителей молодежи в качестве своих уполномоченных, но я ничего точно по этому поводу не знаю.

Александров: Я приведу несколько выдержек из дополнительного доклада Югославского правительства. На странице 5 этого доклада говорится: «Начиная с 1937 года среди «фольксдейч» в нашей стране начинается тяготение к национал-социализму и первые партии молодежи начинают ездить в Германию на специальные курсы».

Далее, на странице 8-а говорится: «Позднее, но до войны с Советским Союзом, большинство из них поступило офицерами в немецкую армию. Кроме того, из них была сформирована дивизия «Принц Евгений». Вы отрицаете эти факты?»

Ширах: Я некоторые из этих фактов признаю, а некоторые отрицаю. О вступлении югославской молодежи в немецкую армию я ничего не знаю. Я могу только сказать, что в то время, когда в Югославии правил принц Павел — регент Югославии, наблюдалось очень тесное сотрудничество с югославской молодежью.

Александров: Вы меня неправильно поняли. Я говорю о молодежи из немецкого национального меньшинства, которая проживала на территории Югославии, из которой при участии «гитлерюгенд» подготавливались кадры для создания «пятой колонны» в Югославии для подрывной работы, для комплектования войсковых соединений СС и вооруженных сил. Вот о чем я говорю. Эти факты вам известны?»

Ширах: Я знаю, что в Югославии имелась немецкая молодежь точно так же, как она имелась в Румынии и в Венгрии. Я знаю, что эта молодежь при вступлении немецких войск приветствовала их. Как далеко зашло сотрудничество между этими войсками и молодежью, я не могу сказать.

Александров: Дивизия СС «Принц Евгений», которая была сформирована на территории Югославии, в значительной части была укомплектована гитлеровской молодежью из числа нацменьшинств в Югославии, и это имело место в результате соответствующей подготовки «гитлерюгенд»?»

Ширах: Я не знаю, из кого были сформированы дивизии СС, их было очень много. Возможно, что они на местах формировались из немецкой молодежи, но точно я не могу сказать, потому что я не знаю.

Александров: Теперь я приведу выдержки из двух немецких документов, они еще не предъявлялись Трибуналу. Первая выдержка — из книги доктора Сэппа, фольксгруппенфюрера в Югославии, под названием «Речи и статьи». Он писал в этой книге:

«Вся наша национальная работа до 1 сентября 1939 г. зависела от помощи рейха. Когда первого сентября вспыхнула война и вначале казалось невозможным получать помощь, возникла опасность, что вся наша работа должна будет прекратиться». И далее: «Тот факт, что я почти всю немецкую национальную группу в бывшем Югославском государстве передал в распоряжение фюрера и дал ему столько добровольцев, делает меня лично необычайно гордым». Выдержку из этой книги я представляю Трибуналу в качестве документального доказательства под номером СССР-459. Вторая выдержка — из статьи, которую написал в 1943 году Отто Келлер — баннфюрер немецкой молодежи в этой области. Я представляю этот документ Трибуналу под номером СССР-456. Отто Келлер писал в этой статье: «90 процентов нашей молодежи находится в рядах гитлеровской организации немецкой молодежи за границей». Эти высказывания не убеждают вас, что в действительности подрывная деятельность по созданию «пятой колонны», фашизации немецкого меньшинства и формированию из него войсковых соединений проводилась на территории Югославии при участии «гитлерюгенд»? Ответьте, да или нет?»

Ширах: Нет.

Александров: Кто осуществлял руководство заграничными организациями «гитлерюгенд»? Ведь в составе имперского руководства «гитлерюгенд» имелся специальный заграничный отдел. Не входило ли это в его функции, а именно руководство заграничными организациями «гитлерюгенд»?»

Ширах: Это неверно. Задача заграничного отдела молодежи состояла в том, чтобы поддерживать связь с молодежными организациями других стран.

Александров: Следующий вопрос. В министерстве восточных оккупированных территорий был создан в составе первого главного управления специальный отдел молодежи. Что вам известно о деятельности этого отдела, в каких отношениях он находился с имперским руководством «гитлерюгенд»? Ответьте, пожалуйста, коротко.

Ширах: Насколько мне известно, при создании имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий

Розенберг выразил свое желание руководителю имперской молодежи, чтобы он назначил ему сотрудника для работы в отделе молодежи в его министерстве. Этот сотрудник был выделен и включен затем в состав министерства, где он руководил отделом молодежи, за что и нес, конечно, ответственность перед этим министерством. Больше я ничего по этому поводу не могу сказать. Отчеты этого отдела я не получал.

Александров: Имперским руководством «гитлерюгенд» был выделен представитель в министерство оккупированных восточных территорий, и этот представитель не отчитывался в своей деятельности перед руководством «гитлерюгенд». Так получается?

Ширах: Я хотел сказать, что начальник этого отдела или, как он там назывался, чиновник министерства по делам восточных территорий, который был послан туда «гитлерюгенд», не делал мне никаких докладов, но, разумеется, своему непосредственному начальнику в руководстве имперской молодежью он давал отчет. Руководство имперской молодежью находилось, как известно, в Берлине, и я полагаю, что сотрудники штаба руководства имперской молодежи постоянно поддерживали связь с этим представителем.

Александров: Понятно. Таким образом, мероприятия, которые проводились отделом молодежи в министерстве оккупированных территорий, проводились согласованно с руководством «гитлерюгенд». Правильно?

Ширах: Мероприятия, которые там проводились, осуществлялись по указаниям имперского министра, который был непосредственным начальником своих чиновников. В той мере, в какой речь шла о мероприятиях, непосредственно касавшихся молодежных организаций и тому подобного, этот соответствующий чиновник или руководитель молодежи, по всей вероятности, обращался за инструкциями к руководству имперской молодежи и соответствующим образом докладывал ему. Ответственность за деятельность этого руководителя молодежи, действовавшего в составе министерства Розенберга, возлагалась на министерство, а не на того, кем он был послан туда.

Александров: На вопрос вашего защитника об участии гитлеровской молодежи в зверствах во Львове вы ответили, что сообщение по этому поводу французской подданной Иды Вассо, которое приведено Государственной Чрезвычайной Комиссией, является неправильным.

Господин председатель, советскому обвинению представилась возможность допросить Иду Вассо. Об этом ходатайствовал и защитник подсудимого Шираха. Я представляю Трибуналу выдержки из показаний Иды Вассо от 16 мая 1946 г. и

прошу приобщить этот документ под номером СССР-465 к делу. Оглашаю эти выдержки.

«Зверствами над еврейским, польским и советским населением Львова занимались не только взрослые немцы и старые нацисты, но и юная немецкая молодежь в лице представителей организованной во Львове фашистско-молодежной организации «гитлерюгенд». Эти молодчики, одетые в униформу и вооруженные охотничьими ножами, палашами и часто пистолетами, целыми отрядами рыскали по городу, врываются в еврейские квартиры и производили в них полное уничтожение, убивая всех застигнутых ими в квартирах, включая и детей. Они часто оставляли на улицах города казавшихся им подозрительными детей и с криками убивали их на месте. Эта гитлеровская молодежь занималась специальной разведкой по установлению еврейских квартир, выискивала скрывавшихся евреев, устраивала засады и нападения на проходивших, убивая одних на месте как евреев, а других волокла за собой и сдавала гестапо, причем часто ее жертвами были и поляки, русские, украинцы. Этот террор со стороны взрослых и молодых немцев свирепствовал до последних дней пребывания их во Львове. Это особенно было заметно при проведении «акции гетто», когда систематически и планомерно истреблялись дети различных возрастов, находившиеся в специально созданных детских еврейских домах, куда, как только собиралось в них достаточное количество детей, врываются гестаповцы, сопровождаемые «гитлерюгендовцами».

Таким образом, гитлеровская молодежь, состоявшая на службе немецкой армии, СС и гестапо, участвовала во всех этих и им подобных злодеяниях, вы это признаете?

Ширах: Я не верю ни одному слову из того протокола, который вы только что зачитали.

Александров: Это ваше дело.

Господин председатель, я предъявляю Трибуналу еще один документ под номером СССР-454. Это выдержка из показаний военнопленного немецкого солдата Герта Бруно Кнителя. Он родился в 1924 году в городе Рохлиц, в Саксонии, по профессии он шапочник. С 1938 года Книтель являлся членом «гитлерюгенд». Его сестра Урсула также состояла членом национал-социалистского союза немецких девушек. В 1942 году, то есть в возрасте 18 лет, Книтель был призван в немецкую армию. Таким образом, это типичный рядовой представитель «гитлерюгенд», и именно поэтому его показания представляют интерес. Вот что он рассказывает о своей службе в немецкой армии.

«Не менее двух раз в неделю нас посылали прочесывать леса, устраивать облавы в поисках партизан и вообще недовольных

установленным немцами режимом, для того чтобы арестовывать их и расстреливать. Наша третья рота встретила и расстреляла в лесу пять человек. Эти лица, возможно, и не были партизанами, а просто гражданами, которые ходили в лес по делам. Но у нас был приказ расстреливать всех, кого встретим в лесу. Мы так и поступали.

Вы признаете, что участие немецкой молодежи в подобных злодеяниях было обусловлено соответствующим воспитанием ее и подготовкой в «гитлерюгенд»?

Ширах: Нет, этого я не признаю.

ДОПРОС ЗАУКЕЛЯ

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 30 и 31 мая 1946 г.]

Александров: Я хочу подвести некоторые общие итоги вашей преступной деятельности в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Скажите, какое количество иностранной рабочей силы было занято в германском хозяйстве и промышленности к концу войны?

Заукель: К концу войны, если я могу говорить об этом без документов, в Германии использовалось 5 миллионов иностранных рабочих, не считая военнопленных.

Александров: Вы эту цифру уже называли своему защитнику во время допроса. Мне кажется, что вы называете цифру не к моменту капитуляции Германии, а по состоянию на 24 июля 1942 г. Я приведу несколько иные данные по этому вопросу, пользуясь вашими же собственными документами. Вы были назначены генеральным уполномоченным 21 марта 1942 г. 27 июля 1942 г., то есть спустя три месяца, вы представили Гитлеру и Герингу свой первый доклад. В этом докладе вы сообщили, что за время с 1 апреля по 24 июля 1942 г. задание по мобилизации 1 миллиона 600 тысяч человек было выполнено вами с превышением. Вы эту цифру подтверждаете?

Заукель: Я назвал эту цифру.

Александров: В заключительной части этого доклада вы сообщаете, что общее количество вывезенного в Германию населения оккупированных территорий по состоянию на 24 июля 1942 г. составляет 5 миллионов 124 тысячи человек. Эта цифра правильна, вы ее подтверждаете?

Заукель: Да, но мне кажется, что военнопленные, занятые в экономике, также были учтены.

Александров: Но по вашим же данным количество рабочих, вывезенных с оккупированных территорий, составляло 5 миллионов 124 тысячи человек на 24 июля 1942 г. Не так ли?

Заукель: Если эта цифра записана, то это, очевидно, верно. Вполне возможно и вероятно, что учитывались и используемые на работах военнопленные.

Александров: 1 декабря 1942 г. вы составили обзор: «Использование рабочей силы по состоянию на 30 ноября 1942 г.». В этом обзоре вы называете цифру представленных германскому военному хозяйству рабочих за время с 1 апреля по 30 ноября 1942 г. в количестве 2 749 652 человек. На странице 8 вашего обзора указывается, что по состоянию на 30 ноября 1942 г. на территории империи было занято 7 миллионов человек. Вы эти цифры подтверждаете?

Заукель: Да, но я не могу подтвердить эту цифру без документов и соответствующих материалов. Я опять-таки полагаю, что сюда включены французские и вообще другие военнопленные.

Александров: Но сама цифра 7 миллионов занятых в германском хозяйстве иностранных рабочих, хотя бы и включая военнопленных, правильна?

Назовите теперь цифру ввезенной в Германию рабочей силы из оккупированных территорий за 1943 год.

Заукель: Рабочие, доставленные в Германию в течение этого года, должно быть, составляют от 1,5 до 2 миллионов человек. Вообще составлялись различные программы в этой области, которые все время изменялись.

Александров: Меня интересует, сколько было ввезено в Германию рабочих за 1943 год. Скажите приблизительно, не обязательно называть точную цифру.

Заукель: Я уже сказал, от 1,5 до 2 миллионов. Я не могу сказать точно.

Александров: Вы помните, какое задание было получено вами на 1944 год?

Заукель: В 1944 году требовалось использовать, включая и немецких рабочих, 4 миллиона человек, но из затребованных 4 миллионов было предоставлено всего лишь 3 миллиона.

Александров: Теперь вы можете назвать хотя бы некоторые общие итоги? Сколько всего было ввезено на территорию Германии во время войны, включая сюда людей, которые были заняты в сельском хозяйстве и промышленности, к концу войны?

Заукель: Как мне было известно и как я припоминаю, в конце войны в Германии было 5 миллионов иностранных рабочих. Но ведь в течение войны несколько миллионов рабочих возвратилось обратно в нейтральные, союзные западные страны, и их нужно было возместить. Поэтому все время составлялись новые программы. Это следует объяснить таким образом, что рабочие, которые уже были в стране, будучи до моего назначения доставленными туда, правда, насчитывали 7 миллионов, но они возвращались к себе на родину в ходе войны.

Александров: Значительное число погибло в результате изнурительного рабского труда. Я не это имею в виду сейчас,

Вы в своих документах, очевидно, писали о реальной рабочей силе, а не о мертвецах и несуществующих? Можете ли вы назвать, сколько всего во время войны было вывезено в Германию с оккупированных территорий?

Заукель: Я ведь уже называл вам цифры.

Александров: Пять миллионов?

Заукель: Да, 5 миллионов.

Александров: Вы продолжаете это утверждать?

Заукель: Я продолжаю утверждать, что по данным моего статистического управления и насколько я помню, в Германии было 5 миллионов рабочих и несколько миллионов рабочих возвратилось на свою родину. Специалисты могут дать более точный ответ, чем я.

Председатель: Ваш вопрос заключался в том, сколько всего было ввезено людей в Германию, сколько было ввезено иностранных рабочих в течение всей войны? В этом заключался ваш вопрос?

Александров: Совершенно верно, господин председатель.

Председатель: Как же вы ответили на него, подсудимый?

Заукель: Я уже сказал, что вместе с теми контингентами рабочих, которые были уже в стране до того, как я занял этот пост, и с теми контингентами, которые имелись к концу войны, общее число рабочих составляло 7 миллионов. По моим материалам, под конец оставалось 5 миллионов, потому что другие вернулись обратно на родину.

Председатель: Да, но это не то, о чем вас спрашивали. Вас спросили, сколько людей было ввезено в Германию из всех стран в течение всей войны. Вы сказали, что к концу войны их было 5 миллионов и что в предшествующие годы имели место постоянные изменения. Из этого вытекает, что в Германию должно было быть ввезено более чем 5 миллионов в течение ряда лет.

Заукель: По моим подсчетам, число их составляло 7 миллионов, однако я не могу точно указать цифру, так как мне неизвестны точные цифровые данные, существовавшие до того, как я занял этот пост. Но, определенно, миллионы людей все время возвращались на свою родину.

Александров: По состоянию на 30 ноября 1942 г. вы назвали цифру ввезенной рабочей силы — 7 миллионов человек.

Заукель: Да, всех используемых рабочих в Германии, включая военнопленных в 1942 году.

Александров: Хорошо, включая военнопленных, — 7 миллионов? Это правильно по состоянию на 30 ноября?

Заукель: Да, я не могу точно этого сказать без документов, возможно, что это верно.

Александров: Вы сказали, что за 1943 год было ввезено еще около двух миллионов.

Заукель: За 1943?

Александров: Да.

Заукель: От полутора до двух миллионов, я уже сказал.

Александров: Значит, 7 миллионов и 2 миллиона это будет девять миллионов?

Заукель: Я ведь ясно сказал, что некоторые рабочие все время возвращались на родину и что в этот контингент я не включил военнопленных.

Александров: Вы меня не понимаете. Я говорю о количестве ввезенной из оккупированных территорий рабочей силы. Для этого не имеет никакого значения, какое количество из этой рабочей силы погибло на территории Германии, какое количество убыло. От этого не меняется общее количество ввезенной на территорию Германии рабочей силы.

Таким образом, если на 30 ноября 1942 г. в Германии находилось 7 миллионов человек и, по вашим словам, в 1943 году поступило еще 2 миллиона, а в 1944 году, как вы здесь заявили, поступило еще 900 тысяч, то на основании ваших собственных слов общее количество ввезенной рабочей силы за время войны составляло 10 миллионов. Это правильно?

Заукель: Я могу это подтвердить только, если сошлюсь на то, что не знаю, сколько рабочих было фактически ввезено до меня. По подсчетам это верно, включая всех военнопленных, которые использовались на работах.

Александров: Подсудимый Заукель, вчера я не получил от вас удовлетворительного ответа на вопрос о том, какое количество иностранной рабочей силы было ввезено в Германию из оккупированных территорий. Сейчас вам передадут документ ПС-1296. Это ваш доклад от 27 июля 1942 г. Кроме того, вам передадут документ ПС-1729. Это ваш обзор по состоянию на 30 ноября 1942 г. Я хочу разъяснить вам, что в данном случае речь идет о количестве ввезенной в Германию иностранной рабочей силы, включая военнопленных. Убыль этой рабочей силы в данном случае не имеет значения, так как от этого не изменится число доставленных в Германию людей. Они были доставлены, но затем или погибли в результате непосильного рабочего труда, или были возвращены как нетрудоспособные. Вы получили эти документы?

Заукель: Да. Я прошу разрешить мне просмотреть документы, речь идет о числах.

Александров: Нет необходимости знакомиться с содержанием всех документов. В документе ПС-1296, на последней странице доклада, в конце вы найдете раздел 5. Он называется «Общая сводка». Вы нашли это?

Заукель: Нет, я еще не нашел этого места, нет еще. Какой документ, повторите, пожалуйста.

Александров: ПС-1296. Нашли?

Заукель: Да, я нашел это место.

Александров: Там приводится итоговая цифра — 5 миллионов 124 тысячи человек. Это правильно?

Председатель: Вы сказали 12 миллионов?

Александров: 5 миллионов 124 тысячи человек.

Председатель: Переводчик сказал 12 миллионов.

Александров: Я должен заявить, что в этом документе указана цифра 5 миллионов 124 тысячи человек. В этом числе 1 миллион 576 тысяч военнопленных. Эти военнопленные, однако, не причислялись к гражданским рабочим и находились в распоряжении командования сухопутных сил. Всем процессом использования их на работе ведали уполномоченные по делам военнопленных в отдельных округах. Они использовались в германской промышленности. Читайте. Название раздела 5. Читайте за мной:

«Раздел 5. Общая сводка мобилизованных в настоящее время в Германию на работу иностранных рабочих и военнопленных».

Заукель: Да, это правильно.

Александров: Больше мне ничего не нужно. Теперь возьмите следующий документ.

Заукель: Я просил бы разрешения пояснить, что военнопленных не размещали по предприятиям и последние не заботились о них. Им не разрешалось также числиться и в органах «германского трудового фронта», — они находились в лагерях, которые подчинялись уполномоченным по делам военнопленных при военных округах. На этом основании они и не были включены в мою систему, ведавшую учетом гражданских рабочих.

Александров: Относительно учета военнопленных в вашем аппарате будут дополнительные вопросы, а сейчас меня интересует положение, сколько людей, гражданских и военнопленных, было занято в германской промышленности. Вы подтверждаете цифру 5 миллионов 124 тысячи человек? Это правильная цифра или нет?

Заукель: Для этого периода данное число правильно. Однако для того, чтобы Высокий Суд имел подлинную картину событий, я прошу дать мне возможность сослаться на один очень точный документ. Это документ ПС-1764. Здесь снова идет речь о перечислении отдельных гражданских рабочих различных стран и военнопленных, о которых я примерно полгода спустя докладывал высшим имперским партийным инстанциям в Poznani; этот список был представлен фюреру и имперским инстанциям...

Александров: Я должен вас перебить.

Заукель: Я прошу дать мне возможность окончить свое заявление, я очень прошу об этом. Я должен внести полную ясность в это дело, это долг моей совести перед миром. В феврале 1943 года, то есть полгода спустя, как указано на странице 7 этого документа 1764, опять-таки дается точное перечисление с указанием 4 миллионов 14 тысяч гражданских рабочих и 1 миллиона 658 тысяч военнопленных. В итоге это количество весьма точное — 5 миллионов 672 тысячи рабочих. То, что, несмотря на привлечение дальнейшего количества иностранных рабочих, увеличение этого количества было несущественно, можно объяснить тем, что, как я уже говорил об этом вчера, гражданские рабочие из западных, южных и юго-восточных областей в большинстве случаев имели только трудовые соглашения, которые были действительны на полгода, что и соблюдалось, по возможности, благодаря моей заботе, так как в противном случае, если бы я не следил за выполнением условий или настаивал бы на несоблюдении, я бы не получал новой рабочей силы. Если я в течение полугодия давал работу нескольким сотням тысяч, а затем снова отказывался от них, то этого числа больше не существовало, потому что они возвращались на родину. Поэтому в империю прибыло гораздо большее количество гражданских рабочих, чем показывала итоговая цифра за какой-либо период времени. Количество возвращавшихся рабочих нужно вычесть. Их было довольно много.

Здесь имеется французский документ, отчет посланника Геменна в Париже. Мой защитник будет так добр и сообщит мне потом номер этого документа. Из него явствует, что, например, по данным не моего учреждения, а посольства в Париже, в Германию прибыло около 800 тысяч французских рабочих, однако в 1944 году в Германии осталось лишь 400 тысяч человек, поскольку сроки договоров, заключенных на определенный период времени, ежедневно истекали, и тысячи рабочих ежедневно уезжали. Таким образом, в этот промежуток времени одна половина договоров все время посменно оканчивалась, другая половина — заключалась заново. Это самое краткое и правдивое изложение вопроса, которое я только мог сделать.

Александров: По поводу того, что представляли собой «трудовые» договоры, так называемые «трудовые» договоры, я буду говорить с вами позже. Мой французский коллега во время вашего допроса достаточно показал преступные методы, при помощи которых осуществлялась мобилизация рабочих на Западе. О том, как это делалось на Востоке, я покажу вам несколько позже. Сейчас я хочу, чтобы вы подтвердили цифру вашего доклада — 5 миллионов 124 тысячи человек, это правильная или неправильная цифра, без излишних объяснений?

От вас требуется только сказать — правильная эта цифра или нет.

Заукель: Она правильная для того периода, о котором идет речь, но она постоянно изменялась по указанным мною причинам.

Александров: Эта цифра от 24 июля 1942 г., это ясно всем. Теперь, возьмите второй документ ПС-1739, на последней странице этого документа есть такая фраза: «Только тогда можно быть уверенным, что громадное число иностранных рабочих и работниц на территории империи, которое достигло 7 миллионов, включая всех работающих военнопленных, принесет наивысшую пользу германскому военному хозяйству». Такая фраза там есть? Указывается там цифра 7 миллионов?

Заукель: Здесь указывается число 7 миллионов; сюда включены и те военнопленные, которые использовались на работах; в тот период на работах было использовано...

Александров: Это мне известно, это здесь написано. Я спрашиваю, цифра 7 миллионов фигурирует в этом докладе или нет?

Заукель: Да, конечно, она указана в этом документе.

Александров: Это правильная цифра?

Заукель: Это правильная цифра.

Александров: Подсудимый Заукель, в июле 1944 года у Гитлера происходило совещание по вопросу о том, как поступить с иностранными рабочими в случае дальнейшего успешного наступления союзных войск. Вам известно что-нибудь об этом совещании?

Заукель: Разрешите мне просить Вас еще раз повторить дату.

Александров: Я спрашиваю о совещании, которое происходило у Гитлера в июле 1944 года. Вы знаете что-нибудь об этом совещании или нет?

Заукель: Я не помню точно. Я прошу предъявить мне документ. Я не могу припомнить совещания, которое имело место в июле, так как примерно с 20 июня 1944 г. я больше не имел доступа к фюреру по своим вопросам.

Александров: Скажите, для каких целей использовался ввоз в Германию рабочей силы? Она предназначалась прежде всего для использования в промышленности вооружения и боеприпасов? Это правильно?

Заукель: Рабочие привозились в Германию для использования в военной промышленности. Военная промышленность — это очень широкое понятие, и его нельзя отождествлять с промышленностью, изготавливающей вооружение и боеприпасы. В систему военной промышленности было включено также и всевозможное производство другой продукции, начиная от спичек и

кончая пушками, — то, что так или иначе относилось к снабжению армии. Таким образом, это широкое понятие следует ограничить, выделив производство вооружения и боеприпасов.

Кроме того, рабочие привозились в Германию для использования их во всех других отраслях гражданской экономики, как-то: в сельском хозяйстве, горном промысле, ремесленных предприятиях и т. д.

Александров: Я хочу, чтобы вы ответили, использовалась ли ввозившаяся в Германию иностранная рабочая сила главным образом в военной промышленности Германии для военных целей? Это правильно или нет?

Заукель: Да, в широком понимании это правильно, если считать всю германскую экономику во время войны.

Александров: Таким образом, использование ввезенной рабочей силы было подчинено целиком и полностью целям ведения Германией агрессивной войны? Вы это признаете?

Заукель: Это слишком много. Принимая во внимание мое мирозерцание и то, как я тогда действовал и как мог действовать, я должен исключить слово «агрессивной».

Александров: Ваша роль организатора массового угона в рабство мирного населения оккупированных территорий достаточно выяснена. Теперь я хочу перейти к выяснению роли в этом деле отдельных министерств. Перечислите, какие министерства и другие правительственные органы гитлеровской Германии принимали непосредственное участие в проведении мероприятий по мобилизации и использованию иностранной рабочей силы. О министерстве оккупированных территорий, министерстве вооружения, об ОКВ здесь уже упоминалось, и о них не следует говорить. Скажите, какое отношение к этому вопросу имело министерство иностранных дел?

Заукель: Министерство иностранных дел имело к этому делу следующее отношение: оно должно было устанавливать связь в тех странах, где осуществляли свою деятельность посольства, консульства или германские делегации. Тогда переговоры велись под председательством главы этого посольства или делегации. Министерство иностранных дел всегда прилагало усилия к тому, чтобы эти переговоры проводились в надлежащей форме и соответствующим порядком.

Александров: 4 января 1944 г. у Гитлера происходило совещание. Это документ ПС-1292. В пункте 4 протокола этого совещания записано: «Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы должен до проведения своих мероприятий связаться с имперским министром иностранных дел...»

Что имелось в виду в данном случае?

Заукель: В данном случае это означало, что если мне нужно было вести переговоры с Французским или Итальянским

правительством, то я должен был предварительно связаться с имперским министром иностранных дел.

Александров: После этого совещания, которое происходило у Гитлера 4 января 1944 г., а именно 5 января того же года вы обратились с письмом к Ламмерсу и поставили там вопрос о необходимости издания специального приказа по результатам совещания с тем, чтобы обязать оказывать вам содействие следующие инстанции (я их перечисляю вам): рейхсфюрера СС, министра внутренних дел, министра иностранных дел, фельдмаршала Кейтеля, министра оккупированных восточных территорий Розенберга, рейхскомиссаров, генерал-губернатора и др.

Вы помните это свое письмо?

Заукель: Я помню это письмо, но не во всех деталях. Я прошу предъявить его мне.

(Заукелю вручают документ.)

Александров: Значит, вы считали, что все эти органы должны были в той или иной мере участвовать в проведении мероприятий по вербовке и использованию рабочей силы. Это правильно?

Заукель: Это правильно, и я прошу разрешить мне сделать по этому поводу следующее заявление. Естественно, что я, находясь на своем посту, не мог делать чего-либо без ведома высших имперских органов. Это доказывает, что я прилагал усилия для того, чтобы работать корректно, не действовать стихийно в империи или в других областях.

Александров: Я хочу у вас выяснить: в проведении мероприятий гитлеровского правительства по угону в рабство населения оккупированных территорий, помимо вас, активно участвовала почти вся государственная машина гитлеровской Германии и партийный аппарат НСДАП? Это правильно?

Заукель: Я возражаю против слова «угон» и прошу во время повторного допроса заслушать по этому поводу моего защитника.

Александров: Дело не в слове, вы отвечайте — правильно это или нет?

Заукель: Это слово имеет большое значение.

Александров: Участвовал ли весь государственный аппарат в этом деле или нет?

Заукель: На этот вопрос я должен ответить отрицательно, если он поставлен в такой форме.

Я хочу сделать заявление по этому вопросу. Учетом рабочей силы, а также контролем за выполнением обязательств согласно немецким законам ведал соответствующий компетентный во всех этих вопросах начальник областной администрации

рейхскомиссариата и т. п., так как — я подчеркиваю это — я не мог издавать законов, не имел на это права и не мог вмешиваться ни в какие функции управления.

Александров: Да, но вы были обязаны координировать деятельность всех правительственных органов Германии. Это было на вас возложено?

Заукель: Не координировать, а информировать и просить от случая к случаю сотрудничества по тем вопросам, которые входили в компетенцию этих органов.

Александров: Это не совсем так. Я не хотел затрагивать этого вопроса, но сейчас я должен к нему вернуться, потому что вы несколько умаляете свою роль в этом деле.

Заукель: Я прошу разрешить мне высказать возражение по поводу слова «умалить». В мои функции в империи входило распределение и регулирование рабочей силы, это было моей главной задачей. Нужно было охватить, включая сюда также и германских рабочих, всего 30 миллионов человек. Значения этой задачи я не хочу умалять, и в данном случае я сделал все, что от меня зависело, чтобы организовать эту массу таким образом, как этого требовали возложенные на меня обязанности. Этой роли я не умаляю; это была моя задача и обязанность.

Александров: Нет нужды полемизировать по этому вопросу, когда гораздо проще обратиться к документу. Сейчас вам передадут приказ Геринга.

Заукель: Я прошу Вас извинить меня, может быть, Вы меня неправильно поняли. Я не собираюсь здесь полемизировать, я лишь прошу, чтобы мне разрешили внести ясность в вопрос о том, каковы были мои взгляды на службу и каковы были мои служебные обязанности. Провести это разграничение является моей сугубо личной задачей.

Александров: Это ясно видно из приказа Геринга от 27 марта 1942 г. Это документ СССР-365. Вам его сейчас передадут. Я приведу из него короткую выдержку, из которой будет ясно, какими правами вы были облечены.

Прочитайте пункт 4, где написано: «Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы пользуется для решения своих задач предоставленным мне фюрером правом отдавать распоряжения высшим имперским инстанциям, подчиненным им учреждениям, а также органам партии, ее составным частям и примыкающим к ней организациям, рейхспротектору, генерал-губернатору, военачальникам и руководителям гражданских учреждений».

Вот что написано в пункте 4 этого приказа. Я считаю, исходя из этого приказа, что вы были наделены как генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы чрезвычайными полномочиями. Правильно это или нет?

Заукель: Это правильно. Я осмеливаюсь на это заметить, что это ограничивалось лишь моей специальной областью. Я хотел бы огласить следующее предложение: «Распоряжения и директивы, имеющие принципиальное значение, необходимо предварительно предъявлять мне». И я бы хотел указать на то, что мои уполномоченные позднее, осенью, были ограничены в правах.

Александров: Я говорю не о ваших уполномоченных, а о вас. Ваши права четко определены приказом Геринга.

Теперь перечислите, кто из подсудимых совместно с вами, каждый непосредственно в своей области, участвовал в проводимых вами мероприятиях по угону в рабство населения оккупированных территорий и использованию его в Германии. Назовите по порядку. Подсудимый Геринг участвовал в этих преступлениях как ваш непосредственный начальник и руководитель?

Заукель: Я должен категорически возразить против этого: мне в голову не могла прийти мысль, что при наличии упорядоченной вербовки и законных распоряжений, на основании которых были введены служебные обязательства, имел место угон населения на работу. Мне не приходилось прибегать к подобного рода мерам, которые применяют в отношении заключенных, наоборот, я...

Председатель (прерывая): Вас спросили, участвовал ли подсудимый Геринг вместе с вами во ввозе рабочих в Германию. Мне кажется, что вы, по существу, вовсе не отвечаете на этот вопрос.

Заукель: Что касается ввоза иностранных рабочих, то я по этому вопросу был непосредственно подчинен рейхсмаршалу Германской империи.

Председатель: Почему же вы не сразу отвечаете на вопрос?

Александров: Таким образом, подсудимый Геринг участвовал в проведении этих мероприятий?

Председатель: Генерал Александров, если Вы хотите задать вопрос подобного рода, мне кажется, что было бы гораздо лучше, если бы Вы не характеризовали подобный факт как преступление. Если Вы хотите выяснить, принимал ли подсудимый Геринг участие в работе подсудимого Заукеля, Вы можете спросить об этом, не называя эти факты преступлением, и тогда, пожалуй, подсудимому легче будет отвечать на Ваши вопросы.

Александров: Подсудимый Риббентроп участвовал в осуществлении этого мероприятия по дипломатической линии и санкционировал нарушение международных договоров и конвенций в части использования иностранной рабочей силы и военнопленных в германской промышленности?

Заукель: Роль, которую играл подсудимый Риббентроп, заключалась в том, что он был посредником при переговорах

с иностранными государственными деятелями и с иностранными служебными инстанциями в оккупированных областях, а также в нейтральных и дружественных иностранных государствах.

Александров: Какое отношение имел к этому мероприятию подсудимый Кальтенбруннер?

Заукель: При обсуждении этого вопроса я видел подсудимого Кальтенбруннера только один единственный раз в 1944 году, сейчас я не помню точно даты, на одном заседании в имперской канцелярии вместе с министром Ламмерсом. Помимо этого я не имел с Кальтенбруннером никаких переговоров и никакой договоренности по вопросам использования рабочей силы.

Александров: Подсудимый Кальтенбруннер предоставлял какие-нибудь полицейские силы для осуществления вербовки иностранных рабочих?

Заукель: Я уже неоднократно подчеркивал, что вербовка рабочей силы не входила в задачи полиции.

Александров: Участвовала полиция в проведении этого мероприятия или нет?

Заукель: По моему мнению, полиция принимала участие только в некоторых областях, где партизаны делали проведение административных мероприятий невозможным. Только в одной Белоруссии партизанами было убито 1500 бургомистров. Это видно из документов.

Александров: Разве вербовка, даже в нормальных условиях, не проводилась полицейскими методами? Вам об этом ничего не было известно?

Заукель: То, что мне об этом известно, я вам скажу совершенно точно. В Европе в оккупированных областях — я имею в виду примерно территорию районов или департаменты полевой комендатуры, то есть то, что мы с точки зрения административного деления Германии называем округом, — было примерно 1500 органов, которые были укомплектованы местными и частично германскими чиновниками.

Александров: Я считаю необходимым, чтобы вы отвечали кратко.

Заукель: Я прилагаю все усилия, чтобы отвечать возможно короче. К сожалению, специальные вопросы всегда отличаются сложностью и требуют комментариев. Я и сам чувствую затруднения.

Александров: Сейчас скажите, какое участие принимал в проведении этого мероприятия подсудимый Фрик?

Заукель: Подсудимый Фрик в свою бытность имперским министром внутренних дел вряд ли принимал участие в этом вопросе. Я точно не помню, как долго он находился на

этом посту. Насколько я помню, я обсуждал с министерством внутренних дел необходимые, касающиеся немецких рабочих, законы, которые должны были издаваться в пределах Германии, а также действующие законы. Никакого иного участия в этом деле он не принимал, так как перед ним стояла другая задача.

Александров: Речь идет именно об иностранной рабочей силе, и не случайно вы в своем письме Ламмерсу после совещания у Гитлера 4 января 1944 г. в числе инстанций, которые должны оказывать вам содействие, назвали министра внутренних дел. Поэтому я и хочу, чтобы вы сообщили, в чем состояла роль подсудимого Фрика в осуществлении этих мероприятий. Вы же сами просили содействия министерства внутренних дел. Так в чем должно было выражаться это содействие?

Заукель: К моему величайшему личному огорчению, тогда министром внутренних дел, насколько я помню, был уже не имперский министр Фрик, а Гиммлер.

Александров: Какое содействие должен был вам оказывать министр внутренних дел?

Заукель: Само собой разумеется, что в государстве при любой системе как внутренняя, так и общая администрация должна быть осведомлена о всем происходящем и участвовать во всех событиях, которые вызывают необходимость в большом количестве приказов, и особенно это относится к области распределения труда, представляющей собой широкую сферу деятельности. Я вообще не мог и не имел соответствующих полномочий для того, чтобы издавать распоряжения законодательного характера, я должен был предвставлять их совету министров по имперской обороне. Я мог лишь давать деловые распоряжения и директивы; это нечто совсем иное.

Александров: Подсудимый Функ, как министр экономики, и подсудимый Шпеер, как министр вооружения и боеприпасов, были основными посредниками между промышленниками и вами, как поставщиком рабочей силы. Это правильно?

Заукель: Они не были посредниками между мною и промышленностью, а наоборот, промышленность была подчинена министерству вооружения. Мне не нужно было вести переговоры с промышленниками. Промышленности требовалась рабочая сила, и она получала ее, так же как и сельское хозяйство.

Александров: Скажите, какое участие в этих мероприятиях принимали подсудимые Функ и Шпеер? Не нужно пространственных объяснений, ответьте очень кратко.

Заукель: Оба эти министра были начальниками предприятий, относившихся к самым различным областям германского хозяйства.

Александров: Понятно. Подсудимые Франк, Зейсс-Инкварт и Нейрат принимали участие в осуществлении мероприятий по мобилизации рабочей силы на тех территориях, которые им подчинялись? Я имею в виду Польшу, Голландию, Чехию и Моравию. Это правильно?

Заукель: Эти господа в рамках полномочий, которыми они были наделены в этих областях, поддерживали меня при издании приказов и законов и сами придавали большое значение тому, чтобы эти приказы и законы проводились надлежащим образом.

Александров: Какова была роль подсудимого Фриче?

Заукель: Этого я не могу вам сказать. Фриче я видел в Германии только один единственный раз мельком. Это было, кажется, в начале 1944 года. Я ни разу не говорил с ним о своих задачах. Я не знаю также, имел ли он какое-нибудь отношение к ним. Могу лишь сказать, что я неоднократно обращался в министерство пропаганды с просьбой о распространении моих указаний и директив.

Александров: Теперь остался отсутствующий здесь подсудимый. Это Борман. Какова была его роль? Он ведь предоставил в ваше распоряжение весь партийный аппарат НСДАП?

Заукель: Нет, этого он не делал. В моем распоряжении были гаулейтеры, директивы и документы, которые я давал гаулейтерам; из них здесь представлено, кажется, три документа, а вообще их было немногим больше. В них речь шла о том, что я должен был обращаться за помощью к партии и проявить должную заботу о рабочих, предоставив им в отношении обслуживания, питания и обмундирования все необходимое для человека при существовавших тогда военных условиях. Такова была роль партии, поскольку ей пришлось выступить в защиту моих интересов.

Александров: Это неправильно. Я напоминаю вам программу по использованию рабочей силы, которая была издана в 1942 году. Там написано, что гаулейтеры назначаются вашими уполномоченными по вопросу о рабочей силе и они используют эту рабочую силу.

Заукель: Где об этом говорится? Моими уполномоченными они не могли назначаться.

Александров: Сейчас вам покажут. Я не цитирую этот пункт, а привожу только его содержание, смысл этого пункта; там написано, что гаулейтеры используют в своих областях подчиненные им партийные органы. Из этого я делаю вывод в отношении проведения этих мероприятий, что в них принимал участие весь партийный аппарат.

Заукель: Здесь этого нет, господин обвинитель.

Александров: Нашли?

Заукель: Да. Но здесь преследовалась та цель, о которой я говорил. Я попросил бы вас зачитать абзац дальше.

Александров: Прочтите его сами.

Заукель: Благодарю Вас. «Руководители высших государственных и экономических управлений, ответственные за подчиненные им области, должны были давать гаулейтерам советы и информировать их по всем важнейшим вопросам использования рабочей силы» (Арbeitsэinsatz). Конечно, в рамках их служебных функций. Дальше перечислены эти последние: «председатель трудового управления провинции» — это не партийная, а государственная инстанция; «представитель рабочих» — это не партийная, а государственная инстанция; «руководитель крестьянской организации провинции» — это опять-таки не партийная, а государственная инстанция; «областной советник по экономическим вопросам» — это партийная инстанция...

Александров: Все понятно, не нужно перечислять. Я обращаю ваше внимание на пункт 6, обратитесь к нему. Там прямо написано о гаулейтерах, как об уполномоченных по рабочей силе, что они используют в своих областях подчиненные им партийные учреждения. Это написано? Дальше перечисляется, каким путем они проводят эту работу, через какие учреждения, через какие силы. Из этого пункта, где говорится, что они используют подчиненные им партийные учреждения, я делаю вывод, что в этих мероприятиях участвовал весь партийный аппарат НСДАП, и хочу получить от вас ответ — да или нет.

Заукель: Нет.

Александров: Областные руководители гитлеровской молодежи также участвовали в этих мероприятиях?

Заукель: Областные руководители гитлеровской молодежи принимали в них участие с целью проявления заботы о молодежи и защиты ее прав. Это можно сказать о Ширахе и бывшем впоследствии его заместителем Аксмане. Они старались предотвратить опасность, которая могла угрожать молодежи. Таковы были задачи гитлеровской молодежи, включая сюда также иностранную молодежь, которая использовалась на работах в Германии.

Александров: Вы лично одобряли политику гитлеровского правительства, направленную на угон в рабство населения оккупированных территорий с целью обеспечения ведения агрессивной войны? Одобряли вы эту политику?

Заукель: Я вижу в вашей постановке вопроса обвинение. Я лично неоднократно подчеркивал, что я не был политическим деятелем ни в области внешней политики, ни в области

внутренней... Я хотел сказать, военной политики. Я получал задания и приказы, и я пытался выполнить эти задания как только мог, так как мне было ясно, что от выполнения их зависела судьба моего народа. С таким сознанием я работал и признаю, что я прилагал все свое умение для того, чтобы выполнять порученное в той форме, как я об этом здесь говорил. Я считал это своим долгом и должен это здесь признать.

Александров: Для характеристики вашего личного отношения к этим преступлениям я напому вам несколько ваших собственных высказываний. Это из документа СССР-365 — программы по использованию рабочей силы на 1942 год, страница 9. Сейчас вам покажут то место, которое я процитирую. Я читаю: «Я прошу вас верить мне как старому и фанатичному национал-социалисту, гаулейтеру». Там это написано?

Заукель: Да, это там написано.

Александров: Теперь документ ПС-556. Это ваша телеграмма Гитлеру от 20 апреля 1943 г., которую вы направили во время полета в Ригу. Сейчас вам дадут эту телеграмму и покажут место, которое я сейчас прочитаю: «Я с фанатичной волей приложу все свои усилия к тому, чтобы выполнять свои задачи и оправдать ваше доверие». Это правильно?

Заукель: Это правильно.

Александров: Теперь следующий документ — ПС-1292. Это протокол совещания у Гитлера 4 января 1944 г.

Вам показывали место, которое я сейчас буду читать. Там описано ваше выступление.

«Он с фанатической волей сделал попытку обеспечить рабочей силой».

Тогда речь шла о мобилизации четырех миллионов. Далее: «Он сделает все от него зависящее для получения требуемых от него рабочих рук на 1944 год».

Вы говорили? В протоколе это записано правильно?

Заукель: Я это говорил.

Александров: В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза в Германию рабочей силы из оккупированных территорий вы посетили Ровно, Киев, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу. В июне вы посетили Прагу, Киев, Краков, Запорожье, Мелитополь. Это правильно?

Заукель: Это правильно. И во время этих путешествий я хотел убедиться в том, правильно ли работали мои управленцы. Такова была задача путешествия.

Александров: Таким образом, вы лично организовывали угон в рабство мирного населения оккупированных территорий. Это правильно?

Заукель: Я должен категорически, со всей силой, возразить против этого утверждения. Я этого не делал.

Александров: А для чего тогда вы ездили в эти города и пункты? Не для того, чтобы форсировать вывоз населения с оккупированных территорий?

Заукель: Я посетил эти области для того, чтобы лично удостовериться, как работали мои учреждения в этих городах, то есть не мои учреждения, а трудовые учреждения, которые подчинялись администрации указанных городов. Я должен был знать, правильно ли они заключали контракты, проводили ли врачебное освидетельствование рабочих, велись ли карточки и т. д., то есть выполнялись ли мои указания. С этой целью я и посетил эти города.

Верно то, что я говорил с начальниками управлений по поводу контингента рабочей силы; задачей была вербовка рабочей силы и проверка контингента. Во время посещения этих городов я лично осмотрел эти учреждения, чтобы удостовериться, как они работают.

Александров: И для того, чтобы обеспечить усиление вывоза рабочей силы в Германию, правильно?

Заукель: Причем я имел в виду применение с этой целью самых лучших методов.

Александров: Вы специально ездили в эти города для того, чтобы добиваться улучшения методов вербовки, так я вас понял?

Заукель: В эти города я поехал для того, чтобы удостовериться, правильные ли методы применяют учреждения, и обсудить все вопросы с соответствующими служебными инстанциями. Верно, для того, чтобы переговорить о количестве поставляемых рабочих, мне не нужно было посещать Запорожье, Киев и другие города. Для меня было бы достаточным переговорить с корреспондентом восточных территорий, находившимся в Берлине, или с рейхскомиссаром, которого я не застал, потому что он находился в Ровно.

Александров: В своих показаниях, которые вы давали защитнику, вы заявили, что никакой информации о незаконных и преступных методах вербовки не поступало. Что служило основанием для таких обширных поездок по оккупированным территориям? Значит, вы тогда имели сигналы о том, что происходят массовые беззакония при вербовке рабочей силы? Этим были вызваны ваши поездки? Вы посетили более десятка городов.

Заукель: По мере того как я получал жалобы, я обсуждал эти случаи с Розенбергом, и то, что можно было устранить, я устранял. По этому вопросу я прошу выслушать моего защитника и свидетелей.

Александров: Я хочу установить, что эти поездки были вами совершены для улучшения метода вербовки. Из

этого я делаю логический вывод: значит, во всех этих местах до вашего приезда допускались беззакония, преступления при проведении вербовки рабочей силы? Об этом идет речь? И вы прямо отвечайте, для чего вы посетили все эти места?

Заукель: Я осветил этот вопрос уже со всех сторон. Но я еще раз повторяю. Господин обвинитель, Вы сами, я полагаю, имеете настолько большой административный опыт, чтобы согласиться со следующими доводами: само собой разумеется, что в каждом управлении в любой стране земного шара все распоряжения администрации всегда проверяются. Совсем не нужно знать, что в человеческой жизни, в каждой организации людей наблюдаются ошибки, последние все же проверяются.

Александров: Если вы отрицаете, что вы поехали исправлять и устранять беззакония, которые имели место при вербовке рабочей силы, значит, вы поехали для того, чтобы форсировать вывоз рабочей силы в Германию?

Заукель: Нет, я должен категорически возразить на это. Я предпринял это путешествие для того, чтобы проверить выполнение задач, находящихся в рамках моих полномочий, устранить недостатки, о которых мне сообщили, кроме того, получить самую подробную информацию и дать соответствующие наставления и директивы своим учреждениям.

Александров: Подсудимый Заукель, скажите, какое отношение вы, как генеральный уполномоченный, имели к использованию в германской промышленности советских военнопленных?

Заукель: Я должен ответить на ваш вопрос, что я не имел никакого отношения к использованию военнопленных, так как в мои функции не входило давать работу военнопленным.

Александров: И вы не проводили их мобилизации, и вами не велось никакой статистики?

Заукель: Я, будучи ответственным лицом, осуществлявшим посредничество между соответствующими инстанциями, должен был следить за проведением административных мероприятий трудовыми управлениями и областными трудовыми управлениями, которые были посредниками между предприятиями и лагерями или уполномоченными по делам военнопленных, то есть направляли военнопленных на предприятия.

Александров: А что это были за организации? Какие это были организации?

Заукель: Речь идет об уполномоченных по делам военнопленных в военных округах, другая же инстанция — это организация предприятий или сами предприятия в системе соответствующих министерств, например, имперского министерства

продовольствия: большинство военнопленных использовалось на работах у крестьян, в кустарной промышленности, предназначенной для нужд войны.

Александров: Значит, вы не имели к этому никакого отношения?

Заукель: Я должен был следить за трудовыми управлениями и областными трудовыми управлениями, поскольку им нужно было осуществлять посредничество между предприятиями и лагерями, в то время как они не имели с ними непосредственной связи.

Александров: Я сейчас приведу выдержку из вашего доклада Гитлеру от 27 июля 1942 г. Это документ ПС-1296. В этом документе у вас имеется специальный раздел 3. Он называется: «Мобилизация советских военнопленных». Там вы пишете (читаю):

«Наряду с мобилизацией гражданских рабочих я планомерно увеличил мобилизацию советских военнопленных при взаимодействии со стороны ОКВ». И далее: «Я придаю особое значение дальнейшему увеличению и ускорению отправки как можно большего числа военнопленных с фронта на работу в империю». Это правильно?

Заукель: Это правильно и в точности соответствует моему изложению.

Александров: Не совсем соответствует. Вы заявили о том, что вы не имели отношения к использованию советских военнопленных в германской промышленности, а в вашем докладе имеются совершенно другие данные, и я спрашиваю вас в связи с тем, что я сейчас огласил: вы заранее планировали использование военнопленных в качестве рабочих в промышленности? Это предусматривалось вашими планами, и об этом вы пишете в своем докладе. Так это или нет?

Заукель: Моей обязанностью было все время поддерживать связь, чтобы военнопленные, которые находились в лагерях на оккупированных территориях, например в генерал-губернаторстве, регистрировались соответствующими уполномоченными по делам военнопленных и направлялись в заранее намеченные сельскохозяйственные, а также и другие области Германии. Использование рабочих на самих предприятиях не подлежало моему контролю, и я не имел с этим делом ничего общего.

Александров: Значит, вы принимали участие в предоставлении советских военнопленных для использования в германской промышленности? Правильно?

Заукель: Это неправильно, насколько я вас понимаю, ориентируясь на значение слов в немецком языке. Посредничество — это нечто иное, чем использование. Этим должны были

заниматься другие лица. Я могу говорить только о посредничестве. Оно носило в Германии государственный характер, в то время как в других государствах оно имеет частный характер. Будучи генеральным уполномоченным, я ни одного рабочего не послал на предприятие.

Александров: Вам было известно о том, что советские военнопленные используются в военной промышленности Германии?

Заукель: Мне было известно о том, что советские военнопленные использовались во всех областях германской военной промышленности, причем в больших масштабах.

Александров: Вам было известно, в частности, распоряжение подсудимого Кейтеля об использовании советских военнопленных в горной промышленности? Это распоряжение датировано 8 января 1943 г. Вы знаете что-нибудь об этом распоряжении?

Заукель: Нет. В деталях я о нем не помню. Я прошу предъявить его мне.

(Подсудимому предъявляют документ.)

Александров: Прочитали?

Заукель: Да, я прочитал.

Александров: Там прямо говорится об использовании советских военнопленных в горной промышленности для военных целей, в интересах военных целей. Это правильно?

Заукель: Этот документ касается использования военнопленных в горной промышленности в Германии.

Александров: С какой целью? Там прямо поставлена задача.

Заукель: Здесь говорится об использовании в горной промышленности.

Александров: Но для какой цели? Каким целям это должно быть подчинено? Там прямо это указано.

Заукель: Для использования на работах, я полагаю.

Александров: В интересах войны?

Заукель: Германская горная промышленность работала не только на войну. Очень большое количество угля экспортировалось в нейтральные страны. Таким образом, цели, в зависимости от обстоятельств, были различны.

Александров: Следите по этому документу. Читайте за мной: «Фюрер приказал 7 июля для проведения расширенной программы производства железа и стали непременно увеличить добычу угля, для этого покрывать потребности в рабочей силе из военнопленных». Там это написано? Вы нашли это место?

Заукель: Да, я нашел.

Александров: Таким образом, советские военнопленные должны были использоваться в горной промышленности в интересах ведения войны. Правильно? Это прямо предусмотрено данным документом.

Заукель: Да, здесь так сказано. Но я хотел бы заметить, что этот документ был направлен не мне.

Александров: Я вас спросил, знаете ли вы об этом документе? Вы ответили утвердительно.

Заукель: Нет, я не знаю. Теперь он мне известен. Но ранее я не имел о нем представления, поскольку он не был направлен мне.

Александров: Вы сказали, что такое распоряжение вам было знакомо в общих чертах, и попросили меня, чтобы я дал вам детально с ним ознакомиться. Так мне перевели.

Заукель: Нет, я Вам сказал — и я это в особенности подчеркиваю, — что не помню этого документа, я только просил предъявить мне этот документ. Документ адресован не мне. Здесь точно указана должность адресата, и поэтому он не попал в мои руки и в руки моего учреждения.

Александров: Чтобы вы полностью уяснили этот вопрос, я передам документ США-206. Это ваше постановление от 22 августа 1942 г. о поставке рабочей силы путем ввоза из оккупированных областей. Это постановление вам известно?

Читайте пункт 8 этого постановления, где указано: «Настоящий приказ действителен и в отношении военнопленных». Есть там такое указание?

Заукель: Да.

Александров: Таким образом, вы сами не делали разницы между военнопленными и гражданскими лицами при использовании их для нужд германской военной промышленности. Вы это признаете?

Заукель: Да, я уже ответил своему защитнику, что вообще министерству труда был дан каталог, согласно которому разрешалось использовать на работах военнопленных. Однако этот восьмой абзац не имеет ничего общего с документом, так как это было приглашение или распоряжение, которое не было мне направлено и не было мне адресовано.

Александров: Вы сделали заявление о том, что при применении труда военнопленных в германской промышленности выполнялись требования Женевской и Гаагской Конвенций. Вы помните, что вы об этом говорили?

Заукель: Да, это подтверждается также документами; в имперском министерстве труда и моих учреждениях имелась инструкция, которая была размножена специальным изданием. Речь шла о том, что принципы Женевской Конвенции должны были соблюдаться также и в отношении советских военнопленных.

Александров: Вытекает ли из этого то, что между военнопленными и гражданской рабочей силой вы не делали никакой разницы?

Заукель: Нет, это не вытекает отсюда.

Александров: Значит, имели место нарушения этих распоряжений при использовании труда военнопленных, поскольку они приравнивались к гражданским лицам и использовались в промышленности для целей ведения войны?

Заукель: Я точно сказал, что я придавал очень большое значение этой инструкции, которая была напечатана и во время моего пребывания на посту была доведена до сведения предприятий и всех заинтересованных лиц. В инструкции говорилось о том, что Женевская Конвенция должна соблюдаться. Больше я ничего не мог сделать.

Александров: Ваш защитник спрашивал вас об операции, зашифрованной под названием «Сено». На этот вопрос вы дали ответ. Я цитирую по стенограмме: «*Заукель:* Нет, я не имел никакого отношения к этому мероприятию».

Сейчас я передам вам письмо Альфреда Мейера от 11 июля 1944 г., это документ ПС-199, это письмо, адресованное вам. Прочитайте пункт 1, там написано:

«Необходимо, чтобы штаб по использованию рабочей силы — центр — при всех обстоятельствах продолжал свою деятельность по вербовке несовершеннолетних белорусских и русских рабочих для работы в империи на военные нужды. Кроме того, штаб имеет задачу направлять в империю несовершеннолетних от 10 до 14 лет».

Нашли это место?

Заукель: Я прочитал это место и хочу возразить, что это письмо хотя и было направлено мне и, таким образом, я был об этом информирован, но ни я, ни мое учреждение не имело ничего общего с этим вопросом. Это, как уже говорилось в связи с делом Шираха, проводилось исключительно указанными инстанциями. Учреждение по использованию рабочей силы как таковое здесь не участвовало. Я лично также об этом не помню.

Александров: Вы здесь заявили, что для ввезенных с оккупированных территорий людей были введены специальные опознавательные знаки. Для советских граждан это был знак «Ост», для польских граждан — знак «П» и т. д. Вы заявили, что не были с этим согласны. Что вы сделали для отмены этого издевательства над людьми?

Заукель: Я все время пытался вообще избежать таких опознавательных знаков. Рейхсфюрер СС категорически требовал этого.

Александров: Со своим непосредственным руководителем, подсудимым Герингом, вы говорили по этому вопросу?

Заукель: Я не могу сейчас вспомнить, говорил ли я непосредственно с Герингом. Я могу лишь показать, что всегда периодически пытался добиться этого до тех пор, пока весной — мне кажется, это было в марте 1944 года — мои усилия действительно увенчались успехом и небольшой «восточный знак» был заменен национальным знаком на рукаве, согласно предложению моих представителей в различных странах на Востоке.

Александров: Я спрашиваю, вы говорили с Герингом по этому вопросу?

Заукель: Я не могу вспомнить, возможно, что да, а возможно, что нет.

Александров: На вопрос вашего защитника и моего французского коллеги об отношении подсудимого Шпеера к вашему назначению генеральным уполномоченным вы заявили, что вам об этом точно ничего известно не было. Вам сейчас передадут статью из газеты «Фелькишер беобахтер». Этот документ под номером СССР-467 я представляю Трибуналу. Эта статья была опубликована 28 марта 1942 г. в связи с вашим назначением генеральным уполномоченным. Вы нашли это место, где написано следующее: «Назначение гаулейтера Заукеля последовало по желанию имперского министра Шпеера вследствие необычайного значения вопроса использования рабочей силы в военной промышленности». Надо полагать, что вы не могли не читать этой статьи. Вы читали эту статью?

Заукель: В данный момент я никак не могу вам этого сказать. Вполне возможно, что я ее читал.

Александров: Меня интересовало другое, почему подсудимый Шпеер был заинтересован в вашем персональном назначении генеральным уполномоченным? Это я хотел выяснить. Вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?

Заукель: Почему Шпеер был заинтересован в моем назначении, я вам сказать не могу. Я уже говорил моему защитнику, что для меня самого это было в то время совершенно неожиданно.

Александров: Теперь скажите, вы помните, в какие условия были поставлены вами украинские женщины и девушки с оккупированных территорий, мобилизованные для использования в германском сельском хозяйстве? Я сейчас передам вам документ СССР-383. В этом документе имеется приложение № 2 к вашему распоряжению от 8 сентября 1942 г. Это приложение называется: «Памятка домашним хозяйкам об

использовании восточных работниц в городском и сельском домашнем хозяйстве». Вы знаете этот документ, эту памятку?

Заукель: Да.

Александров: Я сейчас приведу несколько выдержек для того, чтобы охарактеризовать условия, в какие были поставлены вами эти украинские женщины и девушки, направленные для работы в немецкое сельское хозяйство. Найдите раздел «В»: «Регистрация в полиции, лечение, надзор».

В разделе «В» — «Регистрация в полиции, лечение, надзор» имеется следующее указание: «Восточная работница обязана носить на своей верхней одежде, на правой стороне груди, знак «Ост».

Нашли?

Заукель: Да.

Александров: Теперь раздел 4. Он называется: «Условия труда». Там написано: «Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве в империи, находятся в специфических трудовых условиях».

Посмотрим дальше, что это за специфические трудовые условия. Найдите раздел 9 «Свободное время», первая строчка: «Права на свободное время восточные работницы не имеют».

Заукель: Да, однако я прошу Вас зачитать этот абзац дальше. Там говорится то же самое и в отношении других домашних работниц, немок.

Я осмеливаюсь огласить это предложение еще раз:

«Восточным работницам, занятым в домашнем хозяйстве, в принципе разрешается передвигаться свободно за рамками своей деятельности лишь в тех случаях, когда они выходят по делам хозяйства. Однако может быть предоставлена возможность один раз в неделю в течение трех часов находиться без работы за пределами домашнего хозяйства». Те же правила существовали и для домашних служащих — немок. Свободное время было такое же самое.

Александров: Здесь написано иначе. Иметь свободное время им не разрешалось. Здесь говорится о том, что в качестве поощрения им может быть предоставлена возможность один раз в неделю в течение трех часов находиться без работы за пределами домашнего хозяйства. Эта прогулка должна заканчиваться до наступления темноты. Теперь найдите раздел 10.

«Свободное время, отпуск, возвращение на родину» — так называется этот раздел. Нашли? Там написано: «Отпуска последним не предоставляются. Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве, мобилизуются на неопределенное время».

Заукель: Разрешите мне в связи с этим сделать замечание...

Кейтель и Заукель при обсуждении тактики защиты

Эта памятка была составлена не только мною. Введения целого ряда пунктов в то время потребовал рейхсфюрер СС.

Александров: Перехожу к следующему вопросу. 18 августа 1942 г. в Кракове у вас была встреча с подсудимым Франком. Я прочту то, что записано по поводу вашей беседы в дневнике Франка. Это документ СССР-223. Дневник 1942 года, страница 918: «Доктор Франк. Очень рад, что могу официально сообщить вам, что по сей день мы направили в Германию свыше 800 тысяч рабочих. Недавно вы ходатайствовали о посылке еще 140 тысяч рабочих». И дальше: «Кроме этих 140 тысяч, вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новые партии рабочих из генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию». Это соответствует действительности? Такая беседа у вас происходила с подсудимым Франком? Он правильно записал это в своем дневнике?

Заукель: Я ни в коем случае не могу подтвердить запись, которой я никогда ранее не видел и подробностей которой я никак не могу вспомнить. Поэтому я не могу сказать, все ли здесь правильно. Здесь говорится о том, что Франк наметил контуры будущих возможностей.

Александров: Но он говорил вам относительно применения полицейских методов при вербовке или не говорил? Вы это помните или нет?

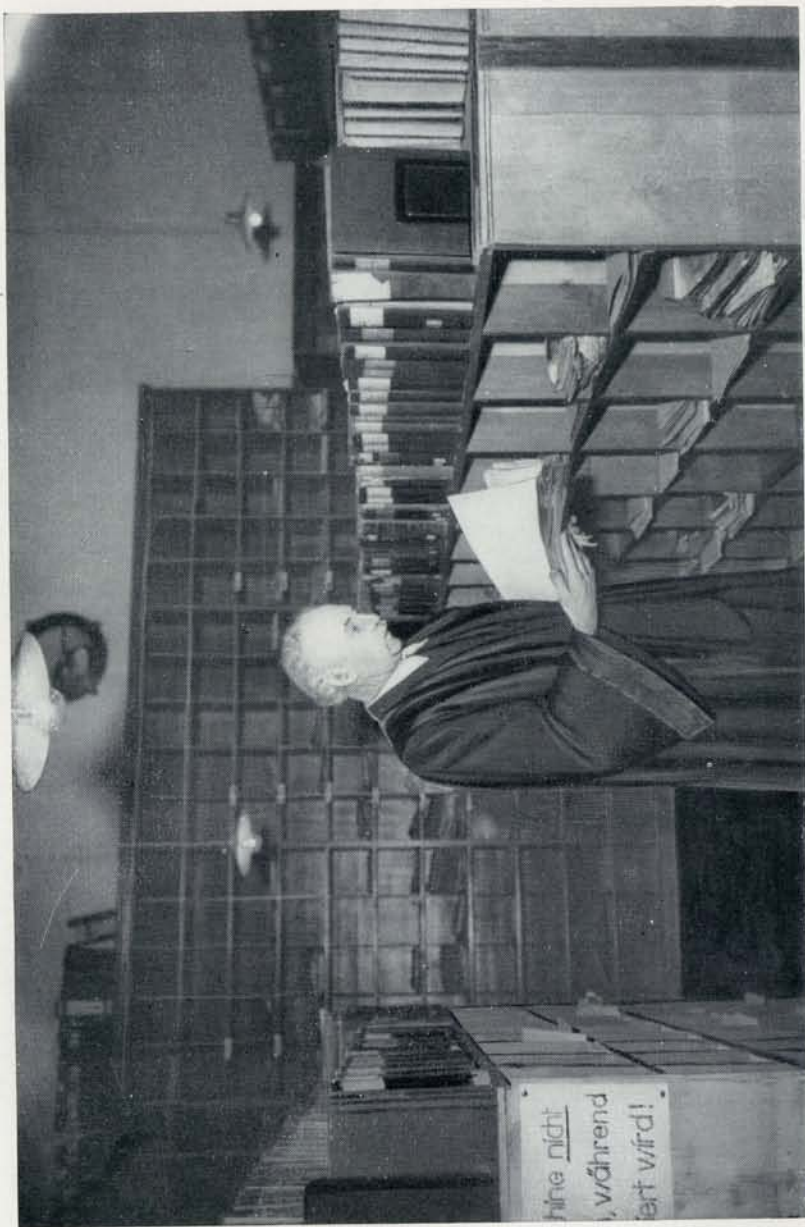
Заукель: Я не помню подобного сообщения, которое относится к 1942 году. Тогда существовали совершенно иные условия.

Александров: А подсудимый Франк в своей деятельности по мобилизации рабочей силы прибегал к полицейским методам или нет? Вам об этом было известно?

Заукель: Руководствуясь своим собственным опытом, я не могу сказать Вам, в какой мере генерал-губернатор прибегал к полицейским методам при проведении таких мероприятий.

Александров: Я представляю Трибуналу документ под номером СССР-469, характеризующий методы вербовки рабочей силы, которые применялись на территории Польши. Этот документ представляет собой отпечатанный типографским способом официальный приказ крейсгауптмана в Минской и Варшавской областях. Он датирован 2 февраля 1943 г. Этот приказ вручен Казимиру Новаку, родившемуся 6 мая 1926 г., проживающему в Дызене, община Колбей. В приказе написано: «На основании распоряжения о рабочей повинности от 13 мая 1942 г. налагаю на вас обязанность работы в империи».

Подготовка адвоката к защите

В конце этого приказа написано: «В случае вашего неподчинения настоящему приказу о рабочей повинности члены вашей семьи (родители, жена, близкие родственники) будут помещены в полицейский лагерь и освобождены из него только после того, как вы явитесь. Кроме того, я оставляю за собой право конфискации вашего движимого и недвижимого имущества, а также движимого и недвижимого имущества членов вашей семьи. Кроме того, согласно параграфу 5 вышеуказанного распоряжения вы будете наказаны тюрьмой, тяжелым заключением или заключением в концентрационном лагере. Крейсгауптман доктор Дитрих».

Вам было что-нибудь известно о применении подобных методов вербовки рабочей силы на территории Польши и о существующих распоряжениях подсудимого Франка?

Заукель: Я могу честно и откровенно ответить на этот вопрос: об угрозе наказания в такой форме мне ничего не было известно.

Александров: Теперь я хочу напомнить вам указания, которые давались о методах так называемой «вербовки» рабочей силы правительственными органами Германии и лично вам в известной вам вашей программе. Это документ СССР-365.

Вами написано следующее:

«В связи с этим необходимо полностью исчерпать все имеющиеся в оккупированных советских областях людские резервы. Если не удастся получить необходимую рабочую силу на основе добровольности, то следует немедленно приступить к мобилизации, к насильственной отправке». Такие указания вами давались?

Заукель: Я до сих пор не нашел еще этого места. Мне неправильно его показали.

Александров: Сейчас вам покажут еще раз. Такие указания вами давались?

Заукель: В оккупированных областях я не мог сам лично ведать всеми служебными вопросами, этим занимались областные управления. Однако под словом «насильственный» я имел в виду не действия под угрозой наказания в таких масштабах, как это, к величайшему огорчению, утверждается в одном из документов, а применение правил, действующих в Германии. Это очень существенная разница.

Александров: То, что я сейчас вам прочитал, написано в вашей телеграмме или нет?

Заукель: Это написано в моей телеграмме. Но я определенно сказал, что мне это было поручено фюрером.

Александров: Теперь далее. В письме от 3 октября 1942 г. гаулейтеру Мейеру вы писали: «Я учитываю трудности,

которые встретятся при выполнении этого нового задания. Но я также убежден, что при применении всех средств и при полной преданности исполнителей — я подчеркиваю слова «всех средств» — выполнение этого нового поручения может быть осуществлено в соответствии со сроками». Это вы писали?

Заукель: Да, я это писал.

Александров: 31 марта 1942 г. вы отправили письмо имперским комиссарам. Сейчас вам передадут документ СССР-127, в котором вы писали: «Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительного труда, с тем, чтобы в кратчайший срок можно было бы утроить количество завербованных». Такие указания вы давали?

Заукель: Я давал такие указания. Говоря о суровом применении принципа принудительности труда, я не имел в виду дурных или преступных методов, а считал, что к системе принудительного труда нужно прибегать лишь с целью выполнения количественного задания, когда дело касалось количества людей.

Александров: Теперь я приведу несколько выдержек из документов других лиц.

Сейчас вам передадут стенограмму выступления подсудимого Розенберга.

(*Заукелю вручают документ.*)

Я ограничусь очень краткой выдержкой из этой стенограммы. Читайте за мной:

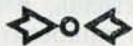
«Я знаю, что если придется создать блестящих условий. То, что тысячи находящихся здесь людей живут в плохих условиях или подвергаются плохому обращению, является вполне естественным. Из-за этого не стоит слишком волноваться. Однако это очень серьезный вопрос. Я думаю, что гаулейтер Заукель уже обсудил его или собирается это сделать. Ведь эти люди с Востока привезены в Германию, чтобы работать и давать возможно более высокую производительность труда. Это очень серьезное дело. Чтобы добиться такой высокой производительности труда, их нельзя привозить на три четверти замерзшими и заставлять стоять в пути по десять часов. Им нужно давать есть, чтобы они имели достаточный запас сил».

Правильно ли подсудимый Розенберг освещает положение, в котором находилась рабочая сила, вывозившаяся вами из оккупированных территорий, или вы считаете, что он освещает это неправильно?

Заукель: Я не могу сказать и никак не могу определить, когда Розенберг произнес эту речь. Я лично ее не слышал и не

получал протокола. Но я могу категорически заявить, что, как только я принял свою должность, я принял эффективные меры к тому, чтобы во что бы то ни стало избежать такого положения, о котором здесь говорил Розенберг и которое существовало до того, как я принял свою должность.

Александров: Господин председатель, я ограничусь этой одной выдержкой из выступления подсудимого Розенберга и не буду использовать многочисленные документы, уже представленные Суду и с неоспоримостью устанавливающие применение с ведома подсудимого Заукеля преступных методов мобилизации рабочей силы на оккупированных территориях и использование ее в качестве рабов в Германии.

ДОПРОС ИОДЛЯ

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 6 и 7 июня 1946 г.]

*Робертс*¹: Подсудимый, вы сказали Трибуналу два дня назад, что вы солдат по крови, не правда ли?

Иодль: Да, это верно.

Робертс: Очень хорошо, и вы сказали вчера, что вы находитесь здесь для того, чтобы защитить честь германского солдата, это правильно?

Иодль: Да, я прилагаю к этому все усилия.

Робертс: Очень хорошо. И вы считаете себя честным солдатом?

Иодль: Да, я делал это вполне сознательно.

Робертс: И вы заявили также, что вы являетесь правдивым человеком?

Иодль: Да, я охарактеризовал себя таким, и я таким и являюсь.

Робертс: Очень хорошо. Не считаете ли вы, что вы запятнали свою честь действиями, которые, как вы говорите, вы должны были совершать в течение последних шести-семи лет?

Иодль: Моя честь, конечно, не была запятнана, ибо ее я оберегал лично.

Робертс: Очень хорошо. Итак, вы говорите, что ваша честь не запятнана? Действительно ли в течение последних шести-семи лет, когда, как вы сказали, вы должны были предпринять различные действия, ваша правдивость оставалась на том же высоком уровне?

Иодль: (Отвечает нет.)

Робертс: Можете ли вы ответить на этот вопрос?

Иодль: Я думаю, что я слишком глуп для этого вопроса. (Смех в зале.)

Робертс: Если вы считаете себя слишком глупым, то я не настаиваю на ответе. Я оставлю этот вопрос и перейду к следующему.

¹ Д. Робертс — представитель обвинения от Великобритании. — Составители.

В 1935 году вы были подполковником и возглавляли отдел имперской обороны вооруженных сил Германии. Это правильно?

Иодль: Совершенно верно.

Робертс: Это отдел «Л» — отдел имперской обороны. Это правильно?

Иодль: Да, это верно.

Робертс: Фельдмаршал фон Бломберг был вашим начальником?

Иодль: Фельдмаршал фон Бломберг не был моим прямым начальником.

Робертс: Приходилось ли вам работать с фельдмаршалом фон Бломбергом?

Иодль: Я неоднократно делал ему лично доклады, но, естественно, не так часто, как начальник общего управления вооруженных сил.

Робертс: Присутствовали ли вы вместе с ним на совещаниях штаба?

Иодль: Совещаний в большом кругу при фон Бломберге я не посещал. Я думаю, что редко был там кто-либо, кроме генерала Кейтеля, меня и, возможно, еще начальника другого отдела.

Робертс: Можно ли их было назвать совещаниями штаба?

Иодль: Нет, эти совещания происходили у начальника общего управления вооруженных сил.

Робертс: Посещали ли вы совещания штаба?

Иодль: Да, конечно, я ведь принадлежал к штабу.

Робертс: Очень хорошо, я так и думал. Сейчас, пожалуйста, обратите внимание на документ С-139, представленный в качестве доказательства под номером США-53. Прежде всего посмотрите на подпись. Там имеется подпись фон Бломберга, не так ли?

Иодль: Да. Это подписано фон Бломбергом.

Робертс: Хорошо. Здесь идет речь об операции «Шулунг». Помните ли вы, что означала операция «Шулунг»?

Иодль: (Ответа нет.)

Робертс: Это означает ремилитаризацию Рейнской области, не так ли?

Иодль: (Ответа нет.)

Робертс: Вы можете ответить на мой вопрос?

Иодль: Я смогу ответить, как только прочту это.

Председатель: Подсудимый, вопрос был следующий:

Помните ли вы, что означала операция «Шулунг»? Мне кажется, нет необходимости читать документ для того, чтобы ответить на этот вопрос.

Иодль: По моим воспоминаниям, которые, возможно, зародились в процессе изучения документов здесь, в Нюрнберге,

понятие «Шулунг» означало подготовку для занятия линии Рейна после эвакуации немецкими войсками западного побережья Рейна в случае французских санкций...

Робертс: Очень хорошо, я согласен.

В таком случае идет речь о реокупации Рейнской области. Вы с этим согласны?

Иодль: Нет, здесь речь идет не о реокупации Рейнской области. Это совершенно неверно, здесь...

Робертс: Давайте в таком случае вместе посмотрим на этот документ и познакомимся с его содержанием. Прежде всего этот документ датирован 2 мая 1935 г.: «Для операции». Этот документ был, очевидно, настолько секретным, что его не могли даже доверить стенографистке. Весь документ полностью написан от руки и представляет собой рукопись. Не так ли?

Иодль: (Ответа нет.)

Робертс: Вы можете ответить на этот вопрос? Разве вы не видите, написан этот документ от руки или нет?

Иодль: Да, он написан от руки.

Робертс: Почему же вы сразу не сказали этого? Сейчас посмотрим на этот документ. Он исходит от имперского военного министра, то есть от фон Бломберга, не так ли? Это второй экземпляр — «Для личной передачи». Он предназначен для верховного главнокомандующего армией, верховного командующего военно-морским флотом и имперского министра германских военно-воздушных сил. «Для операции вооруженных сил, которая была разработана на последнем заседании штаба», — вот поэтому-то я вас и спрашивал о том, посещали ли вы совещания штаба, — я и установил кодовое слово «Шулунг». Затем я очень кратко коснусь содержания: «Эта операция представляет собой совместное действие трех родов войск. Она должна быть выполнена...» И затем несколько ниже идет фраза, с которой мы очень хорошо знакомы: «Нанесение внезапного и молниеносного удара. Необходимо это держать в строжайшей тайне... численность армии мирного времени...» И далее: «Всякое улучшение нашего вооружения даст возможность расширить и улучшить подготовку». Затем: «Я спросил главнокомандующего армией: «Сколько дивизий готовы к этим действиям?» — не батальонов, как вы сказали вчера. — «Подкрепление недостаточно сильных частей, находящихся там...», — это значит на западе...», — «должно идти за счет дивизий, находящихся в Восточной Пруссии, которые могут быть немедленно переброшены туда по железной дороге или морем. Главное командование военно-морским флотом должно обеспечить безопасность доставки этих частей из Восточной Пруссии морем, в случае если не будет возможности использовать железнодорожный транспорт». К чему бы еще могли относиться эти

секретные инструкции и причем секретные настолько, что они должны были содержаться только в рукописном виде, если не к ремилитаризации Рейнской области?

Иодль: Если вы мне разрешите дать хотя бы краткое объяснение, то суд сэкономит много времени.

Робертс: Пожалуйста, подсудимый, сначала отвечайте на мой вопрос, а затем давайте свои объяснения, конечно, если они будут краткими. Мой вопрос заключается в следующем: к чему еще могло это относиться, если не к ремилитаризации Рейнской области?

Иодль: Я не ясновидец. Я не знаю этого документа. Я его никогда не читал. Я в это время не находился в управлении вооруженных сил, здесь совсем другие подписи, я был в оперативном управлении сухопутных сил. Я никогда не видел этой бумаги и никогда о ней не слышал. Если вы посмотрите на дату 2 мая 1935 г., то вы документально убедитесь в этом, так как я поступил в управление вооруженных сил лишь в середине июня 1935 года. Таким образом, я могу на основании моего образования, полученного в генеральном штабе, представить лишь несколько своих предположений, но Суд ведь не желает слышать предположения.

Робертс: Очень хорошо. В том именно и заключается ваш ответ, что вы, присутствуя на заседаниях штаба и слушая заявления фельдмаршала фон Бломберга, не можете сказать Трибуналу, что означает этот секретный приказ?

Иодль: Это было до меня, в это время я не был при фон Бломберге.

Робертс: Хорошо. Сейчас обратитесь, пожалуйста, к документу ЕС-405.

Председатель: Подсудимый, вы сказали, что помните о том, что операция «Шулунг» означала подготовку к операции в Рейнской области, не так ли?

Иодль: Нет, сказал обратное. Я сказал, что слово «Шулунг» («Обучение») я услышал в первый раз здесь, на Суде, и долго думал над тем, что бы это могло быть.

Председатель: Хорошо. Трибунал будет иметь возможность точно установить, что вы сказали, по стенографическим записям. Итак, вы сейчас утверждаете, что вы не говорили о том, что слово «Шулунг» означало подготовку к ремилитаризации Рейнской области? Не правда ли?

Иодль: Я хочу сказать, что я как офицер оперативного отделения генерального штаба должен был знать, какие военные приготовления производились тогда.

Председатель: Но это не то, о чем я вас спрашиваю. Сейчас я хотел бы знать, как вы только что ответили на поставленный вам вопрос относительно того, помните ли вы, что

означала операция «Шулунг». Что вы ответили на этот вопрос? Возможно, что ваш ответ был неправильно переведен? Что вы сказали?

Иодль: Я сказал, что я, кажется, припоминаю, но не знаю, возникло ли это представление в процессе изучения документов здесь или это представление о «Шулунг» относится к прошлому времени и означает те приготовления, которые были предусмотрены для занятия немецкими войсками западного побережья Рейна и для занятия линии на Рейне в случае французских санкций, ибо это было единственное, чем мы тогда занимались. К этому относились все эти операции по отводу войск, о которых затем так или иначе упоминалось в документе ЕС-405.

Робертс: Очень хорошо. Сейчас я ссылаюсь на документ ЕС-405.

В этом документе говорится о совещании...

Иодль: Да.

Робертс: Очень хорошо. Вы видите, что это протокол совещания рабочего комитета имперского совета обороны. Этот документ датирован 26 июня 1935 г. В разделе под буквой «F» написано, что полковник Иодль говорит об участии в подготовке к мобилизации, а первые три абзаца посвящены вопросу общей мобилизации, и я не хочу их зачитывать, но четвертый абзац зачитаю. Он гласит следующее: «Демилитаризованная зона требует особого отношения. В своей речи от 21 мая 1935 г. и в других высказываниях фюрер заявил, что условия Версальского договора и Локарнского пакта относительно демилитаризованной зоны сейчас выполняются. В ответ на записку французского поверенного в делах от 17 июня 1935 г. касательно вопроса о «Военном ведомстве по набору» в демилитаризованной зоне германское имперское правительство заявило, что ни гражданские власти по набору, ни другие учреждения в демилитаризованной зоне не получали права проводить какие бы то ни было мероприятия по мобилизации, а именно формирование, обмундирование и вооружение любого воинского соединения, в случае войны или подготовки к войне».

Итак, если бы письмо фон Бломберга, написанное им от руки 2 мая 1935 г., касалось подготовки к внезапному занятию Рейнской области, то было бы нечестно со стороны фюрера заявить через девятнадцать дней, а именно 21 мая, что условия Локарнского пакта и Версальского договора выполняются. Не правда ли?

...Я продолжу:

«Поскольку в настоящее время следует избежать политических осложнений за границей при всех обстоятельствах, то поэтому в демилитаризованных зонах могут проводиться только те подготовительные меры, которые являются срочно

необходимыми. Проведение таких приготовлений или намерения о их проведении должны содержаться в строжайшей тайне как в самой зоне, так и в остальной части империи.

Оружие, обмундирование, знаки различия, форма защитного цвета и другие предметы, связанные с мобилизацией, должны храниться спрятанными».

Сейчас я хочу сослаться на последний абзац, где говорится: «Изложение директив о мобилизации в письменном виде разрешается только в тех случаях, когда это является абсолютно необходимым для благополучного проведения этих мероприятий в демилитаризованной зоне. Без всякого исключения все подобные материалы должны храниться в сейфах».

Вы собирали оружие и военную форменную одежду в демилитаризованной зоне, не правда ли?

Иодль: Это было оружие и предметы вооружения полиции федеральных земель, охранной полиции федеральных земель, охранной полиции и жандармерии. Там не было войск, и поэтому для них там не было и оружия.

Робертс: Разве полиция носила серую полевую военную форму?

Иодль: Полиция, насколько я знаю, носила серо-зеленую или зеленую форму.

Робертс: В таком случае зачем требовалось держать все это в строжайшем секрете, если речь шла только об обмундировании полиции?

Иодль: Это было снаряжение, предназначенное, кроме того, для усиления таможенной службы, о которой я уже говорил, что намеревались...

Робертс: Подсудимый, вопрос заключается в следующем: зачем требовалась такая секретность, если вы не нарушали Версальского договора? Вы можете ответить на этот вопрос?

Иодль: О необходимости и причинах содержания в секрете всех этих мероприятий я уже подробно говорил в своих показаниях. Я констатирую, что во всей этой предварительной работе речь шла о том, чтобы в случае оккупации левобережья Рейнской области Францией с помощью полиции, жандармерии и усиленной таможенной охраны построить заградительную линию у самого Рейна. Это было намерением в то время и лишь на этот случай. Я уже показал под присягой, что о ремилитаризации Рейнской области я узнал лишь за шесть или восемь дней до нее.

Робертс: Я знаю, что вы это показали, и я хочу вам сказать, что ваши показания относительно данного вопроса являются совершенно неправильными, как, очевидно, и по многим другим вопросам. Вернемся сейчас к первому абзацу, который я зачитывал...

В статье 43 Версальского договора говорится: «В области, которая установлена выше, содержание и набор вооруженных сил, как постоянных, так и временных, а также различные военные маневры и выполнение работы, необходимой для мобилизации, также запрещаются».

Я заявляю вам, что мероприятия, предпринимавшиеся вами, явно нарушали статьи Версальского договора. Вы согласны с этим?

Иодль: Нет, с этим я не согласен.

Робертс: Очень хорошо. Теперь я хочу обратить ваше внимание на документ, который, как считают, является вашей речью, это документ Л-172.

Некоторые места в этом документе написаны вашей рукой, не правда ли?

Иодль: В нем содержится много, очень много перечеркнутых и замечаний, сделанных моей рукой. Но я...

Робертс: Итак, является ли это речью или, вернее, заметками к вашей речи, которую вы произнесли перед гаулейтерами в Мюнхене в 1943 году?

Иодль: Я уже ясно сказал, что это лишь черновые наброски, а не та речь, которая была произнесена мною.

Я вычеркнул там целые страницы и отослал эти черновики обратно, и только потом я произнес свою речь.

Робертс: Признаете ли вы, что первые двадцать девять страниц представляют собой лекцию, которую вы прочитали?

Иодль (просмотрев документ): Да, это моя лекция.

Робертс: Хорошо. Разрешите мне прочитать сейчас протокол второго допроса от 16 ноября 1945 г., за четыре дня до начала процесса.

Этот документ был представлен под номером Л-172. Я показываю вам фотостат документа с тем, чтобы освежить этот вопрос в вашей памяти.

«Действительно ли документ, который находится перед вами, представляет собою в общем ту речь, которую вы произносили в Мюнхене в ноябре 1943 года?»

Вот ответ: «Да, без сомнения, это примерно одно и то же. Все приложения в отношении различных театров военных действий и другие приложения я не использовал в своей речи. Их возвратил».

Вы сейчас согласны с вашими ответами на том допросе?

Иодль: В общем и целом вы только подтвердили то, что я сказал.

Робертс: Я хочу знать, представляет ли этот документ в основном то, о чем вы говорили в своей речи? Это ведь не такой материал, который следует просто выбросить в корзину?

Иодль: Введение и заключение, которые находятся здесь, в первом проекте, конечно, в основных чертах, в конечном счете были там произнесены.

Робертс: Сказали ли вам о том, что Гитлер заявил, что германское перевооружение фактически закончено?

Иодль: Нет.

Робертс: Наконец, последний вопрос, который я вам задам: сообщили ли вам о заявлении Гитлера относительно того, что первой целью в случае войны явятся Австрия и Чехословакия?

Иодль: Это сообщение об усиленной подготовке выступления против Чехословакии имело место. Мне кажется, там говорилось об этом, но я могу сказать лишь, что те детали, которые мне сообщил фельдмаршал Кейтель, теперь я уже не помню, и я знаю только одно, что это не было для меня неожиданностью или сенсацией. Потребовалось лишь внести небольшие исправления уже изданных директив.

Робертс: Вы не присутствовали в Оберзальцберге, когда там находился фельдмаршал Кейтель вместе с Шушником?

Иодль: Нет, я не присутствовал там.

Робертс: Но Кейтель позднее вам сообщил, что там происходило?

Иодль: Он сделал несколько очень кратких замечаний по этому поводу в виде рассказа, так как меня это в большей степени не касалось.

Робертс: Делали ли вы в своем дневнике такую запись — это следующая запись после той, на которую я только что ссылался. Это запись от 11 февраля 1938 г.

«Вечером 12 февраля Кейтель, Рейхенау и Шперле прибыли в Оберзальцберг. Шушник и Шмидт опять подверглись самому тяжелому военному давлению». Кейтель вам говорил об этом?

Иодль: Да, вы только вставили слово «опять», в моем дневнике этого нет. Я лично делал эту запись, в частности, потому, что Кейтель рассказал мне о том, что Рейхенау и Шперле за обедом произносили воинственные речи, в которых они рассказывали о новом вооружении Германии.

Робертс: Очень хорошо. Затем, в марте — я думаю, что это общеизвестно, — вы подписали или завизировали один или два приказа, касающиеся операции «Отто»?

Иодль: Да, но эта операция называлась тогда не «Отто», а вступлением в Австрию.

Робертс: Когда Гитлер узнал, что Шушник собирался высказать мнение народа путем плебисцита, он решил немедленно вторгнуться в страну, не так ли?

Иодль: Да. Мне рассказывали, когда он услышал, что здесь будет оказано необычное давление на общественное мне-

ние путем плебисцита, то сказал: «Этого я ни за что не потерплю». Так мне рассказывали.

Робертс: Он бы не потерпел, чтобы об этом спрашивали общественное мнение?

Иодль: Нет, он не потерпел бы, чтобы с помощью этой хитрости было совершено какое-нибудь насильственное действие по отношению к общественному мнению. Так мне рассказывали.

Робертс: Таким образом, вооруженные силы Германии вторглись затем в Австрию? Это правильно?

Иодль: Это правильно, вооруженные силы вошли в Австрию.

Робертс: И Австрия с этого дня получила все «блага» национал-социализма, это правильно?

Иодль: Это политический вопрос.

Робертс: Я спрашиваю, что она получила? Она получила СС, гестапо, концентрационные лагеря, подавление противников и преследование евреев. Не правда ли?

Иодль: Это вопросы, которыми я не занимался. Об этом вы должны спросить тех, кто был уполномочен заниматься этим.

Робертс: Вы знали, — не правда ли? — когда вы подписывали этот приказ о вторжении в Австрию, что в мае 1935 года Германия дала заверение относительно того, что она будет соблюдать территориальную целостность государства Австрии, что 11 июля 1936 г. ваше правительство и правительство Австрии заключили соглашение о том, что Германия признает полный суверенитет федерального государства Австрии. Вы знали об этих вещах?

Иодль: Я не знал этого в то время; меня как полковника генерального штаба это совершенно не касалось.

Робертс: Имеется ли в вашем дневнике запись — эта выдержка есть в документе Л-172, представляющая проект вашей речи относительно того, что Чехословакия после аншлюсса была заключена в клещи и должна была пасть жертвой?

Иодль: В первом проекте, который я составил в процессе подготовки к моей речи для гаулейтеров, точно сказано, какие стратегические улучшения наступили в результате отдельных политических мероприятий фюрера. Я имел в виду только прошлое и только эти стратегические последствия.

Робертс: В том, что Чехословакия была заключена в клещи и была обречена на то, чтобы пасть жертвой?

Иодль: В первом проекте я написал, что в результате занятия (аншлюсса) Австрии стратегическое положение Чехословакии стало совершенно бесперспективным, потому что Чехословакия в любой момент может стать жертвой наступления, взятой в клещи. Эта оценка ее стратегического положения является неоспоримым фактом.

Робертс: Я принимаю этот ответ. Теперь я очень коротко коснусь вопроса о Чехословакии. Но ведь вы согласны с тем, как вы вчера сказали, что вопрос заключался в следующем: прежде всего нападение должно быть неожиданным; если вы вообще собирались напасть, то ваше нападение должно было быть внезапным?

Иодль: Да. На основании тех требований, которые поставил фюрер.

Робертс: Прежде всего вы должны были внезапно напасть, а затем войскам понадобилось бы четыре дня для того, чтобы занять боевое положение?

Иодль: Так точно.

Робертс: И поэтому вы должны знать о времени и инциденте, который должен послужить причиной этого нападения; вы должны знать, когда именно произойдет этот инцидент?

Иодль: Да. Я сказал, что следует заблаговременно назначить срок, надо знать его заранее, иначе эти требования будут невыполнимы.

Робертс: Поэтому вы должны сами спровоцировать этот инцидент?

Иодль: Я вчера уже давал подробные показания по этому поводу. Следовало или использовать один из многих инцидентов, или, может быть, оказать некоторую помощь тому, чтобы вызвать такой инцидент, но, как я уже говорил, все это — соображения генерального штаба, которым мы не придали бы никакого значения, если бы обнаружили их у французов.

Робертс: В конце документа говорится о том, что либо вооруженные силы, либо контрразведка будут обвинены в организации этого инцидента. Это последний абзац.

Иодль: Да. Я писал: «...Организация этого инцидента может быть поручена отделу контрразведки только в том случае, если...» Все это лишь теоретические разработки генерального штаба, сделанные им при ситуации, которую я вчера подробно изложил и которая состояла в том, что ежедневно происходили какие-то инциденты.

Робертс: Я знаю. Затем, если бы это произошло, миру было бы заявлено, что именно этот инцидент заставил Германию вступить в войну?

Иодль: Я не думаю, что это было бы сообщено всему миру.

Робертс: Если вы собирались сказать миру правду, какой же тогда был смысл организовывать этот инцидент?

Иодль: Я могу только повторить то, что я подробно рассказал вчера.

Робертс: Вопрос заключается в следующем: если было достаточно правды для того, чтобы оправдать ваше вступление в войну, то зачем же вы тогда хотели организовать инцидент?

Если вы не сможете ответить на этот вопрос, то так и скажите.

Иодль: Да. Но совсем не доказано, что я хотел вызвать подобный инцидент.

Робертс: Теперь я хочу по поводу другого вопроса сослаться на последний параграф документа:

«Даже предупреждение дипломатических представителей в Праге невозможно до первого воздушного налета, хотя последствия могут быть серьезными в случае, если они сами станут жертвами такого нападения».

Прочтите этот абзац, который уже известен Трибуналу:

«...Имеется в виду смерть представителей дружественных или нейтральных держав».

Здесь речь идет о воздушном налете до какого-либо объявления или какого-либо предупреждения гражданского населения. Это так?

Иодль: Это означает, что этим письмом я указывал фюреру на то, что на основании его приказа, возможно, будут иметь место такие последствия.

Робертс: Я позднее покажу вам, как проводились в жизнь подобные указания в отношении других стран. На этом мы полностью закончим рассмотрение этого документа, и я оставлю вопрос о Чехословакии.

Итак, 23 августа 1939 г. вы были отозваны в ОКВ с вашего прежнего поста в артиллерии. Это мы знаем, не так ли?

Иодль: Да, это так.

Робертс: Хорошо, теперь о польской кампании. Правильно ли я вас понял, когда вы сказали, что Варшаву бомбардировали только после того, как были сброшены листовки?

Иодль: Да, это имело место во время осады Варшавы. Я хочу сказать, что террористический налет, который выразился в артиллерийском обстреле всего города, был произведен только после вторичного предупреждения.

Робертс: Это ведь исторический факт, что рано утром 1 сентября 1939 г. Варшава и целый ряд других польских городов подверглись бомбардировке до объявления войны? Разве это не является историческим фактом?

Иодль: Об этом историческом факте очень подробно говорил фельдмаршал Кессельринг, который хорошо его знает.

Робертс: Я сейчас заканчиваю этот вопрос и перехожу к различным кампаниям на Западе. Что касается Норвегии, то, конечно, вам было известно, что ваша страна неоднократно давала свое торжественное слово соблюдать целостность Норвегии и Дании, не так ли?

Иодль: Да, тогда я, кажется, знал о них. Я полагаю, определенно, да.

Робертс: Очень хорошо. Мы знаем, что в начале войны было дано заверение с тем, чтобы успокоить все западные нейтральные державы. И затем было дано другое заверение 6 октября, а вы говорите, что в ноябре Гитлер решил вторгнуться в Данию и Норвегию?

Иодль: Да, я уже подробно говорил об этом вчера.

Робертс: Я это знаю.

«Тем временем мы стояли перед проблемой оккупации Норвегии и Дании. Прежде всего грозила опасность, что Англия захватит Скандинавию и тем самым, кроме стратегического окружения с Севера, приостановит ввоз железа и никеля, что является таким важным для нас с точки зрения военных целей. Во-вторых, это было связано с удовлетворением наших собственных нужд на море, ...что сделало необходимым для нас обеспечить свободный доступ к Атлантике благодаря некоторому количеству воздушных и военно-морских баз». Вам нужны были воздушные базы и базы для подводных лодок, не так ли?

Иодль: Эти базы в военном отношении для нас представляли очень большую ценность, в этом нет никакого сомнения.

Робертс: Вторжение без какого-либо предупреждения или объявления войны?

Иодль: Это политический вопрос.

Робертс: Не было ли величайшим бесчестьем для Германии неоднократно нарушать данное ею слово? Или вы предпочтете не отвечать на этот вопрос?

Иодль: Нет, этот вопрос лучше было бы задать... лицам, ответственным за политику Германии.

Робертс: Сейчас я перехожу к вопросу о вторжении в Нидерланды, Бельгию и Люксембург.

У вас нет никаких сомнений по поводу документов относительно того, что в случае войны на Западе намерением Гитлера всегда было нарушить нейтралитет этих трех малых стран?

Иодль: Гитлер с самого начала издания своих приказов о наступлении на Западе намеревался пойти через Бельгию, но в отношении Голландии он долгое время делал оговорки, которые были отброшены лишь много позднее, кажется, в середине ноября. Итак, в отношении Голландии эти намерения не были твердыми. В отношении Бельгии они возникли довольно рано, в середине или в начале октября.

Робертс: ...Я хочу сказать, что Германия, естественно, хотела вести наступательную войну и причем наступательную войну на территории другой страны. Такова была цель Германии, не так ли?

Иодль: Тогда целью Германии было победить в этой войне.

Робертс: Вы не смогли бы напасть на Запад, если бы не напали на Бельгию и не прошли бы через нее, не правда ли?

Иодль: Во всяком случае, наступление в другом месте было бы чрезмерно трудным и его осуществление находилось бы под большим вопросом. Об этом я уже говорил.

Робертс: Если бы вы обеспечили захват побережья Бельгии и Голландии, то вы тем самым обеспечили бы приобретение воздушных баз, с которых могли бы разбить Англию? Вы на это надеялись, не правда ли?

Иодль: Не подлежит никакому сомнению, что с занятием этого побережья стратегическое положение Германии в борьбе против Англии значительно бы улучшилось. Это верно.

Робертс: Документ ПС-375, США-84, датированный 25 августа 1938 г., относится ко времени осуществления плана «Грюн». В нем говорится: «Бельгия и Нидерланды, находясь в руках Германии, будут представлять собой исключительное преимущество в воздушной войне против Великобритании».

И армия должна была сказать, сколько времени займет эта операция.

Это было во время чехословацкого кризиса, не правда ли?

Иодль: Да, но мне кажется, этот документ здесь был уже назван смехотворным. Это труд какого-то капитана.

Робертс: Да, но, во всяком случае, его мнение оказалось очень правильным, если судить по тому, что случилось позднее.

Сейчас перейдем к следующему документу. Это документ о совещании, которое состоялось 23 мая 1939 г. в канцелярии фюрера. Документ Л-79, где сказано следующее:

«Воздушные базы Бельгии и Голландии должны быть оккупированы. Заявления о нейтралитете следует игнорировать. В данном случае рассуждения о том, правильны или неправильны договоры, не имеют никакого значения. Армия должна будет занять те позиции, которые важны для военно-воздушного и военно-морского флота. Если Бельгия и Нидерланды будут успешно оккупированы и оккупация эта будет закреплена, если Франция будет также побеждена, то основные условия для успешной войны против Англии будут обеспечены. Ежедневные атаки германского военно-воздушного флота и военно-морского флота перережут ее жизненно важные коммуникации».

Не было никакого сомнения относительно политики Гитлера в мае 1939 года. Не так ли?

Иодль: В Суде я впервые услышал об этом совещании и о том, что там якобы говорилось.

Робертс: Слышали ли вы о речи, произнесенной фюрером 22 августа 1939 г.? Я не знаю, имеется ли этот документ у Трибунала. Это документ ПС-798.

«...Голландия, Бельгия... и Скандинавия будут защищать свой нейтралитет всеми возможными средствами. Англия и Франция не будут нарушать их нейтралитет».

Иодль: Но этого я также не знаю.

Робертс: Очень хорошо. Я хочу перейти к документу, который вы представили вчера.

Председатель: Подождите минутку. Подсудимый, что вы имеете в виду, говоря, что вы этого не знаете? Вы хотите сказать, что вам неизвестен этот документ? Вы сказали: «Я не знаю этого».

Иодль: Я не знаю того, что в действительности говорил фюрер на совещании 22 августа.

Робертс: Я хочу представить документ Л-52.

Документ Л-52 представляет собой меморандум Гитлера от 9 октября 1939 г. Я хотел бы указать, что за три дня до 9 октября 1939 г. Германия вновь повторила свои заверения западным нейтральным государствам.

«Германское нападение должно быть проведено с основной целью разбить французскую армию, но, во всяком случае, оно должно создать благоприятное исходное положение как предпосылку для успешного продолжения войны. При этих обстоятельствах единственно возможной областью для нападения является сектор между Люксембургом на юге и Неймагеном — на севере, исключая крепость Льеж. Задача заключается в том, чтобы проникнуть в район Люксембурга, Бельгию и в Голландию в возможно короткое время, вступить в сражение с сопротивляющимися бельгийскими, французскими и английскими войсками и разбить их».

Я полагаю, что не могу спросить вас, каково ваше мнение о том, было ли честным дать этим западным нейтральным странам гарантию 6 октября, а в этом меморандуме от 9 октября заявить, что это является единственно возможным способом для нападения. Я считаю, что это вопрос политики, не правда ли?

Иодль: Это вопрос политический.

Робертс: 10 мая без всякого объявления войны эти три небольшие страны подверглись вторжению; им была противопоставлена вся военная мощь Германии, не правда ли?

Иодль: 10 мая началось наступление по всему фронту.

Робертс: Скажите, что вообще сделали эти страны, чтобы заслужить ужасы вторжения и несчастья, являющиеся следствием германской оккупации?

Иодль: Я здесь вновь могу сказать, что это вопрос исторического порядка. Я уже здесь изложил свою субъективную точку зрения по этому вопросу, которая состоит в том, что Англия и Франция вынудили эти страны отказаться от своего

строго нейтрального поведения. Таково было мое субъективное впечатление.

Робертс: Их единственная вина заключалась в том, что они являлись препятствием для деятельности ваших военно-воздушных баз и баз подводных лодок.

Я хотел бы задать один вопрос относительно Норвегии. Если мне разрешат вернуться к этому вопросу, то я хотел бы спросить вас относительно записей в вашем дневнике, документ ПС-1809.

«13 марта. Фюрер еще не отдал приказа о проведении операции «Везер». Он все еще ищет предлога», — или, говоря вашими собственными словами, — «оправдания». На следующий день, 14 марта: «Фюрер еще не решил, какие причины выдвигнуть в отношении операции «Везер».

Если у вас были достаточные основания для нарушения норвежского нейтралитета, почему же фюрер был не в состоянии найти эти основания?

Иодль: Потому что фюрер для этой операции считал необходимым иметь какое-нибудь документальное доказательство.

Робертс: Я перехожу к вопросам о Югославии.

Я прошу вас взглянуть на документ ПС-1746.

До того как мы перейдем к документу, подсудимый, скажите, Югославия ведь также получила от Гитлера заверения. Это ведь так, не правда ли? Или вы об этом не знаете?

Иодль: Не только Югославия со стороны Гитлера, но и мы получили такие заверения со стороны Югославского правительства, которое за один день до того заключило с нами договор.

Робертс: Теперь найдите, пожалуйста, этот документ, на который я собираюсь сослаться. Там должен быть листок бумаги, озаглавленный: «Переговоры». Он датирован 27 марта 1941 г.

Иодль: Да, нашел.

Робертс: Теперь переверните страницу, мне кажется, это страница 2:

«Фюрер полон решимости, не ожидая заявлений о лояльности со стороны нового правительства, провести все подготовительные мероприятия для того, чтобы уничтожить Югославию как в военном отношении, так и как национальное единство. Не будет сделано никаких дипломатических запросов и не будет представлено никаких ультиматумов. Будут приняты к сведению заверения, которым нельзя верить. Нападение начнется, как только будут готовы все необходимые для этого средства и войска. Важно приступить к действию возможно быстрее.

...В политическом отношении особенно важно, чтобы новый удар против Югославии был нанесен с безжалостной

жестокостью и чтобы военный разгром ее последовал с быстрой молнии.

...Главная задача военно-воздушных сил заключается в том, чтобы начать возможно быстрее разрушение наземных сооружений военно-воздушных сил Югославии и разрушить столицу — Белград путем налетов с воздуха».

Фюрер не намеревался предупредить гражданское население хотя бы за полчаса до атаки, не так ли?

Иодль: Я не знаю, какие мероприятия по подготовке к отражению налетов провело Югославское правительство.

Робертс: Могу задать вам следующий вопрос: одобряете ли вы как честный солдат нападение на город с многочисленным гражданским населением без объявления войны и даже без предупреждения хотя бы за полчаса?

Иодль: Я не придерживаюсь этого мнения.

Робертс: Теперь я перехожу к агрессии против Союза Советских Социалистических Республик, о которой здесь шла речь.

Гитлер решил произвести нападение на Советскую республику в июле 1940 года, не так ли?

Иодль: В июле 1940 года он еще не принял этого решения.

Робертс: Я не хочу даром тратить время; так или иначе, мы знаем, что 22 июня 1941 г. Германия вторглась в Советский Союз, нарушив свой пакт о ненападении.

Это исторический факт, не так ли?

Иодль: Да, неожиданное нападение 22 июня 1941 г. является историческим фактом, основой которого явилось мнение политических деятелей, которое выражается в том, что Советский Союз не придерживался этого пакта.

Робертс: Не думаете ли вы, что этот факт нарушения взятых на себя обязательств на много веков обесчестит имя Германии?

Иодль: Это могло бы быть, если бы историки после точного исследования русских документов представили точные доказательства того, что Россия не пыталась напасть на нас.

Робертс: Вы помните, очевидно, приказ о плане «Барбаросса». Это документ С-50. Этот приказ распространялся вашим отделом, штабом оперативного руководства «Л», не так ли?

Иодль: Он был разработан в отделе квартирмейстера штаба оперативного руководства.

Робертс: Однако вы ведь согласитесь с тем, что само издание этого приказа явилось позором?

Иодль: Я признаю это.

Робертс: Теперь я перехожу к документу С-52.

Это еще один приказ Кейтеля. Он исходит из штаба оперативного руководства «Л». Затем в скобках стоит «1-оп». Скажите, это ваш отдел?

Иодль: Это отдел, совместно с которым я разрабатывал все оперативные вопросы.

Робертс: Вы помните этот приказ?

Иодль: Да, об этом приказе я помню.

Робертс: Полагаю, что вы принимали участие в его составлении, не так ли?

Иодль: Да, конечно, поскольку это оперативный приказ, это дополнение к директиве.

Робертс: Хорошо. Взгляните, пожалуйста, на параграфы 6 и 7. В параграфе 6 говорится:

«Ввиду обширности оккупированных территорий на Востоке имеющиеся в наличии силы для установления безопасности на этих территориях будут достаточны только в том случае, если всякое сопротивление будет пресекаться не путем судебного преследования виновных, а путем распространения такого террора, который единственно будет в состоянии искоренить всякое стремление к сопротивлению.

...Соответствующие командующие должны нести ответственность за сохранение порядка. Командующие должны найти средства к тому, чтобы поддерживать порядок в районах, где охрана безопасности лежит на их ответственности, не путем посылки запросов на получение дополнительных сил, а путем применения драконовских мер».

Это ужасный приказ, не правда ли?

Иодль: Нет, это вовсе не ужасный приказ, поскольку в нормах международного права предусмотрено, что население занятых областей должно выполнять приказы оккупационных властей.

Робертс: Очень хорошо. Теперь я хочу перейти к совершенно другому вопросу. Я хочу заняться приказом о «командос» и хочу предъявить два еще не предъявлявшихся документа.

Первый документ датирован 8 октября. Это меморандум из отдела «К» (квартирмейстера) штаба оперативного руководства; это правильно, не так ли?

Иодль: Да.

Робертс: ...Это и есть тот приказ по радио, о котором вы упоминали?

Иодль: Да.

Робертс: Там приводится заявление, сделанное по радио 7 октября 1942 г., в котором говорится следующее:

«Подобно приказу «Барбаросса», изданному в свое время, этот приказ также должен быть составлен в сотрудничестве с правовым отделом вооруженных сил и отделом контрразведки

после того, как он будет тщательно продуман. Распространять его следует только среди командующих армий, и далее его можно передавать только устно. После ознакомления подлежит уничтожению».

Скажите, каков был характер этого приказа, который со столь большой тщательностью был составлен вашим отделом в сотрудничестве с правовым отделом и контрразведкой?

Иодль: Мне кажется, что вы вначале упомянули документ № 50. Для меня совсем не ясно это выражение: «Приказ «Барбаросса»».

Робертс: В отношении содержания приказа следует иметь в виду следующее:

«...В тех случаях, когда пленные временно заключаются под стражу в наших собственных интересах, лиц, о которых идет речь, следует передавать в руки СД через посредство контрразведки после тщательного допроса, в котором также должна принимать участие СД.

Их не следует ни при каких обстоятельствах размещать в лагерях для военнопленных.

...Этот приказ должен иметь обратную силу в отношении лиц, прибывших из Норвегии».

Эти лица, прибывшие из Норвегии, были английские «командос», которые взорвали в Норвегии электростанцию, не так ли?

Иодль: Возможно, но я этого просто не знаю. Этого документа я никогда не видел здесь.

Робертс: Мне кажется, что я смогу напомнить вам об этом позднее.

Следующий документ датирован 9 октября и подписан: «Варлимонт».

Иодль: Да, здесь подпись Варлимонта.

Робертс: В двух первых абзацах изложены факты, которые нам известны.

«Фюрер желает, чтобы был издан приказ о соответствующем поведении военнослужащих.

По настоянию штаба оперативного руководства правовым отделом вооруженных сил был составлен проект приказа.

Вы должны совместно тщательно с ним ознакомиться и, если понадобится, привлечь к этому вопросу рейхсфюрера СС».

Здесь речь идет о беседе между начальником контрразведки и заместителем начальника штаба оперативного руководства.

Затем в следующем документе содержится проект приказа, составленный правовым отделом:

«Члены террористических и диверсионных отрядов британских вооруженных сил, которые явно нарушают правила честного ведения войны, будут рассматриваться как бандиты и под-

вергаться соответствующему обращению. Их следует беспощадно уничтожать как в бою, так и при побеге. Их следует временно арестовывать или, если они будут захвачены немцами не во время военных действий, их следует немедленно препроводить к офицеру для допроса, после чего передать в руки СД.

Содержать их в заключении в лагере для военнопленных запрещается. Этот приказ должен получить распространение только среди командующих армий. Ниже его следует передавать только устно».

Скажите, вы помните, что вы разговаривали по телефону с начальником правового отдела относительно этого приказа?

Иодль: Нет, я не помню этого.

Робертс: Хорошо. Взгляните, пожалуйста, на следующий документ. Он датирован 14 октября. Первоначально заголовок гласил: «Репрессивные мероприятия — военнопленные». Кто-то зачеркнул это и вместо этого написал: «Борьба против вражеских диверсионных отрядов». «Меморандум (беседа по телефону с начальником правового отдела вооруженных сил). Начальник правового отдела вооруженных сил беседовал с начальником штаба оперативного руководства вооруженных сил по телефону». Речь идет о вас, не так ли?

Иодль: Да, это был я.

Робертс: Согласитесь ли вы с тем, что когда СД убивает, расстреливает действующего таким образом парашютиста, одетого в военную форму, а не в гражданское платье, согласитесь ли вы с тем, что это является простым убийством? Или же вы предпочли бы вообще не отвечать на этот вопрос?

Иодль: Я уже сказал, что если какой-либо солдат в полной военной форме проводит какую-либо операцию по взрыву или разрушению, я не считаю такое действие нарушением международного права. И поэтому я оказывал сопротивление приказу о «командос» в таком виде, в каком он был издан, почти до последнего момента...

Робертс: Я слышал ваш ответ и не буду более задерживаться на этом вопросе.

Иодль: Ни одного из этих документов я не видел прежде. Я их впервые вижу здесь.

Робертс: Теперь я перехожу к следующему документу. Обратитесь, пожалуйста, к документу, который озаглавлен: «Разговор по телефону. Содержание: письмо отдела иностранной разведки от 13 октября 1942 г. Особое внимание обращается на массовое использование парашютистов в диверсионных целях. Всякий, кто, будучи солдатом, совершает диверсионные акты с намерением сдаться в плен без боя, после того как он совершит диверсию, не поступает как честный солдат. Он неправильным образом использует права, предоставленные ему статьей

23-с, во время создания которой не предполагалось подобных методов ведения войны. Неправильное использование заключается в злоупотреблении сдачей в плен без боя после успешного совершения акта диверсии. Это мнение о неприемлемости диверсионных отрядов можно, безусловно, поддерживать при условии, что мы также применим к себе эти условия».

На этом документе, наверху, имеются ваши инициалы, не так ли?

Иодль: Я читал этот документ. Он содержит точку зрения правового отдела ОКВ, которая по этому вопросу совпадает с точкой зрения фюрера. Она, в частности, подтверждает вполне соответствующую международному праву возможность нарушения международного права при известном условии, которое выражается в немедленной сдаче после боя в плен и тем самым в избавлении себя от опасностей войны.

Эту точку зрения можно оспаривать. Я не совсем разделяю ее, но это была точка зрения высшего правового отдела в то время.

Робертс: Очень многие храбрые солдаты сдаются, когда их окружают превосходящие силы противника, не правда ли? Многие германские солдаты тысячами сдавались в Бизерте и Тунисе. Каким образом это ставило их вне рамок международного права или ставило их под защиту этого права?

Иодль: Да. Но это были солдаты, которые сдавались в плен в обычных условиях войны, которые всегда признавал и фюрер. Это очень спорный случай, и с точки зрения международного права здесь возможны колебания. Но, как я уже сказал, эта мысль не принадлежит мне, она не имела ко мне никакого отношения. Я только принял ее к сведению.

Робертс: Является ли это причиной для составления... приказа такого рода в целях того, чтобы попытаться лишить англичан намерения использовать диверсионные отряды?

Иодль: Нет, это вовсе не было причиной. Мы сами в сильной степени развили этот метод войны.

Робертс: Я хотел бы привести вам еще один пример. Это документ ПС-2610.

Этот документ является отчетом из отдела военного прокурора армии США. Здесь говорится о пятнадцати американских военнослужащих, расстрелянных согласно этому приказу.

Иодль: Я никогда ничего не слышал об этом случае. По крайней мере, я не помню о нем.

Робертс: Я хотел бы задать вам несколько вопросов относительно угона евреев из Дании.

Этот документ был адресован в оперативный штаб вооруженных сил командующим армией в Дании и датирован 20 сентября 1943 г.

«Фюрер в принципе согласился с телеграммой Бесга о том, что еврейская проблема в Дании будет в скором времени разрешена путем депортации.

Осуществление этого мероприятия следует провести в то время, пока применяются еще военно-полевые суды. Нельзя точно установить, имеются ли достаточные полицейские силы для ареста евреев и их семей. Общее число евреев достигает примерно 6 тысяч человек, из которых большинство проживает в Копенгагене. Для армии проведение этого мероприятия явилось бы тяжелой нагрузкой.

Я полагаю, что результаты депортации будут весьма чувствительны. Выпуску военной промышленности будет нанесен ущерб. Необходимо будет примириться со значительными неполадками».

Здесь на обороте имеется ваше замечание: «Мне ничего об этом неизвестно. Если командующим армией в Дании должно было быть проведено какое-либо политическое мероприятие, то высшее командование вооруженных сил должно получить об этом сведения через министерство иностранных дел».

Соответствует ли это действительности?

Иодль: Да. Я сейчас не могу вспомнить об этом документе, однако это замечание действительно было сделано мной, и это доказывает то, что я до сих пор не знал, что, очевидно, этот вопрос обсуждался в Дании несколькими днями раньше и командующий войсками в Дании возражал против этого. После этого я написал: «Я ничего об этом не знаю, это политическое мероприятие. Если политическое мероприятие должно проводиться в Дании, то министерству иностранных дел следует сообщить нам об этом».

Робертс: Прошу вас обратиться к документу, датированному 1 октября 1943 г.

Этот документ адресован из Дании высшему командованию германских вооруженных сил. Я цитирую:

«Имперский уполномоченный в Дании сделал следующий доклад имперскому министру иностранных дел: 1. Арест евреев будет проведен в ночь с 1 на 2 октября. Из Зеландии их вывезут на пароходах. 2. Если я не получу указаний противоположного характера, я не намерен сообщать об этом мероприятии против евреев ни по радио, ни в печати. 3. Я намереваюсь оставить собственность эвакуированных евреев нетронутой для того, чтобы захват этой собственности не мог быть вменен нам в вину в качестве причины или одной из причин, вызвавших подобные действия».

Далее вы, то есть автор, говорите об обратной стороне этих действий, и затем ставится один вопрос: «Известно ли рейхсфюреру СС?» Ответ гласит: «Рейхсфюрер СС об этом осведомлен».

и выражает свое согласие». Затем идет приписка, сделанная от руки почерком Иодля: «Фюрер согласен». Это ваш почерк?

Иодль: Да, это мой почерк, но это замечание относится лишь к освобождению интернированных датских солдат.

Робертс: Хорошо, я понимаю.

Иодль: И затем в этом документе важно еще и то, что командующий войсками в Дании пишет, что он намерен «оставить собственность эвакуированных евреев нетронутой». Он в то время имел исполнительную власть.

Робертс: Следующий документ, датированный 2 октября 1943 г. и адресованный оперативному штабу руководства вооруженных сил из Дании. Я цитирую:

«Мероприятие в отношении евреев было проведено германской полицией в ночь с 1 на 2 октября без всяких инцидентов».

Затем идет приписка, сделанная вашей рукой: «Это нам совершенно безразлично».

Вам было совершенно безразлично, сколько евреев было вывезено; это вас совершенно не интересовало?

Иодль: Я не хотел этого сказать. Однако это доказывает, что это было политическое мероприятие, с которым я не имел ничего общего.

Робертс: Я хотел бы теперь перейти к другой теме — к вопросу насильственного труда. Говорили ли вы в своей речи: «Эта проблема недостатка рабочей силы привела к мысли о более тщательном использовании рабочей силы, имеющейся на оккупированных нами территориях. Понятия о правильном или неправильном смешались. Я считаю, что в отношении рабочей силы было сделано все, что могло быть сделано. И там, где этого еще не было сделано, по всей вероятности, в политическом отношении казалось более выгодным не прибегать к насильственным мерам для того, чтобы такой ценой установить порядок и добиться экономических успехов. Однако, по моему мнению, уже пришло время предпринять подобные шаги в Дании, Голландии, Франции и Бельгии со всей энергией и решительностью, не останавливаясь ни перед чем, делая это также и для того, чтобы заставить тысячи бездельников работать по возведению укреплений, то есть на работе, являющейся сейчас более важной, чем что бы то ни было. Необходимые в этой связи приказы уже были отданы».

Вы об этом помните?

Иодль: То, что я составил однажды такой проект, в этом не может быть сомнений.

Робертс: И что же?

Иодль: Однако это не является доказательством того, что я это сказал.

Робертс: Но были ли отданы необходимые приказы о том,

чтобы гражданское население оккупированных территорий рабстало по возведению немецких укреплений?

Иодль: В большинстве стран был издан закон о трудовой повинности. Вы, возможно, этого не знаете, но в Дании, Голландии, а также в Бельгии местные фирмы сами обеспечивали себя рабочими, которые им были положены по закону, сами производили работы на строительстве этих укреплений...

Робертс: Но ведь были же отданы необходимые приказы — об этом идет речь в последнем предложении — заставлять этих людей, насильно заставляя их, если они не хотели, работать на строительстве оборонительных укреплений. Я не говорю о людях, которые соглашались, а о тех, которые отказывались.

Иодль: Я понял. Я не знаю деталей этих событий, поскольку я не занимался этими вопросами. Однако я знал, что в оккупированных странах были введены законы о трудовой повинности.

Робертс: Теперь взгляните, пожалуйста, на новый документ — ПС-1383. Это отчет об обсуждении текущей военной обстановки от 12 декабря 1942 г. Слова Иодля:

«Главкомандующий войсками во Франции докладывает: число французских рабочих, вывезенных в империю начиная с 1 июня, превысило сейчас 220 тысяч. По грубому подсчету в Берлине сейчас имеется 100 тысяч рабочих-специалистов».

Скажите, установили ли вы, сколько человек из этих 220 тысяч прибыли добровольно?

Иодль: Я не могу этого сказать. Здесь я лишь прочитал выдержку из донесения, которое было приложено к отчету об обстановке во Франции.

Робертс: Я перейду к следующему вопросу. Я хочу задать вам всего два вопроса относительно Шталага «Луфт-III» в Сагане.

Вы вчера показали, что после случая расстрела, происшедшего в Сагане, вы больше не считали Гитлера «гуманным». Вы говорили это?

Иодль: Я уже сказал вчера, что в тот момент у меня было впечатление, что он отступает от всех человеческих понятий права.

Робертс: Согласитесь ли вы со мной — я не употребляю слишком сильного выражения, — что расстрел этих пятидесяти летчиков являлся типичным убийством?

Иодль: Я вполне с вами согласен, я считаю это явным убийством.

Робертс: Теперь я перехожу к другому вопросу, к вопросу о разрушениях, произведенных в Норвегии. Это документ ПС-754. Этот документ подписан вами, не так ли?

Иодль: Этот документ давно известен мне, и он подписан мною.

Робертс: Хорошо. Он датирован 28 октября 1944 г. и исходит из вашего штаба. Этот документ был направлен верховному командованию армии, главнокомандующему войсками в Норвегии, имперскому комиссару в Норвегии, а также командованию военно-морского флота.

«Ввиду того что население Северной Норвегии не желало эвакуироваться добровольно, фюрер согласился с предложениями, выдвинутыми уполномоченным, и приказал, чтобы все норвежское население к востоку от фиорда Линген было эвакуировано силой в интересах их собственной безопасности и чтобы все жилища были сожжены дотла.

Верховный главнокомандующий войск в Северной Финляндии несет ответственность за безусловное выполнение приказа фюрера. Только таким путем можно предотвратить то, чтобы русские со своими сильными войсками не использовали эти жилища, а также при помощи людей, знакомых с местностью, не преследовали нас во время наших отступательных операций зимой, через значительный промежуток времени не появились бы неподалеку от наших позиций в Лингене. В данном случае не должно иметь места никакого сочувствия к гражданскому населению».

Линген находится на крайнем севере Норвегии, на западном побережье, не так ли?

Иодль: Нет, на северном побережье. Этот город расположен там, где Финляндия ближе всего соприкасается с полярным побережьем и до Норвегии остается совсем небольшое пространство.

Робертс: Этот приказ был выполнен, о чем можно судить на основании норвежского отчета, документ ЮК-79.

«В результате продвижения русских войск и отступления германской армии немцы в октябре — ноябре 1944 года стали впервые в Норвегии применять политику «выжженной земли». Были изданы приказы о том, что гражданское население должно эвакуироваться, а все жилища, транспортные средства и другие сооружения должны быть уничтожены. В результате этого было разрушено 30 тысяч домов, помимо того нанесен ущерб 12 тысячам мелких строений, выразившийся в сумме 176 миллионов крон».

Это был жестокий приказ, не так ли?

Иодль: Мы выполнили этот приказ лишь в той части, в которой это было необходимо с военной точки зрения.

Робертс: Вы сказали относительно предложения Гитлера отказаться от Женевской Конвенции, Вы сказали, что вы спо-

собствовали тому, чтобы воспрепятствовать ему отказаться от этой Конвенции?

Иодль: Да.

Робертс: Не взглянете ли вы на документ С-158, ВВ-209. Он был представлен Обвинением по делу Деница и озаглавлен: «Выдержки из протокола совещания у Гитлера 19 февраля 1945 г.».

«19 февраля 1945 г. на совещании присутствовал главнокомандующий военно-морским флотом.

Фюрер рассматривает вопрос о том, следует ли Германии отказаться от Женевской Конвенции».

Затем главнокомандующий военно-морским флотом на совещании у Гитлера 20 февраля говорил следующее: «Главнокомандующий военно-морским флотом сообщил генералу Иодлю и представителю министра иностранных дел — послу Гевелю о своих взглядах относительно возможного отказа Германии от Женевской Конвенции. С военной точки зрения нет никаких оснований для совершения этого шага в отношении ведения войны на море. Напротив, отрицательные стороны берут перевес над преимуществами; даже с общей точки зрения командующему военно-морским флотом кажется, что это мероприятие не принесет никаких преимуществ. Было бы лучше, если бы мероприятия, которые мы считаем необходимыми, были проведены без предупреждения и любой ценой была соблюдена видимость для внешнего мира. Начальник штаба оперативного руководства вооруженных сил и посол Гевель пришли к полному соглашению».

Вы сказали, что согласились со словами Редера: «Нарушайте Женевскую Конвенцию, но не говорите миру о том, что вы так поступаете». Это так?

Иодль: Гроссадмирал Дениц...

Робертс: Совершенно верно, Дениц. Прошу прощения. Это то, что вы говорили, не так ли?

Иодль: Я не нахожу объяснения этому замечанию, и в моих письменных разработках, которые я предложил фюреру и которые излагают также позицию военно-морского флота, этого предложения не было; там было лишь сопоставление преимуществ и недостатков, и недостатков было значительно больше, все это было неосуществимым и поэтому исключено. Так и было на деле. Больше я ничего не могу сказать по этому вопросу.

Робертс: Я сейчас представлю вам ваш собственный документ Д-606. Этот документ подписан вами, не так ли? Здесь речь идет о нарушении Женевской Конвенции. Я хотел бы, чтобы вы прежде всего сказали, подписан ли вами этот документ? Он подписан вами? Пожалуйста, ответьте на мой вопрос: он вами подписан?

Иодль: Да, здесь, в конце документа имеется моя подпись.

Робертс: Хорошо. Теперь я хотел бы огласить последний абзац.

«В настоящий момент отрицательные стороны отмены тех линий поведения, которых мы до сих пор придерживались, во всяком случае намного превышают преимущества. Так же как мы в 1914 году совершили ошибку, когда мы торжественно объявили войну всем государствам, которые в течение длительного времени хотели вести войну против нас, и таким образом возложили на свои плечи всю вину за войну перед всем внешним миром; так же как было неверным признать, что «необходимость» — отметьте слово «необходимость» — «прохода через Бельгию в 1914 году была нашей собственной виной, в той же степени сейчас было бы неверным открыто отказаться от обязательств, налагаемых международным правом, которые мы приняли на себя, и, таким образом, вновь выступить перед внешним миром в качестве виновных.

Соблюдение принятых на себя обязательств ни в коей мере не требует, чтобы мы налагали на себя ограничения, которые мешали бы нам вести войну. Например, если англичане потопят госпитальное судно, то это должно быть использовано в целях пропаганды, как это и делалось до настоящего времени. Это, конечно, несколько не мешает нам тотчас же потопить английское госпитальное судно в качестве репрессалии, а затем выразить свое сожаление, сославшись на то, что это было ошибкой, так же как это делают англичане».

Это звучит не очень благородно, не правда ли?

Иодль: Я могу по этому поводу лишь сказать, что это был метод, при помощи которого только и можно было добиться успеха у фюрера.

Покровский: Вы показали, что были начальником оперативного отдела ОКВ. Это был центральный отдел ОКВ, не так ли?

Иодль: При учете значения деятельности этого отдела можно с уверенностью сказать, что штаб оперативного руководства был одним из важнейших отделов ОКВ.

Покровский: Не по этой ли причине вы замещали Кейтеля в его отсутствие?

Иодль: Я в большинстве случаев замещал его лишь по оперативным вопросам. По вопросам военного министерства его замещал высший начальник, как правило, адмирал Канарис.

Покровский: Вы отрицаете, что вы были заместителем Кейтеля?

Иодль: Да. Но когда Кейтеля не было в главной ставке, фюрер все, что хотел передать ОКВ, передавал мне, так как я был старшим по чину офицером после Кейтеля.

Покровский: Вы помните показания свидетеля Вагнера о том, что либо Кейтель, либо вы представляли ОКВ на всех ответственных совещаниях, на которых присутствовал этот свидетель — адмирал Вагнер? Вы помните эти показания?

Иодль: Да, я помню свидетеля Вагнера. Он заявил, что фельдмаршал Кейтель и я присутствовали при всех обсуждениях обстановки. Это неоспоримый факт.

Покровский: Он сказал: либо фельдмаршал Кейтель, либо генерал-полковник Иодль. Не так ли? Вы улавливаете разницу в постановке вопроса?

Иодль: Нет, в 90 процентах всех случаев мы оба присутствовали при обсуждении обстановки.

Покровский: Я представляю Суду еще один наш документ, СССР-263. Это выдержка из показаний другого офицера, работавшего с вами, генерала Варлимонта.

Вопрос, который был задан Варлимонту:

«Когда впервые штаб ОКВ получил задание подготовить план нападения на Советский Союз?»

Ответ Варлимонта: «Лично я впервые услышал об этом плане 29 июля 1940 г. В тот день генерал-полковник Иодль прибыл в специальном поезде на станцию Рейхенгалле, где находился отдел «Л» штаба оперативного руководства».

Вы нашли это?

Иодль: Да.

Покровский: У меня нет необходимости зачитывать значительную часть показаний Варлимонта, потому что речь идет об известном факте — о созыве того совещания, где Иодль дал директиву своим оперативным работникам готовить план нападения на Советский Союз.

Варлимонт говорит: «Иодль ошеломил нас этим сообщением, к которому мы не были подготовлены». И потом несколько ниже: «Иодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России. Фюрер это обосновал тем, что война с Россией должна произойти так или иначе, так лучше будет, если эту войну провести в связи с уже происходящей войной» и т. д. Вы нашли это место?

Иодль: Да, я нашел его.

Покровский: Правильно ли сказал Кейтель, что вы не докладывали об этом совещании, это так или нет?

Иодль: О самом совещании я, безусловно, ничего не говорил ему, да это и не играет никакой роли. Однако о том, что сказал мне фюрер, мне кажется, я хорошо помню, что доложил ему об этом, так как это был весьма важный вопрос, и он позже в связи с этим вопросом составил меморандум. Так что он, безусловно, узнал об этом. Однако это лишь предположение, которое я могу сделать с довольно большой уверенностью.

Покровский: Вполне удовлетворен вашим ответом.

Правильно ли будет сказать, что вы были первым или одним из первых руководящих штабных работников гитлеровской Германии, занявшихся подготовкой мероприятий по нападению на СССР еще летом 1940 года? Вот тут я хочу услышать ваш ответ. Вам понятен вопрос?

Иодль: Да, вопрос понятен. Я, однако, не был первым, который занялся подготовкой к нападению на Советский Союз. Я, к моему большому удивлению, узнал здесь от свидетеля Паулюса, что задолго до того, как мы вообще согласно приказу начали заниматься этим вопросом, в генеральном штабе сухопутных сил составлялись проекты наступления. Я не могу совершенно точно заявить, каким образом это произошло. Может быть, об этом знает генерал-полковник Гальдер. Я могу высказать лишь предположения по этому вопросу.

Покровский: Предположения нас интересуют очень мало, мы больше занимаемся фактами.

Вчера, 6 июня, вы заявили, что нападение на СССР, которым Германия нарушила свой договор об отношениях с Советским Союзом, носило характер превентивной войны. Не так ли вы сказали?

Иодль: Да, это я сказал. Это была превентивная война.

Покровский: Да, по вашему мнению. Вы помните из показаний Мильха, из показаний Редера, из показаний Геринга, из показаний Паулюса, из показаний Кейтеля, что они были против войны с СССР. Я оглашу вам одну фразу из показаний Кейтеля здесь, на Суде, чтобы вам легче было вспомнить.

Кейтеля допрашивал генерал Руденко, Главный обвинитель от СССР.

«Вопрос: Вы заявили, что вы специально входили с предложением к Гитлеру, чтобы он изменил свои замыслы в отношении Советского Союза?»

Ответ: Да, не только изменить этот план, но вообще оставить эти планы, то есть не вести войну».

Вы помните это показание Кейтеля?

Иодль: Да, я помню его. Я знаю также и меморандум.

Покровский: Очень хорошо. Не находите ли вы странным, что человек, в данном случае вы, который всячески пытается откеститься от того факта, что он был заместителем Кейтеля, утверждает перед Гитлером и здесь, на Суде, что он лучше Кейтеля был проинформирован о положении дел и поэтому брал на себя смелость выступать с утверждениями, идущими вразрез с позицией Кейтеля, Паулюса, Редера, Геринга и Мильха?

Отвечая на вопросы защитников, вы сказали, что Ламмерс чисто случайно назвал вас сотрудником Розенберга. В наших

руках очень короткий документ, который я сейчас прочитаю вслух, — документ, подписанный Кейтелем. Это совершенно секретное письмо от 25 апреля 1941 г. Оно адресовано Розенбергу в собственные руки. В нем сказано:

«Начальник канцелярии направил мне копию указа фюрера, которым он назначил вас своим уполномоченным по разработке основных вопросов восточноевропейского пространства. От верховного командования вооруженными силами я поручаю участие в разработке этих вопросов начальнику штаба оперативного руководства вооруженных сил — генералу от артиллерии Иодлю и в качестве его заместителя генерал-майору Варлимонту. Прошу, чтобы ваше учреждение сносилось только лично с ними. Преданный вам Кейтель».

Что вы скажете по поводу этого документа на вопрос о том, не вспоминаете ли вы, что и по линии аппарата Розенберга вы и Варлимонт, как ваш заместитель, были уполномочены ОКВ еще в апреле 1941 года разрабатывать практические вопросы, связанные с гитлеровской экспансией на Восток? Вы поняли мой вопрос?

Иодль: Я понял ваш вопрос. Министр Ламмерс направил всем министерствам вместе с этим отношением письмо точно такого же содержания. Он просил каждое министерство назначить своего уполномоченного и заместителя, и, таким образом, генерал-фельдмаршал Кейтель назвал тех двух офицеров, которые были в ставке.

Покровский: Помните ли вы, что в германской армии существовала 4-я горная дивизия? Вы, кажется, одно время имели к ней прямое отношение. Была такая дивизия или нет?

Иодль: Да, об этом я знал точно и должен был стать ее командиром.

Покровский: Я попрошу вас взять документ СССР-132. Это указание по 118-й истребительной дивизии. Вы взяли этот документ?

Иодль: Да, 118-я истребительная дивизия.

Покровский: Там сказано так: «Указание о поведении войск при наступлении № 2. Пленные. Тот, кто открыто участвовал в боях против вооруженных сил Германии и попал в плен, подлежит после допроса расстрелу».

Не так ли? Там сказано именно таким образом?

(Молчание.)

Вы слышите меня?

Иодль: Да, что-то подобное говорится в этом предложении. Но я хотел бы иметь весь документ. Я ничего не могу заключить на основании одного предложения. Решающим является то, что предшествует этому. Об этом здесь не говорится.

Покровский: Выше этого стоит: «Указания о поведении войск при наступлении».

Теперь второй документ. Он имеет штамп 4-го горного полка. Он издан 6 октября 1943 г., и в нем помещено указание Кейтеля, сделанное собственноручно, о том, как поступать с пленными. Я попрошу вас обратиться к пункту 3. Там сказано (во второй части этого пункта): «Командиры, имеющие военный чин по меньшей мере начальника дивизии, могут отдать приказ, чтобы никого не брали в плен, то есть пленные и гражданские лица в районе боя могут быть расстреляваемы. Начальник ОКВ Кейтель. Собственноручно».

Иодль: Да, это приказ по 118-й горно-стрелковой дивизии.

Покровский: У вас не возникает никаких сомнений в подлинности этого документа?

Иодль: Нет. Это приказ по 118-й горно-стрелковой дивизии. В этом нет сомнения...

Покровский: Я перехожу к следующей группе вопросов. Если я не ошибаюсь, вы подтвердили подлинность ваших так называемых «заметок» к плану «Грюн», где идет речь об организации инцидента на границе Чехословакии. Там, кажется, сказано прямо, что организация инцидента будет поручена отделу «Абвер», это правильно? Я правильно передаю смысл фразы?

Правильно ли я понял вас, что вы не оспариваете подлинность документа «Иодль-14»?

Иодль: Если речь идет о моей записке майору Шмундту, то это, без сомнения, подлинный документ, написанный мною.

Покровский: Вас допрашивали 8 ноября представители советского обвинения, и вам был задан вопрос, преследовала ли Германия захватнические цели, нападая на Советский Союз. Вы помните, что вам был поставлен такой вопрос?

Иодль: Да, совершенно точно.

Покровский: Вам сейчас дадут выписку из ваших показаний. Вы ответили таким образом: «Допускаю, что мысль о расширении жизненного пространства и об использовании хозяйства России для нужд Германии играла какую-то роль, но не являлась основной причиной нападения на Советский Союз».

Вы помните, что вы дали такой ответ?

Иодль: Возможно. Я не подписывал этого. Во всяком случае, я сказал: «Это не было основной причиной».

Покровский: В этом же ответе сказано: «В наши намерения не входило все время расширять жизненное пространство и тем самым получать себе новых врагов». Так, кажется. Вы это помните?

Иодль: Да, я помню.

Покровский: Хорошо. Но теперь, может быть, вы помните, что свидетель Олендорф здесь, на Суде, удостоверил, что еще до начала войны, до нападения на Советский Союз, Гиммлер в своей речи наметил программу уничтожения на Востоке 10 миллионов славян и евреев. Вы помните эти показания?

Иодль: Да, я помню эти показания, я их слышал.

Покровский: В этом свете, в свете этих показаний Олендорфа, не хотели бы вы сейчас несколько уточнить свой ответ на вопрос о том, преследовала ли война с Советским Союзом именно захватнические цели, цели захватить территорию, уничтожить население и освободившиеся таким образом земли превратить, как говорил Гитлер, «в райские сады для немцев». Вы не думаете, что это было именно так?

Иодль: Что фюрер намеревался сделать позже, я не знаю, но военно-стратегические причины, которые он изложил нам и которые были подтверждены некоторыми сообщениями, я вчера уже разъяснил во всех подробностях. Основной причиной было чувство огромной угрозы русского наступления. Вот это обстоятельство было решающим.

Покровский: Вы ничего не знаете о предполагавшейся отправке экспедиционного корпуса через Закавказье в направлении Персидского залива и в направлении Ирака, Сирии и Египта, если бы состоялось падение Советского Союза, как здесь говорится? Об этом вы тоже ничего не знаете?

Иодль: До таких серьезных мыслей дело никогда не доходило. Наоборот, у меня была очень большая ссора с фюрером, потому что я отказывался вести атаку через Кавказ на Баку.

Но офицеры генерального штаба, будучи оптимистически настроенными под влиянием первых побед летом, выражали подобные мысли. Они и назначены для того, чтобы строить планы. То, что было решающим, делали старшие, более спокойные люди.

Покровский: Таким образом, вы утверждаете, что успехи Красной Армии сорвали эту далеко идущую, смелую, как вы выразились, мысль гитлеровской Германии о посылке экспедиционного корпуса в Ирак, Сирию и Египет? Это правильно?

Иодль: Да... Но не могло существовать плана, например, вооруженного нападения на Турцию. Она бы и без этого добровольно перешла на нашу сторону. Это было мнение фюрера.

Покровский: Откуда вам это известно?

Иодль: Откуда я это знаю? Это даже есть в документе, в дневниках штаба оперативного руководства, которые имеются здесь, в Суде. Там написано: «Турция при больших успехах Германии без всяких условий выступит на нашей стороне. И я приказываю особенно хорошо снабжать ее оружием,

боеприпасами, танками и т. д.». Турция выразила такое желание и была очень благодарна нам за оснащенные прекрасным оружием танки. Этого фюрер никогда бы не сделал, если бы допускал возможность выступления Турции на стороне противника.

Покровский: Вы сделали признание в том, что воины Красной Армии в 1941 году под Вязьмой оказывали стойкое сопротивление фашистским захватчикам. Многие попадали в немецкий плен только потому, что, обессилив от лишений и усталости, не могли двигаться. Вы именно этим обстоятельством объяснили огромную смертность советских военнопленных, не так ли?

Иодль: Это так в отношении пленных из вяземского котла.

Покровский: Не припоминаете ли вы других причин, которые вам известны и которые вызвали массовую смертность советских военнопленных?

Иодль: Мне ничего не было известно о других причинах.

Покровский: Чтобы несколько освежить вашу память, я оглашу небольшой отрывок из документа СССР-353. Это письмо Розенберга главнокомандующему вооруженными силами, то есть непосредственно в ОКВ. Документ составлен 28 февраля 1942 г. У вас отмечены эти фразы: «Судьба советских военнопленных в Германии — трагедия огромного масштаба. Большая часть умерла от голода или вследствие неблагоприятной погоды. Тысячи умерли от сыпного тифа».

Я пропускаю несколько фраз и перехожу несколько дальше. «Было бы наивным думать, что положение в лагерях для военнопленных могло остаться скрытым от Советского правительства. Как видно из циркулярной ноты., Советам были прекрасно известны описанные выше обстоятельства».

Иодль: Об этом письме я впервые услышал лишь здесь, на Суде.

Покровский: Я спрашиваю вас не о письме, подсудимый Иодль. Я спрашиваю вас о причинах массовой гибели советских военнопленных. Вы не знали, что такие причины вызвали массовую гибель?

Иодль: Я ничего не знал об этих причинах массовой смертности.

Покровский. Знакома ли вам фамилия Гревенитца?

Иодль: Если я не ошибаюсь, он работал в подчинении у генерала Рейнке.

Покровский: Знаете ли вы генерала Эстеррейха?

Иодль: Нет, этого генерала я не знаю.

Покровский: Ну, хорошо. Тогда мы перейдем к последней группе вопросов, их всего несколько.

Подсудимый Кейтель, когда его допрашивали здесь и на предварительном следствии, сказал, что более подробные пока-

зания относительно директив уничтожить Ленинград и Москву дадите вы.

Не припоминаете ли вы, когда Гитлер в первый раз сказал о том, что он намерен стереть с лица земли Ленинград?

Иодль: Приказ фюрера датирован 7 октября.

Покровский: Вам сейчас дадут документ Л-221 и покажут то место, где на совещании у фюрера 16 июля 1941 г. сказано: «На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам». Вы нашли это место?

Иодль: Да, я нашел это место.

Покровский: Это было 16 июля 1941 г., не так ли?

Иодль: Документ составлен 16 июля 1941 г.

Мое замечание о том, что фюрер вновь принял решение, относится к его устному приказу, который он отдал незадолго до того (за два или три дня) главнокомандующему сухопутными силами. Тот факт, что об этом уже шла речь, вытекает из того, что в этом приказе я ссылаюсь на письмо главного командования сухопутными силами от 18 сентября. Вот как надо понимать слова: «Фюрер вновь принял решение». Но этот факт мне не был известен. О том, что такое совещание состоялось, я впервые узнал только здесь.

Покровский: Суд, вероятно, сумеет разобраться в вопросе, когда Гитлером было сделано первое заявление.

Вы утверждали, что вам ничего не было известно о репрессиях против евреев?

Иодль: Да, ничего.

Покровский: Вы только что сами сослались на документ ПС-053. Это донесение Коха, подписанное лично им. Может быть, вы подтвердите, что там совершенно ясно сказано, что во время пожаров в Киеве, в которых Кох обвиняет местное население, уничтожено все еврейское население города, свыше 35 тысяч человек, из них больше половины женщин. Там так написано, это верно?

Иодль: Это мне хорошо известно. Но я этот документ обнаружил впервые здесь, в документальной комнате.

Покровский: И вообще, уничтожены евреи или нет, вы тоже не знаете? Это верно?

Иодль: Я полностью верю этому в настоящее время. В этом не приходится сомневаться, это доказано.

ДОПРОС ПАПЕНА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 18 и 19 июня 1946 г.]

Максуэлл-Файф: Помните ли вы о том, что в своих показаниях от 19 сентября прошлого года вы высказали точку зрения, что Гитлер был самым большим мерзавцем, которого вы когда-либо видели в своей жизни?

Папен: Это вполне верно. Это мое мнение, которое у меня сложилось после того, как я узнал о всех этих преступлениях.

Максуэлл-Файф: Это было 19 сентября 1945 г. Но меня больше интересует ваш следующий ответ. Не это ли вы ответили на вопрос о том, когда вы пришли к выводу, что Гитлер был самым большим мерзавцем, которого вы когда-либо видели в своей жизни: «Только после того как я узнал, какие факты послужили для него поводом начать войну», — вы помните, что вы так сказали?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Не потребовалось ли вам слишком много времени для того, чтобы разгадать эту довольно очевидную истину после вашего близкого сотрудничества с Гитлером?

Папен: Мое мнение о Гитлере, о его внутривнутриполитическом значении создалось у меня после 30 июня 1934 г. Однако я мог полагать, как и все другие, что в области внешней политики он будет разумнее, и этого мнения я придерживался до Мюнхенского соглашения.

Максуэлл-Файф: Давайте посмотрим, не было ли у вас возможности прийти к этой точке зрения значительно раньше. Когда вы в 1932 году были рейхсканцлером, вы должны были ознакомиться с людьми, целями и методами нацистской партии? Не так ли?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: И вы это сделали, не так ли?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: И вы помните, я не хочу терять времени и ссылаться на соответствующий документ, но вы можете считать точной цитатой то, что 16 ноября 1932 г. в письме к вам Гитлер сказал: «Вы должны знать, каково мировоззрение мое и моей партии».

Папен: Да, конечно, я знал, какие цели преследовала его партия. Однако разрешите мне добавить, что если какая-либо партия вступает в коалицию с другой партией, то она должна многое вычеркнуть из своей программы и принять коалиционную программу. Это и сделал 30 января Гитлер.

Максуэлл-Файф: Да, но прежде чем мы перейдем к 30 января, я хочу спросить вас, каково было ваше мнение в 1932 году? В 1932 году, когда вы занимали пост канцлера, вы очень мало сомневались в том, что, если бы Гитлер пришел к власти, Германии угрожала бы опасность подпасть под управление насильственными, неконституционными методами. Не так ли?

Папен: Без сомнения; программа национал-социалистов в этом отношении была «революционной». Однако я подробно изложил Суду, что все эти вынужденные меры, к которым прибегли 30 января, явились результатом необходимости принятия общих мер безопасности. Была создана совместная коалиционная программа, которая, по нашему мнению, исключала некоторые упомянутые вами опасные пункты его программы.

Максуэлл-Файф: В середине 1932 года президент Гинденбург решительно придерживался того мнения, что было бы весьма опасно передать власть в руки Гитлеру, не так ли?

Папен: Да, он действительно придерживался мнения, что Гитлера следовало контролировать путем ограничения его полномочий.

Максуэлл-Файф: Я хочу только привести вам одну фразу из письменных показаний под присягой.

Это уже было позднее, в августе 1932 года. В заявлении Мейснера говорится:

«Гинденбург заявил, что в связи с напряженной обстановкой он не может с чистой совестью рисковать передачей государственной власти новой партии, каковой является национал-социалистская партия, которая не представляет собой большинства и которая нетерпима, шумлива и недисциплинирована».

Это довольно умеренное высказывание со стороны президента империи, принимая во внимание то время, когда это говорилось, не правда ли?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Я сейчас не говорю о коалиции.

Я говорю сейчас о том, что случилось бы, если национал-социалисты сами взяли власть в свои руки... Вам было совершенно ясно, что в этом случае они, будучи не особенно щепетильными людьми, быстро бы разделились со своими политическими противниками, не правда ли?

Папен: Этого нельзя сказать. В политической жизни всегда положение таково, что радикальной партии и вообще любой партии, но в особенности радикальной партии, если она приходит к власти и становится ответственной партией, приходится очень многое вычеркнуть из своей программы. Это мы, скажем, можем наблюдать на примере социалистических партий всех стран.

Максуэлл-Файф: Правда ли, что, как заявил под присягой подсудимый Геринг, в 1932 году он говорил вам, что независимо от того, как будут действовать нацисты, Гитлер не будет, во всяком случае, занимать второго места, не будет одним из «вице»? По словам Геринга, Гитлер сокрушил бы всякое политическое устройство, которое бы не обеспечило ему первенства.

Папен: Да, об этом Гитлер мне сам неоднократно заявлял.

Максуэлл-Файф: И поэтому вы поняли, что Гитлер и его сообщники хотели, чтобы им была предоставлена полная возможность претворять в жизнь свои цели и свою программу, не так ли?

Папен: Нет, об этом я не знал. Это вывод, который сделали Вы здесь и который вовсе не соответствовал тогдашним условиям. Вам нужно лишь прочесть правительственную программу нашей коалиции от 1 февраля.

Максуэлл-Файф: Я в свое время обращусь к периоду вашей коалиции. Но в настоящее время я хочу задать вам один-два вопроса о вашем мнении о Гитлере и о мнении Гинденбурга о Гитлере в 1932 году, так как я хочу очень кратко суммировать события этого периода и разбить их на несколько резко очерченных стадий.

Я все еще спрашиваю о 1932 годе. Мой вопрос к вам был таков: осознавали ли вы, что в том случае, если Гитлер и его соратники придут к власти, захватить которую они хотели, они удовлетворятся лишь в том случае, если им представится полная возможность претворить в жизнь свои намерения и свою программу?

Папен: Нет, об этом я не знал, иначе я не сделал бы попытки в 1933 году привлечь их к составлению общей коалиционной программы.

Максуэлл-Файф: Но я хочу еще раз точно сформулировать, что, по вашему мнению, было прежде всего необходимо для Германии во второй половине 1932 года: ликвидация поли-

тических разногласий и внутренней борьбы и укрепление отношений с западными державами в целях ослабления Версальских требований. Таким образом, вашим первым шагом в осуществлении этих целей было обращение к Гитлеру в августе 1932 года с предложением стать вице-канцлером в вашем правительстве, не так ли?

Папен: Совершенно верно.

Максуэлл-Файф: Гитлер отказался от этого предложения и отказался от него вторично, когда вы возобновили его в ноябре 1932 года, это так?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Чтобы не тратить слишком много времени, я хочу лишь выяснить, правильно ли говорится об этом в параграфах 5 и 6 affidевита Мейснера. Я кратко изложу вам содержание этого affidевита. В нем говорится, что в ноябре 1932 года вы думали, что общая ситуация и нацистская партия, в частности, могли бы находиться под контролем, если бы президент дал вам полномочия издавать декреты по статье 48 и обеспечил бы вам поддержку имперских вооруженных сил и полиции. Но в то время генерал фон Шлейхер возражал против этого, так как он считал, что имперские вооруженные силы были не в состоянии поддерживать порядок в Германии. Это правильно?

Папен: Это неверно в том отношении, что это событие не может быть согласовано с какой-либо статьей конституции, а просто являлось нарушением конституции. В остальном это верно.

Максуэлл-Файф: Может быть, ему пришлось бы в голову использовать внеконституционные методы для поддержания контроля, вы это имеете в виду?

Папен: Да. Как я здесь уже сказал, это поручение он дал мне 1 декабря.

Максуэлл-Файф: Но ведь фактически Мейснер прав, говоря, что после неудачной попытки ввести Гитлера в свое правительство вы хотели продолжать управление страной, пользуясь правом издавать декреты и путем осуществления контроля над имперскими вооруженными силами; правильно, что генерал фон Шлейхер заявил, что это неосуществимо?

Папен: Нет, это неверно. После того как президент Гинденбург решил, что он не будет нарушать конституцию, он, как известно, назначил генерала Шлейхера рейхсканцлером. Фон Шлейхер хотел тогда путем раскола партии создать большинство, и я, конечно, поддерживал эту попытку фон Шлейхера.

Максуэлл-Файф: Я хочу привести вам собственные слова Мейснера. Это параграф 5 показаний свидетеля.

...«Вторичное назначение президентом Гинденбургом Папена на пост канцлера, очевидно, было бы возможно, если бы он был готов начать открытую борьбу против национал-социалистов, что означало бы угрозу применения насилия или даже фактическое его применение. Почти до самого ухода со своего поста Папен и некоторые другие министры соглашались с необходимостью вести усиленную борьбу против нацистов путем использования всех имеющихся у государства средств, основываясь на параграфе 48 конституции, даже в том случае, если это могло привести к вооруженному конфликту. Однако другие министры придерживались того мнения, что этот путь приведет к гражданской войне.

Это решение было выдвинуто Шлейхером, который в первое время прилагал весьма энергичные меры против национал-социалистов, даже в том случае, если это повлекло бы за собой использование полиции и армии. Затем, на решающем заседании кабинета министров он отказался от этой мысли и объявил, что готов согласиться с Гитлером».

Это правильно?

Папен: Отчасти правильно, отчасти нет.

Максуэлл-Файф: Скажите нам как можно короче, какую часть афидевита вы считаете неправильной?

Папен: Мое повторное назначение на пост канцлера Гинденбургом было бы, по мнению Мейснера, возможно, если бы я изъявил готовность вести открытую борьбу против нацистов. Это исторически неверно, ибо 1 декабря я предложил Гинденбургу совершить нарушение конституции и тем самым начать открытую борьбу против нацистов. Фон Шлейхер не был согласен с этим.

Максуэлл-Файф: В интересах последовательности я прошу вас обратиться к параграфу 6 этого же документа.читаю выдержку, которая начинается словами:

«Когда стало ясно, что Гитлер не хочет войти в кабинет Шлейхера и что Шлейхер со своей стороны не может произвести раскол национал-социалистской партии, — что он надеялся сделать при помощи Грегора Штрассера, — политика, благодаря которой Шлейхер был назначен канцлером, потерпела крах. Шлейхер понимал, что Гитлер не может простить ему его попытку произвести раскол партии и поэтому никогда не согласится сотрудничать с ним. Поэтому он переменял свое решение и пришел к выводу, что нужно бороться с нацистами; это означало, что он хочет следовать политике, против которой он резко возражал за несколько недель до того, когда ее предложил фон Папен».

Это правильно?

Папен: Это совершенно верно.

Максуэлл-Файф: Теперь мне хотелось бы внести во все это окончательную ясность. Вы сказали нам, что вы впервые обратились к Гитлеру лишь в августе, но до этого времени вам уже удалось узаконить положение СА и СС — организаций, которые канцлер Брюнинг объявил нелегальными. Вы сделали это 14 июня, не так ли?

Папен: Да, я отменил запрет, однако лишь на четыре недели.

Максуэлл-Файф: Вы считали, что правильно было отменить запрет в отношении СА, которая наводила ужас на улицы?

Папен: Я разъяснял Суду, каким образом дело дошло до этого запрета. Целью отмены этого запрета было побудить Гитлера и его партию согласиться с существованием моего кабинета. Вторая причина заключалась в том, что роспуск этих боевых организаций являлся односторонним актом, так как одновременно не были распущены социалистические и коммунистические организации.

Максуэлл-Файф: 20 июля вы силой избавились от правительства Брауна—Зевеинга и взяли в свои руки управление Пруссией и прусской полицией?

Папен: Это нельзя формулировать в таких выражениях.

Максуэлл-Файф: Но фактически вы ведь избавились от правительства Брауна — Зевеинга и взяли в свои руки управление Пруссией и прусской полицией, не так ли?

Папен: Я не имел в своих руках прусской полиции. Прусская полиция находилась под руководством комиссара Пруссии, которого я назначил.

Максуэлл-Файф: Согласно Веймарской конституции вы как канцлер имели право диктовать линию общей политики, в то время как комиссар Пруссии и все остальные министры должны были следовать указанной вами общей политике, не так ли?

Папен: После того как я назначил комиссара, я имел право определять основную линию в политике Пруссии.

Максуэлл-Файф: Сейчас я хотел бы, что бы вы взглянули на речь, произнесенную вами в Эссене в ноябре 1933 года, где вы упоминаете о периоде, о котором сейчас идет речь. Вы видите первые слова:

«С тех пор как провидение призвало меня стать пионером воскрешения нации и возрождения нашего отечества, я всеми силами пытался поддержать деятельность национал-социалистского движения и его руководителей».

Это правильно?

Папен: Безусловно, да.

Максуэлл-Файф: Я лишь спросил вас, правильно ли это. Я, возможно, опять вернусь к этой цитате. «Подобно тому, как в то время, когда я принял канцлерство» (речь идет о вас, о том, что вы приняли канцлерство), «я выступал за то, чтобы открыть путь к власти молодому борющемуся освободительному движению».

Таким образом, ваша поддержка «молодого борющегося освободительного движения» в его стремлении к власти заключалась в том, что вы узаконили существование СА, выгнали из Пруссии умеренное правительство и централизовали контроль полиции?

Папен: Нет. Это очень плохая параллель.

Максуэлл-Файф: Остановитесь на этом и скажите мне, действительно ли вы ничего этого не делали. Расскажите Трибуналу, как именно вы прокладывали путь к власти для «молодого борющегося освободительного движения», если вы делали это не так, как я вам только что указывал?

Папен: Да, об этом я скажу очень точно. Программа национал-социалистской партии предусматривала освобождение Германии от дискриминации, причиной которой был Версальский договор. Я об этом говорил здесь очень подробно. Я показал, какие усилия я сам предпринимал для того, чтобы в этом отношении добиться соглашения с великими державами. Мы хотели из второразрядной нации снова стать великой державой. Таков был смысл этих мероприятий.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, я не хочу вас останавливать, и Трибунал даст вам возможность повторить все, что вы говорили по этому поводу, но я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Если я сделал неправильное заключение, заявив, что два приведенных мною ранее примера вашей деятельности представляют собой иллюстрацию той поддержки, которую вы оказывали этому движению, я попрошу вас очень коротко рассказать здесь, что же еще вы делали для того, чтобы подготовить почву этому «борющемуся освободительному движению»? Вот в чем заключается мой вопрос. Что же вы делали?

Папен: Два раза я предлагал Гитлеру вступить в мое собственное правительство, и, когда в конце января 1933 года из создавшегося положения не было больше никакого иного выхода, я по просьбе Гинденбурга пошел на коалицию с национал-социалистской партией.

Максуэлл-Файф: Скажите, вы в то время верили, что Гитлер был совершенно необходим для Германии?

Папен: Я считал, что человек, который в марте 1932 года, то есть прежде чем я пришел в правительство, получил на президентских выборах 36,8 процента всех голосов, что этот чело-

век и его партия должны быть включены в ответственную правительственную деятельность.

Максуэлл-Файф: Но, помимо его успеха на выборах, считали ли вы, что Гитлер, принимая во внимание его личные качества, его цели и его программу, был в то время необходим для Германии?

Папен: Я не знал, каким образом можно справиться полицейским путем с партией, которая получила 36,8 процента всех голосов.

Максуэлл-Файф: Посмотрите на ваши собственные слова в следующем параграфе этого письма. Здесь вы, очевидно, имеете в виду не только его успех на выборах:

«Милосердный господь благословил Германию, дав ей в очень тяжелые времена руководителя, который, уверенно полагаясь на свой инстинкт государственного деятеля, проведет ее через трудности и опасности к светлому и счастливому будущему».

Это было, не будем называть его экстравагантным, но, во всяком случае, весьма сильным выражением со стороны бывшего кавалерийского офицера для характеристики политического деятеля, если он действительно не думал или если он не хотел заставить других людей думать, что он твердо верил в него. Вы действительно имели в виду то, что вы там говорили?

Папен: Об этом я могу сказать следующее. После того как я вступил в коалицию с Гитлером, я был убежден, что он будет выполнять этот коалиционный пакт, и я часто неоднократно и не только в этой речи тогда говорил о своем доверии к Гитлеру и общей программе. Почему я именно в этой речи выступил за него, это я уже сказал Суду. Здесь речь шла о том, чтобы констатировать, и притом перед всем миром, что торжественное заявление Гитлера о том, что он будет поддерживать мир, было серьезным заявлением.

Максуэлл-Файф: Вы должны понять, подсудимый, что я вас спрашиваю о следующем: в течение первых месяцев вашего пребывания на посту канцлера вы предприняли шаги к тому и пытались, чтобы Гитлер пошел вместе с вами. Когда он во второй раз отказался от этого, вы, судя по показаниям Мейснера, готовы были применить силу против него. Когда при поддержке Шлейхера это оказалось для вас возможным, вы ушли в отставку. Когда Шлейхер занял ваше место и столкнулся с трудностями, вы снова обратились к Гитлеру. Вот о чем я вам говорю; и именно по вашей просьбе — неправда ли? — вы и Гитлер собрались для совещания в доме Курта фон Шредера 4 января 1933 г.

Папен: Нет, это совершенно неверное понимание. К сожалению, Суд не разрешил, чтобы я рассказал об этой встрече 4 января.

Максуэлл-Файф: Значит, вы не соглашаетесь с фон Шредером в том, что это совещание было создано по вашему предложению?

Папен: Нет, я совершенно другого мнения. Эта встреча произошла по желанию Гитлера.

Максуэлл-Файф: Перейдем к лицам, которые присутствовали на этом совещании. Там были Гитлер, подсудимый Гесс, Гиммлер и Кепплер, не так ли?

Папен: Да, это возможно.

Максуэлл-Файф: Кепплер — это то самое лицо, которое, как известно Трибуналу, в марте 1938 года находилось в Вене? Да?

Папен: Это был человек, который всегда находился в ближайшем окружении Гитлера.

Максуэлл-Файф: Таким образом, фактически это было совещание между вами и Гитлером в присутствии Шредера, не так ли?

Вы говорите, что Шредер не присутствовал на этом совещании?

Папен: Шредер, возможно, присутствовал во время части беседы. Но я помню, что главным образом я лично один говорил с Гитлером.

Максуэлл-Файф: И первый вопрос, который был поднят вами, заключался в следующем: вы хотели объяснить Гитлеру, что, хотя вам не удалось освободить двух нацистов, обвинявшихся в убийстве коммуниста, вы пытались уговорить президента фон Гинденбурга помиловать их. Это так?

Папен: Да. Я помню, что Гитлер резко упрекал меня по поводу смертного приговора, вынесенного этим национал-социалистам.

Максуэлл-Файф: И во втором поднятом вами вопросе вы объяснили Гитлеру, что президент фон Гинденбург отказался обсуждать с Гитлером вопрос о назначении его на пост канцлера совсем не вследствие каких-либо интриг или уловок с вашей стороны. Разве это не был второй вопрос, вопрос о том, что не вы были виной отказа фон Гинденбурга от участия в совещании?

Папен: Да, я заявил ему, что мое предложение от 13 августа 1932 г. было чистосердечным.

Максуэлл-Файф: Объяснили ли вы Гитлеру, что не по вашей вине Гинденбург отказался от обсуждения вопроса о назначении Гитлера на пост канцлера в августе 1932 года?

Папен: Нет.

Максуэлл-Файф: Я хочу выяснить, действительно ли 4 января вы заявили Гитлеру по поводу вашего разговора с фон Гинденбургом следующее: «Я хочу, чтобы вы поняли, что Гинденбург совсем не по моей вине отказался от обсуждения вопроса о вашем канцлерстве». Разве вы не уверяли Гитлера в том, что это не ваша вина, что вы были уверены в его согласии заняться обсуждением этого вопроса?

Папен: Нет, господин обвинитель, так утверждает фон Шредер, но это неверно.

Максуэлл-Файф: Ваши последние слова относятся к тому, что вы говорили о фон Гинденбурге и Гитлере? Если вы не согласны с тем, что я вам заявил, может быть, вы сообщите, что вы можете сказать по этому поводу?

Папен: Что именно сказал Гинденбург Гитлеру, написано во всех книгах, это исторический факт.

Максуэлл-Файф: Нет, нет, мы хотим знать, что вы сказали Гитлеру 4 января. Что вы сказали ему, если вы вообще что-либо говорили по этому поводу, относительно взаимоотношений между ним и президентом фон Гинденбургом?

Папен: В ходе всей этой беседы я лишь указывал Гитлеру на то, как нужно убедить фон Шлейхера в необходимости вступления национал-социалистской партии в его правительство. Другими словами, я продолжал делать то, что начал в 1932 году, а именно — старался привлечь национал-социалистскую партию к сотрудничеству.

Максуэлл-Файф: Таким образом, вы серьезно утверждаете перед Трибуналом, что вы говорили Гитлеру о том, что он должен стать членом кабинета Шлейхера?

Папен: Да, я ему сказал, что он должен войти в кабинет Шлейхера.

Максуэлл-Файф: Об этом и идет речь. Я утверждаю, что это совершенно неверно. Вы сказали Гитлеру, что наиболее благоразумным выходом для консерваторов и националистов, политические взгляды которых соответствовали вашим взглядам, является образование нового правительства вместе с Гитлером. Вы говорили Гитлеру о том, что произошло потом 30 января. Вы предложили ему это на совещании, которое тогда имело место. Вы хотите сказать, что все это не соответствует действительности?

Папен: Непосредственно после беседы 4 января вечером я написал Шлейхеру письмо. Это письмо он получил, вероятно, 5 января утром. Но прежде чем фон Шлейхер получил это мое письмо, излагавшее действительное содержание этой беседы, утренние газеты 5 января открыли против меня травлю, утверждая, что в этом разговоре со Шредером я вел себя нелояльно по отношению к Шлейхеру.

Вернувшись в Берлин, я тотчас же отправился к фон Шлейхеру. Я ему рассказал, каково в действительности было содержание нашей беседы. Фон Шлейхер опубликовал относительно этого коммюнике...

Максуэлл-Файф: Да, но он ведь был не единственный человек, опубликовавший коммюнике. Вы и Гитлер тоже опубликовали коммюнике. Я хочу напомнить вам, подсудимый, что ваше предложение заключалось в следующем: вы и Гитлер должны были образовать коалицию, причем вы должны были опираться на консерваторов, а за спиной Гитлера стояли силы национал-социализма. А теперь взгляните на коммюнике, которое вы опубликовали вместе с Гитлером.

Я передаю подсудимому документ ВВ-637. Взгляните на конец этого документа, подсудимый. Читаю в самом конце:

«Адольф Гитлер и господин фон Папен опубликовывают следующую совместную декларацию. В ответ на неправильные выводы, которые неоднократно делались прессой относительно совещания Адольфа Гитлера с бывшим имперским канцлером фон Папеном, нижеподписавшиеся заявляют, что это совещание касалось исключительно возможности создания великого национального политического единого фронта и что в рамках этого совещания, общего по своему характеру, совершенно не затрагивалась позиция этих двух партий по отношению к рейхскабинету».

Теперь, подсудимый, после того как я напомнил вам о заявлении, опубликованном вами лично, вы согласитесь с достоверностью того, что я здесь говорил, то есть с тем, что вы предлагали Гитлеру создать коалицию, состоящую из подчиняющихся вашему влиянию националистских и консервативных элементов и руководимой Гитлером нацистской партии?

Папен: Нет. В этом коммюнике констатируются две вещи. Во-первых, я констатирую, что о кабинете Шлейхера (как это повсюду предполагалось в прессе) о его свержении или о его замене другим правительством вообще не шло речи. Затем я констатирую, что необходимо создать великий национальный единый политический фронт. Фон Шлейхер руководил тем же самым кабинетом, которым руководил я, с теми же самыми политическими силами. Следовательно, если я предлагал Гитлеру вступить в этот кабинет, то это была та же самая комбинация, как если бы я ему предложил вступить в мой кабинет.

Максуэлл-Файф: Если вы утверждаете, что этим коммюнике вы хотели показать, что обратились к Гитлеру с предложением ввести нацистов в правительство Шлейхера и что вами не обсуждался с ним вопрос об образовании коалиции, если вы продолжаете утверждать, что все это действительно

отражено в коммюнике, я не буду больше вам задавать вопросов по этому поводу.

Перейдем теперь к вашей последующей деятельности. Вы отрицаете, что в январе вы активно поддерживали связь с Гитлером и от имени Гитлера — с президентом фон Гинденбургом с целью введения Гитлера в правительство? Вы согласны с этим?

Папен: Это верно. И я скажу, почему это так. У меня было две официальные беседы с Гинденбургом. 9 января, когда я вернулся в Берлин, я от рейхсканцлера Шлейхера направился к рейхспрезиденту фон Гинденбургу. Рейхсканцлер Шлейхер, полагая, что в беседе со Шредером я действовал нелояльно по отношению к нему, просил Гинденбурга больше не принимать меня. Я рассказал фон Гинденбургу о действительном содержании беседы со Шредером, и, после того как я договорился со Шлейхером, Гинденбург был убежден, что все это в целом было большим недоразумением. В следующий раз, насколько я помню, с Гинденбургом я имел официальную беседу только 22 января, когда я говорил с ним вторично об этих правительственных делах.

Максуэлл-Файф: Давайте посмотрим, что говорит по этому поводу начальник канцелярии президента. Может быть, ему удастся освежить вашу память. Обратитесь к аффидевиту Мейснера. Там сказано: «Шлейхер впервые обратился с этим предложением к Гинденбургу в середине января...» Далее сказано: «Тем временем Папен вернулся в Берлин и благодаря договоренности с сыном Гинденбурга имел несколько бесед с президентом. Когда Шлейхер возобновил свое требование о получении чрезвычайных полномочий, Гинденбург заявил, что он не может дать ему такие полномочия и должен оставить за собой право принимать решения в каждом отдельном случае. Шлейхер со своей стороны заявил, что при подобных обстоятельствах он не может оставаться в правительстве, и 28 января 1933 г. подал в отставку...»

В середине января, когда Шлейхер впервые просил о предоставлении ему чрезвычайных полномочий, Гинденбург не знал еще о связи, существующей между Папеном и Гитлером, особенно о совещании, которое имело место в доме одного из банкиров Кельна, Курта фон Шредера. Со второй половины января Папен стал играть все большую роль в доме имперского президента, но, несмотря на уговоры Папена, Гинденбург до самого конца января сомневался, следует ли назначить Гитлера канцлером. Он хотел, чтобы Папен еще раз занял пост канцлера. В конце концов, Папену удалось привлечь Гинденбурга на сторону Гитлера аргументом о том, что представители других партий правого крыла, которые будут принадлежать

к правительству, будут ограничивать свободу действий Гитлера. В дополнение к этому Папен высказал свои опасения в том смысле, что в случае, если снова будет пропущена данная возможность, может возникнуть угроза восстания национал-социалистов и гражданской войны». Это правильно?

Папен. Нет.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, вы сообщили нам, что у вас было два совещания с президентом фон Гинденбургом, и затем, кажется, после 18 января у вас состоялось несколько совещаний с Гитлером, а после 22 января у вас были совещания с подсудимым Герингом, как он заявил об этом в своих показаниях, не так ли?

Папен: Нет, с Гитлером я не встречался с 4 до 22 января.

Максуэлл-Файф: Допустим, что это заняло четыре дня. Я не буду спорить с вами по поводу одного или двух дней, но по датам можно заключить, что вы начали переговоры 18-го числа. Таким образом, самым важным совещанием было совещание, которое Оскар фон Гинденбург созвал в доме подсудимого фон Риббентропа, не так ли?

Папен: Это была предварительная беседа. Во всяком случае, это был первый момент установления связи с национал-социалистами, с Гитлером и Герингом.

Максуэлл-Файф: И Оскар фон Гинденбург во время этого совещания в доме фон Риббентропа имел личную беседу с Гитлером, которая продолжалась примерно около часа?

Папен: Это возможно, я уже не помню этого.

Максуэлл-Файф: И после этого было принято решение о том, что Гитлер станет канцлером в новом правительстве и что он введет в правительство подсудимого Фрика в качестве министра внутренних дел и подсудимого Геринга в качестве министра без портфеля, причем сам Гитлер возглавит государство в роли канцлера?

Папен: Нет, 22-го числа мы вовсе не договаривались об этом.

Максуэлл-Файф: Я имел в виду, что это соглашение было достигнуто в течение тех нескольких дней, о которых вы заранее договорились.

Папен: Да, но очень важно констатировать это. Мы начали эти переговоры лишь после того, как стало ясно, что фон Шлейхер не может сформировать правительство. Это очень важно.

Максуэлл-Файф: Вы говорите сейчас Трибуналу, что в то время — как вы это уже подтвердили — вы действительно принимали меры к тому, чтобы привести Гитлера к власти просто из-за того, что он стал во главе самой большой партии в рейхстаге, или потому, что вы считали его наиболее подходя-

щим человеком для поста канцлера в Германии в то время? Каковы были ваши мотивы?

Папен: Мои мотивы, господин обвинитель, были очень просты. При том положении, которое создалось после 23 января, имелось лишь две возможности: или нарушение конституции и начало гражданской войны, или правительство во главе с Гитлером.

Максуэлл-Файф: Я хочу лишь установить, подсудимый, что в то время вы поддерживали эту связь с Гитлером. Вы ведь сами были тогда канцлером Германии. Думали ли вы, что Гитлер, как человек, что его цели и намерения и его индивидуальные качества соответствовали тем требованиям, которые предъявляются канцлеру Германии? Это очень простой вопрос. Я хочу, чтобы вы прямо ответили на него: считали ли вы, что Гитлер, поскольку вы его тогда знали, был подходящим человеком для занятия поста канцлера Германии?

Папен: На это я могу лишь сказать, что коалиция, которую я сформировал по поручению имперского президента, была неизбежной необходимостью. Тогда не возникало вопроса: было ли это хуже или лучше. Мы должны были принять ее.

Максуэлл-Файф: Мне кажется, вы сказали, что вы не были уверены в том, что Гитлер расправится с оппозицией до того, как он пришел к власти. Сколько времени вам потребовалось с тех пор, как Гитлер стал канцлером, для того, чтобы убедиться, что его желанием было уничтожение всякой оппозиции?

Папен: Окончательно я это понял тогда, когда сделал последнюю попытку в своей речи в Марбурге разработать совместную программу и когда эта попытка не удалась.

Максуэлл-Файф: Таким образом, это было через полгода — 17 июня 1934 г.? Вы хотите сказать Трибуналу, что вам понадобилось полтора года для того, чтобы понять, что Гитлер хотел сломить всю оппозицию?

Папен: Нет.

Максуэлл-Файф: Вы помните вождя социал-демократов в прусском ландтаге — Эрнста Хейлемана?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Мне кажется, что он в течение десяти лет был вместе с вами членом прусского ландтага. Но после этого его немедленно отправили в концентрационный лагерь, где с ним исключительно жестоко обращались, это верно?

Папен: Об этом я узнал только здесь. Тогда я этого не знал.

Максуэлл-Файф: Вы хотите сказать Трибуналу, что в 1933 году вы не знали о том, что Эрнст Хейлеман был брошен в концентрационный лагерь?

Папен: Я лишь знал, что ряд политических деятелей из коммунистической и социалистической партий были заключены гестапо в концентрационные лагеря. Это я знал.

Максуэлл-Файф: Ответьте прежде на мой вопрос. Это был вождь социал-демократии в прусском ландтаге, человек, который в течение десяти лет сидел рядом с вами в парламенте. Вы хотите сказать, что он был отправлен в концентрационный лагерь, а вы ничего не знали об этом?

Папен: Я не помню. Мне кажется, об этом я узнал только здесь.

Максуэлл-Файф: Теперь я хочу назвать вам одно широко известное имя; я говорю о Карле фон Осецком, лауреате Нобелевской премии мира, писателе и журналисте. Вы не знали о том, что он был заключен в концентрационный лагерь?

Папен: Осецкого я помню только как издателя периодического журнала. Больше о нем я ничего не знаю.

Максуэлл-Файф: Вы не знали о том, что в 1936 году он получил Нобелевскую премию мира? Нет?

Папен: Я никак не мог знать об этом в 1933 году.

Максуэлл-Файф: Но вы знали, что он впоследствии получил эту премию; вы знали, что он был заключен в тюрьму?

Папен: Нет.

Максуэлл-Файф: Я думаю, что могу связать это имя с вами. Давайте возьмем кого-нибудь другого. Возьмем доктора Эрнста Экштейна. Он был депутатом рейхстага и известным адвокатом в Бреслау. Вы не знали о том, что он также был отправлен в концентрационный лагерь?

Папен: Нет, я, к сожалению, не знал доктора Экштейна.

Максуэлл-Файф: Может быть, вы припомните доктора Иоахима, представителя берлинской социал-демократической партии? Вы не знали о том, что он также был заключен в концентрационный лагерь?

Папен: Нет, я его не знал и не знаю, что с ним случилось.

Максуэлл-Файф: Хорошо, оставим в покое отдельных лиц. Разве вы не знали о том, что в течение нескольких месяцев после того как Гитлер стал канцлером, сотни, если не тысячи, социал-демократов и коммунистов были отправлены в концентрационные лагеря?

Папен: Тысячи?

Максуэлл-Файф: Хорошо, я буду говорить сотни, если хотите. Это та цифра, с которой согласился подсудимый Геринг. Поэтому возьмем за основу эту цифру — сотни социал-демократов и коммунистов. Министр Зевелинг заявил, что в концентрационные лагеря было заключено 1500 социал-демократов и столько же коммунистов. Вы об этом не знали?

Папен: Я очень точно помню, как подсудимый Геринг однажды явился в кабинет после того, как он приказал полиции занять главный штаб коммунистической партии в доме Либкнехта, и заявил правительству, что он нашел большое количество документов, из которых следует, в какой мере коммунисты и другие элементы пытались нарушить общественный порядок и свергнуть новое правительство.

Максуэлл-Файф: Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. Вы не знали о том, что сотни социал-демократов и коммунистов были заключены в концентрационные лагеря?

Папен: Нет, о сотнях я не знал. Я знал, что отдельные руководители были брошены в концентрационные лагеря.

Максуэлл-Файф: Давая свои показания на Суде, вы упомянули о том, что декрет об амнистии от 21 марта представлял собой повторение того, что неоднократно имело место и ранее. Это ведь была амнистия совершенно одностороннего характера, не так ли? Это была амнистия для тех, которые принимали участие в нацистской «революции», то есть, короче говоря, амнистия для нацистов. Это не была амнистия для коммунистов, социал-демократов или кого-нибудь из тех людей, которые боролись на противоположной стороне, не правда ли?

Папен: Да, совершенно верно. Амнистия была объявлена не в отношении тех людей, которые работали против формирования этого правительства.

Максуэлл-Файф: Таким образом, вы знали об этих вещах. Давайте еще раз обратимся к вашей речи, произнесенной в Эссене, то есть к вашему собственному отчету о том, что было вами сделано. Это страница 54 книги документов.

Вы только что заявили, что сказанное вами в этой речи — а это было в ноябре — соответствует действительности. Вы говорите о том, что вы всеми силами пытались поддерживать национал-социалистское движение и его руководителя. И далее, как вы видите, вы говорили, что вы «милостливой судьбой были избраны для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала». К ноябрю 1933 года вы должны были уже прекрасно знать о том, каким образом Гитлер, ваш фюрер и канцлер, расправлялся с теми людьми, которые были его политическими противниками. Почему вы говорили — вы ведь уже высказали нам свою точку зрения, — что вы очень гордились тем, что всеми имеющимися у вас средствами оказывали поддержку национал-социалистской партии, если вы не соглашались с ее идеями?

Папен: Мы всеми силами боролись в кабинете против нарушения Гитлером и партией политики коалиции. Конечно, эти нарушения нам были известны. Я лично во многих речах, которые не представлены Суду, указывал также на эти нарушения.

Однако пока существовал этот пакт о коалиции, я должен был надеяться, что мы сумеем добиться своего, и поэтому, только по этой причине, я заверил Гитлера в своей лояльности, для того чтобы он со своей стороны относился лояльно к нам.

Максуэлл-Файф: Я хочу привести вам последние слова вашей речи. В ней вы обращались с весьма осторожным и продуманным призывом к своим согражданам-католикам. Вы говорили: «Давайте в этот час заверим фюрера и новую Германию в том, что мы верим в него и в его деятельность». Почему вы говорили в подобных выражениях? Ведь в ноябре 1933 года вы должны были знать о том, что политика Гитлера заключалась в уничтожении оппозиции, в уничтожении его политических противников, в уничтожении профсоюзов, в приобретении полного контроля над Германией. Почему вы произносили подобные речи, если вы не верили в планы Гитлера и не соглашались со всем тем, что Гитлер хотел сделать?

Папен: Я скажу вам это совершенно точно. Вы знаете, что в июле того года я заключил конкордат и что я получил от Гитлера заверение о том, что он сделает мир в религии основой своей политики. Чем больше удавалось привлечь на сторону правительства консервативные элементы, тем больше это способствовало выполнению моей программы.

Максуэлл-Файф: Если это все, что вы можете ответить, я хочу перейти к следующему вопросу.

Вы уже заявили сегодня о том, что ко времени произнесения своей речи в Марбурге, 17 июня, вы уже начали понимать, с какого рода компанией вам приходится иметь дело.

Подсудимый, вы сказали Трибуналу очень много относительно вашей марбургской речи. Был ли некий Юнг одним из тех, кто помогал вам?

Папен: Да, совершенно верно.

Максуэлл-Файф: Юнг значительно помог вам в составлении этой марбургской речи, не правда ли?

Папен: Юнг очень часто делал наброски для моих речей, в частности, это относится и к моей марбургской речи.

Максуэлл-Файф: После 30 июня он был расстрелян, не так ли?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Это был человек, который не очень нравился вам, но чьи политические взгляды (я полагаю, что вы назвали бы его прогрессивным консерватором) вы разделяли и весьма уважали? Так это?

Папен: Да, это так.

Максуэлл-Файф: Вы сказали нам относительно фон Бозе. Он был расстрелян, фон Чирский был арестован — не так ли? — после этого случая?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Фон Савиньи был также арестован?

Папен: Я точно не могу вспомнить, но мне кажется, что нет.

Максуэлл-Файф: Это неважно, имена здесь не играют роли. Но двое из вашего штата были расстреляны, а трое были арестованы. Разве не так?

Папен: Один из сотрудников моего штаба был расстрелян, а двое арестованы. Юнг не принадлежал к моему штату.

Максуэлл-Файф: Юнг не входил в ваш штат, но он был вашим ближайшим помощником.

Конечно, широко известно, что генерал фон Шлейхер и его жена также были расстреляны и, если мне не изменяет память, генерал фон Гренау был также расстрелян, да?

Папен: Да, правильно.

Максуэлл-Файф: Вы были арестованы, как вы нам сказали, в течение трех дней, и я полагаю, что ваши досье с делами были отобраны у вас, да?

Папен: Да, правильно.

Максуэлл-Файф: Скажите, пожалуйста, эти события потрясли вашу веру в режим?

Папен: Мою веру во что?

Максуэлл-Файф: Эти события потрясли вашу веру в режим и в Гитлера?

Папен: Во всяком случае, я уже вчера показал Суду, что этим актом пакт от 30 января был нарушен.

Максуэлл-Файф: И вы подали заявление об отставке 2 июля, не так ли?

Папен: Нет, я подал в отставку еще раньше.

Максуэлл-Файф: Вы уже подали заявление об отставке 18 или 19 июня и подтвердили его снова 2 июля?

Папен: Совершенно правильно.

Максуэлл-Файф: Вы заявляете сейчас Трибуналу, что снова подали заявление об отставке потому, что потеряли веру в режим, или потому, что ваша гордость была уязвлена тем, что вы были арестованы, ваш секретарь расстрелян, а ваши документы захвачены?

Папен: Я просил отставку, во-первых, из-за невозможного отношения ко мне лично и к моим сотрудникам, во-вторых, потому, что этим актом Гитлер нарушил пакт от 30 января и всякое внутривластное сотрудничество мое с ним стало невозможным.

Максуэлл-Файф: Хорошо. Попрошу вас сейчас посмотреть на документ Д-714.

Это ваше письмо Гитлеру, написанное 4 июля. Тут сказано: «Вчера в 10 часов утра я имел честь информировать вас устно относительно моего отношения к событиям последних

дней, после того как меня освободили из-под ареста в 9 часов вечера 2 июля. Я тогда заявил вам, что не могу более занимать своего поста в кабинете до тех пор, пока не будет реабилитирована моя честь и честь моих сотрудников.

30 июня пять моих сотрудников были арестованы, и один из них был расстрелян. Мои досье были конфискованы, моя канцелярия опечатана, а мой личный секретарь также арестован. Это положение продолжается и по сегодня.

Такого рода поведение в отношении второго в стране государственного чиновника может быть оправдано только в том случае, если он и его сотрудники виновны в соучастии, в заговоре против фюрера и государства. Не только в интересах защиты моей лично чести, но и в еще большей степени ради сохранения авторитета и доброго имени государства нужно или немедленно доказать мою виновность в этом деле, или же реабилитировать меня».

И затем вы пишете: «Эти события стали известны за границей частично в извращенном виде... Поэтому нельзя терять ни часу времени».

Вы обращаетесь к его солдатскому чувству чести и просите, чтобы это дело было передано генеральному прокурору или чтобы было опубликовано коммюнике, в котором бы говорилось.., «что проведенное расследование показало, что нет никаких доказательств какой-либо причастности к заговору, и тем самым была бы полностью восстановлена моя честь и честь моих сотрудников. Если вы не пожелаете принять этих мер, мое дальнейшее пребывание в кабинете станет невозможным».

Теперь посмотрите, что далее говорится в письме. «Уже 18 и 19 июня я предоставил свою канцелярию в ваше распоряжение, канцлер. Теперь я с еще более легким сердцем могу просить вас об отставке, потому что работа, начатая нами вместе 30 января 1933 г., уже, по-видимому, находится вне опасности от дальнейших покушений. Одновременно я прошу освободить меня от исполнения обязанностей уполномоченного по Саарской области. Я надеюсь, что вы осуществите свое решение о реабилитации моей чести, что я вас прошу сделать в течение нескольких ближайших часов. Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии».

Правильно ли, что вы почувствовали облегчение от того, что деятельность Гитлера была вне опасности, что ей не угрожали дальнейшие покушения?

Папен: Да, у меня сложилось впечатление, что это была революция, которую он подавил. Это письмо было написано мною через день после моего освобождения из-под ареста. У меня было такое ощущение, что это была революция и, наконец, с нею было покончено.

Максуэлл-Файф: Так, следовательно, мы можем считать, что вы совершенно чистосердечно, в здравом уме, с полной верой в то, что вы говорите, с полной искренностью заявили 4 июля 1934 г.: «Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии». Это верно?

Папен: Да, поскольку я должен был надеяться, что моя дальнейшая работа для Германии не окажется вредной, даже если он отойдет от меня в своем внутривнутриполитическом сотрудничестве.

Максуэлл-Файф: В результате этого вы встретились с Гитлером в тот же день, не так ли?

Папен: Я видел его раньше.

Максуэлл-Файф: Да, но вы также виделись с ним после этого письма?

Папен: Я видел его за день до этого.

Максуэлл-Файф: Но вы виделись с ним после того, как было написано это письмо, и разве вы не приняли предложение Гитлера остаться вице-канцлером до сентября с тем, чтобы после этого перейти на работу в министерство иностранных дел?

Папен: Нет, мне кажется, это не так.

Максуэлл-Файф: Если вы не считаете это достоверным, посмотрите на следующее письмо. Оно датировано 10 июля и начинается следующими словами:

«Наше соглашение от 4 июля» — именно этим днем датировано письмо — «о том, что я останусь на своем посту вице-канцлера до сентября, а затем перейду на работу в министерство иностранных дел, основывалось на следующих условиях: немедленное и полное восстановление моего авторитета и чести таким образом, чтобы я мог остаться на службе в империи на любой должности, на любом посту».

Заявляете ли вы сейчас Трибуналу, что 10 июля вы не знали, что генерал фон Шлейхер и его жена были убиты, что генерал фон Гренау был убит и что Юнг, так же как и Бозе, были уничтожены? Вы говорите, что вы не знали всего этого 10 июля?

Папен: Я вовсе не оспариваю того, что я знал это, но я ведь требовал, как я уже сказал Суду, чтобы немедленно было начато расследование, для того чтобы точно узнать причины этого. Общественное мнение утверждало, что Шлейхер был расстрелян в тот момент, когда он отстреливался. Все эти вещи для меня были тогда совершенно неясны.

Максуэлл-Файф: Но ведь, конечно, правильно то, как вы тут написали, что вы дали согласие Гитлеру остаться на посту вице-канцлера до сентября, а затем перейти на работу в министерство иностранных дел на тех условиях, которые здесь приведены? Не так ли?

Папен: Нет, это неправильно.

Максуэлл-Файф: Но ведь это ваше собственное письмо.

Папен: Да, это письмо было написано в силу того, что Гитлер обещал мне начать расследование и то выяснение фактов, которое после восстановления моей чести и после выяснения всех преступлений обеспечило бы мне возможность оставаться на службе в империи. Но этого никогда не произошло.

Максуэлл-Файф: Фон Бозе и Юнг работали с вами в самом тесном сотрудничестве, и вы лучше всех других знали, были ли они невиновны. Почему же вы, зная об этом, дали согласие Гитлеру оставаться на посту вице-канцлера, а затем — перейти на работу в министерство иностранных дел?

Папен: Я уже констатировал, что ушел в отставку, а то предложение, где говорится о том, что я, может быть, останусь на посту, — это просто предположение. В действительности я ушел с поста и с июня фактически не исполнял никакой правительственной должности.

Максуэлл-Файф: Посмотрите на следующую строчку в этом письме: «С этой целью 5 июля я передал вам мои предложения относительно официального заявления, в котором должно быть сказано, почему произошли аресты некоторых чиновников из моего штата и каким образом фон Бозе лишился жизни. Кроме того, там должно было говориться о полной непричастности всех моих сотрудников к восстанию СА. Моя просьба сделать такого рода заявления была выполнена только частично — было объявлено лишь об освобождении и невиновности фон Чирского, фон Савиньи и моего личного секретаря — Штетцингена».

Вы передали Гитлеру свой проект и просили Гитлера издать официальное заявление, но он этого не сделал, он не восстановил чести людей, с которыми вы бок о бок работали и тем не менее вы остались на своем посту, вы дали согласие Гитлеру принять его предложение остаться на посту вице-канцлера и затем перейти на работу в министерство иностранных дел.

Понимаете, что я хочу сказать? Я говорю совершенно ясно, что единственно о чем вы заботились, — это о вашем личном положении, восстановлении вашей личной чести. Вы готовы были служить этим убийцам, лишь бы была восстановлена ваша собственная честь.

Папен: Господин обвинитель, лучшим доказательством моих намерений отойти от режима является тот факт, что я действительно ушел в отставку. Если бы было выяснено все, если бы была установлена невиновность моих чиновников и служащих, которые были арестованы и убиты, тогда для меня была бы возможность остаться на государственной службе, но не вице-канцлером — я ведь отказался от этого поста. Из этого

письма вы видите, что Гитлер ничего не предпринял для того, чтобы выяснить причины этих арестов.

Максуэлл-Файф: И так как Гитлер не сделал подобной попытки, вы написали еще более отвратительное письмо, в котором восхищались его действиями:

«Глубоко почитаемый имперский канцлер!

Я долго размышлял о нашем вчерашнем разговоре и о заявлении, которое вы сделали, и, в частности, о том, что вы сказали в связи с вашими намерениями, касающимися вашего выступления в рейхстаге. Я не перестаю думать об огромной важности этой речи и о ее особом влиянии на положение Германии также и в сфере внешней политики. И поэтому чувствую необходимость, фактически я считаю своим долгом сообщить вам мое мнение, как я часто делал это прежде в связи с другими случаями.

Вы объяснили мне вчера, что собираетесь публично признать ответственность за все, что случилось в связи с подавлением бунта СА. Разрешите мне сказать, что я считаю это намерение проявлением мужества и гуманности. Подавление бунта и ваше смелое и твердое вмешательство, конечно, будут встречены полным признанием всего мира. Однако в настоящее время бременем для Германии являются события, которые произошли помимо вашей собственной инициативы и без всякой непосредственной связи с этим бунтом. Вы сами приводили примеры этого. Об этом писали, в частности, в британской и американской прессе».

Вы пишете далее: «Разрешите мне уверить вас снова, что я лично и мое положение, за исключением восстановления моей личной чести, не играют более никакой роли и имеют значение лишь постольку, поскольку события в вице-канцлерстве от 30 июня рассматриваются общественностью как следствие разрыва между вами и мной».

Затем после дальнейших высказываний в том же роде вы заканчиваете письмо словами: «с неизменным восхищением и преданностью...»

Разве дело не сводилось к тому, подсудимый, что вам было безразлично, были ли расстреляны ваши сотрудники или нет и приняло ли правительство, членом которого вы являлись, убийство как орудие политики, лишь бы только была восстановлена ваша личная честь? Все это не имело для вас никакого значения, лишь бы только была восстановлена ваша честь и была бы вам обещана возможность дальнейшей работы в министерстве иностранных дел.

Папен: Нет, это не так.

Максуэлл-Файф: Почему же вы писали такие вещи главарю банды убийц, умертвившей ваших сотрудников? Почему

вы писали этому человеку: «Подавление бунта и ваше смелое и твердое вмешательство, конечно, будут встречены полным признанием всего мира»? Почему вы это писали?

Папен: Потому, что я тогда придерживался того мнения, что в действительности имела место революция и что Гитлер подавил ее. С другой стороны, было уничтожено много людей, в том числе и сотрудники моего бюро. По этому вопросу я желал получить от Гитлера разъяснение. Когда он мне сказал, что он согласен взять на себя ответственность за это, то я считал это очень хорошим поступком, но я понял его не так, как он фактически поступил впоследствии, заявив в рейхстаге, что эти события вполне оправданы. Я понял его заявление о том, что он хочет взять ответственность за все эти события, в том смысле, что он разъяснит всему миру эти события, а не объявит их правильными с точки зрения закона и не нуждающимися в расследовании.

Максуэлл-Файф: Заявляете ли вы Трибуналу, что 12 июля вы думали будто могут существовать какие-либо сомнения в том, виновен ли ваш друг Юнг, или возможность того, что он был виновен в измене родине и в заговоре против Гитлера? Вы верили в это хотя бы одну минуту?

Папен: Нет, конечно нет.

Максуэлл-Файф: Так, вы очень хорошо знали, что Гитлер был обеспокоен общественным мнением за границей, поскольку он боялся, что там распространятся сведения относительно разрыва между вами и им, не правда ли? Вы знали, что после кровавой чистки была необходима поддержка бывшего канцлера Германской империи, как вы нам сказали, католика из старинной семьи, пользовавшегося большим авторитетом среди католического населения, что поддержка человека подобного круга была бы очень ценной для него после этой кровавой чистки, которая вызвала беспокойство общественного мнения за рубежом. Вы ведь знали, что такая поддержка ему нужна, не так ли?

Папен: Нет, из этого письма следует, что я долгое время просил Гитлера установить, почему, по каким причинам отнеслись таким образом к моим сотрудникам и ко мне лично. Он должен был сказать это миру.

Максуэлл-Файф: Если бы вы как бывший канцлер империи, и, как вы сами говорили, один из руководящих католических деятелей в Германии, бывший офицер имперской армии, заявили в то время: «Я не хочу быть сообщником в убийстве, в хладнокровном убийстве, являющемся орудием политики», — вы могли бы, конечно, рискуя в известной степени собственной жизнью, свергнуть этот гнилой режим. Не так ли?

Папен: Это возможно, но если бы я сказал это публично, я, вероятно, исчез бы куда-нибудь, так же как и мои сотрудники. Мне кажется, что мир мог бы понять из самого факта моей отставки, что я не иду в ногу с этим режимом.

Максуэлл-Файф: Тогда вы взгляните на то, что вы сами писали. Посмотрите на документ Д-717. Здесь вы подчеркивали то обстоятельство, что Гитлер придавал очень большое значение вашему сотрудничеству. Посмотрите на второй абзац. Я зачитаю его, вы говорите там: «Я надеюсь, что вы получили мое вчерашнее письмо и поняли его в правильном смысле. Сегодня я прошу вас, по личным причинам, разрешите мне отсутствовать на заседании рейхстага. Вчера вы придерживались того мнения, что мое отсутствие может создать впечатление, что между нами существуют разногласия. Но подобное впечатление не создастся, если вы в своей речи сошлетесь на случай в вице-канцлерстве в той форме, в какой вы это мне обещали. Я вел себя в течение всех этих дней по отношению к внешнему миру весьма замкнуто и старался показываться как можно реже. И вы, конечно, поймете, что я не хочу появляться в общественных местах до тех пор, пока с меня не будет снята даже тень подозрения. Я просил также председателя партийной фракции в рейхстаге извинить меня за мое отсутствие».

Кто был в это время председателем партийной фракции? Вы имеете в виду председателя фракции нацистской партии?

Папен: Мне кажется, что председателем фракции был Фрик.

Максуэлл-Файф: Это была правящая партия, не так ли?

Папен: Да. Из этого письма ясно вытекает, что я просил Гитлера отчитаться перед рейхстагом за предпринятые против меня и моих сотрудников меры.

Максуэлл-Файф: Вы хотели, чтобы он сделал заявление о том, что вы всегда были абсолютно лояльны по отношению к нему? Этого вы хотели? Да?

Папен: Нет.

Максуэлл-Файф: Хорошо, если вы не согласны с этим, посмотрите на документ Д-718. Это ваши слова, сказанные на следующий день: «Глубокоуважаемый канцлер! После того как вы вчера сделали перед нацией и всем миром ваш великий отчет о внутреннем положении и о событиях, которые привели к 30 июня, я чувствую, что мне хочется пожать вам руку, как я это сделал 30 января 1933 г., и поблагодарить вас за все то, что вы дали германскому народу, подавив в зародыше вторую революцию, провозгласив непреложные принципы государственного мужа. Трагические и печальные обстоятельства помешали мне впервые, начиная с 30 января, быть рядом с вами. Вы сами разрешили мне отсутствовать и проявили понимание того, что

вице-канцлер не может занять свое место на министерской скамье, если он подвергается особому обращению (досье, конфискованные у меня, все еще не возвращены мне, несмотря на указания Геринга и ваши собственные). Ваши заявления ясно показали истории, что какое-либо подозрение в связях между мной и этим предательским заговором являлось преднамеренной клеветой и злословием. Я благодарю вас за это заявление». Затем, после того как вы пишете, что люди все еще верят этому, в предпоследнем абзаце вы заявляете: «Поэтому я был бы вам особенно признателен, если бы вы с определенностью заявили при удобном случае, что до сегодняшнего дня», — то есть до 14 июля, — «я преданно стоял рядом с вами и сражался за вас, за ваше руководство, за вашу деятельность на благо Германии».

Что же, подсудимый, вы отрицаете то, что я предъявил вам несколько минут назад? Вы отрицаете, что все, чего вы хотели, — это, чтобы всему миру было заявлено о вашей лояльности по отношению к режиму? Вас совершенно не беспокоило то, что фон Шлейхер и его супруга, фон Бозе и Юнг и многие другие были убиты правительством империи. Если это не так, то почему вы написали такое письмо?

Папен: Я написал это письмо, и это из самого письма ясно, потому, что меня в последующее время обвиняли в причастности к попыткам убийства Геринга, Геббельса и к другим заговорам. Поэтому для меня было очень важно констатировать, или для меня было важным, чтобы рейхсканцлер констатировал, что я не принимал участия ни в каком заговоре против него в течение всего этого восстания. Само собой разумеется, что в этом письме я сначала говорю о своем положении и о положении, в которое попали мои сотрудники. В мою задачу не входило заботиться о восстановлении чести господина фон Шлейхера — это должна была сделать армия.

Максуэлл-Файф: Но сейчас я хочу сказать вам следующее: даже после того, как вы узнали, что ваши друзья были убиты, не говоря уже о ваших старых коллегах, даже после того, как ваши собственные друзья были убиты, вы снова и снова заявляете о вашей лояльности и о том, что вы всегда работали и сотрудничали с Гитлером во всем, что он делал. Вы честно заявляли об этом? Содержание этих писем является честным изложением ваших убеждений или вы утверждаете, что это ложь, которую вы писали для того, чтобы защитить себя?

Папен: Нет, я писал это потому, что в действительности все эти действия, направленные против меня: попытка Гимmlера убить меня и тот факт, что я был арестован, — основывались только на том предположении, что я участвовал в каком-то заговоре против правительства Гитлера. Поэтому в самом начале я должен был ясно показать, что, пока я являюсь членом этого

правительства, во всей своей деятельности я был всегда в высшей степени лояльным. Вот причина, в силу которой я просил констатировать эти факты.

Максуэлл-Файф: Вы помните, что ваш защитник послал по вашим инструкциям опросный лист барону фон Лерснеру? Это вопрос № 2. «Правильно ли, что подсудимый фон Папен, исповедуя консервативные идеи, надеялся изменить политику Гитлера и склонить его к своим собственным взглядам, но что после того, как 30 июня произошли убийства и Гитлер их оправдал, подсудимый убедился в том, что все надежды и стремления были напрасны».

И Лерснер весьма естественно отвечает на этот вопрос: «да».

Скажите, это правильно выражает ту точку зрения, которой вы придерживались до того времени, до тех пор, пока 30 июня 1934 г. произошли убийства и Гитлер одобрил эти убийства; это одобрение убедило вас в том, что ваши надежды и стремления были напрасны? Вы согласны с этим? Это опросный лист, предъявленный вам вашим собственным ученым защитником?

Папен: Да, да, я согласен с этим.

Максуэлл-Файф: Если таковы были ваши взгляды, почему вы писали такие письма, высказывая такое верноподданническое восхищение Гитлером?

Папен: То, что я хотел сказать этим опросным листом, или, вернее, то, что я хотел спросить у Лерснера, заключается в следующем: правильно ли...

Максуэлл-Файф: Это один из наиболее ярких образцов наводящего вопроса, который я когда-либо видел. Вы заявляете, что ваш опросный лист является выражением вашей точки зрения, не так ли?

Папен: Это можно было бы сказать, если принять во внимание, что я был того мнения, что после 30 июня стала очевидна невозможность дальнейшего сотрудничества с Гитлером и вследствие этого стало ясно, что программа коалиции, на которой мы согласились, потерпела крах...

Максуэлл-Файф: Вы снова говорите о своей неизменной верности Гитлеру и восхищении им и повторяете то, что вы всегда сотрудничали с ним. «Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии». Если ваша точка зрения изложена в этом опросном листе и заключается в том, что основы вашей веры были поколеблены, почему вы пишете, что вы остаетесь всецело преданным деятельности Гитлера ради Германии?

Папен: И вам, и Суду я уже заявлял, что надеялся, несмотря на этот крах Гитлера в области внутривластной и в области внешнеполитического курса, что он будет вести

благоразумную политику. Он был уже у власти, мы ведь не могли теперь отстранить его от власти, мы должны были считаться и с Гитлером, и с его правительством.

Как известно, все остальные министры остались на своих постах. Я был единственным человеком, который ушел с поста. Все эти письма, с помощью которых Вы хотите доказать, что я нечестен или говорил неправду, или, как Вы это называете, что я лжец или сбманщик, не могут скрыть от мира того факта, что я тогда ушел с поста.

Максуэлл-Файф: И через одиннадцать дней вы приняли новый пост. Через одиннадцать дней после последнего письма вы взяли на себя представительство интересов — я не скажу банды убийц — вы представляли это правительство, сделавшее убийство орудием своей политики, на посту полномочного министра в Австрии, через одиннадцать дней после вашего последнего письма. Давайте посмотрим, играл ли здесь роль мотив убийства. Думали ли вы, что Гитлер фактически стоял за путчем в Австрии, который привел к убийству канцлера Дольфуса?

Папен: Я знал, что назначенный им руководитель австрийской партии Габихт был, во всяком случае, связан с этим делом, но что сам Гитлер дал свое согласие на этот акт, — это мне не было известно.

Максуэлл-Файф: А вы думали о том, что министерство иностранных дел Германии фактически стояло за этим путчем?

Папен: Министерство иностранных дел?

Максуэлл-Файф: Да.

Папен: По моему мнению, оно не имело ничего общего с этим.

Максуэлл-Файф: Вы думали тогда, что Ритт, посол Германии в Вене, фактически направлял этот путч?

Папен: Нет, мне только известно, что Ритт вел переговоры с австрийским правительством.

Максуэлл-Файф: И вы не знали о том, что Гитлер стоял за этим? Вы отрицаете, что министерство иностранных дел имело отношение к этому путчу? Вы не знали, что Ритт был с этим связан? Посмотрите на страницу 98 книги документов. Это — ваш отчет, отчет, сделанный год спустя. Я рассматриваю его не в хронологическом порядке. Это, по-моему, последний параграф страницы 79 немецкого текста:

«Надежда на то, что личные переговоры между фюрером и рейхсканцлером, а также главою итальянского государства, приведут к урегулированию германо-итальянских разногласий, перешла в свою противоположность, поскольку Муссолини после убийства его друга Дольфуса занял угрожающую позицию и поскольку была проведена частичная мобилизация итальян-

ских войск на Бреннере. Стало совершенно ясно, что попытки восстановить с Германией дружественные и нормальные отношения путем посылки меня в Вену были тогда невозможны после событий недавнего времени. Недоверие к насильственным методам австрийской национал-социалистической партии — обратите внимание на следующие слова, — поскольку становилось все более и более ясным из прошедших судов, что она находится под влиянием руководящих германских деятелей, было слишком сильным. Впечатление, произведенное террористическими методами, а также смерть федерального канцлера все еще живы в памяти у широких слоев».

Теперь, подсудимый, скажите Трибуналу, каких руководящих германских деятелей вы имели в виду, утверждая, что они стояли за путчем 25 июля? Кто были эти люди, которые, как вы заявляете, стояли за убийством Дольфуса? Кто они?

Папен: Ни в коем случае этим лицом не был бывший германский посол в Вене фон Ритт, а только Габихт и подчиненные ему лица, которые руководили политикой австрийских национал-социалистов.

Максуэлл-Файф: Я хочу знать другое. Я спросил вас, кто были руководящие представители германского государства? Вы не собираетесь заявлять здесь Трибуналу, что Габихт, связанной при национал-социалистической партии Австрии, был германским руководящим деятелем? Кто были эти люди? Вы ведь не собираетесь утверждать, что австрийские нацисты были руководящими германскими деятелями? Кто были люди, о которых вы говорите как о высокопоставленных представителях германской империи?

Папен: Руководящей личностью был, несомненно, Габихт. Это письмо написано еще для того, чтобы сказать Гитлеру: «Посмотри, это ты наделал!»

Максуэлл-Файф: Вы хотите, чтобы Трибунал принял всерьез как основание для вынесения суждения о вашей правдивости ваше заявление о том, что под руководящими германскими деятелями вы подразумеваете Габихта и никого иного, хотя вы употребляете множественное число? Разве вы не помните, подсудимый, — подумайте, прежде чем ответить, — что генерал Глейзе-Хорстенау не мог даже вспомнить имени Габихта, когда давал свои показания? Вы не можете серьезно здесь заявлять, что вы имели в виду под этими высокопоставленными представителями связанного австрийской НСДАП? От вас можно ожидать большего. Подумайте еще раз и скажите, кого вы на самом деле имели в виду?

Папен: Господин обвинитель, Габихт не был агентом, он был назначен Гитлером в качестве руководителя национал-социалистической партии Австрии, так что я с полным правом

могу назвать его руководящей личностью. Поскольку Гитлер знал уже тогда о всех происходивших событиях, то при чтении моего письма ему должно было быть понятно, что я имею в виду.

Максуэлл-Файф: Но даже если я приму ваше заявление о Габихте, чего я, конечно, никогда не сделаю, то это ведь только один человек. Кто были остальные? Вы здесь говорите о высокопоставленных руководителях германской империи? Кто были люди, руководившие этим путем и убийством?

Папен: Я должен сказать вам откровенно, что с тех пор прошло уже двенадцать-пятнадцать лет, и я не могу уже вспомнить, кого именно я имел в виду, когда писал эти строки. Во всяком случае, целью этого письма было показать Гитлеру, что те методы, которыми там действовали, были много вреднее, много ненадежнее, чем мы тогда думали.

Максуэлл-Файф: Мы будем исходить из того, что вы считали, что за убийством Дольфуса стояли какие-то неопределенные высокопоставленные лица из Германской империи. Теперь, оставляя это, давайте рассмотрим, что вы говорите в отношении показаний Мессерсмита. Насколько я понимаю, вы отрицаете показания Мессерсмита в тех местах, которые касаются вас. Давайте посмотрим на его показания и увидим, в какой мере вы сможете серьезно доказать, что показания его неверны. Я хочу, чтобы вы посмотрели на этот отрывок из письменных показаний. Абзац начинается со слов: «Что политика аншлюсса осталась совершенно неизменной, подтвердил мне Франц фон Папен, когда он прибыл в Вену в качестве посла Германии».

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Посмотрите на несколько строк ниже. Дальше Мессерсмит заявляет: «Когда я посетил фон Папена в германской миссии, он встретил меня словами: «Теперь вы в моей миссии, и я могу контролировать нашу беседу».

В самой наглой и циничной форме он затем заявил мне, что вся юго-западная Европа до границ Турции, естественно, представляет собой тыл Германии и что он облечен полномочиями облегчить экономический и политический контроль Германии над всей этой территорией. Он совершенно прямо и откровенно сказал мне, что контроль над Австрией будет первым шагом. Он определенно заявил, что находится в Австрии для того, чтобы ослабить и подорвать Австрийское правительство и действовать из Вены таким образом, чтобы ослабить другие государства на юге и на юго-западе. Он сказал, что, так как он пользуется репутацией хорошего католика, он намеревается использовать ее для того, чтобы приобрести влияние на некоторых австрийцев, таких, как кардинал и другие. Он сказал,

что он говорит мне это потому, что германское правительство с целью приобретения контроля над Западной Европой хочет идти на все и что нет ничего, что могло бы остановить его на этом пути, а также что наша политика и политика Франции и Англии не строится на учете реального положения вещей».

Затем господин Мессерсмит говорит, что сказал вам, как он был поражен, и что вы только улыбнулись и ответили, что этот разговор, конечно, останется между вами и что ни вы, ни Мессерсмит не будете говорить так окровенно с другими. Затем он заявляет: «Я вхожу в эти детали потому, что очень характерно, как откровенно и прямо высокопоставленные нацистские чиновники говорили о своих целях».

И теперь вы заявляете Трибуналу, что вы не говорили ничего подобного Мессерсмицу. Независимо от того, говорили вы Мессерсмицу или нет, скажите, отрицаете ли вы, что это были ваши намерения и цели?

Папен: Да, я отрицаю, что мои цели и намерения были такими, какими излагает их здесь Мессерсмит.

Максуэлл-Файф: Я хочу рассмотреть еще один вопрос. Я прошу вас на одну минуту обратиться к документу, на который вы смотрели некоторое время назад. Это документ ПС-2248. Это обзор, который вы сделали в 1935 году. Посмотрите на страницу 81.

«Великая историческая речь фюрера 21 мая этого года, а затем морское соглашение значительно ослабили напряжение во внешней политике в отношении Англии. Но ясно и окончательно определившееся отношение национал-социализма к советской доктрине государства, естественно, удвоило франко-русские попытки помешать нашему проникновению на восток и юго-восток, в то же время не приведя к ослаблению напряжения и в других направлениях, путем явного отказа от включения или аннексии Австрии. Все попытки вновь образованной Третьей империи вести экономическое, в особенности политическое, наступление на юго-восточную Европу немедленно сталкивались с фронтом, образованным всей Европой».

Кто внушил вам идею экономического или политического наступления на юго-восток Европы? Вы говорили об этом с подсудимым Нейратом? Вы сами пришли к этому выводу?

Папен: Само собой разумеется, но я делаю здесь лишь негативное утверждение. Я констатирую, что наступление в направлении юго-восточной Европы должно столкнуться с фронтом, образованным всей остальной Европой. Итак, я предостерегаю от этого.

Максуэлл-Файф: Вы понимаете, подсудимый, что я не могу сделать сейчас никаких комментариев. Я могу только обращать ваше внимание на отдельные моменты. Я спрашиваю вас,

внушил ли вам эту идею, скажем, министр иностранных дел или это были ваши собственные идеи? Вы говорите, что это ваши собственные идеи?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Посмотрите на страницу 82, где вы говорите: «Этот реалистический обзор европейского положения непосредственно показывает, что германо-австрийская проблема не может быть, по крайней мере в ближайшем будущем, успешно разрешена с точки зрения внешней политики. Мы должны в настоящее время довольствоваться тем, чтобы международное положение Австрии не ухудшилось, имея в виду разрешение проблемы в будущем. В этой связи опасность пакта о невмешательстве и двустороннего пакта может быть успешно предотвращена. Окончательное оформление этого решения зависело и зависит лишь от формы германо-австрийских отношений и ни от чего более».

Почему вы так боялись пактов о невмешательстве, если считали, что возможно только эволюционное решение австрийского вопроса, опирающееся на волю самой Австрии? Почему вы так боялись пакта о невмешательстве, который обязал бы Германию не вмешиваться во внутренние дела Австрии?

Папен: По очень простой причине. Все политические комбинации, которые в то время проводились противной стороной, имели лишь одну цель, а именно — запутать Австрию в такую комбинацию, независимо от того, подразумевать ли под этим Дунайский пакт или пакт с Италией или Францией, создать для нее такую ситуацию, которая бы сделала невозможным развитие идеи аншлюсса. Само собой разумеется, что вследствие этого целью нашей политики должно было быть и остаться не допустить ухудшения международного положения Австрии.

Максуэлл-Файф: Да, я ожидал, что вы именно так ответите. Взгляните сейчас на страницу 83. Это следующий абзац: «Немецкий народ в течение веков шел по пути страданий для того, чтобы добиться единства. На заре национал-социализма и при создании Третьей империи путем окончательного уничтожения всякого государственного партикуляризма появилась единственная неповторимая возможность закончить работу Бисмарка и приблизить разрешение проблемы отношений между Германией и Австрией и сделать это в результате динамического развития событий внутри Германии».

Разрешите мне кратко сформулировать то, что вы, по-моему, понимаете под завершением задачи этого человека, потому что я надеюсь, у нас не будет разногласий в вопросах истории, каковы бы они ни были в другом. Насколько я понимаю, вы считаете, что Бисмарк в 1871 году, создав Германскую империю, сделал лишь попытку разрешить эту проблему, так как

империя Габсбургов осталась отделенной от Германии, а завершением этой задачи было бы, по вашему мнению, включение старых владений Габсбургов в Германию вместе с другими государствами германской нации, входившими в священную Римскую империю. В общих чертах, это то, что вы хотели сказать?

Папен: Совершенно верно. Не все габсбургские государства, а только Австрию — часть Германской империи.

Максуэлл-Файф: Вы имели в виду первоначальную империю Габсбургов?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Что вы хотели сказать, заявив, что разрешение вопроса об отношениях между Германией и Австрией должно было быть достигнуто в результате «динамического развития событий внутри Германии». Что вы имели в виду, говоря эту фразу?

Папен: Под этим я имел в виду следующее. Еще никогда в истории Германии не случалось, чтобы какая-нибудь большая партия, которая написала на своем знамени единство Германии, существовала в обоих государствах. Это было бы неповторимым историческим явлением, и этим я хотел сказать, что динамика этого движения в обеих странах, которая требует единства, обеспечивает перспективу разрешения этого вопроса.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, я хочу объяснить вам, в чем именно состоит трудность, с которой я сталкиваюсь. Как вы могли совместить существование централизованной Германии во главе с национал-социалистским правительством, чьи неразборчивые методы вы тогда уже знали после событий 30 июня 1934 г., как вы могли совмещать существование централизованной Германии, достигнутое весьма неразборчивыми методами, с эволюционным разрешением австрийской проблемы?

Видите ли, именно это говорится в данном абзаце. Мне кажется, что все это проще, чем вы говорите. Мне кажется, что вы стремились к аннексии Австрии национал-социалистской империей при первой возможности.

Папен: Само собой разумеется, что я должен был считаться с существовавшим тогда положением, и я считался с ним как каждый политик с реальным мышлением. Итак, я пытался с помощью имеющихся факторов национал-социалистской партии в обеих странах прийти к разрешению этого вопроса.

Максуэлл-Файф: Видите ли, в настоящий момент я прошу вас объяснить, что вы имели в виду под выражением: «динамическое развитие событий внутри Германии». Короче говоря, подсудимый, я хочу, чтобы вы ясно поняли, что Мессерсмит говорил прежде всего о ваших действиях в Юго-Западной

Европе; во-вторых, он говорил о том, что Австрия была первым шагом, первым объектом.

Теперь я прошу вас обратиться к странице 102 того же документа. Это ваш собственный отчет от 18 октября 1935 г. Я хочу, чтобы вы рассмотрели третье утверждение Мессерсмита относительно вас, которое вы отрицаете, — утверждение о том, что вы собирались работать в Австрии путем ослабления ее государственного строя. Я прочитаю первую фразу, чтобы вы поняли, о чем идет речь.

Документ начинается словами:

«Вчерашняя перетасовка кабинета напоминает бескровный бунт принца Штаркенберга и хеймвера (австрийской организации внутренней безопасности). Становится совершенно ясно, что министр Фей уже ранее слышал о своей предполагавшейся отставке и что уже вчера днем по его указанию общественные здания в Вене были заняты преданными ему воинскими частями хеймвера. Правительство немедленно в виде контрмеры усилило охрану приданием ей полицейских частей».

Далее вы рассматриваете создавшееся положение вещей. Это начало отчета. Затем, если вы посмотрите на следующую страницу, вы говорите:

«Несмотря на явную победу вице-канцлера и упорные попытки австрийской прессы доказать, что перемещения в кабинете были проведены для консолидации внутренних сил страны, австрийское общественное мнение, в том числе круги хеймвера, чувствуют, что страна вступает на очень шаткую почву. С нашей точки зрения, изменение положения вещей весьма желательно. Всякое новое ослабление системы является для нас преимуществом, даже в том случае, если сначала фактически положение кажется направленным против нас. Фронты начинают двигаться, и наша задача будет состоять в том, чтобы поддерживать их в этом состоянии движения».

Итак, подсудимый, из этого с определенностью вытекает, что вы полагали, что если только в Австрийском государстве создается положение политической неустойчивости или беспорядка, то неважно, будет ли данный демарш антигерманским, лишь бы только росло недоверие и возрастало напряжение. Это было преимуществом для Германии, и именно этого вы желали.

Ведь именно таков смысл этих строк, не правда ли?

...Я продолжу чтение.

«Продолжение переговоров по поводу компенсации, которые были прекращены со времени Женевской декларации, кажется совершенно излишним в настоящее время. Было бы хорошо еще более возбудить уже взбудораженное общественное мнение против итальянской политики путем умной и тактичной обработки через прессу, однако без того, чтобы дать правительству

какой-либо повод обратиться к новым отчаянным мерам и начать новую пропагандистскую кампанию против нас. Я был бы очень благодарен, если бы имперский министр пропаганды выделил на эту работу несколько опытных журналистов. В остальном он не может дать событиям развиваться самостоятельно в ближайшем будущем. Я уверен, что перемещение сил на европейской шахматной доске даст нам возможность в недалеком будущем активно перейти к вопросу об организации влияния на юго-западных территориях».

Необычайно — да позволено мне будет так сказать, — необычайно, как Мессерсмит сумел изложить ваши мысли и идеи, если между вами никогда не было такого разговора, не правда ли?

Прежде чем закончить вопросы, связанные с показаниями Мессерсмита, подсудимый, я хочу задать вам три вопроса относительно других стран Юго-Восточной Европы, о которых упоминал Мессерсмит. Было ли вам известно, что министерство иностранных дел Германии руководило движением Генлейна среди судетских немцев и финансировало его?

Папен: Мне кажется, что я только теперь узнал об этом, так как в 1935 году, когда был составлен этот отчет, вопрос о судетских немцах вовсе не был актуальным.

Максуэлл-Файф: Когда вы узнали об этом?

Папен: В основном я узнал об этом здесь, в зале Суда.

Максуэлл-Файф: Было ли вам известно, что империя поддерживала Кодриану и «железную гвардию» в Румынии?

Папен: Мне кажется, что это было в более поздний период.

Максуэлл-Файф: Вы узнали об этом несколько позже 1935 года, не так ли? Когда вы узнали об этом?

Папен: Я не могу точно это сказать, но мне кажется, что эти события с «железной гвардией» в Румынии относятся приблизительно к 1937 году.

Максуэлл-Файф: Было ли вам известно, что в 1944 году в имперской государственной газете обсуждался вопрос о том, что вы являетесь подходящим кандидатом для того, чтобы сделать то же самое в Венгрии и обеспечить приобретение империей Венгрии, то есть предполагалось, что вы можете быть использованы для проведения работы внутри Венгрии для того, чтобы включить ее в империю. Было известно вам об этом?

Папен: Нет. Во-первых, я этого не знал, а во-вторых, я позволю себе сказать, что сама эта мысль невероятна, так как я был очень дружен с регентом Венгрии Хорти, и в своем опросном листе адмиралу Хорти я поставил ему вопрос, на который он, к сожалению, не ответил, так как он уже не помнит этого. Там констатируется, что осенью 1943 года венгерский министр внутренних дел Керестсе-Фишер передал мне документ,

из которого ясно вытекало, что германские или германо-венгерские силы хотели добиться аншлюсса Венгрии с Германией. Этот документ по желанию регента Хорти я тотчас же передал фон Риббентропу и попросил его принять необходимые меры для предотвращения этого. Это подтверждается документами, и венгерский министр внутренних дел может подтвердить это.

Максуэлл-Файф: Видите ли, подсудимый, я хочу сказать о другом. Мне безразлично, примете ли вы мою точку зрения или нет. Я хочу сказать, что выбор пал на вас. Разве вы этого не знаете? Вы ведь знаете, на какой документ я ссылаюсь сейчас. Это документ, на котором имеется множество пометок Кальтенбруннера. В этом документе о вас пишется как о лице, которое могло бы провести внутреннюю работу в Венгрии.

Папен: Да, с этими записями я познакомился после того, как вы предъявили их здесь.

Максуэлл-Файф: Если вы узнали об этом только здесь, то единственно, что я хочу знать, — это было ли вам известно в 1944 году о том, что в правительственном документе, изданном в Германии, о вас говорилось как о подходящей кандидатуре для внутренней работы в Венгрии с целью присоединения ее к Германии? Если вы скажете, что вы об этом не знали, то мне нет необходимости больше беспокоить вас по этому поводу. Вы говорите, что узнали об этом лишь позавчера?

Папен: Во-первых, это так и было, во-вторых, известным из истории фактом является то, что я неоднократно возражал против этих стремлений, имевших место в Венгрии, поскольку они имели своей целью каким-либо путем, а позднее путем оккупации, сделать Венгрию составной частью Германской империи. Я считал это самой неправильной и самой невозможной политикой, которую можно было бы проводить.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы, подсудимый, гаулейтера Рейнера, с которым у вас был случайный, и, я уверен, очень интересный разговор накануне аншлюсса? Вы помните свидетеля Рейнера? Я хочу, чтобы вы рассмотрели точку зрения, которую высказал Рейнер о положении вещей, когда вы начали работать, и чтобы вы сказали Трибуналу, согласны ли вы с ней. Этот документ начинается на странице 6, а выдержка, на которую я хочу сослаться, находится на странице 8. Вы нашли абзац, который начинается словами:

«Таким образом, началась первая стадия борьбы, которая окончилась восстанием в июле 1934 года. Решение провести это июльское восстание было правильным, но было допущено много ошибок при его проведении. В результате была полностью разгромлена организация, потеряны целые группы бойцов из-за их тюремного заключения или бегства в «старую империю»; а что

касается политических взаимоотношений между Германией и Австрией, то это восстание привело к формальному признанию Австрийского государства германским правительством.

Телеграммой Папену, в которой давались инструкции восстановить нормальные отношения между двумя государствами, фюрер закончил первую стадию борьбы, и должен был начаться новый метод политического проникновения в Австрию».

Согласны ли вы с тем, что это является правильной характеристикой вашей работы — «новый метод политического проникновения»?

Папен: Нет, это совершенно неправильное описание моей деятельности.

Максуэлл-Файф: Таким образом, если вы не согласны с Рейнером, то скажите, вы ведь хорошо знаете свидетеля, вы должны очень хорошо знать свидетеля Пауля Шмидта? Вы знаете его?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Очень хорошо. Я думаю, что вы согласитесь со мной, что это одно из тех лиц, против которых никто не сказал ни одного слова в течение Суда. Вы согласны? Я не слышал ни одного слова критики по адресу Пауля Шмидта. Разве вы не согласны со мной?

Папен: Вы говорите о свидетеле-переводчике Шмидте или о министре иностранных дел Шмидте?

Максуэлл-Файф: Я говорю о переводчике Пауле Шмидте.

Папен: О переводчике Пауле Шмидте? Я сейчас скажу вам свое мнение о нем.

Максуэлл-Файф: Согласны ли вы с тем, что этому человеку можно доверять, или вы заявляете, что он не является человеком, заслуживающим доверия.

Папен: Я ничего не имею возразить в отношении личных качеств этого человека, но я очень резко возражаю против того, что Шмидт разрешает себе давать оценку моей политической деятельности в Австрии.

Максуэлл-Файф: Перед тем как вы будете давать объяснения относительно этого, посмотрите на этот документ. Это письменные показания Пауля Шмидта. Я прошу вас заслушать, что говорил Пауль Шмидт:

«Планы аннексии Австрии являлись частью нацистской программы с самого начала. Оппозиция Италии после убийства Дольфуса временно вынуждала подходить к этой проблеме более осторожно, но применение санкций против Италии Лигой Наций вместе с быстрым увеличением военной мощи Германии обеспечило завершение австрийской программы. Когда Геринг посетил Рим в начале 1937 года, он объявил, что союз Австрии

и Германии является неизбежным и что его нужно ожидать рано или поздно. Муссолини, услышав эти слова по-немецки, промолчал и выразил лишь очень слабый протест, когда я перевел эти слова на французский язык. Проведение аншлюсса являлось преимущественно делом партии, в котором роль Папена заключалась в том, чтобы внешне сохранить нормальные дипломатические отношения, в то время как партия использовала гораздо более изощренные способы».

Затем свидетель — я скажу об этом, чтобы все было ясно, — делает ошибку: он говорит о речи Гитлера от 18 февраля, под которой, к сожалению, переводчик поставил ваше имя. Но я не основываюсь на этом. Я хочу лишь знать, согласны ли вы с тем, что ваша задача «заключалась в том, чтобы внешне сохранить нормальные дипломатические отношения, в то время как партия использовала гораздо более изощренные способы». Согласны ли вы с тем, что это описание вашей программы и вашей миссии в Австрии является правильным?

Папен: Совсем напротив. Она абсолютно иная. Мою задачу, которую я должен был разрешить в Австрии, я весьма подробно и ясно изложил Суду.

Эта задача состояла в умиротворении и нормализации положения и в дальнейшем проведении политики вращающегося друг друга обоих государств.

Максуэлл-Файф: Если такова была ваша точка зрения относительно вашей миссии в Австрии, то почему для вас было необходимо получить сведения о местоположении камер со взрывчатыми веществами на австрийских стратегических дорогах? Это, пожалуй, возвращение назад, к развитию той идеи, против которой вы так решительно возражали. Не так ли? Что же, если вы не помните, разрешите вам напомнить. Документ Д-689. Трибунал найдет это на странице 102.

Речь идет об открытии дороги Гроссглокнер. Это, как вам известно, дорога из Зальцбурга в Каринтию, которая имеет некоторое стратегическое значение. Помните ли вы, что после вашего описания событий в Зальцбурге, где толпа пела все песни, кроме «Хорст Вессель», и немецкие шоферы устроили состязание, в параграфах 3 и следующем вы говорите: «Строительство этой дороги, несомненно, является первоклассным достижением культуры, в котором германские строительные фирмы приняли основное участие, имевшее решающее значение. Главный инженер имперской фирмы, которая строила туннель на самом высоком участке дороги, предложил информировать меня о местонахождении камер со взрывчатыми веществами в этом туннеле. Я направил его к военному атташе».

Вот как вы сочетали культуру и демонстрацию превосходства германского дорожного строительства с получением ин-

формации о местонахождении камер со взрывчатыми веществами в туннеле, который является одним из стратегически важных участков дороги. Почему вы считали это столь важным, что послали донесение об этом самому Гитлеру и три копии направили в министерство иностранных дел?

Папен: Я представляю совершенно точный отчет о событиях, связанных с открытием этой автострады.

Максуэлл-Файф: Я вас спрашиваю, почему вы направили Гитлеру сообщение о том, что вам доложил германский инженер, а именно, что камеры со взрывчатыми веществами находятся на важном участке дороги, где она могла бы быть преграждена? Почему вы считали нужным сообщить об этом Гитлеру? Я хочу, чтобы вы ответили Трибуналу именно на этот вопрос.

Папен: Потому, что мне казалось интересным, что этот человек без всякого вопроса с моей стороны подошел ко мне и сказал приблизительно следующее: «Там-то и там-то можно взорвать этот туннель...»

Вы знаете, что в это время между Германией и Италией отношения были очень напряженными и что Италия на границе у Бреннера сконцентрировала войска. Поэтому мне казалось интересным, что этот путь, связывающий Германию с Италией в подходящий момент может быть снова прерван. Впрочем, я передал это дело своему военному атташе, поскольку это меня лично не интересовало.

Максуэлл-Файф: Нет, вы тогда уже занимали такое положение, что сами лично не могли заниматься такими вещами. Вы возглавляли миссию, а это было дело военного атташе. Подсудимый, намеревались ли вы, вводя германскую культуру, например, строя дороги, в то же время получать стратегическую информацию, которую вы могли передавать вашему правительству, подрывая тем самым стратегические планы Австрийского правительства по использованию этой дороги?

Вы также сообщили, где будут находиться австрийские склады снаряжения и заводы боеприпасов, не так ли?

Папен: Я не помню.

Максуэлл-Файф: Если вы не помните, то посмотрите сами на документ. Вы найдете его через несколько страниц. Это документ Д-694. Абзац, который я зачитаю, находится на странице 111. Вы должны найти это на самом верху страницы 112 в немецкой книге документов. После того как вы говорите о влиянии Манделя, на чье еврейское происхождение вы ссылаетесь, вы затем переходите к принцу Штаркенбергу и говорите: «После того как производство боеприпасов для Италии должно было быть приостановлено в Хиртенберге в связи

с протестами Италии, он, Мандель, погрузил весь завод на железнодорожные платформы для того, чтобы продолжать работу в Италии».

Обратите внимание на слова в скобках: «Между прочим, это очень интересное положение для австрийской промышленности боеприпасов».

Считали ли вы, согласно одному из положений вашей теории восстановления нормальных отношений, что вам следовало доносить об изменениях в промышленности боеприпасов в Австрии?

Папен: Нет, это не входило в мои задачи, но из этого отчета ясно вытекает, что я в нем передаю мою беседу с польским послом Гавронским, который рассказывал мне, что этот единственный завод боеприпасов, который имелся в Австрии, перебазировался в Италию. И я писал по этому поводу, что мне в то время показалось очень странным, что одна страна должна получать военное снаряжение за границей, в другой стране. Вы должны согласиться со мной, что это очень странное явление, о котором стоило написать в своем отчете.

Максуэлл-Файф: Теперь я хочу перейти к другому вопросу — и опять хочу лишь коротко остановиться на нем, — а именно к вашей личной деятельности в Австрии. Помните, когда вы поехали на зальцбургский фестиваль в 1935 году, когда вы уже находились в Австрии около года? Вы помните об этом? Я не знаю, помните ли вы, что вы были там в этот год, ведь вы ездили туда ежегодно? Я хочу напомнить вам о следующем. Помните ли вы, что в то время пятьсот национал-социалистов приветствовали вас музыкой и устроили такую демонстрацию, что некоторые другие гости в отеле хотели телефонировать или телеграфировать федеральному канцлеру о том, что приезд германского посла вызвал большую нацистскую демонстрацию? Вы помните этот факт?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы, подсудимый, митинг ветеранов первой мировой войны?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Если я не ошибаюсь, это было в 1937 году, не так ли?

Папен: Совершенно правильно.

Максуэлл-Файф: И вся подготовительная работа была проделана для того, чтобы устроить встречу «не политического характера» и воссоединить австрийские полки с ветеранами из германских полков. После этого митинга должен был состояться какой-то обед или завтрак, и эта встреча должна была закончиться пением и весельем. Такова была программа? Не правда ли?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: На этом митинге выступали генерал Глейзе-Хорстенау и вы?

Папен: Да, правильно.

Максуэлл-Файф: Я полагаю, вы согласитесь с тем, что генерал Глейзе-Хорстенау произнес не очень блестящую речь. Это была не очень блестящая речь. Таково было ваше впечатление, не так ли? Она была интересна, но не динамична. Я не хочу обидеть генерала, я просто хочу выяснить факт.

Папен: Это так.

Максуэлл-Файф: Затем вы произнесли речь, которая была очень короткой, не так ли? Вы помните об этом?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: После вашей речи на улицах Вельса начались драки и стрельба. Там имели место беспорядки, не правда ли?

Папен: Разрешите, я опишу подробнее, как это было.

Максуэлл-Файф: Да, пожалуйста, если вы можете это сделать. Я хотел установить факты.

Папен: В Вельсе была назначена встреча организаций старой немецкой армии времен первой мировой войны, так называемого «военного союза» и союза ветеранов войны Австрии. Все это было вполне законно и в духе нашей совместной политики, — наши совместные переживания во время первой войны должны были быть обновлены этими союзами. Когда состоялась эта встреча, которая по моему желанию и по желанию Австрийского правительства должна была носить совершенно аполитичный характер, выяснилось следующее. Место, где происходило собрание союзов ветеранов, когда я туда прибыл, было окружено пятью или десятью тысячами людей. Австрийское правительство для приема германских гостей выстроило почетный караул численностью в одну роту, и когда при моем прибытии оркестр начал играть австрийский национальный гимн, эти пять или десять тысяч человек, окружавшие площадь, стали одновременно петь немецкий национальный гимн, так как известно, что мелодия этих гимнов одна и та же. Когда я затем, в ходе этого торжества, произнес свою короткую речь, выяснилось, что меня неоднократно демонстративно прерывали эти тысячи людей. Конечно, я сразу же понял, что здесь со стороны австрийских национал-социалистов планировалась большая политическая демонстрация, поэтому я прервал свою речь и вскоре после этого покинул площадь и вообще оставил Вельс. Совершенно правильно, что когда началось торжество и когда австрийская полиция хотела выступить против австрийских демонстрантов, дело дошло до очень неприятных инцидентов.

Максуэлл-Файф: Вы так объясняете эти события? Я изложил факты. Я хочу теперь перейти к другому вопросу,

потому что я могу только приводить примеры вашей деятельности в Австрии.

Помните ли вы, что до того как вы слышали показания Зейсс-Инкварт, термин тактика «троянского коня» употреблялся в применении к Австрии?

Папен: Да. Зейсс-Инкварт сам не хотел ввести такого «троянского коня».

Максуэлл-Файф: Но ведь до этого вы сами говорили о тактике «троянского коня».

Это страница 133 книги документов 11-А. Это ваш отчет Гитлеру от 21 августа 1936 г., где вы цитируете инструкцию секретной службы в Праге ее отделению в Вене, которая гласит: «К сожалению, следует отметить, что дикие эксцессы национал-социалистов, имевшие место 29 июля этого года, не привели к тем результатам, которых мы ожидали. Приближение Австрии к третьей империи в области внешней политики продолжает прогрессировать так же, как и процесс «культурного» сотрудничества двух братских наций. Можно только сделать вывод из наших последних отчетов, что «троянский конь» национал-социализма вносит все большее и большее смущение в ряды отечественного фронта и в особенности в ряды хайматшутце («внутренней гвардии»).

Оппозиция против нормализации германо-австрийских отношений, которая очень опасна для австрийской независимости, тем не менее является очень сильной. Дело, видимо, лишь в том, что не хватает хорошей организации».

Скажите, правильно ли этот чешский отчет излагает события? Внешняя нормализация отношений, а по существу — применение методов «троянского коня» внутри страны?

Папен: Это точка зрения чешской секретной службы и, возможно, Чешского правительства.

Максуэлл-Файф: Разрешите вам напомнить, подсудимый, что эту точку зрения вы сами цитируете в своем отчете фюреру и не возражаете против нее. В вашем отчете нет ни единого слова о том, что точка зрения является неправильной. Вы говорите, что приводите ее для того, чтобы «пролить свет на современное положение вещей в Австрии». Вы приводите эту цитату как правильную информацию для фюрера. Таким образом, я полагаю, что вы не можете скинуть ее со счета простой ссылкой на то, что это только чешский отчет.

Папен: Я обращаю ваше внимание на тот факт, что этот отчет написан 21 августа 1936 г., то есть месяц спустя после заключения нашего июльского соглашения, относительно которого вы утверждали, что это было фальшивым маневром, и в отношении которого мы вместе с австрийским министром ино-

странных дел констатировали, что это было очень серьезное соглашение.

Председатель: Что вы скажете относительно последнего абзаца?

Максуэлл-Файф: Благодарю вас. Там говорится:

«Кроме того, кажется безнадежным и практически невозможным для нас стремиться оказать влияние на австрийский легитимизм и движение хеймвера. С одной стороны, среди австрийских католиков имеются сравнительно влиятельные элементы, которые могли бы, с известными ограничениями, быть названы демократическими. Эти элементы, которые постепенно группируются вокруг «Союза свободы» и которые склонны в основном работать для достижения соглашения с социал-демократами, представляют, по нашему мнению, ту группу, которая при известных обстоятельствах могла бы склониться к тому, чтобы вызвать революцию во внутренней политике Австрии».

Скажите, приводили ли вы эту точку зрения, как отражающую ваше мнение по данному вопросу?

Папен: Я весьма подробно и точно изложил Суду цели и характер данного «Союза свободы». Суд знает из отчетов, что Чешское правительство старалось оказать известное влияние на этот «Союз свободы». Это совершенно ясно вытекает отсюда. Ведь этот отчет составлен Чешским правительством.

Максуэлл-Файф: Но вы ведь приводили его как вашу точку зрения в вашем отчете Гитлеру. Грубо говоря, вы хотели этим сказать, что католическая левая могла быть использована как средство для сближения. Фактически вы говорите именно об этом?

Папен: Но вы же не можете требовать от меня признания того, что я предъявил Гитлеру чешский отчет для того, чтобы сказать, что мои взгляды тождественны тем, которые изложены в этом отчете?

Максуэлл-Файф: Именно в этом я вас обвиняю. Если вы пишете главе государства, что «для того, чтобы пролить свет на современное положение вещей в Австрии, я прилагаю выдержку из этого отчета», значит, как я предполагаю, этот отчет правильно излагает с вашей точки зрения положение вещей, не так ли? Именно это я и говорю вам.

Папен: Нет. Я придерживаюсь совершенно другого мнения, ибо из другого отчета, который вы тоже предъявили Суду, вытекает, что я прошу Гитлера оказать противодействие стремлениям Чешского правительства повлиять на «Союз свободы», усилив наше собственное влияние на него.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, вы просили у Гитлера 100 тысяч рейхсмарок для поддержки «Союза свободы». Вы

в точности следовали тому, что вы здесь высказали, а именно вашему утверждению, что католики могут быть той силой, которая может быть использована как точка опоры, для того чтобы приобрести влияние еще на одну группу общественного мнения Австрии. Я утверждаю, что обе эти вещи как раз совпадают. С одной стороны, вы говорите Гитлеру, что они полезны...

Папен: Да, это так.

Максуэлл-Файф: И, с другой стороны, вы хотите поддержать их сотней тысяч имперских марок. Именно это я и говорю вам...

Папен: Я согласен с этим.

Максуэлл-Файф: Что вы все время стремились к приобретению влияния на общественное мнение Австрии, выдвигая одну его группу за другой для работы в целях подавления свободы в Австрии. Именно это я хочу сказать, об этом я вас спрашиваю. Не думаю, что по этому поводу могут существовать какие-либо сомнения.

Папен: Если что и вытекает достаточно ясно из этого отчета, так это именно тот факт, что помимо национал-социалистов в Австрии существовали и другие группы, в частности это были христианские профсоюзы и «Союз свободы», которые тоже стояли за политику объединения обоих государств. И Вы, пожалуй, можете упрекать меня в том, что я, будучи дипломатом, который хотел добиться этой цели эволюционным путем, присоединился к политическим интересам этих групп.

Максуэлл-Файф: В политике «тroyанского коня» не содержится никаких элементов эволюции. Ну, что же, однако, об этом можно говорить. Перейдем к другому вопросу. Скажите, вы знали барона Гуденуса?

Папен: Нет, я его не знал.

Максуэлл-Файф: Знали ли вы, что он был самым близким доверенным лицом эрцгерцога Отто? Вы это помните?

Папен: Да, это следует из моего отчета.

Максуэлл-Файф: Давайте посмотрим, что говорил барон Гуденус. Это вы найдете на странице 93. Это документ Д-687, в котором говорится:

«Барон Гуденус, ...самое близкое доверенное лицо эрцгерцога Отто, пишет одному моему знакомому 30 марта: «Я увез из Австрии самые приятные впечатления относительно прогресса нашего движения, но я не могу отрицать, что в некотором отношении политика нашего правительства меня очень беспокоит.

Какая польза в том, что зачинщики тех событий, которые имели место в феврале и июле 1934 года, или те из них, которые были пойманы, осуждаются судом, если правительство

слишком слабо, слишком небрежно или намеренно слишком терпимо для того, чтобы препятствовать проведению «коричневой» и «красной» пропаганды в кино, через прессу, по радио и главным образом государственными чиновниками или органами отечественного фронта, которые поддерживаются и оплачиваются как деньгами, так и другими способами из Германии за счет тех средств, которые в большом количестве поступают, и т. д.

Что в действительности делает этот ученый-идеалист Шушницг? Разве он не замечает, что Папен и другие «коричневые» агенты в его собственной стране все время плюют в руку, которую он так чистосердечно предлагает им? Он не должен воображать, что он таким образом может поддержать порядок в Австрии и спасти ее, в то время как Гитлер правит Германией, которая окрашена в коричневый цвет изнутри и снаружи. Методы, которыми пользуется Германия, об этом нельзя спорить, становятся все более умными и осторожными, но это делает их еще более опасными».

Это было примерно через семь месяцев после вашего приезда.

«Довольно серьезными также были постоянные разногласия между Шушницгом и Штаркенбергом... и т. д.

Разве неправильно, подсудимый, что все, даже приезжавшие в качестве гостей монархические агенты, знали о том, что проводилась такая политика, причем знали, что вы стояли во главе этой проводившейся политики и использовали для нее австрийских национал-социалистов, работавших исподволь? До того как вы мне ответите, подсудимый, посмотрите на ваши собственные комментарии по этому поводу:

«Трудности внутреннего положения в Австрии вряд ли можно описать лучше, чем это сделано в данном письме».

Почему вы не сказали Гитлеру, если налицо имелись факты: «Барон Гуденус пишет чепуху. Я честно и добросовестно выполняю задание, ставящее своей целью нормализацию германо-австрийских отношений»? Почему вы этого не отрицали, если это было неправильно?

Папен: Мне кажется, что из этого отчета прежде всего видно, что я с полной откровенностью предлагал Гитлеру те отчеты, которые я получал, в том числе и отчет приверженца реставрации Габсбургской монархии.

Максуэлл-Файф: А я думаю, подсудимый, что вы передали эти отчеты потому, что они соответствовали действительности. Вы приняли их и переслали Гитлеру, потому что считали, что они правильны и что изображенная в них картина совершенно правильно отражает положение вещей. Вот что я утверждаю. Скажите Трибуналу, правильны ли эти отчеты или нет?

Если они неправильны, то почему вы их передали Гитлеру без комментариев о том, что они неправильны?

Вот о чем я вас спрашиваю.

Папен: Если Вы прочтете отчет барона Гуденуса, то установите, что он описывает внутреннее положение Австрии и заявляет, что имеющиеся разногласия между Шушнигом и Штаркенбергом, конкуренция их гвардий и продолжающий существовать нелегально республиканизм...

Максуэлл-Файф: Ведь вы указываете только на три строчки из двадцати. Там написано еще очень много до этого. Я спрашиваю вас относительно других семнадцати строчек этого отчета.

Папен: Упомянутые мною пункты показывают внутреннюю слабость Австрийского правительства, относительно которой я сообщаю в этом отчете. Если Вы хотите сказать, что я должен был объяснить Гитлеру, что я не был коричневым агентом, то, несомненно, 26 июля мы точно договорились, на каких условиях я должен проводить свою деятельность в Австрии. Мне не следовало писать об этом Гитлеру в своем отчете, я послал ему этот отчет только для принятия его к сведению.

Максуэлл-Файф: Если вы даете такое объяснение, то посмотрите на следующий абзац вашего письма. Оно иначе показывает, как вы работали. Параграф 3: «Фильм «Старый и молодой король». Трибунал может не помнить, но вы мне напомните, если я опущу что-либо. Если я не ошибаюсь, это фильм о взаимоотношениях Фридриха-Вильгельма и Фридриха Великого. Это правильно?»

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: «Фильм «Старый и молодой король» был впервые продемонстрирован здесь несколько дней назад в присутствии Яннигса». Имеется в виду актер Эмиль Яннигс. «Фильм вызвал прилив энтузиазма. Сцена, где король подчеркивает тот факт, что «французский хлам и римские книги ничего не означают для Пруссии», была встречена особенно бурными аплодисментами. Полиция хотела снять с экрана этот фильм. Вместе с Яннигсом мы объяснили, что если этот фильм будет запрещен, то мы вынуждены будем прибегнуть к запрещению демонстрации всех австрийских фильмов в Германии. Это оказало свое действие. Фильм, за исключением вышеупомянутой сцены, которая была вырезана, демонстрируется и будет демонстрироваться на экранах в Клагенфурте и в Граце в течение последующих нескольких дней.

Вчера я принял Яннигса вместе с группой актеров из городского театра в качестве моих гостей. Он сказал, что он очень доволен своим успехом, и мы обсуждали в подробностях план фильма о Бисмарке, для производства которого я реко-

мендовал ему использовать в качестве автора сценария Бомельбурга».

Другими словами, вы насильственно внедряли фильмы, содержавшие прусскую пропаганду, для того, чтобы показать их Австрии, при этом угрожая, что в противном случае вы снимете с экранов Германии «Фрейлейн Вессли», «Маскарад» и все другие австрийские фильмы того времени. Вы внедряли свою пропаганду под угрозой снятия с экранов австрийских фильмов. Разве не так?

Папен: Так, и я скажу, почему это так было. Я должен несколько расширить ваше знание этих исторических событий. Как вы знаете, Фридрих Великий сыграл очень большую роль в отношениях между Австрией и Германией, и мы тогда старались в отношениях между этими двумя государствами устранить те исторические неправильности, которые относились еще ко времени Фридриха Великого. С этой целью знаменитый австрийский историк профессор Шубек написал большой труд. Целью этого фильма, о котором здесь говорится, было показать, что история великой Германии охватывает одинаково оба народа. Поэтому, другими словами, для культурного сближения обоих государств я настоял на том, чтобы этот фильм оставался на экранах Австрии. Это и было сделано.

Максуэлл-Файф: Я несколько не сомневаюсь в том, каковы были ваши мотивы, по которым вы настаивали на демонстрации этого фильма. Подсудимый, я спрашиваю вас о том, почему вы действовали против воли австрийских властей, угрожая им тем, что снимете все австрийские фильмы с германского рынка? Почему вы именно этим угрожали австрийским властям?

Папен: Очень часто случалось, что австрийская полиция боялась, что некоторые фильмы могут стать поводом для демонстраций. Но после того как мы обсудили с полицией этот фильм, многие кадры из него должны были быть удалены, после чего полиция согласилась допустить демонстрацию этого фильма. Само собой разумеется, что я сказал полиции, что если мы не договоримся, то следствием этого будет то, что Германия вообще не будет больше посылать фильмы в Австрию.

Максуэлл-Файф: Я снова повторяю. Помните, вы заявили Трибуналу, что вы не поддерживали контакта с национал-социалистской партией Австрии? Это правильно?

Папен: Нет, это неправильно.

Максуэлл-Файф: То есть вы хотите сказать, что вы поддерживали такой контакт?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Тесный контакт?

Папен: Нет.

Максуэлл-Файф: Если нет, тогда возвратитесь к предыдущей странице, — это, вероятно, страница 72 вашего отчета.

Это тот же самый отчет. Вы начинаете этот отчет следующим образом:

«Я должен прежде всего сообщить о действиях местной национал-социалистской партии. 23 марта было достигнуто полное соглашение в Кремце между отставным капитаном Леопольдом и генерал-директором Нейбахером. В результате этого генерал Нейбахер признал себя подчиненным Леопольда во всех вопросах и признал его фюрером Австрии. Как только Шаттенфрех будет освобожден из концентрационного лагеря, он станет заместителем фюрера в Австрии, а Нейбахер как ближайший доверенный Леопольда будет использоваться для консультации по всем важным вопросам.

Далее, Леопольд наметил кого-то еще в качестве своего заместителя, а генерал-лейтенант Крупп, находящийся в отставке, будет привлекаться под строгим секретом также для консультации».

Я хочу зачитать последние строчки: «Леопольд выразил желание о том, чтобы постоянные интриги против него со стороны эмигрантов, живущих в империи, — Фраунфельда и других — были, наконец, приостановлены».

Это очень полная картина положения национал-социалистской партии в Австрии, не правда ли?

Папен: Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что этот отчет датирован 5 апреля 1936 г., то есть он был составлен во время, которое предшествовало польскому договору, то есть тогда, когда мой интерес ко всем этим политическим вопросам был еще легко объяснимым.

Максуэлл-Файф: Если вы придаете значение дате, посмотрите на ваш отчет от 1 сентября 1936 г. Он находится на странице 33. Как вы помните, — это отчет, о котором вы упоминали, и вы сказали в нем, что «в качестве руководящего принципа с точки зрения тактической я рекомендую постоянное и терпеливое психологическое воздействие с медленным увеличением давления, направленным к изменению режима».

Вы заявили Трибуналу, что этим вы хотели сказать о необходимости изменить состав министерства внутренних дел. Но давайте продолжим чтение:

«Конференция по вопросу об экономических отношениях, намеченная на конец октября, будет очень полезна для реализации некоторых наших проектов. В беседах как с правительственными чиновниками, так и с руководителями нелегальной партии (Леопольдом и Шаттенфрехом), которые действуют полностью в духе нашего соглашения от 11 июля, я пытаюсь направлять следующие шаги таким образом, чтобы добиться

корпоративного представительства движения в «Отечественном фронте».

Совершенно ясно, что 1 сентября 1936 г. после соглашения вы имели беседы с руководителями нелегальной партии — Леопольдом и Шаттенфрехом. Таким образом, мы можем считать признанным — и я не хочу более тратить времени на это, — что в течение всего времени вашего пребывания в Австрии вы находились в постоянном и тесном контакте с руководителями национал-социалистской партии в Австрии.

Папен: Нет. Упомянутая вами беседа относится к июльскому соглашению и вполне оправдывается. Я достаточно подробно изложил вчера это обстоятельство Суду. В июльском соглашении канцлер Шушниг обещал привлечь к сотрудничеству членов национальной оппозиции. Вследствие этого моим естественным долгом было интересоваться тем, в какой степени Шушниг действительно стремился к сотрудничеству с этими силами. Это и было содержанием моей беседы с фюрером.

Я позволяю себе совершенно четко констатировать, что мой контакт с австрийской партией после июльского соглашения осуществлялся только в этом направлении.

Максуэлл-Файф: Я прошу вас перейти теперь к ноябрю 1937 года. Не можете ли вы как можно более точно назвать дату вашей встречи с подсудимым Зейсс-Инквартом в Гармише?

Папен: Да, подсудимого Зейсс-Инкварта я случайно, то есть без всякой договоренности, встретил в Гармиш-Партенкирхене во время олимпийских зимних игр в январе 1938 года.

Максуэлл-Файф: В январе 1938 года?

Папен: Совершенно верно.

Максуэлл-Файф: Я хочу проверить эти даты и уточнить их. Вы стали близкими друзьями с министром иностранных дел Гвидо Шмидтом, который здесь давал показания, не так ли?

Папен: Да, с министром иностранных дел я был в очень дружественных отношениях.

Максуэлл-Файф: Я хочу сказать, что вы говорили ему «ты», будучи на двадцать лет старше его. Вы называли его в течение некоторого времени на «ты»? Вы были в очень близких отношениях с ним, не правда ли?

Папен: Я считаю, что наша разница в возрасте на двадцать лет не может быть мерилom дружбы. Я ценил Шмидта, как я уже говорил, как искреннего человека.

Максуэлл-Файф: Надеюсь, что вы согласитесь со мной, что необычно и странно для посла находиться в таких отношениях с министром иностранных дел другого государства, в особенности, если тот на двадцать лет моложе его, а не его сверстник, находиться в таких отношениях, чтобы фамильярно

называть его на «ты». Разве вы не согласны со мной, что это совершенно необычная форма отношений между министром иностранных дел и послом?

Папен: Если бы вы в своей жизни побывали в Австрии, вы бы знали, что в Австрии почти все обращаются друг к другу на «ты», а для объяснения этого инцидента я позволю себе сказать следующее. Министру иностранных дел Шмидту, которого я очень ценил, за день до нашего прощания я сказал: «Дорогой друг, мы так много вместе работали, теперь мы можем говорить друг другу «ты»».

Максуэлл-Файф: Я интересуюсь вот каким вопросом: в ноябре 1937 года вы с Гвидо Шмидтом впервые обсуждали вопрос о встрече Шушнига с Гитлером, не так ли?

Папен: Мне кажется, что я обсуждал этот вопрос в то время не только с министром иностранных дел Шмидтом, но и лично с Шушнигом.

Максуэлл-Файф: Как вы слышали, Шмидт говорит в своих показаниях, что он добивался союза Германии и Австрии любыми средствами и любой ценой. Как вы слышали, Шмидт сказал здесь, что Геринг сказал ему, что такова была точка зрения его, Геринга, и я должен со всей справедливостью заявить, что это полностью соответствует действительности. Эту точку зрения он высказывал здесь и, очевидно, высказывал ее также многим другим лицам. Вы помните, что Шмидт говорил это?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Мы слышали, что Геринг сказал это не только Шмидту, но и Муссолини, и Трибуналу, и, как я полагаю, нескольким другим лицам. Разве он никогда не говорил вам об этом?

Папен: Нет.

Максуэлл-Файф: Вы не знали, что это была точка зрения Геринга?

Папен: Позвольте мне высказаться. Само собой разумеется, я знал, что желанием Геринга было объединить оба эти государства. Я присутствовал на беседе с Муссолини. Но Вы, пожалуйста, учтите тот момент, что Геринг не был тогда ответственным за внешнюю политику. Вопрос о том, какая политика должна проводиться в Австрии, обсуждался исключительно мной и Гитлером, и я не помню, чтобы в эти годы, а именно в 1936—1938 гг., я говорил по этому поводу с Герингом.

Максуэлл-Файф: Мы сейчас рассматриваем вопрос о событиях, имевших место в ноябре 1937 года. Через три месяца после этого подсудимый Геринг стал весьма компетентен в вопросах внешней политики, касающихся Австрии, и вы, поскольку вы поддерживали с ним по этому поводу телефонную

связь, должны знать об этом. Я хочу только привести вам даты, как они у нас установлены. Геринг сказал Шмидту о своих взглядах; вы и Шмидт обсуждали вопрос о встрече между Шушнигом и Гитлером. В январе вы беседовали на политические темы в Гармише с Зейсс-Инквартом. Теперь я привожу одну дату вне хронологического порядка. 11 ноября Зейсс-Инкварт написал письмо доктору Юри, в котором заявил: «Я не думаю, что что-либо произойдет в этом году, но, очевидно, события произойдут весной». Затем после этого письма он встретился с вами в Гармише в январе, а в феврале вам удалось, наконец, организовать эту встречу между Шушнигом и Гитлером.

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Разве вы не знали, что цель встречи Шушнига с Гитлером заключалась в том, чтобы заставить Шушнига согласиться с желанием империи, а именно с назначением Зейсс-Инкарта, с проведением общей политической амнистии, согласно которой все члены нацистской партии Австрии должны были быть освобождены и предоставлены в распоряжение их руководителей, а также с требованием равных прав для национал-социалистской партии в Австрии?

Разве вы не знали, что целью совещания было заставить Шушнига согласиться на все эти требования с тем, чтобы национал-социалистская партия Австрии могла свободно и беспрепятственно работать в интересах Германии в Австрии?

Папен: В моей беседе с Зейсс-Инквартом в Гармише-Партенкирхене говорилось о необходимости сделать австрийскую национал-социалистскую партию самостоятельной. Это значит — во что бы то ни стало избавить ее от влияния империи, так как это было условлено в июльском соглашении, преследуя при этом цель, чтобы объединение наших двух государств произошло во внешнеполитическом отношении по инициативе Австрии, а не империи.

Когда я встретил Зейсс-Инкарта в Гармише, между нами не было и речи об этой встрече Гитлера с Шушнигом, так как мы не могли, а я лично вообще не мог знать в тот момент, состоится ли вообще когда-либо такая встреча. Это было решено ведь уже 5 февраля. Следовательно, нами обсуждался лишь один вопрос принципиального значения, а именно, как нам следует поступать в будущем.

Далее я прошу разрешения напомнить, что Зейсс-Инкварт имел официальное поручение канцлера исследовать все возможные пути для того, чтобы включить национальную оппозицию, то есть национал-социалистскую партию Австрии, в политическую деятельность Шушнига. В этом состояла его официальная миссия. Таким образом, я был вправе говорить с ним об этих вещах,

Максуэлл-Файф: Разве неправильно, что Рейнер — свидетель, который выступал перед Трибуналом, — также присутствовал на совещании в Гармише?

Папен: Кажется, это было так. Я уже не помню точно. Зейс-Инкварт сказал мне, что, возможно, Рейнер присоединится к нам во время прогулки, но я лично не помню этого. Я не вел никакой беседы на политические темы с Рейнером.

Максуэлл-Файф: Я уверен, что вы понимаете, насколько это важно. Генерал фон Фрич был с вами в одной военной академии, не правда ли?

Папен: Совершенно правильно.

Максуэлл-Файф: Он был вашим старым другом, и вы знали, как, я думаю, знал каждый, кто упоминал его имя здесь, в Суде, что генерал фон Фрич был человек очень сильного характера и что обвинение, выдвинутое против него, рассматривалось бы всеми, кто его знал, как смешное и нелепое, если бы оно не было таким трагичным, и что все бы отнеслись к нему с презрением. Вы тоже так думали?

Папен: Абсолютно верно...

Максуэлл-Файф: Вы хорошо знали, оставив в стороне отношение к фельдмаршалу фон Бломбергу, что фон Фрич был жертвой подстроенного обвинения, имевшего целью не дать ему стать во главе вооруженных сил Германии. Вы знали это, не правда ли?

Папен: Во всяком случае, позже, когда я узнал обстоятельства дела, мне это тоже стало ясно.

Максуэлл-Файф: Нет, нет. Не это важно, подсудимый. Речь идет не о ваших взглядах 5 февраля 1938 г. Вы знали к этому времени, что нацистская клика в правительстве выдвинула подстроенное обвинение против человека, которого вы считали олицетворением честности, не правда ли?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Теперь, зная это, 5 февраля, после того как вы увиделись с Гитлером, вы сказали ему о том, что Шушник может прибыть. Гитлер ухватился за это предложение. Он сказал: «Отправляйтесь и привезите Шушника». Не так ли? Его лишь утомляли, если я могу так сказать, все ваши остальные сообщения. Но как только вы сказали о возможности встречи с Шушником, Гитлер сразу набросился на эту идею, как форель на майского жука или, скорее, как лев на жертву. Ведь это правильно, не так ли?

Папен: Да. Я уже показал Суду, какое впечатление произвели на меня события в Берлине и мое отстранение от должности 4 января. Ничего удивительного нет в том, что я попытался именно потому, что я боялся, что будет взят другой курс, я по-

пытался устроить эту давно желанную беседу между главами обоих государств, поскольку я надеялся таким путем устранить разногласия и избежать радикального курса. Это я сказал министру иностранных дел Шмидту и канцлеру Шушнику, когда просил их обоих принять участие в этих переговорах с тем, чтобы по мере возможности внести ясность в этот вопрос.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, я не собираюсь рассматривать обстоятельства встречи 12 февраля, потому что я уже касался их при допросе подсудимого Риббентропа и Суду уже совершенно ясны эти обстоятельства. Я хочу здесь задать вам один единственный вопрос, и я прошу выслушать его внимательно, потому что вопрос о вашей собственной виновности может зависеть от него. Утверждаете ли вы сейчас, что на Шушника не оказывалось никакого давления во время этой встречи?

Папен: Я этого никогда не утверждал. Вы сами это знаете, это сказано и в моих отчетах. Я сам констатировал, что давление было оказано.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы поняли абсолютно ясно, о чем я вас спрашиваю, потому что Суд заслушал уже показания вашего друга Шмидта и целый ряд других показаний. Я хочу вам задать один единственный вопрос, и прошу вас точно его понять. Утверждаете ли вы сегодня, что на канцлера Шушника не было оказано давления для того, чтобы заставить его согласиться на условия, выдвинутые 12 февраля? Это единственный вопрос, который я хочу вам задать, и я даю вам возможность ответить на него. Что вы скажете на этот вопрос сегодня? Было или не было оказано давление на Шушника?

Папен: Да, я никогда не отрицал этого.

Максуэлл-Файф: Еще один вопрос, и на нем я окончу выяснение вопроса об Австрии. Организовали ли вы встречу между Гитлером и кардиналом Иннитцером?

Папен: Да, я это сделал.

Максуэлл-Файф: Организовали ли вы дело таким образом, чтобы отцы церкви и руководители дипломатического корпуса, за исключением французских и английских представителей, присутствовали при въезде Гитлера в Вену?

Папен: Что касается высших церковных сановников, то не принято, чтобы они присутствовали на парадах, и я не требовал этого.

Максуэлл-Файф: Устроили ли вы это таким образом, чтобы дипломатический корпус присутствовал при въезде?

Папен: Были случаи, когда некоторые дипломаты спрашивали меня, могут ли они присутствовать на этом торжестве, и я отвечал им, что, конечно, они могут присутствовать на этой церемонии. Почему бы им и не присутствовать там?

Максуэлл-Файф: Я хочу задать вам пару вопросов относительно католической церкви. Помните ли вы Фульденскую декларацию епископов?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Эта декларация основывалась на гарантиях и заверениях в добрых намерениях, которые сделал Гитлер церкви 23 марта 1933 г., не правда ли? Вы помните, что Гитлер сделал тогда такое заявление?

Папен: Не только 23 марта, но и в заявлении правительства Гитлер неоднократно категорически защищал ту точку зрения, что оба вероисповедания должны быть основой всякой политики.

Максуэлл-Файф: Так. Это в свою очередь было, по крайней мере частично, результатом заявления, сделанного вами на заседании кабинета 15 марта 1933 г., когда вы подчеркнули большое значение включения политического католицизма в деятельность нового государства. Это правильное и основанное на фактах утверждение, не так ли? Таким образом обстояло дело?

Папен: Именно так.

Максуэлл-Файф: Разве вы не сказали при допросе, что часть затруднений, которые вы испытывали летом 1934 года, до того как вы произнесли речь в Марбурге, объяснялась невыполнением конкордата, ибо после того, как он был подписан с согласия Гитлера, «он обращался с этим конкордатом, как с пустой бумажкой, и я ничего не мог с этим поделаться». Затем были затруднения в связи с преследованием церкви и евреев. Это было в конце 1933 — начале 1934 гг. Действительно ли, что вы в 1934 году считали, что не только с конкордатом обращаются, как с пустой бумажкой, но, кроме того, проводится преследование церкви и евреев?

Папен: Да, конечно, когда я произносил свою речь в Марбурге, то я был того мнения, что государство виновно во всем этом.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, вы слышали показания многих других подсудимых, которые заявляли, что они не знали об ужасных репрессиях, которые имели место в Германии. Вы очень хорошо знали об этих репрессиях, не так ли? Вы знали о действиях гестапо, о концентрационных лагерях, а позднее вы также знали об уничтожении евреев, не правда ли?

Папен: Об этом я знал лишь только то, что в концентрационных лагерях в 1933 и 1934 гг. содержались политические противники. Я весьма часто выступал против методов, которые применялись в концентрационных лагерях. В целом ряде случаев я освобождал людей из этих лагерей. Однако в то время

мне не было известно, что в этих лагерях имели место также и убийства.

Максуэлл-Файф: Разрешите мне разобраться в этом. Полезно обратиться к конкретному примеру. Помните ли вы, что в начале 1935 года ваш секретарь фон Чирский получил указание вернуться из Вены в Берлин для допроса в гестапо? Вы помните об этом?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы также, что он отказался поехать и послал очень подробный отчет о том, почему он не хочет ехать? Вы помните это?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Давайте вместе бегло просмотрим этот отчет. Это документ Д-635. На странице 67 имеется письмо фон Чирского, адресованное вам, в котором он в конце второго абзаца говорит следующее: «Я не собираюсь выполнять указание гестапо о выезде в Берлин для допроса».

Затем он говорит — я цитирую его собственные слова, — что это объясняется лишь «вполне понятным и человеческим желанием жить». Он далее прилагает к этому письму отчет для вас о том, что с ним случилось 30 июня, в результате чего он был внесен в черный список гестапо. Вы помните об этом?

Папен: Конечно.

Максуэлл-Файф: Далее — я суммирую начало этого отчета, который был бы комичным, если бы в нем не описывалось такое ужасное положение вещей, — ваш секретарь фон Чирский был арестован одновременно двумя конкурировавшими группами полицейских, кажется, представителями гестапо и уголовной полиции, и была серьезная опасность, что фон Чирский и кое-кто из представителей полиции будут расстреляны до того, как они решат, кто же, собственно, должен его арестовать. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что произошло после того, как он был арестован. Мне кажется, что это произошло после того, как гестапо вышло победителем в этой междоусобной борьбе и захватило фон Чирского. Он далее говорит, почти уже в самом конце:

«Мы подошли к зданию гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, а затем через двор пришли к черному ходу. Затем между двумя группами представителей уголовной полиции произошел новый обмен мнениями. Я снова вмешался в этот разговор и предложил для выяснения недоразумения послать представителя каждой группы внутрь здания с тем, чтобы вышестоящие чиновники решили, как следовало поступить. Оставалось еще три офицера уголовной полиции и четыре члена СС, которые должны были охранять меня и двух других господ. Мое предложение было принято. Вскоре они вернулись обратно и сказали,

что теперь недоразумение выяснилось и что нас можно увести, после чего мы были уведены тремя представителями СС и без сопровождения представителей уголовной полиции. Мы совершили длинное путешествие через здание в подвал. Там мы были переданы без всяких комментариев членом СС, которые там находились на посту, и получили от них распоряжение пройти вперед и сесть на скамейку, которая стояла у стены в проходе. Нам затем запретили разговаривать между собой. Там я провел несколько часов, сидя на этой скамейке.

Было бы излишним приводить дальнейшие подробности событий, которые произошли в течение этого времени. Поэтому я ограничусь тем, что расскажу о расстреле хорошо известного лица, о котором официально заявили, что он совершил самоубийство. Этого человека вели под escortом трех эсэсовцев и провели мимо нас в камеру, параллельную нашему коридору. Командовал гауптштурмфюрер СС, человек небольшого роста, темноволосый, с пистолетом в руке. Я услышал команду: «Стража — к дверям!» Дверь в наш коридор закрылась. Мы услышали пять выстрелов, и сразу же после этих выстрелов гауптштурмфюрер вышел из двери со все еще дымившимся от только что произведенных выстрелов пистолетом в руке. Он сказал, задыхаясь: «С этой свиньей покончено».

Кругом царил лихорадочное возбуждение, крики испуга и вопли слышались из всех камер. Один из стоявших на посту эсэсовцев, довольно молодой парень, был так возбужден, что, очевидно, потеряв сознание и забыв, каково было положение вещей, сообщил мне, жестикулируя при этом, что человек, о котором шла речь, был убит тремя выстрелами в висок и двумя — в затылок».

Вы получили весьма ясное представление о методах СС и гестапо после того, как фон Чирский прислал вам это описание, не правда ли?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Скажите нам, прежде чем мы кончим рассмотрение этой волнующей выдержки, которую я только что зачитал, кто был этот хорошо известный человек, о котором сказали, что он совершил самоубийство, и который был застрелен тремя выстрелами в висок и двумя — в затылок? Кто он был?

Папен: Я этого не могу сказать, я не знаю этого.

Максуэлл-Файф: Вы хотите сказать, что фон Чирский, проработав с вами после этого несколько месяцев, никогда не говорил вам, кто был этот человек?

Папен: Я не могу вспомнить, чтобы он говорил со мной об этом. Может быть, я забыл. Это был, очевидно, один из тех людей, которые были убиты 30 июня.

Максуэлл-Файф: Вы говорите, что могло случиться, что вы забыли. Хотите ли вы сказать, что такие ужасные факты были столь обычны для вас, что вы не можете помнить об убийстве такого видного человека, которое выдавалось за самоубийство. Подумайте еще. Не можете ли вы сказать Трибуналу точно, кто был этот несчастный человек?

Папен: Если бы я это вспомнил, то охотно бы сказал. У меня нет оснований скрывать это.

Максуэлл-Файф: Хорошо, Трибунал сейчас рассмотрит вопрос о том, в какой форме вы сообщили об этом Гитлеру. Вы считали, что фон Чирский говорил вам правду, не так ли? Вы это сами сказали. Вы верили в то, что он говорил правду, не так ли?

Папен: Да.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, до того как мы перейдем к тому, что случилось, когда он послал этот отчет, мне кажется, его послали в концентрационный лагерь, где ему обрили голову, но через некоторое время он был освобожден и снова вернулся к вам на службу и работал у вас до февраля 1935 года? Это правильно, подсудимый?

Папен: Да, это совершенно верно.

Максуэлл-Файф: Это все, что известно о событиях, имевших место до февраля 1935 года. Затем его попросили явиться в гестапо и представить отчет. После этого имела место эта переписка. Вы говорите: «Как я уже вчера сообщил по телеграфу, я передал фон Чирскому указание от 2-го числа этого месяца, в котором повторялось требование о том, чтобы он явился в указанный гестапо день, а именно 5 февраля. Затем он заявил мне официально, что он не может выполнить этого указания, поскольку он убежден, что он будет убит тем или иным путем, если он это сделает. Он сказал, что изложил причины, по которым не хочет ехать, в отчете, который я перешлю, как только получу его. Я вчера, наконец, освободил господина фон Чирского, которого я уже отстранил от занимаемого им поста на время судебного разбирательства. Само собой разумеется, что я порву с ним все связи официального характера сразу же после того, как завтра будут сданы все дела».

Затем вы говорите, что вы телеграфировали подсудимому фон Нейрату, что фон Чирскому дали отпуск по болезни.

Посмотрите на последний абзац:

«После того как я несколько раз просил, чтобы фон Чирский получил возможность оправдаться перед обычным судом в обвинениях, которые выдвинуты против него, то, естественно, я искренне сожалею, что дело кончается таким образом. Я сделал все, что было возможно, чтобы убедить фон Чирского

действовать, как ему было указано, а именно дать возможность гестапо допросить его».

Правильно ли, подсудимый, что вы сделали все, что было в ваших силах, для того, чтобы ваш работник был отправлен на смерть в гестапо и убит там?

Папен: Я считаю, что будет правильным указать Суду на другие письма, из которых вытекает, что я не только однажды, но и неоднократно просил Гитлера рассмотреть дело фон Чирского в суде согласно существовавшим законам.

Максуэлл-Файф: Совершенно правильно. В этом письме об этом говорится.

Папен: После того как мне в этом было отказано и Фюрер не согласился с тем, чтобы возбудить процесс согласно существовавшим законам, Гитлер известил меня, что он лично вмешается в это дело и берет на себя личную ответственность за то, что с фон Чирским ничего не случится, если он будет допрошен гестапо. Это вы найдете в этих письмах. Фюрер обещал ему полную безопасность, если он явится для допроса в гестапо. Вследствие этого, после того как было отказано в рассмотрении его дела в суде и Гитлер обещал, что с фон Чирским ничего не произойдет, я попросил фон Чирского, чтобы он согласился подвинуть себя допросу, так как обвинение, которое было выдвинуто против него, должно было быть как-то выяснено.

Максуэлл-Файф: Вы уже 31 января считали, что слухи о том, что гестапо хочет нейтрализовать фон Чирского, являются достоверными. 5 февраля в отрывке, который Трибунал только что просил меня зачитать, вы заявляете, что это означало бы гибель и разорение для него самого и для его семьи. Но вашим единственным желанием было сделать все, чтобы избежать скандала.

Папен: Мое желание вначале состояло в том, чтобы были предприняты все усилия для того, чтобы рассмотреть это дело в суде на основе существовавших законов.

Максуэлл-Файф: Таково было ваше желание сначала, но скоро вы оставили его?

Папен: После того как Гитлер не согласился с этим желанием и после того, как я установил, что фон Чирский во время допроса в гестапо будет пользоваться личной защитой со стороны Гитлера, то есть после того, как глава государства заявил мне, что «ручается», что с фон Чирским ничего не произойдет, вы должны со мной согласиться, что я не мог поступить иначе, как сказать фон Чирскому: «Пойди по пути допроса, так как ты должен опровергнуть те подозрения, которые имеются в отношении тебя».

Максуэлл-Файф: Подсудимый, разрешите мне напомнить вам, что в вашем письме от 5 февраля нет ни одного слова

об обещании Гитлера оправдать фон Чирского. Единственно, о чем вы здесь говорите, это относительно того, что он исчезнет и будет скомпрометирован. В ваших других письмах также ничего не говорится об этом.

Папен: Однако об этом факте имеется указание в одном из отчетов фон Чирского.

Максуэлл-Файф: Почему вы после этой серии убийств, которые происходили одно за другим в течение четырех лет, не порвали с этими людьми и не встали, подобно генералу Йорку или другим деятелям, имена которых вы можете припомнить из истории, на защиту своих собственных взглядов и не противодействовали этим убийствам? Почему вы не сделали этого?

Папен: Да. Но Вы видите, что этот отчет господина фон Чирского об убийствах я передал Гитлеру со всеми деталями, указанными в нем, и Вы не знаете, что я часто говорил лично Гитлеру, что такой режим не может существовать в течение длительного периода. Если Вы спрашиваете меня, почему я, вопреки всему этому, остался на службе у империи, то я на это могу лишь ответить, что 30 июня я лично порвал с Гитлером, а вместе с тем и с соглашением, которое мы заключили 30 января. С этого времени я выполнял лишь свой долг на благо Германии.

Я делал это для того, чтобы служить моей родине.

Максуэлл-Файф: Я утверждаю, что единственная причина, по которой вы продолжали оставаться на службе у нацистского правительства в то время, когда вы знали обо всех этих преступлениях, заключалась в том, что вы сочувствовали нацистам и хотели продолжать работать вместе с ними. Я утверждаю, что вы прекрасно об этом знали. Вы видели, что ваши друзья и сотрудники падают жертвами убийц, вы хорошо знали об этом, и единственная причина, которая могла заставить вас продолжать работать и брать от нацистов одно поручение за другим, заключалась в том, что вы сочувствовали и содействовали деятельности нацистов. Вот в чем я обвиняю вас.

ДОПРОС ЗЕЙСС-ИНКВАРТА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 11 и 12 июня 1946 г.]

*Дебене*¹: Подсудимый, вы получили юридическое образование и сказали, что получили даже диплом доктора права на юридическом факультете в Вене в 1917 году?

Зейсс-Инкварт: Да, это правильно.

Дебене: Вы были адвокатом с 1929 года по 12 февраля 1938 года? После этого вы стали министром внутренних дел?..

Скажите, клиентами вашей конторы в большинстве своем были евреи?

Зейсс-Инкварт: Их было немного, но среди прочих клиентов были и евреи.

Дебене: Однако вчера вы нам заявили, что были анти-семитом начиная с мировой войны?

Зейсс-Инкварт: Мои клиенты это прекрасно знали, это было общеизвестно.

Дебене: И это тем не менее не заставило вас пренебречь деньгами евреев?

Зейсс-Инкварт: Да, но и евреи также не останавливались перед тем, чтобы пользоваться моими услугами.

Дебене: Я спрашиваю, являетесь ли вы католиком?

Зейсс-Инкварт: Я принадлежу к лону католической церкви...

Дебене: Вы были назначены рейхскомиссаром в Голландию приказом Гитлера от 18 мая 1940 г. Это правильно?

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Дебене: Как вы вчера показали, по прибытии в Голландию вам были даны следующие директивы: сохранять независимость Голландии и установить экономические связи между этой страной и Германией. Вы также добавили, что фюрер в дальнейшем никогда не подвергал изменению эти директивы, не так ли?

¹ Д. Дебене — представитель французского обвинения. — Составители.

Зейсс-Инкварт: Я не совсем согласен с такой формулировкой. Я должен был стремиться к установлению возможно более тесного экономического контакта между Голландией и Германией, причем экономическая система в будущем не должна была навязываться, не говоря, конечно, о мероприятиях, вызванных в то время военной необходимостью.

Дебене: Наконец, вы показали, что по прибытии в Голландию вы не имели намерения привить определенную политическую волю нидерландскому народу, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Я бы, пожалуй, так не сказал. В мои намерения входило, по возможности, содействовать национал-социалистской политике в Голландии, не навязывать ее, а лишь только содействовать...

Дебене: Прекрасно. Я сейчас передам вам документ ПС-997. Этот документ уже был представлен под номером США-708.

Будьте любезны обратиться к параграфу, озаглавленному «Мероприятия». Этот документ, как вам известно, является отчетом, который вы сами составили.

Зейсс-Инкварт: Да, правильно.

Дебене: Вы пишете: «При таком положении вещей необходимо было прежде всего уничтожить влияние Винкельмана, что и было достигнуто следующим образом. Генеральные секретари были поставлены в известность о том, что они не будут более получать приказов от рейхскомиссара, с чем они формально согласились. Посты генеральных секретарей были сохранены за прежними лицами, так как необходимо признать, что было почти невозможно найти для их замены нидерландских подданных, которым можно было бы поручить администрацию. В правых партиях почти совершенно нет лиц, которые были бы достаточно компетентными для такой работы. Однако было необходимо, чтобы о ряде мероприятий, в особенности экономических, а также и политических, было сообщено нидерландскому народу в заявлениях за подписью генеральных секретарей».

В общем, из этого документа явствует, что если вы и решили сохранить институт генеральных секретарей, то только потому, что они были вам нужны для навязывания голландцам ряда мероприятий, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да, но где там вообще говорится о политике, это ведь вопрос административного порядка.

Дебене: Насколько мне известно, в данном случае речь идет об экономических, а также и политических вопросах...

Зейсс-Инкварт: Здесь ведь имеется в виду не политика в смысле партийной политики, а политика в смысле

обращения с жителями Нидерландов. Станут ли они при этом национал-социалистами или нет, мне было безразлично.

Дебене: Но как это проводилось, в интересах нидерландской или германской политики?

Зейсс-Инкварт: Да, я полностью признаю, что я проводил германскую политику. Это было частью моей миссии...

Дебене: В вашей администрации в Нидерландах с вами сотрудничали четыре генеральных секретаря: Шиммер — по администрации и юридическим вопросам, Фишбах — по экономическим и финансовым вопросам, Рейтер — по вопросам общественной безопасности и Шмидт — по специальным вопросам.

Генеральный секретарь по вопросам общественной безопасности Рейтер находился в вашем непосредственном подчинении?

Зейсс-Инкварт: Эти четыре перечисленных генеральных комиссара были в моем непосредственном подчинении, и Рейтер в числе их постольку, поскольку он стоял во главе нидерландской полиции как генеральный комиссар по вопросам безопасности, а не потому, что он был начальником немецкой полиции.

Дебене: Вы решили лично управлять и руководить в Голландии. С этой целью вы распустили две ранее существовавшие палаты. И этим же приказом вы ограничивали права Государственного Совета в области юрисдикции?

Зейсс-Инкварт: Я не помню сейчас этого постановления, может быть, это было в действительности так, как Вы говорите.

Дебене: Вы также обеспечили себе контроль над финансами и государственной казной в Нидерландах. С этой целью вы 24 августа 1940 г. издали распоряжение, которое давало вам возможность назначать президента Голландского банка?

Зейсс-Инкварт: Я точно не помню даты, но я издал действительно такое постановление.

Дебене: Когда вы прибыли в Нидерланды, господин Трип был президентом Нидерландского банка и генеральным секретарем казначейства?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебене: По какой причине вы его заменили другим лицом?

Зейсс-Инкварт: Потому, что господин Трип не хотел участвовать в изъятии имевшихся в то время девизов и в ограничениях, связанных с клирингом. Я предложил ему выйти в отставку, если он не хочет выполнять моих мероприятий.

Дебене: А кем вы его заменили?

Зейсс-Инкварт: Господином Рост фон Тоннингом...

Дебене: Разве господин Рост фон Тоннинген не был членом национал-социалистической партии Голландии?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебене: Не это ли является причиной того, что вы назначили его на этот пост?

Зейсс-Инкварт: Это было одной из причин. Но главным образом не потому, что он был членом партии, а потому, что он придерживался нашей линии.

Дебене: Обратитесь, пожалуйста, опять к документу ПС-997. Вот, что вы говорите о господине Рост фон Тоннингене:

«Господин Рост фон Тоннинген целиком отвечает всем идеологическим требованиям, заключающимся в германской, национал-социалистической ориентации. Это оратор, полный темперамента и жаждущий деятельности. Он не находит сил в себе самом и ищет поддержку у третьих лиц».

Итак, насколько я понимаю, из того, что вы здесь пишете, отнюдь не явствует, что господин Рост фон Тоннинген был компетентен в финансовых вопросах.

Зейсс-Инкварт: Что касается других лиц, то я описывал не их специальную квалификацию, а их политические установки...

Дебене: Итак, вы учредили в Нидерландах гражданскую администрацию, а также германскую гражданскую администрацию.

Зейсс-Инкварт: Моих четырех генеральных комиссаров нельзя было рассматривать как лиц, исполнявших те же функции, какими обычно обладают министры. Но определенные функции были все-таки предоставлены генеральным секретарям.

Однако генеральные секретари не составляли правительства или министерства. Я сам вчера упомянул о том, что я стал во главе правительства...

Дебене: Полагаете ли вы, что учреждение германской гражданской администрации в оккупированной стране находится в соответствии с международными конвенциями?

Штейнбауэр¹: Господин председатель, я протестую против этого вопроса, так как он, по моему мнению, является тем вопросом, который должен решаться Судом.

Председатель: Трибунал считает, что этот вопрос может быть задан. Подсудимый уже высказывал свою точку зрения по поводу международного права во время прямого допроса его защитником. Мы допускаем этот вопрос.

Дебене (обращаясь к подсудимому): Итак, отвечайте.

¹ Г. Штейнбауэр — защитник Зейсс-Инкварта. — Составители.

Зейсс-Инкварт: Я прошу Вас повторить еще раз этот вопрос.

Дебене: Полагаете ли вы, что учреждение гражданской германской администрации в оккупированной стране находится в соответствии с международными конвенциями?

Зейсс-Инкварт: В том виде, в каком она была учреждена в Голландии, совершенно определено.

Дебене: Почему?

Зейсс-Инкварт: Так как Германия, оккупировав полностью страну, взяла на себя ответственность за управление этой страной, и поэтому она должна была назначить в этой стране ответственное руководство.

Дебене: Вы сами создали генеральные секретариаты, а именно: секретариат национальной информации и секретариат изящных искусств.

Зейсс-Инкварт: Мы называем это министерством пропаганды.

Дебене: А кого вы поставили во главе этого секретариата?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что первым был профессор Кудеваген; он также был членом нидерландской национал-социалистской партии.

Дебене: Правильно. А штаты этого генерального секретариата состояли в большинстве своем из членов той же национал-социалистской партии?

Зейсс-Инкварт: Да. Я в этом уверен, но каждого в отдельности я не знал.

Дебене: Известно ли вам, что в одном из отделов в качестве консультанта был член СС?

Зейсс-Инкварт: Вы имеете в виду нидерландскую организацию СС?

Дебене: Нет, нет, германскую СС.

Зейсс-Инкварт: Тогда это, очевидно, был консультант.

Дебене: Он был консультантом по вопросам национального воспитания и народного образования.

С какой целью вы издали приказ о роспуске муниципальных и провинциальных советов?

Зейсс-Инкварт: Я не могу утверждать, что это было упразднением всякого представительства. Я либо распустил избранные общинные и провинциальные представительства, либо ограничил их администрацию. Я не только сохранил, но и расширил ее функции.

Дебене: Вы даже сместили мэров наиболее значительных общин?

Зейсс-Инкварт: Совершенно верно, и я убежден, что действовал с полным правом, поскольку я представлял оккупа-

ционную власть. Мэр Амстердама не только не воспрепятствовал проведению генеральной забастовки, напротив, он способствовал ей.

Дебене: Но разве именно по этой причине вы убрали всех мэров или, по крайней мере, некоторых из них?

Зейсс-Инкварт: Мэров я удалял только тогда, когда не мог больше мириться с ними из-за их явно враждебного отношения. Что же касается их политических установок, то они не имели для меня абсолютно никакого значения. До 1945 года я оставлял на посту мэра в одном из городов Голландии брата господина Борзна; этот мэр был ожесточенным врагом национал-социализма и нас, немцев.

Дебене: Хорошо, но в таком случае, кем заменили вы мэров, которые были смещены?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что, по крайней мере, до 1943 года это назначение на посты производилось с согласия генерального секретаря внутренних дел господина Фредерикса, который был оставлен Нидерландским правительством на должности управляющего делами министерства внутренних дел. Там были как национал-социалисты, так и не национал-социалисты. Так, среди них находился, например, сын комиссара провинции Голландии, убежденный противник национал-социализма и Германии Цволле, который был назначен мною мэром одного из самых больших городов Голландии.

Дебене: Вы не отвечаете прямо на мой вопрос. Я спросил вас, кем заменяли вы мэров, которые были смещены?...

Зейсс-Инкварт: Частично это были члены национал-социалистской партии, частично люди аполитичные, а частично и приверженцы различных политических направлений, которые полностью были настроены против Германии и национал-социализма. Со временем на эти должности назначалось все большее число членов национал-социалистской партии, поскольку люди, не являвшиеся членами этой партии, не предлагали своих услуг. Колоссальный успех голландского движения Сопротивления выразился в том, что участники его оказали нам решительное политическое сопротивление.

Дебене: Вы утверждаете, что якобы были вынуждены назначать на общественные должности большое число членов национал-социалистской партии из-за голландского движения Сопротивления?

Зейсс-Инкварт: Нет, такая мысль была бы для меня слишком смелой. Голландское движение Сопротивления побудило лишь самих голландцев прекратить всякое сотрудничество с оккупационными властями, так что не нашлось никого, кроме членов национал-социалистской партии, кто бы желал бы сотрудничать с нами...

Дебене: Подсудимый, вы насаждали в больших городах и провинциях Нидерландов агентов, которые подчинялись непосредственно вам и которым вы предоставили широкие полномочия. Эти агенты были членами НСДАП?...

Зейсс-Инкварт: Это были немцы, и я предполагаю, что все они были членами НСДАП. Этому я точно не знаю, но это вполне возможно. Мне кажется, что это действительно так и было.

Дебене: Хорошо, тогда, чтобы освежить это в вашей памяти, обратитесь к документу ПС-997, который я вручил вам на утреннем заседании...

Вы пишете: «Уполномоченный должен обладать широкими административными полномочиями и иметь право действовать по собственной инициативе в провинциях. С созданием этих должностей несколько повременим, так как следует прежде всего ознакомиться со сложившейся обстановкой. В настоящее время установлено, что меньше всего следует беспокоиться об административных способностях чиновников, прежде всего это должны быть люди, обладающие политическим опытом.

У рейхслейтера Бормана были затребованы люди из штаба Гесса, которые в большинстве своем состоят членами партии и в настоящее время уже находятся в пути. В ближайшем будущем они еще не смогут начать исполнение своих обязанностей в провинциях».

Это правильно?

Зейсс-Инкварт: Да, я считаю, что мои показания в этом отношении подтверждаются. Но не все они были представителями партии.

Дебене: Возможно. Но я отмечаю также и то, что они были специально отобраны.

Зейсс-Инкварт: Да, это были люди, имеющие большой политический опыт, так как я хотел иметь не административных чиновников-бюрократов, а людей, опытных в общественно-политических вопросах; здесь я не имею в виду партийно-политические вопросы.

Дебене: На какой основе вы создали региональные и муниципальные ассамблеи?...

Зейсс-Инкварт: ...Представительства, которые существовали ранее в провинциях и общинах, я распустил в 1941 году. В изданном мной положении об общинах я предусмотрел создание советов, но в действительности они никогда не были мной созданы, так как население не сотрудничало с нами, и, следовательно, эти советы были бы просто навязаны населению. Этот пункт положения об общинах, следовательно, не вступил в силу...

Дебене: ...Вводили ли вы принцип фюрерства, издавая свои распоряжения?

Зейсс-Инкварт: Да. Я называл это принципом единоначалия и придерживаюсь того мнения, что в период кризиса всегда должно существовать такое единоначалие. Это вполне правильно.

Дебене: Да, но это была та же система, которая применялась в Германии?

Зейсс-Инкварт: Да, это правильно...

Дебене: Введение этого принципа имело особое значение?

Зейсс-Инкварт: Я, безусловно, имел некоторые предположения на этот счет, но прежде всего в этих районах я должен был иметь человека, который бы отвечал за администрацию, а не анонимное большинство какого-то представительного органа.

Дебене: Я попрошу передать вам документ Ф-861, РФ-1524. Это письмо имперского министра внутренних дел, датированное 6 сентября 1941 г. Он пишет: «...Особое значение следует придавать выполнению специального распоряжения о введении принципа фюрерства в нидерландских общинных администрациях».

Зейсс-Инкварт: Да, министерство внутренних дел интересовалось этим вопросом...

Дебене: Вы вчера говорили Трибуналу о роспуске магистратур в Левардене. Не можете ли вы уточнить причины роспуска?

Зейсс-Инкварт: Это не были магистратуры. Это были председатели судов. Суд провинции Леварден объявил, что те нидерландцы, которые будут осуждены нидерландскими судами и попадут в нидерландские тюрьмы, будут переведены в немецкие концлагеря и что там их будут истязать и казнить. Вследствие этого суд признал, что он не в состоянии осудить нидерландца., и тогда я распустил этот суд.

Дебене: Прекрасно. У меня сейчас имеется этот документ — судебное решение, или приговор, который был вынесен судом в Левардене, и здесь нигде не говорится о том, что нидерландцев направляли в концлагеря, где бы их мучили и с ними расправлялись. Здесь речь идет лишь о том, что магистраты этого суда не хотят, чтобы, после того как срок заключения истек, заключенных посылали в концлагеря (документ РФ-931)...

Зейсс-Инкварт: ...Здесь сказано следующее: «Суд учитывает то обстоятельство, что с некоторых пор судьи приговаривали некоторых преступников к тюремному заключению, но, несмотря на это, нидерландские преступники мужского пола были казнены, вопреки имеющимся установкам и намерениям».

законодателя и судьи, причем были казнены так, как это вообще не предусматривалось».

Здесь этот суд имел в виду концлагеря, то есть то, что заключенных из тюрьмы направляли в концлагеря...

Дебене: Вы внесли ряд радикальных изменений в области народного образования?

Зейсс-Инкварт: Я организовал проверку учебных планов школ и оказывал влияние на назначение преподавателей, в особенности в частных школах, которых в Нидерландах было очень много. Две трети всех нидерландских школ были частными. Я считал, что это необходимо сделать, так как в этих школах имелись ярко выраженные антигерманские тенденции, которые проводились в процессе обучения...

Дебене: Разве вы не издали приказ о закрытии целого ряда университетов? Почему вы это сделали?

Зейсс-Инкварт: Я помню только о закрытии университета в Лейдене. Когда на основании моего распоряжения еврей-профессора этого учебного заведения были уволены, студенты Лейденского университета объявили забастовку, которая продолжалась довольно долго; после этого я закрыл университет. Я не могу вспомнить того, чтобы я давал распоряжения о закрытии других университетов. В католическом университете, в Бенегене, в кальвинистском университете в Амстердаме, насколько я помню, преподавание само собой прекратилось...

Дебене: Я передал вам документ Ф-803, РФ-1525. Как видите, это отчет министерства просвещения Нидерландов... Оглашаю отрывок: «Были предприняты попытки превратить Лейденский университет в национал-социалистский университет, назначив туда профессоров национал-социалистов. Однако эти попытки провалились вследствие твердой позиции, которую заняли профессор и студенты»...

Зейсс-Инкварт: Здесь только в этом документе говорится о попытке превратить Лейденский университет в национал-социалистский...

Дебене: Взгляните на следующее распоряжение № 28, это распоряжение генерального секретаря Ван Дамма. В этом распоряжении студентам предлагается сделать заявление о лояльности.

Зейсс-Инкварт: Да, правильно.

Дебене: Каковы были последствия?

Зейсс-Инкварт: Последствия для меня были непонятными. Высшие школы тогда являлись центром антигерманской деятельности. Я требовал от студентов высших школ, чтобы они заявили, что будут выполнять существующие в оккупированных областях Нидерландов законы и не будут предпринимать ничего такого, что вредит германской империи, герман-

ской армии или нидерландским властям, а также не будут нарушать установленного в университетах порядка. Мне непонятно, почему студент высшей школы не может сделать такого заявления? Те, которые это сделали, могли без всяких затруднений продолжать учебу, однако нидерландские профессора саботировали это мероприятие и отказались читать лекции.

Дебене: Что случилось с теми, кто не подписал такого заявления о лояльности?

Зейсс-Инкварт: Они исключались из высшего учебного заведения, и если они относились к тем контингентам, которые призывались на работу в соответствии с законом о трудовой повинности, их использовали на работах.

Дебене: Прекрасно. Разве вы не применили в университетах принцип фюрерства?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, не так уж строго, как в управлениях общин. Однако я дал ректорам университетов большие полномочия, так как они несли большую ответственность.

Дебене: Велась ли в высших школах определенная национал-социалистская пропаганда?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что это было неизбежно...

Дебене: Вы также принимали участие в преследовании церкви?

Зейсс-Инкварт: Не знаю, можно ли назвать эти мероприятия преследованием церкви, однако я провел мероприятия, которые имели отношение к церкви.

Дебене: Какие именно мероприятия?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что вы считаете наиболее важным мероприятием закрытие некоторых нидерландских монастырей, причем в одном из этих монастырей была открыта немецкая школа, а церковь этого монастыря была снесена...

Дебене: Всего один вопрос относительно прессы. Была ли сохранена хоть некоторая свобода печати во время оккупации? Я подчеркиваю, некоторая свобода?

Зейсс-Инкварт: Я считаю, что эта свобода была слишком незначительной. Печать находилась под довольно строгим контролем министерства пропаганды... В отношении репрессий мне известно, что однажды в Гааге была взорвана редакция газеты; это было мероприятием полиции безопасности, потому что эта редакция являлась центром пропагандистской группы.

Дебене: Вам принадлежит идея произвести стерилизацию?

Зейсс-Инкварт: Нет, об этом мне было сообщено полицией безопасности...

Дебене: ...Принимали ли вы участие в захвате и в казнях заложников?

Зейсс-Инкварт: Я вчера сказал, что я помню лишь об одном таком случае с заложниками в 1942 году. Я уже рассказывал, какое участие я принимал в этом. Так называемые расстрелы заложников, начиная с июля 1944 года, не были расстрелами заложников, а были лишь приведением в исполнение приговоров; это дело на основании приказа фюрера было передано полиции. Я сам никогда не давал приказа о каком-либо индивидуальном расстреле. Но я повторяю, что если я, например, обращал внимание полиции на то, что в каком-либо определенном местечке в Нидерландах замечено нелегальное движение, и давал ей задание проверить это дело, то мне было ясно, что руководители этого движения Сопrotивления могут быть арестованы и на основании приказа фюрера расстреляны. Но я повторяю, я должен был выполнять свой долг, находясь даже в самом затруднительном положении, то есть я старался, чтобы виновные (с правовой точки зрения, а не с точки зрения морали, так как с точки зрения морали я, наверное, действовал бы так же, как они) не предстали перед судом.

Дебене: Что касается факта, о котором вы упомянули вчера, там шла речь о заложниках, которые были расстреляны после покушения на железной дороге в Роттердаме?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебене: Кто отобрал этих заложников?

Зейсс-Инкварт: Заложники были выбраны полицией безопасности. Начальник СС и полиции представил мне их списки. Как я вчера уже говорил, я спросил его, почему он выбрал именно этих людей. Он мне дал объяснение, и при просмотре этих списков я исключил многодетных отцов. Затем я вернул эти списки начальнику СС и полиции и просил его учесть это мое пожелание при проведении данного мероприятия. Таким образом, вычеркнув многодетных отцов, я сделал так, что эти многодетные люди не были расстреляны.

Дебене: Сколько заложников было таким образом отобрано?

Зейсс-Инкварт: Я этого сейчас не помню. Может быть, их было 12—15, из них пятеро осталось. Больше нельзя было сократить это число, так как первоначально предусматривалась цифра от 25 до 50 человек.

Дебене: Я передам вам сейчас документ, касающийся взятия этих заложников. Это документ Ф-886, который я представляю в качестве доказательства РФ-1527. Это заявление генерала Христиансена, вернее это копия показаний генерала Христиансена...

Председатель: Что вы хотите доказать представлением этих письменных показаний, данных под присягой?

Дебене: Здесь говорится, что сам подсудимый указал, кого именно взять в качестве заложников.

Председатель: Каким образом были составлены эти письменные показания под присягой?

Дебене: Господин председатель, это было в ходе следствия, которое велось в Нидерландах по делу генерала Христиансена...

Дюбост¹: Господа судьи, этот документ является выдержкой из материалов следствия по делу генерала Христиансена, следствия, которое проводилось в Нидерландах. Министр юстиции Нидерландов направил нам выдержку из протокола этого допроса, который составлен в соответствии с законными нормами во время следствия по делу генерала Христиансена...

Председатель: Это показание, данное под присягой, написано на голландском языке. Генерал Христиансен — голландец?

Дюбост: Генерал Христиансен — немец.

Председатель: А если он немец, то почему он давал показания на голландском языке? А если он давал их не на голландском, то почему нет копии на немецком языке? Здесь удостоверение от полковника, представителя правительства Нидерландов, о том, что это правильная копия показаний генерала Христиансена. Если документ, имеющийся у Вас, написан на голландском языке, а генерал Христиансен давал показания на немецком языке, то этот документ не может быть точной копией, а является лишь переводом на голландский язык. Что Вы можете сказать по этому поводу?

Дюбост: Генерал Христиансен давал показания с помощью переводчика в соответствии с правилами, принятыми в голландском судопроизводстве, и поэтому показания записаны на голландском языке. Голландский трибунал не мог принимать показаний на иностранном языке. Вот почему протокол допроса составлен на голландском языке.

Штейнбауэр: Господин председатель, разрешите мне сделать одно замечание.

Христиансена допрашивали не как свидетеля, а как подсудимого. Он не обязан говорить правду, он может говорить обо всем, о чем захочет. За это он не может быть привлечен к ответственности. Я думаю, что уже поэтому документ должен быть отклонен.

Председатель: ...Статьей 21 Устава предусматривается, что отчеты, включая акты и документы комитетов, которые учреждены в различных союзных странах для расследования военных преступлений, а также отчеты и приговоры военных или

¹ Ш. Дюбост — представитель французского обвинения. — Составители.

других трибуналов любой из Объединенных Наций принимаются в качестве доказательств...

Зейсс-Инкварт: Разрешите мне высказаться относительно этого документа?

Дебене (продолжая допрос): Будьте любезны, подождите, пока я оглашу вам то место, на которое я буду ссылаться:

«Я припоминаю, что в связи с этим Зейсс-Инкварт заявил, что будет расстреляно пять заложников. Я не знал, кто входил в число этих заложников. Я не отбирал этих пятерых заложников и совершенно не занимался вопросом их казни.

Это было, конечно, дело чисто политическое по своему характеру, к которому я был привлечен в качестве представителя германских вооруженных сил и как командующий».

Теперь вы можете дать свои объяснения, если желаете.

Зейсс-Инкварт: Это описание, которое дано не свидетелем, а подсудимым генералом Христиансенем, полностью совпадает с моими показаниями по этому вопросу... Я ответил, что надо расстрелять пять заложников (это я всегда утверждал). Я также здесь уже говорил о том, что всего должны были расстрелять 25 человек, а я добивался того, чтобы 20 человек из них не были расстреляны. Следовательно, эти показания в основном верны и совпадают с моими.

Дебене: Но в этом документе речь идет не о 25 заложниках, здесь говорится лишь, что именно вы указали на этих пятерых заложников... Генерал Христиансен показал: «Теперь я припоминаю, что мой заместитель — полковник Клютер также принял в этом участие. Таким образом, их было семеро. Я передал приказ, согласно которому заложники должны были считаться ответственными, и Зейсс-Инкварт тут же указал на пятерых лиц, которых следует отобрать в качестве заложников. Вы спрашиваете, было ли в действительности это так просто? Очевидно, Зейсс-Инкварт имел соответствующие полномочия».

Таким образом, здесь еще раз говорится о том, что вы отбирали заложников.

Зейсс-Инкварт: ...Я как имперский комиссар воспользовался своим правом и снизил по возможности число подлежащих расстрелу заложников до пяти. Но окончательная цифра была установлена главнокомандующим и начальником СС и полиции.

Председатель: Господин Дебене, читали ли Вы последний абзац письменного показания?...

Дебене: Господин председатель, я еще этого не читал, я это сейчас сделаю. «Я прошу вас отметить также то, что на этом совещании у Зейсс-Инкварта последний решительно оставил за собой право указывать на лиц, которые должны быть взяты в качестве заложников».

Зейсс-Инкварт: На это я не могу сказать ничего иного, как то, что я уже сказал... В остальном я не хочу критиковать и оспаривать довольно субъективные показания генерала Христиансена. Мы долго и хорошо вместе работали. Суд решит, даю ли я неправильные показания или он ошибается.

Дебене: Я так и думал. Вы утверждаете, что это был единственный случай, когда вы вмешались в отбор и казнь заложников?

Зейсс-Инкварт: Я думаю, что да.

Дебене: Были ли вы в курсе казни заложников после покушения на Редера?

Зейсс-Инкварт: В какой степени меня информировали об этом, я уже говорил вчера, я не знал намеченной цифры. Мне было известно, что были расстреляны те люди, которые из-за своего поведения, а также и на основании указания фюрера должны были быть расстреляны полицией безопасности. Цифру я узнал позднее.

Дебене: Следовательно, вы не принимали никакого участия в этом расстреле заложников?

Зейсс-Инкварт: Нет, я не могу этого сказать, так как я с заместителем начальника СС и полиции безусловно серьезно обсуждал то, что следовало делать в данном случае; это ведь был очень серьезный случай. Относительно того, что эти расстрелы были произведены, я уже вчера говорил. Я был с этим согласен. Я сказал, что не мог ему возражать и протестовать в тот момент против того, чтобы это мероприятие было осуществлено.

Дебене: Кто был этот начальник полиции?

Зейсс-Инкварт: Доктор Шейнгарт.

Дебене: Но это был человек, заслуживающий доверия?

Зейсс-Инкварт: Да, в служебных делах я доверял ему.

Дебене: ...Я приведу вам еще один документ. Это документ Ф-879, который я представляю под номером РФ-1528... Это также копия протокола, который был получен отделом по расследованию военных преступлений в Амстердаме...

Подсудимый, будьте любезны обратиться к показаниям доктора Шейнгарта: «После того, как было произведено следствие, я явился лично к доктору Зейсс-Инкварту — рейхскомиссару Голландии, с которым обсудил это дело. Доктор Зейсс-Инкварт тогда дал мне приказ осуществить жесточайшие репрессивные меры и казнить 200 заложников, 200 заключенных, которые были осуждены на смерть там, где было совершено преступление».

Эта казнь имела целью устрашение населения. К сведению населения было объявлено, что значительное число лиц будет расстреляно за это покушение».

Зейсс-Инкварт: Во всяком случае, подтверждается то, что здесь речь идет о расстрелах голландцев, которые, как он здесь говорит, были приговорены к смертной казни, то есть которых на основании приказа фюрера за какой-либо акт саботажа или по другой причине в любом случае должны были расстрелять. Вот что надо в первую очередь сказать, это здесь наиболее важный момент. Вопрос заключается в том, называлась ли цифра 200 и требовал ли я этого? Я продолжаю утверждать то же, что я уже утверждал относительно показаний моих бывших сотрудников. Я также продолжаю утверждать, что у меня вообще не было никакой возможности дать такой приказ доктору Шейнгарту. Он мне не был подчинен в этих вопросах. Правда, я заявил, что в таких делах мы должны действовать энергично, это совершенно правильно. Эту цифру 200 (я думаю, что всего было 230) я узнал позднее. Объявление, о котором он здесь говорит, было подписано им...

Дебене: Вы все еще утверждаете, что не имели никакой власти над начальником полиции?

Зейсс-Инкварт: Я не мог приказывать ему, но совершенно правильно то, что мы работали в тесном контакте...

Дебене: Я теперь передам вам документ Ф-860. Это письмо, которое я предъявляю под номером РФ-1529, написано вами, датировано 30 ноября 1942 г. и адресовано доктору Ламмерсу... Вы пишете следующее: «Закон о военных судах полиции был разработан в соответствии с письмом рейхсфюрера СС. Я полагаю, что я действовал в соответствии со всеми пожеланиями, которые в нем высказывались. Я не хотел бы лишь назначать в качестве председателя трибунала высшего начальника СС и полицейфюрера, так как это назначение означало бы для голландцев ограничение власти рейхскомиссара Голландии, что приобретает особую важность при учете того факта, что рейхскомиссар назначается фюрером как лицо, которое должно блюсти интересы империи. Я передал лично высшему начальнику СС и полицейфюреру все полномочия, которыми должен пользоваться магистрат. Я полагаю, что закон о военных полицейских судах будет полезен и сыграет большую роль в установлении законных положений в будущем».

Следовательно, вы имели власть над начальником полиции?

Зейсс-Инкварт: Я был авторитетным лицом для особых полицейских судов (полицейштандгерихте), но не для начальника СС и полиции...

Дебене: Во всяком случае, бесспорно то, что здесь идет речь о чрезвычайных судах, переданных вами в ведение начальника полиции.

Зейсс-Инкварт: Да, это верно, но это относится только к полицейштандгерихте (особым полицейским судам) и только

в виде исключения во время чрезвычайного положения, ибо за то, что делали в то время полицейштандгерихте, я нес ответственность. Это было вызвано генеральной стачкой в 1943 году.

Дебене: Итак, мы с вами договорились. Вы передали чрезвычайные суды в ведение полиции...

Теперь я представляю вам документ ПС-3430, РФ-860. Этот документ является сборником речей, которые были произнесены вами в период оккупации Нидерландов...

Я спрашиваю, были ли произведены значительные изъятия из этой страны в первые же годы оккупации?

Зейсс-Инкварт: Да, по распоряжению управления по четырехлетнему плану все запасы были конфискованы...

Дебене: ...Вы пишете: «Запасы сырья были изъяты и с согласия генерал-фельдмаршала распределены таким образом, что голландским жителям был оставлен лишь необходимый минимум на шесть месяцев. Распределение производилось по тому же принципу, что и в империи. Такой же принцип равномерного распределения продовольствия был установлен и на будущее. Так смогли обеспечить для империи значительные запасы сырья, например 70 тысяч тонн промышленных товаров, что является примерно половиной количества, необходимого для империи».

Зейсс-Инкварт: Это полностью совпадает с моими показаниями.

Дебене: Я полагал, что вы сказали тогда, что эти запасы были предназначены для голландского населения, а не для империи.

Зейсс-Инкварт: ...Я сказал, что все запасы были конфискованы и только полугодовой запас был сохранен, а остальное должно было по мере потребления имеющихся запасов поставляться из империи, причем по тем нормам, которые существовали в империи...

Дебене: Подсудимый, вы согласны с тем, что значительные запасы товаров были отправлены в Германию?

Зейсс-Инкварт: Да, это правильно.

Дебене: Касаясь вопроса о другом методе, который вы использовали для разграбления Нидерландов, я хотел бы предъявить вам документ, который, кстати, свидетельствует о том, что в этом грабеже участвовали не только вы, но также Геринг и ОКВ. Это документ Ф-868, который становится документом РФ-1530.

Имеется в виду сообщение, которое было вам передано по телетайпу из ОКВ и подписано Рейнеке. Этот документ датирован 5 декабря 1940 г. Он начинается следующими словами:

«Заседание у господина рейхсмаршала. 7 октября 1940 г.

Упорядочение отправки и эффективного изъятия товаров в Голландии представителями германских вооруженных сил и связанных с ними учреждений.

В согласии с господином рейхсмаршалом и господином имперским комиссаром на оккупированных территориях положения, существовавшие до настоящего времени и определявшие отправку и изъятие товаров в Голландии, признаются недействительными. Представители германских вооруженных сил и учреждений, которые к ним относятся, — далее следует перечень этих учреждений, — а также власти и представители учреждений в Голландии, относящихся к вооруженным силам, могут в пределах средств, которыми они располагают, отправлять на родину посылки полевой почтой максимальным весом в тысячу граммов без ограничения числа этих посылок...».

Я не буду оглашать продолжения этой выдержки. Далее в ней говорится об освобождении от оплаты за провоз.

«Провоз вещей, взятых с собой в связи с увольнением в отпуск и переездом границы в других случаях, не подвергается никаким ограничениям».

Ограничения были сняты с вашего согласия?

Зейсс-Инкварт: Согласие — это слишком сильно сказано... Господин рейхсмаршал отдал соответствующий приказ, и я стал выполнять его... Затем я издал для гражданских учреждений постановление в соответствии с вышеупомянутым приказом...

Дебене: Будьте любезны дать показания относительно распоряжения, изданного управлением по четырехлетнему плану.

Зейсс-Инкварт: Я сейчас не помню дословно соответствующего постановления. Мне кажется, оно здесь уже оглашалось. Во всяком случае, в этом постановлении предусматривалась мобилизация всех экономических ресурсов в сфере германских интересов в пользу германской политики, а во время войны, естественно, предусматривалась мобилизация этих ресурсов для военной экономики...

Дебене: Не угрожали ли вы населению Нидерландов голодом в ответ на забастовку на железных дорогах в декабре 1944 года?

Зейсс-Инкварт: Это можно рассматривать и как угрозу, я, во всяком случае, считал ее вполне реальной...

Дебене: ...Ведь вы приказали генеральным секретарям профсоюза железнодорожников, чтобы они заставили прекратить забастовку?

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Дебене: Вы запретили передвижения транспортных средств и наложили запрет на ввоз продовольствия?

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Дебене: ...Вы прекрасно знали, когда вы запретили судходство, что было время отправлять продовольствие на зиму в Западную Голландию?

Зейсс-Инкварт: Да, но в тот момент, когда я наложил эмбарго, уже фактически не было никакого транспортного сообщения, а имевшиеся еще суда, перевозившие продовольствие, были конфискованы армией вместе с продовольствием.

Дебене: Вам было достаточно хорошо известно, что принятое вами решение приведет к тяжелым последствиям?

Зейсс-Инкварт: ...Значительно серьезнее был тот факт, что армия нуждалась в судах ввиду вспыхнувшей забастовки железнодорожников. Для меня не могло существовать более тяжелого ущерба, чем если бы немецкий народ сказал, что я, обязанный заботиться об интересах империи, не сделал всего того, что было в человеческих силах и что было достижимо в этой борьбе...

Дебене: Не принуждали ли вы Голландию платить значительные суммы в форме якобы добровольных выплат, в частности, для войны против большевизма.

Зейсс-Инкварт: Я, кажется, достаточно ясно изложил это дело. Империя потребовала в определенный период 50 миллионов марок в качестве оккупационных расходов, необходимых для подготовки обороны в Голландии. В Голландии мы называли эту сумму «добровольным взносом», уплачиваемым по причинам политического характера. Но в действительности это было требованием империи, которое так или иначе надо было выполнять, и я совершенно не настаиваю на том, что какой-либо нидерландец делал этот взнос добровольно.

Дебене: Но ведь вы были согласны с этими мерами?

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Дебене: Каковы были финансовые и экономические последствия всех этих мероприятий?

Зейсс-Инкварт: Финансовые последствия сказались в том, что чрезвычайно увеличилось хождение бумажных денег и увеличились жировые счета, которые имели такую же форму, как и аналогичные счета в империи и в оккупированных областях...

Дебене: Трибунал оценит по достоинству ваши показания. Вы также рассматривали вопрос об уничтожении таможенных границ?..

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Дебене: Не имелось ли в Нидерландах различных учреждений, которым было поручено производить разграбление произведений искусства?

Зейсс-Инкварт: Я не могу это назвать разграблением, однако, во всяком случае, устанавливалась охрана этих произведений искусства.

Дебене: Много было подобного рода учреждений?

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Дебене: И вы знаете, в частности, учреждение, которым руководил доктор Мюльман?

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Дебене: Кем был он послан в Голландию?

Зейсс-Инкварт: Я послал Мюльмана в Нидерланды до того, как я сам туда приехал, с тем, чтобы он подготовил помещения для моих учреждений.

Дебене: Лишь для того, чтобы разместить там ваши учреждения?

Зейсс-Инкварт: Да, в тот момент лишь только для того, чтобы разместить учреждения.

Дебене: А впоследствии?

Зейсс-Инкварт: Затем Мюльман уехал и через некоторое время возвратился как представитель управления по четырехлетнему плану с тем, чтобы заняться вопросами сохранения предметов искусства. Дело обстояло примерно так же, как и в Польше...

Дебене: Хорошо, вчера вы показали, что обеспечили сохранность многочисленных произведений искусства, в частности картин. В каких целях вы это делали?

Зейсс-Инкварт: Я распорядился об изъятии многих произведений искусства постольку, поскольку имелось постановление о конфискации имущества, принадлежавшего врагам и евреям. В ходе же этой конфискации были изъяты и затем проданы и произведения искусства, находившиеся среди этого имущества...

Дебене: Хорошо. Вот что вы пишете в одном из документов, который был уже ранее предъявлен Трибуналу. Вы этот документ, конечно, знаете. Это документ Ф-824, который был предъявлен под номером РФ-1344. Это письмо, написанное вами и адресованное доктору Ламмерсу. В нем говорится о конфискации картин, которые предназначались для фюрера...

Вы пишете следующее: «Из перечня картин, который был мне сообщен, я заключил, что, таким образом, была обеспечена сохранность довольно значительного числа картин большой ценности. Картины для фюрера в соответствии с теми ценами в стране, которые мне известны, получены исключительно выгодно».

Вы добавляете далее, что автопортрет Рембрандта был получен с помощью Мюльмана. Таким образом, сохранность произведений искусства обеспечивалась именно для того, чтобы

имперские власти получили возможность вывозить их в Германию?

Зейсс-Инкварт: В этом отношении не может быть никакого сомнения. О картине Рембрандта я хочу лишь сказать, что она попала в Голландию нелегальным путем и поэтому была конфискована...

Дебене: Кто отдал приказ о конфискации королевского имущества?

Зейсс-Инкварт: Лично я.

Додд: Вчера вы сказали Трибуналу, что вы стали членом партии в 1938 году и что номер вашего членского билета равен, кажется, нескольким миллионам?

Зейсс-Инкварт: Да, это был седьмой миллион. Формально я вступил в партию в 1938 году, но членские взносы я стал платить с сентября 1932 года, так как в душе чувствовал себя национал-социалистом.

Додд: Являлись ли вы членом Штирийского союза охраны родины?

Зейсс-Инкварт: Да, я был членом Штирийского союза охраны родины с осени 1932 года.

Додд: И эта организация фактически полностью подчинялась национал-социалистической партии в течение некоторого времени, когда вы были членом ее. Не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да, это намечалось, но не было выполнено. Существовало соглашение, что Штирийский союз охраны родины будет включен в партию, но Мюнхенская партийная организация не приняла этого, и отдельные члены союза должны были самостоятельно вступать в партию...

Додд: Вы знаете человека по имени Рейнер?

Зейсс-Инкварт: Да, очень хорошо, доктор Фридрих Рейнер.

Додд: Хорошо. Прежде чем вы ответите, я хочу вам показать документ США-812.

Зейсс-Инкварт: Да, это показания доктора Рейнера.

Додд: Следовательно, вам известно, что он показал?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Вы видели документ? Вы согласны с тем, что вы стали членом нацистской партии в результате членства в Штирийском союзе охраны родины и что вы стали членом НСДАП после того, как союз был запрещен.

Зейсс-Инкварт: Я хочу сказать вам, что я сам до 1938 года придерживался этого мнения или, вернее сказать, отчасти сомневался, так ли это или нет, но в 1938 году партийные органы категорически заявили, что они не признают это слияние, что члены Штирийского союза охраны родины не являются членами партии и что каждый член этого союза должен

вступить в партию отдельно. Это должен будет подтвердить Рейнер.

Додд: Хорошо. Скажите мне следующее: независимо от того, являлись ли вы формально членом партии, разве вы не признавали руководства Клаузнера, который был лидером национал-социалистской партии в Австрии, и разве вы не следовали его желаниям и не выполняли его указаний?

Зейсс-Инкварт: Вы имеете в виду руководство в Австрии или в Германии?

Додд: В Австрии, я говорю о Клаузнере, который был в Австрии руководителем австрийских нацистов.

Зейсс-Инкварт: Да, я понимал это и считал, что Клаузнер был руководителем австрийских национал-социалистов, но я не признавал Клаузнера своим политическим руководителем. Это явствует из того же показания Рейнера, которое вы только что цитировали, господин обвинитель. Рейнер показывает: «Зейсс-Инкварт не признавал Клаузнера, когда речь шла о политически важных делах».

Додд: Он фактически показывает обратное, если вы посмотрите на документ.

Зейсс-Инкварт: О, нет.

Додд: Минутку, посмотрите на документ. Там говорится: «Взаимоотношения между Зейсс-Инквартом и Клаузнером были следующие: Зейсс-Инкварт, безусловно, признавал руководство партии и мероприятия, проводимые партией. Он также признавал Клаузнера лидером партии; будучи членом партии, он подчинялся Клаузнеру и получал от него указания».

Вы нашли это?

Зейсс-Инкварт: У меня в руках мои собственные записи, и там приводится продолжение этого документа, где сказано следующее:

«Помимо этого, он на основании соглашения в Берхтесгадене и на основании тех заявлений, которые сделал ему фюрер в то время, когда он посетил штаб, заявил о том, что он является лидером нелегальной национал-социалистской партии в Австрии, непосредственно подчиняясь фюреру в области государственно-политической деятельности».

Додд: В любом случае остается непреложным тот факт, что в самом начале этого периода вы признавали полную приверженность Гитлеру, причем задолго до аншлюсса. Вы признавали политическую приверженность ему, неправда ли?

Зейсс-Инкварт: Да, это почти так. Я, правда, не совсем ясно представлял себе, как далеко должна простираться безоговорочная приверженность ему...

Додд: Хорошо. Разве вы не имели отношения к делу Дольфуса помимо того, что вы уже сказали вчера Трибуналу? Вы

знаете, конечно, что Рейнер сказал, что вы имели к этому отношению, и об этом указывается в документе США-812.

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Я желал бы знать, что вы сейчас можете сказать относительно того, что Рейнер говорит в документе, который представлен в качестве доказательства и в котором указывается, что вы принимали участие в заговоре 25 июля 1934 г.

Зейсс-Инкварт: Нет. Это совершенно неверно.

Додд: Хорошо. Имеется один вопрос в связи с тем вопросом, который мы должны здесь выяснить, если сможем. Не хотите ли вы сказать Трибуналу, что церемония, если я могу употребить такое выражение, проводившаяся в связи с днем убийства Дольфуса, не имела никакого отношения к Дольфусу в тот период, когда она проводилась?

Зейсс-Инкварт: Я не хотел бы, чтобы сложилось такое впечатление, потому что эта церемония была посвящена памяти семи повешенных национал-социалистов, и мне кажется, что при этой церемонии вспомнилась не смерть Дольфуса, а вспоминался тот факт, что, как кажется, 107 или 108 национал-социалистов совершили попытку устранить систему, которая, по мнению национал-социалистов, была антигерманской и враждебной империи, причем 7 человек в результате этой попытки были повешены. Во время церемонии не упоминалось, что Дольфус был расстрелян.

Додд: Я не утверждал, что об этом говорилось, но церемония, несомненно, была посвящена памяти дня убийства Дольфуса, и я думаю, что говорить, будто это не имело к нему отношения, значит, уклоняться от прямого ответа. Не так ли?

Зейсс-Инкварт: Нет. Если бы Дольфус не был расстрелян, церемония все равно бы состоялась.

Додд: Уверены ли вы в этом, думаете ли вы, что они были бы повешены даже в том случае, если бы не был расстрелян Дольфус?

Зейсс-Инкварт: В любом случае они были бы повешены.

Додд: Вы были назначены статс-секретарем в 1937 году. Итак, вновь будем говорить кратко о Рейнере и его документе. Вам известно, что Рейнер также показывает, что вы были назначены благодаря влиянию Кепплера и других австрийских нацистов, а также германских официальных лиц? Оказали они свое влияние на ваше назначение в 1937 году? Рейнер в этом отношении также неправ?

Зейсс-Инкварт: Совершенно неправ. Кепплер вообще не оказывал никакого влияния при назначении меня на должность статс-секретаря.

Додд: Хорошо.

Зейсс-Инкварт: Я был назначен статс-секретарем только потому, что Цернатто обсудил мою кандидатуру и предложил ее Шушнигу... Если бы Кепплер внес такое предложение, то это заставило бы Шушнига не назначать меня.

Додд: Но не думаете ли вы, что Шушниг случайно назначил вас потому, что кто-то говорил с ним об этом, и что все эти нацисты, с которыми вы были знакомы, не имели к этому никакого отношения? Не так ли?

Зейсс-Инкварт: Нет, этого я не хочу сказать. Я говорил с Рейнером о перспективе, связанной с моим назначением на должность статс-секретаря, потому что наш общий знакомый уже до того обсудил этот вопрос с Цернатто. Затем я переговорил по этому вопросу с Рейнером. Но он не оказал никакого влияния на это назначение.

Додд: Вы видели документ, известный как протоколы Госсбаха? Это документ ПС-386, США-25, представленный Трибуналу много месяцев назад. Вы припоминаете, что Гитлер при обсуждении отчета, представленного Госсбахом, заявил, что он имеет планы в отношении Австрии и Чехословакии. Вы помните об этом? Это имеется в документе.

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Додд: Это было 5 ноября 1937 г. Когда вы впервые услышали об этом совещании? В первый раз в вашей жизни, когда вы услышали об этом совещании?

Зейсс-Инкварт: Здесь, в этом зале.

Додд: Здесь, в зале Суда? Вы помните, что вы писали письмо 11 ноября доктору Юри?

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Додд: Вы очень хорошо помните это или вы желаете ознакомиться с копией этого документа? У нас есть копия. Это новый документ, который вы еще не видели.

Зейсс-Инкварт: У меня также есть копия.

Додд: Это документ ПС-3379, США-889.

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Додд: Что вы имели в виду, когда писали Юри 11 ноября 1937 г.: «Я лично верю в то, что не будет явных результатов до начала следующего года. В настоящее время я получил подлинный отчет от Линца», и далее вы говорите о газетной статье. Я хотел бы знать следующее: что вы подразумевали под событиями в начале 1938 года?

Зейсс-Инкварт: При создавшейся тогда ситуации в Австрии было ясно, что такое внутривластное положение не могло долго продолжаться. Оптимистически настроенные национал-социалисты считали, что или Шушниг в ближайшее время уйдет в отставку, или что-либо произойдет. Я правильно истолковал политическую обстановку и был того мнения,

что перемена в австрийских внутривластных делах произойдет лишь только весной и именно в том направлении, что национал-социалисты получат дальнейшую свободу действий.

Додд: Меня это фактически ни в какой степени не может интересовать, если вы не считаете, что это может быть важным для вашего ответа. Я хочу немного вернуться назад, вы начинаете свое письмо ссылкой на беседу с господином Кепплером. Он действовал как агент Гитлера 11 и 12 марта, когда власть в Австрии перешла в руки нацистов. Не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да, да.

Додд: Вы говорите: «Беседа протекала в очень спокойной обстановке, и мы говорили совершенно откровенно».

Однако я не верю, что эти вопросы так созрели для обсуждения, как это представлялось с точки зрения национального порядка и империи».

Далее вы продолжаете: «Я был бы приятно удивлен, если бы первоначальное решение было достигнуто здесь в этом году».

Фактически вы говорили о передаче Австрии в руки австрийских нацистов? Вы это имели в виду, когда писали письмо? Там шла речь о «первоначальном решении».

Зейсс-Инкварт: Нет. Во-первых, там не сказано, что мои разговоры с Кепплером были секретными; там сказано, что они были насыщены содержанием.

Додд: Там сказано, что совещание проходило в обстановке «полной изолированности». Я не знаю, было ли оно секретным, и я не знаю, что именно это означает.

Зейсс-Инкварт: Это означает, что мы очень реалистично смотрели на вещи во время наших бесед. Имперские инстанции все время напирали. Может быть, речь шла также о том, что будет оказан дипломатический нажим со стороны империи. Во всяком случае, при этом преследовалась та цель, чтобы деятельность национал-социалистов в Австрии была разрешена и чтобы был осуществлен, наконец, намечавшийся аншлюсс. Там вовсе не обсуждалось содержание документа Госсбаха; я также убежден, что Кепплер не имел никакого представления об этом. Кепплер отнюдь не занимал такого прочного положения при Гитлере.

Додд: Вы припоминаете, что вы писали письмо Кепплеру несколько позднее, в январе 1938 года. Помните ли вы это?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Вы хотели отказаться от вашего мандата, от возложенной на вас ответственности?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Что это был за мандат, который вы получили от Кепплера или Геринга? На кого ссылался Кепплер в своем письме?

Зейсс-Инкварт: Это был мандат австрийского государственного советника. Я не хотел принимать его, а также хотел отказаться и от задания, заключавшегося в том, чтобы проверить, можно ли договориться о привлечении национальной оппозиции к сотрудничеству. От Кепплера я вообще не получал никакого мандата и едва ли смог бы принять его.

Додд: Кепплер говорит, что он проинформировал Геринга о сложившейся обстановке и что Геринг посоветовал ему оставить вас на этой работе (документ ПС-3397, США-702). Мой вопрос заключается в следующем: почему Геринг должен был так интересоваться этим мандатом, если это имело отношение к вам как к государственному советнику в Австрии? Он не был официальным представителем Австрийского правительства, а вы были.

Зейсс-Инкварт: Мог бы я получить этот документ на руки?

Додд: Да, конечно. Вы также найдете здесь ссылку на доктора Юри, того самого человека, о котором мы говорили несколько минут назад и которому вы писали письмо 11 ноября.

Зейсс-Инкварт: Господин обвинитель, какое место письма Вы имеете в виду?

Додд: Мой вопрос заключался в следующем: меня интересует, почему Кепплер информировал Геринга о вашем желании уйти с того поста, который вы занимали в нацистской партии, или, как вы заявили, с занимаемой вами должности государственного советника, и нас это еще больше интересует в связи с вашим объяснением. Какое отношение имел к этому Геринг?

Зейсс-Инкварт: Я уже заявлял вчера, что Шушник поручил мне рассмотреть условия, на которых можно было привлечь национальную оппозицию к сотрудничеству, и я всегда говорил Шушнику, что национал-социалисты без согласия Гитлера не станут ничего предпринимать. Я с ведома Цернатто и доктора Шушника посетил Геринга и Гесса. Обоим было известно, что я через Кепплера поддерживаю связь не только с австрийскими национал-социалистами, но и с деятелями империи. Это было также известно и в империи, и они были заинтересованной стороной. Если бы я внезапно заявил: «У меня с этим покончено, я больше не сотрудничаю», то я чувствовал бы себя обязанным предупредить также национал-социалистов в империи для того, чтобы они больше не могли на меня рассчитывать. Мне кажется, что это само собой разумеется. Это нужно было бы сделать в любом случае.

Додд: Письмо ваше от 11 ноября к Юри было написано после вашего совещания с Гессом и Герингом. Не так ли?

Несомненно, вы встретились с Герингом в июле 1937 года.

Зейсс-Инкварт: Да, об этом я ведь дал здесь показания.

Додд: Очень хорошо. Теперь я хочу задать вам несколько вопросов по поводу вашего совещания с фон Папеном в Гармише, которое, как я вас понял, заранее не намечалось. Вы говорили там о возможности того, что на пост министра безопасности будет назначен член нацистской партии. Говорили ли вы также о возможной поездке Шушника в Берхтесгаден, которая состоялась вскоре после этого совещания?

Зейсс-Инкварт: Нет, мы не говорили об этом, мы не говорили также и о том, состоится ли встреча между доктором Шушником и Гитлером, мы не обсуждали также и того, будет ли разрешен вопрос дипломатическим путем.

Додд: Разве этот вопрос вообще не обсуждался?

Зейсс-Инкварт: О какой-либо встрече этих государственных руководителей ничего не говорилось. Мы обсуждали лишь, каков будет план.

Додд: Когда впервые вы узнали о предполагаемой встрече Гитлера с Шушником и от кого вы узнали об этом?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, это было, видимо, 10 февраля, когда я получил известие, кажется, от Рейнера или от Глобочника, в котором мне сообщалось, что должно состояться такое совещание. Приблизительно в то же время Цернатто потребовал, чтобы я приехал в Вену, но он мне еще не сказал, в чем было дело.

Додд: Является ли фактом, что вы подготовили для Гитлера записки или своего рода меморандум, который он использовал как основу для беседы с Шушником в Берхтесгадене?

Зейсс-Инкварт: Я написал предположение относительно решения этого вопроса. Текст я передал, с одной стороны, Цернатто, с другой — Рейнеру. Вполне возможно, что Рейнер переслал это предположение в империю, я не нахожу в этом ничего предосудительного.

Додд: Хорошо. Но вы знаете очень хорошо, что Мюльман накануне конференции ночью был послан вами и вашими помощниками в Берхтесгаден с меморандумом, чтобы опередить Шушника и фон Папена. Разве это не факт?

Зейсс-Инкварт: Доктор Мюльман...

Додд: Да, да...

Зейсс-Инкварт: Доктор Мюльман отправился тогда в Берхтесгаден, и он был осведомлен о последней беседе, которая у меня состоялась с доктором Шушником. Он, видимо, записал это.

Додд: Разве вам не известно, что Мюльман знал, а Шушник не знал этого, и что особенно важно, что Мюльман приехал

туда раньше его? Он взял с собой меморандум и условия, которые вы предложили Шушнику накануне.

Зейсс-Инкварт: Я уверен, что Шушник не знал о том, что Мюльман находится в Берхтесгадене, и что он проинформировал Кепплера, а тот, в свою очередь, — Гитлера. Этого доктор Шушник определенно не знал. Когда я беседовал с Шушником, я еще не знал, что Мюльман поедет в Берхтесгаден.

Додд: Когда вы узнали о том, что Мюльман уехал в Берхтесгаден?

Зейсс-Инкварт: Я после беседы с доктором Шушником пришел в свою канцелярию, там уже был доктор Рейнер и, возможно, еще кто-нибудь. Я оповестил доктора Рейнера об этом совещании. Может быть, Мюльман тоже присутствовал. После этого мы, я не исключая при этом себя, решили проинформировать Кепплера о содержании этой беседы. Очевидно, в это время доктор Шушник отправился уже на вокзал. Я не считал, собственно, нужным тотчас же оповестить об этом доктора Шушника.

Додд: Но вы хотели проинформировать Гитлера о характере вашего совещания с Шушником в тот вечер?

Зейсс-Инкварт: Я не видел тогда никакого повода и никакой возможности проинформировать доктора Шушника о том, что доктор Мюльман поедет в Берхтесгаден.

Додд: Может быть, вы и не видели необходимости, но я хочу выяснить следующее: вы хотели сообщить Гитлеру о вашей беседе с Шушником и о том, что было сказано вами?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Почему вы сообщили главе другого государства о вашей беседе с главой вашего собственного государства, поданным которого вы являлись?

Зейсс-Инкварт: Я не видел в этом никакого вероломства. Я просто уведомлял руководителей двух договаривающихся сторон, посредником которых я был.

Додд: Можете ли вы сказать, что вы в тот период могли вести переговоры между вашей страной и Германией, не уведомляя об этом вашего собственного канцлера? Шушник не знал, что вы послали меморандум Гитлеру?

Зейсс-Инкварт: Да, доктору Шушнику определенно не было известно об этом, но господин Шушник знал совершенно точно, что я все время поддерживал непрерывную связь с империей и именно через доктора Кепплера и что я все время передаю в империю информацию о результатах наших переговоров, потому что империя должна была занять свою позицию. Я всегда утверждал, что нельзя будет достичь никакой внутривнутриполитической договоренности между обеими сторонами, если Гитлер не выразит своего согласия. Это факт, тут уже ничего не по-

делаешь. Я не знаю, правильно ли это с моральной точки зрения или нет, но дело обстояло именно таким образом. Без согласия Гитлера нельзя было проводить политики взаимопонимания.

Додд: Это был не первый случай, когда вы действовали нечестно в отношении Шушника? Помните, вы дали ему честное слово, что не выдадите его планов относительно плебисцита?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: После этого совещания вы направились в гостиницу «Регина». Помните, что вам говорили ваши сообщники и что вы отвечали им на это?

Зейсс-Инкварт: Господин обвинитель, в отель «Регина» я отправился не тогда, а 10 марта вечером. Это было совершенно другое дело. Прежде всего, доктор Шушник поступил неправильно, взяв с меня честное слово, ибо он сам ведь в договоре от 12 февраля назначил меня посредником. Если бы я знал заранее о том, что он от меня потребует, я бы отказался, потому что я согласно договору от 12 февраля был обязан тотчас же уведомить империю об этом деле. Я сдержал свое слово. В тот же вечер ко мне пришел Юри, который узнал об этом из другого источника, и я ни одним словом не дал понять Юри, что я знаю об этом. На следующее утро до 12 часов пришел Рейнер. Я лишь в полдень стал принимать участие в переговорах. Рейнер говорит, что это было уже утром; он ошибается; это произошло в полдень.

Додд: Хорошо, я принимаю эту поправку, но я не думаю, что это очень важно...

Когда вы узнали точно о том, что именно произошло в Берхтесгадене, об ужасных угрозах и ужасном обращении с Шушником?

Зейсс-Инкварт: Об этом я узнал от Цернатто. Мне кажется, это было уже 13 февраля. Затем я услышал об этом от министра иностранных дел Шмидта, и затем доктор Шушник частично рассказал мне то же самое. Это было, видимо, 13 или 14 февраля.

Додд: Вы имели очень полное представление о том, как жестоко обошлись с Шушником. Я полагаю, вам известно также, как был вызван Кейтель, чтобы запугать Шушника и оказать военное давление, как были высказаны угрозы о вторжении в страну и т. д., то есть вы полностью знали о том, что произошло, не так ли?

Зейсс-Инкварт: О том, что был вызван Кейтель, я не припоминаю, но Шушник сказал мне, что там будут присутствовать генералы и, очевидно, будет оказан военный нажим.

Додд: Гитлер выставил требование о том, что национал-социалисты должны иметь министра внутренних дел. Вам об этом сообщил Шушник?

Зейсс-Инкварт: Да, мне кажется, Гитлер потребовал, чтобы национал-социалистам были предоставлены посты министра внутренних дел и министра безопасности. Шушниг согласился с этим и на вопрос Гитлера, кого он предлагает, назвал мое имя. Но все это рассказы и слухи, деталей я не знаю. Это, во всяком случае, произошло в ходе этих весьма трагических переговоров.

Додд: Вы говорите Трибуналу, что Шушниг предложил вашу кандидатуру, а не Гитлер требовал, чтобы вы были назначены на этот пост?

У нас имеются свидетельские показания под присягой министра иностранных дел Шмидта о том, что Гитлер требовал этого и что Шушниг согласился с этим требованием. Кто сказал вам, что Шушниг этого хотел?

Зейсс-Инкварт: Мне сказал это доктор Мюльман, но я хочу заметить, что в основном все обстояло так, как вы говорите, господин обвинитель, ибо это была лишь деталь, относившаяся к тактике. Если фюрер принудил Шушнига указать министра внутренних дел и если возник разговор, в результате которого Шушниг назвал мое имя, то я не хочу использовать это обстоятельство для своей защиты.

Додд: Я думаю, это очень смелое заявление. Факт заключается в том, что все было подготовлено для этого: как вы, так и Гитлер знали о том, что вы будете включены в состав правительства. И вопрос о том, кто впервые назвал вашу фамилию, не является уж очень существенным.

Через несколько дней после этого так называемого соглашения, которое было достигнуто в Берхтесгадене, Гитлер нарушил его. Не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да. Это было 17 февраля...

Додд: Сейчас обратимся к 8 марта. В этот день Шушниг сказал вам о плебисците, который он намеревался провести через несколько дней. Это было 9 марта. Вы написали письмо Шушнигу и послали копию этого письма Гитлеру. Не так ли?

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Додд: Сказали вы Шушнигу о том, что с курьером послали копию Гитлеру?

Зейсс-Инкварт: Не знаю, но я ничуть бы не колебался, потому что после 12 февраля 1938 г. я должен был все время информировать империю.

Додд: Вы как государственный советник Шушнига, конечно, должны были информировать его о том, что послали копию этого очень важного документа Гитлеру? Но вы не сказали ему об этом, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Это возможно, но мне кажется, что я, может быть, сказал об этом Цернатто. Я определенно уведомил

Цернатто о том, что я поставил в известность империю, в этом не может быть сомнения.

Додд: На совещании в отеле «Регина», когда ваш курьер вернулся из Берлина, Рейнер дал инструкцию о мобилизации нацистской партии в Австрии для того, чтобы организовать демонстрацию и захватить власть на следующий день. Вы были тогда там, когда он сообщил о своих планах? Вы помните это?

Зейсс-Инкварт: Я думаю, что это было большим преувеличением со стороны Рейнера. Я припоминаю лишь, что Клаузнер сказал, что, «следовательно, завтра все будут поддерживать с ним связь».

Само собой разумеется, всем было ясно, что может возникнуть демонстрация; ясно было и правительству, что, если этот вопрос не будет решен, дело дойдет до больших демонстраций.

Додд: Я думаю мы быстро покончим с этим вопросом, если вы согласитесь со мной, что эти демонстрации вовсе не были стихийными, как вы старались доказать это Трибуналу, а были очень хорошо подготовлены и разработаны вашими сообщниками. Вы согласитесь с этим?

Зейсс-Инкварт: Были ли эти демонстрации стихийными? Безусловно, нет.

Додд: Они не были стихийными? Хорошо.

Когда Хорстенау на следующее утро, 11 марта, приехал из Берлина, он сказал вам о военной подготовке или о разговорах в Берлине?

Зейсс-Инкварт: Хорстенау?

Додд: Да.

Зейсс-Инкварт: Да, так точно, и мы об этом же сообщили доктору Шушнигу.

Додд: Вы встретились с Шушнигом и в то же утро написали ему другое письмо?

Зейсс-Инкварт: Перед этим я в течение двух часов беседовал с ним и обрисовал ему все детали, а это письмо явилось лишь подтверждением.

Додд: Письмо это представляло собой ультиматум Шушнигу, не так ли? И оно было составлено вами по указанию вашего политического руководителя Клаузнера?

Зейсс-Инкварт: Нет. Это утверждает Рейнер, это опять одно из его преувеличений. Если вообще можно говорить об ультиматуме, то я предъявил его уже до этого в устной форме, так как я, перед тем как уйти, попросил Шушнига до двух часов дня дать мне ответ, и в случае отказа Глейзе и я должны были подать в отставку. В то время я еще вообще не говорил с Клаузнером.

Додд: Рейнер утверждает также, что он говорил с вами о захвате власти в случае, если Шушниг откажется принять ваш ультиматум. Правильно это или нет?

Зейсс-Инкварт: Я не припоминаю этого, я не думаю, что это было так.

Додд: Что вы скажете в связи с его заявлением о том, что вы обсуждали три определенных и возможных шага для захвата власти в Австрии и передачи ее Германии?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что такое освещение фактов Рейнером возникло уже после того, как все произошло.

Додд: Что вы можете сказать по поводу известной телеграммы Гитлеру, проект которой привез вам Глейзе-Хорстенау?

Зейсс-Инкварт: Это не совсем правильно. Я получил письмо Гитлера с курьером, а не от Глейзе-Хорстенау. И в этом письме был проект телеграммы.

Додд: Это та же самая телеграмма, на которую ссылался Геринг, когда он говорил о своих разговорах по телефону, и та же самая, на которую ссылался Кепплер, когда он разговаривал по телефону. Не так ли?

Зейсс-Инкварт: Нет, эта телеграмма была вдвое длиннее, и я решительно отклонил ее.

Додд: Хорошо. Я хочу, наконец, вас спросить о том дне, когда вы произнесли речь по радио. Это было сделано по распоряжению Геринга? Он вам сказал, чтобы вы это сделали? Не так ли?

Зейсс-Инкварт: Я над этим не задумывался. Мне было это совершенно безразлично.

Додд: Я думаю, будет лучше, если вы посмотрите стенографическую запись его телефонного разговора. В этот вечер в 19 ч. 57 м. он беседовал с вами и предложил вам обратиться к народу с заявлением. Через несколько минут после этого вы выступили с таким заявлением. Вы хотите сказать, что Геринг вам не говорил этого?

Зейсс-Инкварт: Геринг требовал от меня нечто совершенно другое, он требовал, чтобы я объявил себя представителем временного правительства и чтобы я захватил власть. Кажется, именно этого он требовал. Я представился австрийцам в качестве министра внутренних дел и министра безопасности и потребовал от них, чтобы они сохраняли спокойствие и не оказывали сопротивления наступавшим немецким войскам, то есть я сказал то же самое, о чем полчаса до меня говорил Шушниг.

Додд: Вам потребовалось всего лишь две-три минуты для того, чтобы подойти к микрофону после беседы с Герингом?

Зейсс-Инкварт: Тогда я о многом переговорил с фельдмаршалом Герингом, но я не хочу изобличать ни его, ни себя,

говоря о тех действиях, которые мы намеревались совершить на основании телефонных разговоров. Мне кажется, что я в результате их почти ничего не предпринял.

Додд: Вы ведь не указываете, не правда ли, что Геринг не был заинтересован в том, чтобы вы продали Австрию Германии? Он, конечно, очень был заинтересован в том, что произошло в тот день. Не так ли?

Зейсс-Инкварт: Я не считаю здесь уместным выражение «продавать». Конечно, Геринг был явно заинтересован в том, чтобы покончить с этим делом и как можно скорее...

Додд: Еще один вопрос. Сказали ли вы Трибуналу или я вас так понял, что президент Миклас ушел в отставку без какого-либо нажима с вашей стороны?

Зейсс-Инкварт: Я требовал, чтобы он подписал закон об аншлюссе. Он ответил, что не сделает этого. После издания новой конституции его полномочия перешли ко мне. Он сам не хотел больше препятствовать развитию событий. Я не думаю, что я ему сказал, чтобы он ушел в отставку. Я лишь требовал, чтобы он подписал этот закон.

Додд: Да, но он в своих показаниях перед судом в Вене указал, что вы требовали от него ухода в отставку?

Зейсс-Инкварт: Нет, я считаю, что это совершенно исключается, так как я точно помню, как он сказал: «Я не могу подписать этот закон, но я не буду препятствовать этому ходу событий. Если вы мне подтвердите, что аншлюсс будет осуществлен, я уйду в отставку, и, таким образом, вы получите все мои полномочия». Если он воспринял это как требование ухода в отставку, я не буду ему возражать и еще больше затруднять его положение, потому что я признаю, что я был сторонником аншлюсса...

Додд: ...Я хочу спросить вас, помните ли вы содержание вашего письма к Гимmlеру? В этом письме вы отрицали, что вмешивались в вопрос о высылке евреев и что вы лишь настаивали на том, чтобы этот вопрос был передан Кальтенбрунеру и СД?

Зейсс-Инкварт: Мне известен этот документ, Я знаю его, я видел его здесь, в Суде.

Додд: Я полагаю, что вы могли его видеть. Однако я намереваюсь представить его в качестве доказательства.

Зейсс-Инкварт: Но письмо определенно является правильным.

Додд: Это — документ ПС-3398, который представлен в качестве доказательства США-885. В этом письме вы говорите, что вами даны инструкции о том, что вывоз евреев должен проводиться только по согласованию с СД и через СД и не должны допускаться самовольные действия.

Зейсс-Инкварт: Правильно. Должен ли я высказаться по этому поводу, господин обвинитель?

Додд: Я хочу спросить вас, знали ли вы об этом? Насколько я понял из ваших ответов при прямом допросе, вы действительно знали об этом. Вы знали о вывозе евреев и вы выполняли свою миссию, следя за тем, чтобы СД проводила эти операции. Вы это подтверждаете?

Зейсс-Инкварт: Да, конечно, я знал, что евреев в Вене погружали в эшелоны и вывозили в Польшу...

Додд: Вам было известно, что в то время вывозом евреев из Австрии занимался Кальтенбруннер?

Зейсс-Инкварт: В этой связи я не припоминаю о Кальтенбруннере. Я думаю, что партия одна занималась этим делом. Да, мне думается, партия действовала самостоятельно в этом вопросе, и Кальтенбруннер, мне кажется, не участвовал в этом.

Додд: Разве вы не сказали, что этим делом занималась СД, и разве Кальтенбруннер в то время не возглавлял СД в Австрии?

Зейсс-Инкварт: Я считал, что нужно, чтобы СД занялась этим, но эти эшелоны были отправлены не Кальтенбруннером, это сделал Глобочник.

Додд: Хорошо, но ведь СД находилась под руководством Кальтенбруннера. Он в то время был начальником всей полицейской системы Австрии.

Зейсс-Инкварт: Да, но к этому скорее имел отношение начальник полиции безопасности. Насколько он был влиятельным, я не знаю. Мне кажется, в очень малой степени.

Додд: В ходе работы Трибунала нам стало известно, что он имел очень большое отношение к этому делу. Не так ли? Вам теперь известно, что он имел к этому большое отношение?

Зейсс-Инкварт: Нет.

Додд: Не хотите ли вы сказать, что вы не слышали о том, что Кальтенбруннер имел какое-то отношение к вывозу евреев?

Зейсс-Инкварт: Я должен предоставить Кальтенбруннеру говорить об этом. Я сам из своего опыта не знаю об этом.

Додд: Я вас спрашиваю, вы слышали в этом зале Суда о том, что Кальтенбруннер имел большое отношение к вывозу евреев?

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Додд: Вы помните, когда вы получили полномочия от Ламмерса о конфискации имущества, относительно чего вас допрашивали в Вене?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Вы видели эти документы? Это новые документы: ваше письмо к Ламмерсу и его ответ на ваше письмо, а также

приказ, изданный по вашей просьбе. Таким образом, имеется три документа.

Зейсс-Инкварт: Так точно.

Додд: Ваше письмо Ламмерсу от 23 октября 1938 г. представляю в качестве доказательства ПС-3448, США-886; ответ Ламмерса вам от 24 октября 1938 г. — за номером ПС-3447, США-887 и приказ за номером ПС-3450, США-888. В документах идет речь о конфискации собственности евреев в Австрии, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Так точно. Я вчера уже заявлял, что участвовал в этом, издав соответствующие постановления.

Додд: Когда вы, подсудимый, впервые узнали об огромной смертности австрийцев, находившихся в концлагерях после аншлюсса?

Зейсс-Инкварт: О многих австрийцах, погибших в концентрационных лагерях, я узнал лишь только здесь, в Суде, но о том, что много австрийцев находилось в концлагерях, я узнал, очевидно, в 1943—1944 гг. В 1938—1939 гг. я знал, что некоторые политические противники находились в концентрационных лагерях, но я думал, что их со временем отпускали на свободу, по крайней мере некоторых из них.

Додд: Знали ли вы о том, что их убивали в Бухенвальде еще в 1939 году? Знаете ли вы тех лиц, которым было известно о смерти австрийских граждан? Подумайте, прежде чем отвечать. Разве вы не знаете о том, что в Бухенвальде убивали тех, которые были вашими политическими противниками?

Зейсс-Инкварт: Я не припоминаю этого, господин обвинитель.

Додд: Еще один последний вопрос. Постарайтесь ответить на него кратко. Должен ли я понимать вас так, что вы берете на себя ответственность за все, что произошло в Польше, и за все то, что, как здесь установлено, имело место в Польше? Вы вместе с Франком несете за это ответственность? Берете ли вы на себя эту ответственность как его помощник?

Зейсс-Инкварт: Прежде всего это может относиться только к тому времени, когда я был там и являлся заместителем статс-секретаря.

Додд: Конечно, я не говорю о том времени, когда вас уже там не было. Я лишь говорю о том времени, когда вы там были.

Зейсс-Инкварт: Я беру на себя ответственность как заместитель статс-секретаря в тех случаях, когда я действительно выполнял функции такового и когда я узнавал о преступлениях, против которых я не принял мер...

ДОПРОС ШПЕЕРА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 21 июня 1946 г.]

Джексон: У нас имеются показания о вашем отношении к концентрационным лагерям, и как я понял вас, вы нам сказали, что действительно использовали и поощряли использование принудительного труда заключенных, находившихся в концентрационных лагерях?

Шпеер: Да, мы использовали заключенных в немецкой военной промышленности.

Джексон: Мне кажется, что вы также рекомендовали, чтобы «лодырей», находившихся в трудовых лагерях, направляли в концентрационные лагеря? Не так ли?

Шпеер: Речь шла о так называемых прогульщиках, которыми называли тех рабочих, которые опаздывали на работу или симулировали болезнь. По отношению к таким рабочим во время войны принимались строгие меры. И я одобрял это.

Джексон: 30 октября 1942 г. на совещании бюро центрального планирования вы действительно подняли этот вопрос, заявив следующее (я цитирую):

«Мы должны обсудить вопрос о лодырях. Лей установил, что на предприятиях, где имеются свои врачи, осматривающие больных, число больных сокращается на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$. СС и полиция в данном случае могут спокойно принимать суровые меры и направлять лодырей в концентрационные лагеря. Иного выхода нет. Стоит это повторить несколько раз, и весть об этом быстро распространится...»

Вот каково было ваше предложение?

Шпеер: Да.

Джексон: Иными словами, рабочие ужасно боялись концентрационных лагерей, и вы хотели это использовать для того, чтобы удержать рабочих на работе. Не так ли?

Шпеер: Совершенно верно то, что концентрационный лагерь пользовался у нас дурной славой и что поэтому, направляя в концентрационный лагерь или даже угрожая такой мерой, можно было улучшить положение на производстве. Но на

упомянутом совещании этот вопрос больше не обсуждался. Такое замечание можно было сделать в напряженной военной обстановке.

Джексон: Однако совершенно ясно, что вам было известно, что концентрационные лагеря пользовались дурной славой среди рабочих и что условия в концентрационных лагерях все считали более жестокими, чем условия в трудовых лагерях. Правильно я вас понял?

Шпеер: Правильно, это было мне известно.

Конечно, я не знал всего того, что я услышал здесь, на процессе, а то, о чем вы сейчас говорили, было общеизвестным фактом...

Джексон: Теперь я хочу спросить вас о принудительном наборе рабочих. Если я вас правильно понял, вам было известно, что из Венгрии для работы на подземных авиационных заводах было вывезено 100 тысяч евреев. На допросе 18 октября 1945 г. вы нам сообщили, что не возражали против этого. Это правильно или нет?

Шпеер: Да, это правильно.

Джексон: И совершенно откровенно в тот же день вы сообщили нам, что для вас вообще не было секретом то, что большая часть рабочих, рекрутируемых Заукелем, вербовалась незаконными путями. Это тоже правильно? Не так ли?

Шпеер: Я обратил особое внимание на выражение, какое употребил тогда допрашивающий офицер. Он сказал: «Они приезжали не по своему желанию» — и я это подтвердил.

Джексон: Разве вы не сказали, что для вас не было секретом то, что они доставлялись туда незаконным методом? Разве вы не добавили этого?

Шпеер: Нет.

Джексон: Хорошо, но вы, во всяком случае, знали, что на совещании у фюрера в августе 1942 года фюрер одобрил все принудительные меры, применяемые при вербовке рабочих в случае, если их нельзя было завербовать на добровольных началах, и вы знали, что эти меры проводились в жизнь? Вы несколько не беспокоились о том, являются эти меры законными или незаконными? Вам нужна была рабочая сила?

Шпеер: Совершенно верно.

Джексон: Но вас абсолютно не беспокоил вопрос о том, делалось ли это законно?

Шпеер: Я думаю, что это было вполне обосновано военным положением и той точкой зрения, которую мы занимали тогда в данном вопросе.

Джексон: Да, это соответствовало политике правительства. Для вас этого было вполне достаточно в то время. Не так ли?

Шпеер: Да, я считаю, что в тот момент, когда я принял свою должность, то есть в феврале 1942 года, все нарушения международного права, которые мне сегодня могут быть поставлены в вину, к тому времени уже были реализованы.

Джексон: Вы не будете отрицать того, что на вас падает доля ответственности за осуществление этих мер, ответственности юридической или фактической — безразлично. На вас падает доля ответственности за насильственный угон в Германию рабочих. Вы не будете этого отрицать, не так ли?

Шпеер: Рабочих в большинстве случаев отправляли в Германию против их воли. Я знал, что они приезжали в Германию не по своему желанию. И в первый период, до осени 1942 года, я прилагал все усилия для того, чтобы таким образом в Германию прибыло как можно больше рабочей силы.

Джексон: Вы также принимали некоторое участие в распределении этой рабочей силы на различные заводы и в различные отрасли промышленности, нуждавшиеся в ней?

Шпеер: Распределение рабочих определялось так называемой степенью необходимости в них. Конечно, я должен был говорить Заукелю, где именно, для выполнения какой программы больше всего была необходима рабочая сила. Окончательно вопрос решался генеральными директивами.

Джексон: Другими словами, вы устанавливали очередность в обеспечении различных отраслей промышленности рабочей силой по мере ее поступления в Германию?

Шпеер: Само собой разумеется, так это и должно было быть.

Джексон: Вы были преемником Тодта и имели те же полномочия, которые раньше имел он?

Шпеер: Да.

Джексон: Одна из его директив, от 31 октября 1941 г. (письмо ОКВ), уже представленная здесь в качестве доказательства, предусматривает, что представители имперского министра вооружения и боеприпасов могут посещать лагеря для военнопленных с тем, чтобы производить отбор квалифицированных рабочих. Это входило в ваши полномочия, не так ли?

Шпеер: Нет, это особое мероприятие было проведено один раз Тодтом по согласованию с ОКВ. Потом оно больше не проводилось.

Джексон: Вы утверждаете, что военнопленные, я говорю здесь о французских военнопленных, не использовались на предприятиях по производству материалов, которые предназначались непосредственно для войны, или вы утверждаете, что они использовались там, но это было законно в соответствии с положением Женевской Конвенции?

Шпеер: Насколько мне известно, в отношении французских военнопленных эти положения не нарушались. Я не могу этого точно сказать, так как контроль за их использованием не входил в функции моего учреждения.

Джексон: Скажите, что именно делали французские военнопленные в промышленности, где они работали?

Шпеер: На это я не могу Вам ответить. Я уже говорил, что распределение военнопленных, иностранных и немецких рабочих по предприятиям не входило в мои функции, этим ведало управление труда совместно с администрацией стационарных лагерей военнопленных, если имелись в виду последние.

Я только один раз получил общий отчет о том, какое количество рабочих и каких именно специальностей было занято на заводах. Я не мог составить себе общее представление о том, какие именно рабочие работали на отдельных предприятиях. Поэтому на этот вопрос я не могу дать исчерпывающего ответа.

Джексон: Теперь займемся вопросом о тех 50 тысячах квалифицированных рабочих, которые, как вы сказали, были вами вывезены и использованы на работе в различных областях промышленности и в отношении которых Заукель выражал свое недовольство. На какой работе вы использовали этих рабочих?

Шпеер: Но это не были военнопленные.

Джексон: Где вы их использовали?

Шпеер: Эти рабочие были переброшены с Атлантического вала, где они работали, в Рурскую область с целью ремонта обеих плотин, которые были повреждены в результате воздушных налетов. Нужно сказать, что сначала я не знал о перемещении этих 50 тысяч рабочих, и переброска их с запада в Германию означала для нас катастрофу на Атлантическом вале; одна треть всех занятых на строительстве Атлантического вала рабочих после этого покинула строительство, так как рабочие боялись, что они тоже попадут в Германию. Поэтому мы постарались как можно скорее отменить это мероприятие, чтобы сохранить к себе то доверие, которое питали к нам французские рабочие, работавшие на строительстве Атлантического вала. Из этого факта следует, что французские рабочие у нас на строительных работах организации Тодта работали не по принуждению, иначе не могло бы быть такого массового ухода тотчас же, как только они узнали об опасности быть направленными в Германию. Итак, это мероприятие с 50 тысячами рабочих из организации Тодта во Франции было единичным явлением, которое мы вскоре прекратили.

Джексон: Известен ли вам документ ЕС-60, в котором говорится, что организация Тодта должна производить набор рабочей силы насильственными методами?

Шпеер: В данный момент я этого не помню. Разрешите посмотреть документ.

Джексон: Пожалуйста, если вы хотите. Напоминаю вам, что этот документ противоречит вашим показаниям по этому вопросу. Это страница 42, следующий абзац: «К сожалению, число рабочих, предоставляемых организации Тодта на основании ст. 52 Гагской Конвенции относительно правил ведения сухопутной войны, вот уже в течение некоторого времени значительно уменьшилось, так как большая часть направленных туда рабочих вообще не является. Поэтому должны быть приняты принудительные меры. Правда, префекты и французские трудовые биржи сотрудничают с нами вполне лояльно. Однако они недостаточно авторитетны для того, чтобы провести это в жизнь».

Шпеер: Я думаю, что меня, возможно, неправильно поняли. Я не оспариваю того, что большая часть рабочих организации Тодта, работавших на Западе, была обязана работать и что на основании этой трудовой повинности они приходили на строительство.

Джексон: Помещались ли эти рабочие в трудовые лагеря?

Шпеер: На строительстве всегда делалось так. Строительные участки находились далеко от деревень, и поэтому создавались специальные лагеря для рабочих. Там размещались как немецкие, так и иностранные рабочие. Но когда предоставлялась возможность, мы размещали рабочих также в деревнях.

Джексон: Я хочу спросить вас о вашем показании по поводу предложения об отказе от Женевской Конвенции. Вчера вы показали, что было внесено предложение отказаться от выполнения пунктов Женевской Конвенции. Может быть, вы нам скажете, кто внес такое предложение?

Шпеер: Это предложение, как я уже вчера говорил, было выдвинуто Геббельсом после воздушного налета на Дрезден. Уже раньше, начиная с осени 1944 года, Геббельс и Лей начали поговаривать о том, что надо всеми средствами обострить войну. У меня создалось впечатление, что налет на Дрезден и то возмущение, которое было этим вызвано, дали Геббельсу повод начать добиваться отказа от Женевской Конвенции.

Джексон: В то время было выдвинуто предложение начать химическую войну? Было тогда внесено такое предложение?

Шпеер: Я не мог прямо сам лично установить, действительно ли намеревались начать химическую войну. Но я знал от различных сотрудников Лея и Геббельса, что последние ставили вопрос о применении наших новых газов «Табун» и «Зарин». Они считали, что оба эти газа будут особенно эффективны, и на самом деле действие их было ужасным. Это мы по-

чувствовали уже осенью 1944 года, когда положение очень обострилось и заставило многих беспокоиться.

Джексон: Не расскажете ли вы нам сейчас об этих двух газах, о производстве этих газов, о их свойствах, а также о той подготовке, которая проводилась для ведения химической войны?

Шпеер: Я не могу рассказать об этом подробно потому, что я не специалист в этом деле. Я знаю только, что эти газы были особенно эффективны, что от них не мог спасти никакой противогаз, то есть не было никаких защитительных средств. Другими словами, солдат не мог защититься от них. Мы имели три завода, вырабатывавших эти газы, которые совершенно не были разрушены и до ноября 1944 года работали на полную мощность.

Джексон: Что вы можете сказать относительно бомб, которые все еще продолжали сбрасывать на Англию после того, как стало уже совершенно очевидным, что война проиграна?

Шпеер: Вы имеете в виду самолеты-снаряды?

Джексон: Да.

Шпеер: Производство самолетов-снарядов с технической точки зрения было для нас дорогостоящим делом, а действие их по сравнению с затраченными средствами — минимальным. Поэтому мы не были очень заинтересованы в том, чтобы выпускать их в большом количестве. Больше всех настаивал на их выпуске Гиммлер. Он поручил обергруппенфюреру Тамлеру расстрелять все самолеты-снаряды над Англией. В армейских кругах придерживались того же мнения, что и я, а именно, что они обходятся слишком дорого. Подобного же суждения придерживались и офицеры военно-воздушного флота, так как на те средства, которые требовались для производства одного самолета-снаряда, можно было бы построить истребитель. Ясно, что для нас было бы куда лучше, если бы мы отказались от этой бессмыслицы.

Джексон: Возвратимся к свойствам газа. Одним из свойств этого газа было то, что он выделял большое количество тепла. В момент, когда происходил взрыв, создавалась чрезвычайно высокая температура, от которой ничто не могло защититься. Это правильно?

Шпеер: Нет. Это ошибка. Дело обстоит следующим образом: обычные газы испаряются при нормальной температуре воздуха. Этот газ испарялся только лишь при очень высокой температуре, а температура повышалась до необходимого предела только тогда, когда происходил взрыв.

Когда взрывчатое вещество взрывается, создается, как известно, очень высокая температура, и газ испаряется. Твердое

вещество превращается в газ. Но действие его совершенно не зависит от температуры.

Джексон: Известно ли вам, что с этим газом проводились различные опыты?

Шпеер: Нет, этого я не могу сказать. Наверное, делали опыты.

Джексон: Кто возглавлял проведение этих опытов?

Шпеер: Насколько мне известно, его возглавлял отдел усовершенствования управления вооружения штаба сухопутных сил, только я не могу этого сказать с уверенностью.

Джексон: Ряд опытов и исследовательских работ производился также и в области атомной энергии, не так ли?

Шпеер: К сожалению, мы не достигли еще таких успехов в этой области, так как все лучшие силы, которые занимались изучением атомной энергии, выехали в Америку. Мы очень отстали в данном вопросе. Нам потребовалось бы еще один-два года для того, чтобы расщепить атом.

Джексон: Значит, сообщения о новом секретном оружии были весьма преувеличены для того, чтобы поддержать в немецком народе желание продолжать войну?

Шпеер: Да, в последнюю фазу войны это было действительно так.

Джексон: Теперь я хочу вас спросить о тех усилиях, которые вы прилагали в области производства. Очевидно, вам приходилось сталкиваться с большими трудностями? Крупп играл весьма значительную роль в производстве вооружения Германии, не так ли?

Шпеер: Да.

Джексон: Он возглавлял крупнейшее объединение, не так ли?

Шпеер: Да, но, как я вчера уже объяснял, он производил мало орудий и мало предметов вооружения, хотя это был один из самых крупных и видных концернов в системе всей военной промышленности.

Джексон: Вы старались, насколько это было возможно, предотвратить использование ресурсов и рабочей силы для производства тех товаров, которые не были нужны для ведения войны. Это верно?

Шпеер: Да, это верно.

Джексон: И то, что производилось на заводах Круппа, будь то пушки или какие-либо другие предметы, было крайне необходимо для военной экономики или для ведения войны. Это правильно, не так ли?

Шпеер: Здесь можно сказать вообще. В конце концов важен любой предмет, который изготавливается во время войны на родине, будь то пара сапог для рабочего, одежда или уголь —

все это служит, конечно, для того, чтобы сделать возможным дальнейшее ведение войны. Однако это не имеет никакого отношения к давно устаревшим положениям Женевской Конвенции о военнопленных.

Джексон: В настоящее время я не затрагиваю вопроса о положениях Женевской Конвенции. Я хочу задать вам несколько вопросов о ваших усилиях в целях увеличения производства жизненно необходимых материалов. Я хотел спросить, были ли это военные материалы или нет, каковы были условия, в которых находились рабочие по милости правительства? Мне кажется, вы сможете нам дать некоторую информацию по этому вопросу. Вы часто посещали заводы Круппа, не правда ли?

Шпеер: Я был пять или шесть раз на заводе Круппа.

Джексон: Вы были достаточно хорошо информированы о росте производительности труда как на заводах Круппа, так и на других заводах?

Шпеер: Во время этих посещений речь шла о ликвидации последствий воздушных налетов, я всегда приезжал после такого налета и имел возможность знакомиться с выпуском продукции. Я очень хорошо знал этот вопрос, так как я работал очень много.

Джексон: Крупп имел несколько трудовых лагерей?

Шпеер: Само собой разумеется, у него были трудовые лагеря.

Джексон: Крупп использовал на своих заводах очень большое количество как иностранных рабочих, так и военнопленных, не так ли?

Шпеер: Я не могу определить процентного соотношения, но, несомненно, Крупп использовал иностранных рабочих и военнопленных.

Джексон: Хорошо, я могу сказать вам, что мы обследовали трудовые лагеря Круппа и на основании картотеки самого же Круппа установили, что в 1943 году в трудовых лагерях находилось 39 245 иностранных рабочих и 11 234 военнопленных, что эти цифры все время возрастали и в сентябре 1944 года они достигли 54 990 иностранных рабочих и 18 902 военнопленных. Близки ли эти цифры к тем сведениям, которые можете привести вы на основании того, что известно вам?

Шпеер: Мне не известны подробности, я не помню сейчас цифры и не помню, сколько всего рабочих было у Круппа. Я думаю, что процент иностранных рабочих у Круппа был тот же самый, что и на других военных предприятиях.

Джексон: Итак, какой же приблизительно процент составляли эти рабочие?

Шпеер: Эта цифра очень сильно колебалась. На более старых предприятиях, где имелся кадровый состав рабочих, процент иностранных рабочих был менее значительным, чем на новых, только что созданных предприятиях, не имевших старых кадров. Причина заключалась в том, что молодые возрасты призывались в армию; на предприятиях, располагавших старыми кадрами рабочих, был большой процент рабочих старших возрастов. Поэтому на предприятиях, выпускающих предметы вооружения сухопутных войск, то есть на старых предприятиях, процент занятых иностранных рабочих был меньше, чем на предприятиях, выпускающих вооружение для ВВС, то есть вновь созданных предприятиях, не имевших в своем распоряжении старых кадров рабочих. Но цифры я при всем желании не могу вам назвать.

Джексон: Иностранные рабочие, которые работали на заводах Круппа, возьмем заводы Круппа в качестве примера, были размещены в трудовых лагерях, которые охранялись, не так ли?

Шпеер: Я не думаю, чтобы они охранялись, но я не могу этого точно сказать. Я не хочу здесь скрыть какие-либо полученные мной сведения, но я не имел абсолютно никакой возможности заниматься этими вопросами, посещая предприятия, так как я беспокоился о другом. Вообще за все время моего пребывания на посту министра вооружения я ни разу не посетил ни одного лагеря для рабочих и поэтому не могу дать никаких сведений.

Джексон: Хорошо, сейчас я намереваюсь дать вам некоторую информацию о трудовых лагерях Круппа и затем в связи с этим задать вам несколько вопросов. Я не собираюсь утверждать, что вы лично были ответственны за условия, в которых находились эти рабочие. Я просто хочу указать вам на то, что было сделано в этом направлении правительством, а затем спросить вас, как это отражалось на ваших устремлениях в области увеличения выпуска продукции.

Известен ли вам документ Д-288, представленный в качестве доказательства США-202? Этот документ представляет собой письменное показание, данное под присягой доктором Егером, который позднее был вызван в Суд в качестве свидетеля.

Шпеер: Да.

Джексон: Вы отрицаете, что эти показания соответствуют действительности?

Шпеер: Нет.

Джексон: Вам лично ничего не было известно о существовавших в лагерях условиях?

Шпеер: Если бы положение вещей действительно было таковым, то я, наверно, услышал бы об этом, так как, само

собой разумеется, руководитель предприятия во время моих посещений обращался ко мне со всеми своими трудностями и невзгодами.

Джексон: Сейчас я хочу обратить ваше внимание на новый документ Д-361, представленный в качестве доказательства за номером США-893. Документ подписан начальником управления паровозостроительных заводов Зелингом; он сообщает о тех условиях, в которых находились его иностранные рабочие. Я вновь повторяю, что я не считаю вас ответственным за это. Я допускаю, что за это было ответственно правительство. Я хотел бы огласить этот документ, несмотря на то, что он довольно пространный.

Документ был составлен 25 февраля 1942 г. в Кессельбау и адресован Гупе через Винтерса и Шмидта: «Я получил от «германского трудового фронта» письмо, датированное 18 февраля и присланное на мой домашний адрес, с приглашением посетить управление «германского трудового фронта». Я хотел разрешить вопрос, о котором мне ничего не было известно, по телефону. Мне ответили из «германского трудового фронта», что вопрос крайне важный и требует моего личного присутствия. После этого я спросил Юнгериха, работавшего в отделе социально-трудовых вопросов, должен ли я туда пойти. Юнгерих ответил: «Вы, очевидно, не должны идти, но было бы лучше, если бы вы пошли». Приблизительно в 9 ч. 50 м. я направился в комнату № 20 в этом учреждении к Приору. В ходе последовавшей затем беседы, довольно оживленной и длившейся приблизительно полчаса, выяснилось, почему Приор хотел говорить со мной. 16-го числа этого месяца 23 русских военнопленных были направлены на работу на котельный завод. Эти люди прибыли на работу утром без хлеба. Во время двух перерывов военнопленные подходили к немецким рабочим и просили, чтобы последние им дали хлеба, так как они голодны. В первый обеденный перерыв русским военнопленным раздали еду, чтобы как-то уладить это. 17-го числа я отправился на кухню в Вейдкэмп согласно указаниям Тейли и говорил с начальником этой кухни госпожой Блок о предоставлении русским военнопленным питания во время обеденного перерыва. Блок обещала мне предоставить питание немедленно и, кроме того, заимообразно дала необходимую посуду для 22 человек. Я попросил госпожу Блок передавать оставшуюся от 800 столоющих у нее голландцев пищу русским военнопленным до особого распоряжения. Она обещала делать и это. На следующий день в обед она прислала им сверх нормы бачок молочного супа. Затем обеденная норма была уменьшена. Ввиду того, что несколько русских уже были сильно истощены и дополнительное питание перестало поступать, я позвонил по телефону Блок и попросил

ее увеличить порции выдаваемой пищи. Так как мой телефонный разговор оказался безуспешным, я вновь лично посетил Блок. На сей раз Блок в очень резкой форме отказалась выдавать какое-либо дополнительное питание.

Теперь я подробно остановлюсь на этой беседе.

Кроме Приора, в комнате находились два других господина из организации «германского трудового фронта» и Блок, которая заведовала кухней в Вейдкэмпе. Приор взял слово и, жестикулируя, в оскорбительной форме упрекал меня в том, что я якобы весьма заметно переметнулся на сторону большевиков. Он сослался на ряд законов имперского правительства, которые осуждали такую линию поведения. К несчастью, мне не совсем была ясна ситуация с правовой точки зрения, в противном случае я немедленно бы покинул комнату. Затем я попытался разъяснить Приору, что русские военнопленные присланы к нам как рабочие, а не как большевики, что они крайне истощены и не в состоянии справиться со своей тяжелой работой, на которую они были поставлены на котельном заводе, что больные люди являлись для нас балластом, а не помощью в работе. На это замечание Приор ответил, что если один из них ничего не стоит, то другой будет подходящим, что у большевиков нет души и если 100 тысяч из них умрут, то другие 100 тысяч займут их место. На мое замечание о том, что при подобной текучести рабочей силы мы не сможем выполнить наших задач, то есть не сможем поставлять достаточное количество паровозов для железных дорог Германии, которые настойчиво требуют сокращения сроков выполнения заказов, Приор ответил: «В данном случае поставки имеют второстепенное значение». Мои попытки заставить Приора понять, в чем заключаются наши экономические интересы, не увенчались успехом.

В заключение я могу лишь сказать, что, будучи немцем, я хорошо знаю, каково было наше отношение к русским военнопленным. В данном случае я действовал по указанию своих начальников и старался добиться увеличения выпуска продукции, которую от нас требовали».

На документе имеется подпись: «Зелинг (начальник управления паровозостроительного завода)».

Теперь я хочу спросить вас о следующем: разве действия начальника паровозостроительного завода не были действиями, направленными на повышение выпуска продукции?

Шпеер: Ясно, что у рабочего, который не имеет достаточного питания, не может быть хорошей производительности труда.

Относительно этого документа я должен сказать следующее. Это документ от 25 февраля 1942 г. В то время было дано официальное указание, согласно которому отношение к русским

военнопленным и русским рабочим, вновь прибывшим в империю, должно было быть хуже, чем к военнопленным и рабочим, прибывшим с Запада. Мне стало это известно из жалоб руководителей предприятий.

Джексон: Сейчас я хочу спросить вас вот о чем: если вы и Заукель не были ответственными за эти условия, то кто же в таком случае был ответствен за них? Я обращаю ваше внимание на то, что именно мы должны это сейчас выяснить.

Я покажу вам новый документ Д-398, представляемый в качестве доказательства. Это заявление, сделанное англо-американской комиссией по обследованию условий в трудовых лагерях Круппа. Это заявление сделано одним из работников имперской железной дороги. Я должен сказать, что ни одно из этих расследований не базируется на показаниях самих военнопленных.

«Я, нижеподписавшийся, Адам Шмидт, работавший на железнодорожной станции Эссен—Западная, проживающий в Маргаретенгес, Штиллер Винкель, 12, даю добровольно следующее показание.

Я работаю на имперской железной дороге с 1918 года, с 1935 года я работаю на железнодорожной станции Эссен—Западная. В середине 1941 года прибыли первые рабочие из Польши, Галиции и Западной Украины. Они были доставлены в Эссен в товарных вагонах, предназначенных для перевозки картофеля, строительных материалов и скота, и должны были быть использованы на заводах Круппа. Вагоны были переполнены людьми. Я лично считал, что бесчеловечно перевозить людей в таких условиях. Людей было набито столько, что они почти не имели возможности двигаться. Надсмотрщики заводов Круппа особенно следили за тем, чтобы рабочие как можно быстрее входили и выходили из вагонов. Это возмущало каждого честного немца, наблюдавшего эту картину и то, как людей толкали, давили и вообще обращались с ними по-зверски. С самого начала, как только прибыли транспорты с людьми, мы могли наблюдать, как бесчеловечно с ними обращались. Каждый вагон был настолько переполнен, что просто нельзя было понять, как такое количество людей могло быть помещено в одном вагоне. Я видел своими собственными глазами, как больных людей, которые едва двигались, — часто это были люди с больными ногами, имеющие ранение, и люди, страдающие внутренними болезнями, — заставляли работать. Часто можно было наблюдать, как этим людям было трудно самим двигаться. То же самое можно сказать и о восточных рабочих и военнопленных, которые прибыли в Эссен в середине 1942 года».

Затем он описывает их одежду и пищу. В интересах экономии времени я не буду оглашать этот документ полностью.

Считаете ли вы, что эти показания преувеличены?

Шпеер: Конечно, рабочие, прибывавшие с Востока в Германию, были плохо одеты.

Джексон: Хорошо, сейчас я хотел бы обратить ваше внимание на документ Д-398.

Председатель: Прежде чем перейти к этому документу, расскажите нам, каковы были условия транспортировки? Вам был задан вопрос, являются ли эти показания преувеличенными? Вы не ответили на этот вопрос и лишь кратко описали их одежду.

Шпеер: Господин председатель, я не могу дать показаний относительно условий транспортировки, так как я не получал по этому вопросу сведений.

Джексон: Я спрашиваю вас сейчас о документе Д-398, который представляется в качестве доказательства. Это заявление Хофера, проживающего в Эссене:

«С апреля 1943 года я работал с Левенкампом на танковом заводе № 4. Этот человек был очень жесток в обращении с иностранными рабочими. Он отнимал пищу, принадлежавшую военнопленным, и уносил себе домой. Каждый день чинились новые жестокости по отношению к восточным рабочим, русским военнопленным, французам, итальянцам и гражданскому населению других стран.

Однажды я был свидетелем того, как он, раздавая пищу, ударил одного француза по лицу черпаком так сильно, что лицо француза покрылось кровью. Далее, он сожительствовал с русскими девушками, совершенно не заботясь о рождающихся детях.

Он никогда не давал им молока, так что русские женщины должны были кормить своих детей подсахаренной водой вместо молока. Когда Левенкамп был арестован, он написал два письма и показал их мне через свою жену. Он пытался доказать, что никогда не бил людей».

У меня имеется еще много показаний по этому поводу, но я не могу их зачитывать. По вашему мнению, эти показания также преувеличены?

Шпеер: Если и были отдельные случаи такого рода, то они всегда у нас наказывались.

Джексон: Я бы хотел, чтобы вы ознакомились с документом Д-258. Я обращаю ваше внимание на важность этого документа, поскольку в нем говорится о том, что охрана лагерей состояла из членов СС:

«Лагерь заключенных в основном состояли из еврейских женщин и девушек Венгрии и Румынии. Заключенные начали

поступать в Эссен в 1944 году и были использованы для работы на заводах Круппа. Условия жизни и питание заключенных лагеря были ниже всяких установленных норм. Вначале заключенные жили в небольших деревянных бараках. Эти бараки сгорели во время воздушного налета, и с тех пор заключенные должны были спать в сыром подвале. Они спали на полу, на соломенном тюфяке, укрывались двумя одеялами. В большинстве случаев заключенные не имели возможности ежедневно умываться, так как не было воды: они были лишены возможности помыться. Я мог часто наблюдать на заводе Круппа, как во время обеденного перерыва заключенные стирали и кипятили свое белье в старых, грязных ведрах на костре и здесь же мылись. Во время воздушных налетов заключенные должны были укрываться в траншеях, тогда как охранные части СС укрывались в специально построенных бомбоубежищах. Подъем производился в 5 часов. Утром им не давали ни кофе, ни какой-либо другой пищи. В 5 ч. 15 м. они тащились на фабрику пешком $\frac{3}{4}$ часа, очень плохо одетые, часто без обуви. Когда шел дождь или снег, они покрывались одеялами. Работа начиналась в 6 часов утра. Обеденный перерыв длился от 12 до 12.30. Только во время этого перерыва заключенные имели возможность изготовить для себя какую-либо пищу из картофельных очисток и других отбросов. Рабочий день длился от 10 до 11 часов. Хотя пленные были крайне обессилены от голода, их использовали на очень тяжелой в физическом отношении работе, где надсмотрщики и женщины из охраны СС обращались с ними очень плохо.

В пять или шесть часов вечера они возвращались обратно в лагерь. Сопровождающая их охрана СС, состоявшая из женщин, несмотря на протесты со стороны гражданского населения, часто очень грубо обращалась с заключенными во время их возвращения в лагерь. Они били и толкали их и употребляли такие ругательства, которые даже невозможно повторить. Часто некоторых девушек или женщин приносили в лагерь на руках их товарищи, поскольку они находились в состоянии полного изнеможения. В шесть или семь часов вечера эти изможденные люди возвращались в лагерь. По существу только в это время выдавалась дневная пища. Еда состояла из капустного супа. Вечером выдавался ужин, состоящий из воды и куска хлеба, который был предназначен для следующего дня. Временами по воскресеньям пища была несколько лучше. Обследование лагеря на протяжении всего периода его существования никогда не проводилось фирмой Круппа. В марте 1945 года заключенные лагеря были доставлены в концентрационный лагерь в Бухенвальд, а оттуда некоторые из них были направлены на работу. Начальником лагеря был обершарфюрер СС Рик».

Это, по вашему мнению, также является преувеличением?

Шпеер: Что касается указанного документа, то я должен установить следующее: судя по содержанию этого документа, можно заключить, что имеется в виду концентрационный лагерь, один из небольших концентрационных лагерей, которые находились вблизи предприятий. Предприятия не имели возможности осматривать эти лагеря, и поэтому совершенно правильно предположение, в котором говорится, что представитель предприятия ни разу не посетил лагеря. Наличие охраны СС указывает также на то, что речь идет также о концентрационном лагере.

Джексон: Я прошу, чтобы вам показали документ Д-382, представленный в качестве доказательства. Этот документ является показаниями нескольких лиц по поводу одного из стальных ящиков, которые находились в лагере для иностранных рабочих танкового завода № 4, а также в лагере для русских. Я не знаю, есть ли необходимость оглашать все показания полностью? Это отдельные примеры. Какова ваша точка зрения по данному поводу?

Шпеер: То, что здесь снято, — это один из обычных шкафов для спецодежды, которые имеются на каждом предприятии...

Джексон: Очень хорошо. В таком случае я попрошу вас показать документ Д-230. Этот документ представляет собой записи относительно стальных дубинок, которые были найдены в лагере и которые будут вам показаны. Согласно отчету было распределено 80 таких дубинок.

Шпеер: Разрешите мне высказать здесь свое мнение?

Джексон: Да, если вы хотите.

Шпеер: Да. Это не что иное, как эрзац резиновой дубинки...

У нас не было резины, поэтому охрана имела, вероятно, нечто в этом роде.

Джексон: Я так и подумал, когда прочел этот документ.

Шпеер: Да, но охрана не прибежала сразу к этому стальному предмету, так же как ваши полицейские не прибегают сразу к резиновой дубинке. Они должны иметь что-то в руках. Так уж заведено в мире.

Джексон: Далее документ Д-899, который я представлю в качестве доказательства и который представляет собой отчет за 1943 год о работе госпиталей Круппа. Отчет озаглавлен: «Случай смерти восточных рабочих».

«54 восточных рабочих умерли в госпитале на Лазареттштрассе: 50 — в результате различных заболеваний и 4 — по другим причинам. Из 50 восточных рабочих от туберкулеза умерло — 36, от истощения — 2, внутреннего кровоизлияния — 1, от тифа — 1, от кишечных заболеваний — 2, от воспаления

легких — 3, от аппендицита — 1, от болезни печени — 1, от воспаления мозга — 1.

Таким образом, этот отчет показывает, что $\frac{4}{5}$ всех людей умерло от туберкулеза и истощения.

Разве время от времени вы не получали отчетов о состоянии здоровья тех рабочих, которых вы использовали для выполнения вашей программы вооружения?

Шпеер: Я хотел бы сначала высказать свое мнение относительно самого документа. Из документа не видно, как велико было общее количество рабочих, в отношении которого установлен процент смертных случаев. Так что нельзя сказать, является ли указанный процент действительно слишком высоким. На одном из заседаний Бюро центрального планирования на основании имевшихся данных я установил, что большое количество русских рабочих больны туберкулезом. Я не знаю, это ли вы имеете в виду, когда говорите об информации. Замечание было сделано Вейгером, а затем мы при помощи органов здравоохранения, в компетенцию которых входили эти вопросы, пытались изменить положение.

Джексон: Но процент смертности от туберкулеза в сравнении с общей смертностью был крайне велик, в этом нет никакого сомнения, не так ли?

Шпеер: Я не знаю, был ли ненормально высок процент смертности, но временами приходилось констатировать ненормально высокий процент заболевания туберкулезом.

Джексон: Из этого документа не видно, насколько велик был процент смертности от туберкулеза по сравнению с общей смертностью, не так ли? 80 процентов смертности от туберкулеза говорит об очень большом проценте заболеваемости туберкулезом, не так ли?

Шпеер: Возможно, но у меня лично об этом точных сведений не имеется.

Джексон: Сейчас я хочу, чтобы вам показали документ Д-335. Это отчет из архивов Круппа в Эссене от 12 июня 1944 г., направленный «доктору областного лагеря Егеру», подписанный Штиннесбеком:

«В середине мая я начал осуществлять санитарный надзор над лагерем военнопленных № 1420 на Ноггератштрассе. В этом лагере находилось 644 французских военнопленных. Во время воздушного налета 27 апреля этого года лагерь был сильно разрушен, и в настоящий момент условия в лагере крайне тяжелые. 315 военнопленных все еще находятся в лагере. 170 из них живут уже не в помещении, а в туннеле железнодорожной станции в Эссене на Грюнерштрассе. Туннель — сырое и непригодное для постоянного человеческого жилья место. Остальные заключенные размещены на десяти различных фабриках Круппа.

Прием больных производится французским военным врачом, который проявляет особое сочувствие по отношению к своим соотечественникам. Больные с фабрик Круппа должны также присылаться на этот прием. Прием происходит в уборной одного из сожженных домов вне лагеря. Четыре французских санитаров спят в этих же уборных. Для тяжело больных пациентов имеется двухъярусная деревянная кровать. Обычно медицинская помощь оказывается под открытым небом. В дождливую погоду все больные собираются в маленькой комнате. Условия ужасные. Нет ни стульев, ни столов, ни воды. Вести регистрацию больных невозможно. перевязочных материалов и медикаментов не хватает, хотя рабочие, получившие тяжелые повреждения на работе, очень часто направляются сюда для того, чтобы им была оказана первая медицинская помощь, и где им, естественно, должна быть сделана перевязка до того, как они будут направлены в госпиталь. Имеется также очень много серьезных жалоб в отношении пищи, которую охрана лагеря находит достаточной. При рассмотрении вопроса о заболеваемости и смертности рабочих следует принять во внимание эти обстоятельства. Крайне необходимо срочно начать строительство помещений для заключенных и для больных с тем, чтобы им можно было оказать соответствующую медицинскую помощь. Пожалуйста, примите необходимые меры. *Штиннесбек*.

Шпеер: Из этого документа ясно видно, какое может создаться положение после крупных налетов авиации.

Джексон: Я думаю, что фотографии, которые представлялись в качестве доказательств, будут не совсем понятны, если в протоколе не будет приведено их описание. Я коротко оглашу его. Это описание камеры пыток, которыми пользовались в лагере для иностранных рабочих бронетанкового завода № 4 и в ужасном лагере для русских, о чем под присягой нам были даны следующие показания:

«На фотографии «А» изображен железный шкаф, специально изготовленный фирмой Круппа для пыток советских рабочих, которые невозможно описать словами. В этот шкаф, где почти никто не мог стать во весь рост, запирали мужчин и женщин. Высота этого карцера 152 см, ширина и глубина от 40 до 50 см. Часто даже двух людей вталкивали и втискивали в один стальной ящик».

Фотография «В» показывает этот же ящик в закрытом виде. Фотография «С» — открытый ящик.

Фотография «D» показывает лагерь, который заведомо был выбран администрацией Круппа для жилья русских рабочих. Отдельные комнаты были в 2—2,5 м шириной, 5 м длиной и в 2 м высотой. В каждой комнате жили примерно по 16 чело-

век на двухэтажных нарах. «В верхней части ящика было несколько отверстий, как в сите, через которые на несчастные жертвы в зимнюю стужу лили ледяную воду».

Председатель: Прочтите также последние три строчки последнего абзаца, в связи с тем, что говорил подсудимый по поводу этого доказательства.

Джексон: Мы включаем два письма, которые начальник лагеря Левенкамп выкрал из тюрьмы для того, чтобы вынудить нижеподписавшегося Хоффера дать благоприятные для него показания. Я, может быть, должен зачитать последний абзац.

«Я, нижеподписавшийся, Дамм, — один из подписавшихся, — лично видел, как трое русских рабочих были заперты в ящик, причем двое из них в одно отделение, после того как их сначала избил в ночь под 1945 новый год. Двое русских должны были всю ночь под новый год находиться в этом ящике, и на них также выливали ледяную воду».

Я могу сказать Трибуналу, что мы имеем примерно 100 показаний и заявлений в связи с расследованием, произведенным в этом лагере. Я не собираюсь их представлять здесь потому, что думаю, что они будут кумулятивными, и я удовлетворяюсь лишь еще одним — Д-313.

Этот документ гласит: «Я, нижеподписавшийся, доктор Апполинарий Готовицкий, врач польской армии, был взят в плен немцами 3 января 1941 г. и оставался в качестве военнопленного до прихода американских войск. Я оказывал медицинскую помощь русским, польским и французским военнопленным, которых принуждали работать в различных местах на заводе Круппа. Я лично посещал русских военнопленных в лагере на Раумтштрассе в Эссене, в котором находилось около 1300 человек.

...В этом лагере был большой зал, который мог вместить примерно 200 человек, однако там было поселено около 300 или 400 человек в таких ужасных условиях, что всякое медицинское обслуживание было невозможно. Пол был цементный, а соломенные матрацы, на которых спали люди, были полны вшей и клопов. Даже в холодную погоду помещение никогда не отапливалось. И мне, врачу, казалось, что недостойно человеческого существа, чтобы люди жили в таких условиях. Помещение было невозможно поддерживать в чистоте, потому что в комнате было так тесно, что люди не могли нормально двигаться. Каждый день ко мне приводили по крайней мере десять человек, у которых тело было покрыто сныками в результате постоянных избиений резиновыми дубинками, стальными хлыстами или палками. Часто люди корчились в агонии, и я не имел возможности оказать им хоть какую-нибудь медицинскую помощь. Несмотря на то, что я протестовал, писал жалобы и заявления, я не мог защитить этих людей или добиться того, чтобы их хотя

бы на день освободили от работы. Мне было тяжело смотреть на то, как страдавших людей принуждали к тяжелой работе. Идя на риск, я лично ходил к представителю администрации Круппа, а также к представителю директората Круппа, стараясь добиться помощи. Это было категорически запрещено, так как лагерь находился под управлением СС и гестапо, и согласно хорошо известным директивам я должен был молчать, иначе я сам мог попасть в концентрационный лагерь. Очень много раз я сам приносил в лагерь свой собственный хлеб для того, чтобы отдать его заключенным, когда это было возможно, хотя я сам получал мало хлеба. С начала 1941 года условия не только не улучшились, но стали еще более тяжелыми. Пища состояла из грязного водянистого супа, в котором попадался песок. Часто военнопленные должны были есть гнилую вонючую капусту. Я мог ежедневно наблюдать людей, которые медленно умирали от голода и жестокого обращения. Мертвецы очень часто лежали по два-три дня на своих койках до тех пор, пока их тела не начинали издавать такое зловоние, что сами заключенные выносили их и где-нибудь хоронили. Посуда, из которой они ели, употреблялась также и для отправления естественных потребностей, люди были слишком утомлены или слишком слабы от голода, для того чтобы встать и выйти из барака. Их будили в 3 часа. Та же самая посуда употреблялась и для мытья, а затем для еды. Об этом все знали. Несмотря на эти факты, я не имел возможности добиться хотя бы минимальной помощи или медицинского обслуживания для того, чтобы устранить эти эпидемии, болезни и случаи голодной смерти. Не могло быть и речи о какой-либо медицинской помощи заключенным. Я сам никогда не получал никаких медикаментов. В 1941 году я один должен был оказывать медицинскую помощь всем этим людям, но вполне понятно, что я не мог этого делать, поскольку был единственным человеком, который оказывал медицинскую помощь этим людям. Кроме того, я почти совсем не имел медикаментов. Я не знал, что мне делать с этими 1800 людей, которые ежедневно приходили ко мне, плача и жалуясь. Я сам часто падал в обморок, и, несмотря на это, я должен был брать все на себя и видеть, как эти люди погибали и умирали. Никогда не сообщалось о том, как умирали военнопленные. Я сам собственными глазами видел, как, возвращаясь с работы от Круппа, они по дороге падали и другим заключенным приходилось везти их на тачке или нести на руках. Так они возвращались с работы в лагерь. Работа, которую они выполняли, была очень тяжелой и опасной, и было много случаев, когда заключенные обрезали себе пальцы рук или ног. Это были очень серьезные травмы, и люди обращались ко мне и просили медицинской помощи. Но я даже не мог освободить их на день или два от

работы, хотя обращался в директорат Круппа и просил разрешения об этом. В конце 1941 года ежедневно умирало по двое людей, а в 1942 году смертность увеличилась до трех-четырех человек. Я работал под начальством доктора Мея, и мне очень часто удавалось приводить его в лагерь, где он видел, в каких ужасных условиях живут заключенные, и слышал их жалобы. Но даже он не мог получить медикаменты от медицинской службы вермахта или от Круппа или добиться лучших условий обращения или пищи. Я был свидетелем одного его разговора с русской женщиной из этого лагеря, которая рассказала мне лично, что они работают на фабрике Круппа, где ежедневно их избивают самым ужасным образом. Их пища состояла из водянистого супа, грязного и несъедобного, а его ужасный запах можно было почувствовать на расстоянии. Одежда их состояла из грязных лохмотьев, а на ногах они носили тряпки или деревянные колодки.

По-моему, с ними обращались так же, как и с военнопленными. Избиение происходило ежедневно, такие условия существовали в течение долгих лет, с самого начала и до того момента, как пришли американские войска. Люди жили в постоянной тревоге, и для них было опасно говорить кому-либо об условиях, которые существовали в их лагерях, потому что правила были таковы, что они могли быть убиты любым стражником СС или гестапо, если бы тот заметил, что они делают это. Для меня же, как для врача, было возможно говорить с ними; они доверяли мне и знали, что я поляк и никому их не выдам.

Апполинарий Готовицкий».

Вы сказали, что некоторые из этих условий, по вашему мнению, объяснялись тем фактом, что в результате бомбежек бараки для военнопленных и рабочих были разрушены?

Шпеер: Это правильно, но это еще не говорит о том, что подобное положение, если оно действительно существовало, было общим явлением.

Джексон: Вы считали правильным расселять насильно увезенных рабочих и военнопленных так близко к военным объектам, как были расселены эти военнопленные?

Шпеер: Военные объекты подвергались налетам, и поэтому лагерь не были расположены вблизи военных объектов.

Джексон: И вы не считали, что заводы Круппа являются подходящими объектами?

Шпеер: Лагеря находились не на заводах Круппа, а вблизи города Эссена. Вблизи самих заводов мы в принципе не создавали лагерей, поскольку считали, что эти заводы будут подвергаться бомбардировке, а мы не хотели, чтобы эти лагеря были разрушены.

Джексон: Вы обратили внимание на то, что одна из фотографий, представленных в качестве доказательства, показывает, что лагерь находился в непосредственной близости от заводов?

Шпеер: На этой фотографии видно, что на заднем плане находится какое-то большое предприятие, но это ничего не меняет в моих показаниях о том, что мы размещали лагерь почти исключительно за границами городов.

Джексон: Хорошо. Военное производство было вашим делом, и вы хотите сказать мне, что не имели никаких отчетов или докладов о положении рабочих, занятых на ваших военных предприятиях, из которых вы могли бы узнать, не слишком ли велика норма заболеваемости и все ли в порядке в области общих условий труда?

Шпеер: То, что я слышал, имелось в центральном бюро планирования. Само собой разумеется, что всякий, тесно связанный с делами государства, кое-что слышит о том, что происходит вокруг, и что-то узнает о неполадках в других областях.

Джексон: Хорошо. Предположим, что эти условия были вам известны и что они существовали. С кем вы должны были обсуждать вопрос об исправлении существующего порядка вещей? С кем из правительственных чиновников?

Шпеер: При нормальных условиях министр стал бы действовать таким образом. Это письмо он отослал бы соответствующим властям, которые были ответственны за эти вопросы. Далее я должен сказать, что касается меня лично, что если я слышал о подобных неполадках, то старался устранить их и связывался непосредственно с ответственной инстанцией. Это был или «германский трудовой фронт», при котором я имел человека для связи, или это дело передавалось через мое управление Заукелю.

Джексон: Таким образом, вы считаете, что Крупп не отвечал за существование таких условий?

Шпеер: У Круппа, при его посещении, речь, конечно, шла об общем положении рабочих после воздушных бомбардировок, так как это была большая забота для нас, как раз для фирмы Круппа, это я знаю хорошо. Но у Круппа я не помню, чтобы мне было сказано, что иностранные рабочие или военнопленные находятся в особенно плохом положении. Они все были в тяжелом положении.

Джексон: Вы заявили некоторое время назад, что вы как министр правительства несли некоторую ответственность за существование этих условий. Я хотел бы, чтобы вы объяснили, о какой ответственности, которую вы взяли на себя как член правительства, вы говорили?

Шпеер: По-моему, в государственной жизни существует два рода ответственности: первый род ответственности — это

ответственность за свой собственный сектор, за него, конечно, несешь полную ответственность. Кроме того, я лично придерживаюсь того мнения, что в отношении решающих вопросов существует общая ответственность и должна существовать, поскольку ты являешься одним из руководящих лиц, ибо кто же еще должен нести ответственность за ход событий, если не ближайšie сотрудники главы государства. Но эта общая ответственность может быть только в принципиальных вопросах. Такая ответственность не может распространяться на отдельные случаи, которые имеют место в других министерствах или других ответственных ведомствах.

Джексон: Как я понимаю, вы хотите сказать, что вы как член правительства и руководитель в тот период признаете свою ответственность за общую политику правительства, но не за отдельные ее детали, имевшие место в процессе ее осуществления? Я правильно изложил вашу точку зрения?

Шпеер: Да.

Рагинский: Вы помните свои показания на предварительном допросе 14 ноября 1945 г.?

Я вам их напомним и прошу сказать, правильно ли был записан ваш ответ.

На вопрос: «Признаете ли вы, что в своей книге «Майн кампф» Гитлер ясно высказал свои агрессивные планы в отношении стран Запада и Востока, и в частности в отношении Советского Союза», — вы ответили: «Да, я признаю это». Вы помните, что так показывали?

Шпеер: Очень может быть.

Рагинский: Вы были сотрудником штаба Гесса?

Шпеер: Да.

Рагинский: Вы сотрудничали с Леем?

Шпеер: Да, в «трудовом фронте».

Рагинский: Вы являлись одним из руководителей «центрального планирования». В ваши задачи входило изыскание новых источников сырья?

Шпеер: Нет.

Рагинский: В приказе от 22 апреля 1942 г. за подписью Геринга говорится: «В целях реализации приказа фюрера о развертывании вооружения и обеспечения требований войны, так же как и для согласования снабжения сырьем и повышения хозяйственных возможностей, приказываю организовать «центральное планирование». Далее перечисляется, кто входит в «центральное планирование», а пункт 3 этого приказа Геринга перечисляет задачи «центрального планирования». Я оглашаю этот пункт 3: «Центральное планирование» охватывает общее хозяйство и имеет следующие задачи:

пункт «С» — распределение наличного сырья, особенно железа и металлов между потребителями;

пункт «В» — изыскание новых и использование имеющихся уже источников сырья.

Это написано в документе?

Шпеер: Да, но тут имеется некоторое различие. Мне было переведено «источники сырья». Под источниками сырья я понимаю залежи руды, например, или залежи угля. То, что здесь в этом параграфе имеется в виду, это организация новых центров по добыче сырья. То есть здесь имеется в виду например, строительство заводов по производству стали или заводов по производству алюминия.

Рагинский: Вы говорили неоднократно, отвечая на вопросы защитника, что пост министра вооружения вы приняли без особого желания, что у вас были большие колебания и что вообще вы не хотели этим заниматься. Вы и сейчас это утверждаете?

Шпеер: Да.

Рагинский: Я вам напомню, что вы говорили представителям промышленности Рейнско-Вестфальской области. Я процитирую один абзац из вашего выступления. Вы говорили тогда: «Весной 1942 года я, не колеблясь, принял требования, поставленные фюрером, как программу, которую необходимо выполнить, которую я выполняю и буду выполнять». Говорили вы это?

Шпеер: Да. Требования, которые здесь имеются в виду, являются требованиями по увеличению производства вооружения для сухопутных сил. Я говорил о них. Кроме того, само собой разумеется, что я тогда немедленно принял назначение на пост министра вооружения без всяких колебаний. Этого я никогда не оспаривал. Я лишь сказал, что я охотнее был бы архитектором, чем министром вооружения, и это, очевидно, было превратно понято.

Рагинский: А теперь посмотрим, что вы говорили в своей речи гаулейтерам в Мюнхене.

«Я, — говорили вы, — бросил всю эту деятельность (архитектора), чтобы беззаветно отдаться разрешению военных задач. Фюрер ожидает этого от всех нас».

Разве это то же самое, что вы сейчас говорите?

Шпеер: Да.

Рагинский: Отвечая на вопросы защитника, вы говорили о принципах и задачах вашего министерства. Вот в этой связи я хочу поставить вам несколько вопросов. Вы помните содержание вашей статьи под названием «Увеличение производительности», опубликованной в «Дас Рейх» 19 апреля 1942 г.?

Вам передадут сейчас копию. Я вам напомню вкратце, что вы писали о принципах вашего министерства.

«Энергичное применение самых суровых наказаний за проступки: карать каторжными работами или смертной казнью. Война должна быть выиграна».

Вы так писали?

Шпеер: Да.

Рагинский: Вы утверждали, что в ваши обязанности как министра входило только производство. Так я вас понял?

Шпеер: Да. Вооружение и военное производство.

Рагинский: А снабжение промышленности сырьем не входило в ваши обязанности?

Шпеер: Нет, это стало моей задачей с сентября 1943 года после того, как я стал руководить производством. Тогда я регулировал весь процесс от сырья до готового продукта.

Рагинский: В журнале «Германия в борьбе» за 1943 год, в ноябрьском номере, говорится: «На основании указа фюрера от 2 сентября 1943 г. о концентрации военной экономики и указа рейхсмаршала великой Германской империи и уполномоченного по четырехлетнему плану от 4 сентября 1943 г. о централизованном планировании имперский министр Шпеер в качестве министра вооружения и военной промышленности руководит теперь всем военным производством. Он один является уполномоченным и ответственным за снабжение, руководство и производство военной промышленности». Это правильно?

Шпеер: Это сказано несколько по-дилетантски, так как понятие «промышленное военное хозяйство» не совсем совпадает с понятием «вооружение и военная промышленность». Очевидно, это написано не специалистом, но в основном все это соответствует тому, что я сказал. Я сказал, что военная промышленность охватывает все производство.

Рагинский: Но вы отвечали после сентября 1943 года не только за военную промышленность, но и за военную экономику, а это разные вещи.

Шпеер: Нет. Здесь написано ...в отношении военной экономики сказано «промышленное военное хозяйство»... «Промышленное военное хозяйство» значит примерно то же самое, что военная продукция. Это военное хозяйство в ремесле и промышленности. Здесь нужно провести некоторые ограничения, и если ранее было сказано «вся продукция военного хозяйства», то здесь, очевидно, по мысли автора, имеется в виду продукция.

Рагинский: Вы признаете, что принимали участие в экономическом разграблении оккупированных территорий?

Шпеер: Я, безусловно, принимал участие в экономическом использовании оккупированных территорий.

Рагинский: Для ликвидации дефицита в стратегическом сырье вы вывозили цветные металлы из Бельгии, Франции и других оккупированных стран?

Шпеер: Да, само собой разумеется. Я не сам их вывозил, но я, без сомнения, в этом участвовал в какой-то форме. Я не отвечал за это, однако я, без сомнения, способствовал тому, чтобы мы получили оттуда как можно больше материалов.

Рагинский: Вы помните приказ Гитлера от 2 сентября о «концентрации военного хозяйства»? Я оглашу из этого приказа несколько параграфов.

«Принимая во внимание требование войны о более строгом учете и однородном использовании рабочей силы в продолжение войны, приказываю:

...§ 2. Полномочия рейхсминистра хозяйства в области сырья и продукции, индустрии и ремесел распространяются на рейхсминистра по вооружению и боеприпасам. Рейхсминистр по вооружению и боеприпасам ввиду его увеличенного круга заданий называется рейхсминистром по вооружению и военной промышленности».

Вы ознакомились с этим приказом?

Шпеер: Да, я знаю его.

Рагинский: Я прошу очень кратко и очень сжато сказать, в связи с этим приказом, как были разграничены функции между вами и Функом?

Шпеер: Я руководил всем производством, начиная от сырья и кончая готовым продуктом, а Функ ведал всеми общими экономическими вопросами вообще, это главным образом вопросы денежного обращения, вопросы акционерного права и торговли и тому подобные вопросы.

Рагинский: В связи с этим приказом вы получили полномочия по регулированию товарооборота?

Шпеер: Я не знаю, что вы здесь имеете в виду?

Рагинский: Вам покажут документ от 6 сентября 1943 г., подписанный вами и Функом. Я зачитаю первый пункт первого параграфа. «Поскольку в законодательных предписаниях полномочия рейхсминистра хозяйства распространяются и на регулирование товарооборота, эти полномочия на время войны передаются рейхсминистру по вооружению и военной промышленности».

Таким образом, ваша роль в военных усилиях Германии как руководителя военной промышленности Германии была значительно шире, чем это вы представляли здесь, на Суде, не так ли?

Шпеер: ...Я сказал, что министр вооружения во время войны является вообще самым важным министром в империи и что все должны были работать только для него. Мне кажется,

что более полного описания своих задач я дать не мог. Вопрос товарооборота имеет второстепенное значение.

Рагинский: Скажите, как осуществлялась связь между вашим министерством и «германским трудовым фронтом»?

Шпеер: Я имел офицера для связи между «германским трудовым фронтом» и мной, точно так же, как и со всеми другими важными учреждениями империи.

Рагинский: А вы не назовете фамилии этого офицера?

Шпеер: Это — Хупфауер, который позже стал у меня начальником центрального управления.

Рагинский: Вы заявили, что в число военных предприятий не должны включаться такие отрасли промышленности, как текстильная, переработка алюминия, леса и т. д. Я вас правильно понял?

Шпеер: ...Я в своих показаниях говорил не о военном хозяйстве, а о понятии «вооружение», и я сказал, что в это понятие «вооружение» включаются и текстильные предприятия, и дерево, и кожеобрабатывающая промышленность. Но вооружение и военное хозяйство — два совершенно различных понятия.

Рагинский: А текстильную промышленность вы полностью исключаете из понятия «вооружение»?

Шпеер: Я сказал, что различные текстильные предприятия были включены в промышленность вооружения, хотя они на самом деле и не производили предметов вооружения в узком смысле этого слова.

Рагинский: А разве текстильная промышленность не выпускала парашютов и снаряжения для военно-воздушного флота?

Шпеер: Да, но в Женевской Конвенции о военнопленных указывается, что это не запрещено производить силами военнопленных.

Рагинский: Вы хотите нас заверить, что порох можно производить без целлюлозы, и поэтому суживаете понятие промышленности вооружения и военного производства?

Шпеер: Нет. Я хотел по возможности расширить понятие «промышленность вооружения», чтобы иметь возможность доказать, что это современное понятие «промышленность вооружения» представляет собой нечто совершенно иное, чем промышленность, которая производит предметы вооружения в смысле Женевской Конвенции.

Рагинский: Вы говорили о своих возражениях против использования иностранных рабочих. О мотивах этих возражений указывает в своих показаниях Шмельтер. Это начальник отдела труда вашего министерства. Его показания представлены вашим защитником. Я зачитаю один абзац, а вы скажете, правильно ли говорит об этом Шмельтер. «Он (Шпеер)

неоднократно указывал на то, что использование иностранных рабочих создаст большие трудности для империи по обеспечению их продуктами питания...»

Таковы были мотивы ваших возражений?

Шпеер: Смысл совершенно правилен. Речь шла о следующей проблеме.

Если мы направляли в Германию новую рабочую силу, то для этой рабочей силы, во-первых, необходимо было иметь основное количество калорий, которое нужно для пропитания человека. Это основное количество калорий так или иначе должны были получать немецкие рабочие, еще находившиеся в Германии. Вследствие этого продукты питания экономились. Если бы у меня в Германии работали немецкие рабочие и затем если бы я мог дать дополнительное количество калорий, которое необходимо для сверхурочных и тяжелых работ, то я мог бы увеличить питание.

Таков был смысл этих соображений Шмельтера.

Рагинский: Ваш заместитель Шибер на поставленный ему вопрос: было ли известно Шпееру, что требуемые от Заукеля рабочие привезены из оккупированных областей, ответил: «Да. Это был очень спорный вопрос. Мы всегда говорили, что Заукель будет доставлять лишь партизан, если он будет применять принудительные методы к рабочим, не желавшим выезжать в Германию».

Таким образом, вы знали не только о том, что на ваших заводах работают угнанные в рабство, но и о методах, которые Заукель применял. Вы подтверждаете это?

Шпеер: Я знал, что рабочие попадали в Германию частично против их воли. Я об этом уже говорил. Я также уже показал, что считал последствия этой насильственной вербовки рабочих роковыми для промышленности в оккупированных областях.

Рагинский: Скажите, разве вы не настаивали перед Заукелем на предоставлении вам рабочих, которых он должен насильственно набирать в оккупированных странах, сверх тех требований и заявок, которые вы сделали? Я вам напомню ваше письмо к Заукелю, это ускорит процесс допроса. 6 января 1944 г. вы писали Заукелю:

«Дорогой Заукель! Прошу вас, соответственно вашему обещанию фюреру, прислать мне рабочую силу для того, чтобы я мог выполнить порученное мне фюрером задание в назначенный срок. Кроме того, имеется потребность в немедленной присылке 70 тысяч рабочих для организации Тодта согласно установленным по приказу фюрера срокам работы на Атлантическом вале».

Вы подтверждаете это? Вы писали такое письмо Заукелю?

Шпеер: Да. 4 января 1944 г. имело место совещание у Гитлера, на котором Гитлер дал приказ вывезти из Франции в Германию миллион рабочих. В тот же день я сообщил генералу Штудту — моему уполномоченному во Франции, что потребность в рабочей силе для особых предприятий следует удовлетворить в первую очередь до отправки рабочих в Германию. Этим письмом, которое у вас в руках, я через два дня сообщил Заукелю, что моя потребность во Франции составляет 800 тысяч рабочих для французских предприятий, что, кроме того, на Атлантическом вале также не достает рабочих и что поэтому следует в первую очередь получить этих рабочих до того, как один миллион рабочих будет направлен в Германию.

Я уже заявил, что в результате акция, о которой ранее был дан приказ Гитлера, была приостановлена и что моей целью было ясно показать военному командующему, который также получил это письмо, что в первую очередь рабочих следует использовать в самой Франции.

Рагинский: Подсудимый Шпеер, вам было известно, что на подведомственных вам военных заводах принудительно оставались рабочие, бывшие заключенные, которые уже отбыли срок своего наказания. Было это вам известно или нет?

Шпеер: Во время моей службы это не было мне известно. Я знаю, что вы имеете в виду письмо Шибера от 4 мая 1944 г., которое включено в книгу документов. Однако все эти подробности я никак не мог вспомнить.

Рагинский: Вы не можете вспомнить? Но Шибер 7 мая 1944 г. в специальном письме, адресованном вам лично, об этом писал, и вы не могли не знать это. А то обстоятельство, что этот документ включен в вашу книгу документов, никак не меняет положения.

Шпеер: На основании этого письма я затем написал также Гиммлеру как раз по вопросу о рабочих, которые отбыли свой срок заключения. Из этого письма вытекает, что я просил Гиммлера о том, чтобы эти рабочие, после того как они отбудут свое наказание, оставались на свободе, в то время как Гиммлер выступал за то, чтобы эти рабочие вообще оставались и дальше в заключении.

Рагинский: Вы помните письмо ОКВ от 8 июля 1943 г. по вопросу о рабочей силе для горной промышленности?

Шпеер: Нет.

Рагинский: Я вам напомню. Этот документ был представлен Трибуналу как доказательство под номером США-455 и неоднократно здесь цитировался, поэтому я полагаю, что можно зачитывать не все письмо, а только основные положения. В этом письме указывается на распоряжение Гитлера передать

300 тысяч русских военнопленных в угольную промышленность. Помните вы о таком факте?

Шпеер: Я охотно бы взглянул на этот документ.

Рагинский: Вам дадут посмотреть этот документ. В пункте 2 этого документа указывается: «Все военнопленные, взятые на Востоке после 5 июля 1943 г., должны быть переданы лагерям ОКВ и оттуда непосредственно или в порядке обмена через других потребителей рабочей силы — генеральному уполномоченному по рабочей силе для использования в угольной промышленности».

Далее в пункте 4 этого документа указывается, что «мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, взятые в борьбе с партизанами в зоне военных действий, в армейском тылу, являются военнопленными и также передаются в лагерь военнопленных».

Это письмо было послано также и вам, и, следовательно, вы знали, какими нечеловеческими методами вы получали рабочих для угольной промышленности. Это вы признаете?

Шпеер: Нет, я этого не признаю.

Рагинский: Я вас спрашивал, какими методами получали военнопленных для угольной промышленности? Вы уклонились от ответа. Перейдем к следующему документу.

4 января 1944 г. вы участвовали в совещании у Гитлера, на котором обсуждался вопрос об использовании рабочей силы на 1944 год. Вы тогда заявили, что вам потребуется дополнительно 1300 тысяч рабочих. На этом совещании было принято решение, что Заукель в 1944 году поставит не менее 4 миллионов рабочих из оккупированных областей и что в доставке этих рабочих Заукелем будет принимать участие Гиммлер. В протоколе этого совещания, подписанном Ламмерсом, указано, что все участники совещания пришли к единодушному выводу. Вы признаете, что как участник этого совещания и как рейхсминистр вы несете ответственность за принудительный угон в Германию миллионов людей?

Шпеер: Однако эта программа не была осуществлена. Я предполагаю, что Суд решит, насколько велика моя ответственность. Я сам не могу этого установить здесь.

Рагинский: Я зачитаю вам выдержку из документа, представленного Трибуналу под номером США-184. В этом документе указывается на решение Заукеля провести освидетельствование и мобилизацию двух возрастов — 1926 и 1927 годов — во всех вновь оккупированных восточных областях. В этом документе говорится также: «Господин имперский министр вооружения и боеприпасов дал на этот приказ свое согласие». Этот документ заканчивается следующей фразой: «Освидетельствование и мобилизация должны начаться и проводиться ускоренными темпами со всей энергией и применением всех подходящих мер».

Вы припоминаете такой приказ?

Шпеер: Я здесь читал этот документ. Это правильно.

Рагинский: Вы очень много говорили здесь о том, что противились разрушению промышленных предприятий западных областей перед отступлением немецких войск, но разве вы не руководствовались при этом исключительно тем, что рассчитывали в ближайшее время снова занять эти области и, таким образом, сохранить за собой эти предприятия?

Шпеер: Нет, причина заключалась не в этом. Я это выбрал в качестве предлога для того, чтобы воспрепятствовать этому разрушению. Если вы прочитаете, например, мой меморандум о положении с горючим, то из него ясно вытекает, что я не придерживался этого мнения, что можно говорить о реокупации, и мне кажется, что любой военный руководитель не считал, что в 1944 году можно было говорить о реокупации Франции, Голландии или Бельгии. То же самое относилось, конечно, и к восточным областям.

Рагинский: Я думаю, что будет лучше, если мы обратимся к документу. Вы писали в телеграмме, которую заготовили для гаулейтеров Бюркеля, Вагнера и других (я читаю на странице 56, том 1 вашей книги документов): «Фюрер указал, что в скором времени будут возвращены утраченные области, так как для дальнейшего ведения войны западные области в отношении вооружения и военной продукции имеют большое значение».

Разве это то, что вы здесь говорите? Ведь вы писали совсем о другом.

Скажите, почему вы телеграмму по поводу разрушения промышленных предприятий направили гаулейтерам?

Шпеер: Эта телеграмма была направлена не только гаулейтерам. Она была направлена моим уполномоченным и гаулейтерам. Гаулейтеров надо было информировать, потому что они при некоторых обстоятельствах сами могли отдать приказ о разрушениях, а так как гаулейтеры не подчинялись мне, я должен был составить проект этой телеграммы и отправить ее Борману, которому подчинялись гаулейтеры, с тем, чтобы она от Бормана была направлена гаулейтерам.

Рагинский: Вы говорили, что сторонниками политики Гитлера, политики «выжженной земли», были Геббельс и Лей. Разве из сидящих здесь на скамье подсудимых никто не поддерживал в этом вопросе Гитлера?

Шпеер: Насколько я вспоминаю, никто из тех, кто сейчас сидит на скамье подсудимых, не выступал за политику «выжженной земли».

Рагинский: За эту политику были только те, кто теперь мертв?

Шпеер: Да, поэтому они, очевидно, и покончили жизнь самоубийством, потому что они были ответственны за эту политику и делали еще кое-что.

Рагинский: Ваш защитник предъявил Трибуналу несколько писем, адресованных на имя Гитлера и датированных мартом 1945 года. Скажите, после этих писем вы не потеряли доверия к Гитлеру?

Шпеер: Я вчера уже говорил о том, что после этого имели место очень резкие разногласия между нами, и Гитлер хотел, чтобы я ушел в отпуск. Это практически означало бы мой уход в отставку. Но я этого не хотел.

Рагинский: Это я слышал, но ведь именно вас Гитлер 30 марта 1945 г. назначил руководить мероприятиями по тотальному разрушению индустриальных объектов?

Шпеер: Да. Дело обстояло так, что я отвечал за разрушение или неразрушение промышленности в Германии до 19 марта 1945 г. Тогда Гитлер указом (который также был представлен) лишил меня полномочий самому проводить эти разрушения, а указом Гитлера от 30 марта 1945 г., проект которого составил я, я снова получил право проводить эти разрушения.

Рагинский: Вы 15 апреля в Гамбургской радиостудии записали свою речь на случай падения Берлина. В этой заготовленной речи, текст которой так и не был опубликован, вы высказались за прекращение деятельности «Вервольфа». Скажите, кто руководил организацией «Вервольф»?

Шпеер: Организацией «Вервольф» руководил рейхслейтер Борман.

Рагинский: А кроме Бормана?

Шпеер: Никто, только Борман. Насколько я знаю, это был только Борман. Я не могу точно сказать, однако «Вервольф» был организацией, которая подчинялась Борману.

Рагинский: Это понятно. Если бы Борман был на скамье подсудимых, то тогда оказалось бы, что этой организацией руководил Гиммлер. Другого ответа я от вас и не ожидал. У меня нет больше вопросов.

ДОПРОС НЕЙРАТА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 25 и 26 июня 1946 г.]

Максуэлл-Файф: Понимали ли вы, что ваше участие в правительстве будет восприниматься всей Европой как знак того, что вы одобряете проводимую правительством политику и разделяете ответственность за все действия этого правительства? Ведь вы были министром иностранных дел и хорошо известным политическим деятелем в правящих кругах Европы?

Нейрат: Я очень сомневаюсь в этом. Может быть, на это надеялись.

Максуэлл-Файф: Вплоть до ноября 1937 года вы были вполне удовлетворены миролюбивыми намерениями правительства и его респектабельностью?

Нейрат: Я был уверен в мирных намерениях правительства, об этом я уже говорил.

Максуэлл-Файф: А что вы скажете о респектабельности правительства? Под этим словом я подразумеваю те общепринятые нормы благопристойности и порядочности, которых должно придерживаться любое правительство, если оно желает, чтобы его народ был счастлив и доволен. Были ли вы удовлетворены правительством в этом отношении?

Нейрат: Я никоим образом не был согласен с методами, в особенности с методами, применяемыми в области внутренней политики.

Максуэлл-Файф: Сейчас я хочу остановиться на данном вопросе. Знали ли вы о «коричневом терроре», который имел место в марте 1933 года, через шесть недель после того, как было сформировано правительство?

Нейрат: Я знал только о бойкоте по отношению к евреям, больше я ничего не знал.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы письменное показание, данное под присягой американским консулом Гейстом?

Нейрат: Я хотел бы посмотреть на этот документ.

Максуэлл-Файф: Я вам сейчас напомню об этом документе. Гейст подробно повествует о жестокое обращении,

избиениях, оскорблениях евреев, что имело место уже в марте 1933 года. Вы знали об этом?

Нейрат: Я знаю об этих фактах. Я неоднократно обращался по этому поводу к Гитлеру и просил его позаботиться о том, чтобы это прекратилось, но деталей всего этого я не знаю.

Максуэлл-Файф: Сейчас, не обращаясь к этому письменному показанию, скажите следующее: получали ли вы как министр иностранных дел краткие обзоры или отчеты о том, что печатали в иностранной прессе?

Нейрат: Да, конечно, но я не знаю, получал ли я все сообщения по этому вопросу.

Максуэлл-Файф: Вы были послом в Англии с 1930 года по 1932 год, если мне не изменяет память, не так ли? И вы знали, что лондонские «Таймс» и «Манчестер Гардиан» были очень влиятельными газетами в Англии. Не правда ли? Независимо от этого, были ли вы согласны с тем, что в них печаталось, или нет?

Нейрат: Да, да.

Максуэлл-Файф: Знали ли вы, что в апреле 1933 года обе эти газеты были полны самых ужасных историй о жестоком обращении с евреями, социал-демократами и коммунистами в Германии?

Нейрат: Да, это вполне возможно. Я теперь не припоминаю этого. Но именно на подобные случаи я указывал Гитлеру, обращая его внимание на то, как реагирует на эти события за граница.

Максуэлл-Файф: Я хочу показать вам, как эти газеты отзывались об этих событиях. В «Манчестер Гардиан» от 12 апреля 1933 г. говорится: «Стоит только немного внимательно присмотреться к жизни, которая случайному наблюдателю может показаться вполне нормальной и спокойной, как вы обнаружите в любом городе и в любой деревне следы варварства и зверств, совершенных коричневорубашечниками, причем таких зверств, подобных которым нет в наше время».

Эта газета описывает их как «орудие бессмысленного, но систематически проводимого террора, бессмысленность которого заключается в том, что он не вызывается явной необходимостью, что и отличает их террор от революционного террора, а систематичность — в том, что он является органической частью гитлеровского режима».

Знали ли вы, что подобные отзывы печатались в ответственных английских газетах?

Знали ли вы, что эта взятая линия в политике проводилась систематически, ибо это являлось органической частью гитлеровского режима?

Нейрат: Нет, в таком смысле я этого не знал.

Максуэлл-Файф: Знали ли вы, что в английской газете «Манчестер Гардиан» писали следующее: «Один видный немецкий консерватор, который был тесно связан с национал-социалистами — членами германского правительства и, без сомнения, сочувствовал в большей степени правым, чем левым, указал, что число жертв в апреле составило 20 тысяч человек?»

Нейрат: Нет.

Максуэлл-Файф: Давайте посмотрим, что печаталось в германской прессе. 24 апреля 1938 г. в «Таймс» было перепечатано заявление из гамбургской газеты «Фремденблатт», в котором говорилось о том, что согласно данным, полученным из официальных источников, в тюрьмах германской империи находилось 18 тысяч коммунистов, а в Пруссии имелось 10 тысяч заключенных, в том числе много социал-демократов и интеллигентов. Могла ли гамбургская газета «Фремденблатт» долго пользоваться успехом как газета, если бы она неправильно печатала данные, полученные из официальных источников при вашем правительстве в апреле 1933 года, и неправильно бы излагала положение вещей? Конечно, нет, не правда ли?

Нейрат: Этого я не знаю.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, эти цифры, насколько я знаю, приведены гамбургской газетой как официальные данные, и затем они были вновь приведены лондонской газетой «Таймс», которая является основной газетой Англии. Не являлись ли сообщения газет для вас достаточно серьезными данными, чтобы поднять этот вопрос в правительстве?

Нейрат: Я очень сожалею, но при всем моем уважении к этим газетам, в том числе и к лондонской газете, я все-таки должен сказать, что они не всегда говорят правду.

Максуэлл-Файф: Это вполне разумное замечание. Газеты, так же как и люди, могут быть неправильно информированы. Но после того как эти сведения об ужасных условиях получили широкое распространение — и при этом приводились такие громадные цифры, — разве вы, будучи одним из влиятельных лиц в данном правительстве, не считали, что следовало бы поднять этот вопрос в кабинете и выяснить, насколько эти сведения соответствуют действительности?

Нейрат: Я уже ранее сказал, что докладывал об этом Гитлеру.

Максуэлл-Файф: Я вас не об этом спрашиваю. Послушайте, подсудимый, мой вопрос заключается в следующем: почему вы не подняли этого вопроса на заседании кабинета? Был учрежден кабинет, в который входили консервативные элементы для того, чтобы он вызывал уважение. Почему вы не подняли этого вопроса в кабинете и не попытались добиться поддержки

Папена, Гугенберга и всех других представителей консервативных элементов, входящих в кабинет, о которых мы уже слышали? Почему вы не подняли этого вопроса?

Нейрат: По очень простой причине: потому, что мне казалось, что будет гораздо более действенным, если я скажу это Гитлеру.

Максуэлл-Файф: Вы заявляете Трибуналу, что в апреле 1933 года, спустя приблизительно два месяца после создания правительства, вы уже считали бесполезным ставить какие-либо вопросы на обсуждение в имперском кабинете? Разве через два месяца после прихода Гитлера к власти принцип фюрерства стал настолько доминирующим, что вы не могли ставить этот вопрос на обсуждение в кабинете?

Нейрат: Я повторяю, что один лишь я мог судить об этом, а я находил, что гораздо большее действие будет иметь, если я информирую об этом Гитлера лично.

Максуэлл-Файф: Как я полагаю, вы не интересовались этим. Но знали ли вы о заключении в концентрационные лагеря кого-либо из лиц, которых я назвал Папену, а именно фон Осецкого, Мюнзама, Германа Дюнкера или кого-либо из других писателей, адвокатов и политических деятелей левого крыла? Знали ли вы, что они были посланы в концентрационный лагерь, откуда они никогда не возвратились?

Нейрат: Нет.

Максуэлл-Файф: Во всяком случае, из ваших документов видно, что, когда вы отправились в Лондон в июне, вы очень хорошо знали о том, как было настроено общественное мнение за границей против Германии из-за обращения с евреями и членами оппозиционных партий. Разве вы этого не знали, когда поехали на международную экономическую конференцию в июне?

Нейрат: Да. Я это показывал в моем докладе, который здесь оглашался.

Максуэлл-Файф: Сейчас вы говорите, что ваша реакция заключалась в том, что вы собирались пойти к Гитлеру и выразить ему свой протест. Сейчас я хочу, чтобы вы обратили внимание на имеющиеся у нас документы, которые показывают, как вы в действительности поступили. Прежде всего разберем документ, датированный апрелем. Это ваше письмо Гитлеру, датированное 2 апреля 1933 г.: «Вчера вечером итальянский посол позвонил по телефону и сообщил мне о том, что Муссолини заявил, что он готов отрицать через итальянскую организацию за границей все сведения относительно преследования евреев в Германии, которые были искажены пропагандой, если мы считаем, что это будет для нас полезным. Я поблагодарил господина Геррати от вашего имени и сказал ему,

что мы будем рады принять его предложение. Я считаю этот дружеский жест со стороны Муссолини достаточно важным, чтобы уведомить вас об этом».

Что, по вашему мнению, было искажено пропагандой?

Нейрат: Здесь сказано: «Сведения, искаженные пропагандой», о них и идет речь.

Максуэлл-Файф: Именно это меня и интересует, подсудимый. Что, по вашему мнению, было искажено, и каков был объем тех сведений, которыми вы располагали с тем, чтобы решить, были ли эти сообщения искажены или нет?

Нейрат: Право, сейчас я уже не могу этого сказать.

Максуэлл-Файф: Вам было известно о том, что евреев избивали, убивали, отрывали от семей, бросали в концентрационные лагеря, что их собственность уничтожали и распродавали ниже стоимости? Вы знали обо всем этом, не так ли?

Нейрат: Нет, в то время, конечно, не знал. Я слышал, что их там избивают, но тогда евреев не убивали, хотя, может быть, какой-либо единичный случай имел место.

Максуэлл-Файф: Итак, вы говорите, что «Таймс» и «Манчестер Гардиан» в то время писали только о случайных примерах типичных убийств евреев. Вы должны были видеть это, вы должны были знать, о чем писала иностранная пресса. Почему вы думаете, что эти сведения были искажены? Что вы предприняли для того, чтобы выяснить, действительно ли они были искажены?

Нейрат: Кто сообщал мне об убийствах? Кто?

Максуэлл-Файф: Я говорю вам, что об этом писали в иностранной прессе. Я привел два примера, взятые из прессы моей страны, и, очевидно, на основании слов Муссолини, об этом писала и пресса других стран. Вы же должны были знать об этом. Что вы предприняли для того, чтобы выяснить, соответствовало ли все это действительности или нет?

Нейрат: Да, я сделал это тем путем, который был мне доступен, а именно через соответствующие полицейские учреждения.

Максуэлл-Файф: Спрашивали ли вы Гимmlера или подсудимого Геринга об этом?

Нейрат: Нет.

Максуэлл-Файф: Почему же нет? Ведь Геринг был главой, который как раз в то время создал гестапо и концентрационные лагеря. Он был именно тем человеком, которого следовало спросить об этом, не так ли?

Нейрат: Человек, который мог дать мне такую информацию, был начальником и высшим руководителем полиции.

Максуэлл-Файф: Спрашивали ли вы подсудимого Фрика?

Нейрат: Во всяком случае, я не спрашивал его лично. Это совершенно точно.

Максуэлл-Файф: Почему вы не попытались спросить Геринга, или Фрика, или кого-либо другого, кто мог бы вам дать соответствующую информацию по этому вопросу?

Обратите внимание на документ ПС-3893. Это газета «Фелькишер беобахтер» от 17 сентября 1933 г. Я цитирую выдержку из статьи по еврейскому вопросу: «Министр не сомневался в том, что эта глупая болтовня за границей относительно событий внутри Германии, например разговоры по еврейскому вопросу, скоро будет прекращена, если будет осознано, что необходимая чистка общественной жизни должна временно повлечь за собой некоторые лишения для отдельных лиц, но это тем не менее послужит укреплению правосудия и закона в Германии».

Действительно ли, в сентябре 1933 года вы рассматривали действия, направленные против евреев и против всех, кто все еще оставался в рядах приверженцев левого крыла, как «необходимую чистку общественной жизни», которая, без сомнения, повлечет за собой «отдельные случаи лишений», и как необходимое мероприятие для более прочного установления авторитета «правосудия и закона в Германии»? Такова была ваша точка зрения?

Нейрат: Я уже говорил о том, что, поскольку после первой мировой войны Германия была наводнена евреями, которые господствовали в общественной жизни, я считал абсолютно правильным их устранение или введение для них ограничений.

Максуэлл-Файф: Итак, это правильно — я имею в виду, что вы не отказываетесь от того, что сказали 17 сентября 1933 г., а именно будто вы думали, что обращение с евреями в 1933 году было вызвано «необходимостью очистить общественную жизнь» в Германии? Должны ли мы считать, что вы сейчас придерживаетесь того же мнения и несколько не изменили своей точки зрения?

Нейрат: Нет, моя точка зрения и сегодня совершенно такая же, но я считаю, что это следовало проводить другими методами.

Максуэлл-Файф: Следует ли понимать вас так, что вы знали о разгроме политической оппозиции и одобряли это?

Нейрат: Нет.

Максуэлл-Файф: Считали ли вы правильным то, что коммунистическая партия была объявлена вне закона?

Нейрат: Да, в то время я верил в правильность этого, потому что, как вы слышали, мы стояли перед угрозой гражданской войны.

Максуэлл-Файф: Были ли вы согласны с разгромом профсоюзов и объявлением их вне закона?

Нейрат: Нет.

Максуэлл-Файф: Что вы сделали для того, чтобы протестовать против разгрома профсоюзов?

Нейрат: Это совершенно не входило в мою компетенцию. Я же был министром иностранных дел, а не министром внутренних дел.

Максуэлл-Файф: Хорошо, я не намереваюсь спорить с вами по этому вопросу. Вы считали совершенно правильным оставаться на посту министра иностранных дел, оказывать поддержку правительству и давать ему возможность использовать ваш авторитет при проведении такого мероприятия, которое вы не одобряли, как разгром профсоюзов. Так вас следует понимать?

Нейрат: Да, так точно. Я хочу здесь сказать. Вы когда-либо слышали, чтобы министр уходил из правительственного кабинета потому, что он не согласен с каким-либо отдельным мероприятием?

Максуэлл-Файф: Любой министр правительства, пользующийся моим уважением, вышел бы из состава правительства, если бы оно проводило такое мероприятие, которое он в нравственном отношении не одобрял. Насколько я понимаю, вы морально не одобряли разгрома профсоюзного движения. А если вы одобряли эти мероприятия, то заявите об этом нам прямо.

Нейрат: Я не считаю это аморальным. Это было политической мерой.

Максуэлл-Файф: И, наконец, возьмем третий момент. Это — социал-демократическая партия, партия, которая принимала большое участие в работе правительства Германии и Пруссии в течение ряда лет после первой мировой войны. Считали ли вы правильным, с моральной точки зрения, объявить эту партию вне закона и лишить ее возможности дальнейшего участия в управлении страной?

Нейрат: Нет, конечно.

Максуэлл-Файф: Считали ли вы, что это было правильным, или нет?

Нейрат: Я сказал, что нет.

Максуэлл-Файф: Что вы сделали для того, чтобы протестовать против роспуска социал-демократической партии?

Нейрат: По поводу этого роспуска я мог лишь высказать свои возражения.

Максуэлл-Файф: Кому вы высказывали свои возражения против роспуска социал-демократической партии?

Нейрат: Опять-таки Гитлеру.

Максуэлл-Файф: И вы несколько раз высказывали свои возражения против роспуска оппозиционных партий? И вы никогда не поднимали этого вопроса на заседании кабинета, не так ли?

Нейрат: Я не припоминаю, обсуждался ли этот вопрос кабинетом.

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы сейчас напомнили, что произошло в 1933 году. Знали ли вы, что приказы о военной подготовке, где предусматривалась возможность ведения войны, составлялись только после того, как вы объявили, что Германия оставляет конференцию по разоружению и выходит из Лиги Наций.

Нейрат: Нет, в 1932—1933 гг. я ничего не слышал об этом.

Максуэлл-Файф: Это документ С-140, США-51, где речь идет о 25 октября 1933 г.

Подсудимый, тогда вы были министром иностранных дел. Заявляете ли вы сейчас Трибуналу о том, что ни Гитлер, ни фельдмаршал Бломберг, который был тогда военным министром, не сказали вам о том, что в результате этих действий «нам следует закончить приготовления на случай, если будут применены санкции, включая и военные санкции, против Германии». Разве никто из них вам не говорил, что это будет являться результатом вашей внешней политики?

Нейрат: Нет. Мы не опасались никаких активных действий.

Максуэлл-Файф: Хорошо, но вы согласитесь со мной, что весьма странно не информировать министра иностранных дел о возможных последствиях его политики в то время, когда уже велись военные приготовления, для противодействия этим последствиям. Не правда ли, весьма странно при любой системе управления государством: тоталитарной, демократической или какой-либо другой, — чтобы министру иностранных дел не сообщали о военных приготовлениях, предпринимаемых для противодействия возможным последствиям его политики, не так ли?

Нейрат: Решать вопрос о том, грозит ли опасностью выход из Лиги Наций, то есть решать вопрос о том, будет ли это иметь последствия, должен был я сам.

Военные круги имели свое собственное мнение, и, по-видимому, хотя я этого точно не знаю, в генеральном штабе происходило какое-то обсуждение.

Максуэлл-Файф: Правильно ли я вас понял, что до конца 1933 года, за исключением тех событий, о которых я спрашивал вас, вы были вполне удовлетворены мирными намерениями вашего правительства, это правильно?

Нейрат: Так точно.

Максуэлл-Файф: Сейчас перейдем к 1934 году. Вы помните свою беседу с Доддом, американским послом, беседу, о которой вы упомянули в вашей книге документов № 1 на странице 54? Это было 21 мая 1934 г. Додд, очевидно, сообщил вам о разговоре с Гитлером относительно того, как американцы пытаются контролировать накопление больших прибылей крупными финансовыми объединениями.

Он сказал, что вы выразили радость, когда он информировал Гитлера, и затем Додд добавил, что «канцлер со мной не согласился». Далее он сказал: «Фон Нейрат молчал в течение нескольких минут после моего замечания, и было ясно, что он разделял мое мнение. Он просил меня сообщить в Вашингтон, что происходящие события совершенно противоречат целям германского правительства. Но он не мог поручиться за Гитлера».

Что вы имели в виду, говоря, «что происходящие события совершенно противоречат целям германского правительства»?

Нейрат: Этим я хотел сказать, что члены кабинета в подавляющем большинстве были против этих методов. Кроме того, я могу добавить, что я сам просил Додда поехать лично к Гитлеру для того, чтобы он убедился, что я высказывал Гитлеру свои доводы. Я сам его привел к Гитлеру.

Максуэлл-Файф: Разве вы не знали, что в мае 1934 года германское правительство проводило систематическую политику воинствующего антисемитизма? Разве вы этого не знали?

Нейрат: Об антисемитской пропаганде я знал главным образом из речей Геббельса.

Максуэлл-Файф: Давайте сейчас перейдем к более конкретному вопросу. Были ли у вас какие-либо причины для того, чтобы относиться с неприязнью к генералу фон Шлейхеру и генералу фон Бредау?

Нейрат: Нет.

Максуэлл-Файф: Какое впечатление на вас произвело убийство этих двух господ и фрау фон Шлейхер во время кровавой чистки 30 июня 1934 г.?

Нейрат: Вряд ли нужно даже отвечать на этот вопрос. Само собой разумеется, что я крайне отрицательно относился к этому. Я уже говорил, что, к сожалению, при таких восстаниях всегда страдают также и невинные.

Максуэлл-Файф: Но давайте выясним этот вопрос. На днях вы заявили Трибуналу, что считаете — и у вас есть основания для этого, — что в СА существовало движение, руководимое Ремом, Эрнстом и, как я полагаю, другими лицами, которых вы считали нежелательным элементом. Какие есть

у вас основания предполагать, что генерал фон Шлейхер и генерал фон Бредау участвовали в каком-либо заговоре?

Нейрат: У меня не было никаких причин. Я даже и сейчас не верю, что они составляли какой-то заговор.

Максуэлл-Файф: Слышали ли вы о том, каким трагичным образом фон Папен терял своих секретарей в то время. Вы помните об этом, не правда ли?

Нейрат: Да, я слышал об этом.

Максуэлл-Файф: Знаете ли вы о том, что фон Бозе и Юнг были убиты, а фон Чирский вместе с двумя другими господами был арестован? Вы слышали об этом?

Нейрат: Да, я об этом услышал от фон Папена.

Максуэлл-Файф: Рассматривали ли вы кровавую чистку 30 июня лишь как дополнительный элемент в этой необходимой чистке общественной жизни?

Нейрат: Нет, в таких масштабах, в каких производилась эта чистка со всеми эксцессами и убийствами невинных людей, конечно, нет.

Максуэлл-Файф: Почему же вы остались членом правительства, которое прибегало к убийству как к орудию политического воздействия?

Нейрат: Я здесь уже дважды говорил, что, к сожалению, при таких революциях всегда бывают перегибы.

Максуэлл-Файф: Давайте сейчас перейдем к другой области вашей деятельности в 1934 году. Вы знали о террористических актах, имевших место в Австрии в мае и июне 1934 года, не так ли? Я хочу, чтобы вам было совершенно ясно, что я подразумеваю под террористическими актами. Я имею в виду взрывы на австрийских общественных предприятиях, железных дорогах и т. д. Я говорю о динамите, а не о чем-либо отвлеченном. Вы знали, что такие действия имели место в Австрии в мае и июне 1934 года, не так ли?

Нейрат: Да, я знал об этом и всегда выступал против этого, потому что знал, что эти террористические акты — это я хочу еще раз подчеркнуть — в большинстве случаев проводились австрийскими нацистами.

Максуэлл-Файф: Какую должность занимал фон Кепке в вашем министерстве 31 мая 1934 г.?

Нейрат: Он был министральдиректором.

Максуэлл-Файф: Это весьма ответственная должность, не так ли?

Нейрат: Да.

Максуэлл-Файф: Помните ли вы, что фон Кепке докладывал вам 31 мая 1934 г. о посещении им барона фон Вехтера?

Нейрат: Нет, я не припоминаю этого.

Максуэлл-Файф: Барон фон Вехтер был одним из руководителей путча против Дольфуса, который имел место шесть недель спустя, то есть 25 июля. Разве вы не помните, что фон Кепке представил вам отчет, который вы затем передали Гитлеру.

Нейрат: Нет, я не припоминаю этого.

Максуэлл-Файф: Хорошо, давайте освежим вашу память, если вы забыли. Посмотрите на документ Д-868, который я представляю в качестве доказательства под номером ВВ-515. Посмотрите, пожалуйста, на этот документ и обратите особое внимание на подписи. И если вы внимательно посмотрите на верхнюю часть документа, то я думаю, что вы найдете в самом подлиннике ваши собственные инициалы. И в тот же день этот меморандум был возвращен рейхсканцлером в министерство иностранных дел. Сейчас посмотрим, что за отчеты вы получали из Австрии и передавали Гитлеру. Если вы особенно не возражаете, то мы опустим параграф 1, где дается описание внешности барона фон Вехтера. Но далее говорится, что «его заявления были, очевидно, даны в полном сознании громадной ответственности, лежащей на нем. Его оценка всего происходящего и тех лиц, о которых он упоминал, являлась ясной и определенной. Фон Вехтер также нарисовал картину положения в Австрии, которое по его описанию было даже более мрачным и более серьезным, чем это нам казалось до сих пор. Повстанческие тенденции национал-социалистов в Австрии неуклонно возрастают. Число террористических актов также растет. Независимо от того, кто действительно производит эти разрушения и совершает террористические акты в отдельных случаях, каждый такой акт вызывает новую волну повстанческих действий. Фон Вехтер неоднократно с сожалением подчеркивал, что в действиях не хватало единого руководства. СА делала все, что хотела, и все, что она считала необходимым. Политическое руководство в это время стало проводить такие мероприятия, которые в некоторых случаях приводили к противоположным результатам. Таким образом, крупный террористический акт, в результате которого были взорваны все железнодорожные линии, ведущие в Вену, был, несомненно, совершен не марксистами, а членами австрийской организации СА, против желания политического руководства, которое, как он считал, не принимало никакого участия ни в самом совершении этого акта, ни в приговлении к нему. Такова картина, описанная в целом. Если говорить несколько подробнее, то следует указать, что в отдельных провинциях, округах царит еще большая неразбериха».

Далее он говорит о том, что главным очагом беспорядков является Каринтия, где в этом отношении дела обстоят хуже

всего. И далее: «Фон Вехтер считает необходимым навести полный порядок в самые кратчайшие сроки, а именно — объединить под единым руководством всех действующих в интересах национал-социализма в самой Австрии и вне ее. Личные вопросы не должны играть здесь никакой роли. Решающее слово в этой связи будет иметь, конечно, только сам фюрер. Он же, Вехтер, полностью согласен с Габихтом по всем этим вопросам. Насколько он знает, Габихту уже удалось иметь сегодня короткую беседу с имперским канцлером».

Остановимся ненадолго на этом факте. Примерно в то время Габихт был назначен пресс-атташе при германском посольстве в Вене. Это назначение Габихта на пост пресс-атташе должно было исходить от вас или было произведено с вашего одобрения, не так ли? Это входило в ведение вашего министерства?

Нейрат: В данный момент я не знаю этого точно, но я припоминаю, что Габихт был дандеслейтером в Мюнхене, и не знаю ничего о том, был ли он вообще назначен в Вену в качестве пресс-атташе.

Максуэлл-Файф: Вы можете поверить мне, что он действительно поехал в Вену в качестве пресс-атташе в мае 1934 года, а сейчас я хочу вас спросить лишь о том, по вашему ли приказу или с вашего согласия он был назначен на пост, который дал ему дипломатический иммунитет в разгар его заговорщической деятельности?

Нейрат: Если Габихт и был в Вене, так без моего ведома и без моего утверждения. Очевидно, он был назначен туда министром пропаганды, которому подчинялись работники прессы.

Максуэлл-Файф: Вы, подсудимый, конечно, согласитесь со мной в том, что это не весьма приятный документ. Разрешите напомнить вам о том, что этот документ поступил к вам от вашего министра-директора и был передан фюреру, а затем этот документ был возвращен Ламмерсом с примечанием: «Габихт зайдет сегодня».

Нейрат: К фюреру?

Максуэлл-Файф: Да.

Нейрат: Господин обвинитель, я обращаю ваше внимание на то, что здесь все время речь ведется об австрийских нацистах. К австрийским нацистам я не имел никакого отношения.

Максуэлл-Файф: Я хочу указать вам лишь на то, что этот документ, документ министерства иностранных дел, был переслан рейхсканцлеру, а возвращен он был 6 июня со следующим примечанием Ламмерса: «Габихт зайдет сегодня». Вы должны были знать о Габихте 6 июня. Об этом упоминается в данном отчете.

Нейрат: Об этом там не говорится. Я получил от Ламмерса записку, показывающую, что Габихт был у рейхсканцлера. Я послал этот отчет моего министра-директора рейхсканцлеру для того, чтобы он убедился в том, каково положение в Австрии. Вот какова была причина.

Максуэлл-Файф: Вы помните, что несколько дней назад фон Папен давал свои показания, и когда я спросил его о том, кто были эти видные деятели империи, которые оказали влияние на путч в Австрии в июне 1934 года, то он после долгого раздумья смог припомнить только одного из них, который оказывал влияние на путч, а именно Габихта?

Нейрат: Нет.

Максуэлл-Файф: Хорошо, я заявляю вам о том и хочу, чтобы вы подтвердили, что вы прекрасно знали, что 6 июня 1934 г. Габихт, этот видный деятель империи, согласно показаниям фон Папена, организовал путч в Австрии. Вы это подтверждаете?

Нейрат: Но как вы приходите к такому выводу? Габихт вообще никогда не был у меня, а был у рейхсканцлера.

Максуэлл-Файф: Вы видели этот отчет вашего министра-директора. Я только что зачитал высказывания фон Вехтера.

Нейрат: Но там ни слова не сказано о господине Габихте.

Максуэлл-Файф: Да, я только что зачитал вам это. Разрешите напомнить вам: «Решающее слово в этой связи будет иметь, конечно, только сам фюрер. Он же, Вехтер, полностью согласен с Габихтом по всем этим вопросам».

Другими словами, в сообщениях, которые Вехтер передавал министерству иностранных дел, он высказывал не только собственное мнение, но и мнение Габихта.

Нейрат: Да, там сказано об этом. Так вот, обо всех этих террористических актах и беспорядках, которые здесь описываются, я довел до сведения рейхсканцлера.

Максуэлл-Файф: Обратите внимание на то, что написано в этом отчете в конце страницы: «Но так как тем временем ничего не последовало и, с другой стороны, меры австрийской администрации с каждым днем становились все более и более жестокими, то вновь выступили радикальные элементы с заявлением о том, что канцлер издал свой приказ, исходя только из тактических соображений, в то время как внутренне он одобрял любое мужественное действие со стороны оппозиции, и что он своей истинной политической целью считал лишь ослабление ненавистной системы Дольфуса, но таким путем, чтобы другие страны, по возможности, не смогли говорить о каком-либо постороннем вмешательстве. Сейчас они руководствуются в своей работе этим принципом».

Послушайте следующую выдержку, его совет вам (наиболее близкое к истине предупреждение об опасности), которым когда-либо располагал любой министр иностранных дел: «В ходе обсуждений приходится постоянно сталкиваться с этой идеей, которая тайно распространяется. В ближайшее время должны быть сделаны соответствующие изменения и установлено единое руководство... иначе» — как фон Вехтер заканчивает свое выразительное описание, — «каждый день может произойти такая катастрофа, которая приведет к самым худшим последствиям с точки зрения внешней политики, не только для Австрии, но и прежде всего для Германии».

Затем разговор прерывается, фон Вехтеру вручают телефонограмму, в которой говорится, что для него будет лучше, если он не возвратится в Вену, в противном случае он будет арестован по приезде, а через шесть недель он начал путч, и канцлер Дольфус был расстрелян. Вы помните об этом? Разве в начале июня 1934 года вы не знали о том, что существовала очень серьезная угроза восстания и больших бедствий для Австрии?

Нейрат: Совершенно очевидно. По этой причине я и послал отчет канцлеру. Я не мог вмешиваться в дела Австрии.

Максуэлл-Файф: Может быть, вы ответите на тот вопрос, на который не смог ответить подсудимый фон Папен. Кто, по вашему мнению, были эти другие видные деятели Германской империи, которые стояли за путч, направленный против правительства Дольфуса в Австрии? Вы заявляете, что вы не принадлежали к числу этих деятелей. Кто же, по вашему мнению, были эти личности, о которых упомянул фон Папен как о лицах, стоящих за путч, направленный против Дольфуса?

Нейрат: Я вообще никого не знаю. Я знал только Габихта как личность, против которой я все время протестовал перед Гитлером, так как он занимался натравливанием. Какого-либо другого немца из Германии я не знал. Все остальные — это австрийские национал-социалисты, которые здесь очень часто упоминаются, но которых я не знал.

Максуэлл-Файф: Я о них не говорю. Я говорю о тех видных деятелях Германской империи, о которых говорил подсудимый фон Папен, а сейчас я пытаюсь выяснить, кто были эти деятели. И вы продолжаете утверждать, что единственное лицо, которое вы помните, это пресс-атташе Габихт?

Это все, что вы можете сказать Трибуналу в выяснение этого вопроса?

Нейрат: Я уже сказал, я никого не знаю.

Максуэлл-Файф: Придерживаетесь ли вы того мнения, что ваш сотрудник министерства Ритт ничего не знал об

этом, несмотря на то, что сказал Мессерсмит по этому поводу? Вы думаете, что Ритт ничего не знал об этом путче?

Нейрат: Я не знаю, насколько был осведомлен Ритт, но Вы знаете, что я тотчас же отозвал его, когда он вмешался в это дело. Вообще я всегда запрещал послам и посланникам вмешиваться в такие дела.

Максуэлл-Файф: Вы все-таки не сомневаетесь в том, что Ритт знал о готовившемся путче?

Нейрат: Нет, я очень сомневаюсь в том, что он точно знал о нем. Я не думаю этого, потому что он не был таким человеком.

Максуэлл-Файф: Во всяком случае, вы знали о том, что 25 июля австрийские нацисты провели этот путч и убили Дольфуса?

Нейрат: Но это же не было тайной.

Максуэлл-Файф: Нет, я это знаю. Многие из этих событий не были тайной. Меня интересует ваша осведомленность, а именно — когда вы об этом узнали?

Нейрат: После этого, да.

Максуэлл-Файф: Но разве после этого вы не колебались, следует ли вам дальше оставаться в правительстве, которое распространяло свою политику убийства из своей страны за границу через посредство своих агентов в Австрии?

Нейрат: Если бы я был ответствен за каждого отдельного убийцу, за каждого отдельного немецкого убийцу, действовавшего за границей, то у меня, вероятно, было бы слишком много дела.

Максуэлл-Файф: Вы знали, и я вам напомню сейчас о том, что австрийская нацистская партия была в тесном контакте с Гитлером и все время действовала согласно приказам Гитлера, когда Гитлер стоял во главе вашего правительства? Вы это отлично знали, не так ли?

Нейрат: Но он же был главой НСДАП, руководителем этой партии, и то, что они с ним сотрудничали, — это вполне естественно.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, я хочу выяснить некоторые факты, относящиеся к 1935 году.

10 марта Германия заявила о создании военно-воздушного флота, а 16 марта вы, по-моему, в числе других подписали закон об обязательной воинской повинности. Вы уже говорили об этом, и я не хочу снова возвращаться к этому вопросу. Я лишь хочу спросить вас относительно секретного закона об обороне империи от 21 мая 1935 г. Посмотрите на замечания генерала Томаса, касающиеся этого вопроса.

Он пишет: «Общая централизация верховной власти в империи, которая была установлена декретом на случай войны,

повлияла на развитие и организацию военной экономики в такой степени, что необходимо обсудить этот вопрос подробно. Основа для организации централизованной верховной власти в империи на случай войны была заложена еще до 1933 года в большом числе декретов и резолюций совещаний, но она радикальным образом была изменена, когда национал-социалисты пришли к власти, и в особенности после смерти президента Гинденбурга. Новые положения были сформулированы в законе об обороне империи от 21 мая 1935 г. Он должен был быть объявлен только в случае войны, но был введен в действие уже во время проведения подготовки к войне. Поскольку этот закон определял обязанности вооруженных сил и других имперских властей на случай войны, он также являлся основным распоряжением, на основе которого должна была развиваться деятельность организаций, ведающих военной экономикой».

Помните ли вы, что в тот же день подсудимый Шахт был назначен уполномоченным по вопросам военной экономики? Вы понимали в то время, подсудимый, что этот закон являлся основой для развития деятельности организации, ведавшей военной экономикой?

Нейрат: Да, но только на тот случай, если начнется война, то есть на случай мобилизации.

Максуэлл-Файф: Видите ли, я пытаюсь вам пояснить то, что этот закон был введен в действие для проведения подготовки к войне. Разве вы не понимали тогда, что это был большой шаг вперед в деле военной подготовки?

Нейрат: Ни в коей мере. Это вовсе не было большим шагом вперед. Это была лишь констатация необходимости, которая могла возникнуть в случае войны. Как и в любой другой стране, необходимо было гарантировать сотрудничество всех учреждений на случай нападения. Как раз в данном законе это и устанавливается.

Максуэлл-Файф: Такова ваша точка зрения? Правильно ли будет сказать, что в то время, до мая 1935 года, министерство иностранных дел Германии все еще было укомплектовано дипломатами старой школы и поэтому еще не было наводнено людьми из бюро Риббентропа? Так ли это?

Нейрат: Да, это так.

Максуэлл-Файф: Вы получали какое-либо предупреждение от вашего собственного персонала относительно событий в Австрии или о вооружении, о введении воинской повинности и создании военно-воздушного флота?

Нейрат: Как Вы можете судить об этом на основании отчета, который был предъявлен ранее, я был информирован относительно событий в Австрии. Что касается вооружения, то

решение о нем было принято кабинетом. Я, конечно, знал об этом.

Максуэлл-Файф: Посмотрите на документ ПС-3308. Это письменное показание, данное под присягой переводчиком Паулем Шмидтом. Вот что говорит Пауль Шмидт:

«Параграф 4. Попытка провести путч в Австрии и убийство Дольфуса 25 июля 1934 г. серьезно обеспокоили сотрудников министерства иностранных дел, потому что эти события дискредитировали Германию в глазах всего мира. Было общеизвестно, что путч проводился партией, и фактически эта попытка провести путч так непосредственно следовала за кровавой чисткой в Германии, что приходилось думать об однотипности нацистских методов как внутри страны, так и вне ее».

Подсудимый, я попрошу вас сказать, правильно ли говорит Шмидт о том, что попытки совершить путч и убийство Дольфуса серьезно обеспокоили сотрудников министерства иностранных дел?

Нейрат: Это обеспокоило не только сотрудников моего министерства, но и меня самого.

Максуэлл-Файф: Правильно ли, что беспокойство среди ваших сотрудников усилилось в результате признания того обстоятельства, что кровавая чистка и путч обеспокоили Францию и Советский Союз в отношении позиции, занимаемой Германией?

Нейрат: Нет, это частное мнение переводчика Шмидта.

Максуэлл-Файф: Утверждаете ли вы, что Шмидт, который, в конце концов, был вашим штатным сотрудником, хотя он в течение долгого времени и был переводчиком, пишет неправильно, когда заявляет, что ваши сотрудники высказывали свои опасения вам?

Нейрат: Да, утверждаю самым решительным образом. Откуда Шмидт, будучи совсем незначительным чиновником, мог знать о том, что говорят мне высшие чиновники министерства? Кроме того, как может Шмидт судить об этом?

Максуэлл-Файф: Мы читаем шестой абзац, я хочу спросить вас о последней его части.

«Ремилиитаризации германскими вооруженными силами Рейнской области предшествовала дипломатическая подготовка нацистов, проведенная в феврале».

Гитлер в одной из своих бесед утверждал, что не существует действительных оснований для конфликта между Германией и Францией. Если сравнить эти высказывания с некоторыми высказываниями в «Майн кампф», которые были направлены против Франции, обстоятельства были таковы, что можно было предположить, что готовилась почва для оправдания каких-то действий в будущем.

Я не знаю, когда именно было принято решение о вступлении войск в Рейнскую область. Я лично знал об этом и обсуждал этот вопрос примерно за две или три недели до этих событий. Высказывались серьезные опасения, в особенности в военных кругах, относительно риска, связанного с проведением этого мероприятия. Подобные же опасения испытывали многие сотрудники министерства иностранных дел. В министерстве иностранных дел было, однако, известно, что Нейрат в тех правительственных кругах, с которыми консультировался Гитлер, был единственным человеком, который был уверен в том, что Рейнская область может быть ремилитаризована без вооруженного противодействия со стороны Великобритании и Франции. Позиция Нейрата в течение всего этого времени была такова, что она должна была вызвать у Гитлера больше доверия к нему (Нейрату), чем ко всем остальным дипломатам старой школы, которыми Гитлер обычно пренебрегал».

Итак, если этот мелкий чиновник, о котором вы только что говорили, знал о вступлении войск в Рейнскую область и обсуждал этот вопрос за две или три недели до того, как оно произошло, то когда именно до вступления вы обсуждали этот вопрос?

Нейрат: Шмидт оказался, очевидно, ясновидцем, так как я сам не знал об этом за две или три недели. Я узнал об этом лишь за неделю до того, как Гитлер вынес решение. И если здесь написано, что в министерстве иностранных дел было общеизвестно, что единственным советником Гитлера в правительственных кругах был я и что я был уверен в том, что Рейнская зона может быть занята войсками без вооруженного сопротивления со стороны Британии или Франции, так ведь я, в конце концов, был прав!

Максуэлл-Файф: Вы были правы... Но действительно ли вы были единственным человеком в правительственных кругах, который считал, что можно было оккупировать Рейнскую область без вмешательства Великобритании и Франции? Это правильно?

Нейрат: Я не могу сказать, был ли я единственным человеком. Во всяком случае, я был убежден в этом на основании того, что я знал о международных отношениях.

Максуэлл-Файф: Таким образом, каково бы ни было положение переводчика Пауля Шмидта, он по крайней мере, знал, какое положение вы занимали в то время. Разве он был неправ, говоря в последней фразе о том, что занимаемое вами положение в тот период было таково, что Гитлер прислушивался к вашему мнению скорее, чем к мнению всех других пронацистских дипломатических кругов из министерства иностран-

ных дел, потому что вы были человеком, который одобрял его. Разве не таково положение вещей?

Нейрат: Я его вовсе не одобрял. Правда, я ему изложил свое мнение об общей ситуации. То, что я был тогда прав, впоследствии подтвердилось.

Максуэлл-Файф: Я хочу рассмотреть еще один вопрос; правда, он относится к 1936 году, но, поскольку мы уже затронули вопрос об Австрии, рассмотрим сейчас и этот вопрос. Вы сказали раз или два, что очень серьезно возражали против того, что договор между Австрией и Германией, заключенный 11 июля, называли маскировкой или ширмой. Вы очень серьезно возражали против такой точки зрения. Ведь это правильно?

Нейрат: Да.

Максуэлл-Файф: Известно ли вам, что Гитлер дал инструкции гаулейтерам австрийской национал-социалистской партии продолжать борьбу в то же самое время, когда подписывался этот договор?

Нейрат: Нет, это мне неизвестно.

Максуэлл-Файф: Разрешите вам напомнить отчет Рейнера, которого Трибунал имел возможность допросить. Прошу посмотреть на конец первого абзаца. Он гласит:

«На соглашение от 11 июля 1936 г. сильное влияние оказала деятельность этих двух лиц — то есть подсудимого Зейсс-Инкварта и полковника Глейзе-Хорстенау. «Папен упомянул фюреру о Глейзе-Хорстенау как о человеке, которому можно доверять».

В это время фюрер хотел увидаться с руководителями партии в Австрии для того, чтобы сообщить им свое мнение относительно того, что должны делать австрийские национал-социалисты. В то же самое время Хинтерлейтер был арестован, а Рейнер стал его преемником» — обратите внимание, это — тот самый человек, который дает эти показания, — преемником и руководителем австрийской партии.

«16 июля 1936 г. Рейнер и Глобочник посетили фюрера в Оберзальцберге, где им было весьма ясно объяснено положение вещей, а также были сообщены желания фюрера. 17 июля 1936 г. все гаулейтеры, находившиеся на нелегальном положении, встретились вблизи Зальцбурга, где они получили полнейший отчет от Рейнера относительно заявления фюрера и его политические инструкции о ведении борьбы. На этом же самом совещании гаулейтеры получили также организационные инструкции от Глобочника и Хидлера».

Разве Гитлер не говорил своему министру иностранных дел, который наблюдал за заключением этого договора, что он собирался дать гаулейтерам, находившимся на нелегальном

положении, инструкции о дальнейшем ведении борьбы? Разве он не говорил вам об этом?

Нейрат: Нет, об этом он мне не сообщал.

Максуэлл-Файф: Я хочу обратить ваше внимание на заявление Мессерсмита, сделанное им в конце 1935 года. Вы помните это заявление? В нем говорится следующее:

«Европа не сможет избавиться от мифа, изображающего фон Нейрата, Папена и Макензена дипломами старой школы, а не опасными людьми. На самом деле, они являются лишь послушным орудием режима, и именно потому, что внешний мир смотрит на них как на безвредных людей, они могут работать более эффективно. Они могут сеять раздор просто потому, что они распространяют миф о том, что они не поддерживают режим».

Можете ли вы указать нам на какую-либо инструкцию Гитлера, которая была издана до того времени, когда Мессерсмит сделал это заявление, то есть до 10 октября 1935 г., и которую вы не выполнили?

Скажите Трибуналу, какое поручение, данное вам Гитлером до 10 октября 1935 г., вы отказались выполнить. Какое было самое серьезное поручение, от которого вы отказались?

Нейрат: Это вопрос, на который я так просто не могу дать ответа. Как я могу сейчас знать, какой вопрос из тех, против которых я возражал, был самым серьезным?

Максуэлл-Файф: Я хочу спросить вас относительно отчета Буллита, с которым, как мне кажется, вы согласны.

Заявив, что он беседовал с вами, он пишет дальше: «Фон Нейрат сказал, что политика германского правительства заключалась в том, чтобы не предпринимать активных мер в области внешней политики до тех пор, пока не примирятся с ремилитаризацией Рейнской области. Далее он объясняет, что этим он хотел сказать, что до тех пор, пока не будут построены укрепления на бельгийской и французской границах, германское правительство будет делать все возможное для того, чтобы наоборот, предотвратить, а не поощрять всякий бунт нацистов в Австрии, и будет вести умеренную политику в отношении Чехословакии. Как только наши укрепления будут построены и страны Центральной Европы поймут, что Франция не может вступить на территорию Германии, когда она этого захочет, все эти страны будут иначе проводить свою внешнюю политику, и создастся новая группировка сил».

Вы согласны с тем, что вы говорили это?

Нейрат: Да, конечно.

Максуэлл-Файф: Я хочу спросить, согласны ли вы с моим пониманием этого высказывания. Вы хотели сказать, что как только ваши фортификации на западной границе будут

приведены в должный порядок, вы постараетесь добиться аншлюсса Австрии и получить от Чехословакии обратно Судетскую область. Разве не это означают ваши слова?

Нейрат: Я хотел сказать и сказал, что эти страны, в частности Чехословакия и Франция, изменят свою политику по отношению к Германии, так как они уже не смогут больше так легко пройти через ее границы...

Максуэлл-Файф: Я хочу, чтобы вы сказали мне в нескольких словах относительно тайного совета, в который вы были назначены после того, как покинули министерство иностранных дел. Я попрошу, подсудимый, посмотреть только на первые две фразы:

«Фюрер вначале заявил, что вопрос, который будет разбираться на сегодняшнем совещании, является настолько важным, что детальное его обсуждение, безусловно, потребовало бы в другом государстве совещания кабинета в полном составе. Однако он, фюрер, решил не обсуждать этот вопрос в широком кругу имперского кабинета именно потому, что вопрос является столь важным».

Затем, если вы посмотрите на список присутствовавших, то увидите, что там был фюрер, военный министр, три главнокомандующих, а также министр иностранных дел. Подсудимый, предположим, что в феврале или марте 1938 года Гитлер захотел бы обсудить вопрос об Австрии на совещании кабинета в таком же узком кругу лиц. Давайте посмотрим, кто бы занял места тех, кто присутствовал на этом совещании. Вместо Бломберга и фон Фрича присутствовали бы подсудимый Кейтель как начальник ОКВ и фон Браухич как командующий сухопутными силами, не так ли?

Нейрат: Да, я полагаю, что так.

Максуэлл-Файф: В действительности Геринг и Редер сохраняли свои посты. Подсудимый фон Риббентроп занял ваш пост, а вы являлись председателем тайного совета. Ламмерс был секретарем совета, а Геббельс занял более важный пост — министра пропаганды. Я хочу, чтобы вы посмотрели сейчас, кто были люди, которые образовали тайный совет. Вы видите, кто сюда входит: подсудимый Риббентроп, подсудимый Геринг, заместитель фюрера подсудимый Гесс, Геббельс, начальник имперской канцелярии Ламмерс, фон Браухич, Редер и Кейтель. Вы говорите, насколько я вас понял, что этот тайный совет фактически не существовал и в действительности вообще не собирался. Это правильно?

Нейрат: Да.

Максуэлл-Файф: Почему тогда вы как председатель тайного совета имели специальные фонды на получение дипломатической информации?

Нейрат: Я не получал никаких фондов.

Максуэлл-Файф: Тогда я попрошу вас посмотреть на документ ПС-3945. Это письмо от 28 августа 1939 г. от Ламмерса вам лично.

«В соответствии с вашим требованием я передал советнику Кэппену сумму в 10 тысяч имперских марок, которая предоставлена в ваше распоряжение для специальных расходов на получение дипломатической и политической информации».

Вы подписали расписку, которая гласила: «Я получил 10 тысяч имперских марок из имперской канцелярии для специальных расходов на получение дипломатической информации».

Скажите нам теперь, почему вам выдавались специальные суммы на получение дипломатической информации?

Нейрат: Да, это я вам могу сказать. Это выражение я употребил по просьбе Ламмерса, руководившего кассой имперской канцелярии, для того, чтобы получить деньги на содержание моего бюро, а именно для оплаты машинистки и секретаря. Я не помню, как называлось это учреждение, перед которым я должен был отчитаться. Да, это было министерство финансов. У меня не было особого бюджета. Ламмерс потребовал, чтобы я употребил это выражение.

Максуэлл-Файф: Я сошлюсь еще на другие письма. Но я хочу только знать, почему было необходимо, чтобы расходы на машинистку и секретаря не подвергались проверке.

На странице 143 вы найдете ваше письмо, адресованное Ламмерсу. Вы пишете: «Для моего бюро нужны специальные дотации на расходы, которые, как мне кажется, не следует подвергать контролю».

Почему вы считали, что не следует контролировать расходы на секретаря и машинистку?

Нейрат: Я в настоящий момент не могу этого сказать. Но я не расходовал никаких средств на получение дипломатической информации. Это лишь расходы на бюро.

Максуэлл-Файф: Я прошу вас посмотреть на документ ПС-3958. Это письмо от 8 апреля 1942 г., адресованное вам.

В этом письме говорится: «Имперский министр финансов дал свое согласие на то, чтобы ваши запросы на бюджет на 1942 год были предусмотрены в плане № 1. Поэтому я не возражаю против того, чтобы ваши необходимые запросы были удовлетворены даже до того, как будет утвержден этот план, в пределах следующих сумм: на личные административные расходы до 28 500 марок, на официальные административные расходы до 25 500 марок, итого 54 тысячи рейхсмарок».

Суммы на личные расходы и расходы по содержанию аппарата вы получили в тот же самый период, когда получили эти дополнительные суммы.

Таким образом, если эта сумма в 10 тысяч марок, которую вы получали время от времени, не предназначалась на содержание аппарата, то я хочу, чтобы вы сказали Трибуналу, для чего же в действительности она предназначалась?

Нейрат: Я не знаю, для чего она предназначалась.

Максуэлл-Файф: Это ваши письма, и вы получали деньги. Разве вы не можете сказать Трибуналу, для чего вы их получали?

Нейрат: Нет. В настоящий момент я этого не могу вспомнить.

Максуэлл-Файф: Может быть, для получения дипломатической информации, как об этом говорится в письмах?

Посмотрите, пожалуйста, подсудимый, на документ ПС-3945. Это письмо от 14 июля 1943 г. Оно подписано буквой «К». В нем говорится: «Когда я разбирал вопрос о специальных фондах, компетентные лица в имперской канцелярии проявили полнейшее понимание этого вопроса и попросили вас представить письменное ходатайство, Ваша светлость. Когда я ответил, что я не хочу представлять такого ходатайства до тех пор, пока успех не будет гарантирован, они попросили предоставить им еще некоторое время для дальнейшего обмена мнениями. Через несколько дней я получил указание, что могу без всяких колебаний представить ваше ходатайство, после чего я передал письмо, которое я ранее придержал. Требуемая сумма была вручена мне сегодня, и я внес эту сумму на свой специальный счет».

Помогает ли это вам вспомнить сейчас факты? Можете ли вы сказать Трибуналу, каковы были специальные расходы для получения дипломатической информации, на которые вы получили эти суммы?

Нейрат: Я очень сожалею, однако я не могу вспомнить о всей этой истории.

Максуэлл-Файф: Знаете ли, это очень странно, еще в одном письме (документ ПС-3958) от 8 января 1943 г., а также и в последующих письмах — от 4 марта и 20 апреля — объясняется ваш отъезд из дома № 23 по Рейнбабен Аллее и прекращение ваших расходов, когда вы уехали из города. Я хочу задать вам несколько вопросов по поводу этого дома. Посмотрите на письменное показание американского консула Гейста.

Выдержка, о которой я хочу вас спросить, находится в середине абзаца.

После того как он говорит, что хозяин его квартиры должен был отдать свой дом СС, он заявляет: «Я знаю, что во многих случаях, когда считали необходимым увеличить давление, будущих покупателей или их агентов обычно сопровождали».

одетые в форму бойцы СС или СА. Я знаю об этом потому, что жил по соседству, и знаю лиц, которых это касалось. Я знаю, что фон Нейрат, одно время бывший министром иностранных дел Германии, таким образом получил дом одного еврея. Он был моим соседом в Далеме. Дом Нейрата стоил примерно 250 тысяч долларов».

Скажите, этот дом находился на Рейнбабен Аллее, 23?

Нейрат: Да, да.

Максуэлл-Файф: Скажите, пожалуйста, кто приобрел его для вас с тем, чтобы председатель несуществующего тайного совета мог пользоваться этим домом как своей официальной резиденцией? Кто приобрел этот дом?

Нейрат: В 1937 году, когда Гитлер строил здание для своей новой имперской канцелярии, он мне однажды заявил, что я должен переселиться из моего старого дома, который находился за зданием министерства иностранных дел, так как он хочет включить сад при этом доме в участок своей имперской канцелярии, а дом будет снесен. Он дал указание имперскому строительному управлению предоставить мне новый дом. Имперское строительное управление предложило мне несколько домов, причем это были конфискованные еврейские виллы. Однако я от этого отказался.

Я должен был сам искать себе дом. Мой домашний врач, которому я об этом сообщил, сказал, что он знает один дом в Далеме. Это и есть как раз дом № 23 на Рейнбабен Аллее. Мой врач был также домашним врачом в семье владельца этого дома. Дом принадлежал подполковнику Глотцу, брату моего близкого друга. Я сообщил об этом имперскому строительному управлению и просил вступить в переговоры. В результате переговоров было достигнуто соглашение, причем цена была установлена не в долларах, а в марках.

Эта сумма по просьбе подполковника Глотца была выплачена наличными, а впоследствии по его желанию — я добился этого у министра финансов — была переведена в Швейцарию.

Я хочу отметить, что тогда я еще был министром иностранных дел. После этого я остался в этом доме по той причине, что я не получил другого дома, и мой преемник Риббентроп поселился в старом президентском дворце. В 1943 году этот дом был разрушен. Я и до сих пор не могу объяснить, что эта была за сумма, о которой вы говорите. Может быть, это была сумма, предоставленная имперской кассой. Этого я сказать не могу при всем своем желании. Однако эти показания Гейста совершенно неправильны. Я этот дом купил не у еврея, а купил его у христианина, подполковника Глотца.

Максуэлл-Файф: Вы говорите нам, что перевели деньги на его текущий счет в Швейцарию?

Нейрат: Да, так как Глотц уехал в Швейцарию; мне кажется, между прочим, что его жена была не арийка.

Максуэлл-Файф: Очень хорошо. Я хотел бы прочитать еще следующую фразу, после чего я закончу рассмотрение этого документа:

«Я знаю также, что Альфред Розенберг, который жил со мной на одной улице, получил дом от еврея точно таким же образом».

Вам известно что-нибудь по этому поводу?

Нейрат: Я вообще не знаю, каким образом получил Розенберг свой дом.

Максуэлл-Файф: Вам известно, что обвинение ссылалось на ваш ответ британскому послу относительно аншлюсса? Насколько я вас понял, вы теперь не утверждаете, что данный вами тогда ответ являлся правильным, а заявляете, что это было все то, что вы могли тогда сказать на основании имевшейся у вас информации, это правильно?

Нейрат: Да, совершенно правильно.

Максуэлл-Файф: Вы сказали, что не слышали ни от Гитлера, ни от Геринга ни единого слова относительно ультиматума, предъявленного сначала Шушнигу, а потом президенту Микласу. Вам ничего об этом не говорили. Вы об этом заявляете здесь?

Нейрат: Нет, тогда я об этом не знал. Я узнал об этом позже.

Максуэлл-Файф: Когда вы узнали о действительном положении вещей относительно предполагавшегося аншлюсса?

Нейрат: Подробности вообще я узнал здесь, когда мне был предъявлен доклад советника миссии Гевеля. Я уже раньше слышал, что на Шушнига было оказано давление. Но точные подробности всего этого я узнал только здесь, в Нюрнберге.

Максуэлл-Файф: Вы говорите, что в период между 11 марта и вашим приездом в Нюрнберг вы ничего никогда не слышали относительно угрозы вступления немецких войск в Австрию, которая содержалась в высказываниях подсудимого Геринга, Кепплера или генерала Муффа? Вы никогда не слышали об этом?

Нейрат: Нет, тогда я ничего не знал.

Максуэлл-Файф: Тогда я хочу спросить вас относительно заверений, которые вы дали чешскому министру Мастны в Берлине.

Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ Д-122.

Выдержка, о которой я хочу спросить вас, находится в параграфе 6. После того как вы рассматриваете вопрос о беседе с подсудимым Герингом относительно мобилизации в Чехословакии, вы далее говорите:

«Мастны собирался дать ему определенные и весьма связывающие заверения по этому вопросу», то есть по поводу мобилизации в Чехословакии, «и сегодня», то есть 12 марта, «он говорил с фон Нейратом, который, между прочим, заверил его от имени Гитлера в том, что Германия все еще считает себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, заключенной в Локарно в октябре 1925 года».

Вы сказали Трибуналу, и мы, кроме того, слышали показания баронессы фон Риттер о том, что совещание 5 ноября обеспокоило вас, даже вызвало у вас тяжелый сердечный припадок. Один из вопросов, которые обсуждались на этом совещании, касался нападения не только на Австрию, но и на Чехословакию, для того чтобы обеспечить немецкие фланги.

Почему вы думали 12 марта, что Гитлер будет считать себя связанным германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, которая предусматривала, что всякие разногласия между Германией и Чехословакией должны были передаваться на рассмотрение Совета Лиги Наций или Международного суда? Почему же вы тогда считали возможным, что Гитлер будет передавать свои разногласия с Чехословакией на рассмотрение одной из этих организаций?

Нейрат: Это я могу вам сказать совершенно точно. Я вчера уже показывал, что Гитлер 11 числа вечером вызвал меня к себе по причинам, которые я еще и сегодня не могу объяснить, и заявил мне, что вступление войск в Австрию должно произойти ночью. На мой вопрос или на мое замечание о том, что это вызовет в Чехословакии большое беспокойство, он заявил, что он не имеет в настоящий момент никаких намерений в отношении Чехословакии и что он даже надеется, что после вступления войск в Австрию или занятия Австрии отношения с Чехословакией значительно улучшатся.

Из этой фразы, из этого заверения о том, что ничего не произойдет, я сделал вывод, что все останется так, как есть, и что мы считаем себя связанными договором 1925 года.

Максуэлл-Файф: Верили ли вы хоть одному слову из того, что сказал Гитлер 12 марта 1938 г.?

Нейрат: Да, тогда еще верил.

Максуэлл-Файф: Вы помните, что в период Мюнхена, когда вы на некоторое время снова вернулись к делам, президент Бенеш написал меморандум, в котором напоминал о конвенции об арбитраже, а Гитлер просто отложил его в сторону. Вы помните, что 12 сентября он отказался рассматривать этот меморандум?

Нейрат: Нет, я этого не помню.

Максуэлл-Файф: Вы не помните? Но ведь об этом писали и в германской прессе и во всех прочих газетах мира;

езде писали, что Бенеш написал меморандум, напоминая об этой конвенции, а Гитлер отказался даже взглянуть на этот меморандум.

Однако вы утверждаете, что 12 марта вы искренне верили в то, что Гитлер будет действительно придерживаться этой конвенции. Вы действительно это утверждаете?

Нейрат: Да, тогда у меня не было никаких сомнений.

Максуэлл-Файф: Подсудимый, вы говорили относительно меморандума генерал-лейтенанта Фредериче, и вы помните, что в этом меморандуме Фредериче ссылался на ваш меморандум, в котором вы говорите о том, как следует поступить с Чехословакией?

Теперь я хотел бы, чтобы вы обратились к документу ПС-3859 с тем, чтобы Трибунал на основании ваших собственных слов мог заключить о вашем отношении к чехам.

Я вначале зачитаю ваше письмо к Ламмерсу от 31 августа 1940 г. В письме сказано: «Дорогой Ламмерс! К настоящему письму я прилагаю меморандум, о котором я уже упоминал в своем письме от 13 июля 1940 г.; меморандум касается вопроса о будущем статута Богемии и Моравии. Я прилагаю к письму еще один меморандум по тому же вопросу, который был составлен моим статс-секретарем К. Г. Франком независимо от меня; выраженные в этом меморандуме идеи приводят к тем же выводам, которые я изложил в своем меморандуме», — прошу вас обратить внимание на следующие слова: «и я с ним полностью согласен. Будьте добры представить оба эти меморандума фюреру и договоритесь, пожалуйста, о дне, когда фюрер может лично принять меня и моего статс-секретаря Франка. Как я слышал из неофициальных источников, ряд отделов партии и прочих ведомств намеревается представить фюреру предложения относительно разделения территории вверенного мне протектората, не сообщив мне подробностей этих проектов. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы назначили дату моей беседы с фюрером, пока еще не поздно для меня; я как имперский протектор, компетентный в этих вопросах, и как человек, хорошо разбирающийся в проблемах Чехословакии, а также мой статс-секретарь должны получить возможность представить фюреру свои соображения по этому поводу до того, как ему будут представлены всевозможные планы и проекты со стороны других лиц.

Все соображения по поводу будущей организации Богемии и Моравии с национально-политической и этническо-политической точки зрения должны основываться на одной цели, которую мы должны поставить перед собой.

С точки зрения национально-политической может существовать только одна цель — окончательное объединение этих

территорий с великой Германской империей. С этническо-политической точки зрения эту территорию следует заселить немцами».

Затем вы говорите, что указываете на путь к достижению этих целей. Прошу вас перейти к разделу II вашего меморандума; в середине второго абзаца вы найдете дополнительный параграф, который начинается словами:

«Эти 7200 тысяч человек, из которых 3400 тысяч живут в городах и поселениях с численностью населения более 2 тысяч человек в каждом и 3800 тысяч живут в поселениях с численностью населения менее 2 тысяч человек в каждом, находятся под руководством и влиянием интеллигенции, которая в этой стране составляет слишком большую прослойку по отношению к размерам страны. Эта часть населения, то есть интеллигенция, также пыталась после изменения конституции в этих районах более или менее открыто саботировать или, во всяком случае, добиться отсрочки в проведении необходимых мер, которые были намечены для того, чтобы приспособить существующие в стране условия к новому положению вещей. Остальная часть населения, мелкие ремесленники, крестьяне и рабочие, лучше приспособились к новым условиям жизни...

Однако, если бы на основании этого мы пришли к заключению, что правительство и население вели себя лояльно потому, что они в душе примирились с потерей независимости своего государства и включением его в состав великой Германии, мы совершили бы фатальную ошибку. На немцев продолжали смотреть, как на непрошенных захватчиков, и среди народа было широко распространено стремление вернуть прежнее положение вещей, хотя народ и не решался открыто выражать подобные чувства.

Постепенно население начинало признавать новый порядок, но это объясняется лишь тем, что люди либо обладали необходимой рациональной дальновидностью, либо боялись последствий, которые могло повлечь за собой неповиновение. Они, безусловно, поступали так, не исходя из своих убеждений. Такое положение вещей будет иметь место в течение некоторого времени, однако пока дело обстоит таким образом, что следует прийти к решению, как нужно поступить с чешским народом, чтобы достичь нашей цели — присоединения их страны к Германии и заселения ее немцами как можно скорее и по возможности в больших масштабах.

Наиболее радикальное и окончательное разрешение этой проблемы ...заключается в том, что из этой страны следует совершенно выселить всех чехов и на их место расселить немцев».

Далее вы говорите, что это неосуществимо, так как нет достаточного количества немцев, чтобы немедленно заселить эту страну.

«Разрешение этой проблемы в отношении чехов будет выражаться в том, что, с одной стороны, следует путем отбора выделить тех чехов, которые могут быть подвергнуты германизации, и оставить их в стране и, с другой стороны, — выселить тех чехов, которые с расовой точки зрения не могут быть использованы или являются врагами империи; последнее касается интеллигенции, которая за последние двадцать лет сильно продвинулась в своем развитии. Если мы будем применять такие методы, германизация может быть проведена успешно».

Подсудимый, вы знаете, что в Обвинительном заключении настоящего процесса вы и остальные подсудимые среди других преступлений обвиняетесь в геноциде, который мы определяем как истребление наций и рас и который профессор Лемкин в своей широко известной книге называет «координированной атакой на основы жизни национальностей и рас с окончательной целью уничтожения расовых групп и наций». Вы хотели избавиться от учителей, писателей и певцов Чехословакии, людей, которых вы называете интеллигенцией, людей, которые должны были бы передать последующим поколениям историю и традиции чешского народа. Это были те люди, которых вы, исходя из того, что сказано в вашем меморандуме, хотели уничтожить, не так ли?

Нейрат: Это не совсем так.

Максуэлл-Файф: Одну минуту. Перед тем как отвечать на этот вопрос, скажите, предусматривалось ли «...выселить тех чехов, которые с расовой точки зрения не могут быть использованы или являются врагами империи; последнее касается интеллигенции, которая за последние двадцать лет сильно продвинулась в своем развитии». Вы действительно имели в виду то, что тогда говорили? Говорили ли вы правду, заявляя, что необходимо уничтожить интеллигенцию?

Нейрат: На это я могу сказать только одно: или «да», или «нет», но предварительно я должен заявить о том, что из этого отчета следует, что меморандум был составлен Франком, я же согласился с тем, что там было написано. Это было 31 августа 1940 г. Меморандум, который упомянут в отчете Фредериче, относится к более позднему периоду. Сейчас я точно этого не знаю.

Максуэлл-Файф: Я сейчас передам вам письмо, в котором излагаются взгляды Гитлера. Я думаю, вы сейчас обнаружите, что Гитлер основывался именно на этом меморандуме. Сейчас я покажу вам меморандум Франка. Я утверждаю, что вы приложили, как вы заявили Ламмерсу, к письму свой меморандум, а также и другой меморандум, наиболее важные части которого я вам сейчас оглашу, меморандум Карла Германа Франка.

Я вам их сейчас покажу... Но я хотел бы, чтобы вы вначале обратились к своему письму от 31 августа, где вы говорите: «К настоящему письму я прилагаю меморандум», и далее вы продолжаете: «Я прилагаю к письму еще один меморандум..., который был составлен моим статс-секретарем К. Г. Франком независимо от меня, ...и я с ним полностью согласен».

Я утверждаю, что вам известно о том, что это именно ваш меморандум, на который имеется ссылка в документе Фредериче..., где Фредериче говорит: «После продолжительных обсуждений имперский протектор изложил в этом меморандуме свою точку зрения на различные проекты и планы».

Я утверждаю, что вы послали Ламмерсу для передачи фюреру именно свой меморандум. Вы действительно хотите заявить Трибуналу, что это не ваш меморандум?

Нейрат: Нет, я этого не хочу утверждать. Сейчас я действительно не помню об этом. Этот меморандум был составлен не мною, но я был согласен с содержанием этого меморандума. Об этом как раз и говорится в письме к Ламмерсу.

Максуэлл-Файф: Однако, если вы были согласны с содержанием этого меморандума, что же вы в таком случае имели в виду, говоря, что интеллигенцию нужно изгнать из Чехословакии, если вы не намеревались сломить Чехословакию как национальное единство и изгнать из нее людей, которые могли сохранить историю страны, ее традиции и язык? Разве вы не этим руководствовались, намереваясь изгнать интеллигенцию из пределов страны?

Нейрат: Я никогда не говорил об «уничтожении».

Интеллигенция представляла собой самое большое препятствие для осуществления сотрудничества между немцами и чехами. Для достижения этого сотрудничества мы должны были в какой-то степени уменьшить эту прослойку и главным образом уменьшить влияние интеллигенции.

Максуэлл-Файф: Вы сказали, что это необходимо для проведения в жизнь вашей политики, но под проведением в жизнь вашей политики вы имеете в виду уничтожение чешского народа как национальной единицы со своим языком, историей и традициями и присоединение его к Германской империи. Такова была ваша политика, не так ли?

Нейрат: Моя политика заключалась в том, чтобы ассимилировать чехов в такой степени, в какой это окажется возможным. Но окончательных результатов такой политики можно было ожидать еще очень не скоро. Поколения прошли бы, пока такая цель была бы достигнута. Вначале же было необходимо добиться сотрудничества, чтобы воцарилось спокойствие и порядок.

Максуэлл-Файф: Сейчас, перед тем как я представлю вам меморандум Франка, с которым вы были полностью согласны, я хочу чтобы вы обратились к разделу VII вашего собственного меморандума.

В этом разделе вы говорите:

«Если заняться рассмотрением тех колоссальных задач, которые встанут перед германской нацией после завершения победоносной войны, совершенно ясной станет необходимость тщательного и рационального использования немцев. Имеется так много задач, за разрешение которых необходимо взяться одновременно и самым тщательным образом, не откладывая их в долгий ящик, что перед нами встает необходимость привлечения к проведению этих задач в жизнь всех немцев, способных принять в этом участие. Великая Германская империя должна будет в очень большой степени использовать помощь иностранцев во всех областях и сферах жизни. Однако совершенно необходимо будет придерживаться того правила, чтобы на ответственные должности назначались немцы и чтобы немцы взяли в свои руки бразды народного правления во всех случаях, когда затрагиваются интересы империи».

В этом меморандуме вы вчерне составляли планы того, каким образом следует поступить с чехами после войны, исходя из того, что победу одержит Германия. Вы считаете, что чехи должны исчезнуть как нация и войти в состав Германской империи? Разве вы не намеревались осуществить это?

Нейрат: Вообще невозможно было заставить чехов исчезнуть как нацию. Они должны были лишь установить еще более тесные связи с империей. Вот что я подразумевал под словом «ассимилироваться».

Максуэлл-Файф: Обратитесь к следующей странице и посмотрите на меморандум вашего статс-секретаря, с которым вы полностью согласны. Рассмотрим содержание этого документа.

Здесь статс-секретарь излагает эту проблему.

«Вопрос о том, в состоянии ли протекторат во главе с имперским протектором разрешить чешскую проблему и следует ли его в этих целях сохранить или он должен уступить место какой-либо иной форме правления, поднимается уже очень многими людьми и составляет содержание этого меморандума. Этот документ ставит себе целью кратко:

- a) изложить характер всей чешской проблемы,
- b) проанализировать те пути, при помощи которых она разрешается в данное время,
- c) изучить предлагаемые в этой связи изменения с точки зрения их приемлемости и, наконец,
- d) выразить независимое мнение по всему этому вопросу.

От принятия правильного решения по этому вопросу зависит разрешение чешской проблемы. Мы, таким образом, несем на себе всю ответственность на протяжении будущих веков».

Теперь я обращусь к странице 121, с которой начинается изложение личного мнения Франка и которая начинается словами: «Цели имперской политики в Богемии и Моравии должны сводиться к окончательной германизации как территории, так и людей. Для достижения этого имеются две возможности.

I. Полная эвакуация чехов из Богемии и Моравии на территорию, расположенную вне империи, и заселение немцами освобожденных от чехов территорий, или

II. Если оставить в Богемии и Моравии большинство чехов, то по отношению к ним следует применять целый ряд самых разнообразных методов в целях их германизации в соответствии с намеченным планом.

Подобная германизация обеспечит:

1) изменение национальности чехов, отвечающих расовым требованиям;

2) изгнание непригодных в расовом отношении чехов и интеллигенции, которая является врагом империи, или применение к этим прочим подрывным элементам «специального обращения»;

3) колонизацию освобожденной таким образом территории представителями свежей германской крови».

Теперь я хочу, чтобы вы обратились к тому месту, где ваш статс-секретарь переходит к конкретным предложениям в отношении политики германизации. Не забывайте, что в письме к Ламмерсу вы выражаете полное согласие с этими предложениями.

Прошу вас обратиться к странице 123 этого меморандума, где имеется заголовок «Молодежь». «Проведение фундаментальных изменений в области образования — уничтожение чешского исторического мифа. Таково первое положение. Разрушать всякое представление, которое имеется у чехов в отношении истории их страны начиная со времени святого Ванцеслауса, то есть около тысячи лет назад». Это ваше первое положение. «Необходимо внести изменения в характер образования в соответствии с теориями империи. Нельзя разрешать чехам получать работу и жить, если они не владеют безупречно немецким языком. Нужно прежде всего закрыть средние школы, а впоследствии распустить также и начальные школы. Следует навсегда прекратить существование каких-либо чешских университетов; можно допустить лишь временную деятельность «Коллегиум Богеминус» при германском университете в Праге.

Нужно использовать метод применения насильственного труда сроком на два года.

Проведение земельной политики должно принять широкие масштабы, охватывая создание германских островков и перешейков, особое внимание обращая на продвижение германских национальных земель с севера до окрестностей Праги.

Кампания против чешского языка ставит своей целью превращение чешского языка в диалект, подобно тому, как это имело место в XVII и XVIII столетиях, и полнейшее его исчезновение как языка официального.

Браки могут разрешаться лишь после предварительного исследования обеих сторон с расовой точки зрения.

В целях окончательного включения Чехословакии в состав империи следует уничтожить границу между гаулейтунгами.

Помимо постоянной пропаганды германизации и раздачи некоторых милостей в качестве приманки, следует применять всевозможные политические методы, включая ссылку и «специальное обращение» для всех саботажников, следуя политике «кнута и пряника».

Применение всех этих методов может быть успешным только в том случае, если всем планированием, руководством и подготовкой этой политики будет ведать один представитель империи, в руках которого будет сконцентрировано все управление. Непосредственное подчинение «хозяина Богемии» фюреру разъясняет политический характер этой задачи и предотвращает возможность превращения политической проблемы в проблему административную».

Другими словами, весьма значительным фактором этой политики является необходимость того, чтобы вы сохранили свой пост имперского протектора, а Франк — должность вашего статс-секретаря, а также чтобы гаулейтер Нижне-Дунайской области не имел возможности вмешаться в эту политику и забрать себе Брно в качестве столицы своего гаулейтунга.

Итак, подсудимый, можете ли вы подтвердить Трибуналу, что вы говорили Ламмерсу, а именно что вы полностью согласны с этими, как я утверждаю, ужасными, бессердечными предложениями? Скажите, вы согласны с этими предложениями?

Нейрат: Нет, я не согласен.

Максуэлл-Файф: Почему же вы в таком случае заявили Ламмерсу, что вы с ними согласны? Почему, когда все шло гладко, вы сказали Ламмерсу, что согласны с этими предложениями?

Нейрат: После этого я делал фюреру доклад по этому вопросу. Впрочем, из того, что вы сейчас зачитали, ясно вытекает, что этот первый меморандум был составлен Франком, который составил затем и второй меморандум. Если вы в конце

говорили, что цель, которую я преследовал, заключалась в том, чтобы остаться на посту протектора, то в ответ на это я могу вам сказать, что если и существовала вообще какая-нибудь цель в этом отношении, то лишь следующая: Франк хотел стать имперским протектором. Что же касается содержания, то я сегодня не могу согласиться с ним. Я не был согласен с ним и в то время, когда делал доклад фюреру.

Максуэлл-Файф: Я в данную минуту говорю о том, что вы писали в 1940 году. Вы тогда писали — я вновь зачитаю ваши слова, я оглашал их здесь уже три раза.

«Я прилагаю... еще один меморандум по тому же вопросу, который был составлен моим статс-секретарем К. Г. Франком независимо от меня; выраженные в этом меморандуме идеи приводят к тем же выводам, которые я изложил в своем меморандуме, и я с ним полностью согласен».

Нейрат: Я сейчас сказал вам, что сегодня я не присоединяюсь к его мнению и высказываниям. В то время, когда я выступал с докладом у фюрера по поводу содержания этого меморандума, я также не поддерживал его.

Максуэлл-Файф: Вы упомянули здесь о том, подсудимый, что передали эти документы также на рассмотрение фюреру. Я утверждаю, что это ложь; ложью является то, что вы передавали их на рассмотрение фюреру. Я самым решительным образом заявляю, что это ложь.

Нейрат: Мне лучше знать, говорил я с фюрером или нет. Я лично делал ему доклад, причем Франк при этом не присутствовал.

Максуэлл-Файф: Хорошо, давайте обратимся к отчету, к вашему собственному отчету, и мы увидим, правда ли это.

Документ представляет собой секретный меморандум представителя министерства иностранных дел при имперском протекторе, датированный 5 октября.

Вы припомните, что ваше письмо было от 31 августа. Там сказано: «В связи с приемом имперского протектора и статс-секретаря Франка у фюрера я из достоверных источников узнал следующее:

Министр юстиции Гертнер вначале составил отчет по поводу движения Сопротивления чехов, и в этом отчете он упомянул о том, что дело четырех главарей чешского движения Сопротивления будет слушаться в народном суде.

Фюрер возражал против этого и заявил, что для чешских повстанцев и мятежников вполне достаточны будут карательные отряды. Привлечение к ответственности невиновных в результате вынесения судебных приговоров было бы ошибкой, как это уже было доказано делом Андреаса Гофера и Шлагетера. Чехи так или иначе любой приговор будут рассматривать

как несправедливый. Однако, ввиду того что рассмотрение этого дела уже началось в рамках законного судопроизводства, оно должно далее вестись тем же путем. Процесс должен был быть отложен до конца войны, когда во время торжеств по случаю победы он прошел бы незамеченным. Могут быть вынесены только смертные приговоры, но впоследствии их можно заменить пожизненным заключением или высылкой.

В связи с вопросом о судьбе протектората в будущем фюрер коснулся следующих трех возможностей разрешения этого вопроса:

1. Продолжить существование автономии Чехословакии, при которой немцы будут жить в протекторате в качестве сограждан чехов, пользуясь равными с ними правами. Эта возможность, однако, исключается, так как нам приходится принимать во внимание возможность интриг со стороны чехов.

2. Вывоз чехов из страны и германизация территории Богемии и Моравии путем заселения ее немцами. Эта возможность также исключается, так как на осуществление этого потребовалось бы сто лет.

3. Германизация Богемии и Моравии путем германизации чехов, то есть путем включения их в Германскую империю. В отношении большей части чешского народа последнее возможно. Из этих мероприятий по ассимиляции придется исключить тех чехов, против которых имеются возражения с расовой точки зрения, или тех, у которых замечаются антигерманские настроения. Эту категорию лиц придется удалить.

Фюрер принял решение в пользу третьего варианта. Он через имперского министра Ламмерса отдал приказ о прекращении принятия проектов о разделе протектората. Фюрер далее решил, что в целях проведения однородной политики по отношению к чехам центральное имперское управление всей Богемией и Моравией должно находиться в Праге.

Таким образом, настоящее положение в протекторате остается неизменным».

Посмотрим теперь на последнюю фразу:

«Решения фюрера основывались на идеях и принципах, которые были изложены в меморандумах, предложенных ему протектором и статс-секретарем Франком».

Подсудимый, из этого документа все же явствует, что после приема имперского протектора и статс-секретаря представитель министерства иностранных дел в вашем отделе заявил, что решение фюрера основывалось на тех идеях и принципах, которые были изложены в меморандумах, представленных ему вами и вашим статс-секретарем Франком. Почему вы утверждаете, что фюрер следовал иным принципам? Ведь все это изложено в данном документе.

Нейрат: ...Поводом для этой беседы с фюрером явилось разрешение совершенно другого вопроса, а не вопроса о протекторате. На беседе присутствовал министр юстиции. Во время этой беседы был поднят вначале вопрос чисто юридического порядка, а именно вопрос об обращении с участниками движения Соппротивления. Вот, что послужило поводом. Для этого в Берлин прибыл и Франк. Я, будучи в то время также в Берлине, сделал фюреру доклад, но не относительно того меморандума, который был у меня в руках, а относительно будущей политики в протекторате.

Максуэлл-Файф: Я хочу напомнить вам, подсудимый, что в том отрывке из вашего меморандума, на который я сослался, вы выдвигали на первое место создание великой Германской империи. Я понимаю это таким образом. Вы представили себе, что после победы Германии в войне чешская территория Чехословакии останется частью великой Германской империи.

Нейрат: Но она была уже расчленена. Здесь совершенно точно сказано, что протекторат должен оставаться протекторатом, то есть иметь особое государственное устройство.

Рагинский: Вчера вы здесь утверждали, что еще в 1936 году у вас были серьезные расхождения с Гитлером и в связи с этим 27 июля 1936 г. вы просили освободить вас от поста министра. Но вы разве не писали тогда Гитлеру: «И даже в том случае, если я не буду больше министром, я всегда к вашим услугам, если вы этого пожелаете, со своим советом и со своим многолетним опытом в области внешней политики?»

Вы писали так в своем письме Гитлеру?

Нейрат: Да.

Рагинский: И обещания, которые давали Гитлеру, вы выполняли? Всегда, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные действия Гитлера, как это имело место при захвате Судетской области, вторжении в Чехословакию и т. д., вы приходили к Гитлеру на помощь своим опытом, не так ли?

Нейрат: Наоборот, как я уже говорил здесь, Гитлер лишь один раз призвал меня к себе. Это было в последние дни перед присоединением Австрии. На этом моя деятельность закончилась.

Рагинский: Я хочу вам задать еще один вопрос по меморандуму Фредериче, не повторяя здесь того, что уже здесь говорилось по поводу этого меморандума. В этом меморандуме, в заключительной части, указывается:

«Если управление протектората будет находиться в твердых и надежных руках и руководствоваться только приказом фюрера от 16 марта 1939 г., — территория Богемии и Моравии станет постепенно неотъемлемой частью Германии».

Скажите, для этой цели Гитлер именно вас назначил протектором?

Нейрат: Об этом не может быть и речи, это вовсе не было причиной.

Рагинский: Значит, вы отрицательно отвечаете на вопрос, что именно вы были тем человеком, который должен был завершить захват Чехословакии?

Нейрат: На это я могу ответить только «нет».

Рагинский: Вы признаете, что вы являлись в протекторате единственным представителем фюрера и имперского правительства и непосредственно подчинялись Гитлеру?

Нейрат: Да, это правильно.

Рагинский: Вы признаете, что все органы власти и учреждения империи, за исключением вооруженных сил, подчинялись вам?

Нейрат: К сожалению, я должен сказать, что это — ошибка. В том же самом декрете от 1 сентября 1939 г. об этом также сказано. Кроме того, имелся целый ряд органов и имперских инстанций, которые мне не подчинялись.

Рагинский: Что вы считаете ошибкой: то, что вы сейчас говорите, или то, как вы толкуете декрет? Я тогда зачитаю параграф 1 декрета от 1 сентября 1939 г. Там говорится: «Все органы власти и учреждения империи в протекторате Богемия и Моравия, за исключением вооруженных сил, подчиняются имперскому протектору». А в параграфе 3 сказано: «Ведомству имперского протектора подчиняются все органы администрации, за исключением вооруженных сил».

Как видите, здесь совершенно четко и определенно указывается, что все имперские органы власти подчинялись вам, а вы, в свою очередь, были подчинены непосредственно Гитлеру.

Нейрат: Я должен еще раз сказать: административные органы — да, но кроме них существовал и целый ряд имперских инстанций, которые мне не подчинялись, например управление по четырехлетнему плану.

Рагинский: Теперь перейдем к вопросу о подчиненности полиции. На вопросы вашего защитника вы сообщили Трибуналу, что параграф 13 декрета от 1 сентября, подписанного Герингом, Фриком и Ламмерсом вам был непонятен,

Обратимся к другим параграфам этого раздела, устанавливающего подведомственность полиции.

Параграф 11 гласит: «Органы германской полиции безопасности в протекторате Богемии и Моравии обязаны расследовать все враждебные государству и народу настроения на территории протектората, бороться с ними, собирать результаты этих расследований и делать из них соответствующие выводы».

осведомлять имперского протектора, а также и подчиненные ему учреждения и держать их в курсе важных для них событий и давать советы».

В параграфе 14 этого же декрета говорится «Имперский министр внутренних дел, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции с ведома имперского протектора Богемии и Моравии издают правовые и административные положения».

Таким образом, из этого декрета полностью устанавливается, что полиция и СС обязаны были вас осведомлять о всех своих мероприятиях, и, более того, все административные и правовые акты и мероприятия проводились с вашего ведома. Вы это признаете?

Нейрат: Нет, это неправильно. Вначале следует сказать, что в этом декрете говорится о том, что они должны меня осведомлять, но это не проводилось в жизнь, и Гиммлер просто запретил это делать.

Наконец, второй момент, а именно, что административные мероприятия должны были проводиться после того, как я давал свое согласие, или после того, как я был осведомлен. Такой метод никогда не применялся.

Рагинский: Вы это отрицаете?

Нейрат: Да, отрицаю.

Рагинский: Я предъявляю показания Карла Германа Франка от 7 марта 1946 г. по вопросу о подчиненности полиции.

Карл Герман Франк при допросе показал: «После издания приказа о структуре германской администрации в протекторате и германской полиции безопасности все германские власти и учреждения, за исключением вооруженных сил в протекторате, а также вся полиция формально были подчинены имперскому протектору и были обязаны выполнять его директивы.

Вследствие этого полиция безопасности должна была выполнять принципиальные политические установки, даваемые имперским протектором. Приказ о проведении государственно-полицейских мероприятий в основном давался главным имперским управлением безопасности в Берлине через командующего полицией безопасности. Если имперский протектор хотел самостоятельно провести какое-нибудь государственно-полицейское мероприятие, то он должен был получить на это согласие главного имперского управления безопасности в Берлине.

То же самое относилось и к директиве по проведению государственно-полицейских мер, данных высшим руководителям СС и полиции и командующим полиции безопасности».

Я прошу обратить внимание на абзац, который я сейчас зачитаю: «Такой порядок служебного подчинения и дачи директив имел силу во все время существования протектората и применялся в таком виде Нейратом в протекторате. В общем имперский протектор имел возможность по своей собственной инициативе давать директивы государственной полиции через командующего полицией безопасности. Что касается службы безопасности, которая не имела исполнительной власти, то права имперского протектора в отношении дачи директив для СД были значительно шире и не зависели ни при каких обстоятельствах от согласия главного имперского управления безопасности».

Вы подтверждаете эти показания Франка?

Нейрат: Нет.

Рагинский: Чтобы не тратить времени, я сейчас оглашу следующий документ.

Начальник полиции безопасности 21 июля 1939 г. обратился к вашему статс-секретарю и высшему руководителю СС и полиции Карлу Герману Франку с письмом следующего содержания: «Своим приказом от 5 мая 1939 г. господин рейхспротектор Богемии и Моравии назначил фюрера СД и командующего полицией безопасности своим политическим референтом. Как мною установлено, приказ этот до настоящего времени еще не опубликован и не проведен в жизнь. Прошу обеспечить проведение этого приказа в жизнь. Доктор Бест».

Вы вспомнили сейчас свой приказ?

Нейрат: В настоящий момент я не могу вспомнить об этом приказе. Я могу вспомнить лишь о том, что он никогда не был проведен в жизнь, так как я не хотел иметь у себя на должности политического референта — фюрера СД.

Рагинский: Я вас спрашиваю: признаете ли вы, что своим приказом от августа 1939 года вы установили систему заложников?

В этом приказе сказано: «Ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население. Это значит, что персонально наказываются не только виновные, а наказания распространяются и на невиновных».

Этот ваш приказ послужил началом массового террора против чехословацкого народа.

Нейрат: Никоим образом. Это лишь означало, что моральная ответственность за эти деяния должна была возлагаться на чешский народ.

Рагинский: А разве в Лидице не был применен на практике этот ваш приказ? Разве речь шла только о моральной ответственности?

Нейрат: Да.

Рагинский: В этом приказе вы указываете: «Кто не учтет важности этих мероприятий, будет признан врагом рейха».

Разве вы расправлялись с врагами рейха, возлагая на них лишь моральную ответственность?

Нейрат: Да. Если кто-либо не подчинялся приказу, то его, естественно, наказывали.

Рагинский: Итак, этим своим приказом от августа 1939 года вы положили начало массовому террору и наказанию невиновных лиц. Вот и все, что я хотел установить.

А теперь я оглашу выдержку из показаний бывшего чехословацкого министра финансов Йосифа Кальфуса от 8 ноября 1945 г. Кальфус показал:

«Экономическая система, введенная Нейратом и вслед за ним другими органами немецкой администрации, была не чем иным, как систематически организованным грабежом. Что касается занятия важнейших постов в чешской промышленности и в области финансовой, нужно отметить, что вместе с Нейратом в стране начала действовать мощная экономическая машина, которая немедленно захватила главные посты в производстве. Заводы Шкода, военные заводы в Брно, сталелитейные заводы в Витковицах, важнейшие банки: Богемский дисконтный банк, Богемский объединенный банк — были также захвачены».

Вы подтверждаете эти показания?

Нейрат: Никоим образом.

Рагинский: Бывший президент Чехии Рихард Бинерт на допросе 8 ноября 1945 г. показал: «Когда мы познакомились с ним ближе, мы заметили, что он, Нейрат, немилосерден к чехам. Как чешский областной президент, я знал, что это Нейрат подчинил политическую администрацию Чехии и Моравии немецкому контролю, как администрацию государственную, так и местные управления. Я помню также, что Нейрат распустил школьные областные советы и вместо них назначил немецких школьных инспекторов. Он приказал распустить институт областных представителей; по его инициативе чешские рабочие посылались в Германию в апреле 1939 года на работу для повышения военного потенциала Германии. Он приказал закрыть университеты и многие средние и начальные школы. Он распустил чешские гимнастические объединения и организации «Соккол» и «Орел», приказал конфисковать все имущество этих обществ, он закрыл чешские дома отдыха и санатории для молодых рабочих и распорядился конфисковать их имущество. Гестапо производило аресты, но только по распоряжению

рейхспротектора. Лично я тоже был арестован 1 сентября 1939 г.».

Вы эти показания тоже не подтверждаете?

Нейрат: Нет.

Рагинский: Хорошо. Посмотрим другие показания: бывший премьер так называемого «правительства» протектората Крейчи на допросе 8 ноября 1945 г. показал: «Я знаю, что гимнастические организации были распущены, их имущество конфисковано по распоряжению рейхспротектора и их денежные фонды и оборудование были переданы немецким организациям СС, СА, «Гитлерюгенд» и т. д... 1 сентября 1939 г., когда немецкая армия напала на Польшу, были произведены аресты в широком масштабе, главным образом были арестованы офицеры, интеллигенция и высшие политические деятели. Аресты производило гестапо, но они не могли быть произведены без одобрения рейхспротектора».

...Что касается евреев, то рейхспротектор принуждал правительство протектората к действиям против евреев, но так как это не имело успеха, немцы из канцелярии рейхспротектора стали преследовать евреев согласно немецким законам. Результатом явилось то, что десятки тысяч евреев были казнены и их имущество конфисковано».

Вы будете отрицать и эти показания?

Нейрат: Относительно упомянутых вами вначале приказов о гимнастических обществах я хочу сказать следующее.

Это было мероприятием, проведенным полицией и не по моей инициативе; и затем я еще раз повторяю, что аресты в начале войны проводились гестапо по прямым приказам из Берлина, причем я о них вообще ничего не знал. Я узнавал об этом впоследствии. Наконец, что касается упомянутой вами еврейской проблемы, то содержащееся в Обвинительном заключении утверждение относительно того, будто я просил правительство протектората ввести германские законы против евреев, является неправильным. Я или мой статс-секретарь, насколько я помню, не говорили с Элиасом, я никогда не говорил с ним. Я говорил потом лишь с Гаха по другому поводу, а именно тогда, когда пытались ввести расовые законы и законы против чехов. Гаха противился этому, и я ему заявил, что я беру на себя ответственность за это и ему не нужно этого делать. Введение законов против евреев было, однако, проведено согласно моим указаниям, так как я уже в начале апреля 1939 года получил распоряжение ввести эти законы в присоединенном к империи протекторате. Я все время оттягивал введение этих законов путем различных запросов в Берлин, чтобы дать

евреям время как-нибудь устроиться за этот период. Вот таковы факты.

Рагинский: Скажите, вам известен доктор Гавелка?

Нейрат: Да, я знаю Гавелка.

Рагинский: Он был в курсе ваших переговоров с Гаха?

Нейрат: В какой степени он был осведомлен обо всем этом, я не знаю. Гавелка был у меня раза два или три. Он был, кажется, министром транспорта.

Рагинский: Совершенно верно, он был министром транспорта, но до этого он был начальником канцелярии Гаха.

Нейрат: Да.

Рагинский: Гавелка на допросе 9 ноября прошлого года дал следующие показания: «Он, Нейрат, не был заинтересован в чешском народе, а потому все ходатайства кабинета министров и Гаха, касающиеся чешских требований, были в общем безрезультатными. Известны следующие факты: арест чешских офицеров, интеллигенции, чешских legionеров первой мировой войны и политических деятелей. Во время нападения Германии на Польшу было арестовано от 6 до 8 тысяч человек, — они являлись заложниками. Затем немцы назвали их «почетными заключенными». Большинство из этих заложников вовсе не были допрошены, и все шаги, предпринятые в канцелярии рейхспротектора в пользу этих несчастных людей, не имели результатов. Нейрат, как единственный представитель германского правительства на территории протектората Чехии и Моравии, несет ответственность за казнь девяти студентов 17 ноября 1939 г.»

Вы подтверждаете эту часть показаний, которую я огласил, относительно ареста заложников?

Нейрат: Я сказал и повторяю еще раз, что эти аресты производились гестапо без моего ведома. Утверждение Гавелка о том, что в отношении большинства этих заложников с моей стороны не было принято никаких шагов в их пользу, — неправильно.

Рагинский: Хорошо, перейдем к следующему вопросу. Здесь, на Суде, неоднократно приводился документ под номером СССР-223. Это дневник подсудимого Франка. В этом дневнике указывалось следующее: «Во время интервью с корреспондентом «Фелькишер беобахтер» 6 февраля 1940 г. подсудимый Франк заявил: «В Праге были, например, вывешены красные плакаты, оповещающие о том, что сегодня расстреляно семь чехов». Тогда я сказал себе: «Если бы я захотел отдать приказ о том, чтобы вывешивали плакаты о каждых семи расстрелянных поляках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы заготовить бумагу для этих плакатов».

Скажите, в Праге действительно вывешивались эти красные плакаты?

Нейрат: Я вчера сказал, что на этом плакате злоумышленно была поставлена моя подпись, я его предварительно даже не видел.

Рагинский: Если вы не видели, то посмотрите. Вам сейчас передадут этот плакат.

Нейрат: Я хорошо знаю этот плакат.

Рагинский: Я хотел бы огласить это сообщение. Текст его следующий: «Несмотря на неоднократные серьезные предупреждения, с некоторых пор группа чешской интеллигенции в сотрудничестве с эмигрантскими кругами за границей делает попытку путем небольших и крупных актов сопротивления нарушить покой и порядок в протекторате Богемии и Моравии. При этом удалось установить, что зачинщики этих актов сопротивления находятся, в частности, в чешских высших школах. Ввиду того что 28 октября и 15 ноября эти элементы позволили увлечь себя на активную борьбу против отдельных немцев, были на три года закрыты чешские высшие школы, расстреляны девять виновников и арестовано большое количество участников. Подпись: имперский протектор Богемии и Моравии барон фон Нейрат, Прага, 17 ноября 1939 г.»

Вы утверждаете, что не подписывали этого сообщения?

Нейрат: Я рассказал, при каких обстоятельствах было издано это сообщение, а именно: оно было издано во время моего отсутствия.

Рагинский: Я оглашу показания вашего ближайшего помощника Карла Германа Франка от 26 ноября 1945 г. по этому вопросу.

Карл Герман Франк, давая показания об этом сообщении, текст которого я только что зачитывал, заявил: «Этот документ был датирован 17 ноября 1939 г. и подписан фон Нейратом, который не протестовал ни против расстрела девяти студентов, ни против числа студентов, которые должны были быть отправлены в концентрационные лагеря, а также не требовал никаких других изменений».

Вы слышали эти показания?

Нейрат: Да, я читал их.

Рагинский: Вы отрицаете их?

Нейрат: Да.

Рагинский: Вы продолжаете утверждать, что полиция никогда не информировала вас о проводимых арестах и других полицейских мерах? Вы это утверждаете?

Нейрат: Я не сказал, что полиция никогда не осведомляла меня о них. Я хочу сказать, что я узнавал об этом впо-

следствии, причем эти сведения поступали ко мне из чешских источников.

Рагинский: А не было ли такого положения, чтобы полиция регулярно вам докладывала о важнейших событиях?

Нейрат: Нет, ни в коем случае. В частности, я никогда не узнавал о том, что она задумала или намеревалась сделать. Если я и узнавал об этом, то только позже или в том случае, если я узнавал об этом из чешских кругов, а затем уже сам наводил справки в полиции об этом.

Рагинский: Я зачитаю вам выдержку из показаний Карла Германа Франка от 7 марта 1946 г.

«Имперский протектор фон Нейрат, — показывает Франк, — регулярно заслушивал доклады относительно важнейших событий в протекторате, имевших отношение к полиции безопасности, как от меня — статс-секретаря, так и от командующего полицией безопасности. Например, Нейрат получил информацию об инциденте с демонстрацией в Судетской области в ноябре 1939 года от меня и от командующего полицией безопасности. В этом случае Гитлер дал прямой приказ, который требовал расстрела всех зачинщиков. Количество зачинщиков было установлено пражским гестапо и сообщено имперскому протектору. В данном случае определение зачинщиков было представлено государственной полицией, причем окончательное решение принимал имперский протектор. Имперский протектор фон Нейрат своей подписью, которую он поставил под официальным сообщением о расстреле студентов, утвердил эту акцию. Я точно проинформировал Нейрата о ходе расследования, и он подписал сообщение. Если бы он не был с этим согласен и потребовал бы изменения, например, смягчения меры наказания, на что он имел право, — я бы должен был присоединиться к его мнению».

Вы отрицаете и эти показания?

Нейрат: ...Меня тогда вообще не было в Праге.

...Рагинский: В феврале 1943 года в связи с вашим юбилеем в очень многих газетах были опубликованы специальные статьи, посвященные вам. Я не собираюсь предъявлять Суду все эти газеты и зачитывать их, я только хочу процитировать две выдержки из газеты «Френкишер Курир» от 2 февраля 1943 г. Вот что там написано: «После прихода к власти самыми яркими политическими событиями, в которых барон фон Нейрат как имперский министр иностранных дел играл решающую роль и с которыми вечно будет связано его имя, являются: уход с конференции по разоружению в Женеве, возвращение Саарской области, денонсирование Локарнского договора».

И далее: «Имперский протектор барон фон Нейрат за его выдающуюся работу был неоднократно награжден фюрером, он получил золотой почетный партийный значок, получил звание группенфюрера СС, является кавалером германского ордена «Орел» и золотого значка «За верную службу»; признавая его особые заслуги в осуществлении военных задач, фюрер наградил его, имперского протектора Богемии и Моравии, крестом за военные заслуги первого класса».

Скажите, подсудимый Нейрат, правильно ли освещены в этой статье факты?

Нейрат: То, что сказано о наградах, — правильно, все остальное — неправильно.

ДОПРОС ФРИЧЕ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 28 июня 1946 г.]

Руденко: Подсудимый Фриче, я хочу начать ваш допрос с выяснения роли, которую играла немецкая пропаганда в преступной деятельности гитлеровского правительства. Скажите, вы признаете, что немецкая пропаганда распространяла расовую теорию и внедряла в сознание немецкого народа идеи превосходства немецкой расы?

Фриче: Я признаю, что немецкая пропаганда распространяла расовую теорию...

Руденко: Вы признаете, что проводившаяся гитлеровским правительством пропаганда, связанная с так называемой проблемой расширения жизненного пространства Германии, развивала и культивировала в немецком народе милитаристские стремления?

Фриче: Я отрицаю это.

Руденко: Вы признаете, что немецкая пропаганда использовала провокационные методы, ложь и клевету для того, чтобы замаскировать агрессивные планы гитлеровского правительства?

Фриче: Я утверждаю, что немецкая пропаганда во время проведения всех мероприятий, начиная с занятия Рейнской области и кончая нападением на Советский Союз, представляла немецкому народу положение таким образом, чтобы он верил в правоту своего дела, но, с другой стороны, и я уже подчеркивал, когда это произошло, я понял, что все здание этой аргументации покоилось на фундаменте, который был неустойчив.

Руденко: То есть на фундаменте лжи и клеветы?

Фриче: Нет.

Руденко: Вам, конечно, было известно, что в ОКВ существовал специальный отдел пропаганды?

Фриче: Это было мне известно.

Руденко: Меня интересует, какие отношения существовали между министерством пропаганды и ОКВ?

Фриче: Я не могу сказать вообще, каковы были отношения между министерством пропаганды и ОКВ. Но зато я могу дать самые точные показания об отношениях между министерством пропаганды и только что упомянутым вами отделом пропаганды ОКВ. От этого отдела в министерском бюро Геббельса имелся специальный представитель, который ежедневно присутствовал на конференциях в министерстве. По существу он всегда находился вблизи Геббельса.

Руденко: Кем давались пропагандистские задания и установки для ОКВ?

Фриче: Я могу себе это представить только следующим образом. Я думаю, что пропагандистские задания в ОКВ формулировались на основании указаний Геббельса и на основании указаний начальника ОКВ, то есть Кейтеля или Йодля.

Руденко: Как общегерманская пропаганда использовалась в связи с пропагандистскими мероприятиями, проводившимися ОКВ?

Фриче: Очевидно, эта пропаганда просто включалась в пропагандистские мероприятия ОКВ, так как Геббельс был настолько влиятельной личностью, что он никогда не допустил бы игнорирования своих пропагандистских установок.

Руденко: Я прошу ответить, какие взаимоотношения существовали между министерством пропаганды и министерством иностранных дел?

Фриче: Взаимоотношения иногда бывали напряженными, но за последние годы войны представитель министерства иностранных дел всегда принимал участие в так называемых министерских совещаниях в министерстве пропаганды.

Руденко: Какую роль играло министерство иностранных дел в проведении пропагандистских мероприятий, в особенности касавшихся подготовки и осуществления агрессивных войн?

Фриче: Я хотел бы ответить на этот вопрос следующее: в тот момент, когда начиналось какое-либо мероприятие или война, всегда появлялся представитель министерства иностранных дел с готовой книгой документов, так называемой «белой книгой». Как создавались эти «белые книги», мне неизвестно. Во всяком случае, они составлялись не в министерстве пропаганды, и в некоторых случаях я позднее кое-что узнавал о том, как они разрабатывались в министерстве иностранных дел.

Руденко: Правильно будет сделать такой вывод, что министерство иностранных дел принимало самое непосредственное и активное участие в разработке пропагандистских заданий и установок?

Фриче: Это без сомнения правильно хотя бы потому, что министр иностранных дел оставлял за собой в области

пропаганды решающий голос в вопросах, касающихся внешней политики, а также в вопросах той пропаганды, которая была предназначена для заграницы.

Руденко: Говоря о министре иностранных дел, вы имеете в виду подсудимого Риббентропа?

Фриче: Само собой разумеется.

Руденко: Вы подтверждаете, что подсудимый Риббентроп лично давал пропагандистские задания объяснять войну с Советским Союзом как превентивную войну?

Фриче: На этот вопрос нельзя ответить просто «да» или «нет». Нужно коротко осветить факты.

Тогдашний министр иностранных дел фон Риббентроп принял представителей иностранной и немецкой печати рано утром в тот день, когда начался поход на Россию. Он представил им «белую книгу», произнес речь, разъясняющую положение вещей, а в заключение подчеркнул (я передаю не дословно, а по смыслу):

«На основании всех этих причин Германия была вынуждена предпринять это наступление на Советский Союз для того, чтобы опередить советское наступление. И я прошу вас освещать дело именно таким образом».

Руденко: Скажите, какие взаимоотношения существовали между министерством пропаганды и так называемым министерством восточных оккупированных территорий? Объясните в связи с этим, каким образом осуществлялась связь между этими двумя министерствами?

Фриче: Имелся человек, постоянно осуществлявший связь, который одновременно был сотрудником министерства пропаганды и сотрудником министерства по делам оккупированных восточных территорий.

Кроме того, имелось особое учреждение, которое было создано обоими министерствами, и управление его осуществлялось также этими министерствами. Это учреждение под названием «Бинета» осуществляло всю пропаганду на Востоке.

Руденко: В каком порядке и кем именно разрабатывались пропагандистские пароли или лозунги, как это было принято у вас называть, для оккупированных восточных территорий?

Фриче: Я не могу показать этого под присягой, так как я не знаю этого точно. Но я предполагаю, что они разрабатывались на основании тех принципов, которые существовали для общей пропаганды.

Руденко: Хорошо, но вы, очевидно, знаете и скажете об этом — руководящее влияние министерства пропаганды в этих мероприятиях сохранилось?

Фриче: Непременно. Здесь министерство пропаганды, без сомнения, имело перевес в области инициативы и влияния.

Руденко: Скажите, какое влияние оказывал на немецкую пропаганду подсудимый Борман, какая роль принадлежала ему?

Фриче: Эта роль чрезвычайно значительна.

Руденко: Теперь перейдем к выяснению вашей личной роли и вашего личного участия в деятельности немецкой пропаганды... В каких взаимоотношениях вы находились с Геббельсом?

Фриче: ...Личная связь была незначительна; по служебной линии связь с течением времени все укреплялась.

Руденко: Вы пользовались полным и безграничным доверием Геббельса и проводили свою работу в министерстве пропаганды, имея широкие полномочия? Вы это признаете?

Фриче: Непременно.

Руденко: Таким образом, пользуясь доверием и располагая широкими полномочиями, вы в своих выступлениях целиком и полностью отражали требования гитлеровского правительства, предъявляемые им к немецкой пропаганде? Это правильно?

Фриче: Да, как раз в том объеме, о котором я говорил.

Руденко: Сейчас я оглашу выдержки из ваших показаний от 12 сентября 1945 г. Этот документ я представляю под номером СССР-474. Я буду оглашать выдержку 1.

«На протяжении длительного времени я являлся одним из руководителей германской пропаганды. Надо сказать, что Геббельс ценил меня как убежденного национал-социалиста и способного журналиста, вследствие чего в аппарате германской пропаганды я являлся его доверенным человеком».

Это правильно?

Фриче: Это я признаю.

Руденко: Скажите, вы организовали в составе руководимого вами отдела немецкой прессы специальную службу «шнельдинст» (служба скорости), которая снабжала немецкую прессу провокационным материалом. Вы это признаете?

Фриче: Если вы согласитесь вычеркнуть выражение «провокационным» и заменить его выражением «материалом для пропаганды», то я это признаю.

Руденко: Скажите, ваши выступления по радио, которые именовались «Ганс Фриче говорит», — воспринимались как правительственные и официальные сообщения?

Фриче: Это были, сами по себе, личные мои работы, но эти личные работы, оглашаемые публично, причем работы министра-директора из министерства пропаганды и руководителя немецкого радио, разумеется, воспринимались как

официозные, не как официальные, а именно как официозные, и с этим фактом мне приходилось считаться.

Руденко: Сейчас я хочу обратиться к показаниям Фердинанда Шернера, которые я представил Трибуналу под номером СССР-472. Я хочу огласить выдержку 2.

«Мне известно, что Фриче был видным работником министерства пропаганды, весьма популярным в национал-социалистских кругах и в германском народе. Широкую известность он приобрел своими еженедельными военно-политическими международными обзорами по радио. Мне приходилось часто слушать выступления Фриче как в мирное время, так и во время войны. Его выступления, проникнутые фанатичной преданностью фюреру и национал-социализму, я воспринимал как директивы партийного и правительственного руководства».

Вы согласны с такой оценкой?

Фриче: У меня нет возражений против этой цитаты.

Руденко: Я сейчас, господа судьи, представлю под номером СССР-471 показания Ганса Фосса. Подсудимый Фриче, вам знакомо имя вице-адмирала Ганса Фосса?

Фриче: Имя мне известно, но этого человека я не знаю.

Руденко: Обратите внимание на выдержку 1. Я читаю: «Будучи полностью предан Гитлеру и национал-социалистской партии, Фриче оказал им неоценимую услугу в смысле распространения национал-социализма в Германии».

Это соответствует действительности?

Фриче: Во всяком случае, я не буду возражать против этого.

Руденко: Теперь я хочу вас спросить по вопросу вашего отношения к расовой теории. Вы разделяли эту теорию?

Фриче: Так точно, я разделял ее.

Руденко: Я хочу возвратиться вновь к показаниям Ганса Фосса. Обратите внимание на выдержку 2. Читаю: «Фриче умело влиял на умы немцев, убеждая их, что именно они, немцы, являются высшей расой и поэтому должны управлять другими народами, как своими рабами». Это соответствует действительности?

Фриче: Нет, это не соответствует действительности.

Руденко: Вам известно имя генерал-лейтенанта Рейнера Штагеля? Это бывший комендант Варшавы?

Фриче: Я не знаю этой фамилии.

Руденко: Сейчас вам дадут документ. Это документ, господин председатель, СССР-473; это — показания Рейнера Штагеля от 15 сентября 1945 г. Я оглашаю первую выдержку: «Геббельс и Фриче принимали все меры к тому, чтобы популяризовать среди немцев расовую теорию и убедить их в том, что немцы являются господствующей расой, а остальные народы

как низшие должны быть подчинены германской расе господ. Для того чтобы убедить в этом немцев и заставить их поверить в эту теорию, руководимое Геббельсом и Фриче министерство пропаганды выпустило до войны большое количество кинофильмов, книг, брошюр, журналов и другой литературы, в которой авторы старались доказать превосходство немцев над другими нациями. Нужно сказать, что в результате деятельности Геббельса и Фриче расовая теория заняла довольно прочное место в сознании значительной части немецкого народа. Это способствовало тому, что в ходе войны германские солдаты и офицеры, усвоившие наставления руководителей германской пропаганды, совершали злодеяния над мирным населением».

Скажите, Рейнер Штагель правильно освещает вашу роль в пропагандировании расовой теории?

Фриче: Нет.

Руденко: Я перехожу к вопросам, связанным с пропагандой в связи с подготовкой агрессивных планов гитлеровской Германии. Чтобы сократить допрос, я оглашу часть ваших собственных показаний от 12 сентября 1945 г. Следите по тексту.

«Для того чтобы оправдать этот агрессивный акт, — речь идет об аншлюссе, — Геббельс дал указание повести против Австрии враждебную кампанию, в частности, он поручил мне изъять из архива старые материалы, компрометирующие в какой-либо мере Австрийское правительство, и опубликовать в печати. При этом Геббельс подчеркнул, что публикуемые материалы должны, прежде всего, свидетельствовать о том, что австрийский народ имеет желание присоединиться к Германии, и о том, что австрийцы, ориентирующиеся на Германию, австрийским правительством преследуются. Кроме того, Геббельс говорил, что германская пресса должна указывать, что немцев, проживающих в Австрии, австрийское правительство систематически притесняет и даже проводит против них массовые репрессивные мероприятия».

Я спрашиваю вас, подсудимый, Фриче, вы это признаете?

Фриче: Нет.

Руденко: Из этих же показаний я хочу огласить следующий абзац, в котором говорится:

«При оккупации Германией Чехословакии, Бельгии, Дании, Польши, Норвегии и Балканских стран я, по указанию Геббельса, также организовывал аналогичные клеветнические кампании. В каждом таком случае я выискивал какие-либо старые архивные материалы, компрометирующие правительства этих стран перед Германией, и, снабжая их своими комментариями, пытался, таким образом, оправдать тот или иной агрессивный акт Германии».

Это вы тоже отрицаете?

Фриче: Да, в такой форме я это отрицаю.

Руденко: Вы не станете отрицать, что против всех этих стран, перечисленных в показании, действительно велась пропаганда в целях агрессии?

Фриче: Я не оспариваю ваше последнее дополнение. Я признаю, что такая пропаганда велась.

Руденко: Хорошо. Я хотел бы в дополнение к этому огласить показания Фердинанда Шернера. В своих показаниях он говорил:

«Политическая деятельность Фриче на посту правительственного радиокомментатора была подчинена главной задаче национал-социализма — развязать мировую войну против демократических народов и всеми средствами способствовать победе германского оружия. Главным методом Фриче, который он применял на протяжении многих лет своей деятельности, как я впоследствии понял, был сознательный обман германского народа. Я говорю об этом потому, что мы, солдаты, особенно остро чувствовали этот обман, так как, вопреки лживым причитаниям Фриче, мы знали действительное соотношение сил на фронте, знали подлинную обстановку. Основная вина таких людей, как Фриче, заключается в том, что они знали истинное положение вещей, однако, несмотря на это, исходя из преступных побуждений гитлеровского правительства, заведомо преподносили народу ложь».

Скажите, подсудимый Фриче, такая оценка и характеристика деятельности немецкой пропаганды соответствует действительности?

Фриче: Шернера я никогда не видел, я его не знаю и не говорил с ним. Я удивился бы, если бы он мог дать оценку того, сознательно или несознательно я говорил где-нибудь что-либо ложное.

Руденко: Перейдем дальше. Я спрашиваю вас, известны вам были документы о проведении операции «Грюн» против Чехословакии, документы о нападении на Польшу, о нападении на Югославию и о проведении пропаганды в связи с этим?

Фриче: С документами по плану «Грюн» и другими я ознакомился впервые здесь и слышал о них здесь впервые.

Руденко: Вам сейчас дадут документ СССР-493 о вашем выступлении по радио в связи с нападением на Польшу. Это выступление состоялось 29 августа 1939 г. Оно было направлено уже заранее на объяснение причин нападения Германии на Польшу. Я не намерен оглашать его, но смысл заключается в том, что уже тогда вы говорили о готовности в любой момент к серьезной неожиданности.

Вы ознакомились с этим документом?

Фриче: Да.

Руденко: Вы не отрицаете, что именно вы 29 августа 1939 г. выступали с этим заявлением?

Фриче: Нет, этого я, конечно, не оспариваю и не отрицаю.

Руденко: Я вас спрашиваю, вы лично верили в эти объяснения неизбежности войны с Польшей?

Фриче: О том, считал ли я в тот момент, что война будет неизбежна, я не в состоянии сейчас сказать.

Руденко: Вы 9 апреля 1940 г. выступили с объяснением причин оккупации Норвегии. Сейчас вам передадут выдержку из этого вашего выступления.

Я оглашу небольшой абзац из этого выступления:

«Тот факт, что германские солдаты были вынуждены выполнять свои обязанности в связи с нарушением Англией норвежского нейтралитета, не привел к войне, а окончился мирными действиями. Никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и ежедневный труд текли обычным путем».

Это была ложь? Вы это признаете или станете отрицать?

Фриче: Нет, это была не ложь...

Руденко: А теперь я вам предъявлю документ «Правительственный доклад Норвежского правительства», который уже представлен Трибуналу французским обвинением под номером РФ-72.

Послушайте, подсудимый Фриче, как вы правдиво освещали положение в Норвегии. Послушайте, что говорится в правительственном отчете Норвежского правительства. Я цитирую:

«Германское нападение на Норвегию 9 апреля 1940 г. ввергло Норвегию в войну впервые за 126 лет. В течение двух месяцев война велась по всей стране, принося разрушения, исчисляющиеся в 250 миллионов крон».

И далее: «Более 40 тысяч домов было повреждено и разрушено и около тысячи человек из числа гражданского населения убито».

Так обстояло положение в действительности. Вы признаете, что ваши выступления 9 апреля и 2 мая 1940 г. были очередными клеветническими выступлениями?

Фриче: Нет, я этого не признаю. Я констатирую, что Вы, господин обвинитель, при предъявлении этой выдержки не посчитались с тем, что в своем выступлении я говорил о том, что я видел сам при своей поездке в Гольдбраунталь. Таким образом, мое описание совершенно не противоречит утверждению Норвежского правительства о том, что во время этой акции Норвегии был нанесен такой значительный ущерб и имели место такие потери.

Руденко: Я перехожу к группе вопросов, связанных с вашим участием в проведении пропаганды в связи с подготовкой нападения на Советский Союз. Вы утверждаете, что

о подготовке нападения на СССР вы ничего не знали до того момента, когда немецкие войска уже вторглись на территорию СССР и вы были вызваны Риббентропом в министерство иностранных дел на пресс-конференцию. Так я понял ваши показания?

Фриче: Нет, уже за несколько часов до этого, то есть вечером предшествовавшего дня, Геббельс вызвал отдельных руководителей управления министерства пропаганды к себе на дом в Ванзее, сообщил им об этих фактах и запретил им уходить и звонить по телефону. Вот когда я впервые по-настоящему узнал о предстоящих событиях.

Руденко: Вы утверждаете также, что об агрессивных целях нападения Германии на СССР вам стало известно лишь в 1942 году, причем в результате ваших личных наблюдений? Это правильно?

Фриче: ...У меня были некоторые сомнения в правильности кое-каких германских официальных обоснований этого нападения, впервые такие сомнения у меня возникли в тюрьме.

Руденко: Я вам напомню один абзац из вашего заявления. Это документ, который вы полностью здесь подтверждаете. Здесь в параграфе 42 говорится:

«В начале 1942 года, будучи солдатом на восточном театре военных действий, я увидел, что ранее были произведены большие приготовления для занятия и укрепления территории, простирающейся вплоть до Крыма. Основываясь на моих собственных наблюдениях, я пришел к заключению, что планы войны против Советского Союза подготавливались задолго до ее начала». Это ваше заявление правильно?

Фриче: Да.

Руденко: Я хотел бы вам напомнить еще два документа, связанные с проведением пропаганды в связи с подготовкой и нападением на Советский Союз. Я имею в виду протокольную запись совещания у Гитлера от 16 июля 1941 г. Сейчас вам дадут этот документ и я процитирую один или два абзаца. Цитирую второй абзац на странице 1:

«Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустремлений перед всем миром, — это, к тому же, вовсе не нужно. Ни в коем случае не следует осложнять наш путь излишними объяснениями. Подобного рода объяснения являются излишними, ибо мы можем сделать все, поскольку у нас хватит власти, а что лежит за пределами нашей власти, мы и без того сделать не можем».

И дальше: «Мотивировка наших действий перед миром должна исходить из тактических соображений. Мы должны поступать здесь таким же образом, как в случаях с Норвегией, Данией, Голландией, Бельгией. И в этих случаях мы ведь ничего

не говорили о наших намерениях и впредь мы будем такими же разумными и не будем этого делать».

Вам было известно о подобного рода установках Гитлера?

Фриче: Нет, о таких указаниях мне не было известно, но... тот факт, что такие замечания и указания были представлены на этом процессе, заставил меня осознать, как я уже сказал, то, что некоторые предпосылки нашей пропаганды не имеют оснований.

Руденко: Вам также не были известны указания о применении пропаганды в районе «Барбаросса», изданные ОКВ и подписанные подсудимым Иодлем?

Фриче: План «Барбаросса» до настоящего процесса не был для меня определенным понятием.

Руденко: Я вам процитирую один только абзац. Здесь говорится:

«Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза. В различных частях Советского Союза пропаганда должна пользоваться наиболее распространенным языком. Это, однако, не должно приводить к тому, чтобы характер отдельных пропагандистских текстов преждевременно давал бы повод к заключению о намерениях расчленивать Советский Союз».

Вы были в курсе этих указаний?

Фриче: Я не знал ни документа, ни содержания этих указаний, которые вы только что зачитали.

Руденко: Но я надеюсь, вы не будете отрицать, что именно в таком духе и проводилась пропаганда?

Фриче: Нет, поскольку я мог наблюдать за тем, как проводилась пропаганда в Советском Союзе, я могу сказать следующее: эта пропаганда старалась призвать отдельные национальности к самостоятельности: Украину, Белоруссию, Прибалтику и т. д.

Руденко: ...Когда вы впервые встретились с подсудимым Розенбергом и получили от него информацию о задачах немецкой пропаганды на Востоке?

Фриче: Я сомневаюсь в том, что до этого процесса я вообще когда-либо говорил с Розенбергом. Но мне кажется, что в обществе я иногда с ним встречался. Каких-либо деловых или служебных разговоров у меня с ним никогда не было.

Руденко: Вам сейчас передадут документ ПС-1039. Это отчет Розенберга о подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы. Этот документ уже представлялся подсудимому Розенбергу, и он подтвердил этот документ. В этом отчете говорится:

«Кроме этих переговоров, которые были освещены выше, я принял ответственных представителей пропаганды, а именно:

министерияль-директора Фриче, посланника Шмидта и других. Не входя в подробности политического направления, я доверительно информировал указанных лиц о необходимой позиции с просьбой без каких-либо высказываний соответствующим образом следить за всей терминологией в прессе. В моем аппарате появились для специальной обработки восточных вопросов довольно подготовленные работы, которые я передал представителям пропаганды».

Правильно ли осветил подсудимый Розенберг события, которые были в 1941 году, еще до нападения на Советский Союз?

Фриче: Нет, я не помню, чтобы я когда-либо был принят Розенбергом. Ни в коем случае нельзя утверждать, что я получил от Розенберга или кого-нибудь из его сотрудников до 22 июня какие-либо сообщения о намеченном нападении на Советский Союз. Напротив, — это, может быть, несколько разъяснит положение вещей, — я вспоминаю, что один из сотрудников Розенберга довольно часто бывал у меня или у моих сотрудников; я помню его имя; это был руководитель группы прессы, раньше он был редактором «Фелькишер беобахтер», майор Кранц. Он часто бывал у меня и у моих сотрудников и передавал нам о пожеланиях Розенберга в вопросах пропаганды в прессе. Но, во всяком случае, это не было до 22 июня.

Руденко: Значит, то, что написано в отчете подсудимого Розенберга, является в отношении вас неправдой?

Фриче: Неправда — это было бы слишком сильно сказано. Очень может быть, что все эти сообщения, которые он здесь делает, относятся просто к более позднему времени. Кроме того, можно предположить, что Розенберг при составлении этого отчета не придавал большого значения точности сведений относительно этого приема ответственных работников германской пропаганды.

Руденко: Я в этой связи хотел бы поставить вам два вопроса. Прежде всего я хочу сослаться на письменные показания Ганса Фосса. Я читаю: «После поражения германских войск под Сталинградом и начавшегося общего наступления советских войск по всему фронту Геббельс и Фриче прилагали все усилия для организации германской пропаганды таким образом, чтобы наиболее эффективно помочь Гитлеру выправить положение на фронте. Пропаганда строилась в расчете на то, что немцам удастся подольше продержаться. Немцев запугивали русским солдатом, для чего распространяли клеветнические сведения о зверствах русского солдата, о намерениях Советского Союза истребить германский народ. И далее, на последнем этапе войны германская пропаганда, возглавляемая Геббельсом и Фриче, сделала еще одну попытку услужить Гитлеру и органи-

зовать немецкое сопротивление советским войскам». Это правильно?

Фриче: Это неправильно.

Руденко: Я хочу, чтобы вы посмотрели свои показания от 12 сентября 1945 г. Я процитирую ваши объяснения по этому вопросу:

«Военное нападение на Советский Союз в связи с заключением договора подготавливалось Германией тайно. Поэтому никакой пропагандистской работы в период подготовки к войне с СССР мы не вели. В связи с этим активная антисоветская кампания органами германской пропаганды была начата лишь после начала военных действий на восточном фронте. В данном случае следует указать, что основная задача, которая была поставлена Геббельсом перед всем пропагандистским аппаратом, сводилась к тому, чтобы оправдать захватническую политику Германии против Советского Союза. Исходя из этого, я как руководитель германской прессы и радиовещания организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз».

И далее: «Должен, однако, заявить, что никаких оснований к тому, чтобы обвинять Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было. В своих выступлениях по радио я прилагал все усилия к тому, чтобы запугать народы Европы и население Германии ужасами большевизма, и утверждал, что якобы только фашистская Германия является оплотом европейских стран против англо-американской плутократии и красного империализма».

Вы это признаете?

Фриче: Здесь действительно содержатся показания, которые я дал.

Совершенно правильно, я говорил, что войне с Советским Союзом не предшествовала пропагандистская подготовка, поскольку эта война началась внезапно и неожиданно. Далее, правильно, что после нападения на Советский Союз главная задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы оправдать необходимость этого нападения, то есть все время подчеркивать, что мы лишь предвосхитили нападение Советского Союза.

Далее, правильно то, что я сказал, что следующая задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы излагать почти то же самое, то есть все время подчеркивать, что не Германия, а Советский Союз ответствен за эту войну. К сожалению, в этом протоколе выпущен самый важный аргумент, который я привел тогда, а именно констатация того, что я и вместе со мной миллионы немцев верили тогда официальным сообщениям германского правительства, потому что тогда казалось абсолютно

бессмысленным и невозможным во время еще незаконченной войны на Западе добровольно идти на риск, начиная войну на востоке. Также правильно то, что материалы в «Белой книге», которая была издана в то время министерством иностранных дел, были сравнительно скудны. И, затем, также правильно то, что германская пропаганда должна была нагнать на Европу страх перед большевизмом; и, в заключение, правильно то, что германская пропаганда все время подчеркивала, что Германия является единственной крепостью в борьбе с советской всемирной революцией.

Руденко: Теперь я хотел, чтобы вы обратили внимание на выдержку 4 того же документа. Я хочу огласить этот небольшой абзац.

«С 1943 года в германской пропаганде по радио я пытался утверждать, что Германия располагает таким оружием, перед которым содрогнутся наши противники. При этом я использовал вымышленные данные о работе германской военной промышленности, которыми меня снабжал имперский министр вооружения и боеприпасов Шпеер».

Это правильно?

Фриче: ...Правильно, что ко мне поступали сведения из министерства вооружения, которые вселяли в меня большие надежды на успех, например, цифровые данные о месячном производстве самолетов, затем данные о новых, особенно эффективных истребителях.

Руденко: Я бы хотел предъявить вам показания подсудимого Шпеера, который был допрошен советским следователем здесь, в Нюрнберге, 14 ноября 1945 г.:

«В сентябре 1944 года я написал письмо Геббельсу. В этом письме я предупреждал Геббельса, что он проводит неправильную пропаганду о новом вооружении и тем самым будит напрасные надежды среди германского народа. Это была пропаганда, которая проводилась Геббельсом с той целью, чтобы внести в немецкий народ надежду на благоприятный исход войны».

Это соответствует действительности?

Фриче: Только частично. Верно то, что Геббельс лично за год до начала использования первых снарядов «Фау» сообщал о них в своей пропаганде.

Руденко: Теперь я хочу напомнить вам о вашей роли и лично вами проводимой пропаганде с угрозами о применении нового вида оружия с целью внедрить в немецкий народ уверенность в успешность сопротивления союзным войскам. Я вам предъявляю документ СССР-496. Это ваше выступление по радио 1 июля 1944 г.:

«Мы, немцы, очень сдержанно высказывались по поводу эффекта, произведенного новым видом оружия. Мы могли позво-

лить себе эту сдержанность, зная, что раньше или позже Британия нарушит то молчание, которым она в первое время пыталась прикрыть действия, производимые «Фау-1». И мы были правы. Отчеты, получаемые из Британии в течение последних дней, и в особенности сегодня, показывают, что действие этого первого удара, нанесенного Британии новым видом вооружения, становится слишком очевидным. Сейчас Британия не может жаловаться на то, что из Германии против Британских островов поднимается волна ненависти. На пятом году войны бесполезно говорить о чувствах, хотя о них можно было бы сказать очень много».

Вы признаете, подсудимый Фриче, что подобной пропагандой вы обманывали немецкий народ и подстрекали к дальнейшему бессмысленному сопротивлению?

Фриче: В этом случае я говорил значительно сдержаннее и значительно скромнее, чем это делала немецкая пресса о результатах использования «Фау-1».

Руденко: Теперь, я хочу напомнить вам, подсудимый Фриче, ваши показания от 12 сентября 1945 г. по поводу деятельности организации «Вервольф».

Я сейчас прочитаю:

«В конце февраля 1945 года статс-секретарь министерства пропаганды доктор Науман передал мне указание Геббельса разработать план организации секретного радиоцентра».

И далее: «Науман объяснил, что германским правительством принято решение о переводе членов национал-социалистской партии на нелегальное положение и о создании подпольной организации, условно именуемой «Вервольф». Через радиоцентр, который мне надлежало организовать, как заявил Науман, должно осуществляться руководство всеми подпольными группами «Вервольф».

Как видно из ваших показаний, вы возражали против создания такого радиоцентра, говорили по этому поводу с Геббельсом, но радиоцентр все же был создан и ведение радиопередач было поручено бывшему руководителю имперского управления пропаганды Шлезину. Это правильно?

Фриче: Нет... план создания передатчика «Вервольф» предусматривал создание передвижного передатчика. Этот передатчик не был создан. Правда, во время моего отсутствия 1 апреля 1945 г. по прямому указанию Геббельса так называемая старая немецкая радиостанция была переименована в передатчик «Вервольф».

Руденко: Я хочу вам предъявить ваше собственное выступление от 7 апреля 1945 г.

Вы говорили тогда по радио:

«Однако в результате превосходства в людях и в материальных резервах врагу удалось проникнуть далеко в глубину германской территории, и в настоящее время он собирается осуществить по отношению к нам свою программу уничтожения... Пусть никто не удивляется, если жажда сильных сердец к мести за нарушение человеческого права не требует даже небольшого перерыва для временного восстановления, а вспыхивает немедленно и, поднимаясь ярким пламенем, переходит в активность. Пусть никто не удивляется, если кое-где в только что оккупированных районах в борьбе принимает участие гражданское население или даже после окончательного проведения оккупации продолжает вестись борьба людьми в гражданском платье.

Если без подготовки и без организации из самого инстинкта к жизни возникло это исключительное явление, мы сегодня назовем его «Вервольф».

Фриче: Это совершенно неверно. Это — не пропаганда в пользу «Вервольфа», это извинение за случаи активности «Вервольфа».

Руденко: Вам известно, кто возглавлял организацию «Вервольф»?

Фриче: Здесь уже было сказано, что высшей главой был Борман. В его подчинении находился еще один высший командир СС и полиции, имя которого я уже напрасно пытался вспомнить. Однако я знал одного из его сотрудников — Гюнтера д'Алькве.

Руденко: Я хочу вас спросить: в начале 1942 года, как вы здесь сообщили Трибуналу, вы получили сведения, что на Украине, оккупированной немцами, в одном округе готовится истребление евреев и украинской интеллигенции только потому, что они — евреи и украинская интеллигенция. Вы получили такое сообщение, правильно?

Фриче: Правильно.

Руденко: Это было в мае 1942 года. Вы были в 6-й армии. Вы в 6-й армии узнали о существовании приказа об убийствах советских комиссаров. Это правильно?

Фриче: Да.

Руденко: Вы считали, что этот кровавый приказ не должен применяться. Это правильно?

Фриче: Правильно.

Руденко: Вы знали, что этот приказ исходит от Гитлера?

Фриче: Да, я мог полагать это.

Руденко: Значит, в 1942 году вы знали, что существовали приказы Гитлера об убийствах, и, тем не менее, вы шли с Гитлером?

Фриче: Вы сравниваете две несравнимые вещи. Большая разница — обращался ли я с комиссарами не как с военноплен-

ными или же я давал приказ об уничтожении пяти миллионов евреев.

Руденко: Значит, вы этот приказ считали возможным и допустимым в условиях ведения войны германской армией. Так я понимаю вас, если вы не выступили против Гитлера?

Фриче: Нет. Я считал его невозможным и поэтому активно выступал против этого приказа, а не только пассивно, как другие.

Руденко: Но продолжали поддерживать Гитлера?

Фриче: Да.

Руденко: Последний вопрос. Скажите, вам приходилось когда-либо за время войны сталкиваться с вопросами, касавшимися подготовки биологической войны?

Фриче: Никогда.

Руденко: Вам известна фамилия майора фон Пассаванта?

Фриче: Эта фамилия мне известна.

Руденко: Он являлся представителем ОКВ в министерстве пропаганды?

Фриче: Нет, не совсем так. Он был специалистом по радио в отделе пропаганды ОКВ.

Руденко: Вам сейчас передадут копию вашего письма от 19 октября 1944 г., документ СССР-484, на котором имеется ваш личный гриф, майору фон Пассаванту в ОКВ. Это небольшой документ, я оглашу его:

«Руководителю отдела радиовещания господину майору фон Пассаванту. ОКВ. Слушатель Густав Отто, руководитель предприятия из Рейхенберга, направляет мне при сем предложение о проведении биологической войны. Я пересылаю вам это предложение с просьбой передать его в соответствующее учреждение, ведающее этими вопросами. Хайль Гитлер! Фриче».

Вы помните этот документ?

Фриче: Конечно, я не помню этого документа. Одновременно я заявляю, что он, без сомнения, является подлинным.

РЕЧИ
АДВОКАТОВ

РЕЧЬ ШТАМЕРА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО
ГЕРМАНА ВИЛЬГЕЛЬМА ГЕРИНГА

[Стенограмма заседаний Международного Военного
Трибунала от 4 и 5 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи!

Этот процесс, имеющий такие масштабы, такое историческое и политическое значение и такое значение для становления норм права, каких еще не знала история права, этот процесс, имеющий значение не только для присутствующих здесь в зале подсудимых, но и для всего немецкого народа, вступает в новую фазу. Слово имеет защита.

Положение защитника на этом процессе особенно затруднительно, ибо слишком неравно соотношение сил обвинения и защиты.

Обвинение имело возможность за несколько месяцев до начала процесса с большим аппаратом опытных сотрудников обследовать все учреждения и архивы внутри страны и за границей, допросить по всем вопросам свидетелей. Таким образом, обвинение было в состоянии представить Трибуналу огромное количество документов.

Трудность положения защиты усугубляется еще и тем, что англо-американским процессуальным нормам, которыми руководствуются Суд и стороны на этом процессе, чужда одна из норм немецкого уголовного права, по которой обвинение обязано доставлять и представлять доказательства, говорящие в пользу подсудимого.

Председатель: Доктор Штамер, я хотел бы сказать вам, что заявление, которое Вы только что сделали, совершенно неправильно. Этот процесс ведется не по англо-американским процессуальным нормам. В Англии вообще не существует кодекса судебной процедуры по уголовным делам, но во всем мире, как и на этом процессе, принято, чтобы обвинение сообщало защите о всех добытых обвинением документах, а также об имеющихся свидетелях, говорящих в пользу обвиняемых, поэтому Ваше заявление совершенно не соответствует действительности. Обвинение на настоящем процессе, придерживаясь этого правила,

сообщило защите о всех документах или свидетелях, имеющих в его распоряжении, которые были бы полезны защите. Было уже несколько случаев, когда обвинение сообщало защите о полученных обвинениях документах, которые, как ему казалось, могли быть полезны защите.

Все или почти все документы, представленные защитой на этом процессе, были получены обвинением с большим трудом. Были произведены расследования по всей Германии и, я могу даже сказать, почти по всему миру с тем, чтобы помочь защитникам осуществлять их задачу на данном процессе.

Штамер: Я благодарю Вас за Ваши разъяснения, господин председатель.

После оглашения Обвинительного заключения рейхсмаршал Геринг на вопрос господина председателя, считает ли он себя виновным, ответил: «Нет, я не признаю себя виновным в духе предъявленных мне обвинений».

Это заявление подсудимого обязывает нас рассмотреть все пункты обвинения, выдвинутые в Обвинительном заключении. Подсудимый, однако, лично дал уже объяснения по многим важным для его защиты вопросам во время допроса. Он подробно изложил свои соображения по поводу политических и военных событий и при этом детально осветил мотивы своих действий, а также возникновение и ход событий.

Я благодарен Высокому Суду за то, что подсудимому было разрешено сообщить об этих событиях во всей широте так, как он их видел, воспринимал и переживал. Ибо именно непосредственное личное повествование, и только оно, дает возможность понять действительные внутренние мотивы подсудимого и составить правильное представление о его личности. Такое знание личности необходимо, если Трибунал хочет принять решение, которое не только отвечало бы формальным требованиям права, но и было бы справедливым при учете индивидуальных особенностей лица, совершившего инкриминируемые действия.

После того как подробные показания подсудимого были заслушаны Трибуналом, я не считаю нужным заниматься каждым вопросом, по которому подсудимый уже дал необходимые объяснения...

Для правильного понимания всех тяжких преступлений и заблуждений, на которых здесь строится обвинение, необходимо осветить и исторический фон... Средневековые проповедники первыми сделали попытку подчинить войну правовым принципам. До этого войну всегда воспринимали только как естественное явление, такое, как, например, болезнь или непогоду. Часто войну почитали даже как суд божий. Такие люди, как святой Августин и Фома Аквинский, выступили против этой точки зре-

ния и учили делать различие между войнами справедливыми и несправедливыми с точки зрения христианства... Дальнейшим развитием устои средневекового порядка были поколеблены... и государство, не признавая над собой никакой власти, по своему усмотрению завоевывало себе жизненное пространство на этой земле и делало это до тех пор, пока более сильная воля другого народа не устанавливала для него естественных преград.

Упомянутая здесь обвинением теория деликта войны Гуго Гроция не имела успеха потому, что она противоречила динамике того времени. Она только представляла собой попытку сохранить вышеупомянутое христианское представление о войне, придавая ему светское обоснование. Эта теория Гроция должна была в конце концов отмереть в XVIII веке.

С того времени мир волнуется вопросом об истинном праве. Все социальные теории являются лишь попыткой разрешения этого вопроса. Люди снова ищут безопасности и порядка после того, как их слишком уже разочаровала обратная сторона чрезмерной свободы...

Державы-победительницы надеются приблизиться к решению проблемы мирового порядка, создавая дистанцию между собой и побежденными путем коллективного обвинения и осуждения национал-социалистов как преступников.

Но откуда они хотят взять масштабы, с которыми можно было бы подойти к разрешению вопроса о том, что справедливо и что несправедливо в правовом отношении? На действовавших до сих пор нормах международного права нет необходимости останавливаться. Я не буду возражать и против того, что на основании Устава был создан особый Трибунал. Но я решительно должен возразить против применения этого Устава в той части, где им создаются существенно новые нормы права, угрожающие наказанием за действия, которые в период их совершения не считались преступными, по крайней мере в смысле индивидуальной ответственности.

Можно ли ожидать, что установленные в соответствии с этим наказания будут признаны справедливыми, если преступник не мог знать о возможности применения их, так как в то время они не угрожали ему и он считал свои действия справедливыми? Разве может здесь помочь ссылка на закон нравственности, если этот закон нужно еще отыскать? Судья Джексон, правда, считает, что нацистское правительство с самого начала не являлось представительным правительством законного государства, преследующего законные цели, стоящие перед ним, как перед членом международного сообщества. Только исходя из этого, вообще можно понять обвинение в заговоре, которого я коснусь позже... Действительно, это обвинение, как и вся аргументация

судьи Джексона, намного опережают время, ибо общепризнанных масштабов, с которыми независимо от позитивного международного права можно было бы подойти к определению законности государств и их целей, вообще не существовало, так же как не существовало и международного сообщества как такового. Все доводы о законности своих собственных и незаконности чужих притязаний помогали образованию политических группировок в такой же степени, как и попытки заклеить своих политических противников как нарушителей мира. Во всяком случае, они не привели к созданию новых норм права.

Судья Джексон справедливо сказал, что побежденные находятся во власти победителей и последние могут поступать с побежденными по своему усмотрению. Но, сказал он, огульное наказание без окончательного и точного установления вины каждого было бы нарушением неоднократно дававшихся обещаний и легло бы тяжким бременем на совесть Америки. Поэтому он сам был за проведение судебного процесса. Правда, этот процесс должен был отличаться от обычного уголовного процесса тем, что подсудимые должны были быть лишены обычной возможности обструкции и затягивания хода судебного разбирательства. Но установить вину можно только на основании справедливого рассмотрения дела. И если подсудимые являлись руководителями побежденной нации, которые должны нести ответственность перед лицом закона, то им также должна быть предоставлена возможность защищать свою жизнь.

Устав Трибунала может быть применен судом лишь постольку, поскольку его положения не только формально, но и фактически могут рассматриваться как нормы права.

Другой вопрос заключается в том, действительно ли положения Устава настолько противоречат существовавшим до его появления нормам права и в особенности основным принципам всякого правового порядка, что Суд не хочет признать и применять их, как устаревшие нормы права. Практически основная проблема здесь состоит в том, чем руководствоваться в спорных случаях — Уставом или положением права: «*Nulla poena sine lege*»¹.

В отдельных случаях, когда не учитывалось это правило, пытались сослаться на ярко выраженный политический характер этого процесса. Такого рода обоснование, однако, никак не может быть принято. Политическое значение процесса будет выявляться в его непосредственных и далеко идущих последствиях, но никоим образом не в самом характере процесса. Судья должен осуществлять правосудие, а не делать политику. И он тем более не существует для того, чтобы исправлять

ошибки политических деятелей. Наказания, в отношении которых своевременно не было сделано предупреждения, не могут устанавливаться на основании закона, изданного впоследствии.

В противном случае следует, очевидно, придерживаться принципа разделения властей. Руководствуясь этим, Монтескье разграничил первоначально единую власть абсолютного монарха на область законодательства, администрации и правосудия. Эти три различные формы выражения государственной власти должны на основе равноправия уравнивать чаши весов и, таким образом, помогать контролировать друг друга. Эта система разделения властей является характерным признаком сущности современного правового государства. Можно определить сферу компетенции и деятельности этих трех различных форм выражения власти следующим образом: законодательство имеет дело с будущим, администрация — с настоящим, а правосудие — с прошедшим временем.

Законодательство устанавливает нормы, по которым строится жизнь. Время от времени следует изменять эти нормы и приводить их в соответствие с изменившимися условиями жизни. Но до тех пор, пока условия не изменились, нормы остаются в силе.

Когда установление жизненного порядка чисто нормативным путем становится со временем недостаточным, этот порядок устанавливается администрацией, которая в свою очередь также связана определенными нормами, но в рамках своих задач может обычно действовать свободно, дабы действительно отвечать каждодневно меняющимся потребностям. Администрация, так же как и политический деятель, издающий законы, руководствуется идеей целесообразности.

Судья же не имеет права принимать решения, руководствуясь этой идеей. Он должен руководствоваться нормами права. Вообще, его задача состоит не в том, чтобы создавать новые нормы права, а в том, чтобы выносить приговор. Он исследует поступки после того, как они совершены, и условия после того, как они сложились. Он определяет, соответствуют ли они нормам, насколько они отступили от них, а также какие правовые последствия они влекут за собой. Его взгляд обращен, как правило, в прошлое. В государственной жизни, постоянно изменяющейся в результате деятельности политических руководителей, взгляд которых обращен в будущее, судья — противоположный статичный полюс. Правда, судья связан законами, изданными политическими деятелями, но он не просто их исполнительный орган. Более того, он со своей стороны должен контролировать законодателя, проверяя его законы с точки зрения их соответствия конституции. Он, следовательно, должен также следить за тем, соблюдается ли принцип

¹ «Нет наказания без указания на то в законе». — Составители.

разделения властей. Судья должен вершить правосудие, представляя законодателю право издавать законы, а законодатель не должен вмешиваться в функции судьи, вводя законы, имеющие обратную силу.

Критика правовых принципов национал-социалистского государства базируется в основном на том, что оно отвергло принцип разделения властей. Выдвинув на первый план политический принцип фюрерства, оно самовольно вмешивалось в компетенцию судьи. С помощью полиции, то есть администрации, оно арестовывало людей, не имея на это юридического права, исходя лишь из соображений политической безопасности, оно подвергало даже повторному аресту тех людей, которые раньше решением суда были оправданы и освобождены. С другой стороны, опять-таки по политическим соображениям, оно укрывало уличенного преступника от судебного преследования.

При этом некоторая гарантия от произвола со стороны судей заключалась в том, что национал-социалистское государство было проникнуто одной определенной, обязательной для судей идеологией. О тесной связи правосудия с идеологией еще много лет тому назад писал швейцарский профессор права Фериз Берна в книге «Право и действительность. Зарождение и отмирание форм права».

«Без определенной идеологической базы, — писал он, — право парит в безвоздушном пространстве... У кого нет идеологической базы, у того нет и определенной теории права...»

В противовес этому нельзя установить определенной идеологической основы Устава, так как лица, подписавшие его, стоят на идеологических позициях, значительно отличающихся друг от друга как в отношении самого Устава, так и в отношении существовавших до этого норм международного права. Для него особо священным должно являться положение права: «Nulla poena sine lege». Это доказывается, кроме того, также и тем, что Контрольный совет для Германии в ясной форме напомнил о нем всем немцам, издав закон об устранении аналогии в уголовном законодательстве Германии.

Судья Джексон назвал Устав и данный процесс шагом вперед «в направлении создания права, устанавливающего также и личную ответственность того, кто начинает войну».

Вследствие фиаско коллективных методов в последней войне у противников Германии возникла мысль обеспечить безопасность в будущем на основе возложения ответственности на отдельных лиц, виновных в нарушении мира. Таким образом и возник Нюрнбергский процесс. Исходя из факта его возникновения, сегодня можно, бросив ретроспективный взгляд, сказать: в период второй мировой войны развитие приняло революцион-

ный характер... Но судья Джексон сам же выразил сомнение относительно того, сможет ли угроза наказания и оказываемое ею устрашающее действие воспрепятствовать нарушениям мира в будущем. Ведь решение о войне так или иначе принимает только тот, кто считает, что он уверен в своей победе, и поэтому он не может серьезно принимать в расчет наказание, которое грозит ему только в случае его поражения. Поэтому важнее, чем устрашающее действие, которое может быть достигнуто угрозой наказания в будущем, воспитательное значение данного процесса, достигаемое благодаря упрочению идеи права. Политический деятель должен научиться тому, что принцип разделения властей должен соблюдаться также и им и что ни один судья не согласится исправлять его ошибки, оценивая действия на основании законов, изданных после совершения преступления. Приговор, свободный от этих недостатков, значительно повысил бы доверие к международному правосудию, которое сегодня страдает от подозрения в том, что им легко злоупотребить в политических целях.

Таким образом, даже с точки зрения политической целесообразности нарушение положения «Nulla poena sine lege» не находит оправдания. Необходимо признать, что укрепление веры в непреложность права, как в стабильный фактор в невероятной динамике политических событий, лучше всего может послужить делу мира.

Этот вывод не может быть подвергнут сомнению также и на основании отдельных соображений, высказанных представителями обвинения.

Представители французского обвинения подчеркивали, что живое международное право немыслимо без международной морали и что всем претензиям на свободу как индивидуумов, так и наций должен предшествовать моральный закон. Это, конечно, истины, которые следует весьма приветствовать. Однако, если их правильно истолковать, они говорят только в пользу моей точки зрения, а именно, что укрепления идеи права нельзя достичь, начав с ее нарушения.

Если Главный обвинитель от Франции заявил, что без наказания главных преступников нацистской Германии в будущем не может быть больше веры в справедливость, то он здесь, очевидно, слишком далеко зашел в пылу своей речи. Справедливость проистекает не из необходимости любой ценой удовлетворить оскорбленное чувство права. В этом случае мы быстро вернулись бы снова к голой расплате, очутились бы перед бесконечной цепью несчастий, вызванных кровавой мстостью. Нет, справедливость требует меры и рассмотрения доводов и контрдоводов. А в этом отношении односторонние действия против подданных держав оси нарушают идею справедливости.

Господин Главный обвинитель от Великобритании назвал самую возможность издания законов, имеющих обратную силу, одной из самых отвратительных доктрин национал-социалистского правосудия. Между тем он полагает, что предоставление возможности наказания за действия, которые уже раньше были заклеены как преступления, не означает изменения норм права, оно означает лишь их дальнейшее логическое развитие и является поэтому допустимым. Однако я вовсе не собираюсь порицать оправдываемое им на основании этого учреждение Трибунала. Основной вопрос состоит в том, должен ли этот Трибунал наказывать за действия, которые ранее не составляли преступления...

Далее важно, что, если Устав имел в виду не только уголовное преследование за указанные в нем действия, но и наказуемость этих действий, в нем должно было быть выражено это вполне ясно и недвусмысленно. Между тем положения статьи 6 Устава совершенно неясны. Формулировка: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала» — может быть истолкована как в смысле простого определения компетенции Трибунала, так одновременно, хотя и с трудом, и как положение, обосновывающее наказуемость действий. Поэтому это положение должно быть истолковано в соответствии со старым правилом о том, что сомнения истолковываются в пользу подсудимого.

Следующее за ним положение о том, что виновный в таких преступлениях несет за них индивидуальную ответственность, и приведенные в дальнейших параграфах материальные положения уголовного права не дают по своему содержанию никакого основания толковать их как различные деликты. Они содержат лишь положения о разных степенях уголовной ответственности, которая сама по себе предполагается. Пусть Трибунал решит, считает ли он их совместимыми с основным принципом «Nulla poena sine lege».

Труднее всего мне понять точку зрения господина Главного обвинителя от США Джексона. С одной стороны, он резко выступает против произвола нацистов в области права, с другой — он не собирается удовлетвориться осуждением подсудимых только за те преступления, за которые уже во время совершения их грозило наказание. С одной стороны, он не хочет, чтобы применялись наказания без справедливого установления вины подсудимых, а с другой стороны, он требует строгого применения Устава также и в том случае, когда Устав содержит новые нормы права, новые также и для подсудимых. С одной стороны, он хочет, чтобы процесс явился для последующих поколений осуществлением стремлений человечества к справедливости, а с другой — в ответ на возражения против положений

Устава он ссылается на волю победителей, которые вообще могли бы не церемониться с подсудимыми...

Я перехожу к вопросу о заговоре...

Из всех преступлений, вменяемых в вину подсудимым, самым крупным по своему составу и по времени, которое оно охватывало, является заговор. Господин Экснер, профессор уголовного права, особенно подробно исследовал значение этого правового понятия для нашего процесса. Во избежание повторений и в интересах экономии времени профессор Экснер представил в мое распоряжение результат своего исследования. С его согласия я намереваюсь сказать по этому вопросу следующее.

Понятие «заговор» является понятием англо-американского права. Правда, и там это понятие не является бесспорным. Больше того, примечательно то, что и в Англии имеются люди, считающие это понятие устаревшим...

Для данного процесса важным является нечто иное. Понятие «заговор» в том смысле, в каком его употребляет обвинение, германскому праву совершенно неизвестно.

Поэтому на первый план своего краткого рассмотрения правовых вопросов я хотел бы поставить несколько вопросов, вызывающих сомнения:

1. Должен ли уголовный процесс, претендующий на справедливость, использовать правовые понятия, которые абсолютно чужды и всегда были чужды подсудимым и правовому мышлению их народа.

2. Как это может быть согласовано с положением «Nullum crimen sine lege»,¹ которое было признано Главным обвинителем от Великобритании в качестве основного принципа уголовного права цивилизованных наций.

3. Можно ли утверждать, что еще до 1939 года не только развязывание противозаконной войны было признано действием, за которое грозило уголовное преследование отдельным лицам, но и заговор с целью развязывания таких войн был признан наказуемым действием.

Положительный ответ на этот вопрос, данный обвинением, вызвал удивление не только в Германии. В этой связи следует разъяснить одно недоразумение. Утверждалось, что национал-социалистское государство само издавало уголовные законы, которые противоречили принципу «Nullum crimen sine lege», и что поэтому подсудимые не вправе ссылаться на этот принцип. Я ни в коем случае не намереваюсь защищать национал-социалистское уголовное законодательство, но по совести должен сказать: это — заблуждение. Во время существования

¹ «Нет преступления без указания на то в законе». — Составители.

третьей империи, как это было уже упомянуто, было издано три закона, имевших обратную силу, которые увеличивали меру наказания. Эти законы предусматривали смертную казнь за действия, за которые в качестве наказания в момент их совершения было предусмотрено лишение свободы...

Устав, из которого я здесь исхожу, вводит новое понятие заговора. Если применять это понятие по отношению к немцам, то это должно производиться со всеми ограничениями, которые диктуются требованиями справедливости.

По англо-американскому праву заговор означает договоренность нескольких лиц о совершении преступлений. «Сотрудничество или соглашение между двумя или большим количеством лиц для достижения незаконной цели или законной цели незаконными средствами».

Соглашение означает открыто высказанное или молчаливое согласие. Если несколько человек, независимо друг от друга, преследуют одну и ту же цель, то это не является заговором. Таким образом, недостаточно, что у них у всех единый план, они должны быть осведомлены об этой общности плана, и каждый из них должен добровольно признать этот план своим. Уже в самом слове «konspirieren» (конспирировать) заключен тот смысл, что каждый должен принимать участие в заговоре по своей воле и знать о ней. Тот, кого заставляют принимать участие в заговоре, не является заговорщиком, так как насилие исключает возможность соглашения, оно может лишь привести к внешней готовности оказывать помощь. Таким образом, если кто-либо навязывает другому свою волю, то это не заговор. Вот почему заговор с диктатором во главе противоречит самой сущности понятия заговора. Диктатор не вступает в заговор с исполнителями своей воли, он не заключает соглашения с ними, он диктует, а участники подчиняются.

Заговорщики сознательно стремятся к созданию общего плана. Содержание этого плана может быть различным. В английском праве, например, существует понятие о заговоре для совершения убийства, обмана, шантажа, клеветы, отдельных экономических деликтов и т. д. Во всех этих случаях заговор рассматривается как деликт особого рода; поэтому заговорщики за участие в заговоре несут наказание, причем не учитывается, было ли в каждом отдельном случае действительно совершено убийство, обман или имела место только попытка совершить подобное преступление. Согласно значению этого термина в немецком языке мы бы сказали: заговор является одним из таких случаев, в которых уже подготовка к совершению преступления является наказуемой. То же самое положение существует и в германском уголовном праве. Наказанию подвергается то лицо, которое принимает участие в действиях

группы людей, имеющих своей целью покушение на жизнь. Такое лицо наказуется согласно § 49б за преступление, которое заключается в подготовке к убийству, если даже задуманное действие не было совершено.

С этим имеет некоторое сходство ст. 129 германского уголовного кодекса, в которой говорится, что «соучастие в действии, которое преследует определенные враждебные государству цели, является наказуемым, независимо от того, было ли совершено действие или нет». Если такое действие будет совершено, каждый привлекается к ответственности в той мере, в какой это соответствует степени его виновности в совершении этого действия. Если отдельный заговорщик невиновен в этом конкретном преступлении ни как исполнитель, ни как сообщник, то он может нести ответственность только за соучастие в антигосударственных действиях, а не за отдельные преступления, совершенные другими участниками организации.

Обвинители на этом процессе идут дальше. Они при определенных условиях хотят наказать заговорщиков также и за отдельные действия, в которых они не принимали участия...

Такая концепция самым явным образом противоречит германскому уголовному праву, так как в последнем действует сам собой разумеющийся и никем неоспоримый принцип: за то или иное действие человек ответствен лишь в том случае, если он совершил его или по крайней мере являлся его соучастником...

Судья Джексон привел здесь пример: если из трех разбойников, состоящих в заговоре, один убьет жертву, то они все несут ответственность за убийство.

Этот пример имеет для нашего процесса огромное значение. Отдельный заговорщик должен быть наказан за действия, которые совершил не он, а другой заговорщик. Значит подсудимый, который не имел ничего общего с уничтожением евреев, должен быть наказан за это преступление против человечности только потому, что он принимал участие в заговоре.

Принципиальный вопрос состоит в следующем: следует ли применять на этом процессе принципы ответственности, которые выходят за пределы наших германских принципов уголовного права.

В статье 6 Устава сказано, что все заговорщики несут ответственность за любое действие, совершенное кем-либо из участников заговора с целью осуществления этого плана. Это положение имеет решающее значение для истолкования Устава.

По моему мнению, смысл этого положения заключается в следующем: заговорщики несут ответственность за те действия других заговорщиков, которые были совершены в рамках плана, которые ими обдумывались, совершения которых они также

желали или с которыми они по крайней мере согласились... Ведь заговорщики могут отвечать лишь за то, что происходит «во исполнение плана»; к общему же плану относятся лишь то, что с самого начала предусматривалось заговорщиками и одобрено как необходимое для достижения цели.

Правовой принцип, который распространяет ответственность заговорщиков за действия, в которых они невиновны, чужд германскому праву. Применение его противоречило бы самым явным образом основному принципу «Nullum crimen sine lege», который был признан английским обвинением. Ввиду того что статья 6 допускает различные толкования, следует считать из двух возможных толкований соответствующим воле авторов то, которое не противоречит вышеназванному принципу.

Принимали ли 22 подсудимых участие в заговоре, как это изложено в Обвинительном заключении, то есть в заговоре, направленном на совершение преступлений против мира, против человечности, на совершение военных преступлений? Если бы такой заговор существовал, то (в этом никто не сомневается) Гитлер был бы его главой. Но я уже обратил внимание на то, что заговор с диктатором во главе противоречит самой сущности понятия заговора. Гитлер, вероятно, смеялся бы, если бы ему сказали, что он заключил соглашение со своими министрами, партийными лидерами и генералами о ведении той или иной войны с помощью тех или иных средств. Он был самодержцем. Для него не имело значения согласие тех или иных людей, для него было важно лишь выполнение его решений независимо от того, одобрялись эти решения или нет.

Но, помимо этих юридических соображений, следует упомянуть, что в действительности окружение Гитлера выглядело иначе, чем какая-то заговорщическая группа, как это пытались характеризовать здесь обвинители во время представления ими доказательств...

Я не могу верить в заговор для совершения преступлений против мира и военных преступлений.

К этому следует добавить лишь два момента общего значения:

1. Поведение Геринга непосредственно перед началом войны. В то время он был лицом, которому Гитлер все доверял, он был вторым человеком в государстве, а теперь он — главная фигура среди подсудимых.

Если бы тогда действительно существовал заговор для ведения агрессивной войны, то он был бы вторым человеком в этом заговоре. Здесь же следует сказать, что как раз он в последние дни августа напрягал все усилия для того, чтобы предотвратить нападение на Польшу. Больше того, он за спиной Гитлера прилагал все старания к тому, чтобы сохранить

мир. Как это может быть совместимо с заговором для ведения агрессивных войн? Он был также не согласен с ведением войны против России и всячески отговаривал фюрера.

2. Если бы существовал заговор для совершения военных преступлений, то война велась бы с самого начала с полнейшей беспощадностью и в нарушение всех правил ведения войны. В действительности же было наоборот: как раз в первые годы войны, и это никем не оспаривается, международные правила ведения войны в основном выполнялись обеими сторонами...

Я думаю, что если обвинение считает этих 22 человек заговорщиками, и именно заговорщиками против мира, правил ведения войны и против человечности, то оно ошибается.

Защитники отдельных подсудимых покажут, какие отношения имели их подзащитные, каждый в отдельности, к мнимому заговору.

Я только что упомянул, что рейхсмаршал Геринг был вторым человеком в государстве; на протяжении всего процесса это неоднократно отмечало и обвинение, пытавшееся усмотреть в этом обстоятельстве, особо уличающее Геринга, и обвинение указывало, что в силу своего особого положения Геринг должен был знать все, в том числе и самые секретные вещи, и что он имел возможность вмешиваться во все дела правительства, самостоятельно решая важнейшие вопросы.

Эта точка зрения неверна, и она базируется на незнании, в чем заключалась исключительность положения Геринга. А заключалась она в следующем: Геринг был вторым человеком в государстве по рангу. Этот ранг закрепился за ним, когда осенью 1934 года Гитлер, составив завещание и секретный указ, назначил Геринга своим преемником в правительстве. В 1935 или 1936 году это было зафиксировано в неопубликованном правительственном законе, подписанном всеми министрами.

1 сентября 1939 г. Гитлер объявил этот закон в рейхстаге; таким путем преемственность Геринга стала известна всему немецкому народу.

В качестве заместителя фюрера в правительстве Геринг выступал только в тех случаях, когда Гитлер был болен или находился в отъезде вне Германии, как это было, например, в марте 1938 года, когда Гитлер несколько дней пробыл в Австрии. Когда же Гитлер был на месте и сам выполнял свои обязанности, положение заместителя не давало Герингу никаких особых прав и полномочий. Он мог давать указания лишь непосредственно подчиненным ему ведомствам и не имел права давать служебные указания другим ведомствам.

Из этого факта следует, что Геринг, будучи вторым человеком в государстве, не мог ни отменять, ни изменять, ни дополнять указания и приказы Гитлера. Он не мог отдавать

распоряжения тем учреждениям, которые не были подведомственны непосредственно ему. У него не было возможности давать директивы, обязательные для других ведомств (будь то партийные органы, органы полиции, учреждения армии и флота), или вмешиваться в руководство ими.

Таким образом, положение Геринга как второго человека в государстве не может быть использовано против него в качестве особо отягчающего обстоятельства; оно не может также служить основанием для утверждения, что существовал заговор.

Подсудимый Геринг никогда не принимал участия в разработке или проведении в жизнь общего плана, или заговора, который имел своим содержанием преступления, названные в Обвинительном заключении.

Как я уже отмечал, участие в подобном заговоре должно было иметь в первую очередь предпосылкой существование такого общего плана и то, что участники его были едины в своем намерении провести в жизнь преступления, вменяемые им теперь в вину. В отношении Геринга такой предпосылки нет...

Германия вооружалась не для ведения агрессивной войны. Не для подготовки агрессивной войны осуществлялся и четырехлетний план, назначение и задачи которого точно выявлены в показаниях самого подсудимого и свидетеля Кернера.

Генерал-фельдмаршалы Мильх и Кессельринг единодушно показали, что созданные в ходе вооружения военно-воздушные силы были только оборонительными силами, не годными для ведения агрессивной войны. Такое скромное вооружение Германии не дает основания сделать вывод об ее агрессивных намерениях.

Геринг не хотел войны.

Начиная с 1933 года в своих выступлениях, в своих многочисленных речах Геринг часто подчеркивал, что он очень заинтересован в сохранении мира и что вооружение производится только для того, чтобы поднять авторитет Германии и снова обеспечить ей возможность играть на международной арене определенную политическую роль.

Герингу казалось очень важным сохранить добрые отношения с Англией. Об этом говорит его поведение во время беседы с лордом Галифаксом в ноябре 1937 года в Карингалле, во время которой Геринг совершенно откровенно сообщил лорду Галифаксу о целях внешней политики Германии, сводившейся к следующему:

а) аншлюсс, то есть присоединение Австрии и Судетской области к Германии,

б) возвращение Германии Данцига и разумное разрешение вопроса о Польском коридоре.

При этом Геринг указал, что он не желает войны и готов помочь Англии в мирном разрешении вопросов.

Встреча в Мюнхене осенью 1938 года состоялась по его инициативе. Мюнхенское соглашение обязано своим возникновением в значительной мере его влиянию.

Когда в марте 1939 года в результате оккупации оставшейся части Чехословакии значительно ухудшились отношения с Англией, которая была недовольна поведением Гитлера, нарушившего Мюнхенское соглашение, Геринг приложил все усилия для восстановления нормальных отношений. Для достижения этой цели он организовал встречу с английскими промышленниками, которая состоялась в Зенке-Ниссен-Коог в начале августа 1939 года и о которой здесь рассказывал свидетель Далерус. В речи, произнесенной тогда, Геринг указал, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы началась война с Англией. Он просил участников беседы в меру сил содействовать восстановлению хороших отношений с Англией.

Когда после речи Гитлера, произнесенной на совещании командующих войсками 22 августа 1939 г. в Оберзальцберге и неоднократно цитированной здесь, возникла угроза войны, Геринг немедленно, то есть на следующий же день, вызвал к себе из Швеции Далеруса и, действуя через голову министерства иностранных дел и на свою ответственность, попытался добиться взаимопонимания с Англией для предотвращения войны.

Здесь выдвигалось возражение, что Геринг, мол, не посвятил Далеруса в свои истинные намерения и что его устремления были направлены не на сохранение мира, а лишь на то, чтобы побудить Англию отказаться от договора о взаимопомощи с Польшей, то есть разобщить Англию и Польшу, после чего Германия могла бы оказать на Польшу давление и Польша подчинилась бы ее требованиям, или начать наступление на Польшу и, ничем не рискуя, осуществить свой план в отношении ее.

Сомневаться в том, что Геринг желал мира, несправедливо.

Если это сомнение основывается на том, что Геринг не сообщил свидетелю Далерусу содержания речей фюрера от 23 мая 1939 г. и от 22 августа 1939 г., то оно не убедительно...

Геринг не собирался разобщать Англию и Польшу. Это следует со всей очевидностью из того факта, что вначале Геринг передал английскому послу в Берлине Гендерсону текст ноты, содержавшей предложения, которые Германия делала Англии и которые были квалифицированы Гендерсоном как умеренные...

Гитлер несколько раз выступал перед командующими войсками с речами, например, в ноябре 1937 года, 23 мая 1939 г. и 22 августа 1939 г. Во время допроса Геринг весьма подробно

изложил значение и смысл этих выступлений. Для решения вопроса о том, означает ли факт присутствия на совещаниях, на которых имели место эти выступления, участие в заговоре в духе Обвинительного заключения, важно констатировать, что в этих выступлениях Гитлер односторонне излагал свое мнение по военным и политическим вопросам. Он информировал участников совещания только о том, в каком направлении будут развиваться события. Мнение участников совещания никогда не спрашивалось.

Из вышеупомянутых выступлений участники совещаний не могли узнать и так и не узнали, имелось ли у Гитлера твердое намерение начать агрессивную войну.

Это подтверждают единодушно все присутствовавшие на этих совещаниях...

Подсудимый обвиняется в бесцеремонном ограблении оккупированных Германией областей и тем самым в нарушении Гаагских правил ведения сухопутной войны. Это обвинение необоснованно.

Во время допроса подсудимый Геринг привел убедительные доводы, почему он считал, что Гаагские правила ведения сухопутной войны от 1899 и 1907 годов не могут быть применимы к современной войне; он считал, что к началу второй мировой войны эти правила были в некотором отношении устаревшими и недостаточными. Во время возникновения их еще не были известны воздушная война, экономическая война и война пропаганды. Не известна была также и тотальная война, на службу которой без остатка ставится весь народ и все народное хозяйство...

До начала первой мировой войны согласно международному праву — во всяком случае, поскольку речь идет о сухопутной войне — было неоспоримо, что война не затрагивала частноправовые отношения между гражданами воюющих государств, что в принципе частная собственность оставалась неприкосновенной, что война велась только вооруженными силами и что она не затрагивала гражданского населения противника. В войне на море, напротив, частная собственность не защищается. Могут ли правила ведения сухопутной войны со своими ограничениями иметь силу и в отношении комбинированной войны на суше и на море?

По существующему международному праву, как и прежде, имеет силу принцип, согласно которому частная собственность в войне остается неприкосновенной. Этот принцип нарушается только в случаях, когда Гаагские правила ведения сухопутной войны разрешают известное вторжение в область частной собственности. Поводом к такому вторжению может быть бедственное положение государства; вторжение оправдано в такой

мере, в какой кажется необходимым в интересах самосохранения государства. В этих рамках в войне разрешаются также действия, которые в принципе не соответствуют военному праву, то есть сами по себе противоречат международному праву...

Там, где жизненные интересы государства поставлены под такую угрозу, как бедственное положение государства, нельзя, по моему, считать, что государство нарушает нормы права, если оно прибегает к методам, необходимым для предотвращения угрожающей опасности.

Вследствие образа действий вражеских держав экономическое положение Германии в ходе второй мировой войны стало в высшей степени угрожающим. В результате тотальной блокады у Германии была полностью отнята возможность какой-либо связи с нейтральными странами; поэтому стало невозможно достаточное снабжение сырьем, необходимым для ведения войны, и средствами питания, необходимыми для снабжения гражданского населения. Германия должна была также заботиться о питании находящегося на оккупированных территориях гражданского населения.

Вследствие этого Германия в целях поддержания своего собственного хозяйства, которое в противном случае потерпело бы крах, была вынуждена использовать в своих интересах находившиеся на оккупированной вражеской территории запасы сырья и продовольствия, а также предметы, необходимые для продолжения войны...

Может ли подсудимый быть лично привлечен к ответственности за возможно преднамеренное или сделанное по небрежности нарушение, которое было совершено им исключительно как уполномоченным фюрера, или в таких случаях несет ответственность только государство — этот вопрос ставится на рассмотрение Трибунала. Со своей стороны мы считаем, что здесь имеет место только проступок против международного права, который не может служить основанием для личной ответственности.

Положение на восточном театре военных действий имело свои особенности, так как в России не было частной собственности, а имелось только государственное хозяйство, строго регулируемое центром. Здесь правовое положение было в общем таково, что собственность вражеского государства могла быть используется как военная добыча...

За предписания, содержащиеся в «Зеленой папке», подсудимый Геринг взял на себя полную ответственность, однако это не дает еще повода для его обвинения. Нельзя не учитывать, что речь идет о войне такой трудности, такого размаха, такой продолжительности и такой тотальности, о которых творцы Гаагских правил ведения сухопутной войны определено

не только не имели, но и не могли даже иметь хотя бы малейшего представления. Эта война была войной, во время которой борьба шла за существование или гибель народов. Это была война, во время которой переоценивались все ценности.

С точки зрения бедственного положения может быть также оправдан и вывоз рабочих из оккупированных областей в Германию.

Подсудимый подробно изложил, по каким причинам он считал эти мероприятия необходимыми. В остальном защитник подсудимого Заукеля доктор Серватиус подробно остановится на этом вопросе. Поэтому я могу отказаться от дальнейшего его рассмотрения.

Относительно обвинения в ограблении произведений искусства подсудимый дал подробные показания, оправдывающие его действия. Дополнительно следует заявить, что к охране произведений искусства в Польше он вообще не имел непосредственного отношения. Из этих произведений искусства он ничего не взял для своей коллекции. Тем самым в этом отношении никоим образом не возникает обвинения для подсудимого.

Во Франции по приказу фюрера произведения искусства, находившиеся во владении евреев, были конфискованы в пользу империи, причем здесь речь шла об имуществе, не имеющем хозяина, так как владельцы покинули страну. Из числа этих конфискованных произведений искусства Геринг получил небольшую часть с разрешения фюрера не лично для себя, а для галереи, которую он должен был создать и в которую он намеревался передать находившиеся в его владении произведения искусства. Приобретая эти предметы, Геринг думал, как он подчеркнул это в своих показаниях, что он имеет право на приобретение их, так как они были конфискованы на основании указа фюрера...

Теперь я хочу рассмотреть обвинение в расстреле 50 английских офицеров военно-воздушного флота, бежавших из лагеря военнопленных в Сагане.

В Обвинительном заключении говорится: «В марте 1944 года 50 офицеров королевских военно-воздушных сил, бежавших из лагеря военнопленных «Люфт-III» в Сагане, были убиты после их поимки». Судя по более позднему представлению обвинением документов, речь идет здесь о следующем случае:

В ночь с 24 на 25 марта 1944 г. из лагеря военнопленных «Шталаг Люфт-III» в Сагане бежали 76 офицеров английских королевских военно-воздушных сил. 50 из этих офицеров были после их поимки расстреляны СД.

Следует установить, кто дал приказ о расстреле? Имел ли рейхсмаршал Геринг какое-либо отношение к этому случаю? В частности, содействовал ли он изданию приказа о расстреле

этих 50 летчиков? Одобрял ли он эту меру, хотя она являлась грубым нарушением статьи 50 Женевского соглашения об обращении с военнопленными?

Обвинение утверждает, что подсудимый Геринг содействовал изданию этого приказа. Оно ссылалось, в частности, на заявления генерал-майора Вестгофа и советника по уголовным делам Вилена, составленные в английском плену. Однако допрос этих свидетелей в Суде, а также дальнейшее представление доказательств показали, что первоначальные показания Вестгофа и Вилена были неточными как в отношении присутствия Геринга на совещании у Гитлера, так и в отношении его осведомленности о приказе относительно расстрела и основывались на предположениях...

25 марта 1944 г. Гиммлер доложил фюреру о побеге 76 офицеров. По этому поводу Гитлер упрекал генерал-фельдмаршала Кейтеля; в побеге он усматривал значительную угрозу для общественной безопасности, так как бежавшие офицеры могли поддержать находящихся в Германии 6 миллионов иностранных рабочих и организовать вооруженное восстание. Гитлер отдал затем приказ: «Военнопленных оставить у Гиммлера»...

Иодль полагал, что бежавшие военнопленные будут на некоторое время заключены в концентрационный лагерь.

Геринг, как одинаково показали Кейтель и Иодль... не присутствовал на совещании у Гитлера 25 марта 1944 г...

Эти данные полностью согласуются с изложением рейхсмаршала Геринга, который в момент обсуждения этого положения у Гитлера находился в отпуске. О факте побега ему доложил по телефону его адъютант. Лишь после своего возвращения из отпуска на рождество 1944 года он узнал от своего начальника штаба Кортена о том, что военнопленные расстреляны. В связи с этим Геринг не может быть признан ответственным за этот, в высшей степени прискорбный приказ, воспрепятствовать которому было свыше его сил.

Далее обвинение говорит о суде Линча, который в отдельных случаях в 1944 году был осуществлен немецким населением по отношению к сбитым вражеским летчикам. За эти события ответственность возлагается на подсудимых, в частности также на рейхсмаршала Геринга...

Для подтверждения своих обвинений против рейхсмаршала Геринга обвинение в первую очередь ссылается на протокол от 19 мая 1944 г. так называемого совещания о летчиках-террористах, которое имело место 15 и 16 мая 1944 г. под руководством Геринга.

В параграфе 20 этого протокола записаны высказывания Геринга о том, что он предложил фюреру дать указания расстреливать вражеских летчиков-террористов немедленно на

месте совершения преступления. Подсудимый со всей решительностью оспаривает правильность этой записи и утверждает, что такого высказывания с его стороны не было...

Если на этом совещании действительно говорилось о летчиках-террористах, то это замечание могло быть сделано лишь в том смысле, что фюрер предложил такие меры...

Обвинение ставит в вину подсудимому Герингу, что он немедленно после 30 января 1933 г., занимая пост прусского министра внутренних дел, а вскоре затем — прусского премьер-министра, создал в Пруссии режим, при котором господствовал террор в целях подавления всякой оппозиции против программы нацистов.

Для осуществления своих планов он пользовался прусской полицией, которой уже в феврале 1933 года для защиты нового правительства он дал приказ действовать беспощадно против всех политических врагов без учета последствий...

Он создал страшную тайную государственную полицию (гестапо) и уже в начале 1933 года — концентрационные лагеря...

В этой связи следует указать на то, что согласно существующим принципам международного права суверенные государства имеют право регулировать свои внутривнутриполитические отношения по своему усмотрению...

Захват власти национал-социалистической партией, естественно, натолкнулся на сопротивление, и прежде всего со стороны левых партий, которые не были согласны с положением, создавшимся вследствие этого прихода к власти. Противники вовсе не были слабыми ни в численном отношении, ни в отношении имевшихся в их распоряжении средств. По этой причине новые правители увидели серьезную опасность для своей власти в том, что эти враждебные им партии будут беспрепятственно продолжать свою деятельность, поэтому они должны были своевременно и заранее обезопасить себя от такой угрозы.

Чтобы стабилизировать собственную власть и с самого начала в зародыше подавить всякую возможность волнений, подсудимый Геринг по соображениям государственной целесообразности считал необходимым одним разом арестовать вождей и деятелей коммунистической партии и смежных с нею организаций. О причинах таких действий подсудимый сам подробно рассказал. Для устранения опасности и для обеспечения безопасности государства принятые подсудимым меры вызывались государственной необходимостью. Так как речь шла о превентивных мерах, то для ареста вовсе не было необходимой предпосылкой совершение наказуемого антигосударственного действия или наличие подготовки к совершению его. Для ареста было достаточно — так как речь шла о политическом

акте государственной самозащиты — принадлежности к одной из упомянутых выше групп и активного участия в них.

Эти соображения вскоре после прихода национал-социалистов к власти повлекли создание концентрационных лагерей...

Подсудимый Геринг руководствовался мотивами такого же характера, когда он в 1933 году создал концентрационные лагеря и издал законы относительно тайной государственной полиции...

Когда обвинение утверждает, что здесь речь идет об осуществлении заговора, ставившего себе целью преступления против человечности, то оно, высказывая эту точку зрения, не учитывает действительную политическую жизнь тех лет. Такой заговор не существовал, у подсудимого не было намерения совершить преступления против человечности, и он не совершал этих преступлений. В качестве одного из политических уполномоченных германского правительства он чувствовал себя обязанным защищать последнее от опасных нарушителей и тем самым способствовать дальнейшему существованию национал-социалистического жизненного устройства. Будучи далеким от того, чтобы видеть преступления в этих мероприятиях, он считал их, напротив, неизбежными средствами, необходимыми для того, чтобы укрепить политический порядок как основу всякого права.

В 1936 году руководство полицией и тем самым концентрационными лагерями перешло от подсудимого к рейхсфюреру Гиммлеру. Нельзя приписать подсудимому вину за то, что стало впоследствии из концентрационных лагерей, за то, что они, особенно после начала войны, превратились в отвратительнейшее место пыток и уничтожения людей, за то, что они — отчасти намеренно, отчасти в результате хаоса, вызываемого военными условиями, — привели к уничтожению бесконечного числа людей, чтобы в конце концов в последние дни перед окончанием войны стать массовой могилой.

Конечно, он знал, что существовали концентрационные лагеря, что число заключенных увеличивалось в результате расширения военной обстановки и что это число в результате расширения масштабов войны по всей Европе включало и иностранцев, но ужасающие эксцессы, вскрытые на этом процессе, не были ему известны. Он не знал о безответственных экспериментах, которые производились над заключенными, об экспериментах, являвшихся профанацией истинной науки...

Создание концентрационных лагерей как таковое не имело ничего общего с более поздним уничтожением евреев, идея которого, несомненно, возникла в головах Гейдриха и Гиммлера и которое мастерски скрывалось и лишь после окончания войны было разоблачено в виде ужасов в Освенциме и Майдаке.

Перехожу к вопросу о преследовании евреев...

Подсудимого обвиняют в том, что он в 1935 году провозгласил нюрнбергские законы, которые должны были иметь целью сохранение чистоты расы, и что он в годы с 1938 по 1939, будучи генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану, издал постановления, которые были направлены на устранение евреев из экономической жизни.

Затем ему вменяется в вину издание целого ряда законов, которые означали определенно направленное, серьезное ограничение прав евреев...

Геринг всегда отвергал любое противозаконное насильственное мероприятие, направленное против евреев. Об этом ясно свидетельствует его отношение к организованному Геббельсом мероприятию, которое проводилось в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. и о котором он узнал лишь после того, как оно имело место. Он самым резким образом осуждал его, сделав Геббельсу и Гитлеру соответствующее представление...

О биологическом истреблении евреев он узнал лишь к концу войны. Такое мероприятие он никогда бы не одобрил и со всей силой противился бы ему, так как у него достаточно политического чутья, чтобы разгадать все чудовищные и при этом ненужные опасности, которые должны были неизбежно возникнуть для германского народа в результате такой жестокой и отвратительной акции уничтожения...

Подсудимого обвиняют в том, что он как второе лицо в государстве должен был быть осведомлен об этих ужасных мероприятиях. Заявление подсудимого о том, что он не знал о таких злодеяниях, воспринимается с некоторым недоверием. Несмотря на высказываемые сомнения, подсудимый, однако, настаивает на том, что до него не дошли сведения о подобных деяниях...

В таком случае напрашивается следующий вопрос: разве подсудимый не был лицом правообязанным, который должен был расследовать и выяснить, где действительно находятся якобы эвакуированные евреи и какова их судьба? Какой юридический вывод можно сделать в связи с тем, что он по халатности нарушил вытекающую из его положения правовую обязанность, заключающуюся в том, чтобы вмешаться в это дело, — судите сами...

Перехожу к заключению.

Если в свете всего сказанного рассматривать личность и жизнь подсудимого Геринга, то решающим для оценки его действий окажутся следующие моменты...

После того как власть кайзера была свергнута, немецкий народ хотел создать новую конституцию на демократической основе, надеясь, что в дальнейшем он сможет подняться путем прилежания и терпения. При этом большую роль играло дове-

рие к дальновидности тогдашних держав-победительниц, в частности к 14 пунктам Вильсона.

После горького разочарования, принесенного Версальским договором, веймарская демократия вступила в период жестокого кризиса, от которого ей не суждено было оправиться. Этот кризис вместе с наступившим позднее мировым экономическим кризисом, бесспорно, послужил предпосылкой захвата власти Гитлером.

Борьба против Версаля в первую очередь сделала возможным его взлет в качестве руководителя нацистской партии... Геринг, как и Гитлер, был убежден в том, что Германия неизбежно станет жертвой мирового революционного большевизма... При этом Гитлер, безусловно, исходил из того, что Германия в основном составляет с Западом единое целое в культурном, экономическом и политическом отношении. Он считал, что большевистская опасность, направленная в первую очередь против Германии, угрожает также и западным странам. Поэтому он надеялся, что, объявив идеологическую борьбу против Востока, сумеет постепенно добиться ее признания и поддержки со стороны Запада.

Только в свете этого основного положения должна рассматриваться вся его политика в целом вплоть до фактического крушения. Сейчас можно вполне справедливо осуждать ее как ошибочную с самого начала, но все же нельзя игнорировать того, что тогда в процессе ее развития многое, казалось, говорило о ее правильности...

Целью борьбы являлось прежде всего освобождение Германии от цепей Версальского договора. Правда, веймарское правительство неоднократно предпринимало попытки к избавлению от особенно обременительных условий этого договора, но они успеха не имели.

Из готовности, с которой иностранные государства не только заключали с Гитлером договоры, например, морское соглашение 1935 года, Мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года, но и до последнего времени принимали участие в имперских партийных съездах, немецкий народ мог лишь заключить, что Гитлер избрал правильный путь для достижения своих целей...

В настоящее время спор идет в основном лишь о том, является ли он один виновником дальнейших событий, приведших к катастрофе, или ответственность должна быть возложена также и на кого-то еще. Обвиняют всех немцев, которые когда-либо оказывали Гитлеру какую-нибудь поддержку, и, как говорят обвинители, в первую очередь тех, кто с самого начала не ожидал от него ничего хорошего и даже отрицал законность его правительства, говоря: «Ведь можно было предвидеть, что он именно так кончит». Значит, все, кто когда-либо поддержи-

вал его каким-либо образом, должны также считаться виновными...

Какую же часть этой вины можно и нужно возложить на приближенных к нему лиц?

Тому, кто не отвергал с самого начала методов Гитлера как незаконных, было очень трудно определить, где кончались политические стремления Гитлера найти оправдание своим мероприятиям и где его политика становилась преступлением...

Геринг всегда оставался верным однажды избранному им фюреру, даже после того, как он утратил его доверие, и даже тогда, когда он был приговорен Гитлером к смерти...

Посол Гендерсон правильно характеризовал Геринга, написав о нем:

«Он был совершенным слугой своего господина, и я никогда не встречал большей верности и преданности, чем у него по отношению к Гитлеру. Он был, по общему признанию, второй величиной в стране и всегда давал мне понять, что является естественным преемником Гитлера, как фюрера. Люди, занимающие второе место, часто бывают склонны подчеркивать свою собственную значимость. Во всех откровенных беседах, которые происходили между мною и Герингом, он никогда не говорил о себе или о той большой роли, какую он сыграл в нацистской революции: все сделал Гитлер, все доверие было доверием к Гитлеру, каждое решение принадлежало Гитлеру, сам он был ничто».

Эта оценка сохраняет свою силу и теперь. Но правильность ее стала для него роковой...

РЕЧЬ ЗЕЙДЛЯ, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО РУДОЛЬФА ГЕССА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 5 и 25 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! Когда в 1918 году немецкая армия... сложила оружие, она поступила так, доверяя заверениям президента Вильсона, который неоднократно делал их в 1918 году...

Председатель: ...Я должен сказать Вам, доктор Зейдль, что Трибунал не хочет слушать Вас по вопросам, которые не имеют никакого отношения к рассматриваемому делу и выдвинутым в отношении Гесса и других подсудимых обвинениям. Если вы не можете перестроить свою речь на ходу, Вам будет дана возможность сделать это не спеша, а затем позже выступить...

Господин председатель, господа судьи!

Когда в 1919 году германский народ после проигранной мировой войны приступил к преобразованию своей общественной жизни на демократической основе, он столкнулся с трудностями, которые были обусловлены не только самой войной и связанными с ней потерями, но и репарационной политикой держав, победивших в 1919 году.

Последствия этой политики для Германии должны были стать тем более опустошительными, что Франция в 1923 году приступила к военной оккупации Рурской области, центра экономической мощи Германии. В это время, время экономического краха и полной незащитности Германии, Адольф Гитлер сделал первую попытку 9 ноября 1923 г. захватить в свои руки государственную власть. Подсудимый Рудольф Гесс также участвовал в этом шествии к дворцу полководцев в Мюнхене.

Вместе с Адольфом Гитлером он отбыл наказание, наложенное на него народным судом, в крепости Ландберг, где Гитлер написал свою книгу «Моя борьба».

Когда в 1925 году партия была восстановлена, Рудольф Гесс снова был вместе с Адольфом Гитлером...

Во время выборов в рейхстаг 14 сентября 1930 г. национал-социалистская партия добилась серьезной победы и получила в новом рейхстаге 107 мест. Этот факт не в последнюю очередь является результатом экономического кризиса того времени, большой безработицы и, следовательно, непосредственно результатом репарационных поставок, противоречащих здравому экономическому смыслу, результатом отказа держав-победительниц, несмотря на настойчивые предупреждения, от изменения существующего порядка. Правда, предусмотренные Версальским договором репарационные поставки и способ выполнения их были изменены планом Дауэса и планом Юнга. Однако правильно и то, что эти изменения произошли слишком поздно и потребовали от Германии в дальнейшем поставок такого масштаба и при таких условиях, которые должны были неизбежно привести к экономической катастрофе и фактически привели к ней впоследствии...

Когда германский народ в порядке выполнения Версальского мирного договора разоружился, он по праву мог ожидать, что и страны-победительницы начнут разоружаться соответственно взятым ими на себя по договору обязательствам. Этого не случилось. И не подлежит сомнению, что отказ в равноправии, в данном случае отказ этих стран от своего разоружения, был одной из основных причин подъема национал-социализма в 1932 и 1933 годах.

30 января 1933 г. Адольф Гитлер был назначен на пост имперского канцлера и получил задание сформировать новое правительство...

Я уже заявил от имени подсудимого Гесса, что он берет на себя полную ответственность за все законы и приказы, которые были подписаны им в качестве заместителя фюрера и в качестве имперского министра или же члена совета министров по обороне империи. Я отказался от представления доказательств по тем пунктам обвинения, которые затрагивают только внутренние дела германской империи как суверенного государства и не находятся ни в какой связи с преступлениями против мира и с преступлениями против законов и обычаев ведения войны, о которых говорится в Обвинительном заключении. Поэтому и сейчас я остановлюсь только на тех законах и государственно-правовых и политических мероприятиях, которые имеют какое-либо отношение к пунктам обвинения и к общему плану, или заговору, о которых говорит Обвинительное заключение.

Обвинительное заключение ставит подсудимому Рудольфу Гессу в вину то, что он будто бы способствовал военной, экономической и психологической подготовке войны и принимал участие в политическом планировании и подготовке агрессивных войн. В доказательство этого утверждения обвинение указало

на тот факт, что подсудимый Рудольф Гесс как имперский министр без портфеля 16 марта 1935 г. подписал закон о создании вооруженных сил. Этим законом в Германии вновь вводилась всеобщая воинская повинность и устанавливалось, что немецкая сухопутная армия в мирное время будет состоять из 12 корпусов и 36 дивизий...

Введение всеобщей воинской повинности законом от 16 марта 1935 г., по-видимому, рассматривается в Обвинительном заключении не как наказуемое само по себе действие, а как часть того общего плана, который, по утверждению обвинения, был направлен на совершение преступлений против мира, против законов и обычаев ведения войны и против человечности.

Гесс лично обвиняется еще в том, что он в качестве заместителя фюрера создал заграничную организацию НСДАП, союз немцев на Востоке, германо-американский союз и германский иностранный институт. Документы, представленные обвинением по этому вопросу, не содержат доказательств того, что сам Гесс давал этим организациям указания или приказы о проведении деятельности, сходной с деятельностью пятой колонны... Обвинение не представило также доказательств и того, что названные организации в действительности занимались подрывной деятельностью в иностранных государствах. Эти обстоятельства делают излишним более подробное исследование деятельности перечисленных организаций, тем более что нет никаких данных, свидетельствующих о том, что имелась какая-либо причинная связь между задачами и функциями этих организаций и теми событиями, которые в 1939 году привели к развязке войны.

При помощи большого количества документов обвинение пыталось далее доказать, что подсудимый Гесс принимал решающее участие в оккупации Австрии 12 марта 1938 г. Я не намереваюсь останавливаться на деталях истории аншлюсса и давать правовую оценку фактам, которые в 1938 году действительно привели к присоединению Австрии к германской империи.

Что касается участия подсудимого Рудольфа Гесса и национал-социалистской партии в осуществлении аншлюсса, то и по этому вопросу представленные доказательства показывают, что присоединение Австрии было событием, не имевшим ничего общего с национал-социалистской партией в империи как таковой. В этой связи достаточно сослаться на показания, данные подсудимым Герингом, а также на показания доктора Зейсс-Инкварта, из которых следует, что вопрос аншлюсса был решен исключительно империей, то есть государственной властью, а не партией. Если останутся еще какие-либо сомнения по этому поводу, то они будут устранены представленным обвинением документом США-61 (ПС-812).

Здесь речь идет о письме гаулейтера Зальцбурга доктора Фридриха Рейнера, направленном им 8 июля 1939 г. имперскому гаулейтеру Иозефу Бюркелю, в котором, между прочим, говорится:

«...Вскоре после прихода к власти в Остмарке¹ Клаузнер, Глобочник и я вылетели в Берлин для того, чтобы сделать доклад заместителю фюрера, члену партии Рудольфу Гессу о событиях, приведших к захвату власти...».

Такой отчет был бы, разумеется, излишним, если бы заместитель фюрера сам непосредственно и решающим образом принимал участие в разрешении вопроса об аншлюссе. Я напоминаю об этом не для того, чтобы привести причины, оправдывающие или извиняющие подсудимого Рудольфа Гесса. Я устанавливаю это исключительно в интересах исторической истины. Теперь я перехожу к вопросу о присоединении Судетской области...

Когда вопрос об аншлюссе в отношении Австрии был разрешен, нельзя было избежать того, чтобы положение судетских немцев в будущем — они насчитывали все же 3,5 миллиона человек и их принадлежность к германской нации не подлежала сомнению — было подвергнуто пересмотру. Я не собираюсь с фактической и с юридической точки зрения отдельно рассматривать все вопросы, связанные с присоединением Судетской области к империи. Однако, учитывая, что представители обвинения в представленных ими Суду судебных выдержках по делу подсудимого Гесса останавливались на судетско-немецком вопросе, и предъявили несколько документов в качестве доказательств, необходимо все же кратко остановиться на этом вопросе. В документе ПС-3258 (ВБ-262), представляющем собой речь заместителя фюрера на конференции заграничной организации НСДАП 28 августа 1938 г., он останавливается только в общих выражениях на судетско-немецком вопросе. Остальные представленные обвинением документы (США-126 и США-26) не содержат ничего, что давало бы основание судить о решающей роли подсудимого Рудольфа Гесса в разрешении судетско-немецкого вопроса. Однако степень его участия можно и не подвергать рассмотрению, так как аншлюсс Судетской области сам по себе ни в коей мере не является действием, наказуемым на основании международного права. Ведь присоединение Судетской области было произведено не на основании односторонних действий Германии и не на основании договора между Германской империей и Чехословацкой республикой, который, возможно, мог бы показаться сомнительным. Аншлюсс произошел на основании соглашения, которое было заключено 29 сентября 1938 г. в Мюнхене между Германией, Соединенным Королевст-

вом Великобритании, Францией и Италией. В этом соглашении были предусмотрены точные и детальные условия вывода войск из области, уступаемой Германии, и постепенного занятия ее немецкими войсками...

Я перехожу теперь к другому пункту обвинения. Как в Обвинительном заключении, так и в материалах индивидуального обвинения, предъявленных обвинителями, подсудимому Рудольфу Гессу вменяется в вину то, что он участвовал в развязывании войны; на него возлагается ответственность за это. Действительно, подсудимый Гесс во многих речах высказывался по вопросу о Польском коридоре и проблеме вольного города Данцига... Начиная со дня подписания Версальского мирного договора, требования о ревизии этого договора именно по вопросу о Польском коридоре не замолкали никогда...

Неверно было бы считать, что только после прихода Гитлера к власти затронутые здесь проблемы начали подвергаться открытому обсуждению...

При таких обстоятельствах ни для кого не могло быть неожиданностью, что после прихода к власти Гитлера и его партии были еще раз подвергнуты пересмотру вопросы, возникшие в связи с созданием Польского коридора и отторжением Данцига от империи...

В первый раз имперский министр иностранных дел 24 октября 1938 г. в беседе с польским послом обсудил вопросы, связанные с Коридором и Данцигом, и сделал Польше соответствующее предложение.

Ответ Польского правительства на это предложение был предъявлен Трибуналу самим обвинением. Это — документ ТС-73, в котором излагается точка зрения польского министра иностранных дел Бека от 31 октября 1938 г. и его поручение польскому послу Липскому в Берлине. В этом документе германское предложение категорически отклоняется...

Несмотря на эту отрицательную позицию Польши, все же во время дальнейших переговоров между польским послом и имперским министром иностранных дел, начавшихся 21 марта 1939 г., последний повторил предложение, сделанное 24 октября 1938 г. Из этого следует сделать вывод, что германское правительство в действительности стремилось к тому, чтобы разрешить вопросы, связанные с Коридором и Данцигом, путем переговоров.

Ответом на германские предложения от 21 марта 1939 г. была частичная мобилизация польской армии. Можно оставить открытым вопрос о том, в какой связи находилась частичная мобилизация, объявленная Польским правительством, с английским предложением о консультации от 21 марта 1939 г. и высказало ли Британское правительство уже в связи с передачей

¹ Так гитлеровцы называли Австрию. — Составители.

этого предложения о консультации в Варшаве свое согласие на заявление о гарантиях, сделанное им затем 31 марта, или только указало на такую возможность. Не подлежит никакому сомнению, что частичная мобилизация польской армии, которую признал также английский премьер-министр Чемберлен в своем заявлении в палате общин 10 июля 1939 г., меньше всего могла создать благоприятные предпосылки для дальнейших переговоров. В действительности меморандум Польского правительства, переданный 26 марта 1939 г. польским послом Липским, содержал окончательное отклонение германского предложения. Было заявлено, что не может быть и речи об удовлетворении требований Германии, а вопрос о передаче Данцига империи не может подвергаться обсуждению. В беседе, которая происходила после передачи меморандума между имперским министром иностранных дел и польским послом, последний совершенно откровенно заявил, что на нем лежит неприятная обязанность отметить, что всякое дальнейшее стремление к осуществлению германских планов, в особенности касающихся передачи Данцига Германии, будет означать войну с Польшей...

Провал переговоров, которые велись между Германией и Польшей, не может казаться удивительным, если вспомнить показания свидетеля Далеруса в этом Трибунале. Этот свидетель ведь подтвердил, что польский посол в Берлине Липский заявил 31 августа 1939 г., что он не может вести переговоры относительно предложений германского правительства...

На скамье подсудимых сидят 22 бывших руководителя национал-социалистской Германии, которые обвиняются в том, что они, осуществляя общий план, совершили преступления против мира, законов и обычаев ведения войны и против человечности.

Основой данного процесса является так называемое Лондонское соглашение, которое было заключено между правительством Великобритании и Северной Ирландии, правительством Соединенных Штатов Америки, временным правительством Французской республики и правительством Союза Советских Социалистических Республик. На основании этого соглашения был создан данный Трибунал, чей состав, чья компетенция и задачи изложены в Уставе Международного Военного Трибунала, который представляет собою составную часть соглашения упомянутых четырех правительств от 8 августа 1945 г. Устав Международного Военного Трибунала содержит не только положения о составе, компетенции и задачах Трибунала. В нем имеются наряду с этим — и это важнейшие части Устава — и положения, относящиеся к материальному праву. Это прежде всего относится к статье 6, в которой содержится определение понятий преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности со всеми отдельными призна-

ками соответствующих составов преступлений. Абзац 3 статьи 6 Устава, в котором отдельно перечисляются признаки так называемого «заговора», следует рассматривать как определение состава уголовного преступления. Статьи 7, 8 и 9 Устава также следует рассматривать как нормы материального права...

В самом Обвинительном заключении подсудимому Гессу вменяется в вину, что он содействовал захвату власти так называемыми «нацистскими заговорщиками», укреплению их контроля над Германией, а также военной, экономической и психологической подготовке развязывания и ведения войны. Затем ему инкриминируется, что он принимал участие в политическом планировании и в подготовке агрессивных войн, а также войн в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий и участвовал в подготовке и разработке внешнеполитических планов так называемых «нацистских заговорщиков»...

Первый раздел Обвинительного заключения рассматривает так называемый «общий план или заговор». Согласно этому разделу все подсудимые вместе с другими лицами в период до 8 мая 1945 г. в качестве руководителей, организаторов, подстрекателей и сообщников принимали участие в подготовке и осуществлении общего плана, направленного на совершение преступлений против мира, совершение преступлений, нарушающих законы и обычаи войны, и преступлений против человечности. Утверждается, что подсудимые планировали, подготавливали, развязывали и вели агрессивные войны и в осуществление этого плана совершили военные преступления и преступления против человечности.

В то время как Устав включает только три состава преступления: преступления против мира, преступления против законов и обычаев ведения войны и преступления против человечности, Обвинительное заключение содержит четыре состава преступления. В Обвинительном заключении общий план, или заговор, превращается в отдельный и самостоятельный пункт обвинения, хотя Устав не дает для этого достаточного обоснования. Можно оставить в стороне вопрос о том, является ли заговор по англо-американскому праву специальным составом преступления. Ввиду того что Устав не придерживается ни англо-американского, ни континентального права, а самостоятельно создает правовые нормы, ... решающими являются лишь текст и смысл Устава. Поскольку, однако, в абзаце 3 статьи 6 Устава ясно говорится о составлении или осуществлении плана, направленного на совершение преступлений против мира, против законов и обычаев ведения войны и против человечности, не может быть никакого сомнения в том, что не существует того самостоятельного состава преступления, на который указывается в первом разделе Обвинительного заключения под заглавием «Общий

план, или заговор», во всяком случае, его не существует согласно положениям Устава.

Так как подсудимому Гессу инкриминируются преступления, перечисленные во всех четырех разделах Обвинительного заключения, необходимо сначала рассмотреть первый пункт обвинения...

Обвинение не смогло предъявить ни одного доказательства, которое позволило бы сделать вывод о том, что партия и ее руководители, применяя незаконные средства, стали соучастниками в составлении общего плана, имевшего целью развязать агрессивную войну...

Когда Гитлер 30 января 1933 г. был назначен рейхсканцлером, для него и его правительства, в которое вошли и представители других партий, не могло быть и речи о том, чтобы, полностью игнорируя политические, а главное — экономические условия, заняться разработкой общего плана, имеющего целью агрессивную войну...

Германская империя добивалась уравнивания вооружений путем собственного перевооружения. Это делалось не тайно, а совершенно открыто, путем объявления 16 марта 1935 г. закона о восстановлении всеобщей воинской повинности. Обвинение не смогло предъявить никаких доказательств в подтверждение обвинения в том, что этот закон был издан в связи и во исполнение общего плана, направленного на развязывание агрессивной войны...

В связи с этим нужно вкратце остановиться на одном документе, представленном Обвинением в числе других так называемых «ключевых документов», который должен служить доказательством существования совместного плана, упоминаемого в Обвинительном заключении. Документ, о котором я говорю, является протоколом совещания, происходившего в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г. (США-25, ПС-386). Суду известно, что этот документ не является дословной передачей выступления Гитлера, а представляет собой запись полковника Госсбаха, датированную 10 ноября 1937 г. Я не стану подробно рассматривать содержание этого документа. Я сошлюсь в этом случае на те показания, которые давались здесь подсудимыми Герингом и Редером, а также на соображения, высказанные другими защитниками. Нужно еще только добавить, что Гитлер в обращении к главнокомандующим и тогдашнему министру иностранных дел имел в виду временный план, который не находится ни в какой связи с позднейшими событиями. При таких обстоятельствах само существование определенного и твердо намеченного плана кажется весьма неправдоподобным, если учесть, что собою представлял Гитлер. Из содержания этого документа бесспорно вытекает лишь то, что 5 ноября 1937 г. Гитлер и сам

имел в виду разрешение территориальных вопросов, возникших в связи с Версальским договором, мирным путем. Хотя бы по одной этой причине какой-либо совместный план, предусматривающий начало агрессивной войны, не мог существовать до этого дня. На основании общих результатов представления доказательств и, в частности, с учетом показаний свидетеля доктора Ламмерса и других свидетелей, а также целого ряда документов, предъявленных представителями обвинения, можно с уверенностью сделать вывод, что не позднее чем с 5 ноября 1937 г. все вопросы, затрагивающие проблемы войны и мира, не обсуждались больше ни правительством как государственным органом, ни каким-либо другим широким кругом постоянных сотрудников, а решались исключительно самим Гитлером...

Ни один из документов, предъявленных обвинением, не содержит никаких данных о существовании сотрудничества между имперским правительством, имперским руководством партии и имперским военным министерством, а позже ОКВ или главнокомандующими частей вооруженных сил и их начальниками штабов. Напротив, если из всех представленных доказательств можно сделать какой-либо вывод, то это вывод лишь о том, что вся власть была сосредоточена исключительно в руках Гитлера, что имперское правительство, имперское руководство партии и вооруженные силы получали приказы только от него и что именно Гитлер всячески препятствовал независимости этих инстанций. Этим объясняется то, почему вопросами политического или военного характера занимались только те служебные инстанции, которые непосредственно имели дело с выполнением поставленной задачи...

Можно сказать с уверенностью, что не позднее, чем с 5 ноября 1937 г. положение Гитлера стало настолько господствующим, а единоличные решения им всех важнейших политических и военных вопросов стали столь несомненными, что уже по одной этой причине существование какого-либо совместного плана невозможно.

Подсудимый Гесс не принимал активного участия в совещании у фюрера в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г., несмотря на то, что он был заместителем фюрера, а по партийной линии — высшим политическим руководителем, как и во всех остальных совещаниях, которые обвинением рассматриваются как доказательства существования общего плана; он также мало участвовал и в принятии важных политических или военных решений. Это в равной мере относится и к предъявленному обвинением доказательству за номером США-26 (ПС-388). Я имею в виду секретный документ командования — план «Грюн» о Чехословакии. Не вдаваясь в подробности этого документа, нужно,

однако, сказать, что речь здесь идет о специфическом плане генерального штаба, который задуман был вначале лишь в качестве варианта, а затем переработан в настоящий план кампании. Этот план военных действий не был проведен в жизнь. Разработка плана «Грюн» прекращается по приказу № 1 фюрера и главнокомандующего вооруженных сил, в котором указывается на оккупацию Судето-немецкой области, отделенной от Чехословакии на основании Мюнхенского соглашения от 28 сентября 1938 г. При этих обстоятельствах излишне подробно останавливаться на письме начальника ОКВ на имя заместителя фюрера от 27 сентября 1938 г., которое также находится среди документов плана «Грюн» и говорит о мерах мобилизации, которые должны быть проведены без особого приказа.

То, что я сказал о документе США-25, в равной мере относится и к документу США-27 (Л-79). Это тоже один из так называемых «ключевых» документов, в котором приводятся инструкции, данные фюрером 23 мая 1939 г. в помещении новой имперской канцелярии главнокомандующим трех родов войск и начальникам их штабов. Не желая подробно останавливаться на содержании, значении и доказательной силе документа (доклад Гитлера закончился приказом о создании небольшого учебного штаба при ОКВ), надо сказать, что и этот документ со всей ясностью показывает, что общего плана в той форме, как это утверждает обвинение, не могло существовать, тем более между теми подсудимыми, которые сейчас стоят перед Судом. На этом совещании у фюрера — на самом деле это было не совещание, а беседа и издание приказа — не присутствовал ни один министр, ни один служащий гражданского ведомства.

Следующие три «ключевых» документа, предъявленные обвинением, относятся к одной и той же теме, а именно к речи Гитлера перед главнокомандующими вооруженных сил, произнесенной им 22 августа 1939 г. Это документы США-28 (Л-3), США-29 (ПС-798) и США-30 (ПС-1014). Изложенное в этих документах как по форме, так и по содержанию очень отличается одно от другого. Наиболее полное изложение сказанного Гитлером дается, по-видимому, в документе США-29.

...На этом совещании, кроме главнокомандующих, не присутствовал ни один министр или партийный руководитель, и в частности подсудимый Гесс.

То же самое относится и к документу США-23 (ПС-789), где говорится о совещании у Гитлера 23 ноября 1939 г. Из этого документа явствует, что и здесь также присутствовали только главнокомандующие родов войск, которым фюрер давал директивы относительно предстоящих операций на Западе. Далее идет документ США-31. Это, собственно говоря, инструкция № 21

к плану «Барбаросса». Речь идет об инструкции фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами, носившей исключительно военный характер и предназначавшейся только для вооруженных сил. Возможность какого-либо участия в этом представителей гражданских ведомств или партии, даже в лице ее высшего партийного руководителя подсудимого Гесса, исключается по самому характеру этой инструкции.

Из документа США-32 (ПС-2713), который содержит запись результатов совещания от 2 мая 1941 г. по плану «Барбаросса», также явствует, что на этом совещании ни заместитель фюрера, ни какой-либо другой политический руководитель не участвовал.

И, наконец, последний из этих документов — США-33 (ПС-1881), на котором следует остановиться, является записью посла Шмидта о переговорах между фюрером и японским министром иностранных дел Мацуока, происшедших в Берлине 4 апреля 1941 г. Тема этих переговоров сама по себе исключает всякую возможность участия в них подсудимого Гесса или какого-либо другого политического руководителя. Но из документа явствует еще другое, а именно тот факт, что не только нельзя говорить о наличии в Германии какого-либо общего плана, но что и, кроме того, между так называемыми державами оси не существовало никакого тесного военного или политического сотрудничества, во всяком случае, поскольку речь идет о Германии и Японии.

Какие же выводы можно сделать из содержания этих так называемых основных документов, которые обвинение представило в качестве веских доказательств существования общего плана? Не оценивая доказательной силы этих документов, можно, во всяком случае, учитывая их, сказать, что подсудимый Гесс не присутствовал ни на одном из этих совещаний и не принимал участия в издании приказов. Учитывая это обстоятельство, а также и тот факт, что подсудимый Рудольф Гесс был заместителем фюрера, то есть верховным политическим руководителем, и что он с 1 сентября 1939 г. был назначен преемником Гитлера после подсудимого Германа Геринга, можно сказать, что не остается места для утверждения, что общий план существовал в той форме, как это говорит обвинение...

Надо считать доказанным, что даже в узком кругу соратников Гитлера не было полной согласованности относительно тех мероприятий, которые должны были проводиться в политической и военной областях, причем можно оставить в стороне вопрос о порядке подчиненности, основанном на государственном праве и существовавшем между офицерами вооруженных сил и главой государства и верховными главнокомандующими.

Ясно, что нельзя признать существование общего плана, направленного на подготовку и ведение войны, даже среди того круга лиц, в котором это казалось бы наиболее правдоподобным.

В качестве второй общей цели заговора Обвинительное заключение указывает на захват областей, которые Германия потеряла в результате мировой войны 1914—1918 гг. Кроме того, из требования воссоединения Австрии с Германской империей и присоединения к ней Судетской области нельзя сделать вывод о существовании плана, который должен был быть осуществлен при помощи силы и путем войны...

Наконец, в качестве третьей цели общего плана указывается на захват других территорий европейского континента, которые должны были служить заговорщикам «жизненным пространством». В этом пункте Обвинительное заключение изложено очень неясно и дает основания думать что угодно. На самом деле вопрос о так называемом «жизненном пространстве» является проблемой, совершенно не зависимой от национал-социалистской идеологии...

Господа судьи! Я перехожу к юридической оценке дела, фактическую сторону которого следует считать установленной. Как я уже говорил, абзац 3 статьи 6 Устава представляет собою не определение самостоятельного состава преступления, а расширение уголовной ответственности организаторов, подстрекателей и соучастников, которые совместно участвовали в составлении общего плана, направленного на совершение одного из преступлений, указанных в абзаце 2, или в совершении их. Согласно вышеназванным положениям эти лица отвечают не только за те действия, которые они сами совершили, но и за все действия, которые совершали другие лица при проведении в жизнь этого общего плана.

В статье 6 Устава (абзац 2а) состав преступления против мира определяется следующим образом: «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане, или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеназванных действий».

Таким образом, если в абзаце 3 статьи 6 Устава говорится, что уголовная ответственность участников общего плана ограничивается действиями, совершенными любыми лицами с целью осуществления такого плана, то в абзаце 2а статьи 6 говорится, что состав преступления против мира будет и в том случае, когда война ведется в нарушение соглашений или заверений или когда устанавливается участие в общем плане или заговоре, направленное к осуществлению любого из вышеуказан-

ных действий. В противоположность абзацу 3 статьи 6 здесь не требуется, чтобы вообще совершались действия по проведению данного плана; оказывается достаточно одного участия в заговоре.

Я не собираюсь подробно рассматривать вопрос, можно ли считать начало войны 1 сентября 1939 г. согласно действовавшему тогда международному праву началом преступной, агрессивной войны.

Таким образом, уже на основании этих констатаций и исследований можно сделать вывод, что преступления против мира, как это изложено в пункте «а» статьи 6 Устава, не существует.

Этот раздел статьи 6 Устава не находит достаточной основы в существующем международном праве...

Во вступительных речах четырех Главных обвинителей и на предшествовавшей дискуссии о правовых основах процесса были выдвинуты два совершенно противоречащих друг другу аргумента. В то время, как одни заявляли, что Устав является истинным выражением существующего международного права и что он полностью согласуется с общими правовыми воззрениями всех народов, другие утверждали, что одной из главных задач создаваемого Международного Военного Трибунала является дальнейшее развитие международного права. Последнее мнение выражено довольно ясно, например, в докладе американского Главного обвинителя Президенту Соединенных Штатов от 7 июля 1945 г. В докладе, между прочим, сказано дословно следующее: «Организуя этот судебный процесс, мы должны помнить о тех стремлениях, с которыми наш народ принял на себя тяготы войны. После того, как мы вступили в войну, использовали наших людей и наши богатства для искоренения зла, весь народ почувствовал, что в результате этой войны должны быть созданы обязательные правила и эффективный механизм для того, чтобы всякий, кто питал бы мысль о новой разбойничьей войне, знал бы, что он за это будет лично привлечен к ответственности и лично наказан».

В другом месте доклада говорится следующее: «Покушение на основы международных отношений должно рассматриваться как преступление против всех стран, которые при помощи права должны защищать нерушимость своих принципиальных договоров, наказывая агрессора. Поэтому мы предлагаем выдвинуть требование о том, что агрессивная война должна считаться преступлением и что современное международное право должно отказаться от положения, согласно которому тот, кто начинает или ведет войну, действуют в соответствии с законом».

И в самом деле, вовсе не нужно было бы выдвигать требования о создании нового уголовного закона, если бы такое поведение было бы наказуемым уже в соответствии с существующим правом.

Очевидно, что выполнение подобного требования судом — каковы бы ни были юридические принципы процесса — противоречило бы принципу, на котором основано уголовное право почти всех цивилизованных народов и который находит свое выражение в правиле: нет преступления, не указанного в законе, то есть действие может лишь тогда повлечь за собой наказание, если наказуемость его установлена законом до того, как оно было совершено. Это положение кажется тем более примечательным, что правило «нет преступления, не указанного в законе» зафиксировано в конституциях почти всех цивилизованных государств.

Помимо участия в общем плане, или заговоре, как это изложено в первом разделе Обвинительного заключения, подсудимому Рудольфу Гессу вменяется в вину совершение военных преступлений и преступлений против человечности. Это обвинение основывается по существу на одном документе, а именно на документе ВВ-258 (Р-96).

Речь идет о письме имперского министра юстиции имперскому министру и начальнику имперской канцелярии от 17 апреля 1941 г., в котором говорится о введении уголовного закона против поляков и евреев в присоединенных восточных областях. Подсудимого Гесса это касается лишь потому, что в письме, между прочим, упоминается, что заместитель фюрера поставил на обсуждение вопрос о введении телесных наказаний. Если учесть, что штаб заместителя фюрера насчитывал 500 чиновников и служащих и что по вопросам законодательства существовал особый отдел, который непосредственно вел переговоры с отдельными министерствами, то кажется очень сомнительным, чтобы подсудимый Гесс лично вообще занимался этим вопросом... Точка зрения фюрера или же в данном случае заместителя фюрера, в том виде, как она изложена в письме имперского министра юстиции, не имеет отношения к делу с позиций уголовного права...

Другой документ, представленный обвинением, это документ США-696 (ПС-062). Здесь речь идет о распоряжении заместителя фюрера от 13 марта 1940 г., в котором говорится об инструктировании гражданского населения относительно поведения при высадке на территории Германской империи парашютистов или приземлении вражеских самолетов.

Это тот самый документ, об исправлении перевода которого я ходатайствовал, так как перевод с немецкого на английский, по моему мнению, был сделан неправильно.

Правда, этот документ не содержится в представленных британским обвинением судебных выдержках и не был упомянут господином полковником Гриффит-Джонсом 7 февраля 1946 г., когда он говорил об индивидуальной ответственности подсудимого Рудольфа Гесса, но, учитывая, что это распоряжение было официально представлено в качестве доказательства, необходимо вкратце на нем остановиться.

Поводом для издания этого распоряжения от 13 марта 1940 г. был тот факт, что Французское правительство официальным путем и по радио дало указания французскому гражданскому населению, как оно должно вести себя при посадке германских самолетов.

Эти инструкции французского правительства заставили главнокомандующего германскими военно-воздушными силами со своей стороны соответствующим образом проинструктировать германское гражданское население, используя для этого партийные каналы. Главнокомандующий военно-воздушных сил издал инструкцию о поведении населения при посадке вражеских самолетов или парашютистов. Эта инструкция была использована заместителем фюрера Гессом в качестве приложения к вышеназванному распоряжению от 13 марта 1940 г.

Указанная инструкция, однако, не содержит в себе ничего такого, что противоречило бы законам и обычаям ведения войны, в частности Гаагским правилам ведения сухопутной войны. В пункте 4 инструкции дается указание задерживать вражеских парашютистов или обезвреживать их. Не подлежит никакому сомнению, что как по тексту, так и по смыслу этого пункта в нем подразумевалось лишь то, что вражеские парашютисты должны быть взяты путем применения силы, если они не сдаются добровольно и пытаются со своей стороны избежать задержания с помощью применения силы, и в частности с помощью огнестрельного оружия. Это ясно вытекает уже из самого слова «или». В первую очередь следует пытаться взять их в плен. Это должно осуществляться хотя бы в интересах службы информации. И только если это окажется невозможным вследствие оказываемого ими сопротивления, они должны быть обезврежены, то есть уничтожены в бою.

Всякое другое истолкование этой инструкции противоречило бы как ее содержанию, так и ее духу и, кроме того, противоречило бы тому факту, что, включая и французскую кампанию, война велась согласно Гаагским правилам ведения сухопутной войны и что во всяком случае в то время — март 1940 года — война не развилась еще до взаимной борьбы на уничтожение, какой она стала после начала германо-русской

войны. Что возможность всякого другого толкования исключается, вытекает также из содержания так называемого приказа о «командос», изданного фюрером 18 октября 1942 г.; этот документ был предъявлен обвинением под номером США-501 (ПС-498). Этот приказ был обусловлен совершенно иными предпосылками и издание его самим Гитлером было бы совершенно излишним, если бы главнокомандующий военно-воздушными силами издал уже в марте 1940 года инструкции, которые служили бы тем же самым целям. Кроме того, в пункте 4 приказа фюрера от 18 октября 1942 г. совершенно недвусмысленно говорится, что пленные члены «командос» должны передаваться СД.

Документ ВВ-260 (ПС-3245), содержание которого также вменяется в вину подсудимому Гессу, не нуждается в подробном разъяснении, так как содержание его при условии применения вышеназванных принципов не может ни в каком случае рассматриваться как преступление против законов и обычаев ведения войны и против человечности.

Кроме индивидуального обвинения, Гессу были также предъявлены обвинения как члену СА, СС, руководящего политического состава и имперского правительства. Что касается принадлежности к СА и к СС, то всякие подробные разъяснения по этому вопросу являются излишними.

Из предъявленных обвинением документов вытекает, что подсудимый Гесс имел в этих обеих организациях лишь почетное звание обергруппенфюрера, которое не давало ему права издавать приказы или пользоваться дисциплинарной властью.

В качестве заместителя фюрера подсудимый Рудольф Гесс занимал, однако, высшую должность, имевшуюся среди руководящего состава национал-социалистской партии. В мою задачу входит подробное исследование обвинения, которое предъявлено руководящему политическому составу в пределах и на основании статьи 9 Устава; это обвинение нашло свое выражение в требовании объявить руководящий политический состав преступной организацией...

Ни в Обвинительном заключении, ни в судебных выдержках, где разбирается вопрос об индивидуальной ответственности подсудимого Гесса, последнему не вменяется в вину никакое действие, которое подпало бы под состав преступления, именуемого военным преступлением или преступлением против человечности, и совершено было бы Гессом как членом руководящего политического состава национал-социалистской партии. Осуждение его было бы равнозначным установлению уголовно-правовой ответственности за действия и упущения другого лица...

Наконец, Рудольф Гесс обвиняется как член имперского правительства. Что касается его принадлежности к тайному совету министров, то по этому поводу можно сказать следующее: процесс представления доказательств показал, что этот тайный совет министров был создан только для того, чтобы общественность не восприняла отставку бывшего имперского министра иностранных дел фон Нейрата, как разрыв между ним и Гитлером. В действительности ни разу не состоялось ни одного заседания этого тайного совета министров. Совет не собирался даже для учредительного заседания.

Что касается имперского кабинета, то в ходе представления доказательств было совершенно ясно доказано, что по крайней мере с 1937 года заседания кабинета больше не происходили. Задачи, которые должны были разрешаться имперским правительством, а также задачи, связанные с законодательными функциями, разрешались так называемым циркулярным методом. Представление доказательств показало, далее, что, по крайней мере начиная с 1937 года, все важные политические и военные решения выносились исключительно самим Гитлером, причем членов имперского правительства предварительно не информировали по этим вопросам.

Имперское правительство как институт, начиная со времени назначения Гитлера на пост рейхсканцлера, еще задолго до 1937 года не принимало какого-либо значительного участия в вынесении политических и военных решений.

Господа судьи! Сейчас я перехожу к событию, которым закончилась политическая карьера подсудимого Рудольфа Гесса, а именно — к его полету в Англию 10 мая 1941 г. Это событие для данного процесса по многим причинам имеет очень важное значение. Как это показали представленные доказательства, подсудимый Гесс принял решение относительно этого полета уже в июне 1940 года, то есть сразу после капитуляции Франции. Осуществление этого плана задерживалось по целому ряду причин, в частности необходимо было наличие некоторых технических предпосылок. Кроме этого, определенную роль играли также соображения политического порядка, в частности то, что подобное предприятие может увенчаться успехом лишь в том случае, если политические условия и особенно военная обстановка будут благоприятными для начала переговоров о заключении мира. Восстановление мира, без сомнения, являлось целью, которую преследовал Гесс своим полетом в Англию.

Когда подсудимый Гесс на следующий день после своей посадки встретился с герцогом Гамильтоном, он заявил последнему: «Я прибыл с миссией, имеющей целью защиту интересов человечества». Во время бесед, которые состоялись

у подсудимого 13, 14 и 15 мая с господином Киркпатриком из министерства иностранных дел, он изложил последнему все причины, которые побудили его предпринять такой необычный шаг. Одновременно он сообщил Киркпатрику об условиях, при которых Гитлер готов заключить мир. 9 июня 1941 г. состоялась беседа между Рудольфом Гессом и лордом Саймоном, который явился по поручению Британского правительства. Записи этой беседы я предъявил Трибуналу в качестве документального доказательства и сейчас ссылаюсь на этот документ. Из этого документа видно, что... в ходе этой беседы подсудимый Гесс передал лорду Саймону документ, в котором были перечислены четыре условия, при которых Гитлер в то время согласен был заключить с Англией мир. Эти условия были таковы:

«1. Чтобы воспрепятствовать возникновению новых войн между державами оси и Англией, должно быть произведено разграничение сфер интересов. Сферой интересов держав оси должна быть Европа, сферой интересов Англии — ее империя.

2. Возвращение Германии ее колоний.

3. Возмещение германским гражданам, которые жили в Британской империи перед или во время войны, ущерба, причиненного их имуществу или жизни мероприятиями правительства в империи или такими действиями, как грабежи, беспорядки и т. д. Германия обязуется обеспечить на равных условиях возмещение ущерба британским подданным.

4. Перемирие и заключение мира одновременно также с Италией».

Рудольф Гесс заявил господину Киркпатрику и лорду Саймону, что это как раз те условия, при которых Гитлер был готов сразу же после окончания французской кампании заключить мир с Англией, и что мнение Гитлера со времени окончания французской кампании в этом вопросе не изменилось. Нет никаких оснований считать это заявление подсудимого недостоверным. Как раз наоборот, эти заявления подсудимого находятся в полном согласии со многими заявлениями самого Гитлера, которые он сделал по вопросу о взаимоотношениях Германии и Англии. Подсудимые Геринг и фон Риббентроп в своих показаниях подтвердили, что сообщенные Гессом лорду Саймону условия полностью соответствовали намерениям Гитлера.

Если в выдвинутых Гессом условиях предусматривалось, что Европа будет сферой интересов держав оси, то из этого обстоятельства никоим образом не следует делать вывода, что это является равнозначным установлению господства держав оси в Европе.

Из разъяснений, данных Гессом и помещенных в протоколе совещания между ним и лордом Саймоном, следует со всей ясностью, что это должно было лишь исключать возможность влияния Англии на континентальную Европу...

Господа судьи! Последующие соображения относятся к вопросу о том, какой юридический вывод следует сделать из полета подсудимого Гесса в Англию в отношении его участия в общем плане или заговоре, о котором говорится в Обвинительном заключении, в частности можно ли считать, что подсудимый должен нести уголовную ответственность за действия, совершенные в то время, когда он был в Англии.

Согласно части 3 статьи 6 Устава подсудимый несет уголовную ответственность за все действия, совершенные любым лицом с целью осуществления общего плана, о существовании которого говорилось обвинением...

В данном случае по общепринятым правовым принципам, которые могут быть установлены на основании юридического права всех цивилизованных народов, должно быть применено правило исключения ответственности при установлении алиби.

Если этот принцип применить в отношении подсудимого Гесса, то следует признать, что после его полета в Англию 10 мая 1941 г. он не должен нести ответственность за все последующие события, которые имели место не по его воле и в его отсутствие...

В этой связи следует еще коснуться утверждения обвинения о том, что подсудимый Гесс совершил свой полет в Англию не с целью создания благоприятных условий для мирных переговоров. Его намерением, как утверждает обвинение, якобы было защитить тыл Германии для планируемого похода против Советского Союза. Документы, представленные обвинением, не обосновывают этого предположения. Этому противоречит в первую очередь тот факт, что подсудимый Гесс принял решение совершить этот полет еще в июне 1940 года, то есть в то время, когда никто в Германии и не думал о походе против Советского Союза. Из письма, которое в свое время было оставлено подсудимым Гессом и которое было передано Гитлеру, когда Гесс был уже в Англии, следует со всей ясностью, что Гесс ничего не знал о предстоящем походе против Советского Союза. Как установлено показаниями свидетельницы Фаб, читавшей это письмо, подсудимый Гесс в этом письме ни одним словом не обмолвился о том, что он, совершая этот полет, намеревается защитить тыл Германии для предстоящего похода против Советов. В этом письме Гесс вообще не упоминает о Советском Союзе. Следует почти что с уверенностью предположить, что Гесс обязательно коснулся бы этого вопроса, если бы он знал

о планируемом нападении и если бы он связывал со своим полетом такие намерения, о которых говорит обвинение.

Но даже в том случае, если бы Гесс имел точные сведения о планируемом походе против Советского Союза, это не должно было бы помешать снять с него ответственность за последующий период...

Резюмируя, можно сказать, что уголовная ответственность подсудимого Гесса, во всяком случае, должна ограничиться теми действиями, которые были совершены до полета в Англию.

Господа судьи! Закончившаяся война принесла всему человечеству такие несчастья, размеры которых трудно себе представить. Война превратила Европу в часть света, истекающую кровью из тысячи ран, она оставила от Германии одни лишь развалины. Совершенно очевидно, что при современном уровне техники человечество не сможет пережить катастрофу, которую принесла бы с собой новая мировая война. Можно предвидеть, что новая война полностью уничтожила бы цивилизацию, которая и так неслышанно пострадала в этой войне. Поэтому совершенно понятно, что при таких условиях во имя борющегося за свое существование человечества следует приложить все усилия также и в правовом отношении для того, чтобы избежать повторения подобной катастрофы.

Но нельзя сомневаться в том, что право, как бы велика ни была его сила в общественной жизни, играет лишь подчиненную роль в борьбе с войной... И какой бы заманчивой ни была попытка создать на развалинах, которые оставила нам закончившаяся мировая война, по крайней мере, улучшенное и более сильное международное право, эта попытка с самого начала обречена на неудачу, если она одновременно не является частью установления всеобъемлющего нового порядка в области международных отношений и если международное право не явится одновременно существенной составной частью порядка, обеспечивающего бесспорные права всех народов и в особенности исполнение справедливых требований всех народов на соответствующее участие в распределении материальных богатств мира. Устав Международного Военного Трибунала, без сомнения, не является частью такого нового всеобщего порядка... Содержание Лондонского соглашения заставляет считать Устав Международного Военного Трибунала, который является существенной составной частью этого соглашения, законодательной нормой, действие которой в силу статьи 7 ограничивается одним годом... Осуждение за преступления против мира и за участие в общем плане, направленном на ведение агрессивной войны, может иметь место вопреки действующему международному праву только в том случае, если Трибу-

нал, нарушая принцип «Nulla poena sine lege», решится на дальнейшее развитие международного права. И как бы ни было велико это искушение, нельзя предусмотреть всех тех последствий, которые оно может повлечь за собой. Будет нарушен принцип, который вытекает из принципа уголовного права всех цивилизованных народов и который является неотъемлемой составной частью международного права, а именно то, что действие является наказуемым только в том случае, если наказание его была установлена законом до того, как это действие было совершено... И если не хотят закрыть дорогу действительному развитию международного права, то правовой основой для приговора этого Суда может явиться только подлинное международное право, то есть право, действовавшее во время совершения рассматриваемых действий.

РЕЧЬ ХОРНА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ИОАХИМА ФОН РИББЕНТРОПА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 5 и 8 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! Все великие потрясения в мировой истории, и в особенности в современной Европе, являлись одновременно войнами и революциями.

Мы сейчас переживаем как раз период таких потрясений. Этот период ни в коей мере не закончен. Вырвать из общей связи отдельные события для того, чтобы давать им юридическую оценку, почти не только невозможно, но и связано с опасностью вынесения поспешного приговора. Не будем обманывать себя: мы рассматриваем вопрос не о каком-то локальном кризисе, причины возникновения которого ограничиваются определенной частью Европы. Мы должны создать себе представление о катастрофе, которая затронула глубочайшие корни нашей цивилизации.

Обвинение применило строгий критерий при оценке определенных государственных событий и явлений, имевших место в отношениях между отдельными государствами. Германия полностью заинтересована в развитии идеи права, если последняя, будучи повсюду воплощенной в жизнь, приведет к совершенствованию международной морали. Перед настоящим Судом стоит благородная задача, заключающаяся не только в том, чтобы вынести решение относительно отдельных подсудимых и вскрыть причины происшедшей катастрофы, но также и в том, чтобы одновременно создать нормы, которые должны стать обязательными повсюду. Недопустимо, чтобы создавалось право, которое будет применяться лишь в отношении слабых. В противном случае возникнет опасность, что все усилия государств будут опять направлены на то, чтобы превратить сопротивление во всеобщее и тем самым сделать войну еще более ожесточенной, чем та, о которой здесь должно быть составлено суждение.

Исходя из вышеизложенной основы, я представляю Трибуналу на рассмотрение мои соображения и выводы.

Фон Риббентроп считается лицом, несущим среди заговорщиков главную ответственность за внешнеполитическую, дипломатическую сторону мнимого заговора, который якобы ставил себе целью подготовку и ведение агрессивных войн. Прежде всего моя задача заключается в том, чтобы, базируясь на результатах представления доказательств, установить, когда, с точки зрения международного права, и в каких случаях велась агрессивная война.

Понятие агрессивной войны не исчерпывается тем формально-юридическим определением, которое предложено Главными обвинителями от США и Великобритании. Оно имеет прежде всего реальные предпосылки.

Лишь знание этих предпосылок допускает точку зрения, которая может служить основой для решения Суда. Поэтому я откладываю обсуждение понятия агрессии и агрессивной войны до тех пор, пока не представлю Суду соответствующий материал, изложив германскую внешнюю политику и участие в ней Риббентропа.

Трибунал намеревался рассмотреть положение вещей с точки зрения уголовного права. Соответственно этому я особо остановлюсь на вопросе о том, насколько тормозящим или поддерживающим было влияние Риббентропа на внешнеполитические решения во время его политической деятельности.

Успешным был первый шаг господина фон Риббентропа в примирении интересов, а следовательно, и в борьбе международных сил, когда он в 1935 году добился заключения морского соглашения между Германией и Англией.

Обстоятельства, сопутствовавшие подписанию этого соглашения, столь же показательны для политических проблем тех лет, как и характерны для фон Риббентропа и дальнейшего развития его политической деятельности. Это соглашение было заключено через голову официальной германской дипломатии. Посвященные круги знали об этом. Тогдашний германский посол в Лондоне фон Геш и Вильгельмштрассе¹ отнеслись к проекту этого соглашения с огромнейшим скептицизмом. И Геш и Вильгельмштрассе не верили в то, что Англия склонна к заключению такого договора, который нарушал положения части V Версальского договора и который противоречил предыдущей позиции Англии на различных конференциях по разоружению. Они не верили в то, что такое соглашение может быть заключено через несколько недель после того, как ассамблея Лиги Наций назвала восстановление германского военного суверенитета нарушением германских обязательств, и

¹ Министерство иностранных дел Германии. — Составители.

после того, как представители Англии, Франции и Италии собрались в Стресе, чтобы ответить на этот шаг Германии. Они совсем уже не верили в то, что такому, стоящему в стороне от дел человеку, как Риббентропу, удастся заключить договор, имевший колоссальное принципиальное значение.

Последствия подписания этого договора были столь же очевидными, как и важными. Престиж господина фон Риббентропа, вышедшего из рядов национал-социалистской партии, поднялся в глазах Гитлера. Отношения между Риббентропом и консервативной дипломатией все более обострялись. Все сильнее росло недоверие к этому титулованному послу, который сумел завоевать доверие Гитлера, избежав того, чтобы его деятельность подвергалась контролю со стороны министерства иностранных дел.

После заключения морского соглашения Гитлер стал видеть в Риббентропе человека, который может эффективно помочь ему осуществить свое заветное желание — можно вполне высказать также и желание германского народа — заключить с Англией политический союз.

В политическом отношении морское соглашение представляло собой первую значительную брешь в политике Версаля, что санкционировалось Англией при последующем одобрении со стороны Франции. Таким образом, после многих лет безрезультатных переговоров было достигнуто первое соглашение об ограничении вооружений, имеющее практическое значение¹. Одновременно создалась благоприятная общая политическая атмосфера. Морское соглашение и его последствия явились, видимо, основанием того, что после смерти Геша Гитлер на следующий год назначил фон Риббентропа послом в Лондоне.

Насколько неожиданно быстро удалось Риббентропу добиться морского соглашения, настолько же мал был успех его предложения о заключении общего союза с Англией. Была в этом повинна дипломатия фон Риббентропа или причина заключалась в абсолютном расхождении интересов Германии и Англии, трудно сказать. Кто знаком с психологией англосаксов, тот знает, что не рекомендуется сразу осаждать этих людей предложениями и просьбами. Если немцам удалось в первый момент установить нечто общее с англичанами, то при более близком ознакомлении с их политикой выяснилось, что имеются глубоко идущие расхождения.

На протяжении современной истории Англия постоянно испытывала потребность в союзе с какой-либо континентальной

¹ Соглашение не имело целью ограничение вооружений, оно, наоборот, дало право Германии создать крупный военно-морской флот. — Составители.

военной державой, и, учитывая свои интересы, в зависимости от преследовавшихся ею целей, она искала и находила себе союзника либо в Вене, либо в Берлине, а с начала XX столетия — в Париже.

Интересы Англии и во время деятельности фон Риббентропа не допускали отклонения от этой линии. К этому присоединялась принципиальная точка зрения Великобритании, состоявшая в том, что она не желала укрепляться на континенте. С берегов Темзы наблюдали за осложнениями, намечавшимися на континенте. Руководящие лица в английском министерстве иностранных дел еще слишком сильно придерживались политики конца XIX и начала XX столетия, заключавшейся во французской ориентации.

Голоса тех, которые выступали за более тесную связь с Германией, были незначительными в своем политическом весе, они уступали оппозиции. Кроме того, существовали трудности, возникшие в связи с участием Германии в комитете по невмешательству, который заседал в Лондоне, решая вопрос об изоляции держав от участия в гражданской войне в Испании.

Обвинение затронуло вопрос о том, как фон Риббентроп оценивал германо-британские отношения, когда он покидал пост посла в Лондоне.

Ответ даст нам лучше всего документ ТС-75, который содержит точку зрения Риббентропа на международное положение Германии в тот период и на то, как в будущем могут сложиться германо-британские отношения.

Риббентроп исходил из той предпосылки, что Германия не желает связывать себя существующим в Европе положением. Он был убежден, что осуществление поставленных целей неизбежно приведет Германию и Англию в «разные лагеря». Он советовал создать систему союзов с державами, интересы которых совпадают с интересами Германии (Италия и Япония).

Такой политикой он надеялся, с одной стороны, связать Англию руки, ставя под угрозу наиболее слабые места Британской империи, а с другой стороны, сохранить за ней возможность установления взаимопонимания с Германией.

Затем Риббентроп перешел к австрийскому и судетскому вопросам. По его тогдашнему убеждению, Англия не должна была согласиться на изменение статус-кво по этим двум вопросам, но под давлением обстоятельств ей пришлось бы допустить их разрешение.

Напротив, изменение статус-кво на Востоке, затронув жизненно важные интересы Франции, превратит Англию в противника Германии. Этой точки зрения Риббентроп придерживался не только в 1933 году, когда был написан этот документ,

но и в течение всего периода вплоть до начала второй мировой войны. Вопреки утверждениям обвинения, он предупреждал Гитлера об этой опасности.

Из приведенного документа не следует, что Риббентроп изображал Гитлеру англичан, как здесь утверждалось, выражающимся народом; он ясно заявил, что Англия станет суровым и упорным противником, если Германия будет продолжать преследовать свои цели в Центральной Европе.

Эта изложенная в документе ТС-75 точка зрения относительно международного положения Германии в тот период, очевидно, совпадала с точкой зрения Гитлера, поскольку фон Риббентроп в связи с кризисом, связанным с фамилией Фрича, стал во главе министерства иностранных дел вместо ушедшего в отставку фон Нейрата.

Согласно показаниям Риббентропа, когда он вступал на свой пост, Гитлер просил его, чтобы он помог решить четыре проблемы. Речь шла об австрийском, судето-немецком, мемельском вопросах, а также вопросе о Данциге и Польском коридоре. Как выяснилось из представления доказательств, это не было тайной договоренностью двух государственных деятелей.

Программа национал-социалистской партии в § 3 содержит требование ревизии мирных договоров 1919 года. Гитлер в ряде своих речей всякий раз указывал на необходимость удовлетворения этих германских претензий. Рейхсмаршал Геринг показал здесь, что в ноябре 1937 года он разъяснил лорду Галифаксу необходимость решения этих вопросов, заявив, что они представляют собой неотъемлемую составную часть германской внешней политики. Так же открыто он изложил эти цели и французскому министру Бонне. Таким образом, фон Риббентроп, исходя из своего убеждения, помогал достижению целей, о которых было известно и которые неизбежно вытекали из динамики обстановки в Центральной Европе, обстановки, обусловленной усилением империи.

Вопрос о том, насколько широко пользовался Риббентроп свободой действий или насколько он был лишен ее в качестве министра, когда решались вышеупомянутые проблемы, я изложу в связи с рассмотрением вопроса об участии подсудимого в заговоре, которое инкриминируется ему. Пока нужно лишь упомянуть, что, как следует из представления доказательств, вместе с отставкой барона фон Нейрата решение проблем внешней политики полностью сосредоточилось в руках Гитлера. Фон Нейрат был последним министром иностранных дел, который при режиме национал-социализма сохранил в области внешней политики значительное влияние, утрачивая его по мере усиления упомянутого режима и уступая тоталитарным устремлениям Гитлера.

С назначением фон Риббентропа министром иностранных дел появился, наконец, человек, которого Гитлер избрал по своему вкусу.

Несомненно, наряду с различными формами государственного права и компетенцией различных государственных органов важным элементом управления государством являются чисто личные взаимоотношения правящих лиц. Рассматривая некоторые действия и исторические события с этой точки зрения, стоит коснуться вопроса об отношении Гитлера к Риббентропу.

Риббентроп как состоятельный человек, принадлежавший к лагерю националистов, видел в Гитлере и его партии выразителей тех стремлений, которые отвечали его взглядам и мыслям. Мнения Риббентропа относительно тех стран, в которых он побывал, вызывали у Гитлера интерес. Личность Гитлера и его политические воззрения превратили фон Риббентропа в его приверженца...

Как адвокат, и исключительно в качестве такового, я должен остановиться на рассмотрении результатов представленных доказательств. С разрешения Трибунала я перейду к вопросу о роли Риббентропа в так называемом заговоре, целью которого было планирование агрессивных войн и других актов агрессии, осуществлявшихся в нарушение существующих договоров, соглашений и заверений.

Прошло менее 10 дней со времени назначения фон Риббентропа на пост министра иностранных дел, как Гитлер пригласил его участвовать в состоявшихся в Берхтесгадене 12 и 13 февраля 1938 г. переговорах с австрийским канцлером и австрийским министром иностранных дел. Представленные доказательства устанавливают, что вопросы, связанные с Австрией, входили в компетенцию исключительно Гитлера. Тогдашний посол фон Папен представлял свои доклады непосредственно главе государства. Риббентроп не оказывал никакого влияния на деятельность национал-социалистской партии в Австрии, как и вообще в юго-восточных странах. Мой подзащитный утверждает, что он лишь изредка и неофициальным путем узнавал о той деятельности, которую партия там проводила.

Бывший австрийский министр иностранных дел доктор Гвидо Шмидт, вызванный сюда в качестве свидетеля, показал, что Риббентроп не участвовал в наиболее важных переговорах, происходивших между Гитлером и Шушнигом в Берхтесгадене. Во время остальных переговоров он вел себя иначе, чем того требовал тогдашний стиль Гитлера, и у свидетеля создалось впечатление, что он не располагал необходимой информацией, так как до этого он находился в Лондоне и еще совсем недавно был назначен на пост министра иностранных дел.

Из этого безупречного поведения Риббентропа обвинение делает вывод, что оно было маневром, заранее условленным между ним и Гитлером. Вообще обвинение видит в поведении Риббентропа типичный признак того, что оно представляло собой двойную игру. Разве неоспоримые даты и факты, относящиеся к личности Риббентропа, впечатление, вызванное им у свидетеля Шмидта, мои доводы относительно позиции, которую занимал Риббентроп в качестве министра, его неосведомленность о давно составленных планах, касавшихся Норвегии и Дании, а также другие доказанные факты не заставляют нас поставить такой вопрос: не принимал ли Риббентроп в решении внешнеполитических вопросов несравненно меньшее участие, чем это утверждает обвинение...

Подсудимый Геринг показал, что аншлюсс в его первоначальной форме, как он был сформулирован в законе о воссоединении от 17 марта 1938 г., подписанном также Риббентропом, полностью отвечал намерениям Гитлера.

Аншлюсс Австрии послужил для партии судетских немцев сигналом к тому, чтобы форсировать свое присоединение к Германии.

Обвинение вменяет Риббентропу в вину то, что он, будучи министром иностранных дел, занимался инсценировкой трудностей. Его обвиняют в том, что он подстрекал партию судетских немцев к тому, чтобы она вместо вступления в Чехословацкое правительство шаг за шагом расширяла свои требования, мешая тем самым общему решению вопроса, причем внешне германское правительство должно было оставаться совершенно в стороне.

Представленный обвинением документ ПС-3060 доказывает обратное. Правда, Риббентропу было известно, что партия поощряла стремление судетских немцев присоединиться к Германии. Однако он не имел подробных сведений об этой партийной политике и не оказывал на нее влияния. На основании трудностей с Чехословацким правительством, возникших в результате сепаратистских стремлений судетских немцев и их частично бесконтрольной политики, Риббентроп считал себя вынужденным позаботиться о достижении целей судетских немцев предоставленными ему политическими средствами...

Мюнхенское соглашение внесло временное успокоение в международную обстановку. Она осложнилась снова в результате совершенно неожиданного для Риббентропа шага Гитлера, заключавшегося в посещении Берлина Гаха, и связанных с этим событий.

Как показал Геринг, Гитлер наперекор всем предостережениям после разрешения словацкого вопроса решил создать протекторат Богемии и Моравии. Трудно на основании имеюще-

гося материала определить конечные причины этого шага Гитлера. По словам подсудимого Геринга, корни их надо искать в постоянном опасении Гитлера, что чешский офицерский корпус примкнет к России и этим создаст новое осложнение на юго-востоке. Видимо, эти и вытекающие отсюда стратегические и исторические соображения побудили Гитлера к шагу, сделанному им 13 марта 1939 г. и явившемуся неожиданностью также и для Риббентропа.

Это решение, объяснимое склонностью Гитлера к внезапным решениям, принесло с собой полное изменение внешнеполитического положения Германии.

Риббентроп предостерегал Гитлера, указывая ему на ту реакцию, какую он вызовет со стороны западных держав, и в частности Англии.

Последствия сказались на вопросах Данцига и Польского коридора, поставленных еще в октябре 1938 года. Если до этого поляки не отказывались от переговоров по этим вопросам, основываясь на политике Германии, которую последняя вела с 1934 года, и на том факте, что Тешинская область снова перешла к ним, то в конце марта дала о себе знать реакция на образование протектората. Англия видела в создании протектората нарушение Мюнхенского соглашения и начала консультации с рядом государств. В то же время министр Бек, вместо того чтобы еще раз приехать в Берлин, отправился в Лондон и возвратился оттуда с заверением, что Англия будет выступать против всякого изменения существующего положения на Востоке. Это же заявление было сделано в палате общин после предварительной консультации с Французским правительством. 26 марта 1939 г. на Вильгельмштрассе явился польский посол Липский и заявил фон Риббентропу, что дальнейшие стремления к ревизии в отношении Польши, в частности в вопросе о передаче Данцига империи, означают войну.

Таким образом, польский вопрос стал вопросом европейским. Риббентроп заявил тогда польскому послу, что Германия не может удовлетвориться таким решением. Только полное присоединение Данцига к империи и экстерриториальная связь с Восточной Пруссией могут привести к окончательному разрешению проблемы.

Я сделал Трибуналу обзор польского кризиса в форме представления документальных доказательств. Поэтому я могу считать, что фактический ход событий, в том числе и присоединение Мемельской области, которая по договору с Литвой отошла к империи, всем известен. Чтобы зря не занимать времени Трибунала, я ограничусь тем, что выделю только те факты, которые помогут выяснить роль Риббентропа.

Подсудимому Риббентропу предъявляется обвинение в том, что в период судетского кризиса и во время образования протектората Богемии и Моравии он усыпил Польшу, разыгрывая перед ней дружеские чувства. В опровержение этого утверждения я должен указать на то, что со времени соглашения в 1934 году отношения между Германией и Польшей были хорошими и даже дружественными и что факт передачи Польше Тешинской области, которым она обязана внешней политике Германии, сказал на них еще более благоприятное влияние. Таким образом, Польша имела все основания к выражению дружественных чувств по отношению к Германии, для этого не нужно было никакого ложного поведения Риббентропа. Как показали представленные здесь доказательства, Риббентроп продолжал придерживаться дружественной политики по отношению к Польше и после раздела Чехословакии, так как не было никакой причины отказаться от этой политики.

Риббентропу предъявляется далее обвинение в том, что он знал, что уже весной 1939 года Гитлер принял решение воевать с Польшей, и что Данциг послужил только поводом к этому конфликту. Такой вывод делается на основании документов США-27 и США-30, в которых говорится об известных речах Гитлера от 23 мая и 22 августа 1939 г. Я должен обратить Ваше внимание на то, что Риббентроп не присутствовал на этих совещаниях, участниками которых были только военные лица...

Здесь подробно говорилось о целом ряде документов. Я назову только самые известные, например, документ Госсбаха, оба документа Шмундта, записи вышеупомянутых речей Гитлера.

Этим документам можно противопоставить ряд речей, в которых Гитлер утверждал обратное. Тут возразят, что в таких случаях Гитлер преследовал определенную цель, так как эти речи произносились для всех. Это, конечно, верно. Но также верно и то, что даже те немногие основные документы, представленные в доказательство того, что война была агрессивной, содержат в себе так много противоречий, что только критики, оценивающие все события прошлого, могут усмотреть в них эти планы. Кстати говоря, содержание этих документов было известно только тем, кто принимал участие в совещаниях, как того и требовали строгие правила сохранения тайны.

Я могу заявить, что Риббентроп впервые узнал о них здесь, в зале суда.

В ходе представления доказательств не было представлено никаких данных, свидетельствующих о том, что в этом вопросе был хоть один повод, который должен был быть известен господину фон Риббентропу. Суду не было представлено доказательств того, что Риббентроп знал о целях Гитлера, которые

значительно превышали бы требования, сформулированные Гитлером при назначении его. Также мало доказано утверждение обвинения о том, что еще до 1 сентября 1939 г. Риббентроп сделал все, что только мог, чтобы нарушить мир с Польшей, хотя он знал, что война с Польшей вовлечет в конфликт Великобританию и Францию. Утверждая это, обвинение базируется на документе ТС-73, представляющем собой отчет польского посла в Берлине Липского министру иностранных дел Польши. Но документ вообще не содержит ничего, что могло бы служить обоснованием этого утверждения.

Кроме того, я не думаю, что после представленных доказательств Липский может считаться особенно хорошим свидетелем. Я должен напомнить о том, что именно Липский был тем человеком, который на решительной стадии переговоров, до начала войны, говорил, что у него нет ни малейшего повода интересоваться предложениями и нотами со стороны Германии. Он говорил, что за пять с половиной лет, в течение которых он был послом в Германии, он хорошо изучил положение там и что он убежден, что в случае возникновения войны в Германии начнутся беспорядки, и польская армия победоносно двинется на Берлин.

По показаниям свидетеля Далеруса, во время решающего совещания в польском посольстве именно Липский вызвал у шведов такое впечатление, что Польша саботирует всякую возможность начать переговоры.

Против вышеуказанного утверждения обвинения говорят и другие выводы из представленных доказательств, например, тот факт, что Риббентроп, узнав о подписании англо-польского договора о гарантиях, добился от Гитлера отмены данного войскам приказа о наступлении, потому что, по его мнению, в конфликт с Польшей были бы вовлечены западные державы. Это мнение совпадает с теми выводами по оценке положения в Европе, которые Риббентроп высказал уже в рассмотренном документе ТС-75.

Посланник Шмидт сообщил здесь, что как раз Риббентроп послал его 25 августа 1939 г., то есть после встречи Гитлера с сэром Невилем Гендерсоном, к последнему с вербальным коммюнике (документ ТС-72), в котором кратко были изложены предложения Гитлера. Риббентроп настоятельно просил немедленно и лично передать правительству Великобритании эти предложения Гитлера. Согласно английской «Синей книге» сэр Невиль Гендерсон не мог не квалифицировать эти предложения, а также предложения, представленные позже, как разумные и чистосердечные.

Тот, кто изучал переговоры последующих решающих дней, не сможет отрицать, что со стороны Германии было сделано

все, чтобы, по крайней мере, начать переговоры и повести их на приемлемой основе. Но другая сторона сорвала их, потому что она твердо решила на этот раз действовать. Добрая услуга Англии окончилась прекращением всяких переговоров; представители Польши так и не сели за стол, за которым эти переговоры должны были бы вестись.

Против Риббентропа выдвинуто обвинение в том, что практически он сорвал последние решающие переговоры с английским послом Гендерсоном, зачитав предложения, которые Германия делала Польше в такой форме, которая противоречила всем дипломатическим правилам и нормам международного этикета, и так быстро, что сэр Невиль Гендерсон не мог их понять и, стало быть, не мог передать. На этой решающей встрече присутствовал переводчик-посланник Шмидт. Здесь под присягой он показал, что это утверждение не верно. Можно считать неумным приказ Гитлера сообщить сэру Невиллю Гендерсону только суть меморандума. Но факт остается фактом: Риббентроп не только прочел английскому послу вслух нормальным темпом все содержание, но и благодаря присутствию переводчика предоставил сэру Невиллю Гендерсону возможность полностью познакомиться с содержанием меморандума и просить пояснения. Впрочем, по инициативе рейхсмаршала Геринга в ту же ночь меморандум был передан по телефону советнику британского посольства Форбсу. Таким образом, правительство Великобритании было в состоянии выполнить им же самим предложенную услугу по организации переговоров на основе положительных предложений Германии.

На основании описанных фактов можно, пожалуй, усомниться в верности того утверждения, что подсудимый сделал все, чтобы избежать мира с Польшей.

В начале своей защитительной речи я подчеркнул, что невозможно рассматривать агрессивную войну с юридической точки зрения, не зная предпосылок, которые привели к ее началу...

Раньше война рассматривалась как международное преступление. Это отметила, в частности, восьмая ассамблея Лиги Наций в 1927 году. Однако, как мне представляется, преступление надо понимать не в юридическом конкретном смысле этого слова, а как выражение пожелания избежать в будущем катастроф в масштабах первой мировой войны.

Как должен был признать господин представитель обвинения от Великобритании, все иные попытки заклеить войну, попытки, имевшие место в период с первой по вторую мировую войну, остались проектами, потому что практическая политика не могла следовать этим моральным постулатам.

Из всех этих попыток — а их было немало — ясно, что трудность юридического определения агрессивной войны заключается в том, что невозможно охватить политические события, включающие в себя целый ряд компонентов, юридическим понятием, которое могло бы соответствовать многогранной жизни.

Неудачи в формулировке приемлемого определения агрессора привели к тому, что вместо выработки общих признаков, применимых в каждом отдельном случае, эту задачу перепоручили органу, стоящему над заинтересованными сторонами.

Возникла новая трудность проблемы: что предпринимать против агрессора?

До того как предприняли попытку разработать определение понятия агрессии и те меры, какие должны быть применены в отношении агрессора, решающим в обязательствах отдельных стран не прибегать к войне были политические союзы...

Попытки заклеить войну и уладить конфликты, упомянутые здесь господином Главным обвинителем от Великобритании, остались лишь проектами, за исключением одного только пакта Бриана — Келлога.

Этому факту следует приписать и то, что на конференции по разоружению еще раз обсуждался вопрос о юридическом определении понятия агрессора. В 1933 году комитет по вопросам безопасности при генеральной конференции по разоружению под руководством грека Политиса выработал такое определение. Ввиду того что конференция по разоружению не увенчалась успехом, это определение в том же самом году на Лондонском совещании вошло в целый ряд договоров. Из великих держав только один Советский Союз принял участие в этих договорах. Обсуждение определения этого понятия на конференции по разоружению состоялось по инициативе Советского Союза. Этим определением воспользовался и господин Главный обвинитель от Соединенных Штатов, построив на нем обвинение в совершении преступлений против мира на данном процессе. Оно является не чем иным, как предложением обвинения в рамках Устава, который не говорит ничего более точного относительно понятия агрессивной войны. Необходимо подчеркнуть, что господин судья Джексон при этом не может сослаться на общепризнанные нормы международного права.

Определение агрессии от 1933 года не стало предметом общего договора, как это было предусмотрено, а, напротив, только некоторые государства заключили между собой соглашения, которые были обязательными только для участников. Практически здесь имела место договоренность между некоторыми государствами, сгруппировавшимися вокруг Советского Союза, и между самим Советским Союзом. Ни одна другая великая

держава не приняла этого определения. В особенности же Великобритания держалась в стороне, несмотря на то, что эти соглашения были заключены именно в Лондоне. Для того чтобы создать норму международного права, которая имеет такое большое значение, было бы, по крайней мере, необходимо, чтобы все великие державы приняли в этом участие.

Независимо от этих чисто юридических соображений высказывания Главного обвинителя от Великобритании и Главного обвинителя от Соединенных Штатов показывают, что и с фактической стороны это предложение неудовлетворительно. В важном вопросе четвертого пункта этого определения британское обвинение отклоняется от американского обвинения. Старое противоречие в интересах, а именно противоречие между принципом открытого и закрытого моря, в обвинении привело к тому, что сэр Хартли Шоукросс не упомянул о морской блокаде побережья и портов какого-либо государства как об агрессивных действиях.

Если это определение 1933 года и содержит некоторые ценные положения для установления того, кто является агрессором, все же нельзя обойти тот факт, что формально-юридическое определение не дает возможности удовлетворить все требования политической действительности.

Пытаясь по-новому организовать мир, Устав Объединенных Наций учитывает этот факт и, очевидно, возвращается к идее разрешения этой проблемы через международный орган. Устав говорит в статье 39 главы VII:

«Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

В 1939 году не было ни общепризнанного определения такого понятия, как агрессор, ни органа, который был бы призван решать вопрос о том, кто является агрессором. Лига Наций как орган устранения конфликтов совершенно не оправдала себя...

Согласно существовавшей в 1939 году точке зрения начало войны с правовой точки зрения не расценивалось как преступление независимо от того, чем оно было обусловлено... Об этом приходится искренне сожалеть, но нельзя пройти мимо этого факта. То, что эта точка зрения находилась в соответствии с принципами международного права по вопросу о начале войны, которые разделялись державами, подписавшими Устав, явствует из того факта, что признанные во всем мире специалисты по международному праву придерживались того мнения, что если пакт Бриана — Келлога и коллективная система безо-

пасности оказались несостоятельными, то в силе оставалось традиционное правовое восприятие войны.

Разве Риббентроп в 1939 году должен был придерживаться мнения, что его действия, рассмотренные под углом зрения обычной дипломатической игры, будут расценены как международно-наказуемое преступление?

Я уже указывал на то, что Риббентроп тогдашнюю границу на Востоке считал неустойчивой. Поэтому-то он придерживался мнения, что ее надо изменить.

С помощью и в рамках европейской системы пактов нельзя было добиться гарантии этих границ. В рамках Локарнских договоров ввиду противоречивых интересов участвовавших в них держав не было создано гарантии восточной границы, которая была установлена Версальским договором, в то время как для западных границ оказалось возможным создание подобной гарантии. Все, что было создано в результате бесконечных усилий, представляют собой связанные с Локарнской системой договоры о третейских судах между Германией и Польшей и Германией и Чехословакией. В этих договорах не было никаких гарантий границ. В них была лишь предусмотрена процедура урегулирования возможных конфликтов. Я буду о них говорить при рассмотрении тех нарушений договоров, которые вменяются в вину Риббентропу.

После того как Гитлер, уйдя из Лиги Наций и с конференции по разоружению, выразил, таким образом, свое недоверие к коллективной безопасности, он перешел к системе двусторонних соглашений. При этом на предварительных переговорах, которые велись перед заключением соглашения между Польшей и Германией в 1934 году, было ясно высказано, что данными двумя государствами должна быть разрешена эта проблема в духе предстоящего договора. И не следует здесь забывать, что для разрешения этой проблемы были предусмотрены лишь мирные средства, что имела также место договоренность о заключении пакта о ненападении, который должен был действовать в течение 10 лет. Для оценки поведения Риббентропа сейчас не имеет значения, верил ли Гитлер в возможность такого разрешения этой проблемы или он надеялся путем эволюции добиться изменения положения на Востоке. Он не брал на себя инициативы в этом вопросе, он просто столкнулся с этой договоренностью как с уже совершившимся фактом...

Я хочу обратить внимание на результаты событий, имевших место перед началом войны. Пакт Бриана — Келлога и понятие агрессии, то есть столпы обвинения, не могут удержать этого обвинения. Пакт Бриана — Келлога не имел такого содержания, которое можно было бы признать юридической нормой; он не содержал угрозы наказания для государства, как

не содержал ее и для отдельных лиц. Попытка придать ему жизненность с помощью формального понятия агрессии разбилась о политическую действительность.

В распространении конфликта на Скандинавию Риббентроп участвовал в такой незначительной степени, что это действие нельзя вменить ему в вину как отдельное законченное преступление. Как показали допросы Редера и Кейтеля, Риббентроп был предупрежден об этом мероприятии лишь за 36 часов до начала его проведения. Его соучастие состояло лишь в том, что он составил ноты, которые по форме и по содержанию были ему заранее предписаны.

Относительно фактической стороны, а именно о предстоящем нарушении скандинавского нейтралитета западными державами, сведения он черпал из получаемой им информации. Как показало представление доказательств и как позднее покажу я при рассмотрении правовой стороны вопроса, Риббентроп, будучи министром иностранных дел, не имел полномочий для проверки этих информации и никаких необходимых для этого вспомогательных средств. Если считать, что эта информация была правильной, то он с полным правом мог предположить, что Германская империя, намереваясь провести подобное мероприятие, действовала в соответствии с международным правом. Более точное освещение этих правовых вопросов я представляю моему коллеге доктору Зимерсу, подзащитный которого Редер представлял Гитлеру информацию о намерениях противника и выступил перед последним с предложением оккупировать Скандинавию.

Что касается Бельгии и Нидерландов, то в ходе представления доказательств было выявлено, что эти державы не могли обеспечить соблюдения нейтралитета бельгийско-нидерландской территории. Еще до войны между генеральными штабами западных держав и генеральными штабами этих двух нейтральных государств имелись соглашения; между ними происходил также постоянный обмен мнениями по вопросу об оккупации в случае конфликта с Германией и о позиции, которую должны занять данные государства в случае конфликта. Детальные планы выступления и построенные под руководством офицеров западных держав системы укреплений должны были подготовить принятие союзных воинских частей. Эти планы распространялись не только на сотрудничество участвовавших армий, но и на включение определенных гражданских учреждений для обеспечения снабжения и успешного продвижения союзных армий.

Существенным моментом в этих приготовлениях является тот факт, что они были задуманы не только для обороны, но и для наступления. По этой причине Бельгия и Нидерланды не

хотели или не могли воспрепятствовать постоянным перелетам британских боевых авиасоединений, которые ставили своей ближайшей целью разрушение Рурской области, ахиллесовой пяты германской военной промышленности. Эта область в случае наступления на суше явилась бы основной целью союзников.

Эти намерения, а также и интенсивная подготовка наступательных действий со стороны западных держав были точно установлены всевозможными источниками информации. В результате группировки сил для наступления бельгийско-нидерландская территория была включена в область военных действий. Эти сообщения, как уже говорилось при описании предшествовавшего конфликта, все время доводились до сведения Риббентропа самим Гитлером или его уполномоченными. И здесь Риббентроп должен был доверять правильности этих сообщений, не имея права и не считая возможным проверять их. И он на основании этих сообщений пришел к выводу, что для предотвращения наступления смертельной опасности, то есть для предотвращения наступления союзников на Рурскую область, необходимо принять контрмеры. Исходя из этих соображений и учитывая масштабы современных военных операций, нельзя было исключить Люксембург.

Обвинение в связи с этими мероприятиями вменяет в вину германской внешней политике и, таким образом, Риббентропу ввод войск на территорию Бельгии и Голландии, что противоречит пятой Гаагской Конвенции относительно прав и обязанностей нейтральных держав и нейтральных лиц в случае войны.

Обвинение не учитывает при этом, что этот договор не имеет отношения к вовлечению в войну нейтрального государства, в войну, которая ведется другими государствами, и что договор существует лишь для установления прав и обязанностей нейтральных государств и государств, ведущих войну, до того момента, пока нейтралитет существует. Обвинение сделало ошибку, используя свою, как я уже показал, неправильную интерпретацию пакта Бриана — Келлога, распространив его положения на соглашение, которое было заключено двадцатью годами ранее. Все соглашения относительно прав во время войны, и в особенности относительно порядка ведения сухопутной войны, а также соглашение о нейтралитете в области сухопутной и морской войны строились, исходя из того, что военное положение как бы существует.

Это установление уничтожает ссылку обвинения на пятую Гаагскую Конвенцию о запрещении расширять театр военных действий за счет территорий нейтральных государств, которые ратифицировали это соглашение.

Далее вообще сомнительно, можно ли, как это делает обвинение, упоминать Локарнский договор в связи с включением Бельгии в войну. Локарнская система после отказа от нее Германией в 1935 году совсем развалилась, как это покажет защитник фон Нейрата. Все попытки добиться нового соглашения, которое должно было встать на место этой системы, исходили из того факта, что созданное Германией действительное положение должно послужить исходной точкой нового соглашения. Об этом особенно свидетельствуют британские и французские планы, составленные в связи с предусмотренным новым соглашением. Соглашения добиться не удалось. Однако длительные и детальные переговоры показали со всей ясностью, что Локарнский договор ни одним из участников не рассматривался как действующий. Напротив, западные державы перешли к обсуждению вопроса о том, каковы будут последствия обязательств, гарантирующих западные границы.

Остается признать, что система договоров, таким образом, стала устаревшей. В 1940 году, следовательно, у Германии не было тех обязательств, которые имелись у нее по западному пакту от 1935 года.

О соглашениях относительно третейских судов и о так называемых дополнительных соглашениях, которые находятся в связи с Локарнским договором и которые были заключены с Бельгией, Польшей и Чехословакией, я буду говорить позднее, когда буду рассматривать обязательства Германской империи относительно мирного разрешения конфликтов.

Что касается Люксембурга, то само обвинение не ссылалось на нейтралитет этой страны.

Югославия. Когда 24 марта 1941 г. Югославское правительство заявило о своем присоединении к пакту трех держав, Риббентроп не мог предполагать на основании всех имевшихся в его распоряжении сведений, что через несколько дней после этого присоединения в силу политических причин необходимо будет военное вмешательство Германии на Балканах. Эта обстановка была создана в результате насильственной смены правительства в Белграде. Реакция на присоединение правительства Стоядиновича к пакту трех держав имела своим последствием то, что в Югославии произошел новый политический переворот под руководством Симовича, цель которого заключалась в установлении тесного сотрудничества с западными державами против идеи пакта трех держав.

Учитывая эту неясную обстановку внутри Югославии, которая усугубилась в результате мобилизации югославской армии и развертывания ее вдоль германской границы, Гитлер внешне принял решение о военных операциях на Балканах. Он принял это решение без ведома Риббентропа, думая, что

устранит серьезную опасность, угрожавшую итальянскому союзнику.

Допрос подсудимого Иодля с очевидностью показал, что Риббентроп после принятия решения Гитлером и после путча Симовича прилагал серьезные усилия для того, чтобы до начала военных операций попытаться исчерпать дипломатические возможности. Иодль здесь подтвердил, что эти усилия Риббентропа были отвергнуты так резко, что, учитывая характер Гитлера и господствовавшие методы, было невозможно оказать на него влияние...

После того как 23 августа 1939 г. Риббентроп подписал в Москве заключенный между Германией и Советским Союзом договор о ненападении, у Гитлера в результате тайных сообщений возникли опасения относительно позиции Советского Союза по отношению к Германии. В частности, Гитлер рассматривал образ действий России в прибалтийских странах, а также вступление советских войск в Бессарабию и Буковину как акты, которые представляли собой угрозу германским интересам в пограничных государствах на побережье Балтийского моря и в румынских нефтеносных районах. Кроме того, он видел в политике СССР возможность приобретения влияния на Болгарию. Он мог усмотреть подтверждение своего подозрения в заключении 5 апреля 1941 г. Советским Союзом пакта о дружбе с Югославией, который был подписан в тот момент, когда Югославия после смены правительства угрожала перейти в лагерь западных держав...

К этому времени симптомы превращения европейской войны в войну мировую стали явно заметными. Соединенные Штаты вступили в войну с законом о нейтралитете, игнорируя этот нерушимый закон, установленный на случай возможной войны. Закон о нейтралитете вступил в силу после утверждения его президентом. Закон указал на зоны опасности, находясь в черте которых американские суда не могут рассчитывать на помощь со стороны своего правительства.

Эта позиция в начале войны подтверждает, что инициаторы пакта Бриана — Келлога (Соединенные Штаты) не придерживались того мнения, что исконное право нейтралитета в какой-либо мере было бы этим поколеблено.

По мере расширения театра военных действий и обострения методов ведения войны в Европе Соединенные Штаты все больше и больше отказывались от своих прежних позиций по отношению к Германии, несмотря на то, что со стороны Германии не было сделано ничего такого, что могло бы привести к конфликту.

Опыт первой мировой войны вызвал у всех немцев, а также и у Риббентропа решимость всеми силами противиться

вмешательству со стороны США. Со времени речи Рузвельта о «карантине» в 1937 году стали особенно заметны сильные разногласия в идеологическо-политическом мышлении мировой общественности. Ситуация еще больше обострилась происшествиями, имевшими место в 1938 году в Германии, которые затем послужили причиной, по которой посол Соединенных Штатов в Берлине был вызван в Вашингтон для отчета и затем не вернулся обратно на свой пост.

Поскольку Соединенные Штаты продолжали придерживаться политики нейтралитета, что нашло свое выражение в законодательных актах, и к началу войны эта политика нейтралитета строго проводилась, Риббентроп мог сделать вывод, что разногласия во мнениях по вопросу внутривнутриполитического устройства государства не нарушат нейтралитета Соединенных Штатов по отношению к Германии. Руководствуясь этим, Германия в начале войны отклоняла все, что могло бы послужить во вред Соединенным Штатам, кроме того, даже целый ряд действий со стороны Соединенных Штатов, направленных против Германии и не вяжущихся с нейтралитетом Соединенных Штатов в отношении Германии, был оставлен германским правительством без внимания.

В августе 1941 года Соединенные Штаты стали прокламировать Атлантическую хартию в качестве программы нового порядка сосуществования народов, и мировой общественности стало ясно, что политические цели нейтральной Америки и ведущей войну Великобритании общие. Атлантическая хартия носила явно враждебный характер по отношению к странам оси, не оставляя больше сомнений в том, что Соединенные Штаты выступают на стороне наших противников.

Следуют инциденты на море, которые, как показали предьявленные доказательства, свидетельствовали о том, что США оказывают материальную помощь Великобритании.

Занятием Исландии, Гренландии летом и осенью 1941 года Соединенные Штаты взяли на себя охрану важнейших коммуникаций для находившейся в тяжелом положении Великобритании. Таким образом, здесь имела место военная интервенция еще до начала официально объявленной войны... Значит, еще за несколько месяцев до 11 декабря 1941 г. США приняли меры, которые обычно проводятся только во время войны. Начало войны было лишь звеном — и то не самым главным — в целой цепи следовавших один за другим происшествий. Война началась нападением японцев на Пирл-Харбор, которое, как было доказано в процессе представления доказательств, Германией не предусматривалось и не подстрекалось.

Согласно формальному определению агрессии факт объявления войны является одним из критериев для определения агрес-

сора, но, как я уже говорил в связи с развитием войны в Европе, одно это мерило без вещественной основы не является единственной уликой, определяющей агрессора. В ответ на многочисленные нарушения нейтралитета со стороны Соединенных Штатов, которые могли быть приравнены к военным действиям, Германия давно была вправе ответить на это такими же военными действиями. Было ли это право ответа на подобные действия использовано до объявления войны или после объявления войны, не играет роли.

До сих пор я осветил события, рассматриваемые обвинением как агрессивные действия с начала польской кампании до вступления в войну Соединенных Штатов. Остается еще осветить с юридической точки зрения нарушения заключенных Германией договоров, предусматривающих мирное разрешение политических конфликтов.

Риббентропу ставится в вину не только то, что он принимал участие в агрессивных действиях, но, оказывается, и то, что он был обязан привести в действие механизм этих договоров прежде, чем дело дошло до вооруженных конфликтов. Обвинение считает, что предусмотренные в договорах пути мирного урегулирования не были использованы, и это упущение Риббентропа может считаться уголовным преступлением. Такое мнение является ошибочным с юридической точки зрения.

Если мы станем на точку зрения обвинения, то увидим, что сделанные им выводы не могут быть состоятельными, несмотря на фундамент, на котором они зиждятся.

Если отдельный министр будет нести уголовную ответственность за невыполнение договора, то обвинение должно спросить, был ли вообще в состоянии этот министр своей деятельностью достичь значительного влияния на развитие событий. Согласно присущему природе всякой уголовной системы основному положению обвиняемый может быть наказан за свое упущение лишь в том случае, если он фактически был в состоянии и был обязан действовать с юридической точки зрения. Насколько незначительны были реальные возможности Риббентропа оказывать влияние, я укажу, когда буду говорить о заговоре. Решающим при этом является то, что он юридически не был в состоянии делать обязательные заявления иностранным державам от лица Германской империи, если он не был уполномочен на это главой государства.

Гитлер как глава государства является представителем Германской империи на международной арене. Только он мог делать обязательные заявления внешнему миру. Все остальные лица могли это делать лишь на основании полномочий, полученных от главы государства...

Подсудимый никогда не мог бы достичь влияния, если бы он и попробовал против воли фюрера самостоятельно использовать предусмотренную в многочисленных договорах и соглашениях о третейских судах возможность разрешения споров. Только Гитлер мог пользоваться таким приемом. Подсудимый был бы в состоянии сделать это лишь по его поручению. Он не имел права давать советы, если Гитлер его игнорировал...

Обвинение далее говорит о заверениях, которые Гитлер и Риббентроп давали некоторым государствам, с которыми впоследствии Германия вступила в войну. Следует учесть, что Риббентроп давал их не от своего имени, и, поскольку речь шла о передаче высказываний фюрера, вопрос о его соучастии мог бы возникнуть лишь в том случае, если бы он давал Гитлеру в этом направлении советы. Никаких доказательств этому в процессе предъявления последних представлено не было. Большая часть этих заверений содержалась в речах, с которыми Гитлер выступал перед немецким народом как на митингах, так и в рейхстаге.

Сомнительно, чтобы такие заверения, поскольку они выражались в первую очередь перед германской общественностью, давали бы основание для обязательных действий в части международных взаимоотношений.

До сих пор я говорил об актах, относящихся к развязыванию войны и ее ведению, сейчас же я перехожу ко второму большому разделу Обвинительного заключения, разбирающему преступления во время войны.

Пункт «b» статьи 6 Устава объявляет наказуемым нарушение законов и обычаев войны. Он определяет это понятие путем перечисления ряда примеров, как депортация, расстрел заложников и т. д. Эти примеры, однако, не исчерпывают полностью перечня военных преступлений и преступлений против человечности.

Мы так же, как это указано в статье 6, должны представить Суду соображения о квалификации, которая может стать основой для его решения.

Я согласен с предложенным французским обвинителем методом. Он заявил, что ему не возбраняется дополнять неисчерпаемый перечень преступлений, перечисленных в Уставе.

Что для обвинения правильно, то для защиты справедливо.

Употребление выражения «законы и обычаи войны», так же как и перечисленные примеры заставляет предполагать, что Устав хочет уничтожить классическое военное право. Отдельные факты, которые подпадают под совокупное понятие военных преступлений, должны каждый раз в отдельности расследоваться для установления, предусмотрены ли они как таковые традиционными правилами ведения войны между государ-

ствами. В то время как классическое международное право делает ответственным лишь государство в целом, военное право испокон веков являлось исключением, допускающим ответственность отдельных действующих лиц. Насколько эта ответственность отдельных лиц может после войны привести к уголовному преследованию, сделалось предметом многочисленных обсуждений. Можно считать установившейся государственной практикой такой порядок, когда воюющая страна, против которой были совершены военные преступления, может после войны привлечь к ответственности виновника. Если многие государства, воевавшие бок о бок, устроят единый суд над военными преступниками побежденного противника, то они воссоединят в себе компетенцию всех государств, принимавших участие в создании Трибунала и примкнувших к его Уставу государств.

Когда говорят о наказуемости отдельных лиц за преступления, совершенные по отношению к противнику во время войны, то в первую очередь имеют в виду лиц, принадлежавших ранее к составу вооруженных сил. Уже в Версале возникли трудности при рассмотрении вопроса о привлечении к ответственности военных командующих. Мысль о привлечении к уголовной ответственности министра еще никогда не возникала. И в Версале комиссия по военным преступлениям занималась вопросом привлечения к ответственности невоенных лиц только с политической точки зрения. Она делала ясное различие между виновностью в военных преступлениях, за которые приговор должен быть вынесен союзническим Трибуналом, и виновностью за начало войны, для расследования и осуждения которой должен был быть создан особый политический Международный Трибунал.

Таким образом, существующих предпосылок недостаточно для того, чтобы возложить ответственность за нарушение военного права на министра-специалиста. Обвинение достигло такого результата лишь обходным путем, выставив обвинение в заговоре. Если следовать этому истолкованию понятия, то имперский министр иностранных дел должен нести ответственность за уничтожение деревни Орадур, то есть он должен страдать за действия, которые не имеют ни малейшего отношения к внешней политике империи и представляют собой лишь отдельные действия каких-либо инстанций.

Как показало представление доказательств, имперский министр иностранных дел не только не ведал ведением войны, но и фактически не имел ни малейшей возможности оказывать сдерживающее или какое-либо иное влияние на военные мероприятия.

Если хотят рассматривать отдельных специальных министров как группу заговорщиков также и в отношении совершения военных преступлений, то надо доказать, что военные инстанции,

призванные вести войну, действовали с согласия, по крайней мере с ведома, этих министров.

Воссоединение военных командных инстанций и министров в одно целое, которое было направлено на совершение уголовных действий, внушающих омерзение всякому порядочному человеку, является чуждой действительности конструкцией обвинения, воздвигнутой задним числом. Это целое, не существовавшее во время совершения этих действий, получает свое определение как понятие лишь сейчас. Факты приводятся в соответствие с этим понятием задним числом. Ясно, что уголовный процесс не может строиться на таком методе.

Таким образом, Риббентроп не может быть наказан без разбора за все военные преступления, которые в течение последней войны были совершены германской стороной. На него может возлагаться ответственность за отдельные действия лишь в том случае, если он сам принимал участие в определенных конкретных действиях.

Риббентропу ставится в вину, что он, согласно показаниям генерала Лахузена, дал адмиралу Канарису «указания» сжигать украинские деревни и уничтожать живущих там евреев. В первую очередь я констатирую, что министр иностранных дел не мог давать военному учреждению никаких указаний...

Я прошу Суд при вынесении решения о военных преступлениях и преступлениях против человечности, в которых обвиняется Риббентроп, взять за основу общую позицию подсудимого в вопросе гуманности...

Далее, Риббентропу в качестве военного преступления инкриминируется его участие в преступном обращении с летчиками-террористами.

Мой подзащитный, так же как и подсудимый Геринг, оспаривает, что упоминаемое в документе ПС-735 совещание действительно состоялось. Я хотел бы подчеркнуть, что генерал Варлимонт, сделавший записи об этом совещании, сам не принимал участия в нем. Приписываемые в документе Риббентропу высказывания вообще противоречат его обычной позиции в этом вопросе.

Дальнейшее представление доказательств по вопросу о летчиках-террористах в ходе допроса Иудля и Кейтеля показало, что не только министерство иностранных дел, но Риббентроп лично в принципе выступали за то, чтобы придерживаться положений Женевской Конвенции, и что Риббентроп вместе с другими руководящими лицами выступал перед Гитлером даже в самое жестокое время его правления за сохранение человеческих принципов...

С разрешения Трибунала я изложил, какова была роль фон Риббентропа до войны, в начале войны и во время войны.

Наряду с этим обвинение возлагает ответственность на всех подсудимых за все преступления, о которых на процессе шла речь. Для обоснования этого своего общего утверждения оно использует понятие заговора.

Я должен ограничиться разбором вопроса об участии в заговоре только с точки зрения фактического и юридического положения министра иностранных дел третьей империи.

По Уставу и Обвинительному заключению под заговором понимается определенная форма соучастия в уголовно-наказуемых действиях.

Такой род преступлений до сих пор не был известен германскому и континентальному праву. Он существовал только в англо-саксонском праве. В этом праве под заговором понимается соучастие в наказуемом действии, для доказательства которого в качестве минимального признака необходимо объединение для совершения преступления.

Дальнейшей предпосылкой является то, что общий план должен повлечь за собой осуществление определенно наказуемого действия.

Из этой формы соучастия в преступлении исходит также Устав, устанавливая наказание за все уголовные действия, перечисленные в статье 6.

Чтобы представить участников якобы существовавшего заговора как какое-то единое целое, обвинение пользуется примером пиратства. Все заговорщики находятся на пиратском корабле, который в нарушение всех законов и прав наций отправляется на разбой и поэтому совершенно свободен. Всякий, кто наказывает экипаж данного корабля, вносит свою лепту в дело восстановления права.

На первый взгляд эта картина подкупает. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясным, что здесь мы имеем дело с метким словом, которое пытается перенести наличие единых целей у экипажа пиратского корабля, связанного со своим судном в горе и радости, на несравненно более сложные условия, существующие в современной государственной организации.

Бороться с пиратами в открытом море по традиционному общепризнанному и неоспоримому воззрению имеют право корабли всех наций, встретившие пиратское судно. В уголовном праве почти всех наций существуют положения о борьбе с ними.

Действия, которые вменяются в вину Риббентропу, были совершены в то время, когда Германская империя и ее противники выступили друг против друга на международной арене сначала в мирное, а затем и в военное время. Таким образом, пример из сферы внутрисударственного общего уголовного

права не подходит для того, чтобы создать ясное представление о заговоре всего государственного аппарата.

Ни официальный пост министра иностранных дел, который занимал Риббентроп, ни отдельные действия, которые он совершал во время этой деятельности, не могут представить его членом какого-либо заговора.

Если следовать за Уставом и обвинением, то напрашивается вывод, совершенно чуждый действительности и праву, что Риббентроп, хотя он, как это доказано представлением доказательств, лично и в деловом отношении не имел никакого влияния на оккупированные восточные области, должен нести ответственность за все совершенные там военные преступления и преступления против человечности...

Если дать положительный ответ на вопрос о существовании заговора для совершения преступлений против человечности и военных преступлений, то на практике это приведет к тому, что, например, Риббентроп и министерство иностранных дел были ответственны за военные преступления, преступления против человечности, хотя из представления доказательств ясно, что именно это ведомство постоянно старалось соблюдать предписанные международным правом правила ведения войны и выступало за соблюдение Женевской Конвенции...

С разрешения Суда я хочу перейти к рассмотрению заговора, который якобы имеет отношение к планированию и подготовке агрессивных войн и нарушению договоров. В рамках этого заговора подсудимый должен как министр иностранных дел, а также как лицо, занимавшее дипломатические посты до этого времени, нести ответственность.

Такого рода заговор имеет, очевидно, что-то общее со всеми действиями и планами, которые находятся в какой-либо связи с войной: подготовкой, началом и ходом ее. Так как эти отдельные действия, которые охватываются этим необычным комплексным понятием, сами по себе не относятся к делу с точки зрения уголовного права и до сих пор никогда не охватывались с точки зрения уголовного преступления — «развязывания войны», то такая разновидность заговора не содержит в себе того состава преступлений, который охватывался бы средствами какой-либо уголовноправовой системы мира. Поэтому мне не остается ничего другого, как рассмотреть этот комплекс с точки зрения положения Риббентропа как министра и его отношения к Германской империи, которая вела отдельные войны.

Фон Риббентроп с 4 февраля 1938 г. занимал пост министра иностранных дел Германской империи. Как показали результаты представления доказательств, Риббентроп был назначен на этот пост в то время, когда фактическое руководство внеш-

ней политикой перешло уже к Гитлеру, занимавшему одновременно в то время два поста: рейхсканцлера и главы государства.

Гитлер в своей речи от 17 июля 1940 г., произнесенной в Кроль-опере, подчеркнул (я предъявил эту речь в качестве документального доказательства), что фон Риббентроп уже тогда и в течение последующих лет должен был проводить внешнюю политику согласно директивам Гитлера. Таким образом, фон Риббентроп не занимал такого положения министра, которое обычно связывается с этим понятием в современных конституционных государствах. Он не занимал такого положения ни фактически, как об этом говорится в только что упомянутой мной речи, ни юридически.

Риббентроп и другие из подсудимых, несомненно, обладали значительной властью в их собственной, интересующей Гитлера сфере. От участия в вынесении решений о войне и мире они были удалены.

На посту министра иностранных дел, каким был Риббентроп, не нужен был самостоятельный человек. Риббентроп чувствовал это, как об этом показал здесь статс-секретарь Штейнграхт. Он высказался следующим образом: Гитлеру нужен был самое большее секретарь по внешнеполитическим вопросам, но не министр иностранных дел...

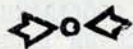
До сих пор при обсуждении результатов представления доказательств я ссылался на существующее международное право и Устав, которые Вы, господин председатель, охарактеризовали на заседании 20 июня 1946 г. как основу правосудия на этом процессе. До сих пор международный правопорядок не мог разрешить проблемы, которые должны быть разрешены здесь. По причинам этой несостоятельности возникла вторая мировая война.

Нельзя охватить сегодня всех последствий катастрофы, которую этот правопорядок не мог предотвратить. Предотвращение подобной катастрофы в будущем является величайшей целью всего человечества, которая лежит в основе Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. ...

Я говорил о том, что невозможно дать общее определение агрессора и агрессии, которое охватило бы все события действительности. Только международная инстанция может заклеить то или иное государство как агрессора. Эта верховная инстанция человечества должна иметь не только фактический, но и моральный авторитет. Должно быть внушено общее доверие к ее беспристрастной оценке. Должен быть создан ареопаг, который возвышается над всеми партиями и у которого спорящие партии должны искать правосудия, а не сидеть в качестве судей в нем.

Сейчас мы находимся в переходном периоде от старого права, при господстве которого мир покрылся развалинами, к новому мировому праву, контуры которого становятся видными, но которое еще не укреплено достаточно в моральном отношении.

В этот период становления и ухода прошлого очень трудной, почти превышающей человеческие возможности задачей является взвесить и оценить с уголовноправовой точки зрения действия, совершенные бывшим имперским министром иностранных дел фон Риббентропом, его участие в происшедшем, его несостоятельность и его личную вину.

РЕЧЬ НЕЛЬТЕ, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ВИЛЬГЕЛЬМА КЕЙТЕЛЯ

[Стенограмма заседаний Международного Военного
Трибунала от 8 и 9 июля 1946 г.]

«Мы должны подойти к своей задаче так рассудительно и с такой духовной неподкупностью, чтобы когда-нибудь в будущем этот процесс выглядел как исполнение мечты человека о справедливости».

Эти слова из обвинительной речи Главного обвинителя от США Джексона должны быть лейтмотивом для всех тех, кому выпала задача помочь установить истину на данном процессе. То, что эта истина не может быть абсолютной, высказали уже представители обвинения...

Было высказано мнение, что не существует намерения уничтожить весь германский народ. Безоговорочной капитуляцией мы отданы на милость державам-победительницам. Однако было сказано, что приговор Суда должен быть справедливым. Здесь на данном процессе, лейтмотивом не должна быть милость или немилость, им должна быть справедливость. Справедливость не означает мягкость. Однако справедливым приговор может быть только в том случае, если он примет во внимание все обстоятельства, анализирующие действия и поведение подсудимого. То, что произошло и что составляет объект обвинения, нельзя простить. Я могу лишь попытаться сделать анализ. Горе, несчастье, постигшие все человечество, так велики, что их нельзя выразить словами. Как раз германский народ после того, как он узнал, какая катастрофа разразилась над народами запада и востока и над евреями, чувствует сострадание к жертвам, сострадание, полное ужаса. Германскому народу известно, что значит это несчастье, так как он разбит, как никакой другой народ, не только в военном отношении, но и вследствие ужасных воздушных налетов, миллионных потерь в рядах своей молодежи, оставшихся навсегда на поле битвы, эвакуации, бегства в мороз и стужу. Итак, мы знаем, что такое несчастье, мы знаем, что значит страдать. Но в то время, как

другие народы могут рассматривать все эти ужасы и несчастье как страницу своего прошлого и под защитой государственного порядка питают надежду возвратиться к упорядоченному существованию и к счастливому будущему, над германским народом довлеет еще тьма безнадежности.

Приговор Трибунала, если бы он подтвердил вину германского народа, увековечил бы эту безнадежность. Германский народ не ждет оправдания. Он не ожидает, чтобы надо всем, что произошло, было распростерто покрывало христианской любви к ближнему и забвения. Германский народ готов нести на себе тяжесть последствий. Он хочет согласиться с этим, как со своей судьбой, и сделать все возможное для устранения последствий. Но он надеется также, что души и сердца остальных людей не так закаменели, что существующие напряженные отношения останутся существовать и дальше, он надеется, что ненависть остального человечества к нему тоже не будет существовать вечно.

Ваша задача, господа судьи, чрезвычайно трудна. Мы не только говорим на различных языках, но и каждый из нас душой болеет за свою Родину...

Государственный порядок является твердой основой и опорой существования народа и обеспечивает ему чувство уверенности в жизни и в работе...

Руководство вооруженными силами, далекое от политических соображений, верило, как здесь засвидетельствовали все генералы и адмиралы, в законность правительства Гитлера. Оно рассматривало себя как инструмент законного правительства, так же как оно делало это, когда кайзер, Эберт и фон Гинденбург были верховными представителями Германии...

Задача защиты на данном процессе трудна. Германский народ относится к Нюрнбергскому процессу по-разному. Одни относятся к задаче защиты скептически и частично враждебно, так как считают защиту подсудимых поощрением людям, которых они рассматривают как военных преступников, и думают, что защитники хотят увести подсудимых от справедливой кары. Другие называют этот процесс зрелищем, на котором защитники выступают в роли статистов, чтобы придать процессу видимость правосудия. В глазах этих немцев мы оказываемся виновными в покровительстве врагу.

У нас нет повода оправдываться, так как мы, будучи верными долгу нашей профессии, участием на процессе выполняем задачу, значение которой не нуждается в оправдании. Она состоит в выяснении истины, значения и последствия которой для нашего народа сейчас еще нельзя оценить, она состоит в обосновании причин и в ответе на вопросы в той мере, в какой это понадобится.

Только ясное понимание причин, сил и людей, приведших к разразившемуся над миром несчастью, обеспечит нашему народу возможность в будущем вновь найти путь к остальному миру.

Задача Трибунала состоит не в обосновании политических, экономических и метафизических причин второй мировой войны, не в изучении течения событий, а скорее только в решении вопроса о том, принимали ли подсудимые участие, и если да, то какое в том, что державы-победительницы сделали объектом данного процесса.

Задача защиты в рамках ее участия в установлении истины должна состоять в изучении вопроса о том, можно ли найти фактические или правовые доводы и какие именно в пользу подсудимых.

Документы играют главную роль в процессе предъявления доказательств на суде. По сравнению с ними свидетели отстаивают на задний план. Тем более велико значение изучения этих документов с точки зрения возможности использования и доказательственной ценности их...

Обвинение против Кейтеля распадается на два периода: с 1933 года по 4 февраля 1938 г. и с 4 февраля 1938 г. до конца войны. Поэтому подсудимый обвиняется не только как соучастник заговора, но и за личное участие во всех преступлениях. Этому обширному обвинению соответствует также место, отведенное подсудимому Кейтелю в выступлениях обвинителей.

Ни одна фамилия подсудимых не называлась обвинением так часто, как фамилия Кейтеля. Все время мы слышим: «приказ Кейтеля», «указания Кейтеля» и «приказ ОКВ», «директивы ОКВ» и т. д., причем это связывается с именем Кейтеля как «начальника ОКВ» с 4 февраля 1938 г.

Подсудимый относится к числу людей, которые в связи со смертью Гитлера попали под свет рампы общественности. С 1938 года он находился в непосредственном окружении Гитлера, был почти что постоянным его спутником. Ясно, какое значение это имеет для данного процесса. Обвинение неоднократно утверждало, что подсудимые, указывая на мертвых, хотят свалить на них собственную вину. Если целью данного процесса является установление правдивой картины всех событий и их связи между собой, то необходимое упоминание тех мертвых, которые, как известно обвинению, являются главными преступниками, не должно служить основанием для недоверия к тем, кто делает это. Это непосредственно относится к подсудимому Кейтелю, положение, влияние и действия которого невозможно правильно оценить, не осветив личности Гитлера и его отношения к Кейтелю.

Из выступления господина Джексона видно, что здесь речь идет об обвинении всей национал-социалистской системы.

Обвинение является всеобъемлющим, но фактически выражается в 21 отдельном обвинительном акте.

Некоторые подсудимые являются в известной степени символическими фигурами сфер власти государства, в котором господствовала эта система — национал-социалистская партия, правительство и вооруженные силы.

Мне хотелось бы заявить, что все, о чем я буду говорить, делается с полного согласия подсудимого Кейтеля и, поскольку здесь будет идти речь о точке зрения и фактах, которые смогут оправдать подсудимого Кейтеля, это явится вкладом в дело выяснения событий и ответом на вопрос, как все могло произойти. Подсудимый не хочет, чтобы его положение и роль, которую он играл в драме, были преуменьшены, но в то же время он хотел бы предотвратить искажение его роли в событиях.

Я считаю себя обязанным объявить об этой позиции подсудимого Кейтеля, так как она значительно облегчает мою задачу. Подсудимому Кейтелю ясно, что если вспомнить об ужасных последствиях и обо всем чудовищном, что несомненно (не ставя здесь вопрос о виновности) совершено немцами и что неоспоримо следует отнести за счет приказов и распоряжений, с которыми Кейтель в той или иной форме соприкасался, то чувствуешь себя виновным, не размышляя о том, идет ли здесь речь о виновности в правовом смысле или в смысле моральном.

Обвинение утверждало, что все подсудимые в какой-то период времени объединились с нацистской партией для осуществления плана, который, как это было им известно, мог быть осуществлен только путем развязывания войны в Европе.

Относительно подсудимого Кейтеля было сказано, что он с 1933 года активно участвовал в заговоре.

В доказательство данного тезиса обвинение высказало следующее:

а) национал-социалистская программа сама по себе, то есть согласно ее точному тексту и смыслу, могла быть реализована только с применением насилия;

б) подсудимый Кейтель знал это или должен был знать;

с) зная это, он вместе с другими, в частности с некоторыми подсудимыми, участвовал в составлении планов агрессивных войн.

Я не хочу повторять то, что говорили здесь отдельные подсудимые во время дачи ими показаний...

Кейтель был кадровым офицером. В качестве такового он не мог быть членом партии. Офицерам запрещалась всякая политическая и партийно-политическая деятельность. Руководство вооруженными силами заботилось о том, чтобы не допустить влияния политики партии на вооруженные силы. Это

относилось как к периоду до 1938 года, так и к позднему периоду. Гитлер сам подтвердил этот принцип, ясно сознавая, что не пришло еще время приобщать офицерский корпус к политике, не говоря уже о генералитете. Высшие офицеры по традиции и по профессии были «настроены националистически», как было принято говорить, и приветствовали выдвинутые Гитлером на первый план националистические пункты программы. Они рады были участию армии в осуществлении этой программы и без колебаний встали на сторону руководимого Гитлером правительства, когда оно объявило борьбу с Версальским договором, и в частности с военно-политическими формулировками.

Нельзя не учесть и того, что осуществление национальных целей несло в себе опасность войны. Однако, мне кажется, что дело обстоит таким образом, что генералы усматривали опасность не в том, что Гитлер хотел добиться национальных целей путем агрессивной войны, а скорее в том, что осуществление их привело бы к санкциям со стороны бывших «держав-противников». Генералы ввиду их вынужденного абсолютного военного бессилия, были далеки от мысли о подготовке агрессивной войны.

Я остановлюсь более подробно на этой проблеме, тесно связанной с возобновлением вооружения, несколько позднее... Сейчас важно отметить, что круги, к которым принадлежал подсудимый Кейтель (я добавляю в период между 1933—1938 гг.):

- 1) не соприкасались с партийной программой,
- 2) не имели связи с партийными кругами,
- 3) симпатизировали одной части партийной программы, которая соответствовала их национальной позиции,
- 4) не думали об осуществлении национальных пунктов программы путем агрессивной войны, так как с военной точки зрения это не имело бы перспективы.

Можно было бы возразить, что если даже сами генералы и не думали об агрессивной войне, то они все-таки поняли или должны были бы понять, что Гитлер намеревается, если не сейчас, то в ближайшем будущем вести агрессивную войну.

Обвинение считает возможным утверждать, что подсудимый Кейтель признавал это с 1933 года. Утверждение обвинения следует считать опровергнутым. То же самое относится и к утверждению о том, что он знал об этих целях из книги «Моя борьба», даже если считать, что она имелась у подсудимого. Поэтому здесь речь может идти только о том, знал ли Кейтель из других источников об агрессивных намерениях Гитлера. Что касается периода, предшествовавшего 1938 году, то получение таких сведений от самого Гитлера исключается,

так как Кейтель говорил с ним первый раз только в конце января 1938 года.

Речи, произносимые Гитлером, так же как и прочими партийными руководителями, до этого периода были недвусмысленно направлены на сохранение мира. Оглядываясь назад, сейчас это можно назвать пропагандистской маскировкой противоположного намерения.

Если это было так, тогда такая маскировка успешно ввела в заблуждение не только многие миллионы немцев, но также и иностранные государства, настроенные по отношению к национал-социализму частично критически, частично враждебно.

Кейтель верил в мирные заверения. Он видел, что их правдивость подтверждается официальными предложениями о разоружении и договорами с Англией и Польшей. Он верил в это тем более, что, как уже было сказано, агрессивная война казалась ему невозможной.

Подсудимый фон Нейрат также неоднократно заявлял, что все, что он знал о политике Гитлера до 5 ноября 1937 г., оправдывало его глубокое убеждение в том, что Гитлер, осуществляя свои политические цели, не хотел прибегать ни к насилию, ни к агрессивным войнам. Это убеждение фон Нейрата было поколеблено только выступлением Гитлера от 5 ноября 1937 г. ...

Обвинение ставит подсудимому в вину то, что он знал о таком намерении Гитлера или должен был знать о нем. Это звучит неубедительно, и я предоставляю Трибуналу решить вопрос, учитывая все обстоятельства, имел ли он возможность быть в курсе дела относительно истинных намерений Гитлера. Мне кажется, что подсудимый Кейтель имеет право претендовать на добрую веру в его неведение, если даже из других источников вытекает такая осведомленность или даже участие его в подготовке войны.

В качестве других источников в период с 1933 по 1938 год может быть принята во внимание деятельность Кейтеля в связи с вооружением и в комитете по вопросам обороны империи.

Обвинение в незаконном вооружении охватывает два момента, которые были объединены обвинением. Первое — тайное вооружение в нарушение Версальского договора и второе — вооружение в целях ведения агрессивных войн...

Кейтель воспринимал Версальский договор и особенно его военные формулировки как унижение Германии. Он считал долгом по отношению к своей стране содействовать устранению такого положения. Он был убежден в том, что Версальский договор вследствие невыносимых в военном и территориальном отношении положений должен быть когда-либо пересмотрен... На основании этого убеждения он, как немец и солдат, считал себя вправе на том служебном посту, который занимал в то

время, рассматривать военные положения Версальского договора как невыносимые, то есть необеспечивающие эффективную оборону и ограничивающие возможности ее развития.

Не будучи сам к этому причастен, он при существующем положении вещей не считал несправедливым то, что Германия строила в Финляндии подводные лодки не для себя, а с целью приобретения опыта и обучения специалистов, что она финансировала конструкторское бюро в Амстердаме для того, чтобы следить за прогрессом в области авиации и воспользоваться новшествами, не строя самолетов...

Учитывая освещенные здесь факты, Трибунал должен проверить и решить, действительно ли подсудимый Кейтель преступным образом нарушал военные статьи Версальского договора в духе предъявленного ему обвинения. Во всяком случае, Обвинение не предъявило ему конкретных фактов в связи с данным пунктом.

Бесспорно то, что с 1933 года в империи началось вооружение. Подсудимый Кейтель признал это и заявил, что на постах, которые он занимал до 30 сентября 1934 г. и с 1 октября 1935 г., он соответственно своим функциям участвовал в вооружении. Вооружение проводилось продуманно и организовано. Обвинение собрало относящиеся к этому документы, в частности представило документ ПС-2353, протоколы заседаний имперского комитета обороны. Однако в ходе представления доказательств общая картина периода с 1933 по 1938 год не была ясно обрисована. Обвинение представило доказательства ретроспективно и на основании последствий войны сделало заключение о мотивах вооружения. Одновременно на основании того неоспоримого факта, что это вооружение не могло быть осуществлено одним человеком, заключило, что здесь имело место общее планирование в целях ведения агрессивных войн.

В чем же заключается решающий признак вооружения или какой-либо другой подготовки на случай войны, на основании которого можно заключить, что эти мероприятия носят агрессивный характер, то есть направлены на подготовку и ведение агрессивной войны? Само вооружение не дает еще права заключить, что существовало такое намерение. Наоборот, вооружение может и даже должно при подготовке к обороне и обеспечению безопасности выглядеть точно так же, как и в случае подготовки к агрессивной войне.

В конце концов важно установить, было ли в связи с названными мерами высказано намерение о планировании агрессивной войны или же убеждение в подготовке к агрессивной войне основывается на оценке характера и объема приводившихся мероприятий...

В связи с этим особенно в отношении подсудимого Кейтеля, как военного, нужно учитывать, что до вступления на пост начальника ОКВ 4 февраля 1938 г. он не занимал руководящих постов, поэтому не мог играть решающей роли в вооружении... Конечно, Кейтель несет ответственность за действия генерала Томаса как начальника военно-экономического штаба. Технические подробности и объем его деятельности вытекают из документа ПС-2353, который в основном правилен, хотя Томас в заявлении, подшитом к историческому документу, хочет теперь изложить дело так, что он якобы, опасаясь ареста, изменил свои первоначальные записи в более благоприятном с точки зрения Гитлера направлении, то есть в сторону преувеличения... В ходе предъявления доказательств выяснилось, что до начала 1938 года с трудом было вооружено только 27 дивизий мирного времени, а 10—12 резервных дивизий подготавливались; запасов вооружения и боеприпасов кроме этого в распоряжении вооруженных сил тогда не было.

Однако если все же удалось до осени 1938 года создать армию почти из 40 дивизий для нападения на Чехословакию без проведения мобилизации при одновременной охране границ на Западе, то отсюда вытекает, что это был наивысший возможный в то время военный потенциал.

При таких обстоятельствах, зная состояние вооружения и военный потенциал соседних государств, связанных между собой союзами и пактами о взаимопомощи, ни один из генералов старой школы не мог думать о том, чтобы развязать войну. Тот факт, что уже годом позже — в 1939 году состояние германского вооружения было значительно лучше, объясняется в первую очередь оккупацией Чехословакии.

В заключение следует указать на то, что в этот период не планировалась стратегическая агрессия.

Занятие демилитаризованной зоны в Рейнской области не было запланировано. Оно было импровизировано Гитлером.

«Директивы о наступлении и ведении боя» от июня 1937 года являются общими наставлениями на случай возможных военных осложнений.

Для полноты картины я должен указать также и на документ ЕС-194. Это — приказ верховного командующего вооруженными силами фон Бломберга, говорящий об авиаразведке и наблюдениях за передвижениями подводных лодок во время оккупации Рейнской области. Кейтель подписал приказ и проводил его дальше. Это единственный документ, относящийся к тому периоду.

Кейтель до 30 сентября 1934 г. находился в военном ведомстве в качестве полковника и руководителя отдела, а с октября 1935 года, будучи генерал-майором и начальником отдела

вооруженных сил имперского военного министерства, являлся членом имперского комитета обороны.

Таким образом, с 30 сентября 1934 г. до 1 октября 1935 г. он не был в военном министерстве и тем самым не имел тех функций, которые подходят под пункт обвинения его по должности; в этот период он не участвовал в заседаниях имперского комитета обороны, протоколы заседаний которого были представлены обвинением как имеющие большую доказательственную ценность...

Решение от 4 февраля 1938 г. оказалось роковым для генерала Кейтеля и для германских вооруженных сил: для Кейтеля потому, что он не мог еще расценить должным образом вновь созданную инстанцию «верховное командование вооруженных сил» (ОКВ).

Гитлер устранил последний барьер между собой и вооруженными силами — народом под ружьем путем устранения фигуры главнокомандующего вооруженными силами и имперского военного министра, который по конституции должен был быть ответственным лицом за вооруженные силы. Такое решение судьбы было для Кейтеля и для всего германского народа роковым, причем в момент вынесения решения участники его даже не подозревали этого. Сейчас, оглядываясь назад, легко сказать, что такая непроницаемость была преступной...

Для подсудимого Кейтеля, который в то время лично не знал Гитлера и впервые познакомился с ним во время предварительных переговоров по поводу данного решения, это не было его собственным решением. Гитлер назначил Кейтеля на вновь созданную должность начальника ОКВ. Кейтель принял ее. Если мы оставим без внимания человеческие чувства, то и тогда для начальника военного управления в имперском военном министерстве не было никакого основания отклонять данное предложение, тем более что оно было сделано фон Бломбергом. Какое значение придавал Гитлер этой должности, Кейтелю было неизвестно...

Привожу выдержку из показаний фон Бломберга:

«Гитлер заявлял:

Я не хочу иметь в будущем военных министров, а также не хочу иметь впредь командующего вооруженными силами, который стоял бы между мной как верховным главнокомандующим и главнокомандующими отдельными частями вооруженных сил...

Он потребовал кандидата на пост «начальника бюро», который должен был вести дела под его начальством. Таким образом ответственным за вооруженные силы должен был быть он, Гитлер...

Я предложил Кейтеля на должность «начальника бюро», и мне казалось, что он был бы на своем месте...»

Декрет о руководстве вооруженными силами от 4 февраля 1938 г. известен Трибуналу. Поэтому мне не нужно оглашать его здесь. Положение подсудимого Кейтеля, круг его компетенции и ответственность ясно вытекают как из этого, так и из целого ряда других документов.

Гитлер не хотел иметь ответственное имперское военное министерство. Он не хотел также, чтобы кто-нибудь другой, кроме него, имел верховную власть над всеми вооруженными силами. В своем лице он объединил оба института, заявив по поводу верховной власти: отныне он лично и непосредственно будет осуществлять верховную власть и функции имперского военного министерства, которым должен по его поручению управлять Кейтель.

Таким образом, Гитлер создал военный штаб для того, чтобы получать консультацию по военно-техническим вопросам. Штаб назывался «верховное командование вооруженных сил» (ОКВ) и был не чем иным, как военной канцелярией фюрера и верховного главнокомандующего. Такие канцелярии уже существовали в виде имперской, президентской канцелярии и партийной канцелярии. Начальником военной канцелярии был назначен подсудимый Кейтель, его называли «начальником верховного командования вооруженных сил» (начальник ОКВ).

Из этого следует, что ОКВ не должно было быть промежуточной инстанцией между верховным главнокомандующим вооруженных сил и тремя частями вооруженных сил. Противоположная точка зрения обвинения, выраженная в графическом изображении, покоится на ошибочной оценке. Между верховным главнокомандующим и тремя главнокомандующими — главнокомандующим сухопутных войск, главнокомандующим военноморских сил и главнокомандующим военно-воздушных сил — не существовало промежуточной инстанции со своими собственными полномочиями, как это имело место до 4 февраля 1938 г.

ОКВ не было самостоятельным военным учреждением или ведомством. Оно было лишь военно-техническим штабом Гитлера и его военного министерским ведомством. ОКВ не имело никаких самостоятельных полномочий. Поэтому ОКВ не могло издавать собственных приказов. Больше того, все распоряжения, декреты, директивы или приказы, которые поступали из ОКВ, были выражением воли верховного главнокомандующего вооруженных сил. Главнокомандующие тремя частями вооруженных сил всегда сознавали, что между ними и верховным главнокомандующим не существует никакой промежуточной инстанции. Они никогда не рассматривали и не признавали ОКВ такой промежуточной инстанцией. Это было подтверждено письменными показаниями подсудимых Деница и Редера, так же как и показаниями Геринга и доктора Ламмерса. Мнение,

что ОКВ или подсудимый Кейтель как начальник ОКВ были полномочны издавать собственные распоряжения или приказы, неправильно. Всякое устное или письменное служебное общение с другими военными учреждениями, выходящее за рамки обмена мнений, зависело от решения верховного главнокомандующего.

ОКВ являлось всего навсего рабочим штабом верховного главнокомандующего. Поэтому, если на документах, которые исходили от верховного главнокомандующего или ОКВ, имеется подпись или инициалы подсудимого Кейтеля (или какого-нибудь начальника управления или отдела ОКВ), то из этого еще нельзя сделать вывода о том, что ОКВ имело полномочия издавать самостоятельно приказы. В каждом отдельном случае дело заключается лишь в ознакомлении, препровождении или передаче приказов верховного главнокомандующего. Учитывая, что Гитлер был очень занят на постах главы государства, рейсканцлера, руководителя партии и верховного главнокомандующего вооруженных сил, понятно, что было невозможно получать от него во всех случаях собственноручную подпись, даже если дело подчас касалось особо важных или имеющих принципиальное значение вопросов. Следует, однако, обратить внимание и на то, что во всех случаях необходимо было иметь решение или согласие Гитлера.

Если обвинение при таком положении вещей придерживается той точки зрения, что подписи или инициалы Кейтеля на документах дают основание считать его ответственным и за деловое содержание данных документов, то такая точка зрения не может быть одобрена. Было бы юридической формальностью считать подсудимого Кейтеля как начальника военной канцелярии ответственным за приказы, распоряжения и т. д., которые он подписывал и препровождал дальнейшим инстанциям. Мне кажется, что ответственным за это может быть только тот, кто имел соответствующие полномочия издавать или разрешать издавать подобные приказы. Подсудимый Кейтель должен был нести персональную ответственность только в случае, если было бы доказано, что он по доброй воле участвовал в издании этих приказов и распоряжений и являлся их инициатором...

Чтобы разъяснить полностью рассматриваемый вопрос, я хотел бы отметить то, что указания, которые имели принципиальное значение для планирования военных операций или являлись оперативными приказами, отдавал верховный главнокомандующий главнокомандующим отдельных частей вооруженных сил. Прежде чем дать указания Гитлер совещался о военно-технической стороне приказа с компетентными референтами из ОКВ, а также и с подсудимым Кейтелем. Три главнокомандующих частями вооруженных сил издавали

приказы для осуществления того, что содержалось в основном указании верховного главнокомандующего. В этой связи я не буду ссылаться на положение Устава Трибунала, согласно которому выполнение приказа не рассматривается как причина, исключая уголовноправовую ответственность, так как препровождение приказа не является приказом ОКВ отдельным частям вооруженных сил, но является лишь передачей воли верховного главнокомандующего, нашедшей свое выражение в приказе.

Следует предположить, что обвинение неправильно оценило положение Кейтеля и что на точку зрения обвинения в данном случае оказал влияние фельдмаршалский ранг подсудимого. Этот ранг не имел никакого отношения к командным полномочиям подсудимого.

Подсудимый Кейтель в письменных показаниях, озаглавленных «Координирование в государстве и вооруженных силах», очень ясно описал деятельность ОКВ и свою деятельность.

Можно считать — а обвинение это так и делает, — что начальник военного управления Гитлера был тесно связан со своим начальником — Гитлером и что он должен нести ответственность за весь комплекс проводившихся им мероприятий, если не как виновник, то в какой-либо другой форме, предусматриваемой статьей 6 Устава. Это предположение является ошибочным. Не нужно заниматься рассмотрением существовавшей иерархии в государстве и обязательного характера приказа фюрера. Военная иерархия более стара, чем национал-социалистская идеология. Однако несмотря на все это следует сказать, и вы должны обратить соответствующее внимание, что введение абсолютного принципа фюрерства в армии означает окончательное исключение всех стремлений, которые можно было бы рассматривать как демократические в определенном смысле, во всяком случае, как стремления, тормозящие диктаторские прихоти Гитлера... Это нашло, между прочим, выражение в запрещении всякой критики снизу вверх, в запрещении генералам подавать прошения о выходе в отставку и, наконец, в устранении фигуры главнокомандующего вооруженными силами и военного министра.

Нельзя и не следует оспаривать того, что подсудимый Кейтель был ярким приверженцем принципа фюрерства в руководстве вооруженными силами и что работу «Основы организации германских вооруженных сил» (документ Л-211) следует рассматривать как изложение точки зрения Кейтеля относительно руководства в будущей войне, хотя в тот момент не рассчитывали на какую-либо войну и не это было поводом для написания работы.

Что означает это для подсудимого Кейтеля? Тот, кто признает правильность принципа фюрерства с военной точки зрения, должен действовать в соответствии с данным принципом...

Кейтель происходит из военной среды и одобряет принцип фюрерства в армии, согласно которому вся ответственность ложится на того, кто уполномочен издавать приказы. В то время, как принцип фюрерства в гражданской сфере, в которой он также действовал, исчерпывался в большинстве случаев формальностями и фактически не внес почти никаких изменений, в военной сфере этот принцип должен был оказать более сильное и очевидное влияние, особенно он должен был отразиться на взаимоотношениях командующих и начальников их генеральных штабов...

Кейтель, как установлено, не был ни командующим, ни начальником генерального штаба, он был начальником военной канцелярии Гитлера, солдатом и управляющим по всем военноминистерским вопросам, то есть «министром», как здесь говорит обвинение.

Военный рабочий штаб Гитлера, начальником которого был Кейтель, должен был проводить большую предварительную работу и подготовку, необходимую для выполнения указанных задач. В соответствии с этим на него ложится и часть ответственности, но она не относится к важным, имеющим принципиальное значение вопросам. Конечно, вопрос о том, следует ли считать те или иные дела важными и следует ли о них докладывать Гитлеру, решал Кейтель. Но доказательства показывают, что Кейтель при возникновении у него сомнений был более склонен докладывать о таких вопросах после тщательной проверки их, чем самому заниматься их разрешением.

Важно установить, что Кейтель, будучи руководителем осуществления военно-материальных задач, возникавших в ОКВ, все же не был министром... Правда, декретом Гитлера главнокомандующим сухопутными и военно-морскими силами, точно так же как и Кейтелю, был предоставлен «ранг» имперского министра, но это сделано для того, чтобы оба главнокомандующие имели право принимать участие в заседаниях кабинета. То, что Гитлер дал подсудимому Кейтелю ранг имперского министра, имело целью предоставить последнему возможность вести непосредственные переговоры с министрами. Если бы Кейтель не имел ранга министра, то ему пришлось бы ограничиваться переговорами со статс-секретарями и подобными лицами, что повлекло бы за собой определенные трудности в деле выполнения заданий фюрера.

Поэтому обвинение совершает ошибку, когда оно характеризует Кейтеля как имперского министра, хотя и «без портфеля».

Он не был министром, членом имперского правительства... Он значился в списке лишь как лицо, занимавшее высшую должность...

Основным в вопросе об уголовной ответственности Кейтеля является его действительная позиция в той игре сил, которую вел Гитлер...

Показания свидетеля Гизевиуса приобрели для подсудимого Кейтеля решающее значение ввиду характера постановки вопросов господином Джексоном и ответов Гизевиуса.

Если бы то, что Гизевиус показал о Кейтеле, было правдой, то есть то, что он в своих показаниях облек в форму в основном осуждающего констатирования, то подсудимый Кейтель значит не сказал правды в своих показаниях. Значение данного обстоятельства становится совершенно ясным, если учесть, что отрицательное решение по поводу достоверности показаний Кейтеля должно подорвать всю защиту Кейтеля.

Судья Джексон использовал доктора Гизевиуса как главного свидетеля в своих нападках на подсудимого Кейтеля; по окончании предъявления доказательств против Кейтеля он остановился не только на отдельных фактических обстоятельствах, но коснулся всего обвинения и дал оценку показаниям Кейтеля...

Я, по возможности коротко, резюмирую те выводы, которые сделало обвинение из показаний Гизевиуса:

1) Для того чтобы Гитлер не имел правильного представления о действительности, Кейтель создал вокруг Гитлера непроницаемое кольцо.

2) Кейтель не передавал Гитлеру доклады, представляемые ему Канарисом, если в них говорилось о зверствах, преступлениях и т. п., или же он давал распоряжение внести в них изменения.

3) Кейтель оказывал большое влияние на ОКВ и на армию.

4) Кейтель грозил своим подчиненным, если они высказывались по политическим вопросам, что он их не будет защищать и даже обещал передать в гестапо.

По показаниям Гизевиуса, фигура Кейтеля превращается в советчика Гитлера, скрывающего от него все планы и докладывающего только то, что ему, Кейтелю, выгодно, и не допускающего к Гитлеру ни одного человека. Утверждать, что Кейтель закрыл доступ к Гитлеру, может только тот, кто не знает обстановки, окружавшей Гитлера.

Гитлер ближе всего соприкасался со своими адъютантами, начальником партийной канцелярии, начальником имперской канцелярии в Берлине.

Кейтель не только не мог регламентировать доступ к Гитлеру, но не имел возможности даже помешать тому, чтобы кто-либо приходил к Гитлеру.

Источником информации для Гитлера были начальники соответствующих учреждений. Отчасти, как я уже говорил, эти источники информации были невидимыми, и было неизвестно, откуда Гитлер получает сообщения.

Гизевиус не знал об этом. Он сам никогда не был около Кейтеля, никогда не встречался с ним, не разговаривал и не знал его фамилии. И если он здесь высказал свое суждение, то это он сделал на основании сообщений, полученных от Канариса, Томаса и Остера...

Также установлено, что, кроме Иодля — начальника оперативного штаба вооруженных сил, только Канарис мог иметь личный доступ к Гитлеру. Это доказывает, что показания Гизевиуса о том, что Кейтель создал вокруг Гитлера кольцо, являются ошибочными.

Свидетель Гизевиус показал, что Канарис представлял доклады об ужасах в связи с переселением, изгнанием и истреблением евреев, о концентрационных лагерях, преследовании церкви и убийствах душевнобольных через Кейтеля. Они через Кейтеля шли к Гитлеру. Доклады генерала Томаса, начальника военно-хозяйственного отдела, ставившие Гитлера в известность о военном потенциале противника, также поступали через Кейтеля.

Что касается докладов адмирала Канариса, то нужно сказать, что этот начальник управления разведки и контрразведки все время представлял доклады относительно ведения войны, включая сюда и военно-экономические вопросы.

Кейтель показал, что о всех ужасах, и особенно об изгнании евреев и о концентрационных лагерях, а также об уничтожении евреев, ему ничего не было известно. Это противоречит утверждению свидетеля Гизевиуса о том, что Канарис представлял подсудимому Кейтелю доклады по указанным вопросам...

Кейтель, по показаниям свидетеля Гизевиуса, оказывал огромное влияние на армию...

Кейтель, будучи начальником ОКВ, безусловно мог оказывать влияние. Но важно другое — оказывал ли Кейтель какое-либо преступное влияние на ход событий. Даже Гизевиус подтвердил, что Кейтель не оказывал решающего влияния на руководство вооруженными силами. Это установлено и доказательствами. Особенно оскорбительным обвинением против подсудимого Кейтеля было то, что он «вместо того, чтобы стать во главе подчиненных ему офицеров и их защищать, угрожал им отдачей их в руки гестапо».

Однако установлено, что до 1944 года ни один начальник управления ОКВ не был уволен, что до 20 июля 1944 г., то есть до покушения на Гитлера и перехода юрисдикции к Гиммлеру, ни один офицер ОКВ не был передан в руки полиции...

Несовместимым с показаниями свидетеля Гизевюса является и тот доказанный факт, что Кейтель с подчиненным ему начальником управления Канарисом был в приятельских и дружеских отношениях...

Как показал Гизевюс, адмирал Канарис вел двойную игру не только на службе, но и в личных отношениях с Кейтелем: используя его дружбу, он старался показать, что придерживается тех же взглядов, в то время как за глаза в кругу своих людей он с ненавистью отзывался о Кейтеле...

Однако картина осталась бы незавершенной, если бы не осветить личность свидетеля Гизевюса, исходя из его собственных показаний...

Он получил от Остера подложные документы, с помощью которых уклонялся от воинской повинности. С 1933 года он жил в Германии совершенно свободно и состоял на службе до 20 июля 1944 г., был имперским чиновником и получал все время жалованье, за исключением отпуска, которым пользовался с середины 1937 года до начала 1939 года.

С 1943 года он был имперским вице-консулом в Швейцарии, куда был назначен Канарисом в качестве агента-информатора при имперском генеральном консульстве в Цюрихе. Разумеется, ему за это платили. Одновременно он был связан с вражеской службой информации, а с 1933 года работал в гестапо и подробно знал о всех ужасах и последствиях, которые это могло иметь для всего немецкого народа...

Особым обстоятельством, характеризующим свидетеля доктора Гизевюса, является тот совет, который он дал консервативному специалисту банкиру доктору Шахту, — довести дело до инфляции для того, чтобы взять все дела в свои руки. Такой совет он мог дать лишь в двух случаях: в случае полного незнания народнохозяйственного значения и социальных последствий инфляции или же полного безразличия к судьбе служащих и рабочих, на которых инфляция отразится в первую очередь. Сознательно осуществленная инфляция должна рассматриваться только как преступление против общества. Показания Гизевюса раскрывают трагедию немецкого народа. Для меня они являются подтверждением слабости и декадентства определенных немецких кругов, которые играли идеей путча и государственной измены, не будучи внутренне заинтересованными в удовлетворении нужд народа. Это была верхушка, состоявшая из будущих министров и генералов, не имевшая поддержки широких масс нашего народа и рабочего класса, как показал здесь имперский министр Зеверинг...

Я хочу, чтобы не оставалось никакого сомнения в том, что факт заговора сам по себе имеет значение для рассматриваемого здесь вопроса о том, заслуживают ли доверия эти люди.

Тот, кто является заговорщиком по честным мотивам, тот, кто, сознавая опасность, грозящую его стране, ставит на карту свою жизнь, не только действует честно, но и заслуживает благодарность отечества.

Если бы Гизевюс и его друзья, знавшие в силу своего положения о всех тех ужасах, о которых большинство немцев узнало лишь по процессу, служили бы самоотверженно своей стране, то мы и весь мир, возможно, были бы избавлены от многих несчастий и страданий...

Был ли Кейтель политическим генералом? Подсудимый Кейтель обвиняется в том, что он участвовал, помогал и способствовал планированию, подготовке и развязыванию агрессивных войн, нарушая международные договоры и обязательства.

Я хочу рассмотреть здесь только одно событие, которое приобрело на данном процессе историческое и лично для подсудимого Кейтеля большое значение: совещание Гитлера с Шушником в Оберзальцберге 12 февраля 1938 г. Это была зарница, которая могла бы дать прозорливым людям возможность почувствовать приближение грозы. Кейтель, который в тот момент всего лишь неделю был начальником ОКВ и до сего времени не сталкивавшийся с большими политическими событиями, не увидел этих признаков приближающейся грозы. Гитлер после произведенной им смены должностей 4 февраля 1938 г. выехал в Оберзальцберг и вызвал туда к себе Кейтеля, не сообщив ему причины вызова.

Кейтель прибыл, не зная, чего хочет Гитлер и что должно произойти в Оберзальцберге. Лишь в течение дня он осознал, что его присутствие может иметь какое-то отношение к присутствию Шушника и к переговорам по австрийскому вопросу. В каких-либо переговорах, особенно с Шушником или доктором Шмидтом, он не участвовал, что подтверждено доказательствами. Однако Кейтель понял, что его присутствие, так же как и присутствие генералов фон Рейхенау и Шперле, должно было иметь некоторое значение для переговоров с Шушником. Так как Гитлер вообще не стал обсуждать с ним военных вопросов, то он должен был прийти к убеждению, что представители ОКВ, сухопутных войск и ВВС были приглашены, чтобы продемонстрировать фон Шушнику мощь вооруженных сил империи.

Следовательно, обстоятельства были таковы, что Гитлер намеревался использовать представителей вооруженных сил как средство для оказания давления с целью достижения своих политических целей.

Далее обвинение упоминало о событиях, которые рассматриваются в этой связи как симптоматичные, а именно переговоры Гитлера с Гаха и Тисо, на которых Кейтель также присутствовал...

Гитлеру нравилось, когда Кейтель сопровождал его как представитель вооруженных сил. Так, Кейтель присутствовал в Годесберге, когда туда приехал премьер-министр Чемберлен, а также в Мюнхене 30 сентября 1938 г. и в других случаях. Кейтель также присутствовал при встречах Гитлера с маршалом Петэном, генералом Франко, царем Борисом, регентом Хорти и с Муссолини. Этой функции Кейтеля, однако, недостаточно для того, чтобы признать подсудимого Кейтеля генералом, игравшим руководящую роль в политике...

После представления меморандума Гитлеру Кейтель, как это соответствовало его пониманию служебного долга, не выражал больше отрицательного отношения к войне с Россией, особенно после того, как Гитлер принял решение.

Я напоминаю о том, что Кейтель, показывая здесь о так называемых идеологических приказах, изданных в связи с подготовкой войны и войной против России, говорил: «Я знал их содержание, я передавал их дальше, несмотря на мое отрицательное отношение к ним, хотя я знал о тяжелых последствиях, которые могли вызвать эти приказы»...

С течением времени возникло мнение, которое распространилось во всей армии, что фельдмаршал Кейтель является «поддакивателем», орудием Гитлера, что он предает интересы армии. То, что он изо дня в день вел постоянную борьбу с Гитлером по самым различным вопросам и теми силами, которые оказывали на него со всех сторон влияние, генералы не видели, да они и не интересовались этим...

Подсудимый Кейтель за 37 лет военной службы, включая мировую войну, пришел к убеждению, что принцип повиновения является самой прочной опорой, на которой зиждется армия и тем самым безопасность страны.

Проникнутый значением своей профессии, он служил кайзеру, Эберту и фон Гинденбургу, а потом и Гитлеру, который выступал для него в роли руководителя государства.

То, что Гитлер оказывал сильное влияние на этого человека, честно восхищался им и окончательно подчинил его себе, является фактом, который признал сам Кейтель.

Это нужно принять во внимание, чтобы понять, как могло произойти, что Кейтель составлял и рассылал приказы Гитлера, которые были несовместимы со взглядами германского офицера, как, например, приказы, предъявленные советским обвинением (документы СССР-50, РС-447 и другие)...

Подсудимый Кейтель открыто заявил во время допроса, что он создал преступный характер приказов, но думал, что он не может уклониться от выполнения приказов верховного главнокомандующего вооруженными силами и главы государства,

который имел право последнего слова при рассмотрении всех возражений...

Последняя и во многих случаях обоснованная надежда Кейтеля состояла в том, что командующие и подчиненные им командиры войсковых частей на практике, в пределах своего усмотрения и ответственности, вообще не будут применять суровых, даже бесчеловечных приказов или будут выполнять умеренно.

Кейтель при занимаемом им положении стоял перед дилеммой: либо неповиновение, выражающееся в отказе передавать приказы, или выполнение указаний о передаче приказов. Мог или должен ли был он что-либо сделать и что именно, я буду рассматривать в другой связи. Здесь речь идет о том, чтобы выяснить, как получилось, что Кейтель передавал приказы, которые, бесспорно, санкционировали совершение военных преступлений и преступлений против человечности, и что он не увидел той грани, на которой должен был кончиться долг повиновения солдата в его наиболее строгой трактовке. Произошло это вследствие того, что он считал необходимым соблюдать долг повиновения и верность, в которой он присягнул верховному главнокомандующему, а также вследствие того, что видел в приказе главы государства обстоятельство, освобождающее его от собственной ответственности...

Необходимо рассмотреть вопрос, освобождают ли эти факты подсудимого Кейтеля от уголовной ответственности.

Кейтель не оспаривает того, что несет тяжелую моральную ответственность. Он признал, что тот, кто в этой ужасной драме играл хотя бы небольшую роль, не может чувствовать себя свободным от моральной ответственности за действия, в которые был втянут...

Подсудимый Кейтель признал, что приказы Гитлера нарушали нормы международного права. Устав установил, что солдат не может для своего оправдания ссылаться на приказ своего начальника или правительства...

Правовая проблема заговора в том разрезе, в котором ее ставило обвинение, рассмотрена моими коллегами доктором Штамером и доктором Хорном.

Мне кажется, что сам характер заговора не совместим с задачами солдата и должностью Кейтеля в качестве начальника ОКВ.

Военное командование на Востоке мало соприкасалось с ОКВ, в том числе со штабом оперативного руководства. Когда я говорю здесь ОКВ, я имею в виду управление ОКВ, ибо всем известно, что Гитлер как верховный главнокомандующий вооруженными силами занимался всеми вопросами руководства войной, идеологической войной и вмешивался во все. Гитлер

поддерживал постоянный контакт с главнокомандующим сухопутными силами и его штабом, пока в декабре 1941 года он не взял на себя обязанности непосредственного командования сухопутными силами.

Объединение в одном лице должности верховного главнокомандующего вооруженными силами (ОКВ) и главнокомандующего сухопутными силами явилось, по-видимому, источником многих ошибок, приведших к обвинению в совершении тяжких преступлений со стороны ОКВ как управления или штаба и в аналогичном обвинении Кейтеля как начальника штаба.

Все, что Кейтель откровенно признал здесь, давая показания по комплексу вопросов, связанных с войной с Россией, возлагает на него уже достаточно большую ответственность, и он чувствует это. Понятно, что защита не только стремится, но и считает своим долгом четко установить в общем составе преступления по совершению ужаснейших зверств и невероятных бесчеловечных злодеяний границы ответственности Кейтеля...

Учитывая тот обширный материал, который представило советское обвинение, в своей речи я могу остановиться только на сравнительно небольшой части документов и кратко резюмировать их.

В официальных отчетах, в которых выдвигаются обвинения против ОКВ, нет конкретных данных о том, что штаб ОКВ и Кейтель являются ответственными за организацию и осуществление злодеяний. Я не говорю здесь о фактической стороне этих документов, я указываю только на то, что Кейтель, находясь на своем посту, не имел ни полномочий, ни возможности отдавать приказы, которые привели к совершению преступлений...

В документах Кейтель или ОКВ, по крайней мере, названы в качестве несущих ответственность. Но имеется и много таких официальных документов, которые приводились в речах обвинения в качестве доказательств вины Кейтеля и в которых даже не упоминается имя подсудимого и нет указаний на ОКВ... Я могу только попросить Трибунал просмотреть и остальные документы в этой связи, чтобы установить, являются ли документы, предъявленные в целях установления вины Кейтеля и ОКВ, действительно таковыми...

Далее, я говорю о тех обвинениях, которые представило французское обвинение об участии ОКВ и Кейтеля в событиях в Орадуре и Тулле.

Французское обвинение выдвигает против подсудимого Кейтеля индивидуальные обвинения в военных преступлениях и преступлениях против человечности. Речь идет об обвинении в убийстве французских гражданских лиц без суда,

При этом особо выделяются события в Орадуре и Тулле. Они изложены в докладе Французского правительства (документ Ф-236).

Французское обвинение заявило: «Вина Кейтеля во всех этих событиях установлена».

Моей задачей не является говорить об ужасных событиях в Орадуре и Тулле. Как защитник подсудимого Кейтеля я должен исследовать, обосновано ли утверждение обвинения о том, что подсудимый Кейтель виновен в чудовищных событиях или несет за них ответственность.

Бесспорно, что Кейтель не принимал непосредственного участия в этом преступлении. Таким образом, вывод о виновности подсудимого может быть сделан только на основании занимавшегося им поста. Обвинением не было предъявлено никаких приказов, которые имели бы подпись Кейтеля. Таким образом, если вообще можно говорить о непосредственной ответственности, то Кейтель не принадлежит к кругу непосредственно ответственных лиц...

Господин председатель! Перед тем, как начать рассмотрение вопроса о заложниках, я хочу теперь с разрешения суда остановиться на тяжелых обвинениях, связанных с приказом «Мрак и туман».

Пожалуй, нет ни одного приказа, который во время разбирательства Трибуналом настоящего дела сильнее врезался бы в память, чем приказ «Мрак и туман».

По приказу «Мрак и туман» подозрительные лица тайно отправлялись в Германию и об их местопребывании не давалось никаких сведений, так как объявление о наказании, а именно — лишении свободы, не может действовать устрашающе в оккупированных областях вследствие ожидающейся амнистии по окончании войны.

Подсудимый Кейтель имел совещание с начальником юридического управления вооруженных сил и начальником отдела разведки и контрразведки Канарисом, который являлся автором письма от 2 февраля 1942 г., о том, что надо делать. Неоднократные представления Гитлеру о том, чтобы он отказался от этого способа действия, или, по крайней мере, несколько ослабил абсолютную его секретность, не имели успеха, и поэтому в конце концов был представлен предьявленный здесь проект указа от 7 декабря 1941 г. ...

Как уже было сказано, подсудимому Кейтелю не известно было письмо от 2 февраля 1942 г. ...

Приказ «Мрак и туман», как его называли впоследствии, лежал тяжелым грузом на его совести. Кейтель не оспаривает, что данный приказ недопустим с точки зрения международного права и что это ему было известно...

Судя по результатам представления доказательств, следует полагать, что полицейские инстанции без ведома военных властей занимались всеми политически подозрительными лицами, которые в соответствии с политическими мерами были перевезены из оккупированных областей в Германию и там помещены в концлагеря как заключенные согласно приказу «Мрак и туман». Судя по показаниям свидетелей, речь идет большей частью о людях, которые не были в результате обычного разбирательства в военных судах оккупированных областей приговорены к высылке в Германию.

Ясно, что полиция в оккупированных областях превышала полномочия в отношении выполнения этого приказа, не обращая внимания на исключительную юрисдикцию военных командных инстанций и на предписанные им процессуальные правила, используя его для всеобщей депортации населения.

То, что это вообще было возможно без ведома инстанций вооруженных сил в оккупированных областях, объясняется исключительно тем обстоятельством, что командующие войсками в оккупированных областях были лишены полицейской исполнительной власти вследствие назначения начальников СС и полиции, которые получали приказы непосредственно от рейхсфюрера СС.

Никогда ОКВ не признавало за рейхсфюрером СС и начальниками СС и полиции право на проведение в жизнь этого указа, предназначенного только для вооруженных сил. Указ имел силу только для инстанций вооруженных сил, имевших соответствующую юрисдикцию, и был ограничен только ими.

В той степени, в какой военный штаб Гитлера будет рассматриваться судом в качестве несущего ответственность, подсудимый Кейтель берет на себя ответственность в пределах своей компетенции как начальник ОКВ...

Обвинение вменяет в вину подсудимому Кейтелю то, что он якобы участвовал в депортации людей в целях использования их на работах. Относительно этого Кейтель показал, что в его ведение не входили набор, вербовка и вывоз людей из оккупированных областей, а также направление полученной таким образом рабочей силы на военные предприятия. Подсудимый Заукель дал об этом показания здесь 27 мая 1946 г.

Господин председатель! Я прошу принять к сведению следующие высказывания, не вошедшие в текст моей речи. Мой коллега, доктор Серватиус, в соответствии с достигнутым между нами соглашением опишет взаимоотношения между организацией комплектования вооруженных сил и получением рабочей силы генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Я должен, однако, разобрать некоторые документы, которые французское обвинение представило для обвинения ОКВ

и Кейтеля в активном участии в депортации. Это документы: ПС-1292, ПС-3819, ПС-814 и ПС-824.

Первый документ — запись начальника имперской канцелярии доктора Ламмерса о совещании у Гитлера, на котором обсуждался вопрос о получении рабочей силы на 1944 год. Подсудимый Кейтель участвовал в этом совещании. К записи прилагается письмо подсудимого Заукеля от 5 января 1944 г., в котором последний резюмирует результаты совещания от 4 января и предлагает издать указ фюрера. Я цитирую из письма следующее место:

«§ 5. Фюрер указал на то, что необходимо убедить все немецкие учреждения в оккупированных областях и союзных странах в том, что нужно привлекать иностранную рабочую силу для работы в Германии, чтобы оказывать единодушную поддержку генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы в проведении необходимых организационных, пропагандистских и полицейских мер».

Далее в письме говорится:

«Следующим учреждениям, мне кажется, в первую очередь следует направить этот указ».

Затем перечисляется, кому посылается указ:

«Начальнику ОКВ генерал-фельдмаршалу Кейтелю, к сведению — командующим во Франции и Бельгии, командующему Юго-Восточным фронтом, уполномоченному генерала при республиканском правительстве Италии и командующим фронтами на Востоке...»

Следовательно, документ доказывает:

1) что фельдмаршал Кейтель принимал участие в совещании, не высказывая своего мнения относительно проблемы получения рабочей силы;

2) что фельдмаршал Кейтель должен был быть поставлен в известность о приказе фюрера для того, чтобы мог довести его до сведения командующих. Тем самым подтверждается то, что признал и сам подсудимый Кейтель, говоря, что он сталкивался с данным вопросом.

Второй и третий документы также относятся к совещанию в имперской канцелярии от 11 июля 1944 г., в котором фельдмаршал Кейтель не принимал участия...

Здесь было предъявлено много документов с подписью «Кейтель». Положение Кейтеля, о котором здесь уже говорилось и которое не давало ему права издавать приказы, привело к тому, что он никогда не говорил в первом лице в своих сообщениях или при передаче приказов. Кроме этого документа, обвинение представило еще одну телеграмму, в которой встречается выражение Кейтеля в первом лице. Учитывая многочисленные документы, подтверждающие данное утверждение

Кейтеля, остается только поверить, что здесь речь идет о передаче приказа фюрера, о чем свидетельствуют и формулировки документа. Я это сейчас цитировал. Генерал Варлимонт (документ ПС-3819) на совещании 11 июля также ссылался на «недавно изданный приказ фюрера», содержание которого он передает точно так, как оно передано в телеграмме, подписанной Кейтелем. Важным и подтверждающим аргументацию подсудимого Кейтеля является также и новый документ ПС-824 (РФ-1515), предъявленный здесь. Письмо от 25 июля 1944 г., написанное командующим Западным фронтом фон Рундштедтом, который к этому времени объединил под своим командованием командующих войсками во Франции и Бельгии. В нем говорится, что «по приказу фюрера следует выполнять требования генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и Шпеера, далее будут даны распоряжения относительно вербовки беженцев на работу при отступлении из района операций; наконец, приказано доложить в ОКВ о проведенных мероприятиях».

Ссылка на приказ фюрера сразу же после 11 июля 1944 г., как и замечания Варлимонта, показывают, что таких директив Кейтеля или ОКВ вообще не существовало. Таким образом, можно считать доказанным, что сам Кейтель или ОКВ не участвовали в мероприятиях по вербовке и мобилизации рабочей силы. ОКВ было учреждением, через которое проходили приказы, издаваемые Гитлером, как начальником Заукеля, и которые он, Гитлер, направлял командующим войсками; учреждение не имело полномочий и не несло юридической ответственности.

В этом комплексе вопросов дело обстоит не так, как в тех областях, которыми ведало ОКВ как министерство, ибо в данной области оно имело, по крайней мере, функции эксперта, что давало возможность высказывать свои соображения и опасения по тому или иному вопросу.

В области изыскания рабочей силы Кейтель имел с деятельностью Заукеля следующие соприкосновения:

а) Кейтель подписал указ фюрера от 21 марта 1942 г. о создании должности генерального уполномоченного по использованию рабочей силы;

б) он направлял командующим войсками в оккупированных областях приказы Гитлера об оказании поддержки деятельности генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в соответствии с особыми директивами.

Французский обвинитель, выступая на заседании Трибунала 2 февраля 1946 г. по вопросу о депортации евреев, в связи с ответственностью подсудимого Кейтеля заявил следующее:

«Я позднее буду говорить о приказах об угоне евреев, и я докажу, что этот приказ был результатом совместных действий

военной администрации, дипломатических органов и полиции безопасности. Из этого следует, что 1) начальник ОКВ, 2) имперский министр иностранных дел и 3) начальник полиции безопасности и главного имперского управления безопасности должны были быть все время в курсе дела и вынуждены были согласиться с таким мероприятием. Совершенно ясно, что они, занимая эти должности, должны были знать, что подобные мероприятия по важным делам проводились в жизнь и что решение принималось каждый раз совместно отдельными звеньями трех различных ведомств.

Эти три человека, следовательно, ответственны и виновны...».

Из письменных показаний Кейтеля следует, что командующий войсками во Франции, который здесь неоднократно упоминался, не был подчинен ОКВ...

Он имел функции в области гражданской и военной администрации, представлял государственную власть. Таким образом, наряду с военными задачами ему принадлежали полицейские и политические функции. Командующие войсками назначались командованием сухопутных сил (ОКХ), и от ОКХ они и получали приказы. Отсюда следует, что ОКВ не имело непосредственного отношения к данному вопросу...

ОКВ и подсудимый Кейтель не имели никакого отношения к разрешению еврейского вопроса во Франции, к высылке евреев в Освенцим и в другие лагеря; они не имели никаких полномочий на издание приказов, а также полномочий осуществлять контроль...

Перехожу к рассмотрению ответственности подсудимого Кейтеля за бесчеловечное обращение с военнопленными.

Инстанцией, занимавшейся этим вопросом в ОКВ, являлся «начальник управления по делам военнопленных», которому обвинение неоднократно инкриминировало совершение преступлений. Подсудимый Кейтель считает необходимым подчеркнуть, что начальник управления по делам военнопленных был подчинен ему через общее управление вооруженных сил.

Отсюда вытекает, естественно, ответственность подсудимого Кейтеля в этой области даже в случаях, когда он лично не подписывал приказы и распоряжения, касавшиеся военнопленных.

Основные установки ОКВ об обращении с военнопленными были изложены:

1) в изданных начальником ОКВ наставлениях в связи с обычной подготовкой к мобилизации как для сухопутных сил, так и для военно-морского флота и авиации;

2) в положениях Женевской Конвенции, на которые обращалось особое внимание в наставлениях;

3) в регулярно издаваемых общих распоряжениях и приказах.

За исключением обращения с советскими военнопленными, к которым применялись особые правила и к которым я еще возвращусь, руководствовались положениями наставлений, отвечавшими международному праву, то есть Женевской Конвенции.

ОКВ наблюдало за точным соблюдением этих наставлений через инспектора по делам военнопленных, и с 1943 года еще через одну контрольную инстанцию — «генерал-инспектора по делам военнопленных»...

Рейхсфюрер СС пытался взять в свои руки содержание военнопленных. Возникшая на этой почве борьба за полномочия привела в октябре 1944 года к тому, что Гитлер передал их в ведение Гимmlера якобы потому, что вооруженные силы оказались слишком слабыми и были связаны с соблюдением норм международного права.

Другим существенным фактором было влияние, оказываемое на Гитлера, а через него на ОКВ, со стороны органов по использованию рабочей силы в промышленности, производящей вооружение, вследствие все усиливавшегося недостатка в рабочей силе.

Партийная канцелярия, германский трудовой фронт и министерство пропаганды также ведали этими чисто военными вопросами. ОКВ вело со всеми этими учреждениями, которые по преимуществу имели более сильное влияние, чем ОКВ, непрерывную борьбу.

Перечисленные обстоятельства должны быть учтены в том случае, если хотя бы правильно понять и оценить показания подсудимого Кейтеля. В виду того что он выполнял свои функции «по поручению», так как Гитлер, по изложенным причинам, держал вопрос о военнопленных под личным контролем, подсудимый Кейтель почти никогда не мог добиться принятия во внимание своих личных, то есть военных, возражений по поводу приказов и распоряжений...

Я не хотел бы пройти мимо событий, которые неоднократно и справедливо были предметом обсуждения на данном процессе, а именно случая с 50 летчиками английских королевских воздушных сил, позорного дела в Сагане. Оно особенно касается нас, немцев, так как в нем выражена вся беспринципность приказов и характера Гитлера, который ни на минуту не задумывался над вопросом чести германской армии, принимая свои внезапные решения.

Допрос подсудимого Кейтеля представителем английского обвинения выявил, в какой степени его имя связано с этими потрясающими событиями. Хотя в процессе предъявления доказательств со всей очевидностью было установлено, что Кейтель не передавал приказов Гитлера об убийствах и не слышал

о них, что ни он, ни вооруженные силы ни в какой степени не были связаны с проведением данного приказа в жизнь и что, наконец, он всеми средствами препятствовал передаче совершивших побег офицеров Гимmlеру и добился того, что возвращенные обратно в лагеря были спасены, все-таки у него остается удручающее чувство вины за то, что тогда не понял, какой ужасный удар был нанесен по престижу германской армии в мире в результате такого мероприятия.

В связи с рассмотрением событий в Сагане французское обвинение предъявило подсудимому Кейтелю документ ПС-1650, касающийся обращения с бежавшими военнопленными.

Здесь, господин председатель, речь идет о так называемом «приказе о пуле». Я хотел бы сократить рассмотрение данного случая в целях экономии времени, но должен рассмотреть его, так как он является одним из самых важных и тяжелых обвинений, выдвинутых против моего подзащитного.

Я буду резюмировать. Кейтель во время перекрестного допроса показал следующее: «Этот документ ПС-1650 издан полицейской инстанцией и содержит ссылку на ОКВ в следующих словах: ОКВ распорядилось о следующем»... Кейтель заявил: «Я определенно не подписывал этого приказа, не видел его, в этом не может быть никакого сомнения. Я не могу это разъяснить, я могу лишь высказать предположение, при каких обстоятельствах он был издан в главном имперском управлении безопасности Мюллером». Затем он в своих показаниях останавливается на различных возможностях того, каким образом такой приказ мог быть передан тем инстанциям, которые издали его. Далее он сослался на документ ПС-1544, в котором содержатся все приказы и распоряжения относительно военнопленных, но в нем нет приказов относительно военнопленных — офицеров и унтер-офицеров, совершивших побег. Свидетель Вестгоф подтвердил, что ни ему, ни управлению ОКВ по делам военнопленных не было известно понятие «3 степень» и его значение. Он также заявил, что при вступлении на пост начальника управления 1 апреля 1944 г. он не обнаружил приказов такого рода, а следовательно, и никакой записи об этом документе. Мне было не ясно, что имелось в виду под «приказом о пуле». Мне кажется, однако, что на основании показаний одного свидетеля было выяснено, что это за приказ, а именно на основании показаний подсудимого Кальтенбруннера о том, что он никогда не говорил по данному вопросу с подсудимым Кейтелем.

В заявлении Кальтенбруннера сказано: «Я слышал название «приказ о пуле», которое мне совершенно ничего не говорило, когда я начал свою деятельность в главном имперском управлении безопасности, поэтому я спросил, что это такое. Мне

ответили, что это приказ фюрера. Я не удовлетворился такими сведениями и в тот же день направил Гиммлеру телеграфный запрос с просьбой ознакомить меня с приказом фюрера под названием «приказ о пуле». Через несколько дней ко мне явился Мюллер по заданию Гиммлера и ознакомил меня с одним приказом, который исходил, однако, не от Гитлера, а от Гиммлера. Гиммлер сообщал, что он передает мне устный приказ фюрера. На этом основании можно предполагать, что Гитлер, не говоря с подсудимым Кейтелем и не поставив его в известность об этом, отдал Гиммлеру устный приказ в том виде, в каком он передан в документе ПС-1650...

Кейтель при его допросе показал, что он знал о приказах, директивах и распоряжениях, которые имели такие ужасные последствия, и что он составлял и подписывал их, не задумываясь над возможными последствиями.

Эти показания оставляют открытыми три вопроса:

1) вопрос о методах выполнения приказов; 2) вопрос о предвидении фактически наступавших последствий и 3) вопрос о «*dolus eventualis*».

В своих письменных показаниях (книга документов II, № 12) подсудимый Кейтель в связи с комплексом вопросов о так называемых идеологических приказах рассказал о влиянии органов СС и полиции на ведение войны и о привлечении вооруженных сил к участию в событиях. Представленные доказательства показывают, что многие командующие войсками частично вообще не применяли, частично применяли в более мягкой форме под свою собственную ответственность приказы, которые сами по себе были преступными. Методы СС, придававшие приказам их ужасную эффективность, были чужды и поэтому непонятны Кейтелю с его старыми взглядами на некоторые вопросы. Согласно его показаниям последствия приказов в таких масштабах не были ему известны.

То же самое относится к приказу фюрера «Мрак и туман», о котором я только что говорил. Но если он не задумывался над «возможными» последствиями, передавая приказы по инстанции, то нельзя утверждать о наличии «*dolus eventualis*» в результате наступивших последствий. Скорее следует предположить, что, если бы он мог предвидеть их ужасное действие, он, несмотря на запрещение подачи заявлений об отставке, сделал вывод, который освободил бы его от ужасных угрызений совести и противодействовал бы втягиванию его из месяца в месяц в водоворот событий.

Пусть это будет гипотезой, представление доказательств дало для подтверждения его правильности известные отправные пункты. Попытка уйти со своего поста, предпринимавшаяся им пять раз, и решение покончить жизнь самоубийством, о котором

дал свидетельские показания генерал-полковник Иодль, дают вам возможность установить наличие серьезных намерений Кейтеля в этом отношении. Если они не претворялись в жизнь, то объясняется это теми обстоятельствами, на которых я уже останавливался: неперемный и, как говорит Кейтель, неотъемлемый долг быть верным своей присяге, добросовестно выполнять свой долг до горького конца...

Подсудимый Кейтель на вопрос, который так часто ставился на процессе, почему он не отказался от повиновения Гитлеру или не выступил против Гитлера, ответил, что он над ним не задумывался ни одной минуты...

Подсудимый Кейтель не слышал предостерегающего голоса мировой совести. Принципы его солдатской жизни так глубоко укоренились в нем, настолько сильно завладели его мышлением и поступками, что он был глух ко всем соображениям, которые могли бы увести его с пути повиновения и верности в том смысле, как он их понимал.

Это поистине трагическая роль, которую сыграл подсудимый Кейтель в самой ужасной драме всех времен,

РЕЧЬ КАУФМАНА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ЭРНСТА КАЛЬТЕНБРУННЕРА

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 9 июля 1946 г.]

Господин председатель, Высокий Суд!

Этот процесс войдет в мировую историю как процесс, полный революционного напряжения... Если мера вины моей родины не имеет предела, то и величайшее искупление, которое когда-либо нес какой-либо народ, она несет покорно...

Европейский международный порядок, частью которого была моя родина, тяжело болен. Он болен духом отрицания и унижения достоинства человеческой природы...

Трибунал, выполняющий свою миссию в сознании своего высокого долга, предстанет перед испытующим оком истории. Я не сомневаюсь в том, что избранные судьи стремятся служить справедливости, которой они должны руководствоваться...

Право может создаваться лишь в том случае, если суд обладает той внутренней свободой и независимостью, подчиненными только совести и больше ничему. На моей родине была забыта эта священная заповедь, и прежде всего она была забыта в высших политических кругах нации. Гитлер унизил право до средства для достижения своих целей. Нужно детально представить себе положение империи до 1933 года. Здесь уже достаточно говорили об этом, и мне нет необходимости все повторять.

Я думаю, что не смогу выполнить полностью своей задачи, если стану рассматривать чудовищные преступления лишь как эмпирические факты. Нужно дать немцу возможность познать развитие, происшедшее в короткий срок, чтобы понять связь событий...

Задача установить истину поднимает защитника до уровня помощника Суда и дает право защитнику не только ставить под сомнение показания свидетелей, но также и документы и прежде всего правительственные отчеты. Она позволяет за-

щитнику заявить, что такие отчеты, хотя и допущены Уставом в качестве доказательств, могут быть приняты лишь с большими оговорками...

Кальтенбруннер до 1943 года по сравнению с остальными подсудимыми был почти неизвестным в Германии человеком, во всяком случае, одним из тех, кто не имел тесной связи ни с германской общественностью, ни с виднейшими деятелями режима. В то время, когда германский народ в военном, экономическом и политическом отношениях уже с огромной скоростью катился в пропасть, ненависть и страх перед исполнительной властью достигли кульминационного пункта.

Я понимаю, что перед лицом моря крови и слез мне не следовало бы останавливаться на душевных особенностях и характере этого человека, но я его защитник...

Кальтенбруннер не является сыном злого духа, как его называло неоднократно обвинение, он не является «маленьким Гиммлером», его «доверенным», «вторым Гейдрихом» и т. д. Я думаю, что он не является тем холодным, как лед, существом, о котором, правда, основываясь только на слухах, говорил в таких абсолютно отрицательных тонах доктор Гизевинус. Подсудимый Иодль показал, что Кальтенбруннер не отнесся к доверенным Гитлера, которые после ежедневных обсуждений общей обстановки собирались вокруг последнего в главной ставке фюрера. Свидетель доктор Мильднер показал (обвинение не подвергло сомнению его показания) следующее:

«По собственным наблюдениям я могу подтвердить, что знаю подсудимого Кальтенбруннера лично... назначение его на должность начальника полиции безопасности и СД произошло потому, что Гиммлер после смерти своего главного соперника Гейдриха в июне 1942 года не желал иметь рядом с собой или в своем подчинении человека, который смог бы угрожать его положению. Для Гиммлера подсудимый Кальтенбруннер, без сомнения, был наименее опасным человеком. У Кальтенбруннера не было честолюбия в отношении того, чтобы с помощью особых действий приобрести вес и, возможно, вытеснить Гиммлера. О стремлении его к власти не может быть и речи. Невверно называть его «маленьким Гиммлером».

В том же духе высказались свидетели фон Эберштейн, Ванек и доктор Хоттль.

Несмотря на все, этот человек взял все-таки на себя руководство главным имперским управлением безопасности; да, он действительно взял его на себя в полном объеме, несмотря на договоренность с Гиммлером.

Я знаю, что сегодня он тяжело страдает из-за катастрофы..., что когда-то он действительно руководил управле-

нием, о зверствах которого, если бы это было возможно, заговорили и камни, но личность и сущность данного человека должны быть охарактеризованы иначе, чем это сделало обвинение...

Кальтенбруннер, конечно, положительно относился к личности Гитлера до тех пор, пока он не стал проявлять свои человеконенавистнические стороны. Он одобрял также, как признал на допросе, принципиальные меры, предпосылкой к проведению которых было более или менее значительное насилие, как, например, создание воспитательно-трудовых лагерей. Поэтому ни один разумный человек не станет оспаривать, что он в принципе считал вполне допустимым, по крайней мере на время войны, создание концлагерей... или как бы там иначе ни называли эти учреждения, при упоминании о которых слушатель невольно вспоминает слова Данте.

В Баварии, в стране, в которой в настоящее время заседает Трибунал, также имеются подобные лагеря...

Однако преступления против человечности в немецких концентрационных лагерях ни в коей мере не умаляются. Что касается Кальтенбруннера, то этот человек, по моему убеждению..., с отвращением констатировал наличие общего курса террора и порабощения, нараставшего в Германии из года в год.

Поэтому я считаю также необходимым сослаться на показания свидетеля Айгрубера, из которых вытекает, что утверждение обвинения: «Кальтенбруннер создал Маутхаузен» — является неверным...

Не подлежит никакому сомнению правильность того факта (это подтверждают также свидетели Ванек, доктор Хоттль, доктор Мильднер, Олендорф и даже само обвинение), что Гиммлер с момента убийства Гейдриха сам взял на себя исполнительную власть, так что в Германии в области исполнительной власти не мог произойти какой-либо хоть сколько-нибудь незначительный случай без того, чтобы Гиммлер не сказал заключительного слова и тем самым не вынес бы окончательного решения...

Кальтенбруннер в силу своих внутренних склонностей в действительности занимался главным образом службой информации внутри страны и за границей и тем самым все больше приобретал влияние на внешнюю и внутреннюю политику, к чему он стремился. Об этом показали свидетели. Я напомню о Ванеке, докторе Хоттле, а также о подсудимых Иодле, Зейс-Инкварте и Фриче. Доктор Хоттль показал: «Кальтенбруннер, по моему мнению, никогда полностью не господствовал в огромном главном имперском управлении безопасности и вследствие отсутствия интереса к задачам по-

лиции и исполнительной власти значительно больше занимался службой информации и оказанием влияния на всю политику. В этой области он был царем».

Из показаний Иодля я подчеркиваю следующую фразу: «Уже до того, как Кальтенбруннер принял от Канариса службу информации, он время от времени посылал мне очень хорошие отчеты о положении на юге-востоке, это заставило меня обратить внимание на его опыт в делах информации...»

Кальтенбруннер в главном имперском управлении безопасности действительно занимал позицию, имевшую целью главным образом обеспечение работы службы информации и дальнейшего расширение последней...

Этот человек затем под давлением политических и военных событий не сохранил разделения функций. Его послушание Гитлеру, а тем самым и Гиммлеру, в 1943—1945 гг. привело к тому, что он подчинился кажущейся необходимости гарантировать стабильность внутригерманского положения с помощью полицейского насилия, оказавшись тем самым среди виновных. Ясно, что он может рассчитывать на снисходительное решение вопроса о его ответственности со стороны мировой совести только в том случае, если бы смог доказать, что он действительно отмежевался от IV управления (управления тайной государственной полиции — гестапо), которое вполне заслуживает названия дьявольского управления, и если бы он никоим образом не был причастен к идеям и методам, приведшим, как я считаю, в конце концов к данному процессу. Я не могу отрицать фактов: он не отмежевался от управления. В этом направлении не было предпринято ничего определенного, даже его собственные показания говорят против него. Этим следует объяснить, пожалуй, сделанное им в начале допроса перед Трибуналом заявление, которое я хотел бы назвать его тезисом о виновности:

«Вопрос. Ясно ли вам, что против вас выдвинуто совершенно особое обвинение? Представители обвинения ставят вам в вину преступления против мира, а также вашу идеологическую причастность или соучастие в преступлениях против человечности и военных преступлениях. Наконец, обвинение связывает ваше имя с террором гестапо и жестокостью в концентрационных лагерях. Я спрашиваю вас: берете ли вы на себя ответственность в рамках широко представленных и известных вам пунктов обвинения?»

Кальтенбруннер: В первую очередь я хотел бы заявить суду, что полностью сознаю всю тяжесть выдвинутых против меня обвинений. Я знаю, что я ненавистен миру, тем более, что Гиммлера, Мюллера и Поля уже нет в живых, и я один

должен ответить перед миром и судом... Но я хотел бы в самом начале заявить, что беру на себя ответственность за все несправедливости, совершенные в рамках деятельности этого управления с момента моего назначения начальником главного имперского управления безопасности, если это произошло под моим фактическим руководством, то есть если я знал о совершавшемся или должен был знать».

Таким образом, задача защиты распадается на 2 части, для выяснения которых следует задать следующие вопросы:

1. Что хорошего и плохого сделал Кальтенбруннер с момента его назначения на пост начальника главного имперского управления безопасности, то есть с 1 февраля 1943 г.

2. В какой степени можно утверждать, что он не был достаточно осведомлен о всех преступлениях против человечности и военных преступлениях, об основных моментах этих преступлений.

3. В какой степени можно говорить о его виновности, если смотреть на все с той точки зрения, что он должен был знать о тяжелых преступлениях против международного права, в которых принимало непосредственное или косвенное участие IV управление главного имперского управления безопасности (государственная тайная полиция).

Что сделал Кальтенбруннер?

Я пропускаю инкриминируемое ему участие в событиях при оккупации Австрии и Чехословакии, ибо с какой бы энергией он ни преследовал цель — присоединить свою австрийскую родину к империи и для достижения ее использовать руководимые им силы СС, — эта цель не может осуждаться совестью мира как преступная...

Мне кажется, что в равной мере нельзя ответить утвердительно и на вопрос о наказуемой вине Кальтенбруннера в связи с его якобы имевшей место деятельностью в чехословацком вопросе. По моему, дискуссия о вине и искуплении ее Кальтенбруннером может возникнуть только в связи с событиями после 1 февраля 1943 г. Возмущение германского народа против одного из самых отвратительных средств террора — превентивного заключения было колоссальным еще до этого времени. Можно ли сказать, что Кальтенбруннер, чьи приказы о превентивном аресте, то есть приказы о превентивном заключении за его подписью, представлены суду, сам чувствовал внутренне отвращение к такому виду насилия над человеческой свободой? По-моему, можно. Я думаю, что Кальтенбруннер сейчас глубоко сожалеет о том, что он слишком долго следовал принципу насилия без оказания должного сопротивления...

Я не считаю показания Кальтенбруннера недостоверными, когда он говорит, что сам никогда не подписывал приказов о превентивном аресте. Но я не буду терять время на рассуждения о том, совсем отпадает или значительно уменьшается его вина из-за того, что такие приказы подписывались, может быть, без его ведома... Если речь идет о жизни или смерти людей, то не может быть ссылок на незнание, для того чтобы избежать наказания или смягчить последнее. Это знает и подсудимый. Приказы о превентивном аресте были роковыми предвестниками концентрационных лагерей, и я не открою какого-нибудь секрета, если скажу, что ответственность за издание приказа о превентивном аресте означает начало ответственности за судьбу потерпевших лиц в концлагерях. Я никогда не соглашусь с тем, что доктор Кальтенбруннер знал во всех подробностях о страданиях тысяч людей, томившихся в концентрационных лагерях, ибо, как только за ними захлопывались ворота концентрационного лагеря, они попадали под полную власть так часто упоминавшегося здесь главного экономического и административного управления СС. Вместо того чтобы ссылаться на показания многих свидетелей по этому вопросу, я укажу на показания доктора Хоттля, который ответил на вопрос о порядке подчинения следующим образом: «Концлагеря подчинялись главному экономическому и административному управлению СС, то есть не главному имперскому управлению безопасности, а поэтому и не Кальтенбруннеру. Он не имел права отдавать приказы в этой области, не обладал никакой компетенцией. Другие свидетели показали, что Кальтенбруннер должен был знать печальное положение в концлагерях, но нет сомнения в том, что коменданты концентрационных лагерей рьяно заботились о том, чтобы не сообщать даже своему начальству о наказуемых эксцессах со стороны своих охранников. Далее является фактом то, что при вступлении на территорию Германии союзники столкнулись с таким положением, которое было почти исключительно последствием катастрофического военного и экономического положения в последние недели войны и на основании которого мир неверно вывел заключение, что так было и раньше. Показания коменданта лагеря Освенцима Гесса, который вследствие своей прежней деятельности в отделе концлагерей главного экономического и административного управления был осведомлен о положении в концлагерях, в полном объеме подтверждают это. У Гесса нет никакой внутренней причины давать неверные показания. Он посылал на смерть миллионы людей... никакие человеческие критерии на него распространяться не могут. Я ни в коем случае не прихожу к заключению о полном знании Кальтенбруннером так назы-

ваемого «положения» в концлагерях. Путь для установления истины был в Германии сложен, и даже перед начальником главного имперского управления безопасности вставали почти непреодолимые препятствия в виде иерархии компетенций власти и подведомственности третьих управлений и лиц. Улучшить судьбу заключенных в 1943 году было задачей, решить которую возможно было только путем устранения самих лагерей. Но Германия последних 12 лет без концлагерей означает утопию. Кальтенбруннер был в этом механизме лишь небольшим колесиком.

Я уже касался приказов о превентивном заключении и его последствиях.

Кальтенбруннер признавал необходимость исправительно-трудовых лагерей вследствие общих, господствовавших тогда в империи условий, недостатка рабочей силы и многого другого, как он показал на допросе. И если я не ошибаюсь — убедительных доказательств об истязаниях и жестокостях в лагерях представлено не было. Возможно, это объясняется тем, что лагеря были схожи в некоторых отношениях с концлагерями, но не были приравнены к ним.

Кальтенбруннер, используя все возможные средства, выступил против обвинения в том, что он якобы подписывал приказы об экзекуциях. Свидетели Гесс и Цуттер утверждают, что в отдельных случаях они видели подобные приказы... Свидетель Цуттер, адъютант коменданта лагеря Маутхаузен, основываясь на слухах, говорил, что телеграммой за подписью Кальтенбруннера разрешалось проводить экзекуцию парашютистов весной 1945 года. Кальтенбруннер оспаривал свою осведомленность в этом... Свидетель доктор Хоттль показал: «Нет, Кальтенбруннер не отдавал таких приказов и, по моему мнению, не мог сам давать таких приказов (об умерщвлении евреев)».

Ванек категорически подтверждает:

«Мне известно, что Гиммлер лично выносил решения о жизни и смерти и иных наказаниях заключенных в концлагерях». Тем самым, пожалуй, доказано исключительное право Гиммлера в этой области.

Но было бы неверно, если бы я стал полностью отрицать вину Кальтенбруннера в данном пункте. Если такие приказы, например, на основании приказа Гитлера о «командос» от 18 октября 1942 г., приводились в исполнение по отношению к подданным иностранных держав, то встает вопрос об ответственности того лица, имя которого стоит под подобным приказом. Могло быть, однако, что подчиненные злоупотребили этим именем. Установлено, что Кальтенбруннер не оказал ни малейшего влияния на составление приказа о «командос», хотя

едва ли может быть поставлено под сомнение, что этот приказ нарушает положения международного права...

Свидетель доктор Хоттль подтвердил, что Кальтенбруннер в вопросе будущей судьбы Германии доходил до пределов, граничивших с государственной изменой, если даже не перешел их. Свидетель подтверждает, например, что Кальтенбруннер сумел побудить Гитлера к умеренности в венгерском вопросе в марте 1944 года и воспрепятствовал вступлению в Венгрию румынских соединений; что благодаря его сопротивлению долгое время не назначалось намеченное национал-социалистское венгерское правительство.

Обвинение возложило на Кальтенбруннера ответственность за эвакуацию и преднамеренное уничтожение известных концлагерей... Ему вменяется в вину попытка уничтожить концентрационный лагерь Дахау с обоими его дополнительными лагерями, о чем показали свидетели барон фон Эберштайн и тогдашний гаулейтер Мюнхена Гисслер. Но свидетель Ванек показал, что ему не был известен подобный приказ Кальтенбруннера, хотя при своем тогдашнем положении он знал, если бы Кальтенбруннер отдал подобный приказ или даже только обдумывал его.

Кто в действительности отдал такой приказ, никогда нельзя установить определенно. Свидетель Гесс при допросе его упоминал приказы об эвакуации как Гиммлера, так и непосредственно Гитлера...

Мне кажется также сомнительным, чтобы так называемые оперативные группы, созданные на основании приказа Гиммлера о комиссарах от 1941 года, существовали после вступления Кальтенбруннера в свою должность с теми же функциями, что и до его назначения.

Одни данные говорят за, другие — против. Кальтенбруннер отрицает существование этих групп во время своей деятельности в качестве начальника главного имперского управления безопасности. Я не хотел бы основываться на догадках, но считаю необходимым обратить внимание суда на это сомнение. То же самое верно и в отношении так называемого «приказа о пуле» (Kugelzettel). Документ ПС-1650, США-246 свидетельствует, что соответствующие распоряжения подписал не Кальтенбруннер, а пресловутый начальник IV управления Мюллер, тогда как документ ПС-3844, США-801 говорит о подписи самого подсудимого. Мне кажется, что первый документ заслуживает предпочтения... Я думаю, что Суд имеет настолько большой опыт в оценке документальных доказательств, что мне не надо приводить дальнейшие аргументы по данному вопросу...

В какой степени я вправе заявить, что Кальтенбруннер действительно не был достаточно осведомлен о многих военных

преступлениях и преступлениях против человечности, которые были совершены в течение двух последних лет войны при каком-либо участии IV управления? Будет ли такая защита иметь надежду в значительной степени оправдать начальника главного имперского управления безопасности? Кальтенбруннер показал во время своего допроса, что он узнал о некоторых приказах, распоряжениях, директивах и т. д., изданных задолго до вступления его на должность, очень поздно. Об отдельных приказах он узнал лишь в 1944 и в 1945 годах. Добавляю. Я хотел бы особенно подчеркнуть, что все приказы, которые противоречат международной морали и гуманности, были изданы в то время, когда Кальтенбруннер находился еще в Австрии...

Выполнялись ли подобные приказы, директивы и т. д. также и во время пребывания подсудимого на должности начальника главного имперского управления безопасности?..

Во время допроса Кальтенбруннера на суде он описал трудность своего положения, которое застал при вступлении на должность 1 февраля 1943 г., и я надеюсь, что никто не истолкует неверно эту ситуацию. Империя ведь еще защищалась и даже в 1943 году была опасной для любого противника, которому приходилось сталкиваться с ней. Но это уже была борьба за цель, лежавшую явно в недостижимой дали. Кто попытается схватить за спицу колесо экипажа, несущегося навстречу пропасти, тот погибнет... Кальтенбруннер сказал в отношении этого положения: «В начале февраля 1943 года я прибыл в Берлин. За исключением нескольких визитов в связи с приемом должности, я начал свою деятельность в мае 1943 года. За четыре года войны приказы и указы Германской империи, относившиеся к исполнительной власти, тысячами скопились на столах и в шкафах у чиновников. Одному человеку почти невозможно было прочитать все это за год. Даже если бы я чувствовал себя обязанным сделать это, я не смог бы узнать содержание всех приказов». В этой связи я напоминаю о том, что, согласно показаниям свидетеля доктора Хоттля и других, во времена Кальтенбруннера главное имперское управление безопасности в Берлине охватывало около 3000 служащих всех категорий и что, по показаниям того же свидетеля, Кальтенбруннер полностью никогда не господствовал в этом управлении. Никто не будет оспаривать справедливости следующего вопроса: не был ли Кальтенбруннер обязан получить в кратчайшее время информацию, по крайней мере, о важнейших событиях во всех управлениях главного имперского управления безопасности, и разве он не узнал бы тогда довольно быстро, например, об антиеврейских мероприятиях Гимmlера и Эйхмана и о некоторых других тяжких террористических мерах...

Свидетель Ванек следующим образом охарактеризовал отношение Кальтенбруннера к разрешению еврейского вопроса Гимmlером. К моменту вступления на должность Кальтенбруннера разрешение данного вопроса находилось уже на такой стадии, когда Кальтенбруннер не мог оказать на него влияния. Если Кальтенбруннер вообще высказывался по этому вопросу, то лишь в том духе, что здесь совершена ошибка, которую нельзя исправить. Далее свидетель подтверждает, что все мероприятия, связанные с разрешением еврейского вопроса, проводились самостоятельно, что Гимmlер передавал приказы непосредственно Эйхману, что доминирующее положение Эйхмана при жизни Гейдриха со временем еще более усиливалось, так что, в конце концов, он совершенно самостоятельно действовал во всем секторе по еврейскому вопросу.

Я хотел бы здесь заметить, что, согласно показаниям Гесса, единственного оставшегося в живых человека, который знаком с затронутым вопросом, ясно, что этот демонический приказ, который обсуждался всего лишь 10—15 минут, имел последствием 4 миллиона человеческих жертв. Я добавляю: об этих жертвах едва ли знал 80-миллионный германский народ, и о событиях, разыгравшихся в юго-восточной части империи, едва ли было известно кому-либо.

В связи с проблемой о виновности отстает принципиальный вопрос: может ли большое должностное лицо и руководитель влиятельного управления, подчиненные которого постоянно совершают преступления против человечности и международного права, вообще вступать на такой пост или оставаться на таком посту, если он осуждает эти преступления...

Обязательство противиться приказам, продиктованным злом, существует само по себе для каждого человека независимо от его положения; оно признается также Кальтенбруннером. Тот, кто занимает посты в государстве, должен в первую очередь суметь доказать, что и он внес свой вклад в дело прекращения подобных гигантских несправедливостей, которые имели место в Европе; он должен доказать, что выступил сразу против них, как только он узнал о них, если не хочет оказаться виновным. Представил ли Кальтенбруннер такого рода доказательство? Ответить на этот вопрос я предоставляю Вам. В качестве собственного мнения я хотел бы выразить одно: Кальтенбруннер не был заговорщиком, он был лишь лицом, которое получало приказание, лицом, которое принуждали действовать тем или иным образом... Устав Трибунала отказывает в праве ссылаться на полученный приказ в целях избежать наказания. Как железное кольцо приказ держал руководителей на своих постах во время войны. Нет сомнения в том, что лицо, не исполнившее приказ, особенно в последние годы войны, должно было

опасаться за собственную жизнь и за существование всей своей семьи. С какой бы стороны ни подходили к проблеме приказа в Германии с 1933 года, нельзя все-таки отказывать подсудимому в праве ссылаться на упомянутое положение, ибо принцип, присущий немецкому уголовному праву, как и уголовному праву всех цивилизованных народов, основан на утверждении свободы воли человека, необходимой для всякой виновности.

Если преступник не может действовать свободно, так как кто-то другой лишает его этой свободы с помощью угрозы его существованию, то в принципе отпадает всякая вина. Я не хочу в данный момент исследовать, существовала ли в германской действительности последних лет такая непосредственная опасность собственному существованию некоторых людей. Вне всякого сомнения, такое ограничение свободы лица, подчиняющегося приказам, существовало в той или иной степени. Мне кажется ясным, что Гиммлер рассматривал бы категорический отказ Кальтенбруннера взять на себя руководство главным имперским управлением безопасности как саботаж и в результате уничтожил бы его.

Гитлер был одним из величайших правонарушителей, известных в мировой истории, как это показал данный процесс. Многие дают положительный ответ на вопрос об обязанности уничтожить подобное чудовище, чтобы тем самым гарантировать миллионам людей право на свободу и жизнь. На этом процессе были высказаны различные мнения со стороны свидетелей и подсудимых относительно путча и особенно относительно убийства тирана. На вопрос об обязанности я не могу дать положительного ответа, но право на это оспаривать, во всяком случае, нельзя. Если насилие над человеческой свободой происходит путем издания явно незаконного, человеконенавистнического приказа, то в возникающем конфликте между повиновением и свободой совести весы склоняются в сторону последней. Даже так называемая присяга на верность не может оправдать иную позицию, ибо, как всякий это ощущает, верность предусматривает обязательство со стороны обоих партнеров, так что тот, кто топчет ногами обязательства об уважении человеческой совести в лице подчиненного, в тот же момент теряет всякое право требовать послушания...

Как бы верно это ни было, все-таки существует непреложная обязанность сопротивляться исполнению приказа, который, как это ясно подчиненному, имеет целью насаждение зла и который, очевидно, оскорбляет здоровое чувство гуманности и мира между народами и людьми. «В борьбе народа не на жизнь, а на смерть не существует законности» — является тезисом, не продуманным до конца и неправильным к тому же. Он не стоит того, чтобы его опровергать, кто бы его ни выска-

зал. Даже непосредственная опасность для жизни, угрожающая тому, кто отдает приказ, не может меня заставить изменить свое мнение. Доктор Кальтенбруннер не станет оспаривать, что тот, кто стоит во главе управления, имеющего огромное значение для всего народа, обязан при упомянутых предпосылках пожертвовать даже своей жизнью. Если, таким образом, даже непосредственная реальная опасность для его собственной жизни и жизни его семьи не может извинить его, то она все-таки смягчает его вину; только на эту моральную и юридическую оценку своего положения хочет указать Кальтенбруннер. Он тем самым подчеркивает исторически установленный факт, который явился одной из глубочайших причин краха империи; ведь ни один человек не может принести какому-либо обществу свободу, мир и благосостояние, если сам с отвращением носит цепи и потерял свободу, которая является одним из самых главных признаков существ, обладающих человеческим обликом. Мне кажется, что Кальтенбруннер хотел бы родиться вновь, и я знаю, что тогда бы своей кровью он стал защищать эту свободу.

Кальтенбруннер виновен, но размер вины меньше, чем это кажется обвинению. Сейчас он как последний представитель зловещей силы из самых мрачных и тяжелых времен империи будет ожидать Вашего приговора.

РЕЧЬ ТОМА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО АЛЬФРЕДА РОЗЕНБЕРГА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 9 и 10 июля 1946 г.]

Господин председатель... Высокий Суд!

Розенберг — по происхождению балтийский немец — уже в детстве научился говорить по-русски. После перевода высшего технического училища из Риги в Москву во время первой мировой войны он держал в Москве экзамены, интересовался русской литературой и искусством, имел знакомых русских и считал загадочным, почему русским народом, названным Достоевским «народом-богоносцем», овладел дух материалистического мышления, дух марксизма... В конце 1918 года он приехал в Германию...

Для подсудимого Розенберга военный конфликт с Советским Союзом, особенно агрессивная война с ним, был настолько же маловероятным, как и для каждого германского или иностранного политического деятеля... Розенберг никогда не требовал военной интервенции против Советского Союза. Когда Розенберг в августе 1939 года узнал о заключении пакта о ненападении между Германской империей и Советским Союзом (о предварительных переговорах, как и о других внешнеполитических мероприятиях фюрера не был информирован), он мог бы пойти к фюреру и протестовать против этого. Он этого не сделал и вообще не произнес ни слова против пакта. Подсудимый Геринг подтвердил это, сославшись на соответствующие высказывания Гитлера.

Розенберг (стенограмма от 16 апреля 1946 г.) показал, что в начале апреля 1941 года он был неожиданно вызван к Гитлеру, который заявил ему, что считает неизбежным военное столкновение с Советским Союзом... Что в этой связи он уже отдал необходимые военные и другие приказы и что хочет использовать Розенберга в той или иной форме в качестве политического советника. Розенберг оказался тогда, как он об этом сообщил в своих показаниях, перед совершившимся фактом, и его попытка вообще сказать что-либо по данному поводу была

пресечена фюрером, сделавшим замечание, что приказы все равно уже отданы и что дела не изменишь...

20 апреля 1941 г. Розенберг получил от Гитлера предварительное поручение — создать центральное учреждение по восточным проблемам и установить контакт с соответствующими высшими имперскими учреждениями по этим вопросам (документ ПС-865)...

Если эти показания Розенберга сами по себе недостаточны для опровержения обвинения в том, что Розенберг несет личную ответственность за планирование, развязывание и ведение агрессивной войны с Россией..., я могу привести еще несколько моментов.

1. Розенберг не присутствовал на известном совещании в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г. («документ Госбаха» ПС-386, США-25), когда Гитлер впервые раскрыл свои военные планы; это было в то время, когда Розенберг играл еще некоторую роль в политике или когда, по крайней мере, казалось, что он играл такую роль; если вообще он когда-либо играл какую-то роль тайного политического вдохновителя — он должен был играть ее именно в то время.

2. Свидетель Ламмерс показал на данном процессе, что все основные решения, в том числе и решение о войне с Россией, Гитлер принимал самостоятельно.

3. Геринг 16 марта 1946 г. на данном процессе ответил на мой вопрос о влиянии Розенберга на внешнеполитические решения Гитлера следующее: «Я считаю, что мнение внешнеполитического отдела партии после прихода фюрера к власти никогда не заслушивалось по внешнеполитическим вопросам и этот отдел был создан только для того, чтобы централизованно разрешать некоторые внешнеполитические вопросы, возникавшие внутри партии. К разрешению политических вопросов после прихода Гитлера к власти Розенберг, насколько я знаю, определенно не привлекался».

Это подтвердил здесь также Нейрат 26 июня 1946 г. ... я хотел бы остановиться на «Кратком отчете о деятельности внешнеполитического отдела НСДАП» (документ ПС-003, США-603). В нем кратко упоминается о восточных областях, и на основании этого обвинением несправедливо утверждается, что если территории на Востоке были оккупированы в результате агрессивной войны, то, следовательно, все, что там делала германская администрация, было преступным, и что если Розенберг был ответственным имперским министром по делам оккупированных восточных областей, то он должен быть наказан за все преступления, которые были там совершены, по крайней мере, за все то, что происходило в рамках функций и полномочий административных органов. Я попытаюсь доказать,

что такое утверждение является неправильным с правовой и фактической сторон.

Розенберг действительно был организатором и главным ответственным лицом за администрацию на Востоке. 17 июля 1941 г. он был назначен имперским министром по делам восточных оккупированных областей. Еще до этого времени он согласно данному ему поручению проводил подготовительную работу, связанную с проблемами восточно-европейского пространства, путем установления контакта с соответствующими имперскими учреждениями (документ ПС-1039, США-146). Он запланировал и создал свое учреждение, ведавшее центральной разработкой всех вопросов, связанных с восточно-европейским пространством (документ ПС-1024, США-278). Он отдал распоряжение о составлении предварительной инструкции для рейхс-комиссаров (документ ПС-1030, США-144). Он выступил с программной речью от 20 июня 1941 г. и главное участвовал в совещании у фюрера от 16 июля 1941 г. (Л-221, США-317).

В присутствии Розенберга, Ламмерса, Кейтеля и Бормана Гитлер сказал тогда, что не следует сообщать всему миру о действительных целях войны с Россией, присутствующие должны уяснить себе, что мы никогда не уйдем из новых восточных областей; все, что будет сопротивляться нам, будет уничтожено; необходимо предотвратить консолидацию армии западнее Урала, никто, кроме немца, не должен там никогда носить оружия.

Гитлер провозгласил идею порабощения и эксплуатации восточных территорий, противопоставив высказывание тому, что до этого ему говорил Розенберг о своих планах на Востоке и против чего он тогда не возражал.

Таким образом, Гитлер, возможно, наметил программу порабощения и эксплуатации. Отсюда, по мнению обвинения, со всей очевидностью напрашивается вывод о том, что Розенберг еще до того, как он стал министром, знал о целях Гитлера на Востоке, а именно:

1) овладеть, 2) управлять им, 3) эксплуатировать его.

Обвинение считает, таким образом, доказанным, что Розенберг не только виновен в преступлении, состоящем в заговоре против мира, но что он лично также ответствен за преступления против человечности, которые чинились в восточных областях, так как Розенберг имел на Востоке всю полноту власти, наивысший авторитет.

Вопрос об автоматической ответственности Розенберга, как главноначальствующего в восточных областях, я рассмотрю де-юре и де-факто позже. Вначале я хочу рассмотреть вопрос о его индивидуальной ответственности. Ее можно было вывести по двум направлениям: во-первых, в связи с тем, что он якобы

участвовал в подготовке агрессивной войны с Советским Союзом; я уже показал, что это утверждение неправильно: Розенберг не принимал ни идеологического, ни фактического участия в подготовке агрессивной войны; во-вторых, что он якобы поддерживал захватнические планы Гитлера, участвуя в составлении их и поддерживая в выступлениях и административной деятельностью. Если министр или полководец разрабатывает планы на случай возможных конфликтов в будущем или проводит подготовительные организационные мероприятия по поручению главы государства, то такая деятельность не может рассматриваться как преступная, если при этом затрагиваются интересы других стран, и даже в том случае, если планы, приготовления и мероприятия проводятся на случай войны. Только тогда, когда соответствующий министр или полководец преследует цели, которые согласно здравому человеческому разуму, чувству порядочности и международному долгу справедливости должны рассматриваться как преступные, он может нести личную ответственность.

Розенберг словом и делом непрестанно доказывал, что традиционные взгляды на право являются также и его взглядами и что он намеревался действовать в соответствии с ними. Его положение, правда, было особенно тяжелым, так как его высший начальник в своих идеях, целях и планах находился, собственно говоря, по ту сторону допустимого. Его положение было тяжелым также и потому, что наряду с ним действовали еще и другие крупные силы, которые срывали и саботировали хорошие и честные намерения Розенберга, как, например, Борман, Гиммлер и гаулейтер Эрих Кох...

Таким образом, мы видим странную картину, когда, с одной стороны, у власти находился министр, который частично не понимал и не одобрял намерений главы государства, а частично и вообще ничего не знал о них, и когда, с другой стороны, глава государства назначил министра, который хотя и был его старым и верным политическим соратником, но с которым он не имел больше никакого внутреннего контакта. Розенберг не мог просто уйти в отставку, он чувствовал себя обязанным бороться за взгляды, которые казались ему правильными и добропорядочными.

В своей речи 20 июня 1941 г. Розенберг заявил, что немцы обязаны подумать над тем, что Германия не должна бороться каждые 25 лет за свое существование на Востоке. Но он ни в коей мере не желает уничтожить славянские народы. Он желает способствовать развитию всех народов Восточной Европы, развитию их собственных государств, но не уничтожению...

В приведенной речи имеется также пункт, который обвинение особо вменяет ему в вину и который заключается в том,

что, по его словам, снабжение германского народа в эти годы, несомненно, будет составлять одно из главных германских требований к Востоку и что южные области и Северный Кавказ должны поддерживать на определенном уровне снабжение германского народа.

Затем Розенберг продолжает: «Мы отнюдь не считаем, что мы обязаны снабжать русский народ продуктами из этих областей, располагающих излишками. Мы знаем, что это представляет собою жестокую необходимость, исключаящую любые чувства. Возникнет необходимость в эвакуации населения в большом масштабе, и русским предстоит пережить тяжелые годы. В каком размере там будет сохранена промышленность, будет решаться позже».

Этот момент является совершенно неожиданным и стоит изолированно в длинной речи. Ясно чувствуется: он просто втиснут в общий контекст, это не голос Розенберга. Розенберг не провозглашает здесь своей собственной программы, а лишь только констатирует факты, которые не зависят от его воли...

Сейчас я перейду к вопросу об автоматической ответственности Розенберга как министра по делам восточных областей, то есть к вопросу об уголовной ответственности, которую он несет в силу занимаемой должности. Речь идет об уголовной ответственности Розенберга, о его ответственности за те преступления, которые он якобы совершил сам, и за преступления других.

Известно, что 17 июля 1941 г. Розенберг был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных областей. В качестве двух суверенных территориальных областей были созданы два рейхскомиссариата: Остланд (Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия) с рейхскомиссаром Лозе и Украина, подчинявшаяся рейхскомиссару Коху.

Далее особое значение имеет то, что Розенберг, будучи министром, не являлся главой всей администрации на Востоке, что одновременно существовало несколько высших лиц. Уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг был ответствен за руководство экономикой во всех оккупированных областях и в этом отношении он являлся начальником министра по делам восточных областей, ибо Розенберг мог лишь только с согласия Геринга издавать распоряжения по экономическим вопросам. Начальник германской полиции Гиммлер был ответствен за обеспечение полицейского порядка в оккупированных восточных областях.

В министерстве по делам оккупированных восточных областей вообще не было полицейского управления, не располагали таковыми и рейхскомиссары.

Компетенция Розенберга также ущемлялась «рейхскомиссаром по консолидации германского народа» Гиммлером, а также Шпеером, в пользу которого на основании указа фюрера из компетенции администрации по делам восточных областей была выделена вся промышленность, и, кроме того, Геббельсом, который оставил за собой ведение пропаганды также и в восточных областях.

Мне кажется, что решающее значение имеет то обстоятельство, что Розенберг являлся министром по делам восточных областей, но не был сувереном. Суверенами являлись рейхскомиссары колоссальных территорий — Остланда и Украины. Еще не были выработаны принципы будущего нашего государственноправового порядка в этих областях, но одно уже было ясно: главой являлся рейхскомиссар. При проведении таких важных мероприятий, как расстрел жителей области за акты саботажа, он выступал в качестве лица, которое обладает правом выносить окончательное решение. Я хочу добавить, что в действительности полиция была единственной инстанцией, у которой была сосредоточена вся компетенция такого характера. Правительство, а следовательно, и другие инстанции обладали правом издания основных законов и правом верховного надзора. Положение Розенберга как министра по делам восточных областей можно изобразить, перефразировав известное изречение французского ученого в области государственного права Бенжамена Констана: «Король царствует, но не управляет» — следующим образом: «Министр управляет, но не царствует».

Существовала суверенная власть рейхскомиссара с центральным верховным надзором, осуществляющимся министром по делам восточных областей... Следовательно, я прихожу к тому выводу, что не может быть автоматической уголовной ответственности Розенберга за то, что он не воспрепятствовал совершению преступлений на Востоке, уже потому, что, хотя в его руках и был верховный надзор, он не являлся сувереном. Суверенами были оба рейхскомиссара.

Далее следует выяснить, несет ли подсудимый индивидуальную ответственность за преступные эксплуатацию и порабощение народов восточных областей, а также и за другие преступления.

Своеобразное государственноправовое положение Розенберга в качестве имперского министра по делам восточных областей и его все уменьшавшееся политическое значение осветил свидетель Ламмерс во время допроса 7 апреля 1946 г.

По показаниям Ламмерса, власть Розенберга ограничивалась тем, что в оккупированные восточные области было назначено два рейхскомиссара — Лозе и Кох. Высший СС и

полицай-фюрер, хотя и подчинялся «лично и непосредственно» рейхскомиссару, но, как показывает Ламмерс, по деловым вопросам он получал приказы не от рейхскомиссара или Розенберга, а только от Гимmlера. Ламмерс говорит, что Розенберг всегда хотел проводить на Востоке умеренную политику. Он, несомненно, был против «политики истребления» и «политики угона», которые широко проповедовались другими...

Гитлер в своих идеях больше следовал за Борманом и Гимmlером. Восток превратился в опытное поле...

В июле 1942 года Борман писал Розенбергу. Розенберг отвечает. Третье лицо, доктор Маркулл, сотрудник Розенберга по министерству, критически разбирает это письмо Бормана. По словам доктора Маркулла, смысл письма Бормана, которое в оригинале больше не существует, сводился к следующему: славяне должны на нас работать, а те, кого мы не можем использовать, пусть умирают. Заботиться о состоянии их здоровья излишне. Плодовитость славян нежелательна. Образование опасно. Достаточно будет, если они смогут считать до ста. Каждый образованный человек — наш враг в будущем. Религию мы оставим им как средство отвлечься. Что касается их снабжения, то обеспечить надо только самым необходимым. Мы — господа и должны получать все в первую очередь.

На это письмо ближайшего сотрудника Гитлера Розенберг мог дать только один ответ: выразить внешнее согласие и сделать кажущуюся уступку. Такая удивительная внешняя перемена в установках начальника вызвала озабоченность в восточном министерстве, которая и нашла свое выражение в меморандуме доктора Маркулла от 5 сентября 1942 г.

Розенберг, давая показания, сказал, что он согласился с этим только потому, чтобы успокоить Бормана и Гитлера...

12 октября 1944 г. Розенберг через Ламмерса передал фюреру прошение об отставке...

Не получив ответа на свое прошение об отставке, Розенберг неоднократно пытался поговорить лично с Гитлером, но безуспешно.

11 декабря 1945 г. господин Додд сказал: «Система ненависти, варварства и отрицания прав личности, которую заговорщики сделали государственной философией Германии, последовала за своими национал-социалистскими хозяевами, когда они наводнили Европу. Иностранные рабочие стали рабами народа господ, миллионы были угнаны и порабощены».

Генерал Руденко 8 февраля 1946 г. говорил: «В длинном ряду злодейских преступлений, совершенных немецко-фашистскими оккупационными войсками, особое место занимает насильственный угон мирных граждан в рабство и крепостниче-

ство в Германию. За эти бесчеловечные и варварские распоряжения, объявления и приказы гитлеровского правительства, издание которых имело своей целью угон советских людей в немецкое рабство, ответственность возлагается в первую очередь на Геринга, Кейтеля, Розенберга и Заукеля».

Я уже говорил о формальной и индивидуальной ответственности Розенберга как имперского министра по делам восточных областей. Я также говорил и о том, что в области использования рабочей силы не Розенберг, а Заукель как генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы являлся главным и ответственным лицом на основании указа фюрера от 21 марта 1942 г. (документ ПС-580). Таким образом, Заукель в этой области стоял выше Розенберга, то есть Розенберг был ему подчинен. 3 октября 1942 г. он, например, писал Розенбергу (документ ПС-017):

«Фюрер принял новую срочную программу вооружения. Для выполнения этой программы необходимо срочно достать еще два миллиона иностранных рабочих. Во исполнение своего указа от 21 марта 1942 г. фюрер предоставил мне новые полномочия; для выполнения моих новых задач он, в частности, уполномочил меня принять по моему собственному усмотрению все необходимые меры в империи... и в оккупированных восточных областях для того, чтобы при всех условиях обеспечить планомерное использование рабочих в немецкой военной промышленности». В своей «Программе использования рабочей силы» от 24 апреля 1942 г. (документ ПС-016) он подчеркивает, что все мероприятия технического и административного порядка в области использования рабочей силы входят в компетенцию одного лишь генерального уполномоченного по использованию рабочей силы...

Для того чтобы опровергнуть заявление обвинения о том, что Розенберг являлся представителем системы ненависти и варварства, подавления личных прав и рабства, мне следует остановиться еще на других моментах. Розенберг получал отчеты, в которых говорилось о плохом состоянии дел.

Так, 7 октября 1942 г. он получил отчет о плохом обращении с украинскими специалистами (ПС-054, США-198). Там обращалось внимание на отдельные недопустимые явления при вербовке и неполадки при перевозе рабочих. Сообщалось, что рабочих нередко ночью вытаскивали из постели и запирали в подвалах для последующей отправки. Угрозы и применение физической силы со стороны сельской полиции были частыми явлениями. Нередко полиция отбирала у специалистов те продукты, которые они брали с собой; на пути следования сопроводительные группы позволяли себе отдельные перегибы, небрежное обращение и так далее.

Розенберг не имел никаких полномочий для устранения этих нарушений. Однако он попытался сделать это. Письмо к Заукелю от 21 декабря 1942 г. (ПС-018, США-186).

Вначале Розенберг подчеркивает свое принципиальное согласие с Заукелем, а затем настойчиво жалуется на применяемые при мобилизации рабочей силы методы. Я цитирую: «Я в силу возложенной на меня ответственности за оккупированные восточные области должен со всей настойчивостью просить о том, чтобы при наборе необходимых контингентов исключались такие методы, последствия которых в один прекрасный день могут быть поставлены в вину мне и моим сотрудникам».

Далее Розенберг заявляет, что он уполномочил рейхскомиссара Украины применять свою верховную власть, если это окажется необходимым, и заботиться о ликвидации таких методов вербовки, которые противоречат интересам военного руководства и военной экономики в оккупированных областях...

Рейхскомиссар Кох был его тайным и поддерживаемым высшими инстанциями противником. Кох является одним из главных виновников ужасного метода вербовки и использования восточных рабочих, против которого Розенберг ничего не мог сделать.

Господин обвинитель Брудно 9 января 1946 г. упрекает подсудимого в том, что если последний и протестовал, то он протестовал не по каким-либо гуманным соображениям, а в силу политической целесообразности. На это я могу сказать: не следует без достаточных оснований лишать подсудимого Розенберга всех человеческих качеств.

В качестве примера особой жестокости подсудимого обвинение неоднократно указывало на так называемую акцию «Сено» (документ ПС-031). Здесь речь идет о плане командования центрального фронта эвакуировать из зоны операций 40—50 тысяч детей, поскольку они являлись большим бременем в зоне операций, причем большинство из них не имело родительского ухода... Розенберг как имперский министр по делам восточных оккупированных областей был в начале против этого, так как, с одной стороны, он боялся, что указанное мероприятие может быть рассмотрено как угон детей, и, с другой стороны, потому, что эти дети не могут представлять собой значительного укрепления военной силы. Начальник оперативно-политического штаба связался с Розенбергом и изложил ему, что центральный фронт придает решающее значение тому, чтобы дети попали в империю не через генерального уполномоченного по вопросам использования рабочей силы, а через ведомство имперского министра по вопросам оккупированных восточных областей... В обоснование своего ходатайства перед министром было также добавлено, что подростки не представляют собой

существенного укрепления военной силы, но что важным является уменьшение биологической силы противника на длительное время; такого мнения придерживается не только рейхсфюрер СС, но даже и сам фюрер. В конце концов Розенберг дал согласие на проведение данного мероприятия. В этой связи следует сказать: здесь речь шла о таком круге вопросов, который по административной линии не входил в подчинение Розенбергу. Он не хотел уничтожить чужой народ, даже несмотря на то, что в качестве обоснования была приведена необходимость биологического ослабления противника.

Обвинение считает Розенберга виновным потому, что он издавал нечеловеческие и варварские распоряжения, которые имели своей целью обеспечить угон советских людей в германское рабство. Поэтому мне сейчас придется заняться рассмотрением вопроса, противоречили ли положениям международного права декрет о трудовой повинности от 19 декабря 1941 г. и другие декреты Розенберга о введении трудовой повинности для жителей восточных областей.

Управляемые Розенбергом восточные области были заняты в ходе военных действий. В результате оккупации Германия достигла фактического господства в этих областях и приобрела там верховную власть, как на своей собственной территории.

В то время как старое международное право позволяло действовать оккупанту по своему произволу, не заботясь о праве и законе, новейшее развитие международного права устранило этот принцип и обеспечило победу культурного и гуманного принципа; неограниченная до того власть превратилась в ограниченное право оккупанта. Гаагские Правила ведения сухопутной войны, в частности, установили правовые обязанности оккупантов. Но неправильно было бы думать, что эти Правила ведения сухопутной войны представляют собой изложение лишь отдельных прав оккупантов. Они устанавливают границы в отношении самого по себе неограниченного права оккупантов и их полномочий, вытекающих из необходимости управления занятыми областями.

Отсюда вытекает следующий принцип, признанный международным правом: мероприятия оккупантов являются законными в оккупированной области, если проведению их не препятствует какое-либо существующее положение международного права. Это положение устанавливает право оккупантов без ограничений проводить все меры, вытекающие из их суверенных прав в оккупированной области...

Говорят, что статья 52 Гаагских Правил ведения сухопутной войны не допускает насильственного привлечения к труду рабочих оккупированных областей. Там говорится, что от жителей оккупированных областей можно требовать выполнения работы,

которая должна ограничиваться потребностями оккупационных войск и должна находиться в соответствии с ресурсами страны, и по характеру своему не должна возлагать на население обязанности принимать участие в военных мероприятиях против их отчизны. В этом положении я не могу усмотреть запрета использования рабочих в оккупированных областях, наоборот, я склонен думать, что на основании этого положения трудовая повинность является вполне допустимой. Использование рабочих в военной экономике, несомненно, соответствует потребностям оккупационной армии и, по моему мнению, совершенно не означает использования их для военных мероприятий. В Гагских Правилах ведения сухопутной войны ничего не говорится о том, можно ли заставлять этих людей работать только на собственной территории или же привлекать для выполнения определенных работ в стране, оккупировавшей их родину. Поэтому существует мнение, что это постановление устанавливает право оккупанта неограниченно осуществлять все меры, вытекающие из суверенных прав.

Председатель: Доктор Тома, Трибунал хотел бы знать, будете ли Вы утверждать, что Гагскими Правилами предусматривалась депортация мужчин, женщин и детей в другие страны для рабского труда в последних.

Тома: Господин председатель, я говорю о толковании Гагских Правил ведения сухопутной войны и разбираю здесь вопрос, допустимо ли вывозить для нужд оккупационной армии жителей страны. Я стою здесь на той точке зрения, что рабочих также можно перевозить в страну оккупанта. Относительно детей я ничего не говорил, относительно евреев я также ничего не говорил, я говорил только о трудоспособных людях, которых обязали работать на нужды оккупационной армии. Я стою также на той точке зрения, что допустимо перевозить их в страну оккупанта. Я предоставляю этот вопрос на рассмотрение Суда...

Теперь я перехожу к новой теме.

В противовес утверждению обвинения Розенберг ни в коем случае не был вдохновителем преследований евреев, как и вообще не был руководителем и создателем политики, проводимой партией и Германской империей, как это утверждало обвинение.

Розенберг был, конечно, убежденным антисемитом, который отразил свои убеждения и принципы в сочинениях и речах. Но антисемитизм не находится на переднем плане его деятельности... Обвинение цитировало следующее высказывание Розенберга как программное.

«Еврейский вопрос после устранения евреев со всех общественных постов найдет свое окончательное разрешение в создании гетто»...

Розенберг не участвовал в бойкоте евреев в 1933 году, не был привлечен к разработке еврейских законов 1933, 1934, 1935 годов и т. д. (лишение гражданства, запрещение вступать в брак, лишение избирательных прав, удаление со всех значительных постов и из учреждений). Он также не участвовал в мероприятиях против евреев в 1938 году, в разрушении синагог и в антисемитских демонстрациях. Он не был закулисным руководителем, который подстрекал людей на такие действия или приказывал им совершать их...

Розенберг повторял лозунги Гитлера о «разрешении еврейского вопроса», а однажды и об «истреблении еврейства». При этом, возможно, мало думал как большинство приверженцев Гитлера о том, что все эти речи имеют жуткий смысл, а именно, что под этим подразумевается не только выселение, но также и физическое уничтожение, убийство евреев...

С 1941 года было разработано и осуществлено массовое преступление, далеко оставившее за собой все понятия человеческого разума и морали. «Еврейский вопрос» развивался дальше и был доведен до так называемого «окончательного решения». Суд должен будет решить вопрос, ответствен ли Розенберг, видный представитель партии, имперский министр по оккупированным восточным областям, за убийства евреев, особенно за убийства евреев на Востоке...

Я думаю, что могу сказать, что Розенберг никогда открыто или скрытно не содействовал физическому уничтожению евреев. Превращение антисемитизма в преступление имело место без его ведома и желаний...

Я хочу рассмотреть вопрос о его ответственности на основании представленных здесь документов.

1. Еврейские погромы в Слуцке (документ ПС-1104). 27 октября 1941 г. в Слуцке полицейским батальоном силою в 4 роты была учинена жуткая кровавая резня местных евреев потому, что командир получил задание от вышестоящих органов освободить город от всех евреев. Областной комиссар... сообщил об этом генеральному комиссару Кубе в Минск. Последний через рейхскомиссара Лозе обратился к имперскому министру по делам восточных областей с просьбой, чтобы вышестоящие органы немедленно предприняли соответствующие меры.

Имперский министр по делам оккупированных восточных областей послал доклад начальнику полиции безопасности и СД Гейдриху с просьбой о принятии дальнейших мер.

Вследствие утонченной системы, создавшей полицию, не ответственную перед местным начальником администрации и даже не обязанную докладывать ему, Розенберг в этом, как и в других подобных случаях, был не в состоянии предпринять какие-либо дальнейшие меры.

Он не был начальником полиции и мог надеяться, что будет достаточно передать сообщение Гейдриху для того, чтобы прекратить такие эксцессы полиции... Он не знал, что это был не эксцесс, а мера, проведенная по приказу Гейдриха и Гимmlера. Розенберг не мог предполагать ничего подобного...

Документ ПС-3428 касается письма генерального комиссара Белоруссии имперскому комиссару Остланда. Это — потрясающий документ о массовом истреблении евреев в Белоруссии. Однако для обвинения Розенберга отсюда ничего нельзя взять, так как эти страшные события могли быть поставлены ему в вину только в том случае, если бы он знал о них и в нарушение служебного долга не выступил бы против них. Для утверждения о наличии такой осведомленности не оказывается также и здесь отправного пункта.

Утверждение о том, что эти документы якобы найдены у Розенберга, не может служить уликой, так как они адресованы имперскому комиссару в Риге.

В «Заметках для фюрера от 18 декабря 1941 года» (документ ПС-001, США-282) подсудимый писал:

«Я ходатайствую перед фюрером о том, чтобы вместо 100 французов всякий раз расстреливать 100 или больше еврейских банкиров, адвокатов и т. д.». В мою задачу не входит говорить здесь о допустимости расстрелов заложников, но ясно, однако, одно, что Розенберг был убежден в допустимости таких мер...

Документ Р-135, СССР-289 представляет собой доклад генерального комиссара Белоруссии от 1 июня 1943 г. о происшедшей из минской тюрьмы отправке золотых пломб имперскому комиссару Остланда, который передал этот доклад дальше 18 июня 1943 г.

Во время допроса подсудимого Розенберга 16 апреля 1946 г. он уже высказался по этому поводу...

Никто не сомневается ни минуты в том, что ужасные преступления, которые ясны из этих документов, и многие другие события, которые не могут быть доказаны никакими документами, все же произошли и требуют искупления. Никто не сомневается в том, что не только мелкие помощники палачей, которые действовали по высокому приказу, должны быть наказаны, но должны быть наказаны также и прежде всего те, которые издавали приказы и которые ответственны за эти преступления.

Розенберг не издавал приказов об убийстве евреев — это, пожалуй, установлено. Является ли он тем не менее ответственным за эти страшные убийства, необходимо решить.

Имперские комиссары являлись суверенными господами своих областей, которые решали сами в качестве последней ин-

станции вопросы о расстрелах заложников и других мерах возмездия. Каковы были их фактические права? Если имперский комиссар был недоволен Розенбергом, то он обращался к Гитлеру. Вряд ли кто-нибудь серьезно думает, что Розенберг при наличии разногласий с Кохом по вопросу о еврейских экзекуциях был бы прав перед Гитлером.

Я перехожу к оперативному штабу Розенберга. Не менее трех обвинителей выступали на данном процессе с обвинением Розенберга в систематическом разграблении предметов искусства и науки на Западе и Востоке (Стори — 18 декабря 1945 г., Жертофер — 6 февраля 1946 г., Смирнов — 15 февраля 1946 г.). Сначала я должен рассмотреть явно преувеличенные и несправедливые обвинения, а именно утверждения о том, что деятельность особого штаба на Западе распространялась без какого-либо различия на общественную и частную собственность, что Германия присвоила себе предметы искусства, которые превышают по ценности сокровища музея Метрополитена в Нью-Йорке, Британского музея в Лондоне, Парижского Лувра, Третьяковской галереи вместе взятых. Я должен также признать неправильным утверждение о том, что «программа разграбления» Розенберга имела целью лишение оккупированных областей всех сокровищ искусства и науки, накопленных в течение столетий...

Как же в действительности обстояло дело?

Оперативный штаб Розенберга действовал на Западе и на Востоке. Он имел две задачи: 1) обследовать библиотеки, архивы и т. д. на предмет обнаружения материалов, которые были бы подходящими для планируемой «высшей школы партии», конфисковать эти материалы и отправлять их в целях исследования в Германию; 2) учить такие культурные ценности, которые находились во владении евреев или у которых не было владельца, а также такие культурные ценности, происхождение которых не было достаточно ясно установлено.

Обвинение говорит: истинным и единственным мотивом, единственной и истинной целью этого «учета» был грабеж, о каких-либо целях «охраны» не могло быть и речи.

20 августа 1941 г. Розенберг писал рейхскомиссару Остланда, что он категорически запрещает вывозить какие-либо культурные ценности без разрешения рейхскомиссара какими-либо инстанциями (документ ПС-1015). Верховное командование сухопутных сил в согласии с Розенбергом 30 сентября 1942 г. издало приказ (документ ПС-1015-Н), в котором говорится: «Кроме исключительных случаев, когда необходимо обеспечить сохранность культурных ценностей, которые подвергаются опасности, последние должны оставаться пока на своих местах». Далее говорится: «Войска и все военные инстанции

в зоне операций получили категорическое указание по возможности шадить ценные памятники культуры и охранять их от разрушений и повреждений». В отчете особого штаба по вопросам изобразительного искусства (рабочий отчет за время с октября 1940 года до июля 1944 года, документ ПС-1015-Б) говорится, что деятельность особого штаба по вопросам изобразительного искусства ограничивалась в оккупированных восточных областях научным и фотографическим учетом публичных коллекций; уход за ними производится в сотрудничестве с военными и гражданскими инстанциями. Далее там говорится, что в ходе эвакуации данных областей несколько сот ценных икон, картин и т. д. в сотрудничестве с отдельными группами армий были изъяты и отвезены для сохранения в империю. Наконец, 12 июня 1942 г. Розенберг издал циркуляр всем высшим имперским инстанциям, в котором говорится: «Я учредил центральную инстанцию для учета и охраны культурных ценностей на Востоке, как особое управление в своем министерстве»...

Международное право не имеет ничего против того, чтобы оккупант заботился о сохранности и целостности предметов искусства, если это окажется возможным в данной военной обстановке, больше того, считает долгом культуры оккупанта спасать особо ценные предметы искусства из зоны огня и размещать их в наиболее безопасных местах. При определенных обстоятельствах правом и долгом оккупанта по международному праву в интересах сохранения особо ценных с научной точки зрения предметов и культурных ценностей является направление последних к себе на родину. В этом нет ничего недопустимого.

Что же сделал оперативный штаб с произведениями искусства? Он составил подробную картотеку с примечаниями о бывшем владельце каждой отдельной картины, сфотографировал произведения искусства... тщательно запаковал и отправил в баварские замки Нойшванштайн и Шимдзее. В виду опасности воздушного нападения, они были впоследствии помещены в старых австрийских копиях. Розенберг никогда не отрицал, что он и его сотрудники надеялись, что картины останутся в Германии, возможно, как компенсация или как залог для мирных переговоров.

Наконец, он действовал не по своей инициативе, а в порядке проведения в жизнь государственного приказа...

Геринг поддерживал работу оперативного штаба и, как он показывает, «отделил» кое-что с согласия фюрера для своих собственных целей... Розенберг ничего не мог предпринять против Геринга, но он поручил своему уполномоченному Роберту Шольцу по меньшей мере точно регистрировать все, что переходит к Герингу...

Я перехожу к мероприятиям, касающимся мебели. Розенбергу особенно вменяется в вину разграбление мебели и то, что будто бы он ограбил 79 000 еврейских квартир, из них 38 000 — в Париже, и отправил их обстановку в Германию. Бесспорно, эти мероприятия были проведены в целях помощи пострадавшим от воздушных налетов: в разрушенных воздушными налетами городах для людей, потерявших кров, создавались новые квартиры.

То, что конфискация ограничилась имуществом евреев, соответствовало национал-социалистскому образу мышления и, конечно, должно быть морально осуждено. Однако существенным является вопрос законности конфискации вообще. Я избегал его в своей речи и не хотел бы затрагивать его и здесь. Оправдывать слабую юридическую основу этих мер бедственным военным положением — значит, как говорит один специалист международного права, «пользоваться рычагом, при помощи которого можно снять с петель все военное право». Но разве в данном случае нет основания для оправдания на основе государственной и военной необходимости, разве воздушная война не принесла Германии всеобщего бедственного положения?.. Использование частной собственности противника происходило в порядке осуществления права реквизиций, вышедшего за юридические нормы военного права и оправдывавшегося бедственным положением...

Я перехожу к кампании в Норвегии.

Обвинение называет Розенберга и Редера самыми энергичными заговорщиками, руководившими мероприятиями против Норвегии, и позднее называет Розенберга по этому же делу «пособником в государственной измене» (документ ТС-56).

Квислинг в первый раз увидел Розенберга в 1933 году.

Квислинг появился еще раз в Берлине у Розенберга в декабре 1939 года. Последний устроил ему встречу с фюрером. Гитлер заявил, что больше всего он хотел бы полнейшей нейтралитета Норвегии и что он не намеревается расширять театр военных действий и втягивать в конфликт другие нации, но сумеет противостоять дальнейшему окружению и угрозе Германии. Для создания противовеса растущей деятельности вражеской пропаганды Квислингу была обещана финансовая помощь для развития его движения, базировавшегося на великогерманской идее.

Военную подготовку возникших в связи с этим вопросов поручили особому военному штабу. Политическую обработку этого вопроса должен был взять на себя Розенберг, назначивший своего сотрудника Шейдта связным между собой и Квислингом. Хагелин, норвежское доверенное лицо Квислинга, в январе 1940 года передал Розенбергу новые тревожные известия

о возможном нарушении нейтралитета со стороны норвежского правительства, о чем Розенберг немедленно сообщил Гитлеру. После инцидента с судном «Альтмарк» Хагелин, вращавшийся в норвежских правительственных кругах, усилил свои предостережения. Союзники исследовали уже возможности высадки десанта, транспортировки в норвежских портах. Норвежское правительство, во всяком случае, ограничилось бы бумажными протестами, и Квислинг приказал сообщить, что всякое промедление с началом германского контрнаступления означает чрезвычайный риск. Розенберг немедленно передал сообщения Гитлеру. Если бы этого он не сделал, то с его стороны была бы почти измена по отношению к своей стране. 9 апреля 1940 г. последовал германский контрудар, о котором Розенберг, как любой рядовой гражданин государства, узнал по радио и из газет. После упомянутых сообщений Гитлеру, которые он делал в порядке выполнения своего долга, Розенберг не участвовал ни в дипломатической, ни в военной подготовке данной операции... Розенберг слышал лишь о фантастическом и практически неосуществимом плане путча Квислинга (захват важных центральных учреждений в Осло путем неожиданного выступления, поддержанного особо подобранными и обученными в Германии норвежцами, затем вызов германского флота вновь созданным норвежским правительством). Однако менее фантастичным Розенбергу показалось более раннее сообщение Квислинга о том, что офицеры западных держав — указывались имена — объезжают Норвегию под видом чиновников консульства, устанавливают глубину воды в гаванях и осведомляются о поперечном сечении и высоте железнодорожных туннелей. Это было истинной и единственной причиной всего, что предпринял Розенберг в норвежском деле. Второй документ является донесением Розенберга Гессу от 17 июня 1940 г. о «Политической подготовке мероприятия — Норвегия» (документ ПС-004, ВВ-1305). В нем нет ничего такого, что отклонялось бы от достоверного изложения Розенбергом мероприятий и показало бы его как поджигателя войны и государственного изменника. Розенберг не привлекался ни к одному политическому или военному совещанию, касавшемуся Норвегии.

Что же преступного совершил Розенберг? Разве было преступным то, что он попытался завоевать влияние в Норвегии (документ ТС-56) или что с его ведома министерство иностранных дел выдавало Квислингу субсидии? Наконец, мне хотелось бы указать еще на то, что Розенберг в дальнейшем, после удавшейся операции, не получал никакой должности или функции, которые касались бы Норвегии, что даже назначение имперского комиссара по Норвегии произошло без какой-либо договоренности с ним.

Теперь я перехожу к теме «Преследование церкви».

Обвинение утверждало, что Розенберг совместно с Борманом издавал распоряжения о религиозных преследованиях и побуждал других участвовать в преследовании религии...

Розенберг не имел ничего общего с арестами и высылкой священников, с преследованием церквей. Он не участвовал также ни в переговорах с Ватиканом о конкордате, ни в назначении протестантского имперского епископа. Так же мало он участвовал во враждебных церкви мероприятиях, проводившихся позднее полицией...

Я перехожу к обвинению в разжигании расовой ненависти...

Розенберг был убежденным антисемитом, выражавшим свои воззрения и их обоснование в письменных произведениях и в речах. Но, несмотря на резко отрицательное отношение к евреям, он не требовал их «истребления». В качестве ближайшей цели он выставлял лишение евреев политических прав, что означало поставить их в положение иностранцев... Конечная цель его заключалась, правда, в выселении евреев из стран с арийскими народами... Розенберг не знал об уничтожении 5 миллионов евреев.

Я считаю, что обвинение Розенберга в том, что он принадлежал к числу людей, являвшихся в Германии «идеологами расовой ненависти, господства ужаса и насилия, безрассудства и жестокости власти», не соответствует обстоятельствам дела...

Далее Розенберга обвиняют в том, что он проповедовал идею мирового господства, но он отрицает, что думал о покорении мира...

Вначале руководящие органы партии в практической деятельности приняли многие его концепции, но затем стали пренебрегать ими во все большей степени, особенно с началом войны. Как это вскрылось теперь, во многих случаях они превратились, наконец, в противоположность того, за что боролся Розенберг...

Розенберг не смог воспрепятствовать многим ужасным вещам на Востоке, но за это нельзя привлекать его к уголовной ответственности. Ему не подчинялась ни армия, ни полиция. Он не ведал вопросами использования рабочей силы. Узнавая о безобразиях и эксцессах разного рода, он делал все, что мог, чтобы прекратить их.

Отмечая с болью раны, нанесенные всем народам, и гибель империи, он смотрит вперед, ожидая справедливого приговора Трибунала.

РЕЧЬ ЗЕЙДЛЯ, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ГАНСА ФРАНКА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 11 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! Подсудимому Гансу Франку Обвинительным заключением вменяется в вину использование своего положения в партии и в государстве, личного влияния и связей с фюрером для содействия захвату власти национал-социалистами и укрепления их контроля над Германией. Далее, ему вменяется в вину, что он в качестве руководителя санкционировал, участвовал в указанных в разделе III Обвинительного заключения военных преступлениях и упомянутых в разделе IV преступлениях против человечности, в частности в военных преступлениях и преступлениях против человечности при управлении оккупированными областями.

Как и все остальные подсудимые, подсудимый Франк обвиняется в разработке и осуществлении общего плана, направленного на подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн и на совершение в ходе этих войн преступлений в нарушение законов и обычаев войны.

Предъявленными доказательствами установлено, что подсудимый Франк в 1928 году вступил в национал-социалистскую рабочую партию Германии. Как до, так и после прихода к власти он занимался почти исключительно правовыми вопросами. Как рейхслейтеру партии, ему до 1942 года было подчинено имперское управление юстиции. После назначения Гитлера рейхсканцлером Франк был назначен государственным министром юстиции Баварии. В том же году он был назначен имперским комиссаром по унификации юстиции. Эта задача по существу ограничивалась передачей имперскому министерству юстиции правовых учреждений федеральных земель. В 1934 году эта работа закончилась. С передачей дел баварского государственного министерства юстиции империи закончилась деятельность подсудимого Франка как баварского министра юстиции. В декабре 1934 года он был назначен имперским министром без портфеля. С 1934 года он являлся также президентом осно-

ванной лично им Академии германского права и председателем палаты Международного права. Наконец, он являлся руководителем национал-социалистского союза блюстителей права.

Уже одно перечисление разных постов, которые занимал подсудимый Франк в партии и в государстве, показывает, что сферой его деятельности были почти исключительно правовые вопросы. Обязанности его ограничивались в основном выполнением 19 пункта партийной программы, который требовал создания германского общего права. На самом деле почти все речи и статьи подсудимого Франка как до, так и после захвата власти национал-социалистами касались правовых вопросов в широком смысле.

Во время допроса подсудимый Франк показал, что он делал все, что было в его силах, для того, чтобы привести Гитлера к власти, и для того, чтобы осуществить идеи и программу национал-социалистской партии, но что бы ни предпринималось подсудимым в этом направлении, все делалось им открыто...

Представители обвинения не смогли предъявить никаких доказательств того, что ревизия Версальского договора должна была быть в случае необходимости проведена с применением методов насилия и войны.

Предъявление доказательств также не дало ничего такого, из чего можно было бы заключить о существовании общего плана, что утверждается в разделе I Обвинительного заключения, если под этим планом понимается определенный, твердо установленный план узкого круга равноправных лиц.

Если коснуться вопроса об участии подсудимого Франка в общем плане, то, наоборот, в результате представления доказательств, в частности на основании показаний свидетеля доктора Ламмерса и показаний самого подсудимого, можно считать установленным, что Франк не принадлежал к узкому кругу сотрудников Гитлера.

Обвинение не смогло представить суду ни одного документа, касающегося важных политических или военных мероприятий, в которых принимал участие подсудимый Франк. Подсудимый Франк, в частности, не участвовал ни в одном из совещаний с Гитлером, которые обвинение считает особенно важными для доказательства существования общего плана и протоколы которых оно представило в качестве доказательств (документ США 25-34). Единственным важным в этой связи законом является закон о введении всеобщей воинской повинности от 16 марта 1935 г. Подсудимый Франк подписал его как имперский министр. Этот закон имел целью восстановление суверенитета Германской империи, по крайней мере в военном отношении.

Деятельность подсудимого Франка после прихода к власти и до начала войны ограничивалась почти исключительно выполнением задач, вытекающих из руководства Академией герман-

ского права и национал-социалистским союзом блюстителей права.

Задачи Академии германского права ясны из указа о создании этой академии 11 июля 1933 г. Она должна была содействовать реорганизации германской юридической жизни и в тесной постоянной связи с соответствующими законодательными учреждениями проводить в жизнь национал-социалистскую программу в области права. Академия находилась под надзором имперского министра юстиции и имперского министра внутренних дел...

Гитлер в принципе был предубежден против всяких блюстителей права, и уже по одной этой причине совершенно исключалось, что между Гитлером и подсудимым Франком могли сложиться близкие отношения. Подсудимый Франк видел свою жизненную задачу в том, чтобы осуществить и в национал-социалистской империи идею правового государства и прежде всего обеспечить независимость судей.

Эти принципы подсудимый Франк изложил еще в 1939 году до начала войны на заключительном заседании в большой речи в день германского права в Лейпциге.

Предъявленные доказательства свидетельствуют о том, что еще, будучи баварским министром юстиции в 1933 году, он возражал против создания концентрационного лагеря в Дахау, что он боролся за проведение так называемого принципа законности, то есть за преследование наказуемых действий обычным порядком и в этих лагерях, и что он, кроме того, требовал упразднения концентрационного лагеря Дахау. Последнее явствует из показаний допрошенного в комиссии свидетеля доктора Штаппа...

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что нет никаких фактических оснований предполагать, что подсудимый Франк участвовал в осуществлении общего плана, имевшего своей целью ведение агрессивной войны, и в связи с этим в совершении преступлений против законов войны.

Господа судьи!

Я перехожу теперь к пунктам обвинения, относящимся к деятельности подсудимого Франка в качестве генерал-губернатора...

После военного краха Польши сначала была создана военная администрация, которая охватывала четыре военных округа: Восточную Пруссию, Познань, Лодзь и Краков. Во главе ее стоял главнокомандующий на Востоке генерал-полковник фон Рундштедт. Подсудимый Франк в системе этой военной администрации являлся главным начальником администрации.

Военная администрация прекратила свое существование 26 октября 1939 г. В этот день вступил в силу указ фюрера и рейхсканцлера об управлении оккупированными польскими областями от 12 октября 1939 г. Данным указом подсудимый

Франк был назначен генерал-губернатором оккупированных польских областей, которые не вошли в состав империи и спустя короткий срок получили название «генерал-губернаторство»...

Согласно статье 3 декрета фюрера от 12 октября 1939 г. генерал-губернатор подчинялся непосредственно фюреру. Генерал-губернатору согласно тому же декрету была подчинена вся администрация.

Однако фактически генерал-губернатор не обладал полной власти, как это могло показаться. Декрет фюрера в 5 статье предусматривал, что совет министров по обороне империи мог издавать законы для генерал-губернаторства.

Такие же права имел и уполномоченный по четырехлетнему плану. В статье 6 говорилось, что, сверх того, все высокие учреждения могли издавать распоряжения, необходимые для планирования в жизненном и хозяйственном пространстве, имеющие силу также в генерал-губернаторстве.

Кроме этих, предусмотренных в указе фюрера от 12 октября 1939 г. ограниченной полноты власти генерал-губернатора, и в более позднее время кое-кому давались полномочия, не в меньшей степени нарушавшие принцип единства администрации. Это, в частности, относится к положению генеральных уполномоченных по использованию рабочей силы. Я ссылаюсь здесь на предъявленные обвинением и защитой важные документы, в частности на указ Гитлера от 21 марта 1942 г., который устанавливал, что права генерального уполномоченного по использованию рабочей силы распространяются и на территорию генерал-губернаторства. Вся военная экономика в генерал-губернаторстве сперва была подчинена главному командованию вооруженных сил, а после создания имперского министерства вооружения она была подчинена этому министерству.

На основании предъявленных доказательств установлено далее, что принцип единства администрации нарушался также и в других областях. Здесь я ссылаюсь на показания доктора Ламмерса и доктора Бюлера и на представленные мною документы, в частности на документ США-135. Речь идет об указаниях для особых областей в директиве номер 21 («План Барбаросса»), где категорически устанавливается, что главнокомандующий сухопутными силами должен иметь право «отдавать в генерал-губернаторстве распоряжения о тех мероприятиях, которые необходимы для выполнения его военных задач и для обеспечения войск», причем главнокомандующий был уполномочен передавать свои полномочия командующим группами армий и армиями. Все нарушения принципа единства администрации и все особые полномочия отходят на задний план перед тем особым положением, которое было отведено рейхсфюреру СС Гиммлеру в генерал-губернаторстве. На основании предъявленных доказательств и,

в частности на основании показаний старшего правительственного советника в главном имперском управлении безопасности доктора Бильфингера, установлено, что уж в 1939 году при назначении подсудимого генерал-губернатором был издан секретный указ, в котором устанавливалось, что высший начальник СС и полиции на Востоке должен был получать свои указания непосредственно от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гимmlера. В декрете фюрера и рейхсканцлера о консолидации германской нации точно так же постановляется, что рейхсфюрер СС имеет право непосредственно создавать путем переселения новые области, заселенные немцами. Оба эти указа предоставляли рейхсфюреру СС Гимmlеру такие полномочия, которые должны были с первого же дня существования генерал-губернаторства поставить перед администрацией этой области едва ли преодолимые трудности. И очень скоро выяснилось, что подчиненная генерал-губернатору общая администрация не располагала исполнительной властью в собственном смысле. Ввиду того что высший начальник СС и полиции на Востоке получал все указания и распоряжения непосредственно от рейхсфюрера СС Гимmlера и отказывался выполнять указания генерал-губернатора, вскоре выяснилось, что на самом деле в генерал-губернаторстве господствовало две власти. Возникшие в связи с этим затруднения должны были быть тем большими, что высший начальник СС и полиции Крюгер, который не менее четырех лет был непосредственным представителем Гимmlера в генерал-губернаторстве, никогда не согласовывал своих полицейских мероприятий с администрацией генерал-губернаторства...

Если при этом учесть также, что не только рейхсфюрер СС Гимmlер передавал свои указания непосредственно начальнику СС и полиции, обходя генерал-губернатора, но что, кроме того, и III, IV, V и VI управления главного имперского управления безопасности также передавали свои распоряжения непосредственно командующему полицией безопасности и СД в Кракове, то будет понятно, с какими трудностями ежедневно сталкивалась гражданская администрация генерал-губернаторства. При этих обстоятельствах генерал-губернатору не оставалось ничего иного, как постоянно стараться по возможности добиться в какой-либо форме сотрудничества с полицией безопасности, если он не хотел вовсе отказаться от попытки укрепления гражданской администрации в генерал-губернаторстве. И, на самом деле, более чем пятилетняя история администрации генерал-губернаторства в значительной части является историей непрерывной борьбы между генерал-губернатором и администрацией, с одной стороны, и олицетворявшими полицию безопасности, включая СД, с другой.

То же самое относится и к деятельности Гимmlера и его органов в области переселения. Как имперский комиссар по укреплению германской нации Гимmlер со своими органами проводил мероприятия по переселению даже без предварительного установления связи с администрацией генерал-губернаторства и информирования генерал-губернатора.

Выявленные в ходе представления доказательств многочисленные жалобы генерал-губернатора имперскому министру и начальнику имперской канцелярии доктору Ламмерсу относительно мероприятий рейхсфюрера СС и высшего начальника СС и полиции на Востоке на чинимые препятствия в управлении этой областью привели в 1942 году к попытке заново урегулировать взаимоотношения администрации и полиции. При проверке задним числом на основании предъявленных доказательств сегодня можно сказать, что и эта попытка со стороны Гимmlера и полиции безопасности была направлена на то, чтобы и с внешней стороны подорвать положение генерал-губернатора и его гражданской администрации.

Указом фюрера от 7 мая 1942 г. в генерал-губернаторстве был создан статс-секретариат по делам безопасности и статс-секретарем был назначен высший начальник СС и полиции.

Согласно статье II указа статс-секретарь по делам безопасности одновременно являлся представителем рейхсфюрера СС в его должности в качестве рейхскомиссара по укреплению германской нации. Решающее постановление содержится в статье IV этого указа, где, между прочим, сказано:

«Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции может непосредственно давать указания статс-секретарю по делам безопасности по вопросам безопасности и укрепления германской нации».

Стало совершенно ясным и на этот раз открыто подтверждалось содержание секретного указа, который был издан уже в 1939 году в связи с созданием генерал-губернаторства и которым устанавливалось, что высший начальник СС и полиции на Востоке должен получать все указания непосредственно от центральных берлинских учреждений и прежде всего лично от рейхсфюрера СС. Правда, в статье V указа фюрера от 7 мая 1942 г. предусматривалось, что при разногласиях между генерал-губернатором и рейхсфюрером СС и начальником германской полиции должно быть запрошено решение фюрера и начальника имперской канцелярии...

На основании статьи 1 абзаца 3 указа фюрера от 7 мая 1942 г. деятельность статс-секретаря по вопросам безопасности приняла новое направление. Высший начальник СС и полиции, а за ним и рейхсфюрер СС попытались в связи с реорганизацией служебной деятельности статс-секретариата по делам без-

опасности получить возможно больше полномочий, в то время как генерал-губернатор в интересах поддержания в известной мере упорядоченной администрации, естественно, стремился получить в свои руки, по крайней мере, некоторые функции полиции охраны порядка и административной полиции. В этой борьбе полиция одержала полную победу.

3 июля 1942 г. генерал-губернатор в специальном указе должен был заявить о своей готовности передать статс-секретарю по вопросам безопасности все дела, входившие в компетенцию полиции безопасности и полиции охраны порядка.

Только при учете этих фактов и эволюции отношений между администрацией и полицией в генерал-губернаторстве можно составить себе более или менее верное представление о том, что происходило в генерал-губернаторстве и что частично включено в обвинение, предъявленное на данном процессе.

Господа судьи! Наличие составов преступлений, инкриминируемых подсудимому Франку, обвинение пыталось доказать с помощью цитат из дневника подсудимого. По этому поводу необходимо сказать следующее. Этот дневник велся не лично подсудимым Франком. Он составлялся стенографистками, которые присутствовали на заседаниях правительства и различных совещаниях, проводимых генерал-губернатором. Он состоит из 42 томов и насчитывает не менее 10—12 тысяч страниц на пишущей машинке. Записи производились, за одним единственным исключением, не под диктовку подсудимого, а в форме протоколов, которые вели стенографисты. В значительной части — и это вытекает из дневника — составители дневника не записывали дословно отдельные речи и высказывания, а кратко излагали их содержание собственными словами...

Все эти факты заставляют прийти к заключению, что не следует переоценивать фактической доказательной ценности этого дневника...

Подсудимый Франк не мог избежать того, чтобы во все большей степени не вступать в резкое противоречие с представителями системы полицейского государства, как это проявлялось все сильнее в ходе войны, и притом как на территории империи, так и в оккупированных областях.

Представителями полицейского государства были рейхсфюрер СС Гиммлер, а на территории генерал-губернаторства — высший начальник СС и полиции на Востоке обергруппенфюрер СС и генерал полиции Крюгер. Отношения между ними и Франком были крайне плохими уже при создании генерал-губернаторства. Они должны были еще больше ухудшиться, когда разногласия во взглядах на задачи полиции становились все более ясными, и подсудимый Франк был вынужден вследствие актов насилия со стороны полиции безопасности и СД постоянно

обращаться с резкими жалобами к начальнику имперской канцелярии доктору Ламмерсу и к самому фюреру.

Как я уже сказал вначале, для генерал-губернатора вследствие отсутствия собственной исполнительной власти не оставалось ничего другого, как все время стараться координировать задачи общей администрации и задачи полиции для того, чтобы вообще иметь возможность вести административную деятельность. Но эта необходимость согласованных действий обуславливалась естественно, по крайней мере с внешней стороны, известные компромиссы с общей позицией полиции безопасности и прежде всего с позицией высшего начальника СС и полиции на Востоке. Кроме того, предъявление доказательств показало далее, что напряженные отношения, существовавшие между генерал-губернатором и высшим начальником СС и полиции, часто достигали такой остроты, что подсудимый Франк чувствовал себя в опасности и, говоря словами свидетеля доктора Бюлера, он более не был свободным и не мог сам принимать решения...

Господа судьи! Я перехожу сейчас к отдельным обвинениям, выдвинутым против подсудимого, и к их рассмотрению с правовой точки зрения. Подсудимый Франк обвиняется в том, что он санкционировал военные преступления и преступления против человечности в оккупированных областях, руководил ими и принимал в них участие. Существующие нормы права исходят в принципе из того, что субъектом международного права является только суверенное государство, а не отдельный человек. Ответственность отдельного человека по международному праву может существовать только в том случае, если само международное право свяжет определенный состав преступления с нарушением права и определит, что эти нормы следует применять непосредственно к действиям, совершенным отдельным человеком. Только таким образом отдельные лица, которые согласно существующим нормам права ответственны только по внутригосударственному уголовному праву, как исключение, будут отвечать непосредственно по международному праву.

В отклонение от этого права существующие нормы международного права только в виде исключения допускают, что государство может наказать попавшего в его руки подданного государства противника, если он перед захватом его в плен нарушил нормы военного права. Наказание, однако, и в этом случае исключено, если преступление было совершено не из собственных побуждений, а должно быть отнесено исключительно за счет государства, подданным которого он является. В остальном вокруг понятия «военное преступление» и признаков его состава все время ведутся споры как в судопроизводстве, так и в литературе.

Гаагские Правила ведения сухопутной войны, которые в качестве приложения к IV соглашению о законах и обычаях сухо-

путной войны должны были стать кодексом отдельных проблем военного права, не предусматривают составов преступлений, которые могли бы послужить основанием этого соглашения, наоборот, содержат явное указание на то, что не отдельные лица, а государство, которое нарушает эти правила, обязано в случае нужды возместить ущерб и отвечает также за все действия, которые совершены лицами, входящими в состав его вооруженных сил.

Уже первая мировая война вышла за пределы этих рамок, и притом не только в отношении распространения военных действий на большие территории. Война превратилась в истребительную войну целых народов, в которой каждая воюющая сторона использует весь свой военный потенциал, материальные и духовные силы.

Вторая мировая война должна была, учитывая усовершенствование военной техники, окончательно разрушить рамки, предусмотренные для ведения войны Гаагскими Правилами ведения сухопутной войны. Если вспомнить, что только в Германии в результате воздушных налетов не только разрушена большая часть почти всех городов, но что при этом значительно более миллиона гражданского населения поплатилось своей жизнью, что только при одном единственном массированном налете на город Дрезден погибло около 300 тысяч человек, то можно будет установить, что Гаагские Правила ведения сухопутной войны не могут являться правильным отображением, во всяком случае, во многих областях военного права и тех законов и обычаев, которым необходимо следовать во время войны. Если все же остаются какие-либо сомнения в этом отношении, то они, безусловно, устраняются последствиями взрыва двух атомных бомб, которые сравняли с землей Хиросиму и Нагасаки и убили сотни тысяч людей.

При этих обстоятельствах положения Гаагских Правил ведения сухопутной войны не могут быть использованы даже в переносном смысле и при соответствующем их применении для обоснования индивидуальной уголовной ответственности.

При таком положении дел следует считать невозможным установить общие и ясные признаки состава преступления так называемых военных преступлений. Учитывая, что и статья 6 Устава Международного Военного Трибунала также лишь примерно перечисляет признаки, то на вопрос, следует ли в определенном роде поведении усматривать состав военного преступления или нет, можно дать ответ только в конкретных случаях, но и то лишь при учете всех обстоятельств дела.

Для оценки поведения подсудимого Франка важно не то, что говорил Гитлер, Франк или другие лица в том или ином случае; важно то, какую политику проводил в действительности подсудимый Франк по отношению к польскому и украинскому

народу. На основании общего результата представления доказательств и особенно на основании записей в дневнике самого подсудимого не может быть никакого сомнения в том, что он отказался осуществлять все тенденции и мероприятия, направленные на германизацию этих народов.

Теперь я перехожу к так называемой чрезвычайной акции умиротворения.

Когда в сентябре 1939 года закончилась польская кампания, то это не означало прекращения всякого сопротивления. Уже вскоре создались новые очаги сопротивления, и когда 9 апреля 1940 г. германские войска заняли Данию и Норвегию, а 10 мая 1940 г. перешли в наступление на западе, руководители тогдашнего польского движения сопротивления, учитывая общую политическую и военную обстановку, решили, что наступило время действовать. Движение сопротивления было тем опаснее, что в нем принимали участие рассеянные, но значительные остатки бывшей польской армии. Из множества записей в дневнике подсудимого Франка следует, что положение в отношении безопасности с каждым днем становилось все хуже. Так, запись от 16 мая 1940 г. гласит:

«...Общая военная обстановка заставляет серьезнейшим образом рассмотреть вопрос о внутренней безопасности в генерал-губернаторстве. На основании ряда признаков и действий можно сделать заключение, что в стране проводится организованная польская кампания сопротивления и что мы стоим перед началом крупных бурных событий. Тысячи поляков объединены уже сейчас в тайные кружки, вооружены и мятежным образом побуждаются к совершению всевозможных насильственных действий».

Учитывая общее угрожающее положение, это следует из дневника, фюрер отдал приказ о проведении в целях поддержания общественной безопасности всех мер для подавления предстоящего восстания. Задание было передано через Гимmlера высшему начальнику СС и полиции. Администрация генерал-губернаторства сначала не имела к этому ни малейшего отношения. Она вмешалась в дело для того, чтобы по возможности предотвратить насильственные мероприятия полиции безопасности и СД и при любых условиях добиться того, чтобы при данной акции не погибли невиновные. На основании тех показаний, которые были даны подсудимыми Франком и Зейсс-Инквартом, а также показаний свидетеля доктора Бюлера, можно считать установленным, что усилия администрации генерал-губернаторства увенчались успехом постольку, поскольку все члены движения сопротивления, захваченные во время чрезвычайной акции на основании распоряжения, изданного в 1939 году, были преданы специальному суду («штанггерихт») и, кроме

того, приговоры специальных судов перед приведением их в исполнение представлялись на утверждение специально созданного комитета по помилованию... Председателем его был до назначения на пост имперского комиссара в Нидерландах подсудимый Зейсс-Инкварт. Как следует из его показаний, не менее половины всех смертных приговоров, вынесенных специальными судами, было заменено лишением свободы. В остальном я в связи с этой чрезвычайной акцией умиротворения, ссылаюсь на свидетельские показания и на выдержки из дневника подсудимого Франка, оглашенные мною здесь для записи их в протокол...

В индивидуальном обвинении подсудимому Франку вменяется в вину то, что он поддерживал переселенческие планы имперского комиссара по укреплению германской нации и, таким образом, также виновен в совершении военных преступлений. Совершенно ясно, что переселение, даже в том случае, если оно проводится планомерно и хорошо подготовлено, представляет собой большие трудности для тех лиц, которых оно непосредственно затрагивает, ибо во многих случаях переселение равнозначно уничтожению экономической базы существования. Несмотря на это, кажется весьма сомнительным то, что проведение переселений представляет собой состав военного преступления или преступления против человечности...

Подсудимого Франка обвиняют в том, что он в нарушение законов войны и человечности санкционировал и осуществлял программу истребления польских евреев. Правильно то, что в ряде речей, которые были произнесены подсудимым Франком как генерал-губернатором, имеются высказывания по еврейскому вопросу. Представленные обвинением выдержки из дневника отражают все то, что имеется в нем на 10—12 тысячах машинописных страницах по этому вопросу. Нельзя оспаривать того, что подсудимый Франк никогда не скрывал своих антисемитских убеждений. Он подробно говорил об этом в своих показаниях...

На основании результатов представления доказательств, в частности показаний свидетелей доктора Бильфингера и доктора Бюлера, на основании тайного указа о полномочиях полиции безопасности и СД от 1939 года, а также указа о задачах статс-секретаря безопасности можно считать установленным, что все мероприятия, касающиеся евреев, проводились в генерал-губернаторстве исключительно рейхсфюрером СС Гиммлером и его учреждениями. Это относится как к созданию гетто и установлению в них порядков, так и к так называемому окончательному решению еврейского вопроса. Что касается последнего, то на основании показаний свидетелей Вислицени и Гесса и документов, представленных обвинением, можно сказать, что

эти мероприятия проводились в соответствии с приказом Гитлера и что проведением их занимался очень ограниченный круг лиц, который состоял из нескольких фюреров СС из отдела IV-а—IV-б главного имперского управления безопасности и начальников концентрационных лагерей.

Администрация генерал-губернаторства не имела никакого отношения к этим мероприятиям. Установлено, что представленные обвинения антисемитские высказывания подсудимого Франка не имеют никакой причинной связи с так называемым окончательным решением еврейского вопроса...

Памятуя об отношениях, существовавших между генерал-губернатором, с одной стороны, и рейхсфюрером СС Гиммлером и начальником СС и полиции в генерал-губернаторстве Крюгером, с другой, отношениях, доходивших иногда до разрыва, кажется совершенно невозможным расценивать высказывания подсудимого Франка как подстрекательство или помощь. Наоборот, представленными доказательствами устанавливается, что все усилия подсудимого Франка проверить возникшие слухи об уничтожении евреев, хотя бы в своей области, потерпели неудачу. Ради полноты картины следует упомянуть еще, что концентрационный лагерь Освенцим находился не в генерал-губернаторстве, а в той части бывшего польского государства, которая была присоединена к Верхней Силезии.

Представленные доказательства подтверждают также, что создание концлагерей и управление ими входило в задачи ведомства рейхсфюрера СС Гиммлера. Как на территории империи, так и во всех областях, оккупированных германскими войсками, они подчинялись исключительно главному административно-хозяйственному управлению СС или генеральному инспектору концентрационных лагерей. Ни генерал-губернатор, ни общая администрация генерал-губернаторства не имели с ними ничего общего.

Другим пунктом обвинения против Франка является обвинение его в том, что он оказывал поддержку насилию и экономическому принуждению как средству для получения рабочих в целях отправки их в Германию.

Первые годы управления генерал-губернаторством большинство польских рабочих направлялось в Германию добровольно. Позднее, когда в результате непрерывных воздушных налетов на Германию в развалины были превращены не только города, но и фабрики и когда значительная часть германского военного производства была переведена по соображениям безопасности в генерал-губернаторство, само собой разумеется, подсудимый Франк должен был стремиться воспрепятствовать дальнейшему вывозу рабочей силы. Кроме того, подсудимый Франк с самого начала осуждал всякие насильственные меры при вербовке

рабочих и уже по одним только соображениям безопасности и во избежание создания новых очагов беспорядков он боролся против применения насильственных мер. Это установлено на основании показаний свидетелей доктора Бюлера и доктора Беппле. Это также вытекает из большого количества записей в дневнике.

Обвинение утверждает, что многие, если даже не все, иностранные рабочие были вывезены в Германию насильно и что там они должны были выполнять тяжелые работы в недостойных человека условиях.

Другой пункт обвинения касается вопроса закрытия школ... В результате представления доказательств выяснилось, что в большинстве случаев школы были закрыты уже к тому моменту, когда подсудимый занял пост генерал-губернатора...

Советское обвинение предъявило в качестве документального доказательства (СССР-336) распоряжение подсудимого от 9 октября 1943 г. о борьбе с налетами на германские строительства в генерал-губернаторстве и о предании участников налетов специальным судам («штандгерихт»). Нет сомнения в том, что распоряжение отходит от тех требований, которые предъявляются к судопроизводству в нормальных условиях. Правильно оценить этот документ можно лишь в случае, если будут учтены все обстоятельства, которые привели к его изданию...

В течение лета и осени 1943 года в результате усилившейся деятельности партизан и улучшения их военной организации и вооружения, безопасность в генерал-губернаторстве была поставлена под угрозу в такой степени, что при создавшемся положении, вероятно, было бы целесообразнее передать все управления генерал-губернаторства соответствующему главноначальствующему и ввести чрезвычайное положение, ибо фактически существовавшее в генерал-губернаторстве положение нельзя было назвать иначе, как только войной. Это было время, когда каждую минуту можно было ждать начала общего восстания по всей стране... и подсудимый Франк согласился издать распоряжение об организации специальных судов («штандгерихт»), подписанное им 9 октября 1943 г....

В ходе настоящего процесса неоднократно упоминался отчет бригаденфюрера СС Штроопа от 1943 года об уничтожении Варшавского гетто, документ США-275 (ПС-1061). Из отчета и ряда других документов вытекает, что все мероприятия, связанные с варшавским гетто, были проведены исключительно на основании непосредственного указания рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гимmlера. Я ссылаюсь на affidavit бригаденфюрера СС Штроопа от 24 февраля 1946 г., который представлен обвинением под номером США-804 (ПС-8841), и на письменные показания, данные под присягой бывшим адъютантом начальника СС и полиции Варшавы Карла Ка-

леске от того же дня (документ США-803, ПС-3840). Из документов явствует, что эти, как и все остальные мероприятия полицейского характера, проводились исключительно полицией безопасности или службой безопасности по непосредственному приказу рейхсфюрера СС Гимmlера, начальника СС и полиции на Востоке или по указанию главного имперского управления безопасности. Общая администрация генерал-губернаторства не имела к этим мероприятиям никакого отношения.

Далее советское обвинение в соответствии с 21 статьей Устава предъявило в качестве документа СССР-93 отчет Польского правительства...

Он не содержит никаких точных данных о личной ответственности подсудимого Франка. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на большом по объему документе, который точно так же, как и Обвинительное заключение, представляет собой общие обвинения, не содержащие подробных сведений и доказательств, оправдывающих сделанные выводы. За данным документом можно признать фактически документальную силу лишь в той степени, в какой содержащиеся в отчете утверждения доказаны с помощью подлинных документов или других безупречных доказательств. Согласно Обвинительному заключению и, в частности, согласно предъявленному обвинением досье подсудимый Франк должен нести ответственность за недостаточное снабжение польского населения продовольствием. Но обвинение не смогло представить никаких документальных доказательств того, что в управляемых подсудимым Франком областях свирепствовали голод или эпидемия...

В ряде пунктов Обвинительного заключения подсудимому Франку инкриминируется административная деятельность как генерал-губернатора, при этом не сделано даже попыток дать хоть в какой-то степени правильное изображение всей деятельности подсудимого и указать на трудности, с которыми было связано выполнение им своих задач...

Против подсудимого Франка выдвигается обвинение в том, что он в течение долгого времени проводил политику подавления, эксплуатации и германизации.

Господа судьи! Я хотел бы лишь просить Суд принять к сведению отчетный доклад, который был составлен главой правительства 26 октября 1943 г. в связи с четырехлетним существованием генерал-губернаторства... Он дает сжатое описание мероприятий и успехов административной деятельности подсудимого за эти четыре года, причем в нем освещаются все области — ремесленное хозяйство, сельское хозяйство, торговля, транспорт, финансы, кредитное хозяйство, народное здравоохранение и т. д. Только при учете этих фактов можно дать в какой-то степени правильную оценку общего положения вещей.

Господа судьи!

Само собой разумеется, я не собираюсь оспаривать того, что в районах, называемых генерал-губернаторством, во время войны были совершены ужасные преступления, созданы концентрационные лагеря, в которых уничтожались люди, расстреливались заложники, проводились конфискации и т. д. Сам подсудимый Франк меньше всего хотел оспаривать это. Ведь он в течение пяти лет вел борьбу против всех насильственных мероприятий. Обвинение в качестве документального доказательства (США-610, ПС-437) представило меморандум, который был послан Франком фюреру 19 июня 1943 г. В нем на странице 11 он в 9 пунктах остро критикует все недостатки, которые создались в результате насильственных мероприятий, проводимых полицией и службой безопасности, и перегибов различных имперских инстанций. Все его усилия покончить с недостатками были безуспешными.

Эти 9 пунктов в основном составляют сущность обвинения, выдвинутого здесь против Франка. Однако из содержания всего меморандума от 19 июня 1943 г. вытекает, что подсудимый оспаривает свою ответственность за неполадки. Из отчета следует, что за описанные в нем неполадки не могут нести ответственность ни подсудимый, ни общая администрация генерал-губернаторства. Ответственность должны нести лишь вышеназванные организации, то есть полиция безопасности и СД, персонально начальник СС и полиции на Востоке...

Меморандум от 19 июня 1943 г. облечен в форму широкой политической программы...

При таких обстоятельствах следует спросить, что же мог сделать подсудимый Франк. Само собой разумеется, он должен был уйти в отставку, это он и пытался делать: не менее 14 раз подавал прошения о своей отставке. Гитлер столько же раз отклонял прошение, сколько представлялось ходатайств... Гитлер видел в подсудимом Франке человека, за спиной которого с помощью Гимmlера и органов полиции безопасности и СД он мог проводить все мероприятия, которые считал необходимыми для достижения своих политических целей...

Решающим при отклонении его прошения было, очевидно, то соображение, что целесообразнее заставлять полицию безопасности и прочие органы рейхсфюрера СС Гимmlера выполнять данные им задания не открыто, а тайно, при сохранении общей гражданской администрации, возглавляемой генерал-губернатором.

РЕЧЬ ПАННЕНБЕКЕРА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ВИЛЬГЕЛЬМА ФРИКА

*[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 11 июля 1946 г.]*

Господин председатель, господа судьи!

Подсудимому Фрику вменяется в вину совершение преступных действий, предусмотренных статьей 6, пп. «а», «b» и «с» Устава.

Я хочу прежде всего коснуться вопроса о том, должна ли статья 6 Устава рассматриваться как руководящая норма материального уголовного права, устанавливающая в непреложной и обязательной для Трибунала форме, какие действия должны считаться наказуемыми, или же статья 6 Устава определяет процессуальные нормы, устанавливающие подсудность настоящему Трибуналу определенных преступлений.

Последняя точка зрения отражена в выступлениях обвинителей, а именно в указании сэра Хартли Шоукросса на то, что статья 6 Устава восполняет собою существовавший ранее пробел в процедуре отправления международного уголовного правосудия, но что нормы материального уголовного права, подлежащие применению к подсудимым, установлены уже ранее посредством законов. В соответствии с этим часть II Устава, начинающаяся со статьи 6, озаглавлена: «Юрисдикция и общие принципы», из чего можно сделать вывод, что статья 6 предназначена для того, чтобы установить в процессуальном отношении подсудность определенных видов преступлений данному Трибуналу.

Доводы сэра Хартли Шоукросса имели целью опровергнуть возражение, состоящее в том, что недопустимо и противоречит одному из основных правовых принципов привлечения к ответственности за действие, которое в момент его совершения не являлось наказуемым. Это возражение вызвано тем толкованием, что Устав создал новые нормы материального уголовного права, имеющие обратную силу.

Надо решить, является ли запрет придавать закону обратную силу настолько важным правовым принципом, что его нельзя нарушать...

Я полагаю, что имеются веские основания для того, чтобы рассматривать статью 6 Устава в соответствии с текстом ее заголовка как норму, определяющую юрисдикцию настоящего Трибунала, тем более что державы, подписавшие соглашение, уже высказались решительно за строгое и обязательное восстановление запрета придания обратной силы уголовному закону.

Если толковать статью 6 как определяющую юрисдикцию данного Трибунала, то Трибуналу надлежит самому решить не только вопрос о доказанности предъявленных обвинений, но и правовой вопрос — существует ли в каждом отдельном случае материальный уголовный закон, предусматривающий наказание за действия, вменяемые в вину подсудимым. Такой возврат к нормам материального уголовного права, существовавшим во время совершения соответствующих действий, не означает невозможности предания суду подсудимых настоящему Трибуналу за такие действия, которые при всех обстоятельствах являются преступными. Однако отсюда вытекает ряд ограничений, которые, по мнению защиты, допустимы скорее, чем нарушение такого существенного принципа справедливого суда, состоящего в том, что закон не имеет обратной силы.

Таким образом, я отстаиваю ту точку зрения, что вполне возможно и не противоречит требованию справедливой кары за военные преступления истолкование статьи 6 Устава в соответствии с ее заголовком как нормы, определяющей процессуальную компетенцию настоящего Трибунала, а не как новой нормы материального уголовного права.

Дальнейшие объяснения касаются вопроса о «заговоре», но доктор Штамер так подробно останавливался на этом, что я могу это опустить.

Устав не содержит указания на то, что подсудимый должен нести ответственность за такие совершенные им действия, которые выходят за пределы его участия в общем планировании.

Формулировка Устава «во исполнение общего плана» не противоречит тому толкованию, что Устав устанавливает ответственность за действия, совершенные в пределах согласованного плана.

В таком объеме предположение об ответственности за действия, совершенные другими, соответствует требованиям справедливости, а за этими пределами оно было бы нарушением основных правовых принципов. Поэтому защита считает, что в тех случаях, когда речь идет о действиях, совершенных другими и за которые подсудимый должен нести ответственность, необходимы доказательства того, что действия и форма их исполнения отвечали намерениям подсудимого.

Я хотел бы вернуться к отдельным видам преступлений, участие в которых инкриминируется подсудимому Фрику. В первую очередь, как утверждает обвинение, подсудимый участвовал в планировании и подготовке агрессивной войны. Здесь уже говорилось о том, является ли агрессивная война уголовным преступлением с точки зрения правосознания данной эпохи, что касается подсудимого Фрика, я полностью к этому присоединяюсь.

Существует лишь одна возможность осудить отдельных лиц за участие в агрессивной войне как уголовно-наказуемом преступлении, а именно, если вопреки утверждениям сэра Хартли Шоукросса применить Устав как норму материального уголовного права, впервые определяющую агрессивную войну как уголовный деликт, и притом имеющую обратную силу. Из иного толкования статьи 6 Устава, а именно как процессуальной нормы, определяющей юрисдикцию данного Трибунала, по мнению защиты, вытекает следующий вывод. Хотя Суд признан компетентным для рассмотрения преступлений против мира, это, однако, не доказывает еще виновность отдельных подсудимых, потому что отсутствует основная предпосылка, а именно возможность установить, что подсудимым нарушены какие-либо действующие нормы международного права или же правовые нормы отдельных стран, которые в то время определяли агрессивную войну как уголовно-наказуемое деяние, совершить которое могут отдельные лица.

Теперь я обращаюсь к фактам, приводимым обвинением в доказательство участия подсудимого Фрика в планировании и подготовке агрессивных войн.

Такую деятельность обвинение усматривает уже в самом раннем сотрудничестве Фрика с партией, которое продолжалось до 1933 года и способствовало приходу Гитлера к власти.

Таким же образом обвинение расценивает и дальнейшую деятельность Фрика после прихода Гитлера к власти, когда он содействовал укреплению мощи партии и ее руководства путем внутривнутриполитических мероприятий, в частности своим участием в законодательных мероприятиях, благодаря которым были созданы вооруженные силы, и, наконец, участием в мероприятиях по прямой подготовке к войне.

Исходя из того, что с точки зрения уголовного права имеет значение лишь преднамеренное участие подсудимого в подготовке к агрессивной войне, я должен подойти к вопросу — представило ли обвинение доказательства того, что Фрик сознавал, что его содействие в достижении партией ее целей является подготовкой к войне, то есть что он сам участвовал в подготовке войны.

Обвинение утверждает, что Гитлер и его партия с самого начала открыто преследовали цель изменить внешнеполитическое положение Германии посредством войны. На основании этого утверждения обвинение заявляет, что не требуется специальных доказательств в подтверждение того, что каждый подсудимый, поддерживавший Гитлера и его партию, тем самым сознательно содействовал подготовке агрессивных войн. В доказательство того, что Гитлер со своей партией с самого начала спланировали агрессивную войну, обвинение ссылается на партийную программу и называет отмену Версальского договора одной из целей партии. Однако в программе партии не говорится ни слова о том, что подобная цель должна быть достигнута при помощи оружия.

С того времени, как Гитлер вступил в правительство, то есть 30 января 1933 г., когда он стал ответственным руководителем правительства, он занял совершенно недвусмысленную позицию относительно путей и целей германской внешней политики и высказывал свои намерения как в официальных речах и беседах, так и в частных разговорах.

Со времени прихода к власти при возможности он всегда подчеркивал свое настоятельное стремление к миру и отрицательное отношение к войне, подкрепляя высказывания убедительными аргументами. Он все время заявлял о том, что определенных изменений Версальского договора он решил достичь только мирным путем.

Нет необходимости повторять цитаты из речей Гитлера, которые были приведены обвинением в доказательство того, каким образом Гитлер обманывал весь мир и подвластный ему народ своими речами о мире.

Фрик, как и немецкий народ, принимал всерьез заверения Гитлера, которые он, будучи главой правительства, повторял без конца.

Поэтому те, кто с самого начала были убеждены в том, что Гитлер желает войны, и высказывали предостережения, оставались в безнадежном меньшинстве по всему миру.

На то, что мир серьезно верил мирным заверениям Гитлера, обвинение указывало не раз. Лучшим доказательством того факта, что иностранные государственные деятели, знакомые с партийной программой, были также обмануты этими мирными заверениями, служит то, что они проглядели вооружение Германии, проводившееся Гитлером для агрессивной войны, в которую ни в Германии, ни во всем мире никто не верил всерьез, кроме тех, кто был непосредственно посвящен в тайные планы Гитлера.

Далее, обвинение утверждает, что если намерения, связанные с войной, вначале не всем были известны, то все же под-

судимый Фрик обязательно должен был знать о подготовке Гитлером агрессивной войны благодаря тем задачам, которые он выполнял с 30 января 1933 г. в качестве министра внутренних дел.

Однако все эти меры не находились в непосредственной связи с подготовкой к войне. Для иного суждения не дают основания также и те меры, которые были направлены непосредственно на создание военной мощи Германии, то есть введение всеобщей воинской повинности и занятие демилитаризованной Рейнской зоны.

В качестве имперского министра внутренних дел подсудимый Фрик издавал распоряжения по линии гражданской администрации об учете военнообязанных, вследствие чего он должен был подписать также закон о всеобщей воинской повинности.

Но и эти мероприятия сами по себе все же не могут рассматриваться как подготовка агрессивной войны. Восстановление всеобщей воинской повинности и установление военного суверенитета Германии в демилитаризованной области на западе обосновывались Гитлером перед его сотрудниками и перед мировой общественностью такими аргументами, справедливость которых была признана повсюду, и многие иностранные государственные деятели после того, как прошел первый испуг, продолжали верить в мирные заверения Гитлера и считали, что нет серьезных оснований для того, чтобы бояться воинственных стремлений Гитлера.

Бесспорно, что Гитлер 23 ноября 1939 г. сам заявил главнокомандующим (документ ПС-789, США-23), что вооруженные силы он создал для того, чтобы воевать. Однако свое намерение Гитлер до этого времени маскировал так удачно, что ему верили как в стране, так и за границей и, как показали представленные доказательства, верили даже члены его собственного кабинета, не посвященные в тайные планы Гитлера.

Этим объясняется то, что многие из подсудимых заявляют, что хотя они и согласились на восстановление вооруженных сил Германии вопреки условиям Версальского договора, однако не желали войны и свое участие в восстановлении вооруженных сил Германии не рассматривали как участие в планировании агрессивных войн. Что касается подсудимого Фрика, то, с точки зрения защиты, отсутствуют доказательства того, что Гитлер посвящал его в свои военные планы, а поэтому его содействие восстановлению немецких вооруженных сил не может рассматриваться как преднамеренное участие в планировании войны. Это же относится к деятельности подсудимого, направленной на то, чтобы централизовать гражданскую администрацию на случай возможной войны. Такая задача была

возложена на подсудимого на основании второго закона о защите империи от 4 сентября 1938 г., в котором он назван генеральным уполномоченным по делам имперской администрации.

Я еще раз хочу указать на то, что должность генерального уполномоченного по делам имперской администрации была создана лишь вторым законом о защите империи и что, таким образом, первым законом о защите империи от 21 мая 1935 г. она еще не предусматривалась.

Точно так же обстояло дело с должностью генерального уполномоченного по имперской администрации, которая была учреждена 4 сентября 1938 г. вторым законом о защите империи и на которую был назначен подсудимый Фрик по той причине, что он был имперским министром внутренних дел.

Эта должность введена была с целью централизовать всю гражданскую администрацию в интересах защиты отечества. Даже если Гитлер, судя по тем документам, которые предъявлялись здесь Суду, во время издания второго закона о защите империи уже хотел войны, то все же защита подсудимого считает важным установить, мог ли Фрик в то время знать об агрессивных намерениях Гитлера на основании содержания самого закона, подготовительных работ к нему, документов или другой информации, имевшихся в его распоряжении.

В самом законе не отражается намерение Гитлера использовать его в качестве инструмента для подготовки агрессивной войны.

Задачи, поставленные перед подсудимым Фриком как генеральным уполномоченным по делам имперской администрации, состояли исключительно в концентрации внутреннего управления Германии на случай любой войны или военной угрозы. Это явствует из дополнительно представленного здесь документа ПС-3787, США-782. Закон сформулирован так, что в нем говорится только о защите империи в случае войны. Закон говорит «о состоянии обороны» и предусматривает случай «внезапной угрозы территории империи», когда необходимо принять соответствующие меры.

В законе нет указания на то, что Гитлер планировал начать войну. Это вполне соответствует принципу, много раз упоминавшемуся здесь, которого Гитлер придерживался даже в отношении людей, непосредственно его окружавших и который состоял в том, что никто не должен знать о планах Гитлера больше, чем это нужно для выполнения своей непосредственной работы. Учитывая этот принцип, нельзя предполагать, поскольку обратное не доказано, что министерству внутренних дел сообщалось больше, чем было необходимо для принятия им мер, обеспечивающих защиту империи в случае внезапной угрозы нападения со стороны других государств путем прово-

дившейся для этой цели концентрации ресурсов внутреннего управления страны.

Мне не нужно подробно останавливаться на том, что такое мероприятие не может расцениваться как преднамеренная подготовка к агрессивной войне, поскольку соответствующим учреждениям внутренней администрации было сказано, что эти меры необходимы для обороны империи против угрожающей со стороны других государств агрессии, в чем Гитлер сумел убедить всех, кому не следовало знать о его тайных планах и кто, несмотря на это, должен был содействовать проводимому им вооружению и перестройке государства на случай войны.

Я должен лишь остановиться вкратце на некоторых документах, относящихся к деятельности подсудимого Фрика в качестве генерального уполномоченного по вопросам имперской администрации.

В своей речи от 7 марта 1942 г. Фрик говорил об этой должности (документ ПС-2608, США-714), заявив, что планомерная подготовка аппарата управления была проведена еще в мирное время, для чего и была учреждена должность имперского генерального уполномоченного по вопросам администрации.

Таким образом, эта речь подтверждает только то, что следует из текста самого закона. Точно так же обстоят дела с документом ПС-2986, США-409, представляющим собой письменное показание подсудимого, где подтверждается то же самое.

Поэтому должность генерального уполномоченного по вопросам администрации вместе с созданными этим законом должностью генерального уполномоченного по вопросам экономики и должностью начальника ОКВ не могут рассматриваться как некий «триумvirат», в руках которого сосредоточивалась вся правительственная власть Германии. Ни в самой Германии, ни за ее пределами никогда не говорили о том, что Германия управляется подобным триумvirатом. Свидетель Ламмерс указал на то, что задачи, которыми занимались эти лица, имели явно второстепенное значение, выполнялись ими путем издания распоряжений и никакого отношения к подготовке агрессивной войны не имели.

Еще одна область деятельности подсудимого расценивается обвинением как участие в подготовке агрессивной войны. Речь идет о поддержке Фриком союза немцев, проживающих за границей.

Я ссылаюсь на документы «Фрик № 4» и ПС-3258, представленный под номером ВБ-262. Оба документа свидетельствуют о том, что Фрик поддерживал вышеназванный союз как объединение немцев, живущих за границей; задачей союза являлось поддержание культурных связей между ними.

Однако из документов не следует, что Фрик проводил какую-либо деятельность с целью поддержки так называемой «пятой колонны» за границей.

Следующим документом, из которого обвинение заключило, что Фрик одобрял политику агрессивных войн, является письменное показание Мессерсмита (ПС-2385, США-68). Ряд подсудимых указывал на неточность их показаний, и, в частности, подсудимый Шахт во время своего допроса показал, что этот документ вообще не может быть правильным в основных пунктах.

Я не думаю, чтобы письменные показания, вызывающие сомнения в основных пунктах, могли быть использованы для обоснования судебного приговора.

Для доказательства того, участвовал ли Фрик в сознательной подготовке агрессивной войны, обвинение далее предъявило документ Д-44, США-428.

Из него явствует, что имперским министерством внутренних дел в 1933 году было дано указание составлять все официальные сообщения в такой форме, чтобы не давать за границей возможности усмотреть в них нарушения Версальского договора.

Из документа не видно, должны ли быть скрыты при помощи этих указаний действительные нарушения договора или же речь шла о том, чтобы избежать лишь видимости нарушения договора.

Приблизительно так же обстоит дело и с документом ПС-1350, США-742. Речь идет о записи совещания между руководством СА и имперским министром обороны, который в 1933 году сделал СА предложение о том, чтобы при помощи министерства внутренних дел бюджетные средства империи были использованы для военной подготовки членов СА.

В документе говорится о том, как отнеслось министерство внутренних дел к этому предложению, и если оно приняло его, то это опять-таки доказывает лишь то, что министерство внутренних дел способствовало воссозданию германских вооруженных сил, факт, который и без того доказан.

Следовательно, все эти документы не доказывают, что обвиняемый Фрик воспринимал как подготовку к агрессивной войне те мероприятия, которые Гитлер приказывал проводить как необходимые для обороны империи. В 1941 году, за несколько дней до начала войны с Советским Союзом, состоялось, правда, совещание между обвиняемым Розенбергом и представителями министерства по вопросу о проведении мероприятий в случае оккупации областей Советского Союза. Это явствует из документа ПС-1039, США-146 — отчета Розенберга о переговорах,

где сказано, что переговоры велись с «имперским министром Фриком»¹.

Так как переговоры происходили всего лишь за несколько дней до начала войны на Востоке, то из документа не следует, что сам Фрик узнал об этих переговорах еще до начала войны...

На процессе при помощи многочисленных доказательств уже выяснено, насколько строго Гитлер хранил в тайне действительно агрессивные намерения и вообще как он умел скрывать действительную цель своих политических мероприятий, то есть войну, в течение многих лет при помощи тысячи убедительных причин, которыми оправдывал отдельные мероприятия своей агрессивной политики.

Существовал очень узкий круг сотрудников, которых Гитлер посвящал в свои военные планы, однако круг был избран не на основании должностей, занимаемых соответствующими лицами в кабинете или же их положения в партийной иерархии, а исключительно под углом зрения того, должно ли соответствующее лицо с учетом выполняемой им работы в плане подготовки войны знать об агрессивном характере общей политики Гитлера или даже его детальные агрессивные планы.

Из документа ПС-386, США-25 видно, с какой последовательностью соблюдался принцип сохранения тайны даже по отношению к руководящим членам партии и начальникам важных ведомств в имперском кабинете.

Тот, кто как министр внутренних дел, должен был в рамках подготовки войны проводить только такие мероприятия, которые были бы совершенно такими же, как и в случае обороны, не посвящался в агрессивные намерения Гитлера, принимая во внимание его основной принцип.

По этой причине присутствие обвиняемого Фрика не зарегистрировано ни на одном из тех тайных совещаний, на которых Гитлер сообщал о своих внешнеполитических планах и военных целях кругу избранных лиц.

В только что упомянутом документе ПС-386 Гитлер особенно подчеркивает и обосновывает то, что такие планы не должны обсуждаться имперским кабинетом как высшим совещательным органом.

В другой записи о подобном совещании (документ Л-79, США-27) изложен принцип, согласно которому никому не разрешалось знать что-либо о военных планах, если он непосредственно для своей работы не должен знать этих планов.

Фамилии Фрика нет не только среди присутствовавших на совещаниях у Гитлера, проводившихся перед началом войны,

¹ Имперское министерство внутренних дел на этих переговорах было представлено статс-секретарем Штуккартом, так что Фрик лично в переговорах не участвовал. — Составители.

где говорилось о его агрессивной политике, но и на многочисленных конференциях, посвященных дальнейшим целям войны и агрессивным намерениям Гитлера, которые проводились во время войны.

О последующих актах агрессии обвиняемый Фрик также ранее не информировался и не привлекался к разработке их планов, что вытекает из докладов Гитлера о своих планах и соответствующих списках лиц, присутствовавших на совещаниях, представленных Трибуналу.

Фрик, специалист по делам имперской администрации, считавшийся не компетентным по военным и внешнеполитическим вопросам, был вполне подходящим лицом для создания гражданской администрации в случае возможной войны, но, по мнению Гитлера, его внешнеполитические и военные планы ни в коей мере не касались Фрика.

Однако обвинение далее утверждает, что подсудимый Фрик после завоевания чужих областей и их оккупации определял административную политику в них и несет за нее ответственность, и обвинение расценивает эту деятельность подсудимого согласно статье 6, пункт «а», Устава как «участие в ведении агрессивных войн».

Как утверждает обвинение, Фрик осуществлял «всеобщий контроль» над оккупированными областями, в частности, потому, что он был начальником «центрального управления» по делам оккупированных областей. Ввиду выполнения им этих функций на него возлагается ответственность за все военные преступления и преступления против человечности, которые были совершены в оккупированных и присоединенных областях перед войной и во время войны, вплоть до его отзыва с поста имперского министра внутренних дел 20 августа 1943 г.

Это вопрос толкования права: расценивать ли деятельность в управлении оккупированными областями согласно статье 6, пункт «а», Устава как «ведение агрессивных войн» или же наказуемыми являются лишь военные преступления и преступления против человечности.

Такое толкование сделало возможным наказание за преступления, которые были совершены при управлении оккупированными областями. Во всяком случае, преступления против человечности или военные преступления согласно Уставу подлежат наказанию.

В связи с этим следует рассмотреть, за какие территории подсудимый Фрик несет ответственность. Это прежде всего области, которые на основе государственного права были включены в Германскую империю и назывались «присоединенными территориями». Они перешли под управление соответствующих имперских министерств, то есть в отношении внутренней адми-

нистрации в ведение имперского министра внутренних дел. Таким образом, подсудимый Фрик несет ответственность за администрацию этих областей в пределах того периода времени, когда он был министром, то есть до августа 1943 г.

На востоке — это главным образом области Восточной Пруссии, Познань, Данциг...

На востоке в таком же государственно-правовом положении находилась область Мемеля; на западе — район Эйпен-Мальмеди, а на юго-востоке — Судетская область. Далее в состав Германской империи была включена Австрия. В отношении их Фрик участвовал в издании законов и проведении административных мероприятий, на основании которых было произведено их присоединение. За внутреннее управление этих областей он несет обычную ответственность министра внутренних дел вплоть до своей отставки.

Там, где существовала собственная администрация, она никогда не зависела от соответствующих министерств в империи, она всегда подчинялась начальнику администрации данной области, который в свою очередь подчинялся непосредственно Гитлеру.

Это же распространялось на оккупированные советские области, администрация которых в общем подчинялась имперскому министру по делам оккупированных восточных областей.

В декретах о создании собственной гражданской администрации говорится о том, что имперский министр внутренних дел является центральной инстанцией, и на основании данной формулировки обвинение сделало вывод об ответственности подсудимого Фрика за управление во всех оккупированных областях, как это изложено в Обвинительном заключении.

Фактические задачи центральной инстанции изложены в распоряжении о создании центральной инстанции для Норвегии — документ ПС-3082. В то время центральная инстанция в первую очередь имела своей задачей предоставлять в распоряжение начальников гражданской администрации в оккупированных областях необходимый персонал в соответствии с предъявленными ими требованиями... Эта деятельность центральной инстанции не оправдывает предположения об ответственности Фрика за администрацию в оккупированных областях.

Требования о предоставлении чиновников для оккупированных областей рассматривались в имперском министерстве внутренних дел, что показал свидетель Ламмерс. Я цитирую из вышеупомянутого документа ПС-3082: «Унифицированное, согласующееся с потребностями Норвегии сотрудничество высших имперских властей между собой и с имперским комиссаром».

Представленные доказательства по делам подсудимых Розенберга, Франка и Зейсс-Инкварта, которые являлись начальниками гражданской администрации в оккупированных областях, ни в одном случае не установили их сотрудничества в какой-либо форме с подсудимым Фриком как имперским министром внутренних дел или руководителем центральной инстанции в этом министерстве...

Фрик, в частности, не имел никакого права вмешиваться в деятельность полиции в оккупированных областях, не присоединенных к империи. Поэтому подсудимый Фрик не может нести ответственности за преступления против человечности и за военные преступления в оккупированных областях, так как они не могли совершаться в них по его приказу, и в то же время он не мог воспрепятствовать их совершению.

Что касается территории Германской империи, я должен теперь обратиться к возлагаемой обвинением на подсудимого Фрика ответственности за все мероприятия полиции, включая гестапо, а также за создание концлагерей и управление ими. Разрешите мне сначала сослаться на документы, представленные мною, из которых следует, что полиция, включая политическую полицию, в 1933 году была еще в ведении отдельных провинций внутри империи, то есть Пруссии, Баварии и т. д.

Имперский министр внутренних дел в тот период имел только так называемое право «имперского надзора» над провинциями, которое Фрик осуществлял путем издания общих директив и распоряжений правового характера, и это был единственный путь, при помощи которого Фрик как имперский министр мог оказывать влияние на политическую полицию и концентрационные лагеря.

Фрик... пытался путем издания распоряжений правового характера ограничить произвол в практической деятельности политической полиции отдельных провинций.

В этой борьбе Фрика со злоупотреблениями политической полиции провинций последняя имела все преимущества, так как находилась под руководством Геринга и Гиммлера, с которыми «бюрократ» Фрик — как Гитлер его презрительно называл — не мог даже сравниться в отношении влияния в партии и государстве.

Политическая полиция провинций часто на практике не выполняла распоряжение Фрика. Но Фрик не смотрел на это безучастно и вмешивался в тех случаях, когда считал, что его вмешательство может ввести в определенные правовые рамки анархическую практику политической полиции провинций...

Я сошлюсь на документ ПС-775 — меморандум Фрика Гитлеру, который ясно называет вещи их именами... резко крити-

кует отдельные случаи злоупотребления правом превентивного заключения со стороны политической полиции провинций...

Однако все эти попытки не имели успеха, потому что политическое влияние Фрика было слишком незначительным и он не мог бороться против Геринга и Гиммлера и, кроме того, по той причине, что практика Геринга и Гиммлера в основном соответствовала тому, чего в действительности хотел сам Гитлер, хотя этого Фрик в то время еще не сознавал...

Следовательно, вывод о том, что Фрик в какой-то степени принимал участие в терроре и актах насилия гестапо, необоснован.

В более поздний период правовое положение изменилось. Указом Гитлера от 17 июня 1936 г. (документ ПС-2073) задачи полиции по всей территории империи были объединены и в целом переданы Гиммлеру, ведомство которого было формально включено в имперское министерство внутренних дел под наименованием «рейхсфюрер СС и начальник германской полиции в имперском министерстве внутренних дел».

Вопрос состоит в том, получил ли Фрик, будучи министром внутренних дел, в соответствии с новой структурой какое-либо право издавать приказы или практически осуществимое право давать указания политической полиции, ее органам и чиновникам. Когда Гиммлер по собственному желанию, осуществления которого он смог добиться благодаря своему влиянию на Гитлера, был назначен начальником полиции на всей территории империи, в Германии перестало существовать министерство полиции на всей территории империи, министерство полиции или безопасности в собственном смысле этого слова.

Этим следует объяснять то, что единоначальное руководство полицией в лице Гиммлера формально было включено в имперское министерство внутренних дел.

Гиммлер, однако, был больше чем начальником управления в министерстве внутренних дел...

Ему было присвоено специально учрежденное звание «рейхсфюрер СС», что давало Гиммлеру возможность осуществлять государственно-полицейские функции в качестве рейхсфюрера СС, то есть партийного руководителя, не зависевшего ни от каких распоряжений государственного министра...

Гиммлер с самого начала получил полномочия, приравнявшие его к имперскому министру, а именно самостоятельно и под собственную ответственность представлять интересы полиции в кабинете, как это вытекает из указа о его назначении (документ ПС-2073).

Путем издания приказа от 25 января 1938 г. Фрик пытался ограничить право применения превентивного заключения и

исключить его применение для целого ряда случаев, в которых им злоупотребляли.

Я ссылаюсь на документ ПС-1723, США-206.

Возможно, здесь будет сделано возражение, что на практике гестапо никогда не обращало внимания на эти директивы Фрика и Гиммлер и его подчиненные продолжали проводить абсолютное господство террора и насилия.

Это соответствует действительности и в деталях подтверждено свидетелем Гизевуисом...

Обвинение во время представления своих материалов 3 июля 1946 г. предъявило документ Д-181, ВВ-528 и заявило, что политическая полиция не только формально была включена в министерство внутренних дел, но что Фрик действительно несет ответственность за мероприятия полиции. В действительности этот документ свидетельствует лишь о том, что Фрик, будучи министром внутренних дел, был причастен к вопросу стерилизации так называемых наследственных больных. Этот документ не имеет никакого отношения к мероприятиям полиции, и прежде всего к мероприятиям политической полиции. Кроме того, он не раскрывает позицию Гиммлера в министерстве внутренних дел...

Речь идет здесь о той же проблеме, которая касается многих из подсудимых, а именно о формальном подписании приказа, издаваемого по указанию Гитлера...

Теперь я должен остановиться на нескольких документах, которые обвинение расценило как доказательства активного участия подсудимого Фрика в деятельности политической полиции. Я уже касался документа ПС-3304, на который обвинение ссылалось. Это распоряжение об учреждении должности начальника полиции при имперском наместнике восточных областей, включенных в состав Германской империи. Следовательно, здесь рассматривается вопрос о структуре администрации ведомства имперского наместника в одной из частей империи...

Указанное распоряжение относится к сфере общей компетенции министерства внутренних дел и не свидетельствует о какой-либо специальной полицейской деятельности.

Кроме того, к каким-либо актам произвола со стороны гестапо это распоряжение не имеет никакого отношения...

Так же обстоит дело и с документами, которые обвинение расценило как доказательства участия подсудимого в создании концентрационных лагерей и в управлении ими или как одобрение террористических методов гестапо...

Обвинение предъявило далее документ ПС-1643, США-73, в котором речь идет о переговорах относительно отчуждения земельных участков для расширения территории концентрационного лагеря Освенцим.

Вопросами отчуждения всегда занимается общая внутренняя администрация. По этой причине к участию в переговорах был привлечен чиновник из министерства внутренних дел...

Обвинение указало на то, что подсудимый Фрик сам посетил концентрационные лагеря в Ораниенбурге и Дахау.

Подсудимый не оспаривает факт посещения им в 1938 году концентрационного лагеря в Ораниенбурге, о чем здесь также говорил в своих показаниях свидетель Гесс...

Официальный посетитель концентрационного лагеря в то время не мог заметить ничего такого, что свидетельствовало бы об убийствах, зверском обращении и других преступлениях; поэтому факт посещения лагеря не может служить решающим аргументом в подтверждение того, что данное лицо знало о преступлениях, происходивших в концентрационных лагерях...

Далее я должен коснуться обвинения, выдвинутого против подсудимого Фрика по вопросу о преследовании евреев. Фрик принимал участие в законодательных мероприятиях, в частности в издании нюрнбергских законов, и в осуществлении административных мероприятий, которые он рассматривал как выражение национал-социалистской расовой политики.

В то же время не имеется никаких доказательств того, что Фрик сам участвовал и знал о мероприятиях, преследующих цель физического уничтожения, которые проводил Гиммлер и его органы по непосредственному поручению Гитлера и которые держались в строгом секрете от всех тех, кто не принимал участия в этих ужасных событиях.

Фрику на основании его деятельности на посту министра внутренних дел вменяется также в вину убийство больных и душевнобольных.

Принципиальное указание Гитлера содержится в документе ПС-630, США-342, из которого видно, что Гитлер отдал такое распоряжение... Булеру и доктору Брандту, минуя аппарат министерства.

Гитлер вопреки всем правилам подписал поручение не в качестве лица, выполняющего государственные функции, то есть фюрера и рейхсканцлера, а использовал для этого бумагу, предназначенную для частных писем со штампом «Адольф Гитлер»...

После того, как Фрик оставил пост министра внутренних дел, он в августе 1943 года был назначен на должность имперского протектора в Богемии и Моравии... Я ссылаюсь на документы ПС-3443, СССР-60 и ПС-1366 и показания свидетеля Ламмерса.

Должность имперского протектора являлась первоначально воплощением власти империи в протекторате. Однако на

практике полномочия постепенно переходили к тогдашнему статс-секретарю имперского протектора Карлу Франку.

С назначением Фрика в августе 1943 года имперским протектором в Богемии и Моравии правительственные полномочия были также и формально перенесены на Франка неопубликованным декретом фюрера. С этого времени Франк стал именоваться «германский государственный министр в Богемии и Моравии».

За имперским протектором в основном осталось лишь право представительства и право помилования. Обвинение не вменяет Фрику в вину неправильного использования этого права. После издания упомянутого указа фюрера Франк в качестве «германского государственного министра» подчинялся непосредственно Гитлеру, от которого получил назначение и который, минуя Фрика, давал Франку указания. Изменить или повлиять на них Фрик не имел возможности.

При таком положении вещей нельзя выдвигать обвинений против Фрика на основании документа ПС-3589, США-720...

Далее, обвинение характеризовало Фрика как главу гестапо и вследствие этого назвало его членом данной организации. В качестве аргумента было приведено то обстоятельство, что гестапо со времени назначения Гимmlера на пост начальника германской полиции в 1936 году формально вошло в состав имперского министерства внутренних дел.

Однако гестапо в лице Гимmlера имело собственного начальника, от которого оно получало все указания; формальное подчинение Гимmlера министру внутренних дел не делает последнего членом единолично руководимой Гимmlером организации.

На основании всего этого можно сказать, что подсудимый Фрик был человеком, который, несомненно, прилагал определенные усилия в политическом смысле для того, чтобы обеспечить Гитлеру приход к власти, и который после достижения цели в течение определенного времени оказывал значительное влияние на внутреннюю политику.

Но все его мероприятия преследовали внутривнутриполитические цели. Они не должны были иметь ничего общего с внешнеполитическими целями, связанными с агрессивными войнами, и во всяком случае, ничего общего с преступлениями против мира или военными преступлениями; а такая зависимость согласно статье 6 Устава необходима для осуждения, как об этом говорили в своих выступлениях обвинители.

Когда Фрик позднее увидел, что политика направляется по такому руслу, которого он не мог одобрить, он пытался использовать свое влияние для того, чтобы изменить эту линию политики, но со временем должен был все больше убеждаться

в том, что Гитлер не намеревался выслушивать его жалобы и возражения. Наоборот, он понял, что жалобы подрывали доверие к нему Гитлера, который гораздо охотнее выслушивал советы своих единомышленников, например Гимmlера и ему подобных. В конце концов с 1937 года Гитлер больше не стал принимать Фрика, если последний приходил с жалобами.

Затем Фрик отказался от таких безнадежных попыток добиться какого-либо изменения положения. Его отставка также не принесла бы с собой никаких изменений, если прошение об отставке, которое он неоднократно подавал, было удовлетворено. Этот момент достаточно ясно был освещен в процессе представления доказательств. Таким образом, вся трагедия заключается в том, что он оказался запутанным в систему, первоначальные шаги которой он с восторгом приветствовал и развитию которой представлял себе совершенно иначе.

Для оценки личности и действий подсудимого мне кажется важным то обстоятельство, что в процессе представления доказательств, длившегося в течение месяцев, не было приведено ни одного доказательства, свидетельствующего о личном участии подсудимого в совершении каких-либо преступлений...

Каких только мнимых истин, обманов и уловок пропаганды не пускал в ход Гитлер. Ими были обмануты многие — все, кто был увлечен гитлеровской силой внушения и которые в свое время не поняли, что они подчинились преступной воле и что этот преступник для достижения своих целей готов разрушить опоры цивилизации. Они не предвидели, что в конце концов он оставит за собою необозримое поле развалин, обломки материальных и духовных ценностей.

Преодолению всего этого должен способствовать законный и справедливый приговор по настоящему процессу.

РЕЧЬ МАРКСА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ЮЛИУСА ШТРЕЙХЕРА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 11 и 12 июня 1946 г.]

Высокий Суд! Господин председатель! Я начинаю свою защитительную речь по делу подсудимого Юлиуса Штрейхера.

Когда в мае прошлого года закончились последние военные действия самой ужасной из войн, немецкий народ начал медленно приходить в себя от того оцепенения, в котором находился в последние месяцы войны. Как и все народы Европы, он в течение ряда лет терпел ужасные бедствия, особенно за последние месяцы налеты с воздуха принесли так много несчастий всему народу и всей стране, что это почти превышает пределы того, что может вынести человек.

К этому ужасу прибавлялось еще сознание, что война проиграна, и страх перед неизвестностью судьбы — судьбы, которую принесет с собой оккупация.

Наконец, прошло первое время страха, и немецкий народ вздохнул опять, но внезапно новый гнетущий ужас овладел им.

Пресса и радио, газеты и фильмы показали немецкому народу те злодеяния, которые были совершены на Востоке, в степях и в концентрационных лагерях. Германия узнала, что ее люди — люди ее крови — убили много миллионов невинных евреев. Большинство инстинктивно чувствовало, что это — самое большое обвинение из всех тех, какие мир может предъявить Германии.

Вопрос о том, знал ли в общем немецкий народ об этом и приветствовал ли он такие действия, — вопрос всей его судьбы. Это пробный камень для проверки того, сможет ли Германия когда-либо наравне с другими народами снова войти в единое мировое целое в экономическом и культурном отношении.

Как и всегда, сразу же возник вопрос, кто виновен в этом и кто должен нести ответственность. Кто приказывал совершать такие злодеяния, кто их выполнял и как вообще дело

дошло до таких невероятных событий, до таких деяний, каких не знала самая ранняя история человечества.

И вот в то время, когда были подняты все вопросы, пришла весть о том, что в руки американской армии попал бывший гаулейтер Франконии, редактор «Штюрмера», нынешний подсудимый Юлиус Штрейхер. Из того, как реагировали на это известие газеты, целиком находящиеся в руках оккупационных властей и издаваемые ими, а также из сообщений по радио, было видно, что мир рассматривает захваченного Юлиуса Штрейхера не как одного из многих антисемитских пропагандистов третьей империи, а считает его антисемитом номер 1. И почти все в мире придерживались мнения, что Юлиус Штрейхер не только активно пропагандировал преследование и уничтожение евреев, но что он сам деятельно участвовал в этом.

Говорили, что он является не только ярым ненавистником евреев и проповедником их уничтожения, но и тем человеком, чьим влиянием было вызвано уничтожение еврейства в Европе.

Только исходя из такой точки зрения, можно объяснить, что подсудимый Штрейхер вместе с остальными подсудимыми сидит здесь, на скамье подсудимых, среди лиц, несущих главную ответственность за нацистскую систему, потому, что сам по себе он как личность, а также на основании занимавшихся им должностей не принадлежит к руководящим кругам НСДАП и к ее наиболее влиятельным членам. Эту первоначальную точку зрения сначала поддерживало и обвинение. Однако вскоре оно отошло от нее, так как в Обвинительном заключении уже не говорится о том, что Штрейхер непосредственно и прямо участвовал в массовых убийствах. В нем даже указано, что он менее, чем другие подсудимые, должен нести ответственность за свои непосредственные действия. Подзащитному вменяется в вину его деятельность, выразившаяся в устной и письменной пропаганде.

Пункты обвинения, предъявленного подсудимому Штрейхеру, сформулированы следующим образом:

1) содействие приходу к власти и укреплению власти НСДАП;

2) подготовка агрессивной войны путем пропаганды преследования евреев;

3) духовная и моральная подготовка к уничтожению евреев:

a) подготовка к этому немецкого народа,

b) немецкой молодежи,

c) подготовка лиц, активно уничтожавших евреев.

Итак, обвинение говорит, что без Юлиуса Штрейхера не было бы Освенцима, Маутхаузена, Майданека и Люблина,

Что касается первого пункта обвинения, то подсудимый не отрицает, что он с самого начала содействовал приходу НСДАП к власти. Эта поддержка выразилась в том, что созданное им во Франконии движение он поставил на службу Гитлеру, который в годы после первой мировой войны располагал лишь немногочисленной партией, ограниченной пределами Южной Баварии. После освобождения Гитлера из крепости Ландсберг он снова немедленно примкнул к нему и впоследствии решительно выступал в поддержку его идей и целей.

До 1933 года вся деятельность подсудимого Штрейхера исчерпывалась пропагандой в пользу НСДАП и за ее цели главным образом в области еврейского вопроса. Такое поведение подсудимого само по себе не может рассматриваться как преступление. Принадлежность к партии, существующей в государстве, которое допускает наличие такой оппозиционной партии, может только тогда считаться преступной, когда цели партии с объективной точки зрения являются преступными и когда каждый, кто принадлежит к этому движению, субъективно сознает преступность целей, одобряет и поддерживает их.

Основа всех обвинений против подсудимых заключается в том, что НСДАП с самого начала ее существования вменяются в вину преступные цели. По утверждению обвинения члены данной партии имели якобы преступный план поработить весь мир, уничтожить другие расы и насадить расу господ-немцев по всему миру. Они обвиняются в том, что с самого начала хотели осуществить эти цели и планы с помощью агрессивных войн, убийств и насилия.

Таким образом, если уже само членство в НСДАП и поддержка партии должны вменяться подсудимому Штрейхеру в вину как преступление, то в таком случае нужно доказать, что эта партия действительно имела такие планы и что подсудимый знал о них и одобрял их.

Мои коллеги, выступавшие до меня, уже достаточно подробно изложили, что заговор, преследующий такого рода цели, не существовал. Поэтому я могу воздержаться от дальнейших рассуждений и сослаться на то, что уже здесь излагали другие защитники. Мне следует заняться лишь вопросом о том, что подсудимый Штрейхер не участвовал в подобном заговоре, если Высокий Суд признает, что он все-таки существовал...

Представленные доказательства не устанавливают, что существовали какие-либо тайные планы относительно агрессивной или реваншистской войны, которой предшествовало бы уничтожение евреев или которая была бы попутно связана с уничтожением евреев.

Если все-таки заговор существовал, то он должен был ограничиться узким кругом людей, группировавшихся исключи-

тельно вокруг личности Гитлера. Подсудимый же Штрейхер к этому кругу не относился. Ни одна из должностей, которые он занимал, не дает ни малейшего основания для такого предположения. Как почетный гаулейтер и как почетный обергруппенфюрер СС он был равным среди равных. Рассматривая посты, которые он занимал, нельзя обнаружить какой-либо близкой связи с основным зерном партии. Точно так же с конца 1938 года не наблюдаются какие-либо личные связи с руководящими лицами движения, как с самим Гитлером, так и с подсудимым Герингом, Геббельсом, Гиммлером и Борманом... Ничто из того, что предъявлялось Суду в процессе представления доказательств, не может расцениваться как доказательство того, что подсудимый Штрейхер был настолько тесно связан с высшей партийной инстанцией, что мог знать ее конечную цель или даже обязан был знать ее.

Так же и по еврейскому вопросу конечные цели НСДАП, последствия которых проявились в концентрационных лагерях, до прихода к власти и длительное время после прихода к ней не были так сформулированы, как они позднее осуществлялись... В этой связи, констатируя факты, следует заметить, что подсудимый Штрейхер в противоположность почти всем подсудимым оскалался на своей должности не до последнего момента и даже не все то время, пока велась война. Официально он был отрешен от должности гаулейтера в 1940 году, но в действительности уже раньше чем за год до этого фактически утратил всякое влияние и был отстранен от дел...

Пункт 2 обвинения, выдвинутого против подсудимого Штрейхера, где разбирается вопрос о преследовании евреев как о подготовке к агрессивной войне, может быть рассмотрен тут же.

До 1937 года никак нельзя было узнать, что планировалась какая-либо агрессивная война. Во всяком случае, если Гитлер и имел такое намерение, то скрывал его от окружающего мира... В отдельных совещаниях, на основании которых обвинение сделало вывод о планировании позднее действительно начавшихся войн, подсудимый Штрейхер также не участвовал.

Штрейхеру вменяется в вину, что он в течение десятилетий натравливал против евреев и подстрекал к преследованию евреев и затем к их уничтожению и что он несет ответственность за конечное уничтожение евреев в Европе.

Обвинение придерживается той точки зрения, что относительно ответственности подсудимого по этому вопросу возникает мало сомнений, как и относительно преступного соучастия германского народа. В качестве доказательств обвинение представило здесь следующее:

а) речи Штрейхера до и после прихода к власти, например речь в апреле 1925 года, где он говорит об уничтожении евреев. По мнению обвинителя, она является вообще первым доказательством окончательного решения еврейского вопроса, которое намечалось партией и заключалось в уничтожении всех евреев;

б) активное участие подсудимого в организации и использовании своего авторитета во время бойкота 1 апреля 1933 г.;

с) многочисленные статьи в еженедельнике «Дер Штюмер», среди них статьи, в которых разбирается вопрос о ритуальном убийстве с цитатами из Талмуда.

Таким образом, по мнению обвинения, он сознательно и преднамеренно выставлял еврейскую нацию как неполноценную, хотел воспитать и воспитывал ненависть и волю к уничтожению этого народа... Он пропагандировал лишь ту мысль, что евреев вследствие их чужеродности нужно удалить из народной и экономической жизни в Германии и лишить тесных связей с германским народом.

Далее, он всегда намеревался разрешить еврейский вопрос в международном масштабе, он не признавал лишь частичного решения этого вопроса, то есть в масштабах Германии или Европы, и отклонял его. Именно с этим связано то, что он в передовой статье газеты «Дер Штюмер» в 1941 году предлагал избрать местом поселения для евреев французский остров Мадагаскар.

В соответствии с вышеупомянутым он видел окончательное решение еврейского вопроса не в физическом уничтожении евреев, а в их выселении...

Можно утверждать, что подсудимый, когда ему было поручено руководство антисемитскими мероприятиями, не допустил каких-либо насильственных мероприятий против еврейского населения.

Я считаю, что моей задачей как защитника является рассмотреть и изложить не только вопрос о том, стремился ли подсудимый Штрейхер с помощью своих речей, действий и публикаций добиться того успеха, о котором говорило здесь обвинение, но также и вопрос о том, добился ли он в действительности этого успеха.

Поэтому нужно исследовать вопрос о том, действительно ли Штрейхер привил германскому народу в такой степени антисемитский дух, что дал руководству германского народа возможность совершить такие преступления, которые действительно были совершены.

Далее следует рассмотреть вопрос о том, привил ли подсудимый германской молодежи ненависть к евреям в такой степени, о которой говорит обвинение.

Наконец, следует решить вопрос о том, был ли Штрейхер действительно тем человеком, который духовно и морально подготовил для совершения преступлений исполнительные органы власти по уничтожению евреев.

Мне кажется, что прежде, чем заняться рассмотрением этого вопроса, важно указать на то обстоятельство, что значительная часть статей, которые были опубликованы в газете «Дер Штюмер» и на основании которых обвинение хочет сделать вывод о существовании пропаганды, направленной на истребление и уничтожение евреев, была написана не самим Штрейхером, а принадлежит перу его сотрудников и исходит, в частности, от заместителя гаулейтера Карла Тольца, известного своими ультрарадикальными установками.

Хотя подсудимый Штрейхер и несет формальную ответственность за статьи и перед лицом суда решительно взял на себя эту ответственность, все-таки данный момент является важным для определения размера его уголовноправовой ответственности...

Подсудимый Штрейхер не может оспаривать и никто не должен защищать это, что он постоянно помещал в газете «Дер Штюмер» статьи и выступал с речами, которые носили глубоко антисемитский характер и по меньшей мере имели своей целью исключение евреев из общественной жизни Германии.

Первая мировая война закончилась поражением Германии... Искали козла отпущения за проигранную войну и думали, что нашли его в лице евреев. Зависть, недовольство и упущение из вида собственных недостатков окончательно способствовали тому, чтобы создать неблагоприятное отношение к еврейскому населению...

На такой почве и из этой среды возник «Дер Штюмер»... Некоторые слои населения проявляли интерес к такого рода скандальным историям и по этой причине подписывались на газету «Дер Штюмер».

Но лишь только в том случае можно увидеть в этом преступный образ действий — вероятно, такова же точка зрения и обвинения, — если подобный род литературной и ораторской деятельности привел к преступному результату...

Господин обвинитель утверждал, что без продолжительных лет травли евреев со стороны Штрейхера германский народ не одобрил бы преследования евреев и Гиммлер не нашел бы в рядах германского народа исполнительных органов для проведения своих мероприятий по уничтожению евреев.

Если подсудимого Штрейхера следует за это привлечь к судебной ответственности, то нужно доказать, что совершенные преступления вытекали из имевшего место подстрекательства...

Затем произошло то, что с приходом партии к власти вся германская пресса попала под контроль партии, которая тотчас же приступила к тому, чтобы унифицировать прессу, то есть сделать так, чтобы какая-либо центральная инстанция сверху руководила бы прессой в духе национал-социалистской политики и национал-социалистского мировоззрения. Это произошло через министра пропаганды и руководителя имперской прессы с помощью официального партийного органа «Национал-социалистская партийная корреспонденция». Особенно министр пропаганды доктор Геббельс, которого такие сведушие лица, как Геринг, Ширах, Нейрат и др., охарактеризовали как самого крайнего представителя антисемитского направления в правительстве, считал необходимым по нескольку раз в неделю помещать во всей германской прессе, охватывавшей более чем три тысячи ежедневных газет и иллюстрированных журналов, передовые статьи, написанные в антисемитском духе....

Подсудимый Штрейхер, по крайней мере с 1937 года, начал постепенно утрачивать свой авторитет и влияние даже в собственной области (гау) во Франконии. Причины этого достаточно известны...

Был издан целый ряд законов для того, чтобы отделить германские слои населения от еврейских. Примером являются так называемые законы об охране расовой чистоты в сентябре 1935 года, которые угрожали смертью за кровосмешение германского народа с еврейскими слоями населения... Такими же были законы, изданные в ноябре 1938 года, относительно исключения еврейского населения из экономической жизни Германии...

Об антисемитской демонстрации, имевшей место в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г.

Доказано, что эти акты насилия не осуществлялись стихийно германским народом, а что они подготавливались по указанию доктора Геббельса и проводились при поддержке государственного и партийного аппарата.

Успех и последствия демонстраций, которыми руководило государство и которые самым циничным образом выставлялись за границей как выражение возмущения германского народа по поводу убийства секретаря посольства фон Рита в Париже, были совершенно иными, чем те, на которые рассчитывали зачинщики демонстрации. Эти акты насилия и эксцессы, основанные на низменных инстинктах, единогласно порицались... Вместо враждебного отношения к еврейскому народу они вызвали чувство сострадания и участия в его судьбе. Вряд ли какое-либо другое мероприятие партии вызывало такое всеобщее порицание. Общественность находилась под таким впечат-

лением, что подсудимый Штрейхер, будучи гаулейтером, считал необходимым в речи, произнесенной в Нюрнберге, предостеречь от столь большого сочувствия к евреям...

Все эти факты свидетельствуют о том, что сам народ не испытывал вражды к евреям, несмотря на антисемитскую пропаганду, проводимую государством...

Обвинение заявило, что такие мероприятия, как массовое истребление евреев, мог одобрять лишь только народ, воспитанный в духе сильной ненависти к евреям такими людьми, как подсудимый. Таким образом, всем немцам делается упрек в том, что они знали об уничтожении евреев и одобряли это уничтожение. Это такое обвинение, тяжесть и последствия которого для будущего германского народа вообще не поддаются измерению.

Да, но одобрял ли действительно германский народ эти мероприятия?

Одобрять можно только такие вещи, о которых вы осведомлены. Но если считать доказанным утверждение обвинения, то логически нужно сделать также вывод о том, что германский народ действительно знал об этих фактах.

Из представленных доказательств по данному вопросу явствует, что рейхсфюрер СС Гиммлер, уполномоченный Гитлером, и его сотрудики непосредственно окружили все эти мероприятия мраком неизвестности, угрожая строжайшими наказаниями за каждое нарушение строго предписанного молчания, сумели скрыть все то, что разыгрывалось на Востоке и в лагерях уничтожения, за железным занавесом, полностью скрывавшим от общественности все преступления...

Народ в Германии мог узнать о мероприятиях по уничтожению евреев только от людей, которые сами работали в лагерях.

Необходимо также осветить и ту роль, которую обвинение приписывает подсудимому Штрейхеру, утверждая, что он воспитал немецкую молодежь в антисемитском духе и настолько питал ее духом ненависти к евреям, что это пагубное действие сохранится надолго после смерти Штрейхера.

Центральный момент обвинения, выдвинутого против подсудимого, заключается в том, что молодые люди, воспитанные Штрейхером в духе ненависти к евреям, подстрекались к совершению преступлений против евреев, которых они при других обстоятельствах не могли бы совершать, и что от молодежи, воспитанной в таком духе, можно ожидать совершения преступлений и в будущем.

Обвинение основывается в этом пункте главным образом на книгах для молодежи, опубликованных издательством «Штюрмер», и на нескольких статьях, обращенных к молодежи и помещенных в этом журнале...

Немецкие юноши и девушки предпочитали другую литературу.

Необходимо подчеркнуть, что ни содержание, ни иллюстрации в таких книгах не могли в какой-либо степени привлекать молодых людей. Наоборот, они невольно должны были производить отталкивающее впечатление...

Для подтверждения заявления обвинения, что немецкая молодежь была охвачена преступной ненавистью к евреям, не было представлено никаких доказательств.

Теперь я перехожу к последнему решающему пункту обвинения, а именно к рассмотрению вопроса о том, кто несет основную ответственность за издание приказов о массовом уничтожении евреев и как произошло, что нашлись люди, которые выразили готовность выполнять эти приказы. И возникает еще вопрос — могли ли быть изданы и выполнены такие приказы, если бы не велось такой пропаганды, какую вел подсудимый Штрейхер.

Главную ответственность за окончательное решение еврейского вопроса, за уничтожение евреев в Европе, без сомнения, несет Гитлер.

Этому величайшему из всех процессов мировой истории присущ тот недостаток, что главные виновники не сидят на скамье подсудимых, так как они либо умерли, либо их невозможно найти.

То, что беспредельная жестокость являлась основной чертой Гитлера, в первый раз проявилось со всей очевидностью при подавлении так называемого путча Рема в июне 1934 года. Тогда Гитлер принял решение расстрелять своих старейших соратников без судебного разбирательства. Его безудержный радикализм выразился и в методе ведения войны с Польшей. Только потому, что он опасался отрицательного отношения ведущих кругов польского народа к Германии, он приказал уничтожить их. Еще более радикальными были его приказы во время русской кампании. Уже тогда он издал распоряжение об уничтожении евреев путем различных мер.

Приведенные примеры ясно показывают, что этому человеку было несвойственно учитывать какие-либо принципы человечности...

В октябре 1942 года был издан указ Бормана, которым предписывалось уничтожение евреев (документ ПС-3244). Как установлено, он исходил от Гитлера и был направлен рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, которому поручили активно осуществлять уничтожение евреев.

Со своей стороны он поручил окончательное выполнение этого приказа начальнику гестапо Мюллеру и его уполномоченному по еврейскому вопросу Эйхману. Таким образом, эти

люди после Гитлера несут главную ответственность. Ничем не доказано, что Штрейхер мог как-то оказать на них влияние или действительно оказал его...

Затем я перехожу к вопросу о том, оказала ли деятельность подсудимого Штрейхера решающее влияние на исполнительные органы, производившие казни, на членов оперативных групп (айнзацгруппы), с одной стороны, и на команды, производившие расправы, с другой стороны, и была ли вообще нужна духовная и идеологическая подготовка этих людей для того, чтобы они проявили готовность и пошли на то, чтобы осуществить подобные мероприятия.

Рейхсфюрер СС в своих часто упоминавшихся здесь речах в Николаеве, Познани, Харькове заявлял, что он не только наряду с Гитлером несет ответственность за окончательное решение еврейского вопроса, но что предписанные мероприятия можно было осуществить лишь только благодаря использованию сил СС, которые он сам отобрал для этого...

Из показаний Олендорфа мы знаем, что так называемые оперативные группы (айнзацгруппы) состояли из сотрудников гестапо и СД, из рот, входивших в состав войск СС, из старых гестапских полиции и из местного населения.

Не идеологические причины и не то, что Штрейхер подстрекал людей, которым поручили уничтожение евреев, принудили этих людей выполнять вышеупомянутые приказы, а лишь только их повиновение приказу Гитлера, переданному им Гиммлером, и сознание того, что невыполнение приказа фюрера будет означать смерть...

Не Штрейхеру, а подсудимому Розенбергу Гитлер поручил идеологическое воспитание германского народа. Розенберг отвечал за институт по исследованию еврейского вопроса во Франкфурте, а не подсудимый Штрейхер, который даже не был привлечен для сотрудничества в этом институте.

Подсудимому Розенбергу поручили проведение антисемитского конгресса в 1944 году. Правда, конгресс никогда не состоялся, но это характерно...

Борьба против евреев в третьей империи обострялась из года в год, особенно после начала и во время войны. В противоположность этому влияние подсудимого Штрейхера из года в год уменьшалось. Уже в 1939 году он почти игнорировался, не имел никаких связей с Гитлером или иными руководящими лицами государства и партии, с 1940 года был отрешен от должности гаулейтера и с тех пор в политическом отношении был мертвым человеком.

Если бы подсудимый Штрейхер действительно был тем человеком, каким его считает обвинение, то влияние и деятельность его должны были бы автоматически расширяться по

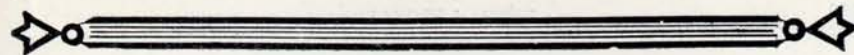
мере обострения антисемитской борьбы. И итогом должно было явиться не отсутствие политического влияния и не изгнание, как в действительности произошло, а поручение осуществить уничтожение евреев.

Из-за своей многолетней писательской деятельности, во время которой он до пресыщения обсуждал одну и ту же тему в неуклюжей, грубой и резкой форме, подсудимый Штрейхер — этого нельзя отрицать — снижал враждебность мировой общественности. Тем самым он создал о себе мнение, на основании которого сильно переоценивается его значение и влияние, а также возникает опасность, что таким же образом может быть преувеличена и его ответственность...

Он писал об исчезновении еврейских масс на востоке, но из этого нельзя заключить, что он расподагал сведениями о каких-либо зверствах. Таким образом, он мог просто считать, что это исчезновение не связано с физическим уничтожением евреев, а что, может быть, речь идет лишь о переселении сконцентрированного еврейского населения в какую-либо нейтральную страну или на территорию Советского Союза.

Пусть приговор в отношении подсудимого Штрейхера будет каким угодно... Однако кажется установленным, что германский народ и этот подсудимый никогда не были единого мнения по данному вопросу, являющемуся в деле определяющим. Германский народ постоянно отмежевывался от принципов подсудимого, которые он излагал в своих публикациях, и сохранил собственное мнение и отношение к евреям...

Решение о виновности или невиновности подсудимого находится в руках Высокого Суда.

РЕЧЬ ЗАУТЕРА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ВАЛЬТЕРА ФУНКА

*[Стенограмма заседаний Международного Военного
Трибунала от 12 и 15 июля 1946 г.]*

Господа судьи! Моя задача состоит в том, чтобы проанализировать деятельность подсудимого доктора Вальтера Функа, следовательно, выступить на тему, которая, к сожалению, является довольно сухой и мало интересной. Я должен сделать следующую оговорку.

Я не буду выступать с какими-либо общими заявлениями политического, исторического или психологического характера, хотя подобные высказывания кажутся особенно заманчивыми в рамках процесса. С такими обширными общими высказываниями уже выступали другие защитники, и кое-кто высказался еще в дополнение к сказанному.

Я хотел бы ограничиться тем, чтобы под углом зрения защиты рассмотреть вопрос о том, какая картина нарисована представленными доказательствами на процессе, и сообщить Вам свои соображения по этому поводу, а также дать характеристику личности подсудимого Функа, действий, совершенных им, сказать о мотивах, которыми он при этом руководствовался.

Господа судьи! Весь ход процесса и доказательства по делу подсудимого показали, что он никогда не играл решающей роли в национал-социалистском государственном руководстве.

Права Функа на то, чтобы принимать решения, всегда были значительно ограничены полномочиями вышестоящих лиц. Замечание подсудимого во время допроса, что его всегда только подпускали к дверям, но никогда не пропускали через них, подтверждается предъявленными доказательствами.

В партии, в противоположность государственному аппарату, на подсудимого Функа лишь только в последние годы перед приходом к власти, следовательно в 1932 году, были возложены некоторые задачи. Выполнение их, однако, не имело никакого практического значения потому, что поручения были кратковременными. С момента прихода партии к власти Функ никогда не занимал партийной должности. Он не принадлежал

также ни к партийным организациям, ни к СС, ни к СА, ни к корпусу политических руководителей. Мандат депутата рейхстага был у Функа только немного более полугода до прихода к власти национал-социалистов. Таким образом, он не являлся членом рейхстага в то время, когда принимались основные законы, направленные на укрепление власти национал-социализма. Законы, вменяемые подсудимому Функу в вину, в частности закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, были, напротив, приняты имперским кабинетом министров в то время, когда Функ не являлся еще членом имперского кабинета министров. Он стал им лишь после его назначения на пост имперского министра экономики к концу 1937 года, то есть тогда, когда больше не происходили заседания кабинета министров. Но, будучи руководителем печати в имперском правительстве, Функ не имел в кабинете ни места, ни голоса и не мог оказывать никакого влияния на содержание проектов законов. Я ссылаюсь на показание Ламмерса по этому пункту.

То же самое относится и к расовым законам, к так называемым «нюрнбергским законам».

Бликие отношения с Гитлером были у Функа только в течение полутора лет, когда он, будучи руководителем печати имперского правительства, систематически делал Гитлеру доклады по вопросам печати, следовательно, с февраля 1933 года до августа 1934 года, то есть до кончины президента империи фон Гинденбурга. Позже Функ виделся с Гитлером очень редко... Гитлер давал свои директивы по экономическим вопросам до 1942 года Герингу как уполномоченному по четырехлетнему плану, ответственному за руководство всей экономикой, а с 1942 года — Шпееру, который, будучи министром вооружения, мог в силу особых полномочий давать указания всем отраслям производства и который с 1943 года сам руководил всем производством.

Итак, Функ в руководстве экономикой национал-социалистской империи никогда не играл главную роль; подсудимый Геринг на процессе подтвердил это в своем показании от 16 марта.

Точно так же и подсудимый Шпеер на заседании Трибунала от 20 июня заявил, что он, будучи министром вооружения, с самого начала имел решающие полномочия в важнейших областях экономики, как-то: по углю, железу и стали, металлу, алюминию, машиностроению и т. п. Все энергетическое хозяйство и все строительство еще до назначения Шпеера подчинялось его предшественнику министру вооружения Тодту...

Обвинение заявляет, что Функ должен был знать о различных событиях, которые составляют объект обвинения... Из рас-

поряжений, которые издавал лично Функ, или из директив, которые исходили от него, обвинение ссылается в основном на изданные Функом инструкции по 4-летнему плану и по устранению евреев из экономической жизни в ноябре 1938 года...

Имперское министерство экономики, как было доказано показаниями Геринга, Ламмерса и Гейлера, стало просто министерством торговли, которое должно было в основном заниматься распределением предметов потребления и технической стороной в области ведения внешней торговли.

Имперским банком по 4-летнему плану выносились решения об использовании золота и валюты. Как только Функ занял должность президента рейхсбанка, рейхсбанк был лишен права выносить решения относительно предоставляемых империи кредитов в области внутреннего финансирования страны на военные нужды. Тем самым Функ вообще отстранялся от ответственности за финансирование на военные нужды.

Лицом, которое могло выносить решения о финансировании, был имперский министр финансов, а не Функ. И, наконец, господа судьи, будучи генеральным уполномоченным по вопросам экономики, Функ занимался лишь только в августе 1939 года подготовкой гражданских и экономических ведомств к проведению мероприятий, которые должны были обеспечить беспрепятственный переход экономики мирного времени на рельсы военного времени. Результатом совещаний с этими ведомствами явились предложения, которые Функ передал на рассмотрение Гитлеру в письме от 25 августа 1939 г., цитировавшемся здесь много раз под номером ПС-699.

В отношении оккупированных областей Функ вообще не имел никаких полномочий выносить решения...

Необходимо указать, что обвинение вменило подсудимому Функу в вину то, что в 1940 году, в день своего 50-летия, он принял денежное приношение... Президент и президиум имперской экономической палаты, следовательно высшие сословные представители германской экономики, подарили ему усадьбу в Верхней Баварии размером в 55 га. Она находилась сначала только на бумаге, о ней говорилось в жалованной грамоте, и ее нужно было еще построить. Преподношение подарка охотно разрешил глава государства Гитлер. Таким образом подарок был преподнесен имперскому министру экономики не тайно, а официально. Функ, не имевший до этого никаких долгов и постоянно живший в приличных условиях, как раз из-за «преподношения» усадьбы имел долги. Геринг, который услышал об этом, помог Функу, выдав ему большую сумму. Когда Гитлер узнал о денежных затруднениях Функа от министра Ламмерса, он предложил для приведения в порядок материального положения Функа перевести ему требуемую

денежную сумму в виде дотации. Таким образом Функ смог оплатить налоги и долги...

Господа судьи! До сих пор я занимался общими вопросами, относящимися к деятельности подсудимого Функа, и перехожу теперь к вопросу об уголовной ответственности подсудимого в связи с отдельными пунктами обвинения.

Первый пункт обвинения относится к требованию о захвате власти партией и, таким образом, к деятельности подсудимого Функа в партии с 1931 до конца 1932 года.

Утверждают, что подсудимый Функ способствовал захвату власти заговорщиками. В этом пункте Обвинительного заключения рассматривается деятельность подсудимого Функа с момента вступления его в партию в июне 1931 года до прихода к власти Гитлера 30 января 1933 г. Обвинение утверждает, что Функ, выступая в это время на стороне партии, способствовал захвату власти национал-социалистами. Это верно. Подсудимый Функ во время его допроса 4 мая сам признал это...

Та роль, которую обвинение приписывает ему, не соответствует действительности. Значение деятельности Функа отчасти сильно переоценивается обвинением, а отчасти о ней создается неправильное представление. Подсудимый Функ в 1932 году установил контакт между Гитлером и некоторыми руководящими лицами из германских экономических кругов. Он выступал также за то, чтобы национал-социалистские идеи нашли понимание и ратовал за поддержку партии экономическими кругами. Его часто называли советником Гитлера по экономическим вопросам, но это не было ни партийной должностью, ни партийным титулом...

Во время перекрестного допроса подсудимого Функа советское обвинение предъявило последнему статью, появившуюся в журнале «Дас Рейх» в связи с 50-летием Функа. В ней автор, экономист, по имени доктор Герле, подчеркивает, что Функ «как посредник между партией и экономическими кругами расчистил дорогу для новой идеологии германских предпринимателей».

По этому поводу следует сказать: Функ никогда не оспаривал, что он видел тогда свою задачу в том, чтобы найти такой синтетический принцип построения экономики... Функ всегда признавал политические цели и идеалы национал-социализма...

30 января 1933 г. Функ как руководитель прессы имперского правительства занял пост министра-директора в имперской канцелярии. Однако руководство политикой в области прессы уже через полтора месяца перешло к доктору Геббельсу, когда он стал имперским министром народного просвещения и пропаганды, и отдел прессы имперского правительства, которым до

этого должен был руководить Функ, был слит с вновь образованным министерством пропаганды.

До смерти Гинденбурга за Функом сохранилась еще обязанность лично докладывать о прессы имперскому президенту фон Гинденбургу и имперскому канцлеру Гитлеру. Затем и эта деятельность полностью прекратилась. Следовательно, должность руководителя прессы в имперском правительстве практически существовала лишь на бумаге, что подтвердил также подсудимый Фриче во время его допроса 28 июня.

Господа судьи! Я перехожу теперь ко второму пункту обвинения, а именно к вопросу об укреплении власти правительства и партии, в связи с этим — к преследованию евреев в области интеллектуального труда.

Я не буду подробно излагать свои объяснения по пункту, господа судьи, и хочу лишь отметить несколько соображений, вытекающих из процесса.

Предъявленные доказательства показали, что Функ, являясь статс-секретарем, по существу вообще не занимался пропагандистской деятельностью. Он не выступал ни с какими речами по радио и на митингах. Политикой прессы в тот период руководил только Геббельс.

Подсудимому Функу инкриминируется то, что он «имея полное представление об агрессивных планах заговорщиков, активно участвовал в мобилизации немецкой экономики для агрессивной войны».

В доказательство этого в Обвинительном заключении указывается прежде всего на то, что Геринг включил в четырехлетний план министерство экономики в качестве «верховного командования немецкой военной экономики», которое затем было подчинено подсудимому Функу. Далее обвинение указывает, что на основании закона о защите империи от 4 сентября 1938 г. на Функа как генерального уполномоченного по экономике была возложена задача мобилизации германской экономики на случай войны. Утверждение обвинения, что имперское министерство экономики было включено в управление по четырехлетнему плану, прежде чем Геринг передал его Функу, безусловно, правильно. Так называемое верховное командование немецкой экономикой осуществлялось, но не подсудимым Функом, а уполномоченным по четырехлетнему плану подсудимым Герингом. Функ был связан его директивами, и это подтвердил здесь сам Геринг... Имперское министерство экономики было лишь ведомством, которое должно было проводить указания управления по четырехлетнему плану...

При перекрестном допросе Функа американским обвинением был предъявлен документ ЕС-255 — письмо от 29 ноября 1937 г. имперского военного министра фон Бломберга на имя Геринга,

в котором Бломберг предлагает только что назначенного имперским министром экономики Функа назначить также генеральным уполномоченным по военной экономике. Этого, однако, не случилось. Вначале Геринг сам взял руководство имперским министерством экономики и лишь через несколько месяцев, в феврале 1938 года, передал его подсудимому Функу.

Затем ОКВ, а именно штаб экономической обороны, возглавляемый упоминавшимся генералом Томасом, потребовал, чтобы генеральный уполномоченный по военной экономике в дальнейшем по всем вопросам, связанным со снабжением вооруженных сил во время войны, выполнял указания ОКВ. В другом письме (ЕС-270) штаб экономической обороны ОКВ требует даже предоставления ему права давать указания генеральному уполномоченному по военной экономике почти во всех областях его деятельности. Подсудимый Функ пытался тогда посредством переговоров с рейхсмаршалом Герингом и письма к имперскому министру Ламмерсу определить свое положение в качестве генерального уполномоченного по военной экономике и требовал, чтобы он в качестве генерального уполномоченного по экономике подчинялся непосредственно Гитлеру, а не был связан с указаниями ОКВ. Геринг и Ламмерс тогда согласились со взглядом Функа...

Следует отметить, что подсудимый Функ согласно закону о защите империи от 4 сентября 1938 г. являлся не генеральным уполномоченным по военной экономике, а генеральным уполномоченным по экономике. Здесь нет слова «военной» и в этом втором законе о защите империи было точно установлено, что Функ должен выполнять требования ОКВ. Таким образом, в конечном итоге ОКВ все же настояло на своем...

В материалах, предъявленных обвинением, нигде не указывается на то, что подсудимый Функ знал что-либо о политических и военных переговорах, совещаниях и подготовке, которые касались бы планирования войны, и в частности агрессивной войны со стороны Германии. Функ никогда не привлекался к таким переговорам, в частности он не присутствовал и на совещании у Геринга 14 октября 1938 г., о котором обстоятельно говорилось в обвинении...

Когда 25 августа 1939 г. Функ написал письмо Гитлеру, польские и германские армии уже стояли в полной боевой готовности друг против друга. Поэтому тогда он должен был действовать таким образом и не мог отказаться от каких-либо приготовлений...

Представленный обвинением документ ПС-3787 — это протокол второго заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г. Оно происходило за 2 месяца до начала войны. Функ участвовал в качестве генерального уполномоченного по вопро-

сам экономики. Однако весь протокол в целом не оставляет сомнения в том, что при этом речь шла вообще о теоретических полномочиях на случай какой-либо войны. Кроме того, при оценке протокола нельзя упускать из вида то, что во время войны, которая разразилась через четверть года, деятельность Функа в области распределения рабочей силы полностью перешла к управлению по четырехлетнему плану...

Об угрозе войны с Россией Функ узнал впервые в апреле 1941 года, когда Розенберг был назначен уполномоченным по единому разрешению проблемы Восточной Европы. Подсудимый Функ получил тогда, как мы помним, некоторые разъяснения от Ламмерса и Розенберга. Они в общих чертах были изложены некоторыми свидетелями при допросе их в суде...

28 мая 1941 г. у Функа происходило совещание с Розенбергом (документ ПС-1031). На нем, как вы, очевидно, вспомните, обсуждался вопрос, как должна быть урегулирована денежная проблема на Востоке, если будет война с Россией и если эти области будут оккупированы войсками.

Если на совещании с Розенбергом говорилось о том, правда, не подсудимым Функом, что нужно печатать рубли для удовлетворения необходимой потребности в платежной валюте, то Функу не казалось бы преступным и необычным...

Война началась уже через несколько недель после этого совещания. О том, что существует угроза войны с Россией, подсудимому Функу было известно. Однако то, что Германия давно готовится к войне, ему не было известно, так же как и то, что Германия будет нападать, то есть будет вести превентивную войну...

Функ ничего не знал о планах Гитлера в области внешней политики и о том, что Гитлер планирует какие-либо агрессивные войны. Правда, Функ особенно летом 1939 года заблаговременно начал заниматься вопросом перевода мирного хозяйства на рельсы военного на случай войны...

С точки зрения уголовного права, существенным для рассмотрения дела Функа является не то, отдавал ли он со своей стороны распоряжения о такой подготовке, а то, знал ли Функ, что Гитлер планирует агрессивные войны и что Гитлер намеревается вести такие агрессивные войны, нарушая заключенные договоры и пренебрегая международным правом. Но Функ заявил под присягой, что он не знал и не предполагал этого. Постоянные уверения Гитлера в том, что он хочет сохранить мир, не позволяли ему, Функу, думать о такой возможности. Правда, мы сегодня знаем на основании событий последующего времени и фактов, установленных процессом, что мирные заверения Гитлера, которые он давал даже в момент самоубийства, в действительности были не чем иным, как ложью и обманом.

Однако Функ в то время рассматривал мирные заверения Гитлера, как чистую правду. В то время ему и в голову не приходила мысль о том, что Гитлер может обмануть его и весь немецкий народ. Напротив Функ так же верил словам Гитлера и стал жертвой обмана, как и весь мир...

Функа считают также ответственным за применение принудительного труда иностранных рабочих по той причине, что он, начиная с осени 1943 года, был членом так называемого управления центрального планирования. 22 ноября 1943 г., то есть в разгар войны, он впервые участвовал в заседании этого учреждения... Функ вообще — и я хочу это особенно подчеркнуть — не занимался вопросами использования рабочей силы ни в качестве имперского министра экономики, ни в качестве президента рейхсбанка...

Теперь, господа судьи, я перехожу к предпоследнему разделу обвинения, а именно к деятельности Функа по исключению евреев из участия в хозяйственной жизни в ноябре — декабре 1938 года, что является третьим пунктом обвинения.

Господа судьи, в Германии никогда не утверждали, что Функ принадлежит к тем антисемитам-фанатикам, которые принимали участие в еврейских погромах или приветствовали эти погромы и извлекали из них личную пользу...

Для Функа трагичным является то, что, несмотря на все это, его имя на данном процессе неоднократно упоминалось в связи с распоряжениями от ноября 1938 года, на основании которых евреи были изгнаны из хозяйственной жизни. Независимо от его желаний он, будучи министром экономики, должен был рассматривать вопросы, относящиеся к участию евреев в хозяйственной жизни Германии. Он, как чиновник, обязан был издавать необходимые распоряжения по выполнению этих мероприятий...

Функ был особенно удручен, когда 10 ноября 1938 г. в Берлине стал свидетелем ужасных опустошений в еврейских домах и магазинах и когда одно за другим стали поступать сообщения, которые вновь все время подтверждали, что Геббельс и его клика, используя возбужденность народа по поводу убийства евреями немецкого дипломата в Париже, организовали такие еврейские погромы по всей Германии, которые привели не только к уничтожению еврейского имущества, но и к убийству большого числа евреев, и к преследованию многих тысяч ни в чем не повинных сограждан...

Мы не должны упускать из виду того, что при проведении всех этих мероприятий Функ действовал лишь в качестве министра экономики, то есть как чиновник, который давал лишь распоряжения, относящиеся к выполнению приказа, изданного по указанию Гитлера Герингом, как уполномоченным по четырех-

летнему плану. При этом Функ действовал не по своей воле, точно так же, как, например, имперский министр финансов граф Шверинк фон Крозигк, который в тот же период должен был издать распоряжение относительно выполнения приказа об уплате евреями выкупа в миллиард рейхсмарок, или как имперский министр юстиции и имперский министр внутренних дел, которые также издавали аналогичные распоряжения в своей области.

Господа судьи, является ли служебный приказ начальника обстоятельством, исключаящим ответственность для лиц, выполнявших их?

В связи с этим правовым вопросом я должен высказать следующие принципиальные соображения.

Естественное восприятие права подсказывает нам, что всякий гражданин государства, а также чиновник и даже солдат, в том случае не может ссылаться в свое оправдание на выполнение им служебного приказа, если приказ предписывает совершение явно противозаконных действий, особенно преступления, и если подчиненный по существу дела и при учете всей совокупности обстоятельств сознает или должен сознавать, что служебный приказ начальства противоречит существующему правопорядку. Если имеется эта последняя предпосылка, то есть если приказ начальника явно противоречит существующему праву, то в таком случае правильно, если подчиненному не будет предоставлено право ссылаться в свое оправдание на служебный приказ начальника и утверждать, что он лишь выполнял его. В этом отношении данное положение Устава Трибунала, собственно говоря, не содержит в себе по существу ничего нового, а является подтверждением и дальнейшим развитием правовых принципов, которые, хотя и в различном объеме, уже нашли признание в уголовном праве большинства современных цивилизованных государств. Правда, при этом будет весьма уместна известная осторожность, ибо, с другой стороны, господа судьи, нельзя забывать, что повиновение приказам начальника, а не только закону, является основой любого государственного управления во всех странах и останется ею в дальнейшем для того, чтобы было обеспечено правильное функционирование государственного административного аппарата и что весьма опасным было бы предоставить на усмотрение самого чиновника вопрос о том, должен ли он соблюдать данную им присягу на верность.

Однако, господа судьи, в данном случае речь идет о другом. Здесь речь идет о повиновении гражданина государства, и в особенности чиновника, которым был тогда Функ, закону государства, который согласно конституционным положениям данного государства издан правильно...

Эти правовые вопросы должен разрешить сам суд. В свою защиту Функ может, однако, указать на тот факт, что именно ему в силу его мировоззрения и всего прошлого, безусловно, было очень трудно издавать распоряжения по проведению таких законов, хотя он и думал, что при этом исполняет только свой долг как чиновник...

Если Функ во время допроса 22 октября 1945 г. заявил американскому офицеру: «Я виновен», — то здесь совсем не следует выяснять, имел ли подсудимый в виду уголовную или лишь моральную вину, которую он усматривал в том, что остался на своем посту, который обязывал его проводить в жизнь законы, противоречащие его собственному мировоззрению...

Таким образом, господа судьи, сознание своей обязанности, с одной стороны, и человеческие чувства — с другой, были теми факторами, которые удерживали подсудимого на его посту и поставили его в такое положение, которое сейчас ставится ему в вину как преступный образ действий.

Сейчас, господа судьи, я перехожу к последней главе, которая в моей защитительной речи носит название «Золотые вклады СС имперскому банку и концентрационные лагеря».

Действительно, особой трагедией в жизни подсудимого Функа было то, что он не только в 1938 году был принужден судьбой издавать распоряжения по проведению в жизнь законов, которые он внутренне осуждал и отрицал, как никто другой, но также и то, что в 1942 году он еще раз особенно ужасным образом был связан с преследованием евреев; я имею в виду поступления СС в имперском банке, то есть дело, по которому здесь был показан фильм, демонстрирующий стальные сейфы филиала имперского банка во Франкфурте, и были заслушаны два свидетеля — вице-президент Эмиль Пуль и советник имперского банка Альберт Томс.

По поводу этого дела подсудимый Функ был допрошен 4 июня 1945 г. Правда, тогда он ничего не мог сказать о подробностях и заявил, что этим делом он занимался всего несколько раз и непродолжительное время и не придал ему никакого значения. Это было также одной из причин, почему он первое время не мог подробнее припомнить обстоятельств данного дела... Во всяком случае, Функ должен был считаться с тем, что об этом будут говорить на процессе во время перекрестного допроса. Так и произошло: 7 мая 1946 г. об этом говорил представитель американского обвинения, причем он представил письменные показания свидетеля Эмиля Пуля, в котором, как известно, Пуль вначале обвинял подсудимого Функа...

Действительно, в свое время, как припомнил подсудимый после допроса Пуля, рейхсфюрер СС Гиммлер обратился к нему,

Функу, однажды с вопросом, нельзя ли хранить в сейфах имперского банка ценности, конфискованные СС на Востоке.

На этот вопрос Гиммлера Функ ответил утвердительно и сказал, что Гиммлер может кому-либо поручить обсудить и урегулировать это дело с вице-президентом Пулем.

Гиммлер в то время заявил Функу, что это может сделать его группенфюрер Поль, который свяжется с вице-президентом Пулем. Мне кажется, что это было все, что Функ говорил в 1942 году с имперским руководителем СС Гиммлером и о чем он при случае сообщил своему вице-президенту Пулю, так как Пуль фактически вел дела имперского банка и был компетентен в этом деле.

Существенным во всем деле является вопрос, знал или видел ли Функ, что среди поставляемых СС вещей в большом количестве, бросающемся в глаза, находились также золотые оправы очков, золотые зубы и тому подобные предметы, попавшие в руки СС не на основе законной конфискации, а преступным путем...

Функ не знал ни о размерах, которые постепенно принимали вклады СС, ни о том, что среди фонда имелись украшения, жемчуг и драгоценные камни, оправы от очков и золотые зубы... Он только один раз по просьбе вице-президента Пуля обратился с вопросом к рейхсфюреру СС Гиммлеру — это была вторая беседа с Гиммлером — о том, могут ли быть реализованы ценности СС, хранившиеся в имперском банке, то есть реализованы в законном торговом порядке. Гиммлер разрешил это сделать, и Функ сообщил своему вице-президенту Пулю...

От многочисленного персонала имперского банка не скрывали того, о каких вещах здесь шла речь. Наоборот, личный персонал имперского банка получил от Пуля задание сортировать поступавшие драгоценные вещи и оценивать их в ломбарде; десятки чиновников имперского банка, регулярно ходившие в хранилище, могли видеть там отдельные вещи, а главная имперская касса, как обычно — совершенно открыто, вместе с имперским министерством финансов оценивала золотые вещи.

Я прихожу к выводу: хотя имперский банк и производил расчеты по счетам империи, где фигурировали вещи, которые добывались преступными действиями СС, но Функ все же об этом ничего не знал, следовательно, не может быть за это привлечен к ответственности в уголовном порядке.

То же самое, господа судьи, относится к кредитам имперского банка, выдаваемым предприятиям СС.

Господа судьи! В этой связи кажется необходимым остановиться еще на вопросе о том, посещал ли когда-либо Функ концентрационные лагеря. Допрошенный здесь свидетель доктор Блаха заявил, что Функ в первой половине 1940 года один раз

посетил Дахау. Визит имел место тотчас же после одного совещания с министром финансов, в котором участвовал Функ и которое происходило в Берхтесгадене или в другом местечке. Функ знал, что в Германии существовали концентрационные лагеря, так же как он знал о том, что в Германии имелись каторжные работы, тюрьмы и прочие учреждения исправительного характера.

Но ему не было известно о большом количестве подобных концентрационных лагерей и о громадном числе заключенных, доходившем до сотен и миллионов. Ему не были известны также совершаемые в лагерях и выявленные только на процессе многочисленные злодеяния. В частности, Функ узнал о существовании так называемых лагерей уничтожения, служивших для целей убийства миллионов евреев, только благодаря процессу.

Господа судьи! Таким образом, защита выразила свою точку зрения по данной части обвинения, которая в том случае, если она является правильной, тягчайшим и ужаснейшим образом падет на голову Функа. В одном пункте, по мнению подсудимого Функа, может быть расхождение в мнениях, а именно относительно ужасов в концлагерях, которые совершались там в течение ряда лет и особенно над евреями. Всякий, кто принимал участие в таких неслыханных злодеяниях, должен, по мнению германского народа, нести суровое наказание. Это является также точкой зрения подсудимого Функа, которую он выразил в ответе 6 мая 1946 г. американскому обвинению, когда заявил, что он, как человек и как немец, чувствует тягчайшую вину и глубокий стыд за то, что совершили немцы над миллионами несчастных людей.

Господа судьи! Итак я заканчиваю рассмотрение дела Функа. Я коснулся всего, что касается уголовных моментов и что входит в задачи защиты на этом процессе...

Вашей задачей, как судей, будет вынесение справедливого приговора подсудимому Функу, приговора, который не заставил бы его искупать чужую вину, которую он не мог предотвратить и о которой даже не знал; приговора, который установил бы меру его виновности, не политической его виновности, а уголовной, что только и может быть предметом данного процесса; приговора, который имел бы значение не только сегодня, но был бы признан правильным в будущем, когда мы уже отдалимся на необходимое по времени расстояние от ужасных событий и когда беспристрастно рассмотрим все эти вещи как принадлежащие далекой истории; приговора, господа судьи, который удовлетворил бы не только представляемые вами народы, но и был бы воспринят как справедливый и мудрый всем германским народом в целом.

РЕЧЬ ДИКСА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ГЕЛЬМАРА ШАХТА

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 15 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! Исключительный характер дела Шахта становится совершенно очевидным уже при одном взгляде на скамью подсудимых, на которой сидят Кальтенбруннер и Шахт. Какова бы ни была компетенция Кальтенбруннера, но он, во всяком случае, являлся начальником главного имперского управления безопасности. Шахт вплоть до мая 1945 года находился в заключении в различных концентрационных лагерях главного имперского управления безопасности. Это на редкость гротескная картина — главный тюремщик и его узник сидят на одной скамье подсудимых. Сама по себе эта необычная картина уже в начале судебного процесса должна была бы заставить призадуматься всех его участников: судей, обвинителей и защитников.

Установлено, что Шахт был заключен в концентрационный лагерь по приказу Гитлера. Ему предъявили обвинение в государственной измене, измене гитлеровскому режиму. Он был бы осужден «народным судом» во главе с кровавым судьей Фрейслером, если бы, находясь в заключении, не перешел в ведение союзных держав-победительниц. Летом 1944 года на меня была возложена задача защищать Шахта перед «народным судом» Адольфа Гитлера; летом 1945 года меня просили осуществить его защиту в Международном Военном Трибунале. Такое положение вещей само по себе в корне противоречиво. Оно также должно побудить всех участников процесса вдумчиво отнестись ко всему, что касается личности Шахта.

Путем подробного и тщательного представления доказательств перед Трибуналом была полностью раскрыта картина третьей империи. За этой картиной таилось многое. В пределах возможного была воспроизведена также и закулисная сторона. В пределах возможного! Это означает, что такое исследование было ограничено рамками представления судебных

доказательств, и хотя оно и производилось тщательно, все же в силу Устава должно было закончиться, по возможности, скорее. Чтобы понять, как выглядела Германия при Гитлере, многое должно быть воспринято Трибуналом интуитивно.

Невозможно охватить гитлеровскую Германию государственно-правовыми понятиями с точки зрения человека, обладающего правовой культурой.

Меня, как защитника подсудимого Шахта, не интересуют многие преступления, о которых может идти речь, потому что обвинение Шахта должно рассматриваться независимо от действий других, и только лишь исходя из оценки его собственных действий, которые не содержат в себе никакого преступления...

Шахт заявил здесь, что он чувствует себя жестоко обманутым Гитлером. Этим он признал ошибочность некоторых своих взглядов и действий. Обвинение оспаривает добрую волю Шахта и обвиняет его в том, что он умышленно и сознательно в качестве финансового агента Гитлера содействовал подготовке агрессивной войны, а поэтому, с точки зрения заговора, должен нести уголовную ответственность за все злодеяния и жестокость, которые были совершены другими в ходе войны. Обвинение не могло привести прямых доказательств этому утверждению. Оно попыталось сделать это, ссылаясь на отдельные, неправильно истолкованные и выхваченные из общего контекста высказывания Шахта. Затем обвинение ссылалось на свидетелей, которые не могли быть вызваны для допроса в суд, потому что одни из них отсутствуют, а другие — умерли. Я напоминаю о письменных показаниях Мессерсмита и Фуллера и о записях в дневнике посла Додда...

Обвинение попыталось обосновать обвинение Шахта теми действиями, которые бесспорно установлены. Шахт был противником Версальского договора, утверждает обвинение. В действительности он был им. Этот факт сам по себе обвинение не вменяет ему в вину. Однако оно делает из него тот вывод, что Шахт хотел насильственным путем освободиться от обязанности этого договора. Шахт был сторонником колониальной политики, утверждает обвинение. Да, он действительно был сторонником колониальной политики. Это ему не вменяется в вину. Однако отсюда делается вывод, что он стремился к захвату колоний силой и т. д. Шахт работал совместно с Гитлером в качестве президента рейхсбанка и министра экономики. Отсюда делается вывод, что он являлся носителем нацистской идеологии. Шахт являлся членом имперского совета обороны, следовательно, был сторонником агрессивной войны; содействовал финансированию вооружений в первый период до начала 1938 года, следовательно, хотел войны. Шахт приветствовал присоединение Австрии, следовательно, был согласен с полити-

кой насилия, применявшейся в отношении этой страны. Он приветствовал «новый план» в области торговой политики, отсюда делается вывод, что хотел обеспечить поставку военного сырья. Шахт заботился об обеспечении жизненных потребностей избыточного населения Центральной Европы, следовательно, стремился к нападению на чужие страны и к уничтожению народов. Шахт неоднократно предупреждал мир о недопустимости проведения политики подавления Германии и моральной диффамации ее, следовательно, Шахт угрожал войной. Поскольку не нашлось никакого письменного доказательства того факта, что Шахт вышел в отставку в результате его несогласия с политической войны, делается вывод, что он вышел в отставку исключительно в результате своего соперничества с Герингом. Можно было бы бесконечно продолжать перечень неправильных выводов. Их кульминационной точкой является такое заключение: Гитлер никогда не пришел бы к власти, если бы не было Шахта; Гитлер никогда не смог бы осуществить вооружения Германии, если бы ему не помог Шахт.

Шахт в своих речах и письменных произведениях никогда не пропагандировал насилия или войны. Ему, как признанному политику в области хозяйства, более чем кому-либо другому было ясно, что война никогда не может решить данный вопрос, даже если она будет выиграна. Во всех высказываниях Шахта неизменно выявляются его пацифистские воззрения, и, пожалуй, особенно четко они были выражены им на берлинском международном торговом конгрессе, когда Шахт в присутствии Гитлера, Геринга и других главарей этого режима сказал: «Поверьте мне, друзья мои, народы хотят жить, а не умирать».

Чтобы понять образ действий Шахта как сразу после прихода Гитлера к власти, так и позднее, когда он убедился в роковых действиях последнего, необходимо иметь перед глазами ясную картину губительного влияния Гитлера и сущности его режима, так как оба эти момента составляют ту почву, на которой возникли действия Шахта и которой можно все объяснить...

К сожалению, Германия оказалась самым первым и, я надеюсь, последним примером создания режима тирании и деспотизма с помощью дьявольской демагогии. Не подлежит никакому сомнению, что гитлеровский режим представлял собой деспотию одного человека, прообразы которой можно найти лишь в Азии давно прошедших времен... Вот почему для правильного понимания событий необходимо дать оценку личности этого деспота, политического крысолова, исключительного демагога, который, как Шахт с вполне понятным волнением говорил во время его допроса, обманул не только его, но весь германский народ, больше того — весь мир...

Адольф Гитлер... оставался полуобразованным, лишенным всякой духовной сущности мелким буржуа, у которого, кроме того, отсутствовало всякое сознание права.

Шахт не мог понять тогда всего злосчастного характера влияния, которое оказывали Гиммлер и Борман на Гитлера. Впрочем, этого никто не мог понять. Эта тройка культивировала все те преступления, которые составляют сейчас сущность обвинения, так как для Гиммлера политика была равнозначна убийству, а его чисто биологическое созерцание человеческого общества усматривало в последнем конюшню для племенных лошадей, но ни коим образом не социально-этическое единство.

Мне кажется, что сказанного достаточно, чтобы признать, что сотрудничество Шахта с Гитлером не может служить основанием для обвинения его. Из этого факта нельзя делать того вывода, что он соглашался с преступными действиями Гитлера и его режима.

Шахт не оказывал Гитлеру помощи в приходе его к власти. Гитлер был уже у власти, когда Шахт начал для него работать...

В то время, когда Шахт начал служить Гитлеру, — служил, по его мнению, не Гитлеру, а своей стране. Пусть это мнение было совершенно неправильным, а при учете личности Гитлера, как впоследствии оказалось, это мнение было абсолютно неправильным.

Шахт вступил на должность министра экономики лишь после 30 июня 1934 г. Весь ужас событий нам становится понятен только теперь... События 30 июня¹ ни в коей мере не могли быть для Шахта основанием для того, чтобы с отвращением отвернуться от Гитлера, так же как они не помешали правительствам других стран поддерживать с Гитлером дипломатические отношения. То же самое относится к участию Шахта в так называемом совещании промышленников. Здесь я хотел бы только заметить (см. аффидевит Шницлера), что Шахт не руководил этим совещанием и не ведал фондами, предназначенными для национал-социалистской партии.

Доктор Нельте подверг критике моральные качества свидетеля Гизевюса и тем самым поставил под сомнение его показания, касающиеся участия Шахта в заговоре против Гитлера...

Шахт относится к тому небольшому числу людей, которые остались в живых после 20 июля². Как известно, и он должен

¹ Имеется в виду путч Рема 30 июня 1934 г., при ликвидации которого Гитлер жестоко расправился не только с некоторыми из недовольных им штурмовиков, но по его приказу было убито свыше тысячи человек, не имевших отношения к штурмовикам. — Составители.

² Речь идет о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. Адвокат пытается создать впечатление, что Шахт тоже был причастен к заговору, имевшему целью убить обанкротившегося Гитлера. — Составители.

был погибнуть в Флоссбурге, как погибли, я указываю, сотни тысяч жертв политического террора в государстве Гитлера.

Я намеренно, в целях сокращения времени опускаю аргументы, которые суд мог в подробностях слушать при допросе подсудимого, как, например, о не участии Шахта в законодательстве, которое ослабило народ. Это законодательство было введено до его вступления в кабинет. Решающее событие в деле укрепления власти Гитлера — объединение в его лице должностей рейхспрезидента и рейхсканцлера — произошло также без его участия, следовательно, он не несет за это ответственности. На основании этого закона армия присягала на верность Гитлеру. Рейхсканцлер получил не только полицейскую власть, как это было до сих пор, но и власть над армией.

В мои задачи не входит разбирать, на кого ляжет за этот закон политическая ответственность и вместе с тем историческая вина; во всяком случае, не на Шахта. Основные антиеврейские законы возникли прежде, чем Шахт стал министром. Позднейшими нюрнбергскими законами он был сильно потрясен. Распоряжение об исключении евреев из германской экономической жизни от 12 ноября 1938 г. и распоряжение об использовании еврейского имущества от 3 декабря 1938 г. вышли после того, как он покинул пост министра экономики, и поэтому без его активного содействия. Закон о смертной казни за сокрытие валюты был направлен не против евреев. Он возник не по инициативе Шахта, а по инициативе министра финансов. Шахт не хотел, чтобы из-за таких законов произошел раскол, так как считал, что следует заняться решением более сложных задач...

По Уставу наказанию подлежит тот, кто желал войны и связанных с ней ужасов, если действия, которые ставятся ему в вину, совершены в целях осуществления общего плана, или заговора. Такая правовая трактовка вопроса не исключает возможности осуждения Шахта за зверства в отношении евреев. При допросе Шахта судья Джексон неоднократно указывал на то, что подсудимому не вменяется в вину антисемитизм как таковой, его несогласие с Версальским договором, даже его высказывания по поводу так называемого «жизненного пространства» и высказывания о колониальных притязаниях, если это не связано с подготовкой войны.

Он обвиняется во всем этом постольку, поскольку своими действиями способствовал подготовке агрессивной войны.

Поэтому при оценке доказательств я должен коснуться этих проблем. С еврейским вопросом, мне кажется, я закончил. В связи с так называемой проблемой «жизненного пространства» я, пожалуй, могу в целях экономии времени сослаться на то, что сказал Шахт при его допросе. Колониальная проблема

была предметом перекрестного допроса. Своими вопросами господин Джексон стремился доказать, что без мирового господства или по меньшей мере подготовленного военным путем морского господства колониальная деятельность Германии была бы невозможна. Отсюда в ущерб подсудимому Шахту вытекало, что его стремление к захвату колоний было логически обусловлено планированием агрессивной войны. Это — неправильный вывод.

Ничем не доказано, что Шахт в своем стремлении к колониям ставил цель — устранить всякое морское господство другого государства.

Теперь я перехожу к теме о вооружении, то есть к деятельности Шахта как президента рейхсбанка и имперского министра экономики до 1937 года, то есть до того момента, когда лояльный государственный слуга Гитлера сделался заговорщиком против него и вступил на темный путь хитрости и маскировки с целью подготовки покушения.

Обвинение расценивает нарушение Версальского, Локарнского и других договоров как косвенное доказательство, как косвенную улику подготовки агрессии. Это прежде всего вызывает вопрос, имели ли вообще место объективные нарушения договоров, а если да, то должны ли эти нарушения договоров имперским правительством в лице его членов, в том числе и Шахта, рассматриваться как улики, свидетельствующие о наличии агрессивных планов. Невозможно, да и нет необходимости, в рамках защитительной речи исчерпать связанную со всеми этими вопросами проблематику, установить, имели ли в действительности место нарушения договоров. Мой коллега Хорн уже разбирает такой вопрос в своей защитительной речи.

Конечно, милитаризация Рейнской области, а также введение всеобщей воинской повинности, вооружение в таких размерах, как это желал Шахт, присоединение Австрии к Германии, которого в принципе также желал Шахт, противоречат смыслу и тексту указанных договоров, в частности Версальского договора...

Нарушением договора Гитлером было занятие Рейнской области, которое произошло в марте 1936 года. Этот акт нарушал не только Версальский договор, но и Локарнский пакт, заключенный, без сомнения, совершенно добровольно. Буквально через 10 дней после занятия Рейнской области Шахт узнал о том, что после нарушения договора державы, участники Локарнского пакта, предъявили Совету Лиги Наций меморандум, в котором требовали ограничения германского войска в Рейнской области до 35 500 человек, уменьшения числа находящихся там эсэсовцев и членов СА, а также крепостей и аэродромов.

Разве этот меморандум не нужно рассматривать как нарушение договора? Третьим нарушением договора было возведение укреплений на острове Гельголанд, на которое участники договора едва обратили внимание, и о котором Иден 29 июля 1936 г. в своей речи в Палате общин ограничился лишь вскользь сделанным замечанием, что не имеет, мол, смысла осложнять переговоры постановкой отдельных вопросов, подобных этому. Должен ли был германский министр Шахт занять другую, более резкую позицию? А как обстоит дело с террористическим аншлюссом Австрии в марте 1938 года, когда Шахт уже не был имперским министром экономики? Если бы именно этот акт послужил источником, из которого иностранные державы черпнули уверенность в подготовке Гитлером агрессивной войны, то они не отказались бы от применения силы...

Если за границей могли надеяться поддерживать с Гитлером и в дальнейшем мирные отношения, то нужно оставить это право и за Шахтом...

Я хочу напомнить суду, что после отставки Шахта за оба отчетных года, 1938/39 и 1939/40, на вооружение было истрачено 31,5 миллиарда. Это значит, что и без Шахта на вооружение производились затраты, и гораздо большие, чем при нем...

Учреждением мефо-векселей он создал автоматический тормоз для выплаты денег на вооружение. Это мероприятие, несколько смелое в финансово-техническом отношении, с юридической точки зрения было, однако, вполне терпимым.

Мефо-векселя служили финансированию вооружения, но тормозили дальнейшие траты на вооружение после срока наступления платежей, с 1 апреля 1939 г., потому, что империя была обязана их компенсировать. Предвидения Шахта оправдались. Увеличение затрат повлекло такое повышение государственных налогов, что выкуп мефо-векселей при наступлении срока, то есть через пять лет, стал бы нетрудным.

Кейтель показал, что в бюджетном году, начавшемся 1 апреля 1938 г., на вооружение было истрачено на 5 миллиардов марок больше, чем в предыдущем, несмотря на то, что 1 апреля 1938 г. частные кредиты имперским банком были закрыты.

Половины этих пяти миллиардов было бы достаточно для того, чтобы в начавшемся апреле месяце 1939 бюджетного года уплатить по мефо-вексям, срок уплаты по которым уже подходил... Он ограничил срок оборота мефо-векселей с самого начала пятью годами. То, что Гитлер просто не будет платить по вексям и нарушит свое обещание, Шахту, конечно, не могло быть известно.

Меморандум имперского банка от ноября 1938 года повлек за собой отставку Шахта...

То обстоятельство, что он остался министром без портфеля, должно было помочь ему в получении информации о событиях, которыми интересовалась на пути достижения своих целей его заговорщическая группа больше, чем если бы он совсем отстранился от дел. Факт вооружения как таковой, таким образом, не может служить доказательством того, что Шахт сознательно принимал участие в подготовке агрессивной войны...

Отмечая тот факт, что Шахт был членом имперского правительства (до января 1938 года министром экономики, а затем до января 1943 года — министром без портфеля), обвинение считает его, как и все имперское правительство, ответственным за военные нападения Гитлера, имевшие место в тот период времени. Эта аргументация действует убедительно на того, кто исходит из нормального понятия имперского правительства...

Имперский кабинет, который Гитлер называл клубом пораженцев, в последний раз собрался в 1938 году и то лишь с целью выслушать сообщение Гитлера, а не для делового обсуждения вопросов и принятия решений. Гитлер умышленно скрывал от имперского кабинета политически важные дела. То же самое относится и к членам имперского совета обороны, который весной 1939 года Гитлер окончательно отстранил от дальнейшей подготовки к войне...

Если здесь один из подсудимых говорил о единстве германского народа во время второй мировой войны в противоположность первой, я должен возразить ему, так как едва ли когда-либо в своей истории германский народ был внутренне так расколот, как во время существования третьей империи. Кажущееся единство было только спокойствием кладбища, вызванным террором. Отражением внутренней раздробленности германского народа, державшейся только искусственно в тайне вследствие террора гестапо, были противоречия между отдельными высокопоставленными лицами, о которых мы здесь говорили. Чтобы дать несколько примеров, я упомяну о том, что здесь перед нами выступили противоречия между Гиммлером и Франком, Гиммлером и Кейтелем, Заукелем и Зельдте, Шелленбергом и Канарисом, Борманом и Ламмерсом, СА и СС, вооруженными силами и СС, СД и юстицией, Риббентропом и Нейратом и т. д. Даже в отношении идеологии партия была расколота на многочисленные группы, что выяснилось в начале слушания дела уже из показаний Геринга. Эти противоречия были принципиальными, и Гитлер не примирял их, а усугублял. Они были клавиатурой власти, на которой он играл. Министры не были ответственными руководителями, они были не чем иным, как профессионально обученными служащими, которые

должны были выполнять указания. Если какой-нибудь министр, как, например, Шахт, не подчинялся этому, то дело доходило, как и у него, до конфликта и отставки. Поэтому в преступлениях Гитлера, которые он совершил, навязав своему собственному народу и человечеству агрессивную войну, не мог принимать участие ни один заговорщик, а только служившие Гитлеру его помощники...

При таком положении власти в третьей империи можно предположить, что было преступное соучастие или преступное пособничество, но не групповое уголовное преступление, каким является заговор. Вопрос о том, является ли каждый из подсудимых соучастником в совершенном Гитлером преступлении развязывания агрессивной войны, может быть рассмотрен и решен индивидуально в каждом отдельном случае.

Я рассмотрю его в этой плоскости только в отношении Шахта.

Даже при наличии объективного факта заговора в какой-либо части обвинения и даже при самой широкой трактовке понятия заговора заговорщик должен согласиться с планом заговора и с целью заговора, хотя бы частично, в форме «*dolus eventuelis*».

Если судья Джексон во время перекрестного допроса предъявил Шахту фотографии и фильмы, которые с внешней стороны документируют связь его с Гитлером и его паладинами, то это могло произойти только потому, что он старался завуалировать свою неприязнь к Гитлеру. Поэтому мне необходимо будет коснуться вопроса о фотографиях и о такого рода аргументации.

Судья Джексон дополнил предъявление фотографий цитированием речей, из которых можно сделать вывод, что Шахт даже во время путча был предан Гитлеру. Это представление цитат можно рассматривать в той же плоскости. Я думаю, что такая аргументация является несостоятельной и не может устоять ни перед жизненным опытом, ни перед историей... Он, как заговорщик, должен был особенно маскироваться. Это должен был делать каждый, кто жил в Германии при таком режиме...

Шахт, уходя с должности министра экономики и с поста президента имперского банка, с января 1939 года по 1943 год оставался министром без портфеля. Шахт говорил о том, что это было условием, которое поставил перед ним Гитлер перед тем, как он был снят с должности в министерстве экономики.

Для того, чтобы его уволили с этой должности, необходима была подпись Гитлера как главы государства. И если бы Шахт не захотел остаться министром без портфеля, то совершенно

очевидно рано или поздно был бы арестован как подозрительная личность в политическом отношении...

Он предстает перед Трибуналом, доверяя ему, как он это высказал в своем заявлении, посланном Трибуналу в начале процесса. Выдвинутые против него обвинения уголовного порядка он рассматривает с чувством полной уверенности в своей невиновности, и вправе делать это, ибо, кто бы ни был признан виновным и несущим уголовную ответственность за войну, зверства и бесчеловечность, которые были совершены во время ее, Шахт после установления обстоятельств дела может послать слова проклятия виновникам.

Я ходатайствую о признании Шахта невиновным в предъявленных ему обвинениях и прошу оправдать его.

РЕЧЬ КРАНЦБЮЛЛЕРА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО КАРЛА ДЕНИЦА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 15 и 16 июля 1946 г.]

Господин председатель! Господа судьи! «Война — жестокая вещь. Она влечет за собой несправедливость и преступления».

Этими словами Плутарха Гуго Гроций начинает исследование вопроса об ответственности за военные преступления, и они так же правдивы сегодня, как и две тысячи лет тому назад. Во все времена стороны, ведущие войну, совершали действия, которые были военными преступлениями или рассматривались как таковые противной стороной...

Если в сухопутной войне господствуют в известной степени твердые правила ведения военных действий, то в морской войне испокон веков воззрения участников в отношении международного права всегда сильно рознились...

На этом процессе выдвинуто обвинение против двух адмиралов за такое ведение морской войны, которое называется преступным.

Каковы же эти обвинения? Они делятся на две большие группы: незаконное потопление судов и намеренное убийство людей, оставшихся в живых после потопления судна.

Сначала я займусь обвинением относительно незаконного потопления судов.

В основу этого обвинения легли два доклада господина Роджера Аллена из британского министерства иностранных дел, относящиеся к осени 1940 года и весне 1941 года. В докладах одна пятая незаконных нападений приписывается подводным лодкам, а четыре пятых — минам, самолетам и надводным вооруженным силам. Четыре пятых обвинение отбрасывает, и эту сдержанность можно объяснить тем, что использование боевых средств британской стороной ничем не отличается от использования их германской стороной...

Доклады господина Роджера Аллена достигают своей кульминационной точки в утверждении, что германские подводные

лодки, начиная с лета 1940 года, торпедировали все, что попало под их торпедные аппараты. Без сомнения, методы ведения подводной войны постепенно обострились под давлением ряда мероприятий, направленных против Германии. Однако, эта война никогда не принимала формы дикой стрельбы, которая производилась бы только по соображениям целесообразности...

Юридической основой ведения подводной войны Германией в начале войны являлся Лондонский протокол 1936 года. Все пункты его были дословно перенесены в статью 74 германских правил взятия призов, которые даже господин Роджер Аллен считает достаточно разумными и не лишенными человечности.

Правила о взятии призов в формулировке 1938 года были направлены двум существовавшим тогда подводным флотилиям и подводной школе и служили основой обучения командиров подводных лодок. Задержание и досмотр торговых судов рассматривались как тактические задачи. Чтобы облегчить командирам подводных лодок в войне против торговых судов быструю и правильную оценку юридического положения по отношению к судну и грузу противника и нейтрала, были сконструированы так называемые призовые диски, которые с помощью несложного приема дают указания, на какие статьи следует ссылаться в порядке о взятии призов. В той степени, в какой для ведения подводной войны против торгового судостроения вообще были приняты какие-либо подготовительные меры, они основывались исключительно на германских правилах взятия призов и тем самым на Лондонском протоколе.

Этих юридических основ германское верховное командование действительно придерживалось в начале войны. В боевых директивах подводным лодкам от 3 сентября 1939 г. содержался ясный приказ о ведении подводной войны согласно правилам взятия призов: потопление допустимо лишь после задержания и досмотра в тех случаях, когда судно пыталось уйти или оказывало сопротивление. Поэтому верно то, что констатирует господин Роджер Аллен, что германские подводные лодки в первые недели войны строго придерживались Лондонского соглашения.

Почему это положение не осталось таким же и далее? Потому, что поведение противной стороны сделало невозможным применение таких методов с военной точки зрения и одновременно создало юридические предпосылки для их изменения.

Основной причиной было полное вооружение вражеского торгового флота. Уже 6 сентября 1939 г. одна немецкая подводная лодка подверглась артиллерийскому обстрелу с британского парохода «Манавр», и это послужило сигнальным выстрелом для начала крупных конфликтов, которые имели место

между подлодками, с одной стороны, и вооруженными, оснащенными артиллерией и глубинными бомбами торговыми судами с другой, как между равноценными военными противниками...

Все эти меры противника я иллюстрировал несколькими примерами, которые не хотел бы повторять. Они ясно показывают, что дальнейшие действия против торговых судов на основе правил ведения войны были уже невозможны с военной точки зрения и означали самоубийство для подводной лодки. Несмотря на это, германское командование еще несколько недель не изменяло своих действий на основании правил о взятии призов. Лишь после того, как было установлено, что в отношении действий вражеских торговых судов, в частности, в отношении использования оружия, речь идет не об отдельных случаях, а об общепринятых мерах, 4 октября 1939 г. был издан приказ о потоплении без предупреждения всех вооруженных торговых судов противника. Торговый корабль, будучи вооружен, не подпадает под защиту от потопления без предупреждения, которая признается за торговыми судами Лондонским соглашением.

Во время перекрестного допроса обвинение назвало подобное изложение Лондонского соглашения неверным. Оно в узкой дословной интерпретации считает потопление торгового судна допустимым лишь только после того, как оно оказало активное сопротивление.

Специалисты по международному праву после Лондонского соглашения и подписания лондонского протокола 1936 года рассматривают вопрос об обращении с вооруженным торговым судном в войне на море как вопрос неразрешенный. Здесь я хотел бы указать на один лишь источник, который пользуется высоким авторитетом, — это проект соглашения о правах и обязанностях нейтральных держав в войне на море, опубликованный в июле 1939 года ведущими американскими профессорами международного права Джессупом, Борхардом и Чарльзом Уорреном с обоснованием, которое дает прекрасный обзор новейших мнений по этому вопросу. Статья 54 проекта дословно соответствует тексту Лондонского соглашения 1936 года с одним важным исключением: выражение «торговое судно» заменено выражением «невооруженное судно».

Приказы британского адмиралтейства частично содержатся в «секретных приказах по флоту», главным образом в «руководстве по обороне торгового судостроения», изданном в 1938 году.

В них предписывается:

1. сообщать о подводных лодках с помощью радиотелеграфа;
2. использовать корабельную артиллерию;
3. использовать глубинные бомбы.

Эти директивы дополнены переданным в октябре 1939 года по радио приказом таранить все германские подводные лодки. В действительности во всех случаях торговое судно с самого начала войны имело приказ стрелять по любой подводной лодке, которая появлялась в сфере дальнобойности его орудий. Так действовали все капитаны британских торговых судов.

Большое значение, по-видимому, имела британская пропаганда в связи с потоплением по недоразумению немецкой подводной лодкой английского пассажирского судна «Атения», имевшим место 3 сентября 1939 г. Через агентство «Рейтер» 9 сентября был распространен слух о неограниченной подводной войне. Германский приказ о торпедировании без предупреждения вражеских вооруженных торговых судов был издан только 4 октября. Таким образом, он был оправдан во всех отношениях, даже, если хотят признавать различие в обращении с судами с оборонительным или наступательным оружием.

Общее значение и большую опасность для подводных лодок имел, однако, приказ немедленно сообщать тип и местоположение всякого замеченного вражеского судна. Если вспомнить, что в силу соглашения о госпитальных судах даже госпитальные суда теряют свой иммунитет, если они передают военные сведения подобного характера, то не может быть никакого сомнения в неизбежности последствий подобных действий для торгового судна. Тот, кто выходит в море с приказом и стремлением при всякой возможности передавать собственным военно-морским и воздушным силам военные сведения о противнике, принимает участие в течение всего своего рейса в военных действиях и согласно упомянутому докладу комитета юристов от 1930 года не может претендовать на то, чтобы его рассматривали как торговое судно.

17 октября 1939 г. был издан приказ атаковать без предупреждения все вражеские торговые суда...

На пассажирские пароходы приказы, имевшие силу в отношении остальных судов, распространили лишь с начала 1940 года.

Теперь я перехожу к обращению с нейтральными судами в практике ведения германской подводной войны.

Для германских подводных лодок до последнего дня войны существовал принципиальный приказ не атаковать опознанные нейтральные торговые суда. Из приказа существовали точно установленные исключения, о которых в нотах было сообщено нейтральным государствам. Они относились, во-первых, к судам, которые вели себя подозрительно или враждебно, и, во-вторых, к судам в запретных зонах операций.

К первой группе прежде всего относятся те суда, которые идут с потушенными огнями в зонах военных действий. 26 сен-

тября 1939 г. командующий подводным флотом ходатайствовал перед главным командованием военно-морскими силами о разрешении проводить атаки без предупреждения на затемненные суда в Канале. Военно-морской штаб удовлетворил ходатайство командующего подводными лодками...

24 ноября 1939 г. германское правительство направило всем нейтральным странам, имеющим торговый флот, ноту, в которой оно указало, что в водах вокруг британских островов и вблизи французского побережья оно не может больше гарантировать безопасности нейтрального судоходства, так как в условиях боевых действий с противником больше нельзя было считаться с нейтральным судоходством.

После разгрома Франции летом 1940 года Британские острова стали центром военных событий. 17 августа 1940 г. имперское правительство сообщило в ноте нейтральным правительствам о том, что весь район боевых действий вокруг Англии без всякого ограничения объявлялся районом операций.

Начиная с этого момента, район использовался в полном объеме. Всем военно-морским и военно-воздушным силам разрешено было немедленно применять оружие против встреченных там судов, если не давался приказ об отдельных исключениях.

Председатель: Вы утверждаете, что любая страна, находящаяся в состоянии войны, имеет право объявить районом боевых действий ту зону, которую она считает подходящей и отвечающей ее интересам. Я спрашиваю Вас, зависит ли право объявления какой-нибудь зоны районом боевых операций, если вообще такое право существует, от возможности или способности страны, объявившей эту зону, укрепить ее для того, чтобы предотвратить вхождение туда судна, не захватывая и не подвергая его обстрелу.

Кранцбюллер: Господин председатель, в науке, мне кажется, еще нет единого мнения по этому вопросу. В отличие от области блокады в классическом смысле этого слова, когда необходима полная эффективность, район боевых операций предусматривает только эффективную угрозу ввиду происходящих там военных операций, и я считаю, что как раз эта эффективная угроза имела место в германском районе боевых действий.

В этой связи я должен упомянуть также приказ от 18 июля 1941 г., которым суда США в районе операций приравнивались к судам всех других нейтральных стран, то есть на них разрешалось нападать без предупреждения...

Я постарался показать Трибуналу наиболее важные приказы и сказать кое-что об их юридическом обосновании. Без сомнения, имели место случаи, когда атаке подвергались суда,

которые согласно названным приказам нельзя было атаковать. Однако таких случаев немного, и о некоторых из них говорили здесь, на процессе. Самый известный случай — это потопление английского пассажирского парохода «Атения» 3 сентября 1939 г. подводной лодкой «У-30», командиром которой был капитан-лейтенант Лемп. Потопление объясняется тем, что командир подводной лодки принял его ошибочно за вспомогательный крейсер...

Командующий подводным флотом приказал изъять из судового журнала подлодки «У-30» запись о потоплении «Атении» и дополнить его таким образом, чтобы изъятие записи не бросалось в глаза.

Как видел Трибунал, приказ был выполнен не очень хорошо, по-видимому, потому, что офицер, который занимался этим, не имел практики.

Обвинение представило факт изменения судового журнала как особо преступный акт подлога...

Я не занимался здесь вопросом о том, кто из обвиняемых адмиралов в большей или меньшей степени несет за то или иное действие ответственность. Формально почти во всех случаях имелись приказы фюрера. Однако оба адмирала заявили, что полностью берут на себя ответственность за все приказы в связи с морской войной, которые они отдали или передали...

Я перехожу ко второму основному разделу обвинения, преднамеренному убийству экипажей потопленных судов. Это обвинение направлено только против адмирала Деница, а не против адмирала Редера.

Юридические принципы обращения с оставшимися в живых после потопления судов, на которые распространяется Лондонское соглашение 1936 года, указаны в самом протоколе. В нем говорится, что до потопления следует обеспечить спасение его экипажа и пассажиров.

В отношении всех судов, на которые не распространяется Лондонский протокол, их потопление рассматривается как военные действия. Юридическими принципами для обращения с оставшимися в живых является в этих случаях Гаагская Конвенция относительно применения положений Женевской Конвенции к морской войне от 18 октября 1907 г., хотя она и не была ратифицирована Великобританией.

Согласно этой Конвенции после каждого боя обе стороны должны принять соответствующие меры для розыска оставшихся в живых, насколько это допускают военные цели. Немецкие подводные лодки придерживались также принципа оказания помощи экипажу тех судов, которые были потоплены без предупреждения, если:

1. подводная лодка не подвергалась опасности и

2. не наносилось ущерба выполнению поставленной ей военной задачи...

Основной приказ о действиях подводных лодок был издан штабом военно-морского флота 4 октября 1939 г. Он предусматривал спасение экипажей потопленных судов, если для этого предоставлялась возможность с военной точки зрения. Данные мероприятия на время были ограничены приказом за номером 154, изданным в декабре 1939 года, касавшимся тех немногих подводных лодок, которые тогда оперировали непосредственно у английского побережья. Когда по окончании норвежского похода действия подводных лодок постепенно переместились в свободную часть Атлантического океана, этот приказ потерял свое значение и осенью 1940 года был отменен.

В последующее время немецкие командиры предпринимали спасательные мероприятия, если они могли оправдать это в военном отношении...

Такое положение изменилось в результате приказа от 17 сентября 1942 г., которым адмирал Дениц категорически запретил спасательные меры. Приказ гласил:

«Не должно предприниматься никаких попыток к спасению членов экипажей потопленных судов. Спасение противоречит элементарнейшим требованиям ведения войны на уничтожение вражеских кораблей и экипажей».

Обвинение оспаривает, что здесь речь действительно идет о запрещении спасательных мер. Оно рассматривает приказ как завуалированный приказ к умерщвлению утопающих, и в мировой прессе этот приказ истолковывался как призывающий к убийствам...

Каким же образом обвинение пришло к заключению, что данный приказ является «приказом об убийствах»?

Его исходным пунктом является разговор между Гитлером и японским послом Осима в январе 1942 года, во время которого Гитлер высказался о перспективе издания приказа подводному флоту об умерщвлении оставшихся в живых членов экипажей потопленных кораблей. Это сообщение, включает обвинение, Гитлер, вне всякого сомнения, реализовал, а адмирал Дениц провел его в жизнь своим приказом о «Лаконии».

В действительности фюрер в связи с докладом по вопросам подводного флота, который должны были сделать ему оба адмирала в мае 1942 года, сам проявил инициативу в вопросе о применении активных мер против экипажей потопленных судов, то есть их расстреле.

Затем обвинение привело приказ о нападении на так называемые «спасательные суда» как доказательство того, что существовало намерение уничтожать людей, оставшихся

в живых после потопления судна. Но таким лицом является только тот, кто находится в воде или в спасательной лодке...

Капитан 3-го ранга Меле некоторым командирам подводных лодок намекнул, что приказ о «Лаконии» требует или, по крайней мере, одобряет уничтожение людей, оставшихся в живых после потопления судна.

Мне кажется, что на этом процессе не было выяснено, как, собственно, Меле пришел к такому истолкованию приказа. Он утверждает, что капитан 2-го ранга Купиш рассказал ему в штабе командования подводным флотом историю подводной лодки «У-386», командир которой по возвращении с боевой операции в штабе командования подводных лодок получил порицание за то, что не расстрелял находившихся в надувной резиновой лодке летчиков. Этот рассказ Меле не соответствует действительности. На основании дневника военных действий и с помощью свидетелей доказано, что командиру подводной лодки «У-386» сделано порицание за то, что он не взял летчиков на борт и не доставил их на базу.

Насколько мне известно, в этой войне с германской стороны имел место лишь один случай расстрела оставшихся в живых, а именно случай с капитан-лейтенантом Экком.

Он не хотел уничтожать людей, а хотел устранить обломки и плоты, обнаружение которых могло бы дать основание летчикам союзников заключить, что в этой части моря находятся германские подводные лодки. За такие действия Экк вместе с двумя своими офицерами был приговорен союзниками к смерти.

Военно-морское командование заявило ставке фюрера о том, что оно отказывается применять репрессалии в виде уничтожения оставшихся в живых членов команд судов противника.

Я должен еще разобрать другие пункты обвинения против гросс-адмирала Деница, не имеющие отношения к морской войне.

Прежде всего речь идет об обвинении в подготовке агрессивных войн. Известно, насколько большое сопротивление вызвало именно это обвинение в среде профессиональных офицеров, пожалуй, всех союзных стран. Отвечая на подобные нападки со стороны общественности, судья Джексон следующим образом сформулировал мысли обвинения по этому пункту на пресс-конференции 4 декабря 1945 г.:

«Я объяснил, что мы преследуем этих милитаристов не потому, что они служили своей стране, а потому, что они господствовали в ней и привели ее к войне; не потому, что они вели войну, а потому, что они привели к агрессивной войне».

К началу войны Дениц был сравнительно молодым командиром, его единственная задача состояла в обучении и руко-

водстве подводными лодками, он не принадлежал к генеральному штабу в том смысле, как это имеет в виду обвинение, и не принимал участия ни в одном из совещаний, записи о которых были представлены здесь в качестве доказательств о наличии агрессивных намерений.

Когда адмирал Дениц 1 февраля 1943 г. был назначен главнокомандующим военно-морским флотом, война для Германии перешла в стадию обороны, даже опасных контрнаступлений на всех фронтах. Этот факт может иметь значение для вопроса об участии в так называемом заговоре. Обвинению не совсем ясно, с какого именно момента оно хочет приписать подсудимому Деницу участие в заговоре...

Адмирал Дениц познакомился с фюрером лишь осенью 1934 года, явившись к нему по военным делам, а в последующие годы имел с ним короткие беседы всего 8 раз, всегда о военных вопросах и никогда с глазу на глаз. Так как подсудимый, кроме того, не принадлежал ни к одной организации, которая обвиняется в заговоре, я не вижу никакой связи Деница с этим заговором до 1 февраля 1943 г. Вследствие назначения на пост главнокомандующего военно-морскими силами он стал членом имперского правительства. Основой этого утверждения служит распоряжение, согласно которому главнокомандующие сухопутных и военно-морских сил получали ранг имперского министра и по распоряжению Гитлера должны были принимать участие в заседаниях кабинета.

Ясно, что лицо, лишь получившее ранг имперского министра, не является в действительности имперским министром. Оно не является также членом кабинета, если может принимать участие в его заседаниях лишь на основании особого распоряжения...

Гросс-адмирал всегда участвовал в обсуждении обстановки у фюрера, если находился в главной его ставке. О всех встречах и совещаниях главнокомандующего его сопровождающие вели записи, которые находятся в руках обвинения. Но оно не представило ни одной записи, согласно которой главнокомандующий военно-морским флотом принимал бы участие в докладе или в решении политического вопроса, и можно, пожалуй, полагать, что подобных записей вообще не существует. Но тем самым подтверждаются показания свидетелей о том, что обсуждение обстановки у фюрера не имеет ничего общего с заседанием правительства и что оно было исключительно инструментом военного руководства.

Таким образом, ни в коем случае не существует общей ответственности гросс-адмирала за все происшествия и события с 1943 года, которые были охарактеризованы на процессе как преступные...

Деницу ставятся в вину только такие дела, в отношении которых он принимал непосредственное участие.

Это относится прежде всего к приказу фюрера об уничтожении диверсионных отрядов от 18 декабря 1942 г. ...Дениц, как он сам признал это, читал его осенью 1942 года, будучи командующим подводным флотом... Приказ о том, чтобы не давать этим людям пощады и в определенных случаях передавать их СД, сам по себе нарушает обычаи войны, это признает всякий высший офицер.

Обвинение полагает, что адмирал Дениц через несколько месяцев после того, как стал главнокомандующим военно-морскими силами, должен был и имел возможность осведомиться о причинах издания приказа о диверсантах.

Здесь я должен сказать, что приказы о военных мероприятиях на суше издавались без сотрудничества штаба военно-морских сил и об их исполнении в штабе военно-морских сил не докладывалось.

Такой порядок издания приказов о территориальных задачах объясняет также полную неосведомленность Деница и его сотрудников в штабе военно-морских сил о передаче экипажа норвежского торпедного катера МБТ-345 службе безопасности после его взятия в плен частями адмирала фон Шрадера. Как следует из протоколов суда над военными преступниками в Осло, штаб военно-морских сил получил лишь сообщение о бое и о захвате торпедного катера и о количестве пленных. Во всех остальных вопросах согласно приказу о «командос» адмирал фон Шрадер договаривался с командующим в Норвегии. Решение о судьбе экипажа было прислано из главной ставки фюрера на запрос гаулейтера Тербовена...

Вторую попытку обвинения установить участие в заговоре для совершения военных преступлений я вижу в представленном протоколе допроса адмирала Вагнера по вопросу о выходе из Женевской Конвенции в начале 1945 года. Подробности становятся ясными из свидетельских показаний Вагнера. Согласно этим показаниям при обсуждении положения 17 февраля Гитлер указал на то, что вражеская пропаганда о хорошем обращении союзников с военнопленными явно производит впечатление на находящиеся на западе войска, и было доложено о большом количестве перебежчиков. Он приказал рассмотреть вопрос о выходе из Женевской Конвенции. Таким путем он стремился убедить собственных солдат в том, что они больше не могут рассчитывать на хорошее обращение с ними как с военнопленными, и подорвать действие вражеской пропаганды. Через два дня Гитлер снова вернулся к этой мысли, но теперь на переднем плане стояло другое обоснование. Он охарактеризовал ведение войны противником на востоке и воздушные налеты на

немецкое гражданское население как полный отказ противника от соблюдения международного права и теперь, со своей стороны, хотел путем отказа от Женевской Конвенции освободиться от всяких обязательств. Он вновь запросил вооруженные силы об их мнении, и при этом обратился прямо к гросс-адмиралу Деницу. Дениц не дал никакого ответа. Позиция военного руководства в данном вопросе была недвусмысленно отрицательной. Перед обсуждением положения на следующий день имела место 10-минутная беседа между Деницем, генерал-полковником Иодлем и послом Гевелем, во время которой Дениц сообщил о своем отрицательном отношении. Судя по заметке адмирала Вагнера, он сказал:

«Лучше принять необходимые меры без всякого о том оповещения и хранить для внешнего мира, на всякий случай, прежнюю мину».

Обвинение видит в этом готовность и желание выдать сотни тысяч союзных военнопленных на произвольное убийство.

Сам адмирал Дениц не помнит такой фразы. Это и не удивительно, так как речь идет не о протоколе, а о резюме довольно длительного разговора в четырех фразах, которые были сформулированы лишь на следующий день после разговора и написаны адмиралом Вагнером...

Адмирал Дениц не одобрял отказа от Женевской Конвенции, и Гитлер вследствие очевидного отрицательного отношения всех военных руководителей вообще не настаивал на этой мысли...

Переходя теперь к заговору для совершения преступлений против человечности, я хотел бы сперва указать на то, что против подсудимого Деница согласно пункту 4 обвинения не выдвигается обвинение в непосредственном совершении преступлений против человечности. В индивидуальном обвинении даже ничего не говорится об участии в заговоре для совершения преступлений против человечности... Несмотря на это, обвинение представило некоторые документы, которые внешне должны обосновать его совместную ответственность за известные преступления против человечности.

Передача предложения министерства вооружения об использовании на верфях 12 тысяч человек из концентрационных лагерей в качестве рабочих является для обвинения доказательством того, что адмирал Дениц знал и одобрял арест невиновных, жестокое обращение с ними и их умерщвление в концентрационных лагерях.

Фактически он знал, конечно, что существуют концлагеря и что в лагерях, кроме уголовных преступников, содержатся политические заключенные... но это не может быть вменено ему в вину... Главнокомандующему военно-морскими силами, а

также его сотрудникам, как и подавляющей части немецкого народа, не было известно о совершаемых в концентрационных лагерях истязаниях и убийствах...

В заключение обвинение установило связи также с еврейским вопросом с помощью одного высказывания, в котором Дениц говорил о «ползучем яде еврейства». Относительно этого я констатирую:

План уничтожения еврейства не был известен Деницу, как не было известно и выполнение его. Ему было известно о переселении проживавших в Германии евреев в генерал-губернаторство...

Дениц никогда не отождествлял себя с партией и поэтому не может, конечно, привлекаться к ответственности за ее идеологические стремления или даже эксцессы...

Я ни в коем случае не хочу создать впечатление, что адмирал Дениц не был национал-социалистом.

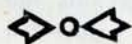
Напротив. Я как раз на его примере хочу показать неправильность тезиса, что каждый национал-социалист как таковой должен быть преступником. Этот Трибунал является единственной инстанцией, в которой авторитетные деятели главных союзных держав подробно и непосредственно занимаются немецким прошлым последних 12 лет. Он является единственной надеждой очень многих немцев для устранения роковой ошибки и, таким образом, открывает путь к политическому оздоровлению.

Сознание ответственности побудило Деница после вступления его на пост главы государства 1 мая 1945 г. прекратить военные действия на западе, а на востоке задержать еще на несколько дней капитуляцию.

Возвращаясь к исходному пункту обвинения, следует сказать, что Дениц ничего не сделал для того, чтобы начать войну, и сделал решающий шаг для того, чтобы ее окончить.

В начале своей речи я указал на те сомнения, которые данный процесс военных преступников пробуждает в груди юриста. Они возникают у каждого, кто разделяет ответственность за такой процесс...

Да будет приговор этого Трибунала представлен суду истории!

РЕЧЬ ЗИМЕРСА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ЭРИХА РЕДЕРА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 16 и 17 июля 1946 г.]

Высокий Суд! В своей защитительной речи по делу подсудимого гросс-адмирала доктора Редера при изложении материала я хочу придерживаться той же последовательности, что и в своих книгах документов и при предъявлении доказательств. Я полагаю, что это облегчит рассмотрение дела в целом.

Редер, которому недавно исполнилось 70 лет, с 18 лет, то есть примерно в течение полувека и притом в период, богатый событиями, был солдатом и только солдатом душой и телом. Хотя он всегда знал только свой солдатский долг, обвинение на этом большом процессе против национал-социализма обвиняет его не только как солдата — командующего германским военно-морским флотом, но как политического деятеля, как политического заговорщика и члена правительства, хотя все три функции в действительности ему свойственны не были. Поэтому передо мной стоит своеобразная задача: защищать Редера как политического деятеля, хотя, как я покажу, его жизненный принцип состоял в том, чтобы быть совершенно аполитичным офицером и руководить офицерским корпусом и военно-морским флотом, которые также должны были оставаться совершенно аполитичными.

Если я предположу эти соображения, то станет ясно, почему Редер, как показывает его допрос, отчужденно и удивленно встретил обвинения.

Само собой разумеется, я остановлюсь также и на военных преступлениях, за исключением тех, которые касаются ведения подводной войны, на которых уже остановился доктор Кранцбюллер также и по делу Редера. Обвинение о нарушении Версальского договора включается в заговор, поэтому я коснусь его.

Редер прямо признал, что нарушения договора имели место. Однако небольшой масштаб этих нарушений свидетельствует о том, что они не могли быть связаны с планами ведения агрессивных войн. Кроме того, я хотел бы добавить, что

с юридической точки зрения нарушение договора не может рассматриваться как преступление. Согласно аргументации обвинения наказуемое действие имеется налицо только в том случае, если нарушение было сделано с преступными намерениями, то есть было направлено вопреки пакту Бриана — Келлога на ведение агрессивной войны.

Несколько иначе обстоит дело с обвинением германского военно-морского флота в строительстве подводных лодок в Голландии. При этом обвинение опиралось на документ за номером С-156, книгу капитана 1-го ранга Шустлера «Борьба военно-морского флота против Версаля», а также на высказывания историка военно-морского флота адмирала Ассмана в его записках (документ Д-854).

Документы доказывают, что германский военно-морской флот участвовал в работе конструкторского бюро по строительству подводных лодок в Голландии, а именно в фирме «Н. Ф. Инженерскантор фон Шифсбау». Участие относится еще к периоду, когда военно-морской флот не находился под руководством Редера. Суд вспомнит, что Редер был назначен начальником главного морского штаба только 1 октября 1928 г., в то время как участие в работе голландского конструкторского бюро относится к 1923 году и последующему периоду... Участие в деятельности иностранного конструкторского бюро не было запрещено, и не в этом состоял смысл Версальского договора. Решающим было то, чтобы Германия не создавала своего подводного флота.

Сконструированные голландской фирмой и построенные за границей подводные лодки были использованы за границей, а именно в Турции и Финляндии...

Нарушения договора в период с 1933 года до германо-английского морского соглашения от 1935 года дают также аналогичную фактическую и юридическую картину. В марте 1935 года, то есть за несколько месяцев до заключения морского соглашения, было начато планирование строительства линкоров «Шарнхорста» и «Гнейзенау» с водоизмещением в 27 тысяч тонн каждый, хотя формально в тот период и в течение последующих трех месяцев еще действовало положение Версальского договора, предусматривавшее возможность иметь военные корабли водоизмещением в 10 тысяч тонн, в противоположность морскому соглашению от 1935 года, предусматривавшему водоизмещение линкора в 35 тысяч тонн.

При этом я прошу учесть, что Германия в марте 1935 года уже могла рассчитывать на то, что в скором времени будет заключено германо-английское соглашение и что время между планированием строительства линкора и спуском его на воду исчисляется не месяцами, а годами.

В действительности «Шарнхорст» и «Гнейзенау» вступили в строй только через 3—4 года после заключения морского соглашения, а именно в 1938—1939 гг. 17 июня 1937 г. было заключено новое соглашение о морских вооружениях. Обвинение в доказательство того, что военно-морской флот снова нарушил морское соглашение в агрессивных целях, приводит следующие факты.

В соглашении от 1937 года оба договаривавшихся правительства дали обязательство взаимно обмениваться информацией и в течение первых четырех месяцев каждого календарного года сообщать в деталях о программе строительства. Согласно документу за номером С-23 военно-морской флот нарушил это обязательство в том отношении, что уменьшил сведения относительно водоизмещения и осадки обоих линкоров, строившихся в то время — «Бисмарка» и «Тирпица», в начале 1938 года, а именно: указал водоизмещение каждого 35 000 тонн вместо 41 700 тонн. Факт этого нарушения договора Редер признал.

31 марта 1938 г., то есть 6 недель спустя после даты, обозначенной в документе за номером С-23, Англия со своей стороны предложила увеличить тоннаж линкоров. Соглашение об этом было подписано обеими странами 30 июня 1938 г.

Второе обвинение предъявлено представителями американского обвинения во время перекрестного допроса. Оно основано на записках адмирала Ассмана для своего исторического труда, где он говорит о том, что Германия в области строительства подводных лодок меньше всего придерживалась границ германо-английского морского соглашения: до 1938 года могло быть предусмотрено строительство 55 подводных лодок; в действительности же было построено или находилось в стадии строительства 118. Это утверждение Ассмана является неправильным. В действительности Германия в области строительства подводных лодок строго придерживалась положений германо-английского морского соглашения. В морском соглашении от 1935 года Германия, несмотря на заверения в равноправии, ограничилась 45 процентами английского тоннажа; но за ней было оставлено право повысить тоннаж с помощью дружественного соглашения с Англией в любое время.

В декабре 1938 года между британским адмиралом лордом Кэнингхэмом и гросс-адмиралом Редером состоялись соответствующие переговоры, во время которых правительство Его величества одобрило увеличение до 100 процентов...

В заключение я хотел бы сказать, что упомянутое Ассманом число — 55 подводных лодок — соответствует 45%, а число 118 подводных лодок соответствует 100%...

Сейчас я перехожу к обвинению против Редера в том, что он якобы принимал участие в заговоре для ведения агрессивных

войн и что он, в частности, поддерживал Гитлера и национал-социализм, несмотря на то, что должен был знать, что Гитлер с самого начала намеревался вести агрессивные войны...

Редер до 1933 года не имел ничего общего с национал-социализмом и не знал ни Гитлера, ни работников его партии. Он познакомился с Гитлером 2 февраля 1933 г., когда в числе других командующих был представлен Гитлеру бароном фон Гаммерштейном. Для Редера как начальника военно-морского штаба существовал лишь один начальник, а именно рейхспрезидент Гинденбург, который согласно конституции и воинскому закону был верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами. Гинденбург как рейхспрезидент назначил Гитлера рейхсканцлером, и вследствие этого произвольно между Гитлером и вооруженными силами установилась связь...

Обвинение вменяет Редеру в вину то, что он был осведомлен о многих политических решениях и в качестве главнокомандующего военно-морским флотом проводил стратегическое планирование и подготовку в связи с этими политическими мероприятиями. Речь идет о выходе Германии из Лиги Наций 14 октября 1933 г., о милитаризации Рейнской области 7 марта 1936 г., об аншлюссе Австрии в марте 1938 года, о включении Судетской области в состав империи осенью 1938 года и о создании протектората Богемии и Моравии в марте 1939 года.

Для всех решений общим было то, что Редер в политическом отношении не содействовал принятию ни одного из них. Редера никогда предварительно не спрашивали, и он в качестве главнокомандующего военно-морским флотом не обладал правом содействовать принятию подобных решений. Редер не делал ничего, кроме того, что он в соответствии с этими решениями отдавал те распоряжения, которые необходимо было отдать с военной точки зрения на случай, если бы возникли военные осложнения.

Если обвинение в случае с Австрией и с созданием протектората Богемия и Моравия, действуя объективно, безусловно правильно указывает, что Гитлер применил весьма сомнительные и, может быть, даже преступные средства, то это для главнокомандующего военно-морским флотом не имеет никакого значения, так как установлено, что он не был осведомлен об этих действиях, не говоря уже о примененных средствах...

Правильно, что Редер принадлежал к созданному в феврале 1938 года тайному совету министров. Правильно и то, что тайный совет министров представлял собой чистый фарс, поэтому излишне обсуждать данный пункт, которому обвинение придавало сначала такое большое значение...

Из представленного обвинением документа ПС-2098 следует, что главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич и

главнокомандующий военно-морским флотом Редер, цитирую, «приравняются в ранге к имперским министрам». Тем самым доказано, что Редер не являлся министром, а лишь только по соображениям этикета приравнялся в ранге к имперским министрам.

Точно так же и принадлежность к имперскому совету обороны нельзя рассматривать на основании документа ПС-2194 какотягчающее обстоятельство. Как следует из текста, речь идет лишь о мероприятиях по подготовке обороны империи, не говорится ни о политической деятельности, ни о деятельности, которая имела бы что-либо общее с агрессивными войнами.

В качестве последнего отдельного момента в этой связи я хочу указать на то обстоятельство, что утверждение обвинения о том, что Редер являлся членом партии, оказалось необоснованным. Правда, Редер получил от Гитлера золотой почетный значок члена партии, но это означало не что иное, как награждение орденом, и не могло означать ничего другого.

Редер не мог предполагать и знать, что Гитлер и в последнее время, и перед началом войны говорил ему не то, что думал и делал.

В подтверждение обвинения в участии Редера в заговоре представлено немного документов, которые могут свидетельствовать о том, что Редер знал об агрессивных планах Гитлера. Правда, имеется много правительственных документов, из которых видно, что военно-морской штаб или Редер получили по одному экземпляру, но действительно уличающими Редера из всех этих документов могут признаны лишь 4 документа, которые охарактеризованы обвинением в силу их значимости как ключевые документы. В данном случае имеются в виду четыре речи Гитлера перед главнокомандующими: от 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г., 22 августа 1939 г. и 23 ноября 1939 г.

Обвинение утверждает, что из них вытекает факт участия в заговоре и что из речей совершенно ясно видно, что Гитлер готовился к ведению агрессивных войн...

Без сомнения, эти ключевые документы имеют важное значение для последующей исторической констатации того, какие мысли руководили Гитлером. Подкупает мысль, что содержание документов отражает действительные события, поскольку там речь идет о высказываниях, имевших место в узком кругу лиц, перед которыми Гитлер, естественно, шире раскрывал свои намерения, чем в публичных речах. Я признаю ценность этих документов, но мне кажется, что обвинение сильно переоценивает их значение. Они не дают нам ключа для раскрытия истинных планов Гитлера, не дают никаких масштабов для определения выводов, которые должны были, по мнению обвинения, сделать из них присутствовавшие на совещаниях.

Для меня совершенно ясно, что поведение Гитлера в период после Мюнхенского соглашения до начала войны с Польшей дает основания для тягчайших обвинений, и это является решающим для дела Редера, но не как военного, а как политического руководителя. Мы знаем, что Гитлер и сам признал это, а потому решил избежать ответственности путем самоубийства, нисколько не заботясь в годы войны и особенно в конце ее о жизни и благе немецкого народа...

...Я рассматривал события довоенного времени. Теперь перехожу к событиям, имевшим место во время войны.

Когда, несмотря ни на что, война с Англией все же началась 3 сентября 1939 г., в первый же день произошел прискорбный случай: потопление «Атении», на основании которого строится тяжкое моральное обвинение против Редера, причем не столько на основании чисто военного значения этого события, то есть потопления, о котором уже говорил мой коллега доктор Кранцбюллер, сколько на основании статьи в «Фелькишер Беобахтер» от 23 октября 1939 г. под заголовком «Черчилль потопил «Атению». Если обстоятельства дела, изложенные обвинением, соответствовали бы действительности, то упреки морального порядка, которые делаются Редеру и военно-морскому флоту, являлись бы обоснованными.

На основании показаний Редера, Шульте-Ментинга, Вейцеккера и Фриче, а также на основании документов установлено следующее:

1. В начале сентября 1939 года Редер был твердо убежден в том, что потопление произведено не немецкой подводной лодкой, потому что из сообщений было видно, что ближайшая немецкая подводная лодка находилась от места потопления на расстоянии не менее 75 морских миль.

2. В соответствии с этим Редер, как видно из документа Д-912, опубликовал опровержение и дал соответствующие объяснения американскому военно-морскому атташе и статс-секретарю барону Вейцеккеру.

3. Редер узнал о том, что это было неправдой, лишь после возвращения подводной лодки «У-30», то есть 27 сентября 1939 г.

4. Гитлер... настоял на том, чтобы о действительном положении вещей не знали другие германские или иностранные органы и чтобы не было сделано сообщения о том, что германская подводная лодка потопила «Атению».

По-видимому, он руководствовался политическими соображениями потому, что хотел избежать осложнений с Соединенными Штатами, вызванных этим случаем, хотя и прискорбным, но непоправимым. Приказ Гитлера был настолько строгим, что немногие офицеры, знавшие правду, были приведены к присяге о том, что они будут хранить тайну.

5. Фриче показал, что после первого запроса, с которым он обратился к военно-морскому флоту в начале сентября 1939 года, больше не делал запросов и что статья в «Фелькишер Беобахтер» появилась на основании личного распоряжения Гитлера и Геббельса, о чем Редер предварительно не был информирован. Этим подтверждаются показания Редера и Шульте-Ментинга. Далее установлено, что Редер вопреки утверждению обвинения не являлся автором статьи и вообще ничего не знал о статье до ее опубликования. Нельзя делать Редеру морального упрека, основываясь на том факте, что он, узнав о статье, не выступил с опровержением, потому что был связан приказом Гитлера и в то время не мог предполагать, что Гитлер имел отношение к данной статье, которую Вейцеккер справедливо назвал плодом извращенной фантазии...

По вопросу о Греции обвинение вменяет Редеру в вину нарушение нейтралитета и международного права в двух направлениях, а именно:

1. Основываясь на документе С-12, из которого следует, что Гитлер в соответствии с докладом Редера 30 декабря 1939 г. принял следующее решение:

«Греческие торговые корабли, находящиеся в зоне, пролегающей вдоль берегов Англии и объявленной США запретной зоной, рассматриваются как вражеские суда».

2. Согласно документу С-176 Редер в связи с докладом у Гитлера 18 марта 1941 г. просит подтверждения того, что, я цитирую, «всю Грецию следует оккупировать даже в том случае, если будет достигнуто мирное решение вопроса»...

Редеру и руководству германского военно-морского флота в октябре — ноябре 1939 года стало известно, что греческие торговые корабли по инициативе или с согласия Греческого правительства в большинстве своем были предоставлены в распоряжение Англии. Этот факт несовместим с нейтралитетом, поэтому в соответствии с принципом международного права он разрешал Германии принять эквивалентные контрмеры.

Планы союзников на Балканах известны. Они предусматривали создание балканского фронта против Германии. С этой целью союзный генеральный штаб обследовал с помощью союзных офицеров местные условия как в Греции, так и в Румынии для того, чтобы создать там авиабазы. Кроме того, проводились мероприятия для высадки десанта в Греции.

Гитлер в своей директиве за номером 20 еще 13 декабря 1940 г. предусмотрел, что следует занять всю территорию Греции для того, чтобы свести на нет стремление Англии создать под прикрытием Балканского фронта опасную авиабазу и особенно авиабазу, угрожающую румынскому нефтяному бассейну...

9 апреля 1940 г. германские войска всех трех составных частей вооруженных сил заняли Норвегию и Данию. На основании этого и предшествующих планов наряду с общим обвинением в участии в заговоре гросс-адмиралу Редеру предъявлено еще одно тягчайшее обвинение. Обвинитель от Англии указал на то, что Редер первый внушил Гитлеру идею о занятии Норвегии... Правильно только то, что... Редер первый обратился к Гитлеру с вопросом о Норвегии, а именно 10 октября 1939 г. Но я покажу, что и в данном случае он действовал не как политик, а лишь как солдат.

Редер заметил чисто стратегические опасности и указал Гитлеру на эту угрозу потому, что предполагал, что в Скандинавии, особенно в Норвегии, союзники хотят создать новый фронт. Он знал, что оккупация Англией Норвегии может сказаться неблагоприятно на ходе войны для Германии.

Редер, будучи главнокомандующим военно-морским флотом... неохотно согласился с норвежской операцией. Он чувствовал, что нейтральное государство нельзя втягивать в уже начавшуюся войну, если к этому не вынуждает создавшееся положение. В период с октября 1939 года по весну 1940 года Редер все время придерживался той точки зрения, что лучшим решением этого вопроса было бы сохранение абсолютного нейтралитета Норвегией и всей Скандинавией...

Обвинение указало на соглашение, существовавшее между Германией и Норвегией, и в частности на документ ТС-31, в котором германское имперское правительство еще 2 сентября 1939 г. категорически заверяло Норвегию в том, что будет уважать ее нейтралитет и неприкосновенность...

Нарушение Германией нейтралитета Норвегии явилось в данном случае актом самообороны, предусмотренным международным правом.

В конце сентября — начале октября 1939 года Редер, как показывают представленные доказательства, получил от генерал-адмирала Карлса и из текущих сообщений адмирала Канариса — руководителя контрразведки, различные сведения, говорившие о том, что возникла опасность, что союзники, осуществляя свои планы по блокаде Германии, оккупируют опорные пункты в Норвегии с тем, чтобы был прекращен подвоз руды из Скандинавии. Опасность была очевидной. Она заключалась в прекращении всякого подвоза... из Скандинавии, в частности в прекращении подвоза железной руды, а также и в том, что союзники получили бы, таким образом, удобную базу для воздушных налетов и в конце концов в том, что германский военно-морской флот находился бы под угрозой с фланга и был бы, следовательно, ограничен в своих операциях. Это последнее по счету, но не маловажное обстоятельство.

Блокада Северного и Балтийского морей имела бы в стратегическом отношении опустошающие последствия... Я твердо убежден, что Высокий Суд, учитывая описанные обстоятельства и ныне действующие положения международного права, констатирует, что Редер в отношении оккупации Норвегии действовал из чисто стратегических соображений, соблюдая нормы международного права, и оправдает его в этой части обвинения.

В заключение я хотел бы в связи с темой о Норвегии подчеркнуть, что... Редер и командующий флотом в Норвегии генерал-адмирал Бем старались заключить мир с Норвегией при соблюдении норвежских национальных интересов. Этим усилиям противостояла назначенная Гитлером и Гиммлером так называемая гражданская администрация во главе с имперским комиссаром Тербовеном, которая в противоположность вооруженным силам находилась в связи с партией, СС, СД и гестапо. Редер... вместе с Бемом вел решительную борьбу с Тербовеном. Но и здесь налицо то трагическое обстоятельство, что вооруженные силы, несмотря на большие усилия, не могли достичь своего из-за диктатуры Гитлера, а также диктатуры, которая с ведома Гитлера осуществлялась имперским комиссаром Тербовеном.

Я перехожу к обвинению, выдвинутому представителями обвинения, относительно агрессивной войны против России.

Обвинение заявило, что Редер был противником войны с Россией. Единственно, что может остаться от такого обвинения, это утверждение, что Редер в принципе был за войну с Россией и возражал Гитлеру лишь в отношении срока.

Ссылаясь на документ С-170 обвинение говорит, что Редер лишь рекомендовал оттянуть войну с Россией до победы над Англией. Согласно документу С-170, в самом деле, может возникнуть такое представление. Однако в действительности дело обстоит иначе и истинное положение вещей было выяснено с помощью представления других доказательств. Редер защищал тот взгляд, что война против России явится неверным шагом в стратегическом отношении. Его собственные показания и показания Шульте-Ментинга показывают, что Редер в сентябре, ноябре и декабре 1940 года постоянно старался отвлечь Гитлера от мысли о войне против России... Это верно, что в документе С-170 изложено только стратегическое обоснование возражений. Да это и неудивительно, ибо в бумагах командования военно-морских сил, естественно, записывались только те аргументы, которые имели значение в военно-техническом и стратегическом отношении, а не в политическом.

Однако Редер высказывал Гитлеру соображения не только стратегического, но и политического характера.

Остается признать, что трагическое положение заключается в том, что Гитлер мало слушал политические возражения

Редера относительно России, как и относительно Норвегии и Франции.

Так же обстоит дело с обвинением в отношении агрессивной войны против Америки и в отношении нарушения нейтралитета Бразилии. Оба обвинения в рамках представленных доказательств в достаточной мере доказывают неправильность их. Мне остается лишь кратко коснуться этого.

Прежде всего обвинение представило все таким образом, будто Редер как-то способствовал тому, чтобы вовлечь Японию в войну против Америки. В действительности же не имели места какие-либо переговоры между Японией и Редером по вопросам морской стратегии. Редер придерживался всегда той точки зрения, что надо избегать войны с США и с Россией. В представленном обвинении документе С-152 говорится лишь о предложении, заключающемся в том, что Япония должна выступить против Сингапура, чтобы не допустить участия Соединенных Штатов в войне. Пожелание, высказанное Редером Гитлеру относительно того, что Японии следовало бы напасть на Сингапур, в любом отношении является вполне логичным. Мы уже находились в состоянии войны с Англией, и Редер должен был попытаться сконцентрировать все силы против нее.

Еще более реальным опровержением обвинения, предъявленного в связи с вопросом о Бразилии, является то, что обвинители после моего выступления во время представления доказательств ни в одном из перекрестных допросов Редера, Шульте-Ментинга и Вагнера не возвращались к этому вопросу.

Речь идет об обвинении в том, что согласно дневнику Иодля военно-морское командование уже за 2 месяца до начала войны Германии с Бразилией просило дать разрешение на то, чтобы начать военные действия против бразильских военных и торговых судов, и оно было получено. Помимо показаний свидетелей, это обвинение документально опровергнуто выдержкой из дневника Иодля...

Из документов явствует, что Бразилия нарушила нейтралитет тем, что разрешила Соединенным Штатам пользоваться бразильскими аэродромами для того, чтобы отсюда можно было совершать налеты на немецкие и итальянские подводные лодки. Кроме того, бразильское министерство авиации официально сообщило, что бразильские военно-воздушные силы предприняли налеты. При такой позиции, нарушавшей нейтралитет, ходатайство военно-морского командования относительно того, чтобы начать военные действия против бразильских судов, было оправданным...

Я считаю возможным в защитительной речи по делу Редера отказаться от аргументации относительно военных преступле-

ний и преступлений против человечности, ибо я не мог установить связи между Редером и материалами обвинения, представленными по этим преступлениям.

Обвинение игнорирует фактическое и юридическое положение дел, когда оно привлекает Редера к ответственности за политические решения, хотя он не имел к ним никакого отношения, а действовал всегда только как солдат...

Остается еще один вопрос: является ли долгом солдата выступать с протестом, открыто восставать. На него каждый военный начальник и вообще всякий человек даст отрицательный ответ. Исключение может составить только приказ диктатора, заставляющий совершить преступление, причем командующий, получивший приказ, должен ясно осознать его преступный характер. В соответствии с этим Редер мог бы быть привлечен к ответственности только за военные преступления, но не за политические, ибо за политические отвечает диктатор...

Перед историей Редер может быть виновен потому, что он, как и многие другие в стране и за границей, не распознал Гитлера и не имел достаточной силы для того, чтобы выступить против него. Но бездействие в данном случае не является преступлением...

РЕЧЬ ЗАУТЕРА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО БАЛЬДУРА ШИРАХА

[Стенограмма заседаний Международного Военного
Трибунала от 17 и 18 июля 1946 г.]

Господа судьи!

Бальдур фон Ширах, которого я защищаю, будучи имперским руководителем молодежи, в 1936 году приветствовал гостей, присутствующих на олимпийских играх в Берлине, следующими словами:

«Молодежь преодолевает все преграды и моря»...

Будучи гаулейтером Вены, он обратился в 1940 году к Гитлеру: «Вену можно завоевать не штыками, а только музыкой».

Приведенные высказывания являются характерными для этого подсудимого.

Задачей защиты является рассмотреть результаты представленных на этом процессе доказательств с тем, чтобы установить, действительно ли Ширах совершил те преступления против права и человечности, которые ему обвинение вменяет в вину.

Ширах самый молодой подсудимый на процессе. Он является тем подсудимым, который при своем вступлении в партию был намного моложе всех прочих. Ему тогда не было и 18 лет. Уже одни эти факты являются в известной мере достаточными для того, чтобы судить о нем. Еще на школьной скамье он поддался обаянию нарождавшегося национал-социализма: его неудержимо привлекала идея социализма, в соответствии с которой в государственном педагогическом институте не делалось никакого различия между детьми представителей различных сословий и профессий; эти юноши, группировавшиеся вокруг Шираха, надеялись, что народное движение 20 годов в Германии возродит наше отечество, избавив от последствий проигранной первой мировой войны, и обеспечит ему счастливое будущее, и судьбе было угодно, чтобы уже в 1925 году в городе Гёте — старом Веймаре — Ширах лично установил контакт с Гитлером. Юноша стал

убежденным национал-социалистом и... антисемитом, разумеется, антисемитом не в духе тех фанатиков, которые затем создали Освенцим и убили миллионы евреев.

То, что таковы были действительно взгляды Шираха, свидетельствует заявление Шираха, которое он сделал на процессе во время утреннего заседания от 24 мая 1946 г. и в котором прямо назвал преступления, совершенные Гитлером, позорным пятном нашей истории, вызывающим стыд у каждого немца. Это то заявление, в котором Ширах открыто высказывается в том духе, что Освенцим должен явиться концом всякой расовой политики и всякого антисемитизма.

Это показание Шираха в зале заседания явилось результатом тех страшных разоблачений, о которых он узнал на процессе, и Ширах заявил это перед лицом широкой ответственности для того, чтобы вывести немецкую молодежь с ложного пути, по которому она идет, на путь справедливости и терпимости.

Господа судьи, я хочу рассмотреть выдвинутые против Шираха важнейшие пункты обвинения и дать оценку результатам представления доказательств по этим пунктам...

Во-первых, подсудимому Шираху вменяется в вину то, что он до прихода национал-социалистов к власти, то есть до 1933 года, активно содействовал национал-социалистической партии и примыкающей к ней организации молодежи и тем самым способствовал приходу партии к власти. Как указывается в представленных документах, «он был покорным и преданным приверженцем Гитлера, слепо верил в него и в его национал-социалистические идеи и как руководитель союза студенческой молодежи приобщал студентов политически и идеологически к национал-социализму и завоевывал их для служения ему». Все это Ширах никоим образом не оспаривает. Все, что ему в этом отношении вменяется в вину, он совершил, в чем открыто и признается... Единственное, что он отвергнет категорически, как не имевшее место ни в упомянутый период, ни позже, это обвинение в том, что он принимал участие в заговоре...

Из результатов процесса мы знаем, что Гитлер, кроме Бормана и Гимmlера, не имел других друзей и советников, которых посвящал бы в свои планы и цели. Напротив, он осуществлял принцип фюрерства до крайних пределов, не признавал ни обсуждений, ни высказываний, которые имели какое-либо влияние на его волю. Все решения он принимал самостоятельно, не выслушивая мнения людей, окружавших его. Он признавал лишь только свои приказы, с одной стороны, и беспрекословное повиновение — с другой.

Так в действительности выглядел этот «заговор».

Сегодня Ширах знает, что он до конца был верным спутником человека, который того не заслуживал, и что идеи, которые воодушевили его в молодые годы и которым он принес себя в жертву, на практике служили целям, о которых он никогда не думал. Но даже Ширах до сегодняшнего дня, очищенный от скверны в результате своего горького опыта, не может усмотреть уголовного преступления в деятельности, которую он в молодые годы с доброй надеждой развивал вместе с миллионами других немцев из народа, служа Гитлеру и партии, ибо партия казалась ему тогда вполне законной...

Второе, гораздо более серьезное обвинение, которое предъявляется подсудимому Шираху, заключается в том, что он, будучи имперским руководителем молодежи с 1932 по 1940 гг. (я дословно здесь цитирую обвинение), «отравлял мировоззрение молодежи нацистской идеологией и, в частности, подготавливал эту молодежь к агрессивной войне».

Ширах с самого начала категорически оспаривал данное утверждение... В программе «гитлеровской молодежи», сформулированной Ширахом, в его речах и сочинениях... нельзя найти ни одного слова, которое бы свидетельствовало о военном воспитании молодежи, не говоря уже о подготовке ее к агрессивной войне...

Ширах принципиально отказался от того, чтобы офицеры, состоящие на действительной службе, и офицеры в отставке воспитывали молодежь, так как он считал, что эти люди совсем не подходят для воспитания молодежи в том духе, который он рассматривал как цель своей деятельности¹.

Почему Ширах ввел для членов «гитлеровской молодежи» военную форму и не только для молодежи мужского пола, но и для девушек? Ответ на вопрос мы слышали от многих свидетелей. Ширах видел в этой единой форме мальчиков и в форменном платье девушек «одеяние социализма»...

Правда, представители обвинения утверждали, что Ширах в книге «гитлеровская молодежь»... говорил о жизненном пространстве, сделав якобы тем самым этот лозунг гитлеровской внешней политики своим собственным. Однако это утверждение абсолютно неправильно. Ни в книге «Гитлеровская молодежь», ни в его речах и сочинениях такого слова вообще не употребляется. Правда, Ширах в книге «Гитлеровская молодежь», которая была издана в 1936 году, в двух местах говорит о восточном пространстве, но это слово у него относилось не к Польше и не к Советскому Союзу, а к восточным провинциям, принадлежавшим раньше Германии.

¹ Установлено, что в действительности «воспитателями» молодежи были эсэсовцы. — Составители.

Господа судьи!

Обвинение не смогло доказать, что подсудимый Ширах когда-либо до начала войны в чем-либо помогал осуществлять военную политику Гитлера. Его хотят обвинить в том, что он различными путями был связан с СС и СА, в частности, что СС и СА, а также корпус руководящих работников в партии пополнились именно из числа членов организации «Гитлеровская молодежь».

Да, последнее утверждение действительно правильно, но оно все же не доказывает, что Ширах принимал участие в военной политике Гитлера или что он принимал какое-либо участие в военном заговоре Гитлера... правда, обвинение может указать на соглашение между имперским руководством молодежи и рейхсфюрером СС о «Службе патрулирования», которая была введена в «Гитлеровской молодежи» с октября 1938 года (документ ПС-2396). Но «Служба патрулирования» была не чем иным, как родом общественной полиции, которая имела власть только в отношении членов «Гитлеровской молодежи», и только в отношении их. Для того чтобы по данному вопросу не произошло осложнений с общей государственной полицией, необходимо было этот вопрос урегулировать соглашением с рейхсфюрером СС — Гиммлером, ибо он был начальником германской полиции в Германии и мог воспрепятствовать осуществлению «Службы патрулирования».

Что же касается его отношения к СС, то... Ширах в Вене всегда опасался того, что за ним следят и шпионят эсэсовцы. Ему к началу его венской деятельности по должности имперского наместника и имперского комиссара обороны дали постоянного заместителя в лице одного из высших руководителей СС доктора Дельбрюгге, который, как Ширах знал, был близок к рейхсфюреру СС, то есть к тому человеку, который предложил в 1943 году Гитлеру арестовать Шираха за пораженческие настроения и судить в народном суде. Ширах отказывался от так называемой «охраны», данной ему полицией, и решил эверить охрану своей личности одному из подразделений вооруженных сил, которое не подчинялось Гиммлеру...

Обвинение при представлении доказательств связало имя подсудимого Шираха с концентрационными лагерями. Допрошенный здесь свидетель Хелльригель на вопрос, был ли когда-либо Ширах в концлагере Маутхаузен, ответил утвердительно. Следует отметить, что подсудимый фон Ширах посетил концлагерь Маутхаузен в 1942, а не в 1944 году, как ошибочно показал свидетель Марсалец. После 1942 года или в какое-либо другое время Ширах не посещал больше никаких концлагерей. Но посещение Маутхаузена в 1942 году не может служить поводом к обвинению подсудимого Шираха в том, что он будто

бы знал о зверствах в концлагерях, одобрял или даже поддерживал их. В 1942 году он не видел в Маутхаузене ничего такого, что могло бы указывать на такие преступления. Во время официальных визитов, о которых сообщалось заранее, все готовилось так тщательно, чтобы показать посетителям только то, что не боялось отклика общественного мнения. Издевательства и пытки во время официальных визитов скрывались точно так же, как самовольные казни или жестокие эксперименты. Так было в 1942 году в Маутхаузене, так было и в Дахау...

Будучи имперским рудоводителем молодежи, он, естественно, с самого начала не имел ничего общего с созданием концлагерей, и счастье Шираха, что в его области, в Вене, не было ни одного концлагеря...

В интересах экономии времени я не буду рассматривать вопроса о якобы существовавшей связи между Ширахом и Розенбергом или Штрейхером. Я не намерен также затрагивать якобы существовавшего сотрудничества подсудимого по осуществлению программы рабского труда, так как не было приведено доказательств соучастия его в этом. Не собираюсь я обсуждать здесь того разговора по телефону, который якобы имел какой-то венский чиновник с штандартенфюрером СС относительно трудовой повинности для евреев, о чем Шираху вообще не было известно.

Мне хотелось бы сделать здесь попутное замечание по теме, которая, в частности, разбиралась в связи с делом Розенберга, а именно высказать точку зрения по так называемой операции «Сено».

Как известно, это была операция, во время которой тысячи юношей и девушек концентрировались в восточных районах военных действий и затем направлялись частично в Польшу, частично в Германию... Об этих делах подсудимый Ширах ничего не знал. Он тогда был не компетентен в данном вопросе. Этим комплексом вопросов занималась группа армий «Центр» при содействии министерства по делам Востока. И мне кажется вероятным, что как восточное министерство, так и группа армий «Центр» не обращались к гаулейтеру Вены для того, чтобы получить его согласие на эту акцию, или даже для того, чтобы сообщить ему об этом...

Разрешите сделать еще одно промежуточное замечание, а именно о письме, которое подсудимый Ширах послал из Вены после убийства Гейдриха рейхслейтеру Борману и в котором он предлагает рейхслейтеру Борману осуществить репрессалии в форме террористического налета на английские культурные центры. Подсудимый тогда действительно направил письмо Борману, и он не отказывается от этого. С самого начала я должен указать, что, к счастью, эта инициатива осталась только

на бумаге и не была осуществлена. Подсудимый, однако, рассказал нам, что тогда под впечатлением покушения на Гейдриха ему было ясно, что возможность восстания населения в Богемии может повести к катастрофе германской армии в России, и он, как гаулейтер Вены, считал своим долгом сделать что-либо, чтобы защитить тыл германской армии, находившийся на востоке.

Я хочу как защитник подсудимого Шираха подробно остановиться на одной проблеме, а именно на отношении Шираха к еврейскому вопросу...

Ширах совершенно явно не думал ни о погромах, ни о кровавом преследовании евреев и т. д.

После ноября 1938 года Ширах никогда не мог думать о том, что Гитлер планирует уничтожение евреев. Когда Ширах в июле 1940 года получил от Гитлера приказ взять на себя руководство венским гау, Гитлер сам лично говорил с Ширахом по вопросу о том, что он прикажет эвакуировать евреев из Вены в генерал-губернаторство. На основании записей Госбаха и других доказательств, которые предъявлялись на процессе, мы можем заключить, что Гитлер уже в 1937 году планировал выселение евреев, кажется, в Польшу, но решение об уничтожении еврейского народа он принял лишь в 1941—1942 гг.

С эвакуацией евреев из Вены, с которой связывается имя Шираха, он вообще ничего не имел общего. Проведение таких мероприятий находилось исключительно в руках главного имперского управления безопасности и венского филиала этого управления. Единственное указание, которое Ширах получил в связи с вопросом о венских евреях и которое он выполнил, заключалось в том, что в 1940 году он должен был доложить Гитлеру, сколько евреев еще осталось в Вене. Отчет был помещен в письме от декабря 1940 года, где сообщалось о численности венских евреев в 1940 году (60 тысяч человек). Как известно, на это письмо подсудимого Шираха министр Ламмерс послал ему ответное письмо от 30 декабря 1940 г. (ПС-1950), из которого следует, что не Ширах был тем лицом, которое распорядилось о переселении венских евреев в генерал-губернаторстве. Этим лицом был Гитлер. Из письма вытекает также, что не Ширах был тем лицом, которое провело эти мероприятия. Они были проведены рейхсфюрером СС Гиммлером...

60 тысяч евреев, пребывавших в Вене к началу деятельности Шираха в должности гаулейтера, были вывезены оттуда СС без какого бы то ни было участия последнего. И, несмотря на это, Ширах все-таки выступил со всем известной венской речью от сентября 1942 года, в которой заявил: «Любой еврей, который действует в Европе, представляет собой опасность для европейской культуры». Далее Ширах заявил, что если его

упрекнул в том, что он выселил из этого города (Вена), который когда-то был метрополией еврейства, десятки и сотни тысяч евреев в восточное гетто, то он должен будет ответить: «Он видит в этом активный вклад в дело процветания европейской культуры». Ширах признал здесь, что он действительно высказался тогда в таком духе. Если Трибунал усмотрит в этих словах законно наказуемое преступление против человечности, то Ширах должен взять на себя ответственность за это... О показаниях француженки Иды Вассо, которая была руководителем дома для престарелых во Львове и которая, по сообщению комиссии (документ СССР-6), якобы утверждает, что «Гитлеровская молодежь получала от львовского гетто в подарок детей и использовала их в качестве мишеней для стрельбы», следует сказать, что этот единственный случай, о котором здесь говорилось, не мог быть проверен, и особенно не могло быть выяснено, шла ли здесь речь действительно о молодых людях — членах организации «гитлеровская молодежь». Но если даже среди 8 миллионов членов этой организации на протяжении 10—15 лет и имел бы место подобный единственный случай, то он ни в какой мере не доказывает, что Бальдур фон Ширах подстрекал к этому молодежь.

Обвинение старалось обосновать определенную ответственность подсудимого фон Шираха за еврейские погромы, имевшие место в Польше и в России, тем, что оно пыталось обратить против него так называемые «оперативные отчеты», которые СС регулярно посылала имперскому комиссару по вопросу обороны в XVII военном округе. Действительно, надо сказать, если Ширах, я подчеркиваю, если Ширах в то время знал об этих регулярных «оперативных отчетах эйнзацгрупп полиции безопасности и СД на Востоке», это является при всех обстоятельствах тяжким морально-политическим обвинением, и тогда его неминуемо должно упрекнуть в том, что он из этих сводок мог бы сделать вывод, что наряду с военными операциями на Востоке имели место чрезвычайно жестокие массовые убийства коммунистов и евреев. Если бы Ширах действительно видел и читал эти сообщения, тогда бы он знал, что в Латвии и Литве, в Белоруссии и Киеве имели место массовые убийства и совершенно очевидно без всякого суда и приговора.

Что же в действительности было доказано в этой области в процессе представления доказательств?

Упомянутые сообщения посылались в управление Имперского комиссара по вопросам обороны в военном округе XVII, так же как и в десятки других учреждений.

Как известно, Ширах занимал в Вене три ответственных поста. Будучи имперским наместником и комиссаром по обороне империи, он являлся начальником всей государственной

администрации; будучи обербургомистром, он являлся главой общинной администрации и, будучи, наконец, гаулейтером Вены, являлся руководителем местного партийного аппарата.

Для каждого из этих трех учреждений у него имелся постоянный заместитель. Заместителем в государственной администрации был правительственный комиссар Вены доктор Дельбрюгге... На представленных «оперативных отчетах» СС нет ни одной пометки, на основании которой можно было бы сказать, что эти сообщения представлялись подсудимому фон Шираху или что о них ему докладывали...

Для оценки поведения Шираха важно также его поведение в последние недели в Вене: для Шираха было само собой разумеющимся то, что не следовало выполнять те безумные приказы, которые поступали в то время из Берлина. Он решительно отклонил линчевание вражеских летчиков, которое приказал проводить Борман, так же как и приказ вешать пораженцев независимо от того, были ли это мужчины или женщины. Напротив, он делал все для того, чтобы, например, защитить летчиков, совершивших вынужденную посадку, от возбужденной толпы... Он действовал сознательно не в соответствии с приказом Бормана, в котором говорилось, что таких летчиков не следует защищать от разъяренного населения. Он также не выполнял распоряжения, в котором говорилось, что Вену надо оборонять до последнего человека и что следует разрушить в Вене мосты, церкви и жилые кварталы; отклонил приказ о ведении бесполезной и преступной борьбы с помощью «Вервольфа».

Характеристика подсудимого фон Шираха останется незавершенной, если мы не вспомним заявления, которое он сделал здесь на утреннем заседании 24 мая 1946 г. Я имею в виду заявление, в котором он говорит о Гитлере как об убийце миллионов, говорит здесь перед всем немецким народом и перед мировой общественностью.

Господа судьи! Каждый человек может ошибаться, он может даже совершать такие ошибки, которые впоследствии не может понять. И Ширах ошибся: он воспитывал молодежь для человека, которого долгие годы считал безукоризненным и о котором сегодня он должен говорить как о дьявольском преступнике. Он в своей лояльности сдержал присягу на верность человеку, который разочаровал и обманул его и немецкую молодежь и который, как мы узнали здесь от Шпеера, до последнего дыхания преследовал свои собственные интересы, ставя их выше существования и счастья 80 миллионов людей.

Ширах, может быть, и является тем подсудимым, который не только ясно видит совершенные им ошибки, сегодня их можно рассматривать как угодно, но который честно признает

их и который своими откровенными заявлениями предотвратил возникновение легенд о Гитлере в будущем. Такому подсудимому надо засчитать в заслугу то, что он старается исправить по возможности тот вред, который был нанесен им, когда он был преисполнен веры.

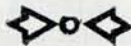
Бывший имперский руководитель молодежи хотел прежде всего открыто сказать немецкой молодежи, что он бессознательно и будучи преисполнен хорошими намерениями вел эту молодежь по неправильному пути и что она должна теперь выбрать другой путь, если не хочет, чтобы немецкий народ и немецкая культура были бы погребены.

Господа судьи, Вы являетесь верховным судом нашего времени. Мощь всего мира стоит за Вашей спиной, четыре сильнейших народа земного шара выступают здесь в Вашем лице. Сотни миллионов людей не только в побежденных странах, но и в странах-победительницах прислушиваются к Вашему мнению и напряженно ожидают Вашего приговора, чтобы следовать за Вашим советом и учиться у Вас. Ваш авторитет дает Вам возможность Вашим приговором и обоснованием его сделать много хорошего для того, чтобы и из теперешней катастрофы можно было бы найти путь к лучшему будущему, на пользу Ваших народов и на благо германского народа...

Господа судьи! Гитлер умер, а с ним погребен и его режим, характеризовавшийся совершением бесчисленных преступлений, терроризировавший Германию и почти всю Европу, осквернивших слово «немец» на много поколений вперед...

...Но Вы, беспристрастные судьи, не забывайте одного, что всегда существовала и теперь существует другая Германия. Германия трудолюбивая и бережливая, Германия Гете и Бетховена. Поверьте нам, Германия просыпается от тяжелой болезни и приступает к строительству своего лучшего будущего, она уходит от развалин злого прошлого к будущему для своей молодежи, которая не участвовала в этих преступлениях. На Вас смотрят 70 или 80 миллионов немцев и надеются, что Вы вынесете приговор, который откроет путь к восстановлению германской экономики, к воскрешению немецких сердец и истинной свободы.

Германский народ, а с ним весь мир ожидают от Вас, господа судьи, такого приговора, который не только сегодня будет приветствоваться державами-победительницами как последняя победа над Германией, но и в будущем историей будет признан правильным, — приговора во имя справедливости!

РЕЧЬ СЕРВАТИУСА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ФРИЦА ЗАУКЕЛЯ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 18 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! Защита подсудимого Заукеля должна в первую очередь рассмотреть вменяемый подсудимому в вину «рабский труд».

Что такое рабский труд?

Правовой основой для анализа является Устав Трибунала. Однако он не указывает на то, что нужно понимать под «рабским трудом» и под «угоном». Следовательно, эти понятия нужно разъяснить путем интерпретации. В статье 6 Устава в двух местах в различных аспектах речь идет об «угоне» и «рабском труде»:

Угон квалифицируется как военное преступление и как преступление против человечности, а принудительный труд появляется как под рубрикой военных преступлений с обозначением «рабский труд», так и под рубрикой преступлений против человечности с обозначением «порабощение». Угон, упомянутый в статье 6 (в), не может быть тем же самым, что угон, упомянутый в статье 6 (с), и в такой же малой степени принудительный труд, о котором говорится в статье 6 (в), может быть идентичным принудительному труду, рассматриваемому в статье 6 (с)...

Согласно Уставу наказуемым действием является не просто «угон», а «угон на рабский труд» и «угон с какой-либо другой целью».

Подсудимый Заукель признает, что он участвовал в привлечении населения к «принудительному труду» как к обязательному. Этот вид труда обозначен общим термином «рабский труд». Но он оспаривает тот факт, что настаивал на применении «рабского труда», который может рассматриваться как труд, нарушающий принципы человечности, следовательно как порабощение.

Обвинение, рассматривая использование рабочей силы как военное преступление, опирается на положение Гаагской

Конвенции о правилах ведения сухопутной войны, на военные соглашения, на военные обычаи, а также на общие принципы уголовного права цивилизованных наций и уголовные кодексы соответствующих стран. Если использование рабочей силы допустимо с точки зрения международного права, то рассмотрение его с точки зрения уголовного права оказывается излишним. Гагская Конвенция о правилах ведения сухопутной войны может считаться основой рассматриваемого здесь военного права.

Обвинение цитировало 46 статью Гагской Конвенции, согласно которой должны охраняться основные права населения. Изучая Гагскую Конвенцию с целью выявления какого-либо положения, запрещающего депортацию и использование рабочей силы, приходится констатировать, что такого положения в ней нет.

Статья 52 Гагской Конвенции, рассматривающая в основном право на реквизицию имущества, затрагивает эту спорную область, но только в масштабе потребностей войсковых частей, испытывающих потребность в дополнительных материалах, которую можно покрыть за счет местных ресурсов.

Характерным в данном случае является то обстоятельство, что право на реквизицию соответствующих материалов предоставлялось командирам частей, в то время как 51 статья Гагской Конвенции допускает наложение какой-либо повинности только командиром отдельного соединения. Оккупационные власти согласно Гагским Правилам не могут требовать выполнения большей работы, чем та, выполнение которой они требуют от населения в своей стране. Однако нужно учитывать интенсивность современной тотальной войны. В связи с этим трудовая повинность может приобрести довольно большой масштаб.

Смысл и цель Гагской Конвенции о правилах ведения сухопутной войны, несомненно, заключается не в том, чтобы поставить граждан побежденного государства в лучшие условия, чем граждан государства-победителя, оккупировавшего данную страну. Но таков был бы результат, если бы Гагскую Конвенцию продолжали истолковывать в соответствии с ее текстом.

Ограничение трудовой повинности заключается и в том, что нельзя требовать от рабочих, чтобы они участвовали в военных операциях, направленных против их родины. Косвенно всякая работа, производимая в интересах оккупационных властей, идет на пользу войны, которую они ведут. Поэтому подобное запрещение, по-моему мнению, распространяется на участие непосредственно в операциях действующих войск. Международно-правовая доктрина противопоставляет участие в военных операциях допустимому участию в работах по подготовке операций. Положения Женевской Конвенции об использовании военнопленных на работах всем хорошо известны. Ее основная идея,

заключающаяся в том, что никого нельзя заставить производить оружие, которое будет направлено против его соотечественников, полностью применима и к гражданским рабочим.

Организованное использование рабочей силы не противоречит правилам Гагской Конвенции. Оно допускается и другими нормами международного права. Первое — это согласие правительства оккупированного государства. Франция дала такое согласие. Приводимые здесь возражения о том, что правительство маршала Петена было незаконным правительством, не имеют значения, так как это правительство было законным преемником временного правительства, созданного после перемирия.

Причины военного характера могут заставить эвакуировать часть населения с оккупированной области и использовать его в качестве рабочей силы в другом месте. Это тот случай, когда население, вместо того чтобы, как это надлежит, вести себя мирно, участвует в партизанской борьбе и группах сопротивления, угрожая тем самым безопасности.

Эвакуация, предпринимаемая в целях обеспечения безопасности действующих войск, находится в полном соответствии с нормами международного права, а перевод эвакуированных на новое место работы является не только правом, но и долгом оккупационных властей.

Когда такая эвакуация становится необходимой, ее нужно организовывать, не причиняя населению излишних страданий. Для этого эвакуацию необходимо заранее подготовить, что является обязанностью властей, предусмотренной 43 статьей Гагских Правил ведения войны.

Конечно, критическая военная обстановка не может служить основанием для нарушения положений международного права. Победу не следует добывать путем нарушения в критические моменты правил ведения войны, ибо они существуют как раз для определения допустимости тех или иных военных действий, связанных с критическими моментами.

Подсудимый Заукель был убежден в допустимости организованного использования рабочей силы. Это убеждение складывалось у него на основании отношения к этому со стороны высших инстанций.

Когда Заукель вступил на свой пост, иностранные рабочие уже работали. Хотя они были завербованы во время различных вербовочных кампаний в принудительном порядке, Заукель мог думать, что государство вправе использовать их труд...

Субъективная сторона состава преступления подсудимого Заукеля, а следовательно и его уголовная ответственность в вопросе организованного использования рабочей силы, не может быть доказана.

Подсудимый Заукель не должен быть наказан и по другим соображениям правового характера даже в том случае, если бы организованное использование рабочей силы действительно было нарушением норм международного права. Согласно Гаагским Правилам ведения сухопутной войны в данном случае нет места для индивидуальной ответственности. Гаагские Правила различают два рода военных преступлений: преступления, совершенные отдельным лицом, как-то убийства, издевательства, и преступления, совершенные одной из воюющих сторон.

Плановое использование рабочей силы — это процесс, который может быть организован только государством. В то время, как согласно уголовному кодексу всех государств индивидуальное преступление наказуемо, преступления одной из воюющих сторон наказываются соответственно положению 3 статьи вводной части Гаагских Правил, в которой предусматривается только возмещение убытков.

Перехожу к рассмотрению вопроса об использовании рабочей силы как преступления против человечности.

Мы считаем, что «организованное использование рабочей силы» допустимо с точки зрения международного права. Остается открытым вопрос о методах его проведения, то есть вопрос о том, в каких пределах использование рабочей силы можно считать плановым, организованным и когда нарушается допустимая граница.

В случае, если будет установлено, что использование рабочей силы проводилось не гуманными методами, тогда состав преступления в духе Устава налицо. Перед нами будет преступление против человечности независимо от того, являлся ли сам факт использования рабочей силы допустимым с точки зрения военного права или нет, так как в таком случае это использование рабочей силы проводилось в связи с преступлением против мира.

Однако подвергнуть преступника наказанию можно только в том случае, если сам он субъективно сознает, что война, которая ведется, запрещена и что своими действиями он способствует ведению ее. Подсудимый Заукель заявляет, что он не знал этого. Требуется доказать, что он знал это.

Другая возможность доказать наличие состава преступления состоит в том, чтобы в бесчеловечных действиях установить состав военного преступления, предусмотренного уставом. Сюда относятся: убийства, угон гражданского населения и издевательства над ним.

Издевательства могут производиться на основании распоряжений высшей инстанции, которая тем самым несет ответственность за них; они могут проводиться и подчиненными учрежде-

ниями на основе своих полномочий без ведома вышестоящих инстанций.

В таком случае ответственным является руководитель самостоятельно действовавшей инстанции. Наконец, может иметь место чисто индивидуальное действие, совершенное вопреки существующим положениям. За него несет ответственность данное лицо.

Из этого следует, что подсудимый Заукель в первую очередь ответствен за общие распоряжения и директивы, изданные им, а не за действия не подчинявшихся ему учреждений в оккупированных областях или правительственных учреждений в самой империи, как, например, начальника СС и полиции.

Распоряжения и директивы подсудимого Заукеля перед нами. На основании их следует установить, действительно ли использование рабочей силы, на которое он давал директивы, представляло собой издевательство над населением.

Помимо вербовки добровольцев, рабочая сила использовалась на основе трудовой повинности, которая по приказу Гитлера властями на местах была введена в качестве закона.

Наряду с издевательскими методами мобилизации рабочих издевательскими могут быть и условия их труда, что может рассматриваться как военное преступление...

Содержание восточных рабочих за колючей проволокой и запрет выходить оттуда, на что имелось распоряжение Гимmlера, следует рассматривать как издевательство, если это продолжалось в течение длительного времени.

Подсудимый Заукель, чувствуя, что здесь перешли границы допустимого, немедленно предпринял соответствующие шаги и в упорной борьбе с Гимmlером добился снятия колючей проволоки и отмены запрещения выходить, как это явствует из последовавших затем распоряжений.

Другим спорным пунктом являлся вопрос о ношении рабочими значка «восток», что практиковалось до 1944 года, когда он был заменен другим с названием страны, откуда рабочие прибыли. Это обозначение восточных рабочих, которые могли вращаться среди населения, было необходимо по причинам полицейского порядка, в чем нельзя усматривать «издевательства».

Экссессы, возникавшие при проведении распоряжений в жизнь, можно рассматривать как издевательства. Они могут означать преступления против человечности. За них несет ответственность тот, кто был их инициатором, или тот, кто не предотвращал их, имея на то право и будучи обязанным это делать. Сравнивая только что изложенные правовые идеи с тем обширным комплексом преступлений, которые инкриминируются подсудимому Заукелю, надо в первую очередь отделить вопросы,

за которые он, судя по результатам представления доказательств, не может нести ответственности.

Не доказано, что подсудимый Заукель имел отношение к биологическому уничтожению населения. Наоборот, выяснилось, что все его стремления были направлены как раз в обратную сторону. Он был заинтересован в том, чтобы сохранять людей в качестве рабочей силы. К переселению и к применяемым при этом методам он не имел никакого отношения.

Подсудимый Заукель совершенно не занимался вопросом об использовании труда заключенных концентрационных лагерей...

Мы знаем, что СС создали огромные собственные военные предприятия, что Гиммлер покрывал потребность своих заводов в рабочей силе произвольными арестами людей в оккупированных областях. Даже в Германии по всякого рода ничтожным поводам Гиммлер арестовывал рабочих и, обманывая учреждения, ведавшие использованием рабочей силы, заключал их в концентрационные лагеря. Это ясно показывает документ ПС-1063 — отношение от 17 декабря 1942 г., а также отношение от 25 июня 1943 г., представляющее собою заявку на 35 тысяч заключенных. Вся корреспонденция относительно труда заключенных в концлагерях никогда не проходила через аппарат Заукеля. В качестве примера я ссылаюсь на документ ПС-1584, содержащий переписку между учреждениями Гиммлера. Фамилия подсудимого Заукеля никогда и нигде не упоминается в связи с использованием труда заключенных...

Надо также исключить из обвинения, выдвинутого против Заукеля, обвинение в использовании труда евреев. Еврейский труд является частью труда заключенных концлагерей; все это было тайной вотчиной Гиммлера. Это следует, например, из документа Р-91, в котором содержится приказ одного из учреждений Гиммлера произвести по «еврейскому сектору» арест 45 тысяч человек и использовать их как заключенных концлагерей на работах.

Предъявив документ Л-61, обвинение хотело доказать виновность подсудимого Заукеля в этой области. Документ является отношением от 26 ноября 1942 г., направленным из аппарата Заукеля председателям управлений труда провинций. Согласно ему еврейские рабочие, еще находившиеся на предприятиях, с согласия начальника полиции безопасности и СД должны были быть изъяты с предприятий и отправлены в Польшу. Отношение подтверждает, что Заукель не имел никакого отношения к использованию труда евреев, заключенных в концлагерях, ибо еврейские рабочие изымались из его сферы деятельности под предлогом эвакуации.

В документе говорится об «уничтожении с помощью труда». Однако документы ПС-682 и ПС-654 от сентября 1942 года ясно показывают, что Гиммлер, Геббельс и министр юстиции Тирак предприняли здесь секретный маневр. Подсудимый Заукель не причастен к нему.

Вопрос об использовании рабочих в рамках организации тогда также не входил в компетенцию подсудимого Заукеля. Поэтому к нему совершенно не относится обвинение, предъявленное на основании документа ИК-58, относительно методов использования рабочей силы на островах в Ла-Манше. Документы не показывают, что подсудимый Заукель знал об этих вещах или что он мог воспрепятствовать их проведению...

Особой областью является вербовка рабочей силы гражданскими и военными учреждениями. Частично она осуществлялась нелегально, «дико» и держалась в секрете от подсудимого Заукеля, так как последний боролся с ней и старался при всех обстоятельствах пресечь ее. Иногда распоряжения о проведении ее давались через голову Заукеля. Такую нелегальную вербовку рабочих проводили эсэсовские органы, дирекции железных дорог, строительные батальоны, военно-воздушные силы, транспортные подразделения Шпеера, штабы подразделений по строительству укреплений, саперные части и иные учреждения.

Исключение этих пунктов из обвинения, предъявляемого Заукелю, должно сократить инкриминируемые ему преступления, ибо в таких вопросах распоряжения Заукеля не имели решающего значения.

Документ ПС-204 показывает положение в Белоруссии при вербовке «подсобных рабочих для транспорта».

Об аналогичном явлении свидетельствует документ ПС-334, говорящий о необходимости организации самостоятельной кампании по мобилизации подсобных рабочих для военно-воздушных сил, что никак не может быть поставлено в вину Заукелю. Использование молодежи как пункт обвинения, известное под названием акция «Сено» (документ ПС-031 от 14 июня 1944 г.), находилось вне сферы деятельности Заукеля. Инициатором акции было командование 9-й армии совместно с министерством по делам восточных оккупированных областей.

Письмо подсудимого Розенберга имперскому министру Ламмерсу от 20 июля 1944 г. (документ ПС-345) ошибочно ссылается на «согласованность» с генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, но зато подтверждает, что подсудимый Заукель не имел никакого отношения к кампании по вербовке вспомогательных рабочих для СС и отказался от участия в ней.

Согласно документу ПС-1137 от 19 октября 1944 г. в министерстве Розенберга существовал особый отдел по вербовке

молодежи, который выполнял эту задачу с помощью своего собственного персонала. Без ведома подсудимого Заукеля рабочих привозили непосредственно на военные предприятия.

Через голову всего аппарата подсудимого Заукеля проводились мероприятия, на которые Гитлер давал приказы непосредственно местным военным инстанциям и инстанциям гражданской администрации.

Из обвинения против Заукеля должны быть исключены, например, изложенные в документе ИК-78 мероприятия, осуществленные в порядке подавления движения сопротивления во Франции, непосредственная ответственность подсудимого Заукеля за которые отпадает.

По этой же причине подсудимого Заукеля нельзя сделать ответственным за отягчающие вину обстоятельства, перечисленные в пункте 3 VIII раздела Обвинительного заключения под заголовком «Депортация», целью которой было заключение в концлагеря.

Подсудимый Заукель не отвечал за депортацию, проводившуюся по политическим и расовым соображениям, о чем говорится в разделе VIII (в) Обвинительного заключения.

Из упомянутых там приблизительно 5 миллионов советских граждан лишь часть была использована по линии Заукеля.

Вопрос об ответственности Заукеля за использование военнопленных также отпадает. Эту рабочую силу нечего было вербовать, ее надо было только распределять, что делали особые организации, находившиеся при лагерях военнопленных и работавшие в контакте исключительно с военными инстанциями. Их задача состояла только в том, чтобы использовать военнопленных там, где это было нужно.

Подсудимый Заукель мог лишь подавать заявки о переводе военнопленных на работу в то или иное место. Об этом говорит документ обвинения ПС-1296 от 27 июля 1943 г., в третьем пункте которого указывается на рост использования военнопленных, происходящий по согласованию с командованием сухопутных войск.

Военнопленные направлялись на предприятия только под контролем военных организаций, которые наблюдали за выполнением положений Женевской Конвенции. Заукель никоим образом не связан со смертью сотен тысяч военнопленных Советского Союза в 1941 году, о которых говорит Гиммлер в своей речи в Познани и для замены которых должны были быть получены рабочие (документ ПС-1919).

Если, несмотря на это, в официальном советском отчете о лагере Ламсдорф (документ СССР-415) устанавливается связь подсудимого Заукеля с теми фактами истязаний военнопленных, которые там имели место, то это происходит лишь на

основании утверждения, что ему по служебной линии якобы сообщалось о положении в лагере. Это обвинение неверно.

Руководящие инстанции предлагали использовать для питания заключенных в лагере лошадиное и кошачье мясо (документ ПС-1206) и выпекать хлеб очень низкого качества (документ СССР-177). Совсем незадолго до вступления подсудимого Заукеля на свой пост Гиммлер строго приказал разместить рабочих за колючей проволокой. Можно сказать, что тогда обращение с иностранными рабочими было хуже, чем когда-либо в стране.

Подсудимый Заукель потребовал убрать колючую проволоку, установленную вокруг лагерей, и добился этого.

Установлено, что высшие инстанции оккупированных областей, издавая законы о трудовой повинности, неукоснительно выполняли их. Все эти инстанции имели собственный административный аппарат и защищали свои ведомства от посягательств других. Это доказывается письмом министра по делам восточных оккупированных областей Розенберга, адресованным имперскому комиссару Украины Коху 14 декабря 1942 г. (ПС-194), в котором подсудимый Розенберг особенно подчеркивает право самостоятельно решать вопросы, связанные с мобилизацией и использованием рабочей силы, для чего у него были свои собственные учреждения — от министерства до бирж труда на местах.

Давая этим учреждениям указания как специалист, подсудимый Заукель мог требовать от них только представления установленного числа рабочих с целью перевозки их в Германию. Этим ограничивались полномочия, за рамки которых он никогда не выходил. Для выполнения приказов в каждую область был назначен уполномоченный. Последний согласно распоряжению от 30 сентября 1942 г., хотя и подчинялся непосредственно подсудимому Заукелю, однако не принадлежал к его аппарату, а числился сотрудником какого-либо из областных учреждений.

В письме к подсудимому Заукелю от 21 декабря 1942 г. подсудимый Розенберг жалуется на методы мобилизации и использования рабочей силы на востоке. Это следует расценить как жалобу министра, который видит, что он не в состоянии добиться своего от подчиненных, и обращается к предполагаемому источнику трудностей, которые встают перед ним.

Выполнение Заукелем заданий по набору рабочей силы являлось его обязанностью, которую он должен был выполнять «при всех условиях». Он должен был побороть слабость и ведомственный эгоизм и следить за тем, чтобы местные инстанции не бездействовали, а своевременно предоставляли необхо-

димое количество рабочей силы и чтобы другие инстанции не задерживали ее в своих целях.

Нельзя говорить о непосредственной ответственности подсудимого Заукеля за мобилизацию рабочих. Ответственность подсудимого Заукеля заключается в том, что он знал о беспорядках, понимал, что они не могут быть устранены, и, несмотря на это, продолжал требовать рабочих.

Можно ли верить подсудимому Заукелю, когда он заявляет, что не знал о том положении, о котором здесь говорило обвинение.

То, что поступало к нему официальным порядком, недостаточно для доказательства того факта, что он знал о нем. Свидетели подтверждают, что ему были не известны методы вербовки рабочих. Здесь представлены документы учреждений оккупированных областей, из которых ясно вытекает, что рейхскомиссар Украины приказал сжигать дома для подавления сопротивления, оказываемого населением оккупационным властям. Имеются распоряжения, которые предусматривают такие мероприятия.

Сообщения относительно этих событий, поступающие в министерство по делам восточных оккупированных областей, не говорят о том, что виновные в этих событиях подвергались уголовному преследованию; напротив, они говорят о том, что такое преследование прекращалось, как, например, дело Рааба (документ ПС-254), дело Мюллера (документ ПС-290).

Подсудимый Заукель объездил всю Украину, но местные инстанции, конечно, не сообщали ему ничего такого, что могло бы причинить неприятности...

Издавались распоряжения, в которых содержались указания о принятии строгих мер за неисполнение трудовой повинности: лишение продовольственных и промтоварных карточек, арест членов семьи и взятие заложников.

Допустимы ли такие меры?

Лишение продовольственных карточек стало теперь обычным средством принуждения, которое поκειται на системе рационарования и которое находит полное обоснование в существующем положении. Такая мера наказания легко применима и не требует никаких особых инстанций для приведения ее в исполнение; с другой стороны, она очень эффективна.

Что касается ареста членов семей, то и по сегодня можно наблюдать тяжелые нарушения индивидуальной ответственности. Гаагские Правила ведения сухопутной войны охраняют население от коллективного наказания, но они не охраняют членов семей, которые могут рассматриваться как совиновники в случае отказа от работы одного из членов семьи. Предъявленный в качестве документа РФ-30 французский закон от 11 июня

1943 г. предусматривает такую ответственность только при наличии сознательного содействия...

Накладывание оков можно толковать по-разному, но к полному пониманию субъективной стороны этого вопроса можно прийти, лишь учтя обстоятельства, при которых распоряжения были сделаны, и что послужило поводом к ним.

Основной причиной таких распоряжений явилась борьба с сопротивлением и саботажем, которые принимали во Франции все более острые формы. Это не заявления, свидетельствующие о жестокости и цинизме, — это высказывания, которые означали призыв к борьбе с нерешительностью соответствующих учреждений.

Следующий вопрос, который должен быть здесь затронут, заключается в следующем: не исчерпал ли подсудимый Заукель своими мероприятиями источники рабочей силы страны в такой степени, что дополнительно рабочую силу можно было получить только с помощью применения нечеловеческих методов, и знал ли об этом подсудимый Заукель.

Установлено, что цифры были очень высокими, но... главным было не отсутствие возможности добиться выполнения намеченных планов, а то, что эти планы срывались...

Я перехожу к вопросу об обращении с рабочими. Чтобы облегчить рассмотрение этого вопроса, необходимо выделить отдельные области, ответственность за которые несли разные инстанции.

За общие условия труда на предприятиях отвечали руководители предприятий.

За общие условия жизни вне предприятий отвечал «германский трудовой фронт».

Это разграничение ответственности довольно ясно очерчено в обвинительном заключении, где названо два представителя: Крупп и доктор Лей.

За деятельность в этих областях подсудимый Заукель отвечает лишь постольку, поскольку она основывалась на его директивах или если Заукель не осуществлял должного надзора и не предпринимал нужных мер...

Подсудимый Заукель не может уклониться от непосредственной ответственности, если он знал и терпел вещи, которые по утверждению обвинения накладывали особый отпечаток на способ вербовки рабочих и их жизнь в лагерях и на предприятиях. Его обязанность состояла в осуществлении надзора, притом и в тех областях, за которые он не нес непосредственной ответственности. За размещение и продовольственное снабжение рабочих отвечали предприятия, где они работали...

Германский трудовой фронт ведал перевозками рабочих, действуя в соответствии с распоряжением номер 4 Заукеля.

Задача трудового фронта состояла в перевозке рабочих вплоть до места их работы. Те факты, которые приведены в ноте Министерства иностранных дел СССР (документ СССР-51), не могут относиться к перевозкам, проводившимся организованно под руководством ответственных за это лиц; они могут относиться только к так называемым «диким» перевозкам. То же относится и к перевозкам, местом назначения которых были концентрационные лагеря...

Случаи, упомянутые обвинением и имевшие место в некоторых из 60 лагерей фирмы Круппа, могут быть объяснены только необычным сплетением обстоятельств. Эти случаи не были типичны, и они не могут свидетельствовать о существовании невыносимых условий вообще...

Нужно рассмотреть еще один правовой вопрос Устава, состоящий в том, как квалифицировать положение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы: по статье 6 или по статье 8, то есть являлся подсудимый Заукель правительственным чиновником, имевшим самостоятельную власть, или он действовал лишь согласно приказам.

Требования на рабочую силу выдвигались каждый раз на основе особого приказа Гитлера, как прогаммные требования. Заукель должен был только раепределять ее. Этим объясняется то обстоятельство, что подсудимый Заукель в своих действиях всегда ссылаясь на «приказы и задания» Гитлера...

Заукель не имел самостоятельной власти. Об этом говорит и то, что после приказа о его назначении он должен был подчиняться непосредственно уполномоченному по четырехлетнему плану и был включен в состав министерства труда, которое сохранилось в прежнем виде со всеми статс-секретарями. В его ведение было передано только два отдела.

Таким образом, ответственность Заукеля может быть установлена только в рамках 8 статьи Устава.

На этом я заканчиваю рассмотрение специального вопроса об использовании рабочей силы.

Подсудимому Заукелю предъявлено обвинение по всем пунктам Обвинительного заключения, причем отдельные преступления не вменяются ему лично в вину.

Какую роль мог играть подсудимый Заукель в заговоре?

Он был гаулейтером в Тюрингии и ничем не выделялся из числа прочих гаулейтеров...

До своего назначения на должность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, то есть до марта 1942 года, подсудимый Заукель не принадлежал к узкому кругу тех, которые в какой-то мере могли знать о планах Гитлера. Он знал только то, что передавали по радио и печатали в прессе, то есть то, что знал каждый...

Совещание подсудимого Иодля с адвокатом

Будучи верным приверженцем Гитлера, подсудимый Заукель оставался одиноким в кругу людей, знавших многое. Понятно, что эти люди не делились с Заукелем своими взглядами. Он не был посвящен в секреты тех людей, которые хотели быть одновременно и друзьями, и убийцами Гитлера, как он не был осведомлен и о той группе людей, которые были врагами Гитлера, но держали свои истинные отношения к нему в строжайшем секрете.

Еще и сегодня подсудимый Заукель не может охватить всего случившегося.

Я прошу оправдать подсудимого Заукеля.

РЕЧЬ ЭКСНЕРА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО АЛЬФРЕДА ИОДЛЯ

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 18 и 19 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи!

Перед нами имеется материал, охватывающий четверть столетия мировой истории и события в четырех частях света. На основании этого огромного материала обвиняются одновременно 22 человека. Это чрезмерно затрудняет рассмотрение вины и ответственности каждого, ибо здесь были выявлены бесчеловечные акты, размеры которых трудно себе представить, и возникает опасность, что густая тень, которая падает на одну часть подсудимых, затмит и другую. Я опасаясь, что, находясь в данном обществе, кое-кто покажется совсем в другом свете, чем он казался бы, если бы сидел на скамье подсудимых один.

Обвинение употребляет понятие «заговор» с целью сделать вывод, что отдельные лица должны нести индивидуальную ответственность за то, что совершили другие. Из выступлений моих коллег следует, что в действительности никакого заговора с целью совершения преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности не существовало. Но я хочу сказать и другое: если бы даже такой «заговор» действительно и существовал, то Иодль, во всяком случае, в нем не участвовал.

Он не участвовал ни на одном из больших совещаний, на которых Гитлер излагал свою программу. Книгу Гитлера «Моя борьба» — это евангелие национал-социализма — он читал лишь отрывками. Иодль остался аполитичным человеком соответственно своим личным наклонностям, которые были далеки от партийной политики, и соответственно традициям старого офицерского рода, из которого он происходил. Будучи внутренне настроен либерально, он питал мало симпатии к национал-социализму. Формально ему, как офицеру, запрещалось быть членом партии. Иодль не присутствовал ни на одном из решающих совещаний у Гитлера, ни 5 ноября 1937 г., ни в Оберзальцберге в феврале 1939 года, ни 23 мая 1939 г., ни

22 августа 1939 г. И в этом нет ничего удивительного. Иодль был тогда слишком маленьким человеком, чтобы его привлекали к решениям вопросов государственного значения.

В октябре 1938 года Иодль был переведен из ОКВ в Вену в качестве начальника артиллерии дивизии.

То, что в случае войны он должен будет работать в штабе фюрера, было давно решено. Это определялось порядком, установленным на текущий мобилизационный год. Этот мобилизационный год заканчивался 30 сентября 1939 г.

23 августа 1939 г. Иодль прибыл в Берлин. Начало военных действий было назначено на 25 августа. Однако по неизвестным ему причинам начало войны было затем отложено на 6 дней. План польской кампании был уже готов...

Гитлеру Иодль был представлен 3 сентября 1939 г., то есть после начала войны, когда основные решения были уже приняты.

Его служебное положение приблизило его к Гитлеру. Но и тогда он не узнал планов и намерений Гитлера.

Обвинитель все время ссылался на речь Иодля перед гаулейторами, стараясь показать, что Иодль, несмотря на все, отождествлял себя с партией и ее устремлениями, что он был не только солдатом, но и политиком, что он был преданным приверженцем Гитлера... Надо принять во внимание обстоятельства, послужившие поводом для этой речи. После 4 суровых лет войны партия попыталась, дав информацию специалиста о военном положении, поднять падающий дух гаулейтеров. Выполнить это по назначению фюрера должен был генерал-полковник Иодль... Доклад назывался «Военное положение в начале 5-го года войны» и его содержание является чисто деловой информацией о военном положении на различных фронтах и описанием того, как оно создалось. Доклад начинается и заканчивается, по крайней мере, согласно представленному документу, хвалебной песней фюреру, из чего обвинители делают не совсем верные выводы...

Теперь я перехожу к тем отдельным действиям, которые вменяются в вину Иодлю.

Согласно статье 6 Устава Суд рассматривает дело о преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые перечислены в Уставе и за которые установлена индивидуальная уголовная ответственность виновных в совершении этих действий лиц.

Иодлю ставится в вину участие в планировании и осуществлении нападения на Австрию и Чехословакию.

Плана наступления на Австрию вообще не существовало. На заседании 12 февраля 1938 г. в Оберзальцберге Иодль не присутствовал. Через два дня было приказано представить

проект известных демонстративных маневров, очевидно для того, чтобы оказать давление на Шушнига и заставить его придерживаться Оберзальцбергского соглашения. В этом нет ничего противоречащего нормам права, хотя обвинитель и говорил о «преступных методах». О решении фюрера относительно ввода войск в Австрию Иодль узнал совершенно неожиданно за два дня до его осуществления. Это свое решение в виде приказа фюрер передал по телефону. Письменный приказ Иодля являлся только изложением в письменной форме приказа Гитлера.

Затем операция в Чехословакии. Еще в начале 1938 года Гитлер заявил, что он не намерен «в ближайшее время нападать на Чехословакию». После неспровоцированной частичной чешской мобилизации он изменил свою точку зрения, решив с 1 октября 1938 г. заняться решением чешского вопроса... Иодль должен был провести ряд подготовительных мероприятий в рамках штаба. Делая это, он был убежден, что его работа останется чисто теоретической, так как, учитывая желание фюрера при любых обстоятельствах избежать конфликта с западом, следовало ожидать мирных соглашений...

Иодлю ставится в вину то, что он в одном из тезисов своего доклада предложил «организовать» инцидент, чтобы иметь повод к началу наступления. Причины этого он нам объяснил здесь. Однако дело не дошло до какого-либо инцидента...

Занятие Судетской области само по себе протекало так же мирно, как и занятие Австрии...

Указанные выступления Иодля не являются наказуемыми согласно Уставу действиями. Здесь не было нападения (в таких случаях имеет место применение силы); еще меньше это были войны (для этого необходимо наличие вооруженной борьбы), не говоря уже о том, что они не являлись агрессивными войнами.

Устав, предусматривая наказание за подготовку агрессивных войн, имеет, очевидно, в виду следующее: лицо, подготовившее агрессивную войну, которая действительно была осуществлена, должно быть наказано. Но планы войн, которые остались только планами, очевидно, сюда не относятся.

Оккупация остальной части чехословацкой территории в марте 1939 года не нуждается в более подробном обсуждении, ибо Иодль был тогда в Вене и не участвовал в этой операции. Он не имел никакого отношения и к ее планированию, так как оно совершенно не связано с его работой в генеральном штабе.

Планирование войны с Польшей. По этому поводу основное уже сказано. Когда Иодль выехал из Берлина, никакого плана наступления на Польшу не существовало. Когда же 23 августа

1939 г. он вернулся, существовало намерение 25 числа выступить против Польши. План операции был, конечно, уже готов, но Иодль к нему не причастен.

В обвинении упоминается еще о том, что 3 сентября Иодль был в поезде фюрера в Польше, и это является доказательством его участия в войне. Когда уже началась война, Иодль должен был участвовать в ней.

Пункт 8 говорит о нападении на семь государств, начиная с Норвегии и кончая Грецией...

Принимая во внимание выступление доктора Зимерса по этому вопросу, я хотел бы во избежание недоразумений добавить следующее.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что торговые суда воюющей державы могут совершать плаванья в территориальных водах нейтральных государств. Если противник с целью предотвращения подобного плаванья заминировал эти воды, то это является типичным нарушением нейтралитета. Военные суда также имеют право проходить через эти воды, пребывая в них не более установленного срока и не ведя в них боевых действий. Если это относится к военным судам, то в большей степени к тем, которые перевозят военнопленных.

Деятельность Иодля в штабе нельзя рассматривать как наказуемое сотрудничество.

Иодль, как всякий военный специалист, знал, что если Германия должна вести войну на западе, то для нее нет другого пути, кроме пути военного наступления. Учитывая недостаток в вспомогательных средствах германского вооружения в то время, а также мощность линии Мажино, с военной точки зрения не было иной возможности наступления, как наступление через Бельгию.

Голландия и Бельгия в действительности уже задолго до 10 мая 1940 г. не были нейтральными, ибо над их территориями с их согласия или против их воли практически летала авиация противника Германии. Всякий знает, какую помощь в укреплении военной мощи оказывали они тем самым Англии, то есть именно одной из воюющих сторон. Достаточно подумать лишь об «ахиллесовой пяте» Германии, о Рурской области. Наши противники, очевидно, стояли на следующей точке зрения: поскольку барьер Голландии и Бельгии защищал наши промышленные районы от авиации, нейтралитета этих стран можно было бы не уважать, но, поскольку он защищал Францию и Англию, нарушение его является преступлением.

Председатель: Можно ли напасть на нейтральную страну без предварительного предупреждения, то есть не будет ли нарушением норм международного права нападение на нейтральное государство без предупреждения?

Экснер: Мое утверждение состояло в том, что они не представляли собой нейтральных государств в момент, когда мы выступали против них.

Председатель: Значит Вы отвечаете утвердительно, Вы говорите, что можно совершить нападение без всякого предупреждения.

Экснер: В международном праве существует положение о том, что необходимо заранее объявлять войну. Германия обязана была бы тоже заранее объявить войну, но раз перед нею были не нейтральные государства, мне кажется, она могла и не соблюдать подобную обязанность.

Гитлер не собирался вовлекать Балканы в войну, но в начале октября 1940 года Италия вопреки его воле напала на Грецию. Когда итальянцам пришлось туго, они попросили у Германии помощи. Иодль рекомендовал отказать в ней, ибо в противном случае пришлось бы считаться с возможностью вмешательства Англии в дела на Балканах и тем самым потерять всякую надежду на локализацию итало-греческого конфликта. Гитлер приказал все подготовить на случай, если все-таки возникнет необходимость оказать помощь Италии в ее войне с Грецией. Это — приказы от 12 ноября и 13 декабря 1940 г.

Локализовать греко-итальянский конфликт не удалось. Стало ясно, что Греция будет втянута в войну Германии и Англии. Вопрос заключался лишь в том, под чьим военным контролем будет находиться Греция — под контролем Англии или Германии. Выбора не было, так как греческая территория все более и более переходила бы в сферу влияния Англии, и если бы Германия не воспрепятствовала этому, превратилась бы в плацдарм бомбардировочных эскадр в их операциях против румынских нефтеносных районов.

Гитлер не хотел втягивать в войну и Югославию. Германские войска на Балканах имели строжайшую директиву пунктуально соблюдать ее нейтралитет. Гитлер даже отклонил ходатайство начальника штаба сухопутных сил о том, чтобы просить у Югославского правительства разрешения на провоз через югославскую территорию запломбированных немецких эшелонов с военными материалами.

Путч Симовича в Белграде в ночь после присоединения Югославии к пакту трех держав Гитлер воспринял как коварное предательство. Он считал, что смена правительства в Белграде, которая изменила курс внешней политики на 180 градусов, оказалась возможной только благодаря тому, что Англия и Советский Союз обеспечили тыл. С этого момента ему стало очевидно, что Балканы целиком будут вовлечены в перипетии войны. Для него было ясно, что германские войска в Болгарии

подвергаются серьезной угрозе, так же как и германская коммуникационная линия, проходившая вблизи югославской границы.

При таком положении Гитлер на утро после белградского путча принял решение начать войну, к которой не было проведено ни малейшей подготовки. Предложения Иодля, а позднее также и Риббентропа, заключавшиеся в том, чтобы, предъявив ультиматум, окончательно выяснить положение вещей, даже не обсуждались. Гитлер хотел обеспечить германский контроль над Югославией и Грецией и не допустить такового со стороны Англии. Решение о войне с Югославией принял Гитлер и только Гитлер.

Пункт 9 касается войны с Советским Союзом... Советский Союз был для германского партнера совершенно загадочной величиной. Так это и осталось. Тот, кто не учтет этих фактов, тот вообще не сможет оценить решение Гитлера о военном нападении на Советский Союз и прежде всего не сможет решить вопрос о виновности Иодля.

Если когда-нибудь Гитлер и действовал иначе, то в данном случае он принял свое решение, не выслушав ни от кого ни малейшего совета, не говоря уже о том, чтобы последовать последнему.

Переброска нескольких дивизий с запада, где они не были больше нужны, на восток не имела никакого отношения к подготовке нападения. Эта переброска была произведена по ходатайству командующего войсками на востоке, который слабыми силами, имевшимися у него в распоряжении, не мог решить задачи безопасности. В конце августа (директива от 27 августа 1940 г.) 10 пехотных и 2 танковых дивизии были перебросены в генерал-губернаторство на тот случай, если возникнет необходимость проведения молниеносного наступления с целью защиты румынских нефтепромыслов.

Кажется, в то же самое время Гитлер без ведома Иодля поставил перед штабом сухопутных сил задачу на всякий случай подготовить план операций против Советского Союза. Начиная с осени 1940 года штаб сухопутных сил начал разрабатывать такой план.

18 декабря 1940 г. Гитлер приказал начать военные подготовительные мероприятия... Наготове нужно было быть для того, чтобы не позднее начала лета 1941 года нанести удар. Этот срок был последним и в то же самое время самым ранним сроком, так как для развертывания сил было необходимо более четырех месяцев...

Иодль лишь выполнял при этом свои задачи офицера генерального штаба. Он был убежден и продолжает оставаться

при этом убеждении и сейчас, что мы вели настоящую превентивную войну.

Наконец, пункт 10 касается войны против США.

То, что Иодль не хотел увеличить число наших врагов еще на одну державу мирового значения, является само собой разумеющимся фактом.

Иодль был начальником штаба оперативного руководства вооруженных сил, этот штаб являлся управлением ОКВ, которое, в свою очередь, подчинялось Кейтелю. Главная задача Иодля, как показывает название его управления, состояла в оказании помощи верховному главнокомандующему в деле оперативного руководства вооруженными силами. Он был советником фюрера по всем оперативным вопросам, по существу начальником штаба верховного командования вооруженных сил. Задачей начальника штаба во всех странах, которые имеют подобную организацию, является не издание приказов, а консультация, помощь в разработке военных операций и выполнение принятых решений. В главной ставке фюрера находился только штаб оперативного руководства, о деятельности которого Иодль докладывал непосредственно фюреру. К другим управлениям ОКВ он не имел никакого отношения.

Какой же вывод следует сделать из всего этого относительно ответственности Иодля за действительные и мнимые агрессивные войны.

Иодлю предъявляется обвинение в том, что он принимал участие в планировании и подготовке войн, которые велись в нарушение норм международного права. Это обвинение было справедливо лишь в том случае, если бы в его функции входила проверка правомерности поставленных перед ним задач, например, подготовки какой-то войны. Однако это в его функции не входило. И далее, понятие агрессивной и противозаконной войны, как об этом уже говорилось, еще не совсем ясно определено практиками и теоретиками международного права и является спорным.

Обвинители говорят, что генералов хотят наказать не за то, что они вели войну, в конце концов это их задача. Их обвиняют в том, что они способствовали развязыванию агрессивной войны. Без генералов, которые были помощниками Гитлера, он не мог бы вести войн. Утверждают, что Иодль способствовал делу развязывания агрессивных войн. Однако, как это было уже в полной мере доказано, он не принимал участия в развязывании войны с Польшей. А ведь как раз эта война была походом, который в силу стратегической необходимости повлек за собой все остальные.

Прежде чем перейти к военным преступлениям и преступлениям против человечности, я должен сказать еще несколько

слов о том, каков был круг компетенции Иодля как начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил.

Иодль прежде всего был советником фюрера по вопросам оперативного руководства вооруженными силами. Он не имел никакого отношения к военнопленным, которыми занимался особый отдел ОКВ; он не имел никакого отношения ни к администрации оккупированных областей, ни к заложникам, ни к массовой депортации. Иодль не имел ничего общего с полицейскими задачами в зоне операций или в тыловых районах армии. Штаб оперативного руководства вооруженных сил не имел права издавать приказы, однако существует много приказов, которые Иодль или подписал «по поручению», или визировал своим инициалом «И».

Сейчас мы должны рассмотреть эти приказы и вопрос, кто является ответственным за них.

Во-первых, это — приказы, которые начинаются словами «фюрер приказал» и которые подписаны Иодлем или подписаны Кейтелем и завизированы Иодлем. Это приказы, отданные фюрером устно Иодлю с поручением оформить их письменно и обработать стилистически. Что касается вопроса об ответственности за них, то в принципе Иодль ответствен за них так же, как и за приказы, подписанные непосредственно Гитлером. Но если признавать приказ фюрера противозаконным и наказуемым, все-таки нельзя уйти от того факта, что в задачу Иодля не входила проверка его правомерности, — в его задачу входило лишь правильное оформление приказа, то есть выполнение воли приказавшего. Если он делал это и только это, то он не может нести ответственности за них.

Во-вторых, Иодль очень часто подписывал приказы, ставя перед подписью буквы «I. A.», что значит «По поручению», или визировал приказы, подписанные Кейтелем, ставя свой инициал «И». Как обстоит дело с ответственностью за эти приказы? Здесь мы должны различать военную и уголовноправовую ответственность. В военном отношении за приказ отвечает начальник, по поручению которого этот приказ был подписан. Уголовное право акцентирует внимание на действительно виновном, а не на ответственном с военной точки зрения. В большинстве случаев тот, кто проставляет свои инициалы, или тот, кто подписывает «по поручению», является автором документа. Возможно, что именно он несет уголовноправовую ответственность, хотя с военной точки зрения он и не ответствен за них. Поэтому в каждом отдельном случае следует установить фактическое участие обоих подписавших, и после этого уже решать вопрос о виновности.

В-третьих, если Иодль проставлял свой инициал не справа под последним словом документа, а на первой странице справа

наверху, то это значит, что этот документ был представлен ему лишь для ознакомления. Но это еще не говорит за то, что он действительно читал этот документ и одобрил его. Проставление инициалов само по себе не возлагает на человека, таким образом завизировавшего данный приказ, какую-либо уголовно-правовую ответственность за его содержание.

В-четвертых, в качестве уличающих документов по делу Иодля были представлены отдельные записи Иодля, так называемые «Заметки к докладу», а также замечания, сделанные им от руки на планах и других документах. Как могут быть расценены с юридической точки зрения такого рода замечания и записи? Относительно плана «Грюн» в связи с предложением при случае устроить инцидент эти заметки содержат соображения, донесения о фактическом положении дел, мнение автора или других лиц и т. п. Это не приказ, это лишь материал, на основании которого начальник может прийти к решению, будет он издавать приказ или нет, и если да, то какой именно. До тех пор, пока эти записи остаются в таком виде, они представляют собой документ, лишенный с международной точки зрения всякого значения; документ, который не может означать никакого нарушения законов и обычаев войны, не является основанием для наказания. То же самое можно сказать и о замечаниях на полях, которых очень много в документах ОКВ. Это — замечания следующего характера: «да», «нет» или «это невозможно» и т. д. При оценке таких замечаний следует быть осторожным: очень часто эти замечания делаются весьма небрежно, без особого раздумывания над ними, рассчитаны на то, что их будет читать определенное лицо, и т. д. Если мы все это примем во внимание, то уже с самого начала отпадают отдельные моменты обвинения, выдвинутые против Иодля.

1. Отпадает вопрос о виновности Иодля относительно летчиков, отданных на самосуд толпе (ПС-721, ПС-735). Иодль был против этой мысли, так как она должна была привести к массовому убийству всех летчиков, выбросившихся с парашютом.

2. Приказ о комиссарах (ПС-884). На этом ужасном проекте приказа, составленном еще до начала войны с Россией, Иодль сделал следующее замечание: этот приказ вызовет месть по отношению к нашим солдатам, лучше представить данное дело как репрессалии. В последующее время Иодль больше не занимался этим вопросом...

3. Женевская Конвенция (Д-606). По этому вопросу Иодль предъявил Гитлеру не только заметки к докладу, но и очень подробное заключение, так как он ни за что не хотел допустить осуществления планов последнего, предусматривающих рас-

торжение Конвенции. Иодль привел все доводы против расторжения и успокоил Гитлера словами, что и без расторжения Конвенции можно не выполнять ее отдельных положений. Это тоже не уголовно-наказуемое деяние и в крайнем случае свидетельствует лишь о настроении, идущем вразрез с нормами международного права.

4. Приказ о Ленинграде. 7 октября 1941 г. Иодль сообщил командующему сухопутными силами (и это было не чем иным, как сообщением), что Гитлер повторил уже ранее изданный им приказ, согласно которому воспрещалось принимать предложения о капитуляции Москвы и Ленинграда. Однако такого предложения о капитуляции никогда не делалось. Все это дело осталось только на бумаге и уже поэтому не может служить поводом для обвинения в нарушении международного права...

Далее я хочу остановиться на отдельных военных преступлениях, которые ставятся Иодлю в вину.

Приказ о командос. Два приказа, целиком составленные Гитлером и подписанные им 18 октября 1942 г., сыграли на процессе особую роль: так называемый приказ войскам о командос (ПС-498) и приказ командующим, идущий в дополнение к первому приказу (ПС-503) и разъясняющий его.

Эти приказы по своему содержанию находятся вне поля деятельности Иодля... и являлись инструктивными распоряжениями к приказу, изданному Гитлером за 11 дней до этого, также лично им составленному и опубликованному в виде приложения к оперативной сводке от 7 октября 1942 г...

Иодлю вменяется в вину два обстоятельства: 1) он передал по инстанции составленные Гитлером приказы и 2) на втором приказе, являющемся инструктивным распоряжением к первому и адресованном командующим, поставил гриф секретности...

Иодль считал понятной основную тенденцию приказа Гитлера, опубликованного в сводке верховного командования вооруженных сил. Приказ Гитлера о командос от 18 октября 1942 г. он считал частично приемлемым, частично вызывавшим сомнения с точки зрения норм международного права. По мере сил Иодль содействовал тому, чтобы применение на практике приказа о командос оставалось в пределах безусловно допустимого.

Требование Иодля о сохранении приказа в тайне истолковано как признак сознания Иодлем своей вины. Основной приказ, помещенный в оперативную сводку, стал известен всему миру. Правда, Иодль дал указание о хранении второго приказа, изданного с целью разъяснения первого, в тайне. Он не хотел, чтобы стала известной заключительная его часть, со-

гласно которой пленных участников диверсионных команд после их допроса надлежало расстреливать.

В остальном необходимо подчеркнуть следующее: рассылка приказа не является основанием для того, чтобы считать лицо, разославшее приказ, ответственным за его содержание.

Что же касается борьбы с партизанами, то Иодль лично не ведал этим делом, но он должен был заинтересоваться им, когда движение партизан приняло такие масштабы, что начало ставить под угрозу срыва проведение военных операций. В 1942 году он издал наставление по борьбе с партизанами, которое в 1944 году было заменено новым наставлением. Не может быть и речи о том, чтобы эта борьба не регулировалась никакими правилами. Хотя Гитлер и хотел вести борьбу с этим опасным противником невзирая на существовавшие нормы морали и международного права, Иодль без его ведома издал памятку о борьбе с партизанами, которая, по моему мнению, находится в полном соответствии с нормами международного права. Нельзя обвинять Иодля в том, что, несмотря ни на что, борьба с партизанами приняла такой характер. В задачи начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил не входит контроль за выполнением своих распоряжений на четырех театрах военных действий.

Во время перекрестного допроса обвинение инкриминировало Иодлю приказ о разрушении деревень в Норвегии. Имеется в виду телеграмма от 28 октября 1944 г. командующему 20-й горно-стрелковой армии. Обвинение не признает той роли, которая выпала при этом на долю Иодля... Гитлер не по предложению генералов, а по предложению имперского комиссара по делам оккупированных областей Норвегии издал приказ, который Иодль по его поручению передал командующему 20-й горно-стрелковой армии со всеми комментариями Гитлера как военного, так и морального порядка...

Обвинение хочет возложить на Иодля ответственность за депортацию евреев из Дании. При этом оно опирается на телеграмму, которую Иодль послал по поручению командующему германскими войсками в Дании. Данное утверждение обвинения особенно трудно понять, ибо из различных представленных обвинением документов ясно видно, что решение о депортации евреев из Дании было принято Гитлером по предложению доктора Беста, то есть гражданских властей, и вопреки возражениям командующего германскими войсками, выполнение же решения было передано рейхсфюреру СС. ОКВ вообще пришлось иметь дело со всем этим только потому, что в Дании тогда было объявлено чрезвычайное военное положение.

У нас долго спорили о том, должен ли преступник сознавать, что он действует против закона, или достаточно того, чтобы он сознавал, что делает что-то несовместимое со своим долгом...

Наш вопрос состоит в том, сознавал ли Иодль, подписывая и передавая различные приказы и планы, которые сегодня являются обвиняющим его материалом, что он совершает какие-либо противоправные действия. По-моему, нет...

Господа судьи! Я прошу оправдать генерал-полковника Иодля.

РЕЧЬ КУБУШОК, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ФРАНЦА ПАПЕНА

[Стенограмма заседаний Международного Военного
Трибунала от 22 и 23 июля 1946 г.]

Господин председатель, Высокий Трибунал!

Папен обвиняется в участии в заговоре, направленном на совершение преступлений против мира. Излагая обстоятельства дела, обвинение ограничивает его участие периодом до окончания его деятельности в Вене. Оно признает, что за последующий период, в частности за время его пребывания послом в Анкаре, отсутствуют данные для поддержания обвинения. Таким образом, хотя Папен и участвовал в приготовлениях к агрессивной войне, которые, по утверждению обвинения, начались уже в то отдаленное время, но он не принимал активного участия в непосредственной подготовке и совершении преступлений против мира.

Обвинение охватывает деятельность Папена в качестве рейхсканцлера последнего не нацистского кабинета, его участие как вице-канцлера в кабинете Гитлера до 30 июня 1934 г., его деятельность в качестве чрезвычайного посланника в Вене. Обвинение столкнулось с необходимостью представить объективные доказательства того, что в этот промежуток времени уже велись подготовительные действия к совершению преступлений против мира и что Папен участвовал в них, ясно сознавая намеченную цель. Поскольку пунктами обвинения охватывается деятельность, сама по себе легальная, а преступность отдельных действий определяется преступными целями, субъективная сторона играет в деле Папена основную роль.

Обвинение столкнулось с тем фактом, что зачастую высказываемые Папеном взгляды и проводившаяся им в действительности политика не соответствует тому толкованию, какое придает им обвинение. Поэтому оно считает, что он был двуличным оппортунистом, который свои искренние или, во всяком случае, открыто высказываемые убеждения приносил в жертву злободневным требованиям или желаниям Гитлера. Поэтому задача защиты состоит в том, чтобы осветить его личность и доказать,

что действия и высказывания Папена представляют собой единое и последовательное целое и что вся его деятельность сама по себе исключает всякую связь с преступлениями, предусмотренными Уставом; что его действия преследовали иные цели, чем те, которые обвинение считает установленными...

Обвинение считает, что участие Папена в заговоре началось 1 июня 1932 г., то есть с момента назначения его рейхсканцлером. Однако оно не может ответить на вопрос о том, какие данные свидетельствуют о присоединении Папена к преступному сообществу, которое в то время, очевидно, уже существовало. Ответа на этот вопрос дать невозможно. Деятельность Папена в качестве рейхсканцлера ни в какой степени не может рассматриваться как деятельность участника гитлеровского заговора. Слишком очевидны его цели при создании кабинета, а также цели правительства, осуществлявшиеся за время пребывания его канцлером, и, наконец, его отставка для того, чтобы можно было приписывать ему проведение нацистских идей, расчищение дороги для национал-социализма или же участие в якобы существовавшем уже заговоре...

Папен стремился привлечь национал-социалистскую партию к разделению ответственности, не давая ей, однако, возможности овладеть решающим постом рейхсканцлера. Такая совместная ответственность понудила бы эту политически оппозиционную партию к признанию существующего положения вещей и тем самым исключила бы возможность ведения демагогической пропаганды.

Эти первые попытки Папена привлечь национал-социалистское движение к совместной работе с правительством рассматриваются обвинением как прокладывание пути для национал-социализма.

Каковы же те данные, которые обвинение считает возможным представить в подтверждение этого обвинения?

Прежде всего то, что Папен во время своих первых переговоров с Гитлером вскоре после формирования им, Папеном, кабинета согласился отменить запрет на ношение формы — мероприятие, которое согласно парламентарным правилам было совершенно естественным, даже если бы оно было проведено исключительно как средство политической компенсации за проявление терпимости в отношении кабинета...

Письмо от 13 ноября 1932 г., в котором Папен пытается склонить Гитлера к участию в правительстве, обвинение расценивает как недостойную по форме и предосудительную по содержанию попытку проложить национал-социалистам путь к власти... Оно игнорирует тот факт, что и здесь непременным условием предложений Папена было то, что пост рейхсканцлера не будет занят кандидатом от НСДАП.

Обвинение усматривает во временном ограничении прусского местного правительства, проведенном распоряжением от 20 июля 1932 г., признаки идейной общности в деятельности Папена с национал-социализмом.

«Государственный переворот», как именует обвинение осуществление распоряжения от 20 июля, ничего общего не имеет с покровительством национал-социалистам...

Если даже при исполнении этого распоряжения министру внутренних дел, временно отстраненному от этого поста, полиция предложила покинуть служебное помещение, то все же называть это «государственным переворотом» было бы сильным преувеличением.

Отношение Папена к НСДАП проявилось еще резче, когда в конце ноября 1932 года рейхспрезидент привлек его к участию в формировании нового правительства...

Какую роль играл Папен при формировании правительства 30 января 1933 г., можно было бы оставить без рассмотрения. Достаточно того, что все усилия сформировать парламентское правительство без участия Гитлера не могли увенчаться успехом из-за численности голосов, полученных национал-социалистами в рейхстаге.

Обвинение усматривает во встрече Гитлера с Папеном в доме Шредера, состоявшейся 4 января, первую попытку формирования правительства 30 января. В действительности же эта встреча у Шредера была не чем иным, как обменом мнений о тогдашнем положении, причем Папен и Гитлер продолжали придерживаться своих прежних взглядов; Папен указал на то, что Гинденбург, судя по высказанным им опасениям, ни в коем случае не согласится на то, чтобы Гитлер занял пост канцлера.

Что касается Гитлера, то было совершенно ясно, что он будет упорствовать в своем требовании о назначении его на пост рейхсканцлера...

Папену удалось свести число национал-социалистских министров до минимума. Трех национал-социалистских членам правительства противостояли восемь не национал-социалистов, которые в большинстве своем были членами старого кабинета и гарантировали проведение прежней политики в своих ведомствах... Папен получил пост вице-канцлера. Он не был связан ни с каким ведомством, и в основном он должен был служить в качестве противовеса рейхсканцлеру.

Обвинение усматривает в этом решающий сознательный шаг для передачи всей власти национал-социалистам.

Участие Папена в формировании кабинета министров 30 января не было с его стороны попыткой добиться того, чтобы национал-социализм обладал исключительной властью.

Обвинение считает, что деятельность Папена как вице-канцлера в период с 30 января 1933 г. по 30 июня 1934 г. была продолжением его заговорщической деятельности, которая преследовала цель укрепления пришедшего к власти национал-социализма. В этой связи обвинение вменяет ему в вину участие в различных изданных в этот период правительством законах, которые, по мнению обвинения, служили лишь тем целям, о которых здесь говорило обвинение...

Если на основании закона о профессиональных чиновниках с должностей смещались только те, которые заняли свои посты не на основании специальной квалификации, а благодаря принадлежности к политическим партиям, то, помимо этого, увольнялись все те чиновники-евреи, которые были назначены на должность после 1918 года.

Затем подсудимый обвиняется в действиях, направленных против профсоюзов.

Позиция Папена по отношению к профсоюзам явствует из его речи от 4 марта 1933 г.

И в данном случае нужно учитывать, что на основании проводившихся тогда мероприятий нельзя было предвидеть размаха, который приняли события в дальнейшем, когда германский «трудовой фронт» благодаря своим бесчисленным насильственным мероприятиям заслужил осуждение.

Представленными доказательствами установлено, что закон об амнистии не был каким-либо новшеством. Учреждение особых судов было мероприятием, диктовавшимся мотивами целесообразности для быстрейшего осуждения за политические преступления, так как обычный, более длинный судебный путь не обеспечивал желанного устрашающего действия.

С момента смерти Гинденбурга Гитлер выступает в качестве диктатора, ничем уже не сдерживаемого и начинающего проводить свою беспощадную политику, по крайней мере, внутри страны.

Кроме законодательной деятельности кабинета, обвинение занималось вопросом о том, в какой степени Папен несет ответственность за подавление политических противников и за некоторые насильственные действия, происходившие в то время, которое по тогдашней терминологии называлось «национальной революцией».

Папен знал, что на основе закона имперского президента в целях защиты народа и государства были проведены мероприятия по лишению свободы большого количества деятелей левого направления.

Этот закон был издан имперским президентом, то есть помимо компетенции Папена... под впечатлением пожара в рейхстаге.

Обвинение упрекает Папена в том, что он в своей телеграмме в газету «Нью-Йорк Таймс» от 25 марта 1933 г. относительно мероприятия против евреев сообщил, что положение в Германии совершенно спокойное, и указал на то, что хотя отдельные действия имели место, но они якобы были запрещены распоряжением Гитлера.

Бойкот евреев, объявленный несколькими днями позже и проведенный 1 апреля 1933 г., был, в противоположность мнению обвинения, не мероприятием правительства, а чисто партийным мероприятием, против которого Папен на заседании кабинета вместе с другими заявил протест...

Еще более важным, чем выяснение внутривнутриполитических отношений, является рассмотрение внешней политики империи в период, когда Папен был вице-канцлером.

В своей первой речи по внешнеполитическим вопросам, произнесенной 17 мая 1933 г., он анализировал отношение Германии к Польше, которое до этого времени никогда не было вполне миролюбивым...

Уход Германии с конференции по разоружению произошел после того, как длительные переговоры не дали никакого положительного результата, и со стороны других держав не было заметно склонности удовлетворить в будущем требования Германии.

Одновременно последовавший выход Германии из Лиги наций мог рассматриваться по-разному. И здесь можно было считать, что этот выход является шагом протеста и что фактические усилия в этом доказывают желание продолжать мирную политику...

Обвинение ставит Папену в вину, что он в своей речи в Эссене восхвалял правительство Гитлера и призывал к безусловному и положительному ответу на вопросы, поставленные на голосование при проведении плебисцита.

Если бы народ во время плебисцита высказался против проведенного мероприятия, это нанесло бы ущерб германской внешней политике. Поэтому совершенно понятно, что в торжественных публичных заявлениях эта политика должна была одобряться...

Наступили события 30 июня.

Бозе был первой жертвой в самом ведомстве вице-канцлера, Юнг, который был арестован вне Берлина, также был расстрелян. Другие сотрудники штаба, которых удалось обнаружить, были арестованы полицией и позже направлены в один из концлагерей.

Обвинение во время перекрестного допроса предъявило Папену письма, которые на первый взгляд представляют собой некоторое расхождение с его обычной позицией.

Папен заверяет Гитлера в этих письмах в том, что он является его сторонником и верен ему...

Для Папена положение тогда было следующим: он знал об убийстве Бозе, судьба Юнга тогда была еще не известна. Он надеялся, что тот бежал. Трое из его сотрудников были в концентрационном лагере. Их нужно было в первую очередь освободить оттуда. Кроме того, и на будущее надо было ликвидировать подозрение о том, что кто-либо из них или сам Папен находились в связи с кругами СА. Поэтому Папен считал себя вынужденным заверить в этих письмах Гитлера в своей лояльности и верности...

Факт назначения Папена на пост посла в Вене обвинение использует для утверждения о безусловной приверженности его Гитлеру, несмотря на противоположные факты, якобы служащие, по мнению обвинения, целям маскировки.

Деятельность Папена в Вене ясно характеризуется тремя моментами: обстоятельствами его назначения 26 июля 1934 г., его письмом к Гитлеру от 16 июля 1936 г., написанным после заключения польского соглашения, и его отозванием 4 февраля 1938 г.

Его назначение объясняется следующими причинами.

Произошло важное событие. Дольфус убит, отношения между Германией и Австрией не только напряжены, но даже достигли крайне опасного пункта развития. Международное положение угрожающее. Италия концентрирует войска у Бреннера. Следовало непосредственно опасаться окончательного присоединения Австрии к одной из заинтересованных групп держав. Тем самым создавалась угроза такого положения, которое навсегда сделало бы невозможным поддержание сносных отношений между Германией и Австрией.

При столь тяжелой ситуации Гитлер, очевидно, решил отбросить в сторону свои сомнения относительно личности Папена и доверить ему пост в Вене. Папен был особенно подходящим лицом для проведения такой политики, при которой дела сдвинулись бы с мертвой точки, на которой они застыли в результате убийства Дольфуса.

Со стороны Папена, естественно, имелись большие сомнения относительно того, следует или не следует занять этот пост.

Обвинение утверждает, что Папен, как верный приверженец уже известных агрессивных планов Гитлера, охотно заявил о своей готовности вступить на этот новый пост...

Письмо Папена к Гитлеру от 16 июля 1936 г., являющееся сообщением об успехе его многолетних усилий, направленных на установление мирных отношений с Австрией, раскрывает истинные причины согласия Папена занять этот пост. Папен

указывает, что теперь достигнута та цель, для осуществления которой он был 26 июля 1934 г. назначен в Вену. С заключением договора от 11 июля 1936 г. он считал свою задачу выполненной.

Что же хотели с помощью сомнительных истолкований приписать его миссии? Он якобы как послушный инструмент агрессивных планов Гитлера взялся выполнить задачу по подготовке и осуществлению насильственного присоединения Австрии. Он якобы был уполномочен изнутри подрывать правительство Шушнига и сотрудничать с нелегальным нацистским движением в Австрии ради достижения этой цели. А все то, что он сделал для улучшения обоюдных отношений, — маскировка, чтобы легче было осуществлять истинные планы...

Третий момент, который ясно характеризует деятельность Папена в Вене, это отзыв его из Вены 4 февраля 1938 г. В этот период было произведено преобразование важнейших военных и политических инстанций. Личности смещенных военных и дипломатов ясно говорят о том, какова была истинная причина произведенного тогда необычного и обширного преобразования. Если Гитлер тогда безо всякой видимой причины, совершенно неожиданно и не приведя никаких объяснений, сместил также и Папена с его поста, то это ясно доказывало, что Гитлер, начиная радикальный внешнеполитический курс, не считал больше Папена подходящим лицом для Вены...

Обвинение при перекрестном допросе представило доклады разных заграничных инстанций, которые Папен пересылал в Берлин. Оно считает, что Папен использовал содержание этих докладов. Это предположение неверно. Совершенно ясно, что целью пересылки докладов заграничной службы разведки является информация.

Доклады из-за границы, которые Папен передавал непосредственно Гитлеру, могли и должны были обратить его внимание на строгие моменты и побудить его устранить их.

В регулярных сообщениях Папен информировал Гитлера о положении в соседних государствах. Проверка содержания этих сообщений показывает, что здесь речь шла только о проблемах, которые находятся в непосредственной связи с внешнеполитическим положением Австрии на Балканах, то есть о проблемах, которые входили в круг задач аккредитованного посланника в Вене.

Наконец, я хочу еще коснуться аффидевита Мессерсмитта. Моя критика могла бы вообще ограничиться тем утверждением, что содержание аффидевита противоречит всем правилам опыта и логики. Дипломат не может открыть тайные цели своей политики представителю другого государства, который с подчеркнутой сдержанностью обращается к нему.

Невозможно, чтобы Папен, как это говорит в другом месте Мессерсмитт, не только ему, но и вообще совершенно открыто огласил свой якобы существующий план свержения Шушнига, при правительстве которого Папен был аккредитован. Все обвинения, выдвигаемые Мессерсмиттом: сотрудничество Папена с нелегальным нацистским движением, интриги и намерение свергнуть режим Шушнига, агрессивная политика на юго-востоке, разделение Чехословакии между Польшей и Венгрией, — все это опровергает в своих показаниях свидетель Габронский.

Обвинение, кроме того, касалось участия Папена в совещании в Берхтесгадене 12 февраля. Совещание в Берхтесгадене не было начальной стадией нового курса. Напротив, это был результат всего предшествовавшего развития.

Поэтому совершенно понятно, что Папен во время своего прощального посещения Гитлера 5 февраля, когда разговор перешел на эту тему, несмотря на свою отставку, все же принял задание установить срок предполагаемого совещания и сопроводить австрийскую делегацию в Берхтесгаден на это совещание.

Из того, что произошло 12 февраля, зная личность Гитлера, нельзя сделать вывод о том, что он сам думал, когда 5 февраля впервые возникла и подверглась обсуждению идея о подобном совещании, и, безусловно, нельзя предположить, что именно о своих планах он, Гитлер, сообщил Папену.

Обвинение расценило не в пользу Папена утверждение о том, что он якобы, встретив австрийскую делегацию на австрийско-германской границе, обратил внимание Шушнига на присутствие генералов. Представление доказательств не подтверждает, что это соответствует действительности. Единственными показаниями, которые это подтверждают, являются показания Шмидта. Шмидт не мог точно сказать, говорил ли Папен об одном генерале, то есть о Кейтеле, который после назначения на новую должность постоянно находился в ближайшем окружении Гитлера, или он говорил о нескольких генералах. Сам Папен сейчас не помнит, говорил ли он об этом Шушнигу, и если да, то в какой форме.

Участие Папена в совещании выяснено в ходе представления доказательств. Руководил один Гитлер, который грубостью старался произвести впечатление на Шушнига. Эта грубость удивила даже людей, хорошо знавших его. Технические детали обсуждались с Риббентропом. Папен участвовал в совещании главным образом как наблюдатель, что было вполне естественно, поскольку он уже не занимал никакого официального поста.

Как расценивал Гитлер деятельность Папена в Австрии и его участие в совещании в Берхтесгадене, показывает лучше всего

тот факт, что после этого Папен не получал никаких заданий, связанных с официальной деятельностью в Вене.

И если я, наконец, разрешу себе коснуться пребывания Папена в Берлине 11 марта, то я даже и теперь, оглядываясь назад, не могу окончательно выяснить, чем объяснялось желание Гитлера, чтобы Папен был в Берлине.

Папен высказал Гитлеру свое мнение о необходимости отсрочить проведение плебисцита для того, чтобы разрядить атмосферу. Свою точку зрения относительно дальнейших событий Папен выразил в своих высказываниях по поводу военной подготовки, а также по поводу отмены приказа о вступлении в Австрию. Это подтверждено документально.

Последовательное описание событий, имевших место в имперской канцелярии, содержится в стенограммах телефонных переговоров Геринга.

Независимо от правового вопроса о том, можно ли вообще говорить о присоединении Австрии в пределах обвинения, установленного Уставом, защитой Папена приведены доказательства, которые показывают, что Папен не был инициатором вступления в Австрию и не проводил политики, преследующей эту цель, и что его деятельность в Австрии была направлена лишь к достижению целей, которые были поставлены перед ним 26 июля 1934 г. при его назначении; цели эти были таковы: проводить политику, которая способствовала бы установлению мирных отношений между обеими странами, то есть это была легальная цель, которая не имеет ни малейшего отношения к какой-либо особой или же общей агрессивной политике...

Обвинение рассматривает деятельность Папена только в период его пребывания в Вене и предшествующие периоды, но не объясняет, чем была вызвана пассивность Папена в последующие периоды.

Мы переходим теперь к периоду непосредственной подготовки к войне и началу войны.

Хотя обвинение не может использовать для укрепления своих позиций деятельность Папена в Анкаре, оно все же не отказывается от того, чтобы факт назначения Папена на этот пост истолковать в неблагоприятном для него смысле. Поэтому надо остановиться на этом пункте.

Папен принял это назначение после больших колебаний.

Имелись причины, из-за которых он более не мог оставаться в стороне.

Конфликт Италии с Турцией мог вызвать в порядке выполнения существующих договоров всеобщую войну. Папен думал, что если он своей работой сможет помешать возникновению войны, то это внутренне оправдывает принятие им на себя этого назначения.

Обвинение считает, что Папен, состоя в заговоре с Гитлером, способствовал возникновению войны.

Обвинение не смогло доказать, что Папен когда-нибудь имел какое-либо отношение к предполагаемому заговору. Этому противоречит действительность. В порядке представления доказательств со стороны защиты установлены факты, которые не допускают связи его личности даже с мыслью о тех преступлениях, которые изложены в Обвинительном заключении.

Вывод ясен. Франц Папен не виновен в предъявленном ему обвинении.

РЕЧЬ ШТЕЙНБАУЭРА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ЗЕЙСС-ИНКВАРТА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 18 и 22 июля 1946 г.]

Милорд, высокий Военный Трибунал! Развалины Нюрнберга, древнего, достойного уважения города, служат теперь ареной, где происходит величайший уголовный процесс из всех процессов, известных истории права.

Мы выслушали здесь обвинение, которое стремилось в широком масштабе доказать, что существовал заговор, направленный на завоевание всего мира путем ведения агрессивных войн. При ведении этих войн не только были нарушены соглашения, воспрещавшие ведению таких войн и негуманное поведение во время войны, но и попирались самые основные права человечества. Мы видели, как в течение месяцев целые горы документов и длинная вереница свидетелей должны были подтвердить выдвинутые обвинения, а защита, со своей стороны, являясь поборником и слугой правосудия, старалась помочь суду в установлении истины. В зале присутствовали представители всех частей света, и очень часто весь мир, затаив дыхание, следил, как разрывалась густая завеса тумана и перед его взором открывались все новые бездны неслыханных преступлений. За воротами же суда стоит глубоко потрясенный германский народ, вождями которого являлись подсудимые. Однако, как бы ни закончился процесс, у защиты нельзя будет отнять одной заслуги перед германским народом, а именно той, что уже никогда в дальнейшем при обсуждении вопроса о вине германского народа нельзя будет говорить о коллективной вине или соучастии германского народа в преступлениях, а речь может идти лишь о коллективном позоре, так как люди, под руководством которых совершались возмутительные преступления, были немцами!

И вот в заключение этой мировой трагедии занавес поднимается еще раз для того, чтобы выслушать защиту, за чем следует приговор, который должен соответствовать не только основным принципам права, но и содействовать тому, чтобы

преступления, о которых говорит обвинение, никогда не могли больше совершаться.

В начале процесса — 20 ноября 1945 г. — господин председатель заявил, что этот процесс будет иметь огромное значение для миллионов людей во всем мире. Поэтому всякий, кто принимает в этом процессе участие, должен торжественно взять на себя обязанность выполнять свой долг без страха, без пристрастия к кому-либо, руководствуясь только основными принципами права и справедливости. Для защиты эта обязанность иногда становилась почти непосильным бременем. Не из-за количества представленных на процессе материалов, не вследствие объема этих материалов и совершенно новых правовых вопросов, возникающих в связи с этими материалами, а потому, что здесь были вскрыты ужасные факты, свидетельствующие о такой бездне падения, что нормальному человеку трудно поверить в возможность всего происшедшего. При этом я имею в виду не препарированную человеческую кожу, не куски мыла из человеческого жира, которые нам показали, а ту методичность, с какой мучили, пытали, убивали, расстреливали, вешали и отравляли газом миллионы невинных людей. Я думаю о многих отдельных захватывающих картинах, которые произвели глубочайшее впечатление как на меня лично, так и на всех остальных.

Три с половиной миллиона человек — мужчин, женщин и детей — было уничтожено в одном лишь Освенциме. Самое страшное оружие обвинения заключается именно в том, что призраки всех этих невинных людей стоят рядом с обвинителем, угрожая и требуя мщения. Но и я также не одинок. На моей стороне стоят многие невинные жертвы войны с германской стороны, женщины и дети, погибшие во Фрейбурге, Кельне, Дрездене, Гамбурге, Берлине и почти во всех остальных немецких городах...

Однако, если бы даже их не было и подсудимый стоял бы один перед судьями, моим долгом, как адвоката, было бы защищать его и помогать ему...

Прежде, чем перейти к отдельным пунктам обвинения, я хотел бы вкратце обрисовать облик подсудимого... Обвинение описывает его как прожженного, хладнокровного, расчетливого политического авантюриста, преследовавшего свои личные цели. Обвинение считает абсолютно очевидными его злоупотребления своим положением министра в целях ведения двойной игры для того, чтобы выдать Австрию заговорщикам. В Польше и Нидерландах, по утверждению обвинения, он хладнокровно совершал жестокости, не заботясь о международных обязательствах, и попираля ногами право малых наций на их религиозную и политическую свободу.

Его политическая программа состояла в идее аншлюсса.

Обвинение сделало основой этого процесса понятие о заговоре для того, чтобы этим кольцом окружить всех обвиняемых и привлечь их к общей ответственности. Мои коллеги уже достаточно говорили на этом процессе о понятии заговора и пределов его действия. Повторять эти высказывания нет необходимости.

...Я перейду к рассмотрению обвинения, предъявленного моему подзащитному, в том, что он как заговорщик участвовал в захвате Австрии и, кроме того, что он в Польше и в Нидерландах якобы совершал военные преступления, а также и преступления против человечности.

Итак, первый акт разыгрывается в Австрии, второй — в Нидерландах после краткой интермедии, имевшей место в Польше.

Когда Гитлер в 1933 году пришел к власти, австрийские социал-демократы отреклись от аншлюсса, ибо они увидели в самом начале, что их партия в Германии разгромлена, профсоюзы распулены, рейхстаг подожен и что началось преследование евреев. Католические круги, которые путем аншлюсса хотели усилить влияние католической церкви в империи, также отреклись от аншлюсса в виду начавшегося в империи преследования церкви, за аншлюсс выступали только национал-социалисты, число которых за короткое время возросло в 10 раз. Так как доктор Дольфус отрезал национал-социалистам в Австрии путь к власти с помощью выборов в парламент, они под руководством государственного инспектора Тео Габихта стремились к власти в государстве всякими другими путями. Наступают кровавые события 1934 года. Доктор Дольфус умирает от руки убийцы. Его преемник доктор Шушниг пытается снова привести в порядок глубоко потрясенную государственную систему. Социалисты после февральских событий 1934 года, ухмыляясь, стояли в стороне. Меняется также и внешнеполитическая ситуация. Если в 1934 году Италия еще стояла на стороне Австрии и Муссолини угрожающе придвинул свои дивизии к Бреннеру, то абиссинская авантюра привела Италию к союзу с Гитлером. Австрия вынуждена участвовать в изменении внешнеполитического курса, для того чтобы улучшить экономическое положение, она заключает 11 июля 1936 г. соглашение, по которому Германия признает ее независимость и прекращает экономическую войну. Однако ценой всего этого являлся ряд мероприятий, которыми национал-социалисты добивались упрочения своего положения в Австрии. Для того чтобы расширить узкую платформу своего правительства, канцлер Шушниг объявляет о привлечении так называемых националистов к сотрудничеству. Среди этих лиц находился также и подсудимый, который затем в мае 1937 года стал австрийским

государственным советником. Как уже упоминалось выше, его политической программой была идея аншлюсса, он никогда не делал из этого секрета. Нельзя забывать, что подсудимый происходит из рядов национальной оппозиции. Аншлюсс приблизил его к национал-социализму. Я не буду заниматься исследованием, когда он формально стал членом этой партии.

В задачи Зейсс-Инкварта входил контроль за проведением в жизнь июльского соглашения, он должен был быть посредником между австрийским правительством и национальными кругами, с одной стороны, и с империей — с другой. Эта задача была очень трудной и неблагодарной.

Постоянно нарушалось июльское соглашение. Австрийская полиция обнаружила известный теперь под именем плана Тавса план переворота, целью которого было коренное изменение формы правления. Министр Гидо Цернатто говорил, что подсудимый стоял в стороне от всех этих планов. Последовало совещание от 12 февраля 1938 г. в Оберзальцберге. Ход этого совещания известен.

На основании достигнутого на этом совещании соглашения Зейсс-Инкварт стал министром внутренних дел и министром безопасности.

Благодаря берхтесгаденскому соглашению нацистам в Австрии была дана широкая возможность деятельности и ведения пропаганды. Выпущенные из тюрем согласно закону об амнистии две тысячи членов нацистской партии, а также возвратившиеся из империи в Австрию стали вести пропаганду, особенно в провинциях, за вступление в партию. В частности, речь Гитлера в рейхстаге от 20 февраля они использовали в качестве сигнала к антигосударственным демонстрациям для того, чтобы в кратчайший срок захватить правительственную власть в свои руки.

Дальнейшее развитие событий известно, особенно события 11 марта 1938 г. Главным моментом для объявления Зейсс-Инкварта участником заговора является его телеграмма о мнимых беспорядках, которая будто бы дала толчок вступлению немецких войск в Австрию. Мы встречаем эту историческую ложь, принесшую подсудимому имя «Иуды Австрии», в описаниях, связанных с аншлюссом событий, например, в книге Рафаэля Лемкина «Господство оси в оккупированной Европе». Но, кроме того, мы встречаем это имя во вступительной речи Главного американского обвинителя судьи Джексона, несмотря на то, что представление записи телефонных разговоров Геринга (ПС-2949) в связи с показаниями, которые Геринг давал, неопровержимо доказало, что эта телеграмма не была послана, а была продиктована третьему лицу в тот момент, когда немецкие войска уже получили приказ перейти границы. В связи

с этим указанные телефонные разговоры Геринга представляют собой важнейший исторический документ.

15 марта 1938 г. Адольф Гитлер прибыл в Вену.

Вместе с фюрером в Вену прибыл Геббельс, пустивший в ход свою гигантскую машину пропаганды с наивысшим напряжением. Митинги следовали один за другим... Вместе с Геббельсом прибыл и Гиммлер со своим гестапо и СС. Уже в ночь на 12 марта в Вене началась большая кампания арестов. Она коснулась бывших членов союзов обороны, выдающихся руководителей социалистического союза «шубунд», а также занимавшихся политикой и участвовавших в общественной жизни евреев, коммунистов, монархистов, духовенства и масонов. Она коснулась даже руководителей бойскаутов и австрийской организации молодежи. Только в одной Вене было произведено 76 тысяч арестов. А уже 2 апреля 1938 г. с Западного вокзала отошел первый транспорт в Дахау, в котором находилось 165 бывших руководящих деятелей, среди которых были также теперешний канцлер Фигль, министр просвещения Хурдес и министр юстиции доктор Герё. 21 мая был отправлен второй транспорт, в конце мая — третий, и так продолжалось и дальше. Раз в 7 дней отбывали транспорты в Дахау, Бухенвальд и Саксенхаузен.

А подсудимый? Он был лишен влияния и прижат к стенке. Имперским комиссаром воссоединения Австрии с империей был назначен победитель в саарской избирательной борьбе Иозеф Бюркель, который получил диктаторскую власть. Полномочия подсудимого были едва ли больше полномочий обер-президента в империи, то есть он обладал административной властью второй инстанции. Он был не руководителем, а руководимым, или, по-моему, правильнее сказать, обманутым, хотя возможно и добровольным, но орудием в руках Гитлера и Геринга. Его политическим идеалом был аншлюсс, конечно, без всякого намерения ведения агрессивной войны.

После аншлюсса Австрия не переставала надеяться на свое освобождение и бороться за него. Было много горя и много мертвых! 6 тысяч человек были казнены в Австрии. Только в результате деятельности венского областного суда погибло на гильотине 1200 человек, среди которых 800 человек было казнено лишь за их антинацистские настроения. В последние дни войны прекрасные постройки Вены обратились в развалины, собор Стефана, один из величайших памятников немецкой готики, погиб в пламени. Так претворялись в действительность слова Гитлера, сказанные им 15 марта 1938 г. о том, что «жемчужина имеет оправу, которую заслуживает ее красота...»

В заключение моих рассуждений по австрийскому вопросу я перейду к краткому рассмотрению, с точки зрения права, обвинения, предъявленного моему подзащитному.

После соглашения, заключенного 11 июля 1936 г., австрийский канцлер доктор Шушник привлек подсудимого Зейсс-Инкварт к сотрудничеству в качестве представителя национальной оппозиции, а не как политического единомышленника.

Зейсс-Инкварт все время заявлял, что теперь национальная оппозиция состоит только из национал-социалистов, которые руководствуются только волей Гитлера и, во всяком случае, никогда не выступят против этой воли.

Зейсс-Инкварт заявлял о том, что он является национал-социалистом, то есть что он всегда будет представлять интересы австрийских национал-социалистов. Это подтверждает не только свидетель Скубль, но и высказывания заслуживающих доверия лиц, которые я ранее цитировал.

Во избежание военного или международного конфликта Зейсс-Инкварт преследовал цель вести деятельность в интересах австрийских национал-социалистов, независимых от имперской партии, при тесном сотрудничестве Австрии и Германии.

Зейсс-Инкварт заявлял, что эта цель может быть достигнута лишь в том случае, если с нею согласен Гитлер, который даст разрешение австрийским национал-социалистам встать на путь вышеуказанной политики. Этого он хотел добиться.

Перехожу к деятельности подсудимого в качестве министра внутренних дел и министра безопасности.

11 марта 1938 г. Зейсс-Инкварт выполнял обязанности «связного» по берхтесгаденскому соглашению. Вместе с Глейзе-Хорстенау он изложил доктору Шушнику утром 11 марта совершенно откровенно создавшееся положение. В частности, он указал на угрожающие национал-социалистские демонстрации и на возможность вступления германских войск. В полдень он передал Шушнику требование Геринга, а затем его ответ — Герингу.

После того как доктор Шушник подал в отставку, Зейсс-Инкварт держался в стороне от дел. Он ни в коей мере не выполнял требования Геринга способствовать передаче поста канцлера в его руки или захвату власти. Как известно, ультиматум, содержащий угрозу вступления германских войск, был передан советником посольства фон Штейном и генералом фон Муфф, под давлением которых президент Миклас, наконец, сдал свои позиции. Это видно из показаний президента Микласа (ПС-3697) и свидетелей Рейнера и Шмидта.

Призыв не оказывать сопротивления германским войскам Зейсс-Инкварт взял из прощальной речи доктора Шушника.

13 марта 1938 г. был издан закон об аншлюссе.

Никогда не считалось, что в основе присоединения Австрии к Германской империи лежал преступный политический замысел, но присоединение было единственной целью подсудимого.

Сейчас я представлю суду решить вопрос о том, можно ли вступление немецких войск в Австрию совместить с положением, изложенным в статье 6 Устава...

Несколько месяцев спустя после занятия Австрии и присоединения этой малой страны к Германии 29 сентября 1939 г. в Мюнхене был заключен договор в отношении второго малого государства...

По вопросу о Чехословакии мне нечего сказать. По вопросу о Польше я могу сказать лишь немного, так как мой подзащитный ни с какой стороны не проявил себя по отношению к полякам в течение того короткого времени, пока находился в Польше, где он главным образом занимался организационными вопросами, связанными с созданием германского административного аппарата. В данном случае достаточно будет указать на те результаты, которые показали предъявленные доказательства. То же нужно сказать и о его почетном звании в СС. Я добавлю, что человек, имевший почетное звание в СС, никогда не подчинялся Гиммлеру как в отношении выполнения приказов, так и в дисциплинарном отношении. Люди, имевшие почетное звание в СС, каких-либо функций в СС никогда не имели. Что касается его работы в качестве министра без портфеля, то значение этой его деятельности будет разбираться в связи с рассмотрением вопроса об организациях по делу «имперского правительства».

Поэтому я перехожу ко второй части обвинения — к вопросу о Нидерландах.

...Здесь, на процессе мы узнали, что по сравнению с народами других оккупированных стран нидерландцы оказывали наиболее целеустремленное, самое упорное, становившееся все более эффективным политическое сопротивление. Этот народ в течение нескольких лет не терял надежды на то, что в один прекрасный день для него опять восторжествует свобода!

В эту страну в мае 1940 года в качестве верховного начальника гражданской администрации прибыл Зейсс-Инкварт. Что бы он ни думал и что бы он ни планировал, его трагедией оставалось то, что он приехал в эту страну в качестве представителя Гитлера, то есть как представитель одной из самых ненавистных систем в мире. Сотни законов, постановлений и указов имели его подпись, и как бы они ни были правильно оформлены с точки зрения законодательства, они являлись в глазах народа мероприятиями врага, а Зейсс-Инкварт — угнетателем...

В Нидерландах имелись следующие власти:

1. рейхскомиссариат (гражданская администрация, представлявшая интересы империи);

2. командующий войсками и различные начальники, включая специальные суды;

3. полиция, о которой я буду еще говорить позже;

4. управление по четырехлетнему плану, руководимое Герингом;

5. оперативный штаб Розенберга;

6. генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы — Заукель;

7. министерство вооружения Шпеера и

8. не в последнюю очередь, НСДАП с ее учреждениями и организациями.

Рейхскомиссар согласно приказу фюрера должен был де-юре следовать директивам этих учреждений. Он не имел права вмешиваться в мероприятия этих центральных инстанций. Что касается нидерландского населения, то оно, как уже упоминалось, относилось отрицательно к существовавшему порядку, а движение сопротивления, организованное, вооруженное и руководимое Нидерландским правительством из Лондона, увеличивалось из года в год. Именно с этих двух позиций нужно рассматривать действия подсудимого для того, чтобы вынести справедливый приговор.

Главное обвинение заключается в имевшем якобы место нарушении суверенитета страны путем введения рейхскомиссариата с входившими в него четырьмя генеральными комиссариатами, отмены гражданских свобод, введения принципа фюрерства и роспуска законных союзов и политических партий. В этих мероприятиях нельзя видеть нарушения международного права, так как Германия, которая так же, как и Нидерланды, являлась одной из стран, подписавших IV Гаагскую Конвенцию от 1907 года, придерживалась правил ведения сухопутной войны. Ввиду того, что вся страна была оккупирована, а королева и министры бежали из страны, верховная правительственная власть в области гражданских дел перешла в руки оккупационной администрации, и тем самым в руки рейхскомиссара. Оставленный в стране с особыми полномочиями генерал Винкельман отказался от осуществления прав, предусмотренных в безоговорочной капитуляции от 10 мая 1940 г.

Далее, французское обвинение заявляет, что подсудимый совершил целый ряд террористических актов. Однако мы во время представления доказательств слышали, как в действительности обстояло дело с коллективными наказаниями...

Замена нормальных судов и передача прав на осуждение людей неloyальных в отношении оккупационных властей последовали по прямому приказу фюрера в июле 1944 года.

Одним из самых тяжких пунктов обвинения является обвинение в связи с вопросом о расстреле заложников, вследствие

чего я на нем должен остановиться детально. Я упомяну о том, что уже в общем было сказано доктором Нельте, и в частности о правовой стороне этого вопроса. Обвинение выхватило из документа РФ-379 два случая: так называемый расстрел заложников в Роттердаме и расстрел в связи с покушением на высшего руководителя СС и полиции Раутера.

На своем предварительном допросе, производившемся обвинителем, подсудимый уже говорил о первом случае — затребовании армейскими инстанциями 25—30 заложников. Свидетель Виммер показал, что эти заложники были затребованы армейскими инстанциями и что число их в результате вмешательства подсудимого в конце концов было уменьшено, и что расстрел был произведен по указанию высшего руководителя СС и полиции.

Что касается второго, здесь упомянутого случая с заложниками, то там речь идет о последствиях покушения в марте 1945 года на высшего руководителя СС и полиции обергруппенфюрера СС Раутера, то есть о начальнике полиции Нидерландов, непосредственно подчиненном Гиммлеру. Если мы вспомним последствия убийства в мае 1942 года чешскими патриотами тирана Гейдриха, то мы можем себе представить, как старался Гиммлер на вершине своего могущества в 1945 году соответствующими наказаниями отомстить за удар, нанесенный одному из его ближайших и непосредственных сотрудников.

Ясно и то, что после покушения на одного из своих генеральных комиссаров подсудимый, как представитель администрации, требовал в виде серьезного предупреждения устрашающих мероприятий.

Далее, обвинение утверждает, что подсудимый, будучи рейхскомиссаром, проводил, поддерживал и одобрял угон очень большого числа нидерландских граждан в империю. В принципе вопрос об этом угоне иностранных рабочих уже обсуждался другими защитниками.

Осенью 1944 года среди работоспособного населения была проведена так называемая «акция по ловле людей». Как показали свидетели Гиршфельд, Швებель и Виммер, это мероприятие проводилось вооруженными силами, за приказ которым подсудимый не несет ответственности.

Что касается обвинения в так называемом хозяйственном и экономическом разграблении страны, то это также требуется пояснить. Конфискация сырья последовала тотчас за оккупацией согласно установкам по четырехлетнему плану и проводилась при участии нидерландских властей, которые при проведении указанных мероприятий имели возможность смягчить

ненужную жестокость. Производя реквизиции, подсудимый настаивал на соблюдении всех правил возмещения за убытки, предотвращал незаконный перевод предприятий и учреждений в Германию, как, например, маргариновой фабрики в Дортрехте и холодильного института в Лейдене.

Приказ о конфискации исходил в первую очередь от вооруженных сил, в силу военного положения, что видно из доклада офицера полевого экономического штаба при командующем войсками в Нидерландах от 9 октября 1944 г. (РФ-132) и из доклада лейтенанта Гаупль (ПС-3003, США-196).

Я укажу лишь в противовес утверждениям обвинения на то, что подсудимый не имел никакого влияния на установление размеров оккупационных платежей и даже никакой возможности контроля над ними. Рейхскомиссариат при участии империи осуществлял контроль лишь над бюджетом, причем последний утверждался империей и контролировался имперским казначейством. По согласованию с нидерландскими учреждениями расходы на гражданские нужды составляли 3 миллиона гульденов ежемесячно...

Что касается изъятия ценностей, не имеющих военного значения, как, например, памятников искусства, библиотек и т. д., то подсудимый к этому отношения не имел...

Еврейский вопрос связан до некоторой степени с экономическим вопросом. Но прежде, чем перейти к этому пункту, я должен обязательно сказать о роли полиции в Нидерландах. Обвинение старается показать, что полиция, и в частности немецкая полиция, особенно полиция безопасности в Нидерландах, была подчинена подсудимому...

Из декрета фюрера от 18 мая 1940 г. явствует, что немецкая полиция не являлась частью учреждений рейхскомиссара и ему не подчинялась.

Таким образом, если рейхскомиссар и обладал высшей гражданской правительственной властью, то она все же не распространялась на полицию...

Из всего сказанного ясно, что рейхскомиссар несет лишь косвенную ответственность за действия германской полиции, поскольку он использовал ее для проведения своих распоряжений в гражданской области.

В судебных выдержках обвинение утверждает, что всю ответственность за выполнение нацистской программы в отношении преследования евреев в Нидерландах несет рейхскомиссар Зейсс-Инкварт, потому что он сам в своей речи, обращенной к членам НСДАП в Амстердаме 13 марта 1941 г., заявил: «Евреи не являются для нас нидерландцами, евреи враги национал-социализма и национал-социалистской империи». Зейсс-Инкварт обосновывает в этой речи также и то, почему он,

будучи представителем интересов империи, считал необходимым занять такую позицию в отношении евреев. В его намерения входило удалить евреев с ответственных постов в государстве и экономике на время оккупации, не предпринимая, однако, никаких дальнейших мер. Фактически он и провел только эти мероприятия... Тем временем разрешение еврейского вопроса было возложено Гитлером целиком и полностью на Гимmlера, облеченного обширными полномочиями, а также на Гейдриха.

Наряду с распоряжениями о лишении евреев свободы передвижения было также конфисковано имущество, принадлежащее еврейским организациям и отдельным евреям. Рейхскомиссар назначил доктора Бемкнера своим специальным уполномоченным, поручив ему осуществлять, по мере возможности, надзор за мероприятиями, проводимыми полицией, и не допускать перегибов.

Документ США-195, касающийся выселения евреев, дает ясное представление о всей еврейской проблеме в Нидерландах.

Приказ об эвакуации издал не подсудимый, а Гимmlер, через Гейдриха, подсудимый даже не давал согласия на эту эвакуацию...

Большая часть этих евреев направлялась в Польшу, и вероятно, одной из самых ужасных фраз, которые имеются в документах, предъявленных обвинением, является та, которая содержится в документе США-195: «Общее количество угнанных составляет 117 тысяч. После того, как их вывезли из Голландии, следы их были потеряны».

Знал ли подсудимый о судьбе этого большого количества несчастных и невинных людей и одобрял ли он это или преступно не прилагал усилий для того, чтобы предотвратить это? Подсудимый неоднократно... заявлял, что он об этом ничего не знал и что он считал, что действительно евреи были переселены на время войны на Восток.

Теперь, когда поднялась плотная завеса, за которой скрывались ужасы этих массовых убийств, мы знаем истинное положение.

Следующим пунктом обвинения является утверждение о том, что подсудимый как имперский комиссар в ходе осуществления намеченной политики уничтожения и ослабления оккупированных стран намеренно не заботился о питании голландцев, что в конце концов привело к катастрофическому голоду. По утверждению подсудимого, питание в Голландии было, несомненно, не хуже, чем в Германии.

С осени 1944 года положение в секторе питания значительно ухудшилось.

Страна после вторжения в большей своей части стала театром военных действий, и транспорт был разрушен бесчисленными воздушными налетами. Это привело к тому, что, в частности, на западе Голландии, где на небольшом пространстве в трех крупных городах были скучены миллионы людей, создалось тяжелое положение с питанием...

Итак, я с чувством доверия вручаю судьбу моего подзащитного Вам, уважаемые господа судьи. Я знаю, что Вы хорошо взвесите также и все те обстоятельства, которые говорят в пользу Зейсс-Инкварта...

РЕЧЬ ФЛЕКСНЕРА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО АЛЬБЕРТА ШПЕЕРА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 23 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи!

Обвинение инкриминировало подсудимому Шпееру преступления по всем четырем разделам Обвинительного заключения, которые в основном соответствуют положениям пунктов «а», «b» и «с» статьи 6.

Французское обвинение, детализировавшее отдельные обвинения, выдвинутые против подсудимого Шпеера, отказывается от инкриминирования подсудимому Шпееру преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 6 Устава, и требует применения против Шпеера только пунктов «b» и «с» этой статьи. Однако так как во время судебных заседаний юридическое понятие заговора неоднократно упоминалось именно в связи с подсудимым Шпеером и было выдвинуто утверждение, что подсудимый Шпеер также виновен в преступлениях, предусмотренных пунктом «а» статьи 6 Устава, необходимо детально рассмотреть этот вопрос.

Подсудимому инкриминируется планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны, нарушавшей международные договоры, хотя подсудимый занимал пост руководителя министерства, которое лишь через полтора года после начала войны было реорганизовано в министерство вооружения и военного производства. Германская империя в это время уже находилась в состоянии войны со всеми государствами, перед которыми она капитулировала в мае 1945 года. Следовательно, в то время, когда подсудимый занял свой пост в правительстве, обстоятельства, упомянутые в пункте «а» статьи 6, уже имелись налицо и деятельность подсудимого Шпеера не внесла ни малейшего изменения в фактически существовавшее положение. Подсудимый ничем не способствовал созданию такого положения.

Его деятельность до этого представляла собой деятельность архитектора, который занимался исключительно мирным строи-

тельством и ничем не способствовал ни подготовке, ни развязыванию войны, нарушавшей международные договоры. Я ссылаюсь на документ ПС-1435.

Обвинение утверждало, что, войдя в состав правительства, подсудимый тем самым одобрил или выразил свое согласие с совершенными до этого преступлениями против мира. Такое понятие, заимствованное из гражданского права, не может быть применено в уголовном. Уголовное право охватывает только те преступления, которые состоят из действий, направленных на достижение результата, признаваемого преступным. В это не вносит никакого изменения введение юридического понятия заговора. Я сошлюсь на высказанные другими защитниками соображения о заговоре. Чтобы избежать повторений, я не буду подробно останавливаться на этом. По-моему, надо считать установленным, что подсудимому Шпееру не может быть инкриминировано так называемое преступление против мира. Шпеер в связи со своей специальностью архитектора выполнял в партийном аппарате только архитектурно-художественные функции. Шпеер был уполномоченным по строительству в штабе Гесса; речь шла при этом о чисто технической задаче, которая не имела ни малейшего отношения к какой-либо подготовке к войне.

Обвинение инкриминирует подсудимому Шпееру участие в военных преступлениях, которые были совершены в период, когда он находился на посту министра, и выразились в том, что рабочие оккупированных областей против их воли направлялись в Германию и использовались в целях ведения войны или изготовления военных материалов.

В ходе процесса обвинение неоднократно утверждало, что ввезенные рабочие были предназначены для того, чтобы высвободить солдат для фронта. Несомненно, это было одним из тех соображений, которые послужили поводом к вербовке иностранной рабочей силы. Однако это не было единственным и даже не самым решающим из поводов. Нарушения экономической жизни, вызванные войной, требовали большого количества рабочих. Поскольку отправка иностранных рабочих в империю была таким мероприятием, которое объективно нарушало нормы международного права, необходимо рассмотреть, в какой степени участие в нем можно инкриминировать подсудимому Шпееру. Подсудимый Шпеер во время своего допроса перед началом процесса 18 октября 1945 г. признал, что ему было известно, что, по крайней мере, с сентября 1942 года иностранные рабочие не направлялись более в империю добровольно. Он был согласен с этим, потому что не было никакой возможности удовлетворить потребности в рабочей силе иным путем. Из данного заявления можно сделать вывод, что подсудимый

был убежден в необходимости этого мероприятия в связи с вынужденным положением. Таким образом, субъективно в качестве довода в его защиту можно сказать, что он верил в наличие такого вынужденного положения, исключавшего незаконность указанных действий. При этом надо учитывать и то, что подсудимый Шпеер выполнял чисто техническую задачу.

В отличие от других ведомств, проводивших политику отправки иностранных рабочих на территорию Германии, подсудимый Шпеер стремился использовать рабочих каждой страны для ее собственных нужд. Вследствие этого он старался препятствовать депортации рабочих с их родины.

В доказательство своего утверждения о том, что Шпеер интенсивно помогал проведению депортации иностранных рабочих с целью их применения на принудительных работах в Германии, обвинение сослалось на документ ПС-556, представляющий собою заметку Заукеля об одном телефонном разговоре со Шпеером 5 января 1943 г. Однако в противовес этому документу был представлен другой документ — копия протокола заседания у Гитлера с 3 по 5 мая 1943 г., в котором затрагивается та же самая тема, которой касался и указанный телефонный разговор. Хотя в этом протоколе и приводятся резкие замечания Гитлера, все же из него видно, что запись в заметках Заукеля не соответствует действительности. Подсудимый Шпеер уже тогда был не в ладах с Заукелем. Содержащееся в протоколе заседания у Гитлера поручение фюрера, данное Шпееру, об организации восстановления французской военной промышленности дало Шпееру возможность создавать предприятия закрытого типа. Практически этим было достигнуто прекращение вывоза рабочей силы из Франции, то есть как раз обратное тому, что желало бы доказать обвинение. Нужно еще указать и на документ РФ-22, который констатирует, что по соглашению, заключенному Шпеером с Бишолоне, вывоз в Германию рабочих с октября месяца 1943 года сократился до $\frac{1}{10}$.

Подсудимому Шпееру нельзя вменять в обязанность проверять с точки зрения международного права мероприятия, которые проводились Заукелем, по следующей причине.

Переброска иностранных рабочих на территорию империи практиковалась еще задолго до того, как Шпеер в 1942 году был назначен на свой пост. Он полагался на то, что законность этих мероприятий была проверена еще до их введения. Обязанность самостоятельной проверки законности указанных мероприятий не была возложена на него, и он мог положиться на то, что инстанции, занимающиеся вопросами распределения рабочей силы, имеют все законные основания к проведению

своих мероприятий. За время его деятельности генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы несколько раз говорил ему о том, что переброска рабочей силы в Германию производится в рамках законности. Он мог полагаться на то, что уполномоченные правительством инстанции, занимавшиеся вопросами распределения рабочей силы, вполне удостоверились в том, что такие мероприятия допускаются законом...

Обвинение придало значение тому, что подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы на тех заводах, которыми ведал Шпеер, и что поэтому Заукель в большей или меньшей степени был орудием в руках подсудимого Шпеера. Но этот взгляд не соответствует тому, что было в действительности. Заняв пост министра вооружения, Шпеер в скором времени установил, что существовавшая до тех пор система распределения рабочей силы министерством труда по предприятиям не отвечала требованиям, которые к ней предъявлялись. Поэтому Шпеер добился учреждения должности генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, на которую был назначен Заукель.

Тот факт, что подсудимый в качестве члена управления по центральному планированию принимал участие в тех заседаниях управления, на которых рассматривалась проблема распределения рабочей силы, не может подкрепить утверждения обвинения.

Обвинение хочет использовать материалы заседания управления по центральному планированию в доказательство того, что Шпеер был ведущим участником мероприятий по получению рабочей силы из-за границы. В противовес этому нужно заметить, что обвинение предъявило лишь протоколы заседаний управления, отражающие ход заседания, но не решения, принятые на этих заседаниях, в то время как значение имеют именно решения управления.

Следует признать, что деятельность подсудимого Шпеера в управлении по центральному планированию не дает оснований считать его ответственным за переброску рабочей силы из оккупированных областей в Германию.

Весьма сомнительно с правовой точки зрения предъявляемое Шпееру обвинение в том, что он использовал рабочую силу на подведомственных ему предприятиях, заведомо зная о том, что Заукель доставлял этих рабочих из оккупированных областей в Германию в большинстве случаев помимо их воли.

Если бы отправка рабочей силы в Германию была преступлением с точки зрения международного права, то состав этого преступления был бы законченным с того момента, как эта рабочая сила была бы доставлена в Германию. Тот факт, что

доставленные в Германию люди посылались на работу, представляет собою новый состав преступления, для обозначения которого обвинение применяет понятие «рабский труд». При этом нужно иметь в виду, что специальным имперским законом и последующими распоряжениями была введена общая повинность, в силу которой каждый немец был обязан работать на военные нужды.

Иностранные рабочие, направленные в Германию, также подчинялись этому порядку. Не подлежит сомнению, конечно, что распространение трудовой повинности, относящейся непосредственно к немцам, на жителей оккупированных областей не соответствует тексту Гаагских Правил ведения сухопутной войны.

Гаагские Правила ведения сухопутной войны составлялись на основе другого понимания войны и не могли предвосхитить условий, создаваемых экономической войной. На вопрос о том, предусматривают ли Гаагские правила всю сумму полномочий оккупационных властей, надо ответить отрицательно.

Главный обвинитель от США судья Джексон при перекрестном допросе подсудимого Шпеера предъявил ряд документов, свидетельствующих о плохом обращении с иностранными рабочими, работавшими в фирме Круппа в Эссене.

Среди этих документов находятся affidavit доктора Егера, о котором уже говорил доктор Серватиус; далее идет письмо паровозостроительного отдела фирмы Круппа, датированное февралем 1942 года, то есть тем временем, когда подсудимый Шпеер только что вступил на должность министра. Далее, представленный документ Д-321 описывает обстоятельства, при которых в 1941 году русские рабочие были отправлены в Эссен, то есть говорит также о том периоде, когда Шпеер еще не был министром.

На основании проверки положения рабочих одной фирмы нельзя делать выводы о том, что вся система была такова. Необходимо было бы доказать существование такой системы.

Хотя эти факты не имеют принципиального значения для оценки деятельности подсудимого Шпеера с точки зрения уголовного права, но они имели бы решающее значение при определении степени его участия в системе использования иностранных рабочих на военных предприятиях.

Когда подсудимый приступил к исполнению своих обязанностей, он застал уже существующую практику использования иностранной рабочей силы и военнопленных. Другими словами, он не может рассматриваться как основоположник этой практики, что также должно быть принято во внимание при выне-

сении приговора, так как отойти от уже усвоенной практики было невозможно. Еще до назначения подсудимого Шпеера министром, иностранные рабочие в большом количестве привозились в Германию как с запада, так и с востока.

Весной 1943 года вооружение военно-морского флота было передано министерству Шпеера, и с этого времени требования на рабочую силу проходили через отдел по использованию рабочей силы.

Осенью 1943 года к этому присоединилось и все остальное производство, причем промышленность вооружений военно-воздушного флота продолжала самостоятельно подавать заявки на рабочих генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы до августа 1944 года.

Распределение рабочих находилось исключительно в распоряжении подчиненных подсудимому Заукелю органов труда, так что ни отдельные заводы, ни учреждение подсудимого Шпеера, ни он сам не имели влияния на распределение. Предоставлять ли по заявкам отечественных рабочих, иностранцев или военнопленных, зависело исключительно от органов труда.

Учреждениям Шпеера оставалось лишь руководство находившимися в хозяйственных отраслях рабочими, которые ранее уже были направлены на заводы генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы.

Полномочия органов министерства вооружения в отношении рабочей силы были сведены к так называемым «перемещениям», то есть к переброске рабочих с одного военного завода на другой. Было бы ошибочно делать отсюда вывод об ограничении полномочий генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и о значительном расширении полномочий Шпеера.

Подводя итоги по этому пункту обвинения, следует сказать следующее.

Шпеер не ответствен за методы вербовки иностранной рабочей силы, так же как и за отправку ее в Германию. На него может быть возложена лишь ответственность за использование части этой рабочей силы в Германии.

В следующем пункте Обвинительного заключения подсудимому вменяется в вину то, что он использовал труд военных в руководимом им секторе хозяйства, чем нарушил статью 32 Женевской Конвенции о правилах обращения с военнопленными от июля 1929 года. Подсудимый не отрицал, что на подчиненных ему предприятиях работали военнопленные, но это само по себе не является нарушением статей 31 и 32 названной Конвенции.

Выражение «промышленности вооружений» или «завод, производящий вооружение» не тождественно понятию «промышленность» или «завод», задачей которых является производство орудия непосредственно для военных нужд. Есть все основания считать, что из предприятий, подчиненных инспекции по вооружению, лишь 20 или 30 процентов изготовляли такие предметы вооружения, которые предусмотрены Женевской Конвенцией. Об этом необходимо было сказать для того, чтобы можно было судить, в какой степени была нарушена статья 31 Женевской Конвенции в связи с использованием труда военнопленных. Под номером ПС-2520 обвинение предъявило affidavit американского статистика по экономике Деусса, чтобы доказать, какое большое количество военнопленных и иностранных рабочих работало в промышленности вооружения. Эти данные, которые в основном опираются на цифры, взятые из документов, бывших в распоряжении подсудимого Шпеера, не дают представления о том, в каких отраслях промышленности вооружения работали отдельные военнопленные. Крупное предприятие, принадлежавшее к одной из упомянутых категорий и поэтому в целом рассматривавшееся как военное предприятие, могло производить лишь детали или вообще не производить оружия или иных предметов, непосредственно связанных с военными действиями.

Использование военнопленных в промышленности страны, захватившей их в плен, как нам представляется, не запрещено Женевским Соглашением о военнопленных. Запрещается лишь использование военнопленных на работе, которая связана непосредственно с боевыми действиями, например, на земляных работах, выполняемых для действующих войск. Такое использование не может ставиться в вину подсудимому Шпееру. Производство и транспортировка оружия всех видов, а также транспортировка военных материалов для действующих войск также запрещается.

В отношении военной экономики, находившейся под контролем подсудимого Шпеера, как нарушения упомянутых постановлений могло бы рассматриваться только производство оружия и боеприпасов всех видов.

То, что в отдельных случаях Женевская Конвенция могла нарушаться, нельзя оспаривать. Если, например, как показывают представленные американским обвинением фотографии, военнопленные действительно использовались для разгрузки поездов с боеприпасами вблизи линии фронта, то это, без сомнения, представляет собой нарушение статьи 31 Женевского Соглашения.

Однако, такие случаи не могут инкриминироваться подсудимому Шпееру, так как они не относятся к его компетенции. На

основании того факта, что производилось использование военнопленных в промышленности вооружения, нельзя делать обобщающего заключения о нарушении постановлений Женевской Конвенции о военнопленных.

Германское правительство считало, что в отношении советских военнопленных должны применяться другие правовые принципы, нежели в отношении граждан западных государств, которые подписали Женевскую Конвенцию о военнопленных 1929 года, в то время как Советский Союз не присоединился к ней¹.

Советское обвинение представило в качестве доказательства документ ЕС-338, СССР-356 — доклад начальника разведки и контрразведки при ОКВ относительно незаконности предписаний, изданных по вопросу об обращении с советскими военнопленными, и подвергло их резкой критике. Следует рассмотреть вопрос о том, являются ли положения статей 31 и 32 Женевского Соглашения о военнопленных выражением общих норм международного права, которые должны были бы выполняться даже в том случае, если бы не было особого договора, то есть этого Женевского Соглашения о военнопленных.

Упомянутые положения договора не могут рассматриваться, как выражение общеправовой идеи.

Исходя из этой мысли, по изложенным мною причинам нельзя возражать против использования советских военнопленных на работах, которые запрещаются статьей 31 Соглашения о военнопленных. Бывшие военнослужащие — итальянцы, которые после выхода Италии из войны были интернированы в Германии, также не подпадают под положение Женевского Соглашения о военнопленных ввиду того, что Германия и Италия не находились в состоянии войны между собой. В связи с тем, что французское правительство² было согласно с использованием

¹ 25 августа 1931 г. СССР присоединился к Женевской Конвенции 1929 года «Об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях» и в законодательном порядке установил уголовную ответственность за нарушение положений этой Конвенции, ограждающей права больных и раненых военнопленных.

27 апреля 1942 г. в циркулярной ноте НКВД было заявлено о том, что немецкие фашисты совершают чудовищные преступления и игнорируют все законы и обычаи войны в отношении советских военнопленных.

«Несмотря на все это, Советское Правительство, — говорилось далее в ноте, — верно принципам гуманности и уважения к своим международным обязательствам, не намерено даже в данных обстоятельствах применять ответные репрессивные мероприятия в отношении германских военнопленных по Гагской Конвенции 1907 года, подписанной также, но столь вероломно нарушенной во всех ее пунктах Германией».

Советский Союз строго придерживался этих принципов гуманности. — Составители.

² Имеется в виду капитулянтское правительство Виши. — Составители.

французских рабочих, как на строительствах под руководством организации Тодта, так и на прочих военных предприятиях в Германии и оккупированных областях, всякое предположение о противозаконности их привлечения к работе исключается.

Дальнейшее обвинение против подсудимого Шпеера заключается в том, что в контролируемом им хозяйственном секторе были заняты на работах заключенные концентрационных лагерей. Подсудимый признает это.

Однако ответственность за условия в концентрационных лагерях не может возлагаться ни на руководителей предприятий, ни на учреждения подсудимого Шпеера, даже если там имели место злоупотребления. Как видно из письма начальника управления Шибера от 7 мая 1944 г., направленного подсудимому Шпееру, заключенные сами предпочитали работу на подобных предприятиях той работе, которая предоставлялась администрацией лагерей, и Шибер совершенно определенно говорит в указанном письме, что по этим соображениям было бы желательно использовать заключенных концлагерей на таких предприятиях в более широком масштабе, ибо это облегчало бы их судьбу.

Предположение обвинения, будто бы использование таких заключенных в промышленности вооружения привело к повышению требований на такого рода рабочие руки и что это требование было удовлетворено тем, что в концентрационные лагеря направлялись лица, которые при нормальных условиях никогда бы туда не попали, было неправильным.

Не было представлено также доказательств, что Шпеер предпринимал попытки заключения людей в концлагерь.

Во время своего допроса подсудимый согласился с тем, что в Германии повсеместно существовала боязнь быть заключенным в концентрационный лагерь. Этот страх населения был вполне обоснованным, потому что заключение в концлагерь полностью зависело от усмотрения руководимых Гиммлером полицейских властей, потому что не имелось никакой судебной инстанции, которая проверила бы те обвинения, результатом которых явилось заключение в концлагерь, и, наконец, что было самым главным, потому, что срок заключения в концлагере всецело зависел от усмотрения администрации лагеря.

Обвинение, далее, заявило, что Шпеер продолжал использовать заключенных концлагерей в промышленности после того, как он посетил лагерь Маутхаузен и ознакомился с существовавшим там положением. То, что это было не так, показало заявление подсудимого по этому пункту. Речь здесь идет об очень кратком посещении, целью которого было лишь дать указание

администрации лагеря о прекращении начатых ею, вопреки запрещению, работ, служивших чисто местным целям, и предоставить рабочую силу в распоряжение промышленности вооружения.

Поэтому подсудимый Шпеер мог получить только поверхностное впечатление об условиях жизни в концлагере. Свидетели обвинения подробно останавливались на том, что во время такого рода посещений концентрационных лагерей высокопоставленными лицами лагеря показывались им только с самой лучшей стороны и любые признаки жестокостей и т. п. тщательно скрывались с тем, чтобы у посетителей не могло сложиться неблагоприятного впечатления о лагере.

В целях подтверждения своей точки зрения о том, что подсудимый Шпеер содействовал заключению людей в концлагерь, обвинение приводит его выступление на одном из заседаний управления центрального планирования от 30 октября 1942 г. по вопросу о борьбе с саботажниками. Однако за этим заявлением ничего не последовало, и только в ноябре 1943 года Заукель издал приказ против саботажников¹. На основании этого распоряжения мог произойти перевод в исправительные лагеря для рабочих на срок в 56 дней. Только в особо тяжелых случаях нарушения рабочими своих трудовых обязанностей это распоряжение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы предусматривало перевод в концентрационный лагерь.

Господа судьи, статья 6 Устава в числе других наказуемых действий предусматривает ведение агрессивной войны. Я не должен здесь говорить о том, что такое агрессивная война и как она определяется. Здесь надо лишь уточнить, что такое ведение агрессивной войны. Я в данном случае придерживаюсь мнения, что агрессивную войну может вести только тот, кто облечен властью верховного командования. Все остальные участники подчиняются его руководству независимо от того, велико ли их участие в войне или нет. Поэтому подсудимого Шпеера нельзя обвинять в «ведении агрессивной войны». В его действиях нет такого состава преступления.

С июня 1944 года подсудимый Шпеер исчерпывающе информировал Гитлера о положении в его промышленности и неоднократно настойчиво указывал ему на то, что при дальнейшем упадке производства война будет проиграна. Это подтверждают представленные Трибуналу докладные записки Шпеера Гитлеру.

¹ Саботажниками гитлеровцы считали даже тех, кто в изнеможении от непосильного труда или из-за болезни не мог выходить на работу. — Составители.

Суду были предъявлены чрезвычайно красноречивые приказы Гитлера и Бормана о разрушениях и об эвакуации войск, которые были изданы ими на следующий день после совещания со Шпеером 18 марта 1945 г.

Шпеер уже с середины марта 1944 года принял решение делать все, чтобы ввиду неизбежного проигрыша войны сохранить для немецкого народа необходимые жизненные условия, что подтвердил свидетель Роланд.

Господа судьи! Подсудимый вступил на пост министра в возрасте 36 лет, он слишком поздно понял, что Гитлер думает не о своем народе, а только о себе самом.

РЕЧЬ ЛЮДИНГХАУЗЕНА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО КОНСТАНТИНА ФОН НЕЙРАТА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 23 и 24 июля 1946 г.]

Достопочтенный лорд, господа судьи! Уже в середине прошлого столетия сгремления людей, стоявших на высоком моральном и этическом уровне, были направлены на то, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить или устранить ужасы войны. Создание Красного Креста в Женеве было первым очевидным и многообещающим успехом этих стремлений. Данный процесс был обусловлен и продиктован не только стремлением ограничить методы ведения войны и свободу применения военных средств и действий, но также и стремлением найти средства и пути к тому, чтобы изъять войну вообще как средство политики из сферы взаимоотношений между народами. Кроме того, процесс преследует еще высокую цель создания такого международного права в жизни народов и сотрудничества государств, которому подчинились бы все народы и государства, если они хотят считаться цивилизованными государствами, связанными обязательствами, как связывает каждого отдельного гражданина государства изданный этим государством закон, регулирующий совместную жизнь граждан данного государства. И хотя вы, господа судьи, как и весь мир, поймете, как несказанно тяжело нам, немцам, сознавать, что именно та война, которую вели наше Германское государство и наш германский народ, вызвала эту попытку создания такого международного права; мой подзащитный подсудимый барон фон Нейрат и я можем лишь приветствовать лежащую в основе данного процесса попытку.

Впервые в истории человечества должна быть претворена в жизнь мысль о том, что государственные деятели того или иного народа должны нести ответственность и наказание за вызванные ими агрессивные войны и за использование во время этих войн бесчеловечных и жестоких средств. Эта мысль, которую Высокий Суд должен претворить в действительность, как

правовой принцип представляет собой что-то совершенно новое в истории международного права. Но если нынешний процесс вместе с Уставом, положенным в его основу, действительно вызван волей и решимостью заставить нести личную ответственность государственных деятелей тех народов, которые вызвали эту войну, и изъять тем самым войну с ее ужасами вообще из сферы международного общения государств, то тогда это будет приветствоваться всеми сторонниками мира в соответствии с их искренними стремлениями.

Вы, господа судьи, в этом я убежден, должны будете констатировать, что мой подзащитный с первого до последнего дня своей официальной деятельности на посту имперского министра иностранных дел и на посту имперского протектора был преисполнен лишь одним желанием и все его поступки диктовались единственным стремлением — избежать войны и всех связанных с ней ужасов и поддержать мир. Он ушел в отставку лишь тогда, когда убедился, что все его старания были напрасны, что воля и решимость верховного правителя государства, то есть Гитлера, были сильнее, чем он. Поэтому самый факт его принадлежности к правительству до этого момента нельзя рассматривать как согласие — я уже не говорю о содействии и соучастии в планировании, подготовке и ведении войн — и возлагать на него ответственность за войну и тем более за совершенные за время этой войны ужасы и злодеяния.

Тем самым, господа судьи, на Ваши плечи возложена неслыханная ответственность — такая ответственность, какой не знал еще ни один суд в мире. Вы должны... заложить фундамент храма мира для всех народов земного шара. Вы должны построить фундамент для достижения грезившегося ему идеала вечного мира. Будущие поколения должны будут продолжать строительство на основании Вашего приговора. Вы должны указать направление, по которому те, кто будут жить после нас, будут стремиться к осуществлению этой высокой цели. Ваша задача не в том, чтобы создать прецедент, не в том, чтобы на основании данных этого дела наказать виновных, — Вы должны создать принципиальные положения нового международного права, которое будет господствовать в будущем. Уже это одно, то есть эта поставленная перед Вами задача, определяет собою значение данного Трибунала, его смысл и высокую этическую сущность, перед чем мы все преклоняемся. Однако одновременно это означает, что приговор, который Вы должны здесь вынести подсудимым, не является обычным приговором над отдельными подсудимыми и их действиями, а представляет собой новый закон, на основании которого все позднейшие суды будут творить правосудие и выносить свои приговоры...

Утверждение обвинения, что подсудимый фон Нейрат своим вступлением в кабинет Гитлера и пребыванием в правительстве действовал на консервативные круги Германии, как действует пятая колонна с ясной целью привлечь их на сторону национал-социализма, обвинение даже и не пыталось подкрепить какими-либо доказательствами. Между тем оно опровергается показаниями свидетелей и другими доказательствами, из которых видно, что отставка подсудимого с поста министра иностранных дел именно этими кругами была воспринята с большим огорчением и беспокойством, так как в уходе фон Нейрата из правительства они видели признак того, что отныне его последовательная политика мира будет заменена другой, направленной на подготовку войны внешней политикой, которую с полным правом расценивали как национальное бедствие.

...Нейрат не отказался, как это сделал министр Эльц фон Рубенах, от назначения почетным группенфюрером СС в сентябре 1937 года, а также от золотого партийного значка, который был вручен ему Гитлером на заседании комитета 30 января 1937 г., в чем обвинение усматривает доказательство его мнимого национал-социалистского мировоззрения. Как доказывают показания подсудимого Геринга, такой отказ со стороны подсудимого фон Нейрата, так же как и со стороны Эльца фон Рубенаха, был бы воспринят Гитлером как оскорбление, и на него Гитлер ответил бы немедленным увольнением подсудимого в отставку. Этого подсудимый как раз не хотел.

Нейрат никогда не приносил присягу, которая являлась условием вступления в СС, никогда не осуществлял никакой деятельности в СС и за всю свою жизнь лишь два раза одел форму СС ввиду настойчивого желания Гитлера.

Награждение подсудимого орденом Орла, как и подсудимого фон Риббентропа, имело место не за достигнутые ими лично успехи, а скорее связано было с положением имперского министра иностранных дел или имперского протектора как такового, чтобы придать этому ордену, который был предназначен только для награждения иностранцев, особое значение в глазах иностранных государств, что явствует уже из того, что подсудимый при своем уходе в отставку должен был его вернуть...

Подсудимый испытал величайшее, может быть, самое тяжелое разочарование за время его служебной деятельности, когда он 5 ноября 1937 г. из речи Гитлера понял, что все его стремления, борьба, все его личные жертвы последних пяти лет были бесполезны, что его влияние на Гитлера окончилось и что Гитлер решил отказаться от него...

Если считать, что подсудимый как ответственный руководитель германской внешней политики и нарушил международные договоры, то следует указать на то, что согласно точному тексту Устава нарушение международных договоров само по себе не является наказуемым деянием, а становится таковым лишь в том случае, если оно служит подготовке агрессивных войн.

Вскоре после прихода к власти Гитлера 30 января 1933 г. по причинам, освещению которых здесь завело бы слишком далеко, за границей, и не только во Франции и у ее союзников, но и в Англии, создалось впечатление, что эта так называемая «Немецкая революция» представляет опасность для Европы.

Однако совершенно ясно, что Германия в эту весну 1933 года не была в состоянии вести войну. Было бы верхом безумия и самоуничтожением вести войну с хорошо вооруженной современной оружием многомиллионной армией Франции и ее союзников, имея маленькую армию в сто тысяч солдат, не располагающую вообще наступательным оружием, не имеющую танков, тяжелой артиллерии и военных самолетов. Следовательно, страх перед предстоящим военным нападением со стороны Германии, даже и с точки зрения западных держав, ни при каких условиях не мог явиться причиной отказа их от разоружения. Единственной возможной причиной могло быть вообще отношение западных держав к вопросу о разоружении, то есть могло быть их желание вообще не начинать разоружения...

Заметная разрядка наступила лишь после того, как Гитлер в своей речи в рейхстаге 17 мая 1933 г. еще раз заявил миру о своем желании и о желании всего немецкого народа сохранить мир. Эта речь привела также к окончанию изоляции Германии и к объединению четырех великих держав — Англии, Франции, Италии и Германии так называемым пактом четырех.

На международной конференции по экономическим вопросам, которая открылась 12 июня 1933 г. в Лондоне, австрийский канцлер Дольфус обратил внимание держав на якобы возникшую угрозу для самостоятельности Австрии со стороны Германии. Он обвинил Германию в том, что она оказывает поддержку австрийским национал-социалистам в их борьбе против его правительства.

Таким образом, он ставил австрийский вопрос в центр внимания всей европейской политики и призывал державы защитить независимость Австрии, которую называл одним из краеугольных камней во всем сооружении европейского соотношения сил, потому что ей якобы угрожала Германия.

Таким образом, он опять обострял то настроение, которое лишь незадолго до этого установилось.

...Интересным в предшествовавших переговорах был и должен быть отмечен тот факт, что произошли изменения в отношениях между Францией и Россией. Развитие этих отношений в дальнейшем стало решающим не только для внешней политики Германии, но и для всей политики в Европе в последующие годы... Каково было значение этого факта, показывают события, происшедшие год спустя... переговоры о проекте так называемого восточного пакта в течение лета 1934 года, уход Германии с конференции по разоружению и выход из Лиги Наций вызваны были позицией западных держав, заключивших ряд соглашений и пактов о взаимопомощи.

Эта союзная система имела отчаянное сходство с той, которой Германия уже противостояла однажды в 1914 году. И как раз это невольное сравнение должно было привести каждого государственного деятеля Германии к убеждению, что все эти союзы были направлены исключительно против Германии и, во всяком случае, означали угрозу для нее...

Германия начала создавать военно-воздушный флот и восстанавливать на основе всеобщей воинской повинности армию, составившую в мирное время 36 дивизий.

Западные державы восприняли этот шаг Германии по-разному. Англия и Италия немедленно объявили протест против такой якобы односторонней отмены международных договоров, но они не обрывали нитей, которые могли бы привести к дальнейшим переговорам.

Английская нота протеста содержала ясный вопрос: согласно ли германское правительство вести дальнейшие переговоры в том плане, как это предусмотрено лондонским коммюнике, вопрос, на который подсудимый фон Нейрат тотчас же ответил утвердительно, изложив его в коммюнике Германии от 18 марта 1935 г.

В конце марта 1935 года в Берлин прибыл министр иностранных дел Англии Иден для ведения переговоров о существовавших возможностях относительно подписания соглашения по морским вопросам.

Франция сочла необходимым 20 марта 1935 г. поставить на обсуждение Лиги Наций вопрос о поведении немцев, потребовав от нее решения, констатировавшего нарушение Германией взятых ею на себя обязательств, выполнять которые должны все нации.

Само собой понятно, что германское правительство в своей ноте от 20 апреля 1935 г. не согласилось с такой резолюцией Лиги Наций, заключающей в себе новую дискриминацию.

18 июня 1935 г. между Англией и Германией было заключено известное морское соглашение, которым устанавливалось твердое соотношение сил обоих флотов.

Это германо-английское соглашение имело большое значение. С политической точки зрения оно означало фактическое признание Англией военного суверенитета Германии, отказ от резолюции Лиги Наций, следовательно, от мнения, представлявшего французами, и одобрение, санкционирование Англией шага Германии, заклеянного Лигой Наций как нарушение договоров...

После ратификации Францией договора с русскими о взаимопомощи 7 марта 1936 г. немецкие войска снова заняли свои старые гарнизоны в демилитаризованной зоне Рейнской области. Немецкая империя восстановила полный суверенитет на всей своей территории.

Я думаю, господа судьи, что своей речью я в достаточной степени доказал, что действия, которые инкриминируются обвинением подсудимому, — нарушение договора, восстановление военного суверенитета империи и милитаризация Рейнской области — не носили агрессивного характера или характера подготовки к войне. Нет необходимости еще раз подчеркивать, что отсутствует какое-либо основание квалифицировать эти действия как подготовку Германии к будущей агрессивной войне...

Когда после речи Гитлера, произнесенной им 5 ноября 1937 г., и последующей беседы с ним относительно этой речи, состоявшейся в январе 1938 года, фон Нейрат убедился в том, что его влияние на Гитлера исчезло, что Гитлер не остановится перед насильственными военными мероприятиями, он сразу сделал должный вывод, подав прошение об уходе в отставку, которое и было удовлетворено.

Но это не исключало для подсудимого возможности снова предоставить себя в распоряжение Гитлера. В силу всей его позиции становится совершенно понятным, что, когда 11 марта 1938 г. Гитлер вызвал его к себе для того, чтобы сообщить ему о вступлении германских войск в Австрию, и в связи с отсутствием имперского министра иностранных дел фон Риббентропа, находившегося в тот момент в Лондоне, спросить его совета и попросить его составить ответ на протест английского посла, фон Нейрат согласился. Обвинение ставит подсудимому в вину то, что содержание этого ответа фактически было неправильным. В связи с этим мне придется указать на следующее: в этом письме подсудимый передал лишь то, что рассказал ему лично Гитлер...

У него не было никакого основания сомневаться в правильности сделанного Гитлером описания предшествующих событий, тем более что это было в присутствии Геринга и последний не возражал...

Точно так же ему не может быть предъявлено никакого обвинения за заявление, сделанное им некоторое время спустя чехословацкому доктору Мастны. Мастны воспринял заявление фон Нейрата о том, что Гитлер не намеревается нападать на Чехословакию и считает себя теперь, так же как и раньше, связанным договором об арбитраже, не как заявление, сделанное на все будущее время, а лишь на самое ближайшее время, а именно на время до окончания операции в Австрии.

После показаний Геринга и показаний других свидетелей, совпадающих друг с другом, я считаю излишним более пространно описывать отдельные подробности о созыве Мюнхенской конференции в конце сентября 1938 года. Доказанным фактом является то, что своим созывом и своим успехом, то есть тому, что было достигнуто соглашение по судетскому вопросу с Англией и Францией, конференция в значительной степени обязана инициативе и содействию подсудимого. Он мог повлиять на ход событий благодаря одному обстоятельству, которое обвинение, совершенно превратно истолковывая вещи, вменяет ему в вину, а именно благодаря тому обстоятельству, что он после его ухода с поста министра иностранных дел был назначен председателем созданного в то время Гитлером тайного совета министров. Если бы он не занимал этого поста, ему не удалось бы получить аудиенции у Гитлера в сентябре 1938 года и добиться от него согласия на созыв мюнхенской конференции.

Когда Гитлер несколько дней спустя после оккупации Чехословакии вызвал фон Нейрата в Вену и сообщил ему, что он избрал его на пост имперского протектора Богемии и Моравии, мой подзащитный в силу вышеуказанного сознания своей ответственности счел себя обязанным принять это назначение. Он с полным правом мог и должен был сказать себе, что если он откажется от этого назначения, то весьма вероятно, что из окружения Гитлера будет назначен на пост имперского протектора другой человек, который не будет подходить для этой миссии.

По поводу предпринятой обвинением попытки показать путем предъявления фотокопии письма подсудимого, адресованного начальнику имперской канцелярии Ламмерсу, от 31 августа 1940 г. (документ ПС-3853) и якобы существующих к нему приложений, я хотел бы заявить следующее: оба отчета, приложенные к письму на имя Ламмерса, в действительности не соответствуют намерениям и тенденциям подсудимого по вопросу о германизации чешского народа. Эти фотокопии, как с уверенностью заявляет подсудимый, не только не соответствуют по содержанию, форме и по величине подлинным приложениям, представ-

ленным ему на подпись и одобренным им самим с тем, чтобы присоединить их к письму на имя Ламмерса, но они вызывают и более чем обоснованное сомнение относительно того, действительно ли идентичны эти фотокопии подшитым к письму Ламмерса приложениям...

С самого начала имперскому протектору не только не была передана полная власть в протекторате, ему, не говоря уже о его подчинении Гитлеру, не только никогда не было предоставлено авторитетное и главенствующее положение, но даже и его собственные полномочия и сфера компетенции не были достаточно ясно определены. Правда, в указе Гитлера от 16 марта 1939 г. о создании протектората и в дополняющем его постановлении от 22 марта 1939 г. устанавливается, что имперский протектор подчиняется фюреру и рейхсканцлеру и является единственным представителем последнего, а также и имперского правительства и должен получать свои указания от фюрера и рейхсканцлера. Однако в то же время с самого начала из его компетенции были изъяты не только такие определенные административные сферы, как: вооруженные силы, транспорт, почтовая и телеграфная связь, но и имперскому правительству и имперским органам было дано право подчинять своей власти независимо от имперского протектората административные органы, входившие в сферу компетенции имперского протектора, и в случае необходимости создавать так называемые собственно имперские органы, которые не подлежали бы компетенции имперского протектора. Империи было также предоставлено право принимать меры, необходимые для обеспечения безопасности и порядка в протекторате, через голову имперского протектора.

Ни в коем случае нельзя возложить на него ответственность за распоряжения, мероприятия и действия, если они исходили не от него и проводились не по его приказу, а осуществлялись другими учреждениями и инстанциями, не входящими в сферу его компетенции и не подчиненными ему.

На основании статьи 5 указа от 16 марта 1939 г. о назначении Нейрата протектором обвинение делает вывод о том, что он в качестве имперского протектора должен нести ответственность решительно за все, что происходило в протекторате за время его деятельности, то есть с 17 марта 1939 г. по 27 сентября 1941 г. Такой вывод при учете фактического распределения сфер компетенции в протекторате является объективно неправильным и ошибочным.

Приказ от 1 сентября 1939 г. о структуре управления протектората и о германской полиции безопасности был издан без предварительного уведомления подсудимого советом министров по обороне империи. Хотя согласно этому приказу все немецкие

административные власти и их чиновники в протекторате и были подчинены имперскому протектору, однако это подчинение носило чисто формальный характер, то есть это не было подчинением по деловой линии.

Карл Франк, назначенный в протекторат начальником СС и полиции, одновременно получил и пост его статс-секретаря и в качестве такового был подчинен ему. Из этого подсудимый мог сделать вывод о желании Гитлера централизовать руководство полицией хотя и не в руках подсудимого, но, по крайней мере, в его учреждении, а именно в руках его статс-секретаря. На практике же отношения сложились совершенно иначе, так как статс-секретарь Франк совершенно не думал о том, чтобы как-нибудь приобщить к деятельности полиции начальника своего ведомства, подсудимого, признавая только компетенцию и руководство Гимmlера или начальника главного имперского управления безопасности.

Естественно, что вследствие такого разделения сфер влияния и в результате различного отношения Франка и фон Нейрата к чешскому народу должны были сразу выявиться противоречия и резкие разногласия между ними, ибо Франк, будучи судетским немцем и одним из их руководителей, был охвачен ненавистью и жадной мести ко всему, что было чешским.

Из всего вышеизложенного явствует, что подсудимый фон Нейрат не мог быть также ответственным и за произведенные аресты во время оккупации чешской территории, а также и за то, что 8 тысяч видных чешских деятелей были в начале войны арестованы в качестве заложников и за то, что они были заключены в концлагерь или казнены. Эти аресты согласно показаниям подсудимого, с которыми совпадают показания Франка, были произведены по прямому приказу из Берлина...

Наконец, я считаю, что представленными доказательствами неоспоримо установлено, что подсудимый не ответствен за приказ о расстреле 9 студентов и за арест 12 сотен студентов в ночь с 16 на 17 ноября 1939 г. Эти мероприятия, фактически являющиеся актами террора, были проведены по личному приказу Гитлера без ведома подсудимого и в его отсутствие. Выполнены они были по прямому указанию Франка, а объявление от 17 ноября 1939 г. за подписью Нейрата, в котором доводилось до сведения населения об этом мероприятии, не было ни издано, ни подписано им, его именем просто злоупотребили.

Подсудимый не несет ни малейшей ответственности за такие отвратительные акты.

Приказ об этом точно так же, как и приказ о закрытии высших школ, был издан Гитлером в Берлине и передан непосредственно Франку.

Утверждения, содержащиеся в докладе Чешского правительства и в свидетельских показаниях, положенных в основу этого доклада о том, что Нейрат приказал в середине ноября 1939 года закрыть высшие учебные заведения, являются неправильными. Закрытие высших учебных заведений произошло по категорическому приказу Гитлера...

Наконец, что касается того, что обвинение вменяет подсудимому в вину проводившиеся якобы им мероприятия против евреев, то и в данном случае утверждение обвинения не соответствует действительности, так как из всех 20 постановлений, представленных суду, только 4 были подписаны подсудимым, 6 — были изданы непосредственно имперским министерством, 10 — издали статс-секретарь Франк или непосредственно подчинявшийся ему доктор фон Бургсдорф.

Издание первого постановления от 21 июня 1939 г., подписанного самим Нейратом, представляет собою не что иное, как введение инструкций, действовавших в империи, относительно того, как распоряжаться еврейским имуществом в протекторате, включенном с 16 марта 1939 г. в состав Германской империи.

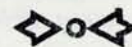
Встает вопрос: совершил ли подсудимый, приняв на себя пост имперского протектора и оставаясь на нем, несмотря на развязанную Гитлером войну, начавшуюся через несколько месяцев после его назначения, преступление, являющееся наказуемым согласно Уставу и выразившееся в поддержке или помощи Гитлеру и его сообщникам при совершении ими преступлений. Обвинение отвечает на этот вопрос утвердительно...

Я спрашиваю, не является ли, по крайней мере, более моральным и нравственным посвятить себя цели, которая состояла в том, чтобы активно бороться, пусть в ограниченной сфере, против режима, не признаваемого им из-за его порочности и аморальности, препятствовать применению методов этой системы, спасая тем самым невинных людей от нужды и смерти, даже если эта деятельность будет внешне выглядеть как сотрудничество, чем, испытывая личное отвращение, с неприязнью отойти в сторону и пассивно наблюдать за тем, как этот режим без всяких препятствий свирепствует над людьми?

Господа судьи, я полагаю, что я в своей речи продемонстрировал и доказал, что ни одно из действий, инкриминированных моему подзащитному, не является преступным в соответствии с положениями Устава и что ни одно из этих действий подсудимого не было преднамеренно направлено на совершение пре-

ступлений, предусмотренных Уставом, что, таким образом, ни объективно, ни субъективно нельзя усмотреть в его поступках наказуемых действий, которые Устав квалифицирует как преступления, достойные наказания, будь то преступления, выражающиеся в планировании, подготовке или ведении агрессивных войн, будь то военные преступления или преступления против человечности...

Я передаю теперь с доверием судьбу моего подзащитного, барона фон Нейрата, в Ваши руки.

РЕЧЬ ФРИЦА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ГАНСА ФРИЧЕ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 24 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! По делу Фриче результат представления доказательств сравнительно ясен.

Прежде всего я должен осветить, какое место занимал Фриче в министерстве пропаганды и какую роль вообще он играл в немецкой пропаганде.

Фриче, занимая должность министра-директора и руководителя отдела «радио» в министерстве пропаганды, был лишь одним из 12 чиновников, которые имели одинаковый ранг. Уже только одно это обстоятельство с самого начала исключает предположение о том, что Фриче мог давать директивы в области политики, директивы в области передачи информации и основные установки о том, должны или не должны были узнать Германия и весь мир о том или ином событии.

Политику в области печати направлял имперский руководитель прессы — доктор Дитрих. Руководителем отдела радиовещания, как уже здесь говорилось, Фриче стал лишь в ноябре 1942 года (не получив при этом повышения по службе), и в этой области он также не создал ничего нового. Руководство немецкой прессой и немецким радио никогда не выпускали из своих рук ни Геббельс, ни Дитрих. Подробности относительно этого изложены в показаниях свидетеля Ширмейстера, на которые я и ссылаюсь.

Обвинение неоднократно пыталось связать работу Фриче в ее различных стадиях с так называемой группой заговорщиков и сделало на основе этого далеко идущие выводы о том, что Фриче также ответствен за военные преступления, за преступления против человечности и даже за преступления против мира. Эти попытки даже в изложении самого обвинения недостаточно подтверждены фактами...

Фриче не присутствовал ни на одном из заседаний, на которых Гитлер совместно со своими самыми близкими сотрудниками или более широким кругом лиц обсуждал какие-либо

планы или мероприятия. И вообще он не принимал участия в каких-либо совещаниях, которые могли бы способствовать вовлечению всего мира в кровавую агрессивную войну. Он не был «старым борцом»; позднее он не получил «золотого партийного значка». Он не был членом ни одной из трех организаций, вопрос о признании преступными которых должен здесь решиться, и это я должен особенно подчеркнуть... Фриче не принадлежал даже и к тесному окружению Геббельса.

Я думаю, что обвинение против Фриче было выдвинуто не на основании его служебного положения. Я полагаю, что это объясняется исключительно его речами по радио, которые сделали его и его имя, и то только во время войны, известными в Германии, а может быть, и еще в какой-либо другой стране.

Как в действительности согласно представленным доказательствам освещала пропаганда, проводившаяся Фриче, отдельные военные агрессивные действия? Что было Фриче известно о закулисной стороне этих сообщений?

При оккупации Богемии и Моравии ему лишь незадолго до решающего шага, предпринятого 15 марта 1939 г., были даны руководителем имперской прессы соответствующие указания. Эти указания, как и во всех других случаях, состояли из так называемых «ежедневных лозунгов», которые вырабатывались на пресс-конференциях.

Неясно, почему Фриче в большей степени причастен к вступлению германских войск в Чехословакию, чем любой другой чиновник или офицер. Насколько Фриче было мало известно о тогдашних тайных намерениях Гитлера, выяснившихся здесь на процессе, настолько же он мало знал о «Зеленом плане». Как руководитель внутригерманской прессы, он не мог влиять на пропагандистские приемы, которые должны были быть использованы в самой Чехословакии.

То же самое относится и к польской кампании. И здесь Фриче не способствовал с помощью слова военному конфликту и не передавал намеренно сведений, которые могли бы поддерживать милитаристские цели. Именно в своей речи по радио от 29 августа 1939 г., которая была ему предъявлена во время перекрестного допроса, он определенно подчеркивал, что не может быть никакого сомнения в миролюбивых стремлениях Германии. Эта речь и многие другие особенно доказывают добрые намерения Фриче. Он выражал в них как разочарование германского народа, так и свое собственное разочарование по поводу того, что воля к миру, которую Гитлер неоднократно рекламировал, оказалась фикцией и даже хитростью.

Роль печати перед неожиданным нападением на Советский Союз была выяснена на этом процессе особенно тщательно. Уже хотя бы из-за стратегических соображений весь пропаган-

дистский аппарат, а вместе с ним и Фриче как руководитель отдела печати внутри страны, не должен был ничего знать заранее. Именно эта кампания искусно скрывалась Геббельсом, он выдавал подготовку к этой кампании за подготовку к вторжению немецких войск в Англию. Своих ближайших сотрудников Геббельс тогда сам сознательно направлял по ложному пути, как это видно из показаний свидетеля Ширмейстера.

Показание Фриче о том, что он ничего не знал о секретных приготовлениях к созданию так называемого министерства по делам восточных областей, не было опровергнуто здесь так называемым докладом Розенберга, который был предъявлен ему во время перекрестного допроса.

Следует ли рассматривать участие в агрессивной войне после того, как эта агрессивная война началась, как участие в преступлении против мира и должно ли такое участие караться?

Ведущими агрессивную войну можно считать тех лиц, которые сами планировали эту войну. Именно они осуществляют свой единый план, начиная войну без предварительного объявления или с предварительным объявлением ее.

Упомянутое выше понятие «ведение войны» следует рассматривать как «развязывание войны». Обвинять в преступлении против мира можно только тех, кто планировал это преступление.

Международное право уже многие годы различает такие два понятия, как «военные преступления» в узком смысле этого слова и «преступления против мира» в широком смысле этого слова. Военные преступления — это нарушения установленных в договорах или иным образом установленных правил ведения войны, нарушения обычаев войны и нарушения принципов человечности. Преступления против мира заключаются в преступном развязывании войны и в особенности неоправданной агрессивной войны.

Из этих рассуждений следует, что деятельность, способствующая войне, уже во время самой войны не может считаться наказуемым действием; это же относится и к речам Фриче, произнесенным по радио.

Совершенно не доказано, что Фриче одобрял те нарушения международного права, которые уже имели место или которые намечались, как, например, так называемый приказ о комиссарах или линчевание летчиков противника, самолеты которых были сбиты, или что Фриче даже уделял им место в пропаганде.

Фриче не может нести ответственности за то, какую роль действительно играл большой аппарат всей пропаганды третьей империи в планах и в руках маленького круга во все посвященных людей, роль, которую только теперь можно оценить. Если при этом какой-то частью людей, с которыми сотрудничал

Фриче, злоупотребили, то и Фриче был жертвой этого злоупотребления. Предположение, что Фриче был ближайшим соучастником, правой рукой Геббельса, даже его заместителем, предположение, на котором, вероятно, строится много пунктов обвинения, выдвинутого против Фриче, опровергнуто уже установленными здесь фактами. Утверждение, что Фриче несет ответственность, равную или подобную ответственности Геббельса, оказалось несправедливым уже в ходе процесса.

Был ли Фриче лжецом, причем даже подлым лжецом? То, что Геббельс был им, — ясно из данных этого процесса. Неправильно полагают, что Фриче был его правой рукой, и при этом переносят качества Геббельса на Фриче. Это предположение, безусловно, не верно. Я убежден в том, что, если бы Геббельс не умер, он не ушел бы от ответственности, мы не видели бы здесь Фриче в качестве представителя министерства пропаганды на скамье подсудимых. Было преступлением — даже большим преступлением, — что Фриче продолжал служить этой системе. Решающим, однако, при этом является то, мог ли он установить больше, чем простые недостатки. Ложь ведь была заложена уже в самом фундаменте. Следовательно, лживым должно было быть все, что на нем строилось. Не только министерство, все в Германии было отравлено ложью.

Пусть Фриче раньше, чем другие, понял, что он сослужил службу плохому делу, или пусть он не отвернулся от государственного руководства только потому, что он хотел выпить вместе с немецким народом чашу до дна, виновным в смысле предъявленных ему перед этим Высоким Трибуналом обвинений он не является.

РЕЧЬ БЕРГОЛЬДА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО МАРТИНА БОРМАНА

[*Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 22 июля 1946 г.*]

Господин председатель, господа высокие судьи! Дело подсудимого Мартина Бормана, защита которого была поручена Высоким Судом мне, является необычным делом. Подсудимый жил в тени, когда национал-социалистская империя еще блистала, он остался в тени на этом процессе и пребывает, по всей вероятности, в царстве теней, как говорили про мертвых в античном мире. Он является единственным подсудимым, который не присутствует здесь и в отношении которого дело на основании статьи 12 Устава рассматривается заочно.

Высокий Суд должен очень тщательно проверить, следует ли при теперешнем положении процесса пользоваться представленным суду статьей 12 Устава правом рассматривать дело в отношении отсутствующего.

По моему мнению, рассмотрение дела можно продолжать, если соответствующим образом, основываясь на прекрасных и ясных принципах русского права, будет доказано, во-первых, что подсудимый Мартин Борман преднамеренно и сознательно уклоняется от явки в суд, во-вторых, если обстоятельства дела не будут вызывать никаких сомнений.

Ответственность Высокого Суда вследствие того, что приговор является окончательным, в этом случае очень велика. Мое мнение о том, что приговор является окончательным, подтверждается тем, что в официальной публикации о вызове подсудимого Бормана в суд в последнем предложении ясно указывается, что в том случае, если подсудимый будет признан виновным, приговор будет немедленно приведен в исполнение, как только Борман будет обнаружен и задержан.

По моему мнению, вовсе не доказано, что подсудимый уклоняется от явки на процесс. Допросом свидетеля Кемпке, по-моему, с большой вероятностью установлено, что подсудимого Бормана нет в живых.

Свидетель Кемпке показал, что в ночь с 1 на 2 мая 1945 г. он вместе со статс-секретарем Науманом, подсудимым Борманом, штандартенфюрером Штумпфэккером, выбравшись из подземелья имперской канцелярии, пытался бежать, следуя с левой стороны за прорывавшимся через русские боевые порядки танком. При этом подсудимый Борман шел совсем близко от танка около его середины, так что у свидетелей создалось впечатление, что Борман одной рукой держался за танк. Свидетелю показалось, что он делал это для того, чтобы не отставать от движущегося танка. Этот танк, миновав немецкие противотанковые заграждения и пройдя 30—40 метров, очевидно, взлетел на воздух, в результате попадания «панцерфауста».

Свидетель совершенно ясно видел, что именно там, где Борман шел около танка, во время взрыва из самого танка вырвалось пламя, и охваченные этим пламенем Борман, а также идущий впереди него статс-секретарь Науман упали на землю.

Свидетель уверен в том, что Борман при этих условиях, несомненно, должен был быть убит. На основании того факта, что силой этого взрыва не был убит свидетель, нельзя делать вывод о том, что и Борман остался в живых. Кемпке показал, что Борман был одет в форму и носил знаки различия — обергруппенфюрера СС. Даже если бы Борман и не был убит этим взрывом, он был бы, очевидно, так тяжело ранен, что не мог бы продолжать бегство. Он в таком случае неминуемо попал бы в руки советских частей, которые, по показанию свидетельницы Крюгер, были уже совсем близко от имперской канцелярии и заняли ее уже 2 мая 1945 г. СССР, само собой разумеется, при той лояльности, какую он проявляет на этом процессе, передал бы Бормана суду Высокого Трибунала.

Имеются только две возможности, по крайней мере, насколько я могу судить: первая из них — что Борман раненый попал в руки Советского Союза, но эта возможность, как доказано, исключается, таким образом, остается вторая возможность, а именно — что Борман погиб.

Итак, я прежде всего считаю, что смерть подсудимого Бормана доказана с достаточной достоверностью, причем эта смерть настолько очевидна, что на этом основании следует вообще навсегда прекратить его дело.

Подсудимый Борман отсутствует. Он не мог лично защищаться против предъявленных ему обвинений. Обвинения, которые многие подсудимые на данном процессе выдвинули против него, возможно, по каким-либо особым причинам и, несомненно, для облегчения своей собственной участи, а также оправдания своих действий, не могут быть положены в основу

приговора без детального рассмотрения. Само обвинение в лице своих представителей неоднократно заявляло, что подсудимые будут стремиться переложить основную вину за действия, которые рассматривает Высокий Суд, на мертвых или отсутствующих. Некоторые из моих коллег во время своих защитительных речей также придерживались этой тактики.

Никто, однако, не знает, что подсудимый Борман ответил бы этим людям, если бы он присутствовал на процессе. Может быть, он смог бы доказать, что вся его деятельность не находилась в причинной связи с действиями, которые рассматривает обвинение, и что он не имел такого влияния, которое ему приписывают как заместителю фюрера по руководству национал-социалистской партией.

Партийная канцелярия, начальником которой был Борман, была центральной канцелярией для политического руководства государством. Через нее направлялись все предложения и вся информация, адресованные Гитлеру низшими инстанциями, а также все распоряжения и директивы Гитлера низшим инстанциям...

Эта деятельность представляет собой такую деятельность, которая должна осуществляться даже при самой худшей тирании, даже при существовании самого ужасного господства произвола, а тем более в таком современном государстве, каким являлась национал-социалистская империя. Кто-то должен препровождать все распоряжения и приказы подчиненным инстанциям. Это — чисто формальная работа.

Нельзя сделать вывод, что лицо, осуществлявшее эту передачу, имело какое-то влияние на издание декретов, приказов и решений. Это возможно, но это не доказано со всей определенностью...

Никто не может на основании этой посреднической деятельности, которая в любом бюро и канцелярии является необходимой, сделать точного вывода относительно размера и истинной природы влияния Бормана. Некоторые документы показывают, что Борман очень часто выступал в роли простого стенографа, который делал необходимые записи во время бесед Гитлера с отдельными подсудимыми. Об этом ясно говорится в документе Л-221 относительно аннексии восточных территорий и в русском документе СССР-172.

Я не хочу, чтобы меня здесь поняли превратно. Я далек от мысли оспаривать тот факт, что Борман в руководстве третьей империи занимал значительную должность. Но на этом процессе не было ясно установлено, какой вес имел Борман в действительности, насколько преувеличивается его значение другими лицами и, наконец, в чем состояло его влияние. Заявления других подсудимых, которые делались ими в целях их соб-

ственной защиты, не представляют собой доводов, имеющих доказательственную силу...

Я не хочу отнимать времени у Высокого Суда обсуждением дальнейших деталей.

Я настойчиво ходатайствую о том, чтобы Высокий Суд либо прекратил дело в отношении Бормана ввиду доказанности его смерти, либо приостановил дело слушанием до тех пор, когда его можно будет допросить лично и когда он лично сможет осуществить свою защиту, то есть отказаться от права, предоставляемого суду статьей 12 Устава Трибунала.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	<i>Стр.</i>
Зал Суда	16
Геринг во время допроса	17
Риббентроп во время допроса	48
Кейтель во время допроса	49
Функ во время допроса	336
Заукель во время допроса	337
Кейтель и Заукель при обсуждении тактики защиты	368
Подготовка адвоката к защите	369
Совещание подсудимого Иодля с адвокатом	816

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От составителей	5

ДОПРОСЫ ПОДСУДИМЫХ

Допрос Геринга	15
Допрос Риббентропа	43
Допрос Кейтеля	104
Допрос Кальтенбруннера	124
Допрос Розенберга	163
Допрос Франка	176
Заявление адвоката Отто Панненбекера об отказе от допроса его подзащитного подсудимого Фрика	185
Допрос Штрейхера	186
Допрос Функа	198
Допрос Шахта	221
Допрос Деница	242
Допрос Редера	253
Допрос Шираха	295
Допрос Заукеля	329
Допрос Иодля	357
Допрос Папена	390
Допрос Зейсс-Инкварта	448
Допрос Шпеера	482
Допрос Нейрата	513
Допрос Фриче	558

РЕЧИ АДВОКАТОВ

Речь Штамера, защитника подсудимого Германа Вильгельма Геринга	577
Речь Зейдля, защитника подсудимого Рудольфа Гесса	601
Речь Хорна, защитника подсудимого Иоахима фон Риббентропа	622
Речь Нельте, защитника подсудимого Вильгельма Кейтеля	649
Речь Кауфмана, защитника подсудимого Эрнста Кальтенбруннера	678
Речь Тома, защитника подсудимого Альфреда Розенберга	690
Речь Зейдля, защитника подсудимого Ганса Франка	703
Речь Панненбекера, защитника подсудимого Вильгельма Фрика	723

	Стр.
Речь Маркса, защитника подсудимого Юлиуса Штрейхера	740
Речь Заутера, защитника подсудимого Вальтера Функа	751
Речь Дикса, защитника подсудимого Гельмара Шахта	763
Речь Кранцбюллера, защитника подсудимого Карла Деница	773
Речь Зимерса, защитника подсудимого Эриха Редера	785
Речь Заутера, защитника подсудимого Бальдура Шираха	796
Речь Серватиуса, защитника подсудимого Фрица Заукеля	805
Речь Экснера, защитника подсудимого Альфреда Иодля	818
Речь Кубушок, защитника подсудимого Франца Папена	830
Речь Штейнбауэра, защитника подсудимого Зейсс-Инкварта	840
Речь Флекснера, защитника подсудимого Альберта Шпеера	852
Речь Людингхаузена, защитника подсудимого Константина фон Нейрата	863
Речь Фрица, защитника подсудимого Ганса Фриче	874
Речь Бергольда, защитника подсудимого Мартина Бормана	878
Перечень иллюстраций	882

Цена 1/2 руб.